

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

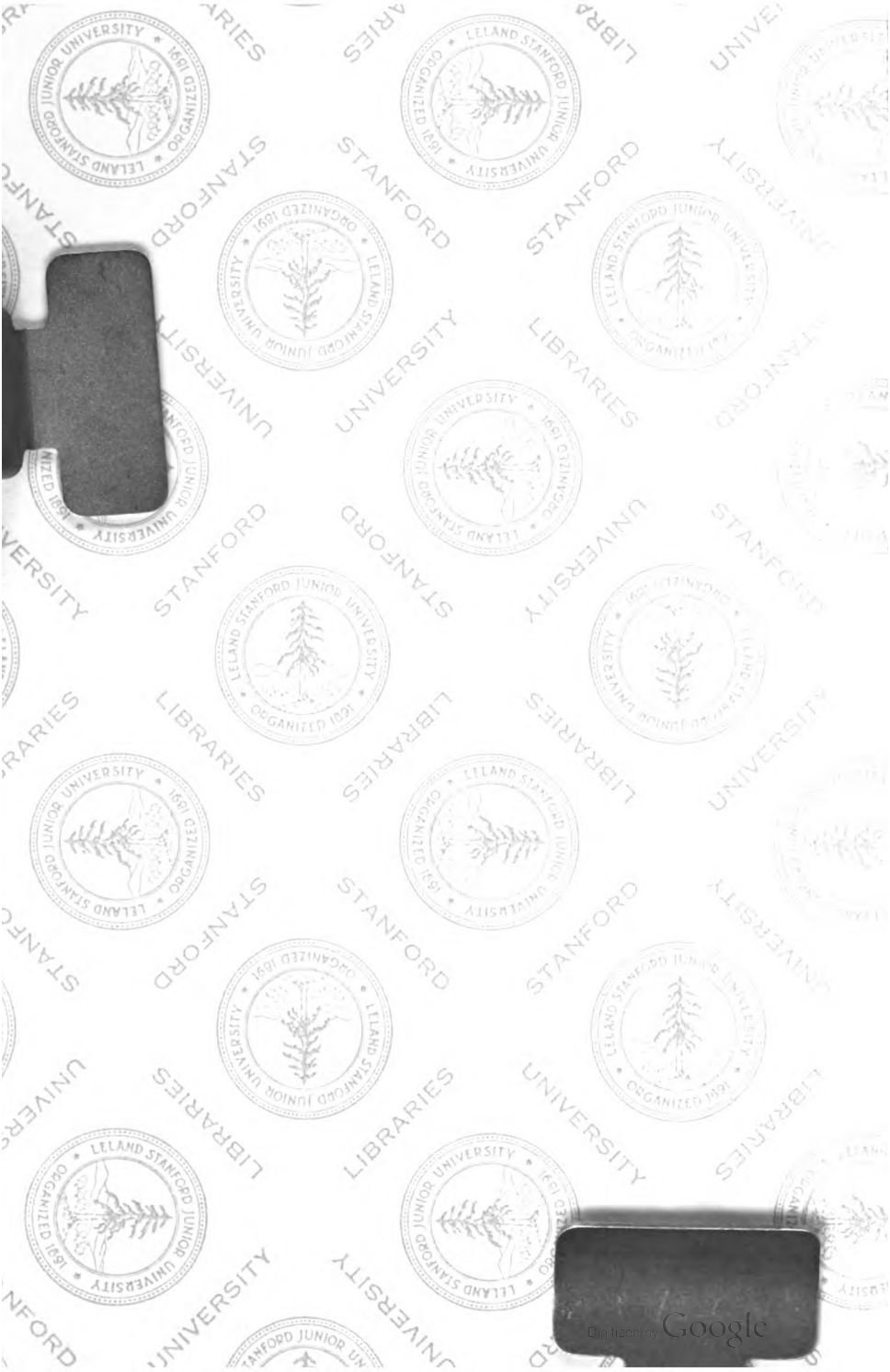
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

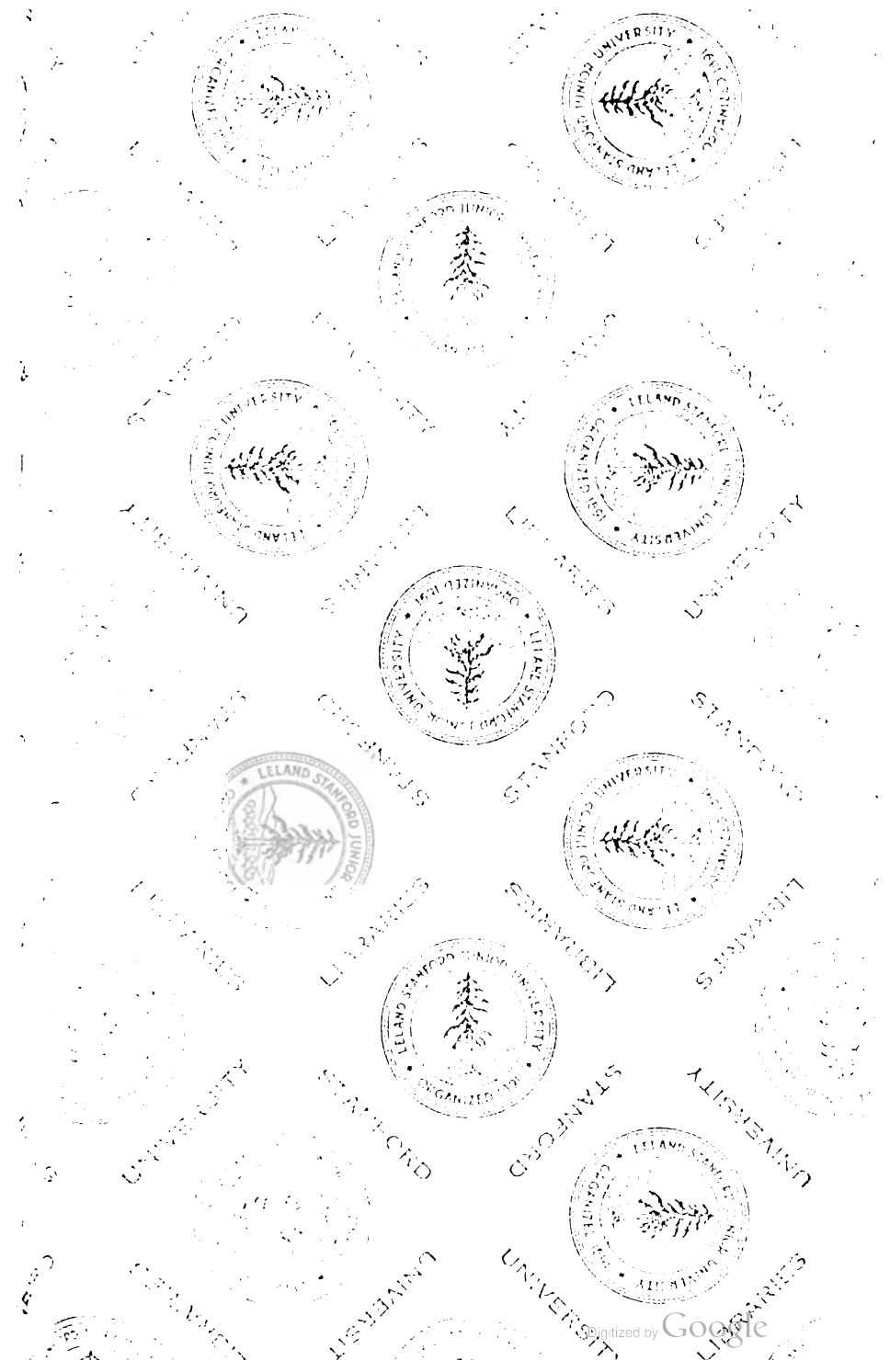
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 6105 210 175 530

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛІТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. Н О Я Б Р Ъ. 1882 годъ.

№ 12
СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.	Стр.
I. Торжество правосудія. (Главы XXXII—XXXIX.) Романъ Д. И. Стахъева.	X. Эмиль Золя. Биографическій очеркъ, съ предисловіемъ П. Д. Боборыкина. 153
II. Михайлъ Дмитріевичъ Скобелевъ. В. И. Модестова. 40	XI. На мотивъ изъ Мюссе. Стихотвореніе О. Ч. 186
III. Къ одному концу. (Повѣсть въ 2-хъ частяхъ). Часть первая. Е. Ближнева. 60	XII. Дипломатія и любовь. (Окончаніе). Романъ Іоганна фонъ-Девалля. 187
IV. Прощаніе. (Изъ Байрона). Стихотвореніе Н. Щедрова. 98	XIII. Современная любовь. Стихотвореніе С. Г. 232
V. Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи. (Продолж.) С. С. Шашкова. 99	XIV. Сцены изъ жизни Гарибальди. 233
VI. * * * Стихотвореніе М. Лачикова. 135	XV. Братья Рамулты. (Продолж.) Современная повѣсть І. Крашевскаго. 259
VII. Пѣсня о Дрѣмъ и Ерѣмъ. Стихотвореніе Л. Н. Трефолева. 136	XVI. Памяти прошлаго. Стихотвореніе С. Горенко. 270
VIII. Владычный обзоръ. (Изъ воспоминаній недавняго прошлаго.) О. Правда. 137	Современное обозрѣніе.
IX. Поздно!.. Стихотвореніе Ф. Андреева. 151	XVII. Парижскія письма. III. Л. Левиса. 1

(См. на оборотъ.)

XVIII. Русскій драматическій театр за сезоны 1881—82 г. *Театрала*. 12

XIX. Главнѣйшій недостатокъ современной средней школы, по отчету эльзасско-лотарингской медицинской комиссиі. *В. М.* 27

XX. Наши внутреннія дѣла. 33
Служи о медицинской академіи; причины и значеніе этихъ слуховъ.— Возрожденіе кадетскихъ корпусовъ.— Вѣроятный исходъ преобразованія военныхъ гимназій въ корпуса.— Мнѣніе III-го Отдѣленія о врачебныхъ женскихъ курсахъ.— М. Н. Катковъ—въ роли защитника высшаго женскаго образованія.— Упраздненіе врачебныхъ курсовъ и отношеніе къ этому факту общества.— Призракъ церковно-приходскихъ школъ и отношеніе къ нему печати и общества.— «Возвращеніе вспять».— Временныя правила о печати.— Крахъ скопинскаго общественнаго банка и обстоятельство, способствующія крахамъ.— Городское представительство и поквартирный налогъ.

XXI. Политическая хроника 55
20-ти-лѣтній юбилей Бисмарка.— Паденіе авторитета имперскаго канцлера.— Испытанныя неудачи.— Успѣхи клерикаловъ.— Высокомѣрный тонъ официальной печати.— Процессъ разложенія среди либеральныхъ партій.— Крушеніе національ-либеральной группы.

XXII. Новыя книги: 1) *Князь*

А. И. Васильковъ. Біографическій очеркъ А. Голубева. С.Пб. 1882 г. 2) *Крестыанскій вопросъ.* (Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ.) *К. Д. Кавелина.* С.Пб. 1882 г. 3) *Сельскохозяйственныя нужды Пермскаго края.* (Работы статистическаго бюро). *Составилъ Е. И. Красноперовъ.* Пермь. 1881 г. 4) *Исторія одного развода.* *Н. Северина.* С.Пб. 1882 г. 71

XXIII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Рябь и зыбь роднаго прогресса.

Провѣтъ образовательнаго ценза для нашего чиновничества.— Невужность перваго при совершенствѣхъ втораго.— Главнѣйшее возраженіе.— Филантропическое пожертвованіе отъ желѣзнодорожныхъ щедротъ.— По поводу открытія коллегіи С. С. Полякова. Скопинскій банковый разгромъ.— *Сingulum vitae* Рыкова и его дѣтища.— Неизбѣжное—неизбѣжно.— Кандидатура барона Н. А. Корфа въ московской городской думѣ.— Заяцъ изъ неудачной загадки и нынѣшній «модный человѣкъ».

И. Ф. Василевскаго (Буквы). 84
XXIV. Содержаніе № 11-го. 100
XXV. Объявленія 102

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По соглашенію съ издателемъ прекратившейся (на 5-й книгѣ) «Русской Рѣчи», всѣ платные подписчики послѣдней удовлетворены экземплярами нашего журнала, и притомъ начиная съ 1-го №, въ виду разницы подписной цѣны. При этомъ редакція «Наблюдателя» считаетъ нужнымъ присовокупить, что ни къ какому иному способу удовлетворенія подписчиковъ «Русской Рѣчи» она не обязывалась. Гг. подписчики «Русской Рѣчи», пользующіеся разсрочкой подписныхъ денегъ, благоволятъ высылать слѣдующіе взносы въ редакцію нашего журнала.

Редакція считаетъ долгомъ увѣдомить своихъ подписчиковъ, пользовавшихся разсрочкою и не выславшихъ еще послѣднихъ взносовъ, что доставка имъ «Наблюдателя» съ № 10-го прекращена, впредь до высылки денегъ.

Гг. подписчики, мѣняющіе свои адреса, благоволятъ высылать марками 21 коп., безъ чего не будетъ слѣзана перепечатка адреса.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 11-й. Н О Я Б Р Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1882.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ:

NOV 1 1909
„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1883 ГОДУ (ГОДЪ ВТОРОЙ).

Журналь будетъ выходить въ 1883 г. безъ предварительной цензуры, подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Въ текущемъ году, въ «Наблюдатель» принимали участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, Ф. Андреевъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Бувва), д-ръ А. С. Виреніусъ, Д. И. Георгиевскій, Г. К. Градовскій, Ю. Г. Завистычій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Θ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Круловъ, Н. С. Курочкинъ, Д. П. Лебедевъ, Л. Левисъ, проф. Θ. И. Леонтовичъ, П. Лытневъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Михаловскій, В. О. Мишевичъ, проф. В. И. Модестовъ, В. И. Немуровичъ-Данченко, В. Н. Никитинъ, Омуревскій, Л. И. Палминъ, М. Л. Песковский, Л. К. Поповъ, проф. В. И. Сертеевичъ, Д. И. Стахъевъ, В. Я. Стоюнинъ, А. Тамбовцевъ, Л. Н. Трефоловъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ и др.*

Многія статьи и беллетристическія произведенія помянутыхъ авторовъ находятся уже въ распоряженіи редакціи.

„Наблюдатель“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:		За полгода:
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Книгопродавцамъ 50 к. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается *разсрочка* по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

С. О. Б.
Изданіе
209.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДІЯ.

XXXII.

Григорій Геннадіевичъ, само собою разумѣется, понялъ, что ему представляется случай не только отмстить врагамъ, но даже «поправить свою ошибку» и войти въ соглашеніе съ княгиней на счетъ должнаго вознагражденія за помощь въ выигрышѣ процесса. Но онъ затруднялся въ выборѣ обезпеченія, которое бы въ достаточной степени могло гарантировать его интересы; о векселяхъ противно было даже вспомнить («пожалуй, опять влопаешься»), а другаго ничего онъ придумать не могъ—и затащилъ переговоры съ княгиней до слѣдующаго дня. Словомъ, они не договорились еще до полной откровенности. На другой день, однако, разговоръ пошелъ ровнѣе, безъ всякихъ уже колебаній и косыхъ взглядовъ. На этотъ разъ Елена Модестовна сама вывела Григорія Геннадіевича изъ затруднительнаго положенія и заставила его вновь убѣдиться въ томъ, что она дѣйствительно «огромнаго ума женщина». Она нашла и источникъ для вознагражденія Григорія Геннадіевича за его помощь и надежныя гарантіи для себя и для него «на случай неудачи». Ему оставалось только сожалѣть о томъ, что напрасно онъ потратилъ столько времени на сношенія со Стуловымъ и Петромъ Ивановичемъ, напрасно страдалъ и томился раскаяніями и сомнѣніями, тогда какъ слѣдовало давнымъ давно войти въ сношенія съ Еленой Модестовной, и никакихъ бы душевныхъ колебаній не было. Елена Модестовна предложила ему заключить у нотаріуса запродажную запись на ея заложенное имѣніе, и запись

эта была сдѣлана на слѣдующихъ условіяхъ: Григорій Геннадіевичъ обязался купить у Елены Модестовны ея заложенное имѣніе за семь тысячъ (имѣніе стоило безъ долговъ тысячъ со-рокъ), а Елена Модестовна обязывалась, прежде совершенія купчей крѣпости, очистить это имѣніе отъ всѣхъ лежащихъ на немъ долговъ; но такая продажа имѣнія и освобожденіе его отъ долговъ были обязательны для княгини только въ томъ случаѣ, если дочь и внучка ея будутъ признаны наследниками послѣ умершаго ея зятя, Валерьяна Ивановича Лачужникова; если же судъ наследниками ихъ не признаетъ, то и княгиня и Григорій Геннадіевичъ считаются свободными отъ исполненія условія: — онъ по покупке имѣнія, она — по продажѣ.

Отыскивъ такимъ образомъ источникъ для взаимной гарантіи своихъ интересовъ, обѣ стороны разстались довольныя собою. Но и послѣ заключенія условія съ Григоріемъ Геннадіевичемъ, Елена Модестовна съ прежней ревностью продолжала хлопотать и заботиться о подготовленіи почвы для судебного разбирательства дѣла. Она неустанно развѣзжала по городу отъ однихъ знакомыхъ и вліятельныхъ лицъ къ другимъ, жаловалась, совѣтовалась, просила покровительства, порицая коварство Петра Ивановича и его со-общниковъ. Окончивъ такимъ образомъ день, она осаждала потомъ князя Павла допросами: что онъ сдѣлалъ съ своей стороны «для подготовки почвы», что узналъ о дѣятельности противной стороны, когда будетъ слушаться въ судѣ дѣло и такъ далѣе, и такъ далѣе. Князь Павелъ наконецъ впалъ въ отчаяніе и не разъ душевно раскаивался въ томъ, что взялся за веденіе процесса. Иногда онъ намѣренно выѣзжалъ изъ квартиры подъ предлогомъ будто бы служебныхъ занятій (онъ служилъ въ какой-то «особой комиссіи» и разъ въ недѣлю «засѣдалъ» въ ней), въ сущности же для того, чтобы избѣжать свиданія съ сестрой, надѣждавшей ему своими допросами и упреками. — «Это что-то невѣроятное, ропталъ онъ; это, можно сказать, сверхъестественная какая-то сила, не знающая ни утомленія, ни отдыха». Его тѣмъ болѣе возмущали хлопоты и допросы Елены Модестовны, что онъ находилъ ихъ уже совершенно излишними, послѣ того какъ Гри-

горій Геннадіевичъ согласился заявить въ судѣ, что духовное завѣщаніе было подписано покойникомъ Валерьяномъ Ивановичемъ почти въ безпамятствѣ. На какихъ условіяхъ сошелся Григорій Геннадіевичъ съ княгиней и чѣмъ онъ гарантировалъ свою долю выгодъ при успѣхѣ дѣла—это осталось тайной для князя Павла, который даже и не зналъ, что Елена Модестовна заключила съ Григоріемъ Геннадіевичемъ какое-то условіе.

Наканунѣ дня, предшествовавшаго судебному разбирательству дѣла, Елена Модестовна просидѣла въ квартирѣ князя Павла далеко за полночь. Она была сильно обезпokoена нѣкоторыми обстоятельствами по подготовкѣ свидѣтельскихъ показаній и боялась, чтобы тѣ лица, которыхъ не удалось ей привлечь на свою сторону, не перешли на сторону Петра Ивановича. Такъ, напримѣръ, докторъ, лѣчившій покойнаго Валерьяна Ивановича и въ день смерти прибывшій къ нему въ ту самую минуту, когда онъ умиралъ послѣ вторичнаго кровоизліянія, наотрѣзъ отказалъ княгинѣ и князю Павлу въ ихъ просьбѣ «поддержать сиротъ». Точно также и фельдшеръ, неотлучно находившійся при больномъ, не перешелъ на княжескую сторону и не перешелъ именно потому, что боялся доктора, какъ своего начальника, зная притомъ, что онъ не только самолично уличить его въ судѣ за ложныя показанія, но и выгнать потомъ войъ изъ службы. Княгинѣ и князю Павлу оставалось одно—перенести неудачу и искать поддержки въ другихъ свидѣтеляхъ. Елена Модестовна подозрѣвала, что эти два лица, показанія которыхъ могли дать значительный успѣхъ дѣлу, могутъ, пожалуй, перейти на сторону ея враговъ, и настойчиво внушала брату о необходимости быть готовымъ на борьбу съ ихъ показаніями. Князь Павелъ, самъ отличавшійся способностью говорить неустанно по цѣлымъ часамъ, на этотъ разъ упорно молчалъ и косился на сестру, обуреваемый въ свою очередь подозрѣніями насчетъ дѣятельности противной стороны.

Дѣйствительно, въ день разбирательства дѣла оказалось, что не одна только княжеская сторона въ свое время озаботилась о привлеченіи въ судѣ свидѣтелей, но и со стороны Петра Ивановича тоже не мало было потрачено соображеній, заботъ и хлопотъ

по подготовкѣ фактовъ къ предстоящему разбору дѣла. Князь Павелъ, какъ сказано было выше, возлагалъ большія надежды на прислугу покойнаго Валерьяна Ивановича и на показанія Григорія Геннадіевича; а адвокатъ со стороны Петра Ивановича (при невидимомъ участіи Стулова) возлагалъ надежды на то, что именно эти свидѣтели утопятъ интересы княжеской стороны. У Стулова были свои свидѣтели: на его сторонѣ былъ и докторъ, и фельдшеръ, и о. Макарій. Кромѣ того, имъ были подготовлены для успѣха дѣла двое артельщиковъ и дворникъ Михайло, бывшіе свидѣтелями при возвращеніи Григоріемъ Геннадіевичемъ завѣщанія, за которое онъ желалъ получить вексель въ тридцать пять тысячъ рублей. Этихъ трехъ свидѣтелей Стуловъ давно уже приберегалъ «на всякій случай». Онъ догадывался, что Григорій Геннадіевичъ не только изъ желанія «мстить за ловушку», но и изъ другихъ чисто денежныхъ интересовъ можетъ перейти на княжескую сторону и подоврѣвалъ, что онъ на судѣ, пожалуй, начнетъ путать что нибудь въ тонъ княжеской роднѣ и прислугѣ.

XXXIII.

Въ залѣ суда собрались наконецъ всѣ свидѣтели съ обѣихъ сторонъ и всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ лица, не исключая и Петра Ивановича, который явился въ судъ только потому, что этого потребовали адвокатъ и Стуловъ. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Княгиня и Викторія Александровна, одѣтыя въ глубокой трауръ, хотя и держались съ полнымъ сознаниемъ собственного достоинства, въ особенности Елена Модестовна, но все-таки замѣтно было по всѣмъ ихъ движеніямъ, что онѣ опасаются за благополучный исходъ дѣла. Петръ Ивановичъ былъ спокойнѣе другихъ и тяготился, кажется, только тѣмъ, что ему волей—неволей пришлось опять быть въ одной комнатѣ съ княгиней и ея братомъ, которыхъ онъ, со времени смерти Валерьяна Ивановича, не могъ равнодушно видѣть. Князь Павелъ озабоченно поглядывалъ на двери, откуда долженъ былъ выйти «судъ», и по привычкѣ водилъ правой рукой по своимъ коротко остриженнымъ волосамъ отъ затылка ко лбу,

хмура при этомъ брови. Спокойнѣе другихъ держался Григорій Геннадіевичъ, но онъ былъ спокоенъ только нѣкоторое время, именно до той минуты, пока не покосился на тотъ уголъ залы, гдѣ стояли двое артельщиковъ и дворникъ Михайло. Его, видимо, вдругъ охватило подозрѣніе и даже робость. Онъ до настоящей минуты никакъ не предполагалъ, чтобы къ дѣлу о дѣйствительности духовнаго завѣщанія покойнаго Валерьяна Ивановича могло примѣшаться совершенно постороннее обстоятельство, именно тотъ неприятный случай, когда онъ, Кожевниковъ, игралъ жалкую и противозаконную роль въ квартирѣ Стулова.—«Пропади онъ пропадомъ, окаянный! смущенно подумалъ Григорій Геннадіевичъ:—пожалуй, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ выворотить всю грязь наружу, стыда не оберешься. Давно, чай, проклятый, подготовилъ своего адвоката къ этому».

Пока тянулось время до открытія засѣданія, Григорій Геннадіевичъ былъ въ нерѣшительности, колеблясь насчетъ предстоящихъ показаній: интересно было и имѣннице княгини за дешевую цѣну пріобрѣсти и боязно, что, пожалуй, Стуловъ вытащитъ изъ мрака недавняго прошлаго подробности сквернаго случая—«расхлебывай потомъ кашу». Стуловъ, какъ видно, замѣтилъ, что Григорій Геннадіевичъ чувствуетъ себя неладно. Онъ не спускалъ съ него глазъ и точно читалъ его мысли. Потомъ вдругъ, предъ самымъ выходомъ судей въ залу засѣданія, онъ подошелъ къ Григорію Геннадіевичу.—«Здравствуйте, Григорій Геннадіевичъ», сказалъ онъ такимъ ласковымъ тономъ, какъ будто никогда и никакихъ столкновений съ нимъ не имѣлъ.—«Добраго здоровья», сдержанно отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ, и чтобы не подавать руки, намѣренно полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Стуловъ однако же этимъ не смутился и вмѣсто того, чтобы отойти отъ недовольнаго имъ челоуѣка, наклонился къ его уху и вразумительно прошепталъ: «Берегитесь, Григорій Геннадіевичъ, ежели только вы чуть что противъ завѣщанія скажете, сейчасъ же всю ту исторію наружу вытащимъ». Григорій Геннадіевичъ сверкнулъ на него гнѣвнымъ взглядомъ и даже поблѣднѣлъ нѣсколько, но ни слова не отвѣтилъ на его шопотъ и только медленно провелъ рукой по своей длинной

бородѣ и отошелъ отъ него въ сторону, гдѣ стоялъ о. Макарій. Сознавалъ онъ, что и отъ о. Макарія тоже добраго сосѣдства ждать нечего, какъ отъ свидѣтеля, могущаго повредить его денежнымъ интересамъ; но двинуться дальше, впередъ, было некуда. Впереди сидѣли княгиня съ Викторіей Александровной и еще какія-то двѣ барыни, тоже въ глубокомъ траурѣ, привлеченныя Еленой Модестовной въ судъ не для свидѣтельскихъ показаній, а лишь для того, чтобы имѣть для себя приличное общество. Около нихъ сидѣлъ, развалившись въ креслѣ и закинувъ ногу на ногу, Сергѣй Валерьяновичъ. Онъ то игралъ своимъ пенснэ, немилосердно вертя имъ въ воздухѣ, то набрасывалъ его на носъ и откидывалъ голову нѣсколько вверхъ, пяля глаза направо и налево. Сидѣть въ сосѣдствѣ съ нимъ Григорій Геннадіевичъ не пожелалъ и остался около о. Макарія. Елена Модестовна замѣтила наконецъ, что ея внукъ совсѣмъ не имѣетъ того скорбнаго вида, который, по ея соображеніямъ, слѣдовало ему имѣть, какъ «сиротѣ», и шепнула что-то сосѣдѣ для передачи ему. — «Фу, вздоръ какой, отвѣтилъ Сергѣй Валерьяновичъ, когда сосѣдка Елены Модестовны передала ему ея слова. Но однакоже, послѣ замѣчанія бабушки, онъ приподнялся на креслѣ нѣсколько повыше и пересталъ вертѣть на шнуркѣ свое пенснэ.

Вошли наконецъ въ залу засѣданія судьи и начался разборъ дѣла.

Какія показанія давали свидѣтели съ той и другой стороны, какія чувства волновали заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ—это само собою понятно. Понятно также и то, что свидѣтели съ княжеской стороны путались, не зная твердо своихъ ролей, и путаница получалась, главнымъ образомъ, отъ постановки вопросовъ противной стороны, вопросовъ, которыхъ, конечно, никакъ не могъ предвидѣть князь Павелъ. Такъ, на примѣръ, не только вопросъ о смерти Валерьяна Ивановича, но даже и о первомъ его обморокѣ отъ кровоизліянія вызвалъ противорѣчія въ показаніяхъ слугъ и, конечно, потому они другъ другу противорѣчили, что врать вообще трудно, то есть врать искусно, такъ чтобы вранье во всѣхъ своихъ подробностяхъ было похоже на правду. Изъ ихъ показаній

получился такой выводъ, что будто-бы Валерьянъ Ивановичъ послѣ перваго обморока уже не приходилъ болѣе въ сознаніе и въ то же время диктовалъ «едва слышнымъ шопотомъ» завѣщаніе въ присутствіи священника, Стулова и Григорія Геннадіевича. Выслушивая такую путаницу и злобствуя на адвоката противной стороны за то, что онъ коварно затягиваетъ свидѣтелей своими вопросами въ противорѣчія, князь Павелъ Модестовичъ тревожно мялъ себѣ пальцы, не смѣя взглянуть въ ту сторону, гдѣ сидѣла Елена Модестовна, давно уже потерявшая значительную долю своей важной осанки.

Она то блѣднѣла, то вдругъ лицо ея покрывалось темными пятнами и сѣдые булки вдрагивали отъ ея нервныхъ движеній. Викторія Александровна, взглядывая по временамъ на нее, готова была расплакаться, догадываясь, по состоянію матери, что непонятныя ей показанія свидѣтелей угрожаютъ дурными послѣдствіями дѣлу. Сергѣй Валерьяновичъ тоже утратилъ значительную часть своей безопасности и тревожно смотрѣлъ то на мать, то на бабушку, то на безстрастныхъ лица судей, по выраженію которыхъ всего менѣе можно было заключить о томъ или другомъ исходѣ дѣла. Спокойнѣе ихъ былъ Григорій Геннадіевичъ. Пока продолжались допросы свидѣтелей, онъ оставался недвижимымъ на своемъ стулѣ; стоя за его спиной, можно бы даже подумать, что онъ заснулъ; но надо было только взглянуть на его лицо, чтобы убедиться, насколько внимательно онъ слѣдитъ за каждымъ словомъ показаній, за каждымъ вопросомъ защитниковъ. И по нахмуреннымъ его бровямъ, и по наклону головы, придававшему всей его громадной фигурѣ нѣчто въ высшей степени сосредоточенное, можно было заключить, что онъ теряетъ вѣру въ успѣхъ дѣла княгини и колеблется, думая, не лучше-ли, молъ, «за добра ума» уклониться отъ грѣха: «дѣла-то они, видимо, не выиграютъ, а меня, пожалуй, тотъ звѣрь мохнатый обидитъ—и мораль пойдетъ»... «Гм... гм... а ишънице-то однако недурно-бы получить, думалъ онъ,—теперича въ наши времена по купечеству многіе этимъ забавляются... Гм... гм»...

Наступила наконецъ и ему очередь выйти впередъ и дать свои

показанія. Онъ бодро вышелъ, медленно провелъ рукой по своей сѣдой бородѣ во всю ея длину и началъ тоже путать, виляя изъ стороны въ сторону, подобно тому, какъ путались всѣ другіе свидѣтели со стороны княжеской родни. Изъ его показаній получился въ концѣ концовъ такой выводъ, что Валерьянъ Ивановичъ, хотя и слабъ былъ и говорить почти не могъ, но тѣмъ не менѣе шопоть его былъ слышенъ всѣмъ и находился онъ при составленіи духовнаго завѣщанія въ здоровомъ умѣ и полной памяти. Словомъ, Григорій Геннадіевичъ оробѣлъ, побоялся, что Стуловъ «выворотитъ наружу скверный случай». Онъ только тогда пожалѣлъ о своей робости, когда показанія его были уже окончены.

Пока онъ путался въ своихъ отвѣтахъ или, точнѣе говоря, по мѣрѣ того, какъ сбивалъ его своими вопросами адвокатъ со стороны Петра Ивановича, сѣдя бубли Елены Модестовны все чаще и чаще вздрагивали и черные ея глаза, казалось, готовы были сжечь огнемъ своего гнѣва ненавистнаго ей адвоката.

Потомъ, когда послѣ допросовъ свидѣтелей, адвокатъ со стороны Петра Ивановича, подводя итогъ показаніямъ той и другой стороны, приступилъ къ объясненію причинъ, по которымъ Григорій Геннадіевичъ давалъ сбивчивыя и недостаточно твердыя показанія—Григорій Геннадіевичъ тревожно оглянулся на Стулова. Онъ спросилъ этимъ взглядомъ: «Что же это за подлость—я даю показанія за васъ, а вы противъ меня?» Но Стуловъ, вмѣсто того, чтобы дать ему успокоительные знаки, только улыбнулся и покачалъ головой, какъ бы говоря: «Эхъ ты, простота, а еще умнымъ считаешься».

На счастье Григорія Геннадіевича предсѣдатель суда остановилъ адвоката при первыхъ же его намекахъ на тѣ постороннія обстоятельства, при которыхъ произошелъ неприятный случай съ Григоріемъ Геннадіевичемъ въ квартирѣ Стулова.—«Постороннія обстоятельства къ дѣлу не относятся», сказалъ онъ, и адвокатъ, убѣдившись въ самомъ дѣлѣ, что теперь, при подтвержденіи Кожевниковымъ дѣйствительности духовнаго завѣщанія, не стоитъ поднимать наружу грязь—замолчалъ.

Князь Павелъ Модестовичъ, воспользовавшись этимъ молчаніемъ и сознавая, что дѣло, взятое имъ подъ свою защиту, находится въ опасномъ положеніи, ухватился за послѣднее средство — ораторское краснорѣчіе. Но вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе суда на оставшіяся невыясненными обстоятельства, именно: позднее представленіе завѣщанія въ судъ и подозрительный случай съ Григоріемъ Геннадіевичемъ, на который намекнулъ адвокатъ противной стороны, заговорилъ совѣмъ о другомъ. Онъ заговорилъ о примѣрныхъ отношеніяхъ покойнаго Лачужникова къ своей семьѣ, о его высоконравственныхъ христіанскихъ правилахъ жизни, признавая которыя невозможно допустить, чтобы онъ сознательно диктовалъ и подписалъ такое завѣщаніе, какое представлено въ судъ его братомъ. Развивая эту мысль, князь Павелъ могъ бы хотя до нѣкоторой степени поколебать достовѣрность свидѣтельскихъ показаній и тѣмъ болѣе въ виду вышеупомянутыхъ, темныхъ для суда обстоятельствъ дѣла, которыя остались невыясненными. Но князь увлекся своимъ краснорѣчіемъ и вмѣсто того, чтобы удержаться строго въ рамкахъ разсматриваемыхъ обстоятельствъ дѣла, онъ увлекся обобщеніями, заговорилъ о семейственности, гражданственности, о нравственныхъ законахъ, занимающихъ неизмѣримо высшее мѣсто надъ законами, втиснутыми въ мертвые фоліанты.

Онъ все болѣе и болѣе одушевлялся и жестикулировалъ обѣими руками, не замѣчая, что адвокатъ противной стороны самодовольно улыбается, что судьи хмурятся и по временамъ о чемъ-то между собою перешептываются.

— Боже! какъ онъ глухъ! терзалась Елена Модестовна, — передъ кѣмъ распинается: точно предъ нимъ присяжные, которыхъ необходимо опутать и отуманить жалкими словами. Какъ, наконецъ, я сама жалка: довѣрила ему такое дѣло... Ахъ, попугай, попугай!

Судъ удалился.

Когда потомъ, черезъ часъ, судъ вновь занялъ мѣста въ залѣ засѣданія и приступилъ къ чтенію рѣшенія, Елена Модестовна едва стояла на ногахъ. Она слушала рѣшеніе съ закрытыми глазами,

губы ея нервно подергивало, сѣдыя брови дрожали, а костлявая рука, которой она ухватила за руку своей траурной сосѣдки, сжала эту руку такъ, что сосѣдка сгорбилась и сморщилась отъ боли.

— Несчастные! трагически прошептала Елена Модестовна, и потомъ покачнувшись на другую сторону, едва слышно добавила: «и это правосудіе!» и въ безспіи опустилась въ кресло.

Траурныя дамы, Викторія Александровна и Сережа, ухаживая за ней, тревожно оглядывали залу, нища глазами князя Павла. Онъ уже самъ замѣтилъ, что въ группѣ, гдѣ сидѣли онѣ, что-то случилось и шелъ по направленію къ нимъ мелкими, частыми шагами; выраженіе лица его было мрачно и голова какъ будто ушла въ плечи.

— Успокойтесь, ma bonne amie, зашепталъ онъ, подходя къ Еленѣ Модестовнѣ,—это рѣшеніе суда не есть окончательное: мы будемъ апеллировать въ судебную палату... Я надѣюсь, повърьте, есть много весьма твердыхъ основаній для апелляціи.

Но Елена Модестовна и глазъ на него не подняла. Она хмурилась, и, сжимая губы, комкала въ рукахъ свой батистовый платокъ.

— Викторія! мрачно обратилась она къ дочери,—скажи князю, чтобы онъ оставилъ меня, я не могу его видѣть...

XXXIV.

Она пролежала нѣсколько дней въ постели, и когда вновь поднялась на ноги, щеки ея замѣтно опали, носъ обострился и глаза еще глубже ушли подъ лобъ. Но духъ ея бодрствовалъ, и первое дѣло, о которомъ она озабочилась по восстановленіи силъ, было все то же судебное дѣло ея дочери и внука. Она попросила къ себѣ князя Павла. Князь, который сидѣлъ въ это время въ сосѣдней комнатѣ, перешептываясь съ Nadine и Викторіей Александровной о состояніи здоровья сестры, не безъ смущенія пошелъ на ея зовъ. Между ними произошла крупная сцена. Елена Модестовна обви-

няла брата въ томъ, что именно по его винѣ проиграно дѣло ея дочери и внука, а князь силился увѣрить, что дѣло вовсе не проиграно и находится лишь на половинѣ своего пути.

— На половинѣ пути къ окончательному проигрышу, да? съ презрѣніемъ замѣтила Елена Модестовна.

— Зачѣмъ же такъ падать духомъ... Я надѣюсь выиграть, отвѣтилъ князь.

— Ты? переспросила княгиня и, уже не стѣсняясь никакими приличіями, стала высказывать всю свою ненависть и злобу, накипѣвшія въ ней противъ брата за все время ихъ многолѣтнихъ сношеній.—Ты?—повторила она,—да развѣ такіе попугаи могутъ быть на что нибудь годны?

— И вамъ не совѣстно? съ укоризной возразилъ князь.

— Ахъ, ничуть! Мнѣ только обидно на себя за то, что я до сихъ поръ не могла понять, до какой степени ты ограниченъ и жалокъ...

— Позвольте, мой другъ, обиженно перебилъ князь, я очень хорошо понимаю, что вы больны, что вы разстроены, но всему есть мѣра и нельзя же такъ оскорблять...

— Нѣтъ, я сама точно лишилась зрѣнія, волнуясь, продолжала княгиня,—правду говорятъ, что если Богъ хочетъ наказать, то прежде всего разумъ отниметъ. Ну, съ чего я тебѣ довѣрила такое серьезное дѣло? Точно я не знала, что вся твоя служба, всѣ твои засѣданія, всѣ твои рѣчи въ разныхъ обществахъ, которыя ты такъ заботливо пристраиваешь въ газеты—все это одна пустая, праздная болтовня, отвратительная погоня за тщеславіемъ.

Волненіе ихъ и взаимное недовольство другъ другомъ усиливались съ каждою минутой. Князь сказалъ что-то о своемъ безкорыстіи, о тратѣ труда и времени для Викторіи и Сережи, а княгиня, въ отвѣтъ на это, злобно замѣтила, что никому безкорыстіе его не нужно, тѣмъ болѣе теперь, когда, благодаря ему, вмѣсто ожидаемаго наслѣдства, получились только расходы на уплату судебныхъ издержекъ. Князь вышелъ наконецъ изъ себя и, съ нескрываемой досадою, громко перебилъ рѣзкую рѣчь сестры,

почти закричавъ, что она сама не знаетъ, что говорить и чего боится.

— Повторяю вамъ, добавилъ онъ,—рѣшеніе окружнаго суда можетъ быть отмѣнено судебной палатой, и только рѣшеніе палаты есть окончательное; но и его еще можно оспаривать кассацией въ сенатъ...

— Повторяю тебѣ, перебила Елена Модестовна,—что я скорѣе рѣшусь идти на поклонъ къ тому поповичу, скорѣе приведу съ собой къ нему и Викторію, и Сергѣя, и Надину, и буду просить у него пощады, чѣмъ довѣрить тебѣ продолженіе дѣла, въ успѣхъ котораго рѣшительно теряю вѣру.

— Послѣ этого я скажу вамъ, перебилъ Павелъ Модестовичъ, что какія бы вы мнѣ ни предлагали условія, хотя бы ту сумму въ сто тысячъ, какую просилъ съ васъ адвокатъ Модниковъ, я, послѣ сегодняшняго нашего разрыва, рѣшительно и навсегда отказываюсь отъ всякихъ съ вами сношеній.

— Ахъ, пощади! Какая жалость! Какая невозвратная утрата, ха, ха!

Ихъ громкій, гнѣвный разговоръ былъ слышенъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ сидѣла Викторія Александровна съ Nadine. Обѣ онѣ были въ тревожномъ состояніи духа, испуганныя такимъ, никогда еще небывалымъ, споромъ Елены Модестовны съ братомъ.

Викторія Александровна наконецъ не выдержала и рѣшилась войти къ нимъ. Она вошла въ комнату матери въ то время, когда та съ дрожащими отъ гнѣва губами и съ злобно сверкающимъ взглядомъ, возражала брату.

— Мaman! прошу васъ... умоляю... Мaman! Успокойтесь, вамъ это вредно, заговорила Викторія Александровна, спѣша къ матери съ распростертыми руками.

— Ахъ, оставь насъ, Викторія! бросила она дочери и снова стала осыпать брата упреками, обвиняя его въ томъ, что именно онъ, однакъ онъ, есть настоящій виновникъ всѣхъ ихъ бѣдъ.

— Ты не умѣлъ устроить мое положеніе послѣ смерти мужа; ты не выхлопоталъ мнѣ мѣста начальницы института, ты не добился прибавки мнѣ пенсіи за заслуги мужа...

Размолвка ихъ привела наконецъ къ тому, что Павелъ Модестовичъ, схвативъ съ окна шляпу, ушелъ, не простившись съ сестрой.

Послѣ его ухода, весь гнѣвъ Елены Модестовны обрушился на Викторію Александровну, и пока она терпѣливо выслушивала упреки матери, Nadine сидѣла въ сосѣдней комнатѣ у стола, уныло поникнувъ головой на руки. Когда потомъ, заслышавъ шаги Викторіи Александровны, она приподняла голову отъ рукъ, глаза ея были полны слезъ... Поспѣшно отеревъ ихъ, она постаралась скрыть свое душевное состояніе; но въ этотъ день, какъ видно, всѣмъ приближеннымъ Елены Модестовны нужно было выпить свою чашу скорби.

Только что Викторія Александровна уѣхала, Елена Модестовна повела рѣшительный разговоръ съ Nadine о ея замужствѣ. Утомленная гнѣвнымъ разговоромъ съ братомъ и дочерью, княгиня снова лежала въ постели и говорила слабымъ болѣзненнымъ голосомъ.

— Мнѣ жаль тебя, Nadine, говорила она, ты молода и неопытна, ты не знаешь, что такое жизнь и чего она требуетъ отъ насъ. Ты защищена отъ ея безжалостныхъ терзаній, пока находишься здѣсь при мнѣ, подъ моимъ покровительствомъ. Но обстоятельства, мой другъ, слагаются такъ, что я и сама не знаю, что дальше будетъ. Процессъ Викторіи въ опасномъ положеніи, я даже могу сказать, не обманывая себя и тебя, что процессъ этотъ почти безнадеженъ... Мои дѣла тоже очень запутаны, и я, видишь сама, я совсѣмъ больна... Боже сохрани, я умру—что съ тобой будетъ?

Nadine сидѣла около ея кровати и, не прерывая ея рѣчи, упорно смотрѣла въ полъ.

— Даже и при возстановленіи моего здоровья, продолжала Елена Модестовна,—ты не обезпечена на завтрашній день. Ты знаешь, что въ этой квартирѣ мы держимся пока, только благодаря покровительству его высокопревосходительства, и ты знаешь, что онъ ищетъ твоей руки.

Nadine глубоко вздохнула и бросила на тетку умоляющій взглядъ.

— Другъ мой, продолжала Елена Модестовна, взявъ ее за руку,—я до сихъ поръ берегла тебя, охраняла, какъ дорогое растеніе, ты не можешь мнѣ сказать, что я заботилась только о томъ, какъ бы столкнуть тебя замужъ; напротивъ, я намѣренно затягивала развязку вопроса о твоёмъ замужствѣ, я надѣялась, что, авось, выиграется процессъ и можно будетъ старику отказать. Конечно, Викторія всегда имѣла и имѣетъ прекрасныя чувства—она поддержала бы и тебя, и меня. Но ея положеніе не менѣе нашего ужасно: ей и бѣдному Сережѣ предстоитъ зависимость отъ брата покойнаго Валерьяна. Ахъ, Nadine, Nadine! еслибъ ты знала, какъ мнѣ тяжело и больно все это переживать!.. Я чувствую, что силы меня оставляютъ.

Она помолчала, грустно взглянула въ передній уголъ на образъ, и снова заговорила.

— Теперь, милая Nadine, я открыла тебѣ все, что до сихъ поръ тщательно старалась скрывать. Ты видишь, въ какомъ безнадежномъ положеніи твоя судьба... Если ты откажешь этому жениху...

— Но, тетя... робко прервала ея рѣчь Nadine,—возможно-ли счастье...

— Ахъ, возразила Елена Модестовна,—ужели, мой другъ, я не понимаю!.. Но подумай, что будетъ съ нами, если ты откажешься? Долги на имѣніи, которыми оно отягощено, не будутъ сняты, отъ этой квартиры намъ придется тоже отказаться... Не скрываю, другъ мой, мое спасеніе только въ тебѣ...

Елена Модестовна поднесла къ глазамъ платокъ, а Nadine, не имѣя болѣе силъ скрыть свои слезы, склонилась къ ея плечу.

— Ахъ, тетя, тетя, какая я несчастная! проговорила она и зарыдала.

Поздно ночью, уединившись въ своей маленькой комнаткѣ, Nadine смотрѣла въ окно на темную улицу, слѣдя грустнымъ взглядомъ за огнемъ тускло мерцавшихъ фонарей. Она вспомнила свое дѣтство, отца и мать, и ссоры братьевъ изъ-за дѣлежа наслѣдства, изъ котораго ей, какъ дочери, достались только какія-то крохи. — «И ужели теперь, думала она, за этотъ пріютъ,

оказанный мнѣ тетей, я должна заплатить такой страшной цѣной,— цѣной страданія, быть можетъ, въ теченіе цѣлой жизни? Нѣтъ, не могу, не могу!.. Но, Боже мой, куда же уйти?» И пугаясь своего вопроса, она сознавала, что не только твердо и безъ смущенія, но даже и шопотомъ не въ состояніи будетъ связать ни жениху-старцу, ни тетѣ ничего такого, что бы могло противорѣчить ея приказаніямъ. Она знала, что выйдетъ къ непріятному старику и будетъ занимать его по первому слову Елены Модестовны, и что если Елена Модестовна захочетъ отдать ее за него замужъ, то отдастъ, и она пойдетъ; будетъ плакать, а все-таки пойдетъ, потому что страшно заявить свою самостоятельность, страшно взглянуть прямо въ глаза жизни. Ей давно уже было извѣстно, что у братьевъ искать пріюта нечего—у каждаго своя семья, свои нужды и заботы, а у чужихъ—тѣмъ болѣе. Куда ни оглянешься, вездѣ идетъ борьба, гибнетъ безъ помощи слабый, самодовольно вичится сильный, и слово о братствѣ и любви, безстрастно произносимое въ храмахъ, неидетъ дальше храмовъ...

«Куда уйти, въ слезахъ думала Nadine, гдѣ тотъ мирный уголокъ, въ которомъ можно укрыться отъ людской вражды, отъ вратительныхъ искательствъ, отъ невыносимыхъ ухаживаній? Ахъ ты, жизнь, жизнь! какая ты гадкая, противная, ужасная!»

XXXV.

Не безъ слезъ было въ эти дни и въ квартирѣ покойнаго Валерьяна Ивановича. Викторія Александровна впала въ унылое состояніе духа и рѣшительно терялась, не зная, что ей нужно предпринять при такомъ неожиданномъ положеніи дѣлъ. Она сознавала, что нужно на что-то рѣшиться и непременно, собравъ всѣ силы, искать выхода изъ опаснаго положенія; но гдѣ и въ чемъ искать выхода, этого она не знала. До сихъ поръ, послѣ смерти Валерьяна Ивановича, всѣми ея и Сережи дѣлами завѣдывалъ дядя Павелъ Модестовичъ съ ея маман: они и расходныя деньги ей привозили, и непріятныя отношенія къ кредиторамъ улаживали, они наконецъ и процессъ вели, такъ что у нея до сихъ поръ была

только одна забота: убить какъ нибудь время, чтобы не очень скучать въ ожиданіи рѣшенія судебного дѣла и предполагаемаго вслѣдъ затѣмъ отъѣзда за границу. Но теперь вдругъ, въ то самое время, когда, какъ ей казалось, нужно было послѣ рѣшенія окружнаго суда собрать всю энергію для защиты дѣла въ палатѣ,—дядя разошелся съ маман и, Богъ знаетъ, почему къ ней также глазъ не кажетъ. Маман тоже Богъ знаетъ за что на нее сердится и не заѣзжала къ ней уже болѣе недѣли. До сихъ поръ, бывало, она встрѣчалась въ ея квартирѣ въ извѣстные часы съ княземъ Павломъ, а теперь, точно сговорились—оба къ ней ни ногой, какъ будто въ самомъ дѣлѣ именно она была причиною ихъ размолвки.

Пождавъ дня два, Викторія Александровна ѣздила потомъ сама къ князю Павлу, но не застала его дома, а слуга на всѣ ея вопросы и наставленія твердилъ только одно слово: — «слушаю-съ»... Съ тѣмъ она и уѣхала отъ дяди. Павелъ Модестовичъ однако-же не поддакъ ея просьбамъ и прислалъ раздушенную записочку на восьмушкѣ какой-то затѣйливой бумажки, изобразивъ на ней слѣдующее: «Ma chere amie. Я обиженъ. Скажу болѣе—я оскорбленъ твоей маман. Опасаясь встрѣчи съ нею, я лишаю себя удовольствія видѣться съ тобою. Нѣсколько дней терпѣнія, и, Богъ дастъ, все какъ нибудь устроится». — «Но что же онъ мнѣ ничего о процессѣ не пишетъ? томилась Викторія Александровна: — онъ же высказывалъ что-то такое объ опасности, а я ничего тогда не поняла. Ахъ, какое несносное положеніе!» Отправившись потомъ въ маман, она однако-же ничего не узнала о положеніи дѣла, то есть, когда и кто будетъ продолжать его, и не узнала по очень простой причинѣ: маман была не въ духѣ, и вмѣсто желаемаго объясненія прочитала ей материнскую нотацію насчетъ того, что она умѣетъ только гоняться за удовольствіями, пока ей не прижмутъ хвостъ, и что вотъ теперь, почувствовавъ опасность своего положенія, присмирѣла.

Елена Модестовна, вмѣсто того, чтобы успокоить встревоженную дочь, даже еще пригрозила ей тѣмъ, что «торжествующій попавичъ», намѣревавшійся до начала процесса обезпечить ее и ея сына единовременнымъ взносомъ въ банкъ капитала для выдачи

съ него процентовъ, теперь, пожалуй, не захочетъ и этого сдѣлать, хотя предполагать такъ Елена Модестовна не имѣла никакихъ основаній. Напротивъ, она слышала отъ дочери въ тотъ же день, когда состоялось рѣшеніе дѣла въ пользу Петра Ивановича, что онъ тамъ же, въ судѣ, лично подходилъ къ ней и успокоилъ ее, сказавъ, что сумма, слѣдующая на ея съ сыномъ содержаніе, не смотря ни на какое рѣшеніе палаты или даже сената, во всякомъ случаѣ будетъ имъ своевременно положена въ банкъ. Но теперь Викторія Александровна, слушая упреки разгнѣванной татаи, не смѣла ей возражать и уѣхала отъ нея домой, озабоченная думами о томъ, какъ-же она будетъ жить на одни проценты съ капитала, когда у ней долговъ болѣе чѣмъ на двадцать тысячъ рублей, лично только у ней, да у Сережи что-то около этого.

Раздумывая о своемъ безвыходномъ положеніи, она расказывала по пустыннымъ комнатамъ квартиры съ такимъ плачевнымъ выраженіемъ лица, точно навсегда прощалась съ окружающею ее обстановкою. Сережа сидѣлъ гдѣ-то въ уголкѣ, хмурый и надутый, и упорно сосалъ папиросу, не обращая вниманія на тревожное состояніе духа матери.

— Послушай, Сергѣй, скажи мнѣ, ради Бога, что-же съ нами будетъ?

Онъ молча пожалъ плечами.

— Ты только представь себѣ, продолжала Викторія Александровна, — въ какомъ мы оказываемся ужасномъ положеніи. Мы законные наследники полумилліоннаго состоянія—и вдругъ!.. Да что же ты молчишь?

Сергѣй Валерьяновичъ брезгливо фыркнулъ и, кинувъ недокуренную папиросу въ каминъ, ушелъ отъ матери въ другую комнату, не сказавъ ей ни слова. Но и ему, какъ видно, тоже некуда было уйти, и, намѣривъ комнату разъ десятокъ отъ одной стѣны до другой, онъ усялся опять гдѣ-то въ уголокъ дивана и, кинувъ ногу на ногу, уставилъ мрачный взглядъ на потолокъ.

— Послушай, Сергѣй! Ты-то еще съ чего сердиться? обратилась Викторія Александровна, входя въ комнату.

— Ахъ, оставьте меня!

— Но чѣмъ же все это кончится?

— Я почему знаю.

— Но ты былъ у дяди? Что же онъ говорить?

— Глупости, конечно. Что же онъ больше можетъ сказать!

— Ты несносенъ!

— Онъ говорить, что денегъ нѣтъ и занять пока негдѣ.

— Ахъ, не то! перебила Викторія Александровна— о процессѣ что онъ говорить?

— Оставьте... Я не знаю, не спрашивалъ, нехотя отвѣтилъ Сергѣй Валерьяновичъ и отвернулся отъ матери въ сторону.

Такъ шли дни за днями въ квартирѣ Викторіи Александровны и ея сына, и прошло такихъ дней десятка два. Князь Павелъ Модестовичъ изрѣдка заѣзжалъ къ нимъ, но не надолго и въ тѣ лишь часы, въ которые Елена Модестовна не бывала тамъ, а именно, поздно вечеромъ.

Отъ него узнала Викторія Александровна, что ея папаша ведетъ снова переговоры съ адвокатомъ Модниковымъ, и что этотъ знаменитый адвокатъ, кажется, не прочь принять на себя защиту ихъ дѣла въ судебной палатѣ. Князь передалъ это извѣстіе спокойно, не выражая ни тѣни досады или неодобренія на то, что Елена Модестовна ему не довѣряетъ и считаетъ его ненадежнымъ защитникомъ интересовъ дочери и внука. Напротивъ, онъ мимоходомъ даже замѣтилъ, что если Модниковъ возьмется за дѣло, то это хорошій знакъ, такъ какъ Модниковъ, насколько ему извѣстно, никогда не берется за такія дѣла, которыхъ нельзя выиграть.

— Я долженъ объяснить тебѣ, другъ мой, добавилъ князь,—я хоть и самъ юристъ, но, повѣрь, безъ самолюбія. Я ни въ какомъ случаѣ не позволю допустить сравненіе между мною и Модниковымъ. Модниковъ—это гений! Я взялся за дѣло только потому, что желалъ избавить васъ отъ платы адвокатамъ, желалъ бы и теперь этого... Но если въ самомъ дѣлѣ Модниковъ возьмется за дѣло, то прекрасно: лучше отдать сто тысячъ, чѣмъ потерять все, при такомъ слабомъ защитникѣ, каковъ я... ха, ха!

Ты видишь, мой другъ, что я безпристрастенъ. Но твоя маман!.. Маман—это нѣчто... pardon! Я не могу!..

Онъ пожалъ плечами и тревожно оправился потомъ, точно испугавшись вдругъ, что вотъ-вотъ сію минуту растворится дверь и въ комнату войдетъ Елена Модестовна.

XXXVI.

Елена Модестовна точно такъ же думала о Модниковѣ, какъ и братъ ея, князь Павелъ. Она, кажется, оттого и больна была послѣ рѣшенія дѣла въ окружномъ судѣ, что ужь очень ей досадно было на себя за то, что поддалась увѣщаніямъ брата и поручила ему защиту дѣла. Тогда она разъ по двадцати въ день впадала въ тоску и металась по кровати, точно тифозная больная, и первое дѣло, за которое принялась, собравшись съ силами, была поѣздка къ адвокату Модникову.

Озабочивали ее въ это время и слезы племянницы, и отношенія къ сановитому старичку, котораго она прочила ей въ мужья; но заботы объ этомъ пришлось отложить въ виду важности судебного дѣла дочери. И въ самомъ дѣлѣ, не мало потребовалось умѣнья и времени на то, чтобы вновь затянуть адвоката Модникова на защиту дѣла дочери и внука.

Когда она пріѣхала къ нему, онъ встрѣтилъ ее холодно и, можно сказать, неприязненно. Озабоченный самъ въ это время какимъ-то судебнымъ дѣломъ, онъ хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ ея визита и безъ всякихъ околичностей заявилъ, что проситъ извиненія, и даже не предложилъ ей кресла. Елена Модестовна, вошедшая къ нему въ роскошный кабинетъ съ подобающей ей осанкой, едва не окинула его презрительнымъ взглядомъ за холодный пріемъ; но моментально спохватилась, вдругъ представивъ себѣ, что если Модниковъ не возьмется за дѣло, то все погибло. И вотъ, вмѣсто надменнаго и презрительнаго взгляда, на ея божазненномъ лицѣ появилось кроткое, молящее выраженіе.

— Одну минуту, слабо возразила она, стоя въ нерѣшительности передъ мрачнымъ адвокатомъ.

— Сдѣлайте одолженіе, нехотя отвѣтилъ онъ, не смотря на нее, и только рукою сдѣлалъ короткое, едва замѣтное движеніе, показывая на кресло.

Елена Модестовна сознавала, что этотъ Модниковъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ Модниковымъ, котораго она, мѣсяца полтора тому назадъ, видѣла въ этомъ же самомъ кабинетѣ, у этого же огромнаго письменнаго стола чернаго дерева, на которомъ лежатъ такъ много книгъ и бумагъ. Тотъ прежній Модниковъ былъ предупредителенъ, собственноручно придвинулъ ей кресло поближе къ письменному столу, чтобы удобнѣе было и ей и ему вести дѣловой разговоръ. Тогда велъ онъ этотъ разговоръ съ улыбкой и величалъ ее сятельствомъ. Но этотъ Модниковъ, стоящій теперь передъ нею, совсѣмъ не улыбается; напротивъ, хмурится, молчитъ, смотритъ въ полъ и даже не извиняется, что въ его кабинетѣ такой тяжелый запахъ отъ дыма сигаръ, хотя и дорогихъ сигаръ, однакожь, все-таки ей непріятный. Этотъ Модниковъ, подобно тому прежнему Модникову, одѣтъ въ черный бархатный пиджакъ, имѣетъ смуглое выразительное лицо, носъ орлиный;—но, Боже мой, какъ онъ сердитъ на меня! подумала Елена Модестовна, и въ нерѣшительности остановилась у кресла, колеблясь садиться или нѣтъ.

— Ваше дѣло, перебилъ ее Модниковъ на первыхъ же словахъ,—испорчено и теперь о немъ разсуждать—значитъ тратить понапрасну время.

Эта рѣшительная фраза, къ которой Елена Модестовна была отчасти даже и подготовлена собственными размышленіями о дѣлѣ дочери, такъ ее поразила, что у нея потемнѣло въ глазахъ. Она схватилась дрожащими руками за голову, чувствуя, что полъ подъ нею какъ бы закачался, а шкафы съ книгами около стѣнъ стали подниматься къ потолку. Модниковъ, только что взявшійся было въ эту минуту за сигарный ящикъ, намѣреваясь закурить сигару, пятую въ это утро—испугался, взглянувъ на лицо княгини, и самъ подаль ей воды.

Не случись этого неожиданнаго упадка силъ, разговоръ Елены Модестовны съ Модниковымъ, быть можетъ, на томъ бы и кончилъ-

ся, что дѣло испорчено и нечего о немъ болѣе разсуждать. Но, видя такое тревожное состояніе Елены Модестовны, онъ нашелъ нужнымъ сказать ей что нибудь въ утѣшеніе. Она отвѣтила жалобой на бездарность князя Павла.

— Да, жаль... протянулъ онъ, явно уже для того только, чтобы смягчить свой недавній мрачный тонъ рѣчи.

Елена Модестовна еще что-то сказала ему относительно того, что князь Павелъ не сумѣлъ выяснитъ на судѣ нѣкоторыхъ темныхъ обстоятельствъ дѣла, которыя, по ея мнѣнію, заслуживаютъ вниманія.

— Я... извините... добавила она съ тою удивительною скромностью въ тонѣ рѣчи, съ какою иногда умѣла внушать къ себѣ вниманіе,—я не юристъ, но смѣю думать, что темныя обстоятельства все-таки слѣдовало выяснитъ.

— Какія же это обстоятельства? заинтересовался Модниковъ.

Елена Модестовна вздохнула нѣсколько посвободнѣе, и не взглянувъ въ это время Модниковъ на часы, она бы приблизила свое кресло къ краю письменнаго стола и рассказала бы ему все, что знала о невыясненныхъ на судѣ темныхъ обстоятельствахъ дѣла; но Модниковъ, хотя и заинтересовался намекомъ княгини на темныя обстоятельства, однакожь выслушать ее не могъ и вновь посмотрѣлъ на часы.

— Извините, я спѣшу въ судъ и не могу болѣе одной минуты вамъ удѣлить.

— Но не могу ли я хотя надѣяться, что вы найдете возможнымъ... потомъ... хотя когда нибудь... вѣрадиво сказала Елена Модестовна.

— О, да, извольте. Отчего же?

Онъ озабоченно взглянулъ на столъ, перекинулъ съ одного мѣста на другое какія-то бумаги, и потомъ сказалъ:

— Если угодно, завтра, въ часъ я къ вашимъ услугамъ.

Дѣло такимъ образомъ приняло какъ будто не совсѣмъ безнадежное положеніе.

Елена Модестовна получила возможность въ назначенный часъ рассказать подробно Модникову о томъ, какъ духовное завѣщаніе

попало въ руки Григорія Геннадіевича и какъ отъ него было выручено. Всѣ подробности этого обстоятельства она и сама-то узнала только послѣ рѣшенія дѣла въ судѣ, и узнала во время своей болѣзни отъ Викторіи Александровны, передавшей ей разговоры своей прислуги о томъ, что рассказывалъ дворникъ Михаилъ о случаѣ съ Григоріемъ Геннадіевичемъ въ квартирѣ Стулова.

Послѣ втораго свиданія съ княгиней, Модниковъ изъявилъ желаніе пересмотрѣть дѣло о духовномъ завѣщаніи покойнаго Лачужникова, и Елена Модестовна еще болѣе ожила. Когда потомъ, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ Модниковъ просмотрѣлъ дѣло, Елена Модестовна вновь посѣтила его, онъ предсталъ предъ нею въ видѣ прежняго ласковаго Модникова, какимъ когда-то встрѣтилъ ее въ первый разъ, еще до начала процесса въ окружномъ судѣ. Въ его рѣчи опять стало попадаться слово «сіятельство» и мрачный взглядъ впалыхъ темныхъ глазъ смягчался по временамъ ласковой улыбкой, появлявшейся на его тонкихъ сухихъ губахъ. Между нимъ и Еленой Модестовной возстановились, можно сказать, пріятныя отношенія. Онъ, выслушивая ея предложенія, не возражалъ, и, закуривъ сигару, просилъ извиненія. Она, выслушивая въ свою очередь его обстоятельные разговоры о томъ, какъ много усилій, знаній и осторожности долженъ онъ потратить на то, чтобы исправить ошибки князя Павла, тоже не возражала, и только, когда разговоръ дошелъ до вознагражденія его за защиту дѣла въ судебной палатѣ и онъ сказалъ, сколько желаетъ получить за это, она тревожно поднялась съ кресла и оглянула почему-то стѣны и потолоки комнаты, точно спрашивая себя, гдѣ она и что такое послышалось ей въ рѣчи собесѣдника. Собесѣдникъ тоже, правду сказать, испугался. Ему вспомнился тотъ случай съ Еленой Модестовной, когда онъ самъ подавалъ ей воду, но испугъ его тотчасъ же и прошелъ, такъ какъ она въ ту же секунду оправилась и только тяжело вздохнула, сказавъ:

— Ахъ, какъ вы меня испугали!

— Pardon! Я нибакъ не ожидалъ... Кажется, я не сказалъ вамъ ничего лишняго...

По его темному лицу однако скользнула улыбка, не замѣчен-

ная Еленой Модестовной, и глаза его сверкнули такимъ яркимъ свѣтомъ, какимъ блестяли когда-то въ молодые годы, тому назадъ лѣтъ двадцать пять.

— Но такая сумма... запинаясь на каждомъ слогѣ, добавила Елена Модестовна.

— Меньше я не могу, ваше сіятельство, дѣловымъ тономъ возразилъ Модниковъ.

— Но это такъ меня поражаетъ, что я... я теряюсь... я должна наконецъ обдумать...

— Какъ будетъ вамъ угодно...

— И кромѣ того, продолжала она,—я не имѣю права безъ согласія наследниковъ. Я должна съ ними переговорить...

— Гм... гм... да, конечно! отвѣтилъ онъ такимъ безпечнымъ тономъ, точно говорилъ о вчерашней погодѣ.

Какую сумму онъ желалъ получить за защиту дѣла въ судебной палатѣ, это осталось тайной и не объяснилось даже потомъ. Припоминая его разговоры о томъ, что хлопотъ много, что много расходовъ впереди, можно было заключить, что просимая имъ прежде сумма въ сто тысячъ теперь была уже недостаточна для того, чтобы дать дѣлу то направленіе, при которомъ оно можетъ получить благопріятный исходъ.

XXXVII.

Находясь въ такихъ хлопотахъ и заботахъ объ интересахъ дочери, Елена Модестовна, разумѣется, не имѣла времени выслушивать жалобы и слезы племянницы на свою несчастную судьбу. Но, замѣчая однако же, что ея душевное состояніе съ каждымъ днемъ дѣлается все хуже и хуже и оказываетъ даже замѣтное вліяніе на ея наружность, Елена Модестовна по временамъ, улучшивъ удобную минуту, старалась ее образумить и внушить ей, насколько она «дитя» и не понимаетъ своихъ интересовъ. Но благоразумныя внушенія Елены Модестовны не приносили Nadine желаемой пользы и вызывали новыя слезы. Онѣ повели даже къ тому, что сановитому старяку, не перестававшему въ опредѣленные дни и

часы посѣщать Елену Модестовну, пришлось два раза провести вечеръ tête à tête съ нею, не выдавъ Nadine, оказавшейся будто бы несовсѣмъ здоровой.

Замѣчая, что обстоятельства вовсе не такъ слагаются, какъ бы имъ слѣдовало слагаться, Елена Модестовна поняла, наконецъ, что надо повернуть событія опять на прежній путь и успокоить Nadine.

Однажды, вернувшись откуда-то изъ дѣловой поѣздки по городу и заставъ Nadine въ слезахъ, она заговорила съ ней съ нѣжностью и участіемъ.

— О чемъ ты плачешь, мое дитя. Это мнѣ больно... я сама готова плавать, глядя на тебя, Nadine.

— Ахъ, тетя, вы знаете сами...

— Но ты скажи мнѣ, ради Бога, не влюблена-ли ты?

— О нѣтъ, тетя, я не влюблена.

— Такъ чѣмъ же объяснить твои слезы?

— Мнѣ страшно, тетя. Я никакъ не могу примириться съ мыслью о томъ, что вы мнѣ предложили... это невозможно, тетя... я не могу безъ содроганія вспомнить, какъ онъ нехорошо на меня смотреть, какая у него противная улыбка, а глаза—глаза, точно въ маслѣ! Это ужасно, тетя!

— Но, Nadine, я же тебѣ, кажется, ясно говорю, что представляю на твое собственное усмотрѣніе вопросъ о твоёмъ замужствѣ—можешь согласиться или отказать...

— Но, тетя, вы... я не понимаю... изумилась Nadine.

— Что такое? съ снисходительной улыбкой, спросила Елена Модестовна.

— Ахъ, къ чему повторять.

— Глупенькая! ласково возразила Елена Модестовна и поцѣловала ее въ лобъ,—успокойся: ты знаешь, тогда я была больна, нервно разстроена, а въ болѣзненномъ состояніи, другъ мой, все представляется намъ въ мрачномъ видѣ, кажется, что и то плохо, и это безнадежно. Вотъ я теперь поправилась и вижу, что все то, чего я такъ страшно боялась,—только бредъ больного воображенія. Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ.

Nadine приподняла голову и съ изумленіемъ взглянула заплаканными глазами на тетку, не понимая смысла ея словъ.

— Дитя! продолжала княгиня, опять снисходительно улыбнувшись, — успокойся! Ты только подумай, могу ли я принуждать тебя и настаивать на томъ, чтобы ты пожертвовала собою для какихъ-то матеріальныхъ выгодъ.

Nadine смотрѣла на нее, изумляясь, откуда вдругъ нахлынула такая рѣзкая въ ней переиѣна, и въ ея образѣ мыслей, и въ тонѣ ея голоса, и въ выраженіи лица, еще недостаточно оживившагося послѣ недавней болѣзни.

— Повторяю, Nadine, сказала Елена Модестовна, я люблю тебя, какъ родную дочь, мнѣ дорого твое счастье... Но я должна тебя предупредить... хотя ты всегда была послушной скромницей... Но я все-таки считаю необходимымъ...

Она вдругъ рѣзко понизила тонъ, оглянулася на дверь, съ явнымъ намѣреніемъ убѣдиться, нѣтъ ли гдѣ по близости лишняго глаза, и потомъ продолжала:

— Прошу тебя, будь по прежнему ласковой и внимательной, и если онъ станетъ тебѣ какъ нибудь стороной или полусловами дѣлать тонкіе намеки на замужство—ты промолчи, и только.

— Но зачѣмъ же, тетя, такъ... робко спросила Nadine.

— Это необходимо, и ты, пожалуйста, не рассуждай...

Въ этихъ послѣднихъ словахъ Елены Модестовны послышался ея прежній повелительный тонъ, не терпящій возраженій.

— Боже мой, неужели! радостно и въ то же время плача, думала Nadine, смотря вслѣдъ ушедшей теткѣ, — неужели опять свѣтъ блеснулъ во мракѣ?..

Измученная долгимъ нервнымъ напряженіемъ, она то рыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку, то тревожно спѣшила оправиться отъ слезъ, то опять задумывалась надъ вопросомъ о томъ, для чего требуетъ Елена Модестовна ея вниманія къ сановитому старичку. Она, конечно, не догадывалась, что тетка давно уже и безошибочно поняла степень ея скорби и нашла необходимымъ успокоить ее до поры до времени, тѣмъ болѣе, что и положеніе судебного дѣла Викторіи Александровны вдругъ приняло такое направленіе,

что сановитаго старичка можно было поводить за носъ, пока окажется въ немъ надобности въ болѣе или менѣе отдаленнои будущемъ.

Положеніе дѣлъ дѣйствительно круто измѣнилось. Измѣнила и сама Елена Модестовна. Прежняя сановитость въ манерѣ держаться, хотя и не покидавшая ее въ тяжелые дни со времени смерти Валерьяна Ивановича, но имѣвшая тогда въ себѣ что-то подавленное, теперь приняла вдругъ, сразу, яркое и опредѣленно выраженіе. Откуда же вдругъ нахлынула такая перемѣна?

На этотъ вопросъ не могли отвѣтить ни Nadine, ни князь Павелъ, ни даже Григорій Геннадіевичъ Кожевниковъ, съ которыми Елена Модестовна нѣсколько дней тому назадъ имѣла крупн объясненіе и упрекала его за то, что онъ слабо говорилъ на судъ въ защиту интересовъ ея дочери и внука. Однакожъ, она ни словомъ не намекнула ему на то, что ей извѣстно о его попыткѣ сойтись съ Петромъ Ивановичемъ, и заявила, что желаетъ остать заключенное съ нимъ условіе о продажѣ имѣнія въ свои силы, до окончательнаго рѣшенія дѣла въ судебной палатѣ. «Неужели она надѣется выиграть дѣло?—думалъ онъ,—должно бы такъ... Мудреная женщина!» Но дальше этихъ предположеній Григорій Геннадіевичъ идти не могъ, и дѣйствительной причины перемѣнъ состоянія духа Елены Модестовны не узналъ. Зналъ о этомъ только адвокатъ Модниковъ, которому была выдана о имени Викторіи Александровны и Сереежи новая довѣренность продолженіе ихъ судебного дѣла, вмѣсто уничтоженной довѣренности князю Павлу.

XXXVIII.

На другой же день послѣ полученія отъ наследниковъ Лачуникова довѣренности, Модниковъ произвелъ переполохъ не только въ партіи Петра Ивановича, но и въ семействѣ о. Макарія, принадлежащаго ни къ какой партіи, перепугалъ и Григорія Геннадіевича Кожевникова и многихъ другихъ жильцовъ дома Лачуникова. Эти послѣдніе были перепуганы дошедшими до нихъ слухами о томъ, что домъ осматриваетъ полиція съ судебнымъ съ

дователемъ. Что было страшнаго для мирныхъ обитателей дома въ этомъ осмотрѣ, они, разумѣется, и сами не знали; но оставаться спокойными все-таки не могли, будучи увѣрены въ томъ, что коль скоро гдѣ полиція, тамъ, значитъ, что нибудь неладно.

Въ семействѣ о. Макарія энергическая дѣятельность Модникова произвела еще большую тревогу, чѣмъ въ домѣ Лачужникова, хотя ни полиція, ни слѣдователь въ квартиру о. Макарія не являлись. У него въ семьѣ были перепуганы всѣ, — и онъ, и жена, и четыре дщери — перепуганы тѣмъ, что въ ихъ мирную квартиру, какъ снѣгъ на голову, упала повѣстка отъ судебного слѣдователя, приглашавшая о. Макарія явиться къ нему для отвѣтовъ въ качествѣ прикосновеннаго къ дѣлу о духовномъ завѣщаніи покойнаго Валерья Ивановича Лачужникова. Хотя Модниковъ для осуществленія задуманнаго имъ плана вовсе не имѣлъ надобности въ привлеченіи къ отвѣту о. Макарія, но однакожъ призналъ, что не мѣшаетъ и его поугатъ, авось, при своей скромности, что нибудь напутаетъ полезное для дальнѣйшаго хода дѣла. О. Макарій, получивъ повѣстку, нѣкоторое время недоумѣвалъ, оглядывая ее съ той и другой стороны и читая печатный текстъ сдѣланныхъ на ней выписокъ изъ свода законовъ; но потомъ, когда ему стало ясно, что эта впервые въ жизни видимая имъ бумажка не есть простая повѣстка для явки въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, а привлеченіе его къ отвѣту по уголовному дѣлу, — онъ измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и смялъ было повѣстку въ кулакъ, намѣреваясь скрыть ее отъ вниманія жены. Матушка уже замѣтила его испугъ и безцеремонно ухватила обѣими руками за ту его руку, въ которой была смята повѣстка. Прочитавъ ее, она накинулась на о. Макарія съ вопросами:

— Что это такое, о. Макарій? заволновалась она, — что это? Тебя требуютъ по уголовному дѣлу и даже въ качествѣ прикосновеннаго? Что это такое и гдѣ ты что напуталъ?..

— Ничего, я, матушка, не напуталъ. Это, должно быть, тамъ что нибудь, у Лачужниковыхъ, тамъ давно уже возгорѣлась вражда... Но матушка не хотѣла слушать объясненій и замахала руками.

— Ахъ, ахъ, не оправдывайся! Что нибудь неладно. Безъ

огня нѣтъ дыму. Ты рохля и тебя навѣрное опутали. Батюшки мои, что теперь такое съ нами будетъ? Вѣдь тебя, глупаго фofана, за-судятъ. Дѣти! закричала она, Маша, Глаша, Дуня, Катя! О, Царица Небесная! Что вы тамъ, дрянныя дѣвчонки, копаетесь еще—идите сюда скорѣе! Отца-то вашего подъ уголовный судъ таянуть.

— Матушка, позволь!.. Не спѣши... Выслушай ты меня, ради Бога, возразилъ было о. Макарій, убѣдительно сложивъ на груди руки.

Но матушка, увидя наконецъ своихъ четырехъ дочерей и представивъ себѣ весь ужасъ того положенія, въ которое онѣ могутъ быть ввергнуты именно по винѣ ихъ простодушнаго отца, громко зарыдала и кинулась на встрѣчу дочерямъ.

— Маменька, что вы, что съ вами? Паленька, что такое случилось?

Лица дочерей были блѣдны, волосы не у всѣхъ въ порядкѣ; матушка тоже имѣла прическу не совсѣмъ оконченную, и самъ о. Макарій, окруженный четырьмя дочерьми и женою, стоялъ среди нихъ въ своемъ свѣтло-фіолетовомъ подрясникѣ съ такимъ унылымъ выраженіемъ лица, точно его требовали не для объясненій по уголовному дѣлу, а прямо для ссылки въ Сибирь.

Въ квартирѣ Григорія Геннадіевича Кожевникова хотя и не произошло такого переполоха, какъ у о. Макарія, хотя и не узнали ни Марья Ильинишна, ни Христофоръ Григорьевичъ ничего относительно привлеченія ихъ «владыки» къ судебному слѣдователю; но зато самъ этотъ владыка былъ до того испуганъ повѣсткою слѣдователя, что заперся въ кабинетъ на ключъ и, завалившись на диванъ, лицомъ внизъ, лежалъ на немъ недвижимъ въ продолженіе цѣлаго часа. Что онъ думалъ, чего боялся, кого подозрѣвалъ въ подкoпкахъ противъ себя—этого нельзя было доискаться въ его думахъ. Лежитъ чоловѣкъ спиною вверхъ, уткнулся лицомъ въ подушку и не слышно, дышетъ или нѣтъ. Въ воображеніи его рисуется только одна недавняя сцена, какъ ввалился въ переднюю воинъ съ запахомъ махорки и кислой капусты, и какъ онъ, съ явною противоположною своему мрачному виду, равкнулъ: «Здравія желаемъ вашему высокостепенству, къ вамъ бумажка. Пожалуйте, получите». Не

помнилъ Григорій Геннадіевичъ, какъ получилъ эту «бумажку», какъ сталъ ее читать и какъ потомъ, самолично, затворивъ за воинномъ двери, уединился въ кабинетѣ. Вертѣлись у него въ памяти только цифры статей закона, напечатанныя на повѣсткѣ слѣдователя и прыгали строки этихъ статей, забѣгая одна за другую. Подходила къ дверямъ его кабинета нѣсколько разъ Марья Ильинишна, трогала ручку двери и уходила обратно, будучи въ смущеніи насчетъ того, въ кабинетѣ ли Григорій Геннадіевичъ, или ушелъ въ магазинъ, затворивъ на ключъ кабинетъ, что иногда онъ дѣйствительно дѣлывалъ. Вышелъ потомъ Григорій Геннадіевичъ изъ кабинета самъ не свой, борода не въ порядкѣ, ключьями какими-то торчатъ, волосы не приглажены и въ глазахъ отчаяніе.

— Что съ вами, Григорій Геннадіевичъ, на васъ лица нѣтъ, а вѣдь я думала вы въ магазинѣ? заговорила Марья Ильинишна, — ужли захворали, Григорій Геннадіевичъ?

— Захворалъ я, надо быть, Марья Ильинишна, сильно мнѣ неможется.

— Должно быть, простудились вы, Григорій Геннадіевичъ, — пропотѣть бы вамъ, а то, можетъ быть, пожелаете поскорѣ лѣкаря. Не послать ли, Григорій Геннадіевичъ?

— Погоди, я какъ нибудь того... самъ съѣзжу къ лѣкарю-то. Онъ дѣйствительно поѣхалъ, но только не къ лѣкарю, а къ своему молчаливому адвокату. Адвокатъ тоже немало изумился, увидѣвъ его такимъ разстроеннымъ, какимъ никогда до сихъ поръ не видалъ.

— Что съ вами, Григорій Геннадіевичъ? вы больны? тревожно спросилъ и онъ.

— Выручай, братъ! отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ, грузно опускаясь въ кресло, — дѣло-то мое, помнишь, то, которое ты мнѣ разговѣтывалъ шевелить — выплыло, вѣдь, проклятое! Къ судебному слѣдователю требуютъ. Отродясь не бывалъ въ уголовныхъ дѣлахъ... Вотъ повѣстка.

Адвокатъ прочелъ повѣстку, приглашавшую Григорія Геннадіевича явиться къ слѣдователю «въ качествѣ обвиняемаго въ захватѣ и сокрытіи духовнаго завѣщанія умершаго дѣйствительнаго статскаго

совѣтника Лачужникова и въ подозрительныхъ сношеніяхъ по этому дѣлу съ наслѣдникомъ завѣщателя и съ управляющимъ домомъ, Стуловымъ». Молча свернувъ повѣстку надвое, какъ она была ранѣе свернута, и передавъ ее обратно Григорію Геннадіевичу, адвокатъ кашлянулъ, прикрывъ ротъ рукой, и потомъ, помолчавъ, попросилъ его вновь рассказать подробности событія того вечера, когда случилась съ нимъ непріятная исторія въ квартирѣ Стулова.

— Ахъ, ты опять за то же, брезгливо отвѣтилъ Григорій Геннадіевичъ, — съ души воротить, какъ вспомнишь...

— Но мнѣ необходимо знать всѣ подробности.

— Ослѣпъ я тогда, вотъ что! Не видѣлъ, въ слѣпотѣ-то своей, что они, проклятые, механику подводятъ... А теперь вотъ чувствуешь, какая изъ этого катавасія...

— Но вы расскажите по порядку.

Волей-неволей, пришлось Григорію Геннадіевичу рассказывать, со всѣми подробностями, событіе печальнаго вечера въ квартирѣ Стулова, и когда рассказъ этотъ, прерываемый по временамъ дополнительными вопросами адвоката, окончился, Григорій Геннадіевичъ спросилъ:

— Ну, что, какъ, по твоему, можно выкрутиться?

— Можно... Я полагаю...

— Выручай, бери сколько требуется, только выручай!

Послѣ долгихъ разговоровъ, совѣщаніе ихъ окончилось. Григорій Геннадіевичъ, однако же не сказалъ ему ничего о томъ, что у него есть условіе съ княгиней, не сказалъ, потому что и самъ не зналъ, какъ теперь къ нему относиться и что думать о княгинѣ.

— «Ну, оказія! томился онъ, — сама меня уговариваетъ стоять за нихъ, а ея адвокатъ меня топить хочетъ». Возвращаясь домой, онъ завернулъ въ Казанскій соборъ и долго стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери, не замѣчая, какъ около него становились на колѣни другіе молящіеся, каждый съ своими скорбями — больше всего старушки и пожилыя женщины, и какъ потомъ, брякая саблей, прошагалъ мимо его въ образе какой-то генералъ въ полной формѣ, вся грудь въ орденахъ, черезъ плечо

двѣ ленты и лицо сіяющее, должно быть только что гдѣ-то былъ въ высшихъ сферахъ и «удостоенъ», и вотъ, въ порывѣ высокаго чувства, забѣжалъ «поблагодарить». Григорій Геннадіевичъ только покосился на него, когда онъ пошелъ обратно, свободно помахи-вая правой рукой около свѣтлыхъ пуговицъ, изображая этимъ крестное знаменіе. Вдохнувъ Григорій Геннадіевичъ глубокимъ вздохомъ, не то отъ зависти къ генералу, что вотъ, молъ, какъ свободенъ онъ духомъ, не то отъ страха при мысли о томъ, что, пожалуй, подобный этому сіяющій звѣздоносець будетъ допрашивать его на судѣ, «какъ было дѣло».

— Господи, спаси и помилуй! шепталъ онъ, возвращаясь домой, озабоченный и вздыхающій; но все-таки смиреніе его было еще не настолько искренно, чтобы забыть о виновникѣ своихъ бѣдствій, Стуловѣ, и не проклинать его за хитрость и коварство.

Стуловъ самъ въ это время тоже не былъ въ спокойномъ состояніи духа. Онъ растерялся не столько изъ боязни за свою отвѣтственность, по прикосновенности къ дѣлу о духовномъ завѣщаніи, сколько изъ опасенія, что при такомъ рѣзкомъ поворотѣ процесса съ гражданскаго на уголовный путь,—процессу этому, можетъ, пожалуй, грозитъ неблагоприятный исходъ. Его испугала всего болѣе не повѣстка судебного слѣдователя, а та быстрота, съ какою новый адвокатъ далъ движеніе дѣлу, такъ какъ утромъ того же дня, въ которое онъ получилъ отъ слѣдователя повѣстку, самъ этотъ слѣдователь, сопровождаемый нѣсколькими полицейскими чинами, явился въ его квартиру. Онъ произвелъ осмотръ мѣста, гдѣ была временная дверь, устроенная для того памятнаго вечера, когда Стуловъ и Петръ Ивановичъ ловили Григорія Геннадіевича съ духовнымъ завѣщаніемъ. Теперь дверь эта была уже задѣлана, то есть, вѣрнѣе сказать, заклеена обоями, и судебный слѣдователь обои эти попросилъ снять, чтобы съ надлежащею точностью изслѣдовать ея размѣры въ длину, ширину и толщину, размѣры ея петель, винтовъ и такъ далѣе — все это, разумеется, для того, чтобы въ протоколѣ объ осмотрѣ двери не было упущено ни малѣйшей частности. Пока составляли протоколъ, Стуловъ Богъ знаетъ чего не передумалъ. Являлось и раскаяніе,

что онъ замѣшался нехстати въ северное дѣло, мучило и сожалѣніе о томъ, что поддался увѣщаніямъ Петра Ивановича и не пригласилъ полиціи въ день ловушки Кожевникова. «Не было бы этихъ скверныхъ послѣдствій, думалъ онъ, косясь на слѣдователя, яснѣе и чище было бы все дѣло, а теперь, пожалуй, съ этой путаницей возможна всякая чертовщина». Онъ отчасти догадывался, что Модниковъ на этомъ именно скверномъ случаѣ съ Кожевниковымъ хочетъ построить защиту дѣла въ судебной палатѣ, и онъ не ошибался въ этой догадкѣ, хотя Модниковъ имѣлъ въ виду, кромѣ этого случая съ Кожевниковымъ, еще многія другія обстоятельства, которыя намѣревался выдвинуть въ свое время, и именно тамъ, гдѣ они могутъ оказать вліяніе на благопріятный исходъ дѣла. Стуловъ думалъ однако-же, что дѣло такъ-таки на уголовномъ пути и останется и уголовнымъ порядкомъ будетъ идти до конца; но Модниковъ смотрѣлъ иначе и привлекъ къ уголовной отвѣтственности всѣхъ присосновенныхъ къ дѣлу о духовномъ завѣщаніи вовсе не для того, чтобы добиться ихъ обвиненія. Напротивъ, онъ желалъ, подъ видомъ выясненія нѣкоторыхъ подробностей дѣла, еще болѣе запутать ихъ и воспользоваться этой запутанностью для осуществленія своихъ плановъ.

Съ этою цѣлью были привлечены въ камеру слѣдователя не только о. Макарій, Стуловъ и Кожевниковъ, не только Петръ Ивановичъ, но и тѣ трое свидѣтелей—два артельщика и дворникъ Михайло,—которые были въ квартирѣ Стулова, когда устроена была тамъ ловушка для Григорія Геннадіевича. Были привлечены и столляръ съ своимъ помощникомъ, которые дѣлали секретную дверь въ квартирѣ Стулова и до которыхъ Модниковъ, со свойственной ему энергіей и проницательностью, добрался очень скоро.

Такая энергическая дѣятельность Модникова не могла не произвести должнаго впечатлѣнія и на Петра Ивановича. Получивъ повѣстку отъ слѣдователя, онъ поспѣшилъ, конечно, къ Стулову; потомъ, захвативъ его съ собой, поѣхалъ къ адвокату и долго тамъ оставался. Возвратившись вечеромъ домой, усталый, недвольный, онъ сильно раскричался съ сыномъ, позволившимъ себѣ отнестись къ его положенію пронически.

— Я тебѣ запрещаю говорить со мной такимъ тономъ! закричалъ Петръ Ивановичъ.—Ты не имѣешь права скалить зубы надъ тѣмъ, что тебѣ вовсе неизвѣстно.

— Права, можетъ быть, я и не имѣю, спокойно замѣтилъ Яковъ Петровичъ,—но все-таки вижу, что съ наслѣдствомъ покойнаго вашего брата вы вбухались, родитель, въ болото!!

XXXIX.

Долго-ли, коротко-ли продолжалось слѣдствіе—Богъ его знаетъ. Часто что-то ѣздили въ камеру слѣдователя то Петръ Ивановичъ со Стуловымъ, то артельщики съ дворникомъ Михайломъ, то Григорій Геннадіевичъ Кожевниковъ. И только о. Макарій былъ всего одинъ разъ; его, послѣ перваго-же показанія, слѣдователь не сталъ беспокоить, видимо признавъ, что дѣло по заявленію Модникова о подозрительныхъ сношеніяхъ Кожевникова, Стулова и Петра Ивановича, по захвату и сокрытію духовнаго завѣщанія, не имѣетъ никакого отношенія къ о. Макарію.

Модниковъ только именно по этому обвиненію началъ уголовное дѣло, то есть по обвиненію Петра Ивановича въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Кожевниковымъ и Стуловымъ, по захвату Кожевниковымъ завѣщанія, а никакъ не о подлогѣ какомъ либо при составленіи этого завѣщанія. Онъ очень хорошо зналъ, что, начавъ дѣло о подлогѣ, могъ его выиграть не иначе, какъ обвинивъ противную сторону въ уголовномъ преступленіи, а этого добиться было не легко, ибо судъ присяжныхъ, не смотря ни на какое, ораторское краснорѣчіе, все-таки требуетъ для обвиненія твердыхъ доказательствъ.—«Довольно мнѣ и этого, думалъ Модниковъ, что я пощупаю ихъ у слѣдователя, а тамъ дальше, Богъ дастъ, дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ». Самъ онъ въ камеру слѣдователя не ѣздилъ, да и надобности въ этомъ не имѣлъ, такъ какъ заранѣе зналъ, что именно должно на слѣдствіи выясниться и что оно дастъ ему потомъ по своемъ окончаніи. Но зато тѣ, кого онъ привлекъ къ слѣдствію, проклинали его за тѣ неприятели, которыми сопровождалась ихъ поѣздка въ камеру слѣдователя.

Камера слѣдователя помѣщалась въ зданіи окружнаго суда, высоко, высоко, чуть не подъ самой крышей. Комната, въ которой приходилось ждать, по очереди, вызова отъ слѣдователя, представляла собою нѣчто унылое, огромное, грязное, съ окнами съ двухъ сторонъ и съ деревянными скамьями около стѣнъ. Изъ этой огромной комнаты былъ выходъ въ темный коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщались двери въ камеры судебныхъ слѣдователей разныхъ участковъ. У входа въ этотъ коридоръ тѣснилась толпа разнообразнаго люда. Были тутъ и женщины въ модныхъ пальто, съ подозрительнымъ румянцемъ и съ такимъ выраженіемъ на лицахъ, которое рекомендовало ихъ, какъ несомнѣнныхъ обитательницъ веселыхъ домовъ, были и мужчины въ отрепанныхъ костюмахъ—разночинцы и промотавшіеся дворяне, съ запахомъ погребка, и мужики въ овчинныхъ полушубкахъ и ободранныхъ поддѣвкахъ — гнилой осадокъ трудового населенія города. Бушцы съ печальными фізіономіями, тѣснясь тутъ же, въ толпѣ подозрительныхъ лицъ, вдыхали подъ тяжестью мрачныхъ думъ объ исходѣ уголовного дѣла, вызваннаго, быть можетъ, неудавшеюся операціею по приобрѣтенію богатства. Отставные военные въ отцвѣтшихъ мундирахъ и засаленныхъ эполетахъ, задорно покручивали усы, съ пренебреженіемъ взирая на толпу, несомнѣнно признаваемую ими за нѣчто, неизмѣримо ниже ихъ стоящее, хотя и толпа эта, и они сами одинаково призваны къ отвѣту по уголовнымъ дѣламъ. Старушки въ старомодныхъ салопахъ и съ слезливыми глазами охали и вдыхали, жалуясь на обманы и обиды, привлечшіе ихъ къ судебному слѣдователю и на долговременное ожиданіе своей очереди. Евреи и восточные «человѣки» тоже вдыхали и хмурились, и взподлбья косились по сторонамъ, точно волки, попавшіе въ засаду. Франты въ цвѣтныхъ перчаткахъ брезгливо сторонились отъ толпы и, подобно всѣмъ другимъ, поглядывали по временамъ вдоль коридора въ нетерпѣливомъ ожиданіи, скоро-ли покажется оттуда дежурный сторожъ и, подойдя къ рѣшеткѣ, заграждающей путь въ коридоръ и охраняемой тоже сторожами, вызоветъ то или другое лицо, приглашая его въ камеру слѣдователя.

— Боже мой! вздыхалъ Петръ Ивановичъ, томясь ожиданіемъ своей очереди.—Гдѣ я? Правду говорить Яковъ, что богатство покойнаго брата затащило меня въ болото. Жилъ я мирно и тихо, велъ знакомство съ одними книгами, пока судьба не бросила меня въ этотъ омутъ. Могъ ли я когда нибудь думать, что попаду сюда, въ это странное общество, въ большинствѣ котораго что ни лицо—то подозрительный человѣкъ.

Онъ повосился на толпу, тѣснившуюся у коридора, и оглянулся потомъ на какіе-то обгорѣлые ящики, стоявшіе въ сторонѣ, а около нихъ какія-то доски, похожія на полки изъ шкафовъ магазина, имѣвшія тоже обгорѣлые концы. Очевидно, все это были вещественныя доказательства по дѣлу о какомъ нибудь поджогѣ, неудачно произведенномъ алчнымъ до сораго обогащенія торгашемъ. Петръ Ивановичъ еще больше затосковалъ, что, по волѣ несповѣдимаго промысла, ему пришлось замѣшаться въ такое темное дѣло, при разсмотрѣніи котораго слѣдователь вправѣ относиться къ нему, какъ къ какому нибудь преступнику, въ родѣ того поджигателя обгорѣлыхъ ящиковъ.

Григорій Геннадіевичъ Кожевниковъ, посѣщая камеру слѣдователя (раза три ему пришлось съѣздить), тоже жаловался на свою судьбу и тосковалъ, недовольный тѣмъ, что приходится ждать очереди у входа въ коридоръ по цѣлымъ часамъ. Обгорѣлые ящики и на него навели мрачныя мысли.—«Вотъ, дескать, я въ какомъ ужасномъ мѣстѣ оказался, наряду съ уголовными преступниками, а тамъ Гришутка съ товаромъ не знаетъ какъ управиться: надо бы и въ Москву смахать, и въ Нижній тоже слѣшное дѣло есть: чаишку партія подходящая наклѣвывается, а тутъ, вотъ, томись промежду этого народу и жди, пока тебя оправяютъ». Но онъ не такъ былъ удрученъ скорбью, какъ Петръ Ивановичъ, хотя, казалось бы, ему, по его отношенію къ дѣлу, слѣдовало быть больше озабоченнымъ. По временамъ, изъ темной дали коридора доносились звуки цѣпей. Ясно было, по ихъ равномернымъ ударамъ, что они происходятъ отъ шаговъ идущаго въ цѣпяхъ человѣка. Григорій Геннадіевичъ прислушивался, поглаживалъ бороду, косясь на мрачный коридоръ и догадываясь, что это шаги

уголовнаго преступника, проведеннаго съ другой стороны коридора въ кому нибудь изъ слѣдователей въ камеру для допросовъ.

— Однако же мѣстоположеніе здѣсь очень неблагоприятное, шутъ ихъ побери! подумалъ онъ, недовольный, что и время идетъ по-пусту и въ торговыхъ дѣлахъ задержка, да еще и звуки цѣпей неприятно дѣйствуютъ на слухъ.

Но необходимо слѣдуетъ замѣтить, что состояніе духа Григорія Геннадіевича теперь не было совсѣмъ такое подавленное, какое онъ имѣлъ въ день полученія повѣстки отъ слѣдователя. Теперь онъ ободрился и зналъ уже, что и какъ нужно отвѣчать. На вопросы слѣдователя онъ показавъ слѣдующее:

«Завѣщанія я не скрывалъ и денегъ за его возвращеніе не просилъ, а что не передалъ его своевременно наследнику, такъ именно потому, что наследникъ этотъ, братъ покойнаго завѣщателя, былъ мнѣ долженъ, и я, задержкою завѣщанія, хотѣлъ долгъ свой выручить. Долга этого я однако же не выручилъ и отступился отъ него въ негодованіи на то, что наследникъ съ своимъ единомышленникомъ Стуловымъ, тоже съ моимъ должникомъ, устроили въ квартирѣ послѣдняго западню и хотѣли насильно отнять у меня завѣщаніе. Видя это, я не только завѣщаніе отдалъ, но и векселя ихъ разорвалъ, не желая имѣть дѣла съ подобными низкими людьми».

Показанія другихъ лицъ противорѣчили его показаніямъ, но онъ стоялъ на своемъ и выстоялъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было сбить его съ того положенія, на которомъ онъ оставался, благодаря, разумѣется, совѣту своего молчаливаго адвоката. Стуловъ и Петръ Ивановичъ показывали то, что въ дѣйствительности происходило, а онъ твердилъ свое, что ихъ показанія не заслуживаютъ вѣры, что оба они были должны ему по векселямъ и что съ такими низкими людьми онъ дѣла имѣть не захотѣлъ и даже ихъ векселя имъ вышвырнулъ, не получивъ уплаты. Свидѣтели показывали, что какіе-то векселя онъ дѣйствительно выбросилъ на столъ, но какіе именно—они не знаютъ. Рассказывали они, конечно, и о томъ, что Григорій Геннадіевичъ говорилъ что-то о духовномъ завѣщаніи, требовалъ за его возвращеніе тридцать пять тысячъ, и Григорій Ген-

надѣвнчть отъ этого не отказывался, подтверждая, что дѣйствительно требовалъ деньги, но не тридцать пять тысячъ, а только пять, и не за возвращеніе завѣщанія, а какъ долгъ по векселю.

Слѣдствіе такъ на томъ и кончилось, что Григорій Геннадіевичъ остался при своемъ показаніи, а свидѣтели и Стуловъ съ Петромъ Ивановичемъ—при своемъ. Прокуроръ, къ которому, по существующему порядку, было представлено дѣло по производству слѣдствія, не нашелъ въ немъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы привлечь обвиняемыхъ къ уголовной отвѣтственности. Дѣло такимъ образомъ кончилось какъ будто-бы ничѣмъ. Но Модниковъ думалъ объ этомъ иначе. Онъ въ такомъ окончаніи дѣла видѣлъ осуществленіе своихъ плановъ и надѣялся на успѣхъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, то есть, при рассмотрѣніи его апелляціонной жалобы въ судебной палатѣ, куда эта жалоба своевременно была имъ подана.

Д. Стахѣвъ.

(Окончаніе будетъ).

МИХАИЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

«Смерть Скобелева—истинное несчастье для Россіи». Такъ говорили и писали всѣ или почти всѣ русскіе граждане, принимающіе къ сердцу судьбы отечества, когда пронеслась печальная вѣсть о неожиданной кончинѣ славнаго полководца. Люди самыхъ разнородныхъ воззрѣній сходились на томъ, что злая судьба, неотвязно преслѣдующая Россію, нанесла ей новый ударъ, внезапно отнявъ у нея человѣка, на котораго возлагались большія надежды и имя котораго пользовалось обаяніемъ въ народныхъ массахъ. Скорбь была общая и искренняя. Чувствовалась какая-то убыль національной силы, чувствовалась потеря, въ настоящую минуту незамѣнимая. Тѣ, кто въ день смерти и похоронъ Скобелева находился въ Москвѣ, были свидѣтелями самыхъ трогательныхъ сценъ народнаго горя и истинно-величественной манифестаціи народнаго чувства, взволнованнаго тяжелою утратой; но и мы, находившіеся вдали отъ мѣста смерти героя Плевны и Геокъ-Тепе, не могли не видѣть того угнетеннаго настроенія, какое вызвала эта смерть во всѣхъ слояхъ русскаго населенія. На торжественной панихидѣ, происходившей въ исакіевскомъ соборѣ 28 іюня, мы были свидѣтелями въ своемъ родѣ единственнаго зрѣлища: интеллигентная и, такъ сказать, отборная публика, почти исключительно наполнявшая величественный и обширнѣйшій храмъ русской столицы, когда раздались печальные звуки молитвы «Со святыми упокой», опустилась на колѣни и молилась въ глубокомъ волненіи. Простой народъ, пораженный неожиданностью смерти лица, имя котораго, со времени послѣдней войны съ Турціей, сдѣлалось извѣстнымъ въ каждой русской деревнѣ, не хотѣлъ вѣрить, что эта смерть произошла

естественно. Онъ видѣлъ въ ней руку тайныхъ враговъ Россіи и тѣмъ явно обнаруживалъ тревогу, каковую въ душѣ его произвело печальное извѣстіе.

Быть можетъ, тревога есть именно то чувство, съ какимъ отнеслось къ смерти Скобелева и русское образованное общество. Какъ ни велико у насъ сознаніе внутреннихъ золъ, какъ ни подавлены мы видомъ нашего гражданскаго неурейства, какъ ни тяжело намъ живется у себя дома въ разныхъ отношеніяхъ, но съ нѣкотораго времени насъ стало тѣснить новое, дотолѣ невѣдомое намъ чувство, чувство недостатка внѣшней государственной безопасности. Не столько послѣ несчастной для насъ крымской войны, сколько послѣ «побѣдоносной» недавней войны съ Турціей, мы потеряли прежнюю самонадѣянность, потеряли чувство своей неуязвимости со стороны западныхъ сосѣдей. Всѣ мы не только считаемъ теперь возможною войну съ Германіей и Австріей, но и понимаемъ, что война эта потребуетъ отъ насъ величайшаго напряженія, и даже допускаемъ, что она можетъ кончиться для насъ неудачно. Мы видимъ, что сосѣди наши далеко опередили насъ не только формами гражданскаго быта, не только благоустройствомъ политическимъ, экономическимъ и финансовымъ, но и военными средствами, какъ то: устройствомъ на нашей границѣ сильныхъ крѣпостей, обильнымъ и усовершенствованнымъ вооруженіемъ, способностью къ быстрой мобилизаціи арміи и даже численностью войскъ, немедленно готовыхъ вступить въ борьбу съ непріателемъ. Наши военные писатели стали откровенно признаваться, что у насъ нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы вести войну наступательную съ западными сосѣдями, что мы можемъ не безъ успѣха вести съ ними развѣ войну оборонительную, да и то защищаясь больше пространствомъ, чѣмъ крѣпостями и оружіемъ. Этого тяжелаго чувства и горькаго сознанія, пятнадцать—двадцать лѣтъ тому назадъ, у насъ не было. Крымская война свидѣтельствовала только о нашей гражданской и экономической отсталости, а не объ упадкѣ нашего военнаго могущества. Мы по прежнему оставались сильной военной державой, съ которой нечего было и думать вступать въ борьбу политически-разстроенной Австріи или слабѣйшей изъ великихъ державъ, Пруссіи. Но съ того времени, какъ Австрія сдѣлалась свободнымъ государствомъ, а Пруссія, при нашей по-

мощи, превратилась въ Германію, положеніе дѣла измѣнилось не въ нашу пользу. На нашей западной границѣ образовалась страшная военная сила, тѣмъ болѣе грозная, что государства, которымъ она принадлежитъ, находятся не въ соперничествѣ, какъ это было прежде, а въ тѣсной дружбѣ, значеніе которой можетъ обнаружиться главнымъ образомъ въ войнѣ съ нами. Основательно или нѣтъ, Скобелевъ считался единственнымъ генераломъ, который былъ страшенъ нашимъ врагамъ, настоящимъ и будущимъ; по крайней мѣрѣ, его военному генію наиболѣе довѣряло русское общество и онъ одинъ считался способнымъ вести наши войска къ вѣрной побѣдѣ. И вдругъ этого военнаго генія не стало! Понятна тревога.

Въ такомъ впечатлѣніи, произведенномъ смертью Скобелева на русское общество, сама собою сказалась оцѣнка его значенія для родины. Думать, что только геній внезапно умершаго героя былъ способенъ предотвратить для насъ бѣдствія несчастной европейской войны; вѣрить, что только онъ одинъ могъ вести насъ въ этой войнѣ къ побѣдѣ—что еще требуется для признанія великихъ заслугъ и талантовъ въ военномъ человѣкѣ? Могъ ли самъ покойный ожидать себя болѣшей оцѣнки и признанія среди своихъ соотечественниковъ? А русское общество несомнѣнно такъ думало и такъ вѣрило, или, по крайней мѣрѣ, было расположено такъ вѣрить, считая, какъ и онъ, войну съ западными сосѣдями неотвратимою послѣ колоссальныхъ промаховъ, надѣлавныхъ нашею внѣшнею политикою еще въ прошлое царствованіе. Общество наше осталось при своемъ взглядѣ на любимаго героя послѣдней балканской войны и послѣ видимаго увлеченія, какому онъ поддался въ своей рѣчи на обѣдѣ 12-го января въ Петербургѣ и затѣмъ въ обращеніи къ сербскимъ студентамъ въ Парижѣ. Увлеченія эти говорили только о недостаткѣ политической выдержки въ человѣкѣ, страдавшемъ жаждою дѣятельности и понимавшемъ необходимость поддержать хоть чѣмъ-нибудь бодрость духа въ обществѣ, которое, послѣ новыхъ и глубокихъ разочарованій, въ лицѣ однихъ начинало предаваться постыдному равнодушію, а въ лицѣ другихъ стало приходиться въ зловѣщее отчаяніе. Если пишушій эти строки, въ свое время, нападалъ съ нѣкоторою живостью на эти увлеченія, то, во-первыхъ, потому, что они энергически поддерживались и даже

прославлялись у насъ партией, гибельное вліяніе которой на наши дѣла было въ то время очевидно; а, во-вторыхъ, потому, что не было для насъ ничего болѣе неблагоразумнаго, какъ возбуждать бдительность врага и давать ему въ руки тяжкое противъ насъ, въ глазахъ остальной Европы, обвиненіе въ вызовѣ. Можно видѣть необходимость или неизбежность войны и слѣдуетъ къ ней готовиться, но ускорить ея наступленіе, не обращая вниманія на наше внутреннее разстройство, могло быть дѣломъ только самой необдуманной политики. Вызовъ, сдѣланный Скобелевымъ въ петербургской и парижской рѣчахъ нѣмецкому племени, былъ очень опрометчивымъ шагомъ со стороны храбраго генерала и обнаруживалъ въ немъ очевидный недостатокъ политическаго благоразумія; но, какъ мы сказали, онъ нисколько не поколебалъ въ глазахъ общества значенія Скобелева, какъ геніальнаго полководца, который можетъ, въ критическія минуты, оказать отечеству незабвенныя услуги.

Недавно появившаяся и только-что прочтенная нами книга г. Немировича - Данченко, *) сообщающая множество живыхъ и самыхъ интересныхъ данныхъ о безвременно умершемъ генералѣ, какъ нельзя болѣе оправдываетъ скорбь русскаго народа объ его утратѣ. Книга эта написана на-скоро, страдаетъ отсутствіемъ строгаго расположенія матеріала, неисправна въ корректурномъ отношеніи, но она необыкновенно содержательна, и появилась какъ нельзя болѣе кстати. Авторъ, познакомившійся съ покойнымъ въ началѣ войны 1877—1878 годовъ, бывшій свидѣтелемъ его смѣлыхъ подвиговъ, близко сошедшійся съ нимъ и имѣвшій возможность хорошо изучить его, сообщаетъ намъ лишь свои воспоминанія и личные впечатлѣнія. Но въ этихъ отрывочныхъ «воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ» встаетъ передъ нами живой человекъ во весь свой ростъ, и наше представленіе о немъ становится до того цѣльнымъ, что едва ли оно было бы цѣльнѣе, еслибы мы имѣли предъ собой не отрывочныя воспоминанія, а подробную и связную біографію Скобелева.

Воинскія доблести Скобелева составляютъ уже достояніе исто-

---

*) Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченко, съ 4-мя гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. С.-Петербургъ. 1882 г. (Изданіе Девриена).

риш. Его военный гений признанъ всѣми и не можетъ быть отрицаемъ въ виду совершившихся фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ и подвергнутыхъ критической оцѣнкѣ не только нашими, но и иностранными авторитетами. Служила, служить и, пожалуй, будетъ и впредь служить предметомъ спора нравственная личность почившаго героя, до крайности чернимая врагами и восторженно восхваляемая друзьями. Г. Немировичъ-Данченко близко стоялъ къ покойному, и до сихъ поръ находится подъ сильнѣйшимъ обаяніемъ его личности; мы не состояли съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ, но, читая книгу г. Данченко, невольно раздѣляемъ чувства поклонниковъ Скобелева. Намъ приходилось однако сталкиваться съ мнѣніями и чувствами совершенно другаго рода, съ печатными и устными; съ печатными—въ нѣмецкихъ газетахъ и съ устными—въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ его бывшихъ сослуживцевъ и школьныхъ товарищей. Мы не станемъ утверждать, что эти мнѣнія, неблагопріятныя памяти Скобелева, лишены основанія и внушены недоброжелательностью: слабыя стороны покойнаго очень хорошо извѣстны и нѣкоторыя изъ нихъ достойны самаго глубокаго сожалѣнія. Зачѣмъ же видѣть, поэтому, одно недоброжелательство тамъ, гдѣ приговоръ можетъ подсказываться прямо извѣстною системой нравственныхъ воззрѣній и истекать вовсе не изъ предосудительной точки зрѣнія? Но одно дѣло признавать слабости въ человѣкѣ и другое—судить о немъ на основаніи этихъ слабостей. Слабы всѣ люди безъ исключенія, особенно въ частной жизни; но нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, какъ оцѣнивать личность историческаго дѣятеля по тѣмъ или другимъ 'нехорошимъ' привычкамъ, чисто партикулярнаго свойства. Совершенно вѣрно сказано, что для камердинера нѣтъ великаго человѣка. Многіе изъ людей весьма склонны стоять на этой камердинерской точкѣ зрѣнія и даже переносить ее въ исторію. Но что можетъ быть болѣе ребяческаго и нелѣпаго?

Не смотря на всѣ свои слабости, о которыхъ такъ много было рѣчи въ послѣднее время, Скобелевъ, взятый въ цѣломъ своемъ видѣ, im Ganzen und Grossen, является намъ симпатичнѣйшею и полною дѣйствительнаго обаянія личностью. Всякій, кто прочтетъ книгу г. Данченко, непременно вынесетъ изъ нея такое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе останется вѣрнымъ даже и

тогда, еслибы было доказано, что нашъ извѣстный литераторъ, подѣлившійся съ публикою своими воспоминаніями, приводилъ ихъ односторонне и былъ слишкомъ субъективенъ въ своихъ впечатлѣніяхъ или, по-просту, сообщалъ намъ не всегда настоящую истину. Несомнѣнно-вѣрныхъ чертъ, характеризующихъ умъ, сердце, характеръ, стремленія и дѣйствія Скобелева, такъ много уже отмѣчено въ литературѣ русской и иностранной, что тѣ или другія неточныя воспоминанія или невѣрныя впечатлѣнія автора указанной нами книги не были бы въ состояніи ни малѣйшимъ образомъ подорвать вѣрность рисуемаго общою массою этихъ чертъ нравственного облика Скобелева, облика, въ высокой степени интереснаго и достойнаго изученія.

Независимо отъ своего военнаго генія, Скобелевъ былъ человѣкъ умный, образованный и гуманный. Вотъ впечатлѣніе, какое получается на каждомъ шагѣ при чтеніи книги г. Немировича-Данченко. Изъ всѣхъ этихъ свойствъ мы придаемъ особую цѣну его гуманности, той чертѣ, которая дѣлаетъ личность оплакиваемаго теперь героя особенно симпатичною. Умныхъ и образованныхъ людей немало даже и въ Россіи, гдѣ, для того чтобы быть въ силѣ и почетѣ, такъ легко обойтись и безъ ума и безъ образованія; но гуманность,—то свойство, безъ котораго личность человѣческая не имѣетъ большой нравственной цѣны, какими бы блестящими качествами она ни изобиловала,—составляетъ принадлежность высшихъ натуръ и встрѣчается рѣже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Самый грубый эгоизмъ, не стѣсняющійся въ своихъ стремленіяхъ никакимъ ущербомъ для ближняго является между нами обыденнымъ фактомъ. Малая зависть, недоброжелательство, злорадство по отношенію къ окружающимъ, стремленіе унижить ближняго и возвысить себя насчетъ его чести и репутаціи, грязное себялюбіе, не желающее шевельнуть пальцемъ въ защиту оскорбляемыхъ на нашихъ глазахъ правъ и интересовъ другаго, неуваженіе къ слабому, низшему и обиженному—все это не считается у насъ позорными качествами, не иѣшаетъ людямъ казаться порядочными. Чѣмъ дальше, тѣмъ грубѣе становится нашъ образованный человѣкъ, тѣмъ дальше отъ гуманности. И эта душевная грубость, это неуваженіе къ нравственнымъ правамъ другаго, это

волчье отношеніе къ человѣческой личности поражаютъ насъ въ современномъ русскомъ обществѣ всюду, но всего болѣе тамъ, гдѣ, повидимому, должны были бы господствовать совѣмъ другія отношенія. Тотъ проклятый татаринъ, присутствіе котораго въ нашей славянской крови, такъ рѣзко бросается въ глаза стороннему наблюдателю московскихъ нравовъ, сталъ въ послѣднее время сказываться въ нашихъ общественныхъ и административныхъ сферахъ съ особенною силою. Какъ же, послѣ этого, можетъ быть намъ не дорога гуманность,—необходимѣйшій и важнѣйшій признакъ европейской культуры, наиболѣе истинной культуры въ человѣчествѣ,—гуманность въ воинѣ, въ томъ нашемъ героѣ, печальную смерть котораго такъ единодушно оплакиваетъ Россія?

• То, что рассказываетъ г. Данченко о заботахъ Скобелева по части здоровья и довольствія солдатъ, объ уваженіи къ ихъ личности, какъ къ личности своихъ сотоварищей на полѣ брани и русскихъ гражданъ, которымъ выпала на долю честь бороться съ врагомъ отечества,—одно достаточно для того, чтобы побудить насъ отдать памяти почившаго героя величайшую дань сочувствія и уваженія. Посреди всеобщей неурядицы и самаго безчеловѣчнаго грабежа интендантскихъ чиновниковъ, солдаты отряда Скобелева были единственные, которые всегда,—даже во время страшнаго перехода, по горло въ снѣгу, черезъ Балканы,—были накормлены, обуты и одѣты. Если въ чемъ отказывала казна, то Скобелевъ покупалъ самъ или заставлялъ покупать своего отца, нерѣдко выманивая у него деньги хитростью, лишь бы его солдатъ не бѣдствовалъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда среди обобраннаго другими отрядами населенія нельзя было, повидимому, достать продовольствія или одежды солдатамъ и за хорошія деньги, Скобелевъ часто, послѣ неимовѣрныхъ усилій, умѣлъ доставать для своей арміи то, что считалъ необходимымъ для поддержанія въ ней здоровья и нравственной бодрости.

— «У насъ ничего нѣтъ!» отвѣчали интенданты Скобелеву, когда надобно было снаряжать его дивизію въ путь черезъ Балканы въ страшную зиму. И что же? Скобелевъ, какъ другіе командиры, предоставилъ солдату идти черезъ горы безъ сапогъ, мерзнуть въ изодранной шинели, кормиться сухарями, из-

гибаться подъ тяжестью лишняго груза? Ничуть не бывало. Вотъ что намъ повѣствуетъ въ данномъ случаѣ авторъ книги:

«Страшно отягощающіе солдатъ ранцы были уничтожены и замѣнены холщевыми мѣшками... Закупка сапогъ, полушубковъ, фуфаякъ шла повсюду. За три недѣли въ Габровѣ были заказаны вьюки и вьючныя сѣдла, заготовлялся неприкосновенный запасъ сухарей, крупы, наливався въ боченки спиртъ... И главное, заслуга Скобелева была въ томъ, что все это сдѣлано было помимо интендантства...

«Предусмотрительность генерала дошла до того, что заранее было куплено на каждый полкъ по 60 головъ рогатаго скота. До горъ они (sic) должны были везти запасы, а въ горахъ служить пищей. Остальные дивизионные командиры, приходя въ какую-нибудь мѣстность, требовали продовольствія и подводъ: населеніе, совѣтъ реквизированное уже, оказывалось несостоятельнымъ; движеніе войскъ замедлялось, начиналось истребленіе неприкосновеннаго запаса сухарей. Здѣсь же подводы и кормъ являлись въ одномъ и томъ же. Кормъ шелъ на ногахъ и везъ войсковые грузы. Заботливость Скобелева о солдатѣ дошла даже до того, что весь запасъ укуса и кислоты, бывшій у плевненскихъ торговцевъ, всѣ сапоги, вся кожа, всѣ бараньи шкуры были куплены. По всему пути Скобелевъ самъ лично наблюдалъ, чтобы солдаты не оставались безъ горячей пищи. Въ мятежь, на вершинахъ Балканъ, гдѣ у другихъ вымораживались цѣлыя полки, у Скобелева солдаты имѣли похлебку и вдоволь мяса» (стр. 238—239).

Въ позднюю ночь г. Данченко встрѣчаетъ Скобелева въ Казанлыкѣ, ѣдущимъ верхомъ изъ города въ одну деревню, гдѣ стояли его солдаты. На вопросъ нашего автора о причинѣ повѣздки въ такую пору, такъ какъ ему было извѣстно, что генералъ все время остановки въ Казанлыкѣ не имѣлъ «ни минуты отдыха», Скобелевъ отвѣчаетъ:

— Попаду къ разсвѣту... Хочу узнать, какъ моихъ солдатъ кормить теперь. Какъ начать варить имъ похлебку и кашу, а уже тамъ буду. Ненарокомъ... Поѣдемъ вмѣстѣ!» *).

*) Мы просимъ извиненія у г. Немировича-Данченко въ томъ, что,

Описание этого случая г. Данченко сопровождает такимъ замѣчаніемъ:

«Чѣмъ дальше, тѣмъ его заботливость о солдатѣ все больше и больше росла. Онъ сердцемъ болѣлъ за него. И всякая несправедливость, нанесенная солдату, живо чувствовалась имъ, точно эта обида направлена была на него одного. Онъ блѣднѣлъ, когда при немъ рассказывалось о томъ, какъ въ такой-то дивизіи солдаты голодаютъ, какъ въ другой ихъ сбьютъ, какъ въ третьей ихъ изводятъ на бесполезной муштрѣ...» (стр. 276).

— «Я бы васъ просилъ этого въ моемъ отрядѣ не дѣлать» — грозно замѣтилъ Скобелевъ полковому командиру, ударившему солдата. «Теперь я ограничиваюсь строгимъ выговоромъ, въ другой разъ долженъ буду принять иныя мѣры... Солдатъ долженъ гордиться тѣмъ, что онъ защищаетъ свою родину, а вы этого защитника бьете, какъ лакея...» (стр. 49).

Другой полковой командиръ, едва только поступившій въ дивизію Скобелева, былъ имъ прямо выгнанъ изъ нея за то, что съ перваго же дня сталъ, какъ выражается г. Данченко, «культивировать солдатскіе зубы».

— «Мнѣ такихъ не надо, говорилъ возмущенный Скобелевъ, совсѣмъ не надо. Отправляйтесь въ штабъ писарей бить. У меня боевые полки къ этому не привыкли» (стр. 50).

Высоко долженъ стоять въ глазахъ всѣхъ образованныхъ людей военачальникъ, оберегающій здоровье, честь и личное достоинство своихъ соратниковъ; но онъ поднимается въ нашихъ глазахъ еще выше, когда мы видимъ его пылающимъ негодованіемъ на грубое обращеніе съ плѣнными.

Солдатъ изъ конвоя, сопровождавшаго партію плѣнныхъ близъ Шейнова, ударилъ турецкаго аскера прикладомъ. Скобелевъ, случайно видѣвшій эту сцену, набросился на офицера, начальника конвоя.

— «Это что за нравы? г. офицеръ! Я отниму у васъ саблю вашу... Вы—позоръ русской арміи... За чѣмъ вы смотрите?.. Стыдъ! у васъ солдаты бьютъ плѣнныхъ!.. Бить плѣнныхъ,

---

приводя цитаты изъ его книги, сочли себя вынужденными не держаться строго ни его правописанія, ни его знаковь препинанія. Интересная книга его написана или напечатана очень небрежно.

продолжалъ онъ, можетъ только мерзавецъ и негодяй. Офицеръ, спокойно глядящій на такую подлость, не долженъ быть терпимъ... Палачи!.. Не совѣтую вамъ никогда попадать въ мой отрядъ».

И затѣмъ, обратившись къ солдату:

— «А ты—какъ ты могъ ударить плѣннаго?.. Ты дѣлалъ ему честь, дрался съ нимъ однимъ оружіемъ, онъ такой же солдатъ, какъ и ты, и только потому, что судьба противъ него, потому, что сила на твоей сторонѣ, ты бѣешь безоружнаго!» (стр. 220).

Страшно нравится намъ это святое негодованіе, вызванное возмутительнымъ насиліемъ надъ беззащитными существами. Вотъ гдѣ сказывается благородная природа человѣка! вотъ языкъ не варвара, хохочущаго при видѣ издѣвательства надъ человѣческой личностью, что такъ часто попадаетъ на глаза въ нашемъ любезномъ отечествѣ, а истаго европейца, знающаго, что такое настоящая честь, и что такое человѣческое достоинство. Но у Скобелева защита слабого и беззащитнаго не была дѣломъ минутной вспышки, какъ это у насъ встрѣчается со многими лицами, гордящимися своею гуманностью, а дѣломъ его кровнаго убѣжденія, продуктомъ его просвѣщеннаго міросозерцанія.

— «Смотрите, братцы! напутствовалъ онъ солдатъ, отправлявшихся изъ Плевны за Балканы, — не обижайте болгаръ и турокъ! Они — мирные жители. За первыхъ вы деретесь, свободу имъ своей кровью завоевываете, слѣдовательно они вамъ друзья и братья; а вторые, если остались на своихъ мѣстахъ, не ушли отъ васъ, значитъ, они вѣрятъ добротѣ и чести русскаго солдата... А обманывать такую вѣру и грѣшно, и стыдно!» (стр. 240).

Полководецъ, который былъ проникнутъ такими человѣчными чувствами даже на полѣ брани, долженъ былъ обнаруживать облагороживающее вліяніе на все окружающее. Въ книгѣ г. Данченко приведена масса примѣровъ, какъ высоко былъ поднятъ патріотическій духъ въ арміи Скобелева и какъ солдаты его, находясь подъ постояннымъ возбужденіемъ въ нихъ чувства воинской чести и человѣческаго достоинства, привыкли смотрѣть на себя, какъ на нѣчто высшее въ составѣ войскъ,

дѣйствовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ на людей, отъ которыхъ само собою требуется и особенная сила духа, и особое благородство поведенія. «Мы Скобелевскіе!» говорилъ отказавшійся отъ хлороформа солдатъ, которому нужно было отрѣзать обѣ ноги. Ему говорятъ, что безъ хлороформа трудно выдержать операцію, что всѣ принимаютъ его, а онъ отвѣчаетъ:

— «То всѣ... А мы на особомъ положеніи, мы Скобелевскіе».

Трудно выдумать ту потрясающую сцену, которую описываетъ нашъ авторъ, показывая, какую нечеловѣческую силу духа обнаружилъ этотъ «Скобелевскій» воинъ, стараясь, при страшной операціи, не уронить слабодушіемъ репутаціи своего геройскаго отряда (стр. 147—148). Словно читаешь Тита Ливія и видишь предъ собой Муція Сцевола, кладущаго въ огонь свою руку и говорящаго, что онъ римскій гражданинъ и что такихъ, какъ онъ, молодцовъ въ римскомъ войскѣ—не мало!

Не мало ихъ было и въ отрядѣ Скобелева.—«Я посылаю васъ на смерть, братцы!»—прямо говорилъ нашъ герой, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, той или другой горсти своихъ соратниковъ, приказывая ей броситься въ атаку на неприступную позицію, затѣмъ чтобы отвлечь силы непріятеля въ извѣстную сторону. «Васъ перебьютъ»—продолжаетъ онъ воодушевлять своихъ героевъ; «зато вы дадите побѣду всему моему отряду. Смерть ваша будетъ честною и славною смертию... Станутъ васъ отбивать, отступайте, чтобы сейчасъ же опять броситься въ атаку. Слышите-ли?... Пока живы, до послѣдняго чело-вѣка нападайте...» (стр. 80). Храбрецы кричали «ура» въ отвѣтъ своему военачальнику и бодро шли умирать по его приказанію. Подобная сцена, рассказанная Катонѣмъ въ его «Origines» и относящаяся къ подвигамъ римскаго войска въ первую пуническую войну, приводила въ изумленіе позднѣйшихъ римскихъ историковъ. Самъ Катонъ смѣло сравнивалъ ее съ геройствомъ Леонида и трехсотъ спартанцевъ, павшихъ при Фермопилахъ, съ геройствомъ, считавшимся до того времени неподражаемымъ по своему величію. А подъ начальствомъ Скобелева такія чудеса мужества и самоотверженія происходили не одинъ разъ. Взятіе страшнаго редута во время третьей Плевны и геройская смерть майора Горгалова (стр. 130) на турецкихъ штыкахъ, смерть, принятая имъ добровольно, только по-

тому, что онъ далъ слово полководцу живымъ не уйти съ этого редута, который, между тѣмъ, пришлось опять уступить туркамъ, развѣ это—не страница, выхваченная изъ древней исторіи, изъ исторіи великихъ военныхъ и гражданскихъ подвиговъ и легендарнаго самоотверженія?

— Насъ, значить, оставили совсѣмъ? Никого и ничего на помощь?.. Послѣ того, какъ все уже почти сдѣлано?—говорилъ Скобелевъ въ отчаяніи, видя, что геройское мужество его отряда, оставленнаго безъ всякой поддержки въ критическую минуту, пропадаетъ даромъ.

— Никого и ничего! отвѣчаютъ ему.

Такое бездушное отношеніе къ благу и чести отечества можетъ сразить хоть кого, и Скобелевъ, безстрашный боецъ, зарыдалъ. На эти слезы плевненскаго героя смотрѣла исторія. Людямъ, распорядившимся третьимъ боемъ подъ Плевной, онъ давалъ въ руки побѣду: онъ взялъ неприступную и господствующую позицію, для отнятія которой были направлены всѣ силы Османа-паши, и умолялъ поддержать его геройскихъ подвижниковъ, которымъ иначе остается только умереть со славой; но требованія его были грубо отклонены. И онъ заплакалъ, ему оставалось только плакать при видѣ того, какъ глупость или интрига лицъ, выше его стоящихъ, губятъ славное дѣло, позорятъ армію, Россію. Ему оставалось еще, пожалуй, умереть и онъ дѣйствительно искалъ въ этотъ день смерти, но смерть еще не хотѣла идти ему на встрѣчу. Отчего же онъ рыдалъ, отчего онъ искалъ смерти, когда другіе оставались спокойными при видѣ новой, страшной, третьей неудачи нашихъ войскъ подъ Плевною, и даже подтрунивали надъ его отчаяніемъ? Оттого, что онъ былъ настоящій гражданинъ своей страны, оттого, что онъ горячо любилъ свое отечество, оттого, что ему дорога была честь его, оттого, что онъ чувствовалъ стыдъ, краснѣлъ за Россію.

Чувствовать стыдъ, болѣть душой за отечество, посрамляемое тупостью, глупостью, самолюбіемъ или неспособностью его официальныхъ представителей, можетъ не всякій. Казенные воры, грабители-интенданты, утопавшіе въ шампанскомъ среди дневныхъ и ночныхъ оргій въ Букарештѣ, въ то время, когда несчастные солдаты, находясь безъ провизіи, безъ сапогъ,

безъ полшубковъ, умирали отъ голода и холода тысячами, разумѣтся, не знаютъ ни стыда, ни краски въ лицѣ отъ чувства государственнаго униженія или патриотическаго негодованія. Эгоисты и честолюбцы, готовые пожертвовать благомъ, спокойствіемъ, самыми жизненными интересами и даже будущностью стомилліоннаго народа въ угоду страстямъ и похотямъ своей ничтожной клики, обыкновенно говорятъ въ своей черствой душѣ подобно-извѣстной французской куртизанкѣ: «après nous le déluge!» и не понимаютъ, какъ можно убиваться изъ-за проиграннаго сраженія или при вѣсти о заключеніи унижительнаго для отечества международнаго договора. Они продолжаютъ занимать тѣ же мѣста, получать тѣ же или увеличенные оклады, по прежнему давить своихъ личныхъ противниковъ—такое же имъ дѣло до чести и будущности отечества? Скобелевъ, хотя и принадлежалъ къ кругу этихъ людей, по своему общественному положенію, но былъ далекъ отъ нихъ душою. Онъ ненавидѣлъ и презиралъ этихъ бездушныхъ или малодушныхъ истукановъ, у которыхъ на устахъ охранительныя фразы, а въ сердцѣ только зависть, алчность и ненависть, и ясно понималъ, что отечество наше находится далеко не въ безопасномъ положеніи относительно ближайшаго будущаго. Онъ мучился этимъ пониманіемъ и испытывалъ въ послѣдній годъ своей жизни тяжелыя нравственныя страданія.

Еще за нѣсколько недѣль до своей смерти, въ послѣднее свое свиданіе съ г. Немировичемъ-Данченко, онъ высказывался въ горькихъ выраженіяхъ о нашемъ политическомъ, экономическомъ и нравственномъ положеніи, и приходилъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ. Г. Данченко не нашелъ возможнымъ передать намъ подробности этого разговора и сообщаетъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ о его духѣ. Мы однако понимаемъ его сущность, понимаемъ, между прочимъ, и изъ тѣхъ ободрительныхъ словъ, которыми покойный заключилъ невеселую бесѣду о нашихъ бѣдахъ и опасностяхъ.

— «А все-таки будущее наше. Мы переживемъ и эту эпоху (увы! онъ не пережилъ ее). Хватитъ силы... Слава Богу, не рухнетъ отъ этого Россія».

Покойный, такимъ образомъ, еще вѣрилъ въ будущее Россіи и не находилъ, что эта эпоха служить началомъ нашего

непоправимаго паденія, какъ начинаютъ думать уже многіе. Онъ вѣрилъ, но шелъ къ осуществленію своихъ надеждъ путемъ, котораго никто не назоветъ вѣрнымъ. Средствомъ къ пробужденію нравственныхъ и экономическихъ силъ Россіи, къ выходу ея изъ труднаго положенія—онъ считалъ ускореніе войны съ Германіей.

Мысль объ этой войнѣ, необходимость которой для него была очевидна, не давала ему покоя. Онъ носился съ нею еще за Балканами (стр. 278) и мечталъ о преобразованіи въ тому времени русской кавалеріи; онъ начиналъ уже безпокоиться, что война эта застанетъ насъ врасплохъ, когда побывалъ на маневрахъ въ Пруссіи и убѣдился, что «тамъ серьезно готовятся» посчитаться съ нами (ст. 327), хотѣлъ ускорить ее воинственными спичами прошлой зимы, произнесенными въ Петербургѣ, Парижѣ и Варшавѣ, и незадолго до смерти уже тревожился, что ему, пожалуй, не удастся принять участіе въ этой войнѣ и «разбить исконныхъ враговъ Россіи» (стр. 343), такъ какъ предчувствіе ему говорило, что у него смерть уже стоитъ за плечами.

Въ нашихъ и въ нѣмецкихъ газетахъ, по поводу блистательныхъ рѣчей Скобелева, говорили, что онъ любитъ войну для войны, что безъ войны ему скучно, что она ему нужна для возбужденія нервовъ, что это его стихія, въ которой онъ только и чувствуетъ себя хорошо. Мнѣнія эти были ошибочны. Скобелевъ былъ слишкомъ развитый человѣкъ, чтобы быть рубахой по призванію и смотрѣть на войну, какъ на ремесло или забаву. Онъ зналъ лучше cadaго изъ насъ ея ужасы и принималъ ее, какъ необходимое зло въ жизни народовъ, черезъ которое часто приходится пройти, чтобы достигнуть лучшаго положенія, и которое одно можетъ иногда разсѣкать узелъ международныхъ отношеній, не разрѣшимый другимъ способомъ. Г. Немировичъ-Данченко плохо оправдываетъ покойнаго отъ обвиненій въ любви къ военнымъ приключеніямъ, когда по неосторожности называетъ его «поэтомъ войны, ея энтузіастомъ», полагая, что такіа выраженія не поддерживаютъ вышеозначенныхъ обвиненій. Во всей книгѣ его мы однако не находимъ никакихъ данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали, что Скобелевъ дѣйствительно смотрѣлъ на войну съ энтузіазмомъ и съ поэтиче-

скимъ увлеченіемъ, чтобы онъ искалъ случая продлить это бѣдствіе, коль скоро оно уже началось, или вызвать новое для собственнаго удовольствія. Мы видимъ только, что, поставленный въ необходимость воевать, онъ велъ свое дѣло съ рѣдкимъ мужествомъ, энергіей и, коли угодно, съ увлеченіемъ, но съ увлеченіемъ человѣка, воодушевленнаго идеей доставить въ начатой и разгорѣвшейся войнѣ побѣду своему оружію, одержать надъ непріателемъ торжество возможно блестящее, которое бы удовлетворяло и пользамъ отечества, и славѣ полководца, и храбрости и самоотверженію войскъ, имъ предводимыхъ. Но страсти вызывать войну, ввергая въ нее безразсудно свой народъ и государство для личныхъ видовъ или для удовлетворенія своимъ капризамъ, Скобелевъ не имѣлъ, какъ ни много въ этомъ отношеніи говорить противъ него фактъ его рѣчей, возбуждавшихъ, въ первые мѣсяцы настоящаго года, европейское общественное мнѣніе. Ни его замѣчательный умъ, ни патриотизмъ, ни гуманность, являвшаяся отличительною чертою его характера, не позволяютъ намъ становиться въ этомъ случаѣ на сторону его противниковъ. Да вотъ и подлинныя его слова, насколько они вѣрны и справедливы въ книгѣ г. Немировича-Данченко: «Это страшное дѣло (говорилъ онъ о войнѣ). Подло и постыдно начинать войну такъ себѣ, съ вѣтру, безъ крайней необходимости... Никакое легкомысліе въ этомъ случаѣ непростительно. Черными пятнами на короляхъ и императорахъ лежатъ войны, предпринятыя изъ честолюбія, изъ хищничества, изъ династическихъ интересовъ».

Но—скажутъ намъ—что же въ такомъ случаѣ означаетъ его воинственность, какую онъ проявилъ незадолго до своей смерти, видимо стараясь пробудить въ нашемъ обществѣ идею о необходимости войны, взволновать его этой идеей въ совершенно мирное время, среди тяжелыхъ обстоятельствъ экономическихъ и политическихъ? Развѣ онъ не понималъ, какимъ страшнымъ случайностямъ подвергалъ онъ своей проповѣдью войны благосостояніе Россіи, на какую сомнительную карту онъ ставилъ ея будущее? Развѣ онъ не видѣлъ, что наше обезсиленное недавней войной и разстроенное внутри государство—къ новой войнѣ не готово, особенно къ войнѣ съ врагомъ сильнымъ, предусмотрительнымъ, искуснымъ, издавна старавшимся обезпечить свой

успѣхъ какъ матеріальными, такъ и нравственными средствами? Развѣ онъ не зналъ, что прошло то время, когда Россія была грозна своею военною силою народамъ Запада, что нельзя теперь никого запугать нашимъ могуществомъ, мѣра и вѣсъ котораго лучше извѣстны нашимъ сосѣдямъ, чѣмъ намъ самимъ? Развѣ онъ, наконецъ, не чувствовалъ, что въ его бранномъ кличѣ была фальшивая нота, нота ничѣмъ неоправдываемой самоувѣренности, нота, въ которой звучало не сознаніе избытка въ насъ національной силы, а жалоба на притѣсненіе чужеземцами, свидѣтельствующая лишь о нашей внутренней слабости?

Все это Скобелевъ, безъ сомнѣнія, понималъ, видѣлъ, зналъ и чувствовалъ, одно въ большей, другое въ меньшей степени. И все-таки онъ взывалъ къ войнѣ съ «исконнымъ врагомъ Россіи». Взывалъ онъ къ ней, какъ всякій понимаетъ, не потому, конечно, чтобы онъ желалъ гибели Россіи, а потому, что не видѣлъ для насъ другаго спасенія. Онъ могъ ошибаться, и сильно ошибался въ пути къ этому спасенію, но не подлежитъ сомнѣнію, что исходная точка его сужденія была въ высшей степени патріотическая. Едва ли намъ нужно заявлять, что мы противники войны вообще, и допускаемъ ее лишь какъ самую крайнюю необходимость, т. е., какъ средство защиты своей родины, когда врагъ покушается на ее честь, независимость или цѣлость. Война наступательная, въ видахъ-ли завоеванія новой территории, или въ видахъ подчиненія сосѣда нашей власти или нашему вліянію, не говоря уже о войнахъ изъ-за несогласія съ другими державами или народами въ политическихъ принципахъ, въ войнахъ, какія Россія вела, напр., въ концѣ прошлаго и въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (венгерская война), всякая такая война, по нашему мнѣнію, вопіетъ къ небу и составляетъ оскорбленіе самыхъ священныхъ правъ человѣчества. Такія войны обыкновенно и не приносятъ никакой пользы, а рано или поздно отзываются на странѣ самыми тяжелыми послѣдствіями. Не явны ли ущербъ матеріальный и нравственный принесла намъ наша венгерская война? Какимъ крушеніемъ Франціи окончилась побѣдоносная война Наполеона I-го! Чтò привесли этой странѣ войны Наполеона III въ Крыму и Мексикѣ? Не подготовили-ль онѣ страшное пораженіе имперіи въ войнѣ съ Гер-

маніей? Понятно само собой, что мы не можем одобрять опаснаго шага, сдѣланнаго нашимъ героемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, шага, взволновавшаго Европу и грозившаго намъ большими неприяностями. Но мы его понимаемъ.

Скобелевъ видѣлъ, какъ тяжело внутреннее состояніе Россіи, видѣлъ и то, какъ съ каждымъ днемъ убываетъ наше государственное могущество и международное значеніе. Онъ понималъ, что нашъ государственный организмъ пораженъ болѣзнію, отъ которой нужно лѣчиться самыми энергическими средствами. Ближайшею причиною этой болѣзни, по крайней мѣрѣ, поводомъ, послужившимъ къ отягченію нашего внутренняго положенія и къ ослабленію вѣшняго могущества, былъ берлинскій трактатъ. Трактатъ этотъ онъ считалъ совершенно вѣрно позоромъ для Россіи и неизбѣжнымъ условіемъ нашего паденія. Восточный вопросъ, сводящійся ближайшимъ образомъ къ вопросу о нашемъ владѣніи Босфоромъ и Дарданеллами, не только не рѣшенъ, но, благодаря берлинскому трактату, почти совсѣмъ ушелъ изъ нашихъ рукъ. Нужно дѣйствовать, пока еще не ушло время, нужно пользоваться всѣми обстоятельствами, чтобы выйти на торную дорогу въ достиженіи своихъ важнѣйшихъ государственныхъ цѣлей. Но есть врагъ, который мѣшаетъ всякому нашему шагу на пути къ національному величію, который мѣшалъ прежде, будетъ мѣшать и впредь. Врагъ этотъ—нѣмецъ въ Германіи и въ Австріи. Онъ врагъ не только Россіи, но и всего славянства. Поэтому съ нимъ у насъ борьба неминуема. Между тѣмъ, онъ съ каждымъ часомъ усиливается и, въ предвѣдніи войны съ нами въ близкомъ будущемъ, запасается противъ насъ всѣми оборонительными и наступательными средствами, а мы дремлемъ и заботимся лишь о томъ, какъ-бы о насъ не подумали худо насчетъ вѣрности трактатамъ и искренности дружескихъ отношеній къ сосѣдямъ. Нужно, поэтому, произнести роковое слово во всеуслышаніе: мы знаемъ, кто нашъ врагъ и готовы посчитаться съ нимъ на поляхъ брани. Какъ только это роковое слово будетъ произнесено, нѣтъ больше мѣста колебаніямъ. Русскій народъ долженъ готовиться къ войнѣ съ Германіей и нѣмецкою Австріей, къ войнѣ, которой избѣжать нельзя, но которую можно только сдѣлать болѣе или

менше для насъ благопріятною, смотря по нашей бдительности и предусмотрительности.

Такъ, повидимому, разсуждалъ усопшій теперь герой, когда рѣшился выступить съ своими рѣчами, надѣлавшими столько шума и, бесспорно, повредившими его громкому имени. Повредило ему, во-первыхъ, то, что возвѣщая свои патріотическія думы и чувства, онъ дѣлалъ это въ такихъ формахъ и выраженіяхъ, что явился какъ бы органомъ, если не прямо орудіемъ такъ-называемой славянофильской партіи, узкой и крайне несимпатичной по своимъ началамъ и стремленіямъ для каждаго образованнаго человѣка; во-вторыхъ, то, что, высказывая на весь міръ, какъ бы отъ лица русскаго народа, такія чувства и мысли относительно сосѣднихъ державъ, которыя всего благоразумнѣе было бы до времени хранить про себя или высказывать по секрету, онъ явно обнаружилъ недостатокъ политическаго такта, непростительный для человѣка, высоко стоящаго на государственной лѣстницѣ. Какой же, въ самомъ дѣлѣ, благоразумный политическій дѣятель станетъ громко предупреждать національнаго врага о томъ, что его ненавидятъ, что онъ долженъ ожидать нападенія и, такимъ образомъ, не только заставлятъ его готовиться къ отраженію нападенія, но и давать ему поводъ обвинять своего противника, предъ лицомъ всего образованнаго міра, въ дерзкомъ вызовѣ? Впослѣдствіи Скобелевъ понялъ, повидимому, свою ошибку и увидѣлъ, какъ онъ промахнулся, съ одной стороны—накинувшись ни съ того ни съ сего, по рецепту славянофильской влики, на русское образованное общество, и безъ того принужденное выдерживать тяжелую борьбу съ невѣжествомъ и съ политическимъ шарлатанствомъ противниковъ его законныхъ стремленій, съ другой—поставивши, безъ всякой нужды, въ щекотливое положеніе лицъ, несущихъ на себѣ отвѣтственность за ходъ нашей внѣшней политики. Только этимъ чувствомъ сдѣланнаго промаха можемъ мы объяснить ту грустную ноту, которая, по словамъ г. Немировича-Данченко, звучала въ его дружескихъ разговорахъ въ послѣднее время. «Моя пѣсня спѣта», говорилъ онъ автору лежащей у насъ предъ глазами книги, намекая на близость своей смерти. Чтò могло навѣять предчувствіе близкой кончины на человѣка сильнаго, здороваго и задававшася такими обширными планами? Не гораздо

ли легче его грустное настроеніе, доходившее, пожалуй, и до предчувствія близкой смерти, объясняется тѣмъ ложнымъ шагомъ, который онъ сдѣлалъ въ несчастную минуту, вѣроятно, не безъ сторонняго подстрекательства, и который поставилъ его въ какое-то странное положеніе въ русскомъ обществѣ?

Говоря это, мы не хотимъ осуждать Скобелева, скорѣе—мы хотимъ оправдать его. Онъ былъ, безспорно, горячій патріотъ, а патріотизму можно прощать многое, тѣмъ болѣе, его невольныя подчасъ увлеченія. Достаточно сказать въ оправданіе покойнаго, что онъ, какъ и мы, чувствовалъ всю тягость положенія нашего отечества, не находящаго себѣ удовлетворенія ни во внутреннихъ порядкахъ, ни въ умаленномъ своемъ международномъ значеніи. Онъ видѣлъ, какъ мы все дальше и дальше уходимъ отъ условій правильнаго развитія, какъ мы, охраняя себя отъ усвоенія началъ новой государственной жизни, губимъ наше будущее, наше историческое призваніе, нашъ, какъ онъ выражался, «историческій *raison d'être*». А между тѣмъ, онъ стоялъ высоко, онъ чувствовалъ въ себѣ и подъ собою силу, онъ сознавалъ для себя потребность и даже обязательность дѣйствія. Виноваты уже условія нашей общественной и государственной жизни, что дѣятельному и одержимому благороднымъ честолюбіемъ человѣку у насъ почти нѣтъ достойнаго и правильнаго поприща для дѣятельности. И вотъ герой Плевны и Геокъ-Тепе, отмѣченный уже въ глазахъ образованнаго міра печатью гениа, полководецъ, сравнимый съ Наполеономъ и Суворовымъ, принужденъ искать повода, чтобы напомнить о себѣ своимъ согражданамъ, и подрываетъ свою репутацію необдуманными рѣчами, а вскорѣ затѣмъ умираетъ во цвѣтъ силъ, къ общему изумленію!

Чѣмъ больше однако мы всматриваемся въ эту жизнь, полную естественнаго, а подчасъ и искусственнаго движенія, въ эту бурную, но благородную душу, сгоравшую жаждой плодотворной дѣятельности, способную къ великимъ подвигамъ патріотизма и самоотверженія, тѣмъ больше мы понимаемъ, какой крупной силы лишилась Россія, тѣмъ больше мы сознаемъ, что въ неожиданной и, не смотря на всѣ разоблаченія, недостаточно разъясненной смерти Скобелева, мы понесли потерю, которую еще не разъ будемъ оплакивать. У этого человѣка была живая

душа, были благородныя чувства, широкіе замыслы, сильный характеръ, энергія въ дѣятельности, неутомимость въ преслѣдованіи цѣли, готовность служить идеѣ до послѣдняго вздоха; у него было обаяніе личности, у него была популярность имени, которая, по замѣчанію его враговъ, стояла Россіи трехсотъ-тысячной арміи; къ нему была обращена любовь народа, отличившаго его среди всѣхъ современныхъ дѣятелей, какъ наибольшаго выразителя своего духа, и питавшаго къ нему безграничное довѣріе:—кто можетъ замѣнить Россіи такую богатырскую силу, когда для нея придетъ часъ испытанія? Гдѣ мы возьмемъ другаго Скобелева?

В. Модестовъ.

КЪ ОДНОМУ КОНЦУ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

...Узкая темная комната, оклеенная дешевыми обоями; столик у единственнаго окна, два стула и кровать въ углу; посрединѣ еще не разобранный чемоданъ, сброшенная шуба, дорожный пледъ и фигура женщины, задумчиво опершейся на столикъ и спрятавшей голову въ ладони, — двусмысленная поза печали, раздумья или утомленія. Было и то и другое. Она пріѣхала съ утреннимъ поѣздомъ въ Москву и остановилась въ первой гостинницѣ, куда привезъ ее извозчикъ.

На дворѣ стоялъ октябрь съ своими морозами, гололедицей, свинцовымъ небомъ и падающей изморозью. Кругомъ была тишина; шумъ и суматоха поѣзда, крикливые свистки паровоза, суета пассажировъ, все осталось позади, и въ тихомъ уединенномъ номерѣ, запертомъ на ключъ, была тишина могилы. Въ коридорахъ слышались шаги, безучастные, чужіе шаги; никто не постучится къ ней, никто не придетъ заглянуть въ ея глаза, не помѣшаетъ исполненію рѣшенія неизбежнаго, неотвратимаго... Для этого она и пріѣхала сюда, въ большой городъ, чужой и незнакомый, гдѣ слѣдъ ея пропадетъ также быстро, какъ слѣдъ камня, брошеннаго въ воду. Ничего за собой, — ничего впереди себя; — пустота, неизвестность, исчезновеніе.

Это должно свершиться сегодня къ ночи. Она не спрашивала самовара, не звала прислугу; прошла по номеру и внимательно осмотрѣла его.

Мебель незатѣйливая, тусклая, покрытая слоемъ пыли; кро-

вать безъ бѣлья, съ жесткимъ, обнаженнымъ тюфякомъ, кривое зеркало въ простѣнкѣ и ниша, маскирующая дверь въ другой номеръ, заклеенная обоями и практически обращенная въ гардеробный шкафъ. Въ углу столъ съ дешевымъ тазомъ и умывальникомъ. Во всей комнатѣ стоитъ какой-то затхлый, нежилой воздухъ долго запертаго покоя, слабо освѣщеннаго сумракомъ единственнаго окна съ двойною рамой. Изъ этого окна видѣется высокая, глухая стѣна сосѣдняго дома, сырая, темная, поросшая плѣсенью. Вѣтеръ свиститъ и завываетъ въ трубъ; дождь, пополамъ со снѣгомъ, уныло бьетъ о сѣрое, пыльное стекло окна. Разненастилось, какъ видно, надолго.

Все къ лучшему; въ непогоду зрѣть и укрѣпляется рѣшимость:—лейся дождь, меркни и луна, и солнце,—не жаль, не жаль ничего.

Упасть на жесткую кровать, въ дорожную подушку, холодной и одинокой, съ сознаниемъ рѣшенной, близъ стоящей смерти, встать въ сумеркахъ, въ темнотѣ, съ изломанными членами, подойти еще разъ къ окну, ухнуть уныніемъ и тоской—и приступить... Не представлять себѣ ничего заранѣе, не пугаться, не думать... Лечь съ закрытыми глазами и, если можно, заснуть...

Заснуть! Единственная привилегія жизни, желанная, вѣрная, не обманывающая.

Но и во снѣ нервно и судорожно подергиваются ея губы и на лицѣ отражается острая печаль: сонъ не даетъ забвенія, онъ переноситъ ее въ прошлое, онъ держитъ ее въ тискахъ воспоминаній и старыхъ ранъ. Вся накипь, весь горькій осадокъ глупо растроченной жизни души и чувства просится на языкъ, душитъ отъ вращеніемъ...

«Любовь»,—бродятъ въ ней безсвязные отрывки засыпающей мысли:—«великій лозунгъ человѣчества, синонимъ добра, пользы, истины. Все вздоръ! утопическія бредни идеалистовъ... Любовь—погибель и вредъ; синонимъ зла и страданія на землѣ. Человѣкъ—животное неблагодарное по своей природѣ. Онъ не терпитъ любви, онъ мститъ за любовь. Нѣтъ, нѣтъ! Къ чему оправданія? къ чему подыскиванья? Виновата сама: сама одна во всемъ виновата!»

И она мечется по кровати съ однимъ настойчивымъ желаніемъ усыпить мысль и память, и въ унылой тоскѣ привести къ концу рѣшенное. «Вѣдь пробовала уже, откладывала, жила, надѣялась, какъ и всѣ... Надобно же, наконецъ, понять, что еслибъ годъ, два тому назадъ исполнить сегодня задуманное, было бы лучше,—два мѣсяца, даже день—все же лучше, лучше... Нѣтъ, нужно было

еще ударовъ, еще страданій! Вотъ и дождалась! Идти некуда, приперта къ самой стѣнѣ?»

II.

Въ дверь ея номера постучались. Женщина подняла голову, прислушалась, вскочила и долго возилась съ ключемъ, который долго не слушался ея дрожащей, съ просонья и испуга, руки. Гдѣ-то на колокольнѣ отчетливо и громко пробило четыре часа. Въ комнатѣ царствовали полнѣйшія сумерки. Неясныя очертанія предметовъ выступали изъ сыраго мрака какъ-то еще враждебнѣе и непривѣтнѣе, чѣмъ днемъ.

Въ отворенную дверь вошелъ коридорный.

— Хозяинъ спрашиваетъ видѣ;—видѣ вашъ позвольте-съ, началъ онъ, отыскивая глазами исчезнувшую во мракѣ фигуру.

— Хорошо, отчетливо произнесъ женскій голосъ:—скажи хозяину, что завтра утромъ въ девять часовъ; паспортъ у меня въ багажѣ на товарной станціи.

Коридорный исчезъ и снова вернулся.

— Имя, отчество и фамилію приказали узнать, объявилъ онъ, широко раскрывъ дверь, чтобъ впустить хоть немного свѣта изъ освѣщеннаго коридора.

— Для чего это?

— А какъ-же-съ? На доскѣ у насъ выставляютъ; а то случается номеръ занять, а не записанъ; приходятъ смотрѣть,—безпокойство.

— Запишите—Иванова, прервала его рѣчь прїѣзжая.

Коридорный медлилъ: его снѣдало любопытство.

— Самоварчикъ прикажете? спросилъ онъ заискивающимъ тономъ.

Но комната въ эту минуту вдругъ освѣтилась: въ рукахъ у прїѣзжей очутился подсвѣчникъ со свѣчою, которую она зажгла и поставила на столъ.

Любопытный коридорный увидалъ въ трехъ шагахъ отъ себя женщину довольно высокаго роста, въ черномъ платьѣ, худую, блѣдную, съ рѣзко очерченными бровями и плотно сжатыми губами. На видѣ ей казалось лѣтъ тридцать или болѣе: растрепанные космы волосъ падали ей на лобъ и лицо, и придавали странный видъ больной или сумашедшей. Черезъ плечо висѣла у нея дорожная сумка, которую она забыла снять или не хотѣла разстаться съ нею.

Она отперла ее, достала портмоне и, приблизившись къ свѣтъ, порылась въ немъ.

Коридорный медликъ, предчувствуя, что его услуги понадобятся.

— Вотъ, сказала она, подавая ему ассигнацію: — сходите въ магазинъ винъ и возьмите бутылку шампанскаго Редереръ; раскупорьте ее и подайте.

— Слушаю-съ; бокалы или стаканы прикажете?

— Что?.. Да... Женщина задумалась.— Подайте два стакана, рѣшила она.

— Это надо у Елисеева. 7 р. бутылка; но только лучше его нѣтъ.

— Сдѣлайте, какъ я вамъ говорила, и сдачу получите на чай.

Коридорный поклонился съ сияющимъ лицомъ и бросился было бѣжать по данному порученію, но снова вернулся.

— А самоварчикъ прикажете?

— Самоваръ? Послѣ! неопредѣленно замѣтила приѣзжая.

Дверь затворилась и ключъ щельнулъ.

— Чудная, право! говорилъ между тѣмъ коридорный, придя въ буфетъ и рассматривая полученную на покупку шампанскаго красненькую:—тутъ на чай рубля три придется. Гуляй, Ѳедотъ Иванычъ!

— Экій этотъ Ѳедотъ счастливый, завистливо отозвалась горничная, перетравившая посуду: — у меня этотъ номеръ все пустой стоялъ; какъ попалъ въ нему на руки, такъ и заняли, и на чай такай кушъ отвалили...

— Это что? Куда посылають? Кто? любопытно освѣдомился истопникъ, остановившись передъ Ѳедотомъ съ вязанкой дровъ за плечами.

— 25-я тутъ, за шампанскимъ посылаеть.

— Ой-ли? Бутить хочеть, должно быть. Одна или съ кѣмъ?

— Одна повуда. Да что-й-то чудно! Растрепана такая, да невесталая; номеръ не прибранъ и вещей съ ней нивакихъ нѣтъ, а за шампанскимъ посылаеть.

— А тутъ ничего нѣтъ чуднаго, пояснила горничная:— должно быть, такая же, какъ 36-я — онѣ днемъ-то кое-какъ, зато къ ночи и расфуфырятся; вотъ погоди еще, поднимется дымъ коромысломъ,—не обрадуешься и на чай.

— Ну, намъ такихъ давай Богъ. Отъ нихъ только и наживежся! весело возразилъ Ѳедотъ, нахлобучивая шапку и собираясь лѣзть по коридору.

— Вот вѣтрогонъ-то! завистливо ворчала горничная. — Ну, не я буду, если съ него пары пива не сдеру... Ей Богу сдеру!

— 24-й не приходилъ? вдругъ освѣдомился кто-то, появляясь на порогѣ у буфета.

— Нѣтъ еще, Албертъ Карловичъ, — вотъ и влючь отъ 24-го.

— Скажи мнѣ, когда онъ придетъ. Срокъ ему завтра. И конторщикъ мебелированныхъ комнатъ юркнулъ въ свое помѣщеніе.

Въ эту минуту дверь 25-го номера тихо скрипнула, въ нее осторожно высунулась голова, потомъ рука, и наконецъ вся фигура женщины, оглядываясь по сторонамъ, показалась въ тускло освѣщенномъ коридорѣ и неслышно прошла вдоль стѣны, мимо затворенныхъ дверей, обозначенныхъ номерами.

У 26-го номера она остановилась, прислушалась: дверь неслышно подалась подъ ея рукой и она осторожно заглянула въ номеръ. Онъ былъ пустъ.

«Съ этой стороны нѣтъ препятствій», подумала она и пошла назадъ, по другую сторону своего номера.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она наткнулась на выходную дверь черного хода. У стѣны лежала вязанка дровъ, стояли ведра и щетки. Откуда-то несло холодомъ. Налѣво отъ наружной двери, вступивъ она ошупала еще дверь. «Чуланъ какой нибудь», подумала она, не замѣтивъ цифры 24 на этой двери.

Противъ ея номера былъ номеръ 36-й, раскрытый настежь, и оттуда виднѣлся край постели съ розовымъ одѣяломъ, кисейныя наволочки подушекъ, филейныя салфетки на столахъ, вся убогая роскошь зазывающаго порока. Чей-то безцеремонный, крикливый голосъ явственно слышался оттуда, объясняясь съ подругой жоманымъ русскимъ языкомъ: — «Я ему закричалъ: свинья! Звалъ, звалъ къ себѣ — и вдругъ бутылки пива не поставилъ! Такой жадный, просто страсть!» — «Уродъ!» отозвался другой голосъ съ чисто русскою краткостью.

— Теперь кушать хочу: Борисъ придетъ, ей Богу ужинать съ нимъ уѣду...

Пріѣзжая скользнула въ свою комнату. Она узнала все, что ей нужно было знать: сама судьба уравнивала передъ ней дорогу. Путь къ смерти былъ чистъ: на немъ не было ни тѣни препятствія. Забыться, бессмысленно упиться, потерять память, умъ, мысль, — и тупо, ошупью, приступить...

Шесть часовъ вечера. Шаги по коридору: вотъ и коридорный съ шампанскимъ.

III.

Дождь на улицѣ моросилъ все сильнѣе и сильнѣе. Тусклая ливня фонарей едва мерцала въ полумракѣ, задуваемая порывами вѣтра. Прохожіе кутались въ воротники своихъ пальто, защищались дождевыми зонтами, спѣшили домой, въ теплыя комнаты.

Извозчики, хлябая по грязи и снѣгу, подхлестывали своихъ усталыхъ влячъ и завистливымъ окомъ смотрѣли на ярко освѣщенные окна трактировъ и полувивныхъ.

Къ подъѣзду описываемой нами гостинницы подошелъ молодой человекъ. Быстро отворилъ онъ дверь подъѣзда, перевелъ дыханье и медленно, наслаждаясь охватившимъ его тепломъ, началъ подниматься вверхъ по лѣстницѣ. Съ волосъ и шапки его падали капли дождя, калоши хлябали. Не останавливаясь, знакомой дорогой завернулъ онъ въ коридоръ, снялъ ключъ съ гвоздя въ буфетѣ и, понуривъ голову, пошелъ дальше и дальше въ самую глубину коридора. Тамъ онъ остановился у чулана, носившаго названіе 24 №. Ключъ въ замкѣ щелкнулъ и онъ вошелъ. Въ каморкѣ было темно и сыро, какъ въ погребѣ. Зажженная свѣчка освѣтила кровать у стѣны, хромоногій столъ, два стула и окно, прорубленное какъ то сбоку, въ углу. Очевидно, это былъ прежде чуланъ для какихъ нибудь хозяйственныхъ принадлежностей, но практическій хозяинъ заблагоразсудилъ превратить его въ номеръ и брать съ него низкую плату, рублей пять или шесть въ мѣсяцъ. Замѣчательно, что онъ никогда не оставался пустымъ. Крошечная желѣзная печка чернѣлась въ углу, и между ею и кроватью оставался только узкій проходъ.

Вшедшій снялъ мокрую одежду и, дрожа отъ холода, пошелъ въ коридоръ за дровами. Вскорѣ желѣзная печка затрещала, запылала, и въ каморкѣ стало вдругъ душно и жарко, какъ въ банѣ. Онъ сѣлъ на кровать противъ печки и, снявъ пальто, съ наслажденіемъ сталъ грѣться. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ, высокій и стройный, съ смуглымъ отбѣнкомъ кожи южныхъ странъ. Глубоко сидящіе глаза, подъ черными красивыми бровями, какъ то задумчиво, тупо и покорно устремлялись на пламя; всѣ черты его были тонки и рѣзки; очеркъ головы, лица, всей фигуры представлялъ что-то не русское, говорилъ о другой крови, о другомъ племени и расѣ. Онъ былъ бѣденъ; ввалившіяся щеки отбѣнялись едва пробивавшейся черной бородой и такими же усами надъ верхней губой, уныло сжатой и не привыкшей къ улыбкѣ. Апатично онъ сидѣлъ у огня;

— Развѣ занять 25-й?

— Занять съ утра сегодня. Чудная какая-то прѣѣхала, за шампанскимъ меня послала и три рубля на чай пожаловала.

— У нея, вѣроятно, и собесѣдникъ уже есть?

— Будеть, должно быть. Вамъ слышнѣе, что у нея дѣлается, стѣнка-то тонкая. Ни чаю, ничего не спросила, а прямо бутылку шампанскаго. Можетъ, выпьетъ да пѣсню затянетъ, али плясать пойдетъ, вотъ вамъ и занятно будетъ.

Молодой человѣкъ молчалъ, присловившись къ притолокѣ. Передъ нимъ очутился конторщикъ, который еще прежде освѣдомлялся о его приходѣ.

— Г. Ральфъ, должокъ за вами, проговорилъ онъ, потирая руки.

— Я приготовилъ; отвѣтилъ тотъ апатично:—завтра внесу въ контору.

— Похвальная аккуратность. Я бы и не подумалъ вамъ напомнить, но знаете, долгъ службы... Хозяинъ съ меня взыскиваетъ.

— Я понимаю. Сроки я всегда помню.

Въ это время раздалось по коридору бряцанье шпоръ и сабли, и какой то военный скоро прошелъ мимо.

— 36-я дома?

— Дома, дома, пожалуйста! отозвалось изъ 36-го номера, и сама хозяйка въ свѣтло-голубомъ фланелевомъ халатѣ со шнурами и книжками появилась въ дверяхъ своего номера.

Послышался поцѣлуй, смѣхъ, и тутъ же бреливый голосокъ потребовалъ коридорнаго.

— Ѳедотъ, пять бутылокъ пива, двѣ игры картъ и закуску. Кутить будемъ! Да 18-го зови скорѣе, скажи: Борисъ пришелъ...

— Слушаю-съ. Бѣгу, лечу...

— Куда же ты?

— Вотъ только самоваръ 24-му.

— Здравствуйте, негг Ральфъ. Что это, какой невеселый, кислый... Голова болитъ?

Молодой человѣкъ покраснѣлъ до ушей и еще болѣе нахмурилъ свои черныя брови.

— Нѣтъ, не болитъ, произнесъ онъ мрачно.

— А я думалъ: ви такой кислый, навѣрно голова болитъ. Надо веселиться, кушать больше...

— Я кушаю, сколько мнѣ надо.

— Эмма! послышалось изъ номера.

Нѣмочка кривнула: сейчасъ! погрозила пальцемъ Ральфу и исчезла за дверью.

IV.

Ральфъ пошелъ въ свою каморку, куда Федотъ уже внесъ кипящій самоваръ.

Эта сценка расшевелила его нѣсколько застывшіе нервы. Женщинъ онъ избѣгалъ и боялся, какъ огня. Никто такъ не могъ отвлечь его отъ цѣли, какъ женщины. Онъ вычеркнулъ ихъ совсѣмъ изъ своего бюджета. Онъ презиралъ жалкіе образчики женщинъ, попадавшіеся ему на пути, видѣлъ насквозь ихъ продѣлки и сторонился отъ нихъ, какъ отъ заразы. Когда онъ пріѣхалъ совсѣмъ юношей, два года тому назадъ, онъ попался въ когти одной изъ нихъ, испыталъ все нахальство, попрошайство, обманъ, вырвался съ отвращеніемъ и съ тѣхъ поръ старался быть неуязвимымъ и недоступнымъ для всѣхъ заманиваній и подмигиваній, которыми награждали его сосѣдки по коридору, разставлявшія свои сѣти гдѣ попало, порою изъ любви къ искусству, порою изъ голода и нужды. Садясь за самоваръ, Ральфъ невольно подумалъ, что у него новая сосѣдка въ 25-мъ номерѣ. Онъ прислушивался, ему стало какъ-то веселѣе. Природа говорила свое, и близкое сосѣдство женщины возбуждало въ немъ невольное любопытство, охлаждаемое впрочемъ презрѣніемъ. «Помойная яма эта Москва!» рѣшилъ онъ при мысли, что и тутъ, въ сосѣдствѣ, шампанское и кутежъ играли первую роль. Ихъ раздѣляла только дверь съ заложеннымъ крючкомъ, у которой стояла его кровать, и всякій звукъ былъ отчетливо слышенъ. Но въ номерѣ царствовало полнѣйшее молчаніе и только отдавался глухой гулъ шаговъ. Холодъ начиналъ снова пробираться его, не смотря на горячій чай, и онъ уже подумывалъ о томъ, чтобы опять протопить желѣзную печку.

Въ сосѣднемъ номерѣ зазвенѣлъ задѣтый бутылкою стаканъ. «Одна петь, эдакой еще не бывало... Съ горя, съ радости ли? Наслѣдство, можетъ быть, получила и не знаетъ, куда деньги дѣвать? Вотъ двигаетъ стуломъ, упала какъ будто. Къ моей стѣнѣ подошла, шарить, ощупываетъ. Какъ близко? У нея тамъ вѣшалка въ этомъ углу. Должно быть, не дождалась кого ей нужно, хочетъ надѣть пальто и идти къ нему или за нимъ»...

На башнѣ, въ ночной тишинѣ успокоившагося города, пробило двѣнадцать.

У 36-й шелъ пиръ. Номеръ былъ растворенъ настезъ, и от-

туда вились клубы табачнаго дыма, слышались пьяные возгласы, звонъ бутылокъ и стакановъ. Большая компанія веселилась на распашку, кричала, ссорилась; нѣсколько паръ выбѣгало въ коридоръ и шепталось, устраивая свиданія. «Сосницкая, Мейеръ, Любавская», узнавалъ всѣхъ студентъ по голосамъ.

Онъ былъ озлобленъ и одинокъ. Онъ мечталъ о тихой жизни семейнаго дома и, не имѣя ни матери, ни сестеръ, представлялъ себѣ тѣсный, домашній кружокъ идеаломъ всякаго благополучія. Еслибъ хоть разъ въ жизни сбросить съ себя это ежедневное бремя заботъ и мыслей о кускѣ насущнаго хлѣба, пожить на всемъ готовомъ, за чужими руками... А тутъ вонъ пуговицы отлетѣли, бѣлье разорвалось и все надобно чинить самому. Да еще кругомъ этотъ гамъ и шумъ...

Онъ затопилъ печку, пришилъ нѣсколько пуговицъ и легъ въ постель, рѣшившись непремѣнно спать. Жаръ комнаты навѣвалъ на него нездоровую, чуткую дремоту... Задремалъ и проснулся: около его постели, съ другой стороны двери, ему чудилось, что кто-то шарилъ, водилъ руками, возился... «Неужели не засну?» думалъ онъ: — «прежде я, бывало, спалъ, какъ убитый, а теперь малѣйшій шорохъ меня будить и тревожить... Странно, однако, зачѣмъ около меня, зачѣмъ такъ близко?..

Онъ всталъ, накинулъ пледъ и выглянулъ въ коридоръ. Было ужъ поздно, лампа чуть свѣтила, дымясь; дверь 36-го номера была заперта, и оттуда слышался одинокій гулъ мужскаго баса и слабый, будто замирающій женскій смѣхъ,—звуки кончавшейся оргіи... Кругомъ была тишина, шаги смолкли и раздавалось только храпѣніе прислуги.

Ральфъ вошелъ опять къ себѣ, заперся на ключъ, потушилъ свѣчу и легъ. Яснѣе стала замѣтна полоса свѣта изъ подъ двери сосѣдняго номера. Нѣсколько минутъ царилла полнѣйшая тишина: потомъ вдругъ опять шорохъ быстрый, торопливый, колеблющіеся шаги, шумное дыханіе, потомъ стукъ опрокинутаго стула, сдержанный стонъ и хрипѣніе, страшное, тяжелое хрипѣніе совсѣмъ близко, возлѣ него, надъ его головой...

Молодой человѣкъ вскочилъ въ ужасъ, потому что это былъ уже не шорохъ, а толчки, удары, барахтанье чего-то тяжелаго и страшнаго объ его дверь. Онъ зажегъ свѣчу, отодвинулъ кровать и сталъ на-готовѣ. Хрипѣніе продолжалось, хрипѣніе задышающаго человѣка, отъ котораго волосы на головѣ становились дыбомъ... Внѣ себя, Ральфъ вскочилъ на кровать, отперъ крючокъ и съ размаха навалился всей тяжестью на дверь; обои съ той

стороны лопнули, одна половинка подалась, но другую что-то держало, заграждало дорогу. Онъ пролѣзъ въ отверстіе двери и очутился въ сосѣднемъ номерѣ. Свѣчка, стоявшая на столѣ, освѣщала пустую бутылку, стаканъ, кусокъ веревки и ножъ. У вѣшалки, въ нишѣ двери, какъ то неестественно вытянувшись, стояла женщина. Голова ея закрыта была свѣсившимся надъ нею пальто и ноги тихо ботались о притолоку двери, не достигая пола. Онъ подбѣжалъ къ женщинѣ, сорвалъ пальто съ ея головы и остолбенѣлъ... Натянутая веревка обвивалась вокругъ ея шеи и какъ-то неестественно вздергивала голову къ верху.

Не то свистъ, не то визгъ, тихій и хрипящій, вылеталъ изъ ея горла; безсильно вытянутые члены подергивались послѣдними предсмертными судорогами.

Ральфъ самъ не помнилъ потомъ, какъ онъ сдѣлалъ все, что нужно было сдѣлать, какъ схватилъ ножъ, какъ разрѣзалъ веревку, какъ освободилъ горло женщины, рухнувшей съ размаху къ его ногамъ. Онъ дѣйствовалъ сгоряча, безсознательно, подъ вліяніемъ инстинкта, научающаго самаго робкаго и неопытнаго человѣка, какъ поступать въ минуту опасности. Но сознание вдругъ пришло и онъ испугался: онъ одинъ въ чужомъ номерѣ, съ глазу на глазъ съ мертвецомъ, страшнымъ и ужаснымъ въ своей неподвижности и молчаніи, съ выкатившимися, налившимися кровью глазами и багрово-синимъ лицомъ... Онъ опрометью кинулся опять къ себѣ, отворилъ дверь и пустился бѣжать безъ оглядки по коридору.

— Ѳедотъ, Аграфена! будиль онъ коридорнаго и горничную. — Вставайте, скорѣе, скорѣе!

— Что такое? мычалъ со сна коридорный.

— Въ 25-й! Скорѣе...

— Да что? Пожаръ что-ли?

— Повѣсилась! Я съ петли снялъ...

— Кого?

— Ее; скорѣе...

— Охъ, я не пойду! протестовала горничная, крестясь.

— Разбуди конторщика, хозяина... Еще она, можетъ быть, жива?

— Это надо за полиціей, отозвался изъ угла голосъ старика.

— Да что такое? опомнился наконецъ Ѳедотъ, натягивая сапоги.

Ральфъ, сбивчиво и весь дрожа, рассказывалъ происшедшее.

Между тѣмъ горничная, опрометью, какъ была въ рубашкѣ, побѣжала прямо къ помещенію конторщика.

— Альбертъ Карловичъ! вставайте, бѣда какая приключилась! причтала она, стучась въ его дверь.

Дверь щелкнула; въ ту же минуту нѣсколько дверей отворилось, и любопытныя, заспанныя лица жильцовъ и жилищъ высунулись изъ своихъ логовищъ.

— Пожаръ! проносилось по коридору.

— Горимъ! подхватилъ кто-то.

Коридоръ вдругъ наполнился. Разбудили хозяина и цѣлая процессія направилась къ 25-му номеру. Ральфъ слѣдовалъ сзади всѣхъ, ни за что не рѣшаясь войти одинъ въ роковой номеръ. Во главѣ всѣхъ шелъ ветеринаръ, бойкій, разбитной малый, въ халатѣ и туфляхъ на босу ногу.

— Струсилъ! чего тутъ трусить, говорилъ онъ. — Умерла, такъ похоронимъ, а жива — вылѣчимъ.

Всѣ попятились передъ страшной картиной; онъ одинъ храбро поднесъ свѣчу къ ея глазамъ, ощупалъ руки, приложилъ ухо къ сердцу.

— Сердце еще бьется, объявилъ онъ. Спирту надо дать понюхать.

Ральфъ бросился къ себѣ и принесъ склянку со спиртомъ.

— Эхъ вы, юноша!.. Дѣло-то начали, а потомъ и на понятный дворъ... Вотъ посмотрите, какъ я буду дѣйствовать.

— Молодецъ Захаровъ! слышались восклицанія.

Но не смотря на хвастливыя заявленія ветеринара, самоубійца не приходила въ себя. Признаки жизни были сомнительны, и хозяинъ распорядился послать за полиціей.

— Бѣдная! раздавалось въ толпѣ. — За что себя погубила?

— То-то ужъ она и на чай-то мнѣ три рубля дала, сообразилъ Федотъ: — на, говоритъ, Федотъ, повеселись хоть ты!

— А мы-то тутъ бѣсился, кричали... Не передъ добромъ!

Прибѣжала и нѣмочка изъ 36-го номера. Соблазнительная небрежность ея одежды обратила на нее вниманіе молодежи, и мало-помалу шутки и смѣхъ безцеремонно раздались вокругъ бездыханнаго тѣла чужой, никому неизвѣстной женщины.

Однако ветеринаръ, съ помощью Ральфа, перенесъ ее на диванъ къ окну и открылъ форточку. Студентъ уже боже не боялся ея; онъ откидывалъ волосы съ ея лба, теръ ей виски спиртомъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ добиться движенія. Но спокойно и безстрастно, какъ будто угомонившись отъ всѣхъ буръ жизни, лежало

блѣдно-восковое лицо на подушкахъ дивана. Синева и напряженность пропала и, казалось, замѣнилась неподвижностью смерти.

Но Ральфу казалось, что подъ рукою его бьется живое сердце, обязанное ему жизнью, — на горе, на радость ли? Кто знаетъ объ этомъ? Но человѣкъ привыкъ ужасаться смерти и этой привычки не уничтожатъ никакіе доводы разсудка.

Наконецъ прибыла полиція, а съ нею и врачъ. Онъ долго возился, прикладывая разные инструменты къ губамъ, груди, глазамъ и наконецъ объявилъ, что, по его мнѣнію, жизнь не вполне угасла.

— Сильнѣйшій обморокъ, — неминуемое послѣдствіе удушія. Отправьте ее въ клинику. — Тамъ ей произведутъ искусственное дыханіе, усилятъ тоны сердца... Я напишу отношеніе... Есть у нея родные, знакомые?

— Неизвѣстно; она пріѣхала только сегодня утромъ.

— Какой неприятный случай, обратился врачъ къ хозяину, уже хлопотавшему о наймѣ извозчика и отправкѣ больной.

— Я одинъ не поѣду, отговаривался Федотъ: — ну, какъ дорогой она у меня помретъ.

— Съ тобой городской поѣдетъ. Берите-ка ее: извозчикъ ждетъ.

Въ непогоду, въ бурную ночь, женщину сдали въ больницу, положили на койку подъ № 61, сняли съ нея платье и приготовили для экспериментовъ. Отнынѣ она была субъектъ, принадлежащій или могилѣ, или наукѣ.

Въ газетахъ, начиная съ «Полицейскихъ Вѣдомостей», появился отчетъ объ одномъ изъ ежедневныхъ происшествій столицы, отчетъ кончавшійся стереотипной фразой: «причина самоубійства неизвѣстна».

Между тѣмъ, въ вещахъ пріѣзжей, опечатанныхъ полиціей, нашелся паспортъ на имя жены штабсъ-капитана Бѣлоконова, дворянки Марья Бѣлоконова, тридцати двухъ лѣтъ.

У.

Изъ отчета богоугоднаго заведенія душевно-больныхъ доктора К. въ Москвѣ.

«Дворянка Марья Бѣлоконова, 32-хъ лѣтъ, поступила 23-го октября 18... , выписана совершенно здоровою 12-го апрѣля. Поступила изъ * * * больницы, послѣ покушенія на самоубійство посредствомъ повѣшенія. Возвращена къ жизни съ признаками страдательной ме-

ланголіи. Состояніе при поступленіи: больная средняго роста, тѣлосложенія сухощаваго, но крѣпкаго; дыханіе поверхностно, отвѣты медленны, взглядъ нерѣшительный, несмѣлый и какъ-бы пугливый, глаза опущены. Впослѣдствіи замѣчено, что Бѣлоконова ѣла очень мало, постоянно сидѣла съ опущенной головой и полузакрытыми глазами, не помнила, откуда она прибыла, сколько ей лѣтъ, не сознавала ни своего положенія, ни своей обстановки; представленіе и самосознаніе спутаны. Чувствительность кожи была притуплена: глубокіе уколы булавкой вызывали слабую боль, кровь не вытекала изъ уколотыхъ мѣстъ. Бѣлоконова относилась ко всему окружающему почти безразлично, ни на что не жаловалась, ничего не просила.

«Аппетитъ и сонъ были хороши: больная принимала лѣкарство когда ей давали его; также вязала чулокъ, если ей давали его въ руки, и не бросала въ теченіе почти цѣлаго дня; почти постоянно сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ съ опущенной головой и полузакрытыми глазами, иногда плакала безъ видимой причины.

«До послѣднихъ чиселъ марта не произошло видимыхъ перемѣнъ въ состояніи умственнаго здоровья больной. Начиная же съ этого времени, она стала видимо поправляться: чувствительность кожи постепенно возвращалась, грустное выраженіе лица перестало такъ рѣзко бросаться въ глаза; больная все больше и больше какъ бы пробуждалась отъ сна; сознаніе, память возвращались исподоволь, но все же относительно скоро, такъ что 10 апрѣля больная могла связно разсказать слѣдующее: «Родомъ я изъ... губерніи... уѣзда; родителей не имѣю, близкихъ родственниковъ также; была замужемъ пять лѣтъ за офицеромъ Бѣлоконовымъ, имѣла отъ этого брака трехъ дѣтей, изъ которыхъ послѣдняя дочь, 10-ти мѣсяцевъ отъ роду, нечаянно убита въ минуту запальчивости роднымъ отцомъ своимъ, арестованнымъ за убійство; чѣмъ рѣшено это дѣло,—мнѣ неизвѣстно. Приѣхала въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ лишить себя жизни, а что затѣмъ произошло—не помню».

«Болѣзнь въ этомъ случаѣ произошла, вѣроятно, отъ рода самоубійства, избраннаго больной: приливъ крови къ мозгу могъ обусловить страданіе оболочекъ самаго мозга и нарушить его отправленія. Разныя же неприятели, которыя больная перенесла дома, только подготовили организмъ къ воспріятію вреднаго дѣятеля. Выписана окончателно здоровою 12 апрѣля».

VI.

За нѣсколько дней до 12-го апрѣля, въ маленькомъ садикѣ богоугоднаго заведенія душевно-больныхъ, на скамейкѣ сидѣли двѣ женщины. Обѣ были въ сѣрыхъ казенныхъ халатахъ съ бѣлыми платками на головахъ, обѣ ничего не дѣлали и грѣлись на солнцѣ. Кругомъ желтѣлъ красный песокъ дорожекъ, и голые сучья деревьевъ начинали наливаться почками. Птицы весело чиркали, все говорило о возрожденіи, о пробужденіи изъ спячки послѣ долгой зимы.

Не смотря на одинаковую больничную одежду, большая разница замѣчалась въ этихъ двухъ женщинахъ. Одна была старуха лѣтъ за пятьдесятъ, съ темнымъ ипохондрическимъ цвѣтомъ лица и тоскливымъ взглядомъ. Другая, съ коротко остриженными темными волосами, выбивавшимися изъ подъ платка, казалась совсемъ безъ возраста,—то старуха, то дитя. Порою лицо ея покрывалось морщинами и складками, какъ бы слѣдами прожитыхъ бурь и страданій; порою же свѣтло и наивно свѣтились глаза подъ длинными рѣсницами, вспыхивалъ тонкій румянецъ, углы и складки сглаживались, и все лицо свѣтлѣло, какъ у ребенка. Эти переходы, почти всегда внезапные и неожиданные, составляли особенность ея фізіономіи и придавали ей оригинальность и прелесть неуволнимую.

— Вотъ вы-то выздоровѣли, голубушка моя Марья Аркадьевна, говорила старушка какимъ-то жалобно ноющимъ тономъ:—а мнѣ все нѣтъ перемѣны; и день и ночь все одна и та же тоска.

Марья Аркадьевна вздохнула въ отвѣтъ, не зная, что сказать. Всѣ банальныя утѣшенія были непримѣнны къ этой несчастной, страдавшей періодическимъ, наследственнымъ сумашествіемъ, противъ котораго всѣ лѣкарства были безспильны.

— Какъ я завидовала вамъ, когда васъ сюда привезли! продолжала ныть больная:—вы были все время какъ безъ памяти, какъ во снѣ; бывало, смотрю на васъ и думаю: вотъ вѣдь пошлетъ Богъ другимъ и сумашествіе-то хорошее; ни страданій, ни тяжести, ни тоски этой гнетущей, которая давитъ меня здѣсь и здѣсь...

И она била себя по груди и головѣ.

— Господи, думаю: лучше бы мнѣ въ ранахъ и гноищѣ жечь, лучше бы на четверенькахъ ползать, какъ вонъ та идиотка, чѣмъ этакъ-то мыкаться на свѣтѣ живымъ мертвецомъ. Для чего я живу? Для чего небо копчу? На что мнѣ память и умъ,

когда я хожу, какъ истуканъ, ничѣмъ не могу заняться, въ тягость себѣ и другимъ...

И какіе-то тихіе, ноющіе стоны поминутно срывались съ ея губъ. Бѣлоконова вьяла ея руки и крѣпко ихъ пожала.

— Я буду васъ часто навѣщать, голубушка, Надежда Ивановна, вы выздоровѣете, будете опять по прежнему. Вѣдь бывало же это съ вами, и проходило.

— Нѣтъ, вы меня навѣщать не будете: я тоску нагоняю на всѣхъ. Вы теперь словно къ жизни народились; васъ все будетъ занимать, веселить, здоровье ваше—дорогой даръ!—и день и ночь будетъ съ вами, и вы забудете это печальное мѣсто, гдѣ столько слезъ и стонувъ, и вздохувъ... А я? Рубашку бы послѣднюю отдала, лишь бы мнѣ денекъ пожить такъ, какъ всѣ живутъ.

Слезы состраданія навернулись на глазахъ Бѣлоконовой.

— Вы вотъ плачете, а я и плакать не могу... Нѣтъ у меня слезъ! А еслибъ слезы то у меня были, я знала бы, что моей болѣзни конецъ. Бывало, начинаю плакать сладко, умиленно, плачу дни и ночи,—и вдругъ дѣлаюсь опять живая, чувствую себя человѣкомъ... А теперь сухи глаза мои, нѣту въ нихъ ни одной слезы...

И она мѣрно качалась, скрещивая руки и поднимая взоръ къ небу въ безысходной тоскѣ. Къ нимъ вдругъ подлетѣла, странно подпрыгивая, черная и худая, какъ скелетъ, женская фигура въ сѣромъ больничномъ халатѣ, съ блуждающей лукавой улыбкой и какимъ-то острымъ, бездумнымъ, совершенно сумашедшимъ взглядомъ.

— Вы мать Иродіады? скороговоркой накинулась она на Надежду Ивановну:—это вы велѣли просить голову Іоанна Крестителя на серебряномъ блюдѣ? У Ирода, у царя іудейскаго? А это ваша дочь? Иродіада святая! Плясаша и скакаша!.. Да я лучше спляшу, ей Богу, лучше.

И она вдругъ начала выдѣлывать разные пѣ и круги на одномъ мѣстѣ.

— Видѣли? докончила она съ торжествомъ и задыхаясь отъ радостнаго смѣха:—а то думали, я не съумѣю. Я и Ирода, и Иродіаду, и ихъ мать за поясъ затяну. Я—царица Савская,—супруга царя Соломона!

— Счастливица! прошептала Надежда Ивановна: какъ бы я желала быть на ея мѣстѣ.

Въ эту минуту, къ нимъ подбѣжала горничная и начала тащить за собой веселую сумашедшую, одержимую маніей величія.

— Констанція Андревна, пожалуйста! Докторъ не велѣлъ вамъ сюда ходить. Вопъ ваше мѣсто.

— Кто не велѣлъ? Я сама царица!

— Зовутъ васъ... Царь Соломонъ зоветъ.

— Такъ бы и сказала. Мужъ жену спрашиваетъ, должна идти. Все въ шашки играютъ? Старый и малый; Соломонъ съ Давидомъ.

— Кончили; васъ спрашиваютъ.

— Цыцъ!.. Не тащи меня; я Иродиадиной матери допросъ дѣлаю! кричала сумашедшая, топая ногой и возвышая голосъ.

Послышались шаги и голоса; по дорожке, въ сопровожденіи сидѣлки и ординатора, приближался господинъ среднихъ лѣтъ, довольно красивой наружности, съ черной бородой, свѣжимъ цвѣтомъ лица и разсѣяннмъ, какъ бы во что-то углубленнымъ взглядомъ красивыхъ, темно-карихъ глазъ.

Шелъ онъ бодро и торопливо, не смотря на начинавшуюся тучность отъ сидячей жизни кабинетнаго человѣка.

— Безпорядки! замѣтилъ онъ горничной, изъ всѣхъ силъ тащившей сумашедшую прочь.—№ 31 должна быть теперь уже въ ваннѣ.

— Бушуетъ съ утра! протестовала горничная.

Докторъ К. подошелъ къ сумашедшей и положилъ ей руки на плечи.

— Пожалуйте въ вашу комнату, я вамъ туда послалъ папирсъ, много папирсъ.

— Благодарю васъ, отвѣтила величественно сумашедшая, принявъ совсѣмъ другой тонъ и стараясь держать себя прилично, какъ въ гостиной.

— Вамъ надобно много курить. Я приду къ вамъ въ гости и мы будемъ вмѣстѣ курить.

— Милости просимъ. Я всегда рада гостямъ. Какъ здоровье вашей супруги? Дѣтки ваши?

Но докторъ церемонно раскланялся, подавая ей руку; она сдѣлала ему какой-то необыкновенный книксенъ и, оглядывая всѣхъ торжествующимъ взглядомъ, величественно удалилась.

Обѣ больныя во время этой сцены почтительно встали съ мѣстъ, раскланявшись съ докторомъ.

— Ну, что, началъ тотъ, сіяя румянцемъ и полнымъ равновѣсіемъ физическихъ и умственныхъ силъ:—все также, другъ мой?—всмотрѣлся онъ въ страдальческую физиономію Надежды Ивановны.

— Все также, докторъ, простионала та.—Ни аппетита, ни сна...

— Имѣйте терпѣніе, привычно отозвался онъ.—Нельзя такъ скоро. Морфій принимаете?

— Принимаю,—не дѣйствуетъ, докторъ. Я какая-то отверженная, зачумленная, на меня и лѣкарства-то не дѣйствуютъ, со-всѣмъ не человѣкъ...

Докторъ слушалъ разсѣянно. Онъ зналъ, что благодаря только морфію, страдальца избавлялась на нѣсколько часовъ отъ тѣлоти существованія, но она не имѣла ни аппетита, ни сна; ей казалось, что она навсегда лишена того и другаго. Она любила мѣнять лѣкарства, мѣнять систему лѣченія. Какъ утопающій хватается за соломенку, хваталась она за каждое еще неиспытанное средство, и докторъ иногда изъ состраданія выдумывалъ для нея какое нибудь замысловатое лѣченіе, къ которому она приступала, крестясь и возводя глаза къ небу. Такъ и теперь онъ обнадежилъ ее, терпѣливо и подробно давая ей инструкцію новаго лѣченія.

Потомъ онъ подошелъ къ Бѣлоновой, взявъ ея руку и пощупалъ пульсъ. Глаза его, дотошъ разсѣянные и углубленные въ себя, вперились въ больную пронизательнымъ, всевѣдущимъ взоромъ. Казалось, ни одинъ сокровенный изгибъ души не могъ бы укрыться отъ подобнаго взгляда. Она нервно опустила глаза и румянецъ волною залилъ ея блѣдныя щеки.

— Г-жа Бѣлоконова, началъ онъ, выпуская ея руку и снова принимая апатичный и разсѣянный видъ:—бумаги ваши въ порядкѣ и 11-го или 12-го вы можете выйти отъ насъ. Я васъ попрошу сегодня въ шесть часовъ вечера пожаловать ко мнѣ на квартиру для формальнаго освидѣтельствванія. Не тревожьтесь,—пустая формальность, необходимая при выходѣ изъ каждаго заведенія. Лѣкарства принимаете?

— Да, порошки на ночь, послѣдніе, которые вы прописали.

— Въмѣсто двухъ, достаточно одного. Пожалуйста, больше motiona, воздуха, разсѣянія. Я велю вамъ выдать сегодня же ваше бѣлье и платье, и вы можете снять этотъ больничный халатъ. Для васъ я отступаю отъ формы, прибавилъ онъ любезно.—До свиданья, въ шесть часовъ.

И его крѣпкая, бодрая фигура отчетливо зашагала далѣе въ глубину сада, откуда раздавались странные, рѣзкіе звуки: и хохотъ, и визгъ, и рыданія.

VII.

Докторъ только что кончилъ обѣдъ. Это было самое пріятное

время его дня. Онъ имѣлъ счастливое преимущество оставлять за порогомъ своей квартиры всѣ заботы и служебныя соображенія и являться домой совсѣмъ другимъ человѣкомъ. У него была большая семья на рукахъ и онъ былъ душою этой семьи, принадлежа ей всѣмъ существомъ своимъ въ свободныя минуты. Во-первыхъ, мать,—добрая, достойная женщина, которая боготворила сына и жила только заботами о немъ,—потомъ двѣ молоденькія сестры, учившіяся на его счетъ въ гимназій, братъ студентъ, жившій у него, и наконецъ жена и двое маленькихъ дѣтей. Онъ умѣлъ соединять всѣ эти разнородные элементы въ одно цѣлое, держалъ балансъ опытной рукою, и съ полнымъ отсутствіемъ нервъ управлять сложной машиною домашняго очага, имѣлъ критеріемъ свое личное удовольствіе, развлеченіе и покой.

Онъ зналъ всегда, что надобно было дѣлать въ данную минуту, и это не стоило ему ни труда, ни раздумья: — такъ онъ былъ созданъ, и этотъ элементъ въ его характерѣ подчинялъ ему волю и характеры соединенныхъ съ нимъ людей. Женился онъ лѣтъ пять назадъ на воспитанницѣ своей матери, сиротѣ, которой онъ былъ опекуномъ и попечителемъ, зналъ съ дѣтства, и на которую имѣлъ неограниченное влияніе.

Сухой профессоръ, рѣшительный и хладнокровный докторъ, кабинетный ученый и членъ многихъ обществъ, въ кругу своей семьи былъ просто Костей, Костенькой и Котикомъ, какъ звали его мать, сестры и жена.

Лишь только слышался въ квартирѣ его звонокъ, какъ уже всѣ бѣжали къ нему на встрѣчу снимать съ него пальто, брать зонтикъ, палку; всѣ его обнимали и цѣловали, четырехлѣтній сынъ хваталъ его за ноги, и онъ, веселый и сіяющій, входилъ въ залу.

Начиналась возня по дому; онъ гонялся за сестрами, пробовалъ силу съ братомъ, цѣловалъ жену, называя ее помпончикомъ и купидончикомъ. Она была толстенъкая, свѣжая блондинка, съ темпераментомъ настоящей породистой насѣдки, нормальное состояніе которой состояло въ вѣчной беременности и вѣчномъ кормленіи. Съ дѣтства она была влюблена въ Костю, а жизнь подъ одной кровлей съ разцвѣтшей и влюбленной въ него по уши дѣвушкой не могла пройти безслѣдно для доктора, и онъ женился на ней. Положеніе ея въ домѣ не мѣнялось; по прежнему она звала мамочкой его мать, была для нея почительной дочерью, старшей сестрою его сестрамъ и брату; только ея дѣвическая комнатка превратилась въ супружескую спальню и началась ея личная жизнь рожденія и высиживанья дѣтей. Мать доктора охотно приняла этотъ бракъ, не

выпускавшій бразды домашняго правленія изъ ея опытныхъ и привычныхъ рукъ, и все въ домѣ подчинялось волѣ матери и сына. Они любили и понимали другъ друга, и ихъ характеры согласовались во всемъ.

— Костя, Костенька, Костюша! раздавалось во всѣхъ углахъ.

— Костикъ, лепеталъ сынъ, припадая къ ногамъ отца.

И Костя въ кругу семьи разглаживался и молодѣлъ на десять лѣтъ.

Послѣ обѣда, за которымъ предсѣдательствовала мать, бодрал и довольная собой и другими, — всѣ подходили цѣловать ея руку и первый, — хозяинъ дома, Костя. И надобно было видѣть, съ какой любовью цѣловала она его темную голову, склонявшуюся къ ея рукѣ.

Потомъ онъ ложился на диванъ съ папирской или книгой, и вся семья любовно обступала его. Очередь держать его голову на болянахъ строго соблюдалась, и сестры перессоривались изъ за этого не на шутку, пока онъ однимъ маніемъ руки не возстановлялъ порядокъ. Болталось и говорилось много шутокъ и вздору, свободно звучалъ молодой смѣхъ и каждый пользовался обществомъ сына, мужа и брата, дорожа каждой минутой, короткой и рѣдкой въ теченіе дня. За порогомъ дома, въ стѣнахъ аудиторіи и своего кабинета, въ палатахъ больныхъ, Костя снова принималъ официальную физиономію, и никто бы не узналъ въ невозмутимомъ профессорѣ того любящаго, любимаго, дѣтски-шаловливаго и неистощимо-веселаго Костю, который бѣгалъ взапуски съ молодыми сестренками, таскалъ жену на рукахъ, боролся съ братомъ и запрягался въ лошадки съ сыномъ.

VIII.

За пять минутъ до назначеннаго свиданія съ своей пациенткой, докторъ уже сидѣлъ въ кабинетѣ у письменнаго стола, перебиралъ и приводилъ въ порядокъ какія-то бумаги, разговаривая, между прочимъ, съ двумя ассистентами-врачами, призванными для освидѣтельствованія выпускаемой изъ заведенія пациентки.

Прошло шесть часовъ, и сидѣлка ввела Бѣлоконову. Докторъ съ перваго взгляда не узналъ ея. Передъ нимъ стояла стройная женщина въ черномъ шерстяномъ платьѣ и шали на похудѣвшихъ плечахъ, съ выраженіемъ лица серьезнымъ и яснымъ, и любопытно всматривающимся взглядомъ. Короткіе волосы и тонкая шея, бѣлѣвшая въ отложныхъ воротничкахъ, придавали ей необыкновен-

ную молоджавость, и, вмѣсто полныхъ 32 лѣтъ, ей едва можно было дать 25. Нѣжныя и бѣлыя руки свободно висѣли подъ шалью.

Докторъ привѣтливо ее встрѣтилъ, поздравилъ съ выздоровленіемъ и, обратившись къ своимъ колѣгамъ, попросилъ приступить къ осмотру.

Долго ее выслушивали, кололи булавками, поднимали вѣки, подносили свѣчу къ глазамъ; наконецъ, переговоривъ между собою по латыни, расчеркнули свои подписи на бумагѣ и поспѣшили удалиться.

— Г-жа Бѣлоконова, объявилъ докторъ, оставшись съ ней одинъ, вы пользуетесь теперь полнымъ умственнымъ здоровьемъ, и я очень радъ, что могъ содѣйствовать этому, по мѣрѣ силъ.

Бѣлоконова, измученная осмотромъ, тяжело дышала и въ горячихъ взволнованныхъ выраженіяхъ поблагодарила доктора.

— Во время вашей болѣзни, продолжалъ тотъ, я имѣлъ разныя свѣдѣнія о вашей личности. Въ вещахъ вашихъ найденъ былъ паспортъ и, по его указанію, полиція обратилась за справками въ мѣсто вашего жительства. Оттуда получено было удостовѣреніе вашей личности, и бумаги эти препровождены ко мнѣ, такъ какъ вы находились тогда въ моемъ заведеніи. Я въ свою очередь наводилъ разныя справки, и въ теченіе этого времени выяснилось слѣдующее: мужъ вашъ, содержавшійся въ тюрьмѣ по дѣлу, известному вамъ, былъ преданъ суду съ присяжными засѣдателями. Судъ въ свое время состоялся, убійство нашли неумышленнымъ и его приговорили на шесть мѣсяцевъ церковнаго покаянія въ одномъ изъ монастырей.

— Бѣлоконова сдѣлала радостное движеніе.

— Помилованъ? воскликнула она, и слезы градомъ зачастили по ея щекамъ.

Казалось, вся болѣзнь и вся горечь минувшей печали выливались въ этихъ теплыхъ, облегчающихъ слезахъ.

— Такъ вы его любите? невольно вырвалось у доктора.

Она не отвѣтила сначала, закрывъ лицо платкомъ.

— Любите?.. повторила она: — въ настоящемъ времени я не имѣю ничего, — но въ прошедшемъ, въ прошедшемъ... все было въ прошедшемъ. Я его любила и отравила его жизнь, я натолкнула его на преступленіе, — я, я одна во всемъ виновата. Я его любила; зачѣмъ, почему? Я не знаю... Но эта любовь стубила насъ обоихъ, искалѣчила нашу жизнь. Злѣйшій врагъ не могъ бы сдѣлать ему больше вреда, чѣмъ я — моею любовью! Вотъ почему

я хотѣла наказать себя за него, лишитъ себя преступной, никому не нужной жизни...

Она волновалась; старыя раны раскрылись, заставляли страдать.

— Успокойтесь, перебилъ докторъ:— не тревожьте прошлаго, оно отошло, пропало. Поговоримъ лучше о будущемъ. Я имѣю сообщить вамъ нѣсколько важныхъ для васъ извѣстій.

— Какихъ? встрепенулась Бѣлоконова.

— Была у васъ старая бабушка?

— Да, была; я у нея жила и воспитывалась въ дѣвушкахъ.

— Ея имя Марья Павловна Брянцева?

— Да, да!

— Въ теченіе этихъ пяти мѣсяцевъ, много случилось для васъ переизмѣнъ. Два мѣсяца тому назадъ, по адресу моему, извѣстному вашимъ мѣстнымъ властямъ, на ваше имя пришло извѣщеніе о ея кончинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, копія съ ея духовнаго завѣщанія, по которому она оставляетъ вамъ небольшую сумму въ двѣ тысячи рублей. Здоровье ваше представляло тогда уже всѣ признаки улучшенія, и я счелъ своимъ долгомъ заняться этимъ дѣломъ вмѣсто васъ. Вслѣдствіе переписки и различныхъ справокъ, я хлопоталъ, чтобы эти деньги перевели сюда, и копія со всѣхъ этихъ документовъ хранится у меня. Вамъ остается исполнить формальности, выждать извѣстныхъ сроковъ и — деньги ваши. Двѣ тысячи, сравнительно, сумма небольшая, но вы можете устроиться на первое время, а тамъ—вы молоды, можете учиться, работать. Мало-ли что жизнь еще можетъ вамъ дать,—дочинилъ онъ, смотря на нее какимъ-то обдумывающимъ, пронизательнымъ взглядомъ.

Бѣлоконова слушала его, какъ въ туманѣ: неожиданныя извѣстія, которыя онъ ей сообщилъ, будили воспоминанія о прошломъ, вызывали знакомые образы близкихъ, имѣющихъ до нея дѣло, лицъ.

— А тетка моя Брянцева? спросила она.

— Людмила Павловна Брянцева? переспросилъ докторъ. Могу сообщить вамъ и о ней: узнавъ о вашей болѣзни, она писала мнѣ съ настойчивымъ желаніемъ видѣть васъ и взять къ себѣ,—но я, слѣдуя моей методѣ лѣченія, положительно воспреещающей свиданія съ родными, объяснилъ ей это въ письмѣ, обѣщая увѣдомлять о переизмѣнахъ въ вашемъ здоровьѣ, и переписка наша продолжалась аккуратно. Въ послѣднемъ же письмѣ г-жа Брянцева извѣстила меня, что послѣ смерти матери, а вашей бабушки, она продала имѣніе и ѣдетъ за границу для поправленія своего здо-

ровья. Видите ли; какъ судьба расчищаетъ вамъ путь для новой жизни, для новыхъ впечатлѣній... Встряхнитесь и смѣло идите впередъ.

Слова доктора, его покой и равновѣсіе дѣйствовали на нее, какъ озонъ или кислородъ.

— Вамъ жить было нехорошо, продолжалъ онъ, — и результатомъ явилось самоубійство. Но неужели вы можете сказать, что все уже испытано, все извѣдано вами въ жизни? Обстоятельства теперь измѣнились: вы можете порвать съ прошлымъ, сжечь за собой корабли и смѣло идти къ другому, неизвѣстному. Развѣ жизнь не имѣетъ своихъ благъ? — Жизнь — уже счастье. И онъ замолкъ, какъ бы боясь выказать всю роскошь блага, которымъ владѣлъ. — Теперь, другъ мой, вѣдь вы не желаете умереть? вдругъ кончилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Нѣтъ, вырвалось у Бѣлоконовой, и она вдругъ, оживленно смотря въ пространство, стала говорить: — Мнѣ было у васъ хорошо; все другое, новое, такъ непохожее на прежнее, будто волшебныя воды Леты меня покрыли. Я просыпалась существомъ безпамятнымъ, тупымъ, ничего не сознающимъ, не имѣющимъ своей воли, своихъ желаній; эта растительная, идиотская жизнь меня лѣчила, словно кору накладывала на мои раны... Я никогда не забуду, докторъ, этой болѣзни и вашего заведенія, гдѣ моя личность забылась, стерлась для меня самой, и изъ Бѣлоконовой я превратилась въ № 61, по звонку шла завтракать и гулять, по звонку садилась въ ванну, по звонку думала и засыпала. Моей судьбой распоряжались; я не имѣла злаго дара свободы, выбора своихъ дѣйствій... Лучше этого никогда ничего не можетъ быть: это единственное счастье, доступное человечеству...

Докторъ слушалъ, недовѣрчиво улыбаясь. Его счастливой, уравновѣшенной организаціи были чужды патологическія ощущенія субъектовъ, какъ бы отмѣченныхъ съ дѣтства печатью разложенія.

— Мало ли что бываетъ лучше? промолвилъ онъ. — Во всякомъ случаѣ вы выиграли, что избѣжали смерти. Что такое смерть? Пустота, уничтоженіе... А жизнь, это вѣчно мѣняющійся калейдоскопъ свѣта и тѣни, страданій и наслажденій... Живите, боритесь съ судьбой, завоевывайте себѣ счастье. У васъ есть опытъ, — примѣните его къ случаю, старайтесь не повторять прежнихъ ошибокъ, ломайте себя и перевоспитывайте, — и, можетъ быть, вы еще дадите счастье кому нибудь, искупите свои вины, если онѣ существовали... Что вы думаете теперь дѣлать, какъ намѣрены устроиться?

— Единственное мое желаніе—это полная безвѣстность, отвѣтила Бѣлоконова.—Чтобъ ни одинъ отголосокъ прошедшаго не раздавался въ моемъ настоящемъ,—иначе все погибло, и я опять не могу жить.

— У васъ на то полнѣйшіе шансы. Вы въ большомъ городѣ, однѣ, съ обезпеченіемъ на случай нужды, съ выборомъ какой угодно дѣятельности. Я могу вамъ помочь устроиться. Наймите маленькую квартиру съ прислугой или помѣститесь въ меблированныхъ комнатахъ. Вы занимались чѣмъ нибудь; что вы умѣете дѣлать?

— Я умѣю играть на рояли и сочинять стихи. Могу и переводить съ двухъ иностранныхъ языковъ, но эта отрасль труда слишкомъ ничтожна и почти недоступна, за излишкомъ на нее конкурентовъ.

— Почему же? Я могу вамъ дать переводъ съ одного нѣмецкаго медицинскаго сочиненія; подъ моей редакціей вы можете сдѣлать это удовлетворительно.

— Но у васъ, вѣроятно, уже есть переводчикъ?

— Да, есть; студентъ Ральфъ, съ которымъ я познакомился во время вашей болѣзни.

— Это тотъ, который... Бѣлоконова вспыхнула, не зная, какъ докончить.

— Да, сосѣдъ вашъ по номеру, которому вы обязаны жизнью. Онъ навѣщалъ васъ здѣсь нѣсколько разъ.

— Я его не помню, никогда не видала.

— Трудящійся молодой человекъ, чехъ или молдаванинъ, кажется. Настойчивый, несообщительный, но дѣльный малый, съ характеромъ и выносливостью. Онъ мнѣ понравился, я далъ ему работу.

— Ну, такъ вотъ видите, зачѣмъ же у него отнимать?

— Лучше всего... знаете что! Вы не имѣете ничего противъ этого молодаго человѣка?

— Ничего, а что?

— Вы бы могли ему помочь, потому что онъ переводить убійственно. Отказать совѣстно, а все почти приходится перечеркивать и писать самому. Я бы радъ былъ, еслибъ вы взяли за этотъ трудъ и избавили бы меня отъ него. Такъ прислать вамъ этого юношу, какъ устроитесь? Самъ онъ не пойдетъ,—дикарь ужасный.

— Да, отвѣтила Бѣлоконова. Я свободно читаю и перевожу по нѣмецки, и очень рада вамъ служить.

Докторъ посмотрѣлъ на часы.

— Какъ я заболтался съ вами. Последнюю ночь вы здѣсь ночуете, Марья Аркадьевна.

— Да, последнюю; съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила Бѣлоконова.

— Завтра я пошлю человѣка нанять вамъ номерокъ въ какойнибудь чистенькой гостинницѣ и навѣщу васъ на новосельѣ.

— Изъ этихъ двухъ тысячъ, перебила Бѣлоконова, запинаясь:— я вамъ должна за пять мѣсяцевъ моего пребыванія у васъ.

— Это заведеніе богоугодное, и вы поступили въ него на казенный счетъ.

— Но за счастье и уходъ, которыми я въ этихъ стѣнахъ пользовалась...

— Подождите, не торопитесь; поберегите деньги для бѣдняковъ, нуждающихся болѣе насъ.

Онъ весело подаль ей руку и позвонилъ. Вошла сидѣлка.

— Проводите г-жу Бѣлоконову въ голубую комнату; она завтра выходить изъ заведенія.

Сидѣлка вышла. Бѣлоконова тоже собиралась выйти, но медлила съ опущенной головой, какъ бы собираясь что-то сказать.

— Что? спросилъ докторъ.

— Еслибъ вы знали, что теперь у меня на сердцѣ!.. Я со всѣмъ не засну эту ночь. Жизнь долго медлила—и вотъ она пришла! Пришла нѣмая, съ закрытымъ лицомъ, и неумолимо ведетъ впередъ... А куда? Гдѣ дорога, гдѣ цѣль? Что ждетъ впереди?

Докторъ заглянулъ въ ея взволнованное лицо, покрытое румянцемъ, и вдругъ спросилъ, положивъ ей руки на плечи со свойственнымъ ему, привычнымъ жестомъ:

— А что, мой другъ, умирать страшно?

Странная, таинственная улыбка промелькнула по выразительному лицу Бѣлоконовой.

— Узнаете сами когданибудь, отвѣтила она.

IX.

Уже недѣлю, какъ Бѣлоконова жила тихой и покойной жизнью выздоравливающей въ одной изъ меблированныхъ гостинницъ, неподалеку отъ богоугоднаго заведенія доктора К. Она устраивалась. Докторъ далъ ей денегъ въ долгъ на первыя нужды, и она ходила и покупала по цѣлымъ днямъ, потому что у нея не было ничего, кромѣ единственнаго платья, бывшаго на ней. Докторъ заботился и принималъ въ ней участіе не на словахъ, а на дѣлѣ. Онъ

рекомендовалъ ее своей матери и женѣ, и на первыхъ порахъ предложилъ ей у себя обѣдъ за умѣренную плату. День начинался хлопотами. Марья Аркадьевна, напившись чаю, тотчасъ же выходила со двора; каждый день надобно было что нибудь купить, прибавить къ бѣлю, туалету, обуви. Обновки не могли не радовать ее: она была женщина прежде всего. Ее занимали и втягивали ежедневныя мелочи новой, еще незнакомой ей жизни. Больше всего она старалась забывать прошедшее, и когда, въ часы одиночества, ее начинали мутить воспоминанія, она быстро схватывала шляпу, накидывала бурнусъ и шла на улицу, чтобъ потеряться въ толпѣ. Былъ мягкій, теплый апрѣльскій воздухъ, солнце грѣло такъ пріятно, панорама золотыхъ главъ церквей, бульваровъ, мостовъ раскидывалась передъ ней во всей своей праздничной пестротѣ, а незнакомая, вѣчно мѣняющаяся и спующая передъ ней толпа производила на нее успокоительное дѣйствіе.

Она жила растительной жизнью ящерицъ и насѣкомыхъ, грѣясь на солнцѣ, на скамейкахъ бульваровъ, входя въ растворенные соборы, стоя на мостахъ, внизу которыхъ струились мутныя, вѣчно журчащія воды. Никому не было дѣла до нея, никто отъ нея ничего не требовалъ, не звалъ никуда. Потокъ жизни мчался мимо, оставляя ее въ неизвѣстности, хаосѣ, забытій...

Обѣдъ въ докторскомъ домѣ, — этотъ часъ, проводимый ею въ чужой семьѣ, — наполнялъ ее впечатлѣніями на цѣлый день. Введенная въ интимный кругъ семьи, она старалась сдѣлаться молчаливой и незамѣтной, заставить забыть свое присутствіе, чтобъ не спугнуть того очарованія, которое открывалось для нея въ обстановкѣ этой семьи и отношеніяхъ ея между собою. Она любовалась, удивлялась, и грустно-умиленное чувство завадало ей въ душу при невольныхъ сравненіяхъ. Вотъ жена доктора, — бѣлая, какъ снѣгъ, тѣломъ и душою, веселая, добрая, ловящая каждый взглядъ своего Кости, умѣющая хохотать безпрестанно такимъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ! Гдѣ же ревность? гдѣ недовольные, капризные взгляды жонъ, гдѣ требованіе исключительныхъ ласкъ, захватъ всѣхъ правъ въ свои руки? И собственный образъ Бѣлоконовой, характерной жены въ полномъ значеніи этого слова, мрачно и навойливо рисовался въ ея памяти... Зачѣмъ, о, зачѣмъ у нея не было этого добраго, апатичнаго взгляда, этого покоя всего организма, полнаго смѣха, мягкости, доброты и простыхъ, обыкновенныхъ чувствъ супруги и матери? Развѣ можно не любить и не цѣловать эту «толстуху Лидку», какъ ее звали всѣ домашніе, когда ея поцѣлуй напоминалъ ароматъ цвѣтка, вкусъ

спѣлой вишни и зрѣющаго плода? А сестренки его? Двѣ молоденькихъ стройныхъ брюнетки 14 и 16 лѣтъ, живыя, какъ огонь, не знающія, чѣмъ утолить бѣшеную потребность веселья, шалостей и шутокъ, — и братъ-студентъ, пѣвецъ и артистъ въ душѣ, — и надо всѣмъ этимъ величавая и спокойная фигура матери, управляющая своимъ маленькимъ міркомъ съ мудростью змѣи и незлобивостью голубя.

Въ Марьѣ Аркадьевнѣ скоро привыкли, и каждый разъ послѣ обѣда молодежь тащила ее къ рояли, умоляя поиграть имъ что нибудь для танцевъ, и вокругъ неубраннаго еще стола начинался отчаянный плясъ. Сама толстуха, передавъ ребенка въ руки Костиной матери, пускалась въ танцы и останавливалась только тогда, когда мужъ схватывалъ ее, всю румяную и запыхавшуюся, за платье и сажалъ возлѣ себя, какъ бы ревнуя и завидуя ея веселью и смѣху, относящемуся не исключительно къ нему одному.

Но срокъ отдыха и бѣснованія проходилъ: докторъ брался за шапку, всѣ спѣшили: кто на лекціи, кто на уроки, — и гнѣздо разлеталось. Марья Аркадьевна спѣшила тоже къ себѣ и вечерѣ проводила неизмѣнно дома въ полнѣйшемъ одиночествѣ, углубляясь въ самоѣ себя, сторонясь отъ всѣхъ виѣшнихъ впечатлѣній, стараясь застраховать себя отъ всякихъ волненій и желаній, отъ ненависти и любви, отъ всего, что могло бы исторгнуть ее изъ прозябанія и втянуть опять въ водоворотъ мукъ и пережитыхъ печалей.

X.

Разъ вечеромъ, сидя за самоваромъ и перечитывая Шекспира, взятаго изъ сосѣдней библіотеки, она услышала голоса у дверей своего номера. Коридорный говорилъ кому-то, что 54 № дома, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ легкій стукъ въ ея дверь. Она быстро вскочила, испугавшись неожиданнаго визита, боясь вторженія прошлаго въ ея новую, едва начавшуюся жизнь.

— Кто это? спросила она замирающимъ голосомъ, полуотворивъ свою дверь.

— Отъ доктора К., послышался незнакомый голосъ.

У нея отлегло отъ сердца, и она отворила дверь и впустила вошедшаго. Передъ ней стоялъ молодой человекъ довольно высокаго роста, закутанный, не смотря на теплую погоду, до самаго горла въ пледъ. Онъ былъ до невѣроятности сконфуженъ, не зналъ, куда дѣвать глаза, и, сжимая въ рукѣ свертокъ тетрадей, готовъ былъ, видимо, провалиться сквозь землю. Бѣлоконова успѣла со-

образить, что это былъ студентъ Ральфъ, о которомъ ей говорилъ докторъ, и, подавивъ волненіе, пригласила его садиться.

Ральфъ сѣлъ и вдругъ, пристально взглянувъ ей въ глаза, улыбнулся какъ-то свѣжо и молодо, будто Бѣлоконова была его давнишней знакомой, съ которой излишни, конечно, всѣ рекомендаціи.

— Я очень радъ, что вы окончательно поправились, сказалъ онъ, — и давно желалъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами. Это вступленіе сразу уничтожило всякую неловкость между ними, и Бѣлоконова съ грустнымъ и страннымъ чувствомъ смотрѣла на этого юношу, ставшаго вдругъ такъ неожиданно между смертью и ею. Но Ральфъ не дѣлалъ болѣе никакихъ намековъ и, снявъ пледъ, расположился на диванѣ, опершись на его спинку съ изнеможеніемъ уставшаго человѣка. Онъ былъ очень худъ, глаза рѣзко ввалились, и вся его фигура имѣла выраженіе унынія, печали и недомоганія.

— На дворѣ дождь, вы устали, замѣтила Бѣлоконова и, усѣвшись напротивъ къ самовару, поспѣшила налить и подать ему стаканъ горячаго чая.

— Да, я дѣйствительно усталъ, проговорилъ Ральфъ, поднимая свои темныя брови: — но съ чего бы, кажется? тутъ недалеко...

— Вы живете все тамъ же, въ 24-мъ №? спросила Бѣлоконова.

— Нѣтъ, тамъ жить было невозможно; я тамъ простудился, схватилъ воспаленіе легкихъ и съ тѣхъ поръ все хвораю.

— Вы лѣчитесь?

— Да; полѣчился немного, когда еще деньги были, отвѣтилъ онъ съ откровенною улыбкой.

— Гдѣ же вы теперь?

— У товарищей покуда: то у того, то у другаго. Но я собираюсь присвать себѣ постоянное жилище, потому что кочевать такъ становится неудобнымъ, при моемъ здоровьѣ.

Слово за слово — они разговорились, какъ давнишніе знакомые. Обращеніе Ральфа поражаало какой-то не русской оригинальностью. Въ немъ было что-то дико-патріархальное, оттѣнокъ другихъ нравовъ и другихъ обычаевъ. Онъ задавалъ Бѣлоконовой такіе вопросы, которые могли бы показаться странными при первомъ знакомствѣ, но въ устахъ его дышали всей наивностью дикаря.

— Сколько вамъ лѣтъ? дѣвица вы или замужняя? На какія средства вы живете? Какъ жили съ мужемъ?

Она не могла не отвѣчать откровенно и, не ожидая сама того, сообщила ему много интимныхъ свѣдѣній.

— Такъ вы любили? вы испытали, значить, это пресловутое чувство. Вамъ все это знакомо. А мнѣ 21 годъ, и я никого никогда не любилъ, — не знаю, что это такое—и испытать боюсь, потому что, говорить, это очень страшно.

— Никогда, ни одну женщину не любили?

— Никогда, ни одну. Впрочемъ не я одинъ такой; и товарищи мои, Озеровъ и Магницкій, тоже никогда не любили и не сближались ни съ одной женщиной.

— Неужели? замѣтила Бѣлоконова, посмотрѣвъ на него нѣсколько удивленно.

— О нѣтъ, нѣтъ, не въ такомъ смыслѣ, вспыхнулъ онъ вдругъ:—но никогда никто еще мнѣ не нравился изъ женщинъ или дѣвушекъ; я не имѣлъ случая полюбить, т. е. такъ полюбить, какъ описывается въ романахъ.—Тамъ у насъ, въ Бессарабіи, нѣтъ ни клубовъ, ни собраній; женщины заперты, какъ на востокѣ, и выходятъ замужъ прямо изъ дѣтской, по волѣ родителей.

— А здѣсь вы сколько времени?

— Два года и четыре мѣсяца.

— И ни одной встрѣчи, ни одного случая?

— Здѣсь? переспросилъ онъ, широко раскрывъ глаза и смотря на нее какимъ-то рѣшительнымъ взглядомъ:— Здѣсь, въ той средѣ и обстановкѣ, въ которой я живу, нѣтъ женщинъ, а есть только продажныя твари, къ которымъ я чувствую отвращеніе.

— Но ихъ считаютъ же женщинами... Посмотрите, сколько вокругъ нихъ мужчинъ, какъ они проводятъ съ ними дни и ночи,—есть же, значить, въ нихъ что нибудь привлекательное...

— Да, прервалъ онъ: — для этого надобно пить, курить и безобразничать. Это своего рода водка и пьянство; русскіе жить безъ этого не могутъ. А я терпѣть не могу водки, не былъ пьянъ никогда. Что же такая женщина можетъ мнѣ дать въ нормальномъ состояніи? Гадкое чувство опьяненія, отвлеченіе отъ цѣли, которой я хочу достигнуть.

— Какой цѣли? любопытно спросила она.

— Карьеры и положенія въ свѣтѣ, объяснилъ онъ наивно.— Для этого я и пріѣхалъ изъ Бессарабіи, готовился цѣлый годъ, чтобы сдать университетскій экзамень,—и теперь студентъ, а да-лѣе кончу медикомъ, получу мѣсто и буду имѣть практику и положеніе въ свѣтѣ.

— На какія средства вы живете?.. Извините, я спрашиваю это изъ участія.

— Средства почти никакихъ, но я не унываю. У меня есть выносливость и терпѣніе. Я рѣшился. Я два года обдумывалъ этотъ планъ тамъ, и рѣшился уйти изъ дома противъ воли отца, который хотѣлъ меня сдѣлать виннымъ торговцемъ, но я задумалъ другое, и исполнилъ.

Бѣлоконова посмотрѣла на тщедушное существо, сидѣвшее передъ нею. Онъ какъ будто угадалъ ея мысли и произнесъ:

— Одно, что можетъ мнѣ помѣшать, — это здоровье. И лицо его осунулось, сдѣлалось мрачнымъ.

— Я дома никогда не былъ боленъ, хоть ѣлъ не роскошнѣе здѣшняго, но здѣсь мнѣ постоянно холодно, постоянно не доста-, етъ чего-то.

— Вы родились на югѣ; здѣсь совсѣмъ другой климатъ, суровый, непривѣтный.

— Да, тамъ я купался въ октябрѣ и ѣлъ виноградъ.

Ральфъ увлекся воспоминаніями и заговорилъ о родной Бессарабіи. Лихорадочный румянецъ согрѣлъ его впалыя щеки, онъ рассказывалъ о цвѣтущихъ степяхъ своей родины, о темныхъ и теплыхъ ночахъ, о всей роскоши благодатнаго климата, изъ котораго изгнало его честолюбіе, желаніе стать выше своей среды.

— У васъ есть тутъ знакомые?

— Есть земляки. Мы помогаемъ другъ другу. Народъ бѣдный; они меня считаютъ богачомъ, потому что я зарабатываю кое-что⁰ и имѣю студентскій обѣдъ, а они питаются только сухарями и чаемъ.

— И они надѣются также пробиться?

— Только вѣдь четыре года. Они молодцы; люди вполне здоровые; и я бы не унывалъ, еслибъ былъ здоровъ, какъ они.

— Ну, а если работы не будетъ, если нечѣмъ будетъ жить?

— Я обращусь къ общественной благотворительности. Не можетъ быть, чтобы не помогли, — я не ворую, я попрошу только временной помощи, которую возвращу съ лихвой.

Наивность его возрѣній поражала Бѣлоконнову. Передъ этой бѣдностью и рѣшимостью бороться съ ней, ее кольнула совѣсть: она жила, ничего не дѣлая, накупая себѣ обновокъ и украшая свою квартиру, когда вокругъ было столько бѣдности, нужды, борьбы за существованіе.

— Докторъ К. мнѣ говорилъ, что вы нуждаетесь въ практи-

къ нѣмецкаго языка, сказала она:—я готова вамъ служить. Оставьте вашъ переводъ, я просмотрю его и исправлю.

Наступали полные сумерки длиннаго, майскаго дня. Самоваръ давно погасъ: стѣнные часы на комодѣ показывали половину десятиаго. Кисейныя занавѣски на окнахъ пропускали слабый лучъ свѣта; въ тихомъ и запертомъ номерѣ была пріятная тишина.

— Я самъ хотѣлъ было сегодня заняться, сказалъ Ральфъ, подавая ей свертокъ, но нездоровится,—ей Богу, не отъ лѣни, но я слабъ такъ, что едва сижу. Прощайте, выговорилъ онъ, вставая и закутываясь въ пледъ: зайду завтра, если буду въ силахъ.

Она всю ночь просидѣла надъ его переводомъ, исправляя и переписывая его набѣло.

XI.

Кто бы могъ узнать въ этой кроткой и тихой женщинѣ ту раздражительную, ревнивую и безпокойную жену, какою была она въ бракѣ съ своимъ Блжонновымъ? Судьба свела ее съ нимъ на обоюдное несчастіе ихъ обоихъ. Но пора сказать нѣсколько словъ о прошедшемъ моей героини.

Марья Аркадьевна не помнила своей матери. Дѣтство и юность провела она у своей бабушки, помѣщицы Брянцевой, безвыѣдно жившей въ своемъ имѣніи, слабой и больной старухи, не выходящей за порогъ своей комнаты. Въ домѣ и имѣніи распоряжалась полновластной хозяйкой родная дочь старухи, Людмила Павловна Брянцева. Она была на дѣвѣнадцать лѣтъ старше своей племянницы Маши и одна руководила ея ученіемъ и воспитаніемъ. Эта особа была характера сильнаго и самовластнаго, привыкла вездѣ играть главную роль и совершенно подчинила своему вліянію мечтательную и сосредоточенную дѣвочку, жившую всегда подъ ферулой своей тетки и вполне привыкшую стираться передъ ея яркой личностью. Людмила Павловна была красива, имѣла въ своей жизни много романовъ, не окончившихся однако ничѣмъ положительнымъ, и до сорокалѣтняго возраста сохранила жажду жизни, побѣдъ и наслажденій, которая обратилась для нея въ привычку и потребность. О ней шла молва, какъ объ отъявленной кокеткѣ и женщинѣ легкаго поведенія; но на дѣтѣ это было несовсѣмъ такъ: она была слишкомъ порядочнаго круга, чтобъ ронять себя простой, прозанческой интригой; традиціи ея времени и воспитанія развили въ ней лишь потребность игры нервъ и крови, потребность побѣдъ, однимъ словомъ, какаго-то дилетантизма въ любви,

а не самой любви. Вѣроятно, впрочемъ, что были и увлеченія болѣе положительнаго свойства, которыя Людмила Павловна, благодаря той же порядочности и благовоспитанности, умѣла пресѣкать во-время или глубоко прятать концы.

Когда племянницѣ исполнилось 17 лѣтъ, тетка на зиму переехала въ губернской городъ, чтобы вывозить въ свѣтъ молодую дѣвушку, и тутъ торжество Людмилы Павловны было еще полнѣе. Всѣ бросились, какъ на новинку, на остроумную, бойкую и красивую женщину, въ полномъ разцвѣтѣ силъ, и ея гостинная вскорѣ наполнилась поклонниками. Блѣдная и серьезная дѣвушка, съ угловатыми манерами и безстрастнымъ выраженіемъ лица, совершенно спиралась возлѣ яркой личности тетки и, по привычкѣ или характеру, добровольно оставалась на заднемъ планѣ, повидимому, не имѣя и надежды выдвинуться когда нибудь впередъ. Но блѣдная дѣйствительность не мѣшала ей мечтать ярко и широко, создавать идеалы счастья, заходить мечтою въ недоступную для нея сферу первенства и любовныхъ побѣдъ, свидѣтельницей которыхъ она была съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ въ лицѣ своей тетки, — идеалы, какъ видно, бѣдные и не превышавшіе круга понятій, среди которыхъ она выросла; по степени же опыта и ощущеній, она была совершенное дитя, и даже, — была-ли то любовь, привычка, или слабость характера, — но Маша не могла себѣ представить жизни безъ тетки, безъ руководства ея въ каждомъ шагѣ и движеніи.

Такъ прошли цѣлыя десять лѣтъ. Марья Аркадьевна наступилъ уже двадцать седьмой годъ, она сдѣлалась еще блѣднѣе и худѣе, и начинала сильно приглядываться на балахъ все въ одномъ и томъ же обществѣ и положеніи, а у Людмилы Павловны, къ горю и отчаянію, появилось уже нѣсколько сѣдыхъ волосъ и прежняя живость движеній смѣнилась полнотою зрѣлаго возраста. Это не мѣшало однако завязатой жокеткѣ затягиваться въ корсетъ и бороться со слѣдами неумолимаго времени, ибо иной жизни, кромѣ той, которую она привыкла жить, она не понимала и не хотѣла понимать. Вербуя поклонниковъ изъ молодыхъ, неоперившихся юношей, она все еще была на виду, и самолюбіе ея продолжало удовлетворяться хоть по наружности. Въ эту пору, зимой, въ уѣздѣ и губерніи стоялъ полкъ, и балы оживлялись множествомъ офицеровъ. Матери и невѣсты повеселили, къ концу зимы устроилось нѣсколько свадебъ. Людмила Павловна болѣе обыкновеннаго царила въ своей роли умной и бойкой женщины между военною молодежью; Марья Аркадьевна продолжала блѣднымъ призракомъ про-

зять въ возгѣ нея. На масляницѣ, при концѣ сезона, былъ устроенъ, какъ водится, *folle jougnée* съ загороднымъ пикникомъ на тройкахъ, которыми шеголяли губернскіе тузы и офицеры, не желавшіе отъ нихъ отстать. Общество послѣднихъ увеличилось прібытіемъ въ полкъ новаго лица, именно поручика Бѣлоконова, высланнаго за какой-то скандалъ изъ гвардейскаго полка въ армейскій. Новинка всегда дѣйствуетъ увлекательно, и дамы разрывали Бѣлоконова на расхватъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ блестящій гвардеецъ, молодой и красивый танцоръ, и отличался изяществомъ костюма и манеръ отъ прочей армейщины.

Загородный пикникъ удался какъ нельзя болѣе: обѣдали, пили много вина, и послѣ обѣда, въ ожиданіи отъѣзда, обратно въ городъ, затѣялись танцы. Бѣлоконову совершенно случайно пришлось танцевать съ Марьей Аркадьевной, которую онъ видѣлъ въ первый разъ. Дирижеромъ былъ неутомимый танцоръ, длившій всегда кадрили до безконечности. Послѣднюю фигуру ему вздумалось кончить бѣшеннымъ галопомъ кругомъ всего дома, и пары понеслись по освѣщенной амфиладѣ комнатъ. Въ коридоръ, при выходѣ, нѣсколько паръ замѣшалось, столкнулось—и дама Бѣлоконова запуталась своей затѣйливой, бальной прической о блестящія пуговицы его мундира. Онъ ловко остановился и осторожно принялся распутывать изъ засады волосы своей дамы, какъ бы прикованной въ его груди. Жаркій-ли трепетъ сердца, бившагося отъ него такъ близко, горячій-ли взглядъ полу-опущенныхъ, мѣющихся глазъ, въ которые онъ смотрѣлъ въ упоръ, дѣйствіе-ли выпитаго шампанскаго—заставили закружиться голову Бѣлоконова, только онъ коснулся незамѣтнымъ поцѣлуемъ волосъ своей дамы. Когда онъ посадилъ ее на мѣсто, Марья Аркадьевна была блѣдна, какъ восковая лилія, и тревожно схватила за сердце.

— Скажите, пожалуйста, кто эта интересная дѣвица, съ которой я танцевалъ! спрашивалъ Бѣлоконовъ у своихъ товарищей.

— Въ бѣломъ,—съ ландышами? Это Брянцева. Засидѣвшаяся невѣста, тупая и безгласная недотрога. Вотъ тетушка ея огонь! Ты не говорилъ съ нею?

— Профаны! выговорилъ Бѣлоконовъ,—вы ничего не понимаете; эта дѣвушка прелесть что такое!

— Ха, ха, ха! кажется, ужъ влюбился!

Съ пикника возвращались снова на балъ и ужинъ въ собранье. Ъхать надобно было ночью, въ саняхъ, версть пятнадцать. Людмила Павловна съ племянницей сидѣла въ лучшихъ саняхъ, съ избраннымъ обществомъ, куда попалъ и Бѣлоконовъ. Онъ усѣлся

напротивъ Марьи Аркадьевны и подъ шумокъ веселыхъ разговоровъ, остротъ и каламбуровъ, подъ прикрытіемъ темной ночи, отыскалъ горячую ручку сосѣдки и вѣско пожалъ.

Марья Аркадьевна была особенно интересна въ этотъ вечеръ; блѣдныя щеки ея то вспыхивали, то погасали; что-то новое творилось съ ея трепетно бившимся сердцемъ: у нея былъ поклонникъ! Бѣлоконовъ не отходилъ отъ ея тетки, которая открыла передъ нимъ всю батарею своей игривости и ума, польщенная вниманіемъ перваго кавалера; возлѣ нея сидѣла по обыкновенію племянница, безгласная и неподвижная, но эта племянница чувствовала на себѣ его взглядъ, украдкой на нее устремлявшійся, и ей было и тепло, и жутко, и руки ея то холодѣли, то горѣли, какъ тогда, въ саняхъ, когда возлѣ нея сидѣлъ Бѣлоконовъ.

Насталъ великій постъ. Брянцевы уѣхали въ деревню, и все, казалось, пропало, какъ сладкій сонъ; но Бѣлоконовъ не терялъ времени съ своей стороны. Его кажущійся блескъ и богатство были только фальшивою вывѣской, и давно онъ искалъ поправить женитбою плохое состояніе своихъ дѣлъ. Надобно было ковать желѣзо, пока горячо, и непременно жениться въ этомъ городѣ, гдѣ никто не знаетъ его испорченной репутаціи, страсти къ картамъ, скандаламъ и кутежу. Марья Аркадьевна ему понравилась, а освѣдомившись о ея состояніи, о существованіи старой бабушки, деревни и прочихъ благъ, Бѣлоконовъ рѣшилъ, что это партія для него подходящая во всѣхъ отношеніяхъ, и боялся только, какъ бы кто не перебилъ ему дорогу въ этомъ дѣлѣ.

Въ Брянцевымъ въ деревню ѣздили офицеры, привлекаемые гостепріимствомъ и любезностью Людмилы Павловны, умѣвшей всегда составлять около себя кружокъ обожателей и поклонниковъ, и Бѣлоконовъ не замедлилъ примкнуть къ этому кружку. Вскорѣ онъ сдѣлался у Брянцевыхъ домашнимъ человѣкомъ, каталъ бабушку въ креслѣ, пѣлъ романсы, ѣздилъ съ Людмилой Павловной по полямъ и не позволялъ себѣ съ Марьей Аркадьевной никакого открытаго ухаживанья. Но въ рѣдкія минуты, оставаясь съ ней наединѣ, онъ притягивалъ ее къ себѣ влюбленнымъ взглядомъ, и почти безъ рѣчей давалъ понять, что онъ одержимъ глубокою и пламенною къ ней любовью. Иногда ихъ руки встрѣчались, и тогда какъ бы электрическій токъ потрясалъ ихъ обоихъ. Романической головѣ Марьи Аркадьевны чрезвычайно нравилась подобная тактика; она берегла и лелѣла ихъ общую тайну, какъ скупой бережетъ свое сокровище: внутренній міръ ея обогатился новыми ощущеніями, давая обильную пищу мечтамъ. О замуж-

ствѣ она не думала: съ нея довольно было торжества этой любовной тайны, о которой не догадывался никто. Между тѣмъ онъ началъ замѣчать, что положеніе его становилось двусмысленнымъ: Людмила Павловна принимала его визиты на свой счетъ и была такъ нѣжна, любезна, игрива, такъ нетерпѣливо ждала привычнаго признанія, такъ подгадывала на него, что выходъ изъ этого положенія становился затруднительнымъ. Въ одинъ день, уѣзжая повдно изъ ихъ деревни, послѣ туманной двухчасовой бесѣды съ теткой о чувствахъ и поцѣлуя, сорваннаго украдкой съ влюбленныхъ *усть* племянницы, Бѣлоконовъ разомъ рѣшился разрубить гордіевъ узелъ и на завтра же сдѣлать предложеніе. Помимо ея приданого, онъ имѣлъ къ Марьѣ Аркадьевнѣ сильное физическое влеченіе, которое желалъ удовлетворить, и потому бракъ съ нею улыбался ему во всѣхъ отношеніяхъ. Холостыя интриги ему наскучили; онъ хотѣлъ остепениться, поправить свое состояніе и зажить жизнью порядочнаго человѣка съ преданною и вѣрною женой.

На другой день, въ обычный часъ его визита, Людмила Павловна ходила большими шагами по своей гостиной въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Вчера Бѣлоконовъ, прощаясь, былъ такъ взволнованъ; опытный глазъ ея не могъ не замѣтить этого, и вотъ предстоитъ новое торжество ея самолюбію: она увидитъ знакомый блескъ глазъ, услышитъ знакомый трепетъ голоса, знакомый жаръ рѣчей... Опять начнется эта вѣчно-новая, вѣчно-сладкая игра въ любовь, которая была ей необходима, какъ пьяницѣ необходима водка, и отъ которой ее бракъ привычный хмѣль волненія. Знакомый топотъ лошади раздастся у подъѣзда. Она не выйдетъ къ нему на встрѣчу, заставитъ себя подождать, потомиться немного;—наука очарованія извѣстна ей вполнѣ. И Людмила Павловна улыбается, заранѣе предвкушая успѣхъ своей тактики, и ей не скучно ждать, не скучно придумывать рѣчи, которыми можно сводить съ ума человѣка.

Вдругъ, посреди этихъ думъ и соображеній, дверь террасы стремительно отворяется и вбѣгаетъ Марья Аркадьевна съ закрытымъ руками лицомъ, пылающая и дрожащая, какъ осиновый листъ.

— Тетя! Тетя, Людмила Павловна!.. можетъ она только говорить и, не въ силахъ стоять, опускается на диванъ.

— Что съ тобой, Маша? съ безповойствомъ спрашиваетъ тетка.

— Онъ, онъ... Бѣлоконовъ! Сейчасъ... предложеніе мнѣ... Не ну, что я отвѣтила... Я съ ума схожу!

Ударъ грома среди яснаго неба не могъ бы болѣе ошеломить мишу Павловну, какъ эти внезапныя, неожиданныя слова.

— Не можетъ быть! вырвалось у нея.

Но въ эту минуту самъ Бѣлоконовъ вошелъ въ комнату со щеной и улыбающейся фізіономіей жениха. Онъ поцѣловалъ ву Людмилы Павловны, объявилъ, что получилъ согласіе не- ты и просить съ своей стороны согласія и благословенія тетки этотъ бракъ.

Надобно отдать справедливость Брянцовой: она сумѣла от- до выдержать себя въ эту критическую минуту; свѣтскій на- ь помогъ ей безукоризненно сыграть роль достойной женщины юбящей тетки. Но съ этой минуты она возненавидѣла Бѣло- ова полно и всецѣло, выбросила его изъ своихъ мыслей, какъ го онъ никогда для нея не существовалъ, и съ полнымъ равно- іемъ отдала его другой женщинѣ.

Въ комнатѣ у бабушки происходила между тѣмъ умиленная на: старуха, обожавшая внучку, прослезилась, перецѣловала е, и жениха, и тотчасъ же заговорила о приданомъ. Маша была ршеннолѣтняя: капиталъ ея матери, съ нарощими на него центами, принадлежалъ ей безпрепятственно, а бабушка съ й стороны сдѣлаетъ приданое на свой счетъ; кромѣ того..

Но женихъ и невѣста ее не слушали: съ глупо-счастливыми ами сидѣли они другъ противъ друга, въ блаженствѣ и сму- ии отъ своей близости, еще наканунѣ скрываемой и тайной, ь преступленіе, сегодня же допущенной, законной, на глазахъ сьхъ!

Въ послѣдующіе за тѣмъ дни, Марья Аркадьевна будто пере- лаась: похорошѣла, такъ что ее нельзя было узнать, забыла о робость, сдѣлалась смѣла въ своей страсти и разсуждала о ви съ такою увѣренностью, какъ будто всю жизнь занималась ко ею.

Теткѣ было не по себѣ отъ этого перерожденія, какъ будто то несправедливо отняли у нея ея право, осмѣливался пере- ать-то, что она считала исключительнымъ достояніемъ своей уры, осмѣливался внушать любовь, быть любимой при ней, ея присутствіи!.. Холодными и отрезвляющими рѣчами дѣй- овала она на пылъ племянницы, доказывала, что любовь всегда чивается охлажденіемъ, что на свѣтѣ все обманъ и расчетъ, глупо вѣрить любви такого человѣка, какъ Бѣлоконовъ, пу-

стаго, бездушнаго, готоваго повторять всёмъ женщинамъ однѣ и тѣ же рѣчи,—просила одуматься, повременить.

Но Марья Аркадьевна ничему не внимала, и вотъ романическая, ничего не испытывавшая дѣвушка вдругъ стала женой... Что она переживала и пережила, когда ея влюбленный молодой мужъ въ первые дни медоваго мѣсяца не спускалъ ее съ коленъ и носилъ на рукахъ, какъ маленькаго ребенка,—мы не беремся описывать. Это былъ ненормальный восторгъ, натянутая до невозможности струна счастья и страсти. Онѣ грубо порвались, онѣ должны были порваться теченіемъ времени и прозой супружеской жизни, но душа Марьи Аркадьевны уже разъ познала ихъ, и это познаніе изломало всю ея жизнь. Она требовала ихъ возврата, жаждала и томилась по нимъ. Бѣлоконовъ былъ простой и веселый малый; нехитро и безсознательно шелъ онъ по одной дорогѣ—своего личнаго удовольствія и блага. Онъ не принималъ въ соображеніе никакихъ тонкостей и рубилъ все съ плеча. Онъ любилъ веселье, комфортъ, довольныя и счастливыя лица, любовь простую, такъ же, какъ и простую злобу, и простую семейную ссору, безъ всякихъ осложненій. Онъ требовалъ отъ жены объѣда, комфорта, удобствъ;—она давала ему только обожаніе и стремилась унести его на седьмое небо любви. Мужская страсть его погасла и смѣнилась равнодушнымъ сожителемъ съ женой. Марья Аркадьевна не сумѣла примириться съ прозой супружеской жизни, не сумѣла брать, что безпрекословно брали всѣ жены—и разладъ начался. Домашній очагъ Бѣлоконовыхъ черезъ годъ супружества представлялъ видъ печальный и безотрадный: приданое было потрачено на уплату долговъ мужа, на устройство гнѣзда, неумѣренно роскошнаго по ихъ средствамъ, а ни у мужа, ни у жены не было умѣнья примѣняться къ обстоятельствамъ. Онъ, не задумываясь, бѣжалъ изъ дому, отъ его неудобствъ и безпорядка, отъ раздраженной, заплаканной женщины, вѣчно мучащей его упреками, обвиняющей въ холодности, въ недостаткѣ любви;—въ клубѣ за картами было такъ хорошо; женщины такъ привѣтно его встрѣчали, его снова тянуло къ легкимъ интрижкамъ, къ волокитству. Людмила Павловна играла большую роль въ драмѣ ихъ жизни. Она еще болѣе возненавидѣла Бѣлоконова за то, что онъ не обратился къ ней за утѣшеніемъ въ своихъ семейныхъ невзгодахъ и какъ бы дразнилъ ее своимъ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и обрушила на него свой гнѣвъ и мщеніе. Соболезнуя и помогая женѣ, она раскрывала передъ ней всѣ слабости, недостатки и пороки мужа, постоянно открывая ей глаза, не щадя разныхъ,

маемыхъ о немъ, свѣдѣній. Она возбуждала ея ревность до гдѣннихъ предѣловъ, долбила ея мозгъ, какъ капля воды долбитъ камень, и порождала между ними чудовищныя сцены ревни, упрековъ, слезъ и взаимныхъ истязаній. Марья Аркадьевна являлась вся живая рана—и горечь этихъ страданій отразилась всею складъ жизни, брызгала на всѣхъ теплою кровью соранъ... Она не замѣчала, какъ дѣлалась матерью, какъ жили дѣти, брошенные и забытыя ею: ежедневная ея драма съ мужемъ поглощала всю ея жизнь, всѣ способности ея сердца и ума. Блоконовъ хотѣлъ освободиться, бѣжать,—но обѣ женщины держали его крѣпко; законъ и право были на ихъ сторонѣ. Разлука Марьи Аркадьевны была то же, что смерть: жить съ мужемъ, хоть бы онъ ни былъ,—нелюбящій, злобный, ругающійся съ нею,—но не отдавать его никому,—была единственная ея потребность, и она готова была достигать этой цѣли цѣлю глубокаго униженія, глубокаго паденія женщины. Ревнива она была до помраченія разсудка, до галлюцинацій...

Блоконовъ, преслѣдуемый ненавистью и любовью двухъ женщинъ,—сталъ пить и играть. Пьяный и буйный возвращался онъ со свой холодный очагъ, за ножи хватался, голову готовъ былъ разбить о стѣну. Наконецъ наступила и катастрофа... Людмила Павловна, съ ловкостью ищейки, прослѣдила его послѣднюю охижку съ какою-то интересною вдовушкой, открыла глаза, указала мѣсто ихъ свиданій, и та, въ припадкѣ ревности, съ ребенкомъ на рукахъ, единственной дочерью, оставшейся живыхъ изъ всѣхъ дѣтей, прибѣжала на мѣсто преступленія какъ карающая Немезида, обрушила на своего супруга и его дворницу всѣ громы своего гнѣва. Скандалъ вышелъ страшный: женщина обидѣлась и кричала, ребенокъ кричалъ, а Блоконовъ, вѣрившій и потерявшій разсудокъ отъ гнѣва, схватилъ тяжелый подсвѣчникъ и пустилъ имъ въ жену. Но орудіе смерти не по назначенію; ударившись въ високъ малютки, оно пошло ея тутъ же на мѣстѣ: ребенокъ вскрикнулъ, захрипѣлъ и упался изъ рукъ матери въ предсмертныхъ судорогахъ. Наутро въ квартирѣ прибѣжалъ дворникъ и нѣсколько сосѣдей; испуганная женщина рассказала, какъ происходило дѣло: Блоконовъ былъ связанъ и отправленъ въ тюрьму.

Марья Аркадьевна два дня, какъ помѣшанная, сидѣла надъ гробомъ своего ребенка, силясь понять происшедшее, понять смыслъ неожиданной смерти. И смыслъ раскрылся: она одна была виновата во всемъ; она разбила свою и чужую жизнь, лишила

себя ребенка, а любимого, ни въ чемъ невиннаго человѣка до-
вела до каторги.

Послѣ такихъ итоговъ, ей показалось невозможнымъ жить и
она бѣжала... Бѣжала, чтобъ избавиться отъ ужаса сознанаго
преступленія и невозможности его исправить, передѣлать, из-
мѣнить.

Е. Ближневъ.

(Окончаніе будетъ).

Прощаніе.

изъ Байрона.

Мы на-долго прощаемся съ тобой...

Что намъ любовь въ такой позорной жизни?

Ты цѣлый вѣкъ останешься рабой,

Я буду вѣчный рабъ въ моей отчизнѣ.

Тебѣ, мой другъ, просторъ родныхъ полей

Не кажется позорною тюрьмою;

Но я... во мнѣ нѣтъ силъ нести цѣпей

Надъ мыслию, надъ сердцемъ и душою.

Въ грядущее не вѣрю я давно...

Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ надеждъ святыхъ разрушенъ,

Все стало вокругъ безжизненно-темно,

И сталъ съ тѣхъ поръ родной мнѣ воздухъ душнѣ.

И глядя въ очи кроткія тебѣ,

Позоръ безсилія чувствую больнѣе...

И вотъ я палъ... я отступилъ въ борьбѣ,

Я жалкій трусъ,—я въ даль бѣгу скорѣе.

Итакъ,—прощай! и въ этотъ трудный часъ

Сожми сильнѣй, по дружески, мнѣ руки.

Я возвращусь, когда въ груди затихнутъ муки,

Когда для родины пробьетъ свободы часъ!

Н. Щедровъ.

Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи.

II.

Въ XIV—XVI в. рыцарство еще сохраняло по мѣстамъ свой невѣжливый разбойничій характеръ; бароны разбойничали, или купцовъ, воевали между собою, захватывали одинъ у друга крестьянъ, вели нескончаемыя распри съ сосѣдами. Такъ, напр., что рассказываетъ одинъ изъ нихъ, Шертлинъ-Буртенбахъ въ своей автобіографіи: «Въ 1560 г., 18-го сентября, графъ Людвигъ фонъ-Эттингенъ захватилъ у меня мужика Рейтмансгофа и велѣлъ увести къ себѣ въ Гартбургъ за то что онъ и его сыновья поссорились съ нѣкоторыми эттингинскими крестьянами, сломавшими у него изгородь и самовольно вѣсившими по его землѣ; при ссорѣ однакожъ никто не былъ раненъ. Черезъ нѣсколько дней, графъ съ 500 крестьянъ и 50 конями насильно вѣзхалъ въ мой дѣсъ, на который онъ не имѣлъ никакихъ правъ, велѣлъ собирать жолуди, и съ женщинами, и съ дѣтьми на телѣгахъ увезъ мое добро, не предваривъ меня, и не сказавъ мнѣ о томъ ни слова. Когда я въ тотъ же день пріѣхавъ въ Биссингенъ, узналъ объ этомъ, то самъ я, мой сынъ, двоюродный братъ Людвигъ Шертлинъ и Гансъ Гольтъ на 32 лошадахъ отправились въ его графство и поймали мужика у самаго замка Гартбурга, да двухъ его подданныхъ Корбаха, и увели ихъ въ Биссингенъ въ замокъ. А такъ какъ его рыцари и стрѣлки начали показываться подъ самымъ Биссингеномъ со стрѣльбою и хвастовствомъ, то я, чтобы не попасть въ долгу, отправился съ приглашенными рыцарями на Гартбургъ, чтобы вызвать противника на схватку, но никто не захотѣлъ къ намъ, а подъ конецъ въ насъ начали стрѣлять изъ своихъ пищалей. Затѣмъ, въ четвергъ, графъ отправился въ Гартбургъ на стрѣльбу, и напередъ зная, что я не уступлю, велѣлъ тамъ поносить меня передъ его княжею милостью, курфюрстомъ и пфальцграфомъ, другими графами, господами и дворянами, и навлекъ на меня ихъ немилость и неблаговоленіе. Особо былъ возбужденъ герцогъ Христофоръ виртембергскій, пода-

риншій мнѣ въ этотъ годъ 100 гульденовъ, которые онъ и потребовалъ обратно. Также своего брата, графа Фридриха, графъ такъ вооружилъ противъ меня, что онъ потомъ сильно старался вредить мнѣ. Оба графа начали вооружать конницу и пѣхоту, и мы въ свою очередь приготовили 100 опытныхъ стрѣлковъ въ замкѣ Биссингенѣ, и въ обоихъ лагеряхъ былъ большой наплывъ военнаго люда. Графы позорили меня и моихъ пѣснями и другими стихотвореніями, пасквилями и сочиненіями, которыя распространялись въ народѣ, доходили и до императорскаго величества, дѣлались извѣстными курфирстамъ, князьямъ, графамъ и господамъ. Меня ругали возмутителемъ и буйнымъ нарушителемъ земскаго мира, называли своимъ мужикомъ и подданнымъ. Между тѣмъ пфальцграфъ и герцогъ Альбрехтъ баварскій, какъ ближайшіе государи, вмѣшались въ дѣло, предписывая обѣимъ сторонамъ сохранять миръ, освободить плѣнниковъ и распустить набранное войско. Я согласился, но такъ какъ графъ Людвигъ фонъ-Эттингенъ, прозываемый Ежомъ, первый началъ ссору, то я потребовалъ, чтобы онъ первый сдѣлалъ это. Но графъ не только не освободилъ моихъ людей, но даже подвергнулъ своему уголовному суду Ратцебауера, моего подданнаго. Во вѣки вѣковъ не можетъ быть доказано, что я и мои подчинены ему вслѣдствіе покупки, такъ мы купили Гогенбургъ и Биссингенъ, какъ имѣніе свободное, не ленное и имѣющее свой уголовный судъ. Такъ какъ государи настойчиво продолжали побуждать насъ къ миру, то я и распустилъ набранныхъ мною людей, графъ же Людвигъ, однажды вечеромъ со многими лошадьми и вѣсколькими сотнями крестьянъ двинулся на замокъ Биссингенъ и у него произошла съ нашими всадниками схватка, не причинившая однако большаго вреда». Столкновенія продолжались. Въ Вознесенье, на ярмаркѣ въ Биссингенѣ, графы появились съ 40 всадниками и тремя сотнями пѣхоты «и начали стрѣлять въ моего сына, въ моего брата, Людвига, въ стрѣлковъ и подданныхъ, вытѣснили ихъ съ ярмарочной площади и заперли ворота. Защищаясь отъ нихъ, мой сынъ и его люди тоже стрѣляли по нимъ, убили у графа двухъ лошадей и ранили двухъ человѣкъ, одного въ животъ, а другаго въ бедро, и наконецъ обратили ихъ въ бѣгство. Когда же мой сынъ съ людьми вернулся въ замокъ ночью и, ничего не опасаясь, сѣлъ ѣсть, они возвратились, и графъ Лотарь, почтенный человѣкъ, говорившій мнѣ прежде много лестнаго, изъ четырехъ большихъ пищалей на колесахъ сдѣлалъ до 30 выстрѣловъ и разбилъ у меня 12 кирпичей. Въ 9 часовъ они отступили въ Унтербиссингенъ, получили ночью подкрѣпленіе и утромъ оба графа появились снова съ орудіями и людьми, и, занявъ ярмарочную площадь, начали пѣть и плясать, потомъ ушли. И объ этомъ жаловался

императорскому величеству и имперскому суду», которые его запретили графамъ своевольничать, но графы не обратили никакого вниманія на это запрещеніе. «3-го октября, графъ съ 500 конницы и пѣхоты, въ томъ числѣ съ нѣсколькимандскнехтами и съ пятью большими орудіями, выступилъ гнѣвъ моего брата Людвига въ Оберрингингинъ и, пославъ ему нѣкоторыхъ дворянъ, потребовалъ отъ него сдачи дома. Людвигъ Шертлинъ между тѣмъ, по моему приказанію, еще за два дня до этого взялъ двухъ ландскнехтовъ и отъ моего сына Биссингена нѣсколько пищалей, пороху и свинцу. Онъ самъ шелъ къ дворянамъ и сказалъ имъ, что еслибы графъ Ежъ былъ къ нему съ миромъ по сосѣдски, то онъ раздѣлилъ бы имъ свое вино, но въ такомъ видѣ онъ не пуститъ его къ себѣ въ домъ, который имѣеть для себя, а не для графа. Защиты стороны разошлись, каждая подъ свое прикрытіе. Графъ въпился на переднемъ дворѣ и своими выстрѣлами сбильши съ башенъ; выбилъ въ домъ всѣ окна и убилъ двухъ пѣхотъ; Людвигъ же Шертлинъ, храбро защищаясь, убилъ у себя одного пушкаря и еще другаго человѣка, и ранилъ многихъ, изъ которыхъ нѣкоторые потомъ умерли. Такъ они воевали съ 7 часовъ утра до 6 вечера. Ночью, Людвигъ началъ тревожить графа много тревоги и безпокойства, самъ же между тѣмъ укрѣплялся и утромъ снова съ храбростію началъ заступать. Не одни рыцари вели между собою подобныя войны и въ междоусобіи волновалъ всѣ классы общества. Въ городахъ воевали между собою ремесленные цехи, обыватели съ магистратами и т. д. «По народному понятію, — говоритъ Фрейтагъ, — каждый имѣеть право вести войну съ каждымъ. Конечно, если булочникъ, мясникъ или поваренокъ провозглашали себя врагами города или графинина, то въ XV в. надъ этимъ только потѣшались; не такимъ мальчишествомъ казались и такіе случаи, когда объявляли войну: какой нибудь горожанинъ императору, или дворянинъ франкфуртскому жителю за то, что какая-то франкфуртская женщина отказалась танцовать съ его родственникомъ, или сапожникъ подмастерья въ Лейпцигѣ профессорамъ этого города. Все-таки лошовой извозчикъ, странствующій торгашъ, бездомный бродяга, даже женщины и дѣвицы посылали письменныя приглашенія войны дворянамъ и городамъ и могли причинить немалую хлопотъ, если только находили разбойниковъ и праздничующихся рыцарей, готовыхъ помочь имъ. По этимъ правиламъ войны можно было пользоваться только при извѣстныхъ условіяхъ. Если гражданинъ хотѣлъ воевать съ городомъ, а не съ своимъ господиномъ, то первый предварительно долженъ былъ оставить городъ, заявивъ объ этомъ магистрату, а второй долженъ былъ возвратить свой ленъ сеньеру. Но и тотъ и

другой умѣли обходить это правило: гражданинъ удалялся, не уплативъ ютхожаго налога, и объявлялъ войну изъ безопаснаго мѣста, а вассалъ уходилъ съ своимъ имуществомъ изъ замка и уже считалъ его неприятельскимъ имѣніемъ. Далѣе, войну можно было начинать только черезъ три дня послѣ ея объявленія. Она велась не только противъ личности и имущества непріятеля, но и противъ всѣхъ его слугъ, вассаловъ, крестьянъ, свободныхъ и крѣпостныхъ, также противъ всѣхъ его родственниковъ, особенно если дѣло шло о мести за пролитую кровь». По правиламъ, выработавшимся въ XIV в., все принадлежащее землѣ и людямъ врага принадлежало побѣдителю. Пашни вытаптывались, деревни сожигались, скотъ угонялся, крестьяне или горожане убивались и уводились въ плѣнъ, только христіанскихъ женщинъ и дѣтей запрещалось захватывать. Нерѣдко воевали между собой деревни, воевали города съ городами, воевали города съ деревнями. Если начиналъ войну большой имперскій городъ, то въ нее втягивались обыкновенно и сосѣдніе города и деревни края. Борьба затягивалась иногда на цѣлые годы, и имперская власть не могла остановить ея своими слабыми усиліями. Нечего и говорить, до какой степени разоряли крестьянъ эти усобицы.

Земскій миръ и имперскіе законы постепенно ослабили и прекратили эту «малую войну», какъ назывались феодальные разбои. Дворянство лишилось такимъ образомъ одного изъ источниковъ своихъ доходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія нанесло ударъ военному значенію рыцарства. Пѣхота, состоявшая главнымъ образомъ изъ крестьянъ, получила съ этого времени рѣшительный перевѣсъ надъ конницей, въ которой до тѣхъ поръ рыцарство служило за жалованье. Значительный государь уже могъ теперь не дорожить службою рыцарей и не смотрѣть сквозь пальцы на ихъ разбои, такъ какъ для войны необходима была пѣхота, на вербовать которую было легко. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рыцарямъ приходилось теперь строить въ замкахъ болѣе крѣпкія стѣны, вооружать ихъ дорогими пушками, платить большое жалованье артиллеристамъ, и все-таки, даже замки, считавшіеся прежде неприступными, теперь легко было взять съ помощью пушекъ. До конца XV в. мѣста фохтовъ и разныя должности въ совѣтахъ и при дворахъ государей занимались исключительно дворянами. Теперь же государи стали предпочитать имъ людей образованныхъ и ученыхъ, и дворянству приходилось или учиться, что требовало новаго расхода, или лишаться выгодныхъ должностей. Въ то время, какъ доходы дворянства сильно сократились, въ рядахъ его начала распространяться роскошь, которую оно перенимало изъ-за границы и отъ горожанъ. Въ богатыхъ торговыхъ городахъ рос-

господствовала уже давно; ярмарки, сеймы и княжескіе суды, усиливая доходы горожанъ, давали имъ случаи и поводъ являть передъ дворянствомъ своимъ богатствомъ и блескомъ. Только члены городскихъ управленій, но и частныя лица или жемчугъ на шляпахъ, фуфайкахъ, кафтанахъ и плащяхъ, золотыя кольца, серебряныя кушаки, ножи и мечи съ драгоценными украшеніями, бархатные и атласные кафтаны, шпалеры, золотомъ и жемчугомъ, обложенные соболями, перьями и горностаемъ. Горожанки вплетали золото въ косы и косички, носили вѣнцы и другіе головные уборы изъ золота и дорогихъ каменьевъ; ихъ бархатныя и атласныя платья вышивались тоже золотомъ и каменьями, обшивались соболями и горностаемъ, а рубашки дѣлались изъ парчи. Во время городскихъ празднествъ и сѣздовъ, наряды горожанъ, которые переодѣвались по нѣскольку разъ въ день, возбуждали въ женахъ свѣхавшихся рыцарей зависть и тщеславіе: старались не только сравняться съ горожанками, но и затмить ихъ своимъ блескомъ. У горожанъ были помѣстья и деньги, у дворянъ же только помѣстья, но земля была чрезвычайно дешева сравнительно съ предметами роскоши. Обыкновенное платье стоило 10 флориновъ, а моргенъ земли только 10 морина, слѣдовательно предметы роскоши были несравненно дешевле земли и ея произведеній. Но наряды были только одною стороной роскоши; богатый и роскошный столъ, заграничныя вина, дорогая посуда, пиры и банкеты, произведенія искусства—все это требовало денегъ и денегъ. Жестокое пьянство и азартныя игры еще болѣе разоряли дворянство. Нужда въ деньгахъ, дворянинъ занималъ ихъ у жидовъ, монастырей и горожанъ подъ вѣрные залого, и хотя онъ платилъ по 15 до 20%, но если въ срокъ не уплачивалъ, то навсегда лишился залога. Выдача замужъ дочерей, снаряженіе сыновей на войну и разные праздники заставляли тратиться даже людей небогатыхъ, но большинство дворянъ состояло изъ мотовъ и считало расточительность необходимымъ средствомъ для поддержанія рыцарской чести.

Всѣ изложенныя обстоятельства вели къ тому, что дворяне не охотились въ своихъ крѣпостныхъ все болѣе и болѣе платящихъ, а работавъ въ то же время всѣ усилія, чтобы какъ можно болѣе разбогатѣть и обрѣсти себѣ свободныхъ мужиковъ, чему много помогало и введеніе въ Германіи римскаго права. Съ конца XV в., при римскихъ судахъ государей сидѣли все ученые доктора, судившіе по римскимъ законамъ и незнакомые съ германскими законами и отношеніями. Переимѣшивая нѣмецкое съ римскимъ, римляне смотрѣли на крестьянина, какъ на римскаго кліента или на раба, и обращали какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя сво-

бодныя общины въ крѣпостную зависимость. Эти юристы всегда готовы были услужить господамъ, закрѣпостивъ крестьянъ съ помощью своихъ вляузъ, и современный имъ поэтъ говоритъ:

Es ist ein Volk, das seyndt Juristen
 Wie seyndt mir das so sölliche Christen,
 Sie thunt das Recht so spitzig bügen
 Und können's wo man will hinzufügen—
 Darnach wirt Recht fälschlich Ohnrecht;
 Das mächet männen armen Knecht.*)

Они или не понимали, или умышленно искажали смыслъ древнихъ германскихъ законовъ, и самое отдаленное сходство между отношеніями римской и нѣмецкой жизни для нихъ было достаточнымъ, чтобы подвести все, что угодно, подъ опредѣленіе римскаго права. Достаточно было, напр., найти у свободныхъ оброчниковъ такой малѣйшій признакъ, напоминавшій крѣпостную зависимость, какъ пошлая съ покойника, чтобы юристы отнесли ихъ къ числу крѣпостныхъ и подвели подъ римскіе законы о рабахъ. Крестьянскія тяжбы объ имѣніяхъ рѣшались тоже на основаніи римскихъ постановленій объ арендѣ. Римскіе законы оказались господамъ до того на руку, что вскорѣ они только и толковали, что о крѣпостномъ правѣ, и во всѣхъ своихъ тяжбахъ основывали свои притязанія на аналогіи съ крѣпостной зависимостью. Они стали распоряжаться въ своихъ имѣніяхъ совершенно произвольно и требовать съ крестьянъ все, что хотѣли, какъ должнаго по закону; также произвольно дѣйствовали они на ландтагахъ, на которыхъ, вмѣстѣ съ ново-римскими докторами, стряпали законы и рѣшенія по крестьянскимъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ водвореніемъ въ странѣ этихъ юристовъ, исчезла прежняя гласность судопроизводства, исчезъ судъ присяжныхъ и всякое безправіе начало свободно гнѣздиться подъ кровомъ канцелярской тайны.

Съ помощью своихъ юристовъ, многіе государи обратили въ крѣпостныхъ всѣхъ свободныхъ крестьянъ, жившихъ въ ихъ владѣніяхъ, какъ это было, напр., въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. на нижнемъ Рейнѣ, въ Вестфаліи и Швабіи. Примѣру государей подражали и менѣе крупныя землевладѣльцы, лишая свободы вольныхъ крестьянъ, жившихъ вперемежку съ ихъ крѣпостными. «Свободные дворы, говорятъ старинный нѣмецкій писатель,—отбирались, свободныя отъ платежей имѣнія облагались налогомъ и у владѣльцевъ отбирались ихъ старин-

*) Вотъ какой народъ эти юристы: мнѣ кажется, они плохіе христіане; они хитро гнутъ право, и могутъ сдѣлать съ нимъ, что угодно. Черезъ нихъ право стало неправымъ и многіе сдѣлались рабами.

грамоты; всѣ, имѣвшіе отъ помѣщика землю въ наслѣдственномъ пользованіи, должны были давать обязательство, что, подѣ страхомъ лишенія двора и всего имущества, не будутъ ни убѣгать, ни оказывать непослушанія, ни искать себѣ какого покровителя. Съ свободныхъ фермеровъ брали третій нигъ налогу и, отдавая землю въ аренду, требовали отъ помѣщиковъ обязательства, что они будутъ повиноваться господину, работать на него, судиться у него, платить ему налоги, давать деньги, пасхальныхъ куриць и т. д., а для осуществления ихъ притязаній пускали въ ходъ насиліе, тюремное заключеніе, штрафы, отлученіе отъ церкви (въ духовныхъ имѣніяхъ), лишеніе причастія. То, что творилось въ упомянутыхъ мѣстностяхъ, дѣлалось и во многихъ другихъ. Въ герцогствѣ Вюртембергѣ, напр., въ началѣ XVI в. многіе помѣщики обратили свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ, посредствомъ плутовки или вынужденныхъ контрактовъ. До конца XV в., въ Германіи крѣпостнаго права вовсе не было, но послѣ несчастнаго для нѣмецкаго ордена войны съ поляками, кончившейся вѣчнымъ миромъ 1466 г., разорившееся прусское юнкерство, примѣру польскихъ пановъ, начало закрѣпощать крестьянъ, и въ нѣмецкой войнѣ тоже война довела до нищеты.

Процессъ порабощенія народа можетъ быть хорошо выясненъ исторіей крестьянъ кемптенскаго аббатства въ Швабіи. Здѣсь, въ прекрасной мѣстности, между Констанцскимъ озеромъ и Альпами, съ давнихъ временъ удержалось свободное крестьянство. Многочисленные оброчники были первоначально такъ же свободны, какъ и дворяне, могли выбирать себѣ покровителя и подчинились ленному владѣльцу только въ судебномъ отношеніи. Они не знали ни барщины и никакихъ другихъ повинностей, а только платили небольшую подать аббатству да пошлину съ наслѣдства, состоявшую въ подаркѣ лучшаго платья умершаго. Но монахи постепенно подчинили себѣ этихъ свободныхъ людей: сначала увеличили пошлину съ наслѣдства, а потомъ извѣстили ихъ всѣ крѣпостныя повинности. Монастырь дѣйствовалъ систематически, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ для заволаданія крестьянъ, и каждый аббатъ продолжалъ работу своего предшественника. Когда отъ оброчниковъ потребовали выполнения всѣхъ крѣпостныхъ повинностей, они воспротивились; аббатъ же поддѣлалъ актъ, выдавъ его за грамоту Карла V., въ которой будто бы даровалъ монастырю всѣ крѣпостныя права надъ крестьянами. Оброчники рѣшились воспользоваться своимъ стариннымъ правомъ и отдались подѣ покровительство одного вѣрнаго графа. Аббатъ возопилъ противъ нарушенія своихъ правъ, и по приказанію баварскаго герцога дѣло было отдано на рѣшеніе суда, составленнаго изъ дворянъ и горожанъ. Судъ

рѣшилъ дѣло противъ крестьянъ, но послѣдніе не подчинились и продолжали тяжбу. Аббать обратился къ защитѣ папы; все епископы и монастыри приняли его сторону, сорокъ прелатовъ соединились, чтобы общими силами вести тяжбу съ крестьянами, помогать другъ другу и сообща платить судебныя издержки. Чтобы лишить крестьянъ папскаго покровительства, аббать далъ письменную клятву, будто-бы свободные оброчники всегда платили монастырю и работали на него наравнѣ съ крѣпостными и нѣсколько прелатовъ подтвердили эту ложь своимъ свидѣтельствомъ. Для успокоенія своей совѣсти, аббать обратился къ папѣ, и тотъ разрѣшилъ его отъ всѣхъ грѣховъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по ходатайству монастыря, императоръ запретилъ кому бы то ни было принимать монастырскихъ крѣпостныхъ и оброчниковъ подъ свое покровительство. Крестьяне такимъ образомъ были прикрѣплены къ землѣ и монастырь заставлялъ ихъ работать, какъ своихъ крѣпостныхъ. Когда вольная дѣвушка или женщина выходила замужъ за монастырскаго оброчника ей до тѣхъ поръ не давали причастія, пока она не отдавалась въ подданство монастыря; если вольный оброчникъ женился на крѣпостной, то его то же отлучали отъ церкви, чтобы заставить поступить въ число монастырскихъ крѣпостныхъ. Если это не помогало, то мужа сажали въ тюрьму и томали его, пока новобрачная не соглашалась подчиниться монастырю. Жалобы и воспоминанія о прежней волѣ наказывались тюрьмою и дѣпиями. Въ 1481 г. крестьяне наконецъ оживились надеждою на лучшіе дни, по поводу первыхъ распоряженій новаго князя—аббата Юганна II, «но вскорѣ овца превратилась въ волка» какъ выражается монастырскій лѣтописецъ: всѣ налоги и повинности, и безъ того тяжкіе, были повышены, и аббать обнаруживалъ явное намѣреніе закрѣпостить всѣхъ крестьянъ своего округа. Тѣхъ, которые противились ему, таскали по духовнымъ судамъ, морили въ тюрьмахъ, лишали имущества и заставляли наконецъ давать письменное обязательство, что они будутъ отбывать всѣ крѣпостныя повинности. Свободные фермеры и дѣти оброчниковъ были обращены въ подданство монастыря. Послѣ умершаго крѣпостнаго, аббать бралъ себѣ половину наслѣдства, а сиротъ записывалъ въ число своихъ крѣпостныхъ. Оброкъ и налогъ, составлявшіе сначала всего два шиллинга, были увеличены, смотря по величинѣ участка, до двухъ, трехъ и четырехъ гульденовъ; налоги нерѣдко вимались вдвойнѣ, судебныя пошлины были сильно увеличены. Непослушныхъ наказывали штрафами, простиравшимися до 100 гульденовъ или даже до третьей части имущества, а потомъ эти пени обращались въ постоянный оброкъ. Въ 1489 г. настала ужасная дороговизна, а въ слѣдующіе два года полный голодъ, и несмотря на это,

аббатъ обложилъ своихъ подданныхъ новымъ налогомъ. Крестьяне были рѣшительно не въ состояніи платить и обратились съ жалобою къ дворянству и городамъ швабскаго союза. Но союзъ принялъ сторону аббата, и крестьяне послали своего депутата съ жалобою къ самому императору. На дорогѣ этотъ депутатъ, по приказанію аббата, былъ схваченъ и пропалъ безъ вѣсти; другой крестьянскій депутатъ былъ счастливѣе и вернулся съ извѣстіемъ, что императоръ обѣщалъ разобрать дѣло. Не дожидаясь этого, швабскій союзъ рѣшилъ смирить крестьянъ силою, и однажды вечеромъ союзное войско неожиданно напало на ихъ деревни; солдаты били, мучили, убивали ихъ, грабили имущество, жгли дома. Многие крестьяне были посажены въ тюрьмы, вѣсколко сотъ ихъ бѣжало въ Швейцарію. Союзъ объявилъ, что крестьяне во всемъ должны повиноваться аббату, и они, разоренные и запуганные, на время замолкли.

Осенью 1507 г. несчастные подданные аббатства обрадовались смерти своего тирана Юганна II, но при новомъ князѣ имъ стало еще хуже. Всѣ крестьяне были вынуждены дать подписку, что будутъ платить налоги безъ замедленія, каковъ бы ни былъ урожай и какіе бы кто ни понесъ убытки отъ дурной погоды. Крестьянинъ Функъ выхлопоталъ изъ Рима позволеніе своей свободной женѣ не поступать въ крѣпостные и хотѣлъ продать кому нибудь свое собственное угодье. За это аббатъ посадилъ его въ башню и грозилъ изрубить въ куски, если ояъ не отдастъ ему и жену и угодье. Функъ умеръ въ тюрьмѣ; аббатъ же захватилъ себѣ его вдову и все имущество. Въ Боденвальдѣ жилъ свободный мельникъ на своей мельницѣ, какъ вдругъ аббатъ потребовалъ съ него оброкъ, когда же мельникъ отказался, то аббатъ пригрозилъ сжечь мельницу и запуганный мужикъ началъ платить ему. Преемникъ этого тирана былъ ничѣмъ не лучше его; разными насиліями ояъ обратилъ въ крѣпостное состояніе не менѣе 400 свободныхъ крестьянъ и страшно возвысилъ налоги. Крестьянину, который прежде платилъ 5 шиллинговъ, теперь приходилось платить 5 фунтовъ, т. е. въ 20 разъ больше. Введенъ былъ новый военный налогъ. Дворы, никогда не бывшіе ленами, обращены въ лены; владѣльцы, никогда не платившіе десятины, были принуждены платить, и у нихъ отнимали ихъ старинныя льготныя грамоты. Арендаторы монастырскихъ имѣній должны были представлять залогъ въ обезпеченіе своей вѣрности монастырю. Съ оброчныхъ крестьянъ брали добавочный налогъ въ 3 проц. съ дохода, и они давали обязательство подчиняться уголовному и гражданскому суду аббата, нести налагаемыя имъ наказанія, платить всѣ налоги и повинности. Монастырскимъ кредиторамъ аббатъ соглашался уплачивать долгъ только въ томъ случаѣ,

если они приписывались къ аббатству; но, получивъ съ нихъ такое обязательство, онъ все-таки не уплачивалъ имъ долга. Кромѣ тяжкихъ налоговъ и повинностей, которыми были обложены всѣ общины, многія изъ нихъ подвергались особеннымъ притѣсненіямъ: у однихъ аббатъ отнялъ сѣнокосы и лѣса, у другихъ обратилъ арендные проценты въ постоянную подать. Въ Кюмратсгофенѣ, гдѣ жители противились незаконнымъ требованіямъ фохта, слуги его съ натянутыми луками принуждали и мужчинъ и женщинъ исполнять эти требованія; многимъ общинамъ навязали монастырскихъ хлѣбниковъ, въ мѣстечкѣ Обергюнцбургѣ аббатъ захватилъ себѣ право суда, силою отнялъ у ратуши льготныя грамоты и ремесленные уставы. Насилія аббата довели крестьянъ до того, что они стали угрожать ему явнымъ возстаніемъ. Чтобы успокоить ихъ, аббатъ присягнулъ, что отмѣнитъ всѣ незаконныя повинности, лишь бы только крестьяне присягнули на подданство монастырю. Всѣ крестьяне присягнули, но аббатъ вслѣдъ за этимъ, какъ бы въ насмѣшку, не отмѣнивъ ни одного прежняго налога, потребовалъ еще 3 проц. со всего имущества, съ котораго платилась подать аббатству. Желая полюбовно кончить дѣло, крестьяне вступили съ аббатомъ въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что аббатъ объявилъ: «я хочу, чтобы все оставалось такъ, какъ было до меня, если же вы не будете повиноваться, то я пошлю на васъ Георга фонъ-Фрейндсберга»; сказавъ это, онъ вскочилъ на коня и ускоркалъ. Вслѣдъ затѣмъ, аббатъ ввелъ еще новую путевую пошлину. Не только за малѣйшее сопротивленіе своимъ насиліямъ, но даже за каждое смѣлое слово о нихъ аббатъ сажалъ крестьянъ въ тюрьму, истязалъ ихъ, продавалъ съ публичнаго торга ихъ имущество.

Аббатъ и его защитники говорили въ свое оправданіе, что они поступаютъ не хуже другихъ землевладѣльцевъ, и никто не пытался опровергнуть ихъ. И духовные и свѣтскіе помѣщики поступали точно такъ же, какъ эти аббаты, Крестьяне графовъ Лупфена и Фюрстенберга жаловались въ 1524 г., что, кромѣ множества притѣсненій, которымъ они подвергаются, они не только не имѣютъ ни праздника, ни отдыха, но принуждены въ праздничные дни и во время жатвы искать для графини раковинъ, наматывать на нихъ пряжу, собирать землянику, терновыя ягоды и т. д. «На господъ работаемъ въ хорошую погоду, а на себя въ ненастье,—говорили они,—охотники и собаки бѣгаютъ по полямъ, не думая о нашихъ убыткахъ». Кобургскіе крестьяне принуждены были платить не только оброки натурою и обыкновенную подать, но были обложены еще «принудительною податью», которую помѣщикъ имѣлъ право требовать по своему усмотрѣнію. На крестьянахъ лежала невыносимо тяже-

барщина. На всѣ ихъ жалобы имъ обыкновенно указывали земскія описи имѣній, въ которыхъ значилось: «это село принадлежитъ господину, который можетъ дѣлать съ нимъ все, что хочетъ», или: «крестьяне жны дѣлать все, что потребуетъ господинъ», «это имѣніе можно и пощадить и разорить». Бще въ тогдашней Германіи, кромѣ тяжелой барщины, крестьянъ уплачивали безчисленное множество налоговъ и натураль-ныхъ оброковъ съ хлѣба, сѣна, овощей, плодовъ, скота, птицы, души, съ посторонняго заработка, съ земли, со свадебъ, съ гдства, за право заниматься ремесломъ, 10 проц. съ про- дажаго товара и т. д. Только помѣщикъ могъ торговать въ свнѣ виномъ и пивомъ, содержать кабаки и трактиры, ста- вить мельницы. Только помѣщикъ могъ держать охоту, которая же всего разоряла крестьянъ. Въ 1525 г., напр., штернберг-скіе крестьяне писали герцогу: «мы терпимъ такіе убытки отъ охотниковъ, которые портятъ поля, лѣса и другія мѣста, что хотъ сдѣлаться изъ края; все пропадаетъ и ничѣмъ нельзя помочь. Мы готовы безпрекословно отбывать барщину, нести всѣ на- шныя повинности, насколько хватитъ нашей силы и достоя- ния». Но дворянство не обращало никакого вниманія на жа- лобы подданныхъ и продолжало безпрепятственно давить ихъ. Какіхъ насилій доходили бароны, можно видѣть изъ слѣ- дующихъ словъ австрійскихъ крестьянъ, которые, по свидѣ- ству Энея Сильвія, впоследствии папы Пія II, говорили маргеру Унгенаду: «твое высокоуміе несносно, но гораздо носимѣе твоя жадность; ты притѣсняешь всѣхъ, ты пре- тилъ мірянъ и духовенство въ оброчниковъ. Ты дѣлалъ все зятки. Бѣдняки платили своею кровью за твои блистатель- ныя пиры и лакомые обѣды. Ты приказывалъ приводить къ тебѣ по ночамъ нашихъ женъ и позорилъ молодыхъ дѣвушекъ». Какое самое говорятъ всѣ современники XVI в. «Дворяне, по словамъ Розенблута, постепенно увеличиваютъ свои требованія, а крестьяне не исполняютъ ихъ, то отбираютъ у нихъ имущество». На имперскомъ сеймѣ въ Гельмгаузенѣ заявлялось, что крестьяне до такой степени разорены барщиной и повинно- стями, налогами, податями и другими тягостями, что дѣла не могутъ болѣе продолжаться такимъ образомъ. До чего доходили бѣдности дворянъ, можно судить по слѣдующему случаю. Въ 1525 г. одинъ мужикъ поймалъ нѣсколько раковъ въ ручьѣ, принадлежавшемъ какому-то фонъ-Эпштейну. Помѣщикъ поймалъ ихъ и послалъ во Франкфуртъ за палачемъ, чтобы отрубить мужику голову. Совѣтъ вольнаго города нашель, что по закону нельзя казнить бѣдняка изъ-за какого нибудь рака, но Эпштейнъ

досталъ себя гдѣ-то другаго палача, который и отрубилъ мужику голову.

Не одни дворяне и духовные эксплуатировали и угнетали крестьянство. Въ городахъ гнѣздились ростовщики-капиталисты, захватывавшіе въ свои руки торговую монополію, усиливавшіе дороговизну предметовъ первой необходимости и вовлекавшіе бѣдняковъ въ такіе кабальные долги, что даже самъ Лютеръ написалъ жестокое порицаніе лихвы. Завладѣвъ всею торговлею и капиталомъ, они превратили въ своихъ настоящихъ рабовъ городскихъ рабочихъ, и, скупая у бѣдныхъ крестьянъ сельскія произведенія по баснословно дешевымъ цѣнамъ, потомъ продавали ихъ до нельзя дорого. Не отставали отъ другихъ и мѣстные государи, какъ напр., виртембергскій герцогъ Эбергардъ Младшій, который по словамъ императора Максимилиана, «держалъ при себѣ скверныхъ, развратныхъ негодяевъ и жилъ такъ безобразно, что даже и говорить объ этомъ не хочется». При его преемникѣ Ульрихѣ роскошь дошла до крайности. Постоянныя банкеты и турниры, пиры и маскарады, медвѣжья травля и военные походы, поѣздки за границу, содержаніе громаднаго двора изъ знатныхъ графовъ и дворянъ, получавшихъ значительное жалованье—все это требовало большихъ денегъ. Герцогъ трагилъ огромныя суммы на пѣвцовъ и музыкантовъ, на стрѣлковъ и сокольничихъ, на конюшни и псарни, выписывая все для этого изъ Испаніи и Франціи, Италіи и Англіи. Когда онъ ѣздилъ къ императорскому двору, его сопровождало 300 рыцарей, одѣтыхъ роскошнѣе, чѣмъ свиты всѣхъ другихъ государей. Съ этой веселой компаніей Ульрихъ разѣзжалъ по странѣ и кутилъ въ разныхъ городахъ и замкахъ. Правленіе было оставлено въ рукахъ нѣсколькихъ сановниковъ, и въ судѣ, и въ администраціи свирѣпствовали воровство и взяточничество; доходнѣйшія должности отдавались тѣмъ, кто былъ изобрѣтательнѣе по части увеселеній, самые богатые приходы жаловались священникамъ, угодившимъ герцогу игрою на скрипкѣ или флейтѣ. Большинство служащихъ состояло изъ иностранцевъ. Въ 1511 г., на свадьбѣ Ульриха съ племянницей императора собралось болѣе 7,000 гостей и двухнедѣльные празднества были долго роскошны, что разорили страну, но это торжество было только началомъ не менѣе блестящихъ баловъ, пировъ и оргій. Всѣ придворные жили и пиروвали на счетъ герцога, грабили, увѣчили и убивали подданныхъ, горожанъ и крестьянъ; разбой на большой дорогѣ считался развлеченіемъ. На нихъ не было ни суда, ни управы; когда одинъ судья притянулъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ суду и приговорилъ къ изгнанію, то герцогъ немедленно помиловалъ ихъ, а судѣ пришлось бояться за свою жизнь. Народъ былъ разоренъ налогами, придворные,

Мельники, солдаты то и дѣло посягали на жизнь и честь подданных, егеря и охотники съ своими лошадьми и собаками вытаптыпашни и виноградники, а дикія животныя, особенно кабаны, много вредили хозяйству. За ловлю птицъ, которыя осенью облежали виноградъ, и особенно дикихъ звѣрей, крестьяне подвергались строгимъ наказаніямъ. Всѣ старинныя права объ пользованіи лѣсомъ, сѣнокосомъ и рыбной ловлею отобраны и захвачены чиновниками и придворными, которые завладѣли даже доходами богадѣлень и другихъ благотворительныхъ заведеній. Въмѣсто выборныхъ общинныхъ должностцевъ, чиновники и придворные назначали своихъ и продавали должности отъ бургомистра до пономаря. Всѣ они крайне наглы, жестоки и изобрѣтательны на добываніе денегъ. Нѣкоторые изъ нихъ отдавали свои должности въ пользу другимъ, а сами получали жалованье, многіе торговали и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Они грабили общественныя кассы, никому не давали отчета, и всѣ жалобы на нихъ пропадали даже безъ отвѣта. Герцогъ и его приближенные занимались только о весельѣ, строили себѣ и своимъ дѣтямъ дворцы, тратили деньги и на всякій случай переводили ихъ за границу. Всѣ кассы, общественныя кладовыя и запасныя магазины были пусты, такъ что въ случаѣ войны или голода помочь было нечѣмъ; кромѣ того, герцогъ вошелъ въ громадныя долги своего времени и для его маленькаго государства долги, проваляшіеся до милліона. Когда кредитъ его былъ исчерпанъ, герцогъ началъ придумывать новые налоги, но такъ какъ крестьянамъ платить было уже нечѣмъ, то правители начали брать въ ходъ ихъ самихъ: цѣлыя округа и общины были заложены кредиторамъ герцога, а жителей заставляли отдавать въ залогъ ихъ имущество. Стоимость денегъ была повышена, выдана новая низкопробная монета, въ 1512 г. обложили неподатною крестьянскую землю и повысили акцизъ съ вина. Это ничто не помогало, и герцогъ, который столько лѣтъ держалъ себя на службѣ князей и графовъ, дошелъ до того, что принужденъ былъ искать мѣста съ жалованьемъ у другихъ князей. По этому поводу, его приближенные выдумали новый налогъ на имущество по одному пфенигу съ каждаго гульдена, но такъ какъ какъ взысканіе этой подати было неудобно и шло медленно, то вмѣсто нея выдумали другую. Дошли до того, что обложили налогомъ все мясо, вино и муку, ежедневно потребныя каждымъ человекомъ. Мельники, булочники, мясники и пивовары обязаны были платить герцогу съ каждаго центнера мяса, муки и вина, при чемъ правительство ввело въ обиходъ фальшивыя вѣсы и мѣры, и дворъ радовался своей изобрѣтательности.

Грабежи, поборы и притѣсненія доводили народъ до нищеты, онъ болѣе и болѣе волновался, претерпѣвая самую горькую нужду, голодъ и холодъ. Одинъ молодой крестьянинъ, приговоренный за что-то къ смертной казни, вскричалъ на лобномъ мѣстѣ: «о, Господи, приходитъ умирать, ни разу во всю жизнь не поѣвъ досыта хлѣба!» Большинство нѣмецкихъ крестьянъ въ концѣ XV в. могли бы о себѣ сказать то же, что говорили подданные аббатства Ротвальгау его настоятелю: «мы, подданные вашей милости и аббатства, люди бѣдные; кругомъ настѣвѣтъ ничего, кромѣ великой нищеты, которая точитъ насъ день и ночь; мы не видимъ ничего, кромѣ великой нищеты».

III.

Народъ волновался болѣе и болѣе, и нѣкоторые прозорливые люди изъ духовенства и дворянства еще въ половинѣ XV вѣка уже предвидѣли страшную катастрофу. «Эти злоупотребленія и безпорядки, писалъ кардиналъ Юліанъ папѣ Евгению IV, — возбуждаютъ народную ненависть противъ всего духовенства, а если ихъ не прекратятъ, то нужно опасаться, чтобы народъ не поступилъ съ духовенствомъ, какъ гуситы. Уже явно слышатся угрозы, всѣ умы съ напряженіемъ ждутъ, что будетъ, и, по-видимому, дѣло кончится очень трагически. Ядъ, который они носятъ противъ насъ въ своихъ сердцахъ, обнаруживается явно. Вскорѣ они будутъ думать, что въ угоду Богу слѣдуетъ обращаться съ духовными, какъ съ людьми равно ненавистными и Богу и людямъ». Въ разныхъ мѣстахъ то и дѣло вспыхивали мятежи. Всюду ходили слухи о разныхъ знаменіяхъ и предсказаніяхъ. Вспоминали древнія пророчества, что будто бы «на Лебединой горѣ, лежащей близъ Вюрцбурга, слѣдовательно въ самомъ сердцѣ Германіи, будетъ нѣкогда стоять корова и такъ громко мычать и ревѣть, что ее будетъ слышно въ Швейцаріи». Это пророчество обратилось въ поговорку, которой придавалось то значеніе, что со временемъ вся Германія будетъ такъ же свободна, какъ Швейцарія. Говорили, будто Гусъ, умирая на кострѣ, сказалъ: «черезъ сто лѣтъ вы отвѣтите Богу и мнѣ». Всюду ждали божьего посланника, который свергнетъ иго папы и поповъ, и не было ничего чудснаго въ томъ, что въ 1517 г. саксонскій курфирстъ Фридрихъ видѣлъ во снѣ монаха, который писалъ на стѣнѣ дворцовой церкви какія-то громадныя буквы и такимъ чудовищнымъ перомъ, что оно достигало Рима и, касаясь короны папы, шатало ее. Весь народъ былъ въ такомъ напряженномъ ожиданіи, что ему казалось, будто сама природа предсказываетъ что-то необыкновенное. Въ однихъ мѣстахъ, по слухамъ, видѣли на небѣ три солнца и среди нихъ горящій фа-

въ другихъ—на лунѣ представлялись два круга и внутри ихъ; въ Венгріи видѣли ночью на небѣ двѣ коронованныя горы, которыя сражались между собой; на Рейнѣ рассказывали, слышали въ воздухѣ шумъ сраженія. Во многихъ мѣстахъ вѣствовали болѣзни, шли проливные дожди, являлись кометы. Въ теченіе трехъ лѣтъ зима была такъ тепла, что червяки и мушки ползали и летали, какъ лѣтомъ, а на пасхѣ вдругъ наступили морозы и всѣ плоды уже распустившихся деревьевъ погибли. Все это народъ считалъ предзнаменованіемъ чего-то необыкновеннаго, и не только невѣжественные крестьяне, но даже и астрологи, пользовавшіеся тогда всеобщимъ довѣріемъ, сказывали нѣчто необыкновенное. Они признавали 1524 г. «дѣломъ», «послѣ котораго долженъ совершиться неслыханный переворотъ». Астрологи, быть можетъ, говорятъ правду, что баварскій канцлеръ Экъ своему герцогу:—трудно предположить, чтобы огонь, всюду воспламеняющійся въ настоящее время, утихъ, не произведя никакого опустошенія». Одна распространенная въ то время народная поговорка гласила, что кто въ 1524 г. не умретъ, въ 1524 не утонетъ, а въ 1525 г. не будетъ мертвъ, тотъ можетъ сказать, что съ нимъ совершилось чудо.

Въ это время появился Лютеръ. «Разразилась гроза, говорилъ Фрейтагъ. Вся нація содрогается, какъ отъ электрическаго удара, слова виттенбергскаго августинца разносятся, какъ громады, и каждый ударъ обозначаетъ успѣхъ, побѣду. Кажется, принимается участіе въ борьбѣ. Странствующій торгошанъ, у ночнаго костра пастуха, нападаетъ на индulgенціи; гонимыя въ отдаленнѣйшей долинѣ съ изумленіемъ слышатъ прокъ еретикъ, котораго его духовникъ прокликаетъ въ каждомъ проповѣди; мѣшокъ нищенствующаго монаха остается пустъ; евевскія бабы уже не суютъ въ него сыровъ и яицъ. Мелитераатура разрастается, какъ море; сотни типографій не только работаютъ, распространяя многочисленные ученые и ярлыки памфлеты. Въ каждой приходской церкви, въ каждомъ соборѣ борются партіи; болѣе рѣшительные духовные всюду объявляютъ себя за новое ученіе, болѣе слабые колеблются и вѣваютъ; настѣжь открываются монастырскія ворота и скоро выносятся кельи. Каждый мѣсяць приноситъ народу что-нибудь новое, неслыханное». Лютеръ никогда сознательно не стремился политическому перевороту, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ церковная реформа неизбежно должна была вести къ реформѣ. Это понимали многіе изъ современниковъ реформатора, когда Лютеръ говорилъ на диспутѣ въ Гейдельбергѣ, то одинъ изъ профессоровъ въ испугѣ воскликнулъ: «еслибы мужики услышали это, то они побили-бы насъ камнями». Лютеръ заставлялъ народъ размышлять и говорить; его мощное слово увле-

кало массы, его духовныя пѣсни поднимали народный дух. Все придуманное имъ въ уединенной кельѣ сдѣлалось предметомъ размышленій во дворцахъ и хижинахъ, въ церквахъ и кабакахъ. «Докторъ Лютеръ, по его собственному выраженію, былъ знаменитъ тѣмъ, что первый нарушилъ молчаніе епископовъ и навѣзалъ кошкѣ колокольчикъ». Лютеръ далъ народу библію, надъ которою онъ могъ размышлять и руководствоваться ею въ жизни. Деспотизмъ не могъ уже сослаться на нее въ подтвержденіе своихъ притязаній, какъ онъ это дѣлалъ въ то время, когда латинская библія была недоступна народу. Независимо отъ Лютера, дѣйствовали другіе реформаторы, которые шли гораздо дальше его и соединили дѣло церковной реформы съ общимъ переустройствомъ всего общественнаго быта. Главнымъ изъ нихъ былъ Томасъ Мюнцеръ, сердце котораго изнывало «отъ позора и несчастій народа». Онъ ненавидѣлъ угнетателей свѣтскихъ и духовныхъ, считая ихъ «врагами божіими и развратителями міра». Онъ проповѣдывалъ всеобщее братство и равенство, пришествіе новаго времени, когда не будетъ «ни тирановъ, ни барщины, ни мертваго поклоненія духу закона, ни рабства, ни вастъ». «Земля, писалъ и проповѣдывалъ онъ, полна тщеславными лицемѣрами, и нѣтъ смѣлаго человѣка, который бы рѣшился высказать имъ правду; государи и господа—главные лихоимцы, воры и грабители; они присвоиваютъ себѣ все созданія, всякую тварь, рыбу въ водѣ, птицу въ воздухѣ, растеніе на землѣ; все должно принадлежать имъ. Бѣдному говорятъ о Божьихъ заповѣдяхъ. Богъ повелѣлъ, говорятъ они, не воровать, но они считаютъ, что къ нимъ самимъ эта заповѣдь не относится, и поэтому дерутъ шкуру съ бѣднаго крестьянина, работника и всѣхъ, кто живетъ подъ ними. Если же кто воспротивится имъ, они отправляютъ его на висѣлицу, а докторъ Враль прибавляетъ при этомъ а м и н ѣ. Господа самозванцы возстаютъ противъ себя народъ, не желая устранить причину мятежей,—какого-же добра желать? О, любезные господа! какъ славно переколотить Господь желѣзною палкою старыя горшки!... Воздвигнута желѣзная стѣна противъ царей, князей и жрецовъ, на защиту народа. Пусть воюютъ они,—побѣда чудеснымъ образомъ погубитъ сильныхъ безбожныхъ тирановъ Міру приходитъ выдержать великій ударъ, начинается истребленіе, которая ниспровергнетъ безбожныхъ съ престола и возвыситъ угнетенныхъ». Мюнцеръ открыто призывалъ народъ къ возстанію, убѣждалъ его держаться крѣпко противъ господъ, не уступать имъ ни въ чемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они обрушатся на крестьянъ еще съ большимъ ожесточеніемъ. «Если вы проиграете свое дѣло, писалъ онъ—то надъ вами и надъ всѣми вашими собратьями разразятся великія несчастія».

безпощадныя казни. О, горе вашимъ дѣтямъ, если вы оставите имъ свое жалкое отцовское наслѣдіе. Если вы теперь обязаны отбывать барщину съ заступами, лопатами и лошадыми, то вашихъ дѣтей самихъ запрягутъ въ бороны; если до сихъ поръ вы могли огораживать свое имущество заборами для защиты отъ хищныхъ звѣрей, то васъ принудятъ оставлять свое добро на расхищеніе воровъ и грабителей; если прежде вамъ выкалывали глаза, то теперь станутъ сажать васъ на колья. До сихъ поръ вы были крѣпостными людьми, а тогда сдѣлаетесь полными рабами и не будете имѣть никакой собственности, ни тѣла, ни хлѣба. Съ вами будутъ обходиться, какъ съ турками, васъ будутъ продавать, какъ лошадей или рогатый скотъ. Малѣйшій знакъ вашего неудовольствія повлечетъ за собою пытки, истязанія и всѣмъ этимъ ужасамъ не будетъ ни конца, ни мѣры. Какъ самыхъ ужасныхъ преступниковъ, васъ станутъ таскать въ замки и пытать всякими орудіями—кого сѣчь розгами, кому выжигать щеки, рубить пальцы, отрѣзывать языкъ, кого четвертовать, кого обезглавливать. Намъ нельзя ждать пощады, и высокоумное насиліе властей не уймется до тѣхъ поръ, пока не исполнится древнее пророчество, что королева, зарытая на Лебязьей горѣ, встанетъ и замычитъ такъ громко, что ее услышатъ во всей Швейцаріи».

Въ родѣ же Мюнцера были Карлштатъ и многіе другіе проповѣдники, памфлеты и воззванія которыхъ разносились по всей странѣ таинственными агентами. Среди самихъ крестьянъ появились умные и отважные люди, которые старались пробудить своихъ собратій летучими листками въ родѣ слѣдующаго. «Съ нами, право, всякое терпѣніе лопнетъ! Долго морочили они людей, чванились, ридились и обезьянили. Если взглянуть поближе, такъ это просто соломенные чучела. Они все кричатъ о своемъ величїи и могуществѣ, но видно дѣлишки ихъ плохи, если они взваливаютъ на бѣдный народъ бремя за бременемъ. Извѣстно, какъ произошли ихъ древнія права: нынче выпрашивали подачку, а черезъ годъ уже требовали ее, какъ должнаго. Откуда они взяли, что Богъ далъ имъ право требовать отъ насъ барщины. Въ хорошую погоду мы работаемъ на нихъ, а въ дурную дождь губить все, что мы выростимъ для себя своимъ кровавымъ потомъ. Справедливый Богъ не могъ допустить такого вавилонскаго плѣненія; насъ, бѣдняковъ, гоняютъ косить ихъ луга, пахать поля, сѣять ленъ, таскать его, слать, колотить, чесать, мыть, прядь, шелушить горохъ, копать морковь и спаржу. Упаси Господи, еслибы гдѣ нибудь было слышано о такомъ бѣдствїи; они оцѣниваютъ даже мозгъ костей нашихъ, выжимаютъ его да еще заставляютъ платить проценты за него. А что дѣлаютъ турнирщики, игроки и обжоры, которые сытъе

псовъ, наѣвшихся до рвоты. За жиръ ихъ платимъ мы, наши жены и малые ребята, оттого и нѣтъ у насъ ни хлѣба, ни соли, ни сала. Гдѣ они? Надо добратся до нихъ съ ихъ ленами и правами. Да будутъ они прокляты съ своимъ развратомъ и грабежами. Гдѣ тираны и изверги, позволяющіе имъ брать налоги, пошлины и поборы, которые они преступно и позорно проматываютъ, увѣряя, что все идетъ на пользу страны? И попробуй-ка не послушаться ихъ,—они поступятъ съ тобой, какъ съ измѣнникомъ, начнутъ вѣшать, рѣзать, четверговать, убьютъ, какъ бѣшеную собаку. Въ какой главѣ они вычитали, что Богъ далъ имъ подобную власть? Какая тутъ воля Божія! Они слуги дьявола и сатана—командиръ ихъ. А Богу будетъ пріятно, когда вытурятъ вонъ этихъ моавовъ и бегемотовъ».

Подобныя воззванія дѣйствовали чрезвычайно воспламенятельно на массу и безъ того уже крайне возбужденную, но еще сильнѣе дѣйствовало на народъ живое слово странствующихъ проповѣдниковъ. Особенно многочисленны были ученики Мюнцера, ученіе котораго правилось крестьянамъ болѣе, чѣмъ лютеранство. Въ Швабіи, напр., по свидѣтельству современника, число проповѣдниковъ было такъ велико, что по воскресеньямъ и въ праздники, куда бы ни пойти, вездѣ встрѣчались толпы слушавшихъ ихъ горожанъ и крестьянъ. «Да, да, говорилъ одинъ крестьянинъ другому,—вотъ это такъ истинное евангеліе. Видишь ли, какъ старые-то попы лгали и морочили насъ; нужно бы имъ, мошенникамъ, свернуть башки за то, что они такъ славно насъ надували». Скоро ни одинъ попъ въ своей черной рясе не смѣлъ проходить мимо толпы горожанъ и крестьянъ. И по всей Германіи странствовали эти люди всѣхъ сословій, ученые и неученые, молодые и старые, дворяне и крестьяне, возбуждая народъ и доказывая ему, что «дѣла должны измѣниться, что пора кончить эту комедію, которая надоѣла и крестьянамъ и горожанамъ; все должно перемѣниться». Движеніе разрасталось съ каждымъ днемъ, увлекало не однихъ только обездоленныхъ крѣпостныхъ, но и богатыхъ мужиковъ, имѣвшихъ иногда десятки тысячъ гульденовъ. Всюду появлялись отважные агитаторы изъ крестьянъ, какъ напр., въ баварскомъ округѣ Крумбахъ крѣпостной крестьянинъ Лохмейеръ. Онъ ѣздилъ и проповѣдывалъ на телѣгѣ; четвертую его проповѣдь слушало до семи тысячъ человекъ; онъ говорилъ, что «всякій долженъ быть свободнымъ и, кромѣ императора, не служить никакому господину; всѣхъ, кто станетъ дѣйствовать противъ братства вѣрныхъ, слѣдуетъ убивать, а имущество ихъ портить, жечь и грабить». Движеніе увлекало людей всѣхъ классовъ общества, даже въ голосъ Лютера слышались сначала революціонныя ноты и въ 1517 г. онъ писалъ: «мы вѣшаемъ воровъ, казимъ разбойни-

тъ, сжигаемъ еретиковъ; отчего же мы не обратимъ нашего жія противъ папъ, кардиналовъ, епископовъ и всей прочей лочи римскаго содома; почему не истребимъ мы этихъ вредкхъ проповѣдниковъ и не омочимъ рукъ въ крови ихъ». По въ Германіи тысячи сельскихъ поповъ и другихъ церковныхъ жителей, много страдавшихъ отъ притѣсенной высшаго духовства, приставали къ народному движенію и становились во вѣ крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне врываются въ ортуру священника и объявляли ему, что если онъ не хочетъ оповѣдывать имъ «истиннаго евангелія», то можетъ оставить ихъ въ походы. Многие священники женились, нѣкоторыхъ изъ нихъ крестьяне насильно заставляли обзаводиться женами и требовали, чтобы «священникъ жилъ честно и по — христіански законною супругою во избѣжаніе соблазновъ». По всей Германіи монахи и монахини бѣжали изъ монастырей, вступали въ бракъ, принимались работать и приставали къ крестьянамъ. Мало было и дворянъ, готовыхъ стать во главѣ крестьянскаго возстанія, какъ напр., знаменитый гуманистъ Гуттенъ и другъ, рыцарь Зикингенъ, начавшій въ 1522 г. возстаніе противъ духовныхъ государей Германіи и погибшій во время оного. Многие дворяне, впрочемъ, приставали къ возстанію чисто въ личныхъ разсчетовъ, съ намѣреніемъ ловить рыбу въ мутной водѣ, какъ напр., рыцарь и докторъ Фуксштейнъ, человекъ очень даровитый, но, по выраженію современника, «хитрый плутъ, авшій всякія подлости». Особенно много приставало къ крестьянъ разорившихся и промотавшихся дворянъ, которые были рады случать покутить, поворовать и пограбить. Къ числу люды, желавшихъ войны, принадлежали тогдашніе солдаты, ландскнехты, которымъ возстаніе обѣщало богатую добычу. Впрочемъ, многие ландскнехты искренно держали сторону крестьянъ и особенно ненавидѣли аббатовъ. Къ движенію приставали удалые новья богатыхъ родителей, «много пьяныхъ и неспособныхъ людей, разнощики, барышники, торговцы». Многие жители городовъ, и не только бѣдные мастеровые и рабочіе, но даже люди богатые и члены городскихъ совѣтовъ, приставали къ движенію въ ненависти къ князьямъ и знати, которые не упускали случаевъ угнетать города и подавлять ихъ свободу.

Такимъ образомъ крестьянское движеніе встрѣчало поддержку всѣхъ сторонъ. Всюду составлялись заговоры, организовывались тайныя общества; въ сельскихъ кабакахъ, трактирахъ, въ шинкахъ, въ лѣсахъ собирались сходки; по всей странѣ ходили и вѣдили тайные агенты. Во время этого подготовительнаго движенія выдѣлялись изъ толпы способные вожаки, какъ напр., Іосъ Фрицъ въ Вунтергрумбахъ, опытный воинъ, талантливый ораторъ и организаторъ. Таковъ же былъ въ Бейтель-

сплахъ зажиточный челоѣкъ Гансъ Вольмаръ, въ Шорндорфъ—слесарь Плеглицеръ, въ Венгрии отставной военный Доса, въ Баваріи пасторъ Гутмайеръ и т. д. Заговорщики вели свои дѣла въ большой тайнѣ, но озлобленный народъ не могъ долго сдерживать своего негодованія: то здѣсь, то тамъ вспыхивали отдѣльные мятежи, крестьяне убивали помѣщиковъ, сжигали ихъ усадьбы и овины. Въ 1524 г. епископъ бамбергскій обѣщалъ по 50 флориновъ за поимку каждаго крестьянина, уличеннаго въ поджогъ, потому что ночью сгорѣло множество овинновъ, гдѣ хранился десятинный сборъ. Въ окрестностяхъ Нюрнберга и Бамберга десятина была сожжена еще на поляхъ, какъ у свѣтскихъ, такъ и у духовныхъ владѣльцевъ. Во многихъ случаяхъ господамъ удавалось захватывать агитаторовъ, проповѣдниковъ и заговорщиковъ, и они жестоко расправлялись съ ними, что еще болѣе усиливало народную ненависть. Сплошь и рядомъ эта дворянская месть немедленно же вызывала возстаніе. Въ Виртембергѣ, когда было открыто существованіе тайнаго общества Бѣднаго Кюнара, правительство ввело въ наказаніе новый налогъ на съѣстные припасы. Начальникъ общества Петръ Іейсъ, собравъ заговорщиковъ, предложилъ имъ испытать на водѣ, не фальшивы ли новые казенные вѣсы: «если всплывутъ, то герцогъ правъ, если же утонутъ, то правы мы». Толпа согласилась, отправилась въ ратушу, взяла хранившіеся тамъ барабаны и трубы, захватила вѣсы и, возрастая на каждомъ шагѣ, направилась къ рѣкѣ. Іейсъ бросилъ вѣсы въ воду, говоря: «если крестьяне правы, утоните; если же герцогъ правъ, всплывите». Вѣсы, конечно, потонули; народъ возликовалъ и возстаніе было готово. Въ то время, какъ въ народѣ скопилась масса горячаго матеріала, готовая вспыхнуть, дворянство, въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, нисколько не сдерживало своего произвола и не остерегалось грозившей ему бѣды. Оно презирало народъ и ненавидѣло его. Притѣснять подданныхъ не считалось стыдомъ или безчестіемъ, и набожный біографъ графа Юганна Трухзеса-ду-Зонненберга не затруднился называть его въ одно и то же время благочестивымъ челоѣкомъ и жестокимъ притѣснителемъ своихъ крестьянъ. Ненависть къ крестьянамъ доходила до того, что одинъ рыцарь любилъ подписываться: «ненавистникъ мужиковъ». Между тѣмъ, эти презираемые мужики болѣе и болѣе сознавали свое челоѣческое достоинство и стремились къ свободѣ. На нихъ сильно дѣйствовалъ примѣръ ихъ швейцарскихъ соплеменниковъ. Сельскія общины Швица, Ури и Унтервальдена, тотчасъ послѣ смерти императора Рудольфа Габсбургскаго, заключили союзъ съ Цюрихомъ, чтобы стоять за свои стародавнія права и не поддаваться болѣе Габсбургамъ; началась война, обезпечившая горцамъ пол-

свободу. Одновременно съ политическимъ освобожденіемъ государевыхъ фохтовъ, народъ освобождался и отъ помѣстьевъ, хотя послѣдніе во многихъ мѣстахъ еще долго державъ въ Швейцаріи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне выжились отъ бароновъ и аббатовъ, мѣсто послѣднихъ замки города, и мужики только переходили отъ однихъ владѣвъ къ другимъ. Хуже всего этимъ городскимъ крѣпостямъ было въ демократическихъ лѣсныхъ кантонахъ, правительства которыхъ эксплуатировали ихъ съ чисто купеческой глупостью о томъ, чтобы получить побольше барыша. Аристократическіе же города, особенно Бернъ, относились къ крѣпостямъ иначе, освобождая своихъ крестьянъ за незначительный выкупъ, побуждая къ тому же помѣщиковъ и даже помогая крестьянамъ выкупаться на деньги, данныя городами. Жъ XVI в. Бернъ и завоеванномъ имъ Ватландѣ уже вовсе не было крѣпостныхъ. Свободные швейцарцы были ненавистны дворянствамъ всѣхъ странъ. Чтобы не допускать духъ свободы распространяться за Рейнъ, нѣмецкое дворянство заключало между собою частныя союзы, и даже призывало на Швейцарію дикія грабителей арманьяковъ, но швейцарцы съ позоромъ отогнали этихъ варваровъ и союзныхъ съ ними нѣмецкихъ рыцарей. Швейцарцы презирали дворянъ, считая ихъ «наглыми дьями, которые только разбойничаютъ да жрутъ, сквернымъ вомъ развратничаютъ, картежничаютъ и пьянствуютъ. Когда говорили они, заколотимъ этихъ негодяевъ на смерть, то хъ навѣрно никто не пожалѣеть». Нѣмецкіе дворяне еще не ненавидѣли швейцарскихъ мужиковъ и, начиная въ 1492 г. войну съ ними, раздражали ихъ дерзкими рѣчами. «Мы поищемъ, оиди рыцари, въ крестьянскихъ животахъ коровьихъ хвостовъ». Но дворяне терпѣли въ этой войнѣ однѣ только неудачи, жестокость ихъ крестьянъ заразилось швейцарскимъ духомъ и стало къ швейцарцамъ при ихъ вторженіи въ германскую землю. Крестьяне разрушили и сожгли множество дворцовъ и замковъ и, безъ сомнѣнія, къ швейцарцамъ присталъ бы весь нѣмецкій дворянскій классъ, не разоряли ихъ крѣпостей. Швейцарцевъ побуждали къ этому тѣ звѣрства, какія совершало нѣмецкое дворянство въ войнѣ съ ними. Такъ, въ 1499 г., близъ Шафгаузена дворяне сожгли деревню и вырѣзали всѣхъ попавшихся имъ людей. 30 крестьянъ заперлись въ деревню, но дворяне подожгли ее и удушили ихъ дымомъ. Одинъ крестьянинъ съ ребенкомъ взобрался на колокольню, и когда дымъ достигло до нея, бросился съ ребенкомъ внизъ; рыцари напали свои копья и пронзили его, но ребенокъ уцѣлѣлъ. Эта швейцарцевъ возбудила смѣлость и надежды въ пограничныхъ крестьянахъ. Во время мирныхъ переговоровъ въ Ба-

зелѣ, по городу расхаживалъ крѣпостный Гиттерле въ длинномъ плащѣ, въ шелковыхъ башмакахъ и беретѣ съ плюмажемъ графа Фюрстенберга, убитаго швейцарцами въ этой войнѣ; за нимъ шла толпа мужиковъ, изображавшая его драбантовъ. На вопросъ епископа вормскаго, что они за люди, они отвѣчали: «мы мужики, которые наказываютъ дворянъ». Этотъ духъ свободы волновалъ все нѣмецкое крестьянство отъ истоковъ Рейна до устьевъ его, отъ Констанцскаго озера и Тирольскихъ Альпъ до береговъ Сѣвернаго моря.

Рѣшаясь во что бы то ни стало добиться свободы, нѣмецкіе крестьяне сначала надѣялись покончить дѣло путемъ мирныхъ переговоровъ съ высшими сословіями. Изложивъ свои требованія письменно, крестьяне представляли ихъ на обсужденіе мѣстныхъ сеймовъ. Вюрцбургскіе поселяне представили 50 тезисовъ, майнскіе—29, франкфуртскіе горожане—41, мюнстерскіе—34; поселяне въ Инталь—19 и т. д. Всѣ эти тезисы во многомъ сходны между собою, во многомъ разнятся по разнообразію мѣстныхъ условий. Крестьянскій манифестъ верхней Швабіи, состоявшій изъ XII тезисовъ, весною 1525 г. разошелся по всей Германіи. Вотъ его сокращенное содержаніе. Послѣ вступленія крестьяне заявляли:

«Во-первыхъ, мы покорнѣе просимъ и единодушно желаемъ, чтобы отнынѣ насъ не лишали нашихъ правъ и преимуществъ; чтобы всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника (1 Тимоф. 3), и чтобы прихожане имѣли право смѣщать его, если онъ поступаетъ не по закону (Тит. 1).

«Во-вторыхъ, не смотря на то, что справедливая десятина, установленная въ ветхомъ завѣтѣ, была отмѣнена въ новомъ, мы все-таки охотно будемъ выплачивать ее зерномъ, но только тамъ, гдѣ это нужно. Поэтому мы жертвуемъ ее Богу въ пользу его служителей (Евр. Пс. 109). Если въ ней будетъ нуждаться священникъ, проповѣдующій какъ слѣдуетъ слово Божіе, то мы спорить не станемъ, пусть тогда эту десятину собираютъ и получаютъ церковные сборщики, назначаемые общиной, а священникъ, выбранный приходомъ, со всѣми своими домохозянами будетъ пользоваться изъ сбора соотвѣтственною частью, по распоряженію всего прихода; остатокъ долженъ быть подѣленъ между бѣдными прихожанами той же деревни, по мѣрѣ ихъ нужды и по усмотрѣнію прихода (5 Моис. 25 1. Тимоф. 5. Матѳ. 10 и Коринѳ. 9), а все, что затѣмъ останется, должно сберегаться на случай какого нибудь несчастья или войны. Но кто не самъ купилъ деревню, а получилъ ее отъ предковъ, присвоившихъ ее себѣ силою или хитростью, тому мы не хотимъ и не должны давать десятину; мы только обязываемся, какъ казано преже, содержать священниковъ и, по писанію, раз-

ать милостыню нищимъ. Кромѣ того, мы не хотимъ платить духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ никакой малой десятины, какъ Богъ предоставилъ скотину въ полное распоряженіе овѣка (1 Моис. 1).

«Въ-третьихъ, до сихъ поръ было въ обыкновеніи считать чужою собственностью, но это противно священному пиію, потому что Христось, своею Божественною кровью, насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе (Ис. 53. 1 Коринѣ. 7. Римл. 13), начиная отъ послѣдняго пастуха до гущественнѣйшаго монарха. Вотъ почему священное писаніе горитъ, что мы свободны — и мы хотимъ быть на самомъ свободными (Премудр. 6. 1 Петр. 2). Мы не думаемъ сопротивляться выбраннымъ и установленнымъ правителямъ, потому законъ Божій (Дѣян. апост. 5) запрещаетъ намъ это. Итакъ, не нарушаемъ покорности, потому и вы должны съ своей стороны поспѣшить освободить насъ изъ подъ ига крѣпостнаго права или евангельскимъ словомъ доказать намъ, что мы должны оставаться рабами.

Въ-четвертыхъ, до сихъ поръ велось обыкновеніе, что ни бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ни охотиться на птицъ, ловить рыбъ въ господскихъ владѣніяхъ. Это кажется намъ совершенно несправедливымъ, несогласнымъ съ братскою любовью и словомъ Божиимъ... Мы желаемъ, чтобы всякій, влащій рѣкою или озеромъ, представилъ достаточныя письменныя доказательства своего права владѣнія, и тогда пусть отвѣтъ, мы не станемъ употреблять противъ него насилія: обно поступать со всякимъ по правиламъ христіанской любви братства. Тотъ же, кто не представитъ удовлетворительныхъ доказательствъ своего первовладѣнія, пусть отступится отъ владѣннаго въ пользу общины.

«Въ-пятыхъ, мы считаемъ себя также обиженными и въ отношеніи владѣнія лѣсомъ: наши господа присвоили себѣ всѣхъ са, и если бѣдный человѣкъ нуждается въ деревѣ, онъ принужденъ платить за него вдвое дороже. По нашему мнѣнію, са, на владѣніе которыми духовные и свѣтскіе господа не могутъ представить доказательствъ, должны быть отданы въ распоряженіе общины; каждый, въ случаѣ нужды, можетъ получать въ общины бесплатно дрова и лѣсъ, даже и для столярнаго производства, разумѣется, только съ вѣдома лицъ, выбранныхъ общиною, въ видахъ предупрежденія истребленія лѣсовъ.

«Въ-шестыхъ, мы считаемъ себя горько обиженными тяжелою работою, которая съ каждымъ днемъ становится все невыносиме. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено вниманіе и чтобы насъ не обременяли такъ жестоко; пусть насъ застав-

ляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ Божескимъ писаніемъ. (Рим. 10).

«Въ-седьмыхъ, мы не хотимъ больше и слышать о поборахъ и несправедливостяхъ господъ: всякій долженъ неприкосновенно пользоваться своими правами, какъ они опредѣлены въ условіяхъ между господами и крестьяниномъ. Господинъ не долженъ болѣе мучить и прижимать крестьянина, не долженъ требовать отъ него ни службы, и ничего другаго даромъ (Лук. 3. Фесс. 6), чтобы крестьянинъ могъ свободно и спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянинъ долженъ служить охотно и покорно, впрочемъ за извѣстное вознагражденіе и только въ опредѣленное время, для устраненія всякихъ потерь и убытковъ.

«Въ-восьмыхъ, многіе изъ насъ, имѣющихъ собственность, отягчены высокимъ податнымъ окладомъ, котораго не могутъ выносить ихъ имущества; отсюда крестьянамъ часто приходится терять свое достояніе. Мы желаемъ, чтобы господа послали для оцѣнки такихъ имуществъ честныхъ людей и взимали бы оброкъ, смотря по стоимости. Крестьянинъ не долженъ работать для себя безъ выгодъ, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы. (Матѣ. 10).

«Въ-девятыхъ, мы чувствуемъ себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостію, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія; очень часто насъ наказываютъ несообразно съ виною, по злобѣ, а иногда ради пристрастнаго снисхожденія къ другимъ. Мы желаемъ, чтобы насъ наказывали согласно съ древнимъ писаннымъ закономъ, соразмерно съ виною, а не пристрастно (Ис. 10. Эфес. 6. Лук. 3. Иерем. 16).

«Въ-десятихъ, мы считаемъ себя и тѣмъ еще обиженными, что нѣкоторые лица присвоили себѣ пашни и луга, принадлежащіе общинамъ. Если эти земли приобрѣтены въ собственность нечестнымъ путемъ, то мы опять отберемъ ихъ въ пользу нашихъ общинъ; но если за нихъ заплачены слѣдующія деньги, то мы вступимъ въ дружеское и братское соглашеніе съ ихъ владѣльцами, смотря по важности дѣла.

«Въ — одиннадцатыхъ, мы хотимъ совершенной отмѣны обычая, называемаго посмертнымъ отобраніемъ; мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобы у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и Божьей волѣ, такъ безсовѣстно отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ подъ разными видами. Въмѣсто того, чтобы защищать и оберегать насъ, многіе обдираютъ, грабятъ поселянъ, и еслибы было у нихъ достаточно силы, то они обобрали бы ихъ до послѣдней нитки. Господь не хочетъ этого болѣе терпѣть, и обычай посмертнаго отобранія долженъ быть отмѣненъ.

—двѣнадцатыхъ, мы пришли къ такому рѣшенію: если или нѣсколько изъ нашихъ тезисовъ несогласны съ сло-
Божіимъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это докажутъ по писанію. И если даже какой-нибудь изъ тезисовъ будетъ признанъ достойнымъ вниманія и названъ справедливымъ, а въ послѣдствіи окажется неправильнымъ, то мы не отъ него откажемся, какъ отъ мертваго и недѣйствительнаго члена».

сущности и тонъ крестьянскихъ требованій были очень остры, но дворянство и духовенство не хотѣли уступить ни шей изъ узурпированныхъ ими привилегій; крестьянскія бы были отвергаемы, агитаторовъ и проповѣдниковъ преслали, крестьянскія движенія подавляли, какъ бунты. Когда, швабскіе крестьяне потребовали исполненія составленными 16 тезисовъ, эрцгерцогъ Фердинандъ австрійскій не только началъ готовить противъ нихъ войско и послалъ слѣдующія инструкціи своимъ комиссарамъ: «конница должна напасть на мятежныхъ, непослушныхъ крестьянъ и подданныхъ. Идти, гдѣ только можно, хватать ихъ, поднимать на дыбу и убивать иными способами, допрашивая, кто ихъ начальники, сообщники и зачинщики, велики ли силы ихъ, чего они хотятъ и противъ кого замышляютъ дѣйствовать; и по допросѣ должно казнить или удавлять, или иначе строго наказывать, вая нивакой пощады; но въ особенности должны стараться казнить и удавлять ихъ предводителей, военачальниковъ и другихъ вождей, разузнавать, гдѣ они чаще всего бываютъ, и въ случаѣ необходимости, неожиданно, въ ночную пору забирать по домамъ и вѣрять, порознь или всѣхъ вмѣстѣ, и затѣмъ губить ихъ, найдется удобнѣе. Если же до ареста они успѣютъ убѣжѣть въ лѣса или укрыться гдѣ-нибудь, то слѣдуетъ безъ милости опустошать, разрушать и жечь ихъ дома, имѣнія и имущество у бѣглыхъ зачинщиковъ мятежа, не ограничиваясь только разореніемъ имущества, изгонять изъ страны ихъ женъ и дѣтей». Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ то здѣсь, то тамъ кто-нибудь поднималъ знамя возмущенія съ изображеніемъ башмака, какъ символа крестьянства, въ отвѣтъ на противоположность дворянскому сапогу. Сначала поднимались въ провинціяхъ: въ 1492 г. во Фландріи, въ 1505—въ Патавіи, въ 1514—въ Виртембергѣ, въ 1515—въ Каринтіи, и въ 1525 г., вспыхнула по всей Германіи общаго характера крестьянская война. «Настало время, говоритъ Циммерманъ, когда всему начальству было не до смѣха». Осуществилось то, что давно предчувствовали многіе: земля заколыхалась на своемъ протяженіи, пламя выступило изъ подъ нея; ненависть,

месть и злоба, фанатизмъ и любовь къ роднѣмъ, соединившіеся вмѣстѣ, раздули его своимъ могучимъ дыханіемъ и направили сначала на монастыри и духовныя владѣнія, потомъ на крѣпкіе замки дворянства, наконецъ на престолы князей. Можно было опасаться, что пламя это охватитъ все существующее. Вскорѣ этотъ огненный потокъ наполнился кровью преступныхъ «сильныхъ міра сего», онъ забушевалъ еяльнѣе, сталъ подниматься выше и выше; нагорные замки стали, какъ воскъ, таять цѣлыми сотнями, крѣпкія башни прежде сильныхъ властителей рухнули; аристократія, говимая изъ своихъ замковъ и монастырей, стала скрываться по лѣсамъ и оврагамъ отъ преслѣдовавшаго ее побѣднаго звона и блеска кровожадныхъ крестьянскихъ пикъ. Теперь и тѣ, которые были еще далеко и чувствовали себя въ безопасности, не могли рассчитывать даже на недѣлю, на день спокойствія; они видѣли, что гибель грозитъ и имъ, и ихъ имуществу, и ихъ близкимъ. Одни видѣли въ этомъ всеобщемъ громадному пожарѣ очистительный огонь, другіе—адское пламя. Саксонскій курфирсть говорилъ: «Это Божій судъ, Божья кара за тѣ грѣхи, которыми отяготили себя свѣтскіе и духовные князья и владѣтели, за ихъ тиранію и жестокости къ своимъ подданнымъ, за тѣ препятствія, которыя они воздвигали распространенію Евангелія».

Дворянствомъ овладѣла паника. «Крестьяне видѣли, —говоритъ современникъ, самъ помѣщикъ и аристократъ,—что всѣ безъ исключенія господа, даже надменнѣйшіе мучители и кровопійцы угнетеннаго сословія, подчинились паническому ужасу, всюду бѣжали или старались умиловить своихъ враговъ; самые отважные дворянчики, изъ которыхъ прежде одинъ вызывался сдуть со щепоткой перцу десять крестьянъ, теперь вдесятеромъ боялись встрѣтиться съ однимъ крестьяниномъ. Господа и дворянчики, изъ львовъ, подѣлались зайцами». И бояться было чего. Въ краткомъ очеркѣ невозможно представить сколько нибудь полную картину того времени, когда разрушались города, разграблялись монастыри, пылали нагорные замки, освѣщая окрестность своимъ зловѣщимъ блескомъ, убивались и замучивались тысячи дворянъ и духовныхъ. Крестьяне поступали, какъ звѣри, съ тѣми господами, которые отличались особенною жестокостью. Когда крестьяне возстали въ верхнихъ Альпахъ, дѣйствовавшій противъ нихъ военачальникъ Дидрихштейнъ неистовствовалъ, какъ тигръ. Онъ бралъ контрибуціи и съ виноватыхъ, и съ правыхъ; крестьяне съ ужасомъ смотрѣли, какъ погибали лучшіе люди изъ ихъ среды: ихъ сажали на колъ, сдирали съ живыхъ кожу, четвертовали. Крысы Дидрихштейна (такъ крестьяне называли его гусаровъ) оказались злѣе турокъ; они отрѣзывали женщинамъ груди, изъ беременныхъ вырѣзали мла-

въ». Ожесточенные крестьяне поголовно возстали, развойско и взяли самого Дидрихштейна. Созвана была а, и провозъ съ барабаннымъ боемъ ввелъ взятаго въ неприятельскаго начальника въ кругъ. Одинъ рудокопъ упилъ противъ него обвинителемъ: «Присутствующій здѣсь Дидрихштейнъ, — сказалъ онъ, — недавно еще преслѣдовалъ насъ нашихъ, отправляя ихъ въ ссылку, сажалъ ихъ въ колья и раздиралъ на - двое, привязывая къ лошадамъ; были причиною погибели Вельфеля фанъ - деръ - Геота, за что онъ посадилъ на колья. Недавно еще онъ поступилъ съ нашими начальниками въ Ирмингѣ, онъ хотѣлъ посадить на колья и насъ, — съ этою цѣлью онъ привезъ сюда цѣгельгу кольевъ; его крысы изрубили и изрѣзали въ куски мать и сестеръ. Мы должны обдумать, какъ поступить намъ такъ же, какъ бы онъ поступилъ съ нами, еслибы мы были въ его власти. Кто изъ находящихся здѣсь въ кругу имѣетъ возразить противъ этого, тотъ пусть выступитъ впередъ. Никто не выходилъ, всѣ молчали. «Итакъ, — воскликнулъ обвинитель, — моя жалоба достаточно доказана, и мы поступимъ справедливо, если также посадимъ его на колья. Кто со мною согласенъ, подними руки!» Больше 4,000 рукъ поднялись въ возмущеніе участъ Дидрихштейна и другихъ пльвинныхъ дворянъ была на, и всѣ они погибли.

Когда крестьянскія ополченія заняли городъ Неккарсульмъ и бовали сдачи Вейнсберга, до нихъ дошли вѣсти о жестоко-направѣ дворянства съ бунтовщиками на Дунай. Слухъ о крестьянѣ, зарѣзанныхъ при Вюрцихѣ, возбудилъ жажду, и 8,000 ч. двинулось на Вейнсбергъ «съ великою яростью». Крестьяне послали въ городъ двухъ герольдовъ, которые потребовали сдачи. «Отворите замокъ и городъ ясному христіанскому обществу, кричали они; въ противномъ же случаѣ, удалите Бога, оттуда женщинъ и дѣтей, потому что какъ замокъ, и городъ будутъ взяты приступомъ, и тогда никому не будетъ пощады». Изъ замка открыли огонь и одного изъ герольдовъ ранили. Замокъ и городъ были взяты штурмомъ. Часть рейей заперлась въ колокольнѣ и церкви, но запертыя церковныя двери были сорваны; спрятавшіеся, кто въ храмѣ, кто въ лепѣ, были найдены и тутъ же убиты. Скоро открыли и на колокольню; тогда-то раздалась дивія, радостныя восклицанія: «наконецъ-то мы захватили здѣсь все гнѣздо, бейте ихъ на смерть!» Всѣ спѣшили подняться; но на колокольню възвѣщая лѣстница, такъ что по ней можно было идти только ночью, къ тому же трупъ убитаго при входѣ рейтара лежалъ на время дорогу. Одинъ изъ рыцарей закричалъ, что сдаются въ пльвинъ и предлагаютъ 30,000 гульденовъ за

свою жизнь». «Да еслибы вы предложили бочки золота, то и тогда не избѣгли бы смерти!» отвѣчали ему оттуда. «Ищеніе ищеніе за пролитую кровь 7,000 нашихъ братьевъ подъ Бюрцихомъ». Въ то же мгновеніе раздавшійся выстрѣлъ свалилъ рыцаря, а взшедшіе по лѣстницѣ крестьяне изрубили его своими мечами и сбросили на церковный дворъ. Подобной же участи подверглись и многіе другіе рыцари. Владѣлецъ, графъ Гельфенштейнъ, и нѣсколько рыцарей были взяты въ плѣнъ дома духовенства, городскихъ властей, откупщика, церковь и замокъ были разграблены. Въ то время, какъ большинство крестьянъ кутило и праздновало побѣду, одинъ изъ предводителей, Яклейнъ Рорбахъ, вывелъ плѣнниковъ за городъ и объявилъ что они присуждены быть прогнанными сквозь строй. Вместе съ плѣнными пришла графиня Гельфенштейнъ, дочь императора раздѣлявшая заточеніе своего мужа; она держала на рукахъ своего двухлѣтняго сына, прислужница слѣдовала за нею. Бросившись на колѣни передъ Яклейномъ и его товарищами, графиня умоляла пощадить ея мужа, отца малютки. Но крестьяне были ожесточены; они безжалостно оттолкнули ее прочь, и одинъ изъ нихъ коснулся мечемъ груди «маленькаго барченка», лежавшаго у нея на рукахъ. За одну свою жизнь Гельфенштейнъ давалъ выкупъ въ 30,000 гульденовъ. «Да еслибы ты давалъ намъ за себя двѣ бочки золота, то и тогда не откупился бы» было ему отвѣтомъ. По приказанію Яклейна, крестьяне выстроились въ два ряда. Строемъ командовалъ Гансъ Винтеръ изъ Оденвальда. По старинному обычаю, онъ забилъ въ барабанъ «тѣлохранители» Яклейна выдвинулись впередъ; крестьяне выставили свои копья и, при барабанномъ боѣ, первый выгнанный въ строй и тутъ же заколотый, былъ слуга Конрада Шенефонъ-Вингерштеттена, за нимъ слѣдовалъ его господинъ; третьимъ назначенъ былъ Гельфенштейнъ. Полковой крестьянскій писарь Яковъ Лейтцъ, бывший прежде священникомъ, но лишенный въ Римѣ своего сана, исповѣдалъ графа и получилъ отъ него четки которыя графъ постоянно носилъ на рукѣхъ. Урбанъ Медгеръ изъ Вальдбаха и сынъ Клауса Шмидта изъ Роппахъ вели графа. Эт мучило его вдвойнѣ: въ былые счастливые дни у него была своя застольная музыка и вдругъ здѣсь, передъ своею казнью онъ увидѣлъ между музыкантами Мельхіора изъ Ильсфельда того самаго, который часто игралъ у него за обѣдомъ и даже пользовался его расположеніемъ, но впоследствии былъ уволенъ. Этотъ Мельхіоръ подошелъ теперь къ нему и, снявъ съ головы его шляпу съ перьями и надѣвъ ее на себя, закричалъ: «довольно поносилъ ты ее, теперь мнѣ хочется быть графомъ; довольно потѣшалъ я тебя за столомъ, довольно потанцовалъ ты подъ мою музыку, вотъ теперь я тебѣ сыграю хорошій танецъ»;—

весело наигрывая на рожкъ, онъ пошелъ передъ нимъ до таго строя. Урбанъ Медгеръ изъ Вальдбаха втолкнулъ графа строй, и на третьемъ же шагу онъ палъ, пронзенный копьями; нимъ слѣдовали его оруженосецъ Блейбергеръ, потомъ его тѣ и, наконецъ, одинъ за другимъ, его рыцари; каждый одившій въ строй слышалъ крики мщенія, въ которыхъ принимались злоупотребленія дворянства при охотѣ. Еще и нынѣ вѣтъ воспоминаніе объ этомъ днѣ въ Цабергау: въ оксенбургскомъ подземельѣ найденъ человѣческій скелетъ между оленьими гами и влывами кабана. Три конюха были подняты на копыя умерщвлены. Рейтаръ Кунцъ былъ освобожденъ Рорбахомъ. оба крестьянѣ къ графу не прекратилась даже съ его смертью: путь его преданъ былъ безобразному поруганію и осмѣянію. Нѣкоторые съ торжествомъ носили на копьяхъ кожу и волосы убитыхъ. Андрей Реми фонъ-Циммернъ прикололъ себѣ на шляпу перья со шлема графа. Яглейнъ Рорбахъ, одѣвшись въ графскій петъ и штофное полукастанье, явился къ несчастной графинѣ сказалъ: «Какъ я вамъ нравлюсь, сударыня, въ этомъ штофномъ полукастанѣ?» Графиня, увидя убійцу своего мужа въ его царской одеждѣ, упала въ обморокъ. Грубыми, окровавленными руками сняты были съ графини всѣ ея украшенія и ежды; ее, ребенка и прислужницу посадили въ навозную телегу и отравили въ Гейльбронъ. Ругательства и насмѣшки сыпались ей во слѣдъ: «ты пріѣхала въ золотой каретѣ въ Яйнсбергъ, а выѣзжаешь изъ него въ навозной телѣгѣ». Графиня же, вспоминая о только-что прошедшей недѣлѣ страданій ристовыхъ, говорила: «Я очень грѣшна, но меня утѣшитъ наситель мой, который также вѣхалъ съ торжествомъ въ Оусадимъ, въ вербное воскресенье, но вскорѣ долженъ былъ понести ругательства и смерть, за грѣхи не свои, но другихъ».

Мстя дворянству, возставшіе крестьяне систематически требляли всѣ попадавшіеся въ ихъ руки монастыри и замки. Такъ, напр., крестьянскіе отряды нагрянули въ богатый архивскій монастырь. Аббату пришлось видѣть своими глазами, какъ рѣзали его скотину, какъ поѣдали его птицу, его прекрасныхъ куръ и гусей, какъ крестьяне напивались его виномъ, какъ опустошали его кладовыя. У аббата сердце надрывалось, ядя на такія опустошенія, но, не смотря на это, онъ долженъ былъ дѣлать веселый видъ и бражничать вмѣстѣ съ бунтовщиками. Наконецъ крестьяне позволили ему безпрепятственно отъѣзжаться въ Эрбахъ. Тамъ картина была еще печальнѣе. Лиссельфельдскіе и другіе сосѣдніе крестьяне угнали его стадо, его воловъ и овецъ; погребя и закромы были опустошены; главный монастырь былъ объятъ пламенемъ, свинцовая крыша

прекрасной башни растопилась, священные сосуды были разграблены, драгоценные камни на иконах выломаны из своих оправ; алтари, скульптурныя украшенія и картины уничтожены самымъ варварскимъ образомъ. Бюрлингенскій монастырь, подобно другимъ, былъ ограбленъ до чиста. Настоятель спрятался въ кучу мусора и щепокъ; его нашли тамъ, вытащили и (вѣроятно это были оскорбленные отцы и мужья) оскотили. Потомъ зажгли зданіе. Въ 8 часовъ утра монастырь превратился въ груды пепла, изъ котораго уже никогда болѣе не воскресалъ. Въ итигенскій монастырь, въ Тургау, вломилась толпа крестьянъ «къ утренней похлебкѣ»; они разломали ворота, разогнали монаховъ, подѣлили между собою церковныя драгоценности и одежды, разграбили кладовыя, розлили дары, сожгли молитвенники, св. книги, на огнѣ варили и жарили рыбу, и наконецъ сожгли весь монастырь. Его зажегъ одинъ несчастный отецъ, у котораго, не смотря на его просьбы, настоятель монастыря отнялъ сына, котораго недавно растерзала дикая свинья. Въ севлазіанскомъ аббатствѣ монастырская братія спаслась бѣгствомъ. Съ книгами и художественными произведеніями поступали по вандалски. Въ старомъ и новомъ соборахъ, во всѣхъ часовняхъ изваянія, прекрасныя оконныя картины, всѣ украшенія были разбиты, изъ главнаго алтаря вынуты святыни, мощи выброшены изъ гробовъ; дорогіе камни, слоновья кость и драгоценныя металлы выламывались отовсюду, какъ хорошая добыча; жаждущій добычи крестьянинъ выдавливалъ пальцемъ драгоценный камень изъ его художественной оправы, тончайшую золотую работу комкалъ въ шары, чтобы удобнѣе унести съ собою; ящикъ съ таинствами былъ тоже взломанъ; дары выбросили они на землю, одинъ крестьянинъ со свѣхомъ набилъ ими ротъ... Изъ двадцати двухъ колоколовъ двадцать были сломаны, проданы, частью переданы въ пули, только два самыя большіе были оставлены, по невозможности снять ихъ. Въ монастырѣ Рейнгардсборнѣ крестьяне угнали съ собою скотъ и увезли запасы. Все это они подѣлили между собою. А драгоценныя памятники исторіи Тюрингіи, древнія рукописи, были ими сожжены или разорваны; они разрушили даже надгробныя памятники, камни и надписи надъ наслѣдственными могилами ландграфовъ тюрингенскихъ, разорили алтари, картины, образа и престолы, не щадя волоколовъ и органовъ, и въ заключеніе сожгли издревле чтимую церковь монастыря. Съ неменьшимъ ожесточеніемъ крестьяне разоряли и сожигали замки, что обыкновенно служило сигналомъ къ возстанію по всей окрестности, такъ какъ замки располагались обыкновенно на горахъ и пожаръ былъ виденъ далеко. Нѣкоторые замки имѣли особенный обширный горизонтъ передъ собою. «Во всей Швабій, го-

ворить Циммерманъ, нѣтъ ни одной горы, которая была бы видна съ большаго числа мѣстъ и съ болѣе дальняго разстоянія, какъ величественный, уединенный Гогенштауфенъ. Со всѣхъ сторонъ открытый, онъ свободно глядитъ кругомъ; а къ западу взоръ, брошенный съ него, теряется въ безпредѣльной дали. Къ темному ночному небу высоко поднялись, подобно новой утренней зарѣ, столбы пламени, зажженнаго ревностными крестьянами. Это пламя своимъ кровавымъ свѣтомъ распространяло далеко на всѣ стороны, до вершинъ Шварцвальда, до Рейна и до Франконскихъ горъ, страшную вѣсть о разрушеніи знаменитой, величественной твердыни Гогенштауфена, нѣкогда бывшаго родовымъ замкомъ славнѣйшихъ государей и королей, а теперь уже давно оповореннаго. Итакъ крестьяне съ факелами погребли послѣдній призракъ стараго величія. Спусти много времени, уже чрезъ 63 года, камни все еще были красны отъ этого разрушительнаго пожара; между одиноко-стоявшими развалинами стѣнъ и башенъ крестьяне воздѣлывали землю, сѣяли плоды, и плугъ работаетъ теперь тамъ, гдѣ нѣкогда, разрушая и повегѣвая міромъ, господствовалъ мечъ. Въ томъ же родѣ былъ сожженный крестьянами замокъ Венингенъ. Эта горная твердыня издавна видѣлась изъ сосѣднихъ долинъ, такъ что пожаръ ея, какъ огненный триумфальный столбъ, зажженный крестьянами въ честь себя и своихъ собратій, разливалъ кровавое зарево по всей окрестности.

Когда дворянство оправилось отъ паники, поразившей его въ началѣ возстанія, оно стало подготавливаться къ борьбѣ. Его воодушевлялъ и поддерживалъ самъ Лютеръ. Когда на Дунаѣ дворяне перерѣзали сотни крестьянъ, мирно шедшихъ домой, Лютеръ сталъ громить «толпы крестьянъ-разбойниковъ и душегубцевъ». Теперь они совершенно безправны: «пусть, кто можетъ, разгоняетъ, душитъ и колетъ ихъ, явно и тайно, какъ убиваютъ бѣшеную собаку». «Грѣхъ тому начальству, говорилъ онъ въ заключеніе, которое не рѣшается на это, потому что крестьяне отдались дьяволу; они, кромѣ того, принуждаютъ многихъ смиренныхъ людей принимать участіе въ ихъ злобѣ и проклятыхъ дѣлахъ. Потому, любезные властители, спасайте здѣсь и тамъ; пусть колетъ, бьетъ и душитъ ихъ всякій, кто можетъ; если ты умрешь въ такомъ дѣлѣ—благо тебѣ; нигдѣ ты не встрѣтилъ бы болѣе блаженной смерти».

«Кто чувствуетъ состраданіе къ людямъ, которыхъ самъ Богъ не жалѣетъ, а хочетъ покарать и погубить, говорилъ Лютеръ, тотъ самъ дѣлается бунтовщикомъ. Когда они погибнутъ, крестьяне научатся благодарить Бога, если имъ придется отдать одну корову, чтобы мирно съѣсть другую; а князья узнаютъ,

благодаря возстанію, что кроется въ народѣ, которымъ можно управлять только посредствомъ насилія». Къ доктору Рюлю онъ писалъ: «Мнѣ очень пріятно слышать, что меня называютъ льстецомъ. Понадобилось бы слишкомъ много кожи, еслибъ я захотѣлъ зажимать всякому глотку. Крестьянамъ хотѣть оказывать милосердіе; но если между ними есть невинные, Богъ, конечно, спасетъ ихъ, какъ онъ спасъ Лота и Иеремию; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то навѣрное они не невинны, они, значитъ, по крайней мѣрѣ, молчали и одобряли. Мудрецъ говоритъ: *Cibus, opus et virga asino*; крестьянина надо набить овсяной соломой; они не слушаютъ словъ и неразумны, и поэтому они должны слушать оружія, и это имъ подѣломъ. Мы должны молить за нихъ, чтобы они повиновались; если нѣтъ, то нечего о нихъ жалѣть. Пусть въ ихъ рядахъ просвищутъ пули, а то они надѣлаютъ еще въ тысячу разъ худшаго». Лютеръ увлекся до такой степени, что объявилъ, будто «попытка уничтожить крѣпостное право совершенно противорѣчитъ евангелію и обнаруживаетъ разбойничьи замашки, потому что, такимъ образомъ, всякій отнимаетъ у своего господина свое тѣло, которое ему принадлежало. У Авраама и патриарховъ также были крѣпостные, а апостолъ Павелъ говоритъ, въ посланіи къ Гал. 4, что для Иисуса Христа «рабъ и господинъ одно и то же». Все это сильно повредило популярности реформатора. «Еслибы, говоритъ историкъ, Лютеръ не отступилъ передъ послѣдствіями своихъ принциповъ, еслибъ онъ выполнилъ реформацію не на половину, не односторонне, а довелъ бы ее до конца, еслибъ онъ остался человѣкомъ народа и рѣшился бы стать во главѣ народнаго движенія, которое, во всякомъ случаѣ было ему не совсѣмъ противно, еслибы онъ увлекъ за собою тысячи нерѣшительныхъ и колеблющихся людей, стоявшихъ между народомъ и господами, то нѣмцы слились бы въ одинъ народъ, въ одно цѣлое, съ общою вѣрой и общимъ свободнымъ гражданскимъ устройствомъ, и Германія избѣжала бы религіозной и политической разорванности, безсилія и всѣхъ бѣдствій, всего позора шестнадцатаго, семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ, всѣхъ несчастій, пропавшихъ для нея отъ господства тысячи мелкихъ властителей. Торжество народнаго дѣла, побѣда реформаціи съ политической стороны сдѣлалась бы страшнымъ судомъ, но не тѣмъ, какого боялся Лютеръ; она открыла бы германской націи новое небо и новую землю и даровала бы ей, при свѣтѣ очищенной религіи, великую германскую народную жизнь».

Пока дворяне собирались съ силами, они старались обойти крестьянъ посредствомъ переговоровъ и заключали съ ними мировыя соглашенія. Баденскій маркграфъ Филиппъ и совѣтники Страсбурга заключили съ крестьянами Ортенау договоръ, да-

вавшій имъ значительныя облегченія: выборъ священника леннымъ владѣльцемъ, по представленію суда и комитета мѣстнаго собранія, проповѣди, сообразныя съ св. писаніемъ, увольненіе безъ пансіона тѣхъ, которые хотя и занимали священническія мѣста, но по молодости не были способны для отправленія требъ; уничтоженіе мелкихъ податей, уменьшеніе податей на сѣно и коноплю на 20-ю часть; сборъ десятины виномъ и овощами для духовенства чрезъ выборныхъ; уничтоженіе платы за требы на томъ основаніи, что священникъ долженъ заботиться безъ всякаго особеннаго вознагражденія о каждомъ прихожанѣ; свобода выѣзда; неограниченная свобода женитьбы; внесеніе податей и отправленіе повинностей только въ мѣстѣ осѣдлости и соглашеніе различныхъ господъ между собою относительно этого предмета; отмена крѣпостнаго права, если оно будетъ вообще уничтожено въ священной имперіи; свобода охотиться на вредныхъ животныхъ и птицъ; выдача крестьянамъ, сообразно ихъ нуждамъ, строеваго и дровянаго лѣсу; барщина только для тѣхъ, которые обязаны были ею стари, и то съ большими ограниченіями и пр. и пр. Подобныхъ договоровъ заключалось много, но лишь только дворяне собирались съ силами и чувствовали возможность отмстить крестьянамъ, они тотчасъ нарушали договоръ и нападали на мужиковъ. Такъ, напр., курфюрстъ пфальцскій, вскорѣ послѣ заключенія такого договора, выступилъ изъ Гейдельберга съ 4,500 пѣшихъ и 1,800 конныхъ воиновъ; всѣ они имѣли красныя кресты на груди и были хорошо вооружены. Первое нападеніе онъ сдѣлалъ на Мальшъ, считая его гнѣздомъ возстанія. Жители, надвѣясь на договоръ, распустили свои войска; вдругъ, совершенно неожиданно, они увидѣли себя обманутыми; въ справедливомъ негодованіи они защищались, чѣмъ попало и какъ могли, но пфальцграфъ зажегъ деревню со всѣхъ сторонъ, желая стереть ее съ лица земли. Всѣ деревни, бывшія на его пути, были разграблены.

Также вѣроломно дворянство нарушило почти всѣ другіе договоры и принялось усмирять крестьянъ оружіемъ. Дворянство швабскаго союза въ 1524 г. сговорилось задержать крестьянъ переговорами, а само начало собирать войско подъ предводительствомъ Трухзеса, который началъ настоящую войну съ возставшими. Дворянство ободрилось и сосредоточивало свои силы противъ мужицкихъ скопищъ. За Рейномъ у нѣмецкихъ феодаловъ нашелся сильный союзникъ, кровожадный герцогъ лотарингскій, Антонъ. Онъ вызвалъ всѣ свои гарнизоны изъ Бургундіи и Шампани, призвалъ къ оружію все ленное дворянство своего герцогства, 2,000 итальянскихъ стрѣлковъ и нѣсколько ротъ нидерландскихъ наемниковъ; къ этимъ силамъ присоединились еще подкрѣпленія, присланныя ему братомъ, правившимъ Франціею во время плѣна короля Франциска, и

множество авантюристовъ, лишенныхъ возможности служить послѣ павійскаго пораженія, рыцарей и кнехтовъ, которымъ хотѣлось теперь выместить свою неудачу на нѣмецкихъ крестьянахъ. По французскимъ отчетамъ, его войско состояло изъ 30,000 человекъ слишкомъ. Вся эта сволочь начала неистовствовать въ странѣ, какъ баши-бузуки. Въ городѣ Цабернѣ, напр., было изрублено и убито всего, считая въ томъ числѣ и дѣтей, отъ 16 до 18,000 народу. Сжечь Цабернѣ не дозволили, но весь городъ былъ разграбленъ, не исключая и домовъ дворянъ, епископскихъ совѣтниковъ и солдатъ. Побѣдители забрали съ собою всѣ серебряныя и золотыя вещи, деньги и орудія, и увели въ плѣнъ многихъ горожанъ, которые потомъ были заколоты. «Они увели съ собою самыхъ красивыхъ женщинъ и дѣвицъ, насилывали ихъ по своей прихоти, потомъ отпускали ихъ домой; насилуя женщинъ, они заставляли мужчинъ смотрѣть на это, а потомъ закалывали ихъ и уродовали страшнымъ образомъ». Не лучше этого герцога дѣйствовали и другіе усмирители. Когда Трухзесъ шелъ изъ Штутгарта мимо гогенбергской крѣпости, фогтъ послалъ къ нему двухъ крестьянскихъ начальниковъ, находившихся у него въ плѣну: одинъ былъ Яклеинъ Рорбахъ; онъ былъ отличной добычей для дворянъ; имъ они могли вдоволь утолить свою жажду мести и рѣшили его исжарить. Ведя его за собою, они отправились черезъ Бенгеймъ на Неккаръ, и достигли Неккаргартаха 20 мая. Въ прекрасной неккарской долинѣ, между Неккаргартахомъ и Фурфельдомъ, Трухзесъ расположился лагеремъ, чтобы отпраздновать дворянское auto-da-fe и отмстить огнемъ и кровью за своихъ погибшихъ родныхъ и товарищей. Въ окрестныхъ деревняхъ не было ни одного крестьянина. Яклеина Рорбаха, скованнаго желѣзными цѣпями, привязали къ дереву, обложили кругомъ дровами и стали зажигать ихъ исподоволь, чтобы огонь не вдругъ обхватилъ его, и чтобы несчастный, пожираемый медленнымъ пламенемъ, подъ звукъ барабановъ и трубъ, могъ свободно прыгать вокругъ дерева. Дѣти, сидя на плечахъ солдатъ, смотрѣли на это зрѣлище, а дворяне, стоявшіе вокругъ, наслаждались стонами несчастнаго и не ушли до тѣхъ поръ, пока страдалецъ не испустилъ послѣдняго дыханія. Затѣмъ Трухзесъ велѣлъ Траутскирхеру выгнать изъ Вейнсберга женщинъ, дѣтей и стариковъ, а городъ со всѣмъ имуществомъ превратить въ пепелъ. Траутскирхеръ явился передъ городомъ и не нашелъ тамъ никого, кромѣ женщинъ, дѣтей и стариковъ; онъ велѣлъ имъ выйти вонъ: дозволилъ также вынести святыню; одного старика, не хотѣвшаго оставить городъ и двухъ роженицъ солдаты вытащили насильно, затѣмъ подожгли городъ съ трехъ сторонъ; сгорѣло нѣсколько женщинъ, не хотѣвшихъ выйти изъ своихъ

говъ. Запрещено было брать съ собою скоть и имущество. Городъ былъ сожженъ до-тла. Ужасно было слышать ревъ го-вшаго скота, стоны невинныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, отрѣвшихъ, какъ передъ ними горѣло ихъ послѣднее добро. Изда-видиѣлось пламя горѣвшихъ деревень, обреченныхъ вмѣстѣ съ Вейнсбергомъ на сожженіе. Небо надъ Вейнсбергомъ казалось темнымъ моремъ. Когда пламя потухло, оказалось, что отъ пре-раснаго города уцѣлѣло всего десять домиковъ. Герцогъ, чтобы вѣтворить дворянство, объявилъ, что вейнсбергское пожарище можно на вѣчныя времена остаться пустыней. Трухзесъ, не давая спуска крестьянамъ, ежедневно убивалъ и обиралъ всякаго по-вшагося въ его руки. Въ лагерѣ при Оденгеймѣ его алчность вытала жестокой ударъ: крестьянствою деревни ночью, тайкомъ, угли свое собственное селеніе съ разныхъ концовъ, такъ что въ 49 домовъ многие сгорѣли съ лошадьми, подводами и имуще-вомъ. Всюду Трухзесъ рубилъ и вѣшалъ мужиковъ. Всѣ ле-вшія на его пути селенія были ограблены и сожжены; всѣхъ чуждыхъ крестьянъ вѣшали на деревьяхъ или обезглавли-ли, тѣла ихъ бросали на дорогѣ. Зарево пожаровъ, груды дровъ обозначали путь Трухзеса. Одно его имя, одинъ слухъ его приближеніи наводили такой страхъ, что всѣ крестьяне сбѣгались по лѣсамъ. Вотъ какъ рассказываетъ одинъ изъ современниковъ о паникѣ, овладѣвшей крестьянами: «рейтары казались имъ закаленными изъ стали, несокрушимыми; при вѣвшемъ шумѣ, при незначительномъ шорохѣ, произведен-номъ полетомъ птицы или паденіемъ листа съ дерева, они безъ выкрика бѣжали, воображая, что за ними уже гонятся рейтары; герцогъ, казалось, совсѣмъ отступился отъ нихъ, допуская ихъ до того малодушія». Всюду союзное войско оставляло послѣ себя страшныя слѣды: тянувшіеся за нимъ лошади и обозы, большія стада награбленныхъ овецъ и рогатаго скота портили и поѣдали трава и луга поселянъ. При проходѣ черезъ Нюренбергъ, войско до-зано было идти только по главной улицѣ, и всѣ дома на этой улицѣ сожжены, во всемъ городѣ были замкнуты цѣпями; 400 всадниковъ, нарочно нанятыхъ для этого магистратомъ, и всѣ бюргеры въ полномъ вооруженіи разставлены были вдоль улицы съ своими орудіями. Походъ черезъ Нюренбергъ, побѣдители наложили тяжелую кон-трибуцію на Рись. Въ Нордлингенѣ, изъ 100 домовъ каждый мужъ былъ внести по 6 гульденовъ штрафа, новый маги-стратъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ прежній, нѣ-которыхъ изъ членовъ смѣненнаго магистрата казнили, другихъ сосла-ли въ ссылку; но, не смотря на это, въ городѣ все шло въ такомъ порядкѣ, что даже ярмарка совершалась по обы-чаю и привлекла множество посѣтителей. Дейнингенъ былъ сожженъ. Четыре дня войско опустошало окрестности Нордлин-

гена, но не входило въ самый городъ. Отсюда Трухзесъ по спѣшилъ въ Верхнюю Швабію.

Разъединенность крестьянъ, ихъ боевая неопытность, измѣна ихъ главному предводителю, рыцаря Геца фонъ-Берлингенга,—все вело къ скорому подавленію мятежа. Затѣмъ слѣдовали ужасныя казни. Въ Зиндельфингенъ Трухзесъ, захвативъ повстанца Нонненмахера, велѣлъ приковать его въ лагерьъ желѣзною цѣпью къ яблонѣ, такъ что онъ могъ отойти отъ дерева на два шага, потомъ велѣлъ принести дровъ и наложить ихъ на полтора сажени вокругъ дерева; самъ Трухзесъ, графъ Ульрихъ фонъ Гельфенштейнъ, графъ Фридрихъ фонъ Фюрстенбергъ, Фровенъ Гуттенъ, Дитрихъ, Шпетъ и другіе рыцари принесли каждый по большой охапкѣ дровъ; потомъ этотъ костеръ зажгли. Дѣло было ночью; на небѣ звѣзды ярко свѣтили; въ сторонѣ, широко раскинутыя по полю, стояли брошенные повозки, фуры, орудія, палатки, оружія, всякаго рода сбруя; между ними тихо лежали умершіе и раздавались стоны умирающихъ и раненыхъ; въ дальнемъ лагерѣ шумно кутили и пировали побѣдители; а вокругъ стоялъ цѣлый рядъ ликовавшихъ дворянъ. Костеръ былъ весь охваченъ пламенемъ, и въ этомъ огненномъ кругѣ несчастный бѣгалъ все скорѣе и скорѣе, потѣшая собою господъ, между тѣмъ какъ тѣло его поджаривалось самымъ медленнымъ образомъ; онъ долго еще былъ живъ, мучился и ревѣлъ отъ боли; другіе плѣнные стояли у костра блѣдые, какъ полотно, и окаменѣлые отъ ужаса. Наконецъ онъ смогъ и упалъ. Послѣ пораженія крестьянскихъ бандъ Шварцвальда, проповѣднику Рембону вырвали желѣзными ложками глаза, набили глазницы сѣномъ, и несчастный умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Въ Тироля плѣнными крестьянамъ «отрѣзывали носы, уши, четверговали, сажали на колъ, живыми сжигали, нѣкоторымъ вырѣзали сердце, ударяли имъ въ лицо и распарывали животъ; многіе лишены были имущества, наказаны розгами и высланы изъ отечества, никто не былъ отпущенъ безъ особеннаго выжженнаго на лбу знака». Въ Альтемарктѣ австрійскіе солдаты бросали въ огонь пылающихъ домовъ дѣтей убивавшихъ крестьянъ, «лютеранскихъ собакъ», какъ они ихъ называли. До чего доходила ярость дворянства, можно судить по тому, что въ однихъ владѣніяхъ швабскаго союза было совершено до 10 т. казней; до конца 1526 г. Бертольдъ Эхелинъ казнилъ собственноручно 1,200 человекъ. Сироты и вдовы казненныхъ взымали о мщеніи; палачи зарабатывали много денегъ. По улицамъ, въ дѣсахъ, на пожарищахъ валялись женщины и дѣти, умравшія съ голоду.

Побѣжденный народъ изнемогъ подъ бременемъ обрушившихся на него бѣдствій, и только швейцарскіе крестьяне не

выиграли отъ возстанія. Въ началѣ 1525 г. были освобождены городомъ возставшіе цюрихскіе крестьяне, затѣмъ былъ помянутъ въ купчѣ крестьянамъ Базеля, Солотурна, Тургау, Гларуса и нѣкоторыхъ монастырей. Но, въ большинствѣ случаевъ, эти господскія уступки не могли вполнѣ удовлетворить крестьянъ, и въ 1651 г. началась новая крестьянская война противъ магнатовъ и городской олигархіи въ кантонахъ Бернѣ, Цюрихѣ, Солотурнѣ. Война продолжалась три года, но не была окончательнаю и, даже послѣ окончательнаго пораженія крестьянъ, ихъ было казнено всего 48 человекъ.

С. Шашковъ.

(Окончаніе будетъ).

* *
*

Собираются по небу тучи,
Ихъ вѣтеръ сзываетъ на бой...
Черны и грозны, и могучи,
Летятъ онѣ строемъ на строй—
И смѣло, и гордо, и лихо,
При блескѣ и трескѣ... А вотъ
Прозрачное облачко тихо
По ясной лазури плыветъ.
Нѣтъ дѣла ему до волненій
Не въ мѣру бурливой грозы,
Другихъ оно полно стремленій,
Не кличетъ: «рази и рази!»

Разносятся повисты бури,
А тучи летятъ да летятъ,
И облачко съ ясной лазури
Безслѣдно онѣ поглотятъ...

М. Лачиновъ.

Пѣсня о Дрёмѣ и Ерёмѣ.

По селу ходить Дрёма. Коробейникъ Ерёма
Истомился и легъ на палати.

А его-ста бабѣнка, спать улавши ребѣнка,
Можвить слово:—«Чего пожелаши?»

— Пожелай мнѣ, родная, чтобы выпилъ до дна я,
Хоть во снѣ, чарку водки хорошей.

Пожелай мнѣ съ любовью, чтобы не кашлялъ я кровью,
Нагибаясь подъ грузною ношей.

Пожелай также чуда, чтобы хозяинъ-іуда
Уплатилъ мнѣ, по чести, деньжонки!»

...По селу ходить Дрёма. Коробейникъ Ерёма
Засыпаетъ подъ пѣсенку жонки:

«Спи, мой милый, желанный! Нашъ сыновокъ безталанный
Въ ростъ войдетъ—и умнѣ насъ станетъ.

Не кручинься, мой свѣтликъ! Наше дѣтище-цвѣтикъ,—
Дастъ Господь,—не замретъ, не завянетъ.

Я вотъ такъ разумѣю, что тебѣ—Ерёмю,—
Да и мнѣ, жить осталось мало.

Пожелать только надо, чтобы наше-то чадо,
Пробираясь впередъ, не дремало.

Я, ученая въ школѣ, не привыкла въ неволѣ
И, её завсегда проклиная,

Чую бабьимъ умишкомъ, что надъ нашимъ мальчишкой
Зарумянится зорька иная.

А и въ нѣкую пору будетъ каждому вору
На Руси жить отмѣнно не гоже;

А и въ нѣкое время народится-ге племя,
На людей-ста свободныхъ похоже.

Выидеть парень рабочий и... до воли охотій!»

...И уснула надъ люлькой бабѣнка.

Спитъ и бѣдный Ерёма. Но не спитъ только Дрёма,
И пугливо бѣжитъ отъ ребенка.

Л. Трефолевъ.

ВЛАДЫЧНЫЙ ОВЗОРЪ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Это 187... года было однимъ изъ благопріятныхъ для окрестной N. губерніи: не было ни продолжительныхъ засухъ, ни чрезвычайныхъ дождей, грозящихъ вредомъ для посѣвовъ, и крестьяне съ наслажденіемъ любовались своими созрѣвающими нивами, обѣщавшими благодарную жатву. Весело смотрѣло впередъ и сельское духовенство, съ одной стороны потому, что и оно вѣдь, не большой, а все жъ таки владѣлецъ земли; съ другой — потому, что урожай на крестьянскихъ нивахъ служить вѣрнымъ тономъ и для «урожая въ поповскихъ карманахъ».

Въ одинъ изъ іюньскихъ вечеровъ, на террасѣ новаго деревяннаго дома, своими окнами выглянувшаго прямо на сельскую церковь, сидѣлъ молодой деревенскій батюшка, священникъ села Цыганскаго Камкинскаго уѣзда. Не смотря на пріятный вечерній воздухъ, на тихую гладь раскинутого невдалекѣ озера, такъ живо привлекавшаго на рыбную ловлю и кушанье, не смотря на прелесть раскинутого вплоть къ селу сосноваго бора, не смотря на всѣ эти красоты деревенской природы, батюшка, въ этотъ по крайней мѣрѣ вечеръ, повидимому слишкомъ мало интересовался окружающимъ. Его взоръ безпрестанно устремлялся на выходящую за селомъ, тонкою лентой, проселочную дорогу. Должно было это и долженъ былъ возвращаться посоль отъ батюшки въ свое волостное правленіе за полученіемъ почты. Судя по суровому и нахмуренному лицу священника, легко было заключить, что порядкомъ таки довелось ему провести времени въ ожиданіи. Когда отъ лица батюшки прояснилось, взоръ повеселѣлъ. — Наконецъ-то проговорилъ онъ, завидя идущаго къ дому церковнаго сторожа. Когда старый инвалидъ, запыхавшись и весь мокрый отъ пота, наконецъ подалъ батюшкѣ довольно объемистый пакетъ, то о. Ва-

силій (такъ звали батюшку) до того обрадовался, что совершенно забылъ и про тотъ «нагоняй», который раньше готовилъ для бѣднаго инвалида.

— Многонько что-то сегодня! Вѣра Павловна, иди: почта пришла—громко возгласилъ батюшка, обращаясь къ своимъ покойамъ и вызывая подругу жизни.

На зовъ о. Василія не замедлила явиться небольшого роста, заурядной наружности, двадцатилѣтняя блондинка и послѣшно заняла мѣсто рядомъ съ своимъ супругомъ. Между тѣмъ батюшка вскрылъ пакетъ и началъ быстро разбирать содержимое въ немъ.

— А!.. епархіальныя—проговорилъ онъ.—Интересно. Посмотримъ-ка напередъ.—И въ торопливыхъ рукахъ о. Василія зашуршалъ тощій номеръ епархіальной газетки. Вотъ уже и послѣдняя страничка. Но—Боже мой—пробѣжавъ ее, батюшка вдругъ потушился, какъ-то съежился, выпустилъ изъ рукъ остальную корреспонденцію, и только чрезъ нѣсколько минутъ не то сказалъ, не то прошепталъ своей подругѣ:—ну, душа, новость... не было печали...

— Что такое? испуганно и робко спросила матушка.

— Что?!... архіерей ѣдетъ къ намъ и съ каедральнымъ...

Не прошло полчаса, какъ въ квартирѣ священника былъ уже въ сборѣ весь причтъ, состоявшій, подъ главенствомъ батюшки, изъ псаломщика и старосты. Опеломленный новостью, о. Василій, по крайней мѣрѣ, на глазахъ своихъ подчиненныхъ старался казаться покойнымъ и бодро расхаживалъ по комнатѣ. Подчиненные также глубоко поражены были неожиданнымъ извѣстіемъ и съ испуганными лицами переминались съ ноги на ногу. Впрочемъ, старый псаломщикъ по временамъ напускалъ на себя храбрость.

— Что-жъ въ самъ-дѣлѣ! И встрѣтимъ, и проводимъ, милости просимъ—не въ первой! А что до каедральнаго—и тотъ обойдется... вѣстимо, зачѣмъ нелегкая несетъ!..

О. Василій пригласилъ было своихъ сослуживцевъ на совѣтъ, какъ и что дѣлать для пріема владыки; но, какъ будто все еще не довѣряя газетной вѣсти, рассудилъ потомъ отложить этотъ совѣтъ до полученія предписанія отъ благочиннаго. Съ тѣмъ и отпустилъ свою меньшую братію. А когда первое волненіе прошло, онъ самъ уже успокаивалъ на сонъ грядущій свою «душу»:—чего робѣть-то! съ меня, другъ, взятки гладки! я и на приходѣ-то безъ году недѣля!..

Какъ-бы то ни было, а волей-неволей приходилось сельскому духовенству оставить на время свои попеченія о нуждахъ насущ-

и поради́тъ о «всякомъ глаголѣ», имѣвшемъ швойти изъ владычныхъ...

е замедлило приходомъ и благочинническое предписаніе. Церквѣ клиръ села Троицкаго снова собрался въ квартиру батюшки въ бумагѣ благочиннаго «строжайше предписывалось», чтобы въ привести въ «примѣрный» порядокъ, чтобъ всей утвари, ризбибліотекѣ и владовой дать надлежащую чистоту и опрятность, чтобъ встрѣча владыки производилась не торопливо и не шумно, «по чину, какъ подобаеть». Батюшка прочель эту буведегласно клиру. Но тутъ встрѣтилось обстоятельство, пришедшее о. Василя въ большое недоумѣніе. Въ бумагѣ приложена карандашемъ написанная записка благочиннаго, а въ ней оказалось слѣдующее: «между прочимъ, предупреждаю, что съ каждой ѣдетъ самъ о. протоіерей каедральный, а потому реду церковные документы привести въ настрожайшую аккуратность, да не подобаеть упускать изъ виду и «внѣитогное». Силій, прочитавши нѣсколько разъ эти строки, никакъ не постигнуть смысла заключительныхъ словъ.

— Да что-жь это за «внѣитогное»?—рѣшился наконецъ образъ онъ съ вопросомъ къ своему клиру.

а выручку батюшкѣ выдвинулся старый псаломщикъ, челотянувшій безропотно, пятый уже десятокъ лѣтъ, свою лямережившій на приходѣ чуть-ли не десятокъ священниковъ, вѣдшій, какъ говорится, сквозь огонь и воду, и знавшій всю оготную въ духовномъ мірѣ.

— Оно, вѣстимо, батюшка о. Василій, смиренно началъ онъ, точно не вдомекъ вамъ по новости—по неопытности, простите, Бога,—а сіе, надо полагаать, о. благочинный изволили предель насчетъ воздаянія...

— Какого воздаянія? нетерпѣливо спросилъ батюшка.

— А то есть касательно малой толики приношенія...

— Тьфу! да говори же толкомъ-то, сердито переспросилъ силій.

— Да какъ же, батюшка! не хитерь тольк-отъ: о. благой, дай Господи имъ здоровья, мекають намъ на умъ, дабы по суетѣ да по обробливости нашей, не предать—Боже упаси—нію благодареніе о. протоіерею за безпокойство и труды въ онныхъ лѣтахъ посильнымъ приношеніемъ пекуніевъ.

вперь только сталъ ясенъ для о. Василя смыслъ загадочной ки благочиннаго. Но этотъ смыслъ на первыхъ порахъ и наль же его порядкомъ.

— Но какъ же? какъ же это? Вѣдь я человекъ «вновѣ»; оперился еще! гдѣ же взять-то мнѣ? заговорилъ батюшка.

Но и въ данномъ случаѣ ожидала его выручка. Церковный староста, внимательно слушавшій предыдущую бесѣду, при послѣднихъ словахъ батюшки, развязно заговорилъ:—Ужь на счетъ этаго-то самаго—ассигнацій не сумѣвайтесь, батюшка, это—наздѣло: исправимъ, какъ быть должно,—не въ первой вѣдь! Вотъ въ тѣ поры, помнишь Прохорычъ, обратился онъ къ старцу-исломщику, какъ ѣздилъ-то алхирей съ своимъ письмоводителемъ: такъ мы этому письмоводителю только красненькую сунули, и то какъ благодарилъ: «спасибо, говоритъ, староста; въ лучшемъ видѣ отлепоруу объ васъ владыкѣ». А ужъ теперича каиндр. . . наго-то самого, небось, удоблетворимъ! Такъ ты ужъ, батюшка, на этотъ счетъ не сумѣвайся, а вотъ реестеръ-бы составить, да въ городъ за покупками: припасешь за время—оно спокойнѣй будетъ.

Сметливый молодой батюшка, изъ бесѣды съ своимъ клиромъ совершенно понялъ всю матеріальную суть подготовки къ принятію владыки, и потому энергично взялся за составленіе предложеннаго старостой «реестера», пригласивъ на подмогу въ томъ важномъ дѣлѣ и свою «душу». Тутъ выступили на сцену и чай пятирублевый, и свѣжая икра, и сыръ швейцарскій, и балыкъ, и осетрина; за ними шли въ реестрѣ: мадера, рейнвейнгго-сотернъ и пр.; отведено было приличное мѣсто и «рассейско-сивушкѣ», за которую ужъ особенно ратовалъ староста:—«безъ рассейскаго, настойчиво говорилъ онъ, никакъ не можно!»—Въ концѣ же концовъ владычній реестръ сведенъ былъ къ довольно почтенной цифрѣ—50 рублямъ. А на другой день по составленіи реестра, церковный староста былъ уже на пути въ уѣздный городъ, захвативъ съ собой еще «на случай» четвертку и заручившись отъ батюшки слѣдующею запиской въ магазинъ «многоуважаемый NN, по прилагаемому реестру, пожалуйста, отпустите все въ наилучшемъ видѣ; о цѣнѣ нѣтъ слова—не жалѣйте, ибо все сіе потребно для принятія архипастыря»...

II.

Время шло. Не далека былъ и многознаменательный день владычнаго пріѣзда. Въ церкви села Троицкаго шла ужасная суматоха. По наказу батюшки, нѣсколько разрумянившихся отъ лѣтняго жару и напряженія деревенскихъ дѣвушекъ, съ подобранными за поясъ подолами, усердно скребли и мыли полъ, давно не

идавшій такой чести. Псаломщикъ чистилъ алтарь съ иконостасомъ. Церковные сторожа, прихвативъ себѣ на помощь усердныхъ о храму стариковъ, съ утра до вечера кряхтели надъ подсвѣчниками и паникадилами. И нужно отдать имъ справедливость— работа была чисто египетская: и песку, и мѣлу, и кирпичу, и васной гущѣ слишкомъ туго поддавались густые слои плѣсени и жвачины, отъ времени накопившіеся на предметахъ церковныхъ. Хорошо еще, что податливый староста цѣнилъ труды своихъ подчиненныхъ и ежедневно соблаговолялъ имъ приличную чару «горьаго зелья». Самъ о. Василій корпѣлъ надъ метриками, приходо-выходными книгами и другими документами, запущенными съ сагаго начала года. Не лежокъ былъ и его трудъ. Не говоримъ уже томъ, что и письма много скопилось; это для о. Василія не оставяло большой важности: писалъ онъ бойко. Но вотъ бѣда: атюшкѣ приводилось еще взять на себя роль нѣкоего химика. Тобы «проныра» каедральный не замѣтилъ экстренной подготовки документовъ, требовалось, по соображенію о. Василія, соавлять для каждаго мѣсяца чернила съ особеннымъ колоритомъ. Надъ этой-то хитростью и пришлось ему немало повозиться.

Какъ-бы то ни было, но, страха ради, труды всѣхъ увѣнчались успѣхомъ: церковь очистилась отъ обычной пыли и грязи; документы приведены въ порядокъ, подписаны и убраны на свое мѣсто; вытащены изъ подъ спуда полинялые ковры и постланы, дѣ подобало, а для владычныхъ собственно ногъ догадливымъ батюшкой прихваченъ былъ приличный коверъ у мѣстнаго земледѣльца; всѣ мѣста, которыя, по соображеніямъ клира, могли бытъ освящены архіерейскими стопами, усыпаны густымъ слоемъ свѣжаго песку. Квартиру о. Василія тоже постигла пертурбация, только тутъ уже всѣ заботы предоставлены были самой душѣ, а батюшка обратилъ лишь тщательное вниманіе на этажерку съ книгами. Въ мигъ улетучились отсюда всѣ книжки такъ называемаго свѣтскаго содержанія, далеко запрятаны и №№ «Церковно-Общественнаго Вѣстника», такъ какъ о. Василій изъ достоярнаго источника зналъ, что владыка, заклеивъ эту почтенную азету почему-то «цыганскимъ вѣстникомъ», строго воспретилъ шархіальному своему духовенству имѣть знакомство съ ней; зато съельефно выглядывали впередъ: русская и славянская біблія, требникъ, канонникъ, слова и рѣчи мѣстнаго архипастыря, Ливановъ съ своими «раскольниками и острожниками», пермскій богословъ Звг. Поповъ e tutti quanti въ этомъ родѣ...

Такимъ образомъ, все было готово къ приему архіерея. Наступило время безпокойнаго, трепетнаго ожиданія...

Вотъ и канунъ прїѣзда. Съ ранняго утра стали появляться въ селѣ Троицкомъ повозки, нагруженныя клириками; иные по близости совершали путь и пѣшеходомъ, бережно неся подъ мышкой узелки, кто съ подрясникомъ, кто съ рясой. Это спѣшило, по распоряженію начальства, духовенство недалеко расположенныхъ отъ Троицкаго селѣ, для представленія владыкѣ. Къ полудню быстро подкатила къ священническому дому борзая тройка съ мѣстнымъ становымъ приставомъ. Въ комнаты священника не вошелъ, а скорѣе влетѣлъ въ выхоленномъ мундирѣ, съ «Станиславомъ въ петлицѣ», гладко выбритый, съ сѣдою уже головой и сизо-краснымъ носомъ, обличавшимъ великое усердіе къ Бахусу, Александръ Иванычъ Пѣнкинъ. Съ озабоченнымъ видомъ, еле поздоровавшись, онъ прямо подступилъ къ хозяину:—все-ли у васъ, батюшка, готово къ принятію его преосвященства?

— То есть, какъ это все? отвѣтилъ о. Василій.—Разумѣется, старались. Кажись, вездѣ поприбрано, почищено.

— А насчетъ крестьянъ-то распоряженіе было? торопливо проговорилъ становой.

— Какъ-же: объявилъ, что завтра владыка будетъ къ намъ.

— Ахъ, Боже мой! вспылилъ становой.—Объявилъ, что будетъ! Я такъ и зналъ! Вотъ молодость-то ваша, батюшка, что значить! Ну, не прибуди сегодня я къ вамъ—вѣдь поѣдомъ-бы съѣли всѣхъ насъ. Ахъ, ахъ!... и почтенный радѣтель порядка и благочинія поспѣшными шагами направился къ двери.

— Александръ Иванычъ, помилуйте, да объясните—въ чемъ дѣло тутъ—заговорилъ было ошарашенный священникъ, но Александра Иваныча давно уже и слѣдъ простылъ...

Нелегко было Александру Иванычу сгонять мужиковъ съ поля; но все-таки къ вечеру сборная изба была полна крестьянскаго люда, и охранитель благочинія, когда водворилась мертвая тишина, повелъ къ поселянамъ рѣчь:

— Ну, ребята! завтрашній день для вашего села великое счастье: прибудетъ къ вамъ нашъ архипастырь.—Это, значить, алхирей-то — послышался голосъ изъ толпы. — Молчать! слушать!—зарычалъ становой. — Прибудетъ архипастырь: милость это Божія для васъ. — Какъ милость! тревога одна! — снова послышалось изъ толпы. При этихъ словахъ, становой побавровѣлъ и только направился было съ кулаками въ сторону, откуда послѣдовало замѣчаніе, какъ вдругъ и осѣлся, какъ го-

ворится, запримѣтивъ въ средѣ мужиковъ затесавшуюся на сходь чью-то любопытную рясу, и потому продолжалъ: — ну, такъ смотрите у меня, чтобъ завтра всё отъ мала до велика и въ праздничной одѣжѣ съ утра были въ сборѣ у церкви.

— Ваше в—родіе! дружно загадѣла толпа, не можно-ли какъ ослобонить? Сами знаете—пора какая! страда вѣдь... пушай ужъ старики да малолѣтки, а насъ-то, мужиковъ... Христа ради...

— Ни... оглашенные! крикнулъ становой.— Не смѣть и думать! Всѣмъ быть въ сборѣ и—баста! И затѣмъ, обратясь къ деревенскому сотскому, Александръ Иванычъ отдалъ строжайшій наказъ, подѣ страхомъ приличнаго возмездія за ослушаніе, чтобъ завтра строго все было исполнено по слову его, да чтобъ наготовѣ было шесть паръ отборныхъ лошадей «подѣ владыку», по тройкѣ подѣ исправника и самого Александра Иваныча, да пару подѣ благочиннаго и, сверхъ того, конгой—двадцать верховыхъ.— Понимаешь?—заклучилъ становой.— Смотри-жь у меня!..

Понурили головы мужики, да нечего дѣлать,—потому, заключили они, начальство—сила, супротивиться не можно,—только кто похрабрѣй—долго еще гадѣли въ сборной по уходѣ станового.

— Какой тамъ алхирей! Нештѣ: милость!.. поди разорь одинь... ишь преть его объ эту пору!..

Замѣчательнъ въ своемъ родѣ былъ Александръ Иванычъ. Онъ имѣлъ особое пристрастіе къ церковнымъ дѣламъ вообще и замѣчательное подобострастіе къ архіереямъ въ особенности. Понадобилось, напр., въ селѣ, гдѣ онъ имѣлъ квартиру, построить новую ограду при церкви. Приходъ не богатый.

— Не дюже намъ—говорили мужики-прихожане. А Александръ Иванычъ—тутъ какъ тутъ на выручку. Недолго думая, онъ разослалъ своихъ сотскихъ и десятскихъ по всѣмъ окрестнымъ иновѣрческимъ деревнямъ «для сбора яицъ на построение церковной ограды». Все-жь-таки, молъ, нѣкая лепта выручится! А то и вотъ какую штуку разъ удралъ онъ. Случилось архіерею, во время своего обзора, проѣзжать большою татарскою деревней. Лишь только архіерейская карета приблизилась къ селенію, какъ на встрѣчу ей выступила громадная масса народу, съ духовнымъ лицомъ во главѣ, на колѣняхъ подносящимъ хлѣбъ-соль владыкѣ. Зато потомъ молва ходила, что солоно досталось отъ Александра Ивановича тѣмъ изъ «правовѣрныхъ», которые пытались воззвать противъ воздаянія торжественной оваціи мѣстному представителю господствующей религіи.

Ш. X

Въ роковой день для села Троицкаго, согласно приказу становаго, съ раннаго утра масса нестраго крестьянскаго люда толпилась у церковнаго подъѣзда. Хотя церковь была давно отперта, но входъ въ нее бдительно охранялся сторожами изъ опасенія занести туда сору и пыли. Церковная сторожка биткомъ была набита прѣзжимъ духовенствомъ; новые рясы и подрясники шуршали другъ о дружку; вся атмосфера небольшой сторожевой комнаты пропитана была несноснымъ запахомъ деревяннаго масла, обильно возлитаго на головы «отцовъ и братій». Духовенство какъ-то замерло, съжилось и сгорбилось. Не смотря на изрядное количество собравшихся, въ комнатѣ царяла полная тишина: не слышалось ни совѣщаній, какъ получше предстать предъ владыкой, ни игривыхъ разговоровъ, всегда занимающихъ видное мѣсто при подобныхъ сборищахъ, только при иныхъ условіяхъ. Иарѣдъ а лишь изъ толпы вырывались глубокіе вздохи: «охъ, Господи помилуй! помилуй Господи!» Да порой кто-нибудь изъ боже смѣлыхъ какъ-то робко, словно боясь за слова свои, задасть вопросъ: «а что, отцы святіи, не курнуть-ли?» Но «отцы святіи» такимъ взоромъ подарятъ храбреца, что у того всякое помышленіе о куревѣ, какъ стрѣла, вылетитъ изъ головы.

За сторожкой размѣстили лошадей, предназначенныхъ для владыки, исправника, становаго, благочиннаго и конвоя. Большаго труда стоило хозяевамъ держать на привязи бѣдныхъ животныхъ, изнемогавшихъ подъ палящими лучами солнца и безжалостно терзаемыхъ оводами. Но зато, сколько благоговѣнія и смертельной робости можно было видѣть на всѣхъ лицахъ духовенства, столько жерѣзкихъ словъ лилось изъ устъ архіерейскихъ ямщиковъ.

— А што, Микула, поди—прогонъ ему, алхирею-то, выходить?

— Знамо, выходить. Коли нѣту!—отвѣчаетъ рослый парень.

— Такъ насъ-то пошто тревожать?

— Пошто!.. Знамо, пошто: мужикъ—одно слово; куды ни сунь—пойдетъ, а прогонъ-отъ въ карманѣ цѣль. Тьфу!..

— Ужь ѣхать—такъ ѣхаль бы скорѣй—снова обращается къ Микулѣ товарищъ.

— Ему што? знамо, ничаво! а тутъ майся да животину мучь!..

— Шш... становой!.. останавливаетъ товарищъ расходившагося парня.

Часы показываютъ одиннадцать. Большой церковный колоколъ

давно уже звучить мѣрными ударами. Ожидающіе то и дѣло съ замираніемъ сердца поглядываютъ на дорогу, откуда должна показаться знаменательная карета. О. Василій съ жертвенно-блѣднымъ лицомъ, нисколько не отдѣлявшимся отъ бѣлой ризы, въ которую онъ облачился, не одинъ уже часъ переминается съ ноги на ногу у входа церковнаго, ободряемый услужливымъ Александромъ Ивановичемъ, что «нечего, молъ, робѣть; все сойдетъ благополучно». Но вотъ показался по дорогѣ столбъ пыли. Всѣ приталили дыханіе. Еще мгновеніе... и взорамъ предстала скачущая въ галопъ тройка.

— Не онъ! послышалось въ толпѣ.—Ишь какъ гонить! Гдѣ ему при старости?

Дѣйствительно, это былъ «не онъ».

Черезъ нѣсколько минутъ, къ оградѣ церковной подкатилъ экипажъ, и изъ него выскочилъ исправникъ.

— Ёдетъ!—проревѣлъ онъ густымъ басомъ, поспѣшно входя въ церковь.

При вѣщемъ словѣ «ѣдетъ», о. Василій инда пошатнулся, руки его дрогнули, такъ что едва не упалъ съ блюда крестъ, приготовленный для владыки.

Съ пріѣздомъ исправника, словно изъ земли выросло нѣсколько стражниковъ, послѣдовала команда: «шапки долой! стройся!» и пестрая толпа народа поставлена была въ ряды отъ подъѣзда до самаго входа въ храмъ. Не долго прогудѣлъ еще одиноко церковный колоколъ, какъ раздался звонъ «во вся», возвѣстившій, что часъ насталъ...

Мѣрнымъ шагомъ подъѣхала къ оградѣ широкая карета. Мощныя руки исправника подхватили изъ нея тощую, жиденькую фигуру архипастыря, а становой помогъ вылѣзть на свѣтъ божій каедральному. Подъ сводами храма раздалось громогласное пѣніе могучихъ голосовъ: «Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей»... и владычная встрѣча началась. Сначала дѣло шло, какъ слѣдуетъ, порядкомъ. Но вотъ пришелъ чередъ провозглашенію многолѣтія. Должно сказать, что для «пущей» торжественности приказано было прибывшему стороннему дьякону «воздѣть регалии на рамена свои». Сей-то дьяконъ и сотворилъ курьезъ. Будучи отъ природы крѣпокъ на ухо и желая отчасти «показаться» предъ архипастыремъ, онъ началъ такимъ дикимъ голосомъ многолѣтіе, что, какъ ни жилился, прерывая духъ на каждомъ словѣ, едва дотянуль до словъ «подаждь Госп...» да вдругъ совсѣмъ оборвался и сталъ столбомъ, какъ вкопанный. Въ церкви воцарилась

могильная тишина. У всѣхъ замерло въ сердцахъ и вытянулись физиономіи. Никто не рѣшался ни приободрить дьякона, ни какъ нибудь иначе поправить дѣло, пока наконецъ владыка съ суровымъ и пасмурнымъ лицомъ не вышелъ изъ алтаря и, грубо сказавъ злополучному провозглашателю: «пошелъ прочь, негодяй», не сталъ раздавать для лобызанія свою руку толпившемуся народу.

— Ну, шепталось на вѣхъ духовенство, — жди теперь бѣды! Ишь вышло-то что, страсть! Да и то сказать: самъ-то, самъ-то безъ многолѣтія остался и паства—тоже! Вѣдь грѣхъ какой! Охъ, Господи помилуй! Спаси Господи!

Между тѣмъ, пока владыка благословлялъ народъ, каедральный протопопъ управлялся съ церковными документами. По правую сторону престола, у алтарной стѣны приготовленъ былъ особый длинный столъ, на которомъ въ порядкѣ—по мастямъ—были разложены книги не только мѣстной церкви, но и всѣхъ церквей прибывшаго на ревизію духовенства. Старческія, но привычныя руки протопопа съ удивительной быстротой шныряли по книгамъ и съ ловкостью хищника сгребали «виѣтогное», выразившееся въ болѣе или менѣе крупныхъ ассигнаціяхъ. Не успѣлъ владыка осѣнить всего народа, а юркій протопопъ уже повончилъ свое дѣло и, видимо удовлетворенный ревизіей, дарилъ привѣтливые взоры нѣкоторымъ низко кланявшимся іереямъ.

Благословлявшаго архипастыря окружили—съ одной стороны приходскій священникъ, а съ другой—благочинный. Когда уже почти всѣ удостоились прикоснуться къ владычной рукѣ, о. Василій рѣшился процѣдить сквозь зубы:—ваше п—ство, окажите архипастырскую милость посѣщеніемъ моей квартиры.

Какъ бы не обращая вниманія на просившаго, владыка, сдвинувъ брови, обратился къ благочинному:—духовенство въ сборѣ?

— Всѣ на лицо, ваше п—ство, —низко кланаясь, смиренно отвѣтилъ благочинный.

— Ну, такъ можно, веди—сказалъ архіерей батюшкѣ.

И шествіе тронулось.

Благочинный съ о. Василіемъ подхватили владыку подъ руки; за ними пошли каедральный, исправникъ и приставъ; а дальше потянулась длинная фаланга рясы и подрясниковъ. У крыльца священническаго дома ожидала владыку расфранченная матушка съ хлѣбомъ-солью. Но и тутъ не обошлось «безъ событія». Едва матушка получила благословеніе и повернулась, чтобы идти въ домъ, какъ второпяхъ за что-то зацѣпилась, да такъ-таки и растянулась на крыльцѣ: хлѣбъ повалился далеко въ сторону, блюдо—въ дру-

гую. Вышла вещь преуморительная, преобразившая и суровый видъ владыки въ невольную улыбку, такъ что онъ, вѣроятно, чтобы сгладить неловкое положеніе, снисходительно проговорилъ:— Ничего, это—къ благополучію.

Когда церемониальное шествіе скрылось въ покои, въ собравшейся на дворъ толпѣ послышались остроты.

— Робята, а робята! Ишь какъ алхирей пнулъ попадью-то—инда растянулась!

— Чаво мелешь!

— Боли мелешь! такъ-таки колѣнкой и пнулъ!—Раздался дружный взрывъ хохота.

Въ квартирѣ священника владыку ожидало особо уготованное мѣсто; рядомъ съ нимъ усѣлся кафедральный; исправникъ съ становымъ пріютились въ почтительномъ отдаленіи; еще дальше заняли мѣста приходскіе помѣщики изъ мелкихъ съ своими дамами; благочинный съ хозяиномъ, какъ и въ церкви, вытянулись въ струнку по сторонамъ архипастыря; духовенство толпилось въ прихожей. Матушка, все еще не придя въ себя отъ постигшаго ее казуса, дрожащими руками приподнесла владыкѣ чай, за которымъ и началось представленіе духовенства.

IV.

Представленіе открылось іереями, которые поочередно, отвѣшивая земные поклоны, благоговѣнно направлялись къ лобызанію руки владычной. Суровый архипастырь, прихлебывая чай, задавалъ каждому по нѣскольку казенныхъ вопросовъ въ родѣ: все-ли благополучно на приходѣ, есть-ли попечительство при церкви, ведется-ли лѣтопись и т. п. Ни одного сочувственнаго и задушевнаго слова не вырвалось у архипастыря для своихъ подчиненныхъ; напротивъ, отъ cadaго его звука, отъ каждой морщинистой складки лица такъ и вѣяло холодомъ, сухостью, безучастіемъ и равнодушіемъ. Послѣ іереевъ ту же процедуру стали продѣлывать низшіе клирики. Между другими, вотъ подходитъ къ архипастырю сгорбленный, сѣдой и почти дряхлый псаломщикъ. При взглядѣ на него, у владыки еще суровѣе сдвинулись брови. Видимо, на святителя непріятно подѣйствовало ненарядный костюмъ клирика, такъ не гармонировавшій съ владычнымъ коричневымъ атласомъ. Дѣйствительно, на немъ былъ довольно поношенный и уже засаленный подрясникъ; не лучший видъ представляла и обувь.

— Въ шинюхъ что-ли пришелъ? — привѣтствовалъ владыка старца.

Озадаченный старецъ положительно остолебенѣлъ, и только слишкомъ замѣтное трясеніе всего организма воочію свидѣтельствовало, что переживала въ данную минуту душа его.

— Не могъ, невѣжда, одѣться почище? снова возразилъ архипастырь.

Прошло мгновеніе... старческія губы затряслись сильнѣе и сильнѣе; изъ впалыхъ глазъ закапали крупныя слезы, и бѣдный псаломщикъ, задыхаясь отъ волненія, могъ только прерывающимся голосомъ проговорить: «ми...лос...тив...вѣйшій архип...пастырь, сем...ейство... десять чел...ловѣкъ... при...иходъ бѣдный... Ысть не...чего д...дѣтямъ... въ рр...уби...щѣ ходять... с...самъ... тоже... хрис...та... ра...ди про...о...ст»... Старческій голосъ прервался; жестокія спазмы сдавили горло, и согбенная безысходнымъ горемъ и нуждою фигура псаломщика лежала у ногъ владычныхъ... Видимо, эта многоговорящая сцена потрясла всѣхъ присутствующихъ; даже каедральный покраснѣлъ, что называется, до ушей: владыку же она только разсердила...

— Вставай, нечего валяться, прочь пошелъ! Вотъ былъ послѣдній привѣтъ архипастыря и отца злополучному влирику...

По удаленіи его, съ замираніемъ сердца, сотворилъ земной поклонъ возглашатель многолѣтія. Не успѣлъ еще подняться дьяконъ съ полу, какъ владыка обратился къ нему съ словами:— ты чего возлишься?

— Чувствительно благодаренъ, ваше п—ство, — низко вляняясь отвѣтилъ дьяконъ.

— Чего возлился въ церкви, дуракъ, спрашиваю тебя — повторилъ архіерей. — Если Богъ обидѣлъ голосомъ, такъ зачѣмъ орешь по козлиному? въ монастырь такихъ дураковъ посылать слѣдуетъ.

— Нензреченно доволенъ, ваше п—ство, т. е. уста мои не изглаголятъ всей благодарности, каковою преисполнено мое сердце за ваше отеческое вниманіе ко мнѣ недостойному. — И новый усердный поклонъ владыкѣ.

На лицахъ присутствующихъ показалась сдержанная улыбка.

— Что онъ — совсѣмъ дуракъ или пьянъ? — обратился архіерей къ благочинному.

— Онъ крѣпокъ на ухо, отвѣтилъ благочинный, и осмѣливаюсь доложить вашему п—ству, надо полагать, ему показалось,

что вы изволили выразить поощреніе за его служеніе, вотъ онъ и того... замаялся благочинный.

— Иди, дуракъ, да не изображай изъ себя козла на будущее время, возвысивъ голосъ, сказалъ владыка, и мимолетная улыбка озарила его мрачное лицо.

Между тѣмъ стѣнные часы батюшки-хозяина изъ сосѣдней комнаты мѣрными ударами пробили «три».

— Какъ! уже три часа?—сдѣлалъ удивленный вопросъ владыка.—Пора, давно пора въ путь!

При этихъ словахъ, Александръ Иванычъ, все время безмолвно сидѣвшій въ уголѣ, мгновенно встрепенулся и быстрыми шагами «на дыпочкахъ» пробрался изъ комнаты. По его мановенію, къ крыльцу священническаго дома подкатила шестерней архіерейская карета; за нею размѣстились экипажи для чиновнаго люда, а тамъ—и конвой. О. Василій только сталъ было собираться съ духомъ, чтобы предложить архиастырю «хлѣба-соли», съ такимъ тщаніемъ и обиліемъ приготовленной по заранѣе составленному «реестеру», какъ выражался староста, но владыка уже успѣлъ осѣнить его благословеніемъ и торопливо направился къ выходу.—Аль остановить? промелькнуло въ головѣ о. Василія. Но эта мысль сейчасъ же вытѣснилась другою:—что я? еще обругаетъ!—И дѣйствительно, послѣднее легко могло стать, тѣмъ болѣе, что владыка такъ вдругъ заторопился «въ путь», въ сосѣднее село за пять верстъ, что, съ привычною ловкостью отдѣлавшись общимъ благословеніемъ всѣхъ присутствующихъ, не обратилъ никакого даже вниманія на ожидавшую его такъ долго у крыльца въ полномъ составѣ деревенскую школу.

Да и то сказать: до школы-ли было архіерею, когда его давно уже ожидалъ въ сосѣднемъ селѣ роскошный обѣдъ у магната-помѣщика?

Архіерейскій поѣздъ тронулся, сопровождаемый двумя десятками импровизированныхъ Александромъ Иванычемъ крестьянскихъ казаковъ. Еще нѣсколько минутъ, и только густой столбъ пыли возвѣщалъ о недавнемъ присутствіи въ селѣ Троицкомъ «владыки живота и смерти» сельскаго духовенства. Но «отцы и братія» еще долго съ открытыми головами безмолвно стояли у крыльца, вперивъ неподвижный взоръ въ одну точку. Наконецъ и точка скрылась, и всѣ они, какъ бы сговорившись, дружно, въ одинъ взмахъ оградили себя крестнымъ знаменіемъ. Не беремся угадать: призывали-ль они этимъ Божіе благословеніе на благополучное

путешествіе своему святителю, или же осѣнили себя крестомъ съ другою мыслію...

Оставимъ и мы пока владыку за роскошно-сервированнымъ барскимъ столомъ, а «отцовъ и братій» — за наступившимъ « праздникомъ велиимъ ». Дѣйствительно, « велий » былъ у нихъ праздникъ, когда улицы села Троицкаго далеко за полночь оглашались еще громогласными звуками чьей-то импровизаціи:

« Какъ владыка собирався
 « Наши веси посѣтитъ,
 « Попъ, заслыша, принимался
     Грамоту зубрить!
 « Дьяконъ — самъ не свой — въ испугѣ
 « Все твердилъ символъ;
 « Чуть не лопнулъ отъ натуги,
     Страхъ такой нашель!

О. Правдинъ.

П О З Д Н О ! ..

Дышетъ нѣгой садъ тѣнистый,
Вѣетъ ароматъ
Отъ черемухи душистой
И отъ пестрыхъ градь.
Что за звуки раздаются
Тамъ, въ тѣни аллей,
Въ душу просеются и льются!
Это—соловей.
Счастья, муки страстный шопоть,—
Отчего же онъ
Превратился въ смутный ропоть,
Въ похоронный звонъ?
И кого тамъ отпѣвають,
Гдѣ онъ, тотъ мертвецъ?
Сердце чье-ли умираетъ?
Я-ли, наконецъ?..
Все, въ веселый праздникъ мая
Оживая вновь,
Все дарить, благоухая,
Вѣру и любовь!

Въ бурю злую, подъ грозою,
Въ непроглядный мракъ
Порѣшилъ, махнувъ рукою,
Я великій шагъ,—

И, какъ глупую химеру,
Жалкій, дѣтскій бредъ,
Схоронилъ любовь и вѣру
Пылькихъ юныхъ лѣтъ.
Хоронилъ и озирался,
Притаивъ испугъ,
Какъ-бы свѣтъ не засмѣялся,
Не увидѣлъ вдругъ...
Дѣло сдѣлано: глубоко
Кладъ зарыть святой,
И пошелъ я одиноко
Трудовой стезей.

И теперь, въ пиру весеннемъ,
Словно гость чужой,
Полонъ холодомъ осеннимъ
Я пониъ главой.
Пролетаютъ вереницы,
Пережитыхъ лѣтъ,
Шлютъ забытыя страницы
Презній свой привѣтъ...
Поздно, поздно! сгибли силы,
Ихъ не обрѣсти,
И хоть ройся до могилы, —
Клада не найти!
Руки слабы, шагъ невѣренъ,
Нѣтъ огня въ крови...
Поздно! самый слѣдъ потерянъ
Къ вѣрѣ и любви!

Ф. Андреевъ.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ.

(БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни одному романисту не посчастливилось такъ, какъ Золя, въ нашей журнальной и газетной критикѣ. Но это слово «посчастливилось» приходится употреблять здѣсь въ двоякомъ смыслѣ. Онъ сдѣлался въ нѣсколько лѣтъ чрезвычайно популярнымъ у насъ. Прежде чѣмъ стали о немъ высказываться русскіе рецензенты и литературные репортеры, большая публика встрѣчала съ живѣйшимъ интересомъ каждый новый романъ его. Но съ нѣкоторыхъ поръ (уже не менѣе трехъ—четырехъ лѣтъ) въ журнальной и газетной прессѣ стали его походя задѣвать. Сначала раздавались возгласы разныхъ литературныхъ старичковъ, всякихъ ненавистниковъ новаго творчества, а потомъ и среди либераловъ, и среди радикаловъ все чаще и чаще проскакивали выходки раздраженнаго чувства, обвиненія и приговоры во имя морали, общественныхъ и художественныхъ идеаловъ. Два романа всего болѣе волновали и публику, и прессу:—*Assommoir* и *Nana*. По поводу *Assommoir*'а у насъ Золя стали обвинять почти совершенно такъ, какъ и въ Парижѣ—извѣстная доля демократической печати: будто бы онъ оклеветалъ рабочій классъ и выказалъ свое злобное и презрительное отношеніе къ парижскому народу. Русская критика, даже и болѣе сочувственная къ Золя, не хотѣла объяснить причинъ огромнаго интереса, съ какимъ читался у насъ этотъ романъ. Она не желала также показать: до какой степени Золя ушелъ дальше всѣхъ бытовыхъ романистовъ, занимавшихся рабочимъ людомъ,

какой громадный матеріалъ сумѣлъ онъ уложить въ рамки беллетристическаго произведенія, сколько смѣлости и новизны приѣмовъ потрачено имъ на обработку этого матеріала, сколько правды въ колоритѣ и тонѣ. Что же мудренаго послѣ того, что такая вещь, какъ «Нана», вызвала цѣлый ассортиментъ рѣзкихъ выходовъ, гдѣ звучала брезгливость, не руководимая болѣе широкимъ художественнымъ чувствомъ и болѣе глубокой пониманія.

Критическія статьи Золя, —рядъ его исповѣданій вѣры, появлявшихся въ русскомъ журналѣ, —усилили то недоразумѣніе, какое до сихъ поръ раздѣляетъ критику, недружелюбную къ Золя и массу публики, любящей его романы. Золя, конечно, болѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ задѣвалъ и авторитетныя имена, и господствующія направленія въ литературѣ. Повторяя почти одно и то же во множествѣ статей и этюдовъ, съ упорствомъ отстаивая свои взгляды и приговоры, онъ составилъ себѣ имя челоѣка, черезчуръ преисполненнаго сознаниемъ своей непогрѣшимости, слишкомъ открыто и безперемонно предающагося культу собственной личности. Такой взглядъ на него сложился и въ Парижѣ и у насъ, и все болѣе и болѣе мѣшаетъ правдивому и цѣльному отношенію къ этому крупнѣйшему творческому организму, созданному нашей эпохой.

Много повредилъ себѣ Золя и тѣмъ, что далъ поводъ кричать объ его неуѣренномъ желаніи сдѣлаться главою школы. Пешловатыя газеты, распространенныя на бульварѣ, подцѣпили это и раздули въ цѣлое преступленіе. Мнѣ уже представлялся случай говорить въ печати о томъ, что такое школа Золя, на кого можно смотрѣть, какъ на его ближайшихъ послѣдователей, и дѣйствительно-ли онъ старался создать свою собственную литературную церковь и сдѣлаться главнымъ жрецомъ ея. Повторю здѣсь, что всѣ молодые беллетристы, получившіе клички «волаистовъ», или «меданцевъ» (отъ слова Médan, мѣстность, гдѣ стоитъ дача Золя) сами пришли къ нему, добровольно признали авторитетъ его таланта, находятся съ нимъ въ отношеніяхъ младшихъ товарищей, смотрятъ на него достаточно смѣло и безпристрастно и сохраняютъ каждый свою литературную самобытность. Золя дѣйствительно

любить этих молодых людей, всячески их поддерживают и в последние два, три года слишком часто говорили о них в печати. Это скорее вредило, чем помогало имъ. Такая натура, какъ Золя, непременно должна преувеличивать нѣсколько достоинства и таланты своихъ друзей и послѣдователей. И не потому, чтобы энтузіазмъ преобладалъ въ немъ, а потому, что онъ туго сближается съ людьми и живетъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, на которомъ и сосредоточиваетъ свои симпатіи.

Доказательствомъ того, что послѣдователи Золя, изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, не теряютъ способности честнаго отношенія къ нему, можетъ служить книжка, вышедшая въ началѣ этого года. Авторъ ея, Поль Алекси, одинъ изъ золяистовъ, землякъ Золя, стоящій къ нему всего ближе, но по таланту далеко не первый въ этой группѣ. Книжка, озаглавленная «*Emile Zola — дружескія замѣтки*», конечно, преисполнена самой сильной симпатіи къ знаменитому романисту и преклоненіемъ передъ его творческой силой и значеніемъ въ исторіи романа, но она даетъ самый лучшій отвѣтъ на все то, что въ послѣдніе годы раздавалось и во Франціи и у насъ задорнаго, непродуманнаго и явно лживаго объ авторѣ «Ругоновъ». Врядъ ли даже во французской литературѣ появлялся такой обстоятельный критико-біографическій этюдъ про какого нибудь извѣстнаго автора въ то время, когда онъ еще въ полномъ разцвѣтѣ своихъ силъ. Это опять повредитъ Золя. Навѣрно говорили и будутъ говорить, что книжка Поля Алекси есть переодѣтая реклама, заказанная учителемъ ученику. Но жизнь Золя, — въ сущности небогатая происшествіями, прошедшая безъ всякаго внѣшняго блеска, очень долго была подъ гнетомъ безвѣстнаго труда, — и не въ однихъ его ученикахъ и пріятеляхъ вызвала уже живѣйшее сочувствіе, яркій умственный интересъ. Иностранные критики и корреспонденты являлись къ Золя и выспрашивали его о подробностяхъ его творческой работы. Не говоря уже о восторженномъ поклонникѣ Золя, — даровитомъ итальянскомъ писателѣ Эдмондо де-Амичисъ, который раньше Поля Алекси рассказалъ про свое знакомство съ Золя и про то, какъ онъ работаетъ — и въ нѣмецкихъ литературныхъ журналахъ и газетахъ

появилось нѣсколько такихъ же подробныхъ и сочувственныхъ характеристикъ. Этотъ неутомимый и упорный работникъ возбуждаетъ особое любопытство. Всѣмъ хочется знать, какъ дошелъ онъ до теперешняго своего искусства и умѣнья такъ непрерывно и настойчиво выполнять свою обширнѣйшую творческую программу. Я лично убѣдился въ томъ, какъ живо публика отнеслась къ автобіографическому письму, которое я получилъ, еще въ 1876 году, отъ Золя и сообщилъ на моихъ публичныхъ лекціяхъ о французскихъ реалистахъ, напечатанныхъ въ «Отеч. Запискахъ».

Найдутся, конечно, люди, фарисейски проповѣдующіе литературскую скромность. Они скажутъ, пожалуй, что Золя самъ долженъ былъ воздержать своего пріятеля и послѣдователя отъ составленія цѣлой книжки о себѣ. Быть можетъ, другой такъ бы и поступилъ; безъ всякой придирчивости позволительно замѣтить, что Золя вовсе не образецъ скромности. Но для насъ важно не то, въ какой степени онъ безупреченъ, а то: какъ въ этой личности ярко сказались типичныя черты эпохи. Намъ занимателенъ весь умственный складъ этого необыкновеннаго литературнаго работника. Онъ показалъ на дѣлѣ, чего можетъ достигнуть талантъ, съ поддержкой крупнаго и систематическаго ума, и съ глубокой любовью къ своему труду, къ задачѣ искусства, къ званію писателя. Не мудрено, что такой человекъ, добившись наконецъ всеобщаго признанія своихъ силъ и вида, что все-таки устарѣлыя идеи и вкусы романтизма еще не сланы въ архивъ, не могъ долгое время отказаться отъ воинственнаго тона, долженъ былъ часто говорить о своей борьбѣ, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поднять творчество и науку, передъ которой онъ преклоняется, на ту высоту, куда не допускаетъ ихъ ежедневная общественная и политическая суета. Вотъ это-то ярко-развитое самосознаніе художника и творца, въ связи съ развитымъ въ Золя уваженіемъ ко всякому толковому и реальному дѣлу, къ точному знанію, къ трезвости и положительности, и заставляло его смѣло и даже дерзко выступать противъ ходячихъ политическихъ фразъ и общихъ мѣстъ. Его возмущаетъ постоянная «игра въ политику», не основанная на ясныхъ и трезвыхъ понятіяхъ. Не мудрено, что онъ

олил себя воскликнуть: «республика должна сдѣлаться на-
 листической!» Во всѣхъ этихъ рѣзкостяхъ и смѣлостяхъ мы
 емъ пролетарія XIX-го вѣка, избравшаго своей областью ум-
 ный трудъ. Онъ самъ пробилъ себя дорогу и уже навложилъ
 своей личности на цѣлую полосу литературнаго движенія.
 Въ умѣстнѣе является теперь подробное изображеніе внутрен-
 жизни этого необыкновеннаго работника, что онъ покончилъ
 съ тревожнымъ, воинствующимъ періодомъ своей дѣятельности.
 рь Золя желаетъ предаться исключительно художественному
 цеству, въ тишинѣ и самообладаніи докончить свою двадцати-
 ю «Естественную и социальную исторію одного семейства».
 что ему хотѣлось высказать, какъ критику, онъ ужъ вы-
 алъ. Ему не нужна новая критическая кампанія. Цѣлый годъ
 овалъ онъ и о разныхъ общественныхъ вопросахъ съ миллион-
 бульварной публикой въ газетѣ «Фигаро», чего бы могъ и
 ѣлать, еслибъ былъ менѣе увѣренъ въ томъ, что репутація
 гы не можетъ ему повредить. Жизнь его пойдетъ по тому же
 у. Пока достанетъ силъ, этотъ работникъ не положитъ пера.
 голова устроена на половину для художественныхъ образовъ,
 оловину для научныхъ обобщеній и классификацій. Есть и
 одна сторона, которая до сихъ поръ скрывалась за безцере-
 ымъ и крутымъ реализмомъ его жизненныхъ изображеній. Въ
 все сильнѣе и сильнѣе выступаетъ моралистъ. И надо
 ть, чтобы моралистъ никогда не мѣшалъ художнику, взяв-
 своимъ идеаломъ научную правду.

П. Боборыкинъ.

I.

Происхождение Золя.

Старого апрѣля 1840 г. въ самомъ центрѣ Парижа, въ двухъ ша-
 отъ бульваровъ, биржи и рынка, въ узенькой улицѣ Сень-Жозефъ
 ся Эмиль Золя отъ матери-француженки и отца-итальянца.
 рамилія Золя извѣстна въ Венеціи уже съ прошлаго столѣтія. Одинъ

изъ Золя былъ женатъ на дѣвушкѣ съ острова Корфу. Отъ этого брака родился, въ 1796 г., Франсуа Золя, — отецъ французскаго романиста.

Франсуа Золя было 8 лѣтъ, когда Наполеонъ I-й сталъ императоромъ. Еще очень молодымъ, онъ поступилъ въ артиллерію и въ 1813 году дрался въ войскахъ принца Евгенія, въ званіи офицера. Но послѣ паденія Наполеона, Венеція подпала подъ австрійское владычество Золя вышелъ въ отставку и сталъ инженеромъ. Онъ много писалъ по своей специальности и, между прочимъ, его книга *Trattato di navigazione* не доставила ему званіе члена падуанской академіи и мѣдалъ отъ короля голландскаго. Австрійское владычество все тяжелѣе и тяжелѣе отзывалось на Венеціи. Послѣ долгихъ колебаній, бывший офицеръ принца Евгенія рѣшилъ эмигрировать. Тутъ для Золя — отъ начинаются долгіе годы странствованій по Европѣ. Онъ строитъ одну изъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, затѣмъ ѣдетъ въ Голландію, оттуда въ Англію. Наконецъ, въ 1830 г., онъ появляется въ Франціи, гдѣ и живетъ до самой смерти.

Франсуа Золя высадился въ Марсельѣ. Этотъ шумный, веселый и блестящій городъ сразу привлекъ къ себѣ венеціанца, не могшаго акклиматизироваться ни среди вѣчной мглы Голландіи, ни въ скучныхъ лондонскихъ туманахъ. Здѣсь онъ сразу окунулся въ атмосферу дѣловыхъ интересовъ торговли, промышленности и широкихъ замысловъ, гдѣ онъ могъ приложить и свои силы. Онъ рѣшился поселиться здѣсь и открылъ кабинетъ гражданскаго инженера. Но такая дѣятельность не надолго удовлетворила Франсуа Золя. Ему тогда стукнуло сорокъ лѣтъ, — возрастъ, когда хочется отдаться какому нибудь большому дѣлу. Франсуа Золя захотѣлось послужить чѣмъ нибудь на пользу странѣ и увѣковѣчить свое имя. Марсель живетъ только моремъ, своей морской торговлей, а между тѣмъ его портъ давно былъ признанъ неудовлетворительнымъ. Послѣ тщательныхъ изысканій и изученія мѣстности, послѣ долгихъ размышленій, Золя выработалъ проэктъ новаго порта. Но этотъ проэктъ, не смотря на всѣ хлопоты, на поѣздку въ Парижъ, — не былъ принятъ. Франсуа Золя не унывалъ. Онъ сталъ искать внѣ Марселя приложенія своимъ знаніямъ и силамъ. Въ тридцати километрахъ отъ Марселя лежитъ городъ Эксъ, прежняя столица Прованса. Золя частъ приходилось ѣздить въ этотъ провансальскій Версаль. Онъ замѣтилъ, что на лѣто всѣ его фонтаны пересыхаютъ. Городъ бѣдствуетъ безъ воды, и нѣтъ настолько средствъ, какъ напр. у Марселя, чтобы пере

ить течение сосѣдней рѣки. Золя задумалъ провести сюда воду. Онъ знаетъ часто ѣздить въ Эксъ, изучаетъ окрестности и, наконецъ, нагнать котловину, въ которую стекаютъ воды послѣ дождя. Франсуа рѣшилъ запрудить эту котловину и провести изъ нея въ городъ каналъ.

Съ этого времени, съ 1837 г. Ф. Золя весь отдается своему новому проекту. Ему пришлось отыскивать средства, образовывать цѣлое общество, подчиняться мѣстнымъ властямъ, преодолевать всевозможныя препятствія и ѣздить нѣсколько разъ въ Парижъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ, въ 1839 г., онъ женился на очень красивой, но бѣднѣйшей дѣвушкѣ, девятнадцати лѣтъ, родомъ изъ Дурдана. Франсуа Золя любилъ ее, влюбился и забылъ на нѣкоторое время свой проектъ. Но онъ отдался ему еще съ большей энергійей. Онъ познакомился съ маркизомъ и получилъ его протекцію. Но «королевскій декретъ», котораго Золя добивался такою настойчивостью, былъ ему данъ только въ 1846 г., т. е. ровно черезъ десять лѣтъ неустанныхъ хлопотъ. Вся жизнь Золя переѣхала въ Эксъ, и Франсуа Золя могъ приступить къ работѣ, такъ давно задуманной имъ. Ему тогда было только пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ совершенно бодръ и здоровъ. Еще немного лѣтъ, и его мечта—увѣковѣчить свое имя въ странѣ и обезпечить семью. И вдругъ—случайная простуда, плевропневмония и смерть. Черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ Франсуа Золя умеръ, существовалъ, держа за руку сына, при закладкѣ работъ, онъ умеръ въ одной изъ гостинницъ Марселя, куда пріѣхалъ по дѣлу на два дня. Эмиль Золя описалъ смерть отца въ Page d'atout, когда онъ въ Гранжанѣ рассказываетъ о смерти мужа въ гостинницѣ незнакомаго города, среди неразобранныхъ сундуковъ, равнодушныхъ лицъ и въ отдельной суетолюки.

Тѣло Франсуа Золя было перевезено въ Эксъ и похоронено на городскомъ кладбищѣ. Уже гораздо позже, въ благодарностъ къ его заслугамъ, въ Эксѣ назвали одинъ изъ своихъ бульваровъ «бульваромъ Франсуа Золя». Инженеръ оставилъ послѣ себя молодую вдову и маленькаго сына. Его наследство заключалось въ проектъ и начатыя работы. Каналъ, который онъ окончилъ не такъ, какъ его задумалъ Франсуа Золя—его проектъ исполнили и расширили. Но благодарное эксское населеніе и до сихъ поръ чтитъ его «каналомъ Золя».

II.

ДѢТСТВО.

Когда отецъ умеръ, Эмилю Золя было только семь лѣтъ. У матери на рукахъ осталось громадное дѣло, отъ котораго зависѣла не только обезпеченность, но и существованіе цѣлой семьи. Съ первыхъ же лѣтъ пришлось очень бѣдствовать. Понадобилось продать все лишнее въ домѣ и переѣхать на болѣе скромную квартиру. Родители г-жи Золя жили вмѣстѣ съ нею и вначалѣ помогали ей, чѣмъ могли. Но процессъ требовалъ большихъ издержекъ, и семьѣ бывшего инженера угрожала нищета.

Среди всего этого, только маленькому Эмилю жилось прекрасно. Мать въ немъ души не чаяла; бабушка баловала какъ могла. Ему была дана полная свобода и въ восемь лѣтъ онъ не зналъ даже азбуки. Его опредѣлили въ пансіонъ Изаара, существующій и до сихъ поръ въ Эксѣ. Въ пансіонѣ Эмиль пользуется такой же свободой, какъ дома: бѣгаетъ въ саду, лазить по деревьямъ, уходитъ гулять. И здѣсь примѣняется та же система воспитанія: «не надо противорѣчать ему». Золя остается въ пансіонѣ до двѣнадцати лѣтъ.

Объединенная семья должна была переѣхать за городъ, гдѣ жить дешевле. Тутъ-то Эмиль и проникся любовью къ природѣ, составляющей всегда поэтическую сторону его реалистическихъ произведеній. Въ пансіонѣ у него было два друга: Соляри и Маріусъ Ру. Соляри сдѣлался впоследствии скульпторомъ, а Маріусъ Ру романистомъ и редакторомъ «*P e t i t J o u r n a l*».

Въ 1852 году Золя оставляетъ пансіонъ и поступаетъ въ мѣстный коллежъ. Сначала онъ учится плохо, но, понявъ, что средства семьи съ каждымъ днемъ уменьшаются, что ему придется самому пробивать себѣ дорогу, онъ становится лучшимъ ученикомъ и переходитъ изъ восьмаго класса прямо въ шестой. Уже въ коллежѣ изъ него выработался тотъ добросовѣстный работникъ, какимъ онъ остается и до сихъ поръ. Те перь, когда романы Золя увлекаютъ весь міръ, когда его слава гремитъ,—онъ пишетъ такъ же методично и аккуратно, какъ прежде. Онъ и зимой и лѣтомъ встаетъ въ одинъ и тотъ же часъ, ѣстъ одно яйцо и садится за работу въ широкое кресло Louis XIII. На столѣ все тщательно прибрано: чернилица, бюваръ, перья, бумага—на своемъ мѣстѣ. Золя прежде всего «дѣлаетъ туалетъ своего пера», т. е. счищаетъ съ

насохшія чернила и принимается писать, часто съ половины начаразы, не пересчитывая того, что было написано накануне, какъ гь почти всѣ. И онъ не встанетъ съ мѣста, пока не напишетъ что положилъ себѣ писать каждый день: четыре страницы обыкновенной писчей бумаги, строчекъ въ тридцать страница, безъ полей. гь онъ сжато, четко и почти безъ помарокъ. Только по четыреицы, но зато каждый день, каждый день. Это та же капля, вающая въ концѣ концовъ камень. Изъ страницъ образуются главы, главъ томы, изъ томовъ вырастаетъ громадное произведеніе, какъ скій дубъ, которому суждено высоко подняться въ лѣсу человѣкъ произведеній. А авторъ остается тѣмъ же добросовѣстнымъ труомъ, какимъ былъ и въ эскомъ коллежѣ, и мечтаетъ часто о томъ, какъ онъ подпишетъ «конецъ» въ послѣднемъ романѣ ны-Маккаръ».

ля началъ писать уже въ коллежѣ. Онъ сочинилъ большой исторій романъ время крестовыхъ походовъ, нѣсколько стихотвореній, едію въ 3-хъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: «Enfoncé le rion». гь написанъ чуть ли не въ восьмомъ классѣ. Золя сохранилъ ругь, потому что имѣетъ привычку сохранять каждую бумажку: заи, наброски, прежнія статьи, дѣловыя письма, простыя записки. или подшучиваютъ надъ нимъ, что онъ съ сожалѣніемъ рветъ отъ прачки. Рукопись своего перваго романа онъ и самъ не моубразобратъ, такъ она непонятно написана. Стихи онъ началъ пиже гораздо позже, въ четвертомъ классѣ, и продолжалъ ихъ въмъ и второмъ, когда самъ увлекался поэтами.

робода, положенная въ основу воспитанія Золя, росла съ каждымъ. Въ коллежѣ онъ выбираетъ себѣ двухъ друзей и создаетъ своюю жизнь. Бѣдность семьи не касается его. Онъ богатъ стремлеи, чувствомъ и воображеніемъ. Началась пора лихорадочнаго иагнаго чтенія. Друзья Золя—Сезаннъ и Балль—доставали книги, пели другъ другу свои впечатлѣнія, спорили. Читали по ббльшей поэтовъ; романовъ не любили, съ Бальзакомъ еще совѣмъ не знакомы. Потомъ всѣ трое сами начали писать стихи, но не на. Впослѣдствіи Сезаннъ сталъ художникомъ — эмпрессионистомъ, — профессоромъ политехнической школы, а Эмиль Золя—Эмилиемъ

инимъ изъ самыхъ любимыхъ воспоминаній Золя остается и до сихъ его юность въ компаніи этихъ двухъ друзей. Женскаго общества

они совѣмъ не знали; въ кафе не ходили; на общество Экса смотрѣли немного свысока и нигдѣ не бывали, кромѣ одного своего товарища Маргери, пустившаго себѣ, позднѣе, пулю въ лобъ. Золя подружилась съ Маргери любовью къ музыкѣ. Авторъ Assoloin'a игралъ когда-то на кларнетѣ и даже разъ участвовалъ, какъ исполнитель, въ какой-то процессіи.

Въ театръ ходили довольно часто. Золя видѣлъ восемнадцать разъ «Бѣлую Даму» и тридцать шесть разъ «Нельскую башню». Но самымъ большимъ праздникомъ для троихъ друзей былъ не театръ, не музыка, не игра, не женщины, — а природа. Они пользовались каждымъ свободнымъ днемъ и уходили за городъ, въ лѣсъ, на охоту или на рыбную ловлю. Съ вечера приготовить провизію, уложить въ корзины, заберутъ книгъ и на разсвѣтѣ уже отправляются въ путь. Къ десяти часамъ утра, какъ только солнце начнетъ припекать, они дѣлаютъ первый привалъ, гдѣ нибудь въ тѣни, подъ большимъ деревомъ. Балла раскладываетъ огонь, Золя готовитъ завтракъ, Сезаннъ приправляетъ салатъ. Послѣ отдыха, они расходятся въ разныя стороны на охоту и ничего не убивъ, собираются всѣ вмѣстѣ, складываютъ ружья и начинаютъ читать. Сначала любимцемъ ихъ былъ Викторъ Гюго; потомъ Мюссе. Онъ-то и влилъ въ Золя такую любовь къ жизни. Вечеромъ три друга возвращаются домой, разсуждая о прочитанномъ, порою споря иногда декламируя стихи, при свѣтѣ звѣздъ.

Разъ они рѣшились провести всю ночь въ лѣсу. Нашли пещеру между двумя скалами, натаскали туда травы и моху, сдѣлали себѣ постели и улеглись. Вдругъ погода испортилась, поднялся вѣтеръ. Надъ ихъ головами начали кружиться летучія мыши. Они не выдержали и убѣжали изъ пещеры, устроивъ себѣ изъ ночлега красивое зрѣлище: они загляли приготовленныя постели и смотрѣли, какъ метались летучія мыши съ криками и завываніями шекспировскихъ колдуній.

Такой беззаботной жизни скоро пришелъ конецъ. Средства семьи Золя все уменьшались и уменьшались. Пришлось продать мебель; перемѣнить квартиру. Въ 1857 г. они перешли въ крошечную квартиру изъ двухъ комнатъ. Скоро умерла бабушка; наступила настоящая бѣдность. Все, что можно было продать — продано; кругомъ всѣмъ задолжали, и процессъ, — единственная надежда семьи, — остановленъ за недостаткомъ средствъ вести его. Золя уже перешелъ во второй классъ когда мать его внезапно уѣхала въ Парижъ, хлопотать насчетъ процесса у бывшихъ покровителей мужа. Черезъ нѣсколько времени Эмиль

чилъ письмо отъ матери: — продать послѣднія вещи и ѣхать сейчасъ въ Парижъ.

Золя распростился со своими товарищами, съ дорогими ему уголами Прованса, и безъ денегъ, безъ надежды на будущее, пустился въ

III.

Конецъ ученья въ Парижѣ.

Въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ 1858 г. Эмиль Золя явился въ Парижъ. Ему было тогда восемнадцать лѣтъ.

Мать уже раньше похлопотала за него, и Эмиль сейчасъ-же поступилъ въ лицей св. Людовика. Послѣ живыхъ, бойкихъ южанъ, товарищей по коллежу въ Эксѣ, — здѣсь его поразила необыкновенная сдержанность и холодность парижскихъ мальчиковъ. Золя былъ старше ихъ, и стѣснялся своего южного выговора. Онъ сталъ жить особнякомъ, вспоминая постоянно свое свободное дѣтство, старыхъ друзей и свой Провансъ. Въ Эксѣ онъ былъ изъ первыхъ учениковъ, — здѣсь же двадцатымъ и только во французскихъ сочиненіяхъ всегда считался первымъ. Разъ была дана тема: «Слѣпой Мильтонъ диктуетъ своей старшей дочери, въ то время, какъ она играетъ на арфѣ». Профессоръ Левассёръ, членъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, пришелъ въ такой восторгъ отъ сочиненія Золя, что, прочитавъ его въ слухъ всему классу, естественно предсказалъ молодому лицеисту громкую будущность.

Мало занимаясь уроками, Золя все свободное время отдаетъ чтенію: Мюссе, Рабле и Монтань замѣняютъ ему профессоровъ. Они научили его любить поэзію и хорошую прозу. Золя продолжаетъ дѣлиться атаками съ Сезанномъ и Баллемъ. Онъ пишетъ имъ длиннѣйшія письма, гдѣ рассказываетъ про скучную жизнь въ лицей, о томъ, что онъ пробуетъ писать. Въ этихъ письмахъ найдешь стихи, прозу, дѣтскіе порывы и проблески таланта, скрытыя слезы и надежды на будущее. Въ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ чисто философскаго характера уже проглядываетъ будущій мыслитель и критикъ.

По окончаніи учебнаго года, мать отпустила Эмиля на лѣто въ Эксъ. Тамъ онъ возобновилъ старую дружбу съ Сезанномъ и Баллемъ, а вмѣстѣ съ нею возобновились и прогулки, и охота, и чтеніе вслухъ, и игры. Золя остался въ восторгѣ отъ проведеннаго лѣта. Вернувшись въ

Парижъ, онъ сейчасъ же серьезно заболѣлъ. Это не могло не отразиться на его занятіяхъ. Весь послѣдній годъ въ лицѣ онъ учился такъ же плохо, какъ и раньше; опять очень много читалъ, писалъ, а уроками почти не занимался. Но пришелъ конецъ курса. Ему было уже девятнадцать лѣтъ. Желаніе поскорѣе стать на ноги и имѣть возможность помогать матери—побудило его держать сейчасъ же экзаменъ на бакалавра. Письменное испытаніе сошло отлично:—Золя записали вторымъ. Физика, химія, естественная исторія—очень хорошо. Математика, алгебра и тригонометрія—хорошо. Остался только экзаменъ литературы, и Золя послалъ одного изъ своихъ товарищей къ матери обрадовать ее своими успѣхами.

— Скажите мнѣ годъ смерти Карла Великаго? обратился къ Золя экзаменаторъ.

Золя смутился, помолчалъ и наконецъ пробормоталъ что-то. Онъ ошибся на цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ! Объясненіе одной изъ басенъ Лафонтэна окончательно сгубило Золя. Профессоръ и слушать не хотѣлъ его романтическихъ взглядовъ на Лафонтэна и прямо перешелъ къ нѣмецкому языку. Эмиль не сумѣлъ прочесть двухъ фразъ. Экзаменъ кончился. Золя поставили нуль и, не смотря на ходатайство остальныхъ профессоровъ, ему не дали званія бакалавра.

На лѣто Золя опять отправился въ Провансъ. Тѣ-же постоянныя прогулки по деревнямъ, то же чтеніе, тѣ же разговоры. Послѣ ваканцій, Золя захотѣлось попытаться еще разъ достать завѣтный дипломъ. Онъ поѣхалъ въ Марсель, но провалился на первомъ же письменномъ испытаніи. Это было въ ноябрѣ 1859 года. Эмиль Золя вернулся въ Парижъ, гдѣ ему пришлось прямо столкнуться съ суровой дѣйствительностью.

IV.

Первая борьба съ жизнью.

Передъ Золя сейчасъ-же всталъ грозный вопросъ: «чѣмъ жить?» Надо было ѣсть, пить, одѣваться. Послѣ многихъ стараній, онъ досталъ черезъ г. Лабо, выхлопотавшаго для него стипендію въ лицѣ, мѣсто надсмотрщика на докахъ. Онъ получалъ шестьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ жалованья и не могъ рассчитывать на прибавку. Черезъ два мѣсяца онъ бросилъ это мѣсто и цѣлыхъ два года велъ цыганскую жизнь, безъ всякихъ средствъ, безъ положенія, безъ работы. Тутъ ему при-

хотѣлъ испытать всевозможныя лишенія:—онъ не доѣдалъ, не досыпалъ, сидѣлъ въ своей холодной квартирѣ, заложилъ все, что только могъ записать. Но онъ и до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаетъ эти годы, полныя лишеній, но зато богатые свѣтлыми надеждами. Онъ тогда писалъ стихи, только стихи. Писалъ письма своимъ товарищамъ—иногда на десяткахъ страницъ, гдѣ онъ высказывалъ всѣ свои мысли и мечты. О литературѣ, какъ о профессіи, онъ не смѣлъ и думать. Увидѣвъ свое имя на оберткѣ книги, выставленной въ оконѣ книжнаго магазина, ему казалось такъ же несбыточнымъ, какъ жениться на какой-нибудь сказочной царевнѣ. Но онъ уже страстно любилъ литературу. Только ею и жилъ онъ. Золя нигдѣ не бывалъ, ни съ кѣмъ не знакомился, не тратилъ ни одного су на удовольствіе. Единственнымъ и единственнымъ наслажденіемъ для него было читать у букинистовъ, на набережной, все, что попадалось подъ руку. Онъ цѣлыми днями простаивалъ, въ своемъ истертомъ зеленоватомъ пальто, не смотря на холодъ и вѣтеръ, въ этой даровой читальнѣ подъ открытымъ небомъ.

Какъ часто, въ минуты полного удовлетворенія, Золя возвращается въ воспоминанія къ этому времени. Онъ какъ-то говорилъ Полю Алекси: «меня не было денегъ, я не зналъ, что будетъ со мною, а все-таки было хорошо! Молодость!... Первые литературныя увлеченія! Беззаботность!... Когда я возвращался домой, начитавшись вдоволь на набережной или дома прогулявшись, я съѣдалъ яблоко и садился работать. Я сочинялъ стихи, писалъ мои первыя сказки... Я былъ счастливъ. О дровахъ не было и думать,—они стоили слишкомъ дорого. Только по праздникамъ я позволялъ себѣ купить немного табаку и свѣчку въ три су. Это была роскошь: она давала возможность цѣлую ночь заниматься литературой»...

Теперь Золя не работаетъ по ночамъ. Теперь онъ и не пишетъ стиховъ. Теперь у него всегда есть запасъ хорошихъ сигаръ, но только для гостей:—самому Золя курить запрещено.

Въ октябрѣ 1860 г. въ Парижъ пріѣхалъ Сезаннъ. Золя поселился съ нимъ вдвоемъ, въ маленькой пристройкѣ надъ шестымъ этажемъ. Передъ ихъ комнатою была терраса, откуда весь Парижъ былъ какъ на ладони. Часто Золя показывалъ на него Сезанну, говоря, что надо завести его. Въ этой комнатѣ написана одна изъ первыхъ сказокъ Золя, *Le carnet de danse*, и *Raolo*, большая поэма, подражаніе Мюссе. За годъ передъ этимъ, въ Эксѣ, Золя написалъ свою первую поэму *Rodolpho*.

Въ 1861 г. онъ переѣхалъ на другую квартиру, еще хуже первой. Это былъ просто бельведеръ, нѣчто въ родѣ клѣтки, поставленной на крышѣ. Говорили, что здѣсь когда-то жилъ Бернарденъ-де-Семъ-Пьерръ. Въ этой клѣткѣ Золя написалъ еще поэму: *L'aérienne*. Тутъ у него даже не было печки. Бывало, будущій авторъ *Assommoir*'а, ежасно отъ холода, съ красными руками и носомъ, навалитъ на себя все, что у него есть, и, не вставая съ постели, пишетъ карандашемъ стихи. На дворѣ холодъ, снѣгъ, вѣтеръ. Съ этой квартиры пришлось опять перебраться. Золя попалъ въ меблированныя комнаты, занимаемыя болѣею частью студентами. Чего только не наслушался онъ черезъ тонкія стѣнки номеровъ! Здѣсь ему жилось хуже всего. Питался онъ хлѣбомъ и сыромъ, иногда однимъ только хлѣбомъ. Порой и его не было! Почти все платье уже было заложено; зачастую приходилось сидѣть дома, закутаннымъ въ одѣяло. Онъ называлъ это: «представлять араба». Разъ онъ обѣгалъ весь кварталъ и не могъ нигдѣ занять денегъ на обѣдъ. Онъ, въ отчаяніи, снялъ послѣднее пальто и вернулся домой въ одной рубашкѣ, при нѣсколькихъ градусахъ мороза.

И не смотря на все это, самъ Золя говоритъ, что у него не было болѣе счастливаго времени въ жизни. Физическая пища была плоха, зато умственной было вдоволь. Онъ ясно созналъ, что неспособенъ ни къ какой другой карьерѣ, кромѣ литературной, и весь отдался этой, такъ страстно любимой имъ, литературѣ. Онъ собралъ свои три поэмы подъ одно общее названіе *L'athougeuse comédie*. Первая изъ нихъ—*Rodolpho*—представляла какъ бы адъ, адъ любви! Вторая—*L'aérienne*—чистилице, и *Raolo*—небо. Надо было найти издателя. Но застычивый Золя не рѣшился искать его и отложилъ «Любовную комедію» въ ящикъ, а самъ занялся новой трилогіей, гораздо шире задуманной. Въ *La Genèse* должны были входить три поэмы научнаго и философскаго характера. Въ первой онъ хотѣлъ описать «Происхожденіе міра» по послѣднимъ выводамъ современной науки; во второй «Человѣчество»—всеобщую исторію до нашихъ временъ—и, наконецъ, въ третьей воспѣть человѣка, высоко поднявшагося надо всѣми существующимъ, «человѣка будущаго», человѣка, ставшаго Богомъ. Но Золя не выполнилъ этихъ широкихъ замысловъ:—онъ остановился на первыхъ восьми строчкахъ. На такую работу надо было положить всю жизнь.

Въ концѣ этого ужаснаго для Золя 1861-го года, онъ, по рекомендацію Будэ, получаетъ мѣсто въ книжномъ магазинѣ Гашетта, на

Франковъ въ мѣсяцъ. Въ первое время, вся его обязанность состояла въ связываніи пакетовъ, потомъ уже онъ получалъ повышеніе. Во всякомъ случаѣ, существованіе его было обезпечено. Золя былъ спасенъ. Но въ слишкомъ правильной и нормальной жизни есть свои неудобства. Золя почувствовалъ, что онъ не свободенъ, что не можетъ много читать, хотя и окруженъ книгами. Онъ сталъ скучать за своимъ столомъ у окна, въ книжномъ магазинѣ.

Всѣ вечера и праздники онъ продолжаетъ писать, но уже не стихи, а прозу. Работаетъ онъ сначала очень медленно: по одной страницѣ въ день, тщательно отдѣлывая каждую фразу.

Для Эмиля Золя кончилась пора крайней нужды, хотя настоящаго изобилія еще не было. Приходилось перебиваться изо дня въ день на десять мѣтъ. Но служба у Гашетта, кромѣ матеріальной поддержки, была полезна для него тѣмъ, что здѣсь онъ окончилъ свое литературное образованіе. Въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ писателями и критиками онъ набрался очень много житейской мудрости. Тѣмъ, Амеде Ашаръ, Прево-Парадолъ и многіе другіе, имѣвшіе дѣла съ издателемъ Гашеттомъ, постоянно приходили къ нему. Но едва ли кто изъ нихъ въ скромномъ служащемъ книжнаго магазина предвидѣлъ будущее свѣтило. Золя и тутъ ни съ кѣмъ не подружился. Онъ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ друзьямъ, переѣхавшимъ теперь въ Парижъ. Поль Сезаннъ занимался живописью, а Балль поступилъ въ политехническую школу. Въ это время Золя положилъ начало своимъ приемамъ по четвергамъ, продолжающимся и до сихъ поръ.

Тѣмъ временемъ онъ пріобрѣтаетъ у Гашетта все болѣе и болѣе прочное положеніе. Издатель смотритъ уже на него не какъ на такого прикащика, а какъ на человѣка съ дарованіемъ. Онъ хотя и не звалъ Золя въ изданіе его «Любовной комедіи», но сталъ отличать и давать ему время отъ времени нѣкоторыя работы.

Днемъ—Золя сидѣлъ въ магазинѣ, а всю ночь работалъ дома. Приходило писать по ночамъ сдѣлалась до того сильна, что онъ въ праздники закрывалъ ставни, чтобы имѣть возможность работать при свѣтѣ. Къ началу 1864 г. у Золя уже набрался цѣлый томъ прозы. Онъ попытался издать его, но отдалъ не Гашетту, а Гетцелю, а 4-го октября 1864 г., послѣ многихъ волненій, Золя увидѣлъ переплетъ книжки своихъ сочиненій *Les contes à Ninon*, изданную Лакруа. Въ 1865 г. Золя напечаталъ нѣсколько статей въ *Petit Journal*, въ *La vie parisienne*, а въ Лионскомъ *Salut public*

онъ ведетъ цѣлый рядъ литературныхъ статей, изданныхъ позже отдѣльной книгой подъ заглавiемъ *Mes haines*. Наконецъ, въ этомъ же году онъ печатаетъ *La confession de Claude*, изданiе того же Лавруа. Тутъ ужъ онъ рѣшился оставить службу и цѣликомъ отдаться литературѣ. Такимъ образомъ, въ шесть лѣтъ (1859 — 1865) Золя, испытавъ страшную нужду, холодъ и голодъ, выбивается на широкую дорогу силой воли, талантомъ, неустанной работой.

V.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА.

Жить перомъ и имѣть вѣрный ежемѣсячный заработокъ — на первыхъ порахъ очень трудно. Романъ приноситъ очень мало начинающему писателю; театръ выгоднѣе, но нужна протекцiя. Золя увидѣлъ, что ему необходимо пристроиться къ какому нибудь журналу.

Въ послѣднiе годы во Францiи, рядомъ съ большими политическими журналами, гдѣ литературѣ отводится послѣдняя страница, между объявленiями, — выдвинулась такъ называемая «мелкая пресса», гдѣ политика отодвинута на второй планъ, а главное мѣсто отдано литературѣ. Вильмессанъ, создавшiй такую прессу, основалъ, кромѣ *Figaro*, еще ежедневный журналъ *Еvénement*.

Золя приходилось часто видать у Гашетта зятя Вильмессана — г. Бурдэна. Посовѣтовавшись съ нимъ, Золя написалъ Вильмессану письмо, столковался съ нимъ и взялъ на себя отдѣлъ разбора новыхъ книгъ въ газетѣ. Редакторъ остался такъ доволенъ своимъ сотрудникомъ, что сейчасъ же назначилъ ему пятьсотъ франковъ въ мѣсяцъ. Еще никогда въ жизни у Золя не бывало въ рукахъ такой суммы. Кромѣ отдѣла журналовъ, ему было поручено писать художественно-критическiя статьи. Первая же статья, гдѣ онъ затронулъ членовъ жюри, надѣлала много шуму. Съ каждой статьей буря росла. Художники недоумѣвали, откуда взялся этотъ Эмиль Золя съ такими смѣлыми и своеобразными взглядами. Похвалы Манэ, вотъ раго тогда считали ниже посредственности — выводили критиковъ изъ себя. Дѣло дошло до того, что номеръ журнала, гдѣ появлялась статья Золя, рвали въ клочки на бульварахъ; ему посылались анонимныя письма, большею частью ругательныя. Разъ, чуть не дошло до дуэли. Вильмессанъ рѣшилъ прекратить этотъ отдѣлъ и попросить Золя не писать о художникахъ. Тогда онъ задумалъ фельетонный романъ *Le voleur d'ine*

гте, съ обычной приманкой: «продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ». видно, подлаживаніе подъ вкусъ публики не въ характерѣ Золя. Le e u d' u n e f e m m e не имѣлъ никакого успѣха и даже вторая часть не была напечатана. Этотъ романъ и Марсельскія тайны—ныя слабыя вещи Золя.

Затѣмъ, въ той же газетѣ появляется цѣлый рядъ портретовъ: Эдабу, Тэна, Прево-Пародюля, Жюля Жанэна, Флобера и др., подъ заглавіемъ: *Marbres et plâtres*. Авторомъ ихъ былъ Эмиль Золя. Его *Evènement* окончилъ свое существованіе, а въ 1867 г. Золя сѣмъ разошелся съ Вильмессаномъ, хотя навсегда сохранилъ къ нему уваженіе (?), какъ къ человѣку и журналисту.

Этотъ 1866—67 г. былъ лучшимъ годомъ въ жизни Золя. Молодость, энергія, первые успѣхи! Полная свобода и сравнительно большія заработки. Около Золя уже собирается цѣлый кружокъ. Прежде всего провансальскіе друзья: Балль, Сезаннъ, Мариусъ Ру, Валабрегъ. Сомъ художники, съ которыми онъ познакомился черезъ Сезанна: Гардъ Бэлиаръ, Писсаро, Манэ, Дега, Ренуаръ, Фонтенъ Латуръ, — такъ называемая, Батиньольская школа — колыбель нынѣшнихъ прессионистовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Золя разошелся съ Вильмессаномъ, для него начался новый періодъ. Онъ уже настолько избаловался хорошимъ заработкомъ, что лишенія ему кажутся вдвое тяжелѣе. Приходилось искать работы. Одинъ марсельскій журналъ, *Le Messager de Provence*, ставилъ Золя документы, по которымъ онъ «сфабриковалъ» фельетонный романъ—*Les mystères de Marseille*. Единственнымъ оправданіемъ автора можетъ быть то, что ему былъ необходимъ заработокъ, а «Провансальскій Вѣстникъ» платилъ ему по два су за строчку. Въ это же время Золя работаетъ надъ своей «Терезой Ракенъ». Тутъ какъ у него зародился планъ этого романа. Въ *Фигаро* печатался романъ Адольфа Бэло и Эрнеста Додэ: *La Vénus de Morges*. Здѣсь любовникъ жены убиваетъ мужа. Преступленіе открыто и ихъ обоихъ, т. е. любовника и жену,—судятъ. Золя сей-часъ-же написалъ маленькій рассказъ, гдѣ совершается то же преступленіе, но виновники его не открыты и мучатся всю жизнь угрызёнными совѣсти, отравляя другъ другу существованіе. Когда вещь была окончена—Золя увидалъ, что такой сюжетъ годится для большого романа. И онъ принялся за работу, не переставая въ то же время писать для заработка.

Сначала «Тереза Ракэнъ» была напечатана въ журналѣ l'Artiste а въ октябрѣ 1867 г. вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Критикъ Фигаро—Ульбахъ разругалъ романъ наповалъ. Онъ взывалъ къ публикѣ, требовалъ ея презрѣнія къ такой «гнилой литературѣ». Золя, съ разрѣшеніемъ Вильмессана, отвѣтилъ также въ Фигаро. Полемика сдѣлала то, что первое изданіе сейчасъ же разошлось и потребовалось второе, а Contes et nouvelles, —не смотря на то, что и публика, и критика отлично приняли ихъ,—разошлись однимъ изданіемъ въ цѣлыхъ десять лѣтъ. Собственно съ Терезы Ракэнъ и начался настоящій успѣхъ Золя. Ее сейчасъ же обозвали «гнилой литературой» и заговорили объ авторѣ. О немъ стали писать, спорить, сейчасъ же явились порицатели и защитники. Но ихъ длинныя статьи все-таки не приносили Золю большого благосостоянія. Онъ продолжалъ перебиваться и задумалъ опять обратиться къ театру. «Опять»,—потому что и раньше онъ ужъ пытался писать драмы. Въ 1865 году, еще у Гашетта, онъ написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи: La laide и представилъ ее въ Одеонъ. Но ее тамъ не приняли и она никогда не была напечатана.

Потомъ, въ 1867 году, Золя, въ сотрудничествѣ съ Мариусомъ Ру передѣлалъ свой романъ Марсельскія тайны въ драму. Онъ самъ ѣздилъ въ Марсель ставить ее. Но пьеса, послѣ втораго же представленія, сошла со сцены и не давалась больше нигдѣ.

Наконецъ Золя написалъ еще одну драму въ трехъ дѣйствіяхъ—La Madeleine. Ее нигдѣ не приняли и Золя передѣлалъ ее на романъ; Madeleine Férat, появившійся сначала въ фельетонѣ новаго журнала Evénement, подъ заглавіемъ: La Nonne. Но здѣсь онъ не былъ оконченъ:—редакція прекратила печатаніе романа «за неприличіемъ». Позже это не разъ случалось съ Золя. Отдѣльно—Madeleine Férat выдержала два изданія.

Тутъ ужъ Золя занялъ прочное положеніе литератора. Мало-помалу у него завязались и литературныя знакомства. Черезъ своего стараго друга Сезанна онъ познакомился съ Полемъ Мёрисомъ и долго посѣщалъ его романтическій салонъ, гдѣ идоломъ былъ Викторъ Гюго. Золя всегда чувствовалъ себя неловко у Мериса, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше расходился съ этимъ кружкомъ. Послѣ одного спора о Бальзакѣ когда Золя заявилъ, что поклоняется автору «Человѣческой комедіи»—онъ совсѣмъ порвалъ съ ними и теперь не упоминаетъ даже имени Поля Мериса.

VI.

РУГОНЫ-МАККАРЬ.

У Эмиля Золя, съ первыхъ его литературныхъ шаговъ, было всегда нѣе создать что нибудь крупное, цѣльное. Когда онъ, юношей, написалъ поэмѣ, онъ неудовольствовался ею, прибавилъ еще двѣ—и написалъ трилогію. Затѣмъ, перебываясь изо дня въ день, въ холодѣ и жарѣ, онъ задумалъ, какъ мы видѣли, громадное произведеніе (опять трехъ частяхъ), гдѣ хотѣлъ изобразить и созданіе міра, и исторію вѣчества, и человѣка будущаго. Позже, когда онъ занялся журнальной и сталъ писать романы—мысль о крупномъ произведеніи не оставляла его. Въ немъ онъ видѣлъ возможность и развитіе свои литературныя способности, и стать оригинальнымъ, и приложить свои знанія, и, наконецъ, обезпечить себя матеріально. Все это заставило его предпринять громадный трудъ, серію романовъ: «Ругоны-Маккаръ». До Золя была «Человѣческая комедія» Бальзака. И въ ней нѣеку отдѣльными рассказами часто нѣетъ другой связи, кромѣ общаго сюжета или одинаковыхъ именъ. Золя хотѣлось написать что нибудь въ этомъ родѣ. Еще, работая надъ *Madeleine Férat*, Золя уже увлекался вопросомъ наслѣдственности. Теперь этотъ вопросъ снова всталъ передъ нимъ. И тутъ, само собой, ему пришло въ голову описать членовъ одной семьи при второй имперіи. Золя принялся за работу. Цѣлыхъ нѣеко мѣсяцевъ (конецъ 1868 г. и начало 1869 года) онъ просидѣлъ въ императорской библіотекѣ, изучая физиологію и дѣлая нужныя записки. Естественная наслѣдственность доктора Бюффона особенно была полезна ему. Наконецъ, когда матеріалы были собраны, общій планъ установленъ и даже начертано родословное дерево (приложенное позже къ «Страницѣ любви»), Золя отправился къ доктору Лавруа.

Ему уже давно хотѣлось имѣть болѣе или менѣе вѣрный ежемѣсячный заработокъ. Тогда, казалось ему, онъ могъ бы спокойно и правильно работать. Замыселъ большаго труда далъ бы ему этотъ ежемѣсячный заработокъ. Золя заключилъ такое условіе съ Лавруа на первые четыре года: издатель платитъ ему по 500 франковъ въ мѣсяць, а Золя обязывается доставлять по два романа въ годъ.

Но это условіе не могло быть выполнено. Печатаніе перваго же романа: *La Fortune des Rougon*—«Карьера Ругоновъ»—почему-то замедли-

лось. *La curée*—«Добыча, брошенная собакамъ»—второй романъ, такъ появился только черезъ три года. А надо было жить. Золя забралъ много вперед и долженъ былъ постоянно отсрочивать векселя. Проценты шли в проценты, и онъ, вмѣсто того, чтобы поправить свои денежные дѣла, совсѣмъ запутался въ долгахъ. Только въ 1875 году онъ отдѣлался отъ нихъ.

Послѣ «*La curée*», Золя вошелъ въ соглашеніе съ другимъ издателемъ—съ Жоржемъ Шарпантье. Этотъ купилъ у Лакруа право перепечатанія первыхъ двухъ романовъ и сдѣлалъ съ Золя условіе, по которому обязывался платить за рукопись каждаго романа по три тысячъ франковъ, сохраняя за собой право изданія и переводовъ на десять лѣтъ. Авторъ опять обязался доставлять по два романа въ годъ. При этихъ условіяхъ вышли въ свѣтъ: *Чрево Парижа*, *Завоеваніе Плассаня* и *Проступокъ Аббата Мурэ*.

У Золя, рядомъ съ писаніемъ романовъ, всегда были еще и другія работы, такъ что доставлять аккуратно по двѣ книжки въ годъ ему было очень трудно. И у Шарпантье пришлось забрать впередъ. Не смотря на громадный успѣхъ романовъ,—денежныя дѣла не переставали мучить Золя. Онъ рѣшился объясниться съ издателемъ. Но тотъ самъ сказалъ ему, что находитъ прежнее ихъ условіе неправильнымъ и потому уничтожаетъ его. По новому условію, Золя сталъ получать значительную сумму съ каждаго тома, что сейчасъ же измѣнило и упрочило его матеріальное положеніе.

Поль Алексі былъ представленъ Эмилю Золя въ 1869 г., когда онъ началъ работать надъ «*Ругонами-Маккаръ*». «Съ перваго же слова, говорить Поль Алексі, я почувствовалъ, какъ я преданъ ему, какъ можно положиться на него»... Золя много говорилъ о Провансѣ, который спустя одиннадцать лѣтъ, любилъ по прежнему; говорилъ о планахъ Поль Алексі наконецъ, перешелъ на себя, на свои замыслы, и прочелъ первую вывѣстку «*Карьеры Ругоновъ*».

Обдумывая эту первую романическую исторію семьи, — Золя, главнымъ образомъ, задавался мыслію прочно установить планъ, чтобы дѣйствующія лица его романа могли имѣть связь съ послѣднимъ «*научнымъ романомъ*», который появится. можетъ быть, лѣтъ черезъ пятнадцать. Золя хотеть дать въ немъ какъ-бы синтезъ всего произведенія.

Колыбелью семьи Ругоновъ-Маккаръ Золя взялъ Плассань. Плассань—названіе выдуманное; это Эксъ въ Провансѣ. Названія деревень, гдѣ разыгрывается возстаніе, также выдуманы. Золя тогда боялся, что ея знакомые, съ которыми онъ оставался въ дружескихъ отношеніяхъ

отъ себя въ романѣ и обидятся. Теперь бы онъ, конечно, не побоялся, и не сталъ бы выдумывать названій. Матеріалъ по возмущенію въ Ансѣ онъ заимствовалъ изъ книги Тэнн: *L'histoire d'un coup d'Etat*. Конечно, что романъ, происходящій въ началѣ второй имперіи, долженъ прерваться по случаю войны и паденія этой имперіи. Кромѣ разпатріотическихъ волненій, Золя пришлось немало перестрадать въ это время. Редакція газеты *Siècle*, гдѣ начали печатать *La fortune des Bonapartes*, затеряла послѣднюю главу. Золя только черезъ полгода отыскалъ ее въ типографіи.

Второй романъ, *La curée*, написанъ въ четыре мѣсяца. Ни одной страницей Золя не писалъ такъ быстро. Но нѣкоторыя главы, напр. про Булонскомъ лѣсу, у него были заготовлены раньше. *La curée* долженъ былъ печататься въ фельетонѣ газеты *Cloche*, но не былъ доконченъ. Когда случилось то же, что и съ печатаніемъ *La honte* (*Madeleine*), прокуроръ возмущился смѣлостью автора. Послѣ сцены въ отелѣ кабинетѣ *Café Riche*, автора официально попросили прекратить печатаніе романа. Сколько Золя ни говорилъ о чистотѣ своихъ намѣреній — ничто не помогло. Пришлось пожертвовать фельетономъ, чтобы спасти книгу.

Появившись *La curée* нѣсколькими годами раньше, когда имперія была въ своей силѣ, — имя Золя прогремѣло бы тогда же такъ, какъ оно гремѣло послѣ *Assommoir*'а. Романъ навѣрное подвергся бы преслѣдованію, на него сейчасъ-же обратили бы во сто разъ большее вниманіе. Но такъ какъ *La curée* появился въ разгаръ политическихъ волненій и сразу прошелъ почти незамѣченнымъ.

Въ «*La curée*» Золя описываетъ парижскій высшій свѣтъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ. Ему пришлось употребить всю свою догадливость, наблюдательность и чутье, чтобы не надѣлать важныхъ ошибокъ. Для описанія однихъ экипажей онъ собралъ справки у трехъ или четырехъ каретниковъ. Для описанія отеля Саккаръ, онъ взялъ отель Менье въ паркѣ Булонскомъ, но только снаружи. Тогда еще онъ не проникалъ внутрь такихъ шикарныхъ домовъ, и какъ жалѣеть теперь объ этомъ! Сколько характерныхъ деталей могъ бы теперь онъ прибавить къ описанію отеля Саккаръ. Для изображенія оранжереи Рене, Золя просиживалъ цѣлыми часами въ теплицахъ ботаническаго сада и записывалъ всѣ подробности. Не всего труда и времени взяли у него справки по перестройкѣ Палеиса. Онъ даже отправился къ Жюлю Ферри, какъ къ автору «*Comptes rendus politiques d'Hausmann*». Но и у Ферри было въ рукахъ мало доку-

ментовъ. Пришлось много искать прежде, чѣмъ Золя попалъ на необходимые матеріалы.

Въ третьемъ своемъ романѣ «Le ventre de Paris»—Золя изобразилъ народъ. Онъ долженъ былъ уже достаточно хорошо изучить его въ долгіе годы бѣдности и голода. Но и тутъ пришлось положить не мало труда на чисто подготовительную работу. Золя давно уже мечталъ описать центральный рынокъ Парижа. Сколько разъ онъ высказывалъ это. Онъ посѣщалъ рынокъ во всякую погоду, во всякое время: въ дождь въ снѣгъ, въ туманъ; утромъ, вечеромъ, ночью. Разъ, онъ всю ночь провелъ здѣсь съ карандашемъ въ рукѣ, записывая впечатлѣнія. Онъ смотрѣлъ, какъ привозили провизію, какъ разставляли ее; познакомился съ однимъ сторожемъ и ходилъ съ нимъ по погребамъ и по лавкамъ. Наконецъ, когда онъ до мелочей изучилъ Halles съ внѣшней стороны, ему захотѣлось ознакомиться съ ихъ администраціею. Гдѣ взять документы? Онъ перерылъ бібліотеку и, кромѣ одной главы въ книгѣ Максима Дюкана «Paris, sa vie et ses organes»—ничего не нашелъ. Золя рѣшился обратиться въ полицейскую префектуру. Его отсылали изъ бюро въ бюро. Наконецъ онъ попалъ на такого обязательнаго чиновника, что могъ получить всѣ нужныя справки и даже снять копія съ нѣкоторыхъ характерныхъ документовъ.

Авторъ Ругоновъ-Маккаръ постоянно заботится о томъ, чтобы по возможности разнообразить свои произведенія. Такъ, послѣ «Чрева Парижа», этой громадной nature morte, ему захотѣлось написать романъ, гдѣ бы фигурировали страсть и анализъ. Онъ принялся за *Son quiete de Plazsans*. Здѣсь ему не надо было справокъ. Подготовительныя работы ограничились подробнымъ планомъ, какой Золя дѣлаетъ всегда, приступая къ роману. Онъ вложилъ сюда нѣкоторыя воспоминанія изъ жизни въ Эксѣ, описалъ одну семью, съ которою былъ знакомъ тамъ, и рассказалъ нѣсколько скандальныхъ исторій, случившихся въ дѣйствительности. А частный фактъ сумашествія Мурэ, весь его характеръ, какъ его объявляютъ сумашедшимъ, когда онъ вовсе не сумашедшій и только уже позже сходитъ съ ума,—все это Золя взялъ изъ своей же статьи, напечатанной въ *Evènement* подъ заглавіемъ «Исторія одного сумашедшаго». Золя весь отдался, какъ всегда, писанію новаго романа, но безъ волненія художника, какъ обыкновенно. И странно—*Son quiete de Plazsans* никогда не имѣла того успѣха, какой имѣли всѣ другіе романы Золя. Послѣ необычайнаго фурора, вызваннаго романами *L'Assommoir* и *Nana*, и прежніе романы Золя стали раскупаться на

вать. «Завоеваніе Плассана» разошлось меньше всёхъ остальныхъ. Такая книга, какъ «Чрево Парижа», гдѣ нѣтъ ничего захватывающаго для публики—и та раскупалась охотнѣе. Золя тутъ еще убѣдился, что публика—та же женщина: за ней не надо ухаживать,—ее тянетъ силою.

Въ «Проступкѣ аббата Мурэ» Золя опять далъ волю своей страсти къ искусству. Романъ раздѣленъ на три части, и между двумя совершенно реальными частями проскакиваетъ поэма въ прозѣ, подражаніе Генезису. Но и до сихъ поръ, говоритъ Поль Алексисъ, въ важнѣйшихъ книгѣ автора «Ругоновъ-Маккаръ» свозитъ какая нибудь мелодическая идея; не скажешь, что ей посвящена та или другая страница, но проходитъ всегда черезъ весь романъ. Такимъ образомъ вся «Карьера новъ» написана ради идилліи любви Миетты и Сильвера, которая, какъ грубой буржуазной драмы, вдругъ прорывается, какъ звуки флейты. Относительно «Добычи, брошенной собакамъ», Поль Алексисъ еще въ 1872 г. писалъ въ *Closche* вотъ что: «Золото и тѣло, по желанію Золя, поютъ дуэтъ на каждой страницѣ. Эти двѣ темы перекрещиваются, поддерживаютъ одна другую, смѣшиваются, расходятся, чтобы потомъ переплестись еще тѣснѣе. И эта мелодичная фраза проходитъ черезъ всю книгу, образуя совсѣмъ отдѣльную музыку».

«Чрево Парижа»—цѣликомъ удивительная *nature morte*. Самая выдающаяся страница, «симфонія сыровъ», была не понята критиками. Они не поняли себѣ носы и проглядели, что вся-то книга, съ начала до конца, представляетъ симфонію, симфонію пищи, живота и пищеваренія цѣлой жизни.

Въ «Завоеваніи Плассана», въ этомъ произведеніи чистаго анализа, невидимому, нѣтъ мелодической идеи. Но и въ немъ чувствуется скрытое намѣреніе, тайная душа книги—идея распаденія семьи, ставшей до поры до времени невидимыхъ муравьевъ, постоянно подтачивающихъ ее. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе Золя увлекается этими своими внѣ-литературными идеями. Въ «Страницѣ любви» пять описаній Парижа, съ разныхъ точекъ зрѣнія являются какъ бы припѣвомъ пѣсни.

«Проступокъ аббата Мурэ» написанъ въ 1874 г., лѣтомъ. Золя радъ въ совершенномъ уединеніи, нигдѣ не бывая и не принимая къ себѣ никого. Онъ нѣсколько разъ читалъ отрывки романа Полю Алексису, своему маленькомъ садикѣ, за высокими стѣнами. Ни одинъ романъ не оставался Золя такъ трудно, какъ этотъ. Пришлось собрать цѣлыя справки. Въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ, его письменный столъ

былъ заваленъ религіозными книгами. Вся мистическая сторона романа и культъ Маріи взяты у испанскихъ іезуитовъ. Изъ «Подражанія Іисусу Христу» сдѣлана также масса выписокъ. Наконецъ, сколько разъ прихожане церкви св. Маріи въ Батиньолѣ видѣли за ранней обѣдней челоуѣба, сидящаго отдѣльно, въ уголку, съ молитвенникомъ въ рукахъ. Они видѣли, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за службой и время отъ времени записывалъ что-то на поляхъ своей книжки. Этотъ богомолецъ былъ никто иной, какъ авторъ «Ругоновъ-Маккаръ», заготовляющій свой романъ *La faute de l'Abbé Mouget*. Чтобы понять и выкинуть въ нѣкоторыя подробности обѣдни, Золя перечиталъ множество духовныхъ книгъ. Поэма въ прозѣ, вторая часть романа—*Параду*—стоила ему также не мало труда. Пространныя описанія растеній и цвѣтовъ не были имъ взяты только изъ каталоговъ, какъ говорятъ. Авторъ былъ такъ добросовѣстенъ, что отправлялся на садовыя выставки и описывалъ растенія съ натуры. Онъ вложилъ сюда свою старинную идиллическую любовь къ природѣ, воспоминанія юга и свою юношескую привязанность къ деревнѣ. Онъ не забылъ своихъ длинныхъ прогулокъ съ двумя друзьями Сезанномъ и Баллемъ, и черезъ шестнадцать лѣтъ воспроизвелъ ихъ въ своемъ *Параду*.

Для шестаго романа «*Son Excellence Eugene Rougon*» Золя опять долженъ былъ прибѣгнуть къ «чутью». Оффиціальныи міръ второй имперіи ему былъ знакомъ еще меньше, чѣмъ міръ финансовый, выставленный имъ въ *La curée*. Описать дворъ въ Компьенѣ, гдѣ никогда не былъ, изобразить совѣтъ министровъ, заставить говорить Наполеона III—задача нелегкая. Золя цѣлыхъ полтора года велъ въ газетѣ *Closche* отчеты о засѣданіяхъ національнаго собранія. Это было очень полезно для него. Относительно Компьена, онъ заимствовалъ матеріалы изъ книги *Souvenirs d'un valet de chambre*. Кромѣ того, Густавъ Флоберъ доставилъ ему много свѣдѣній, далъ очень типичныя детали о жизни императора, о немъ самомъ, о его внѣшнемъ видѣ, умѣ, манерѣ говорить, ходить и т. д. Для описанія крещенія императорскаго принца понадобились особые документы. Для новыхъ улицъ и мостовъ—особые. Самыя же дѣйствующія лица романа были, конечно, частію взяты изъ жизни, частію выдуманы. Такъ, напр., въ герцогѣ де-Марси онъ выставилъ герцога де-Морни. Но догадки, что въ Эженѣ Ругонѣ Золя изобразилъ Эжена Руэра—неосновательны. Это было бы черезчуръ прозрачно. Имя Эжена Ругона уже было установлено Эмилемъ Золя въ 1868 г., когда онъ выработалъ общій планъ. Онъ

да и не зналъ имени Руэра, а взялъ фамилію Ругоновъ, какъ одну изъ самыхъ распространенныхъ на югѣ Франціи, откуда онъ сдѣлалъ свой родомъ. Кромѣ того, это имя показалось ему благозвучнымъ и очень подходящимъ къ фамиліи Маккаръ. У перваго изъ Ругоновъ, Пьера, было пятеро дѣтей и уже въ первыхъ романахъ упоминается имя Евгѣна, котораго Золя рѣшилъ сдѣлать впоследствии министромъ. Когда онъ началъ писать этотъ романъ (*Son Excellence Eugène Rougon*)—перемѣнить имя уже было нельзя. И онъ заимствовалъ у Руэра уже не имя, а нѣкоторыя его характерныя особенности: осанку, манеру говорить, его погоню за успѣхомъ. Но кромѣ этого—онъ не взялъ ничего. Кромѣ всего, Эмиль Золя изобразилъ самого себя въ лицѣ его превосходительства. Цѣломудренный Эженъ Ругонъ, спасающійся отъ женщины любящей власть не ради выгодъ, доставляемыхъ ею, а какъ проявленіе собственной силы, этотъ Эженъ Ругонъ — самъ Золя — министръ, а не то, чѣмъ бы онъ могъ быть, еслибы направилъ свое честолюбіе на другую сторону политики.

Успѣхъ и этого романа былъ умѣренный. Онъ распродался въ трехъ или четырехъ изданіяхъ—и только. Для издателя, во всякомъ случаѣ, романы Золя уже приносили большую выгоду. Но автору одной денежной выгоды было мало. Шесть романовъ изъ серіи уже представляли огромный трудъ,—въ нихъ было положено шесть лѣтъ неустанной работы и сильныхъ волненій. А публика все еще оставалась холодна, увлеклась. Въ журналахъ ихъ проходили молчаніемъ или изрѣдка цѣлкомъ разбирали ихъ. Это мучило Золя. Онъ не могъ примириться такимъ невниманіемъ. И что же? Нуженъ былъ незначительный случай, который сталъ бы искрой, погнавшей въ порохъ; нуженъ былъ поводъ, чтобы раздуть во Франціи успѣхъ Золя, уже проявившійся въ Парижѣ.

Съ наступленіемъ лѣта, авторъ Ругоновъ-Маккаръ уѣхалъ съ женою и матерью на море, гдѣ онъ приступилъ къ своему седьмому роману—*L'assomoir*.

Я поѣхалъ къ нему въ Сентъ-Обенъ, рассказываетъ Поль Алексисъ. Мы сидѣли съ нимъ вдвоемъ на берегу моря и смотрѣли на волны. Было тепло, ясно. Нашъ разговоръ перескакивалъ съ предмета на предметъ. Отъ красоты природы мы перешли на задуманный ими романъ. Наконецъ-то онъ приступилъ къ выполненію своего давнишняго замысла—описать рабочій парижскій людъ. Онъ такъ хорошо знаетъ его. Онъ не ребенокъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Парижъ съ родителями,

ему пришлось прогостить у одного родственника, простаго рабочаго, жившаго въ громадномъ домѣ, сплошь населенномъ бѣдными семьями. Одну изъ такихъ семей и взялъ Золя. Потомъ, въ долгіе годы своей нищеты, когда онъ скитался по закоулкамъ Парижа, чего только не насмотрѣлся онъ! Видѣлъ и смерть, и пирушки, и празднество и кутежи. Онъ и рѣшилъ описать все это, дать полную монографію народной жизни. Сюда войдутъ типичныя похороны и свадьба; рабочіе всѣхъ возрастовъ; одинъ будетъ пьяница, другой трезвый, одинъ честный, другой плутъ. Чтобы видѣть ихъ за работой, Золя уже побывалъ передъ отъѣздомъ изъ Парижа и въ кузницахъ, и въ прачешныхъ, и у золотыхъ дѣлъ мастера. Для изученія языка рабочихъ, онъ обратился къ нѣкоторымъ словарямъ и, между прочимъ, къ Dictionnaire de la langue verte, Дельво онъ отыскалъ и названіе—L'Assommoir. Оставалось только одно:—найти самую драму романа, то есть нить, которая бы соединила всѣ эти документы, фабулу, около которой всѣ собранныя матеріалы могли бы сгруппироваться. Однимъ словомъ, у него еще не было самаго «романа». Это очень заботило Золя.

— Мнѣ нужно что-нибудь очень простое, говорилъ онъ.

Передъ нами далеко, далеко волны, при солнечномъ свѣтѣ, разсыпали искры; надъ головами синѣло ясное небо; не было ни тучи. На горизонтѣ, между моремъ и небомъ, вырисовывалась свѣтлая закругленная линія.

— Смотрите, сказала Золя, указывая на эту линію горизонта, — вотъ мнѣ нужно что-нибудь въ этомъ родѣ... Что-нибудь совсѣмъ простое... И эффектъ могъ бы быть тоже громадный...

И онъ прибавилъ, что, вѣроятно, онъ ограничится тѣмъ, что возьметъ жизнь женщины изъ народа; у нея будетъ двое дѣтей отъ любовника, потомъ она выйдетъ замужъ за другаго, будетъ сначала любить его, охотно работать и даже устроить свою прачешную. Затѣмъ ея мужъ сопьется и втянетъ ее въ нищету. Но у Золя не доставало «узла». И вдругъ онъ нашелъ его: Лантье возвращается въ семью. L'assommoir былъ найденъ.

Такимъ образомъ и явился на свѣтъ этотъ седьмой романъ серіи, которому суждено было вознаградить Золя за плохой успѣхъ первыхъ шести романовъ. Самое писаніе Assommoir'a взяло у него больше времени, чѣмъ другіе романы. Послѣ двухъ первыхъ главъ ему пришла въ голову счастливая мысль употреблять и въ объективномъ разсказѣ тотъ же аргъ,—не воровской языкъ, какъ говорили, а просто языкъ народа

всѣмъ понятный. Онъ пересмотрѣлъ опять словари, чтобы вспомнить всѣ слова, часто употребляемыя рабочими. Прежде онъ хорошо зналъ ихъ. Гдѣ авторъ говоритъ и отъ самого себя, онъ употребляетъ этотъ же простонародный говоръ. Кажущаяся небрежность слога есть новый приемъ современнаго романа. Авторъ постоянно старается, чтобы ни на минуту не расхолаживать впечатлѣнія читателя. Этотъ новый, остроумный приемъ былъ, конечно, одной изъ причинъ необыкновеннаго успѣха *Assommoir*'а. Неизбалованный романистъ и не думалъ, когда писалъ его, что онъ будетъ имѣть такое значеніе для его имени. А между тѣмъ уже появились нѣкоторые признаки этого успѣха.

Assommoir сталъ печататься въ фельетонѣ демократической газеты *Bien public*. Золя былъ въ ней театральнымъ критикомъ и продалъ редакціи право печатанія своего новаго романа за десять тысячъ франковъ. Редакторъ думалъ, что въ новомъ произведеніи Золя будетъ что нибудь льстящее народу, будетъ «продергиванье» аристократовъ, и что это привлечетъ подписчиковъ. Онъ сейчасъ-же убѣдился, что ошибался. Подписка не увеличилась, и прежніе подписчики разошлись. Они осыпали редактора бранными письмами; къ упрекамъ въ безнравственности прибавился еще болѣе важный упрекъ съ точки зрѣнія читателей *«Bien public»*—это упрекъ въ клеветѣ на народъ, въ оскорбленіи рабочаго. Редакторъ газеты принужденъ былъ прекратить печатаніе романа на половинѣ, хотя и заплатилъ автору сполна.

Тогда Катюль Мендесъ, который велъ литературное обозрѣніе въ *République des lettres*, явился къ Золя и упросилъ его отдать ему романъ, съ того мѣста, гдѣ онъ остановился въ *«Bien public»*. Объ *Assommoir*'ѣ сейчасъ же заговорили. Поднялись цѣлыя бури преній. Друзья Золя уже предвидѣли успѣхъ этого романа. Да и самъ онъ, не смотря на то, что склоненъ видѣть все въ черномъ цвѣтѣ, надѣялся на успѣхъ, хотя самыя смѣлыя его надежды и не шли дальше десяти изданій. Фуроръ, вызванный *Assommoir*'омъ, далеко превзошелъ его ожиданія.

Золя не хотѣлъ сразу перейти къ *Nana*. Онъ остался вѣрныи своей привычкѣ разнообразить произведенія, и, между двумя романами съ рѣзкими и смѣлыми картинками, ему захотѣлось дать что-нибудь мягкое, тихое, спокойное, описать интимную жизнь маленькаго уголка. Бромъ того, у него уже давно было желаніе изучить любовь, страсть съ психологической и физиологической стороны. «Какъ бы хорошо было посвятивъ этому скромный этюдъ чистаго анализа съ двумя или тремя дѣй-

ствующими лицами», говаривал Золя. Такова была основная идея автора. Но когда он взялся за исполнение ее, к ней примѣшался другой давнишній замыселъ. Еще когда Золя жилъ въ бельведерѣ, чуть не на седьмомъ этажѣ, у него зародилась мысль описать Парижъ, какъ живое существо, какъ нѣмаго свидѣтеля драмы, — Парижъ, измѣняющій свою физиономію, смотря по настроенію дѣйствующихъ лицъ. Эта идея всплыла теперь и, соединившись съ замысломъ сдѣлать точный анализъ чувства, — создала *Un page d'auteur*.

И этотъ романъ написанъ на берегу моря, въ полномъ уединеніи, лѣтомъ 1877 года. Золя тутъ не нуждался въ справкахъ. Картины Парижа были имъ уже написаны съ натуры; дѣтскій балъ также взятъ изъ дѣйствительности и записанъ цѣликомъ. Онъ прямо принялся за работу, геометрически раздѣливъ романъ на пять частей; каждую часть на пять главъ. И послѣдняя глава каждой части посвящена описанію Парижа. «Симметрично, какъ шахматная доска», смѣялся Золя. Терпѣливо, безъ удовлетвореннаго чувства художника, исполнилъ онъ всѣ эти двадцать пять кляточекъ. Только при описаніяхъ Парижа онъ испытывалъ волненіе, Золя, какъ гимнастъ: ему нужно что-нибудь очень рискованное, головоломное, чтобы работать съ одушевленіемъ.

Начавъ *Nappa*, онъ попалъ въ свою сферу. Онъ взялъ широкую задачу: описать падшую женщину, какъ продуктъ современной цивилизаціи, разлагающей высшее общество, обрисовать исторію куртизанки и, наконецъ, показать женщину въ святой святыхъ ея пола среди изжитыхъ, отупѣвшихъ и пошлыхъ мужчинъ. Задача эта была тѣмъ труднѣе для Золя, что онъ не имѣлъ личныхъ сношеній съ этимъ міромъ. Въ годы бѣдности онъ сталкивался съ порокомъ въ самыхъ низшихъ слояхъ общества. Когда онъ сталъ богаче, — онъ весь отдался литературѣ и выходилъ изъ дому только по дѣлу. Онъ съ радостью возвращался домой, часто раздраженный всеобщей глупостью. Ему и въ голову не приходили знакомства съ «этими дамами». Когда онъ принялся за *Nappa*, ему опять понадобились справки, какъ для «Добычи, брошенной собакамъ», для «Чрева Парижа» и «Проступка аббата Мурэ». Онъ уже былъ знакомъ отчасти съ закулисной жизнью, такъ какъ успѣлъ поставить три пьесы. У него всѣ впечатлѣнія движенія и шума за кулисами уже были записаны. Но онъ не зналъ того театра (*Varietés*), который хотѣлъ взять для своего романа. Парижскій драматургъ Людовикъ Галеви повелъ его за кулисы, и онъ пробылъ тутъ цѣлый вечеръ на представленіи *Nipiche*.

Одинъ свѣтскій баринъ, съ которымъ Золя познакомился у Флобера, ужиналъ съ нимъ въ Café Anglais. И тутъ прежній виверъ овѣдался романисту; онъ разсказалъ ему всѣ свои наблюденія изъ вѣкотокъ: какъ онѣ проводятъ день, какъ позволяютъ любить себя, какъ держать себя съ прислугой, съ кредиторами, съ тѣми, кто имъ гнѣтитъ. Золя все слушалъ, запоминалъ и спрашивалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ поѣхалъ осмотрѣть отель одной изъ этихъ дамъ. Онъ могъ все изучить и записать; расположеніе комнатъ, оранжерею, содержаніе туалетной комнаты; онъ осмотрѣлъ даже конюшни. Все для того, чтобы какъ можно вѣрнѣе описать отель Нана. Наконецъ, Золя, куда не выѣзжающій, добился приглашенія на ужинъ въ полусвѣтъ. Въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ, пока созрѣвала Нана, онъ только и болталъ со своими друзьями о женщинахъ, заставлялъ ихъ дѣлиться съ нимъ своими воспоминаніями. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ ему о менитомъ табльдотѣ въ улицѣ des Martyrs, гдѣ каждая изъ приходившихъ «цѣловалась съ хозяйкой въ губы». Другой разсказалъ ему, какъ пять часовъ утра явились на ужинъ мужчины, которыхъ никто не ждалъ. Третій далъ ему фактъ, какъ поили шампанскимъ фортепяно. Золя все слушалъ, и отмѣчалъ все. Сравненіе съ пчелой, собирающей медъ съ разныхъ цвѣтовъ—устарѣло. Но Золя совсѣмъ угодился пчелой, собирая медъ съ цвѣтовъ порока. Онъ тщательно подбиралъ факты, которые только могъ, не давая воли воображенію.

Когда весь матеріалъ былъ собранъ и распредѣленъ, Золя установилъ планъ и принялся за работу въ Медатѣ. Онъ началъ съ того, что крупно написалъ на верху страницы: *Нана*; это имя понравилось ему простотой и краткостью. Вся первая половина романа написана въ томъ же единеніи. Золя очень волновался; послѣ Assommoir'a нельзя было написать что нибудь тусклое. Онъ писалъ по главѣ въ мѣсяцъ, каждая глава страницъ въ сорокъ пять. Работалъ онъ надъ ними только нѣсколько недѣль; остальные у него были заняты театральнымъ фельетономъ въ *Voltaire* и письмомъ въ «Вѣстникъ Европы». Мѣсяцъ за мѣсяцемъ, количество главъ росло. Уже къ сентябрю половина романа была готова. Факторъ «Вольтера», рассчитывавшій на громадный успѣхъ *Нана*, опубликовалъ всюду о появленіи новаго романа. Вездѣ видѣлись объявленія: *Нана, Нана, читайте Нана!* Онъ обѣщалъ романъ къ началу октября. Золя прежде, когда нуждался въ деньгахъ, начиналъ писать, не дописавши романа. И это не мѣшало ему работать, заставляло впадать въ фабрикацію. Теперь онъ уже не изъ нужды,

а скорѣе по привычкѣ позволилъ также начать печатать «Нана», не докончивши ея. Когда онъ опомнился—было поздно, романъ его еще не былъ и самому ясенъ. Онъ не зналъ, что можетъ выйти изъ него. А уже съ первыхъ главъ, его стали раздражать на части: одни хвалили, другіе бранили, не признавали въ немъ никакого таланта. Съ перваго фельетона поднялась цѣлая полемика. Для нервной природы писать при такихъ условіяхъ почти невыносимо. Золя не трогался изъ своего Медана, старался весь уйти въ работу. Но каждый день приходили газеты и письма, заставлявшія его сомнѣваться въ себѣ, въ работѣ, постоянно развлекали и обезкураживали его. Сидѣть за чистымъ листомъ бумаги и чувствовать, что кругомъ направлены дула орудій критиковъ и рецензентовъ—ужасно. Сколько разъ, во время писанія Нана, Золя жалѣлъ о тихомъ, хотя и безвѣстномъ существованіи, когда онъ могъ спокойно работать надъ своими первыми романами. Теперь онъ сталъ богатъ, всѣ заговорили о немъ, а онъ все-таки не былъ счастливъ.

Матеріальный успѣхъ *Нана* былъ громаденъ. Романъ появился 15-го февраля 1880 г. въ пятидесяти изданіяхъ, т. е. въ пятидесяти пяти тысячахъ экземпляровъ. Ничего подобнаго еще не бывало во французской литературѣ. Эти пятьдесятъ пять тысячъ экземпляровъ уже заранѣе были распроданы парижскимъ книгопродавцамъ, въ провинцію и за границу. Въ тотъ же день потребовалось еще десять изданій. Теперь уже ихъ разошлось гораздо болѣе ста.

L'assommoir теперь не много отсталъ отъ *Нана*. Да и остальные семь романовъ пошли въ ходъ, сейчасъ же послѣ успѣха *Нана*. Вообще, въ матеріальномъ отношеніи, Золя и желать больше нечего; въ литературномъ же онъ все еще не понятъ. Намѣренія автора «*Ругоновъ-Маккаръ*», такъ ясно выраженные, остаются еще темны и непонятны для большей части публики.

Во всей серіи будетъ двадцать романовъ. По крайней мѣрѣ, такъ предполагаетъ Золя. Число это можетъ измѣниться, смотря по здоровью силамъ и желанію Золя. Сколько разъ онъ уже высказывалъ желаніе поскорѣе подписать «конецъ» на послѣдней страницѣ своего «научнаго романа»,—который будетъ представлять синтезъ его естественной и социальной исторіи семьи. «Что же вы будете дѣлать послѣ?» спрашивалъ его Поль Алексі. «Послѣ... я буду дѣлать что нибудь совсѣмъ другое... Можетъ быть, займусь исторіей... Напишу исторію французской литературы... Или сказки для дѣтей... А можетъ быть, и ничего не стану дѣлать... Я ужь буду старъ... Можно и отдохнуть!..»

Относительно будущих замысловъ, Золя иногда говоритъ со своими друзьями. Онъ хочетъ написать еще одинъ романъ изъ жизни народа. Assommoir описываетъ домашній бытъ рабочаго; нужно изучить его социальную и политическую жизнь. Здѣсь будутъ изображены публичные собранія, разнообразныя увлеченія и стремленія пролетарія.

Въ «военномъ романѣ» будетъ Седанъ и паденіе второй имперіи. Золя думаетъ поѣхать на мѣсто битвы и взять справки у офицеровъ начетъ главныхъ сраженій. Онъ изобразить военную жизнь со всей безощадностью дѣйствительности, не боясь прослыть плохимъ патриотомъ.

Потомъ ему хочется описать крестьянскую жизнь. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ купилъ Меданъ, онъ живетъ между крестьянами и изучаетъ ихъ. Это большой трудъ. Какъ узнать человѣка недовѣрчиваго, никогда не высказывающаго своихъ мыслей, часто совсѣмъ не имѣющаго ихъ? Золя не скоро и примется за этотъ романъ. Ему нужно много еще наблюдать. Между записанными уже картинами, у него есть очень характерная сцена, какъ послѣ сильной грозы вся деревня: мужчины, женщины, дѣти, бѣгутъ съ фонарями смотрѣть, не повредила ли гроза ихъ кату.

Меньше всего труда ему будетъ за романомъ изъ міра искусства. Тутъ ему стоитъ только собрать свои воспоминанія. Главное дѣйствующее лицо уже есть,—это живописецъ, появляющийся въ «Чревѣ Парижа», Клодъ Лантье, о которомъ говорится въ родословномъ деревѣ Ругоновъ (Лаккаръ: «родился въ 1842 г.; помѣсь наследственныхъ нравственныхъ физическихъ свойствъ отъ матери (Жервеза въ Assommoir); унаслѣдованная нервность, переходящая въ геній. Живописецъ»). Золя хочетъ рассказать здѣсь свою юность, проведенную въ Провансѣ. Онъ поѣдетъ еще разъ туда, чтобы написать все съ натуры. Онъ думаетъ въ Клодѣ Лантье изучить психологію безсилія художника. Около центральной фигуры сгруппируются другіе артисты: живописцы, скульпторы, музыканты, литераторы, цѣлый кружокъ людей, пріѣхавшихъ въ Парижъ за славой. Конечно, Золя выведетъ здѣсь всѣхъ своихъ пріятелей.

Кромѣ этихъ пяти романовъ:—научнаго, социалистическаго, военнаго, романовъ изъ жизни крестьянъ и художниковъ,—у Золя есть еще два замысла: описать громадный магазинъ, Louvre или Bon Marché, и желѣзную дорогу. Автору «Чрева Парижа» очень хочется изобразить такое учрежденіе, какъ Bon Marché, занимающее цѣлый кварталъ, съ сотнями служащихъ. Онъ думаетъ прослѣдить развитіе такого магазина: какъ маленькая лавочка росла, росла, убивая своихъ соперницъ, и на-

конецъ стала какимъ-то караванъ-сераемъ, гдѣ съ утра до ночи снуютъ народъ—покупатели и продавцы обонхъ воловъ. Еще никто не бралъ этой темы, какъ никто не изображалъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Меданѣ, около самаго сада Золя, проходитъ нормандская линія. До ста поѣздовъ въ день пронесутся передъ глазами романиста. Курьерскій поѣздъ быстройе, пассажирскій потише, товарный совсѣмъ тихо; порой морда быка выглядываетъ изъ вагона. Ночью, локомотивъ издали виденъ своими красными фонарями, а огонекъ на послѣднемъ вагонѣ кажется убѣгающей звѣздочкой. Золя обыкновенно, когда стемнѣетъ, и нельзя ни читать, ни писать, выходитъ на балконъ и смотритъ на поѣзды. Сколько разъ онъ говорилъ Полю Алекси:

«Я всегда смотрю на эти маленькія сторожки, среди громадныхъ равнинъ, пустынныхъ, какъ степь; баба стоитъ съ зеленымъ флагомъ во время прохода поѣзда... И мнѣ представляется въ этой глуши,—хотя и въ двухъ шагахъ отъ безостановочнаго теченія жизни,—цѣлая драма, драма простая, но глубоко человѣчная, доходящая до какой нибудь ужасной катастрофы,—въ родѣ столкновения поѣздовъ, устроеннаго изъ личной мести... или-что нибудь другое... Вы знаете, меня никогда не стѣсняетъ самая фабула... Но что меня заботитъ: мнѣ хочется сдѣлать живымъ, осязательнымъ постоянное движеніе поѣздовъ между двумя громадными станціями, съ промежуточными вокзалами... Мнѣ хочется вывести весь желѣзнодорожный персоналъ: начальниковъ станцій, начальниковъ движенія, кочегаровъ, машинистовъ, сторожей, почтовыхъ и телеграфныхъ чиновниковъ. Телеграфъ будетъ играть особенно важную роль въ этомъ романѣ: каждую минуту будетъ раздаваться его электрическій звонокъ, какъ это и бываетъ въ дѣйствительности. Въ поѣздахъ будутъ ѣсть, пить, спать, любить; будетъ даже рожденіе и смерть въ вагонѣ... И это не все еще. Не боясь впасть въ романтизмъ, я сдѣлаю такъ, что и самый романъ будетъ, какъ большой поѣздъ: онъ начинается на одной станціи и кончается на другой, съ остановками на каждой промежуточной, т. е. на каждой главѣ».

Слѣдовательно, у Золя совсѣмъ готово семь сюжетовъ: желѣзныя дороги, большіе магазины, искусство, крестьяне, войско, пролетаріатъ и наука. Онъ рѣшилъ уже обработать ихъ. Съ девятью существующими романами это составитъ шестнадцать. Но Золя, между большими произведеніями, дастъ еще четыре, написанные въ полутонахъ, для отдыха, въ родѣ «Страницы любви». Тогда и будетъ готова вся серія.

относительно послѣдняго романа Золя, *Pot-Bouille*, вотъ что о немъ Поль Алексн.

Послѣ *Нана*, ему хотѣлось написать что нибудь симпатичное и невзательное. Основнымъ мотивомъ онъ взялъ «Горе», а главнымъ живущимъ лицомъ Полину Кену. Въ апрѣлѣ 1881 года онъ принялся за работу. Но онъ не сладилъ съ ней. Съ одной стороны—онъ не могъ установить самую драму, съ другой — ему мѣшало личное, а онъ не могъ обойтись безъ автобіографическихъ подробностей. Въ то время, онъ напечаталъ въ *Фигаро* статью, озаглавленную «Адюльтеръ въ буржуазіи», гдѣ, между прочимъ, онъ говоритъ: «Въ народѣ воспитаніе и среда толкають дѣвушку въ проституцію, въ буржуазная среда и воспитаніе ведутъ ее къ адюльтеру». Эта черта адюльтера, какъ преобладающая черта въ современной буржуазіи, побудила его написать что нибудь въ родѣ *Assommoir*'а, только другого слоя общества. Онъ сейчасъ же составилъ планъ *Pot-Bouille* и отложилъ въ сторону романъ, начатый имъ прежде.

Какъ въ *Assommoir*'ѣ Золя изобразилъ цѣлый домъ въ улицѣ *Montmartre*, населенный рабочими, такъ и тутъ ему хотѣлось описать цѣлый буржуазный домъ. Надо было взять его въ одномъ изъ самыхъ «приличныхъ» кварталовъ, изучить сверху до низу, разсмотреть сквозь стѣны мельчайшія подробности, обнажить все, что прячется за этими роскошными и лживыми стѣнами. Прежде всего онъ написалъ заглавіе: *Pot-Bouille*, т. е. буржуазная ѣда, будничная жизнь, кухня ужасно подозрительная и лживая, подъ видомъ добродушія буржуа, которые говорятъ: «мы—честь, мораль и семья»—Золя хотѣлъ сказать: «Это ложь. Вы попираете все это. Вашъ *Pot-Bouille*,—это ложь, въ которомъ кипитъ всякая гниль семьи и все извращеніе морали».

Для своего обширнаго плана, Золя понадобилось взять, изъ собственныхъ воспоминаній и изъ чужихъ рассказовъ, пять или шесть исторій, случившихся въ дѣйствительности. Затѣмъ, написавъ съ натуры домъ въ улицѣ *Montmartre* и церковь *Сенъ-Рокъ*, онъ отправился въ деревню работать надъ романомъ. Шесть исторій, которыя онъ хотѣлъ вести параллельно,—рѣшилъ онъ уложить въ восемнадцать главъ. Множество нитей дѣйствующихъ лицъ, особенное разнообразіе фактовъ,—побудили Золя искать опытъ новой литературной формулы, какую такъ давно искали. Онъ захотѣлъ окончательно отдѣлаться отъ романтическихъ пріемовъ, ввести какъ можно больше простоты и правды. Такимъ путемъ

романъ становится театромъ. Авторъ стирается совершенно; дасть тол факты, и въ каждой главѣ передъ читателемъ открывается новый ак исполняемый дѣйствующими лицами романа.

Поль Алексі дѣлаетъ, между прочимъ, такой выводъ: изъ ста че вѣкъ, прочитавшихъ L'Assommoir и Nana, по крайней мѣрѣ, восемь сять не читали остальныхъ романовъ Золя. А всѣ кричать о безпр ственности и грязи его произведеній. Чтобы имѣть настоящее сужде о Золя—надо ждать.

(Окончаніе будетъ).

На мотивъ изъ МЮССЕ.

Ты плачешь,—плачешь, изнывая,
 Полна невольною тоской,—
 А онъ, поэтъ влюбленный твой,
 Вдали, про скорбь твою не зная,
 Плѣнившись, можетъ быть, другой,
 Забылъ тотъ мигъ, когда съ тобою
 Онъ былъ въ вечерней тишинѣ,
 И что шепталъ тебѣ съ тоскою,
 При ярко блещущей лунѣ...
 Зачѣмъ ты вѣрила, родная,
 Его обманчивымъ глазамъ,
 Зачѣмъ внимала, замирая,
 Тѣмъ сладкимъ, трепетнымъ рѣчамъ?..
 Хоть ярко лучъ любви сіяетъ
 Въ душѣ поэта—часто онъ,
 Инымъ вумиромъ увлеченъ,
 Невольно чувству измѣняетъ;
 Онъ видитъ чудныя черты,
 Предъ нимъ влюбленный образъ блещетъ,
 И вновь душа его трепещетъ
 Предъ обаяньемъ красоты...

Ө. Ч.

ДИПЛОМАТІЯ И ЛЮБОВЬ.

Романъ Іоганна фонъ-Девала.

XLIII.

Герцогъ потеръ себѣ руки; онъ досадилъ своему брату, котораго терпѣть не могъ и которому не довѣрялъ, и генералу Зандревскому, своему прежнему любимцу, на котораго дулся. Онъ былъ такъ этимъ доволенъ, что нетерпѣливо желалъ тотчасъ же сообщить о своемъ рѣшеніи герцогинѣ.

Времена, дѣйствительно, были трудныя, и потому главное командованіе онъ передалъ умнѣйшему изъ своихъ генераловъ; другихъ же онъ хотѣлъ оставить у себя въ штабѣ. Даже въ Вѣнѣ, вѣроятно, одобрили бы его рѣшеніе, потому что Зандревскій не способенъ былъ перевести трехъ человѣкъ черезъ ручеекъ, тогда какъ Бодманъ былъ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, и написалъ даже книгу о военномъ дѣлѣ.

Онъ второпяхъ нацарапалъ нѣсколько строкъ и приказалъ отправить. На все герцогство назначеніе это произведетъ благоприятное впечатлѣніе. Послѣ этого онъ направился въ покои герцогини, гдѣ половники заглушали шумъ его шаговъ. Большая гостиная, около голубой комнаты, была совершенно пуста; въ ней не было ни дежурнаго камергера, ни дежурной дамы; только голосъ графини, грубый, почти мужской, громко доносился до его слуха.

— Mais ma bien chérie, c'est le secret du polichinel...
Весь городъ говоритъ объ этомъ! восклицала Феличита.—Къ чему же это притворство? Надо прямо смотрѣть на вещи.

— Ну, нѣтъ, я не согласна, въ волненіи возразила герцогиня:—я всегда допускала эту глупость... изъ благоразумія, и потому что я знаю Агнесу; у нея, въ сожалѣнію, страшно-вспыльчивый характеръ отца.

— Ага! проговорилъ герцогъ, вдругъ останавливаясь и смущаясь.—Право, для меня это новинка!

— Агнесѣ уже за тридцать лѣтъ, и она понемногу ставится старой дѣвой.

— Ну, конечно, конечно! подтвердила графиня.

— Зачѣмъ же лишать ее иллюзіи?.. Жизнь въ нашей сферѣ далеко не привлекательна... Это цѣль всевозможныхъ лишеній и принужденій.

— Ай! ай! проговорилъ герцогъ, качая головой.

— Именно такъ!.. Я вѣдь объ этомъ и не говорю; отчего не допускать маленькихъ слабостей... и дай Богъ, чтобы обошлось благополучно.

— Если я до сихъ поръ молчала... то всё-таки я недовольна Ротвейлемъ, съ жаромъ продолжала герцогиня.—Мужъ ему прощаетъ, Агнеса отдалась ему всѣмъ сердцемъ... измѣнить этого не могу...

— Ого! прошептала герцогъ, и вдругъ страшно покраснѣла и смутилась.—Чортъ возьми!

— Но вѣдь онъ хитрый интриганъ, и грубый, безсовѣстный человѣкъ; вслѣдствіе этого я живу въ постоянной тревогѣ. Непрерывныя дуэли, его образъ дѣйствій въ Борнѣ... можно вѣдь говорить, что угодно... А въ особенности эта недостойная комедія по новому году, изъ-за которой, съ его вѣдома, погибло два семейства... все это неслыханно и доказываетъ его низость. Онъ всѣхъ насъ отвратительно обманулъ, одурачилъ... и если мужъ узнаетъ, то Ротвейлю не поздоровится...

— Вотъ какъ!

— Мужъ мой, конечно, слабохарактерный старикъ, милый Феличита.

— Ого!

— Я противъ этого не спорю!.. il n'est pas un aigle...

— Но если его выведутъ изъ терпѣнія, то онъ покажетъ себя. Мнѣ ни противно, но я сама поговорю съ нимъ... и порѣшу рѣшительно, потому что мужъ мой нуль, и все можетъ ртуть.

— Нуль!.. Это для меня ново! громко сказала герцогъ, вхо-
тъ перетрусившимъ дамамъ.

Герцогиня встала, покраснѣвъ и смутившись.

— Ты подслушивала? нахмутивъ брови, спросила она.

— Да... кое-что! отвѣчалъ герцогъ, въ смущеніи потирая
руки. Нечего сказать! славнаго вы обо мнѣ мнѣнія!...
отвѣйль?.. Сейчасъ говори, въ чемъ вы его обвиняете? Я хочу
внать!.. Полусловъ мнѣ не надо! Что у него съ Агнесой, и
онъ сдѣлалъ подь новый годъ?

Графиня Феличита, замѣтившая, какъ герцогъ все болѣе и бо-
горячился, незамѣтно подмигнула своей пріятельницѣ.

— Если хочешь, то мы можемъ пройти съ тобой по парку,
ала герцогиня. Я сейчасъ убѣдилась еще разъ, что здѣсь у
ь есть уши... Позвольте руку...

— Ну, милой женѣ нелегко будетъ успокоить своего супру-
насмѣшливо прошептала графиня, глядя вслѣдъ за удалявшей-
етой. Затѣмъ она стала собирать бумаги, и хотѣла уже ухо-
какъ въ комнату вошелъ, совершенно убитый, генераль Зан-
скій, и чуть не со слезами на глазахъ сообщилъ ей, что онъ
тъ въ немилость, и потому просилъ ея помощи и защиты.

— Какъ?.. Бодманъ, а не принцъ Александръ? вскричала без-
монная графиня и отвратительно улыбулась.— Неужели вы,
утя, надѣялись, что вамъ поручатъ главное командованіе?.. Вамъ
презрительно прибавила она.

— Но, дорогая графиня!..

— Отстаньтѣ!.. Не дурите!.. Здѣсь вы еще годились! но тамъ-
Бодмана я все-таки предпочитаю. Ну, что вы въ такихъ дѣ-
понимаете?

— Да позвольте же графиня!.. проговорилъ изумленный ге-
тъ.

— Не дурите!.. Оставьте! У меня теперь хлопотъ помонъ ротъ. Такъ не принцъ? Чтожь!.. Это умно... Это меня радуетъ!

Съ этими словами она быстро пошла къ двери. Съ генералом церемониться она не любила и говорила съ нимъ напрямивъ. Въ дверяхъ она остановилась еще разъ, обернулась и сказала:

— Я дамъ вамъ хорошей совѣтъ: убирайтесь-ка вы отсюда къ добру, по здорову, и сидите дома; сегодня здѣсь дуетъ не популярный вѣтеръ.

Она многозначительно кивнула и ушла.

Генераль повернулъ усы и прикусилъ губы. Долго простоялъ онъ, задумавшись, на одномъ мѣстѣ и затѣмъ шумно ударилъ по паркету брякнувшей саблей.

— Чортъ бы ихъ побралъ! проворчалъ онъ: — не поворъ это. Одна только черная неблагогородность! Но все-таки! это благополучно не кончится!

Скорчивъ отвратительную гримасу, онъ началъ отступленіе. Въ это самое время принцъ Александръ, въ страшномъ волненіи, писалъ своему царствующему брату письмо, въ которомъ упрекалъ его въ нанесенной ему обидѣ и говорилъ, что слагаетъ съ себя всѣ послѣдствія рѣшенія, принятаго братомъ, помня его вѣдома. Слагая съ себя отвѣтственность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ отпустить его въ имѣніе.

XLIV.

Несчастіе совершилось: капитанъ фонъ-Ротвейль лежалъ тяжело раненый въ гарнизонномъ лазаретѣ.

Въ публикѣ уже давно ходили смутные слухи, что чопорный плацмайоръ нѣсколько причастенъ къ дѣлу о появленіи привидѣнія подъ новый годъ. Это говорили, конечно, свептики; вѣрующіе же крестились при одной мысли о такомъ святотатствѣ. Въ послѣднее время о Ротвейлѣ много говорили, и его имя соединяли съ именемъ принцессы Агнесы; кромѣ того, говорили, что онъ упорно преслѣдуетъ своимъ ухаживаньемъ Сеппи.

Слухи эти, конечно, стали извѣстны и плацмайору; вслѣдствіе

то онъ сдѣлалъ сцену поручику фонъ-Рейхерту, предполагая, что только онъ одинъ могъ разсказать о ночномъ происшествіи въ замкѣ, такъ какъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ фрейленъ фонъ-Рошъ, повѣренной принцессы.

Въ Х. была настоящая эпидемія на анонимныя письма, и по всѣ ихъ получали, начиная отъ герцога и герцогини. На разъ герцогиня получила нѣсколько такихъ писемъ объ отнѣніяхъ Ротвейля къ ея дочери. Ей, какъ женщинѣ ловкой, удавалось перехватывать анонимныя письма къ мужу, и скрывать отъ него о дочери. Принцесса Агнеса тоже получила анонимное письмо, въ которомъ, что ея возлюбленный ухаживаетъ за другими женщинами, и онъ человѣкъ вѣтряный, и потому не мѣшало бы ей дать отставку. Никакія слѣдствія, конечно, ничего не открывали, но плацмайоръ еще болѣе сталъ бояться поручика фонъ-Рейха, и не всегда скрывалъ свой страхъ. Въ сущности капитанъ Ротвейль былъ трусишка, и, не смотря на всѣ свои предположенія, страшно боялся, чтобы герцогъ не узналъ объ его отношеніяхъ къ своей старшей дочери; боялся, что поручику, пріемъ котораго къ нему было очевидно, сбоятнетъ что-нибудь. Рейхъ же молчалъ ради Елены.

Но недавно, въ одномъ обществѣ, обоюдная ненависть внезапно вылилась и произвела неожиданный скандалъ.

— Что вы понимаете! раздался грубый, громкій голосъ.

— Извините, капитанъ, я понимаю не хуже васъ, отвѣчалъ другой голосъ, и присутствующіе увидели двухъ раскраснѣвшихся людей, въ ярости стоявшихъ другъ передъ другомъ. Дѣло шло о Еленѣ.

— Это не такъ, говорятъ вамъ... Вы ничего не понимаете, и вообще ведете себя до крайности неприлично! въ совершенной ярости и съ сверкающими отъ гнѣва глазами, вскричалъ плацмайоръ.

— Я не позволю вамъ такъ говорить со мной. Мы тутъ не службѣ, а въ обществѣ. Если вы это забываете, то я не замедлю! отвѣчалъ Рейхертъ, съ трудомъ сдерживая себя.

Ватѣмъ слышались такія слова, заглазить которыхъ можно

было только кровью. Послѣ такого скандала, дуэль была неизбежной, и произошла через нѣсколько дней. Пуля поручика попала въ грудь зачинщику ссоры.

Въ то время, какъ плацмайоръ лежалъ съ тяжелой раной въ груди въ гарнизонномъ лазаретѣ, слѣдствіе открывало его темныя дѣла. И герцогъ, на этотъ разъ не имѣвшій возможности защитить его, по неволѣ узналъ, что за человекъ плацмайоръ, и въ какихъ отношеніяхъ находился онъ въ его дочери. Слѣдствіе открыло, что принцесса являлась на свиданіе въ дежурную комнату, и что подѣ новый годъ, лишенная возможности пройти къ себѣ, она была участницей недостойнаго обмана, произведеннаго плацмайоромъ посредствомъ простаго волшебнаго фонаря, и такъ напугавшаго солдатъ, да и самого герцога.

Герцогъ выходилъ изъ себя, онъ безпрестанно призывалъ то генерала Зандревскаго, то министра, то гофмаршала, и осыпалъ ихъ не только упреками, но и оскорбленіями. Затѣмъ наступила очередь принцессы, и старикъ съ еще большей яростью бросился къ дочери, чтобы наказать ее. Но тамъ онъ засталъ врача и увидалъ огорченныя и заплаканныя лица; несчастная, любящая принцесса Агнеса, узнавъ объ исходѣ дуэли, упала въ обморокъ, и съ плачемъ и стономъ требовала, чтобы ее свели къ возлюбленному, съ которымъ она хочетъ умереть.

Несчастный отецъ былъ точно убитъ и ломалъ себѣ руки отъ отчаянія. Такъ и ее, несчастную дѣвушку, провелъ этотъ хитрецъ, на котораго онъ надѣялся, какъ на каменную гору?

Старикъ стоялъ, никѣмъ незамѣченный, и въ ярости сжималъ кулаки. Жена назвала его слабохарактернымъ, что было совершенно справедливо, но теперь онъ покажетъ себя и назначить такой судъ, что небу станетъ жарко! Онъ ушелъ къ себѣ, заперся и, какъ левъ въ клеткѣ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

— Барету! приказалъ онъ наконецъ.

Барета покатила мимо группъ взволнованнаго народа, стоявшаго по улицамъ и площадямъ, и подѣвхала къ гарнизонному лазарету.

— Что это значитъ... отчего столько народа? разсѣянно

спросилъ герцога, вовсе не замѣчая, какъ мраченъ стоявшій тутъ народъ.

— Вѣроятно, ваше высочество, народъ ждетъ войска... сегодня тутъ долженъ пройти нейштадтскій батальонъ, весьма находчиво отвѣчалъ ѣхавшій съ нимъ адъютантъ, который очень хорошо зналъ, почему собрался народъ, но вовсе не хотѣлъ говорить.

— Совершенно вѣрно... нейштадтскій батальонъ... съ майоромъ Габлеромъ, не такъ ли?

— Майоръ Габлеръ отпрапортовался большимъ...

— Такъ, такъ, я забылъ... Ну, вотъ мы и приѣхали; вы посидите здѣсь, а навѣрхъ я пойду одинъ.

— Слушаю, ваше высочество!

Герцогъ какъ-то странно, особенно разсѣянно взглянулъ на мрачное зданіе и пошелъ, точно въ забытїи.

Всѣ служащіе забѣгали въ страхъ, при видѣ неожиданно подъѣхавшей герцогской кареты; смотритель натянулъ второпяхъ на неформенные штаны мундиръ, бросилъ только что начатую кружку пива и, схвативъ фуражку, побѣжалъ на парадную лѣстницу. Дежурнаго врача позвали поскорѣе въ лазаретъ. Къ счастью, герцогъ началъ разговаривать съ выздоравливающими, ходившими по двору, и потому служителя успѣли хоть немножко прибрать.

Все лазаретное начальство боялось неожиданной ревизіи, но герцогъ заявилъ прибѣжавшему врачу, что онъ желалъ бы посѣтить плацмайора фонъ-Ротвейля.

— Извините, ваше высочество; видѣть его можно, но говорить съ нимъ нельзя, почтительно проговорилъ врачъ.

— Въ такомъ случаѣ покажите его мнѣ! приказалъ герцогъ.

Изъ сосѣдней комнаты герцогъ увидалъ блѣднаго больнаго, до такой степени пережившагося, что его можно было принять за мертваго.

— И это измѣнникъ! подумалъ герцогъ, на лицѣ котораго выразилась нестерпимая душевная боль.

Затѣмъ онъ повернулся, и тихо, на цыпочкахъ, пошелъ въ другую комнату.

— Есть ли надежда? шопотомъ спросилъ онъ.

— Очень мало, ваше высочество... пуля задѣла лѣвое легкое и осталась въ тѣлѣ.

— Страдаетъ онъ?

— Да... у него жаръ, и затруднено дыханіе.

— Лѣчите его... старайтесь, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался, докторъ. Какъ ваша фамилія?

— Тилау, ваше высочество.

— Да... да... Тилау, Тилау! Пожалуйста, чтобы онъ ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка... вы отвѣтите мнѣ за послѣдствія!

Всѣ служащіе съ радостью увидели, что герцогская карета уѣхала. Слѣдовательно, ревизіи не будетъ... Слава Богу!

Смотритель снялъ тѣсный мундиръ и снова усѣлся за пиво.

— Капитанъ фонъ-Ротвейль очень плохъ, сказалъ герцогъ, сидя съ адъютантомъ своимъ въ каретѣ.

— Я слышалъ объ этомъ, ваше высочество.

— А военный судъ... Я говорю про поручика фонъ-Рейхерта.

— Его отправляютъ сегодня во Франценбургъ, ваше высочество.

— Гм... гм... скверно.

XLV.

14-го іюня, когда въ Франкфуртѣ Германія подала голосъ противъ Пруссіи, въ Х. происходило такое волненіе, что благо разумные люди укладывали свои вещи и собирались отправлять куда нибудь подальше дѣтей.

Какъ предсказывалъ генералъ Бодманъ, герцогу пришлось подыскивать себѣ другое мѣсто жительства. Въ ночь на пятнадцатое число, прусскіе гусары перешли границу. Война была близка. Въ три часа ночи герцогъ былъ разбуженъ, и только на слѣдующее утро добрые жители резиденціи узнали, что государь ихъ уѣхалъ къ своей храброй арміи.

15-го іюня былъ теплый, ясный день. Солнце ярко свѣтило надъ лихорадочно возбужденнымъ городомъ. Все населеніе вскочило на ноги, когда раздалось извѣстіе, что пруссаки идутъ! Извѣстіе

это пришло въ городъ по телеграфу и разнеслось съ быстротой молніи. Съ восьми часовъ утра все населеніе высыпало на улицу и выражало неподдѣльный страхъ. Всѣ читали желтые листки съ такими извѣстіями:

«Бургомистръ Борны доносить, что сегодня, вскорѣ послѣ полуночи, черезъ границу перешли прусскіе гусары и двинулись въ Х. Съ двухъ часовъ двигается пѣхота и артиллерія.

«Его высочество герцогъ Францъ отправился сегодня въ пять часовъ утра въ армію, въ Гольцвирхенъ.

«По словамъ населенія, прусскія войска стягиваются при Блахѣ у подножія горы. Враждебныхъ дѣйствій до сихъ поръ никакихъ не происходило».

Герцогъ слѣдовательно бѣжалъ, покинувъ на произволъ судьбы свою столицу и предоставивъ семейство на великодушіе непріятеля. За нимъ, къ югу, съ самаго утра потянулись жители, уѣзжавшіе и по желѣзной дорогѣ, и на лошадахъ, и уходившіе даже пѣшкомъ. Болѣе цѣнное достояніе они уносили съ собой, оставляя все остальное непріятелю. Въ замкѣ сидѣла герцогиня около своей больной дочери, и, не смотря на всеобщій переполохъ, казалась довольно спокойной и съ презрѣніемъ смотрѣла, какъ сановники, поблѣднѣвъ и растерявшись, не помнили себя отъ страха и неусыпно умоляли герцогиню бѣжать и не отдаваться въ руки грубымъ солдатамъ. Генералъ Зандревскій, какъ угорѣлый, прибѣжалъ изъ дворцоваго флигеля во дворецъ, посмотрѣлъ, что тамъ дѣлается, и удралъ вонъ изъ города, чтобы не дать пруссакамъ захватить такого важнаго плѣнника.

Среди трусовъ герцогинѣ пришлось видѣть и людей смѣлыхъ. Такъ, напримѣръ, графъ Зальцка, не смотря на видимую для себя опасность, явился предложить герцогинѣ свои услуги, какъ явились многіе простые граждане и умоляли ее не подвергать себя опасности. Суетня въ городѣ была страшная; многіе жители, отправивъ свои семьи, зарывали цѣнныя вещи въ землю, точно ожидали такого же грабежа, какой былъ въ тридцатилѣтнюю войну. Вся молодежь вышла на возвышенность съ сѣверной стороны, откуда было видно приближеніе пруссаковъ, которые заявили, что они ведутъ

войну не съ мирными гражданами, а противъ герцога Франца его арміи. Такое заявленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ только къ вечеру, успокоило большую часть оставшихся горожанъ.

На холмѣ, около большой дороги, стоялъ скромный трактиръ. Неподалеку отъ него, подъ высокимъ дубомъ, сидѣлъ ректоръ Магнификусъ и краснымъ индѣйскимъ платкомъ вытиралъ потъ съ своего лица. Около него, на травѣ, лежали студенты и издали, вѣроят но, походили своими голубыми, красными и желтыми фуражками на цвѣты, рассыпанные по лугу. Къ нимъ потомъ присоединился любимецъ герцога, г. Кюкопфъ, появленіе котораго произвело нѣкоторую сенсацию. Неподалеку отъ нихъ, у опушки ближайшаго лѣсочка, лагеремъ стояли прусскія войска. Въ тѣни высокихъ деревьевъ сверкало ихъ оружіе. Они отдыхали беззаботно и, повидимому, въ совершенномъ покоѣ; только кое-гдѣ взадъ и впередъ ходили караульные солдаты. Подлѣ сложенныхъ въ возла ружей лежали ранцы, а далѣе горѣли разведенные костры и доносился запахъ кофе. Но другую сторону шоссе, рядомъ съ лошадьми, ѣвшими сѣно, и съ орудіями, виднѣлись голубые гусары и темны артиллеристы.

Зрѣлище было оживленное и привлекательное: любопытны подходили все ближе и ближе. Все это походило скорѣе на маневры, чѣмъ на войну. Ректоръ Магнификусъ тоже вообразилъ, что это маневры, и пошелъ въ сопровожденіи Кюкопфа и нѣсколькихъ студентовъ по шоссе до голубыхъ гусаръ. У самой дороги стояла маленькая группа, состоявшая изъ генерала и его штаба, за которыми ординарцы держали лошадей. Какой-то капитанъ, съ широкими красными лампасами на штанахъ, удобно сидѣлъ на краю рва и разсматривалъ разложенную рядомъ съ нимъ карту.

— Шуленбургъ, не хотите ли вина? спросилъ кто-то, подходя во рву.

— Позвольте, сказалъ офицеръ, разсматривавшій карту. Онъ выпилъ стаканъ вина, взялъ снова сигару въ зубы и продолжалъ изучать карту.

Ректоръ поклонился, офицеры вѣжливо отвѣтили на поклонъ.

группы отдѣлился генераль и подошелъ къ ректору; студенты разступились.

— Вы, господа, пришли изъ X.? спросилъ генераль.

— Точно такъ... только что оттуда, отвѣчалъ ректоръ.

— Мы вотъ хотимъ сдѣлать вамъ визитъ... и потому сегодня ранехонько вышли изъ Риппахъ, добродушно улыбаясь, продолжалъ генераль.

— Вы являетесь нѣсколько неожиданно, господинъ генераль! Позвольте мнѣ представиться... ректоръ здѣшняго университета... гнификасъ Санновъ.

— Генераль фонъ - Шварцъ... Очень радъ познакомиться съ вами, имя котораго пользуется такой извѣстностью въ учебномъ мірѣ.

— Вы очень любезны, генераль, но въ сущности...

— Сегодня я отчасти *Hannibal ante portas*, но надѣюсь въ кровопролитіи двинуться туда.

Онъ указалъ на городъ, лежавшій внизу.

— Это будетъ вамъ весьма нетрудно, такъ какъ сегодня, въ полдень за герцогомъ, изъ города вышли послѣднія войска. Кромѣ караула, въ городѣ нѣтъ ничего.

— Тѣмъ лучше, господа.

— *Dum Roma deliberat, Segantum perit!* пожавъ плечами, сказалъ ректоръ.

— Но мы вѣдь идемъ къ вамъ не какъ враги, и надѣмся, что не встрѣтятъ безъ страха и ужаса. Войну мы ведемъ только противъ вашего правительства, а не противъ мирныхъ подданныхъ... Намъ было бы очень пріятно, еслибы эти слова моего всемилостивѣйшаго короля стали всѣмъ извѣстны... Никого не желаемъ мы разговаривать, и поступаемъ такъ только потому, что принуждены действовать.

— Жаль, что этого раньше не знали въ городѣ, возразилъ ректоръ: — многихъ это избавило бы отъ неприятностей, такъ какъ сегодня, съ ранняго утра, уѣзжаютъ изъ города.

— Уѣзжаютъ, вѣроятно, только тѣ, у кого совѣсть нечиста.

— Значить, совѣсть нечиста у большинства.

Въ эту минуту, къ генералу подошелъ офицеръ съ красными лампасами.

— Уже половина одиннадцатаго, проговорилъ онъ, отдавая честь.

— Ну, такъ en avant.

— Такъ его высочество уѣхалъ только сегодня поутру? спросилъ офицеръ, обращаясь къ ректору.

— Да, услыхавъ, что вы перешли границу. Его подняли съ постели.

— Гм! проговорилъ генералъ, покручивая усы:—А герцогиня?

— Принцесса Агнеса очень больна... и поэтому герцогиня съ дамами и со всѣмъ дворомъ остались.

— А принцъ Александръ?

— О немъ я ничего не знаю.

Между тѣмъ лагерь ожилъ. Слова: «На лошадей!.. къ оружію!..» съ быстротой молніи обнеслись по маленькому лагерю. Всѣ тихо взяли за оружіе и стали рядами.

Ректоръ и студенты только теперь замѣтили, что на берегу рѣки тоже стояли пруссаки, подходившіе къ шоссе.

— Ну, до свиданья, господа! вскричалъ генералъ, садясь на лошадь и, въ сопровожденіи своего штаба, направляясь къ городу.

Ректоръ увидалъ тутъ быстроту движенія прусскихъ войскъ, обратившуюся въ поговорку. Съ быстротой молніи кавалерія влетѣла въ городъ и заняла всѣ улицы. Пѣхота заняла желѣзнодорожные пути, замокъ и всѣ главные пункты города. Не успѣли жители опомниться, какъ городъ уже былъ въ рукахъ непріятеля.

Все произошло тихо, безъ суетни и въ полнѣйшемъ порядкѣ; и когда перепуганные жители увидали, что никакого грабежа не начинается, то стали понемногу выползать изъ своихъ домовъ и вступать въ разговоры съ такими же нѣмцами, какъ и они. Женщины несли воду и пищу, а мужчины приносили вина и сигаръ.

Молодой гусарскій офицеръ прискакалъ во главѣ патруля въ герцогскій паркъ, и встрѣтился тамъ, на большой аллеѣ, со сторожемъ парка. Сторожъ, отдавъ честь, указалъ на дощечку и сказалъ:

— Господинъ поручикъ, здѣсь запрещено ѣздить на лошадяхъ; нѣ придется оштрафовать васъ.

— Нѣтъ, ужь не штрафуйте, добродушно отвѣчалъ офицеръ, становившая лошадь;—вѣдь мы не катаемся, а исполняемъ долгъ службы.

Съ этими словами онъ, какъ вихрь, пронесся въ самому замку, къ гауптвахтѣ, гдѣ солдаты не успѣли сдѣлать даже на бараки. Гусары спѣшились и расположились на лужайкѣ около своихъ лошадей. Огорченная и поблѣднѣвшая герцогиня, только что прочитавшая письмо, второпяхъ написанное ей мужемъ передъ отъѣздомъ, увидала изъ своей голубой комнаты прусскихъ гусаръ. Она сначала страшно испугалась, но потомъ вскочила и съ достоинствомъ вскричала:

— Гофмаршалъ фонъ-Вальвицъ!

Придворная дама въ страхѣ бросилась изъ комнаты. Герцогиня была глубоко возмущена. Что случилось въ одну ночь? Мужъ ея бѣжалъ и сама она находится въ рукахъ непріятеля. Гордости ея былъ нанесенъ жестокий ударъ.

— Неужели же Австрія, на которую она такъ надѣялась, могла допустить, чтобы ее... герцогиню взяли въ плѣнъ ихъ враги, пруссаки? и гдѣ же армія, которой такъ гордился герцогъ.

На минуту ей мелькнула мысль о побѣгѣ, но мысль эту она тотчасъ же отвергнула... у нея была больная дочь, не могла же она бросить ее на произволъ грубыхъ солдатъ. И какъ наглы эти сары! они осмѣливаются привязывать своихъ лошадей къ деревьямъ ея парка!.. и распоряжаются точно у себя дома.

— Господина фонъ-Вальвица нигдѣ найти не могутъ, ваше высочество, со страхомъ проговорила блѣдная и дрожащая дама.

Герцогиня обернулась и вытанулась во весь ростъ.

— Какъ! вскричала она.—Такъ и онъ бѣжалъ?

— Не знаю... его ищутъ, ваше высочество, уклончиво отвѣтила дежурная дама:--но баронъ фонъ-Гримменштейнъ проситъ принять его.

— Баронъ? Просите... такъ нашелся одинъ человекъ...

одна душа!.. и этотъ человѣкъ никогда не былъ у насъ наемщикомъ!..

Придворная дама съ испугомъ увидала, какъ лицо герцогини исказилось, и какъ она судорожно сжала булавки.

— Ваше высочество, сказалъ старикъ, войдя въ комнату и опираясь на палку.

Старикъ былъ въ своемъ голубомъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Герцогиня встала передъ нимъ и губы ея судорожно сжались.

— Вы пришли посмотреть, какъ непрочно все земное, баронъ Гримменштейнъ, рѣзко проговорила она, точно каждое слово причиняло ей нестерпимую боль.

— Я пришелъ, ваше высочество, спросить васъ, не могу-ли я быть вамъ чѣмъ нибудь полезнымъ, просто и съ достоинствомъ отвѣчалъ старый дворянинъ.

— Въ такомъ случаѣ вы дѣлаете то, чего даже не обязаны дѣлать и чѣмъ могли бы служить примѣромъ для другихъ.

Она указала на паркъ, гдѣ стояли гусары, и на пустыя комнаты.

— Какъ въ такое короткое время все можетъ измѣниться, съ рѣзкой усмѣшкой продолжала она.—До вчерашняго дня здѣсь раздавались напыщенные фразы, а сегодня я одна съ своими дѣтьми... совершенно одна!

— На безсиліе и терпѣніе Пруссіи слишкомъ понадѣялись, отвѣчалъ старикъ, невольно пожимая плечами, и съ искреннимъ участіемъ глядя на герцогиню:—но вы все-таки не однѣ, хотя, можетъ быть, кое-кто отъ неожиданности и потерялъ голову... Кроме того, я позволю себѣ замѣтить, что король Вильгельмъ...

— Знаю... знаю... съ раздраженіемъ, какъ львица, перебила его герцогиня:—такими словами одурачиваютъ народъ и ниспровергаютъ престолы...

Она нѣсколько разъ прошла по комнатамъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! не надо милости отъ враговъ!.. это было бы подаяніемъ... пусть они рѣжутъ, грабятъ... придетъ вѣдь, наконецъ, день возмездія!..

Она вдругъ остановилась, тяжело переводя духъ, и стала прищипывать въ отворенное окно. Вмѣстѣ съ ароматичнымъ легкимъ вѣтеркомъ, изъ парва доносился какой то гулъ въ родѣ морго шума; къ нему примѣшивался стукъ барабана и свистъ. Гулы въ одинъ мигъ вскочили на лошадей, и начали ѣздить взадъ передъ.

Герцогиня поблѣднѣла... и, поднявъ глаза къ небу, опустилась диванъ и залилась слезами...

— Смерть моя!.. простонала она.

Дежурная дама и баронъ съ испугомъ бросились къ ней, и въ же минуту услышали внизу голоса, а въ комнату вбѣжали дворные, пропавшій гофмаршалъ фонъ-Вальвицъ, и затѣмъ принца Гильда и нѣсколько придворныхъ дамъ... Всѣ они кричали:

Пруссаки идутъ... пруссаки вошли!

Дѣйствительно непріятель, — то есть главная прусская колонна, — но въ двѣнадцать часовъ, вошелъ въ городъ. Часть колонны тотъ же пошла далѣе въ страну и заняла ближайшій соединительный желѣзнодорожный пунктъ, а остальная осталась въ резиденціи.

Равномѣрные шаги пѣхоты раздавались по мостовой, а дома какали отъ пробѣжавшей тяжелой артиллеріи. Вслѣдъ за вступленіемъ пруссаковъ всѣмъ тотчасъ же стало ясно, что эти люди бить никого не стануть; но тѣмъ не менѣе бургомистръ и горожскіе депутаты вышли на встрѣчу къ генералу, и просили его сдать городъ. Генералъ повторилъ имъ то же, что уже говорилъ гору.

Этотъ разговоръ происходилъ еще въ предмѣстьѣ, передъ большимъ сивымъ домомъ, выходившимъ на бульваръ. Солдаты остановились передъ нимъ, чтобы немного почиститься и обтереть пылъ вступленія въ настоящій городъ.

Изъ окна перваго этажа высунулась толстая фигура графини Ничиты, и въ бинокль смотрѣла, съ свойственной ей наглостью, непріятельскія войска. Она съ насмѣшливой улыбкой слѣдила повлонами бургомистра и депутатовъ, а замѣтивъ, что ко-

лонна двинулась вперед, она подняла руку и, повернувшись в комнату, проговорила:

— Погодите вы... игрушечные солдатики... посмотримъ, что будетъ черезъ три недѣли... Что-то будетъ тогда съ вами!

— Хорошо, кабы устами вашей милости да медь пить, отчалъ человѣкъ, стоявшій въ комнатѣ и озававшійся парикмахеромъ Кьюкопфомъ:—но только не вѣрится что-то.

Пруссаки, между тѣмъ, сверкающимъ потокомъ распространялись по городу. Лицо графини становилось тѣмъ серьезнѣе и мрачнѣе чѣмъ дальше она смотрѣла на пруссаковъ. Она никогда не видѣла прусскаго войска, а слышала только насмѣшки надъ нимъ и ей вдругъ пришло въ голову: что если это неправда? если пруссаки вовсе не игрушечные солдаты? Лицо ея омрачилось еще болѣе, и, быстро прогнавъ отъ себя сомнѣнiе, она громко позвала.

— Запрягать желтую карету... самую нарядную... я ѣду замочь!

— Графиня!.. со страхомъ проговорилъ Жанъ Кьюкопфъ.

— Молчи!.. Что ты понимаешь! грубо крикнула она. Я боюсь... и поѣду!

Изъ наряднаго своего магазина выглядывала Сеппи, одѣтая въ очень изящное платье, но безъ цвѣтовъ, и смѣло смотрѣла заглядывавшихся на нее голубыхъ гусаръ. Она стояла въ дряхлѣхъ, прислонившись плечомъ къ косяку, скрестивъ на груди руки и выставивъ свои маленькiя ножки. Она мысленно сравнивала пруссаковъ съ мѣстными офицерами, какъ Ротвейль и другiе, выраженiе лица ея мѣнялось ежеминутно.

Наверху, на своемъ маленькомъ балкончикѣ, стояла Валерия фонъ-Боденштейнъ и смотрѣла на проходившiя войска. Прихожая пруссаковъ она была рада, хотя сама не сознавала почему.

— Ахъ! еслибы я была мужчиной! постоянно шептала она страстно желая хоть какъ нибудь измѣнить свою жизнь.

Все, что она пережила въ Х., приходило ей теперь въ голову. Принцъ... живый, трусливый женскiй рабъ... гдѣ онъ теперь и гдѣ всѣ подлыя Kreatуры, ненавидѣвшiя пруссаковъ? Затѣмъ

представился образъ Бессинга, съ упрекомъ глядѣвшій на нее. Она опустила глаза, и по щекамъ ея покатались слезы.

Какъ разъ въ эту минуту, между толпою пробѣжала четвертая желтая карета, съ напудренными кучеромъ и лакеемъ, и поворнула къ замку. Ненавистную графиню толпа провожала свистами и шиваньемъ, а она нагло смотрѣла на нее, сидя въ каретѣ на вытяжку. Бѣ счастью для нея, что толпу сдерживалъ караулъ передъ пруссаками, а то графиня провела бы весьма непріятную четверть часика.

Такимъ образомъ, эта вредная женщина пріѣхала къ своей невестной, покинутой подругѣ. Гордо поднялась она по лѣстницѣ, въ покой герцогини, гдѣ встрѣтилась съ графомъ Зальца, только что простившимся съ герцогиней.

— До свиданья, графъ! сказала она, протягивая ему свою жирную руку.

— До свиданья, графиня, официально отвѣчалъ посланникъ, дотрогиваясь до руки.

— Не болѣе, какъ черезъ три недѣли!.. Дорогая моя... какія времена мы переживаемъ! съ пафосомъ обратилась она къ герцогу, обнявъ его и напечатлѣвъ поцѣлуй Іуды.

Нахмуривъ брови отъ негодованія, вышелъ графъ изъ дворца, караулъ котораго уже былъ занятъ пруссаками. Черезъ нѣсколько минутъ, карета его остановилась передъ магазиномъ Сеппи.

— Я пріѣхалъ проститься, быстро заговорилъ онъ, съ грустью глядя на хорошенькую дѣвушку.— Ужъ пора... черезъ полчаса я уйду.

Сеппи подошла къ самой вырубкѣ, у которой остановился и карета.

— Такъ вотъ какъ! почти съ презрѣніемъ проговорила она:— связавъ все это намъ на шею, вы теперь покидаете насъ?.. Какіе вы всѣ герои!.. На словахъ - то вы были храбры... готовы были проглотить пруссаковъ... Ну, что же, глотайте... они тутъ!

— Молчи, дѣвчонка, много ты понимаешь, сердито продолжалъ графъ.— Ну, что же такое? въ Вѣнѣ ошиблись въ расчетѣ. Мы стараемся прогнать этихъ господъ.

— Вотъ какъ... а между тѣмъ они уже здѣсь, и герцогиня у нихъ въ плѣну.

— И ты тоже, пруссофилка! Развѣ тебѣ Бессингъ не говорилъ, что я тутъ не причемъ?.. Ну, такъ миръ, Сеппи, разстанемся друзьями, я и то слишкомъ промѣшкалъ. Если пруссаки возьмутъ меня, это не будетъ выгодно... Ну, прощай же, душа моя, или, лучше сказать, до свиданья, такъ какъ черезъ нѣсколько недѣль я надѣюсь быть здѣсь, и съ большимъ обществомъ... а до тѣхъ поръ постарайся остаться мнѣ вѣрной.

Дѣвушка долго, пристально глядѣла на красивое лицо Зальца. Сначала она хотѣла сказать что-то хорошее и протянула даже руку, но потомъ глаза ея сверкнули злобой и она сказала:

— Не могу согласиться съ вами, господа дипломаты; хоть я и простая дѣвушка, но все-таки скажу, что вы поступили нехорошо. Если австрійскій императоръ, сидя въ Вѣнѣ, не могъ защитить своихъ друзей, то полагаю я, что ему и не слѣдовало вовлекать ихъ въ неприятность. Когда вы приѣдете благополучно въ Вѣну и увидите его, то поклонитесь и скажите, что скоро все мы опруссачимся.

— Это послѣднее твое слово, Сеппи... и ничего другаго ты мнѣ не скажешь? съ жаромъ спрашивалъ Зальца. И ты не дашь мнѣ руки на прощанье?

— Нѣтъ... но если, графчикъ, вы вернетесь, то все будетъ по старому...

— Хорошо же, смотри... будь мнѣ вѣрна, и не засматривайся на пруссаковъ.

— Я то вамъ вѣрна?.. смѣясь, сказала она:— такъ же вѣрна, какъ была прежде. Ну, прощайте, Господь съ вами.

Съ этими словами она убѣжала изъ магазина. Графъ постоялъ немного, затѣмъ тоже ушелъ изъ магазина, сѣлъ въ карету и поѣхалъ. Черезъ полчаса онъ уже выбрался изъ города, гдѣ расположились пруссаки. Городъ какъ будто не чувствовалъ, что онъ занятъ непріятелемъ; къ герцогинѣ никто не являлся и графиня тщетно ждала прихода прусскаго генерала, котораго она

ѣла сразить своимъ презрѣніемъ. Подождавъ, она безпрепятственно поѣхала домой въ своей парадной каретѣ.

Герцогиня и другія дамы могли бѣжать, но предпочли остаться, гдѣ для того, чтобы прослыть жертвами прусскаго варварства, астью—вслѣдствіе болѣзни принцессы, неустанно просившей, бы ее свезли къ раненому.

Это игнорированіе ея особы со стороны прусскаго генерала было тревожило герцогиню. Она усматривала въ этомъ уничтожающее презрѣніе, и страшно бѣсилась.

Въ одномъ поѣздѣ съ прусскимъ батальономъ ѣхалъ поручикъ фонъ-Рейхертъ—въ штатскомъ платьѣ—котораго освободили изъ ареста, вслѣдствіе появленія пруссаковъ.

Война началась, но война вовсе не ожесточенная, такъ какъ національной ненависти не было и въ поминѣ.

XLVI.

Король Вильгельмъ до начала войны заявилъ, что онъ гарантируетъ владѣнія мелкимъ владѣтельнымъ принцамъ, если они останутся нейтральными. Герцогъ Францъ нейтральнымъ не остался и потому мы находимъ его герцогство занятымъ пруссаками. У станціи желѣзной дороги X. стояли лица, все намъ знакомыя. Новъ, изъ адъюнктовъ попавшій въ офицеры прусскаго ландвера, баронъ Гримменштейнъ и, наконецъ, Бессингъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Бессингъ принужденъ былъ уѣхать изъ X., куда вернулся теперь гражданскимъ губернаторомъ. Такое назначеніе это было для него пріятной неожиданностью. Онъ и хотѣлъ ѣхать въ X., чтобы видѣть Гильду, и боялся ѣхать, не зная, каковы будутъ его отношенія къ герцогской фамиліи, тѣмъ болѣе, что герцогство это навсегда присоединялось къ Пруссіи.

Бессингъ былъ встрѣченъ барономъ фонъ-Гримменштейномъ, съ которымъ и поѣхалъ въ гостинницу «Лебедь», гдѣ, пока, намѣренъ былъ поселиться. Относительно герцогской фамиліи онъ не получилъ никакихъ инструкцій, и ему было предоставлено поступить по своему усмотрѣнію. Онъ посоветовался съ барономъ фонъ-Гримменштейномъ,

и они порѣшили, что Бессингу лучше не являться самому къ герцогинѣ, а черезъ гофмаршала дать ей знать о цѣли своего прїѣзда въ X. Дѣлъ у него было столько, что онъ только къ вечеру освободился и могъ подумать о себѣ. Онъ досталъ портретъ Гильды, долго любовался имъ, и затѣмъ, сложивъ его, вышелъ съ задняго хода гостинницы и пробрался въ паркъ. Стемнѣло такъ, что зги не было видно. Онъ остановился передъ замкомъ и тотчасъ же увидалъ, что окна его милой освѣщены. Она, конечно, уже знала, что онъ въ X.

Гардина въ окнѣ заколыхалась... слѣдовательно окно было отворено, чего онъ прежде не замѣтилъ. Гдѣ-то послышались голоса... Въ то время, какъ онъ прислушивался, онъ увидѣлъ чью-то тѣнь, но не могъ разглядѣть ея. Онъ стоялъ, затаивъ дыханіе, и прислушивался. Потомъ занавѣска вдругъ заколыхалась, и въ окнѣ показалась чья-то женская фигура. У Бессинга сердце замерло отъ восторга... это она... Гильда, его возлюбленная! Онъ хорошо зналъ-дорогой образъ.

Донесъ-ли ночной вѣтерокъ его шопоть, или же онъ произнесъ ея имя громче, чѣмъ хотѣлъ, но только въ окнѣ поднялись двѣ руки, точно обвиняя кого-то; Бессингъ услышалъ свое имя и тихо произнесенное слово: «Иду!» Затѣмъ окно опустѣло, и черезъ какую нибудь минуту счастливые любовники лежали въ объятіяхъ другъ друга, не помня себя отъ блаженства.

XLVII.

Жизнь въ X. пошла своимъ чередомъ, дѣти по прежнему ходили въ школу, отцы ихъ—на службу и на работу, а матери занимались хозяйствомъ.

Герцогиня, дочери ея и дворъ жили въ полнѣйшемъ уединеніи. Бессингъ послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ къ гофмаршалу, и черезъ него предложилъ герцогинѣ свои услуги. Она выразила только одно желаніе: не видѣть болѣе прусскихъ солдатъ, поэтому Бессингъ тотчасъ же отдалъ распоряженіе, чтобы караулъ стоялъ за паркомъ, а пруссаки, назначенные на службу

замѣтъ, являлись въ штатскомъ платьѣ. Входъ въ паркъ публично былъ запрещенъ, и потому герцогская фамилія и дворъ могли тамъ, не обращая на себя чьего либо вниманія. Принцесса Генриетта и мужъ ея, принцъ Александръ, жили въ Шенау, а герцогъ находился въ Вюрцбургѣ. Онъ трогательнымъ образомъ прощался съ своей арміей и поселился въ старомъ епископскомъ городѣ Вюрцбургѣ. Вначалѣ онъ посылалъ изъ Вюрцбурга писанную графиней прокламаціи своему народу; но затѣмъ, видя, что никакихъ побѣдъ нѣтъ, пересталъ посылать и прокламаціи. Графиня Феличита, послѣ неудачной политической дѣятельности, занялась собирать деньги и вещи для раненыхъ; она изъ себя видѣла, что пруссаки не обращали на нее никакого вниманія, позволяли ей дѣлать все, что угодно. Между нею и герцогомъ пробѣжала черная кошка, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что графиня растративала собранныя для раненыхъ деньги.

Графиня была особа хитрая и умѣла плыть по вѣтру. Она взяла себѣ на квартиру нѣсколькихъ прусскихъ офицеровъ и солдатъ, и, не смотря на свою скупость, не щадила ни вина, ни пива, хорошихъ обѣдовъ, ни сигаръ. При этомъ она дружески разговаривала съ солдатами, обращалась по товарищески съ офицерами, играла съ ними послѣ обѣда на билліардѣ, и, куря папиросы, болтала о войнѣ, точно все это была одна шутка.

Она часто ѣздила на ученье и старалась познакомиться съ солдатами. Какъ старую графиню ни ругали, какъ надъ ней ни издевались, но однако же цѣли своей она достигла, и въ замѣтъ стали говорить, что она хлопочетъ о герцогѣ въ непріятельскомъ лагерѣ. Никто же о себѣ жителей города она узнавала черезъ анонимныя письма, неукоснительно къ ней приходившія.

Въ эти тяжелые дни Бессингъ велъ себя безукоризненно, онъ былъ не только благодѣтелемъ страны, но и двора. Онъ управлялъ делами вѣжливо, кротко, серьезно и энергично, когда это было нужно. Его другу Фоглеру онъ сказалъ, лишь только тотъ къ нему явился, что если бы онъ жилъ спокойно и не интриговалъ, а иначе онъ тотчасъ же отправитъ его во Франценсбургъ.

Бессингъ занялъ помѣщеніе, когда-то занимаемое генераломъ

Зандревскимъ, въ концѣ парка. Это было хорошенькое, отдѣльное, довольно большое зданіе, зачастую служившее помѣщеніемъ различнымъ членамъ герцогской фамиліи. Съ балкона этого флигеля и изъ южныхъ оконъ его, видна была часть парка, и, кромѣ того, тутъ же въ стѣнѣ была маленькая калитка, ведущая прямо въ паркъ. У калитки караула не было; такимъ образомъ, влюбленный Бессингъ могъ безъ затрудненія видѣть Гильду и говорить съ нею. Взаимная любовь ихъ въ эти тяжелыя времена еще болѣе укрѣпилась.

Четвертаго іюля къ Бессингу явилась гофмаршалша фонъ-Боденштейнъ и, отъ имени своей дочери, просила снабдить Валерію рекомендательными письмами, такъ какъ та непременно желала оставить мать и отправиться на театръ войны въ качествѣ сестры милосердія. Бессингу очень хотѣлось отговорить Валерію отъ поѣздки, но онъ хорошо чувствовалъ, что не имѣетъ на это права. Онъ не могъ себѣ представить такой хорошенькой, избалованной дѣвушки съ руками въ крови, и перевязывающей раны; но тѣмъ не менѣе, онъ обѣщалъ снабдить ее письмами къ знакомымъ санитарамъ и врачамъ.

Въ ту минуту, какъ онъ провожалъ гофмаршалшу до лѣстницы, къ нему послѣдно вошелъ начальникъ телеграфа. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ баронъ фонъ - Гримменштейнъ: третьяго іюля при Кёниггрецѣ была дана рѣшительная битва, кончившаяся полнѣйшей побѣдой прусскаго оружія. Всѣ очень хорошо понимали, что, послѣ такого пораженія австрійцевъ, война должна была кончиться. Въ продолженіе всего разговора съ старымъ барономъ, въ то время, когда въ городѣ началась пальба, возвѣщающая о побѣдѣ, и стѣны начали покрываться газетными извѣстіями о битвѣ, Бессингъ постоянно думалъ о своей возлюбленной и о ея несчастныхъ родителяхъ. Онъ пожалѣлъ стараго герцога, не захотѣвшаго сохранить нейтралитетъ и потому лишившагося престола; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не думать, что теперь обстоятельства измѣнились, и пропасть между нимъ и Гильдой стала не такъ велика.

Ему страстно хотѣлось поскорѣе увидать свою милую, поговорить съ нею и утѣшить ее. Извѣстіе объ австрійскомъ пораже-

и, конечно, достигнуло уже и герцогского дворца, и привело их въ сильное уныніе.

Герцогиня была несовсѣмъ здорова и лежала на диванѣ у нея въ комнатѣ, когда раздался первый выстрѣлъ. Она вскочила с дивана и схватилась за сердце; прежде всего ей пришло въ голову, что освободители близко и что тутъ, передъ городомъ, на-чается битва.

Она, съ сильно бьющимся сердцемъ, бросилась въ парадныя комнаты, и въ окно стала смотрѣть на дворцовую площадь. Изъ оконъ выглядывали взволнованныя лица, на балконѣ «Рыцаря» стояла госпожа фонъ-Боденштейнъ и смотрѣла внизъ на плу, собравшуюся у ея ногъ. Выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ. Герцогиня стояла и смотрѣла, а сердце у нея такъ и ныло... неужели около нея никого не было, кто объяснилъ бы ей все?... Радость, конечно, начала смѣняться тоской и страхомъ. Въ эту минуту, въ соборѣ ударилъ первый колоколъ, затѣмъ начался онъ и во всѣхъ другихъ церквахъ и смѣшался съ непрерывавшейся пальбой... на нѣкоторыхъ домахъ и на «Рыцарѣ» появились флаги... черные и бѣлые!

Герцогиня начала понимать... она поблѣднѣла и колѣни подъ нею стали подкашиваться. Обернувшись и едва держась на ногахъ, увидала она за собою гофмаршала, такого же блѣднаго, какъ она, и тоже едва державшагося на ногахъ.

— Ваше высочество! прошепталъ онъ и залился слезами.

При видѣ такой слабости, къ герцогинѣ вернулась вся ея энергия; она подавила рыданіе, готовое уже вырваться у нея изъ груди, и хотя ноги едва держали ее, но она все-таки совершенно справилась съ собой.

— Говорите же, быстро и рѣзко сказала она, нахмуривъ брови вытянувшись во весь ростъ.

Гофмаршалъ долго не могъ собраться съ силами, чтобы выговорить слово... она теряла терпѣніе и злилась.

— Да говорите же, господинъ фонъ-Вальвицъ... я приказываю, сказала она.

— Ваше высочество... напечатаны объявленія... эти вы-

стрѣлы... колокольный звонъ, несвязно и едва слышно шепталъ онъ; но, взглянувъ на нее, испугался и быстро договорилъ:—при Кёниггрецѣ... вчера сражались вплоть до ночи... фельдмаршалъ Бенедекъ проигралъ сраженіе... двѣсти орудій...

Онъ вдругъ остановился и поднялъ руки, увидавъ, что герцогиня закрыла глаза и зашаталась. Но она скоро оправилась и тихо, но повелительно проговорила:

— Объявленіе... я хочу прочесть... принесите мнѣ.

— Ваше высочество!..

— Молчите!.. я приказываю... я требую, господинъ фонъ-Вальвицъ!

Гофмаршалъ вынулъ изъ кармана бумажку и подалъ; она взяла ее, быстро ушла и заперлась у себя въ комнатахъ.

XLVIII.

Извѣстія изъ Кёниггреца произвели въ городѣ, въ странѣ, въ Германіи, въ цѣломъ свѣтѣ, удивленіе, радость и горе: кто торжествовалъ, а кто приходилъ въ отчаяніе и рвалъ на себѣ волосы.

Въ какіе нибудь шесть дней австрійская армія была побита и почти уничтожена, а побѣдитель, стянувъ силы на Эльбу, стоялъ наготовѣ, чтобы двинуться на Вѣну. Такого результата не ожидалъ никто, не ожидали даже сами пруссаки. Это походило на невѣроятную сказку.

Извѣстіе о побѣдѣ пруссаковъ дошло и до деревни, куда уѣхала невѣста Саннова съ матерью. Невѣста доцента, увидавъ его въ военной формѣ, назвала измѣнникомъ и болѣе знать не хотѣла. Мать и дочь, слыша, что въ городѣ палятъ и звонятъ въ колокола, зарыдали отъ отчаянія. Эрнестина въ страшномъ горѣ убѣжала къ себѣ въ комнату и спрятала голову въ подушки. Госпожа Боденштейнъ, напротивъ того, торжествовала: судьба отомстила за нее врагамъ, которыхъ она ненавидѣла до глубины души. Она, не подписывая имени, отдала въ печать всѣ письма, которыя Валерія писала ей съ театра войны, для того только, чтобы уколоть кого-то.

Графиня Вольфскеленъ, рано утромъ, получила письмо и запер-сь съ нимъ. Это писалъ ей фонъ - Гесницъ изъ Вюрцбурга, прислалъ съ оказіей. Онъ описывалъ бѣдность въ главной артирѣ и ту недостойную роль, которую ихъ заставляютъ играть, писалъ, что единства въ арміи нѣтъ никакого, и, самое главное, нѣтъ ни гроша денегъ. Описывая военный планъ союзниковъ, онъ высказывалъ твердое убѣжденіе, что черезъ нѣ-ольшо недѣль они свидятся въ Х. Герцогъ находится по-олянно въ отвратительномъ расположеніи духа, всѣмъ не довѣ-етъ и очень раздраженъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали начала-ействій. Генералъ Зандревскій два раза такъ опростоволосился, о герцогъ въ страшной ярости послалъ его ко всѣмъ чертямъ. перь онъ въ Линцѣ... Барденштейнъ выказалъ страшную без-етность, и оба они попали въ полнѣйшую немилость. Въ свое-емя надо будетъ подумать, что можно сдѣлать для друзей, а перь оно и лучше, что они не на глазахъ.

Въ письмѣ была масса разныхъ подробностей и о принцѣ Але-андрѣ, который тщетно ждалъ, чтобы его назначили главнокоман-юющимъ, и заканчивалось оно просьбой прислать хоть немного де-гъ, которыя съ благодарностью будутъ возвращены въ Х.

Во время чтенія этого письма, графиня тоже вдрогнула отъ пу-ечныхъ выстрѣловъ. Она поспѣшила на лѣстницу, какъ была, въ-реннемъ капотѣ, и встрѣтила унтеръ-офицера, стоявшаго у нея-квартирѣ. На вопросъ, что это за пальба, она узнала извѣстіе-битвѣ при Кёниггрецѣ.

Графиня была такъ поражена, что пошатнулась; но потомъ-нея явилось сомнѣніе: можетъ ли быть, чтобы Бенедекъ-илъ побить? Но вслѣдъ затѣмъ ей пришлось убѣдиться, что это-къ, потому что ей принесли печатное объявленіе; злая графи-и заперлась у себя въ комнатѣ и не выходила оттуда нѣсколько-совъ. Какъ Эрнестина въ своей комнатѣ въ деревнѣ, такъ и въ го-дѣ многія женщины уткнулись въ подушки, заливаясь въ слезахъ;-жду прочимъ, плакала и Сеппи. Ея патріотическое австрійское-рдце было глубоко уязвлено извѣстіемъ о несчастіи. Жанъ Кю-пфъ, ея отецъ, тоже посыпалъ голову свою пепломъ, заперъ ма-

газинъ и никому не показывался. Въ городѣ же ликованье продолжалось до глубокой ночи. Пруссакки праздновали побѣду, прусскіе филы тоже пировали, а любопытные собирались въ трактиры, чтобы узнать подробности и, встати, выпить пива или вина.

XLIX.

Баронъ фонъ-Гримменштейнъ уѣхалъ, главныя слѣшныя дѣла были окончены. Бессингъ вышелъ на балконъ, и, стоя подъ прикрытіемъ маркизы, напряженно смотрѣлъ въ паркъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился здѣсь во флигелѣ, между влюбленными существовали условные знаки: если въ комнатѣ, рядомъ съ балкономъ, были опущены шторы, то это означало, что Бессингъ ждалъ говорить съ Гильдой; если же у одного извѣстнаго дерева на дорожкѣ лежала вѣтка, это значило, что его ждала милая. — Теперя на дорожкѣ лежала вѣтка; она была положена въ то время, какъ у него былъ Гримменштейнъ, и вотъ онъ стоялъ и ждалъ, чтобы спуститься въ паркъ, куда явится возлюбленная.

Увидавъ между кустами желтое платье, онъ сошелъ внизъ, отворилъ калитку своимъ ключемъ и, черезъ нѣсколько минутъ, уже держалъ Гильду за руки. Руки дѣвушки дрожали и были холодны, какъ ледъ. Она смотрѣла на него съ нѣмымъ вопросомъ: правда ли это? точно спрашивала она. И что же теперь будетъ? Онъ отвелъ ее въ сторону, въ густо заросшую бесѣдку, и прижалъ къ своему сердцу; онъ глядѣлъ ей прямо въ глаза, души ихъ сливались, оба они сознательно чувствовали одно утѣшеніе: какъ бы жизнь ихъ ни сложилась, но они никогда не откажутся другъ отъ друга. Только высказавъ это, начали они говорить о другомъ.

— Получилъ ты извѣстіе... знаешь положительно? тихо спросила она.

— Да, Гильда... я получилъ депешу изъ министерства, кратко, но вѣскую...

Онъ замолчалъ, увидавъ, что глаза ея полны слезъ.

— Вчера происходила большая, рѣшительная битва; кровь

принцъ разбилъ фельдцейхмейстера и принудилъ его отступить къ Ольмюцу. Въ прусской главной квартирѣ, вслѣдствіе этой побѣды, войну считаютъ почти оконченной.

Принцесса Гильда стояла и думала, а слезы такъ и катились по ея щекамъ.

— А мы?.. А другіе всё? также тихо спросила она.

— Это одному Богу извѣстно! печально произнесъ Бессингъ:— чѣмъ больше будетъ побѣдъ, тѣмъ скорѣе кончится кровопролитіе и все придетъ въ должный порядокъ!.. Будемъ надѣяться!

Молодая взволнованная дѣвушка смотрѣла внизъ и тихо плакала, потомъ она подняла глаза и зарыдала.

— Отецъ мой!.. мой бѣдный, добрый отецъ!

Она предполагала, что побѣда эта будетъ стоить имъ тяжелой жертвы, но никакъ не думала, что съ нею вмѣстѣ упала и корона отца; она думала объ отцѣ, но не о себѣ. Какъ твердо онъ надѣялся и какъ былъ обманутъ, и въ прошедшемъ, и въ будущемъ!

Бессингъ молчалъ и только крѣпко сжималъ ей руки: что могъ онъ ей сказать!—Она приняла лицомъ къ его груди и онъ чувствовалъ, что она рыдала.

— Будущее въ рукахъ Божіихъ, сталъ онъ утѣшать ее:—не смотри на него такъ мрачно, не теряй мужества!

— Мой добрый отецъ!.. Онъ былъ въ дурныхъ рукахъ... и теперь искупаетъ это, рыдая, говорила она:—сердце у него доброе и хорошее!

— Отъ своихъ дурныхъ совѣтниковъ онъ освободился, какъ я слышу... Этотъ тяжелый урокъ сдѣлаетъ его осторожнѣе... и счастливѣе, я надѣюсь.

— Онъ любить императора и его братьевъ, какъ родныхъ... какъ онъ перенесетъ это?.. Ты не знаешь его такъ, какъ знаю я... Это убьетъ его!

— Ну, полно!.. не тревожься такъ, Гильда, пожалуйста!.. Горе твое совершенно естественно, но ты смотришь на все слишкомъ мрачно. Кто начинаетъ войну, тотъ готовится и ко всѣмъ случайностямъ войны.

— Да вѣдь они ни о чемъ другомъ, какъ о побѣдахъ, и не думали!

— Ну, конечно... Это походило на какую то болѣзнь, совершенно ослѣпившую ихъ, и отъ которой они только теперь очнулись.

Онъ привлекъ къ себѣ дѣвушку и, съ грустной нѣжностью, сталъ цѣловать ея темные волосы и ея чистый лобъ. Какъ прелестна, какъ задушевна была она въ горѣ!

— А что твоя мать? спросилъ онъ.

Она тревожно взглянула на него.

— Мать! живо проговорила она; бѣдная, несчастная мама... Ты подумай только, Гуго, въ какомъ она находится положеніи: покинутая мужемъ и всѣмъ свѣтомъ... хотя она и не втѣплѣну, но походить на птичку, привязанную на веревочку, которая причиняетъ ей страшную боль, боль ея гордости!.. Она отдана на милостивый произволъ непріятеля... что можетъ она, государыня страны, чувствовать?.. Войска ея выступили, а она слышать, какъ побѣда надъ ними празднуется пушечными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ? Развѣ это не ужасно?

— Ну, конечно, это тяжело... очень тяжело, горячо возразилъ Бессингъ:—и мнѣ отъ души ее жаль.

— Она заперлась... и никого не хочетъ видѣть, въ волненіи продолжала принцесса:—гордое сердце ея страдаетъ невыразимо но этого она никому показать не хочетъ... Кромѣ того, ее тревожитъ и будущее.—Она взглянула на Бессинга, затѣмъ точно поколебалась на минуту, а потомъ вдругъ крѣпко сжала его руки прижала ихъ къ своему сердцу, и съ мольбой посмотрѣла ему прямо въ глаза.—Гуго, продолжала она:—я знаю... мать моя не любитъ тебя, потому что ты врагъ, ты пруссакъ... но она уважаетъ тебя, потому что знаетъ, какъ кротко и какъ справедливо ты дѣйствуешь, и какъ снисходителенъ ко всѣмъ, даже къ своимъ жесточайшимъ врагамъ... Она уважаетъ тебя, а это много разъ слышала отъ нея самой; защищая тебя передъ графиней, она говорила, что ты человѣкъ, достойный уваженія... Но она изъ гордости никогда не заговоритъ первой... а между тѣмъ я думаю

«Если теперь ты случайно столкнешься или посетишь ее... теперь, когда она оставлена всемъ свѣтомъ... теперь, когда ее можно назвать скорѣе несчастной женщиной, а не герцогиней... она, наконецъ... не оттолкнула бы тебя».

Бессингъ сильно покраснѣлъ, не отъ мысли, что ему придется идти къ герцогинѣ, а отъ того, что ему нельзя будетъ сказать что-нибудь въ утѣшеніе.

— Тебѣ тяжело... ты не рѣшаешься? продолжала Гильда, и Гильда уже въ смущеніи опустила глаза, какъ онъ быстро прервалъ ее.

— Я пошелъ бы съ удовольствіемъ сейчасъ же, еслибъ только зналъ, что не буду навойливымъ, а могу быть полезнымъ; я вѣрю тебѣ Гильда, что я отъ души готовъ все сдѣлать для твоей матери, какъ сдѣлалъ бы для тебя.

— Ахъ, какъ я благодарна тебѣ за такія слова!.. И ты не смущаешься ея мрачнымъ видомъ или даже ея рѣзкимъ словомъ?

— Ничѣмъ, если только этимъ я могу доставить тебѣ удовольствіе.

— Богъ наградитъ тебя за это! вскричала дѣвушка, вѣжливо нявъ его и прижавъ къ своему сердцу.—Я пойду теперь... а ты останься здѣсь, живо продолжала она:—я пойду къ мамѣ и поговорю, а потомъ опять приду сюда, чтобы сказать тебѣ, что тамъ делается.

— Я подожду тебя здѣсь, Гильда, отвѣчалъ Бессингъ, нѣжно глядя ей вслѣдъ, пока изящная фигура дѣвушки не скрылась въ дверяхъ.

— Принцесса Гильда вернулась черезъ нѣсколько минутъ, и она издали подзывала къ себѣ Бессинга.

— Иди по большой аллеѣ, потомъ поверни направо къ Церковнѣ, и тамъ ты встрѣтишь мать, быстро проговорила она... Заговори съ ней... безъ боязни, и будь къ ней посписходительнѣе. Помни, что это мать моя, Гуго... она такъ несчастлива!

— Я пойду... я и безъ того хотѣлъ быть у нея, отвѣчалъ Бессингъ, уходя и оставляя дѣвушку.

— А потомъ приходи опять сюда ко мнѣ! крикнула она ему.

Онъ обернулся и, улыбаясь, кивнулъ ей головою.

Принцесса Гильда ходила къ матери и сказала ей, что Бессингъ въ паркѣ и желалъ бы говорить съ нею, если она позволитъ. Она не сказала ей, какимъ образомъ онъ туда попалъ, да и герцогиня объ этомъ не спрашивала. Пристально и задумчиво посматрѣвъ на дочь, она встала и подошла къ окну. Долго смотрѣла она въ паркъ, потомъ тихо повернулась, кивнула головой и сказала:

— Господинъ фонъ-Бессингъ можетъ прійти... я приму его.

— Въ паркѣ, мама? съ радостью спросила дочь.

— Ну, хорошо... въ паркѣ.

— Тамъ около Цереры! вскричала Гильда и, совершенно довольная и счастливая, выбѣжала изъ комнаты. Она была невыразимо рада, что мать ея согласилась говорить съ Бессингомъ.

Невѣроятное совершилось: гордая, глубоко подавленная женщина протянула руку своему врагу. Она долго, пристально смотрѣла на него и была тронута... Этого человѣка ей чернили, унижали; противъ него предостерегали!.. Ахъ, еслибы у ея мужа былъ хоть одинъ такой человѣкъ... человѣкъ, такой преданный и съ такимъ характеромъ!

Въ эту минуту, женщина взяла верхъ надъ гордой герцогиней, и сердце ея было тронуту. Бессингъ видѣлъ, какъ ей тяжело, и, наклонившись къ ея рукѣ, дотронулся до нея губами.

— Скажите мнѣ, начала герцогиня:—вы, нашъ врагъ, такъ какъ всѣ меня покинули... правда ли то, что я узнала... Это объявленіе, господинъ фонъ-Бессингъ, не обманъ?..

— Прошу ваше высочество только объ одномъ: успокойтесь, съ участіемъ проговорилъ Бессингъ, глядя на герцогиню:—рѣшительная битва, точно, происходила въ окрестностяхъ Бѣнитгреца, и австрійское оружіе потерпѣло поражение.

— Были разбиты и бѣжали?... потерявъ двѣсти орудій... un désastre? лояма руки, вскричала герцогиня.

— Успокойтесь, герцогиня. Какъ оно ни грустно для австрійцевъ, но отрицать я не могу... официальная депеша подтверждаетъ извѣстіе... это совершившійся фактъ.

— Такъ все это было хвастовство?.. все ложь и обманъ?.. Ахъ мы, несчастные! мы вѣдь погибли! внѣ себя вскричала бѣдная женщина. — Такъ какъ всѣ меня покинули... то хоть вы примите участіе въ несчастной развѣнчанной герцогинѣ!

— Ваше высочество! я глубоко, отъ души сочувствую и несчастію и величію, съ какимъ оно переносится, серьезно отвѣчала Бессингъ;—распоряжайтесь мною, я весь къ вашимъ услугамъ... а болѣе всего прошу я ваше высочество: не смотрите въ будущее съ болѣе мрачной стороны, чѣмъ слѣдуетъ.

— Вы правы!.. Извините меня... вы благородный человѣкъ! отвѣчала герцогиня, стараясь казаться спокойнѣе. Она протянула ему руку и, кротко глядя на него, сказала:—Когда меня покинули всѣ, даже тѣ, которые еще нѣсколько часовъ тому назадъ питали во мнѣ обманчивыя надежды, то явились вы, чтобы утѣшить меня!

— Я повинуюсь искреннему душевному влеченію. Какъ бы я желалъ видѣть васъ поспокойнѣе... Вѣдь будущее въ рудѣ Божіей... Кромѣ того, военное счастье измѣнчиво.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. вы не шутите? живо вскричала она, и въ глазахъ у нея блеснула надежда.

— Арміи еще стоять на полѣ битвы, а итальянцы разбиты при Кустоццѣ!

Герцогиня съ минуту подумала, черты лица ея нервно передернулись, потомъ она выпрямилась, и, точно рѣшившись на что-то, продолжала:

— Пойдемте, герръ фонъ-Бессингъ... покажите мнѣ, гдѣ Кёниггрецъ и гдѣ стоять союзныя войска.

Она пошла въ замокъ, прошла длинные коридоры и отворила дверь въ кабинетъ мужа. На столѣ все еще лежала карта съ маленькими флагами.

Герцогиня и Бессингъ наклонились надъ нею и продолжали разговаривать тихо и съ жаромъ.—Еслибы герцогъ видѣлъ это, какъ бы онъ удивился или даже разсердился, что флаги его переставляютъ и мечты разрушаютъ. Какъ въ нѣсколько недѣль все измѣнилось!.

Тонкіе пальцы герцогини въ нѣсколько секундъ отодвинули австрійскую армію отъ границъ имперіи за Эльбу, въ то время какъ Бессингъ слѣдовалъ за нею съ голубыми пруссаками, и вслѣдствіе этого нѣсколько сдвинулъ къ югу, въ окрестности Мейнингена, майнцскую армію. Но передвигая флаги, они, конечно, и подозрѣвать не могли, что при Дермбахѣ уже грохотали пушки, и нападеніе было сдѣлано на баварцевъ. Принцесса Гильда начинала терять терпѣніе, такъ какъ мать ея, увлеченная войной, не замѣчала, какъ летѣло время: она такъ была довольна, что наконецъ могла высказаться сама и узнать правду, хотя бы даже горькую, но все-таки правду. Гофмаршалъ и придворныя дамы не безъ удивленія увидали, что они вышли вмѣстѣ изъ залы и пошли по парку.

— Я осмѣлился бы посовѣтовать вашему высочеству, говорилъ Бессингъ,—выждать здѣсь дальнѣйшихъ событій, которыя и определятъ ваше положеніе. Здѣсь вамъ легче будетъ.

— Она вопросительно взглянула на него.

— Здѣсь вы живете въ тѣхъ же комнатахъ, къ которымъ привыкли, здѣсь у васъ есть много друзей, и, кромѣ того, здѣсь васъ окружаетъ паркъ и избавляетъ отъ несноснаго городского шума.

— Да вѣдь здѣсь я заключенная, герръ фонъ-Бессингъ.

— Позвольте, ваше высочество, ни въ какомъ случаѣ!.. Дорога вамъ совершенно открыта... Ваши приказанія будутъ въ точности исполнены.

Она молчала и думала.

— Въ такомъ случаѣ я пока останусь!.. Если же вы получите извѣстія... то прошу васъ, тотчасъ же дайте мнѣ знать, для того чтобы я знала правду... истинную правду.

Она еще разъ протянула Бессингу руку для поцѣлуя.

Такимъ образомъ разговоръ этотъ кончился. Съ сильно бьющимся сердцемъ стояла Гильда вдали, и ждала. Она видѣла, какъ Бессингъ еще разъ наклонился къ рукѣ матери. Затѣмъ она прошла съ нимъ нѣсколько разъ подорожкѣ, и Бессингъ послѣшилъ

домой, потому что работы у него была масса, и каждая минута была дорога.

Когда графиня Феличита, одѣтая въ глубокой трауръ, прїѣхала вечеромъ въ замокъ, то между старинными подругами произошелъ разговоръ, который не обошелся безъ весьма рѣзкихъ словъ, и произвелъ разрывъ между герцогиней и графиней.

Въ страшномъ волненіи и гнѣвѣ уѣхала Феличита изъ замка, гдѣ пробыла не болѣе часа. Многіе, провожая ее глазами, въ душѣ пожелали, чтобы она никогда болѣе не возвращалась.

L.

Пруссави побѣдоносно двигались къ югу, и скоро, очень скоро, вся сѣверная Германія была присоединена къ Пруссіи. Мелкія державы, отвергнувшія предложеніе короля Вильгельма, вошли въ составъ великой сѣверной державы, и владѣльцы ихъ лишились своихъ престоловъ. Въ числу послѣднихъ принадлежалъ и герцогъ Францъ. Отъ несчастнаго дня, въ который союзники подали свои голоса, и до роковаго трагическаго конца прошло всего семь недѣль. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы находимъ въ X. уже большія перемѣны: страна въ одну ночь сдѣлалась прусскою, но временно, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ, все еще напоминала старое. Маленькая армія тоже стала прусскою, и только небольшое количество офицеровъ, старыхъ и неспособныхъ, вышли въ отставку. Герцогъ получилъ отъ побѣдителя значительную пенсію и жилъ съ своей семьей въ полномъ уединеніи за границей, въ Иммендингенѣ. Говоря по правдѣ, о немъ мало кто плакалъ, и плакали развѣ только лица, прежде обиравшія его и боявшіяся прусской службы, на которой надо было работать, а не сидѣть, сложа руки. Въ день рожденія герцога и въ новый годъ, ему были сдѣланы небольшія оваціи; въ замокъ Иммендингенъ были посланы военныя рукодѣльныя работы, букеты и стихотворенія; кромѣ того, туда поѣхала и депутація, конечно, въ надеждѣ получить свои путевые расходы даже съ процентами, но вообще же сліянiе съ могущественнымъ сосѣдомъ произошло весьма тихо и естественно.

Льстецы и взяточники всё куда - то разлетѣлись, и между ними нашлись наглецы, бравшіе подавнѣе отъ того самаго герцога, который изъ-за нихъ лишился престола. Не будь герцогъ Францъ окруженъ такою дрянью, то, вѣроятно, до сихъ поръ благополучно управлялъ бы своей страной. Австрія не приняла къ себѣ на службу своихъ прежнихъ сторонниковъ, царедворцевъ герцога Франца. «Благородная почва не приняла сорныхъ травъ», какъ писалъ графъ Зальцва Бессингу.

Изъ всей шайки осталась одна—графиня Феличита. Перемѣна обстоятельствъ застала эту благородную даму у нея въ имѣніи Вольфскеленъ, откуда она стала часто ѣздить въ Вѣну и не переставала интриговать. Она играла всевозможныя роли, и богомольной особы, и аристократки, и несчастной покинутой жертвы. Но подъ конецъ Немезида все-таки добралась до нея, и графиня, на старости лѣтъ, влюбилась въ какого-то негодяя, обобравшаго у нея не только деньги, но бѣжавшаго даже со всѣми ея брилліантами въ Италію, куда и она за нимъ отправилась, и гдѣ въ Миланѣ ее разбилъ параличъ.

Нѣкоторые изъ жителей бывшей резиденціи уѣхали изъ Х. и, между прочимъ, Жанъ Кюкопфъ съ своей хорошенькой дочерью. Сеппи вскорѣ потомъ вышла въ Вѣнѣ замужъ за какого-то подполковника. Принцъ Александръ, изъ-за брата своего лишившійся престола, живетъ теперь то въ Берлинѣ, то у себя въ Шенау. Принцъ страшно скучаетъ, потому что не умѣетъ ничѣмъ заняться. Отношенія его къ прелестной женѣ прежнія. Гофмаршалша фонъ-Боденштейнъ снова переѣхала въ прусскую столицу; живетъ она одна, потому что дочери ея Бессингъ досталъ мѣсто начальницы какого-то учебнаго заведенія, послѣ того, какъ она выказала и самопожертвованіе и толковость, когда была сестрою милосердія на войнѣ. По-видимому, ее перестало мучить честолюбіе, и она вступила на благородное поприще.

Бессингъ во второй разъ покинулъ Х., и былъ назначенъ посланникомъ въ Б. Въ Х. былъ назначенъ пожилой человекъ.

Въ тѣ немногія недѣли, которыя онъ прожилъ въ одномъ годѣ съ своей возлюбленной, онъ былъ постоянно добрымъ анге-

нѣ ея семьи. Всѣ онѣ, въ тяжелые дни, особенно привязались къ Бессингу. Даже несчастная принцесса Агнеса, начавшая поправляться въ то время, какъ началъ поправляться и плацмайоръ, могла не почувствовать признательности къ Бессингу, тѣмъ болѣе, что онъ выхлопоталъ плацмайору, не смотря на назначенное ему пенсію, позволеніе уѣхать для поправленія здоровья въ югъ. Въ Канрѣ плацмайоръ умеръ. Съ этой минуты принцесса Агнеса стала таять, такъ какъ она никакъ не могла забыть капитана. Она, къ немалому огорченію родныхъ, совершенно перестала интересоваться жизнью.

Однажды, въ пятницу, въ X. получено было извѣстіе объ окончаніи войнъ, на которыхъ заключенъ миръ. Австрія покинула въ Кольсбургѣ своихъ союзниковъ, а Франція спокойно смотрѣла, какъ Пруссія заgrabала все пріобрѣтенное ею. Въ замѣтъ, извѣстіе о страшномъ всѣхъ поразило. Герцогиня упала въ судорогахъ, и ей входили только придворный врачъ и младшая дочь.

Наконецъ отъ герцога явился посланный: поручикъ фонъ-Рейтеръ, въ штатскомъ платьѣ, и привезъ письма и инструкціи. Тутъ начались сборы, укладывались вещи и сожигались письма и бумаги. Елена фонъ-Рошъ увидалась въ эту грустную минуту съ своимъ возлюбленнымъ.

Въ концѣ іюля мѣсяца, вечеромъ, къ замку подѣхала карета Бессинга. Герцогиня рѣшилась уѣхать; ради слабости ея здоровья, врачъ приказалъ избѣгать всякихъ сценъ. Дамы тихо сѣли въ карету, закрывшись вуалями и платками. Сопровождаемая слезами рыданіями оставшихся, поѣхали онѣ въ сопровожденіи Бессинга въ городъ, до первой станціи, гдѣ для нихъ былъ уже приготовленъ экстренный поѣздъ. Такимъ образомъ онѣ уѣхали изъ своей страны, и встрѣтились съ герцогомъ въ Аугсбургѣ.

Объ отъѣздѣ ихъ стало извѣстно только на слѣдующее утро изъ газетъ.

БІ.

Герцогъ Францъ, поселясь въ своемъ имѣніи Иммендингенѣ, сколько чѣмъ можно было ожидать, примирился съ своею судьбой, и

изъ дурнаго правителя сдѣлался отличнымъ и веселымъ частнымъ человѣкомъ. Онъ только теперь началъ наслаждаться жизнью: рано вставалъ, рано ложился, избѣгалъ всякаго волненія, ходилъ за цвѣтами и фруктовыми деревьями, завелъ какую-то особенную породу куръ и отпустилъ себѣ кругленькое брюшко.

Подобно всѣмъ другимъ низвергнутымъ владѣтельнымъ принципамъ, онъ, конечно, питалъ въ душѣ слабую надежду, что обстоительства переменятся вслѣдствіе вѣдшательства запада. При такихъ мысляхъ ему невольно приходило въ голову, что у него нѣтъ мужскихъ наслѣдниковъ и что корона должна перейти въ братъ. Воспоминаніе же о братѣ тотчасъ вызывало злорадную улыбку на его уста, и онъ начиналъ радоваться, что у этого пруссакъ женскаго угодника, интригана, сыновья будутъ меньше, какъ прусскими генералами.

Всѣ его симпатіи, конечно, были на сторонѣ Австріи, хотя за нихъ онъ уже заплатилъ своей властью.

Въ Иммендингенѣ жизнь велась совершенно патриархально: дворъ былъ совсѣмъ маленькій и герцогъ готовъ былъ сдѣлаться совершенно счастливымъ, еслибы его не огорчала такъ старшая дочь, со смерти Ротвейля, ни въ чемъ не принимавшая участія. Она увядала, какъ цвѣтокъ, но зато Гильда въ послѣдніе годы разцвѣла и сдѣлалась добрымъ ангеломъ своей семьи. Она выпросила у матери позволеніе вести съ Бессингомъ переписку. Герцогиня по опыту уже знала, какъ трудно бороться съ любовью, и огорчалась только тѣмъ, что Бессингъ—прусскій чиновникъ. Влюбленные, вскорѣ послѣ разлуки, свидѣлись. Герцогъ съ семьей провелъ часть зимы въ М., а Бессингъ неподалеку, въ Б., былъ посланникомъ. Ни Бессингъ, ни Гильда не скрывали своихъ чувствъ. Графъ Зальцка былъ посланникомъ въ М. и съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчался съ своимъ старымъ другомъ.

Весною 1868 года поручикъ фонъ-Рейхертъ, вступившій въ прусскую службу, обвинчался въ Иммендингенѣ съ Еленой фонъ-Рошъ, не покидавшей герцогскую фамилію, и уѣхалъ съ нею въ Пруссію, къ себѣ въ полкъ, гдѣ пресчастливо зажили съ своимъ прелестнымъ пажемъ. Осенью того же года, скончалась принцесса

еса. Въ эту зиму дворъ не ѣздилъ въ М., а скромно жилъ Иммендингенѣ. Это было скучное время, и переписка была невнятная, чѣмъ когда либо. Весною герцогъ въ первый разъ хажь въ Вѣну, и пріѣхажь, буквально помолодѣвъ и сдѣлавшись же прежняго черно-желтымъ. Женѣ своей и Гильдѣ онъ пріѣхажь подарки; онъ наговориться не могъ, какъ хорошо былъ бы принять.

Во dniu рожденія герцогини пріѣхала принцесса Генриетта, а князь Александръ дѣчился въ это время въ Карлсбадѣ. Она насъ же замѣтила перемѣну въ Гильдѣ и услыхала, что она плачетъ. Принцесса Генриетта начала спрашивать Гильду обо всемъ и, гуляя съ нею по парку, добилаь таки отъ нея признанія. Обѣ онѣ стали составлять планы и обдумывать, какъ бы одолѣть препятствія и Гильдѣ соединиться съ Бессингомъ. Гильда тно отказывалась отъ всякихъ притязаній на владѣтельныхъ имуществъ и твердо рѣшилась принадлежать только своему мунду. Она настояла на томъ, чтобы призваны были врачи сдѣланъ консилиумъ. Врачи прописали перемѣну воздуха морскія купанья. Но ни то, ни другое не только не помогло, а ухудшило положеніе дѣвушки. Герцогиня ясно видѣла, что ей или отказаться отъ своей дочери, или же выдать ее за чело-ва низшаго происхожденія, да и къ тому же слугу короля, низгнутаго мужа ея съ престола.

ЛII.

Снова настала буря, еще болѣе сильная, чѣмъ въ 1866 году. Германія возстала противъ Франціи.

Со всѣхъ концовъ Германіи стекались нѣмцы и шли волонтерами черезъ Рейнъ, на границу Франціи. Снова палили пушки и были колокола, праздная побѣда; но на этотъ разъ, вслѣдъ за побѣдой, появились блѣдныя лица раненыхъ, для которыхъ пришлось устраивать лазареты, тотчасъ же перешедшіе въ женскія руки. Слѣдствіемъ явилось извѣстіе, почти невѣроятное:—при Седанѣ была большая битва, и императоръ французовъ взятъ въ

плѣнь со всей своей арміей! Это извѣстіе было такое необычайное... Во всемірной исторіи еще не бывало такого примѣра... сто пятьдесят тысячъ человекъ и императоръ... императоръ! Вся Германія и весь міръ были поражены, какъ громомъ. Старый герцогъ Францъ въ задумчивости сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, совершенно такъ же, какъ сидѣлъ въ 1866 году въ X., окруженный газетами и военными книгами.

На столѣ у него лежала громаднѣйшая карта. Около нея проводилъ онъ свои счастливейшія минуты, передвигая флаги по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ газетахъ. Онъ нерѣдко вставалъ даже по ночамъ и, накинувъ халатъ, пробирался въ туфляхъ къ картѣ, чтобы измѣнить какую-нибудь неточность или посмотреть, все ли у него въ порядкѣ. Полки же, сформированные изъ его прежнихъ войскъ, конечно, интересовали его болѣе другихъ, и потому ихъ онъ отмѣчалъ особенно большими флагами — красно-синими, конечно—и номера ихъ оставилъ прежніе, а не прусскіе.

Лучшимъ своимъ другомъ и адъютантомъ онъ называлъ Гильду, отлично знавшую карту и работавшую съ нимъ каждое утро. Бромъ того, она просила одного стараго знакомаго, находившагося въ корпусномъ штабѣ, прямо телеграфировать ей о каждомъ важномъ событіи.

Рано утромъ, третьяго сентября, адъютантъ этотъ, держа въ рукахъ бумагу и покраснѣвъ отъ волненія, сошелъ внизъ по лѣстницѣ и постучался въ кабинетъ отца.

Въ тепломъ халатѣ и въ бѣломъ шелковомъ кофакѣ на почти лысой головѣ, стоялъ герцогъ, наклонившись надъ картой, и, держа въ лѣвой рукѣ газету, правой переставлялъ флаги. Въ эту минуту онъ услышалъ стукъ, и съ досадой крикнулъ: войдите! Онъ увидалъ дочь съ бумажкою въ рукахъ.

— Какъ, это ты такъ рано!.. Какаянибудь новость? весело вскричалъ онъ, подходя къ ней и запахиваясь халатомъ.

— Здравствуй папа! Я пришла съ очень важнымъ извѣстіемъ. Теперь война, разумѣется, кончится!

— Дай сюда!.. дай же скорѣе!.. Это отъ Ф? говорилъ герцогъ, протягивая дрожащія руки.

— Да, отъ него. Слушай, я прочту тебѣ.

— Читай же скорѣе!

«Съ половины седьмаго утра, начала она:—мы заняли главную артиру на горѣ, къ югу отъ Френуа, и оттуда смотрѣли на битву. Въ пяти часовъ дня французы боролись, но были окружены въ Седанѣ, крѣпость котораго начали обстрѣливать, вслѣдствіе чего пожаръ вспыхивалъ то тамъ, то сямъ. Затѣмъ былъ поднятъ, белый флагъ и пальба прекратилась. Его величество, король, подалъ въ Седанъ двухъ офицеровъ генеральнаго штаба, подполковника фонъ-Бронзарта и капитана фонъ-Винтерфельда, для того чтобы его именемъ потребовать отъ французскаго главнокомандующаго сдачи крѣпости. Вскорѣ они возвратились, но не одни... съ ними пріѣхалъ генераль Рейль, и привезъ королю письмо. Король прочелъ его и затѣмъ передалъ кронпринцу. Это было письмо отъ императора Наполеона».

Гильда взглянула на отца и замѣтила, что онъ весь дрожалъ.

«Братъ мой, продолжала она...

— Что? какъ?.. это императоръ-то?..

«Братъ мой! такъ какъ я не могъ умереть между своихъ братьевъ, то мнѣ остается только отдать свою шпагу въ руки вашего величества... Остаюсь добрымъ братомъ вашего величества. Наполеонъ. Седанъ, 1-го сентября 1870 г.».

Гильда прочла письмо Наполеона тихо и отчетливо. Когда она подняла глаза, то увидала отца, стоявшаго передъ нею съ широко раскрытыми глазами, и точно окаменѣлаго.

«Такъ какъ письмомъ этимъ, продолжала Гильда,—императоръ отдавался въ плѣнъ только самъ, то король Вильгельмъ и отвѣчалъ ему:

«Крайне сожалѣя объ обстоятельствахъ, при которыхъ намъ приходится свидѣться, въ то же время принимаю вашу шпагу, и прошу ваше величество прислать мнѣ какого нибудь уполномоченнаго офицера, для переговоровъ о капитуляціи арміи, такъ храбро сражавшей у насъ на глазахъ. Я съ своей стороны назначилъ графа Мольте».

«Генераль Рейль поѣхалъ съ этимъ отвѣтомъ обратно въ Седанъ. За достовѣрность этого извѣстія, я ручаюсь.

— Такъ вотъ какъ! такъ вотъ какъ! воскликнулъ герцогъ, крупными шагами ходя по комнатѣ:—Господи! кто бы могъ это думать!.. Ахъ, они, хитрые пруссаки... Императоръ... императоръ Наполеонъ... низверженъ съ престола, такъ же, какъ, я!.. Да еще хуже! взять въ плѣнъ!

Онъ отъ радости началъ потирать руки и улыбаться. Потомъ онъ вдругъ остановился и взглянулъ на Гильду.

— А мать ужъ знаетъ... герцогиня? тихо спросилъ онъ.

— Мама еще спить... не надо ее будить.

— Что-то она на это скажетъ!.. Невѣроятно!.. Императоръ въ плѣну!.. Императоръ Наполеонъ въ рукахъ пруссаковъ!.. Ха! ха!.. Что они съ нимъ стануть дѣлать?.. Содержаніе его имъ станетъ въ копѣйку! А императрица-то!.. а принцъ Лулу!.. Дай-ка я самъ прочту.

Онъ влорядно улыбался, читая это извѣстіе; затѣмъ быстро направился къ герцогинѣ, совершенно не соображая, въ какомъ онъ туалетѣ.

За герцогскимъ столомъ въ этотъ день было какъ-то особенно тихо, шампанскаго не пили и не чокались, а сейчасъ же послѣ обѣда герцогъ призвалъ своего секретаря и приказалъ послать въ пользу раненыхъ десять тысячъ талеровъ.

ІІІ.

Съ однимъ изъ транспортовъ раненыхъ, въ Германію былъ привезенъ и Санновъ. Такимъ образомъ, спустя долгіе, долгіе четыре года, Санновъ въ первый разъ снова пріѣхалъ въ Х., гдѣ онъ родился и гдѣ жила невѣста, отвернувшаяся отъ него. Большой герцогскій замокъ, съ высокими большими комнатами, былъ особенно удобенъ для больныхъ и выздоравливающихъ. Онъ уже съ самаго начала войны былъ превращенъ въ лазаретъ. На станціи желѣзной дороги, сегодня было особенно оживленно, такъ какъ пришелъ большой транспортъ раненыхъ, которыхъ встрѣчали и лаза-

ретная прислуга, съ носилками и фургонами, и любопытная публика. Главный докторъ, съ помощниками, распорядился переноской больныхъ. Онъ ходилъ по вагонамъ и прочитывалъ скорбные листы надъ кроватями больныхъ; затѣмъ тихо отдавалъ приказанія, и больныхъ уносили или же помогали самимъ выйти.

Когда изъ вагона вынесли совершенно блѣднаго больного, прикрытаго офицерскимъ пальто, кто-то въ толпѣ узналъ его, и въ какой нибудь часъ всѣ въ городѣ говорили, что въ Х. привезенъ племянникъ ректора Санновъ. Это извѣстіе долетѣло и до Эрнестины. Какъ ужаленная, вскочила она съ своего мѣста и залилась слезами. Съ тѣхъ поръ, какъ она отказала Саннову, она много думала и сознавала, что не права передъ нимъ.

Какъ хотѣлось ей пойти къ нему и вымолить у него прощенія, но она знала очень хорошо, что мать ни въ какомъ случаѣ не позволитъ этого. Мать ея, по прежнему, ненавидѣла пруссаковъ и приходила въ отчаяніе, что мужъ ея поступилъ въ прусскую службу, хотя понимала очень хорошо, что надо же чѣмъ нибудь жить.

Эрнестина проплакала всю ночь, наконецъ къ утру любовь взяла верхъ, и она, рыдая, бросилась въ ноги матери и вылила передъ нею душу.

Въ просторныхъ комнатахъ замка рядами лежали блѣдные больные. Всѣ вновь привезенные были уже уложены и перевязаны. Безмолвно и тихо проходили между ними женщины въ темныхъ платьяхъ и въ бѣлыхъ передникахъ, то съ питьемъ, то съ лѣкарствомъ въ рукахъ. Все это были преимущественно молодыя особы разныхъ сословій, добровольно поступившія на службу.

Въ нишѣ высокаго окна стоитъ стройная блондинка, въ простомъ бѣломъ чепцѣ—Валерія фонъ-Боденштейнъ—и разговариваетъ съ врачомъ. Подъ ея присмотръ отданы эти переднія залы, она извѣстна своей опытностью и энергіей. Она убѣдилась, что женщины слѣдуетъ быть не на полѣ сраженія, а въ лазаретѣ. Поэтому, на сей разъ, она осталась дома. Она стала еще красивѣе, чѣмъ была прежде; лицо у нея сдѣлалось добрѣе и симпатичнѣе. Она тоже заблуждалась, поплатилась за это заблужденіе и перемѣнилась къ лучшему.

Врач направился къ постели одного больного, и потомъ опять подошелъ къ ней.

— Я думаю, что это желаніе его можно исполнить, прошепталъ онъ.

Валерія почти незамѣтно наклоняетъ голову и выходитъ изъ залы.

Черезъ часъ Эрнестина получила письмо. Почеркъ былъ ей совершенно незнакомъ; когда же она разорвала конвертъ, то глаза ея наполнились слезами.

«Тяжело раненый, можетъ быть, даже умирающій, находящійся въ лазаретѣ въ замкѣ, поручикъ Санновъ очень желаетъ говорить съ вами, фрейленъ. Съ вашей стороны было бы хорошо, еслибы вы исполнили это желаніе.

Валерія фонъ-Боденштейнъ».

Эрнестина вскрикнула и съ письмомъ въ рукахъ бросилась къ матери.

— Онъ умираетъ! крикнула она, упавъ къ ней на колѣни.

Мать прочла письмо, затѣмъ взглянула на свою дочь, и чувство одержало верхъ надъ принципомъ. Онѣ тотчасъ же пошли въ лазаретъ.

— Кого вамъ угодно? спросила ихъ молодая дѣвушка, тоже, очевидно, сестра милосердія.

— Фрейленъ фонъ-Боденштейнъ, отвѣтила мать.

Ихъ провели въ большую, очень просто убранную комнату, и просили подождать. Черезъ нѣсколько минутъ явилась и Валерія.

— Вы хорошо сдѣлали, что пришли, сказала оца Эрнестинѣ. Эрнестина зарыдала и, рыдая, спрашивала:

— Какъ его здоровье? очень онъ опасенъ?

— Онъ опасенъ, но не безнадеженъ. Вамъ нельзя его видѣть, если вы будете такъ волноваться, отвѣчала Валерія.

— Я не буду волноваться, только пустите меня къ нему, умоляла Эрнестина.

Черезъ нѣсколько минутъ, Валерія вела Эрнестину черезъ большія залы, гдѣ рядами стояли кровати съ блѣдными больными. Санновъ лежалъ неподалеку отъ окна, и чья-то заботливая рука

отгородила ширмами его кровать, такъ что онъ лежалъ точно въ отдельной комнатѣ.

Эрнестина подошла къ его кровати и, упавъ передъ нимъ на колѣни, прильнула губами къ его рукѣ. Миръ между ними былъ заключенъ, и Эрнестина болѣе домой не пошла. Она записалась въ число больничныхъ сидѣлокъ, и все время болѣзни не отходила отъ кровати своего жениха. Въ мартѣ онъ былъ уже настолько здоровъ, что уѣхалъ въ полкъ, а въ апрѣлѣ онъ и Эрнестина были уже мужемъ и женой.

Между ранеными, присланными въ эту зиму въ X., находился родственникъ посланника Балабрега, полковникъ Балабрегъ. Во время болѣзни онъ не только влюбился, но и глубоко привязался къ Валеріи, и вскорѣ по окончаніи войны и по выздоровленіи всѣхъ больныхъ, въ X. пришло извѣстіе, что полковникъ женился въ Швейцаріи на Валеріи фонъ-Боденштейнъ.

Такимъ образомъ, и это безпокойное сердце нашло наконецъ успокоеніе и вѣрную пристань въ жизни. Гофмаршалша еще болѣе стала задирать носъ и написала Бессингу, какъ дочь ея счастлива и въ какомъ чудномъ замкѣ она живетъ.

Бессингъ улыбнулся, но безъ малѣйшей горечи. Онъ понялъ очень хорошо цѣль письма. Гофмаршалша хотѣла его упрекнуть, что онъ упустилъ изъ рукъ такую жемчужину. Бессингъ отвѣчалъ ей очень вѣжливымъ письмомъ и высказалъ свою искреннюю радость, что Валерія счастлива.

LIV.

Сѣверное сіяніе, показавшееся еще въ 1866 году, кончилось полнымъ разсвѣтомъ Германіи. Въ Германіи явился императоръ, и она стала великой имперіей.

Вскорѣ по заключеніи мира, Бессингъ, будучи посланникомъ, получилъ письмо отъ принцессы Генріетты, гостившей тогда у своей сестры въ Южной Германіи. Она звала его къ себѣ, говоря, что ей надо сообщить ему нѣчто очень важное. Вслѣдствіе этого, онъ поѣхалъ тотчасъ же. Послѣ короткаго, но интимнаго разго-

вора между ними, принцесса Генриетта уѣхала съ слѣдующимъ же поѣздомъ въ Иммендингенъ, а Бессингъ, пріѣхавъ за ней, поселился неподалеку отъ замка.

Здоровье принцессы Гильды въ веснѣ значительно ухудшилось. Любящая дѣвушка замѣтно таяла отъ разлуки съ любимымъ человѣкомъ. Ея болѣзненное состояніе начало тревожить окружающихъ, тѣмъ болѣе, что врачи многозначительно покачивали головами.

Гильда была послѣдней единственной дочерью у своихъ родителей; встревоженная мать рѣшилась поговорить съ мужемъ, и рассказать ему о томъ, чего онъ не зналъ, чего не замѣчалъ и чѣмъ остался, очевидно, очень недоволенъ.

Онъ, прежде всего, прямо прошелъ въ комнаты принцессы, и готовъ уже былъ явиться туда Юпитеромъ и разразиться громомъ; но, взглянувъ на дочь, блѣдную, изнуренную и грустную, онъ почувствовалъ, что сердце у него замерло и слезы появились на глазахъ. Герцогъ подошелъ къ Гильдѣ, обнялъ ее, горько заплакалъ и сталъ утѣшать. Затѣмъ между отцомъ и дочерью произошелъ странный разговоръ: она прямо рассказала ему все, что чувствовала, какъ полюбила Бессинга, какъ боролась и какъ страдала.

Съ какимъ-то наивнымъ удивленіемъ слушалъ ее герцогъ: — дочь его любила Бессинга, бывшего посланника, и онъ объ этомъ не зналъ? Какъ же все это случилось, помимо его вѣдома? Во время рассказа онъ только восклицалъ: ай, ай! и затѣмъ, поцѣловавъ Гильду, назвалъ ее доброй дочерью и обѣщалъ подумать обо всемъ.

— Постой, мы еще поговоримъ объ этомъ съ докторомъ, пробормоталъ онъ, уходя.

Гильда сообщила объ этомъ разговорѣ своей пріятельницѣ, принцессѣ Генриеттѣ, которая нашла нужнымъ дѣйствовать и написала Бессингу. На другой день по пріѣздѣ Бессинга, верховой привезъ ему записку слѣдующаго содержанія:

«Пріѣзжайте сію минуту!»

Нечего и говорить, какъ забилося сердце Бессинга, когда онъ

поѣхалъ въ замокъ Иммендингенъ. Онъ нашелъ Гильду такой блѣдной и слабой, что испугался и задрожалъ. Родители замѣтили это, какъ замѣтили и слезы, появившіяся у него на глазахъ, и радость, озарившую Гильду. Тутъ родительская любовь взяла верхъ надъ всѣми предрасудками, и они дали свое согласіе на бракъ. Свадьба была самая скромная и тихая, и въ сентябрѣ Бессингъ увезъ Гильду къ себѣ.

Извѣстіе объ этомъ бракѣ, конечно, произвело сенсацію въ X. Сначала никто не вѣрилъ въ возможность такого неровнаго брака, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ еще было свѣжо въ памяти, какъ герцогиня и, въ особенности, графиня Феличита третировали при дворѣ прусскаго посланника!

Но объ этомъ бракѣ было напечатано въ газетахъ, слѣдовательно это неслыханное дѣло было совершившимся фактомъ.

К о н е ц ъ .

Современная любовь.

Люблю я милую небрежность
Ея рѣчей, лукавый взглядъ,
Ума игривость, чувства нѣжность,
Улыбку, локоны, нарядъ;
Но, дань участія безастрасно
Платя, ничѣмъ не увлеченъ,
Гляжу на все я безпристрастно,
Покоенъ сердцемъ, не влюбленъ.

Я не влюбленъ, и странно-бъ было
Влюбляться мнѣ въ мои лѣта,
Тамъ, гдѣ крѣпка разсудка сила,
Безсилна дѣвы красота!
Я не поэтъ, я не мечтатель;
Въ явленія жизни погруженъ,
Я—тайнъ природы наблюдатель
И ужь, конечно, не влюбленъ!

Причинъ изслѣдователь темныхъ,
Я человѣчеству служить
Запасомъ силъ обязанъ скромныхъ
И не влюбляться, а любить...
Конечно, такъ; но недугъ вѣка—
Тоска—гнететь меня порой;
Кляню я жизнь, и человѣка,
И вѣкъ безцѣльно прожитой;
Порой я мучусь, я страдаю,
И мыслью странной увлеченъ—
Знакомый образъ призываю...
Но нѣтъ, о, нѣтъ!.. себя я знаю:
Я боленъ духомъ, не влюбленъ!

Сцены изъ жизни Гарибальди.

(По запискамъ одного бывшаго волонтера *).

I.

На берегу моря, въ Ниццѣ, въ жаркій лѣтній день 1815 года, молодая женщина, сильно растроганная, горячо обнимала бѣловураго мальчика.

— Джузеппе! восклицала она, и въ голосѣ ея звучала и укоризна, и ласка.— Милое дитя мое! ты наполняешь мое сердце и ужасомъ, и гордостью.

— Нѣтъ, мама, отвѣчалъ мальчикъ, цѣлуя мать:— не говори такъ. Бѣгалъ здѣсь, по берегу, съ двоюроднымъ братомъ. Какая-то бѣдная парушка полоскала, вонъ тамъ, свое бѣлье. Вдругъ я увидѣлъ, что она скрылась подъ водою, она тонула. Тотчасъ я бросился въ воду, вытаскилъ ее и вытащилъ на берегъ. Еслибъ не я—она бы утонула. Помай, могъ ли я поступить иначе?

— А еслибъ ты погибъ? спросила мать, содрогаясь отъ ужаса.

— Я?... отвѣтилъ, смѣясь, мальчикъ.— Быть не можетъ! ты вѣдь плаваешь, я не боюсь воды, люблю ее и плаваю, какъ рыба. И встряхиваю свои густыми волосами, ниспадавшими на лицо, которое такъ и пылало гордостью, мальчикъ пошелъ съ матерью въ своемъ еще мокромъ платьѣ.

Такъ началъ свои подвиги Джузеппе Гарибальди. Ему было тогда всего восемь лѣтъ. Мать предвидѣла его будущность. Ея жизнь была полна постояннымъ безпокойствомъ за любимаго сына, который былъ ея единственной гордостью.

---

*) Записки эти печатались недавно въ фельетонахъ миланской газеты "Secolo" и затѣмъ вышли отдѣльною книгой. Онѣ предлагаются здѣсь съ некоторыми измѣненіями и дополненіями; переводъ принадлежитъ М. П. Мостовой.

«Одинъ Богъ,—писалъ позже Гарибальди въ своихъ «Запискахъ»,— знаетъ, сколько мученій причиняетъ ей мое бурное существованіе. Богу одному извѣстна вся ея нѣжная любовь ко мнѣ. Я признаюсь торжественно, что все доброе и благородное внушено мнѣ моею дорогой матерью. Ея ангельскій характеръ неизбѣжно долженъ былъ благопріятно отразиться и на моемъ. Я вовсе не суевѣренъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ моей жизни, когда океанъ вздымался бурными волнами вокругъ моего корабля, когда пули свистали около моихъ ушей на полѣ сраженія, когда гранаты разрывались вокругъ меня съ оглушительнымъ трескомъ,—въ моемъ воображеніи рисовалась она, колѣнопреклоненная, съ молитвою на устахъ. И въ эти минуты я чувствовалъ въ себѣ приливъ мужества, и во мнѣ укрѣплялась увѣренность, что опасность минуетъ меня, что молитва обо мнѣ этой святой женщины будетъ услышана».

Въ такомъ родѣ Гарибальди, подобно Мадзини, рассказывалъ о благотворномъ вліяніи, какое мать имѣла на всю его жизнь. Такъ материнская улыбка освѣщаетъ біографіи этихъ двухъ великихъ людей!

Эта счастливая мать называлась Роза Раймонди. Она родилась въ Лоано и вышла замужъ за Доменико Гарибальди изъ Бьявари.

Въ ихъ маленькомъ домикѣ, въ Ниццѣ, противъ гавани, жилъ когда-то Массена, который, изъ сына бѣднаго булочника, сдѣлался впоследствии генераломъ величайшаго деспота въ мірѣ, Наполеона I, и съ его знаменами побѣдоносно прошелъ всю Германію. Тамъ же родился и Джузеппе Гарибальди. На этомъ мѣстѣ напрасно вы будете искать слѣдовъ уютнаго, знаменитаго домика: мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, омывается теперь волнами моря. Домикъ былъ скрытъ, при расширеніи гавани. Отецъ Гарибальди былъ морскимъ капитаномъ. Находился ли онъ въ хорошемъ матеріальномъ положеніи, или доходы его умалялись, онъ не переставалъ заботиться объ образованіи сына и нанималъ для него хорошихъ учителей. Но не легко было усадить за ученіе маленькаго Джузеппе. Онъ убѣгалъ изъ дому, взбирался на деревья, лазилъ на корабельныя мачты или устраивалъ сраженія со своими товарищами, или же бросался вплавь въ море, манившее его своей безконечною далью. Однажды онъ, соскучившись болѣе обыкновеннаго за уроками, сказалъ своимъ школьнымъ товарищамъ:

— Неужели вы не устали сидѣть тутъ взаперти, когда у насъ предъ глазами безконечное море? Кто изъ васъ имѣетъ смѣлость слѣдовать за мной? Попробуемъ счастья! Сказано—сдѣлано. И вотъ съ тремя

мальчиками ушелъ онъ изъ школы на берегъ, отвязавъ первую попавшуюся рыбацкую лодку и, взмахнувши веслами, очутился со своими компаньонами посреди волнъ.

Поѣдемъ въ Геную! крикнулъ Джузеппе, а тамъ... увидимъ.—Страсть къ путешествіямъ и приключеніямъ томила его. Сперва плаваніе было пріятно, но, немного спустя, сдѣлалось опаснымъ. Лодка подвигалась съ трудомъ, волны набѣгали на нее со всѣхъ сторонъ, обливая четырехъ смѣлыхъ мальчиковъ; руки уставали грести.

Они приближались уже къ берегамъ Монако, какъ замѣтили слѣдовавшее за ними маленькое стройное судно. Они пытались спастись отъ погони, но это было бесполезно, такъ какъ немного спустя судно поравнялось съ ихъ лодкой и четверо бѣглецовъ были взяты на палубу. Судно это было послано въ погоню за бѣглецами отцомъ Гарibaldi.

«Одинъ аббатъ,—пишетъ Гарibaldi,—увидавши нашъ отъѣздъ, далъ знать о немъ родителямъ; и, быть можетъ, съ тѣхъ поръ зародилась во мнѣ антипатія ко всѣмъ аббатамъ на свѣтѣ».

II.

А между тѣмъ отецъ желалъ сдѣлать его попомъ.

— Нѣтъ, отецъ, сказалъ ему однажды Гарibaldi;—изъ книгъ, что мнѣ даетъ читать синьоръ Арена, я читаю только Фосколо и Альфьери: и тѣ я уже вы зубрилъ наизусть. Другія нейдутъ мнѣ въ голову. Вмѣсто того, чтобъ облечься въ черную рясу, я...

— Ну, хорошо, будь адвокатомъ, перебилъ его отецъ.—Эта профессія даетъ хорошій заработокъ. Не хочешь? Опять довѣсилъ голову? Не нравится тебѣ юриспруденція? Займись медициной: будешь лѣчить ближняго...

— Все это прекрасныя занятія,—отвѣчалъ Джузеппе,—но мое призваніе—морская служба. Еслибъ ты зналъ, какъ я тебѣ завидую, когда ты исчезаешь изъ глазъ моихъ на своемъ прекрасномъ кораблѣ. Мнѣ снятся ночью отдаленныя страны, новые люди, другія небеса. Позволь же мнѣ, отецъ, сдѣлаться морякомъ.

Настойчивость юноши одержала верхъ надъ планами отца. И вотъ, въ назначенный для его отъѣзда день, плачущая мать наскоро укладывала его багажъ. Онъ же нисколько не грустилъ. Облокотясь на балюсъ, онъ радостно любовался кораблемъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать.

«Освѣщенная радужными лучами солнца (писалъ онъ), ты предста-
моимъ глазамъ прекрасная *Sonstanz*, первый корабль, на кото-
ромъ я переплылъ океанъ. Твои матросы, эти настоящіе типы дре-
нихъ лигуровъ, стояли, граціозно облокотясь на свои весла. Ихъ пѣс-
растрогивали и опьяняли меня».

Въ день его возвращенія изъ перваго путешествія въ Одессу, отецъ
отвелъ его въ сторону и, понизивши голосъ, сказалъ:

Съ этихъ поръ ты будешь путешествовать вмѣстѣ со мной. Твоя
мать не давала мнѣ все время покоя со своими страхами. Даже и
самъ такъ боялся за тебя, что рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ тобою.

— Куда же мы поѣдемъ? спросилъ Джузеппе.

— Въ Римъ, отвѣтилъ капитанъ Доменико.

Молодой человѣкъ просіялъ.

— Отецъ! какъ ты добръ! ты дѣлаешь меня счастливымъ, воскри-
нулъ Джузеппе, бросаясь въ объятія отца.

Римъ въ воображеніи Джузеппе все еще представлялся царствомъ
міра. Изъ итальянской исторіи онъ зналъ только исторію республики
и римской имперіи, а рассказы о подвигахъ древнихъ наполняли
сердце желаніемъ увидѣть семь холмовъ и подышать тѣмъ самымъ во-
духомъ, которымъ дышала когда-то Регулъ и Цинциннатъ. Римъ былъ
для него священнымъ городомъ, идеаломъ, былъ Италіей, имя котораго
въ тѣ годы едва лишь произносилось.

Съ тѣхъ поръ маленький домикъ въ Ниццѣ видалъ его только
промежуткахъ отъ одного путешествія къ другому. Бури застигали
много разъ на морѣ; онъ долженъ былъ сражаться съ пиратами
время трехъ плаваній къ Леванту. Но, по возвращеніи въ Ниццу
матери, онъ шутя говаривалъ: «Я очень доволенъ, что испыталъ всѣ
опасности, потому что смѣло могу спросить себя: что такое страхъ?»

Немного дней спустя, встрѣтился съ нимъ одинъ пріятель и остано-
вилъ его.

— Знаешь-ли новость? сказалъ онъ.—Бѣдный Джустино сегодня уби-
себя. Онъ былъ влюбленъ до безумія въ одну хорошенькую дѣвушку,
хотѣлъ на ней жениться, а она измѣнила ему.

— Убить себя изъ-за женщины! воскликнулъ съ негодованіемъ
пріятель.—Стало быть, онъ не нашелъ, на что лучшее употребить свою
жизнь? Цѣль человѣческаго существованія такъ высока, а у него она
заключалась въ женской юбкѣ! Право, я не могу понять этой безнадеж-
ной любви. Если мнѣ понравится какаянибудь женщина, я ее спрош-

Любишь ли ты меня?—Да.—Хорошо!—Не желаешь любить меня? Нѣтъ!—оставлю ее въ покоѣ. Вѣдь такъ много женщинъ на свѣтѣ!

Но такое мнѣніе о женщинахъ не мѣшало Гарибальди быть чрезвычайно любезнымъ кавалеромъ съ прекраснымъ поломъ. Спустя нѣкоторое время, нашъ морякъ превратился въ учителя. Какимъ образомъ произошла такая метаморфоза?

Въ одно изъ путешествій въ Константинополь онъ заболѣлъ. Бригъ *la Cortese*, на которомъ онъ поѣхалъ туда, долженъ былъ отплыть дальше и оставилъ его одного въ большомъ городѣ. Такіе люди, какъ Гарибальди, никогда не имѣютъ денегъ въ карманѣ, а между тѣмъ нужно что нибудь ѣсть. И вотъ онъ, не смущаясь печальной минутой, превращается въ учителя итальянскаго и французскаго языковъ и каллиграфіи. Синьора Тимони, вдова, принимаетъ его къ себѣ въ домъ, какъ репетитора своихъ трехъ малютокъ. Но, въ свободные отъ занятій часы, онъ удаляется на берегъ моря, которымъ любитъ, вздыхая. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, простившись съ синьорой Тимони, онъ садится на бригъ *Madonna delle Grazie* и пріѣзжаетъ въ Италію. На этомъ бригѣ Гарибальди въ первый разъ исполнялъ обязанности капитана.

III.

Въ Таганрогѣ, въ одной изъ ближайшихъ къ порту улицъ, была старая харчевня. Тамъ сбиралось весною 1833 года много итальянцевъ вокругъ молодого брюнета съ блестящимъ взоромъ и вдохновеннымъ словомъ. Это была обширная комната съ закоптѣлыми отъ табачнаго дыма стѣнами. Хозяинъ заведенія дремалъ, сидя въ углу на скамейкѣ, подъ образомъ св. Георгія. Единственная лампа тускло освѣщала пространство, такъ что собравшіеся единомышленники не могли замѣтить чело-вѣка, сидѣвшаго въ другомъ темномъ углу.

«Семь королей, говорилъ юноша, сидятъ на нашей шеѣ, какъ семь смертныхъ грѣховъ. Мы,—подданные одного изъ нихъ, Франциска Моденскаго,—мы возстали, предводимые Чиро Менотти. Парма, Болонья и другіе города Романіи прогнали притѣснителей. Заря свободы уже восходила надъ нами, какъ вдругъ герцогъ Моденскій, собравшись съ силами и поддерживаемый чужеземцами, возстановилъ свое ужасное владычество, и несчастный Менотти, скованный цѣпями, томится въ казематѣ. Но и изъ могилъ возстаютъ апостолы! Одинъ чело-вѣкъ задумалъ великую думу. Старая Италія, страна неволи, низости, измѣны и про-

извола, должна погибнуть. Настаетъ время молодой Италіи. Этотъ человѣкъ разобьетъ цѣпи заключенныхъ. Его жгучее слово воспламенитъ сердце юношей, его голось дойдетъ до ушей тирановъ и позоветъ братій въ отщепенію».

— Кто же этотъ человѣкъ? спросили нѣкоторые изъ моряковъ.

— Кто онъ? спросилъ также и незнакомецъ, о которомъ мы упоминали выше, выходя изъ темнаго угла, гдѣ сидѣлъ.

— Его имя, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, — будетъ окружено ореоломъ въ настоящую минуту онъ — невидимая душа Италіи. Завтра онъ будетъ путеводной звѣздой, которая поведетъ насъ въ отщепенію. Его имя Джузеппе Мадзини. Онъ поэтъ и мыслитель. Страданія родины заставляютъ его рыдать. Низость тѣхъ, кто стонетъ, не пытаясь освободиться изъ подъ палки притѣснителей, возмущаетъ его до глубины души. Слезы слабаго вызываютъ въ немъ состраданіе и стремленіе помочь. Отъ снѣжныхъ вершинъ Альпъ вплоть до Этры онъ вызвалъ патріотическое броженіе. Отечество не должно быть въ неволіу папъ и королей. Время пришло, и, устами нашего поэта Россетти свобода взываетъ къ Италіи:

Cingi l'elmo, la mitra deponi,
O vetusta signora del mondo
Sorgi, sorgi, del sonno profondo
Io son l'alba del nuoro tuo dil *)

— Будь благословенъ, мой братъ! воскликнулъ внѣ себя незнакомецъ, бросившись обнимать оратора. — До сихъ поръ я бродилъ въ потемкахъ, и ты просвѣтилъ меня: знаю теперь, что мнѣ дѣлать. Есть Италія, есть у меня отчизна! Будь благословенъ!

— Кто же ты такой? спросилъ его удивленный ораторъ.

— Я итальянецъ, такъ же, какъ и ты, отвѣчалъ тотъ, — какъ и тебя меня возмущаетъ насиліе и обида; любовь къ свободѣ горитъ во мнѣ... мое имя Джузеппе Гарибальди!

Въ тотъ же вечеръ было о немъ написано въ тайное общество молодой Италіи, котораго молодой ораторъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ. Странное дѣло! Гарибальди впервые провидѣлъ свою патріотическую будущность въ Россіи.

Развитіе Гарибальди шло быстро. Въ томъ самомъ году сенсимо-

---

*) Надѣнь шлемъ, отложи въ сторону митру, старая владѣлица міра: встань, встань изъ глубокаго сна; я заря твоего новаго дня».

ты бѣжали изъ Парижа въ Константинополь. Кораблемъ, на кото-
 ть они отправились, управлялъ Гарibaldi. Между ними находились:
 одианандъ Лессепсъ, мечтавшій и тогда еще о прорытїи Суэзскаго кана-
 и музыкантъ Фелисиенъ Давидъ, задумавшій тогда свои «Мелодїи въ
 стынѣ». Барро, глава бѣглецовъ, сообщилъ Гарibaldi объ обшир-
 ныхъ планахъ сенсимонизма, долженствовавшихъ ошастливить все страж-
 ущее челоуѣчество. И, спустя тридцать лѣтъ, Гарibaldi писалъ:
 режде, чѣмъ я узналъ Барро, я любилъ только свое отечество; съ
 ть поръ, какъ я познакомился съ нимъ, я сталъ любить людей.

Но люди готовили тогда для Гарibaldi осужденіе и смерть. Какъ
 произошло—увидимъ далѣе.

IV.

Двое людей, сошедшихся въ маленькой комнатѣ, въ Генуѣ, горячо
 говаривали между собою. Это были Гарibaldi и Мадзини.

— Я оставлю мой корабль и пожертвую моею свободой, чтобы воз-
 атить ее другимъ. Я поступлю въ морскую государственную службу,
 бы искать тамъ прозелитовъ для нашего дѣла. Вы возбудите народъ
 возстанію на сушѣ. Я буду вамъ отвѣчать со стороны моря.

Они обнялись и разстались. Каждый изъ нихъ намѣтилъ себѣ дорогу. Мад-
 зини занялся снаряженіемъ экспедиціи въ Савойю, чтобы водворить въ
 ѣ республику; Гарibaldi поступилъ матросомъ на фрегатъ Эвридику
 началъ дѣятельную пропаганду.

Чѣмъ кончилась несчастная экспедиція въ Савойю, предводимая ге-
 раломъ Раморино—извѣстно. Республиканцы, обманутые самымъ недо-
 йнымъ образомъ, послѣ короткаго сраженія, были разсѣяны, и тогда
 начались жесточайшія преслѣдованія противъ членовъ молодой
 а л и и.

Между тѣмъ Гарibaldi, не любившій проволочекъ, ночью съ 3-го на
 января 1834 года, поручилъ своимъ товарищамъ овладѣть кораблемъ
 отправился въ Геную, гдѣ должно было произойти нападеніе на ка-
 рму карабинеровъ, на площади Sargana. Но напрасно ожидалъ онъ
 варищей, и спустя часъ времени узналъ, что возстаніе не удалось и
 жно было бѣжать, чтобы спасти свою жизнь для лучшихъ дней. Ко-
 левскія войска оцѣпляли площадь. Гарibaldi каждую минуту могъ
 ть схваченъ. Оглядываясь кругомъ, онъ замѣтилъ полуотворенную
 ерь фруктовой лавочки и, подбѣжавъ въ хозяйнѣ, просилъ спасти его.

— Я честный человекъ, говорилъ онъ,—спасите меня! меня ищутъ, чтобы казнить.

Добрая женщина посмотрѣла на это честное и прекрасное лицо, и, растроганная его мольбой, поспѣшно сказала:

— Пользайтесь туда; васъ здѣсь никто не найдетъ,—и спрятала его между ящичками съ зеленью. Вечеромъ она снабдила его деревенскимъ платьемъ, и такимъ образомъ онъ могъ выйти изъ города, не будучи замѣченнымъ.

О чемъ же была первая мысль у бѣглеца? Объ его матери! «Какъ тревожно забьется ея сердце, думалъ онъ про-себя, когда до нея дойдетъ вѣсть, что ея сынъ скрывается въ горахъ, преслѣдуемый королевскими солдатами. О, еслибъ я могъ ее увидѣть и успокоить хоть однимъ поцѣлуемъ!»

Послѣ 10-ти ночей скитанія, вечеромъ, онъ приблизился къ воротамъ одного дома въ Ниццѣ. Онъ тихо постучался; человекъ, отпершій ему дверь, поднялъ фонарь, чтобы лучше рассмотреть его въ лицо.

— Какъ, это ты? воскликнулъ онъ съ изумленіемъ.

— Тише! сказалъ Гарibaldi:—дай мнѣ войти.

Немного погодя, онъ расположился въ отдаленной комнатѣ своего друга, выходящей окнами на дворъ.

— А Мадзини? спросилъ его другъ съ безпокойствомъ.

— Онъ спасся; я надѣюсь, по крайней мѣрѣ. Вотъ и я, подобно ему, долженъ скитаться на чужбинѣ, ожидая, когда засіяетъ звѣзда Италіи. Но прежде, чѣмъ пуститься въ мучительный путь, я хотѣлъ бы обнять свою дорогую мать. Поди къ ней, мой добрый Жомъ, и сообщи, что я здѣсь и желаю обнять ее, быть можетъ, въ послѣдній разъ.

Тотъ отправился извѣстить добрую женщину, сеньору Розу. На слѣдующее утро, ободренный лаской этой ангельской души, Гарibaldi отправился въ изгнаніе.

Граница между Пьемонтомъ и Франціей была обозначена рѣкой Варомъ. Изгнанникъ приходитъ къ рѣкѣ и видитъ, что она выступила изъ береговъ. Но для такого пловца, какъ Гарibaldi, ничего не стоило броситься въ воду и скоро появиться на другомъ берегу.

— Я спасенъ! вырвался у него радостный крикъ.

— Стой, держи, держи его! услышалъ онъ громкіе голоса приближающихся людей.

Это были таможенные французскіе солдаты, выбѣжавшіе ему на встрѣчу.

— Мнѣ съ вами нечего дѣлать, я не контрабандистъ, сказалъ имъ Га-

рибальди. — Я бѣжалъ изъ Пьемонта, замѣшанный въ политическія дѣла.

— Прекрасно! отвѣчали таможенные:—революція всегда была преступленіемъ въ глазахъ правительства. Мы напишемъ о васъ въ Парижъ, а пока вы будете нашимъ плѣнникомъ.

Гарibaldi не оказалъ сопротивленія. Они отвели его сперва въ Грассу; затѣмъ изъ Грассы въ Драгиньяно. Здѣсь его заперли въ маленькой комнатѣ перваго этажа. Едва онъ остался одинъ, какъ подбѣжалъ къ окну и очутился на свободѣ. Предъ нимъ было открытое поле, а за нимъ лѣсъ; немного дальше обрисовывались горы, вѣчное убѣжище преслѣдуемыхъ.

Дорога была ему незнакома. Но чтò значило это для Гарibaldi, который, какъ морякъ, могъ различать путь по звѣздамъ. И вотъ, съ помощью звѣздъ, онъ направился къ Марселю. Прощедши одни сутки и ночь, онъ пришелъ въ деревню и зашелъ въ трактиръ. Хозяинъ трактира имѣлъ видъ добраго малаго; хозяйка, красивая женщина, очень радушно встрѣтила его. И вотъ Гарibaldi, утоляя свой голодъ, съ довѣрчивостью сталъ рассказывать о своемъ бѣгствѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ рассказывалъ, лицо хозяина все болѣе и болѣе омрачалось.

— Я долженъ арестовать васъ, сказалъ онъ вдругъ, обращаясь къ Гарibaldi.

— Арестовать меня? спросилъ тотъ съ удивленіемъ.—Вы, вѣроятно, шутите. По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ кончить ужинъ, такъ какъ я еще очень голоденъ. Отъ васъ зависитъ заставить меня заплатить вамъ двойную плату.

Въ этой харчевнѣ было много молодыхъ людей. Они шумѣли и толковали горячо о политикѣ. Гарibaldi взялъ стаканъ, наполненный виномъ, и приблизился къ нимъ.

— Выслушайте меня! воскликнулъ онъ. И своимъ прекраснымъ задушевымъ теноромъ, который онъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни, запѣлъ пѣсню. Это была пѣсня о Богѣ честныхъ людей, Беранже.

Молодые люди пришли въ восторгъ, всѣ бросились обнимать молодаго бѣглеца, восклицая: Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Италия! И всѣ они, окруживъ его, отирались провожать вплоть до Марселя. Хозяинъ харчевни не напоминалъ уже объ арестѣ.

Но хотя любовь къ отечеству и къ Мадзини заставила его перенести столько опасностей, онъ никогда не сожалѣлъ объ этомъ, и спустя

двадцать лѣтъ, въ Лондонѣ, говорилъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей:

«Когда я былъ молодъ и не имѣлъ ничего, кромѣ туманныхъ мечтаний, я искалъ человѣка, могущаго быть моимъ совѣтникомъ и руководителемъ. Я искалъ этого человѣка, какъ ищетъ жаждущій воды. Я нашелъ его. Онъ одинъ сохранилъ въ себѣ священный огонь, онъ одинъ бодрствовалъ, когда другіе спали. Онъ сдѣлался моимъ другомъ всегда оставался таковымъ. Никогда не погасалъ въ немъ священный огонь любви къ отечеству и къ свободѣ. Этотъ человѣкъ былъ Джузеппе Мадзини».

V.

Впервые увидѣлъ Гарибальди свое имя напечатаннымъ въ «Пьемонтской газетѣ» подъ № 72, 1834 года. Карлъ-Альбертъ, желавшій да прочимъ европейскимъ правительствамъ доказательство своей нетерпимости къ заговорамъ молодежи, началъ, вслѣдъ за процессомъ генерала Раморино, 67 процессовъ противъ приверженцевъ молодой Италіи. Двѣнадцать изъ нихъ были разстрѣляны, девять осуждены на каторгу, одиннадцать бѣжали, тридцать были отправлены на много лѣтъ на каторгу, а только пятеро были оправданы. 3 июня былъ объявленъ именемъ короля приговоръ, что Джузеппе Гарибальди, изъ Ниццы, морской капитанъ коммерческихъ судовъ и морякъ 3-го класса государственной службы, за принадлежность къ тайному обществу, присуждается къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе.

Что же дѣлаетъ Гарибальди въ это время? Онъ находился на одномъ коммерческомъ кораблѣ въ Марсельскомъ портѣ. Для того, чтобы избѣгнуть опасности быть вытребованнымъ властями Карла Альберта, онъ перемѣнилъ свое имя и назвался Понэ.

Однажды, только что проснувшись, онъ услыхалъ какой-то шумъ. Выглянувши въ окошко, онъ увидѣлъ барахтавшагося въ водѣ молодого человѣка, который уже изнемогалъ и былъ не въ силахъ держаться на водѣ. Никто изъ жителей не рѣшался спасти бѣднягу. Въ ту же минуту Гарибальди бросился въ море, схватилъ за волосы утопавшаго, вытащилъ его на берегъ. Толпа стала рукоплескать ему, но онъ скрылся. Семейство же спасеннаго, одно изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ городѣ, отыскало его. Отецъ юноши, генералъ Рамбо, горячо благодарилъ его и умолялъ принять богатый подарокъ.

— Дайте мнѣ вашу руку! сказала Гарибальди. Пожмемъ другъ другу руки, вотъ и все. Принятіе подарка было бы униженіемъ.

— Благородный юноша! воскликнулъ въ восторгѣ генералъ. — Отъ всего сердца обнимаю васъ. Но скажите, ради Бога, не нужна ли вамъ какая нибудь протекція?

— Благодарю васъ! мнѣ ничего не нужно. Вспоминайте иногда объ одномъ итальянцѣ.

Съ этими благородными словами Гарибальди разстался съ нимъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія, случилась въ Марселѣ холера. Свирѣпствовала ужасная смертность, а между тѣмъ санитарныхъ средствъ было недостаточно. Бѣгобогаче, бѣжалъ изъ города, оставляя больныхъ безъ всякаго присмотра. И вотъ Гарибальди отправился въ госпиталь, отъ котораго всѣ сторонились, всѣ бѣжали.

— Не нуждается ли вы въ больничномъ служителѣ? заявилъ онъ, — я къ вашимъ услугамъ. Я не медикъ, но не боюсь холеры и желалъ бы облегчить хоть чѣмъ нибудь страданія другихъ. Онъ былъ принять съ энтузіазмомъ. И вотъ, будущій герой ста сраженій, въ теченіе 15 дней, былъ однимъ изъ самыхъ внимательныхъ и добрыхъ ухаживателей за больными холерой. Послѣ того, какъ болѣзнь утратила свой эпидемическій характеръ, онъ поступилъ на бригъ «Nuctatore» г. Борегара, и отправился въ Рио-Жанейро. Тамъ ожидали его великія мученія и великая слава.

VI.

Около девяти мѣсяцевъ проживалъ уже Гарибальди въ Рио-Жанейро. Однажды, проходя черезъ гавань, онъ увидалъ многихъ узниковъ, скованныхъ цѣпами, которыхъ солдаты сопровождали съ кораблей въ тюрьмы. Движимый состраданіемъ, онъ подошелъ къ нимъ и съ изумленіемъ услышалъ ихъ жалобы, высказываемыя по-итальянски. Это были итальянцы. Въ началѣ 1837 года, провинція Рио-Гранде возстала противъ бразильской имперіи, которой до того времени была подвластна, и водрузила у себя знамя республики. Въ первомъ сраженіи съ имперіалистами, республиканцы были разбиты и ихъ вожди, между которыми было много итальянцевъ, схвачены и заключены въ тюрьмы.

— Узники! подумалъ Гарибальди. Неужели итальянцы во всѣхъ частяхъ свѣта будутъ жертвами тираніи?

Сходство его собственной судьбы съ судьбою этихъ несчастныхъ, — такъ какъ единственная причина ихъ тюремнаго заключенія была лю-

бовъ къ свободѣ, — заставила Гарибальди посвятить себя тому же дѣлу. Онъ поѣхалъ къ диктатору новой республики, Гонзальво-де-Сильва и заявилъ о своемъ желаніи служить дѣлу республики. Съ горячей поспѣшностью, какою отличались всѣ его дѣйствія, онъ, со многими другими итальянцами, на кораблѣ подѣ республиканскимъ знаменемъ, направился къ берегамъ сосѣднихъ острововъ. «Итакъ, на кораблѣ, бывшемъ въ моемъ полномъ распоряженіи, — писалъ онъ позднѣе, — поднялъ я руки, свободный и гордый, и радостно вскрикнулъ, какъ орелъ, расправляющій свои крылья и парящій надъ вершинами горъ. Океанъ казался мнѣ моею собственностью, я царилъ надъ нимъ».

Этотъ небольшой корабль былъ названъ имъ *Мадзини*. Спустя нѣсколько дней, онъ замѣтилъ въ свой бинокль издали судно, плававшее подѣ бразильскимъ флагомъ. Не теряя времени, онъ нагналъ его и взялъ приступомъ. Это судно называлось *Луиза*. Одинъ изъ пассажировъ, дрожа отъ страха, подбѣжалъ къ Гарибальди со шкатулкой въ рукахъ. «Возьмите это, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, примите эти драгоценности; но пощадите мою жизнь». Говоря это, онъ открылъ шкатулку, гдѣ сверкали великолѣпные брилліанты. Гарибальди заперъ ключикомъ шкатулку, и, возвращая ее владѣльцу, сказалъ: «Сохраните это для другаго случая. Я не корсаръ, грабящій мирныхъ пассажировъ, я корсаръ свободы, избавляющій обиженныхъ и угнетенныхъ отъ притѣснителей». Онъ отпустилъ на свободу цѣлыми и невредимыми всѣхъ пассажировъ, освободилъ негровъ, находившихся на кораблѣ, и оставилъ за собою корабль, давъ ему имя «*Scaropilla*».

На захваченномъ суднѣ, Гарибальди поплылъ къ восточной республикѣ, надѣясь тамъ найти поддержку и покровительство; но люди, стоявшіе во главѣ этой республики, боясь посориться съ Бразиліей, послали ему на встрѣчу корабль, чтобы захватить его съ товарищами въ плѣнъ. Едва Гарибальди узналъ о ихъ намѣреніи, какъ тотчасъ же отдалъ приказаніе готовиться къ защитѣ. Началась перестрѣлка. Побѣда казалась уже на сторонѣ Гарибальди, какъ вдругъ онъ упалъ, пораженный пулей въ горло...

Когда Гарибальди пришелъ въ себя, свѣжій вѣтеръ ударялъ ему въ голову. Его моряки, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, сильно дувшимъ съ востока, ушли отъ непріятеля и вошли въ рѣку Парану. Но также и здѣсь, когда бѣглецы бросили свой якорь, губернаторъ Гвалегвая, Леонардо Мильянь, не захотѣлъ признать знамени новой республики (т. е. Рио-Гранде) и объявилъ ихъ всѣхъ плѣнными.

Какъ мы уже сказали, Гарибальди былъ довольно опасно раненъ, и окружающіе отчаявались его спасти. Но видно сама судьба берегла его для защиты слабыхъ и угнетенныхъ. Молодость и здоровое тѣлосложенеіе взяли верхъ надъ болѣзнью.

Во время своего выздоровленія, онъ пользовался гостепріимствомъ благороднаго испанца, синьора Андреуса, который горячо привязался къ нему. Ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ города. Онъ писалъ тогда одному изъ своихъ друзей: «Знай, мой другъ, что бы я ни дѣлалъ, путешествуя-ли, пишу-ли, читаю,—всегда, каждую минуту, меня не оставляетъ мысль объ освобожденіи Італіи».

Въ это время пришелъ приказъ о препровожденіи его въ столицу. Гарибальди, боясь, и не безъ причины, подвергнуться мученіямъ, сталъ думать о бѣгствѣ. Двое сутокъ блуждалъ онъ по пустынямъ, окружающимъ Парану, совершенно ему незнакомыхъ, надѣясь какъ нибудь спастись. Однажды, усталый и голодный, онъ опустился въ изнеможеніи подъ большое дерево и уснулъ, мечтая объ отечествѣ. Когда же онъ открылъ глаза, проснувшись, то увидѣлъ себя окруженнымъ солдатами губернатора Мильяна, которые давно уже охотились за нимъ. И вотъ ему связали назадъ руки, посадили на лошадь, къ стременамъ которой привязали крѣпко его ноги, и въ такомъ видѣ препроводили къ Леонардо Мильяну.

— Кто далъ тебѣ возможность убѣжать? вскричалъ губернаторъ, бросая на него грозный взглядъ.

— Никто, отвѣчалъ Гарибальди.—Я самъ задумалъ уйти и бѣжалъ.

— Ты лжешь! закричалъ Мильянъ, и, приблизившись къ плѣннику, ударилъ его хлыстомъ по лицу.

Гарибальди задрожалъ отъ гнѣва и сдѣлалъ тщетное усиліе разорвать дѣпи, сковывавшія его руки, чтобы оттолкнуть изверга. Силы его оставили и онъ въ изнеможеніи опустился на полъ.

Мильянъ подозвалъ тюремщика и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Началась надъ плѣннымъ пытка, отъ которой скоро послышался ужасный трескъ костей.

— Ну, теперь ты признаешься наконецъ? спросилъ Мильянъ.

Гарибальди не могъ отвѣчать, но собравши всѣ свои силы, плюнулъ въ лицо своего мучителя.

— Оставьте его въ висячемъ положеніи, вскричалъ Мильянъ, блѣдный отъ бѣшенства. Онъ скоро утратитъ свое упорство и гордость.

Всѣ ушли. Гарибальди страшно страдалъ. Руки его были въ крови.

насъкомые искушали ему все лицо. Жажда мучила его. Это было мучение, не поддающееся никакому описанію. Спустя два часа, стражи, считая его мертвымъ, сняли съ веревки и положили на землю. Онъ навѣрное не перенесъ бы этихъ жестокихъ мученій и умеръ, еслибы не помощь доброй женщины, нѣвоей Аллеманъ, которая помогла ему въ этотъ мучительный эпизодъ его жизни.

Губернаторъ, видя всю бесполезность попытокъ заставить признаться Гарибальди, и не желая взять на себя отвѣтственность, еслибы онъ умеръ отъ мученій, отправилъ его въ главный городъ провинціи Баяду, гдѣ онъ оставался два мѣсяца въ плѣну и былъ, наконецъ, выпущенъ на свободу.

Позже, когда счастье отдало ему въ руки всѣхъ военныхъ властей провинціи Гвалегвай, онъ велѣлъ ихъ выпустить на свободу, не причинивъ ни малѣйшаго вреда. Между ними былъ и его мучитель Мильянъ.

— Дайте ему свободу! вскричалъ Гарибальди. Я не хочу даже его видѣть. Я боюсь, чтобы его присутствіе, напоминающее мнѣ мои мученія, не заставило меня поступить съ нимъ жестокимъ образомъ, недостойнымъ меня и итальянскаго народа.

VII.

Ріо-Гранде принялъ праздничный видъ, чтобы достойнымъ образомъ принять героя, столько выстрадавшаго за республику. Ему была поручена команда надъ немногими морскими силами, которыми въ то время располагала молодая республика. Гарибальди сражался, въ одно и то же время, на морѣ и на сушѣ. Онъ дѣлалъ нападенія на непріятеля на своихъ судахъ и бралъ большую добычу. Послѣ, вмѣстѣ со своей командой, ходилъ на берегъ, вскакивалъ на коней, бродившихъ по равнинѣ, и разсѣвалъ толпы имперіалистовъ.

Во время своихъ походовъ, онъ охотно останавливался въ *estancia* или на фермѣ донны Анны, сестры президента республики, Бенито Гонзалеса. Въ этомъ домѣ его привлекала красота дочери донны Анны, прелестной Манозалиты. «Въ ней было столько прелести, рассказывалъ Гарибальди, спустя уже много лѣтъ, что хотя я былъ лишенъ надежды обладать ею, тѣмъ не менѣе не могъ не любить ее». Она, на самомъ дѣлѣ, была уже давно обручена со своимъ кузеномъ, сыномъ президента. И въ сердце изгнанника, въ самую бурную пору его существо-

ия, запало глубокое, благоговѣйное чувство, достойное рыцаря круг-
о стола.

Однажды Гарибальди былъ извѣщенъ, что нѣкій капитанъ Абринъ, котораго было подъ рукою 120 нѣмецкихъ наемниковъ, угрожаетъ нападѣнiемъ на имѣнiе донны Анны съ цѣлью грабежа. Онъ наскоро сформировалъ отрядъ итальянцевъ и отправилъ ихъ противъ него. Но Абринъ, этой дорогой, совершенно неожиданно явился въ имѣнiе. Гарибальди явился тамъ только съ 11 итальянцами. Онъ тотчасъ приказываетъ имъ засѣсть въ сарай и начать живую ружейную стрѣльбу, чтобы скрыть отъ непріятеля ихъ малочисленность. Нѣмцы окружили сарай, взобрались на крышу и стали оттуда бросать въ сарай вязанки железныхъ прутьевъ. Итальянцы успѣваютъ тушить огонь и неустанно отвѣчаютъ на выстрѣлы непріятеля. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ сраженiя, предводитель нѣмецкой шайки раненъ, многіе изъ его наемниковъ убиты, а остальные обращаются въ бѣгство.

Президентъ благодарилъ и поздравлялъ Гарибальди съ непредвидѣннымъ успѣхомъ. Герой ему отвѣтилъ съ античнымъ достоинствомъ:

— Одинъ свободный человѣкъ стоитъ десяти невольниковъ.

Нѣсколько дней спустя, донна Анна устроила балъ въ честь героя. Красная Манюэлита была царицей бала, и мать ея, разговаривая съ Гарибальди, сказала:

— Бѣдное дитя! при извѣстiи о сраженiи, она сильно поблѣднѣла и трепетомъ спрашивала: спасены ли вы?

Услышавъ это, Гарибальди понялъ, что чувства его раздѣляются Манюэлитой, но онъ не желалъ быть счастливымъ, посредствомъ измѣны своему другу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, онъ повстрѣчался съ Манюэлитой. Какъ познакомился онъ со своей вѣрной подругой жизни, дѣлившей нимъ его славу и его несчастiя, расскажемъ въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Со сложенными на груди руками, прислонившись къ главной мачтѣ своего судна, стоялъ неподвижно Гарибальди. Взоръ его блуждалъ по морю, по лазурному небосклону, и, время отъ времени, глубокой вздохъ вырывался изъ его груди.

— Одинъ! одинъ на свѣтѣ! шепталъ онъ. Изъ шести друзей, привалившихъ ко мнѣ сюда изъ Италiи, не осталось ни одного въ живыхъ. Все они пали на моихъ глазахъ. Одинъ погибъ отъ непріятельской

пули, другіе сложили свои головы въ волнахъ океана, во время страшной бури, разбившей наши суда. Кто утѣшитъ меня въ тяжелыя минуты жизни? Кто разгадаетъ мои мысли? Одна женщина только могла бы это сдѣлать, она—прибѣжище, утѣшеніе, путеводная звѣзда!

Раздумывая такимъ образомъ, онъ сталъ смотрѣть на берегъ, находившійся на близкомъ разстояніи отъ его судна. Нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ гуляли по берегу. Но здѣсь мы приведемъ его собственное описаніе этого случая.

«Вотъ эта дѣвушка нравится мнѣ болѣе другихъ, подумалъ онъ, заинтересованный скромнымъ видомъ и красотой дѣвушки, и тотчасъ отдалъ приказаніе спустить баркасъ, и отправился на берегъ. Онъ пошелъ къ дому, въ которомъ жила дѣвушка. «Сердце мое усиленно билось, я былъ взволнованъ въ высшей степени. Я постучался въ дверь, и человекъ, отпершій мнѣ, пригласилъ меня войти. Я вошелъ бы и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ не пускалъ меня. Я увидѣлъ дѣвушку и, подошедши къ ней, сказалъ: Ангелъ мой!—ты будешь моею! Черезъ нѣсколько дней мы были соединены навѣки, и одна смерть могла разлучить насъ».

Итакъ Гарибальди вернулся на свой корабль, съ молодой стройной женой Анитой, изъ деревни Барре.

Нѣсколько дней спустя, республиканскія суда очутились лицомъ къ лицу съ имперіалистскими. Непрiятель былъ силенъ, и, недолго думая, сталъ бомбардировать республиканцевъ. Гарибальди хотѣлъ высадить Аниту на берегъ. «Нѣтъ, отвѣтила Анита, мѣсто жены подлѣ любимаго мужа». Непрiятель между тѣмъ удвоилъ огонь. Гарибальди сталъ ободрять своихъ матросовъ, которые, повидимому, пришли въ смятеніе и готовы были сложить оружіе. Анита, съ саблею въ рукѣ, съ своей стороны, старалась возбудить мужество струсившихъ. Пушечное ядро разорвалось и опрокинуло Аниту и двухъ моряковъ. Гарибальди съ отчаяніемъ подбѣжалъ, думая, что она убита, но она встала совершенно невредимая; моряки были ранены. Гарибальди умолялъ ее сойти внизъ, въ каюту.

— Да, я сойду внизъ, но только затѣмъ, чтобы вызвать оттуда спрятавшихся трусовъ, отвѣчала Анита.

И въ самомъ дѣлѣ, она ободрила и вызвала на палубу людей, которымъ стало стыдно видѣть болѣе мужества у слабой женщины, чѣмъ у себя. Послѣ пятичасоваго сраженія, былъ убитъ начальникъ имперіалистовъ, и его суда удалились въ полномъ разстройствѣ.

Въ слѣдовавшихъ за тѣмъ сраженіяхъ, Анита была для своего мужа болѣе отважнымъ и умнымъ изъ офицеровъ. Однажды имперіалисты, мая уничтожить храброго, непобѣдимаго итальянца, послали противъ него лучшія силы своего флота. Непріятельскіе корабли заперли выходъ море флотилии Гарibaldi, состоявшей изъ небольшихъ лодокъ. Нашъ герой, имѣя около себя свою неустрашимую жену, отвѣчалъ безостановочно на непріятельскій огонь; потомъ, когда онъ увидѣлъ, что у него кончились боевые запасы и что приходится уступить численности пріятеля, онъ мало-по-малу высадилъ на берегъ всѣхъ своихъ людей, остался одинъ съ Анитой. Видя своихъ въ безопасности, онъ поджигаетъ порохъ, и непріятельскіе корабли среди ужаснаго треска взлетаютъ въ воздухъ. Самъ же онъ съ Анитой, бросившись въ воду, благополучно достигаетъ впасть берега. Объ этомъ изумительномъ дѣлѣ разсказывалъ его ближайшій другъ Бунсо.

Начались вскорѣ сраженія на сушѣ. Въ С.-Викторіи итальянскій легионъ, наскоро составленный Гарibaldi, разбилъ бригаднаго генерала Фунча, такимъ образомъ, что непріятельская дивизія совершенно разстроилась. Анита, верхомъ на лошади, подъ градомъ пуль, показывалась всюду, гдѣ шелъ наиболѣе кровавый бой. Съ карабиномъ въ рукахъ, она то стрѣляла въ непріятеля, то сходила съ коня и заботилась о раненыхъ, перевязывая имъ раны и помогая переносить ихъ въ наиболѣе безопасное мѣсто. Но не такъ счастливо было сраженіе при Ритиані. Республиканская кавалерія была смята, и Гарibaldi съ 70 чел. былъ оцѣпленъ пятьюстами. Анита мгновенно очутилась одна среди непріятеля. Мужчина и тотъ бы смѣшался, но она, на приглашеніе сойти съ лошади, пришпорила ее и умчалась впередъ. Она слышала за собой погоню, пуля пролетѣла мимо уха, задѣвши шляпу и поднявъ волосы, но, къ несчастію, лошадь, пораженная пулей, пала и гордая amazonka была взята въ плѣнъ. Имперіалисты, удивляясь ея отвагѣ, разсказались съ ней чрезвычайно вѣжливо. Немного спустя, пришло извѣстіе, что Гарibaldi убитъ. Бровь застыла въ жилахъ отважной женщины; она, казалось, была совершенно подавлена, убита горемъ; потомъ, когда наступила ночь и усталые часовые уснули, она неслышно вышла изъ палатки, въ которой находилась подъ стражей, и побѣжала въ чащину на поле сраженія. Долгое время бродила она между трупами, подымала головы убитыхъ, ища того, кого боялась найти мертвымъ. При свѣтѣ луны она видѣла страшно обезображенные трупы. На разсвѣтъ она, съ надеждою въ сердцѣ, приподнялась съ окровавленной

земли. Ея Джузеппе долженъ былъ быть въ безопасности. И не думая объ опасностяхъ, ввѣряясь своей горячей любви, она отправилась черезъ дремучіе лѣса, отдѣлявшіе ее отъ республиканскаго войска, и, спустя восемь дней, послѣ труднаго изумительнаго путешествія, она имѣла великое счастье достигнуть своего Гарибальди.

Нужно было подновить и пополнить флотъ инсургентовъ. Гарибальди отправился въ Санъ-Симонъ устроить это дѣло. Анита не была уже той стройной молодой женщиной, какою мы ее знали раньше, она вскорѣ должна была сдѣлаться матерью. И вотъ, 16-го сентября 1840 года, она подарила своему мужу мальчика. Гарибальди, цѣлуя ребенка, сказалъ: «Вмѣсто имени какого нибудь святаго, назовемъ его именемъ мученика. Этотъ мальчикъ будетъ называться Менотти». Едва прошло 12 дней послѣ родовъ Аниты, какъ Гарибальди отправился на встрѣчу бандѣ солдатъ, предводимой тѣмъ самымъ капитаномъ Абриномъ, о которомъ мы говорили раньше. Услыхавъ, что Санъ-Симонъ оставленъ республиканцами, Абринъ явился, чтобы занять его. Анита, услышавъ шумъ осады, вскочила съ постели и, схвативъ Менотти, полунагая, съѣхавъ на лошадь и отправилась въ лѣсъ, чтобы скрыться и потомъ догнать своего мужа.

Послѣ нѣсколькихъ рискованныхъ предпріятій, Гарибальди, замѣтивши, что личныя самолюбія властей молодой республики берутъ верхъ надъ заботами о народномъ благѣ, оставилъ Ріо-Гранде и отправился въ Монтевидео (Урагвай).

IX.

Верхомъ на быстрой лошади, разѣзжалъ по обширной равнинѣ всадникъ. Дикіе быки населяютъ эти громадныя пространства и живутъ здѣсь на полной свободѣ. Всадникъ бросаетъ арканъ, парализуетъ движенія дикаго животнаго, и постепенно дѣлаетъ его ручнымъ. Всадникъ этотъ былъ Гарибальди.

Послѣ того, какъ онъ сражался, претерпѣлъ мученія, жертвовалъ сто разъ своею жизнью въ теченіе пятилѣтней службы республикѣ Ріо-Гранде, онъ выѣхалъ оттуда въ такой нищетѣ, что для того, чтобы поддерживать существованіе свое и маленькой семьи, во время путешествія, долженъ былъ поймать нѣсколькихъ быковъ, приручить ихъ и продать на пути. Но нелегко было вести и справляться съ этими недисциплинированными животными. Во время перехода черезъ Ріо-Негро, онъ едва не потерялъ ихъ въ волнахъ рѣки. Отчаяв-

съ вести ихъ далѣе, онъ убилъ ихъ, продалъ ихъ шкуры и, съ выручною сотнею скудовъ, поселился въ Монтевидео.

Деньги вышли довольно скоро. Тогда капитанъ превращается въ учителя математики. Жизнь онъ велъ въ это время со своей семьею жалкую, но въ груди его билось все то же великое сердце.

Однажды, на улицѣ, онъ встрѣтилъ своего бывшего солдата, обороннаго, несчастнаго.

— Еслибы вы мнѣ дали одну рубашку, то оказали бы этимъ величайшее благодѣяніе, сказалъ солдатъ.

— Какъ? у тебя нѣтъ рубашки? спросилъ Гарибальди. Пойдемъ со мною.

Онъ повелъ его въ рощицу, и, снявши съ себя рубаху, отдалъ ее солдату. Когда онъ возвратился домой, Анита спросила его:

— Гдѣ твоя рубашка?

— Я ее отдалъ одному бѣдняку, котораго встрѣтилъ на улицѣ, вѣчалъ Гарибальди.

— Ахъ бѣдные, бѣдные мы! но знаешь ли ты, что эта рубашка была единственная у тебя?

— Чтожъ изъ этого? стончески сказалъ Гарибальди.— Можно застѣваться до подбородка. Можно жить хорошо и безъ рубашки.

Но могъ-ли онъ долго продолжать мирное занятіе. Вокругъ него вѣла война: и таблицы логарифмовъ и геометрическія теоремы должны были уступить мѣсто тревоженіямъ новыхъ сраженій.

Х.

Десять большихъ кораблей окружаютъ три маленькія судна. Это происходитъ въ Панамскихъ водахъ. Десять кораблей принадлежатъ свѣдѣнному диктатору Буэносъ-Айреса, Розасу; три судна составляютъ собственность республики Монтевидео. Первые находятся подъ командой нѣмецкаго адмирала Брауна, одержавшаго раньше немало побѣд; вторыми командуетъ Гарибальди, уступившій просьбамъ жителей Монтевидео и бросившій колегію, гдѣ былъ преподавателемъ математики, чтобы защищать дѣло свободы.

Въ теченіе трюхъ сутокъ длился артиллерійскій огонь, и гарибальдійцамъ уже недоставало боевыхъ запасовъ.

— Разбейте на куски якорныя цѣпи и употребите ихъ для картечи! кричалъ Гарибальди.

Браунъ велѣлъ приостановить огонь. Сдавайтесь! кричитъ онъ въ слуховую трубу своему противнику.

— Лучше смерть, чѣмъ сдатьсь вамъ, отвѣчаетъ Гарибальди. Браунъ велѣлъ продолжать бомбардированіе съ удвоенной силой. Наступила ночь, уже третья, что герой не спалъ. Боевыхъ запасовъ не было; даже якорныя цѣпи пошли въ дѣло. Гарибальди припомнилъ о подобномъ случаѣ, бывшемъ съ нимъ въ Лагунѣ; онъ задумалъ повторить и здѣсь то же. Онъ спустилъ на лодки всѣхъ людей и провелъ ихъ между непріятельскими судами. Черезъ нѣсколько времени они всѣ высадились на берегъ.

Онъ съ Анитой оставили судно послѣдними. Едва они сошли и немного отъѣхали на своей лодкѣ, какъ раздался оглушительный взрывъ. Три республиканскія судна были объаты пламенемъ. Непріятель былъ внѣ себя отъ бѣшенства, что добыча, считавшаяся уже за нимъ, ускользнула отъ него неожиданнымъ образомъ.

На берегу стояли солдаты аргентинской республики. Гарибальди велѣлъ своимъ сомкнутьсь, и со штыками и саблями (боевыхъ запасовъ совсѣмъ не было) бросились они на солдатъ, разсѣяли ихъ, и такимъ образомъ, очистивши себѣ путь, пришли цѣлы и невредимы въ Монтевидео.

— Эти солдаты, точно тигры, говорили аргентинскіе солдаты своему генералу.

— Предводимые львомъ, отвѣчалъ тотъ.

Черезъ нѣсколько дней, флотъ Буэносъ - Айреса появляется близъ Монтевидео. Сильнѣйшій туманъ заволакивалъ берегъ. Гарибальди выбралъ 12 испытанныхъ отважныхъ молодцовъ и отправился съ ними въ лодкѣ осмотрѣть непріятельскія силы. Одинъ корабль, вооруженный шестью пушками, замѣтилъ лодку, но мелководье не позволяло кораблю преслѣдовать смѣльчаксвъ. Ночью Гарибальди сказалъ своимъ: Бросайтесь всѣ въ море и плывите безъ малѣйшаго шума!

Они бросаются въ воду, держа въ зубахъ сабли, и, приблизившись къ непріятельскому кораблю, неожиданно вскакиваютъ на палубу и убиваютъ часовыхъ. Всѣ находившіеся на кораблѣ были объаты ужасомъ. Гарибальди предложилъ имъ положить оружіе и сдатьсь въ плѣнъ. Въ нѣсколько минутъ корабль былъ въ полномъ его распоряженіи. Гарибальди выставилъ республиканскій флагъ Монтевидео, направилъ пушки противъ аргентинскихъ судовъ и сталъ громить ихъ съ фланга. Потомъ, снявши якорь, онъ привелъ взятый корабль въ Монтевидео.

— Гарибальди заколдованъ, говорилъ о немъ американскій простой цѣльщикъ (такъ позже думали и итальянскіе крестьяне); никакое оружіе не приноситъ ему вреда. Онъ руками отгоняетъ пули, какъ другіе это дѣлаютъ съ мухами.

Онъ Монтевидео былъ также французскій легіонъ, который храбро сражался за республику.

Многіе говорили: Гарибальди храбрецъ, но остальные итальянцы—трусы передъ огнемъ сраженій. Изъ-за этой своей низости, они—невольники даже своего отечества. Это дошло до ушей Гарибальди. Онъ созвалъ жившихъ въ Монтевидео итальянцевъ и сформировалъ изъ нихъ легіонъ, который бросился въ сраженіе.

— Мы должны показать другимъ, говорилъ онъ солдатамъ,—вопреки тому, что итальянцы умѣютъ сражаться, и во-вторыхъ, что они готовы жертвовать жизнью за свободу!

Своему легіону, состоявшему изъ тысячи человекъ, онъ вручилъ знамя. Знамя было черное шелковое, съ нарисованнымъ посреди Везувіемъ,—эмблемой Италіи и революцій, вложеннымъ, какъ горячая уголь, внутри его. Оно было вручено юношѣ Сакки, въ настоящее время полковнику итальянскаго генерала. Полковникъ Антони-ди-Альцате былъ администраторомъ легіона.

Съ этими доблестными солдатами, онъ совершилъ много побѣдъ въ различныхъ странахъ и поддержалъ честь итальянскаго имени. Въ некоторыхъ сраженіяхъ принимали участіе негры, глубоко уважавшіе Гарибальди. Изъ нихъ, Ангіаръ, послѣдовалъ за Гарибальди въ Италію.

Наиболѣе замѣчательное дѣло было при Сантъ-Антоніо, въ Сальто. Гарибальди, имѣя въ своемъ распоряженіи 184 чел. пѣхоты и 20 человекъ кавалеріи, долженъ былъ задержать наступленіе непріятеля изъ 300 солдатъ, чтобы дать возможность республиканцамъ Монтевидео отступить отступленіе.

— Семеро противъ одного! обратился Гарибальди къ своимъ. Тѣмъ же громче! Чѣмъ меньше насъ будетъ, тѣмъ больше славы для насъ. Беремъ порохъ! Стрѣляйте залпами!

Въ полуразвалившейся лачужкѣ сгруппировались герои. Едва только увидѣли триста непріятельскихъ солдатъ, какъ легіонеры обдали ихъ градомъ пуль. Пѣхота пришла въ смятеніе. Подошла кавалерія, и встрѣтила у сомкнутыхъ штыковъ. Завязался бой. Кавалеристы сошли съ лошадей и стали драться въ рукопашную. Легіонеры не отступали ни на шагъ.

Вокруг валялись убитые и раненые. Съ одной и съ другой стороны страшно страдали отъ жажды. Итальянцы пѣли патриотическіе гимны.

— Не хватаетъ пороха! съ ужасомъ воскликнулъ одинъ легионеръ.

— Можно взять порохъ отъ раненыхъ и убитыхъ. И по мѣрѣ того какъ одни сражались, другіе обшаривали павшихъ и собирали картеч.

Это было по истинѣ геройское сраженіе, достойное пера Аріоста.

Съ полудня 8-го февраля 1846 года до полуночи длился жаркій бой. Съ обѣихъ сторонъ люди изнемогали отъ голода и жажды. Изъ легионеровъ, только сто человѣкъ еще держались на ногахъ и тѣ были почти всѣ ранены или контужены. У непріятеля число раненыхъ и убитыхъ простиралось до 500 человѣкъ. Наконецъ усталые, измученные разбитые солдаты Аргентинской республики должны были признать себя побѣжденными. Гарибальди со всѣми своими ранеными возвратился въ Сантъ-Антоніо, восторженно пріивѣтствуемый восхищеннымъ народомъ.

Правительство республики, при извѣстіи объ этомъ знаменитомъ бою произвело Гарибальди изъ полковниковъ въ генералы, и поручило ему великое посольство въ Монтевидео. Итальянскому легиону было предоставлено почетное мѣсто на военныхъ парадахъ, и на его знаменіи было написано золотыми буквами: «Дѣло 8-го февр. 1846 г. итальянскаго легиона, подъ начальствомъ Гарибальди». Въ то же время, каждый легионеръ получилъ повязку на руку съ надписью: «Непобѣдимые сражались 8-го февр. 1846 года».

XI.

— Генераль! гдѣ генераль? Возможно ли это? прежде чѣмъ е увидишь, разобьешь себѣ голову!...

Такъ кричалъ и ворчалъ адмиралъ Ленэ, который, вошедши въ домъ, обитаемый Гарибальди, заблудился впотьмахъ и не зналъ, куда войти.

— Анита! закричалъ Гарибальди изъ сосѣдней комнаты, кто-то идетъ въ прихожую: зажги свѣчу!

— Зажги свѣчу! возразила Анита: развѣ ты не знаешь, что намъ нѣтъ и гроша, чтобы купить свѣчу?

— Правда твоя! вскричалъ Гарибальди, и пошелъ въ прихожую, чтобы ввести посѣтителя, назвавшего свое имя.

— Извините, адмиралъ, сказалъ Гарибальди: въ моемъ условіи съ республикой я забылъ выговорить себѣ доставку свѣчей. По всей вѣ

роятности, вы пришли для того, чтобы говорить со мною, а не видѣть меня, поэтому мы можемъ оставаться въ темнотѣ.

Да! Гарibaldi, побѣдоносный генералъ, жилъ въ Монтевидео на солдатскомъ рационѣ, выдававшемся ему наравнѣ съ прочими легионерами. Военный министръ, Пахекко-и-Обесъ узналъ объ этомъ на другой день, послѣ посѣщенія адмирала Ленэ. Онъ тотчасъ же послалъ Гарibaldi 500 лиръ. Не желая обидѣть друга отсылкой денегъ обратно, Гарibaldi тотчасъ же роздалъ эти деньги вдовамъ своихъ товарищей, убитыхъ при С. Антонио. Онъ оставилъ для себя одну лиру, которую и вручилъ Анитѣ.

— На, вотъ, возьми лиру и купи свѣчей, сказалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ Анитѣ. Пожалуйста, береги ихъ, чтобъ не засталъ насъ опять въ темнотѣ адмиралъ, когда придетъ ко мнѣ повидаться.

Не должно однако обвинять республику въ неблагодарности. Она предлагала гарibaldiйцамъ земли и фермы; но Гарibaldi отвѣчалъ:

— Итальянцы сражаются за свободу, а не ради собственной выгоды.

И предложенія республики были отвергнуты. Его легионеры привыкли ко всевозможнымъ лишениямъ. Въ одну экспедицію не хватило мяса. Убили лошадей и питались ихъ мясомъ. Послѣ, побѣдивши непріятеля, овладѣли его лошадьми и замѣнили ими своихъ съѣденныхъ. Однажды, разбивъ непріятельскій корабль, онъ раздѣлилъ поровну добычу между легионерами; свою же часть роздалъ наиболѣе бѣднымъ легионерамъ, говоря: спрячьте это для дѣтей. Найдя на кораблѣ большую сумму денегъ, онъ немедленно переслалъ ее въ казначейство Монтевидео.

На его долю оставалось на этотъ разъ три сольда (су)!

XII.

— Анита! моя Анита! вскричалъ Гарibaldi въ одно утро 1847 года. Я увижу мое отечество и обниму мою мать! Ты увидишь Италію, моя милая! Увидишь, какъ она прекрасна! Сердце пророчило мнѣ это! Вулканъ, изображенный на нашемъ знамени, дрожить и готовъ низвергнуть пламя...

— Что случилось? спросила Анита.

— Вотъ, читай, сказалъ Гарibaldi, подвигая къ ней нѣсколько газетъ. — Римъ призываетъ къ возмездію. Случилось нѣчто неслыханное. Выбранъ пчпой либеральный, честный человѣкъ... Кто могъ бы когда либо предположить такое чудо?

Не теряя времени, онъ отправился къ своему другу, полковнику Анцони. Съ энтузіазмомъ сообщилъ онъ ему обо всемъ, прочитанномъ въ газетахъ, и уполномочилъ Анцони написать письмо папскому нунцію и предложить имъ услуги Пію IX. Итальянцы находились въ то время подъ впечатлѣніемъ патриотическихъ иллюзій насчетъ новаго папы.

Легіонеры, услышавши эту новость, изъявили желаніе слѣдовать за своимъ вождемъ, прочіе итальянцы открыли подписку для экспедиціи въ Италію. Правительство Монтевидео напрасно убѣждало Гарибальди остаться; герой съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ:

— Я не могу здѣсь оставаться долѣе. Я долженъ ѣхать. Что, если я опоздаю, и мы явимся въ Италію послѣдними, когда уже все будетъ кончено!!

ХІІІ.

24 іюня 1848 года, толпа народа стояла въ Ницкой гавани. Множество военныхъ и гражданъ наполняли суда, стоящія на якоряхъ. Многіе отправлялись въ лодкахъ на встрѣчу ожидаемому кораблю. Вдругъ раздался крикъ, разómъ повторенный двухтысячной толпой. Вотъ онъ! Вотъ онъ!

На горизонтѣ показался корабль, съ развѣвающимся бѣлымъ флагомъ.

— Разступитесь! Дайте дорогу! идетъ синьора Роза, мать Гарибальди, долой шляпы! Да здравствуетъ мать Гарибальди!

Почтенная старушка приближалась медленными шагами, имѣя около себя, съ правой стороны, добрую мужественную жену Гарибальди, Аниту Риверасъ, пріѣхавшую въ Ниццу изъ Америки нѣсколькими мѣсяцами раньше, съ Менотти, Ричіотти и рѣзвухой Терезитой, чтобы извѣстить о скоромъ пріѣздѣ героя. Синьора Роза (ее помнятъ еще жители Ниццы), во всѣ эти годы невѣстности, собирала каждый вечеръ маленькихъ дѣтей въ гавани и заставляла ихъ молиться о своемъ Джузеппе.

Е s t e g a p z a, корабль, на которомъ находился герой, приближился между тѣмъ къ берегу. Легіонеры стали сходить въ лодки. Черезъ нѣсколько минутъ, Гарибальди былъ уже въ объятіяхъ своей святой матери.

Но недолго наслаждался онъ семейными радостями. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться съ врагами отечества, и отправился въ Туринъ, гдѣ его приняли очень холодно, съ недовѣріемъ, въ которомъ проглядывала зависть. Ему совѣтовали обратиться для переговоровъ къ королю

ру Альберту, находившемуся въ главной квартирѣ въ Ровербеллѣ. Гарибальди сказалъ королю коротко и ясно:

— До сихъ поръ я сражался въ чужой гостепріимной землѣ. Теперь же я пріѣхалъ сюда съ горстью моихъ храбрецовъ, чтобы принять участіе въ сраженіяхъ за родину.

Что же отвѣтилъ на это честное, прямое заявленіе Карлъ Альбертъ? Онъ сказалъ, что хвалить благородныя чувства, желалъ бы испытать ихъ, но что онъ еще не знаетъ, какъ быть... и посовѣтуется съ министромъ по возвращеніи своемъ въ Туринъ.

Вотъ что писалъ Гарибальди (письмо это приведено въ его біографіи, писанной сеньорой Маріо) о своемъ разговорѣ съ королемъ.

«Я видѣлъ его, видѣлъ этого человѣка, который погубилъ лучшихъ новъ Италіи, который осудилъ и меня самого, вмѣстѣ съ другими, на смерть, и понялъ холодность его пріема. И не смотря на это, я служилъ Италіи, подъ начальствомъ этого короля, съ такимъ же рвеніемъ, какимъ служилъ бы и республиканскому правительству. Мои храбрецы слѣдовали за мной, такъ какъ горячо вѣрили въ меня. Объединить Италію, избавить ее отъ ига проклятыхъ чужеземцевъ, было моимъ личнымъ соотечественниковъ призваніемъ въ ту эпоху».

Жертвуя своимъ самолюбіемъ, Гарибальди еще разъ отправился въ Туринъ. Военный министръ Риччи сказалъ ему:

— Мы не имѣемъ для васъ мѣста. Поѣзжайте въ Венецію; тамъ вы можете быть корсаромъ.

На эти недостойныя слова Гарибальди ничего не отвѣтилъ, и только качнулъ плечами. Выйдя изъ министерства, возмущенный до глубины души, онъ встрѣтился съ Джакомо Медичи, котораго онъ пригласилъ изъ Венеціи въ Италію. Медичи сообщилъ ему печальное извѣстіе о смерти полковника Анцони.

— Въ дорогу! вскричалъ Гарибальди.— Полно медлить и терять попусту дорогое время. Идемъ въ Миланъ. Мы составимъ батальонъ и назовемъ его именемъ нашего храбраго Анцони, котораго имѣли несчастіе потерять.

Слово и дѣло нераздѣльны у Гарибальди, какъ громъ и молнія. Новое правительство въ Миланѣ охотно сохранило за нимъ титулъ генерала и дало право собрать батальонъ и назвать его именемъ Анцони. Когда же правительство узнало, что знаменосцемъ новаго батальона избранъ Джузеппе Мадзини, то отказалось выдать оружіе. Было выдано только немного ружей, совершенно негодныхъ въ употребленію. Для об-

мундированія выданы были куски австрійскаго полотна, найденные въ запасныхъ магазинахъ. Всякій другой, на мѣстѣ Гарибальди, обезкуражилъ бы, но онъ нисколько не палъ духомъ. Съ солдатами въ полотняныхъ мундирахъ, онъ отправился въ Бергамо. Батальонъ шелъ, распѣвая патріотическіе гимны, и тѣмъ утѣшалъ себя въ немѣннн военнаго платья. Но почти тотчасъ былъ отозванъ назадъ; въ Молицѣ онъ получилъ депешу:

«Миланъ и Карлъ Альбертъ сдались на капитуляцію. Бѣгите! Разсѣвайтесь!»

Гарибальди вскипѣлъ негодованіемъ. Между тѣмъ корпусъ нѣмецкой кавалеріи сильно его тѣснилъ. Онъ отправился въ Комо. Здѣсь ожидало его другое горькое разочарованіе. Его пятитысячный отрядъ сократился на двѣ тысячи. Бѣдственное положеніе заставило разсѣяться наиболѣе малодушныхъ.

Герцогъ генуэзскій прислалъ къ нему жандарма съ депешей. Его заставляли перейти на пьемонтскую территорію и признать заключенныя съ Австріей трактаты.

— Я не признаю никакого перемирія съ Австріей, отвѣчалъ Гарибальди. Я итальянскій солдатъ и далъ клятву сражаться съ врагомъ моего отечества до тѣхъ поръ, пока у меня останется хоть одинъ товарищъ. Скажите герцогу, что я съумѣю сдержать свою клятву.

26-го августа онъ сразился съ австрійцами при Мораццоне. Это было одно изъ сильныхъ кровопролитныхъ сраженій; продержавши цѣлыя сутки противъ превосходившаго его численностью врага, онъ, къ три часа утра, вывелъ свой батальонъ изъ круга оцѣлавшихъ е австрійцевъ, среди выстрѣловъ и огня. Когда совершенно разсвѣло, австрійцы приблизились съ обѣихъ сторонъ, думая непременно захватить Гарибальди; но они съ изумленіемъ увидѣли, что герой ушелъ изъ ихъ рукъ и стоялъ уже въ нимъ лицомъ къ лицу.

— Гарибальди связался съ дьяволомъ, говорили про него австрійцы. Австрійскій генералъ д'Аспре, спустя нѣсколько времени, говорилъ пьемонтскимъ генераламъ:

— Единственный человѣкъ могъ бы выиграть эту войну, а вы его игнорировали. Этотъ человѣкъ—Гарибальди. Гарибальди между тѣмъ находился въ Лузано съ 29-ю волонтерами и знаменемъ своего батальона; пробитымъ пушечнымъ ядромъ.

Ломбардская кампанія кончилась.

(Окончаніе будетъ).

БРАТЯ РАМУЛТЫ.

Современная повѣсть І. Крашевскаго.

XVI.

Было около часа пополудни, когда Любичъ, получивъ чрезвычайную аудіенцію, сидѣлъ въ одномъ изъ богатыхъ салоновъ графини. Небрежно развалясь на роскошномъ диванѣ, графиня полукала на гарусной подушкѣ и бросала на своего собесѣдника быстрые взгляды, награждая его заимствованной у молодости улыбкой; она держала на столѣ свою пухленькую ручку, которая украшена была драгоценными кольцами, составлявшими длинную хоровую щедрой фортуны, и могла соперничать со многими ручками, привлекавшими вниманіе знатоковъ. Любичъ, только что начинавшій жить въ обществѣ, члены котораго только и могли восхититься такими ручками, былъ буквально поглощенъ ея изящной обрисовкой. Овальныя ногти, краснѣющіеся на оконечностяхъ пальчиковъ, просвѣчивали насквозь и блестѣли, какъ порохованные. Ручка эта, выбивая дробь по столу, играла батиستمъ кружевнымъ платочкомъ, какъ бы нарочно соблазняя сидѣвшаго юношу, готоваго сейчасъ же расцѣловать ее. Бантикомъ женныя губки сопровождались улыбкой, полной доброты и мягкости, а глазки... глазки выражали симпатію, какою можетъ владѣть женщина, послѣ многолѣтняго и изобильнаго излеченія ея.

Хотя ни время, ни часъ не могли простить ей богатаго наряда, для принятія такого гостя, какъ Любичъ, и въ этотъ часъ, она нарядилась со всею пышностью польской матроны: затянутая корсетъ, съ выставленными наружу, до половины груди, голыми плечами, привлекавшими особенное вниманіе Любича, она казалась не сносною бабенкой. Не сомнѣваясь въ любви Любича, который дышалъ, глядя на эти прелести, она старалась однако быть возжно привлекательнѣе...

Графиня, по обыкновенію, была не очень сообщительна, и ес-
говорила, то съ извѣстною напыщенностью тщательно подобра-
ныхъ фразъ, которыя, при ея возрастѣ, казались слишкомъ смѣл-
ными. Они молчали, погружившись въ созерцаніе другъ друга.

— Говори же, какія новости, сказала наконецъ, вздыхая, гра-
финя:—любопытно послушать...

— О, что касается новостей—прекрасныя! отозвался тихо об-
жатель:—важеться, что сынъ графини успѣлъ овладѣть сердцемъ
Ганны, которая, насколько мнѣ извѣстно, разошлась съ Сильв-
номъ. Это оттолкнетъ Германа отъ этой актрисы и возбудитъ сим-
патію къ новой жизни.

— Я была бы очень рада видѣть его счастливымъ и не за-
видующимъ нашему счастью, котораго я жду отъ соединенія
тобой брачными узами. Графиня вздохнула.—И то ужъ онъ нач-
наетъ завидовать мнѣ и ревновать къ тебѣ... но, надѣюсь, что
любовь твоя не отниметъ у него теплаго материнскаго чувства,
которое, вѣроятно, и ты раздѣлишь со мною, сдѣлавшись е-
го проводникомъ въ жизни...

— Да, еслибы только онъ измѣнилъ свое предубѣжденіе
мнѣ... Впрочемъ, вначалѣ, это вещь весьма натуральная.

— Конечно!.. Это холодное отношеніе къ тебѣ пройдетъ са-
модомою, незамѣтно, возразила графиня... Ганна была бы для не-
дѣйствительно прекрасной партіей...

— Всѣ струны натянуты для сближенія его съ Ганной
для удаленія Сильвана. *Un démocrate forcené de la pire espèce*
Сохрани Богъ, если къ нему попадетъ такая fortuna!.. Правда,
m-me Ганна неравнодушна къ Сильвану... Германъ тоже...

— О, нѣтъ!—Я всѣми силами старалась укрѣпить въ не-
самостоятельные принципы... но молодость, темпераментъ... Впр-
чемъ, Германъ знаетъ ужъ о моемъ рѣшеніи, прибавила она:—
немъ ужъ успѣло все перетлѣть... Надѣюсь, что у него будетъ ж-
на, что называется, *raisonnable*... а... я, какъ усталая отъ до-
голтннихъ трудовъ, отдохну на лонѣ дружбы и родства.

Она съ чувствомъ посмотрѣла на Любича, который тотча-
лоцѣловалъ ея руку.

— Вѣрьте мнѣ... графиня...

— Но къ чему между нами титулы, тихо прервала графиня.
Ты знаешь, что мое имя Паулина, такъ и зови меня... своею
Полиной.

Слова эти сопровождались вздохомъ; Любичъ вторилъ ей
томъ же тономъ:

— Полина, дорогая моя! восселивнуль онъ:—какъ я счастливъ!.. ангель доброты...

— Я желала бы только обезпечить твое счастье, мой милый я... Вѣрь мнѣ. сердце мое еще молодо и... сѣумѣеть за- ся для тебя...

— А мое, которое еще ни для кого не билось, приноситъ въ гву тебѣ первыя свои чувства.

Глаза графини искрились радостью, глядя на человѣка, кото- говорилъ такія нѣжности. Взаимная нѣжность зашла бы, вѣ- но, богъ вѣсть какъ далеко, еслибы не Германъ, который ѣ сытнаго завтрака, въ хорошемъ расположеніи духа и съ си- ю во рту, вошелъ въ залу, надѣясь, что никого не заста- у матери въ такое время. Любичъ чрезвычайно растерялся... Германъ какъ будто не замѣчалъ его.

— Господинъ Любичъ... замѣтила мать.

Германъ холодно повлонился ему и, не обращая вниманія, сѣлъ другой стороны у стола. Графиня, желая отвлечь его отъ раз- кительной матеріи, съ улыбкой спросила:

— Ну, какъ твои дѣла съ m-lle Ганной?.. Не стѣсняйся, го- и; г. Любичъ, какъ тебѣ извѣстно, будущій родственникъ... отъ о не можетъ быть секретовъ...

Германъ взглянулъ на мать, пожалъ плечами и ничего не стили.

— Я не буду мѣшать вамъ, произнесъ Любичъ, поднимаясь стула и взявъ шляпу.

— Мнѣ хотѣлось, чтобы Германъ короче узналъ васъ; а чтобы въ дать время поближе познакомиться и сойтись, я оставлю васъ инѣ.

— Въ чему беспокоиться, мама, сказалъ Германъ:—если дѣло ѣ только о нашемъ знакомствѣ и сближеніи, въ такомъ слу- не угодно-ли будетъ г. Любичу пожаловать ко мнѣ.

Германъ всталъ; Любичъ колебался, но чтобы не показаться омъ въ глазахъ Германа, послѣдовалъ за нимъ... Графиня по- рѣла вслѣдъ за удалявшимися. Оба, въ молчаніи, вошли въ нату Германа, который предложилъ своему гостю сигару и смъ началъ прохаживаться по комнатѣ. Любичъ, чтобы вы- ть время и приготовиться къ разговору, не торопясь, закури- ь сигару.

— Очень радъ случаю, началъ Германъ: — чтобы на- ѣ поговорить съ вами. Il n'était que temps... вы входите въ

наше родство и, конечно, не лишнее было бы посоветоваться, толковать...

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ Любичъ,—и нахожу исполнѣ основательнымъ.

— Но будемъ откровенны, продолжалъ Германъ, останавливаясь противъ нѣсколько растерявагося Любича:—Вы можете вѣрить кому угодно о вашей любви къ графинѣ, но я не столько глупъ, чтобы, въ компаніи съ другими, повѣрить это. Для меня ясно, какъ день, что вы, находясь въ критическихъ обстоятельствахъ, женитесь на деньгахъ. Конечно, вы могли и безъ этого жить, совершенно не нуждаясь въ деньгахъ, но есть подходящій случай... Такія вещи бывають сплошь да рядомъ.

— Милостивый государь!.. вспыхнулъ Любичъ.

— Будьте хладнокровны, не прерывайте меня, равнодушно остановилъ его Германъ:—Моя мать такъ наивна, что вѣритъ въ вашу любовь... и, конечно, обманывается; *c'est son affaire*. Но что касается меня, я долженъ предупредить васъ, что потерплю никогда отчимовскихъ претензій и вмѣшательства въ дѣла; я буду наблюдать за каждымъ вашимъ движеніемъ, комитирующимъ насъ, и своей свободы ни въ какомъ случаѣ не позволю сзудить... тогда, быть можетъ, мы и сойдемся съ вами и будемъ хорошими друзьями, но не болѣе.

Любичъ принялъ это колкое вступленіе за шутку, и прихвально разсмѣялся.

— Хорошо; будемъ говорить въ томъ же тонѣ... Вы не хотите допустить моей привязанности къ графинѣ, но я протестую противъ этого... Есть, знаете, въ природѣ такіе феномены...

Германъ въ свою очередь расхохотался.

— Еслибы мать моя не была графиней и не имѣла соволькихъ сотъ тысячъ гульденовъ, а наоборотъ, была бы нищюю кухаркой—тогда бы, какъ Богъ святъ, этотъ феноменъ не имѣлъ никакого знакомства съ нею—*mais raisons*,—дальше?..

— Входя въ ваше достоуважаемое родство и занимая вѣстную позицію, мнѣ кажется, что я хорошо понимаю мое положеніе... Я далекъ отъ мысли, чтобы вмѣшиваться въ ваши дѣла, а тѣмъ болѣе посягать на вашу свободу. Конечно, вы можете волите мнѣ прибавить, что, когда посредствомъ стараній моихъ друзей вы получите согласіе m-lle Ганны, убытокъ вашей свободы сторицею будетъ вознагражденъ.

— А! такъ я этимъ обязанъ вамъ?.. Я и не зналъ!

— Безъ сомнѣнія... Мы теперь находимся у самой цѣли.

— Сигиoux! воскликнулъ съ хохотомъ Германъ!.. Ну, чтоже тебѣ?..

— Поэтому, вы совершенно безопасны съ моей стороны...

— А я, признаться, въ этомъ именно и хотѣлъ васъ убѣдить, чтобы вы не считали съ проиёй Германъ,—что я, мнѣ кажется, болѣе могу быть страшнымъ для васъ, въ настоящемъ положеніи вещей, чѣмъ для меня.

— Конечно, мы можемъ взаимно дѣлать другъ другу неприязни, возразилъ Любичъ:—но къ чему все это послужить, возможно жить въ мирѣ и согласіи; а согласіе возможно...

Германъ покачалъ головою.

— Продолжайте, сказалъ онъ холодно.

— Заключимте съ вами *pacta conventa*... произнесъ Любичъ, спуская глазъ съ Германа, точно всматриваясь, какое дѣйствіе произведутъ его слова.

— Дальше... *Pacta conventa*!..

— Во-первыхъ, на свободу, которою вы располагали и располагаете до сихъ поръ, никто не вправѣ посягнуть, и никто не и не думаетъ о томъ; во-вторыхъ, къ вашимъ матримониальнымъ цѣлямъ какъ я, такъ и друзья мои всегда готовы къ услугѣ; въ третьихъ, *soyons bons amis*, пойдёмъ въ согласіи, рука объ руку, и вы всегда будете имѣть во мнѣ и въ друзьяхъ такую сильную поддержку.

— Ну-съ, и сколько же вы возьмете за всёъ ваши труды: только наличными и сколько бумагами?..

— Напрасно вы такъ думаете обо мнѣ. Я вовсе не такой пересанъ, какимъ, быть можетъ, кажусь въ вашихъ глазахъ. Я люблю общій принципомъ—трудъ... желаю, конечно, пристроиться, получить свой уголокъ, обеспеченную жизнь, чтобы потомъ трудиться на общей пользы... Не скрываюсь, что обеспеченный бытъ въ дѣствѣ такой уважаемой особы, какъ графиня, улыбается мнѣ и на все... болѣе мнѣ ничего не нужно, да я и не желаю большаго...

— Скромны ваши желанія, произнесъ Германъ:—мои же условія ограничиваются однимъ словомъ: «свобода»... Свобода въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ...

— Что касается убѣжденій—извините, что перебиваю васъ—мнѣ кажется, что, принадлежа къ одному обществу, раздѣляя одни и те же традиціи—мы должны имѣть и одинаковыя убѣжденія... можетъ быть, чтобы графъ Рамуль принадлежалъ къ какимъ-нибудь партіямъ радикаловъ, демократовъ или новаторовъ разнаго

калибра, къ пролетаріямъ, ищущимъ новыхъ принциповъ и желающихъ ниспровергнуть старинные порядки подъ предлогомъ какого-то прогресса, требующаго просвѣщенія тѣхъ, которые не въ силахъ переварить этой пищи—enfin...

— Понимаю, понимаю, перебилъ его Германъ, — и признаю, что не принадлежу ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ, — т. е. не принадлежу къ тѣмъ, которые не могутъ позабыть старыхъ порядковъ, а тѣмъ болѣе изучить новые... что смѣшнымъ мнѣ кажется ждать, чтобы общество могло возвратиться къ давно пережитому времени, и наконецъ, что я не консерваторъ quand même и не радикалъ по принципамъ.

— Это значитъ, что вы были и хотите быть умѣреннымъ, *ce qui est le métier le plus difficile*. — Вы знаете, что во время борьбы, когда приходятъ въ столкновение двѣ противныя стороны, онѣ обѣ задѣваютъ по спинамъ нейтральныхъ зрителей. Нужно избрать себѣ самостоятельный лагерь и знамя, чтобы и бѣгнутаго прохожденія ихъ по вашей спинѣ, а ваше знамя не можетъ быть инымъ, кромѣ того, которое представляетъ ваше положеніе въ свѣтѣ. — Вы рождены консерваторомъ, не демократомъ, не радикаломъ; это было бы смѣшно, и, вѣрьте мнѣ, графъ, что человѣчество не только можетъ возвратиться къ давно уже пережитому, но и исторія человѣчества есть повтореніе того-же, однимъ и тѣмъ же образомъ... это, такъ сказать, безконечная пѣсня, слова которой за каждымъ стихомъ повторяются хоромъ. Если вы сегодня не консерваторъ, то будете имъ завтра... должны быть имъ... мы рассчитываемъ на васъ...

— Боюсь только, чтобы не заставить васъ долго ждать, чтобы не просчитались вы, разсмѣялся Германъ; — впрочемъ, не могу и за что поручиться, кромѣ развѣ того, что въ обоихъ лагеряхъ вижу капитальнѣйшихъ... дураковъ, надъ которыми мнѣ воистиннѣ такъ и хочется посмѣяться. — Это мнѣ напоминаетъ студенческую игру въ снѣжки, въ которую мы играли пресерьезно и за которую, быть можетъ, не одинъ изъ насъ заплатилъ здоровьемъ и жизнью; но, не смотря на это, на слѣдующее утро, всѣ мы, какъ враги, такъ и противники, при звукѣ звонка, являлись въ классъ и садились на школьную скамью. Этотъ звонокъ — то невѣдомое намъ начало, согласно которому иде въ свѣтъ, не смотря на всѣ его ребяческія замашки.

Любичъ пожалъ плечами.

— Vous le prenez de bien haut, сказалъ онъ: — будь, что будетъ; но мы, живущіе по традиціямъ, имѣемъ въ голо...

ольше, чѣмъ тѣ, что идутъ за мечтою, пригрезившеюся во снѣ. еще разъ повторяю: хотите ли вы идти за нами, или нѣтъ—vous des potres. Мы очень снисходительны, и требуемъ только сполненія лагерной дисциплины, внутреннимъ же убѣжденіямъ аемъ полную свободу... Не думайте, чтобы мы требовали отъ ась тѣсной логической связи между принципами и жизнью... Мы не терпимъ лишь ереси противъ догматовъ, явно исповѣдуемыхъ; но на обычай—смотримъ сквозь пальцы.

— Это значить, что можно жить, какъ нравится, лишь бы овторять за матерью извѣстный лозунгъ.

— И идти за нею, куда она поведетъ, прибавилъ Любичъ:— Вамъ ставить въ укоръ нашу терпимость—допустимъ;—но если вло идетъ о догматахъ—не потерпимъ раскола и не допустимъ никакихъ реформъ... не знаемъ другой правды, кромѣ абсолютно признаваемой нами. Въ дѣлахъ обычая, жизни и мелкихъ обыденныхъ погрѣшностей, каждый держитъ себя такъ, какъ диктуетъ му совѣсть... Вы найдете между нами и шулеровъ, и пьяницъ, балбесовъ: — все это лагерные пентюхи. — Они горячо раслачиваются — пропагандою нашихъ идей—за свои погрѣшности, оторыми, конечно, мараютъ только самихъ себя. Поэтому, вамъ овсе нечего опасаться излишней суровости...

Германъ, спокойно ходившій все время, вдругъ повернулся къ ему и началъ смѣяться.

— Прекрасно, прекрасно!—воскликнулъ онъ:—Вы совершенно спокоели меня!.. Всю эту правду я ужъ видѣлъ и испыталъ на рактикѣ въ жизни, но никогда я не слышалъ ее такъ хорошо формулированной. Увы! мало-же это можетъ привлечь меня къ ашему лагерю...

Любичъ, нарочно вызвавшій этотъ разговоръ на широкое поле, а которомъ онъ чувствовалъ себя свободнѣе, замѣтилъ, что попалъ е въ тотъ тонъ, который бы могъ убѣдить Германа, и вынуженъ былъ, волей - неволей, замолчать. Онъ ждалъ теперь, чтобы тотъ аскетъ заговорилъ; но Германъ продолжалъ ходить по коматѣ, точно позабывъ о присутствіи будущего отчима. Повидимому, мысли его витали въ области серьезныхъ предметовъ. Послѣ проолжительной паузы, Любичъ закашлялъ и взялся за шляпу. Геранъ, какъ-бы просыпаясь отъ сна, быстро повернулся къ юбичу.

— Послушайте, произнесъ онъ, съ полнымъ сознаниемъ своего барскаго достоинства:—вернемся къ раста conventa;—вы будете имѣть свой уголь, приличное содержаніе и удовлетвореніе

всѣхъ вашихъ потребностей, хотя, быть можетъ, позиція будетъ не совсѣмъ выгодная... смѣшная, но, во всякомъ случаѣ, сносная не старайтесь, однако, будучи консерваторомъ по принципамъ вводить какія бы то ни было реформы въ нашѣмъ домѣ, ни ссорить меня съ матерью, ни пропагандировать сыну свою ортодоксію. Сидите смиренно за печью, и пользуйтесь дарами фортуны подъ этимъ только условіемъ, вы будете ограждены съ моей стороны. Если же когда нибудь придется намъ бороться—предупреждаю, что я буду слишкомъ невыгоднымъ противникомъ и безпощаднымъ человекомъ... Теперь мы узнали ужъ другъ друга очень хорошо—*agissez en conséquence...*

— Надѣюсь, что, узнавъ меня ближе, вы будете имѣть обо мнѣ лучшее мнѣніе. Теперь еще нѣсколько словъ:—Вы любите Ганну?

— Что же вы желаете быть для меня сводней? спросилъ съ ироніей Германъ:—Но нужно вамъ сказать, что я не нуждаюсь въ посредникахъ.

Любичъ, проглотивъ и эту пилюлю, спокойно продолжалъ:

— Мнѣ кажется, что дѣятельность моя уже обнаруживается, и, быть можетъ, я еще пригожусь вамъ на что нибудь... Слово мнѣ—скажите: любите вы Ганну? хотите жениться на ней?

— Ну, а еслибы?..

— Еслибы это было на самомъ дѣлѣ, мы постарались бы привести васъ къ скорѣйшей развязкѣ. Что же касается вашего брата...

Германъ поблѣднѣлъ, но притворился только заинтересованнымъ и ближе подступилъ къ Любичу. Послѣдній увѣренъ былъ, что Германъ радъ былъ избавиться отъ своего соперника, и почти шопотомъ продолжалъ:

— Мы, конечно, желали-бы обойти скандалъ, избѣжать не нужныхъ криковъ радикаловъ, которые взваливаютъ на насъ всѣ бѣды, но, въ крайнемъ случаѣ, если это понадобится для вашего счастья и спокойствія, Сильвана легко можно удалить—*je vous donne ma parole—vous n'avez qu'à dire...*

Германъ былъ такъ пораженъ этимъ признаніемъ, что не могъ даже подыскать скорого отвѣта и стоялъ, какъ столбъ... Послѣ этого *coup de théâtre*, Любичъ, съ торжествующею улыбкой и сознаніемъ собственного достоинства, поклонился Герману и вышелъ изъ комнаты.

— Мерзавецъ! прошипѣлъ онъ ему вслѣдъ.

Трудно объяснить, что происходило въ душѣ Германа, который

ь одинъ и тотъ-же моментъ волновался и фантазировалъ, который былъ чувствителенъ, страстенъ, насмѣшливъ и суевѣренъ; а него никогда нельзя было положиться ни въ добромъ, ни въ худомъ, такъ какъ въ этой бурливой смѣси не было еще ерха, опредѣляющаго, что выйдетъ изъ нея: сахаръ или квась.— то касается отношеній его къ Ганнѣ,—то, подстрекаемый любопытствомъ близкаго знакомства съ нею, съ одной стороны, и искренними, добрыми намѣреніями для брата—съ другой, онъ все-таки держался нейтрально.—Виола прельщала его... Ганну же онъ любилъ для развлечения, пожалуй, ухаживалъ за ней, но ничто особенно не привлекало его къ ней.—Ганна казалась ему въ одно то же время привлекательной и страшной... онъ боялся ея. Они часто говорили относительно Сильвана, и Германъ не скрывалъ горячей симпатіи къ человѣку, которому, какъ выражался, не достоинъ былъ развязать ремня у обуви... Теперь мысли то были заняты сближеніемъ ихъ, и—кто знаетъ?—быть можетъ, и страненіемъ его отъ Виолы, чтобы потомъ занять мѣсто, такъ ревностно охраняемое братомъ... Виола была мечтою Германа, призракомъ, соблазномъ, однимъ изъ тѣхъ идеаловъ молодого воображенія, къ которымъ человѣкъ льнетъ и привязывается всѣми фибрами пылкой души, точно притягиваемый къ нимъ неестественной силой. Онъ узналъ отъ Любича то, что вчера самъ вынесъ изъ театра; впечатлѣніе, произведенное капризомъ Ганны, дало почувствовать ему, что между нею и Сильваномъ произошелъ кризисъ, который угрожалъ если не совершеннымъ разрывомъ, то, по крайней мѣрѣ, непріятной размолвкой. Обративши всѣ свои мысли въ эту сторону, онъ рѣшилъ немедленно же узнать подробности и, въ случаѣ чего, быть полезнымъ брату.

Германъ отправился къ старостинѣ и засталъ ее вдвоемъ съ Анной. Всегдашней посѣтительницы, Лелии, сегодня не было; старушка даже и не вспоминала о ней; повидимому, она была чѣмъ-то обезкуражена. Ганна тоже ни словомъ не обмолвилась относительно своей задушевной подруги. На лицѣ молодой дѣвушки видны были слѣды пережитыхъ тяжелыхъ минутъ. Старостина, съ чувствомъ родной матери, привѣтствовала Германа.

— Посиди же возлѣ меня, хотя минутку, мой милый, сказала старушка послѣ привѣтствія:—расскажи мнѣ что-нибудь новенькое; я знаю, что тебѣ известны всѣ новости, тѣмъ болѣе, гдѣ тебѣ идетъ о прекрасномъ полѣ... Ну, что дѣлается съ этой отравившейся... актрисой?

— Насколько мнѣ извѣстно, по слухамъ, ея жизнь въ безопасности. Помощь подоспѣла въ-время...

— Что за поводъ былъ къ ея трагическому поступку?.. Надеюсь—не нужда?..

— Говорятъ разное, отвѣтилъ Германъ:—одни объ отвращеніи ея къ жизни, другіе—о безнадежной любви...

— Говорятъ, что она очень молодая и честная дѣвушка...

Германъ молчалъ; ему хотѣлось уликнуть отъ старушки въ Ганнѣ, которая сновалась по комнатѣ изъ угла въ уголъ, какъ тѣнь, не проронивъ ни одного слова. По счастью, пришла президентша съ цѣлымъ ворохомъ разнообразныхъ сплетней и освободила его отъ старушки; онъ незамѣтно ускользнулъ отъ нихъ.

— Бабушка спрашивала васъ относительно этой... Виолы обратилась Ганна къ подошедшему Герману.—Не много же вы удивлетворили ея любопытство, графъ, и я, по всей вѣроятности, узнаю не больше?..

— Къ сожалѣнію, я очень мало знаю о ней, тихо возразилъ Германъ.—Мой братъ могъ бы сказать больше меня, потому что ему только открытъ доступъ къ ней: сторожъ Виолы никого не пропускаетъ. Нужно сознаться однако, что Сильванъ дѣйствуетъ очень благоразумно; въ немъ вы не замѣтите и тѣни другихъ чувствъ, кромѣ искренняго состраданія; впрочемъ, другихъ чувствъ у него и не можетъ быть къ ней; все, что ни говорятъ—гнуснѣйшая клевета.

Ганна зарумянилась.

— Вы убѣждены въ этомъ, графъ? спросила она серьезно.

— Я очень хорошо знаю Сильвана; такой человѣкъ, какъ Сильванъ, не позволитъ себя уронить.

— Однако, всѣ говорятъ...

— Мало-ли что говорить, но не всякому слуху вѣрь... Конечно, предлоговъ много, чтобы уронить его въ вашемъ мнѣніи. Всѣ, напримѣръ, говорятъ, что онъ влюбленъ въ нее, а я утверждаю, что нѣтъ, что это гнусная ложь.

— Вы защищаете его, какъ добрый братъ...

— Нѣтъ, m-lle Ганна, я былъ и буду для него плохимъ братомъ, потому что завидую ему.

Ганна опять вспыхнула.

— Не понимаю такого человѣка, который, посмотрѣвъ на звѣзду, вдругъ...

Онъ не докончилъ, такъ какъ Ганна нашла предлогъ прервать его, но чрезъ минуту опять продолжалъ:

— Я Сильвану многимъ обязанъ и потому долженъ его защищать и благодарить...

— За что-же?

— Хотя-бы, напримѣръ, за то, что имѣю счастье бывать въ вашемъ домѣ и бесѣдовать съ вами.

Ганна отвернулась, точно не желая слушать комплиментовъ. — Она нахмурилась. Что чувствовала она въ душѣ, пожалуй, она и сама не могла-бы объяснить этого. Она и сердилась на Сильвана, и жалѣла его; ее возмущала собственная слабость и безразсудство; сомнѣваться ли, вѣрить ли ему — она не знала, и почувствовала душившія ей слезы. Жизнь казалась ей слишкомъ пошлой, ненужной, омерзительной.

Германъ былъ желаннымъ гостемъ для Ганны, потому что приносилъ съ собою какую-то надежду, примиряющую ее съ будущимъ... Съ нимъ однимъ она могла говорить о Сильванѣ и находить въ немъ яраго защитника брата. Она была благодарна ему за принятую на себя честную роль. Она старалась всѣми силами удержать его вольѣ себя, чтобы не потерять послѣдней надежды, которая, казалось, совсѣмъ угасала. Вчерашній вечеръ былъ темой ихъ разговора и вызвалъ множество дебатовъ. Въ концѣ концовъ Ганна умолкла и, подавая ему руку, тихо сказала:

— Я глубоко уважаю васъ, графъ, и очень благодарна за сочувствіе къ человѣку, котораго я желаю видѣть чистымъ, какъ голубица, такимъ, какимъ знала его въ теченіе всей моей жизни. Вы одинъ были для него искреннимъ другомъ, защитникомъ и братомъ. Благодарю васъ.

— Вѣрьте мнѣ, m-lle Ганна, что въ этой трагедіи есть много грустнаго, такъ какъ эта бѣдная дѣвушка едва не отравилась; но Сильванъ нисколько не уронилъ себя тѣмъ, что имѣлъ къ ней немного сочувствія... Что касается другихъ отношеній... Насколько я знаю его, я не осмѣлился-бы осуждать его въ этомъ добродѣтельномъ поступкѣ.

(Окончаніе отложено до слѣдующаго №).

Памяти прошлого,

Старинныхъ писемъ мнѣ случайно
Попались блѣдные листы,
И грустныхъ думъ тревогой тайной
Мои наполнились мечты.
Гдѣ вы, чьи строки предо мною
Лежать въ пыли? Какъ многихъ нѣтъ!
Исчезъ съ ихъ жизнью молодою
И самой памяти ихъ слѣдъ.
Они прошли, какъ сны златые,
Какъ утра вешняго роса,
Прошли, какъ радости земныя,
Какъ горя перваго слеза.
Ихъ жизнь для насъ уже преданье,
Ихъ свѣтлый обликъ—комъ земли!
Но мысль, стремленья ихъ, желанья
Въ сердца живыя перешли....

С. Горенко.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

III.

Французы и нѣмцы.—Дуэли и скандалы.—Литературныя новости.

Лѣто 1882 года было менѣ жаркимъ, чѣмъ обыкновенно: но, смотря на то, его солнечные лучи какъ будто повредили одскіе мозги, и въ болѣе сильной степени, чѣмъ когда-нибудь, пробудили тотъ воинственный духъ, который спитъ въ глубинѣ души каждаго, даже самаго миролюбиваго, француза. Въ нѣкотораго времени, въ Парижѣ только и разговоровъ, что о случаяхъ кулачной расправы, о дуэляхъ, вызовахъ на барьеръ, о столкновеніяхъ въ театральныхъ коридорахъ, о гомеопатическихъ битвахъ, происходящихъ между редакціями журналовъ; такъ что столица цивилизаціи рискуетъ совершенно прерватиться въ обширное поле сраженій, гдѣ ея сыны будутъ проводить свою жизнь въ избіеніи другъ друга, къ великой радости Европы. Прежде всего, мы пережили эпопею лиги патриотовъ. Учрежденіе лиги патриотовъ, само по себѣ, вещь прекрасная; извѣстное количество людей весьма почтенныхъ, во главѣ которыхъ находятся: историкъ Анри Мартенъ, академикъ Гезеръ, поэтъ Деруладъ и многіе другіе, основали подъ этимъ именемъ ассоціацію, главная цѣль которой заключалась въ томъ, обы поддержать во французской молодежи любовь къ отчизнѣ, охоту къ занятіямъ гимнастикой, а также и къ военнымъ упражненіямъ; однимъ словомъ, вся цѣль заключалась въ томъ, обы образовать хорошихъ гражданъ и хорошихъ солдатъ для будущаго. Вообще цѣль этой ассоціаціи была настолькою поенна, что количество ея членовъ въ самомъ скоромъ времени значительно увеличилось; большинство ихъ состояло изъ морскихъ и армейскихъ офицеровъ. Кромѣ того, лига основала еще специально относящійся къ этому дѣлу журналъ, подъ названіемъ «Знамя», появляющійся еженедѣльно въ видѣ иллю-

стрированного листка, текстъ и картинки котораго въ одинаковой степени способны возбуждать молодежь въ мужественнымъ добродѣтелямъ. Первымъ, кому пришла въ голову мысль объ изданіи журнала «Знамя», былъ никто другой, какъ поэтъ Деруладъ, написавшій свои, доставившія ему извѣстность, «*Chant de soldat*», — этотъ Тиртей или, правильнѣе говоря, Кернеръ девятнадцатаго столѣтія. Направленіе «лиги патриотовъ» было прекрасное и на сторонѣ ея были всѣ симпатіи публики, какъ вдругъ случай весьма прискорбнаго свойства скомпрометировалъ ея дальнѣйшую судьбу. У насъ, въ Парижѣ, есть извѣстная кучка нѣмцевъ, изъ которыхъ одни занимаются въ банкирскихъ конторахъ, другіе въ торговыхъ домахъ, третьи работаютъ въ журналахъ. Эти лица, какъ и люди всѣхъ прочихъ національностей, живущихъ въ Парижѣ, имѣютъ свой собственный оффиціальныи кружокъ, гдѣ они и собираются. Помѣщеніе этого кружка находится въ улицѣ St.-Marc; тамъ всѣ члены его читаютъ нѣмецкіе книги и журналы, занимаются музыкой, иногда устраиваютъ даже пѣніе. Злые языки утверждаютъ, что тамъ поются главнымъ образомъ пѣсни воинственнаго характера, какъ напримѣръ, «*Wacht am Rhein*», которая, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ для нѣмцевъ такое же значеніе, какъ марсельеза для французовъ. Все это легко можетъ быть; но, во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобъ изъ 10,000 парижанъ нашлся хотя бы одинъ человѣкъ, способный понять слова этой патриотической пѣсни или уловить ея музыкальный мотивъ. Но такъ или иначе, вотъ что случилось недавно. Германскій кружокъ давалъ вечеръ въ честь двухъ изъ своихъ членовъ, которые собирались уѣзжать совсѣмъ, обратно на родину. Кому-то вздумалось некстати пошутить по этому поводу, приславъ отъ имени германскаго кружка приглашеніе на этотъ вечеръ «лигѣ патриотовъ». Деруладъ принялъ это приглашеніе за насмѣшку и оскорбленіе, и велѣлъ отвѣтить, что онъ придетъ непременно, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ друзей. Нѣмцы, опасаясь какого нибудь столкновенія, отиѣнили свой вечеръ, послѣ чего хозяинъ того дома, гдѣ они наняли помѣщеніе для своихъ собраний, объявилъ имъ, что онъ не можетъ болѣе оставить его за ними и просить ихъ теперь же для своихъ сборищъ — «подальше выбрать закоулокъ». Вслѣдъ за тѣмъ, онъ тотчасъ же послалъ приглашеніе Деруладу и его друзьямъ на фестиваль, устроенный имъ въ томъ самомъ залѣ, изъ котораго только что убрался кружокъ непріятельскій. Фанатики «лиги патриотовъ» шумно торжествовали свою побѣду, но всѣ благомыслящіе люди нашли, что эти господа поступили бы гораздо лучше, еслибъ не прибѣгли къ такого рода манифестаціямъ, и что своими шумными патриотическими возгласами

они сослужили плохую службу отечеству, тѣмъ болѣе, что всѣ эти нѣмцы были народъ въ высшей степени смиренный и незалорный, живущій въ Парижѣ очень тихо, такъ что, собственно говоря, не было никакой причины оскорблять или притѣснять ихъ. Скажемъ даже болѣе; было не только безтактно, но, въ известной степени, опасно давать нѣмцамъ поводъ на насъ жаловаться. На это обстоятельство обратило вниманіе большинство выходящихъ въ Парижѣ журналовъ, изъ которыхъ одинъ, менно «Фонарь», копѣечный, но весьма распространенный листъ съ радикальнымъ направлениемъ, особенно выдѣлялся изъясностью своихъ статей, направленныхъ противъ Дерулэда. Фактически этотъ журналъ однимъ французскимъ жидомъ, нечистаго происхожденія—какъ всѣ здѣшніе жида,—нѣмкимъ г. Йеромъ. Черезъ два дня послѣ появленія этой статьи, встрѣился г. Майера въ театрѣ Одеонъ, Дерулэдъ, какъ человѣкъ чѣне вспылчиваго характера, избилъ его палкой, но г. Майера не имѣющій ни малѣйшаго желанія драться съ нимъ на и, просто привлекъ поэта къ отвѣтственности, пожаловавъ въ исправительную полицію. Никто почти не сомнѣвается въ томъ, что Дерулэдъ будетъ приговоренъ къ наказанію, такъ самоуправство положительно запрещается закономъ. Кругомъ этой грубой выходкой вооружилъ противъ себя прессу; журналисты нисколько не расположены поощрять такого рода подвиги своихъ противниковъ, которые прибѣгаютъ къ побоямъ, чтобъ наказать всякаго публициста, осмѣливагося печатно выразить свое мнѣніе. Этотъ двойной обичай имѣлъ послѣдствія самыя неблагопріятныя для патріотовъ»; военный министръ предложилъ всѣмъ членамъ, состоявшимъ членами лиги, оставить-службу и поотставку. Я знаю очень многихъ, весьма серьезныхъ членовъ, которые искренно сочувствуютъ цѣли этой ассоціаціи, и то она могла бы принести много пользы для страны и охотно вошли бы въ эту лигу, еслибъ видѣли въ дѣйствіи членовъ побольше благоразумія, но, къ сожалѣнію, большая часть поступки ея членовъ были таковы, что способны только лишь компрометировать самое учрежденіе. Поэтому, чтобъ устраивать такія бесполезныя и безцѣльныя манифестаціи, было бы гораздо толковѣе постараться устранить причину того, почему въ Парижѣ находится такое множество нѣмцевъ, причѣмъ слѣдовало бы прискаты самыя лучшыя для конкурированія съ ними, и этимъ самымъ воспрепятствовать ихъ чрезмѣрному водворенію въ нашей столицѣ. Во Франціи, всѣ парижане повлялись: никогда болѣе не нанимать нѣмецкихъ служебниковъ, никогда не посѣщать нѣмецкихъ театровъ и никогда болѣе не выписывать нѣмецкихъ газетъ.

издѣлій. Въ первые два—три года по окончаніи войны, нѣмцы съ большою робостью появлялись въ Парижѣ и не иначе, какъ стараясь скрыть свою національность. Одни выдавали себя за эльзасцевъ, другіе за швейцарцевъ, третьи за австрійцевъ; но никто не смѣлъ открыто назвать себя пруссакомъ. Но мало по малу, всѣ тѣ нѣмцы, которые во время войны повинугли свои мѣста, гдѣ они уже давно успѣли водвориться, воротились опять, уже не опасаясь объявить свою національность. Говоря по справедливости, здѣсь даже невозможно обойтись безъ нихъ. Французы, не смотря на свои пораженія, на чувство затаенной злобы и непокидающую ихъ надежду отмщенія, оказываются все-таки до сихъ поръ слишкомъ лѣнвыми для того, чтобы основательно выучиться иностранному языку, въ особенности такому трудному, какъ нѣмецкій. Съ другой стороны, нѣмецкіе приказчики въ торговыхъ заведеніяхъ оказываются вообще гораздо трудолюбивѣе французскихъ *commiss*. Они лучше работаютъ и за меньшую, сравнительно съ французами, плату. Вслѣдствіе этого, здѣшніе торговцы почти поставлены въ необходимость держать ихъ при себѣ; буржуа, которые нанимають ихъ въ свои конторы и заведенія, поневолѣ не расстаются съ ними, имѣя учащихя въ школахъ сыновей, которые съ грѣхомъ пополамъ доходятъ до спряженія глагола «Ich bin»; а чтобы отправить ихъ въ Германію для усовершенствованія познаній въ языкѣ, у отцовъ не хватаетъ на это рѣшимости. Затѣмъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ парижанинъ положительно пристрастился къ нѣмецкому пиву, которое дѣйствительно гораздо лучше фабрикуемаго здѣсь. Получить же это хорошее и вмѣстѣ дешевое пиво можно только въ пивоваренныхъ заводахъ, устроенныхъ нѣмцами изъ Мюнхена, изъ Франкфурта и Карлсруэ. Эти-то пивныя лавочки, служащія сборищемъ для посятителей, представляютъ собою, по словамъ ультра-патріотовъ, настоящее гнѣздо шпіонства. Но я нахожу, что воображеніе послѣднихъ настроено настолько мрачно, что имъ всюду мерещатся страхи; мнѣ самому случалось нѣсколько разъ заходить туда выпить кружку—другую пива, но я никогда не замѣчалъ ни малѣйшаго намѣренія шпіонить за мной. Если же посятители этихъ лавочекъ полагають, что они подвергаются тамъ такого рода опасности, то, во избѣжаніе ея, всего лучше отказаться отъ питья нѣмецкаго пива и посоветовать нашимъ пивоварамъ выучиться фабриковать такое, которое бы превосходило своимъ достоинствомъ напитокъ чужеземнаго производства. Въ случаѣ нужды, можно будетъ закупать хмѣль въ Баваріи и варить въ Парижѣ мюнхенское пиво. Это было бы гораздо благоразумнѣе, чѣмъ предаваться такимъ, чисто ребяческаго свойства, манифестаціямъ.

Дѣйствительно Дерулезъ и его товарищи вели себя въ этомъ случаѣ совсѣмъ по дѣтски.

Впрочемъ теперь всякія ребяческія выходки происходятъ какъ будто по заведенному порядку. Воюють не только французы съ нѣмцами, но затѣваются цѣлыя войны у французовъ съ французами и, что всего хуже, между людьми одной и той же партіи и одинаковыхъ мнѣній. У насъ недавно была дуэль между двумя журналистами бонапартистской партіи. Одинъ изъ нихъ—редакторъ газеты «Combat», а другой—газеты «Le petit corral». Одинъ изъ нихъ требовалъ титула императора (!?) для принца Наполеона; другой—для его двадцатилѣтняго сына Виктора, который въ настоящее время кончаетъ курсъ наукъ въ гейдельбергскомъ университетѣ. И вотъ изъ за этой-то уважительной причины они дрались на дуэли, причемъ одинъ изъ нихъ былъ убитъ; имъ даже и въ голову не приходило разсудить о томъ, что существованіе республики настолько упрочено, что теперь во Франціи немислимы ни имперія, ни императоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ императорскій принцъ погибъ въ землѣ зудусовъ, въ лагерѣ бонапартистовъ господствуетъ полнѣйшая анархія. Въ смыслѣ права наслѣдованія, наслѣдникомъ престола долженъ считаться принцъ Наполеонъ; но къ нему сильно не благоволятъ духовенство за его слишкомъ свободный образъ мыслей, къ тому же онъ живетъ врознь съ своей женой. Его подозрѣваютъ въ социализмъ; короче сказать, консерваторы бонапартистской партіи не хотятъ и слышать о немъ. По ихъ словамъ, императорскій принцъ оставилъ послѣ себя завѣщаніе, въ силу котораго право на наслѣдство престола предоставлено имъ старшему сыну принца Наполеона, Виктору, еще совсѣмъ молодому человѣку. Приверженцы отца и сына бросаются въ кровавую полемическую битву на столбцахъ газетъ, которыхъ никто не читаетъ, что влечетъ за собою еще болѣе кровопролитныя дуэли. Какъ не поймутъ эти господа, что такими траги-комическими способами они менѣе всего въ состояніи будутъ поддерживать престижъ бонапартистской партіи.

Та же самая анархія господствуетъ въ крайней лѣвой:—«соціалисты» никакъ не могутъ столковаться съ «коллективистами» и обвиняютъ другъ друга въ продажности и измѣнѣ. Недавно, обвинявшіеся нѣсколькими полемическими выходками весьма забористаго свойства, десять редакторовъ газеты «Citoyen» вызвали на дуэль десяттерыхъ редакторовъ газеты «Radical». Вся публика нетерпѣливо ожидала факта осуществленія этой «битвы героевъ», которая однакожъ не состоялась; но взамѣнъ ея, коллективисты ворвались «коллективно» въ редакцію газеты соціалистовъ, и публика была свидѣтельницею того, какъ въ нашемъ XIX столѣтіи, въ самомъ центрѣ Парижа, цѣлый домъ

быть осаждаемъ и блокируемъ, съ одной стороны, и защищаемъ съ другой—гражданами, вооруженными палками. Къ счастью для обѣихъ враждующихъ партій, у нихъ не было подъ руками артиллеріи. При этомъ потребовалось посредничество полиціи—той самой полиціи, объ отъѣвѣ которой такъ горячо ратуютъ всегда какъ социалисты, такъ и коллективисты—и послѣдней удалось возстановить порядокъ, не допустивъ серьезнаго кровопролитія.

Въ настоящее время, у насъ во Франціи публичныя сходы пользуются правомъ почти безусловной свободы, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онѣ происходили не на улицѣ, а гдѣ нибудь въ закрытомъ мѣстѣ и съ затворенными дверями. Наше законодательство не допускаетъ митинговъ подъ открытымъ небомъ, какъ это бываетъ въ Англіи. Еслибъ какому нибудь иностранцу случилось нечаянно попасть хотя на одно изъ такихъ сборищъ, то онъ навѣрное подумалъ бы, что во Франціи опять начался періодъ анархіи и что страна находится наканунѣ разгара коммуны, еще болѣе страшной, чѣмъ коммуна 1871 года. Тутъ только и рѣчи, что о возвращеніи пролетариату его правъ на пользованіе собственностью, объ уничтоженіи «гносной и подлой буржуазіи», о возбужденіи звѣрскихъ инстинктовъ народа и т. д. Тутъ требуютъ въ жертву многаго множества головъ, въ томъ числѣ головы Гамбетты, которому отъ этого однакожь ни тепло, ни холодно, и онъ преспокойно благодушествуетъ до сихъ поръ. Ораторомъ, привлекающимъ на эти сходы наибольшее количество слушателей, является женщина, Луиза Мишель, бывшая прежде учительницей, игравшая извѣстную роль во время коммуны, сосланная впоследствии въ Новую Каледонію и возвращенная въ силу амнистіи, дарованной всѣмъ преступникамъ этого разряда. Луиза Мишель изображаетъ собою немезиду этой партіи; ея звонкій голосъ, ея сильное, краснорѣчивое изложеніе своихъ мыслей приводятъ въ восторгъ массы народа, собирающагося на эти сходы, а ея внушительная, хотя и безобразная наружность придаетъ ея краснорѣчію еще болѣе оригинальности. Она положительно помѣшалась на одной мысли, именно на томъ, чтобъ убить Гамбетту, но до сихъ поръ княжалъ ея имѣть значеніе лишь простой метафоры. Правительство смотритъ на всѣ эти продѣлки сквозь пальцы и, по моему, поступаетъ очень благоразумно; люди, которые слишкомъ много кричатъ, никогда не бываютъ опасны, и нелѣпыя крайности, которыя проповѣдуются какой бы то ни было партіей, только подрываютъ ея же кредитъ въ мнѣніи людей, не потерявшихъ разсудка и свѣжей памяти. Впрочемъ, всякія мѣры противъ этихъ крайностей оказались бы излишними, потому что эти «крайніе» сами взяли на себя обязанность истреблять другъ дру-

га, чему доказательствомъ можетъ служить эпическое побоище, происшедшее между сотрудниками газетъ «Citoyen» и «Radical». А потомъ, вѣдь они и сами смотрятъ другъ на друга, какъ на какихъ-то потѣшниковъ. На этихъ дняхъ, одному мастеровому, нигдѣ и еуживавшемуся долго, но въ сущности честному малому, пришла въ голову блажь заниматься политикой, и онъ вздумалъ поораторствовать на этотъ счетъ. Съ этою невинною цѣлью онъ устроилъ общественную сходку въ одномъ гимнастическомъ заведеніи; взобравшись на трибуну, онъ принялся разглагольствовать по поводу необходимости социальной революціи, какъ вдругъ, среди своей рѣчи, онъ чувствуетъ, что подымается на воздухъ. Можете представить себѣ его удивленіе и удовольствіе публики! Какіе-то двое или трое проказниковъ ухитрились пропустить ему подъ руки гимнастическую веревочную петлю и посредствомъ блока подняли его на такую «высоту», достигнуть которой онъ никогда не могъ бы собственными усиліями. Мастеровой остался очень недоволенъ этой шуткой и подалъ жалобу опять таки... полицейскому комиссару, такъ какъ безъ вмѣшательства полиціи тутъ никогда дѣло не обходится. Я рѣшительно не могу себѣ представить того рода наказанія, которое присудятъ за эту шутку виновнымъ, такъ какъ преступленіе подобнаго рода не предусмотрено въ нашемъ законодательномъ кодексѣ. Во всякомъ случаѣ, нужно полагать, что наказаніе послѣдуетъ самое легкое.

Сентябрь мѣсяць можно было положительно назвать мѣсяцемъ скандаловъ, какъ я уже упомянулъ объ этомъ въ началѣ моего письма. Даже серьезный Théâtre Français, который можетъ быть названъ отдѣленіемъ академіи наукъ, это излюбленное мѣсто свиданій высшаго общества,—и тотъ не избѣгнулъ этого повѣтрія. Одна изъ его актрисъ застрѣлилась, а потомъ въ стѣнахъ его произошла рукопашная схватка между женщиной-писательницей и журналистомъ. Актриса, о трагической смерти которой вамъ уже извѣстно изъ газетъ, это—бѣдняжка Фейгина, еще совсѣмъ молоденькая дѣвушка, дебютировавшая здѣсь прошедшей весной на сценѣ Théâtre Français. Въ крошечной, исполненной ею роли, она имѣла случай выказать свою замѣчательную красоту, отсутствіе всякаго таланта и ужасное «нижегородское» произношеніе. Театральная критика отвелась къ ней очень строго, и эта первая неудача чрезвычайно обезкуражила молодую дѣвушку, которая и задумала найти утѣшеніе въ любви. Взамѣнъ своихъ ценическихъ разочарованій, она сдѣлалась любовницею знатнаго барича, имѣвшаго громадный успѣхъ въ свѣтѣ, молодого герцога Морни,—сына государственнаго человѣка, который былъ правой рукой Наполеона III, и урожденной княжны Трубецкой, въ настоящее время вторично вышедшей замужъ за испанскаго

гранда, герцога де-Састо. Новая любовница очень скоро надобла молодому герцогу, и онъ, по всей вѣроятности, помышлялъ уже о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ нея, такъ какъ имѣлъ въ виду жениться на молоденькой дочери банкира Эфрусси. Фейгина, впрочемъ, все еще не покидала сцены и въ скоромъ времени готовилась появиться въ другой маленькой роли, въ драмѣ «Le roi s'amuse»; но не дождавшись этого, она прѣехала къ Морни и застрѣлилась у него изъ револьвера. Былъ-ли у нея какойнибудь сценической талантъ? Едва-ли; по крайней мѣрѣ, никто не находилъ этого. Она только промелькнула здѣсь, какъ загадочная личность, и умерла двадцати лѣтъ, убитая лихорадочно живущимъ и нездоровымъ въ нравственномъ отношеніи Парижемъ, который уже похоронилъ многихъ ей подобныхъ. По этому случаю журналы очень рѣзко отзывались о молодомъ герцогѣ Морни, за которыми до сихъ поръ не было никакой другой заслуги, кромѣ умѣнья сдѣлаться царькомъ элегантнаго большаго свѣта и предписывать законы моды насчетъ того: жемчужныя ли брилліантовыя запонки нужно носить на рукавахъ и воротѣ рубашки. Судя по всему, нужно полагать, что въ извѣстныхъ сферахъ общества признается гениальность даже относительно умѣнья одѣваться.

Что же касается той дамы, которая подралась въ театрѣ съ журналистомъ, то она далеко не такъ интересна, какъ бѣдняжка Фейгина, которая, по крайней мѣрѣ, доказала, что у нея было сердце; она застрѣлилась, не желая пережить измѣны любимаго человѣка. Дама, о которой я началъ говорить, это нѣкая мадамъ de Quivogne, которая въ литературномъ мѣрѣ извѣстна подъ именемъ Марка Монтпюф. Специальность ея заключается въ писательствѣ романовъ непристойнаго содержанія, которые называются теперь по р в о г р а ф и ч е с к и м и, благо это слово вошло въ моду. Нѣкоторые изъ ея произведеній возбуждали даже противъ себя судебное преслѣдованіе, а другія такъ и вовсе не были допущены къ печати, такъ что автору пришлось ихъ печатать въ Брюсселѣ, гдѣ полиція отлпчается въ этомъ отношеніи бѣльшею терпимостью, чѣмъ парижская. Должно полагать, что этотъ сортъ литературы даетъ хорошія деньги тѣмъ, кто ею занимается. Для того, чтобъ еще больше обратитъ на себя общественное вниманіе, госпожа Монтпюф придумала еще другой способъ: она отправилась въ театрѣ въ мужскомъ платьѣ; но на ея бѣду наши полицейскіе уставы запрещаютъ женщинамъ показываться въ публичныхъ мѣстахъ переодѣтыми въ какойнибудь костюмъ, выключая дней карнавала. А затѣмъ, послѣ своего вопнственнаго подвига въ Théâtre Français, она должна была на другой же день поторопиться уѣхать въ Бельгію, иначе

она рисковала быть арестованною. И пусть навсегда остается тамъ.

Съ нѣкотораго времени, у насъ во Франціи народился особенный слой авторовъ книгъ непристойнаго содержанія, которые постоянно преслѣдуются полиціею. Палата нашлась даже вынужденною вотировать объ изданіи спеціальнаго закона, воспреещающаго распространеніе извѣстнаго рода иллюстрированныхъ изданій, не имѣющихъ ничего общаго съ свободою печати. Въ числѣ нашихъ романистовъ, которые не выискиваютъ умышленно для своихъ произведеній какихъ нибудь непотребныхъ вещей, ради самаго непотребства, и которые, какъ они сами выражаются, пишутъ, чтобы доказать, что существуетъ искусство для искусства, есть однакожь чрезвычайно много такихъ, у которыхъ положительная страсть—изображать непременно какіе нибудь патологическіе сюжеты, которые гораздо болѣе подходятъ къ области медицины, чѣмъ къ области воображенія. Какъ на образчикъ, укажемъ на одинъ новый, только что появившійся Шарпантье романъ, подъ заглавіемъ: «Развратница», авторъ котораго, г. Лебланъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, выказалъ въ своемъ произведеніи, при несомнѣнной талантливости, необыкновенно развращенное воображеніе. Онъ описываетъ въ своемъ романѣ свѣтскую женщину, обманывающую своего мужа ради кучера, который дѣлается ея любовникомъ. Овдовѣвъ, она въ другой разъ выходитъ замужъ за человѣка, неспособнаго къ супружескому сожителству. Читая этотъ романъ, вы видите цѣлый рядъ сценъ, имѣющихъ интересъ единственно лишь съ медицинской точки зрѣнія, которая положительно претитъ человѣку съ мало-мальски утонченнымъ вкусомъ. Это очень жаль; потому что у автора, очевидно, пропасть наблюдательности; романъ написанъ превосходнымъ языкомъ. Въ немъ попадаются чрезвычайно интересныя сцены, выхваченныя изъ провинціальной жизни, гдѣ положительно видна бальзаковская школа.

Любителямъ парижскихъ литературныхъ новостей я могу сказать на новые романы гг. Тексье и Лезонна: «La fin d'une case» и «Le mariage de Rosette». Гг. Тексье и Лезоннъ, это парижскіе близнецы современнаго романа. Они всегда пишутъ сообща, такъ что чрезвычайно трудно узнать, кому изъ нихъ принадлежитъ литературная обработка и кому самая мысль; несмотря на двойственность авторства, произведенія ихъ имѣютъ совершенно однородный характеръ. La fin d'une case, это исторія одного молодаго провинціальнаго дворянина, кончающаго битвой на бѣлошвейкѣ, живущей въ замкѣ его матери, которая сама свела его съ этой дѣвушкой, съ тою цѣлью, чтобы имъ способомъ сохранить надъ нимъ свое господство. Въ романѣ

Le mariage de Rosette разбирается вопросъ, котораго уже нѣсколько разъ касались многіе романисты въ своихъ произведеніяхъ: можетъ ли человѣкъ изъ хорошаго общества жениться на актрисѣ? Вышеупомянутые нами авторы-близнецы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ; героемъ своего романа они изобразили прославившагося своими открытіями на сѣверномъ полюсѣ натуралиста, который женится на m-lle Rosette, исполняющей роли первой ingénue на сценѣ Théâtre Français. Она доводитъ его до отчаянія своимъ кокетствомъ, и онъ перерѣзываетъ себѣ горло, сидя въ ваннѣ, какъ это дѣлывалось прежде у древнихъ. Интрига романа, въ сущности, не важная; но что можетъ имѣть большой интересъ, въ особенности для иностранцевъ, это очерки театральнаго жизни, которыми изобилуетъ эта книга; причемъ я, напримѣръ, могу указать на описаніе конкурса по декламации въ консерваторіи, на закулисныя сцены въ Théâtre Français въ день дебюта; всѣ, даже самыя мельчайшія подробности подмѣчены чрезвычайно тонко и вѣрно, и описаны очень остроумно. Авторы не стѣснялись даже сдѣлать намеки на всѣмъ извѣстныхъ личностей, такъ что всякій, читающій эту книгу, парижанинъ тотчасъ узнаетъ портреты или, по крайней мѣрѣ, силуэтъ той или другой личности изъ театральнаго міра.

«Не женитесь на актрисѣ!» вотъ конечное заключеніе и смыслъ романа гг. Тексье и Лезонна. Къ такому же точно выводу приходитъ Madame Henri Gréville въ своемъ послѣднемъ романѣ, подъ заглавіемъ «Rose Rosier». Разница только въ томъ, что дѣйствіе происходитъ не въ Парижѣ, а въ Шартрѣ, маленькомъ провинціальномъ городѣ. Тутъ не мужъ перерѣзываетъ себѣ горло, а жена принимаетъ ядъ, вслѣдствіе того, что чувствуетъ себя неспособной сдѣлать счастливымъ человѣка, который посвятилъ ей всю свою жизнь. Въ этой книгѣ, кромѣ множества прелестныхъ описаній, есть эпизоды чисто драматическаго свойства. Мнѣ кажется, было бы очень удобно воспользоваться этимъ сюжетомъ для драмы, которая способна была бы вызвать слезы у чувствительныхъ зрителей; впрочемъ г-жа Henri Gréville намѣревается въ скоромъ времени попробовать свои авторскія силы на театральныхъ пьесахъ, причемъ всѣ ея друзья ободряютъ ее и на этомъ поприщѣ надеждою на такой же успѣхъ, какой имѣютъ ея романы. Эта несомнѣнно талантливая писательница, какъ вамъ извѣстно, очень любитъ Россію. M-me Gréville, — отецъ которой, M-r Fleury, еще и до сихъ поръ состоитъ преподавателемъ французскаго языка въ Петербургѣ, — провела всю свою молодость въ Россіи и питаетъ самое искреннее расположеніе къ русскому обществу, которое было описано ею въ многочисленныхъ романахъ, изъ которыхъ

одна, подъ заглавіемъ «*Dosia*», выдержалъ болѣе сорока изданій. Не знаю почему, нѣкоторые русскіе находятъ, что она нѣтъ-нѣтъ описываетъ ихъ страну, подтверждая свои слова тѣмъ, что до сихъ поръ ни одинъ изъ ея романовъ не былъ переведенъ на русскій языкъ; а между тѣмъ переводы ея романовъ существуютъ и въ Италіи, и въ Швеціи, и даже въ Америкѣ. Если это правда, то на этой писательницѣ также сбылись слова: «что никто не можетъ быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ».

Но *M-me Gréville* не только даровитая писательница, могущая стать наряду съ извѣстными романистами, она въ настоящее время заняла также видное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ. Вамъ, конечно, извѣстно, что теперь у насъ во Франціи очень заняты поднятіемъ уровня женскаго образованія: для женщинъ учреждаютъ особенные лицей, изъ которыхъ многіе уже открыты; дѣлаются полнѣйшія преобразованія въ женскихъ школахъ для первоначальнаго обученія, причемъ стараются замѣнить живыми и толковыми методами прежнія механическія или мнемотехническія методы, употреблявшіяся въ монастыряхъ. По просьбѣ одного изъ нашихъ издателей классическихъ книгъ, *M-me Gréville* написала «Руководство къ умственному и нравственному образованію молодыхъ дѣвицъ», которое какъ нельзя болѣе соответствуетъ требованіямъ современнаго, новѣйшаго воспитанія. Это не похоже на сухой и переполненный техническими терминами курсъ педагогики; авторъ говоритъ въ своей книгѣ такимъ языкомъ, который прямо находитъ себѣ доступъ къ уму и сердцу ребенка. Послѣ педагогическихъ книгъ, написанныхъ г-жею Папъ-Карпантье, мы находимъ, что эта новѣйшая книга занимаетъ самое видное мѣсто.

Л. Левисъ.

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

за сезонъ 1881—82 г.

Эманципация русскаго театра изъ крѣпостнаго состоянія.—Историческое объясненіе причинъ этого состоянія. — Театръ, какъ государственное учрежденіе.—Послѣдняя театральная реформа и ея пробѣлы.—Жалобы на упадокъ нашего театра и ихъ провѣрка.—Вульгаризація и опошленіе сцены балаганщиной.—Приобрѣтенія русской драмы за минувшій сезонъ.—Новыя пьесы гг. Островскаго, Соловьева, Шапшинскаго, Александрова и др.—Александровская группа и ея оцѣнка.

У русскаго театра тоже было свое крѣпостное состояніе и тоже наступаетъ часъ его эманципации, нынѣ возвѣщенной, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ!

Крѣпостное состояніе русскаго театра, много лѣтъ надъ нимъ тяготѣвшее, вытекало изъ того всеобъемлющаго бюрократическаго начала, казенная печать котораго лежала, да лежитъ еще и понынѣ, на всѣхъ функціяхъ не только государственной, но и общественной нашей жизни, включительно до области литературно-художественной. Извѣстно, напр., что безъ клейма этой обязательной печати не можетъ обращаться ни одинъ листокъ областной прессы, не можетъ быть поставлена ни одна театральная пьеса, будь она написана самимъ, вновь явившимся Шекспиромъ; не можетъ открыться ни одна частная сцена и даже интимный, въ семейномъ кругу, спектакль долженъ быть формально разрѣшенъ надлежащимъ начальствомъ, безъ чего легко можетъ статься, онъ былъ бы сочтенъ за нарушеніе, въ своемъ родѣ, существующаго порядка.

Стремясь привести всю общественную жизнь и ея отправленія къ одному знаменателю, бюрократизмъ создалъ для этой цѣли и распространилъ всезахватывающую систему централизаціи. Обьосновавшись въ петербургской канцеляріи, онъ стремился къ тому, чтобы россияне, напр., мыслили, разсуждали и воспринимали художественныя впечатлѣнія совершенно единообразно и въ однѣхъ и тѣхъ-же разъ утвержденныхъ рамкахъ, какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ губерскихъ и уѣздныхъ городахъ имперіи, безъ различія климата, почвы, географи-

ческаго положенія и проч. Кому неизвѣстны едва вѣроятные и, однако-жъ, несомнѣнные факты, что какой нибудь невиннѣйшей областью «Тьмутараканскій Листокъ» посылаетъ каждый свой номерокъ, прежде отпечатанія, въ Москву или Петербургъ на ревизию центральной цензуры! Колями паче подчиненъ этой ревизіи, этому ревнивому канцелярскому коррективу, каждый тьмутараканскій Шекспиръ или «быстрый разумомъ Невтонъ» въ своихъ твореніяхъ, буде благодатная Тьмутаракань породила-бы таковыхъ геніевъ, чему до сихъ поръ, къ счастью, прильвовъ было немного! Понятно, что подобныя ограниченія и стѣсненія, вытекающія изъ требованій бюрократическаго корректива и надзора за сердцами и помышленіями, вели прямо къ задержанію и заглушенію умственно-художественной производительности, какъ чего-то преждевременнаго, ненужнаго, а, можетъ быть, и вреднаго.

Всего же ощутительнѣе и ярче сказывалась эта система на нашемъ національномъ театрѣ, на русскомъ драматическомъ искусствѣ, которое, по силѣ казенной театральной монополіи, пользовалось у насъ, въ сущности, не правомъ гражданства, а правомъ лишь терпимости въ тѣхъ случаяхъ, когда оно являлось внѣ предѣловъ этой монополіи. Строго говоря, по смыслу учрежденія казенной театральной монополіи, у насъ были признаны и санкціонированы закономъ одни только столичныя императорскіе театры; всякій же частный или, какъ говорилось въ старинномъ законодательствѣ, «вольный» театръ представлялъ не болѣе, какъ случайное пріятное исключеніе изъ общаго правила—продуктъ милостиваго послабленія начальства къ невиннымъ дилетантскимъ забавамъ обывателей. Начальство, впрочемъ, не всегда въ этомъ случаѣ было расположено къ послабленію, какъ можно заключить по его долготѣнному энергическому противодѣйствію всякимъ попыткамъ къ основанію въ столицѣ частнаго русскаго театра.

Крѣпостное состояніе русскаго театра имѣетъ свою исторію. Произшло оно вслѣдствіе искаженія той созидательной мысли, которая легла въ основаніе нашего національнаго театра, при его началѣ, и содѣйствовала его возникновенію и росту, благодаря мощной рукѣ прогрессивнаго правительства. Извѣстно, что Петръ Великій не только, какъ поется въ одной пѣснѣ, «самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ, самъ и пушки заряжалъ», но самъ, собственноручно, редактировалъ и составлялъ первую русскую газету, самъ сочинялъ книги для своихъ учениковъ—подданныхъ, самъ училъ ихъ по этимъ книгамъ и самъ же, своей царственной дланью, вооруженной дубинкой, прохаживался по ихъ хребтамъ, когда они получали дурныя отиѣтки... Ему же первому принадлежитъ и идея положить основаніе въ Рос-

сін общественнымъ театральнымъ зрѣлищамъ «для полированія подданныхъ», хотя самъ онъ никогда не былъ большимъ театромъ. Идея эта, не осуществленная имъ, была приведена исполненіе его преемниками—частью Елизаветой, а всего болѣе Екатериной II.

Такимъ образомъ, нашъ національный театръ первоначально явился учрежденіемъ чисто-государственнымъ, состоявшимъ изъ казеннаго казны, организованнымъ по канцелярскому образцу, входившимъ въ общую систему бюрократическаго управленія. Тогда это было несомнѣннымъ благомъ. Вмѣстительство государства и его могущественная, нравственная и матеріальная поддержка были необходимы для развитія едва зарождавшаго младенчески-юнаго національнаго театра. Безъ нихъ онъ бы существовать тогда не могъ. Необходимо было упрочить и расширить эту «школу народную», какъ называла Екатерина театръ, а это могло сдѣлать въ то время только государство, стоявшее впереди общества. И, дѣлая это, оно, безъ сомнѣнія, выполняло прекрасную задачу—шло на встрѣчу зарождавшейся въ обществѣ интеллектуально-эстетической потребности, и оощряло ее, возбуждало и не давало ей заглохнуть. Это дѣло было благое и прогрессивное.

Но вотъ дитя, мало-по-малу, благодаря этой поддержке, выросло изъ казенныхъ панталончиковъ, созрѣло и уже само по себѣ, безъ посредства няинныхъ помочей, твердо стоитъ на своихъ рѣзвыхъ ногахъ, нетерпѣливо выражая готовность и способность идти впередъ самостоятельно, развернуться на полный просторъ, безъ всякой опеки. Но не тутъ-то было! И тѣсныя давно обветшавшіе и распоровшіеся по швамъ казенные панталончики, и няинкина опека по прежнему тяготѣютъ на возмужалыхъ членахъ, не давая ему свободно расправить и выйти въ люди правоспособнымъ гражданиномъ... Естественно-ли это?

Въ такомъ именно неестественномъ положеніи находилось насъ до послѣднихъ дней русское драматическое искусство, давно выросшее изъ своего бюрократическаго подчиненія и казеннаго руководства, какъ сін послѣдніе, въ свою очередь, давно утраченные, по отношенію къ нему, тотъ благотворный воспитательный и покровительственный характеръ, который они имѣли на половинѣ XVIII столѣтія, при первыхъ зародышахъ русскаго театра. Въ самомъ дѣлѣ, если во дни Екатерины государство взявъ театръ подъ свое попеченіе и руководство, являлось ея покровителемъ и воспитателемъ, то, въ позднѣйшее время, когда театръ созрѣлъ и развился, эта педагогическая опека сама собой, превратилась для него въ путы, какими могло бы быть, напр., подчиненіе взрослому человѣку педагогу-губернатору.

Этого мало: утративъ свою первоначальную, прогрессивную роль по отношенію къ русскому театру, сдѣлавшись его тормозомъ, государство неощутительно стало и его привилегированнымъ монополистомъ, усвоивъ всю классическую сноровку и всѣ приемы монопольной системы...

Говорятъ, впрочемъ, что ненормальность такого положенія дѣла окончательно нынѣ признана въ подлежащихъ сферахъ — окончательно рѣшено упразднить крѣпостное состояніе русскаго театра и эманципировать его отъ казенной монополіи и бюрократической опеки. Это, такъ сказать, достояніе теперешняго лишь дня. Дай Богъ, чтобы давнишнія пожеланія всѣхъ друзей русскаго театра оправдались, чтобы наступила наконецъ его полная эманципация! Однако-жъ, пока нѣтъ еще основательныхъ резоновъ приходитъ въ телачій восторгъ. Во-первыхъ, о сей часъ только совершившейся театральной реформѣ ничего даже хорошенько неизвѣстно:—она обсуждалась и приводилась въ исполненіе подъ покровомъ канцелярской тайны; во-вторыхъ, чтобы судить о ней, нужно подождать ея наглядныхъ результатовъ, и наконецъ, въ-третьихъ, насколько извѣстно, она оставила въ нерушимомъ состояніи нѣкоторыя основы стараго порядка, ничего добраго не предвѣщающія и присутствіе которыхъ значительно ослабитъ дѣйствительность самой реформы. Впрочемъ, сами реформаторы, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, созванной въ минувшемъ сезонѣ для выработки началъ театрального преобразованія, далеко не удовлетворены этимъ послѣднимъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно получаетъ примѣненіе на практикѣ. Не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, одинъ изъ членовъ этой комиссіи сѣтовалъ въ «Новомъ Времени» на тѣхъ профановъ, которые «наивно убѣждены, что все, что и нынѣ совершается въ казенныхъ театрахъ, есть, такъ сказать, приведеніе въ исполненіе предположеній комиссіи. Увы!—вослицаетъ онъ,—члены бывшей комиссіи очень хорошо знаютъ, что весьма многія изъ принимаемыхъ нынѣ мѣръ подверглись ихъ единодушному осужденію». Къ сожалѣнію, ни отъ автора, ни отъ другаго какого нибудь компетентнаго лица или органа мы до сихъ поръ не свѣдали ни о проэктѣ реформы въ его цѣлости, ни о томъ, что изъ него принято и что отвергнуто начальствомъ. Имѣются на этотъ счетъ одни только отрывочныя свѣдѣнія, да покажутся видны нѣкоторыя вновь принятія улучшения и болѣе или менѣе существенныя отмѣны и перемѣны, какъ-то: отмѣна театральной монополіи и предоставленіе свободы открытія частныхъ русскихъ драматическихъ театровъ въ столицахъ безданно и безошлинно, уничтоженіе разовыхъ и бенефисовъ въ вознагражденіе актеровъ казенныхъ театровъ, а взамѣнъ того—установленіе условленныхъ, по контрактамъ съ

ними, окладовъ соразмѣрно ихъ заслугамъ и талантамъ; отъ да—замѣна штатной, казенной службы—вольноваемной, увеличеніе авторскаго гонорара драматурговъ и упорядоченіе суммы его взиманія, возвышеніе цѣнъ за мѣста въ театральномъ уничтоженіе театральнаго каретъ и, наконецъ, шинельная форма, заключающаяся въ томъ, что плата за сохраненіе платья зрителей отнята у капельдинеровъ и обращена въ бюджетную статью дирекціи, для образованія пенсіоннаго фонда театральнаго персонала, который, такимъ образомъ, обойдется очень дешево и сердито... Вотъ, кажется, и все!

Этого всего было-бы, на первый разъ, весьма достаточно, если-бы, повторяемъ, не былъ оставленъ въ полной неперемѣнности краеугольный камень старой системы, существованіе котораго дѣлаетъ сомнительнымъ дѣйствительность всей реформы. Говоримъ объ оставленіи прежняго казеннаго порядка управленія и хозяйства театровъ и прежняго положенія ихъ канцелярскому начальству. Во-первыхъ, оставленъ, кажется, даже увеличенъ штатный бюджетъ театровъ, гашаемый изъ суммъ государственнаго казначейства; во-вторыхъ, не тронуть вовсе канцелярскій режимъ въ завѣдываніи сценой, репертуаромъ, въ назначеніи театральнаго персонала, въ приемѣ и оцѣнкѣ актеровъ, и т. д. Казенное управленіе и казенное хозяйство слишкомъ хорошо приспособлены, чтобы нужно было распространяться здѣсь объ ихъ свойствахъ и результатахъ. Они могутъ быть хороши только тогда, когда, по счастью, попадаютъ въ хорошія, умѣлыя, энергичскія руки, что, къ сожалѣнію, въ прошломъ нашего казеннаго театра случалось весьма не часто. Если-же этого не будетъ, тогда дѣло плетется черезъ пень-колоду: съ формальной стороны все обстоитъ благополучно, но жизни и творчества не спрашивайте. Тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобы, при такомъ веденіи дѣла, нашъ Александринскій театръ могъ, подъ руководствомъ чиновниковъ, обратиться въ своего рода драматическую академію, на подобіе «Comédie Française», какъ толкутъ объ этомъ въ свѣдущихъ сферахъ.

Впрочемъ, не станемъ предрѣшать результатовъ предстоящей реформы—ихъ не замедлитъ показать ближайшее будущее. Къ тому-же, мы собрались побесѣдовать здѣсь главнымъ образомъ о ближайшемъ прошломъ русскаго драматическаго театра въ границахъ истекшаго сезона, и къ этой задачѣ теперь обратимся. Мы будемъ говорить собственно о драматической производительности одного Александринскаго театра, не только потому, что имъ ограничивается кругъ нашихъ личныхъ наблюденій, но и потому, что Александринскій театръ—единственный публичный русскій драматическій театръ въ столицѣ.

также потому, что сезонными пріобрѣтеніями его репертуара исчерпывается вся, почти безъ остатка, текущая русская драматическая литература. Словомъ, онъ концентрируетъ въ себѣ всю нашу національную драму, въ ея постепенномъ развитіи, и является центромъ всей русской театральной дѣятельности. Это до такой степени вошло въ норму и примелькалось, что обыкновенно, говоря о нашемъ театрѣ, вообще никто ужъ и не оговаривается, что рѣчь идетъ исключительно объ Александринскомъ театрѣ... Такъ всеобъемлюща наша, всюду проникающая, система централизаціи, что и въ области «свободныхъ художествъ» у насъ создались какіе-то департаменты эстетики, поглощающіе и регулирующіе всю творческую дѣятельность жрецовъ искусства, и внѣ которыхъ она—если и имѣетъ бытіе, то чего-то незаконнорожденного и непризнаннаго! На этомъ основаніи, всѣ драматурги и всѣ актеры ставятъ своей высшей цѣлью достигнуть чести фигурировать на александринской сценѣ: пьеса, будь она гениальнымъ произведеніемъ, не признанная театрално-канцелярскимъ ареопагомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «театрално-литературнаго комитета», и не поставленная хоть одинъ разъ на казенной сценѣ,—не имѣетъ никакой будущности, никакой цѣны, и ни одинъ частный театръ ея не возьметъ; точно также актеръ, не дебютировавшій на александринской сценѣ и не носящій титула «артиста императорскихъ театровъ»,—все равно, что врачъ безъ диплома или ученый безъ академической степени; онъ считается непризнаннымъ и подлежащимъ сомнѣнію, хотя бы это былъ самъ гениальный Мочаловъ.

Въ послѣднее время, у насъ стали весьма обычны жалобы на упадокъ нашего театра:—на недостатокъ, съ одной стороны, великихъ сценическихъ талантовъ и господство золотой посредственности, а съ другой,—на крайнее пониженіе и пошлость самой драматической литературы. Жалобы эти несомнѣнно имѣютъ нѣкоторое основаніе, если говорить вообще объ уровнѣ нашей отечественной драмы за данный моментъ, но едва-ли можно утверждать, что театръ нашъ, будто-бы, упалъ сравнительно съ предшествовавшими временами. Дѣло въ томъ, что великіе таланты и великія литературныя произведенія всегда и вездѣ составляли и составляютъ рѣдкія явленія. Мы не думаемъ, чтобы переживаемое нами время было несчастливѣе другихъ. Правда, у насъ нѣтъ ни гениевъ, ни гениальныхъ произведеній, но—много-ли ихъ было въ прошломъ?—Если мы назовемъ «Недоросля», «Горе отъ ума», «Бориса Годунова» и «Ревизора», то вотъ, кажется, весь нашъ, такъ называемый, классическій репертуаръ—все то, что мы имѣемъ въ нашей драмѣ гениальнаго и безсмертнаго. Однако-жъ ближайшее, по вре-

мени, изъ этихъ произведеній написано слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Пессимисты-же говорятъ объ упадкѣ только современной намъ драматической литературы, указывая на массу являющихся бездарныхъ и просто дрянныхъ пьесъ; но развѣ этого добра было меньше во дни Гоголя, Пушкина, Грибоѣдова?—Если сравнить общій средній уровень литературнаго достоинства репертуара и даровитости авторовъ прежнихъ временъ съ нынѣшнимъ, то несомнѣнно придется отдать предпочтеніе нашимъ днямъ. Правда, у насъ нѣтъ геніевъ, но зато у насъ есть такой большой первоклассный талантъ, какъ Островскій, совершенно затмившій своей необыкновенной плодовитостью всѣхъ нашихъ прежнихъ драматурговъ, и многочисленныя пьесы котораго составляютъ богатый, неувыдаемый вкладъ текущаго репертуара. Кромѣ Островскаго, наше время дало столько талантливыхъ драматурговъ, сколько ихъ не имѣла положительно ни одна изъ предшествовавшихъ генерацій. Назовемъ Писемскаго, А. Потѣхина, гр. А. Толстаго, и затѣмъ цѣлый рядъ несомнѣнно даровитыхъ «вульгаризаторовъ» (такъ названныхъ г. Боборыкинымъ) ставящихъ ходкія, «выигрышныя» пьесы и всего чаще съ «направленіемъ»: Дьяченко, Крылова, Н. Потѣхина, Штеллера, Чернышева и др. Наконецъ, уже въ послѣдніе дни стали пріобрѣтать извѣстность новыя, молодые таланты, какъ напр., гг. Соловьевъ и Шпагинскій. Можно, конечно, желать и большаго количества талантливыхъ драматурговъ, и высшаго ихъ качественнаго достоинства, и болѣе зрѣлой, со стороны ихъ, производительности; но вовсе нельзя сказать, чтобы во всемъ этомъ мы были бѣднѣе нашихъ отцовъ и дѣдовъ, и, слѣдовательно, чтобы наше время, сравнительно съ прежнимъ, представляло упадокъ русской драматической литературы.

Можетъ быть, впрочемъ, пессимисты имѣли, какъ сказано выше, нѣкоторое основаніе жаловаться на засореніе нашего репертуара слишкомъ ужъ низкопробными и пошлыми пьесами, включительно до привнесенія изчужа модной, но не всегда опрятной и всегда почти дурнаго вкуса, «каскадной» оперетки. Такое засореніе дѣйствительно имѣло мѣсто, благодаря, главнымъ образомъ, двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, тому, что сценою заправляли какіе-то канцеляристы, лишенные всякаго художественнаго образованія и вкуса, а въ театрално-литературномъ комитетѣ, являющемся верховнымъ судилищемъ драматическихъ сочиненій, заседали люди ветхіе, ничѣмъ себя не заявившіе въ литературѣ, и болѣе чиновники, чѣмъ писатели; во-вторыхъ, тому, что выборъ и постановка новыхъ пьесъ были всецѣло почти предоставлены актерамъ-бенефициантамъ, руководившимся одними личными меркантильными расчетами, помимо того, что

наши актеры, въ большинствѣ, очень плохіе судьи въ эстетикѣ и литературѣ, вслѣдствіе своей, вошедшей въ притчу, невѣжественности.

Какъ дирекція, такъ и бенефицианты, чуждые художественно-литературныхъ задачъ, хлопотали только о томъ, чтобы новыя пьесы давали сборы, вовсе не заботясь объ ихъ внутреннемъ достоинствѣ. Вслѣдствіе этого, явилось усердное угодничество дурнымъ вкусамъ и низменнымъ инстинктамъ интеллигентной «черни», которая составляетъ главную массу театальной публики далеко не въ одномъ лишь «райкѣ», какъ сложилась на этотъ счетъ крайне ошибочная традиція. Примѣръ въ этомъ подала сама дирекція, запрудившая было репертуаръ александринскаго театра опереточно-наскладными фарсами, рядомъ съ ходульными мелодрамами, сшитыми изъ уголовныхъ процессовъ, когда увидѣла, что этотъ «товаръ» бойко покупается. Легкій вульгарный жанръ всегда бываетъ въ спросѣ у «черни», и — когда ему были широко и гостепріимно открыты двери казеннаго храма музъ, — наши доморощенные Мельяки и Галеви внапуски бросились поддѣлываться подъ него, дожинами стряпая пошлыи, наскоро сметанныя пьесы à propos, для «минуты», для забавы публики, начиная отъ грубо-эффектныхъ, якобы, «драмъ» Дьяченко, Николая Потѣхина и друг., и кончая многочисленными, сомнительной оригинальности, якобы, «комедіями» Виктора Александрова. Весь рецептъ драматургіи у этихъ господъ свелся къ тому, чтобы низать нѣсколько, по возможности, эффектныхъ сценъ, вывести рядъ банально-избитыхъ манекеновъ и заставить ихъ болтать разный обличительный вздоръ, выдернутый изъ вчерашнихъ фельетоновъ, — чтобы все это было дешево, сердито, горячо и общедоступно. Авторъ считалъ себя съ лихвой вознагражденнымъ, если его пьеса «легко смотрѣлась», вызывала хлопки впечатлительныхъ театраловъ изъ «первой линіи», въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ, и, вслѣдствіе этого, долго не сходила съ репертуара...

Такимъ порядкомъ, репертуаръ неопутительно засорился, и этимъ отсутствіемъ вышшаго, вполне компетентнаго, критеріума въ органѣ, рѣшающемъ выборъ пьесъ для постановки, мы обязаны кажущимся упадкомъ современной русской драмы. Что это дѣйствительно было такъ, что репертуаръ сталъ плохъ и запущенъ вовсе не отъ недостатка порядочныхъ пьесъ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ страннымъ фактомъ, что многія новыя пьесы серьезныхъ и извѣстныхъ своей даровитостью драматурговъ, какъ А. А. Потѣхина, П. Д. Боборыкина, и др., по цѣлымъ годамъ не допускались къ постановкѣ или даже вовсе забраковывались по ихъ, будто бы, нецелесообразности, а въ то же время съ готовностью, и иногда не щадя значительныхъ издер-

жекъ, ставились совершенно невозможны, по бессмысленности и безграмотности, пошлыя балаганныя пьесы какихъ-то сомнительныхъ незнакомецъ.

Явленіе это мы встрѣтимъ и въ обозрѣваемомъ сезонѣ. Кстати о предѣлахъ послѣдняго: онъ, по принятому обычаю, начинается съ августа мѣсяца и кончается, съ перерывами для праздниковъ и великаго поста, въ маѣ слѣдующаго года, захватывая собою, такимъ образомъ, около трехъ четвертей года.

Въ теченіе минувшаго сезона (1881—82 гг.) на александринской сценѣ было поставлено до двадцати новыхъ большихъ пьесъ, не считая одноактныхъ мелкихъ. Цифра — почтенная; но, конечно, въ качественномъ отношеніи, весьма немногія пьесы изъ этого числа имѣли заслуженный успѣхъ и стоили вниманія критики. Притомъ, значительная часть этихъ новыхъ пьесъ, какъ и въ прежніе сезоны, были переводныя или передѣланныя съ «заимствованнымъ сюжетомъ», какъ любятъ выражаться наши александринскіе драматическихъ дѣлъ фабриканты. Особенно любятъ и особенно мастерски утилизируютъ такія «заимствованія», обыкновенно, безъ указанія источниковъ. плодовитый г. В. Александровъ, положительно загрозоздвигшій новѣйшій нашъ репертуаръ своими ловко спитыми, сценическими и нравящимися александринской публикѣ комедіями, изъ которыхъ, впрочемъ, едва ли хотя одна переживетъ автора. Въ такого рода «заимствованіяхъ» александринскіе драматурги заходятъ иногда такъ далеко, что берутъ изъ чужихъ рукъ не только фабулу пьесы, не только ея содержаніе и характеры, но даже буквально всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ. Это бы еще не было отчего же хорошую вещь и не позаимствовать всю цѣликомъ; но худо то, что гг. заимствователи забываютъ иногда въ этомъ сознаться, и выдаютъ цѣликомъ заимствованную пьесу за свое собственное, оригинальное произведеніе. Такою забывчивостью особенно отличился въ минувшемъ сезонѣ нѣкто г. Ге, — одинъ изъ тѣхъ безызвѣстныхъ и скоропалительныхъ драматурговъ, появленіе которыхъ на александринскихъ подмосткахъ, благодаря неразборчивости дирекціи, и послужило поводомъ къ обвиненію русской драмы въ крайнемъ упадкѣ. Произведенія г. Ге, по своей пошлости, представляли собой что-то невообразимое и немислимое на скольконибудь серьезной сценѣ. Въ минувшемъ же сезонѣ онъ выступилъ съ пьесой, въ которой, къ удивленію, оказался человѣческій смыслъ. Это была комедія «На выхъ началахъ», удостоенная, вдобавокъ, первой преміи на конкурсѣ Вучины въ новороссійскомъ университетѣ, какъ русское оригинальное сочиненіе. Между тѣмъ, послѣ перваго же ея представленія, г-на Ге самымъ положительнымъ образомъ изобличили въ томъ, что свою премированную пьесу онъ цѣликомъ

и почти буквально, «заимствовалъ» изъ новѣйшаго польскаго репертуара... Подобной контрофакціей, чтобы не сказать сильнѣе, русскій театръ, до изобрѣтенія г. Ге, сколько можемъ припомнить, ни разу еще не опозоривался. Но, быть можетъ, всего удивительнѣе и характеристичнѣе было то, что, не смотря на явныя и категорическія улики въ хищеніи, ни самъ г. Ге, ни новороссійскій университетъ, ни театральная дирекція даже и не подумали принять это къ свѣдѣнію: пьеса продолжала ставиться, въ качествѣ оригинальной, принадлежащей, якобы, г. Ге, до конца сезона, и авторъ находилъ въ себѣ даже мужество, не краснѣя, выходить на вызовы публики и получать одобреніе за чужой счетъ. Мы остановились на этомъ курьезномъ фактѣ, чтобы наглядно показать, до какой распушенности и до какого неряшества доведена была сцена, благодаря казенному къ ней отношенію хозяевъ и руководителей!

Маститый нашъ драматургъ г. Островскій приобрѣлъ въ послѣднее время привычку давать ежегодно по одной новой пьесѣ и, кромѣ того, участвовать своимъ сотрудничествомъ въ пьесахъ другихъ авторовъ. Въ минувшемъ сезонѣ онъ поставилъ въ первый разъ свою новую четырехъактную комедію «Таланты и поклонники», въ которой выведенъ закулисный мірокъ провинціального театра и представлена тяжкая доля начинающей провинціальной актрисы, успѣхи которой, какъ оказывается, находятся въ прямой зависимости не отъ ея таланта, а отъ умѣнья угодить вліятельнымъ «поклонникамъ», относящимся къ ней съ грязными притязаніями. Очень грустную мораль проводитъ г. Островскій въ своей пьесѣ: торжествуетъ у него не добродѣтель, какъ это обыкновенно бываетъ въ театрѣ, а порокъ, сильный властью и богатствомъ, что всего чаще случается въ жизни. Скромная, честная дѣвушка Нѣгина, обладающая сценическимъ дарованіемъ и горячо любящая театръ, рядомъ пошлыхъ и злостныхъ преслѣдованій театраловъ-ловеласовъ изъ мѣстной провинціальной аристократіи, доводится до рѣшимости измѣнить жениху—честному, но бѣдному малому, и пасть открыто, поддавшись искушеніямъ со стороны ловкаго и богатаго «поклонника»... Авторъ искусно провелъ и обставилъ пиктригу пьесы такимъ образомъ, что помянутый печальный исходъ въ судьбѣ Нѣгиной является какимъ-то роковымъ, неизбѣжнымъ *fatum*'омъ въ жизни провинціальной актрисы. Видно, г. Островскому хорошо знакомъ этотъ обособленный мірокъ, съ его печалями и радостями, добродѣтелями и пороками, съ его угнетенными и торжествующими. Въ пьесѣ выведенъ рядъ типичныхъ представителей этого мірка,—антрепренеровъ, актеровъ и ихъ «повлонниковъ»-театраловъ изъ публики. Хотя большинство этихъ лицъ очерчены нѣсколько эскизно, но самые харак-

теры ихъ схвачены вѣрно, очень удачно противопоставлены и ярко освѣщены. Чистые, хорошіе люди, одушевленные горячимъ поклоненіемъ искусству, приходятъ въ столкновение съ безсовѣстными спекулянтами на искусство и грязными развратниками, скрывающимися подъ маской виѣшняго эlegantства и фальшивой театроманіи.

Въ нашемъ обзорѣ пріобрѣтеній минувшаго сезона мы, конечно, будемъ останавливаться только на пьесахъ, въ большей или меньшей степени талантливыхъ и литературныхъ. Слѣдя такой задачѣ, послѣ сейчасъ разобранной комедіи г. Островскаго, переходимъ, по степени достопримѣчательности, къ произведеніямъ двухъ молодыхъ драматурговъ, гг. Соловьева и Шпагинскаго, начинающихъ, «входить въ славу», хотя, покаместъ, ни одинъ изъ нихъ не создалъ еще ничего изъ ряду выходящаго. Не лишенные дарованій, оба они очень ужъ торопятся «творить», (каждый изъ нихъ поставилъ въ минувшемъ сезонѣ по двѣ большихъ пьесы), и поэтому не только не совершенствуются въ творчествѣ, но въ своихъ новыхъ произведеніяхъ являются ниже самихъ себя, сравнительно съ первыми своими комедіями. Это, къ сожалѣнію, едва-ли не общій у всѣхъ русскихъ людей недостатокъ: съ пріобрѣтеніемъ успѣха, спускать, какъ говорится, рукава, дѣлать свое дѣло спѣшно и небрежно — «тяпъ, да ляпъ, лишь-бы вышелъ ко-рабль».

Такою именно тяпъ—да—ляпною работою отличалась пьеса «Прославились», принадлежащая перу г. Соловьева, который пріобрѣлъ впервые довольно громкую извѣстность своей, хорошо написанной и весьма распространенной, комедіей «Женитьба Блудгина». Г. Соловьевъ—драматургъ съ «направленіемъ», но довольно страннымъ и одностороннимъ. Онъ играетъ на фальшивой струнѣ прославленія замоскворѣцкой, будто-бы неспорченной, «самобытной» натуры, въ контрастъ съ осмѣиваемой авторомъ «гнилой» европейской «образованностью» и культурностью. Онъ выводитъ въ своихъ пьесахъ на подборъ «интеллигентныхъ» пошляковъ и негодяевъ, противопоставляя имъ замоскворѣцкія «самобытныя» добродѣтели, доблести и подвиги. Выходитъ такое нравоученіе, что «натура»-де лучше «образованности»; а замоскворѣцкій Деруновъ или Разуваевъ чище, выше и дѣльнѣе лядящихъ «европейцевъ». Все это, безъ сомнѣнія, возможно; безъ сомнѣнія, среди интеллигенціи есть очень много дряни, передъ которой нетронутая цивилизаціей дѣти природы окажутся олицетвореніемъ духовной чистоты и нравственной крѣпости, хотя очень спорно, чтобы такія моральныя сокровища особенно процвѣтали въ Замоскворѣчьи. Г. Островскій, вдоль и поперекъ изучившій этотъ міръ и, конечно, во сто кратъ

пристальнѣе и основательнѣе г-на Соловьева, что-то немного представилъ намъ положительныхъ типовъ, а—напротпвъ—вывелъ цѣлую галерею безобразныхъ, въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Г. Соловьевъ, впрочемъ, не гонится за правдой и изученіемъ жизни, — онъ только гнетъ свое «направленіе» и, ради этого, с о ч и н я е т ь нелѣпости, въ родѣ его пьесы «Прославились». Основаніемъ ея послужилъ неправдоподобный и глупый анекдотъ, какъ одинъ невѣжественный купецъ, жившій по старинѣ, вздумалъ съ одного маху завести у себя въ домъ, въ семьѣ, въ образѣ жизни и привычкахъ дешевую «образованность», выписанную изъ столичныхъ модныхъ магазиновъ, да взятую на прокатъ у мѣстной провинціальной «интеллигенціи». Вышелъ, разумѣется, нелѣпый «водевиль съ переодѣваньемъ», во вкусѣ «вороны въ павлиньихъ перьяхъ», кончившійся тѣмъ, что въ одно прекрасное утро купецъ «очухался» и — всю «образованность» съ него какъ рукой сняло. Онъ опять возвращается къ прежнему образу жизни по старинѣ... Фарсъ этотъ былъ бы забавенъ, еслибъ въ немъ не сквозила задняя мысль автора, еще рельефнѣе проведенная имъ въ «Женитьбѣ Блугина», что смѣшно-де и безразсудно мѣнять крѣпкую и здоровую замоскворѣцкую «самобытность» на «гнилую» европейскую «образованность». Худо именно то, что г. Соловьевъ, дѣлая свои сопоставленія «самобытниковъ» съ «интеллигенціей», къ невыгодѣ и осмѣянію послѣдней, старается вывести изъ этого общее правило и доказать зрителю, что «образованность», вообще, — не Богъ вѣсть какое сокровище, что безъ нея можно и даже должно обойтись, ибо она растлѣиваетъ нравы, ослабляетъ тѣло и душу... Спрашивается, какой можетъ быть смыслъ въ такой проповѣди, особенно у насъ, когда и безъ того образованность наша не въ авантажъ обрѣтается?—Смысла тутъ нѣтъ никакого, а если онъ есть, то очень скверный...

Это-то «направленіе» прежде всего вредитъ самому г. Соловьеву. вмѣсто того, чтобы наблюдать и изучать жизнь, и воспроизводить ее, какъ она есть, онъ—с о ч и н я е т ь задачи для доказательства истинности исповѣдуемаго имъ теоретическаго возрѣнія, и вмѣсто того, чтобы быть просто художникомъ, онъ напяливаетъ на себя тогу тенденціознаго учителя и моралиста... Выходитъ жалко и смѣшно. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ пьесахъ онъ отрѣшается отъ этой тенденціозности, какъ отрѣшился отъ нея въ другой своей, поставленной имъ тоже въ описываемый сезонъ, новой комедіи: «Медовый мѣсяцъ». Положимъ, и эта вещь написана на задачу—доказать, что счастливый бракъ, при самомъ добродѣтельномъ, идеальномъ супругѣ, непроченъ безъ взаимной любви; но все-

таки здѣсь разработано авторомъ несомнѣнно жизненное явленіе и разработано мастерски. Онъ вывелъ пару супруговъ, вступившихъ въ бракъ совершенно случайно и при огромномъ несходствѣ въ положеніи, въ лѣтахъ, въ характерахъ, въ привычкахъ, въ умственномъ развитіи. Онъ—профессоръ, погруженный въ науку, кабинетный человѣкъ не первой уже молодости, но восторженный и непрактичный, какъ студентъ; она—едва вышедшая изъ отрочества дѣвочка, неразвитая, наивная мѣщаночка, «безъ свѣтскаго воспитанія», не имѣвшая понятія, что такое любовь, что такое бракъ. Когда профессоръ съ бухты-барахты предложилъ ей сдѣлаться его женою, она соглашается, но просто—изъ какого-то дѣтскаго любопытства и потому, что ей кажется забавнымъ назваться супругой и «дамой». На несчастье, является другъ профессора—такой-же мудрый и ученый, но лѣтами помоложе, и фигурой поавантажиѣе. Естественно, молодая женщина влюбляется въ этого друга и отсюда происходитъ семейная драма. Другъ остается равнодушнымъ къ героинѣ и, кромѣ того, изъ принципа и дружбы, старается навратить ее на путь исполненія супружескаго долга. Конечно, это ему не удается и—героиня, объявивъ, что она сбѣжитъ «на улицу», уходитъ въ монастырь... Развязка выходитъ крайне экстравагантной и немножко бессмысленной, хотя бы уже потому, что трудно найти что нибудь общее между рѣшимостью бѣжать на улицу и затворничествомъ въ монастырѣ; но, какъ говорили «свѣдущіе люди», улица была здѣсь подмѣнена монастыремъ, ради морали, цѣломудренными ригористами театральной дирекціи. Впрочемъ, и помимо этой забавной поправки, развязка была бы странной и неправдоподобной. Внезапныя паденія, до уличнаго разврата, съ порядочными женщинами случаются, хотя слишкомъ рѣдко; но едва-ли можетъ быть способна на это такая наивная, молоденькая, едва созрѣвшая женщина-пѣвчочекъ, какою представилъ авторъ героиню «Медового мѣсяца».

Г. Шпажинскій, съ успѣхомъ дебютировавшій своею оригинальной по замыслу и бойко написанной комедіей «Майорша», тоже продолжаетъ усердно обогащать нашъ репертуаръ и, опять таки, подобно г. Соловьеву,—повторяться, мало обнаруживая прогрессивности въ развитіи своего дарованія. Его новая комедія «Въ забытой усадьбѣ»—по своей сущности и замыслу, а также по характерамъ дѣйствующихъ лицъ, во многомъ напоминаетъ «Майоршу». Интересъ пьесы вращается на сопоставленіи и столкновеніи двухъ женскихъ характеровъ—гордой, эгоистичной и своейравной дѣвицы Глафиры, съ одной стороны, и съ другой—кроткой, любящей и нѣжной сиротки Тани. Столкновение между ними происходитъ изъ-за обладанія прекраснымъ княземъ Красавинымъ, который влюбляется въ Таню, хотя она и

не ищетъ его вниманія. Онъ уже готовъ на ней жениться, какъ мгновенно заподозриваетъ ея чистоту и добродѣтель, благодаря злоехидной интригѣ ревнующей Глафиры, которая разными козвенными путями внушаетъ князю подозрѣніе, что Таня обманываетъ его, что она находится въ связи съ сельскимъ учителемъ — молодымъ человѣкомъ Годорубовымъ... Князь, вслѣдствіе этого, сурово отвергаетъ Таню и — она погибаетъ невинной жертвой злой соперницы. Какъ можно судить изъ этой фабулы, г. Шпажинскій разводитъ здѣсь очень старую, истрепанную канитель и, притомъ, не особенно искусно. Хорошо очерчены въ пьесѣ только нѣкоторые свѣжіе, живьемъ схваченные характеры второстепенныхъ лицъ: сельскаго портнаго-пьяницы, жены его, старика-лѣсника, пропившагося барина-приживальца Юрисова и друг.

Конечно, въ числѣ новыхъ пьесъ неизбѣжны произведенія плодовитаго г. Александрова, который печетъ ихъ, какъ блины. За обзорѣаемый сезонъ онъ поставилъ двѣ своихъ пьесы: во первыхъ, «Шалость — изъ альбома путешественника по Италіи», пьесу въ такъ называемомъ «гишпанскомъ» вкусѣ и несомнѣнно «заимствованную», хотя авторъ и умолчалъ объ этомъ. Занимствованность ея, впрочемъ, вовсе не стоило, потому что это — плохая вещь, а въ передѣлкѣ на русскіе нравы даже недѣльная. Вторую комедію: «Городъ упраздняется», г. Александровъ написалъ со обща съ г. Случевскимъ. Эта пьеса имѣла большой и заслуженный успѣхъ, не смотря на свою анекдотичность. Жителямъ одного захолустнаго провинціального городка вообразилось, что начальство намѣрено его упразднить. Изъ-за этого весь сыръ боръ загорается среди встревоженныхъ обывателей. Проходитъ рядъ забавно-комическихъ сценъ, въ которыхъ авторы довольно живыми красками обрисовываютъ провинціальные нравы и типы, начиная съ городничаго и кончая мѣстнымъ «аблакатомъ» изъ писарей. Написанныя безъ претензій, эти сцены смотрятся легко и заставляютъ зрителя смѣяться незлобивымъ смѣхомъ. Такихъ веселыхъ бытовыхъ пьесъ очень мало въ нашемъ репертуарѣ, а въ репертуарѣ г. Александрова «Городъ упраздняется» — положительно лучшее изъ его произведеній, хотя неизвѣстно, въ какой долѣ раздѣляетъ онъ въ немъ авторскія права съ г. Случевскимъ.

Мы затрудняемся — на чемъ остановить еще вниманіе читателя, послѣ упомянутыхъ сейчасъ пріобрѣтеній нашей драмы за истекшій сезонъ. Кажется, мы отмѣтили все, достойное скольконибудь упоминанія, если говорить о пьесахъ оригинальныхъ. Что касается такихъ вещей, какъ напр., комедія г. Вильде, «Арахнея», и «картины петербургской жизни съ куплетами» гг. Худекова и Минаева, подъ названіемъ «Кассиръ», то — чѣмъ менѣе о нихъ говорить и чѣмъ скорѣе онѣ будутъ забыты, тѣмъ

должно быть пріятнѣе для самихъ авторовъ. Онѣ не выдерживаютъ и не стоятъ никакой критики и, при большей разборчивости, при большемъ вкусѣ чиновныхъ цѣнителей и судей александринаго репертуара, никогда-бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, были поставлены на сцену.

Изъ пьесъ съ «заимствованнымъ сюжетомъ» имѣли нѣкоторый успѣхъ недурныя по мысли и по концепціи комедіи: «Дѣшпанная» и «Тетя Лиза»—особенно послѣдняя, благодаря том главнымъ образомъ, что роль героини въ ней безподобно исполняла талантливая г-жа Федотова. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ александринской труппѣ вообще.

И въ публикѣ и въ печати давно слышались жалобы на упадокъ этой труппы, на отсутствіе въ ней талантовъ или по крайней мѣрѣ, на ихъ бѣдность. Опять таки, должно сказать что жалобы эти были весьма преувеличены. Правда, великихъ талантовъ, сценическихъ геніевъ мы нынче не имѣемъ, но средній уровень александринской труппы достаточно высокъ и едва ли былъ когда нибудь выше. Въ ней можно найти безспорно даровитыхъ, хорошихъ исполнителей на всевозможные ампла и роли. Такими исполнителями мы можемъ назвать—изъ мужскаго персонала: гг. Нильскаго, Сазонова, Степанова 1-го, Петипа, Варламова, Давыдова, Горева, Горбунова, Шкаринна, Киселевскаго, Зубова и др., а изъ женскаго: г-жъ Савину, Дюжикову, Васильеву, Абаринovu, Жулеву, Левкиеву, Стрѣльскую, Стремлянову, Читау 2-ую и др. Всѣ эти актеры и актрисы, въ совокупности, представляютъ такую труппу, лучше которой трудно пожелать въ настоящее время. Нѣкоторые же изъ нихъ, какъ напр., г-жа Савина и г. Давыдовъ, могутъ назваться высоко-талантливыми. Съ присоединеніемъ же къ александринской труппѣ, въ такой же степени, высоко-талантливыхъ московскихъ знаменитостей—г-жи Федотовой и г. Ленскаго, наша труппа дѣлается положительнo блестящей. Нужно только умѣть пользоваться ея силами; чего и не доставало до сихъ поръ распорядителямъ александринской сцены. Обыкновенно въ раздачѣ ролей происходила, чуждая интересамъ искусства, дѣлежка между фаворитами и баловнями по кумовству. При существованіи «разовыхъ», актеры, помимо артистической *jealousie du métier*, естественно, на перебой рвались почаще играть; отсюда заводились псаательства и интриганства. Ловкіе и вліятельные люди заполучили лучшія роли, въ силу фавора, безъ соображенія—въ какой степени они къ нимъ годны, и въ прямой ущербъ актерамъ, обойденнымъ фортуной и милостью начальства, а также, понятно, и къ урону самихъ ролей. Такимъ образомъ, счастливые актеры, хотя и даровитые, но не относящіеся строго къ себѣ, безъ разбора нахватывали по многу ролей, не успѣвали ихъ хорошенько разучивать, да и

НЕДОСТАТОКЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

...и ихъ средствамъ. Актеры портили
 ...и сами актеры портили
 ...порядку, не соот
 ...известной
 ...разовыхъ. Во всякомъ
 ...при болѣе рациона
 ...сказать, что, при болѣе рациона
 ...наличными силами александ
 ...до сихъ поръ, не останется
 ...что труппа эта, б
 ...дарованіями.
 ...и бѣдна дарованіями.

Главнѣйшій недостатокъ современной средней школы

...отчету эльзасско-лотарингской медицинской
 ...о чрезмерномъ обремененіи учащих
 ...занятіями ста
 ...во всѣхъ государ
 ...Сознаніе, что современная
 ...и часто не соответ
 ...напряженія, угрожаетъ ослаб
 ...и душевнаго здоров
 ...серьезное бе
 ...и въ пр
 ...общимъ и вызываетъ озабочены эт
 ...европейскихъ обществахъ, не только въ мн
 ...еще время, всего болѣе
 ...выражается не только
 ...педагоговъ и медиковъ, но и
 ...въ той, то
 ...равно какъ въ учрежденіи правительст
 ...назначенной
 ...Лотарингій, генераль-фельдмаршаломъ
 ...государственнаго секре
 ...докторовъ и профессоровъ медицин
 ...состояніе средня
 ...столько современное
 ...стоитъ въ соответств

ніями физическаго здоровья и «умственной свѣжести» націи. Отчетъ этотъ касается не только вопроса объ обремененіи учащихъ занятіями, но и средствъ, которыми можно отчасти предотвратить вредныя дѣйствія школьныхъ занятій на здоровье, каковы: физическія упражненія, мѣры къ охранѣ зрѣнія и наиболѣе цѣлесообразное устройство школьныхъ помѣщеній. Каждый изъ этихъ вопросовъ былъ рассмотрѣнъ въ особой группѣ комиссіи; мнѣнія каждой группы специалистовъ были, въ свою очередь, рассмотрѣны въ общемъ собраніи комиссіи, и затѣмъ уже былъ составленъ отчетъ, который напечатанъ въ настоящее время, между прочимъ, въ «Philologische Wochenschrift» (№№ 39—41). Составленіе отчета относится къ августу текущаго года.

Въ данномъ случаѣ, насъ интересуеетъ всего болѣе то, что назначенная генералъ-фельдмаршаломъ Мантѣйфелемъ комиссія говоритъ по вопросу объ обремененіи учащихся умственными занятіями. Извѣстно, что въ Германіи, какъ и у насъ въ Россіи, есть упрямые люди, отвергающіе это обремененіе и готовые, пожалуй, навалить на несчастныхъ дѣтей еще новыя тягости. Люди эти, нерѣдко очень вліятельные въ школьной администраціи, упорно стоятъ на своемъ и, мало елушаясь доказательствъ опыта и разума, смотрятъ на всякое заявленіе въ пользу облегченія дѣтей отъ непосидной тяжести, какъ на какое-то святотатство или какъ на преступное стремленіе понизить уровень національнаго образованія. Мнѣнія людей компетентныхъ и безпристрастныхъ, избранныхъ къ тому же въ качествѣ экспертовъ самимъ правительствомъ Эльзаса и Лотарингіи, никакъ не можетъ быть заподозрѣно въ преступныхъ замыслахъ даже въ московской печати, и потому должно имѣть особое значеніе. Понятно, почему мы хотимъ познакомить съ нимъ интересующихся школьнымъ вопросомъ русскихъ читателей.

Существуетъ ли обремененіе учащихся, или нѣтъ? Достигаютъ ли современныя среднія школы своей цѣли безъ опасности для тѣлеснаго здоровья и умственной свѣжести учащагося юношества? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, члены комиссіи, прежде всего, ссылаются на свои собственные наблюденія и заявляютъ, что ихъ поражаетъ странное явленіе: молодой студентъ медицины, послѣ десятилѣтняго гимназическаго ученія, с л и ш к о м ъ ч а с т о (zu häufig) оказывается неспособнымъ да-

отвѣты на краткіе

новательные **и** всякій ч е л о в ѣ к ъ съ здрав

ментарнымъ образованіемъ точно

участъ отвѣчаетъ. Это, по слова

взятъ верха надъ природны

свѣжестью». **Въ** подобныхъ случаяхъ рѣчь идетъ не о

своими способностями молодыхъ людяхъ, но пробн

школьной системы должно служить ея вліяніе не на в

на посредственные умы. Хорошая голова можетъ по

безъ систематическаго школьнаго ученія, какъ это

живыми примѣрами многихъ американскихъ государс

тей и разныхъ изобрѣтателей. Но несомнѣнно, что нѣ

анская школа, не смотря на то, чтои научное знаніе

равно глубоко и шире, и учителя гораздо лучше под

ему дѣлу, и преподаваніе основано на гораздо б

ладкѣ, и нѣсколько не дѣлаетъ людей болѣе зрѣлым

горазд **о** хуже **об**ставленная школа, сорокъ л

Такъ **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

юденіе **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

къ, по **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

то увели **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

а поднят **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

ихся, а н **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

блугу. Опы **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

ный. Хоро **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

готовое знані **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

ности с **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

томъ, какъ **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

томъ разви **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

мали чер **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

А между **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

ма прямо **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

шества **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

тся въ **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

нвъ т **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

же въ **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

инис **о** говорить членамъ комиссиі ихъ неп

аго, и отъ себя самой заявляетъ:

«Всякій, занимавшійся практикою, врачъ долженъ будетъ согласиться съ нами, что школа тѣмъ скорѣе ведетъ ко всякаго рода разстройствамъ въ отправленияхъ нашего тѣла, чѣмъ чаще и чѣмъ дольше она принуждаетъ ученика къ сидячему или согнутому положенію, чѣмъ больше она ограничиваетъ свободное движеніе, чѣмъ больше дѣлаетъ притязаній на приспособительную способность глазъ, чѣмъ исключительное приводитъ въ дѣятельность или ставитъ внѣ ея извѣстныя мускулы туловища и оконечностей, чѣмъ больше напрягаетъ, раздражаетъ и утомляетъ мозгъ слишкомъ рановременною, трудною или слишкомъ продолжительною умственною работою; наконецъ, чѣмъ менѣе въ ея помѣщеніяхъ приложено заботы относительно свѣта, воздуха и теплоты. Кромѣ того, школа передаетъ разнаго рода заразы; изъ нихъ тѣлесныя едва ли наихудшія, пагубнѣе же ихъ нравственныя, которыя всего болѣе тамъ распространяются, гдѣ всего менѣе удѣляется времени для освѣжающей тѣлесной дѣятельности, и гдѣ преподаваніе, отворачиваясь отъ идеальнаго и отказываясь отъ воспитанія характера, имѣетъ въ виду только передачу мертваго знанія».

Перечисляя разныя, всѣмъ извѣстныя школьныя болѣзни, каковы—частая головная боль, кровотеченіе изъ носа, дурное пищевареніе, малокровіе, ослабленіе и искривленіе позвоночнаго столба, слабогрудіе и т. п., коммиссія полагаетъ, что многое могло бы быть предупреждено цѣлесообразнымъ устройствомъ школьныхъ помѣщеній и скамеекъ, правильнымъ освѣщеніемъ, провѣтриваніемъ, отопленіемъ и хорошо устроенною гимнастикой, еслибы не было главнаго зла—обремененія занятіями. «Что можетъ принести пользу на продолжительное время, коль скоро ребенокъ, хотя бы и въ обширнѣйшихъ, превосходно освѣщенныхъ и натопленныхъ залахъ, на скамьѣ, замысловатѣйшимъ образомъ устроенной, долженъ сидѣть, почти день за день, по шести, а если прибавить къ урокамъ домашнія занятія, то и по 8, 10 и даже по 12-ти часовъ въ сутки, то внимательно слушаая, то читая, то занимаясь письмомъ и черченіемъ, но постоянно при бездѣятельности тѣла, при умственномъ напряженіи?»

Фактъ чрезмѣрнаго обремененія учащихъ занятіями въ среднихъ заведеніяхъ для эльзасско-лотарингской медицинскои коммисіи не представляетъ никакого сомнѣнія, какъ фактъ, не только

засвидѣтельствованный медицинскими обществами, учительскими съѣздами, парламентскими преніями, но и признанный министерскими циркулярами германскихъ правительствъ, какъ напр. прусскаго и саксонскаго. Но еслибы кто нибудь все-таки сомнѣвался въ немъ, то существуютъ на лицо два обстоятельства, которыя подтверждаютъ его, такъ сказать, математически. Первое обстоятельство то, что изъ молодыхъ людей, учившихся въ среднихъ школахъ и являвшихся добровольцами въ военную службу, по даннымъ прусскаго статистическаго комитета, по меньшей мѣрѣ 80% оказываются физически негодными къ военной службѣ, тогда какъ изъ остальныхъ кандидатовъ на военную службу, въ то же время, лишь отъ 40% до 50% были признаваемы къ ней неспособными, и то зачастую лишь временно. Это обстоятельство тѣмъ болѣе поразительно, что молодые люди, учившіеся въ гимназіяхъ, принадлежатъ, по происхожденію, къ наиболѣе благопріятно обставленнымъ въ жизни классамъ населенія. Второе обстоятельство заключается въ томъ, что, какъ это подтверждено многократно окулистами, близорукость въ нѣмецкихъ школахъ увеличивается съ каждымъ классомъ, достигая въ двухъ высшихъ классахъ 53% учащихся.

Принимая во вниманіе два вышеуказанные факта—пониженіе годности къ военной службѣ и крайнее развитіе близорукости,—коммиссія обращаетъ вниманіе правительства на то, что положеніе дѣла серьезно, и что «состояніе здоровья въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи, а слѣдовательно и въ Эльзасѣ-Лотарингіи,—такъ какъ и здѣсь имѣютъ силу одинаковыя постановленія,—дурно до того, что «прямо угрожаетъ государственному интересу» и что главную роль въ этомъ играетъ именно чрезмѣрное обремененіе юношества уроками (*Überbürdung der Jugend mit Arbeitsstunden*), не безъ содѣйствія, впрочемъ, и другихъ недостатковъ школьной организаціи. Коммиссія не рѣшается при этомъ, за недостаткомъ прочнаго статистическаго матеріала, высказаться съ положительностью относительно вліянія современной школы на развитіе сумасшествія и самоубійства, хотя и признаетъ несомнѣннымъ фактъ увеличенія этихъ явленій между учениками средней школы. Она замѣчаетъ только, что, когда рѣчь идетъ о вліяніи школы на развитіе душевныхъ болѣзней, нельзя

имѣть въ виду лишь случаи помѣшательства и самоубійствъ въ самомъ школьномъ возрастѣ, но слѣдуетъ брать во вниманіе особенно тѣ случаи умственнаго разстройства и другихъ нервныхъ болячекъ въ послѣдующее время, которыя являются нерѣдко прямыми результатами чрезмѣрнаго мозгового и нервного раздраженія у дѣтей во время ихъ ученія въ гимназіяхъ.

Считая совершенно необходимымъ для учениковъ гимназій значительное уменьшеніе какъ школьныхъ уроковъ, такъ и времени домашнихъ занятій, члены комиссіи приняли на себя трудъ опредѣлить высшую норму часовъ умственныхъ занятій, для каждаго года дѣтскаго возраста, равно какъ и указать на тѣ гигиеническія мѣры, которыя способствуютъ поддержанію въ учащихся здоровья и парализуютъ до нѣкоторой степени вредное вліяніе продолжительнаго умственнаго напряженія. Но передача дальнѣйшаго содержанія отчета повела бы насъ далеко. Нашею цѣлью было — лишь указать на то, что компетентные люди въ Германіи считаютъ наибольшимъ и опаснѣйшимъ недостаткомъ современной школьной организаціи, которая, какъ извѣстно, перенесена изъ Германіи и къ намъ съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями. Если недостатки эти начинаютъ вызывать безпокойство и представлять государственную опасность у нашихъ сосѣдей, то не пора ли и у насъ обратиться на нихъ, наконецъ, серьезное вниманіе?

В. М.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Слухи о медицинской академіи; причины и значеніе этихъ слуховъ.—Возрожденіе кадетскихъ корпусовъ.—Вѣроятный исходъ преобразованія военныхъ гимназій въ корпуса.—Мнѣніе Ш-го Отдѣленія о врачебныхъ женскихъ курсахъ.—М. Н. Катковъ—въ роли защитника высшаго женскаго образованія.—Упраздненіе врачебныхъ курсовъ и отношеніе къ этому факту общества.—Призракъ церковно-приходскихъ школъ и отношеніе къ нему печати и общества.—«Возвращеніе вспять».—Временныя правила о печати.—Крахъ скопидонскаго общественнаго банка и обстоятельства, способствующія крахамъ.—Городское представительство и поквартирный налогъ.

Едва состоялось въ прошломъ году преобразованіе хирургической академіи въ военно-медицинское учебное заведеніе, какъ появился слухъ о возстановленіи первыхъ двухъ курсовъ, или—что то же—объ оставленіи академіи въ прежнемъ видѣ, такъ что самое преобразованіе ея заключалось бы исключительно въ переименованіи, соединенномъ однако съ искусственнымъ вербованіемъ студентовъ трехъ старшихъ курсовъ въ военно-медицинскому вѣдомству, посредствомъ объявленія стипендій. Слухъ этотъ пока не оправдался, но за то, а продолжаетъ болѣе и болѣе развиваться и такъ, напримѣръ, въ послѣднее время сообщалось о существующемъ, будто-бы, предположеніи не только упраздненныя первые два курса академіи, но и «вывести прежнее ея значеніе и права, т. е. уничтожить медицинскую специализацію. Въ какой-нибудь держатся уже болѣе года, доказываетъ, что преобразование хирургической академіи не удовлетворяетъ времени преобразованія медико-хирургической академіи, которое обыкновенно въ академіи было равно двумъ годамъ, до такой степени упало, что «добрая часть первыхъ двухъ курсовъ академіи рассчитывается незанятою». Такой исходъ нужно было предвидѣть, что стипендіи привлекутъ учащихся, прошедшихъ университетъ по естественному или медицинскому факультету, въ университетамъ. Расчетъ совершенно ошибочный. Ступенчатость просуществовать кое-какъ два года, но гарантированъ уже въ дальнѣйшемъ прохожденіи такого студента непременно есть какой нибудь стипендія; главное же—прошедшіе первые два

курса въ университетахъ становятся въ такіа опредѣленные отношенія къ профессорамъ (мы говоримъ о медицинскомъ и естественномъ факультетахъ, гдѣ практическія занятія очень сближаютъ между собою студенческую и профессорскую среду), что переимѣнить университетъ бываетъ, обыкновенно, весьма затруднительно. Упраздняя первые два курса академіи, можно было бы рассчитывать на привлеченіе учащихся изъ университетовъ въ томъ лишь случаѣ, еслибы преобразование ея въ специальное военно-медицинское учрежденіе было связано съ какиибудь усовершенствованіемъ въ научномъ отношеніи. Между тѣмъ, наоборотъ: преобразование академіи вызвало замѣтное ослабленіе въ ней преподавательскихъ силъ. Наконецъ, получившіе медицинское образованіе въ университетахъ имѣютъ то преимущество передъ выпускаемыми изъ военно-медицинской академіи, что первымъ открыта врачебная дѣятельность во всѣхъ вѣдомствахъ, не исключая и военнаго, тогда какъ послѣдніе имѣютъ выходъ только въ военное вѣдомство.

Всѣ эти «слухи» объ академіи представляютъ весьма характерное напоминаніе о той ошибкѣ, которая была допущена преобразованиемъ медико-хирургической академіи въ военно-медицинское учрежденіе. Нормальнымъ признаѣтся одинъ врачъ на 250 человѣкъ населенія; при скученности же населенія—одинъ на 500 человѣкъ. У насъ же въ Россіи, одинъ врачъ, въ среднемъ выводѣ, приходится на 50,000 человѣкъ. Фактъ колоссальнѣйшей недостаки у насъ врачей даетъ возможность понять, какъ непосредственно касается общества судьба академіи и съ какиимъ напряженнымъ вниманіемъ оно будетъ всегда слѣдить за превратностями дравнѣйшаго въ Россіи медицинскаго учебнаго заведенія, имѣвшаго общегосударственное значеніе и вдругъ, совершенно неожиданно, сдузившагося до удовлетворенія потребностей только военнаго вѣдомства. Безспорно, военному министерству необходимы врачи: но они необходимы также и министерствамъ—морскому, внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, какъ необходимы, наконецъ, земству, городскому управленію и т. д. Иначе говоря, запросъ военнаго министерства на врачей—это капля въ морѣ, сравнительно съ общимъ на нихъ запросомъ. Значить, приспособленіе медицинской академіи къ потребностямъ одного только военнаго вѣдомства имѣло характеръ—скромно выражаясь—полнѣйшаго забвенія о томъ, что все вообще русское населеніе и въ селахъ, и въ городахъ, и въ земской, и въ дореформенной Россіи ощущаетъ самый крайній недостатокъ во врачахъ. Но что же сказать о такомъ «приспособленіи» академіи, которое грозитъ недостакою врачей даже и военному вѣдомству? Какъ хотите, а убыль учащихся въ акаде-

ми и стипендіи, не находящія охотниковъ получать ихъ,—это очень краснорѣчивые и выразительные факты.

Огромный запросъ на врачей, слишкомъ реально ощущаемый во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности, рѣшительно не даетъ возможности предположить, чтобы въ основѣ преобразования медико-хирургической академіи могло лежать стремленіе къ уменьшенію числа обучающихся медицинѣ. Кому, какой партіи, какому направленію можетъ помѣшать увеличеніе количества врачей? Но на практикѣ оказывается, что «приспособленіе медико-хирургической академіи къ нуждамъ военнаго вѣдомства» выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что нѣтъ охотниковъ получать стипендіи, такъ что, чего добраго, въ недалекомъ будущемъ, при такомъ порядкѣ вещей, число учащихся въ академіи можетъ сойти на нѣтъ. Чтобы выйти изъ такого непригоднаго во всѣхъ отношеніяхъ «приспособленія» академіи къ военному вѣдомству, ничего болѣе не остается, какъ хлопотать объ открытіи первыхъ двухъ курсовъ, т. е. добиваться возстановленія академіи въ прежнемъ ея видѣ и значеніи. Содержаніе академіи, съ ея клиниками, лабораторіями и кабинетами стоитъ чрезвычайно дорого. До преобразования медико-хирургической академіи, когда эти затраты производились на образованіе огромной массы учащихся, когда академія ежегодно выпускала сотни врачей,—никто, разумѣется, не считалъ и не могъ считать эти расходы громадными. Но съ отпаденіемъ отъ академіи первыхъ двухъ курсовъ, особенно же въ виду такого оборота дѣла, что и стипендіи остаются незамѣченными, затраты, производимыя на нынѣшнюю военно-медицинскую академію, не отвѣчаютъ и не могутъ отвѣчать производительности этого рассадника военныхъ врачей. Расходы Россіи на военную часть слишкомъ велики (поглощаютъ около трети всего государственнаго бюджета), чтобы можно было прибѣгать къ искусственному возвышенію расходовъ по образованію военныхъ врачей, да притомъ еще съ огромнымъ ущербомъ въ довѣтвеніи обще-государственнаго запроса на медицинское образованіе.—

Въ возвратѣ военныхъ гимназій къ типу кадетскихъ корпусовъ, блаженной памяти, есть очень много аналогичнаго съ преобразованиемъ медико-хирургической академіи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, обществу нанесенъ огромный ущербъ въ образовательномъ отношеніи, съ явнымъ, въ то же время, ущербомъ и для военнаго вѣдомства, въ интересахъ котораго, будто бы, произошли эти преобразования. И медико-хирургическая академія, и военныя гимназіи пользовались симпатіями общества, чего никакъ нельзя сказать о военно-медицинской

академіи и, тѣмъ болѣе, о кадетскихъ корпусахъ. Незавидна репутация бурсы; но репутация корпусовъ и того хуже.

Цѣль замѣны военныхъ гимназій корпусами—подъемъ дисциплинарнаго духа. Но дисциплина—дисциплины рознь. Есть дисциплина, принижающая личность человѣка, убивающая въ немъ чувство чести и долга, огрубляющая нравственно, деморализующая,—это такъ называемая «фельдфебельская выправка». Но есть также дисциплина гуманная—подъемъ умственнаго и нравственнаго уровня, или—что то же—дисциплина, основанная на нравственной свободѣ облагороженной личности человѣка, а не на обращеніи его въ бессознательную машину.

Мы, русскіе, на опытѣ извѣдали результаты той и другой дисциплины. Въ крымскую войну намъ пришлось собирать горестные плоды той дисциплины, вся мудрость которой исчерпывается «фельдфебельской выправкою» и которой совершенно незнакомо гражданское чувство. Наоборотъ-же: въ нашу послѣднюю войну съ Турціею, единственно, что спасло насъ—дисциплина иного рода, т. е. дисциплина, уже нѣсколько облагороженная, подъ влияніемъ военныхъ гимназій и всесословной воинской повинности.

Та симпатія, съ которою русское общество относилось всегда къ военнымъ гимназіямъ, вполне заслужена ими. Это единственные въ Россіи среднееучебныя заведенія, въ которыхъ, при постановкѣ учебно-воспитательной части, сформировались не съ тѣми или иными предвзятыми цѣлями, а единственно—съ современными требованіями педагогической науки. Чтобы отдать послѣднюю дань уваженія этимъ безвременно погибшимъ, лучшимъ нашимъ среднееучебнымъ заведеніямъ, остановимъ вниманіе читателей на «инструкціи по воспитательной части для военныхъ гимназій и прогимназій». Эта скромная книжечка не имѣетъ ничего общаго съ казенными «инструкціями». Къ сожалѣнію, наша печать, почему-то (быть можетъ, вслѣдствіе незаманчиваго заглавія), «промолчала» эту книгу, какъ промолчиваетъ она и другія, еще болѣе серьезныя явленія. Между тѣмъ, содержаніе ея глубоко-поучительно.

Изъ всѣхъ среднееучебныхъ заведеній, только въ военно-учебныхъ обращалось вниманіе на сочетание моральнаго развитія съ физическимъ трудомъ. «Воспитанники военныхъ гимназій и прогимназій—говорится въ «инструкціи» — въ свободное отъ классовыхъ и другихъ обязательныхъ занятій время обучаются, по усмотрѣнію ближайшаго начальства каждаго заведенія, слѣдующимъ мастерствамъ: переплетному и футлярному, литографскому, столярному съ выпилкою изъ фанеръ и рѣзбою по дереву, токарному, садоводству съ огородничествомъ и комнатному цвѣтоводству». Выборъ тѣхъ или другихъ родовъ мастерства

«обуславливался мѣстными особенностями каждаго заведенія». Въ распредѣленіи ремесленныхъ занятій между учащимися сообразовались съ «собственнымъ желаніемъ каждаго изъ учащихся» и притомъ такъ, «чтобы избранный воспитанникомъ родъ занятій не оказывалъ вреднаго вліянія на здоровье». Ремесленные занятія велись такъ, чтобы «всѣ находящіяся въ мастерской воспитанники работали прилежно и дѣйствительно научались дѣлу, а не играли имъ».

Весьма труденъ, въ педагогическомъ отношеніи, переходный возрастъ отъ дѣтства къ юности. Заботливо, предусмотрительно и благоразумно относилось къ этому военно-учебное вѣдомство.

«Особеннаго вниманія—говорится въ «Инструкціи»—требуетъ періодъ пробужденія половой системы, въ нормальныхъ случаяхъ наступающій въ возрастѣ отъ 13-ти до 17-ти лѣтъ. Для возможнаго предупрежденія слишкомъ ранняго полового развитія и связанныхъ съ нимъ чувственныхъ возбужденій, порочныхъ привычекъ и, вообще, нравственнаго паденія, необходимы: участливый и бдительный надзоръ воспитателя, пользующагося полнымъ довѣріемъ своихъ воспитанниковъ, тщательное отстраненіе въ ихъ жизни всѣхъ факторовъ, изнѣживающихъ и расслабляющихъ тѣло, въ особенности же такихъ забавъ, кои способны возбуждать чувственность и развращать воображеніе (не соответствующія возрасту и общимъ условіямъ воспитанія: игры, бесѣды, книги, картины, спектакли и другія развлеченія), доброе вліяніе товарищей, устраненіе праздности, усиленная душевная дѣятельность съ живымъ къ ней интересомъ, благородная идеализація помысловъ, цѣлесообразныя физическія упражненія, возбужденіе чувства благопристойности, стыдливости и нравственнаго самообладанія; наконецъ, соответственные дѣтетическія и, въ случаѣ надобности, врачебныя мѣры. Какъ въ этомъ, такъ и вообще во всѣхъ случаяхъ, гдѣ изслѣдованіе причины ненормальнаго явленія въ томъ или другомъ воспитанникѣ подлежитъ медицинской діагностикѣ, воспитатель обязанъ обращаться къ состоящимъ при заведеніи врачамъ, которые должны соединять въ себѣ основательное научное образованіе съ практической и педагогической опытностью».

Вообще нужно замѣтить, что, по «Инструкціи», врачъ—необходимый членъ педагогической корпораціи, съ очень сильнымъ голосомъ во всемъ, начиная съ устройства помѣщенія и распредѣленія занятій и кончая утилизованіемъ отдыха воспитанниковъ. Согласованіе умственнаго развитія учащихся съ физическимъ ихъ развитіемъ весьма тщательно и умѣло разработано въ «Инструкціи». Ежедневныя прогулки, загородное лѣтнее пребываніе воспитанниковъ, лѣтнія экскурсіи ихъ съ учебною цѣлью и т. д.—все это предусмотрено и распредѣлено вполне рационально, безусловно педагогично. Вѣдомство военно-учебныхъ заведеній имѣло даже въ Аренсбургѣ свою санитарную станцію для пользования больныхъ воспитанниковъ морскимъ купаньемъ и грязевыми ваннами. Это едва-ли не единственный примѣръ у

насть въ Россіи такой высоко-гуманной заботливости о физическомъ здоровьѣ учащагося юношества.

Для примѣра же «правилъ нравственнаго воспитанія», приводимъ изъ «Инструкціи» слѣдующее мѣсто:

«При устройствѣ въ закрытыхъ заведеніяхъ, время отъ времени, домашнихъ увеселительныхъ вечеровъ собственноручно для воспитанниковъ, программа ихъ, предварительно обсуждаемая въ мѣстныхъ педагогическихъ комитетахъ, должна быть согласована, во всѣхъ подробностяхъ, съ общими воспитательными цѣлями, причѣмъ въ составъ ея могутъ входить: чтеніе избранныхъ поэтическихъ произведеній; хоровое пѣніе съ аккомпаниментомъ, исполненіе воспитанниками соответствующихъ ихъ умѣнью и пониманію музыкальныхъ пьесъ на различныхъ инструментахъ, преимущественно же—оркестровое; танцы характерные и общественные, и спектакли,—послѣдніе не иначе, какъ съ особаго, на каждый разъ, разрѣшенія главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Наконецъ, при распредѣленіи воспитанниковъ для обученія игрѣ на томъ или другомъ музыкальномъ инструментѣ, заведеніе должно сообразоваться съ личнымъ желаніемъ каждого изъ нихъ и его родителей, съ его возрастомъ и способностями, имѣя въ виду, что музыкальныя упражненія воспитанниковъ, какъ единичныя, такъ и совмѣстныя, отнюдь не должны служить помѣхой учебнымъ и другимъ обязательнымъ ихъ занятіямъ; при выборѣ же воспитанникомъ одного изъ духовыхъ инструментовъ, приступать къ обученію можно не иначе, какъ по удостовѣренію старшаго врача въ томъ, что оно не окажетъ вреднаго вліянія на организмъ обучающагося.

Не беремъ судить, насколько эта «Инструкція» выполнялась практически. То или другое выполненіе ея падаетъ на отвѣтственность исполнителей, т. е. на учебно-воспитательный персоналъ военно-учебныхъ заведеній, который состоялъ всегда изъ лучшихъ, можно сказать, педагогическихъ силъ,—и это представляетъ достаточную гарантію, что «Инструкція» никогда не оставалась мертвою буквою. Въ высшей степени знаменателенъ тотъ фактъ, что военное министерство, такъ недавно еще («Инструкція» вышла въ свѣтъ въ самомъ концѣ прошлаго года) признавало обязательнымъ для себя согласованіе учебно-воспитательной части съ требованіями педагогическою и смотрѣло на врача, какъ на члена педагогической корпораціи и, до извѣстной степени, контролера педагогической дѣятельности. Не имѣя подъ руками подробныхъ данныхъ о дѣятельности военно-учебныхъ заведеній, мы однако можемъ положительно утверждать, что воспитанники военно-учебныхъ заведеній, говоря вообще, пользовались всегда завиднымъ здоровьемъ, сравнительно съ воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній,—имѣли бодрый, незабитый, незапуганный видъ. Военныя гимназій, какъ извѣстно, были обдѣлены правами:—оканчивающимъ курсъ воспитанникамъ была открыта дорога толь-

женскому образованию изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и бывшего Третьяго Отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ г. Исакова—говорить почтенная газета,—была даже констатирована особая благонадежность женскихъ врачебныхъ курсовъ, сравнительно съ другими высшими учебными заведениями. А членъ комиссiи отъ III Отдѣленія даже удостовѣрилъ, что нѣкоторые отдѣльные лица, за которыми полиція слѣдила до поступления ихъ на курсы, оказались во время пребыванія на нихъ совершенно благонадежными, благодаря требуемому на курсахъ усидчивому и серьезному труду, и благодаря перспективѣ достиженія опредѣленныхъ практическихъ цѣлей.

Даже ревностнѣйшій гонитель высшаго женскаго образованія, г. Катковъ, въ теченіе 18-ти лѣтъ приравнивавшій стремленіе русскихъ женщинъ въ высшія училища къ «нигилизму» и «подпольной пропагандѣ», порѣшилъ наконецъ, что «нечего опасаться основательнаго образованія и стѣснять его предѣлы. Пусть женщина идетъ здѣсь наравнѣ съ мужчиной». На этотъ разъ г. Катковъ, въ противность тому, что писалось до сихъ поръ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о высшемъ женскомъ образованіи, энергически и, повидимому, вполне искренно высказался за высшее женское образованіе и противъ «исключенія женщины изъ высшихъ общественныхъ профессій».

«Толки о неудобствѣ для особъ женскаго пола заниматься медицинскими предметами, съ точки зрѣнія приличія, скромности и стыдливости, не имѣютъ основанія,—говорятъ «Московскія Вѣдомости». На это самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаетъ тотъ фактъ, что женщины не только допускаются, но и привлекаются къ занятіямъ самою неприличною частью медицинскаго дѣла. Если оказывается не только возможнымъ, но полезнымъ и необходимымъ допускать женщину къ изученію акушерскаго искусства, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія не допускать ее, въ видахъ приличія, къ изученію какого бы то ни было предмета, входящаго въ сферу врачебной науки. Затѣмъ, нельзя признать основательными опасенія за нравственность, когда рѣчь идетъ о серьезныхъ занятіяхъ какимъ бы то ни было предметомъ. Вопросъ не въ предметѣ, а въ духѣ и цѣли занятій. Скромность, стыдливость, цѣломудренность не пострадаютъ нисколько отъ какихъ бы то ни было занятій, имѣющихъ дѣльную, добрую и полезную цѣль. Надобно имѣть только обезпеченіе въ дѣльности занятій, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ».

Интересующихся же «обезпеченіемъ дѣльности занятій» на женскихъ врачебныхъ курсахъ мы отсылаемъ къ апрѣльской, майской и іюньской книгамъ «Наблюдателя», а именно къ статьѣ—«Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи за 20 лѣтъ». Здѣсь они найдутъ неоспоримыя свидѣтельства этой «дѣльности», такъ что высшее въ имперіи медицинское учрежденіе—медицинскій совѣтъ—категорически высказался въ пользу безусловной равноправности женщинъ-врачей съ мужчи-

нами въ дѣлѣ врачебной практики, и неоднократно подтвердилъ такой взглядъ свой на права оканчивающихъ высшіе курсы. Словомъ, если смотрѣть на высшее женское образование въ Россіи съ точки зрѣнія общественной его репутаціи,—это дѣло приходится считать окончательно, безповоротно установившимся. Именно эта солидность репутаціи склонила, въ концѣ кончанья, на сторону высшаго женскаго образования даже и самыхъ отчаянныхъ его гонителей, въ родѣ г. Каткова. Въ виду этого, правительственной власти ничего болѣе не оставалось, какъ придать въ помощь высшему женскому образованию. Такъ это и было въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ. Въ дѣлѣ высшаго образования починъ принадлежитъ самимъ женщинамъ; это дѣло развивалось у насъ прямо пропорціонально энергіи и размѣрамъ требованія такого образования; правительство же, съ своей стороны, хотѣ и медленно, но систематически приходило на помощь высшему женскому образованию и не мѣшало естественному его развитію и росту. И вотъ, — когда положивъ врачеванью женскихъ курсовъ представлялось наиболѣе развитому и женщинамъ-врачамъ былъ уже дарованъ высше усвоенный особый нагрудный знакъ,—послѣднее распоряженіе объ «упраздненіи» врачебныхъ курсовъ. На что распоряженіе это появилось послѣ того, какъ городское управленіе выразило готовность принять свое вѣдѣніе, съ доплатою изъ своихъ средствъ на ихъ содержаніе.

Было бы вѣдѣніе въ разборъ мотивовъ упраздненія этой области оказывается совершенно непостижимо. Эта не поддающаяся логическому анализу. Въ политическая репутація курсовъ безупречна. По «мнѣнію», курсы стоятъ никакъ не ниже мужскихъ учебныхъ заведеній, какъ это признано и засвидѣтельствовано высшимъ медицинскимъ учрежденіемъ — министерствомъ. Наконецъ, если военное министерство не было, неудобнымъ имѣть въ своемъ составѣ курсы, то на смѣну ему явилось столичное городское учрежденіе настолько солидное и компетентное юридическомъ правѣ его стать во главѣ, чтобы быть никакого сомнѣнія, ни малѣйшаго во сомнѣніи бы стороны мы ни смотрѣли на дѣло, послѣ безупречнаго и, можно даже сказать, десятилѣтняго ихъ существованія, представляется совершенно непонятнымъ. Въ разъясненіе этого факта, нашихъ газетахъ сообщалось «изъ вполне компетентныхъ источниковъ», что какіе-то «чиновники», въ теченіе многихъ лѣтъ, за частною домашнею жизнью женщинъ-врачей»

и, будто-бы, «исключительно доносы въ этомъ отношеніи и составляютъ причину закрытія курсовъ». Такое наглое и скандальное обвиненіе, конечно, ничѣмъ не подтверждалось. Да и какое же значеніе, въ чьихъ бы то ни было глазахъ, можетъ имѣть тайное слѣженіе, да притомъ еще за частною семейною жизнью, куда рѣшительно не смѣетъ вторгаться ничей святотатственный глазъ, никакое дерзкое соглядатайство? Наконецъ, какое отношеніе къ курсамъ можетъ имѣть частная семейная жизнь нѣкоторыхъ женщинъ-врачей? Все это такъ нелѣпо, безумно и безнравственно, что рѣшительно не хватаетъ духу много говорить объ этомъ. Гдѣ же и какъ укрыться отъ докучливо-оскорбительнаго посторонняго взгляда, если разъ допустить возможность и право вторженія этого взгляда въ интимныя семейныя дѣла, представляющія самую завѣтную для человѣка святыню, возможность писанія доносовъ на этой почвѣ, не подлежащей никакому контролю? Можетъ ли быть оскорбленіе человѣческаго достоинства и правъ человѣческой личности больше этого?...

Въ засѣданіи перваго сѣзда земскихъ врачей Полтавской губерніи, происходившаго лѣтомъ нынѣшняго года, были сдѣланы слѣдующія постановленія о женщинахъ-врачахъ: 1) «Сѣздъ земскихъ врачей единогласно находитъ цѣлесообразнымъ приглашеніе женщинъ-врачей на земско-медицинскую службу; 2) сѣздъ земскихъ врачей единогласно выражаетъ сожалѣніе о закрытіи женскихъ медицинскихъ курсовъ; 3) сѣздъ земскихъ врачей большинствомъ всѣхъ участвующихъ (30-ти) противъ одного, выразилъ желаніе, чтобъ губернское земство признало, что участіе женщинъ-врачей существенно необходимо на земско-медицинской службѣ». Мы приводимъ это, достойное полного уваженія, заявленіе полтавскаго врачебнаго сѣзда только какъ наиболѣе свѣжій фактъ безусловно-компетентнаго свидѣтельства о томъ, что «участіе женщинъ-врачей существенно необходимо на земско-медицинской службѣ»; но это фактъ далеко не единичный. Земствами неоднократно было засвидѣтельствовано, что для сельской врачебной дѣятельности женщина-врачъ оказывается даже болѣе подходящимъ врачомъ, чѣмъ мужчина. Само собою разумѣется, что крестьянки болѣе доступны вліянію женщины-врача, чѣмъ мужчины. Подъ вліяніемъ женскаго врачебнаго дозора, замѣчается улучшеніе ухода за дѣтьми въ деревняхъ и нѣкоторое пониженіе процента смертности дѣтей; замѣтно падаетъ обаяніе знахарства между крестьянками, т. е. самымъ консервативнымъ въ этомъ отношеніи элементомъ; наконецъ, прекращается уродованіе рожицъ доморощенными сельскими бабками, и, при содѣйствіи самихъ крестьянокъ, замѣчается явное движеніе среди сельскаго люда въ пользу борьбы

съ снисхожденіемъ, принявшимъ у насъ, въ послѣднее время, размѣры народнаго бича. Словомъ, пятилѣтній опытъ женской врачебной практики на земской службѣ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ благотворномъ вліяніи женщины-врача въ дѣлѣ народнаго здравія, такъ что остается только пожалѣть, что отсутствіе правъ у женщинъ-врачей дѣлало ихъ положение на земской службѣ слишкомъ шаткимъ и зависимымъ отъ усмотрѣній администраціи.

Не можетъ быть ни малѣйшаго спора о томъ, что женщинъ удобнѣе дѣлаться у врачей своего пола; что женщина, въ силу природныхъ своихъ педагогическихъ дарованій, въ силу мягкости натуры и сердечности, лучшій врачъ и для дѣтей, чѣмъ мужчина. Въ виду этого, дальнѣйшая судьба высшаго женскаго медицинскаго образованія въ Россіи могла представляться всей мыслящей части русскаго общества лишь въ томъ видѣ, что правительство авторитетнымъ своимъ вліяніемъ побудитъ къ тому, чтобы во всѣхъ клиникахъ, госпиталяхъ и лѣчебницахъ, гдѣ есть женскія и дѣтскія отдѣленія, обязательно были на службѣ женщины-врачи, и отдѣленія эти находились бы въ ихъ вѣдѣніи. Это безусловно необходимо, въ видахъ наилучшійшаго лѣченія женщинъ и дѣтей, и такого измѣненія во врачебномъ персоналѣ требуетъ сама справедливость. Такимъ образомъ, оспаривать фактъ упраздненія врачебныхъ курсовъ лишь съ точки зрѣнія запроса среди русскихъ женщинъ на высшее образованіе—значитъ бы умалять значеніе курсовъ,—одного изъ крупнѣйшихъ высшеучебныхъ заведеній, имѣющаго общегосударственное значеніе. Упраздненіе курсовъ представляетъ чрезвычайно тяжкое лишеніе для женщинъ, ищущихъ образованія и честнаго, независимаго трудового существованія; но не менѣе тяжело значеніе этого лишенія и для всего общества, утрачивающаго лучшихъ женскихъ и дѣтскихъ врачей.

Какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ частныя общества и кружки, равно какъ и отдѣльныя лица, собираютъ пожертвованія, чтобы предотвратить закрытіе курсовъ. На дняхъ было сообщено въ газетахъ, что «главная представительница одного изъ крупнѣйшихъ торговыхъ домовъ въ Москвѣ жертвуетъ на женскіе врачебные курсы 500,000 рублей»; но это извѣстіе, къ сожалѣнію, не подтвердилось. По сѣнамъ же, исходящимъ отъ администраціи курсовъ, представительницею одного изъ крупныхъ петербургскихъ торговыхъ домовъ заявлена готовность пожертвовать на курсы 200,000 рублей, при условіи, разумѣется, сохраненія ихъ существованія. Такой приливъ пожертвованій доказываетъ, насколько понимаетъ общество государственное значеніе курсовъ и какъ не желаетъ оно потерять это полезное

учрежденіе. Съ другой стороны, приливъ пожертвованій даетъ право рассчитывать на сохраненіе курсовъ. Въ распоряженіи объ упраздненіи курсовъ прямо указывается на возможность перехода ихъ въ вѣдѣніе какого-нибудь учрежденія или лица. Готовность петербургскаго городскаго управленія взять въ свое вѣдѣніе курсы дѣлаетъ излишнимъ поиски, куда бы передать ихъ. Энергія же и отзывчивость, съ которыми ведется сборъ пожертвованій на курсы, свидѣтельствуя о несомнѣнной возможности солидно обставить курсы въ матеріальномъ отношеніи и создать имъ совершенно независимое отъ казенныхъ средствъ существованіе.

Мы выразили полнѣйшее недоумѣніе по поводу мотивовъ упраздненія курсовъ. Но что же сказать и подумать, если это упраздненіе сдѣлается совершившимся фактомъ,—если курсы будутъ уничтожены, не смотря ни на готовность столичнаго городскаго управленія взять въ свое вѣдѣніе курсы, ни на приливъ пожертвованій? Какъ отнестись тогда къ такому «упраздненію»?...

Если вѣрить слухамъ, и маленькое, неслышное, незамѣтное въ жизни учрежденіе—народная школа,—не имѣетъ подъ собою устойчивой почвы;—народной школь угрожаетъ призракъ «церковно-приходскихъ школь», которыя, по слухамъ, вотъ-вотъ должны воспрянуть подъ управленіемъ духовенства. Слухъ этотъ, впрочемъ, не новъ. Начало возникновенія его относится къ концу 70-хъ годовъ. Периодичность въ повтореніи этого слуха заставляетъ остановиться на немъ тѣмъ болѣе, что, при каждомъ новомъ возникновеніи его, печать съ замѣчательнымъ единодушіемъ не перестаетъ указывать, что «предоставленіе церкви преобладающаго вліянія на народное образованіе было бы однимъ изъ реальнѣйшихъ доказательствъ стремленія къ возвращенію вспять». На чемъ основанъ такой взглядъ? Чѣмъ доказало духовенство свою неспособность къ завѣдыванію и руководству школьнымъ дѣломъ?

Первѣйшая и прямая обязанность духовенства—нравственное воспитаніе и умственное просвѣтленіе народа. Къ этому нужно прибавить еще, что православная религія совершенно чужда іезуитизма—этого грознѣйшаго, анти-нравственнаго бича, въ корнѣ уничтожающаго благотворное вліяніе просвѣщенія. Наконецъ, если лютеранское духовенство потрудилося на пользу просвѣщенія больше кого бы то ни было, и, благодаря его нравственному вліянію, обязательное обученіе привилось и пустило такіе глубокіе корни во всѣхъ государствахъ, гдѣ лютеранская религія является господствующею, — то почему бы и православному духовенству не проявить такого же вліянія и участія въ дѣлѣ просвѣщенія массы населенія? Сло-

вомъ, если глядѣть на дѣло отвлеченно, единственно съ точки зрѣнія православной церкви и принципиальнаго назначенія духовенства, — наше духовенство, повидимому, должно было бы обладать всѣми данными, чтобы играть наиболѣе видную роль въ дѣлѣ начального образованія. Ученіе православной церкви не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы мѣшать естественному единенію школы съ церковью, и не представляетъ ни малѣйшаго преднамѣреннаго стремленія со стороны церкви подчинить себѣ школу во имя какихъ-либо стороннихъ цѣлей, чуждыхъ потребностямъ религіи. Но совершенно въ иномъ видѣ представляется дѣло, если взглянуть на него съ точки зрѣнія фактическаго, дѣйствительнаго положенія вещей.

Становясь на почвѣ фактовъ, можно съ полнымъ правомъ сказать, что предоставленіе духовенству «преобладающаго вліянія» въ дѣлѣ народнаго образованія дѣйствительно «было бы однимъ изъ реальнѣйшихъ доказательствъ стремленія къ возвращенію вспять». Дѣло въ томъ, что до введенія земскихъ учрежденій начальное образованіе всецѣло находилось въ рукахъ духовенства, и никогда положеніе народной школы не было плачевнѣе, какъ въ этотъ періодъ ея существованія. По правдѣ сказать, это было даже и не существованіе, а какое-то жалкое, ничтожное прозябаніе народной школы. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, школы существовали фиктивно, номинально; тамъ же, гдѣ ихъ существованіе не было фиктивно, онѣ печально влчили свои дѣла. Въ нихъ не было развивающаго, воспитывающаго, облагораживающаго обученія,—вмѣсто него практиковалась притупляющая и нравственно огрубляющая зубрѣжка подъ руководствомъ безграмотныхъ дьячковъ и пьяныхъ отставныхъ солдатъ. Не было никакой заботы и даже мысли объ улучшеніи школы въ учебномъ отношеніи; ни одно изъ педагогическихъ нововведеній, никакое усовершенствованіе методовъ преподаванія не достигало русскихъ народныхъ школъ. Въ нихъ было самое ограниченное количество учащихся, да и тѣ обыкновенно посѣщали школу по приказу, наряду, изъ подъ палки.

Въ оправданіе свое, духовенство обыкновенно говоритъ, что «до освобожденія крестьянъ, обстоятельства не благоприятствовали развитію народной школы». Положимъ, въ этомъ есть значительная доля правды. Помѣщикъ, строившій школу, былъ, въ то же время, главною помѣхою ея развитія. Но, помимо помѣщика, виновато и само духовенство въ заброшенномъ положеніи народноѣ школы. Такъ, напримѣръ, послѣ освобожденія крестьянъ и въ началѣ введенія земскихъ учрежденій, когда помѣщикъ не мѣшалъ уже болѣе развитію народной школы и она по прежнему продолжала находиться въ рукахъ духовен-

ства, послѣднее, въ теченіе 6—7 лѣтъ, не только не предприняло ничего въ видахъ улучшенія школы, но не подавало даже своего голоса въ этомъ смыслѣ. А вотъ и другой, еще болѣе характерный и выразительный примѣръ. Въ Прибалтійскомъ краѣ и Финляндіи, гдѣ православному духовенству предоставлено такое же вліяніе въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ и лютеранскому, начальное образованіе въ православныхъ приходахъ находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ лютеранскихъ приходахъ въ полной силѣ обязательное обученіе; въ православныхъ же—царитъ повальное безграмотство населенія. Различіе между лютеранскими и православными приходами въ этомъ отношеніи такъ велико, что въ послѣднее время мѣстнымъ управленіемъ, особенно въ Финляндіи, принимаются энергическія мѣры, чтобы вытащить православные приходы изъ той тьмы невѣжества, въ которой они болѣе и болѣе погрязаютъ. Въ послѣдніе годы, въ Финляндіи, извѣрившись въ заботливость православнаго духовенства о нуждахъ народнаго образованія, приступили къ учрежденію особыхъ учительскихъ семинарій спеціально для православныхъ приходовъ. Такою, на примѣръ, является учительская семинарія въ Сердоболѣ, учрежденная управленіемъ Финляндіи именно въ виду того, что въ православныхъ приходахъ Сердобольскаго и другихъ смежныхъ съ нимъ уѣздовъ сельское населеніе слишкомъ ужъ рѣзко выдается своимъ невѣжествомъ, слишкомъ сильно отстало въ дѣлѣ образованія отъ населенія лютеранскихъ приходовъ.

Въ виду этихъ фактовъ, приходится допустить въ православномъ духовенствѣ специфическую особенность, препятствующую ему служить дѣлу начальнаго образованія съ такою же энергіею, умѣніемъ и успѣхомъ, какъ это дѣлается лютеранскимъ духовенствомъ. Къ сожалѣнію и несчастію, такая «особенность» дѣйствительно есть у православнаго духовенства, и обуславливается она слѣдующими обстоятельствами. Уровень образованія православнаго духовенства ниже уровня духовенства лютеранскаго, главнымъ образомъ, потому, что общее образованіе не предшествуетъ спеціальному духовному и послѣднее всецѣло ведется на счетъ общаго. Въ матеріальномъ отношеніи православное духовенство находится несравненно въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ лютеранское. Оно всецѣло зависитъ отъ паствы,—оно принуждено жить поборами въ видѣ денегъ, хлѣба, крупы, муки и т. д., что естественно роняетъ его авторитетъ и значеніе въ глазахъ населенія. Лютеранское же духовенство живетъ на жалованьи и гнушается поборовъ; оно независимо отъ паствы, и авторитетъ его въ ея глазахъ очень высокъ. Такимъ образомъ, православное духовенство не имѣетъ достаточныхъ нравственныхъ задатковъ, чтобы служить дѣ-

ходимо для поднятія нравственнаго авторитета и вліянія церкви на массу населенія. А для этого, прежде всего, необходимо освободить православное духовенство отъ всѣхъ тѣхъ «особенностей», которыя рѣзко выдѣляютъ его изъ ряда духовенства другихъ церквей, обособляютъ его въ обществѣ, принижаютъ нравственно и обезличиваютъ его авторитетъ и вліяніе въ дѣлахъ пастырскаго служенія. Значеніе нравственно-религіознаго вліянія, путемъ устнаго слова съ церковной кафедры, такъ важно само по себѣ, что даже и въ томъ случаѣ, еслибы окончательно привилась и упрочилась проповѣдь въ православной церкви, никакъ не слѣдуетъ отвлекать силы духовенства заботами о дѣлахъ школы, особенно у насъ въ Россіи, въ виду весьма серьезнаго ослабленія господствующей церкви сектанствомъ и нашей отсталости въ дѣлѣ начальнаго образованія: и та и другая отрасль просвѣтительной дѣятельности требуетъ совершенно самостоятельнаго напряженія особыхъ силъ, спеціально пріуроченныхъ къ данной отрасли дѣятельности. Да, наконецъ, поднятіе нравственнаго уровня населенія съ помощью церковной проповѣди можетъ оказать народному образованію несравненно большую пользу, чѣмъ непосредственное участіе духовенства въ дѣлахъ школы.

Коснувшись нравственно-воспитательнаго значенія проповѣди, необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку. Церковная проповѣдь только въ томъ случаѣ будетъ имѣть истинное воспитательное вліяніе на массу населенія, если она будетъ поставлена прѣвыше политической борьбы страстей, если церковь не будетъ пріурочиваться къ служенію какимъ бы то ни было политическимъ цѣлямъ. При этомъ условіи, воспитательное значеніе проповѣди громадно: она является проводникомъ въ жизнь вѣсней правды и справедливости, внѣ какихъ-бы то ни было практическихъ расчетовъ. Наоборотъ же: какъ только церковь пріурочивается къ служенію какимъ бы то ни было политическимъ партіямъ,—значеніе ея умалется и принижается до уровня обычныхъ человѣческихъ учреждений; подрывается нравственный ея авторитетъ и воспитательное вліяніе въ жизни.

Мы намѣтили выше рядъ вопросовъ и фактовъ въ той послѣдовательности, въ какой они выдвинуты жизнью. Мы разсматривали каждый вопросъ въ одиночку, въ отдѣльности, умышленно воздерживаясь отъ обобщеній, въ виду особенной важности cadaго изъ разсмотрѣнныхъ вопросовъ. Но не наша вина, что всѣ эти вопросы проникнуты единствомъ внутренняго смысла; всѣ они, такъ сказать, приведены къ одному знаменателю и показателю, въ смыслѣ несоотвѣтствія принимаемыхъ мѣръ съ потребностями дѣйствительной жизни. Здѣсь

мы видимъ весьма выразительный пригвѣръ, какъ осложняется и затрудняется практическая жизнь въ самыхъ простыхъ вещахъ, справедливое разрѣшеніе которыхъ ясно до очевидности, если смотрѣть на жизнь прямо, безхитростно, объективнымъ взглядомъ, чуждымъ всякихъ другихъ цѣлей, кромѣ государственной и общественной пользы. Но смотрѣть на вещи такимъ взглядомъ возможно въ томъ лишь случаѣ, если дѣломъ разрѣшенія внутреннихъ государственныхъ вопросовъ и удовлетворенія общественныхъ пользы и нуждъ руководить единственно возможный въ этомъ случаѣ свѣточъ—общественное мнѣніе. Тогда каждый вопросъ будетъ разрѣшаться сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ внутренней жизни, и проявленіе случайныхъ или даже явно ошибочныхъ мѣръ, съ ложнымъ, предвзятымъ направлениемъ,—станетъ дѣломъ рѣшительно немислимымъ. А въ этомъ—вся суть, весь секретъ, чтобы внутренняя государственная жизнь шла мѣрнымъ ходомъ, безъ остановокъ и потрясеній, удовлетворяя всѣхъ и каждого.

Съ этой точки зрѣнія, намъ рѣшительно непонятны причины и цѣль появленія новаго закона о печати, точнѣе—временныхъ правилъ. Первородный грѣхъ русской печати, коренной недостатокъ ея съ государственной точки зрѣнія—отсутствие условий, чтобы печать могла выступить въ роли серьезной руководительницы и выразительницы общественного мнѣнія. Два года тому назадъ, подъ влияніемъ того честнаго возбужденія, которымъ было охвачено тогда русское общество, правительство, по собственному почину, поставило на очередь вопросъ объ улучшеніи положенія печати. Насколько извѣстно, разрѣшеніе этого вопроса было предрѣшено правительствомъ въ томъ смыслѣ, чтобы упрочить положеніе періодическихъ изданій, какъ частной собственности, и подчинить ихъ вѣдѣнію суда, вмѣсто нынѣшняго административнаго завѣдыванія ими. Весьма характерно и поучительно, что этотъ вопросъ былъ возбужденъ правительствомъ въ моментъ наилучшаго, можно сказать, положенія русской печати. И это вполне понятно. Лишь только ослабѣвъ искусственный гнетъ надъ печатью,—правительство имѣло случай убѣдиться во-очію, что оно имѣетъ, въ лицѣ печати, лучшую, самую надежную и неподкупную пособницу, которая вноситъ свѣтъ нравственной правды и беспристрастный контроль въ такія сферы общественной жизни, которыя неуловимы для officialнаго дозора. Это убѣжденіе правительства, вынесенное непосредственно изъ опыта, и послужило толчкомъ къ такому направленію въ разрѣшеніи вопроса о печати, чтобы поставить ее въ возможно справедливыя и независимыя условія—и тѣмъ облегчить ей служеніе на пользу общую. Обстоятельства изменились. Печать принуждена была обезличиться и очутилась въ

такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ она не бывала съ конца 50 - хъ годовъ. Но все же, какъ въ лучшія времена печати,—когда ей выдавалась возможность говорить почти полнымъ голосомъ, почти со всею принципиальною послѣдствительностью въ обсужденіи внутреннихъ вопросовъ, — наиболѣе либеральные органы печати были всегда на сторонѣ правительственныхъ предначертаній; такъ и теперь,—когда неблагопріятныя обстоятельства поставили печать въ самыя тяжкія условія,—вся опрятная часть ея держится строго политическаго такта: она не раздражаетъ общественныхъ страстей и, говоря о вопросахъ внутренней государственной политики и управленія, серьезно разыскиваетъ и указываетъ тѣ пути и мѣры, съ помощью которыхъ можно наиболѣе легко и прочно направить русскую жизнь на путь прогрессивнаго развитія. И, не смотря на это, неожиданно - негаданно, у печати отняты новыми временными правилами даже остатки той независимости, которая была предоставлена ей законоположеніями 1865 года.

По этимъ правиламъ о печати, конфискація какъ отдельныхъ номеровъ періодическихъ изданій, такъ и цѣлыхъ изданій, обращеніе безцензурныхъ изданій въ подцензурныя, воспрещеніе издателямъ и редакторамъ навсегда заниматься этою дѣятельностью—все это предоставляется одному только административному усмотрѣнію, безъ суда, безъ права протеста и защиты. Въ правилахъ, между прочимъ, говорится, что онѣ устанавливаются лишь до «измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ постановленій о печати»; но это—не утѣшеніе. Приходится утѣшиться развѣ тѣмъ, что, въ виду безличности и безмолвія русской печати, не придется и примѣнять къ ней новыхъ правилъ. Но самый фактъ изданія правилъ такого характера представляетъ наглядное доказательство какого-то колоссальнаго недоразумѣнія въ отношеніи русской печати, какого-то фатальнаго заподозриванія ея и недоверія къ ней даже тамъ, гдѣ рѣшительно нѣтъ ни малѣйшихъ поводовъ къ подозрительности и недоверію, какихъ-то окончательно непонятныхъ требованій въ отношеніи печати. Это не можетъ производить на общество благопріятнаго впечатлѣнія: худа ли, хороша ли печать—она представляетъ собою единственно возможный у насъ аппаратъ, черезъ который проникаетъ въ государственный механизмъ струя свѣта и здороваго, укрѣпляющаго воздуха; поэтому, всякая мѣра въ отношеніи печати,—даже и не общая, а частная мѣра въ отношеніи отдельнаго изданія,—чрезвычайно чутко воспринимается обществомъ. Положимъ даже, что новыя репрессивныя мѣры въ отношеніи печати не будутъ примѣнены, что имъ суждено остаться «пи-

саннымъ закономъ»; но самая возможность ихъ примѣненія непремѣнно должна нравственно угнетать всю мыслящую часть русскаго общества, сгущать туманъ, окутывающій общественную нашу жизнь, и тѣмъ способствовать всевозможнымъ осложненіямъ и ухудшенію условій внутренней нашей жизни. Наоборотъ: представьте, что, вмѣсто репрессивныхъ правилъ, явились бы правила иного рода, направленные къ улучшенію положенія печати въ томъ именно смыслѣ, какъ это признавалось необходимымъ два года тому назадъ, — и моментально воспрянуло бы духомъ все образованное населеніе Россіи; моментально почувствовалось бы полное облегченіе отъ всего того, что гнететъ и принижаетъ русскую жизнь; моментально соскочила бы съ насъ апатія и уступила бы мѣсто самой кипучей дѣятельности, съ непремѣннымъ условіемъ наибольшей разумности, справедливости и пользы въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ внутренней жизни, въ удовлетвореніи всѣхъ общественныхъ и государственныхъ пользъ и нуждъ.

Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о значеніи печати въ дѣлахъ внутренней нашей государственной политики и управленія: это было сдѣлано въ іюльской книгѣ «Наблюдателя». Тѣмъ болѣе нѣтъ надобности распространяться о вліяніи печати на весь государственный складъ и строй,—этотъ вопросъ подробно и основательно исчерпанъ въ предыдущей книгѣ «Наблюдателя», въ статьѣ В. И. Модестова — «Ошибки и раскаяніе». Наконецъ, излишне даже было бы вдаваться въ подробную оцѣнку отзывовъ печати о временныхъ правилахъ, въ виду замѣчательной солидарности по этому вопросу не только всѣхъ либеральныхъ органовъ, но даже и такихъ, сравнительно-опрятныхъ консервативныхъ газетъ, какъ «Современныя Извѣстія» и «Русь». На этотъ разъ почтенный редакторъ «Руси», И. С. Аксаковъ, стряхнулъ съ себя лже-охранительную заскорузлость, наслонившуюся на немъ за послѣдніе два года,—и заговорилъ въ защиту «слова, знаменія мысли — самаго драгоценнѣйшаго достоянія, самаго неотъемлемаго права человѣческаго», заговорилъ тѣмъ языкомъ, въ томъ направленіи, какъ говаривалъ онъ въ былое время, въ качествѣ редактора «Дня» и «Москвы».

...«Пора бы, очень бы пора,—говорить И. С. Аксаковъ, — взглянуть на печать нѣсколько шире, съ высоты историческаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственнаго созерцанія; установить на печать точку зрѣнія твердую, на которой и удерживаться мужественно, не впадая лихорадочно ни въ ту, ни въ другую крайность,—ни въ потворство совершенно излишнее, ни въ репрессию, болѣе или менѣе не достигающую цѣли и деморализующую общество,—ни въ погоню за популярностью, ни въ презрѣніе къ обществу. Пора отказаться отъ притязанія регулировать,—путемъ предостереженій, пріостановокъ,

прекращеній и иными орудіями предварительной и карательной цензуры,—теченіе общественной мысли; пора уже прямо поставить себѣ вопросы: что невыгоднѣе для государства—лишній гнетъ или лишній просторъ печати? Что безвкуснѣе и потому менѣе опасно: плодъ дозволенный или плодъ запрещенный? Что вреднѣе: ядъ ли, выступившій изнутри наружу, или вогнанный внутрь? Что желательнѣе для правительства: прозрачность и гласность во всѣмъ ея, подчасъ неизбежными, неудобствами, или совершенная темь, глушь и безмолвіе? Что согласнѣе съ интересами власти: вѣдать или не вѣдать ходъ и развитіе мысли въ разныхъ слояхъ русскаго общества? имѣть дѣло съ явнымъ или тайнымъ врагомъ? вовсе не признавать никакого общественнаго мнѣнія или имѣть опору въ здоровомъ общественномъ мнѣніи страны, которое только тогда вѣдь и годно, т. е. тогда лишь и способно сослужить полезную службу правительству и странѣ, когда слову вообще предоставлена возможность выражаться свободно и искренно? На всѣ эти вопросы отвѣтъ подсказывается самъ собою,—онъ подсказывается и опытомъ послѣднихъ двухъ слишкомъ лѣтъ».

Въ такомъ совпаденіи взглядовъ либеральной и опротно-консервативной печати—нѣтъ ничего удивительнаго. Гнетъ печати не только противенъ принципамъ либерализма, но и ни въ какомъ случаѣ не можетъ входить въ расчеты сколько нибудь разумной консервативной партіи. Какъ у либеральной, такъ и у консервативной печати одна цѣль—истина, а для этого необходима свобода слова. При отсутствіи же свободы, консерватизмъ переходитъ въ ретроградство, граничащее съ анархіею, а чистое, свѣтлое, прогрессивное направленіе замѣняется двоядушнымъ кулацкимъ либерализмомъ, какъ это было уже разъяснено нами въ предыдущей книгѣ нашего журнала.

Тяжело приходится расплачиваться мѣстному обществу за подневольное, безсильное и безправное положеніе печати. Вотъ, на примѣръ, крахъ скопинскаго общественнаго банка. Какъ ни обтерпѣлось русское общество въ отношеніи всевозможныхъ краховъ и банковскаго воровства, но, при извѣстии о скопинскомъ крахѣ, оно буквально в з д р о г н у л о. И было отъ чего «в з д р о г н у т ь»: такъ диковинны, чуть не сказочны подробности финансовыхъ операцій банка, закончившаго свое существованіе жесточайшимъ крахомъ.

Въ Скопинѣ, маленькомъ уѣздномъ городишкѣ Рязанской губерніи, съ населеніемъ менѣе 10,000 человекъ, возникъ въ 1863 году скромный общественный банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 10,104 рубля,—банкъ, рассчитанный единственно на нужды мѣстнаго городского населенія и имѣвшій уставъ въ этомъ духѣ. Но вздумалось скопинскому городскому голову, Рыкову,—бывшему несмѣняемымъ и, само собою разумѣется, совершенно безконтрольнымъ директоромъ банка съ момента его основанія и до краха, т. е. въ теченіе 19-ти лѣтъ,—обратить

этотъ quasi—общественный мѣстный банкъ въ орудіе обирания простодушнаго русскаго населенія отдаленнѣйшихъ частей имперіи—и онъ достигъ этого совершенно безпрепятственно. Вопреки положительному закону, отъ 30-го ноября 1870 года, въ силу котораго сумма всѣхъ операцій банка не можетъ превышать основной и запасный банковый капиталъ болѣе, чѣмъ въ десять разъ,—въ скопинскій банкъ искусственно стягивались вклады, превышавшіе въ семьдесятъ и болѣе разъ собственный его капиталъ. «Стягиваніе» это производилось съ помощью наглѣйшихъ газетныхъ рекламъ, въ которыхъ директоръ Рыковъ широковъщательно рассказывалъ о «прочной гарантіи» вкладовъ не существующими «городскими достояніями»; подложно высчитывались дутыя банковыя операціи и, ради приманки капиталовъ, мошеннически возвышался размѣръ процентовъ по вкладамъ. Публика естественно довѣряла этимъ безчестнымъ рекламамъ и не могла не довѣрять. Если есть учрежденіе, предписывающее общественнымъ банкамъ «нормальные уставы», то долженъ же быть и контроль за тѣмъ, какъ исполняются и примѣняются на дѣлѣ эти уставы. Публика, вносящая свои кровные, трудовые гроши въ злополучный скопинскій банкъ, довѣряла въ этомъ случаѣ вовсе не директору его, Рыкову, даже не скопинскому городскому управленію, а тому высшему финансовому учрежденію, которое санкціонировало банковый уставъ, норму основнаго и запаснаго капиталовъ и вкладовъ и т. д., и которое, поэтому, не должно было оставаться глухимъ къ рыковскимъ рекламамъ. Ко всему этому нужно прибавить еще, что нашлась «большая» кулацкая газета въ Петербургѣ, которая, въ благодарность Рыкову за простыни рекламъ, щедро печатавшіяся имъ,—а, можетъ быть, и по другимъ, болѣе осязательнымъ причинамъ,—восторгалась «энергическимъ починомъ скопинскаго городского головы, г. Рыкова».

При такихъ-то благопріятныхъ обстоятельствахъ, директоръ Рыковъ, спрятавшись за спину городского управленія и міра чиновничьяго, который санкціонируетъ «нормальные уставы», ограничивающіе финансовыя спекуляціи, но никакъ неисполняемые въ этой своей части; прикрывшись даже до нѣкоторой степени «большою» петербургскою газетою, «энергически» продвигалъ весьма простой фокусъ. Онъ собиралъ отъ общества чистыя денежки; изъ благодарности за щедроты почтеннѣйшей російской публики, платилъ ей изъ ея же средствъ «высокіе проценты на вклады»; затѣмъ клалъ денежки себѣ въ карманъ, а въ кассу банка опускалъ безнадежныя векселя. Этотъ дерзкій, по своей упрощенности, воровской фокусъ выполненъ директоромъ Рыковымъ съ такою чистотою, что

самымъ прославленнымъ нашимъ банковымъ ворами и всевозможнымъ героямъ на поприщѣ червонновалетства ничего болѣе не остается, какъ только ахнуть отъ удивленія передъ подвигомъ Рыкова. Активъ скопинскаго банка—почти нуль; пассивъ же (т. е. вклады)—на сумму до 10.000,000 рублей?! Это ли еще не апогеозъ банковаго воровства?!...

Крахъ скопинскаго банка вызвалъ довольно горячую полемику по вопросу: изъ какихъ средствъ должны быть вознаграждены вкладчики—изъ мѣстныхъ общественныхъ, или изъ средствъ казны?—Ни изъ тѣхъ, ни изъ другихъ. Несправедливо, рѣшительно невозможно вознаграждать изъ общественныхъ средствъ, потому что никакой городской банкъ никогда не бываетъ общественнымъ учрежденіемъ въ истинномъ смыслѣ слова, а всецѣло представляетъ личное, домашнее дѣло нѣсколькихъ торгашей-воротилъ городского управленія, чему вполне благопріятствуетъ навязанное городамъ такъ-называемое нормальное «положеніе» о городскихъ общественныхъ банкахъ; невозможно вознаграждать изъ общественныхъ средствъ еще и потому, что не только городскіе банки, но и все городское управленіе, въ нынѣшнемъ его видѣ, какъ въ провинціяхъ, такъ и въ столицѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго права на названіе общественнаго, сколько бы ни распинался «Голосъ» за добродѣтели кулаковъ и трактирщиковъ.... Тѣмъ болѣе невозможно вознагражденіе изъ средствъ казны, потому что и казенныя средства—тѣ же общественныя, съ тѣмъ лишь различіемъ, что они принадлежатъ не одному Скопину, а всему государству. Такъ съ какой же стати всему государственному населенію платиться 10.000,000 рублей за злодѣянія нѣсколькихъ скопинскихъ банковыхъ мошенниковъ?.. Если и можетъ быть рѣчь о вознагражденіи при подобныхъ обстоятельствахъ, то единственно изъ личныхъ средствъ тѣхъ плутовъ, которые пристраиваются къ городскимъ банкамъ и обращаютъ эти общественныя, по основной мысли и цѣли, учрежденія въ личное свое дѣло, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вовсе даже безконтрольное со стороны городского управленія.

Много было у насъ банковыхъ краховъ, не мало было воровства и въ городскихъ банкахъ; но этотъ ужасный опытъ ничему, въ сущности, не научилъ насъ. Въ основѣ банковыхъ хищеній лежитъ произволъ лицъ, стоящихъ во главѣ псевдо-общественныхъ банковъ, вслѣдствіе сбивчивости и спутанности «нормальныхъ уставовъ», не опредѣляющихъ точно ни правъ, ни обязанностей банковыхъ дѣятелей. На этой почвѣ и установился обычай безграницаго, безконтрольнаго кредита директоровъ въ тѣхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, во главѣ которыхъ они стоятъ. Въ силу этого именно обычая, директоръ Рыковъ

такъ просто и блистательно учинилъ крахъ на 10.000,000 рублей. Между тѣмъ, въ маленькой Финляндіи директоръ не имѣетъ права не только учесть свой вексель, но даже и получить ссуду подъ процентныя бумаги въ томъ банкѣ, который онъ управляетъ. Одно только и приходится сказать въ свое оправданіе: «то Финляндія, а то мы!...» А въ Финляндіи, дѣйствительно, нѣтъ банковыхъ хищеній. Тамъ невозможно, съ помощью наглой газетной рекламы, прикрываясь именемъ общественнаго банка и уставомъ, санкціонированнымъ правительствомъ, обобрать населеніе на 10.000,000 рублей,—безнаказанно воруя въ теченіе 19 лѣтъ!..

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

20-ти-лѣтній юбилей Бисмарка. — Паденіе авторитета имперскаго канцлера. — Испытанныя неудачи. — Успѣхи клерикаловъ. — Высокомѣрный тонъ официальной печати. — Процессъ разложенія среди либеральныхъ партій. — Крушеніе національ-либеральной группы.

23 (11) сентября отпразднованъ былъ въ Германіи, и спеціально въ Пруссіи, хотя и безъ особой торжественности, 20-ти-лѣтній юбилей министерской дѣятельности князя Бисмарка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новой эры нѣмецкаго народа. Королевскимъ указомъ отъ 22-го сентября 1862 года, Бисмаркъ-Шёнгаузенъ назначенъ былъ на мѣсто принца Адольфа Гогенлоэ-Ингелъфингена, временно исполняющимъ должность президента прусскаго совѣта министровъ. Недѣли черезъ двѣ онъ былъ окончательно утвержденъ въ этой должности и одновременно назначенъ на мѣсто графа Бернсторфа, министромъ иностранныхъ дѣлъ; послѣдній постъ занималъ онъ безъ перерыва въ теченіе всей послѣдующей своей жизни. Въ любопытномъ сборникѣ его писемъ, изданномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можно найти нѣкоторыя не безынтересныя указанія объ этомъ событіи, знаменательномъ для него лично и для всей Германіи. Въ письмѣ отъ 7-го марта 1862 г. уже имѣются намеки на его предстоящее назначеніе президентомъ совѣта; а въ письмѣ отъ 17-го мая Бисмаркъ, между прочимъ, писалъ своей женѣ слѣдующее: «Наше будущее остается такимъ - же невыясненнымъ, какъ и въ нашу бытность въ Петербургѣ (гдѣ, какъ извѣстно, онъ былъ прусскимъ посланникомъ). Побуда Берлинъ на первомъ планѣ. Лично я ничего не предпринимаю ни за, ни противъ. Но я порядкомъ вутну, когда положу въ карманъ

бумагу о моемъ назначеніи въ Парижъ. Всѣ дни уходятъ на министерскія совѣщанія, и я нашель, что нынѣшніе министры продолжаютъ такъ-же ссориться между собой, какъ и ихъ предшественники». Вскорѣ затѣмъ, 23-го мая, Бисмаркъ писалъ женѣ: «Я назначенъ въ Парижъ, чему душевно радъ, но на заднемъ планѣ все еще густая тѣнь. Меня чуть-чуть не завербовали въ министерство. Уѣду въ Парижъ, какъ только освобожусь. Но возьму съ собой только самыя необходимыя вещи, такъ какъ жду, что черезъ нѣсколько недѣль меня вызовутъ и удержать здѣсь (въ Берлинѣ). Передъ отъѣздомъ я еще повидаюсь съ тобой. Быть можетъ, когда я не буду имъ мозолить собой глаза, они найдутъ другаго президента министерства». А черезъ день, 25-го мая: «Завтра уѣзжаю въ Парижъ,—на долго-ли?—вѣдаетъ одинъ Богъ: можетъ, на мѣсяцы, а можетъ быть, на нѣсколько дней. Они словно сговорились не выпускать меня изъ Берлина, и я буду несказанно радъ, когда, наконецъ, увижу себя въ своемъ саду на берегу Сены, куда въ первые дни мой портъ не станеть пускать никого. Не знаю, посылать-ли мои вещи въ Парижъ, такъ какъ возможно, что меня вернутъ еще съ дороги. Моя поѣздка имѣетъ видъ скорѣе какаго-то бѣгства, а не переселенія на новое мѣстожительство. Мнѣ стоило немало энергій, чтобы хоть временно выбраться изъ этой трактирной жизни. Готовъ принять, что Богъ пошлетъ».

Въ концѣ мая 1862 г. Бисмаркъ уѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ прусскаго посланника при дворѣ императора Наполеона III; но, какъ и предвидѣлъ, онъ черезъ три мѣсяца былъ отозванъ назадъ, чтобы получить постъ президента прусскаго министерства. Вотъ что писалъ онъ своей женѣ 7-го октября того-же года, т. е. наканунѣ своего окончательнаго назначенія: «Пишу тебѣ въ палатѣ, слушая, какъ ораторъ съ трибуны рассказываетъ мнѣ всякій вздоръ; пишу урывками между дѣлаемыми мной заявленіями, пишу, чтобы сказать, что, слава Богу, здоровъ. Работы пропасть, немного утомленъ, мало сплю. Всякое начало трудно, но, съ Божьей помощью, все пойдетъ лучше и лучше. Въ сущности, дѣла идутъ недурно, но не все свѣтло въ моей жизни. Еслибъ не было у меня Роона (фельдмаршала, замѣнившаго впослѣдствіи, на время, Бисмарка въ качествѣ президента министерства) и моеѣ рыжей кобылы, то я чувствовалъ бы себя одинокимъ, хотя и постоянно окруженъ людьми». «Сегодня, пишетъ Бисмаркъ 10-го октября, съ 8-ми до 11-ти дипломатія, съ 11 до 2¹/₂—министерскія совѣщанія и, какъ водится, безвѣчные ссоры, съ 2¹/₂ до 4—докладъ у короля, съ 4¹/₄ до

4³/₄—скачка верхомъ подъ проливнымъ дождемъ, въ 5—обѣдъ, съ 7-ми до 10-ти работа всякаго сорта,—но здоровъ, сонъ хорошъ и страшная жажда».

Въ этихъ немногихъ отрывкахъ изъ частныхъ писемъ къ женѣ, Бисмаркъ обрисовался весь. Какимъ онъ былъ, еще будучи юнымъ безшабашнымъ юнкеромъ, такимъ оказался и на министерскомъ посту: та-же бодрость духа, несокрушимая энергія въ трудѣ, то-же безграничное довѣріе къ себѣ и то-же безпредѣльное презрѣніе къ нѣмецкимъ политикамъ и нѣмецкому парламентаризму. Все это онъ въ дѣлности сохранилъ во всю продолжительную свою дѣятельность. Только въ самое послѣднее время начали измѣнять ему вѣра въ себя и бодрость духа; онъ чувствуетъ замѣтное утомленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало подмигиваться нѣчто въ родѣ горечи отъ испытанныхъ неудачъ, что придавало только еще больше ѣдкости и нахальства его отношеніямъ къ своимъ согражданамъ. Бисмаркъ, видимо, извѣрился въ нѣмцевъ и недоволенъ ими; но нѣмцы, въ свою очередь, недовольны своимъ канцлеромъ, передъ которымъ еще такъ недавно преклонялись. Это чувствуется въ тонѣ печати, которымъ она привѣтствовала день 20-ти-лѣтней годовщины министерской дѣятельности Бисмарка. Она отозвалась очень холодно и сдержанно, какъ-то казенно-официально. Торжественно-хвалебные гимны воспѣли однѣ лишь высоко-официозныя, иначе говоря, специально бисмарковскія газеты; но и въ тѣхъ слышится грустная нотка, которая наводитъ нѣкоторую тѣнь на ихъ праздничное настроеніе. Provinzial-Correspondenz, напр., по случаю высокоторжественнаго событія, посвятила слѣдующія официально прочувствованныя строки своему кумиру:

«23-го сентебря снова вернулся день, когда 20 лѣтъ тому назадъ король Вильгельмъ призывалъ тогдашняго посланника Бисмарка-Шёнгаузена стать во главѣ прусскаго министерства. Какой длинный рядъ пережитыхъ великихъ успѣховъ открывается нынѣ передъ взорами князя Бисмарка, и какихъ славныхъ воспоминаній полны эти успѣхи для прусскаго и всего нѣмецкаго народа! Если взглянуть за эти 20 лѣтъ назадъ, словно иной міръ видишь передъ собой. Какъ не похоже теперешнее на тогдашнее, и—прибавляетъ съ грустью газета—какъ во многихъ отношеніяхъ схоже! Тогда Пруссія едва считалась великой державой, находясь подъ давленіемъ постоянныхъ военныхъ и дипломатическихъ неудачъ, которыя лишали многихъ вѣры въ ея призваніе и будущее, и только открывали широкій доступъ политическому пессимизму и радикализму. Тогда она не имѣла почти никакого значенія въ Германскомъ Союзѣ,

который въ свою очередь влечилъ печальное существованіе, лишенный почти всякой политической жизни, потому что внутреннему развитію его препятствовали вѣчныя разногласія между обоими главнѣйшими и другъ другу равносильными его членами, а могуществу его не давалъ хода партикуляризмъ. Нынѣ могущественная Пруссія стоитъ во главѣ объединенной имперіи, управляемой кроткой рукой возлюбленнаго и справедливаго императора, а союзные государи, соревнуя другъ передъ другомъ въ преданности имперіи, образуютъ незыблемыя опоры народнаго единства. Сама имперія стала хранительницей мира, и высоко чтится всѣми народами; а рука объ руку съ ней—ея вѣрная союзница, дунайская имперія: объ онѣ, взаимно не мѣшая и каждая отвѣчая своему призыванію, споспѣшествуютъ другъ другу въ ихъ миролюбивыхъ и культурныхъ цѣляхъ. О чемъ десятками лѣтъ могли только мечтать, нынѣ стало дѣйствительностью, благодаря славнымъ дѣяніямъ нашего императора и его вѣрнаго канцлера, который, ежечасно готовый съ полнымъ самоотверженіемъ и преданностью слѣдовать велѣніямъ своего государя, всю свою могучую творческую силу и всю свою желѣзную волю положилъ на осуществленіе королевской политики»...—Таковъ тяжеловѣсно высокопарный слогъ официальныхъ прусскихъ изліяній, который, впрочемъ, можетъ служить отличнѣмъ образцомъ всѣхъ вообще, а не только нѣмецкихъ, официальныхъ славословій.

Однакожь, когда газетѣ пришлось свернуть съ этого высокаго сюжета къ вопросамъ ежедневной будничной жизни, то она по неволѣ должна была нѣсколько умѣрить свой торжественно-хвалебный тонъ, потому что, по части внутренней политики, никакими особенными успѣхами не можетъ похвалиться великій сподвижникъ короля-императора. Разумѣется, по мнѣнію Provincial Correspondenz и ей подобныя газетъ, виноватъ въ этомъ не славный канцлеръ, а всеразвѣдающій пессимизмъ и радикализмъ. Она находитъ, что, вопреки грандіозному общему преобразованію, въ дѣлѣ внутренней политики все осталось въ прежнемъ положеніи, въ какомъ было еще 20 лѣтъ тому назадъ. Народное дѣло экономическихъ и соціальныхъ реформъ, скорбитъ она, встрѣчаетъ все тѣхъ-же враговъ, которые и 20 лѣтъ тому назадъ противились дѣлу объединенія Германіи. Тѣми-же средствами, какъ и тогда, и теперь пытаются бороться съ государственнымъ человѣкомъ, стоящимъ во главѣ управленія, и ставятъ преграды на его пути. Всѣ упреки и обвиненія тогдашняго времени повторяются снова. И нынѣ, какъ и тогда, утверждаютъ, будто грозятъ опасность правамъ и вольностямъ на-

рода. И нынѣ стремятся къ тому, чтобы вызвать противорѣчіе между народнымъ представительствомъ и короной. Какъ и тогда, начинается сказываться всеобщее недовольство, и блекнетъ радость, пробужденная успѣхами недавняго времени. Диссонансъ этотъ, которымъ отзывается наша современная политическая жизнь, звучитъ тѣмъ рѣзче, что объясненія его уже нельзя искать, какъ было прежде, въ горькомъ чувствѣ неудовлетворенныхъ народныхъ желаній»...

Въ этомъ газета до нѣкоторой степени права: прежнее взаимное недовѣріе и прежнія враждебныя отношенія между Бисмаркомъ и наибольшою частью народныхъ представителей возвращаются вновь. Но на этомъ и кончается сходство. Тогда у него была передъ глазами ясно сознанная и опредѣленная цѣль, въ которой въ то же время всѣмъ сердцемъ стремился каждый истинный нѣмецъ, издавна привышій мечтать объ единомъ великомъ отечествѣ. Общая цѣль эта, достиженіе которой въ рукахъ Бисмарка оказалось и близкимъ и возможнымъ, позволила ему увлечь за собой весь нѣмецкій народъ, слѣпо и съ безграничнымъ довѣріемъ ринувшійся за своимъ вождемъ, забывъ всѣ бывшія до того несогласія. Тогда Бисмаркъ ясно видѣлъ, куда шель, и зналъ, чего хотѣлъ. Нынѣ такой цѣли у него нѣтъ. Сойдя съ знакомой и хорошо изслѣдованной имъ почвы внѣшней политики, онъ пустился въ невѣдомыя для него дебри социальныхъ и экономическихъ вопросовъ и, разумѣется, сразу запутался. Ставя передъ собою уже не осязательныя цѣли, а призраки, порождаемые его непомѣрнымъ самомнѣніемъ и глубокимъ убѣжденіемъ, что нѣмцы неспособны сами радѣть о своей пользѣ, Бисмаркъ, въ постоянной погонѣ за большинствомъ, которая съ каждымъ днемъ становилась для него все недостижимѣе, принялся кидаться изъ стороны въ сторону, мѣняя взгляды и направленія, какъ перчатки. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, нѣмцы, еще такъ недавно стоявшіе горой за своего канцлера, мало-по-малу стали отставать отъ него, не желая пускаться за нимъ по пути въ неизвѣстному и въ то же время находя для себя далеко нелегкой желѣзную, тяготящую надъ ними руку. Неопредѣленность его политики, въ концѣ концовъ, до того спутала всѣхъ, что теперь даже консерваторы настойчиво требуютъ отъ правительства ясной и опредѣленной программы. Но въ отвѣтъ на такое законное требованіе, высоко-оффиціозная Provinzial Correspondenz категорически заявляетъ, что правительство никакой программы формулировать не намѣрено, такъ какъ мнѣнія его достаточно, будто-бы, известны всѣмъ и каждому. Но въ томъ-то и бѣда, что они никому

хорошо не извѣстны, и теперь несчастные консерваторы, въ виду вступающихъ выборовъ въ прусскій ландтагъ и германскій рейхстагъ не знаютъ, какого порядка держаться, куда идти и кого проводить. В результатѣ, все, что нѣкогда поддерживало Бисмарка, отошло отъ него пустилось въ разбродъ. Ультрамонтане, т. е. центръ, нападаютъ на него яростнѣе, чѣмъ когда либо; рѣшительно противъ него—демократы и прогрессисты, національ-либералы болѣе не съ нимъ; консерваторы начинаютъ ему измѣнять. Кто-же съ нимъ остается? Какихъ результатовъ можно дожидаться при такихъ невозможныхъ условіяхъ?

Теперь князь Бисмаркъ, оглянувшись на пройденныя имъ послѣднія 10 лѣтъ, долженъ съ горечью сказать себѣ, что ни на шагъ не двинулся впередъ. Тѣ-же неразрѣшимыя задачи, которыя имѣлись въ виду тогда, стоятъ и теперь передъ нимъ. Успѣхи, достигнутые имъ вначалѣ на экономической почвѣ, какъ напр. введеніе новой таможенной системы и вообще усиленіе косвенныхъ налоговъ, сводятся теперь на нѣтъ или приводятъ къ совершенно отрицательнымъ результатамъ; а пресловутый проектъ его о табачной монополіи, которымъ онъ думалъ увѣнчать воздвигнутое имъ на пескѣ социально-экономическое зданіе, торжественно проваливается въ рейхстагѣ:—не нашлось въ немъ и одной пятой головъ, чтобы поддержать эту крайне выгодную для Бисмарка мѣру. Мало того, ему пришлось даже совершить позорное отступленіе, отступленіе тѣмъ болѣе тяжелое, что дѣло можно было выиграть, что право было на сторонѣ правительства, но только проводилось оно несоответственными средствами. Мы говоримъ о столкновеніи съ римской церковью, о такъ называемой культурной борьбѣ. Цѣлыхъ десять лѣтъ велась она съ одинаковымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и, въ концѣ концовъ, только разожгла католическій фанатизмъ и напрасно скомпрометировала государство. Нынѣ католицизмъ, поразивъ нѣмецкое государство во всѣхъ пунктахъ, благодаря грубости и нецѣлесообразности приемовъ, употребленныхъ въ борьбѣ съ нимъ, высоко поднялъ знамя средневѣковаго мракобѣсія. Печальные результаты, къ которымъ привела эта несчастная для правительства культурная война, могутъ послужить лучшей иллюстраціей несостоятельности ультра-монархической политики Бисмарка и его анти-парламентскихъ, полицейско-административныхъ приемовъ.

Какъ извѣстно, стѣснительные майскіе законы 1874 года, которыми Бисмаркъ думалъ было подчинить римскую церковь государству, почти что не существуетъ болѣе. Убѣдившись, наконецъ, въ невозможности до-

биться желаемых результатов путемъ полицейскихъ наслій и чиновничьяго произвола, онъ вынужденъ былъ одинъ за другимъ отмѣнить безцѣльныя постановленія, и готовъ бы даже пожертвовать послѣдними остатками преимуществъ, предоставленныхъ названными законами государству, еслибъ не прошедшій рейхстагъ, который, вопреки правительству, продолжалъ дѣйствіе остающихся за государствомъ правъ до апрѣля 1884 года. Но, въ сущности, дѣйствіе этихъ правъ является нынѣ чисто фиктивнымъ, не имѣющимъ болѣе никакого значенія на практикѣ. Мало того, оно даже крайне стѣснительно для правительства, такъ какъ, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ уступокъ, послѣднее уже безсилно ограждать отъ посягательства церкви бранныя остатки неудавшейся системы. Такъ, на примѣръ, оно не знаетъ теперь, что дѣлать съ такъ называемыми государственными священниками, назначенными правительствомъ въ тѣ приходы, откуда, въ силу майскихъ законовъ, уволены были прежніе, не хотѣвшіе признать надъ собою главенства государства. Такихъ, положимъ, немного, — всего 120 человекъ, но они являются просто бременемъ для правительства. Этимъ несчастнымъ государственнымъ пастырямъ, все время бывшимъ безъ паствы, потому что вѣрные католики не признавали ихъ за священниковъ, — повидимому, суждено сдѣлаться возлицами отпущенія за грѣхи правительства, которое собирается предать ихъ на съѣденіе торжествующимъ епископамъ.

Разумѣется, католическое духовенство не замедлило воспользоваться побѣдой. Оно не только завладѣло вновь временно потеряннымъ, но стремится захватить еще большую власть въ свои руки. Такъ оно, впрочемъ, поступало всегда, умѣя ловко эксплуатировать малѣйшую слабость своихъ противниковъ. До какихъ размѣровъ доходитъ нахальство и требовательность вѣрныхъ слугъ церкви, видно изъ начатаго ими преслѣдованія смѣшанныхъ браковъ, т. е. браковъ, заключаемыхъ между католиками и лютеранами. Въ сентябрѣ, по распоряженію вновь назначеннаго въ Бреславль епископа Роберта (въ священствѣ патера Герцога), бывшаго еще недавно *persona gratissima* прусскаго правительства, прибито было на церковныхъ дверяхъ, по всей названной епархіи, объявленіе слѣдующаго, нѣсколько дикаго для конца XIX столѣтія, содержанія: «Тѣ изъ католиковъ, которые довольствуются гражданскимъ бракомъ, заключеннымъ передъ лицомъ гражданскихъ властей, не вѣнчаясь затѣмъ въ церкви, или тѣ изъ нихъ, которые, вступая въ бракъ съ протестантами, примутъ благословеніе отъ некаатолическаго священника, — не будутъ признаваться католическою церковью состоящими въ законномъ бракѣ. Они отлучаются отъ

принятія св. таинъ и лишаются права быть воспріемниками отъ купели, брачными свидѣтелями, церковными старостами и т. п. Дѣти ихъ будутъ признаваться церковью незаконными». Забавное объявленіе это вызвало сильнѣйшее негодованіе среди протестантскаго лагеря и чуть не разстроило умирительный союзъ, заключенный было между клерикалами и ультра-консерваторами, ради уничтоженія ненавистнаго тѣмъ и другимъ гражданскаго брака. Взволновался весь протестантскій міръ, и даже пасторъ Штеккеръ со всѣми приверженцами крайней правой, для которыхъ клерикально-консервативный союзъ былъ всегда желанной мечтою, и тѣ выразили свое неудовольствіе. Очевидно, выходка бреславскаго епископа была лишь избирательнымъ маневромъ, чтобы въ виду наступающихъ выборовъ произвести давленіе на правительство; потому что, въ поясненіе вывѣшеннаго церковнаго объявленія, епископъ Робертъ не замедлилъ вслѣдъ затѣмъ заявить, что «смѣшанные браки, благословляемые протестантскимъ пасторомъ, признаются церковью дѣйствительными, хотя и недозволенными». Разумѣется, для непосвященныхъ въ тонкости канонической казуистики остается тайной глубокой смыслъ кроющійся въ опредѣленіи брака, «хотя и дѣйствительнаго, но недозволеннаго». — Мы остановились на этомъ эпизодѣ со смѣшанными браками, потому что онъ былъ однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ за послѣднее время въ Германіи, серьезно взволновавшимъ нѣмецкое общество; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наглядно обрисовываетъ характеръ того безповоротнаго пораженія, какое потерпѣлъ Бисмаркъ по церковному вопросу. Подобныя-же пораженія, какъ мы уже неоднократно говорили, понесъ онъ и на остальныхъ поприщахъ внутренней политики, въ вопросахъ экономическихъ, финансовыхъ и социальныхъ. Въ результатѣ оказались — пошатнувшійся парламентскій строй государства и подорванное довѣріе народа къ правительству. Въ настоящее время, прежній безграничный авторитетъ князя Бисмарка сильно упалъ, упалъ настолько, что только одна, не особенно многочисленная партія свободныхъ консерваторовъ готова безъ всякихъ оговорокъ поддерживать политику имперскаго канцлера. Его, однако, нисколько не страшитъ это одиночество. Пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ несмѣняемаго министра, довѣріемъ къ себѣ престарѣлаго монарха, а въ особенности полнымъ разбродомъ среди нѣмецкихъ политическихъ партій, онъ ни на шагъ не думаетъ уклоняться отъ разъ намѣченнаго пути; напротивъ того, чѣмъ упорнѣе встрѣчаемое имъ отовсюду сопротивленіе, тѣмъ сильнѣе становится его высокоуміе, тѣмъ глубже вѣра въ непоколебимость его ультра-монар-

хических возрѣній. Это всего нагляднѣе сказывается теперь, наканунѣ выборовъ въ прусскій парламентъ. Никогда еще, кажется, его вѣрные глашатаи, официальные газеты, не говорили съ такимъ канцелярски-олимпійскимъ величіемъ, какъ въ настоящее время. Однаково достается отъ нихъ не только либераламъ, но и самимъ консерваторамъ, которые, казалось-бы, своей слѣпой преданностью власти заслужили право на нѣкоторое къ себѣ снисхожденіе. Оффиціозы эти не ставятъ теперь ни въ грошъ конституціонныя права народа, заявляя напрямикъ, что обязанность пешить о его благѣ всецѣло принадлежитъ правительству, а что ему, народу, предоставляется только право съ благодарностью принимать оказываемыя ему великія милости и щедроты. Такъ напр., Norddeutsche Allgemeine Zeitung, вдохновляемая, такъ сказать, непосредственно самимъ Бисмаркомъ, высокоумно заявляетъ, что всѣ упреки, будто князь домогается на выборахъ образованія правительственнаго большинства, ни на чемъ не основаны. Онъ вовсе не нуждается въ такомъ большинствѣ. Прямая обязанность правительства, говоритъ газета, — подготовить законы, на необходимость которыхъ указываетъ простой здравый смыслъ, представить ихъ государю и затѣмъ получить на нихъ королевскую санкцію. Если законы эти, признанные необходимыми или своевременными королемъ и его совѣтниками, будутъ отвергнуты ландтагомъ или рейхстагомъ, то отъ этого пострадаютъ не правительство и его члены, а сами-же избиратели, о благѣ которыхъ заботились. Правительство имѣетъ полную возможность спокойно выждать того момента, когда избиратели увидятъ наконецъ необходимость выбрать депутатовъ, болѣе проникнутыхъ чувствомъ долга и отвѣтственности передъ народомъ. «Взглядъ этотъ, утверждаетъ Norddeutsche Zeitung—все болѣе распространяется въ правящихъ сферахъ, а поэтому нелѣпо предполагать, чтобы тамъ старались придать выборамъ правительственный характеръ; напротивъ того, объ этомъ должны хлопотать сами-же избиратели, если только имъ дорого дѣло страны».

Итакъ правительственный абсолютизмъ—вотъ идеаль князя Бисмарка. За дѣвять 20 лѣтъ, онъ ни на іоту не поступился своими убѣжденіями, а наоборотъ, только окрѣпъ въ нихъ. Какимъ былъ юнкеръ фонъ-Бисмаркъ, такимъ-же остался и Бисмаркъ—канцлеръ имперіи. При такихъ необыкновенныхъ возрѣніяхъ на представительный режимъ, министрамъ, разумѣется, нѣтъ причинъ заботиться о выборахъ. Какой, въ самомъ дѣлѣ, имъ интересъ въ томъ, чтобы та или другая политическая группа получила перевѣсъ на выборахъ, разъ за представителями стра-

ны признаётся лишь право на совѣщательный голосъ, а парламентъ низводится на степень какой-то канцеляріи, обязанной вносить въ подходящій журналъ и за подходящимъ номеромъ правительственныя распоряженія? На столбцахъ своего оффиціознаго органа, князь Бисмаркъ вѣщаетъ избирателямъ, что не онъ обязанъ согласоваться съ ихъ желаніями, а они должны сообразоваться со взглядами правительства и составить палату въ его ввусахъ. Если-же они станутъ упорствовать, то правительство будетъ ждать, пока они не образумятся: оно стоитъ выше политическихъ и парламентскихъ колебаній и, сильное принципомъ непоколебимости монархической власти, свободно отъ той торопливости и нетерпѣливой необузданности, какими невольно отличаются отдѣльныя личности и партіи. Эта теорія правительственной непогрѣшимости вовсе не нова въ Пруссіи. Она только временно была какъ бы ступешвана великими событіями, сопровождавшими народженіе единой Германіи. Въ эту славную для нѣмцевъ эпоху Бисмаркъ видѣлъ въ народномъ чувствѣ сильный оплотъ противъ партикуляризма, и потому искалъ опоры въ общественномъ мнѣніи; за это онъ даже слылъ одно время, среди неисправныхъ дворянъ-консерваторовъ, чуть не революціонеромъ. Но медовый мѣсяцъ такого единенія Бисмарка съ народомъ длился недолго. По мѣрѣ того, какъ росла въ обществѣ оппозиція противъ его экономическихъ и социальнo-государственныхъ доктринъ, усиливалось и его врожденное отвращеніе къ парламентаризму. Теперь онъ выказываетъ это отвращеніе такъ-же открыто, какъ выказывалъ его и въ самомъ началѣ своей служебной карьеры, и видимо пытается повернуть Пруссію, а съ нею и всю Германію, за 20 лѣтъ назадъ, къ эпохѣ извѣстной кенигсбергской рѣчи, въ которой король Вильгельмъ противопоставалъ требованіямъ палаты свое божественное право и чуть не провозглашалъ себя избранникомъ Божиимъ на землѣ. Однако, какъ бы ни была подготовлена почва въ извѣстныхъ нѣмецкихъ сферахъ для насажденія подобныхъ теорій, но истекшія 20 лѣтъ и хотя-бы только кажущееся пользованіе благами представительнаго режима недаромъ пережиты нѣмцами; слова кенигсбергской рѣчи отзываются нынѣ фальшью даже въ сердцахъ, наиболѣе вѣрныхъ преданіямъ старины. Черезчуръ откровенное заявленіе бисмарковскаго органа, что консерваторы не имѣютъ права слушаться голоса своей совѣсти и личныхъ убѣжденій, а обязаны слѣпо слѣдовать за правительствомъ, смутило даже самыхъ нетребовательныхъ. Положимъ, Съ верогерманская газета спохватилась и, чтобы нѣсколько загладить грубость и неприличіе своей выходки, пояснила, что консерва-

живная партія, по натурѣ своей, должна быть прежде всего монархической партіей, а потому обязана всѣми силами поддерживать вѣрныхъ слугъ своего государя, т. е. министровъ и иныхъ представителей власти. Итимъ, однако, она дѣла не поправила. Даже такая юнкерская и ветховѣтная газета, какъ Kreuz Zeitung, и та показала, что она лучше понимаетъ обязанности конституціоннаго правительства, священнѣйшій долгъ котораго—ограждать личность государя. Газета энергически протестовала противъ этого неблаговиднаго приѣма правительства—вмѣшиваться въ политическія распри неотвѣтственную особу короля-императора,—и протестъ этотъ поддерживается почти всею консервативною прессой. Князь Бисмаркъ слишкомъ круто завернулъ пружину и, своими не ко времени автократическими теоріями, вызвалъ только расколъ среди своихъ-же всегдашнихъ союзниковъ—консерваторовъ, часть которыхъ уже собирается повернуться спиной къ правительству.

Не смотря на почти безусловную утрату популярности въ нѣмецкомъ народѣ, положеніе князя Бисмарка все еще далеко не безнадежно. Крѣпкій довѣріемъ къ себѣ императора и вѣрой въ несокрушимость своей энергіи, онъ по прежнему, какъ пѣшками, продолжаетъ играть своими противниками. А враговъ у него теперь немало. Враги его—вся нѣмецкая интеллигенція, вся масса рабочихъ, которые никакъ не хотятъ увѣривать въ искренность канцлерскаго социализма, весь нѣмецкій народъ, которому нелегко сносить прелести милитаризма и благодѣнія усиленныхъ пошлинъ и тарифовъ. Но враги эти безсильны, потому что не представляютъ компактной массы, а нападаютъ въ разбродъ и постоянно мѣшаютъ другъ другу. Въ сущности, теперь какъ нельзя болѣе благоприятное время для либераловъ: всѣ шансы для побѣды на ихъ сторонѣ; къ сожалѣнію, между ними нѣтъ ни малѣйшей солидарности. Они не составляютъ одной сплоченной и дисциплинированной группы, а дробятся на безконечное число партій, находящихся въ непримиримой враждѣ другъ съ другомъ.

Мало того, партія наиболѣе значительная изъ нихъ по количеству, хотя ряды ея за послѣднее время и замѣтно порѣдѣли, имѣетъ настолько смутное представленіе о своей задачѣ, что, въ строгомъ смыслѣ, даже не можетъ считаться либеральной. Это—партія національ-либераловъ. Постоянными измѣнами либеральнымъ принципамъ и угодничествомъ передъ желѣзнымъ канцлеромъ они утратили ясное пониманіе своего призванія, и теперь на ихъ знамени стоитъ далеко не то, что стояло на немъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Тогда девизомъ либераловъ была сво-

бода совѣсти и постепенное развитіе конституціонныхъ началъ и маніи. Во что обратили этотъ девизъ національ-либералы, это видно изъ ихъ отношенія къ церковному вопросу. Когда началась преслѣдательная культурная борьба, они, въ угоду князю Бисмарку, быстро отступили отъ своего прежняго принципа — «свободная церковь въ свободномъ государствѣ», свободу совѣсти въ дѣлѣ религіи стали обзывать не глухимъ предрасудкомъ, и безъ стыда смотрѣли, какъ и чиновники хозяйничали въ католическихъ провинціяхъ государства. То же самое случилось и съ либеральными воззрѣніями на внутреннее государственное устройство. То, что считалось прежде образцомъ стойкимъ подражанія, — конечно, разумнаго, не слѣпago подражанія, напр., свободныя учрежденія Англіи, — теперь втаптывается напѣвомъ либералами въ грязь. Они, подобно нашимъ охранителямъ «среднихъ началъ», утверждаютъ, что нѣмцамъ учиться не у кого, что русскія учрежденія ослѣпляютъ глаза только своею внѣшностью, на самомъ дѣлѣ они переживаютъ процессъ разложенія, и что должны завести у себя свой собственный, доморощенный конституціонизмъ, не похожій на общепринятый. И, дѣйствительно, это имѣетъ у насъ народился конституціонизмъ совсѣмъ особаго сорта, суть котораго можетъ быть выражена въ слѣдующемъ: несмѣняемый первый министръ и отвѣтственный глава государства. Горе только въ томъ, что эта въ европейскомъ обществѣ зовется не конституціонной, а императорско-кратической.

Теперь, однако, когда нѣмецкій конституціонизмъ доведенъ до абсурда, до отрицанія самой сущности представительнаго режимъ, національ-либералы начинаютъ, повидимому, сознавать свое положеніе, наконецъ, ту печальную роль, которую они играли за послѣднія 10 лѣтъ. Надо во чтобы то ни стало спасать остатки конституціи отъ окончательнаго крушенія, надо отстаивать права представительнаго представительства отъ посягательствъ желѣзнаго канцлера. Что же это сдѣлать? Чтобы получить въ имперскомъ парламентѣ перевѣсъ соединенными силами консерваторовъ и клерикальнаго центра, необходимо либераламъ пріобрѣсти на предстоящихъ выборахъ большинство въ 70-ти новыхъ избирательныхъ округахъ, и, между прочимъ, въ бранденбургскихъ, гдѣ за послѣднее время либералы совершенно не участвовали въ избирательной борьбѣ. Пріобрѣсти сразу массу новыхъ депутатскихъ мѣстъ — дѣло нелегкое. А между темъ только такимъ путемъ и можно упрочить дѣло либерализма въ

нин. Положимъ, при тѣхъ условіяхъ, какія существовали доселѣ, никакое прочное большинство не было мыслимо въ германскомъ рейхстагѣ: въ немъ либералы, консерваторы и центръ составляли три почти равносильныя по количеству группы. Еще нѣсколько сильнѣе остальныхъ была доселѣ партія центра (клерикаловъ), и то, главнымъ образомъ, благодаря строгой дисциплинѣ и солидарности ея членовъ. Поэтому, центръ, служа объектомъ заигрываній со стороны всѣхъ остальныхъ партій, а также и правительства, игралъ такую видную роль въ послѣдній законодательный періодъ: на чью сторону онъ становился, та партія и брала верхъ. Такое положеніе представляло ту опасность для либераловъ, что центръ, лишенный опредѣленной политической окраски и отстаивающій лишь клерикальные интересы, легко могъ, во всякое время и по всякому вопросу, войти въ случайный компромиссъ съ консерваторами, что, дѣйствительно, неоднократно и случалось. Чтобы оградить себя отъ подобныхъ сюрпризовъ, т. е., чтобы обезпечить за собой такое большинство, которое могло-бы осилить консерваторовъ и клерикаловъ, вмѣстѣ взятыхъ, либераламъ и необходимо провести своихъ депутатовъ въ 70-ти новыхъ округахъ. Они разсчитываютъ на счастливое стеченіе обстоятельствъ, на расстройство, вызванное, по милости чрезмерной требовательности официальныхъ органовъ печати, въ рядахъ консерваторовъ, а, главнымъ образомъ, на быстро усиливающееся недовольство политикой канцлера въ народѣ. Быть можетъ, либералы и не ошибутся въ разсчетахъ. Но если расчетъ ихъ и вѣренъ, если они и добьются не относительнаго, а безусловнаго большинства, какъ въ прусскомъ ландтагѣ, такъ и въ общеимперскомъ рейхстагѣ, то этотъ успѣхъ все-же не принесетъ имъ надлежащей пользы при томъ страшномъ разбродѣ, который нынѣ царитъ въ рядахъ либераловъ.

Они, разумѣется, отлично понимаютъ это и сами. И вотъ теперь, какъ это бывало и прежде передъ выборами, между ними началось движеніе въ пользу взаимнаго сближенія между отдѣльными и до безконечности разнообразными группами либеральнаго лагеря, между всѣми этими умѣренными, національ-либералами, просто либералами, сецессионистами, прогрессистами, демократами и пр. и пр. На многочисленныхъ частныхъ собраніяхъ, вожаками партій, какъ Ласкеръ, Генель и др., произносятся горячія и убѣдительныя рѣчи, въ газетахъ печатаются воззванія, манифесты, въ которыхъ всѣ искренніе либералы призываются къ объединенію, къ прекращенію всѣхъ взаимныхъ ссоръ и мелкихъ пререканій, къ дружному и солидарному дѣйствию противъ всесильнаго и

всеподавляющаго обскурантизма. Наряду съ этимъ, среди націоналъ-либераловъ рейнскихъ провинцій возникаетъ мысль объ образованіи наиболее умѣренныхъ фракцій одной большой и однородной группы, подобіе центра въ парламентахъ другихъ государствъ, которая служила бы, такъ сказать, незыблемымъ фондомъ въ представительномъ собраніи и являлась-бы сдерживающимъ элементомъ для остальныхъ партій, представляя собою связующее звено между крайними правыми и крайними лѣвыми. Какъ извѣстно, до сихъ поръ отсутствіе политическаго центра въ нѣмецкихъ парламентахъ и составляло одну изъ страннѣйшихъ особенностей германскаго конституціонализма. То, что у нихъ называется центромъ, — вовсе не центръ въ общепринятомъ его значеніи. Это — партія клерикаловъ, партія исключительно католическая, чуждая дѣйствительныхъ политическихъ интересовъ и преслѣдующая лишь интересы церкви, отстаивая ихъ отъ нападеній со стороны государства. Нѣмецкій центръ, въ сущности, ничто иное, какъ партія, именуемая другими досударствахъ ультрамонтанами, занимающими всегда самое крайнее мѣсто на правой сторонѣ. Установить болѣе нормальныя отношенія, отодвинуть клерикаловъ на подобающее имъ мѣсто, а самимъ занять ихъ теперешнее положеніе въ парламентѣ, образовавъ изъ себя большую, умѣряющую порывы крайнихъ, центральную партію, — и случилось теперь одной изъ заботъ либераловъ. Предполагается сдѣлать націоналъ-либераловъ, такъ сказать, зерномъ будущей группы центра къ этому зерну привлечь затѣмъ, съ одной стороны, болѣе податливыхъ консерваторовъ, какъ напр., либеральныхъ консерваторовъ, а съ другой, — сецессионистовъ (партію, отдѣлившуюся въ послѣднее время отъ націоналъ-либераловъ) и самыхъ неустойчивыхъ изъ прогрессистовъ.

Судя однако по началу, шансы на успѣхъ не велики. До сихъ поръ всѣ попытки либераловъ къ взаимному сближенію были настолько неудачны, что даже вызвали раздоръ среди наиболее сплоченной изъ всѣхъ либеральныхъ группъ, — среди прогрессистовъ. Группа эта собирается распастись на двое. Часть прогрессистовъ, со славнымъ вожакомъ своимъ Рихтеромъ во главѣ, продолжаетъ настаивать на безусловной оппозиціи правительству, тогда какъ болѣе умѣренные изъ нихъ, руководимые Генелемъ (Hänel), не прочь отъ компромиссовъ. Рихтеръ уже давно тяготился диктатурой общаго вождя прогрессистовъ, Рихтера, и въ свою очередь порывался играть болѣе видную роль съ своей партіей. По окончаніи прошедшей сессіи, онъ вернулся изъ Берлина къ своимъ избирателямъ въ Шлезвигъ-Гольштейнъ и принялся агитировать

вать, не сговорившись предварительно со своими сотоварищами, въ пользу организоваія средней либеральной партіи. Одни сецессионисты откликнулись на призывъ; національ-либералы выставили цѣлый рядъ оговорокъ. Но приобрѣтя поддержку сецессионистовъ, Генель утратилъ сочувствіе большей части прогрессистовъ. Рихтеръ, раздосадованный самовольными дѣйствіями Генеля, заступился за цѣлость и права своей партіи. Въ рѣчи, произнесенной имъ по этому поводу, онъ, между прочимъ, категорически заявилъ: «Сообразоваться на выборахъ съ какими либо новообразованиями въ будущемъ среди партій или даже въ самомъ правительствѣ — безусловно непрактично. Во всякомъ случаѣ, прежде всего слѣдуетъ озаботиться объ охраненіи самостоятельности партіи прогрессистовъ въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ, а потому никто изъ партіи не имѣетъ права, безъ вѣдома и согласія своихъ единомышленниковъ, входить въ связи или соглашенія съ какой-либо другой партіей». Итакъ, попытка Генеля не привела пока ни къ чему, а только пошатнула бывшую доселѣ солидарность между самими прогрессистами.

Весьма возможно, что усилившіеся до крайности внутренніе раздоры среди партій, съ одной стороны, а съ другой, болѣе энергическія, чѣмъ когда либо, попытки ко взаимному сближенію являются лишь признаками того благотворнаго процесса разложенія, который всегда предшествуетъ образованію новыхъ формъ. Но если нѣкоторымъ изъ либеральныхъ партій и удастся сплотиться, или одной изъ нихъ получить неоспоримый перевѣсъ надъ нелиберальными группами, то этимъ побѣда далеко еще не будетъ обезпечена. Вступивъ въ рѣшительную борьбу съ имперскимъ канцлеромъ, необходимо заручиться ясно и опредѣленно формулированной программой; а такой программы пока и нѣтъ у либераловъ. Особенно несостоятельна та часть ея, которая касается социальнаго вопроса. Вопросъ этотъ — самый существенный и настоятельный въ современной жизни, и Бисмаркъ отлично это понималъ, взявъ на себя монополию социализма; а между тѣмъ громадное большинство либераловъ продолжаетъ относиться къ нему съ точки зрѣнія узко-мѣщанскихъ воззрѣній и лавочныхъ интересовъ. На ихъ счастье, нѣмецкіе рабочіе недовѣрчиво относятся къ попыткамъ князя Бисмарка облагодѣтельствовать ихъ своимъ «спеціальнымъ» социализмомъ, но они враждебны и либеральной оппозиціи, которую справедливо упрекаютъ въ равнодушіи къ социальному вопросу вообще, а къ рабочему въ особенности. Конечно, наиболѣе передовые изъ либераловъ сознаютъ

всю невыгоду такого существеннаго пробѣла въ ихъ программѣ, но не дерзаютъ ставить вопросъ ребромъ, боясь раздражить гусей. Такъ, въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ послѣднее время Ласкеромъ, онъ указывалъ на необходимость того, чтобы либералы перестали довольствоваться одной пассивной оппозиціей правительственному социализму, а сами взялись бы за рѣшеніе рабочаго вопроса. Но какъ бы въ насмѣшку, отвѣтомъ на этотъ призывъ явился новый манифестъ къ избирателямъ національ-либераловъ, въ которомъ чуть не дословно повторяются quasi либеральныя общія мѣста изъ существовавшей доселѣ политической программы этой партіи. Вотъ главные пункты этого манифеста: 1) Прогрессъ мирнымъ и непрерывнымъ путемъ, охраненіе нѣмецкаго единства въ предѣлахъ федеративной имперіи и подъ управленіемъ популярной династіи; 2) свобода на экономической почвѣ и борьба съ тенденціями аграрными, корпоративными и социалистическими; 3) борьба противъ социальной утопіи и социальныя реформы законодательнымъ путемъ; 4) реформа системы прямыхъ податей и т. д. Выписывать все содержаніе не стоить.

Итакъ, борьба съ социализмомъ, съ одной стороны, и социальныя реформы съ другой! Ужь, конечно, не съ такой программой въ рукавъ можно браться за рѣшеніе рабочаго вопроса! Къ счастью, національ-либералы до того успѣли надоѣсть нѣмецкому народу своимъ вѣчнымъ скаканіемъ изъ стороны въ сторону, что теперь они лишены почти всякаго довѣрія въ странѣ. Только что произведенные первичныя выборы *) въ прусскій ландтагъ показали это весьма наглядно: національ-либералы понесли такое-же безусловное пораженіе, какъ и консерваторы. Пѣсенка ихъ спѣта; и теперь можно надѣяться, что дѣло либерализма въ Германіи попадетъ въ болѣе крѣпкія и надежныя руки.

---

*) Въ Пруссіи выборы не простые, а двойственные: сначала выбираютъ избирателей, а потомъ ужъ они изъ своей среды выбираютъ депутатовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ. (*Биографическій очеркъ*), А. Голубева. Спб. 1882 г.—Жизнь и общественная дѣятельность князя А. И. Васильчикова представляетъ весьма благодарный матеріалъ для біографа; но полная, подробная біографія князя—дѣло будущаго: теперь она положительно не по сезону: въ ней, волей-неволей, придется отразить, какъ въ зеркалѣ, внутренней смыслъ и духъ двухъ царствованій—Николая I и Александра II. Здѣсь нѣтъ надобности распространяться о значеніи общественной дѣятельности князя А. И. Васильчикова, — это сдѣлано въ январьской книгѣ «Наблюдателя», въ статьѣ В. Я. Стоюнина. Пользуясь «біографическимъ очеркомъ» А. Голубева, умѣло и добросовѣстно составленнымъ, мы остановимся, такъ сказать, на обратной сторонѣ дѣла—напомнимъ тѣ условія и причины, въ силу которыхъ человѣку даровитому, широко образованному, преданному интересамъ общества, —какимъ безспорно былъ князь Васильчиковъ,—не нашлось соотвѣтствующаго мѣста ни въ области государственной дѣятельности, ни въ сферѣ общественнаго служенія,—и ему, равнавшемуся къ непосредственному служенію государству и обществу, пришлось, въ теченіе 42-лѣтней дѣятельности, оставаться какъ бы въ положеніи лишняго чело-
вѣка.

«Я преслѣдовалъ въ моей жизни цѣль—жить не для удовольствія и печалей, а для дѣла, настоящаго дѣла, и смотрѣть на жизнь, какъ на поприще, которое надо пройти честно съ начала до конца». Такъ говорилъ о себѣ князь Васильчиковъ въ своей перепискѣ съ близкими ему людьми. Посмотримъ, насколько удалось князю Васильчикову выполнить ту «цѣль», которую онъ преслѣдовалъ въ своей жизни. Въ 1839 году князь Васильчиковъ окончилъ университетъ, по юридическому факультету, со степенью кандидата. Служебная карьера не прельщала его; онъ желалъ посвятить себя общественной службѣ въ провинціи. Именно потому, что онъ ставилъ себѣ «цѣлью—жить... для дѣла, настоящаго дѣла», ему пришлось встрѣтить препятствія съ первыхъ же шаговъ въ практической жизни. Честный взглядъ князя на жизнь былъ діаметрально противоположенъ стремленіямъ карьеристовъ знатныхъ фамилій. Императоръ Николай призывалъ князя къ себѣ, сдѣлалъ ему строгое внушеніе и совѣтовалъ перемѣнить сѣ. Нѣкоторое время, князю Васильчикову пришлось послужить во II отдѣленіи императорской

канцеляріи. Канцелярская работа томилъ его, и онъ рвался къ общественной дѣятельности. По этому поводу графъ Блудовъ управлявшій тогда канцелярію, замѣтилъ князю Васильчикову, что «образъ мыслей его не вполнѣ благонамѣренъ и что вообще на провинціальныхъ, какъ административныхъ, такъ и сословныхъ представителей смотрятъ съ подозрѣніемъ».

Но, вѣрный разъ поставленной цѣли, князь Васильчиковъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ, замѣнилъ служебную карьеру, сулившую ему блестящую перспективу, скромною общественною дѣятельностью, на которую «смотрѣли съ подозрѣніемъ». Сначала онъ былъ уѣзднымъ, а потомъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Около него образовался кружокъ честныхъ, образованныхъ людей, готовыхъ на борьбу съ злоупотребленіями, творившимися тогда мѣстною администраціею и помѣщиками. Но это оказалось рѣшительно невозможнымъ. Европейская революція 1848 года вызвала страшную реакцію въ Россіи. Университетское образованіе, наука, литература—все это открыто признавалось зломъ для государства. Люди, возстававшіе противъ помѣщичьяго и чиновничьяго распутства, самоуправства и злоупотребленій, считались неблагонамѣренными. По словамъ брата графа, на князя Васильчикова, дѣятельно принявшагося было за искорененіе злоупотребленій, «смотрѣли подозрительно и считали даже опаснымъ». Пришлось бросить предводительство; онъ отправился въ свое имѣніе, въ Ковенской губерніи, на прусской границѣ, и здѣсь, уединившись отъ правительства и русскаго общества, предался сельскохозяйственнымъ занятіямъ. Это уединеніе, да постъ предсѣдателя государственнаго совѣта, занимаемый отцомъ А. Ил. Васильчикова спасли его, какъ «человѣка опаснаго», отъ болѣе серьезныхъ преслѣдованій со стороны реакціи, окончательно потерявшей всякое чувство мѣры и предававшейся безграничному насилію произволу надъ всѣмъ, что было тогда образованнаго и развитаго въ русскомъ обществѣ. Не мало людей погибло за это время въ рудникахъ каторги только за то, что они придерживались того же взгляда на «цѣль жизни», какъ и князь Васильчиковъ и исповѣдывали тѣ же честные гражданскіе принципы.

Но вотъ пришелъ конецъ реакціи. На очередь сталъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Началась работа въ этомъ направленіи. Безспорно, князь Васильчиковъ, какъ человѣкъ образованный, прошедшій притомъ солидную практическую школу, могъ бы играть очень видную и полезную для дѣла роль въ крестьянской реформѣ. Но ему опять-таки не нашлось мѣста и въ этомъ дѣлѣ. Только со введеніемъ земскихъ учрежденій, князь Васильчиковъ вновь выступилъ въ роли общественнаго

наго дѣятеля. Онъ прослужилъ новгородскому земству два трехлѣтія. Завязалась борьба между администраціею и земствомъ, этими двумя принципиально непримиримыми антагонистами въ мѣстномъ управленіи, притомъ оофициально противопоставленными другъ другу. Какъ только выяснилось, что земство ни въ какомъ случаѣ не можетъ выполнить ту цѣль, ради которой оно введено, что людямъ, душевно преданнымъ дѣлу мѣстнаго самоуправленія, нечего дѣлать на земской службѣ, князь Васильчиковъ, въ 1872 году, подобно многимъ другимъ образованнымъ русскимъ людямъ, пополнившимъ собою ряды земства въ два первыхъ трехлѣтія, попросилъ исключить его изъ числа земскихъ гласныхъ.

Таковы результаты стремленій князя Васильчикова «жить не для удовольствія и печалей, а для дѣла, настоящаго дѣла». Мы остановились на этой выдающейся въ общественной дѣятельности личности, какъ на типъ особенной формации личности русскихъ людей, выдающихся по образованію, по своей преданности интересамъ родины и общественному служенію, но которые однако не могутъ найти должнаго приложенія своимъ силамъ въ практической дѣятельности, не могутъ избрать себѣ родъ дѣятельности, сообразно своему развитію, дарованію и душевному влеченію, не могутъ отдаться общественной дѣятельности со всею непосредственностью честныхъ влеченій. Литературные труды князя Васильчикова доказываютъ, какъ широко онъ былъ подготовленъ къ общественной дѣятельности, какъ честно и строго относился къ обязанностямъ общественнаго дѣятеля. И вотъ такой - то человекъ, ставившій цѣлью своей жизни общественное служеніе, вдругъ оказывается вынужденнымъ просить объ исключеніи его изъ числа гласныхъ земскаго собранія!...

Мы считаемъ излишнимъ разбирать литературные труды князя Васильчикова. Въ этомъ отношеніи имя его достаточно извѣстно всей читающей части русскаго общества, и репутація его, какъ талантливаго и добросовѣстнаго литературнаго работника, надежно обезпечена.

Крестьянскій вопросъ. (*Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ*). К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Съ недоумѣніемъ остановится будущій историкъ, сличая законоположенія реформъ прошлаго царствованія съ практикою ихъ. Во главу преобразованій совершенно справедливо поставлена была крестьянская реформа. Отъ величія принциповъ этой реформы, какъ вылились они въ «Положеніи 19 февраля 1861 года», русское общество не могло опомниться въ теченіе десяти лѣтъ. Первое десятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ — это одно

сплошное ликованіе. Но когда опомнились и осмотрѣлись,—оказалось, что «великіе принципы крестьянской реформы сами по себѣ, а практика дѣла сама по себѣ». Какъ могло произойти такой разладъ между закономъ и жизнью?

Весьма вѣрный и меткій отвѣтъ на это находимъ мы въ книгѣ К. Д. Кавелина—«Крестьянскій вопросъ», представляющей собраніе статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1881 году. «Давно и много жалуются у насъ—говоритъ г. Кавелинъ—на недостатокъ свободы печати, который существенно мѣшаетъ правильному и здоровому росту русской мысли, литературы, науки и искусства. Но ни въ чемъ этотъ недостатокъ не принесъ столько зла, какъ по крестьянскому вопросу. Разладъ между законодательною дѣятельностью и цензурными распоряженіями поддерживалъ недоумѣнія относительно истиннаго смысла и значенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Самомъ дѣлѣ, какъ было не спутаться, не сбиться съ толку, когда Положеніе 19 февраля 1861 года и цѣлый рядъ послѣдующихъ преобразованій признали крестьянъ граждански-свободными, а говорить въ печати съ сочувствіемъ о крестьянахъ стало считаться неблаговиднымъ, приводить доводы въ пользу общиннаго владѣнія, котораго великорусскіе крестьяне до сихъ поръ цѣпко держатся, было чуть-чуть не равнозначительно съ провозглашеніемъ коммунистическихъ теорій; доказывать, что крестьянскія земельные надѣлы недостаточны, что лежащія на крестьянахъ подати и повинности обременительны, что необходимо допустить и организовать переселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній—значить заявлять себя политически-неблагонадежнымъ. Какъ не помутиться взглядамъ, когда законодательные акты и высшіе дворянскіе убѣжденія, что свободное состояніе крестьянъ есть благо для русскаго государства, условіе его правильнаго процвѣтанія и развитія; а между тѣмъ нельзя было ничего сказать въ подтвержденіе этого взгляда, и, напротивъ, совершенно свободно высказывался и точно будто поощрялся въ печати взглядъ, что крестьяне—непробудные пьяницы, лѣнтяи, плуты и воры, которыми нельзя имѣть никакого дѣла; что помѣщичьи хозяйства пришли въ упадокъ отъ крайней недобросовѣстности своихъ рабочихъ, съ которыми совершенно немислимо сложить нибудь правильное хозяйство!»

Печать—одинаково могущественное орудіе, какъ на добро, такъ и на зло. Цензурная опекане дала возможности честной и благоразумной части русской печати послужить крестьянской реформѣ въ духѣ правительственнаго направленія въ этой реформѣ, согласно «Положенію» о крестьянахъ и соответственно действительнымъ потребностямъ народной жизни. Зато ретроградная печать, заботливо охраняемая и покровительствуемая

зурою, имѣла необычайный успѣхъ въ дѣлѣ извращенія крестьянской реформы по существу. Подъ вліяніемъ кривотолковъ ретроградной печати, высказывавшихся во всю ширь и мочь, при полномъ молчаніи той части печати, которая искренно сочувствовала крестьянской реформѣ, партія недовольныхъ реформою бодро подняла голову и постепенно запрудила собою ряды администраціи и общественныхъ дѣятелей, включительно до тѣхъ должностей, на которыхъ лежала обязанность непосредственнаго осуществленія и примѣненія на дѣлѣ крестьянской реформы. Вслѣдствіе этого, какъ «Положеніе 19 февраля», такъ и всѣ послѣдующія законоположенія о крестьянахъ кореннымъ образомъ измѣнены на дѣлѣ не въ пользу крестьянъ, и примѣнены на практикѣ несогласно съ духомъ и даже буквою закона. Надѣлы отводились къ явной невыгодѣ крестьянъ; всевозможныя подати, повинности и выкупные платежи взыскивались съ беспощадною жестокостью, ослаблявшею съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе платежныя силы крестьянъ и т. д. «Всякіе приемы, съ цѣлью обмануть крестьянъ при отводѣ имъ надѣла, по возможности стѣснить ихъ, установить экономическую ихъ зависимость отъ владѣльцевъ, — какъ справедливо говоритъ К. Д. Кавелинъ, — не только считались позволенными, но владѣльцы и управляющіе ими гордились и хвастали. Незамѣтное почтенное меньшинство помѣщиковъ и должностныхъ лицъ, не сочувствовавшихъ такому обороту крестьянскаго дѣла, мало-по-малу устранились или были устранены отъ всякаго къ нему участія». Въ силу этого, въ результатѣ великой по принципу крестьянской реформы оказалось, что «крестьяне получили всѣ гражданскія права и юридически свободны; а экономически они лишены всякой поддержки и помощи, и пришли въ худшее положеніе, чѣмъ были до отрѣзки надѣловъ, отнятія лѣсовъ и значительнаго возвышенія сборовъ и повинностей».

Вотъ та почва, на которой развилось крестьянское объединеніе, нищета, голодовки, вмѣсто благосостоянія, которое имѣлось въ виду при крестьянской реформѣ и неминуемо должно было послѣдовать за нею, и послѣдовало бы, еслибы крестьянское дѣло не попало въ руки ретроградной партіи. Вотъ тѣ обстоятельства и условія, по причинѣ которыхъ всѣ выдающіяся общественныя силы, сочувственно относившіяся къ реформамъ прошлаго царствованія и, главнымъ образомъ, къ крестьянской реформѣ, остались не у дѣлѣ, оказались въ положеніи «лишнихъ людей», типомъ которыхъ служить покойный князь А. Ил. Васильчиковъ, что разъяснено нами въ предъидущей замѣткѣ, по поводу біографическаго очерка г. Голубева. Въ виду сказаннаго выше, излишне было-бы распространяться о томъ, что тѣ же обстоятельства и условія, та же разрушительная работа реакціонной партіи извратила жизненное значеніе и смыслъ

всѣхъ послѣдующихъ реформъ прошлаго царствованія, начиная съ земской и кончая судебною.

Много разъ указывалось въ печати на злодѣянія реакціонной партіи, и К. Д. Кавелинъ весьма встаетъ именно теперь освѣжая въ памяти русскаго общества и освѣтилъ разрушительную работу ретроградовъ. Крестьянскій вопросъ, какъ извѣстно, не сходящій со сцены во все послѣднее двадцатилѣтіе, вновь стоитъ въ настоящее время на очереди, да притомъ еще въ видѣ осложненнаго до крайности и даже обострившагося вопроса. Въ настоящее время, крестьянскій вопросъ опутанъ цѣлою сѣтью чрезвычайно сложныхъ вопросовъ, гдѣ органически сплелись и неразрывно перепутались между собою: земельный и переселенческій вопросы, крестьянскій кредитъ, улучшение вообще экономическаго положенія сельскаго населенія и, въ частности, поднятіе мелкой сельской производительности и промышленности, переустройство мѣстнаго управленія вообще и крестьянскаго въ частности и т. д. Правительствомъ намѣченъ рядъ мѣръ къ разрѣшенію этого гордіева узла, образовавшагося отъ сплетенія вопросовъ, касающихся главнымъ образомъ крестьянскаго быта. Можно à priori сказать, что вопросы эти, въ принципѣ, будутъ разрѣшены безусловно въ пользу крестьянства. Но горькій опытъ ближайшаго прошлаго заставляетъ строго различать между собою принципиальное разрѣшеніе вопроса отъ практическаго примѣненія. Что будетъ, если практическое примѣненіе въ жизни и тѣхъ законопроектовъ, которые поставлены въ настоящее время на очередь и готовятся по правительственному почину, опять попадетъ въ руки реакціонеровъ? Въ какія дебри запустѣнія и разрушенія завлекутъ они русскую жизнь? Какими лишеніями, бѣдствіями и потрясеніями въ нашей жизни придется расплачиваться за хищнически-разрушительное усердіе безумствующихъ реакціонеровъ?..

Относительно книги К. Д. Кавелина справедливость требуетъ сказать, что, не смотря на спеціальность вопроса, книга написана живо, увлекательно, доступно разумнѣю даже тѣмъ, которые не привыкли ломать благородной головы надъ серьезными вопросами. Вопросы, о которыхъ трактуетъ г. Кавелинъ, вполне совпадаютъ съ вопросами, поставленными въ настоящее время на очередь самимъ правительствомъ и разрѣшаемыми по его почину, и потому книга имѣетъ, можно сказать, животрепещущій интересъ. Мы не согласны съ г. Кавелинымъ въ вѣкоторыхъ частностяхъ изслѣдуемаго имъ вопроса, но это нисколько не лишаетъ насъ возможности признать, что г. Кавелинъ трактуетъ о крестьянскомъ вопросѣ честно и умно, съ тою обыкновенною рельефностью въ постановкѣ вопросовъ и ясностью доказательствъ, которыя составляютъ неотъемлемую принадлеж-

ость всего того, что выходило изъ подъ пера этой крупной литературной величины, пользующейся въ русскомъ обществѣ почтенною извѣстностью.

Сельскохозяйственныя нужды Пермскаго края. *Работы статистическаго бюро, составилъ Е. И. Красноперовъ. Пермь, 1881 да.* Въ столичной печати, и особенно въ толстыхъ журналахъ, обыкновенно, мало отводится мѣста провинціальнымъ изданіямъ, притомъ еще такимъ дѣловымъ, сухимъ, узко-спеціальнымъ, какъ та книга, заглавіе которой мы привели сейчасъ. Между тѣмъ, не прихоть сибаритства, а именно крайность выживаетъ изъ провинціи изданіе книгъ, и потому провинціальныя изданія, говоря вообще, отличаются такою дѣловитостью, такимъ глубокимъ знаніемъ жизни и точностью ея анализа, такою суровою, реальною правдою, какой напрасно мы стали бы искать во многихъ книгахъ, издаваемыхъ въ столицѣ.

За послѣднее десятилѣтіе, о нашихъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ не писалъ развѣ только лѣнивый. Но лучшимъ, наиболее убѣдительнымъ и доказательнымъ изъ того, что писалось по этому предмету, остаются труды земствъ—работы статистическія и сельскохозяйственныя. Въ числѣ этихъ работъ, званное выше изданіе пермскаго земскаго статистическаго бюро занимаетъ весьма почтенное мѣсто. Эта дѣловая земская работа объективна и точна, какъ цифра, и добросовѣстна, какъ сама справедливость. Тутъ нѣтъ тенденціи, а только факты и цифры, цифры и факты. Эти-то факты и цифры, взятые въ своемъ, натуральномъ ихъ видѣ, производятъ такое впечатлѣніе, что положительно опускаются руки. Примитивнѣе, беспомощнѣе положенія нашей сельскохозяйственной промышленности трудно представить что-либо и представить.

«Крупные землевладѣльцы и казна—говорится въ работахъ пермскаго земскаго статистическаго бюро—непосредственно ведутъ только лѣсное хозяйство; прочія же земельныя угодья сдаются въ аренду крестьянамъ, которые и обрабатываютъ, какъ свои, такъ и свои надѣльныя земли. Поэтому, говоря вообще, сельское хозяйство въ край есть крестьянское. Хотя нѣкоторые частныя владѣльцы имѣютъ и собственныя хозяйства, но они составляютъ, въ общемъ, крайне незначительное исключеніе. Въ виду этого, всѣ существующія нужды сельскаго хозяйства въ край суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нужды крестьянскаго хозяйства». Пермская губернія, въ этомъ отношеніи, только приращиваетъ, но не исключеніе. Возьмемъ Рязанскую губернію, губернію барства, да притомъ еще такого сановитаго и зажиточнаго, какъ въ недавнемъ прошломъ, какъ рѣдко выпадало на долю другихъ губерній. Но—«что было, то прошло, и былъемъ поросло». Въ общаго количества всей земли, обрабатываемой въ Рязан-

ской губернии, около 92% воздѣлываются непосредственно самими крестьянами; да и изъ остальныхъ 8% болѣе трети воздѣлывается опять-таки крестьянами за известную долю урожая. Там самое приходится сказать и въ отношеніи, по крайней мѣре девятидесятихъ остальныхъ губерній. Такимъ образомъ крестьянское населеніе является фактически не только всомъ земледѣльческимъ (т. е. обрабатывающимъ землю лично своимъ трудомъ), но и землевладѣльческимъ. Если земля и не составляетъ собственности крестьянъ, то обрабатывается исключительно ими одними, ихъ трудами и за ихъ только рискъ и страхъ. Фактъ этотъ точенъ, какъ сама цифра.

Въ сужденіяхъ о крестьянскомъ землевладѣніи сталкиваются два противоположные взгляда: одни, во имя экономіи народа, труда, капитала и времени, указываютъ на бесполезность ширенія крестьянскихъ надѣловъ и, вмѣсто этого, настоятельно рекомендуютъ интенсифицировать систему сельского хозяйства, исходя изъ фактовъ нынѣшняго положенія крестьянскаго хозяйства, доказываютъ, что толки объ интенсивномъ крестьянскомъ хозяйствѣ представляютъ «вымыселъ празднофантастическаго бредни весьма злокачественнаго свойства». Выслушавъ по этому предмету безусловно компетентный голосъ пермскаго земства.

«Мнѣніе, что крестьянское хозяйство нуждается, прежде всего, въ замѣнѣ наличной земледѣльческой системы другой, интенсивной—интенсивною,—говорится въ статистическихъ отчетахъ пермскаго земства,—не выдерживаетъ строгой критики, такъ какъ, въ настоящее время, и системы земледѣлія, и степени ихъ интенсивности многообразны даже въ предѣлахъ Пермскаго края. Все, чего можно пожелать на первое время крестьянскому хозяйству, это—улучшить технику хозяйства, лучшимъ образомъ приспособить земледѣліе къ мѣстнымъ естественнымъ и экономическимъ условіямъ, пожелать рациональныхъ приѣмовъ въ существующихъ системахъ. Нововведенія могутъ имѣть мѣсто на первыхъ порахъ движенія по рациональному пути, не потребуютъ грандіозной, одновременной и повсемѣстной ломки системъ,—немедленнаго, кореннаго созданія сложившихся формъ хозяйства, а внесутъ лишь въ существующіе способы крестьянскаго землевладѣнія нѣкоторыя такія видоизмѣненія и приспособленія, нисколько не эссенціальныя по вышности, но весьма важныя и серьезныя по существу. Тѣмъ не менѣе, эти незначительныя на взглядъ хозяйства метаморфозы будутъ возможны только при научной помощи, строгомъ значеніи этого слова,—т. е. при живомъ (а не мертвомъ) руководствѣ населенія людьми, властвующими научными познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ и располагающими

редствами для производства надлежащихъ опытовъ, при усло-
 вии, чтобы вліяніе этихъ руководителей простиралось какъ на
 взрослое, такъ, въ особенности, на подростящее поколѣніе.
 учрежденія, которыя могутъ дать надлежащую постановку дѣлу
 распространенія въ населеніи сельско-хозяйственныхъ знаній,—
 школы и фермы».

Крестьянское населеніе составляетъ въ Россіи около 80%
 всего государственнаго населенія. Ни одно государство въ мірѣ
 не имѣетъ такого колоссальнаго процента земледѣльческаго насе-
 ленія. Здѣсь, въ одно и то же время, заключается и вели-
 чайшее счастье Россіи, и величайшее несчастіе.
 «Счастье» — потому, что четыре пятыхъ государственнаго насе-
 ленія составляетъ классъ рабочій, т. е. классъ непосредствен-
 ныхъ производителей и промышленниковъ; а это такая огромная,
 производительная государственная сила, что, при небольшомъ
 только вниманіи къ утилизаціи ея, можно поднять благосостоя-
 ніе государства на невѣроятную высоту. «Несчастье» — потому,
 что въ силу какого-то «злаго рока» всѣ величайшія, гуманнѣй-
 шія начинанія верховной законодательной власти въ пользу земле-
 дѣльческаго класса систематически извращались реакціонною пар-
 тейю, къ явной невыгодѣ значительно преобладающаго въ го-
 сударствѣ рабочаго сословія, — о чемъ подробно говорится нами
 выше, по поводу книги К. Д. Кавелина.

Фактъ огромнаго преобладанія въ государствѣ рабочаго со-
 сословія служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что благосостоя-
 ніе у насъ народа и государства всецѣло зависитъ отъ двухъ
 факторовъ: народнаго образованія и поднятія зем-
 едѣльческой культуры. Въ какомъ несчастномъ, по-
 стиднѣ загнутомъ положеніи находится у насъ народное обра-
 зованіе и что именно загнало его въ темный уголокъ — подробно
 разсмотрѣно было въ іюньской книгѣ «Наблюдателя», во вну-
 реннемъ обзорѣ. Что же касается какихъ-либо системати-
 чeskихъ мѣръ къ поднятію нашей народной сельско-хозяйствен-
 ной культуры, то объ этомъ даже ничего и не слышно. Достаточно
 сказать на тотъ фактъ, что въ Россіи, странѣ земледѣльческой по
 преимуществу, даже и думать не хотятъ о системѣ искусственнаго
 орошенія полей, что въ данное время, въ виду явнаго
 озвѣженія климатическихъ условій отъ истребленія лѣсовъ, пред-
 ставляется дѣломъ первостепенной важности въ экономіи на-
 шего народнаго хозяйства. Съ другой стороны, ни одна отрасль
 образованія не находится въ такомъ заброшенномъ состояніи,
 какъ образованіе сельско-хозяйственное; даже военное образо-
 ваніе стоитъ выше и значительно болѣе распространено. И
 то въ государствѣ «сельско-хозяйственномъ по преимуществу»!..
 Въ частности, въ отношеніи Пермскаго края, весьма назн-

дательнымъ представляется слѣдующій фактъ. Восемь лѣтъ тому назадъ, пермское земство, честно заботясь о нуждахъ мѣстно сельскохозяйственной промышленности, намѣтило цѣлую систему сельскохозяйственного образованія, которая захватывала реальные училища, учительскую семинарію, народныя школы, должна была опираться на особыя сельско-хозяйственныя земскія формы, какъ образцовыя хозяйства для крестьянъ. Но, въ величайшему несчастію, такъ называемыя «стороннія обстоятельства и вліянія» (а что это за «обстоятельства и вліянія» — да уволить насъ читатель отъ разъясненій!) не дали возможности земству своевременно осуществить намѣченную имъ систему. И только теперь земство принимается за выполнение своей программы сельскохозяйственного образованія и учрежденія фермъ. Между тѣмъ, съ огромнымъ вредомъ для населенія, упущено время, затрачено пропасть средствъ на «обсѣменение продовольствіемъ». Кто возвратитъ эти потери и кто въ отвѣтъ за нихъ!?!...

Исторія одного развода. Романъ Н. Северина. Спб. 1882 г. Всегда серьезная тема, хорошій литературный языкъ, мѣстами знаніе жизни — вотъ достоинства г. Северина. Но типа или цѣлаго психологическаго этюда читатель не найдетъ ни въ одномъ изъ его произведеній. «Исторія одного развода» вполне подтверждаетъ нашъ отзывъ. Отношенія супруговъ между собою и законодательства къ нимъ — безспорно составляютъ очередной вопросъ, идущій тотчасъ же послѣ разрѣшенія экономическихъ и политическихъ вопросовъ. Но такъ какъ практическая жизнь строго соблюдаетъ очередь, то супружескія отношенія издавна были обсуждаемы и регламентируемы какъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ и литературой, и самимъ законодательствомъ. Г. Северинъ въ своемъ романѣ «о разводѣ» хочетъ изобразить ужасныя послѣдствія нашего закона, запрещающаго разводъ или до пускающаго его подъ условіемъ лишь «супружеской невѣрности» и притомъ съ несомнѣнными доказательствами. Невѣрность половая считается единственнымъ препятствіемъ для семейнаго быта; между тѣмъ нравственное охлажденіе, раздоръ, взаимная порча характеровъ, весь адъ семейной драмы съ соблюденіемъ супружескаго долга, въ узкомъ смыслѣ этого слова — все это законодательство наше считаетъ недостаточными уликами и причинами для развода между мужемъ и женою.

Необходимо кому нибудь изъ нихъ благопріобрѣсти любовника или любовницу: осквернить постель, а не душу! При этомъ необходимы свидѣтели и — деньги, большія деньги, чтобъ въ консисторіи не застряли ваши документы, любовныя письма или что другое, не перепродали бы ихъ противной сторонѣ, не отложили бы вашего дѣла на пять или на шесть лѣтъ, но назначили

къ слушанію въ ближайшій срокъ,—чтобъ наконецъ «духов-
е отцы» дали вѣру свидѣтельскимъ показаніямъ той стороны,
орая затѣяла разводъ. Судьямъ легко могутъ показаться не-
мнѣ достаточными уликами оскверненія ложа показанія
сторонняго свидѣтеля, увѣряющаго, что онъ видѣлъ цвѣтъ чу-
тъ или кальсонъ невѣрной жены, слышалъ поцѣлуи ея или
бонника въ такомъ-то номерѣ гостинницы. Судьямъ мало за-
тели, и они требуютъ отъ свидѣтеля припомнить цвѣтъ во-
тъ подъ мышкой, или гдѣ у кого родинка. Трудно вообразить
въ всю гнусность бракоразводной процедуры! Невѣрнаго мужа
чають въ томъ, что онъ лишилъ невинности дѣвушку; сви-
ель слышалъ ея крикъ и обморокъ, видѣлъ, какъ невѣрный
тъ приводилъ ее въ сознаніе, подавалъ пить сельтерскую
у и приговаривалъ: «ничего! ничего! пройдетъ»,—и поцѣлуи.
тъ какими помоями обливаютъ ваше чувство и чувства дру-
тъ, когда вы затѣваете формальный разводъ. Чистая душа
богаается отъ ужаса въ виду этихъ обстоятельствъ и скорѣе
агается на обманъ, чѣмъ на разводъ. Если же хватить муже-
а поставить прежняго друга или самого себя въ положеніе
вѣрнаго», «измѣнившаго», нарушившаго супружескія обя-
ности, то послѣ суда, даже съ благополучнымъ исходомъ, кто
учится, что отъ всей судебной грязи, ваши чувства, пуб-
но изслѣдованныя, освидѣтельствованныя, не будутъ до
ца осквернены, и вмѣсто радости, послѣ формального развода,
не почувствуете, что и вторая любовь уже давно перестала
въ вашей груди?! Любовь—это такое прихотливое и болѣз-
ное чувство, что ее надо тщательно оберегать и стеречь каж-
ея шагъ, какъ шагъ малаго ребенка. Сдунуть всю поззію
ви и превратить ее въ простое сожительство—такъ легко!
сорился мужъ съ родными жены своей, и недовольство ими
мѣтно для самого себя, онъ перенесетъ на нее, особенно,
и жена расположена любить родныхъ. Лассаль, быть можетъ,
ому и не взялъ Елену къ себѣ,—въ то время, когда она бѣ-
а къ нему отъ родныхъ,—что гордость его была глубоко оскор-
на сознаниемъ, что его кому-то предпочитаютъ, имъ гну-
тся, его не хотятъ видѣть у себя близкіе къ Еленѣ люди, а
тъ болѣе породниться съ нимъ. Геніальный умъ и широкое
де Лассалья какъ-бы предчувствовали, что это оскорбленіе
ачитъ взаимность любви и, мало-по-малу, подточить ея нѣж-
гь. А онъ, этотъ революціонеръ и нѣжный любовникъ, точно
драмъ Шекспира, не хотѣлъ на избранной имъ дѣвушкѣ ви-
и ни тѣни пятна, ни малѣйшаго облачка, ни одного оскорблен-
воспоминанія!.. Онъ проситъ Елену вернуться къ роднымъ
вѣряетъ ее, что онъ сдумѣетъ заслужить любовь и уваженіе
отца, что отецъ отдастъ ее собственными руками—и то-

гда, въ кругу всей согласной семьи, они оба помянутъ этот рискъ съ глубокимъ умиленіемъ. Понятно такое поведеніе Ламсаля, хотя горюизмъ его души не былъ оцѣненъ и, вмѣсто счастья принесъ ему смерть!

Другой примѣръ того, какъ глубокая любовь чутка и воспріимчива въ малѣйшимъ царапинамъ и какъ она, даже безъ внѣшнихъ царапинъ (не говоря уже про удары!) можетъ быстро похоронить самоѣ себя,—даетъ намъ классическая драма Шекспира. Разговоры Яго и Кассіо превращаютъ любовь Отелло въ ненависть, его поцѣлуи—въ кинжалъ для Дездемоны. Подозрѣніе росло, вызывало образы небывалаго прошлаго, питалось призраками настоящаго, приводило Отелло въ ужасъ насчетъ будущаго—и вотъ, вмѣсто нѣжныхъ словъ, вы слышите вопль изболѣвшей души: «крови, Яго, крови!» Люди новѣйшей формаци все толкуютъ о рациональной любви и называютъ страсти Отелло нравственнымъ паденіемъ; для нихъ, если не разводъ по всѣмъ формальностямъ, такъ «свобода чувствъ» кажется гораздо возвышеннѣе мукъ великой любви мавра и ея трагическаго исхода. Да, конечно, любовь обусловлена взаимнымъ пониманіемъ другъ друга и сердечностью; но пусть не забываютъ и того, что называется страстью, чувственностью, навыками, передаваемыми намъ ходомъ цивилизаціи. Выбросить все это за бортъ возможно не иначе, какъ только охолостивъ въ душу. Въ этомъ направленіи уже достаточно много сдѣлано въ борьбѣ съ предрасудками. Но пора указать, что въ этой борьбѣ мы изранили и весьма существенныя стороны нашей природы. Теперь нерѣдко съ изумленіемъ выслушиваешь, что отъ любви требуется лишь «умственная солидарность» и какое нибудь дѣло; жизнь страстей и навыки, передаваемые намъ воспитаніемъ, совершенно забываются.

Счастливы люди, если дѣйствительно имъ удастся заглушить въ себѣ всю исторію человечества! Повторяемъ: страсти, темпераментъ и навыки, составляющіе главный поэтическій элементъ любви, требуютъ за собой жизненнаго ухода и бережливости. Юридическая сторона развода у насъ въ Россіи обставлена такими оскорбляющими требованіями, что тѣ, кто затѣваетъ его, рискуютъ очень многимъ. Чтобы изобразить въ романѣ, какъ процессуальная сторона развода развивчиваетъ и новую любовь, даже при благоприятномъ исходѣ суда, необходимъ недюжинный талантъ. Г. Северинъ, взявшійся за это дѣло, вѣроятно, рассчитывалъ, что публика, читающая его, публика не требовательная. Въ романѣ нѣтъ ни одного мѣста, (за исключеніемъ 8 страницъ, въ концѣ) гдѣ вы могли бы содрогнуться отъ гнусной стороны нашихъ бракоразводныхъ дѣлъ. Даже послѣднія страницы наполнены разговорами, а не разви-

и емъ дѣйствія, коверкающаго жизнь любящихъ людей. После того, какъ любовники отдѣлились отъ законнаго мужа, испортили ему навсегда жизнь, авторъ говоритъ, что счастливому герою «теперь совсѣмъ было ясно, что онъ давно ея не обитъ».

— И кто въ этомъ виноватъ? продолжалъ онъ, не вслушиваясь въ ея слова, вотъ въ чемъ вопросъ! Самъ я, вы, или то елѣе воспитаніе, которое мнѣ дала мать?.. Помните ту ночь въ Венеціи? Мы плыли мимо палаццо Левенринга, намъ было такъ хорошо!.. Я васъ умолялъ не добиваться развода, довольствоваться моею любовью да уваженіемъ тѣхъ немногихъ, изъ которыхъ черное всегда остается чернымъ, а бѣлое бѣлымъ, какими бы красками и тѣнями оно ни было раскрашено, но вы не захотѣли меня слушать... вы всему причиной».

Вотъ какія чувства принесъ разводъ счастливому любовнику, имѣющему теперь право назвать чужую жену своею. Но эти переборы — только тѣнь настоящихъ нравственныхъ ударовъ. Редакція «Русской Мысли», гдѣ печатался романъ г. Северина, вѣроятно, была обольщена одною его виѣшней, хорошо отдѣланной стороною, или, можетъ быть, тѣмъ, что на эту тему въ послѣднее время слишкомъ мало пишется, и лучше что никуда, чѣмъ ничего. Мы съ своей стороны скажемъ г. Северину: кто много на себя беретъ, тотъ долженъ быть увѣренъ, что выполнить дѣло мастерски. Та точка зрѣнія, съ какою Северинъ посмотрѣлъ на гнусность развода, требуетъ классическаго пера, а не литературно-фельетоннаго; требуетъ горячихъ, западающихъ въ душу страницъ, а не холоднаго резонерства.

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»).

Рябь и зыбь роднаго прогресса.

Провѣтъ образовательнаго ценза для нашего чиновничества.—Ненужно перваго при совершенствахъ втораго.—Главнѣйшее возраженіе.—Филантропическое пожертвованіе отъ желѣзнодорожныхъ щедротъ.—По поводу открытія коллегіи С. С. Полякова.—Скопинскій банковый разгромъ.—Curtis vitae Рыкова и его дѣтища.—Неизбѣжное—неизбѣжно.—Кандидатура барона Н. А. Корфа въ московской городской думѣ.—Заяцъ изъ неудачной загадки и нынѣшній «модный человѣкъ».

I.

Отъ времени до времени появляется на газетныхъ столбцахъ одно устрашающее извѣстіе. Говорятъ, будто дозрѣваетъ проектъ установленія образовательнаго ценза для чиновничьихъ карьеръ. Предполагается впредь не только не противопоставлять науку канцеляріи и канцелярію наукѣ, но объявить эти два понятія неразрывно родственными и сдѣлать изъ науки приготовительный кусокъ, для безпрепятственнаго прохожденія всякаго чиновника черезъ всю канцелярскую перспективу, начиная тѣмъ вступительныи чистилищемъ, гдѣ ставятъ зонтики и подаютъ калоши, и кончая тѣмъ финальнымъ эдемомъ, гдѣ «ставятъ на видъ» и намыливаютъ головы. Наука, перекрестясь, войдетъ трепетною поступью въ канцелярію; канцеляріи великодушно простятъ всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія науки, и единственный образовательный предметъ нынѣшней канцеляріи—чистописаніе—совершенно неожиданно очутится въ цѣломъ сонмѣ индуктивныхъ и дедуктивныхъ, точныхъ и неточныхъ человѣческихъ знаній. Образовательный цензъ раздѣляетъ по слухамъ, всѣ чиновничьи должности на четыре послѣдовательныя

адаціи. Первая градація обниметь всѣхъ мелкихъ чиновниковъ, которымъ предоставлено будетъ право ровно ничего не знать. Имъ только будетъ предписанъ извѣстный рецептъ Ж. Ж. Руссо—*vie selon la nature*—и больше ничего. Но зато надъ группою этою саримомъ будетъ тяготѣть дантовскій приговоръ: «оставь надежду навсегда». Вторая группа составитъ изъ чиновниковъ средняго калибра, которые уже должны будутъ твердо знать, что міръ созданъ въ 7 дней, но для которыхъ умствующіе комментаріи къ мірозданію не будутъ обязательны. Чтобы вступить въ третью очередную градацію, чиновникъ вынужденъ будетъ обнаружить способность свою къ пониманію той довольно смѣлой гипотезы, что подъ семью ядами мірозданія «кроются, быть можетъ, болѣе чѣмъ семь съ половиною тысячъ столѣтій», а для достиженія четвертой и послѣдней градаціи уже потребуется легкое, свободное и почти фамиллярное обращеніе воспарившаго счастливца съ самымъ смѣлымъ философомъ вопросомъ наивысшаго порядка: «что было, когда ничего не было»? Таковъ, по газетнымъ даннымъ, общій планъ проектированнаго образовательнаго режима. «Вознесись, если хочешь быть вознесеннымъ».

И въ обществѣ и въ печати можно встрѣтить много горячо высказываемыхъ доводовъ въ пользу задуманной реформы. Удивляются, какъ раньше никому не пришло въ голову, что и для чиновника ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. Приводятъ примѣры иностранныхъ, особенно нѣмецкой и французской бюрократій, голъ быстро, толково и существенно справляющихся со своими задачами; бюрократій, для которыхъ законъ—нерушимая земная повѣдь, власть—обязанность и страна—кормилецъ-повелитель. Устаиваютъ то предположеніе, что и чиновничья карьера должна имѣть опредѣленную техническую спеціальность и находятъ, что если отъ машиниста требуется умѣнье командовать паровозомъ, то и въ средѣ чиновниковъ желательнo встрѣчать нѣкоторое умѣнье «удовлять сердца челоуѣковъ». Конечно, обыватель не паровозъ: онъ не можетъ не раздавить, но и онъ можетъ, если не сойти съ рельсовъ, то сбиться съ панталыку. Чѣмъ слабѣе голова у обывателя, тѣмъ болѣе нуждается она въ уходѣ искусномъ и рачительномъ. Обыватель долженъ почитать чиновную буссоль свою, ибо всякое сомнѣніе въ качествахъ послѣдней служитъ источникомъ ненужныхъ мукъ и тягостныхъ разочарованій. Указываютъ, далѣе, на цѣлую стихію нечестиваго бумагомаранья, не всегда признающаго необходимость сказуемыхъ, отрицающаго знаки препинанія, теряющагося въ хаосѣ придаточной нескладицы, измышляющаго вопросы, которые

не допускають отвѣтовъ, работающаго въ потѣ чела надъ отвѣтъ на затерянные жизнью и временемъ вопросы, и фабрикующаго «мнѣнія» и «заключенія», по способу домашней отливки свинцового пуля для охотничьихъ ружей. Обращаясь къ исторіи, напоминаю наиболѣе примѣчательные факты бюрократическаго невѣднѣи безграмотства и заходятъ при этомъ въ область безчисленныхъ анекдотовъ, ставшихъ устными преданіями нашего новаго богатскаго эпоса. Тревожится при этомъ всѣмъ извѣстная память и печителя учебнаго округа, ассигновавшаго казенныя деньги повушку «центра» для вновь отстроенной залы, и кавказскаго администратора, простодушно писавшаго «ѣсцію» вмѣсто «еще», и московскаго почтмейстера, искавшаго по всей Европѣ городъ «Н» («здѣсь»—въ Москвѣ), и петербургскаго цензора, вычеркивавшій «вольный духъ» изъ поварской энциклопедіи, и пензенскаго педагога, падура, надѣлившаго «Губернскія Вѣдомости» увеселительными картинками, и департаментскаго ученаго, не внесшаго «Новыя Завѣты» въ число книгъ, допущенныхъ для чтенія въ начальныя училищахъ, и память чрезвычайно многихъ другихъ, въ свое время заслуженныхъ и почтенныхъ, но не гонявшихся за быстролетящими науками, премьеровъ и начальниковъ, военнаго и статскаго звана. Конечно, легко упрекнуть эти анекдотическія ссылки въ легкомысліи, совсѣмъ не вяжущемся съ текущею эпохою, высокодумъ о бытіи, возможно образцовомъ и поучительномъ для насъ гумбольдтовскаго космоса, но эти ссылки понятны и естественны. Нашъ традиціонный и многолѣтній скептицизмъ такъ изощрился въ погонѣ за самыми чудовищными эффектами и преувеличеніями, что ему ничего не стоитъ искать «ужасовъ варооломеевской войны» въ самой безкровной войнѣ историческихъ особъ и канцелярскія надежды, спряженія и кокетливыми виляніями коварно думается яти. Горюють затѣмъ объ отсутствіи у чиновниковъ добродѣтелей и о присутствіи такихъ пороковъ и недостатковъ, которые прямо объясняются плохимъ и жалкимъ воспитаніемъ и духа. Безличность и бездѣятельность, прихвостничество передъ высшими и прижимистость къ низшимъ, дороговизна и безчужность бюрократическихъ работъ, вялое и несовѣстливое отношеніе къ обязанностямъ, вынюхиванье по угламъ разноименныхъ срысн и экстренныхъ полученій, всегдашняя готовность браться за работу не зная ничего, родовая склонность къ капканамъ, затяжкамъ, закорючкамъ, полная безпринципность, какое-то нигдѣ невидимое и никому, кромѣ насъ, невѣдомое, опереточное отношеніе къ жизни и ея органическимъ процессамъ, чисто китайскіе

многочисленность служебнаго, баклуши бьющаго персонала, застой, кляуза и хроническое осмирѣніе— вотъ, говорятъ, непосредственные результаты исподвольнаго наполненія департаментовъ и канцелярій людьми съ болѣе или менѣе «скромнымъ» образовательнымъ прошлымъ. Для усугубленія прибавляютъ еще: если и у насъ даже нельзя быть, безъ предварительной проверки, ни нотариусомъ, ни фельдшеромъ, ни околочнымъ, ни унтер-офицеромъ, то какъ же мыслима полная образовательная безконтрольность въ такой области, которая и корни извлекаетъ, и въ степени возвышаетъ, и знаки мѣняетъ, и въ скобки заключаетъ, и непрерывныя дроби подсчитываетъ, и нули на безконечность множитъ, и мнимыя величины упорядочиваетъ, и неустанно рѣшаетъ безчисленныя уравненія съ утомительно и безнадежно-многими неизвѣстными? Далѣе, просить еще вниманія для длиннаго ряда такихъ явленій, которыя могли бы быть названы почти сверхъестественными. Дѣло въ томъ, что отсутствіе образовательнаго режима содѣйствуетъ самому беззаботному размѣщенію чиновниковъ по разнымъ служебнымъ отраслямъ и специальностямъ. У насъ, кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Статистика, напримѣръ, судебного вѣдомства указываетъ, что въ числѣ предсѣдателей, прокуроровъ и коронныхъ судей, не только очень много дѣятелей съ такъ называемымъ, — еще со времени Митрофанушки, — «домашнимъ образованіемъ»; но есть бывшіе кадеты, юнкера, дворянскіе застѣдатели, прожившіеся помѣщики, «сыновья статскихъ совѣтниковъ», воспитанники дворянскихъ полковъ и даже филологи по восточнымъ языкамъ. Всѣ они чинятъ правосудіе и «припускаютъ законы», какъ цырюльникъ — нарѣзные банки. По вѣдомству просвѣщенія служатъ у насъ, между прочимъ, агрономы, чешскіе музыканты, нѣмецкіе выходцы, — бывшіе вухмистеры или сѣдельщики, нынѣшніе греки и латинисты, — русинскіе великовозрастные поповичи, почтительно предъявившіе, вмѣсто университетскихъ дипломовъ, метрики о крещеніи своемъ по закону «латино-русскаго уніачества». Въ таможнякъ — неудачные адвокаты, забраккованные акцизники, пѣхотные офицеры и весь составъ входящихъ и нисходящихъ родственниковъ бывшаго директора таможеннаго департамента, г. Качалова; въ полиціи — исключенные семинаристы, канцелярскіе служителя, отставные прапорщики, и вся та сборная пестрота, которая именуется на языкѣ театральныхъ афишекъ «гостями и поселянами»; въ провинціальной цензурѣ — завитые герои любительскихъ спектаклей, полицмейстеры, смотрителя казенныхъ типографій и губернаторскіе мажоръ-домы. Бы-

вали и такіе случаи, когда гвардейскіе кавалеристы и любители-балетмейстеры превращались въ финансистовъ, и когда кругосвѣтное мореплаваніе поставляло сухопутныхъ строителей. Для полноты картины только и недостаетъ заслуженныхъ академиковъ изъ пиротехнической школы и полковыхъ командировъ изъ ссыавшихъ священство благочинныхъ. По соображенію всѣхъ этихъ, здѣсь упомянутыхъ, и многихъ другихъ не упомянутыхъ мотивовъ и данныхъ, защитники образовательнаго ценза и находятъ, что хотя коренная «наука наукъ» стечественнаго чиновничества—чтостописаніе,—и можетъ быть причислена къ разряду изящныхъ искусствъ, но что ей отнюдь не мѣшало бы войти въ дружественное соглашеніе и съ другими какими нибудь, несомнѣнно утилитарными областями человѣческихъ знаній, въ родѣ Закона Божія, географіи, правописанія, ариметики, начальнаго законовѣдѣнія, не говоря уже объ очевидной полезности «морали» для вознесенія и перерожденія чиновничьяго духа, этики—для смяченія чиновничьихъ характеровъ и нравовъ, и логики—для просвѣтленія и укрѣпленія бюрократическихъ предначертаній и умозаключеній.

Но предположенная реформа должна серьезно посчитаться и съ однимъ весьма вѣскимъ возраженіемъ. Признаться сказать, и вашъ покорнѣйшій слуга весь на сторонѣ этого контръ-мотива. Съ перваго взгляда онъ кажется немного страннымъ, но спокойное аналитическое разсмотрѣніе его выясняетъ полную справедливость и непоколебимую основательность возражателей. Дѣло въ томъ, что наше чиновничество и въ нынѣшнемъ своемъ положеніи такъ хорошо, что ничего лучшаго отъ него желать невозможно. Всякое желаніе должно соображаться съ границами доступнаго, и для всякаго идеала существуетъ свой готовый, навсегда культурою апробованный, первообразъ. Для красоты есть Венера, даже двѣ Венеры; для силы—Геркулесъ, для разума—Минерва, для грома—Перунъ, для смерти—Харонъ; а верховнымъ идеаломъ для бюрократіи вообще—служить русскій чиновникъ. Законный сынъ двухъ отцовъ, — московскаго дьяка и нѣмецкаго Rath'a,—онъ такъ самобытно развился въ теченіе цѣлаго вѣка, такъ ясно, старательно и художественно выгравировалъ свой обликъ на скрижаляхъ исторіи и создалъ для себя такой пьедесталъ изъ тысячи просиженныхъ табуретокъ, что нынѣ является совершенно единственнымъ въ своемъ родѣ, подобно тому, какъ единственны: китайская тушь, американское «виски», кѣльнскій соборъ и египетскія пирамиды. Всякое желаніе видоизмѣнить или реформировать такой исторически-законченный и общественно-популярный типъ

можетъ только обезцвѣтить, умалить и удешевить его. Надобно уметь въ неприкосновенности сохранять то, что дѣйствительно примѣчательно, въ чемъ кроется остроумная разгадка прошлаго, цѣнный интересъ настоящаго и основной залогъ будущаго. Отъ единственнаго не ищутъ множественнаго. Неумѣстна критика тамъ, гдѣ нужно чистое и отвлеченное, благоговѣнно ушедшее внутрь себя, восхищеніе. Вотъ почему нельзя не вопить противъ чиновничьяго ценза, и вотъ почему я вполне согласенъ по этому вопросу съ рѣшительнымъ, но меткимъ мнѣніемъ, высказаннымъ княземъ Мещерскимъ. «Боже насъ сохрани—воскликнулъ онъ, говоря о проектѣ образовательнаго ценза для чиновниковъ—податься на эту удочку! Это—чистѣйшая фальшь и чужь. Россія вовсе не Германія».

Совершенно вѣрно!..

II.

Въ нашей, вообще, довольно занимательной общественной жизни выдвигаются подъ часъ на передній планъ такіе своеобразные факты, что освѣщеніе ихъ ставить въ рѣшительный тупикъ хроникера. Проходить ихъ молчаніемъ—никакъ невозможно; а евалифицировать и оттѣнять—въ высшей степени трудно. Просто хотъ объявляя соискательный конкурсъ для установленія правильныхъ точекъ зрѣнія на явленія этого рода. Будьте сами обязательными судьями.

Съ одной стороны, временно становится героемъ всепетербургскаго, а слѣдовательно и всероссійскаго дня, архи-извѣстный дѣятель, имя котораго мгновенно переноситъ вашу мысль въ самое пекло безшабашной наживы. Срывъ, взятка, азартъ, беззаконія, ежегодные каперскіе набѣги на казенный сундукъ, огромное, съ хищническою смѣлостью сколоченное состояніе—все заключается въ этомъ выразительномъ и знаменательномъ имени. О многочисленныхъ подвигахъ счастливика-вожака русскихъ плутократовъ существуетъ цѣлая литература. Столбцы послѣдней кажутся фантастическими сказками: такъ много въ нихъ удивительнаго, мало вѣроятнаго, съ поличнымъ захваченнаго, нарочно недосмотрѣннаго, никѣмъ венаказаннаго, неизмѣнно повторяющагося, публичнаго, для всѣхъ очевиднаго и, въ то же время, какъ бы въ нѣкомъ подземномъ вертепѣ совершающагося. Это—великая и классическая эпопея русской желѣзнодорожной концессіи, съ того времени, когда она только начала задавать вступительные завтраки для облизывавшихся петербургскихъ столоначальниковъ и до того дня,

когда она горою обрушилась на государственный бюджет всей Россіи. Въ этой эпопее исторія обогащенія ея героевъ,—обратная сторона исторіи нашего всеобщаго финансоваго разоренія. Дѣятель, о которомъ идетъ рѣчь, конечно, не былъ солистомъ, одинокимъ выскочкою. Напротивъ. Царапаясь, спотыкаясь, проваливаясь и вновь на ноги становясь, онъ лѣзъ въ гору, вмѣстѣ съ цѣлымъ взводомъ биржевыхъ рыцарей и «промышленныхъ кавалеровъ». Последніе ничѣмъ не были хуже его. Вотъ они вышли изъ мрака. У всякаго были саженныя руки, волчи ащетиты, кротовыя ходы. Но ему особенно повезло. Онъ никогда не сходилъ со сцены и пренебрегаль вѣжущимъ покоемъ наградныхъ лавровъ. Въ немъ сидѣлъ воинствующій артистъ своего дѣла. Онъ всегда на міру, на открытой эстрадѣ, продѣлывалъ, засучивъ фрачные рукава, наиболѣе сложные эксперименты концессионной «черной магіи». Ему нуженъ былъ форумъ, съ его восторгами и свистками, поздравленіями и оскорбленіями, букетами и гнилыми яблоками. И онъ выигралъ свою житейскую партію. Онъ первый смастерилъ самую подходящую отмычку къ желѣзной кассѣ государственнаго казначейства. Деньги полились бѣшеннымъ потокомъ. Такъ Моисей, ударомъ посоха, открылъ въ скалѣ ключъ неизсякаемый... Съ той поры дѣятель считалъ себя способнымъ даже у самого бѣса хвостъ тайкомъ обрѣзать. Побѣда дала славу. Никто изъ коллегъ не сталъ «выше» нашего героя; ни о комъ больше его не говорили и никого больше его не «почитали»; почти одновременно онъ сталъ желѣзнодорожнымъ милліонеромъ, русскимъ генераломъ и жидовскимъ королькомъ.

Все это съ одной стороны.

Съ другой стороны, этотъ самый дѣятель создаетъ, съ полнымъ безкорыстіемъ, съ умомъ и практичностью, его отличающими, прекрасное филантропическое учрежденіе. Онъ вспоминаетъ о сверныхъ невгодахъ голоднаго и холоднаго студенчества, и прямо идетъ имъ на встрѣчу. Онъ ассигнуетъ весьма крупный капиталъ въ 200 тысячъ рублей, несомнѣнно играющій, при залутанныхъ дѣлахъ жертвователя, значительную роль въ общемъ складѣ его состоянія. Онъ строитъ убѣжище для студентовъ, съ такою заботливостью, какъ ой навѣрное не видѣла ни одна изъ провальныхъ дорогъ его. Зданіе выходитъ чудеснымъ: солиднымъ, просторнымъ, веселымъ, гигиеническимъ, удобнымъ, даже роскошнымъ. Въ немъ всѣ потребности обитателей предусмотрѣны и удовлетворены. Теплая и сухая квартира, сытый, съѣжій столъ, освѣщеніе, платье, бѣлье, прислуга, чтеніе — все это пред-

лагается сотнѣ учащихся бѣдняковъ. Приходи, живи, учись и устраивай на пользу жизнь свою! Славная и чудесная мысль нашла блистательное осуществленіе, и человѣкъ, совершенно чуждый университетскимъ традиціямъ и студенческому міру, оказалъ послѣдному очень большую и многоцѣнную услугу.

А теперь и рѣшайте, какъ помирить эти двѣ взаимно исключаящія другъ друга стороны? Какъ, не упоминая о первой сторонѣ, говорить о второй, все-таки служащей въ финансовомъ отношеніи продолженіемъ первой? Концессія родила филантропію, хищничество создало благодѣяніе, крайняя корысть подала примѣръ рѣдкаго безкорыстія, и нуждающіеся студенты получили такую сумму, за которую кувуевскіе столоначальники съ наслажденіемъ отдали бы въ плѣнъ г. Полякову еще пару желѣзныхъ дорогъ. Какъ тутъ выйти изъ заколдованнаго круга совершенно комическихъ противорѣчій? Мудрено, конечно, только изъ-за коллегіи, расшаркиваться передъ поляковщиною; но и нельзя не воздать должнаго «благородному учредителю» коллегіи только потому, что онъ—совсѣмъ неблагородный концессионный фокусникъ-обирала... Размышленіе привело меня вотъ къ какой средней и спасительной выходной дорожкѣ.

Г. Поляковъ, въ теченіе всей своей плутократической карьеры, всегда и все покупалъ. Онъ покупалъ дома, имѣнія, копи, заводы. Онъ покупалъ дружбу, любовь, почтеніе, связи, протекціи, отношенія великихъ людей и мелкотравчатыхъ прихвостней. Онъ купилъ для своей персоны, между прочимъ, и генеральскую шляпу съ плюмажемъ, прусскую ленту, иностранные котильонные кресты и звѣзды. Онъ привыкъ за все платить наличными на житейскомъ базарѣ. И вотъ ему пришла похвальная охота купить себѣ... общественную признательность на сумму 200 тысячъ рублей.

Отмѣримъ же и отвѣсимъ г. Полякову общественной признательности ровно на 200 тысячъ рублей. И ему тогда не будетъ обидно, и мы не останемся въ долгу стѣснительномъ и щекотливомъ.

III.

Текущая жизнь вставила въ газетные органы (или органы) новый музыкальный валъ. Называется онъ «Рыковъ». Это—увертюра изъ шуллерской оперетки «Скопинскій Банкъ». Мелодраматическій характеръ произведенія дѣйствуетъ на нервы, настраиваетъ публику на минорный ладъ и производитъ большую и оживленную

сенсацию. Казнятъ учредителя и главнаго хозяина игрецкаго баковаго притона; весьма естественно сожальють о судьбѣ злополучныхъ владчиковъ; удивляются полнѣйшему отсутствію режиссуры власти, именно тамъ, гдѣ этотъ режимъ былъ бы спасеніемъ мирныхъ прохожихъ отъ грабежа разбойничьей камарильи; заднимъ числомъ исправляютъ и предусматриваютъ; «ставятъ в очередь» общіе, связанные съ катастрофою вопросы, которые по существу никому въ «сферахъ» не нужны, и изъ которыхъ, какъ это всегда у насъ бываетъ, ровно ничего не выйдетъ; измышляютъ на досугѣ самые нелѣпые проекты вознагражденія потерпѣвшихъ «Московскія Вѣдомости», напримѣръ, безотговорочно требуютъ покрытія скопинскаго тринадцати-милліоннаго дефицита, путевыхъ расходовъ новаго добавочнаго «рыковского налога» на все податное населеніе имперіи. Платилъ же мужикъ за нашествіе двадцати языковъ, пусть же онъ заплатитъ и за побѣды Рыкова! Неунывающей и сподвижъ Рыковъ представляется въ этомъ случаѣ какимъ-то неизбежнымъ и неустранимымъ, всенароднымъ и общегосударственнымъ бѣдствіемъ, въ родѣ войны, повѣтрія, пожара. Меньшіе братья (Ваня-дурачекъ) московской газеты, «С.-Петербургскія Вѣдомости» — опротестовали предъидущее предначертаніе каткопскихъ финансистовъ-карателей, но замѣнили его еще болѣе курьезнымъ планомъ возмездія. По мнѣнію органа г. Комарова, «нужно весь скопинскій крахъ перенести (?) на всѣ банки, желѣзнодорожныя и иныя правленія, заставить (?) расхищенную сумму пополнить изъ вкладовъ, изъ процентовъ по акціямъ и облигаціямъ разныхъ обществъ». Тутъ мы имѣемъ дѣло съ разсужденіемъ по которому всѣ «промышленные кавалеры» должны товарищески заплатить за провалившася оберъ-кавалера. Радикально, конечно, но чрезвычайно дико и вполнѣ самобытно. Любой юристъ упадетъ въ каталептическій обморокъ отъ такой новоявленной «крутой-поруки», развязывающей руки для исподовольныхъ контрибуцій, гдѣ пошло, съ кого пошло и сколько пошло. Словомъ, въ «Рыковѣ» вытѣснилъ изъ спроса даже «Матушку-голубушку» и «Персидскій маршъ» и «Корневильскіе колокола».

Сдѣлавъ маленькій Скопинъ большимъ финансовымъ Седаномъ забыли только объ одномъ. Каждое явленіе подчинено извѣстному командующимъ законамъ, о которыхъ никто не плачетъ и притивъ которыхъ никто не возстаетъ. Дымъ уходитъ вверхъ, камень падаетъ внизъ, дѣвица стремится къ кавалеру, а вода отъ холода леденѣетъ. Все естественное само по себѣ вполнѣ понятно, и странно скорбѣть или ужасаться тому, чего вполнѣ надлежало ожидать.

о должно было произойти, что неминуемо вытекало из самой природы вещей и явилось простою арифметическою суммою заране поставленных слагаемыхъ. Скопинскій банкъ лопнулъ по тѣмъ правиламъ физики. Изъ ничего и вышло ничего. Вѣрнѣе: съ основной плутни, двадцать лѣтъ поддерживаемой со всѣхъ сторонъ всевозможными продѣлками, и вышло заключительное во-вство—монстръ. Дѣвица, неосмотрительно покинутая наединѣ лукавымъ кавалеромъ... перестала быть дѣвицею. Это пельно, конечно, но тутъ нѣтъ еще ни глада, ни войны, ни мора.

Вспомните только біографію скопинскаго, столь безпощадно копеннаго Рыковымъ, банковаго дѣтища. Почти двадцать лѣтъ му назадъ, въ маленькомъ рязанскомъ уѣздномъ клоповникѣ, въ котораго нельзя доскакать ни до какого государства, учреж-ется съ весьма небольшимъ основнымъ капиталомъ городской щественный банкъ. Послѣдній основывается главнымъ образомъ тому, что въ числѣ скопинскихъ обывателей, занимающихся вы-зкою коноплянаго масла и ожиданіемъ свѣтопреставленія, нахо-тся человѣкъ-орелъ, крыльямъ котораго «тѣсно». Человѣкъ-ель—почетный гражданинъ Рыковъ—чувствуетъ въ себѣ всѣ имѣты и качества дѣльца и ходока самой высшей пробы. Ры-въ наглъ, ловокъ, изобрѣтателенъ, уменъ и жаденъ. Онъ ощу-етъ въ себѣ страшную силу, но она находится въ состояніи без-однаго покоя. Ему нужна арена. Онъ готовъ начать съ ма-нькаго.

Великанъ и въ ярмарочномъ балаганѣ все-таки остается вели-номъ.

Скопинцы созидаютъ банкъ и, увлеченные обаяніемъ Рыкова, даютъ послѣдняго безконтрольнымъ директоромъ. Рыковъ—«новый овѣкъ» и почти американецъ въ душѣ. Онъ твердо вѣруеть непреборимую силу «благодѣтельной гласности» и дѣлаетъ ержанную, но заманчивую газетную рекламу—главною и наибо-е надежною сотрудницею своею по банку. Рыковъ печатается юду. Онъ не жалѣетъ денегъ. Объявленія его, въ теченіе мно-хъ лѣтъ, не сходятъ съ первыхъ и послѣднихъ страницъ почти ѣхъ періодическихъ изданій. Они мозолятъ глаза и не даютъ гдѣ прохода. Публика постепенно къ нимъ привыкаетъ; «имя» ровитаго и предприимчиваго русскаго финансиста гремитъ на всю ссію, и скопинскій банкъ дѣлается центральнымъ и популярнымъ ладомъ для всякихъ, пришлыхъ извнѣ, маломумныхъ денегъ. иковъ преимущественно разставляетъ сѣти на операцію вла-въ; онъ предлагаетъ самыя выгодныя проценты, до нельзя

сокращаетъ банковыя формальности, самъ берется переводить на себя вклады изъ другихъ финансовыхъ учрежденій, щеголяетъ быстротою сношеній, распорядительностію дѣйствій, и рекомендуетъ финансовую вѣскость и коммерческую оборотливость своего банка все болѣе и болѣе внушительными цифрами мѣсячныхъ и годовыхъ балансовъ. И вклады не заставили себя ждать. Они навалили гурьбою со всѣхъ концовъ Россіи, но преимущественно изъ разныхъ захолустныхъ угловъ; деньги приходили къ Рыкову даже изъ такихъ мѣстъ, гдѣ обыватели добываютъ огонь треніемъ сухихъ дощечекъ и рассчитывается другъ съ другомъ куньими хвостами. Рыковъ очень удачно воспользовался недовѣріемъ наугавныхъ крахами провинціаловъ къ столичнымъ банкамъ, и собралъ въ своей кладовой вкладныя деньги самыхъ курьезныхъ типовъ. Коробочки, Собакевичи, Плюшкины, Товстогубы, Деруновы, Колупавы, чернецы Пимены и Варнавы, матушки Евфросиньи и Митрофаніи, благопріобрѣтающіе отцы благочинные, бережливые переконно—служители, отставные поручики и капитаны, чиновничьи вдовы, выдѣленные купеческія сестры, заштатные ветераны и всякій иной труженническій, расчетливый, малосвѣдущій людъ или состоятъ въ почтовой перепискѣ со скопинскимъ банкомъ, или персонально хлопалъ зеркальными дверьми рыковского учрежденія. Особенно благоволило къ Скопину духовенство, и въ этомъ отношеніи граждане Рыковъ могъ бы товарищески позать руку гражданину Эженю Бонту. Скопинскіе вклады прогрессивно нарастали и, наконецъ, достигли какихъ-то баснословныхъ размѣровъ: рыковскій банкъ располагалъ почти 20-ю милліонами вѣрренныхъ ему денегъ! Не только другіе, однородные со скопинскимъ, городскіе общественныя банки почтительнѣйше благоговѣли предъ своимъ всемогущимъ собратомъ, не только всякія иныя провинціальныя кредитныя учрежденія гнались за рыковскими вкладными билетами, но и Петербургъ и Москва почтительно относились къ такому городку, который и не на всякой даже картѣ значится. Понятно, что самъ Рыковъ находился въ это время въ апогеѣ земнаго величія. Онъ былъ тѣмъ для Скопина, чѣмъ Наполеонъ I былъ для Корсики. Если скопинцы и не крестили именемъ Рыкова своихъ дѣтей, такъ только потому, что у насъ и для именъ существуетъ указная таблица. Рыковъ старался стоять на высотѣ избранническаго призванія и не забывалъ «о своемъ городѣ». Почти каждый годъ онъ создавалъ для себя какой нибудь памятникъ нерукотворный. Веди жизнь Лукулла и сдѣлавъ всѣхъ родственниковъ своихъ—трактирщиковъ, лавочниковъ, прикащиковъ и иныхъ санкюлотовъ,—

степенными и богатыми коммерсантами, Рыковъ основалъ рыковскую богадѣльню, рыковскія стипендіи, рыковскую гимназію и могъ основать еще рыковскій Лувръ и скопинскую академію наукъ. Кіевскій Свиридовъ тоже золотилъ иконостасы. У русскихъ воровъ, какъ и у итальянскихъ бандитовъ, есть свое самолюбіе, своя «честь» и свой профессиональный гоноръ.

Слухи о томъ, что въ скопинскомъ банкѣ неладно, начали возникать давно. Они зародились и періодически ходили еще во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. приблизительно около 5—6 лѣтъ тому назадъ. Слѣдовательно, жаловаться на то, что не было времени, кому слѣдовало, предусмотрѣть, вмѣшаться и «пресѣчь» зло въ самомъ его развитіи — никакъ невозможно. И тогда уже всѣ понимали и говорили, что маленькій, построенный на двадцати копѣечномъ основномъ фондѣ, банкъ ничтожнаго городка, обобравъ запасные капиталы на огромномъ районномъ протяженіи, не имѣя никакой мѣстной возможности прибыльно вложить эти капиталы, платя вкладчикамъ разорительные проценты и находясь въ рукахъ одного, никѣмъ не контролируемаго, всевластнаго лица — не можетъ не играть крайне рискованной и весьма опасной игры. Объ этомъ много толковали въ денежныхъ сферахъ. Азартность рыковской банковской стучалки не могла быть незамѣтной и для центрального финансоваго вѣдомства... Но Рыковъ имѣлъ честь состоять «своимъ человѣкомъ» у г. Ламанскаго, а кого г. Ламанскій одобрялъ, того и судьба берегла. Кабинетъ г. Ламанскаго былъ тогда, какъ извѣстно, приемнымъ «лѣтебнымъ покоемъ» для подстрѣленныхъ героевъ, паломнически стекавшихъ съ сѣвера и съ юга, съ востока и запада... Скопинскій банкъ кое-какъ держался, благодаря временно подкрѣпляющимъ медикаментамъ. Внутри онъ быстро гнилъ и проваливался, но снаружи не терялъ ни куражу, ни кредита, ни общественнаго довѣрія. Все обстояло благополучно, а людей любознательныхъ, обязанныхъ слѣдить за кулисами, тогда не оказывалось. Только лѣтомъ нынѣшняго года тревожные слухи вновь обострились и зловѣще разрослись. Говорили, писали и печатали о томъ, что Рыковъ разнесъ весь банкъ и что послѣдній — наканунѣ роковаго банкротства; полностью называли имена, обстоятельно приводили несомнѣнные факты; ссылались на цифры; требовали законнаго вмѣшательства, просили и письмами, и телеграммами, и корреспонденціями, и передовыми статьями, и фельетонами—опеки, заступничества, спасенія, наконецъ. На лицо имѣлась самая безспорная улика: скопинскій банкъ наотрѣзъ и безъ всякихъ мотивовъ отказывалъ въ плате-

жахъ и выдачахъ. Но и тогда, дѣломъ, вся эта общественная вога о сотняхъ и тысячахъ разоренныхъ семей была гласно вопившимъ въ пустынь. Никто не слушалъ, никто не беспокоился, никто не вмѣшивался и ничего не дѣлалъ. Можно было думать, что всѣ «блестители» скоростижно вымерли и что дѣйствительно происходитъ не въ граждански-упорядоченной странѣ, а на безбрежномъ побережьѣ Гвардафуя.

Только и откликнулись, да и то больше комизма ради, профессоръ московской судебной палаты, г. Гончаровъ, который съѣздивъ въ Скопинъ, посмотрѣлъ, послушалъ, пощупалъ и закончилъ свою миссію канцелярскою бумагою въ Рязань, да самъ г. Рыковъ, спѣшившій «категорически опровергнуть» въ длинной газетѣ телеграммъ «всѣ ложные и недобросовѣстно распускаемые слухи», да и кончилось...

И вотъ банкъ, катясь внизъ по наклонной плоскости, окончательно и окончательно лопнулъ.

Да какъ же иначе-то и быть могло?.. Какихъ тутъ еще и говорить «общихъ вопросовъ», когда есть только одинъ вопросъ, да тотъ съ готовымъ и вполне удовлетворительнымъ отвѣтомъ:—могло бы «безвозбранно приобретать», и человекъ «благоприобрѣлъ».

IV.

Нашъ модный и новѣйшій публицистическій приемъ, — хождение напередъ и обстеживание людей чужаго прихода въ «бѣды пакибытія» — получилъ недавно весьма успѣшное примѣненіе къ директору извѣстнаго педагога, барона Н. А. Корфа, на должность руководителя московскихъ городскихъ школъ. Дружно поднята такая алармирующая и насвистывающая гвалтъ, какъ еслибы рѣчь шла о назначеніи выписаннаго изъ дикихъ странъ людоѣда дядьки грудныхъ младенцевъ у замоскворѣцкихъ обывателей. Маститая мирная фирма барона Корфа вдругъ стала жупельнымъ страшнымъ щемъ, отъ котораго долженъ безъ оглядки бѣжать всякій добрый дѣлательный гражданинъ, помадающийся деревяннымъ масломъ, и вольно какающий послѣ трактирной селянки и выучивающийся на память всѣ передовыя откровенія московской газеты.

Зазволили набать и пошли въ штаны.

Въ московской думѣ, дѣйствительно, случился непредвидѣнный и возмутительный казусъ. Одинъ изъ видныхъ заслуженныхъ деятелей московскаго городского управленія, Басистовъ, долго стоявшій во главѣ начальнаго образованія бѣлокаменной, ум...

заусть, конечно, не въ этомъ. Басистовъ оставилъ послѣ себя прекрасную память. Онъ многое умѣлъ, многого хотѣлъ и во многомъ успѣлъ. Басистовъ горячо любилъ педагогическое дѣло, безкорыстно отдавъ ему всю энергію честнаго, заботливаго и работающаго чело-вѣка. Онъ бралъ трудомъ и вѣрою. Онъ зналъ только свои школы приросъ къ нимъ всѣми симпатіями своего гражданскаго духа. Идя къ зародышномъ періодѣ первоначальное образованіе въ Москвѣ, Басистовъ, пользуясь широкимъ довѣріемъ и полнымъ со-вѣтствомъ думы, успѣлъ такъ развить, выдвинуть элементарныя училища и численно ихъ приумножить, что Москва во многихъ отношеніяхъ, — на примѣръ, въ отношеніи образованія дѣвочекъ, вознагражденія учителей и школьной обстановки, — по недавнему свидѣтельству въ печати барона Корфа, безспорно опередила Пете-рбургъ. Но Басистова не стало, и ввѣренная ему благороднѣй-шая часть столичнаго хозяйства осиротѣла. Приходилось искать подходящаго и авторитетнаго преемника Басистову. Московская дума, скорбя о горестной уtratѣ, отнеслась весьма серьезно къ своей новой задачѣ. Школьное управленіе — не трактирная за-сѣдка и не базарная полиція. Начальная школа никѣмъ осо-бенно не покровительствуется и никому непосредственно не нуж-на. Она слабосильна. Это тепличный цвѣтокъ на тучныхъ дум-ныхъ пажитяхъ. Элементарной школѣ очень легко загдохнуть и потерять въ массѣ другихъ городскихъ учреждений, и вотъ по-тому она требуетъ для своей жизненности, успѣшности и устой-чивости, — любви къ себѣ, опыта и знанія. У насъ принято думать, что всякое дѣло должно бояться любаго подмастерья, но это чу-жое правило не могло быть примѣненнымъ въ данномъ случаѣ. Школы ни аршинъ, ни виць-мундиръ ровно ничего не сдѣ-лаютъ. Школа — опредѣленная спеціальность, нуждающаяся и въ спеціальномъ руководствѣ. Вотъ почему извѣстная часть москов-ской думы, избирая достойнаго преемника Басистову, остановилась на мысли ввѣрить свои училища чело-вѣку, имя котораго заручи-лись всѣмъ несомнѣнной авторитетности. Барона Корфа знаетъ вся грамотная Россія. Практически дѣйствуя въ огромномъ геогра-фическомъ районѣ, баронъ Корфъ давно уже снискалъ себѣ широ-кую популярность своею плодотворною и неустанною педагогическо-литературною и земскою дѣятельностью. Съ фирмою барона Корфа неразрывно связаны представленія объ основательнѣйшемъ знаніи школьной практики, о всецѣлой преданности ей, о кропотливѣй-шимъ трудолюбіи на пользу крестьянской грамотности. «Послуж-ный списокъ» почтеннаго барона говоритъ неопровержимыми фак-

тами. Баронъ Корфъ успѣлъ превратить ту мѣстность, гдѣ постоянно живетъ (Александровскій уѣздъ Екаторинославской губерніи) въ маленькій оазисъ, цвѣтущій среди пустынныхъ сѣ нашего начальнаго обученія, безрукаго, безногаго, а очень и безголоваго. Въ этомъ случаѣ статистива—самый лучший и порѣчивый защитникъ корфовскаго труда и пониманія. Баронъ Корфъ, осмысленно изучивъ богатую область иностранной педагогикѣ, позаимствовался у нея тѣмъ, что находилъ, при безспорной компетентности, полезнымъ и пригоднымъ для шей учебной почвы. Барона Корфа именно за это и каютъ. Ему «ставятъ на видъ» его, якобы, нѣмцophilство. Но однако полагать, что въ дѣлахъ педагогическихъ баронъ Корфъ всякомъ случаѣ, былъ нѣсколько болѣе надежнымъ судьей и этимъ, чѣмъ шустрые адвокатики изъ жидковъ, заготовляя безапелляціонныя рѣшенія для передовыхъ столбцовъ пегированнаго московскаго органа. Эти господа вѣдь заботятъ о судьбѣ московскаго пачальнаго образованія, а единствен томъ, какъ бы похлестче «доѣхать» ненавистнаго имъ дѣятел такой «оцѣнкѣ» всякая оглобля служитъ «мотивомъ». Баронъ Корфъ написалъ специальную книгу для начальнаго чтенія: «Нашъ Другъ», книга, которая, не избѣжавъ нѣкоторыхъ недостатковъ, обла тѣмъ не менѣе очень многими и выдающимися достоинств. «Нашъ Другъ» стоитъ наряду съ нашими лучшими педагогическими вкладами. При всемъ томъ, баронъ Корфъ находитъ время публицистически разработывать близкіе и родственные вопросы, неустанно слѣдитъ за учебною литературою, заготовляетъ и группировать статистическіе матеріалы по своей специальности, практически руководитъ выправкою народныхъ учителей и служитъ виднымъ столпомъ одного изъ нашихъ наиболѣе дѣятельныхъ симпатичныхъ земствъ. Кажется, что при такихъ данныхъ въ московской думѣ, остановившейся на баронѣ Корфѣ, является естественнымъ и довольно естественнымъ. Большой городъ хотѣлъ ричить свои училища лучшему и общепризнанному специалисту начальному обученію. Протестовать тутъ могъ только чело страдающій жестокою контузіею мозжечка отъ крымской грабни.

Вышло однако иначе. Теперъ вѣдь у насъ почти все вых задомъ напередъ и вверхъ тормашками. На повѣрку оказало что московская дума, вспомнивъ о баронѣ Корфѣ, не только достойна хорошаго одобряющаго слова, но, наоборотъ, заслуживаетъ шельмующаго посрамленія. Дѣло въ томъ, что московскіе сторонники барона Корфа, непростительно увлекшись тѣмъ

жемъ, который представляет педагогическая репутация автора «Нашего Друга», забыли о трехъ смертныхъ грѣхахъ, тяготеющихъ надъ ихъ кандидатомъ. Во-первыхъ, баронъ Корфъ, потому не годенъ для Москвы, что живетъ не на Арбатѣ или Лубянкѣ, а гдѣ то въ екатеринославскомъ захолустьѣ. Онъ, слѣдовательно, «варягъ», пришелецъ, иноземецъ, чужакъ. Какую пользу, разсудите сами, можетъ оказать Москвѣ человекъ, который не ѣлъ Тѣстовскихъ селянокъ и не крестилъ дѣтей въ Замоскворѣчьи? Во-вторыхъ, баронъ Корфъ—«какъ бы нѣмецъ». Положимъ, что въ дѣйствительности онъ совсѣмъ не нѣмецъ, но все-таки баронъ. Бароны-же намъ теперь совсѣмъ не подѣ стать. «Линія» не та. Теперь даже прибалтійскіе бароны и тѣ сами себя по жилетнымъ карманамъ прячутъ. Если не самъ баронъ Н. А. Корфъ, такъ его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ вышли изъ нѣмечины, можетъ быть, даже изъ Гамбурга, гдѣ такъ сверно луну дѣлаютъ. Наконецъ, въ третьихъ, баронъ Корфъ, и независимо отъ двухъ предыдущихъ пунктовъ, просто какъ педагогъ, ничего не стоитъ: въ его пресловутой книгѣ легко указать цѣлую серію... неудачныхъ загадокъ для ученическаго чтенія. Между ними попадаетъ, напримеръ, даже такая:

«Повару нужно четвероное, травоядное, дикое животное, которое не прыгаетъ, а скачетъ». Какое это животное? «Заяцъ».

Загадка задумана не важно и формулирована плохо. Ничуть не споримъ. Но нѣтъ ничего легче, какъ исправить ее въ будущемъ же изданіи «Нашего Друга». Достаточно будетъ только пояснить, что «дикое, травоядное животное, которое не бѣгаетъ, а скачетъ» (все на тотъ же манеръ, задомъ напередъ!) совсѣмъ не «заяцъ»,—а нынѣшній «модный человекъ».

Одно обвиненіе будетъ тогда опровергнуто. Но кто проститъ барону Корфу его явно украинофильское предпочтеніе малороссійскаго борща тѣстовской селянкѣ и подозрительное для патріотовъ фонъ-баронство?

Буква.

СОДЕРЖАНИЕ № 11-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	Стр.
I. Торжество правосудія. Романъ Д. И. Стахѣва.	3
II. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. В. И. Модестова. . . .	40
III. Къ одному концу. Повѣсть. Е. Ближнева	60
IV. Прощаніе (изъ Байрона). Стихотвореніе Н. Щедрова. . . .	98
V. Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи. С. С. Пашкова.	99
VI. * * Стихотвореніе М. Лачинова	135
VII. Пѣсни о Дрѣмѣ и Ерѣмѣ. Стих. Л. Н. Трефолева.	136
VIII. Владычный обзоръ. (Изъ воспоминаній недавняго прошлаго). О. Правдина	137
IX. Поздно!.. Стихотвореніе Ф. Андреева.	151
X. Эмиль Золя (Биографическій очеркъ). Съ предисловіемъ П. Д. Боборыкина	153
XI. На мотивъ изъ Мюссе. Стихотвореніе О. Ч.	186
XII. Дипломатія и любовь. Романъ Іоганна фонъ-Деваля. (Окончаніе)	187
XIII. Современная любовь. Стихотвореніе С. Г.	232
XIV. Сцены изъ жизни Гарибальди. (По запискамъ одного бывшаго волонтера).	233
XV. Братья Рамулты. Повѣсть І. Крашевскаго.	259
XVI. Памяти прошлаго. Стихотвореніе С. Горенко	270

Современное обозрѣніе.

XVII. Парижскія письма. III. Л. Левиса	1
XVIII. Русскій драматическій театръ за сезонъ 1881—82 г. Театрала.	12
XIX. Главнѣйшій недостатокъ современной средней школы, по отчету вльасско-лотарингской медицинской комиссіи. В. М.	27
XX. Наши внутреннія дѣла.	33
XXI. Политическая хроника	55
XXII. Новыя книги	71
XXIII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): Рябь и зыбь род- наго прогресса. И. Ф. Василевскаго (Буквы)	84

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ В. А. ЦВЫЛЕВА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ФОНТАНКА, № 41.

продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

- Башинъ.** Лицомъ къ лицу. Романъ. Спб. 1882 г., ц. 1 р. 25 к.
Вейнбергъ. Сцены изъ еврейскаго и армянскаго быта. Съ картинами. Издан. 6-е, ц. 1 р.
Вальтеръ. Романы и повѣсти. ц. 2 р. 50 к.
Вальтеръ Смуттъ. Романы. 10 томовъ, ц. 35 р., отдѣльно томъ 3 р. 50 к.
Галтонъ. Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія, ц. 2 р.
Диккенсъ. Оливеръ Твистъ. Романъ. Съ очеркомъ жизни автора, ц. 2 р.
Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ (младшій) изъ дома Грачи, что въ Блондерстоу. Романъ. 3 тома, ц. 4 р.
Джонсъ. Духовныя жены, въ 2-хъ частяхъ. Съ портретомъ автора, ц. 2 р.
Джонсъ. Новая Америка, въ 2-хъ частяхъ. Съ 8-ю рисунками, ц. 2 р.
Добрлюбовъ. Сочиненія, 4 тома, ц. 6 р.
Карамзинъ. Погони за наливкой. Романъ. Иллюстрированное изданіе ц. 3 р.
Карачолло. Тайны женскихъ монастырей въ Неаполѣ, ц. 1 р.
Копради. Исповѣдь матери, ц. 3 р. 50 к.
Краевичъ. Космосъ для юношества, ц. 2 р. 50 к.; въ переплетѣ ц. 3 р. 25 к.
Львовъ. Соборяне. Старгородская хроника, въ пяти частяхъ. Третье тисненіе, ц. 3 р.
Львовъ. Владычній расколъ. Лордъ Редстокъ и его послѣдователи. Издан. 2-е, ц. 1 р.
Львовъ. Владычній судъ. Разказъ, ц. 40 к.
Наумовъ. (Авторъ романа „Сила солону ломить“). Въ Тихомъ омутѣ. Разказъ изъ быта сибирскихъ крестьянъ. Спб. 1881 г. ц. 2 р. 50 к.
Пальгревъ. Путешествіе по средней и восточной Аравіи. ц. 2 р. 50 к.
Перри-Фоггъ. Путешествіе по Египту, Аравіи, Малой Азійи и Персіи. ц. 2 р.
Потъкинъ. Сочиненія. 7 томовъ. ц. 7 р.
Рѣшетниковъ. Знакомые портреты. Разказъ ц. 40 к.
Салтыковъ (Щедринъ). Письма къ тетенькѣ. Спб. 1882 г. ц. 2 р.
Салтыковъ (Щедринъ). Признаки времени и письма о провинціи. Издан. 2-е. Спб. 1882 г., ц. 2 р.
Стаховъ. Сочиненія: Домашній очагъ, романъ. Законный бракъ, романъ. Походы на доходы, повѣсть. Спб. 1881 г., ц. 2 р. 50 к.
Вагнеръ. Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, приютовъ и народныхъ школъ. 2 части. Спб. 1882 г. ц. 2 р.; въ папкѣ ц. 2 р. 25 к.; въ переплетѣ ц. 2 р. 75 к.
Вейнбергъ. Сборникъ иностранныхъ повтовъ для класснаго чтенія. Спб. 1882 г. ц. 1 р. 30 к.
Висноватовъ. Изъ жизни растений. Составлено по Вагнеру и др. Со множествомъ картинъ и рисунковъ въ текстѣ, ц. 1 р. въ переплетѣ ц. 1 р. 50 к.
Гриммеръ. Прогулка по зоологическому саду. Съ 24-мя большими картинками и многими полнѣтпажами въ текстѣ, ц. 3 р.; въ переплетѣ ц. 3 р. 75 к.
Жоржъ-Зандъ. Бабушкины сказки. ц. 1 р., 50 к. въ переплетѣ ц. 2 р.
Игнатовичъ. Сборникъ игръ для дѣтей. Издан. 2-е, ц. 1 р.
Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ. Съ рисунками, ц. 1 р. 50 к.; въ переплетѣ ц. 2 р. 25 к.
Лазина. До разсвѣта. Разказы изъ дѣтской жизни. ц. 1 р.
Маларова. Изъ дѣтскаго быта. Разказы. Спб. 1869 г. ц. 75 к.
Наслѣдникъ дяди Честерстона. Романъ для дѣтей старшаго возраста. Со множествомъ большихъ картинъ. ц. 2 р.; въ переплетѣ ц. 2 р. 75 к.
Норвежскія сказки, ц. 1 р.

«Муравей». Литературный сборникъ. Съ картинами, ц. 1 р. 50 к. переплетъ ц. 2 р.

Отъ Рождества до Пасхи. В. I. На Рождество. В. II. На новый годъ. Съ картинами въ текстѣ. ц. 2 р.; въ переплетѣ ц. 2 р. 75 к.

Пиццетъ. Путешествіе капли воды. Съ рисунками въ текстѣ, ц. 1 р. переплетъ ц. 1 р. 50 к.

«Послѣ труда». Литературный сборникъ. Съ картинами въ текстѣ. ц. 1 р.; въ переплетѣ ц. 1 р. 50 к.

Резенеръ. Что окружаетъ насъ. Чтеніе для дѣтей среднего и старшаго возраста. Съ рисунками въ текстѣ. Издан. 2-е, ц. 2 р. 50 к.; въ переплетѣ ц. 3 р. 25 к.

Самойловичъ. На память стараго года. Повѣсти и рассказы для дѣтей. ц. 1 р.; въ переплетѣ ц. 1 р. 50 к.

Самойловичъ. Очерки современнаго Египта. Передѣлано для юношества изъ романа Эдм. Абу: «Феллахъ Ахметъ». Съ картинами въ текстѣ. ц. 50 к.; въ переплетѣ ц. 2 р.

Полевой. Школьный Шекспиръ. Биографія Шекспира. Гамлетъ, пр. Датскій. Критическія статьи Бѣлинскаго и Тургенева о Гамлетѣ. Съ рисунками въ текстѣ, ц. 1 р. 50 к.; въ переплетѣ ц. 2 р.

Смайльсъ. Характеръ. Издан. 4-е. Спб. 1882 г. ц. 2 р.

Сороминъ. Дѣтскій сборникъ. Съ картинами въ текстѣ. Издан. 2-е, ц. 2 р.; въ переплетѣ ц. 1 р. 50 к.

Сталь. Серебряные коньки. Исторія бѣднаго голландскаго семейства. Повѣсть для юношества. Со множествомъ картинъ и рисунковъ въ текстѣ. ц. 2 р. 50 к.; въ переплетѣ ц. 3 р. 25 к.

Сысоева. Исторія маленькой дѣвочки, ц. 1 р. 50 к.; въ переплетѣ ц. 2 р.

Бернштейнъ. Физиологія органовъ чувствъ, ц. 2 р.

Бургардъ. Руководство къ практическому и теоретическому изученію латинскаго языка. Составленное по новѣйшимъ и лучшимъ методамъ для учащихся. 2 части 1882 г., ц. 2 р. 50 к.

Дмитревскій. Нотаріальное руководство. Систематическій сборникъ законовъ, относящихся до нотаріальной части, съ разъясняющими ихъ рѣшеніями Государственнаго Совѣта и Сената стараго и новаго устройства. Съ приложеніемъ программы вопросовъ для изученія нотаріальной части, постановленій указателя различныхъ формъ и образцовъ. 1882 г., ц. 4 р., въ переплетѣ ц. 4 р. 75 к.

Лавелъ. Первобытная собственность, ц. 2 р. 50 к.

Маудсли. Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ, ц. 2 р. 50 к.

Марей. Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху, ц. 2 р.

Мэнъ. Древнѣйшая исторія учреждений, ц. 2 р. Опытъ исторіи и статистики. Т. I, в. I, ц. 1 р. 25 к.

Шмидтъ. Ученіе о развитіи органическаго міра, ц. 2 р.

Гг. Иногородные, выписывающіе вышеупомянутыя книги прямо изъ книжнаго магазина В. А. ЦВЫЛЕВА, за пересылку не платятъ. Книжный магазинъ В. А. ЦВЫЛЕВА, существуя преимущественно для торговли съ иногородними покупателями, принимаетъ на себя:

I. ДОСТАВКУ всевозможныхъ книгъ, нотъ, канцелярскихъ принадлежностей и учебн. пособій по цѣнамъ, объявленнымъ другими книгопродавцами и издателями. II. Подписку на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ, объявленнымъ издателями. III. Постояннымъ своимъ покупателямъ исполняетъ всевозможныя и несложныя порученія, не входящія въ составъ книгопродавческой дѣятельности. Библиотекамъ, учебнымъ заведениямъ, земскимъ управамъ и прочимъ подобнымъ и общественнымъ учреждениямъ дѣлается скидка отъ 5 до 20 процентовъ, смотря по стоимости заказа.

Всѣ требованія гг. иногородн. покупателей исполняются скоро и аккуратно.

ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Вл. Михневича:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

ТМЪ I: Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-религиозномъ отношеніи. 1879 г., 370 стр. in 8°. Ц. 2 р. 25 к., за 2 ф.

ТОМЪ II: Народная копилка, Христа ради. — Исторія русской бороды. — Исторія одного проклятаго гроба. — Объединители. — Пляски на Руси въ хородахъ, на балу и въ балетѣ. — Извращеніе народнаго снотворчества. — Лодка. (Простонародная игра). 1882 г. стр. in 8°. Ц. 2 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Оба тома, имѣющіе каждый самостоятельно-законченое содержаніе, продаются порознь и вмѣстѣ.

Варшава и варшавяне. Замѣтки и наблюденія: Значеніе шавы, польско-національное и обще-славянское. — Варшавская гражданская жизнь. — Варшавскіе театры и музеи. — Крашевскій и юбилей. — Чего хотятъ и куда идутъ привислянскіе поляки? и ч. 1881 г. 215 стр. Ц. 1 р. 25 к. перес. за 1 ф.

Въ Петербургскомъ смутѣ. Романъ-фельетонъ изъ времёнъ войны 1877 года. Изданіе второе. 1879 г. 420 стр. Ц. 1 р. к., перес. за 1 ф.

Мы, вы, они, онѣ. Юмористическіе очерки и шаржи. 1879 г. стр. Цѣна 1 руб. 60 к. перес. за 1 ф.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ у автора: Спб., Измайловскій п., Троицкій № 6. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Книгодавцамъ обычная уступка.

Открыта подписка на 1883 годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ.

Большой еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЪ РОСКОШНЫМИ ПРЕМІЯМИ И РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Выходитъ въ 1883 году по прежней программѣ, (въ количествѣ 52 №№ годъ), въ форматѣ большихъ иллюстрацій, въ годъ два большихъ тома въ 16 страницъ и около 1000 гравюръ. Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано предстоящее коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.

Въ теченіе года всѣ подписчики журнала „Иллюстрированный Міръ“ получаютъ безплатно

ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ, рассылаемыхъ ежѣмѣсячно и состоящихъ изъ прекрасно-выполненныхъ копій съ новѣйшихъ и извѣдѣній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Эти преміи составляютъ концу года богатый альбомъ, а, вставленные въ рамы, могутъ служить украшеніемъ каждой гостиной. О выборѣ ежѣмѣсячныхъ премій можно судить по разосланнымъ въ минувшіе года копіямъ съ картинъ: профессора И. К. Айвазовскаго, академика А. Веллоли, профессора В. Верещагина, Н. Загорскаго, В. Маковского, профессора А. Т. Маркова, академика М. О. Микѣшина, Н. Неврева, профессора В. В. Пукирева, В. И. Сурикова, профессора В. Якобія и др. Новѣйшія парижскія моды. Полный руководѣльно-модный журналъ съ выкройками. Въ теченіе года дается: около 500 политипажныхъ рисунковъ модъ дамскихъ, мужскихъ и дѣтскихъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго. Болѣе 300 выкроекъ въ натуральную величину на 12 1/2 листахъ. Значительное количество вязанныхъ узоровъ по канвѣ, атласу и кожѣ шелками и бисеромъ. Множество тамбурныхъ и другихъ вязальныхъ работъ. Разнообразныя буквы и инициалы для мѣтки бѣлья. Выпловочныя боты. Въ каждомъ модномъ номерѣ заключаются отдѣлы: Модный курсъ. Описаніе рисунковъ. Хозяйство и кухня. Совѣты и рецепты и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію, прекрасную **ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ** картину:

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНѢ ВАСИЛИСЫ МИЛЕНТЬЕВНЫ.

Картина представляетъ ту сцену, когда Іоаннъ Грозный, не будучи въ лахъ противостоять обольстительной красотѣ Василисы Мелентьевны, снимая своей царскій кафтанъ и укрываетъ имъ засыпающую красавицу; ея чудная кошная красота смягчаетъ даже суровое сердце Грознаго; онъ впивается своими глазами въ очаровательное лицо Василисы, стараясь въ тоже время не дать себѣ честь въ немъ: действительно-ли она любитъ его, или притворяется, хитритъ и обманываетъ?

Оригиналъ главной преміи, составляющей pendantъ къ разосланной въ 1882 году картинѣ „Желанная Встрѣча“, написанъ по заказу редакціи.

На исполненіе главной преміи ассигновано 20,000 рублей.

писная цѣна за годовое изданіе „Иллюстрированнаго Мира“ съ правомъ получения всѣхъ премій и приложений:

доставки въ С.-Петербургѣ	6 р. — к.
„ „ „ Москвѣ, чрезъ контору Л. Метцля	6 „ 50 „
доставкою въ С.-Петербургѣ	7 „ — „
пересылкою во всѣ города Россіи	8 „ — „
за границу	10 „ — „

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и вѣяющихъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи на Ла „Иллюстрированный Миръ“, по Николаевской ул., д. № 48. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, у Покровка, д. Солодовникова.

2—1

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА.

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1883 ГОДУ.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

ДЪЛО будетъ издаваться по той-же программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ оно издавалось въ прежнія 16 лѣтъ, подъ редакціей Н. В. Шелюва и при непосредственномъ участіи въ редакціонныхъ трудахъ Н. Бажина и К. М. Станюковича (Откровеннаго писателя).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Абрамовъ (Федосѣевецъ), Альбовъ (М. Ардовъ, Анненскій (Н. Ф.), Барыкова (А. П.), Воборыкинъ (П. Д.), Вольфганкъ, Жика, Кольцовъ (И. Г.), Ленскій (В. П.), Мечниковъ (Л. И.), Мининъ (А. Л.), Михаловскій (Д. Л.), Минаевъ (Д. Д.), Наумовъ (Н. И.), Певскій. Откровенный Писатель, Пальмъ (А. И.), Потапенко (И. Н.), Рощевъ (А. Н.), Протопоповъ (М. А.), Русановъ (Н. С.), Сибирякъ (Д. И.), Станюковичъ (К. М.), Харламовъ (И. Н.), Шелгуновъ (Н. В.), Шефтель (М. Шпажинскій (И. В.), Якубовичъ (Ш. Ф.) и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ	16 „ — „
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ — „
Съ пер. за-границу во всѣ государства и страны	19 „ — „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи на „Дѣло“, по Надеждинской улицѣ, домъ № 39.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную высылку журнала въпередъ подписчиками, подписавшимися въ Главной конторѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА.

Съ настоящаго 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращъ въ полу-ежедневное изданіе и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая имени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее его интересовать въ жизни церковно-общественной, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе повнакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ водами о духовенствѣ, и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ сужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслъ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣванія челоуѣчества. Откровенно и съ полною независимостью сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существующимъ образомъ затрогивающимъ интересы общества и духовенства, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды общества и духовенства, особенно же заявляемъ и запрашиваемъ людей оныхъ стараюсь содѣйствовать постоянному общенію мыслей между читателями, редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей, теченіе 9-лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ болышинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣреніе, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и чувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ», наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1882 г. идетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія «Календарь для духовенства въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, помѣщены будутъ практическія указанія и разнаго рода справочныя свѣдѣнія, необходимыя для духовенства въ его общественной жизни.

При «Календарѣ» будетъ приложенъ также подробный адресъ-календарь лицъ, служащихъ по духовному вѣдомству, преосвященныхъ архіереевъ, члѣствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ 8 руб.; на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на мѣсяць 1 р. Годовая цѣна за границею 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Общ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи въ размѣрѣ 10 к. за мѣсто, занимаемое строкой пята. За разсылку отдѣльныхъ объявленій вимается по 5 руб. съ тысячи.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

67
„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1883-мъ году. (Годъ второй).

Журналъ будетъ выходить въ 1883 г. безъ предварительной цензуры, подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ со- трудниковъ.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ. Годовая цѣна журнала: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ доставкою въ С.-Петербургъ; 14 р. съ пересылкою; 16 р. съ перес. за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (Поварской переулочъ, № д. 5, кв. 5); Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Уни- верситета.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ. Контора открыта ежедневно, кромѣ праздни- чныхъ и воскресныхъ дней, отъ 10 до 4 часовъ пополудни; въ праз- дничные же и воскресные дни отъ 12—2 ч. Редакторъ при- нимаетъ по воскресеньямъ отъ 12—2 ч. дня.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся полу- чаютъ всѣ книги журнала, начиная съ январской.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ НАРОДНАЯ ШКОЛА

Въ 1883 ГОДУ.

(пятидесятый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1883 году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодательство по народному образованію. II) Педагогика и дидактика. III) Исторія народнаго образованія. IV) Критика и библиографія. V) Новости и смѣсь. Этотъ отдѣлъ вполне соответствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключается въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ педагогической хроники) всѣхъ наиболее интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою «разныхъ извѣстій», любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) Приложенія къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣтія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границу; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Въ текущемъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: *н. Акатовъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, В. П. Воленскъ, Т. В. Докучаевъ, В. Э. Иверсенъ, д-ръ Ивинъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, П. Мочульскій, Я. Т. Михайловскій, П. Новицкій, С. Нурминскій, О. О. Резенеръ, И. С. Ремезовъ, Н. Смирновъ, И. О. Фесенко и друг.*

Для будущаго года, въ распоряженіи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1883 году, по прежнему, ежемесячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою или доставкою. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Поварской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Барбасникова, Моховая, противъ Университета. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желаа сдѣлать доступнымъ приобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 р. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ въ 1883 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.

Редакторъ-издатель А. Пятковский.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ДЕКАБРЬ. 1882 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
I. Торжество правосудія. (Окончаніе). Романъ <i>Д. И. Стахъева</i> .	3	XII. Два стихотворенія. <i>С. Ивановна</i>	246
II. Провинциализмъ въ политикѣ. <i>В. И. Модестова</i>	24	XIII. Братья Рамулты. (Окончаніе). Современная повѣсть. <i>И. Крашевскаго</i>	248
III. Очерки Вѣны. <i>Е. П. Карновича</i>	44	XIV. Потокъ. Стих. <i>М. Лачимова</i>	283
IV. Эмиль Золя. Біографическій очеркъ. (Оконч.)	71		
V. Два стихотворенія. <i>Ф. Андреева</i>	88		
VI. Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи. (Оконч.). <i>С. С. Шаикова</i>	90		
VII. Въ одному концу. (Часть вторая и послѣдняя). Повѣсть <i>Е. Ближнева</i>	124		
VIII. Утѣшеніе страждущему. Стих. <i>А. В. Крулова</i>	179		
IX. Язвы Петербурга. X. (Убийства случайныя и непреднамеренныя). <i>В. О. Мизневича</i>	181		
X. Сцены изъ жизни Гарибальди. (Оконч.)	200		
XI. * * * Стихотвореніе <i>А. Дильпровскаго</i>	245		
		XV. Наши внутреннія дѣла. I. Прошлое и настоящее отпускиной нашей хлѣбной торговли.—Мнимое и дѣйствительное значеніе быстрого роста заграничной торговли русскимъ хлѣбомъ.—Америка, Австро-Венгрія и Россія на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ.—Первыя проявленія кризиса во вѣтшей нашей хлѣбной торговлѣ.—Хлѣбный кризисъ съ точки зрѣнія земледѣльческой и нашей производительности.—Данный относительно урожая въ хлѣбородившихъ мѣстностяхъ Россіи за послѣднія 40 лѣтъ.—Лѣсоисстребленіе и лѣсоразведеніе.—Послѣдствія вы-	1

(См. на оборотѣ.)

воза изъ Россіи продовольственнаго хлѣба.—Смертность въ Россіи и въ другихъ европейскихъ городахъ. — Эпидемія и условия борьбы съ ними. — Нравы печати. — По адресу «Голоса». — «Дѣло», направившающееся на союзъ съ „Московскими Вѣдомостями“.

XVI. Баллады Шиллера въ объясненіяхъ Д. В. Цвѣтаева. *В. Я. Стоюнина*. 33

XVII. Политическая хроника. 38
Результатъ выборовъ въ прусскій ландтагъ. — Группировка партій и отсутствие большинства. — Несоостоятельность прусской избирательной системы. — Тронная рѣчь. — Монсолеминскіе беспорядки во Франціи. — Ихъ причины и отзывы французской печати. — Покушеніе на жизнь сербскаго короля.

XVIII. Иностранная литература: 56
Новая книга о Россіи. (Victor Tissot. *La Russie et les Russes. Les indiscretions de voyage*. Paris, 1882).

XIX. Новые книги: 1) *Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова, члена корреспондента «Общества любителей древней письменности»*. (Спб. 1881—1882 г. 2 тома. 2) *Цесаревичъ Павелъ Петровичъ*. (1754—1796 г.). *Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко*. Спб. 1882 г. 3) *Сказъ*

о тульскомъ Львишѣ и о стальной блохѣ. Н. Лѣскова. Спб. 1882 г. . . . .

XX. Научная хроника. *И. Д. Чахоточный бактеріи*. — Новый способъ лѣченія чахотки. — Малярійный паразитъ. — Зародыши малярии въ почвѣ. — Новые примѣненія электричества: электризація вина, электрической указатель мелей, электрической указатель подземныхъ водяныхъ источниковъ. — Углекислотная морскихъ волнъ. — Будущее электричества.

XXI. Фонографъ (фелетонъ «Наблюдателя»): 1) Рльбъ и выборы роднаго прогресса. *И. Ф. Василевскаго*. (Буквы). . . . .
Вопросъ о «русской Ирландіи». — Ревельскіе гверильасы и остзейскіе бароны. — Современный походъ татей. — Воровская эпидемія. — Что дѣлать? — Новая теорія „Московскихъ Вѣдомостей“ о субсидирующемъ государствѣ и субсидируемыхъ гражданахъ. — Два слова „Московскимъ Вѣдомостямъ“ по поводу иолеміи „Наблюдателя“ съ „Голосомъ“.

2) Среди газетъ и журналовъ. *Н. Мизантропови и Э. Вампирова*. . . . .

3) Врызги и штрихи. *Незловиваю поэта*. . . . .

XXII. Объявленія. . . . .

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По соглашенію съ издателемъ прекратившейся (на 5-й нѣдѣль) «Русской Рѣчи», всѣ платные подписчики послѣдней удовлетворены экземплярами нашего журнала, и притомъ начиная съ 1-го №, въ разницы подписной цѣны. При этомъ редакція «Наблюдателя» считала нужнымъ присовокупить, что ни къ какому иному способу удовлетворенія подписчиковъ «Русской Рѣчи» она не обязывалась. Гг. подписчики «Русской Рѣчи», пользующіеся разсрочкой подписныхъ денегъ, благоволятъ высылать слѣдующіе взносы въ редакцію нашего журнала.

Редакція считаетъ долгомъ увѣдомить своихъ подписчиковъ, и зовавшихся разсрочкою и не выславшихъ еще послѣднихъ взносовъ, что доставка имъ «Наблюдателя» съ № 10-го прекращается впредь до высылки денегъ.

Гг. подписчики, мѣняющіе свои адреса, благоволятъ высылать нами 21 коп., безъ чего не будетъ сдѣлана перепечатка адреса.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 12-й. Д Е К А Б Р Ъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.

1882.

Типографія д-ра М. А. Хаана: Ковенскій пер., д. № 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1883 ГОДУ (ГОДЪ ВТОРОЙ).

Журналъ будетъ выходить въ 1883 г. безъ предварительной цензуры подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Въ текущемъ году, въ «Наблюдатель» принимали участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, Ф. Андреевъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Блаرامбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Биковъ, И. Ф. Василевскій (Бувва), д-ръ С. Вирениусъ, Д. И. Георгиевскій, Г. К. Градовскій, Ю. Г. Завистскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Кистляковскій, Е. П. Карновичъ, Е. П. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Круловъ, Н. С. Курочкинъ, П. Лебедевъ, Л. Левисъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лютневъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Михаловскій, В. С. Михневичъ, проф. В. И. Модестовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. П. Поповъ, проф. В. И. Сертневичъ, Д. И. Стахневъ, В. Я. Стожанинъ, А. Тамбовцевъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ и др.*

Многія статьи и беллетристическія произведенія помянутыхъ авторовъ находятся уже въ распоряженіи редакціи.

„Наблюдатель“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами по 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

		За годъ:	Заполгодъ:
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	7 р. 50
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Книгопродавцамъ 50 к. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по погудогіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается *разсрочка* по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

		въ 1 мая.	въ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Паварской переулокъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно*: въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только перетыми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Р. О. Б.
Модн.
209.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДІЯ.

XL.

Петръ Ивановичъ, довольно стойко относившійся ко всѣмъ со-
бытіямъ, которыя попеременно, одно за другимъ, терзали его, начиная
съ того памятнаго утра, когда умеръ Валерьянъ Ивановичъ, те-
перь, послѣ прекращенія уголовного слѣдствія, сдѣлался крайне
воздражителенъ, и лишь только начинался разговоръ о процессѣ,
выходилъ изъ себя и, какъ говорится, на стѣну лѣзъ.

— Я, кричалъ онъ, немилосердно ударяя себя кулакомъ въ
грудь, я предвижу всѣ козни противной стороны, но я теперь уже
не буду молчать на судѣ, какъ тогда молчалъ... Нѣ-ѣ-ѣтъ! я те-
перь все выскажу, всю правду наружу выворочу. Я догадываюсь,
чемъ именно Модниковъ хочетъ строить свою защиту, пусть
попробуетъ — я его расшибу на всѣхъ пунктахъ, самъ лично раз-
облаю.

Адвокатъ и Стуловъ, однако-же, почему-то слабо поддерживали
его надежды. Они не возражали ему на счетъ того, что ему на
судѣ выворачивать наружу будетъ нечего, да и случая, пожалуй,
этого не представится. Петръ Ивановичъ, по необычайной
острой чуткости, вызванной именно тѣмъ долгимъ душевнымъ на-
пряженіемъ, въ которомъ онъ уже мѣсяца два находился, приста-
валъ къ Стулову и адвокату съ настойчивыми требованіями отвѣ-
чать на свои вопросы и приставалъ потому, что замѣчалъ нетвер-
дый и неопредѣленный тонъ ихъ рѣчи. Всѣ споры свои онъ по-
стоянно сводилъ на одинъ и тотъ же вопросъ, всегда поставлен-
ный ребромъ.

— Духовное завѣщаніе братъ подписалъ? кричалъ онъ, — да?

Собственноручно подписать? Былъ онъ въ это время въ здравомъ умѣ и совершенной памяти?

Ему отвѣчали оба, и адвокатъ и Стуловъ, утвердительно; однакоже, не смотря на утвердительный отвѣтъ, оба они были о го-то не въ духѣ, и смотрѣли пасмурно. Они, казалось, предчувствовали, что вопросъ въ судебной палатѣ, пожалуй, и будетъ ребромъ поставленъ, а подберется къ нему Модниковъ и нибудь со стороны, подкопаетъ его, такъ сказать, снизу и лить на бокъ—поднимай его потомъ, если сможешь. Поднимешь правда будетъ на твоей сторонѣ, не поднимешь—значить проигралъ и отходи въ сторону, давай дорогу тому, кто сильнѣе и ловчѣе.

Стуловъ уже не напоминалъ Петру Ивановичу о томъ, что поправимая ошибка его,—главная, коренная причина зла, могутъ грозить печальнымъ исходомъ процессу,—заключается именно въ томъ, что не была приглашена полиція въ тотъ вечеръ, когда они устроили ловушку Григорію Геннадіевичу. Будь это сдѣлано тогда—не имѣлъ бы теперь Модниковъ сильнаго противъ нихъ козыря, заключающагося, какъ догадывался Стуловъ, именно въ томъ, что теперь, по окончаніи уголовного слѣдствія, вся темная история съ Кожевниковымъ можетъ быть представлена суду въ самомъ подозрительномъ свѣтѣ. Высказывать все это Петру Ивановичу было рѣшительно невозможно: загорячится, закричитъ, наговоритъ даже дерзостей.

Словомъ, Петръ Ивановичъ измѣнился, его узнать было невозможно:—не тотъ человѣкъ, котораго мы когда-то видѣли въ разговорахъ его съ сыномъ, въ дни болѣзни Валерьяна Ивановича и въ первое время послѣ его смерти. Теперь въ гнѣвѣ его нѣтъ ничего такого, что могло бы веселить того, съ кѣмъ онъ спорить, вызывая новый споръ и давая чувствовать при этомъ, что чѣмъ больше споритъ, тѣмъ больше выходитъ изъ себя, тѣмъ пріятнѣе ему самъ и его собесѣднику. Теперь гнѣвъ его совсѣмъ другаго характера. Онъ кричитъ, руками размахиваетъ, и ротъ его кривится на сторону отъ постоянно-возбужденнаго нервнаго состоянія. Онъ забылъ о томъ, что вовсе не для личныхъ своихъ интересовъ

хлопочеть, и терзался при каждомъ неприятномъ извѣстїи о ходѣ процесса.

Яковъ Петровичъ, въ послѣднее время, совсѣмъ отступился отъ него и сталъ избѣгать не только разговоровъ съ нимъ, но даже и своей мирной комнаты. Возвратившись иной разъ изъ академіи намѣренно поздне, чтобы не встрѣчаться съ отцемъ и его собесѣдниками, онъ не въ шутку бранилъ Матвѣевну, не упускаящую никогда случая спросить, почему запоздалъ.

— Отстань и давай обѣдать! отвѣчалъ онъ на ея разпросы, — чортъ васъ знаетъ, съ чего вы пристаёте ко мнѣ?

— Ахъ, батюшка мой, да вѣдь я тебя чуть не на рукахъ носила.

Но Яковъ Петровичъ, не слушая продолженія воспоминаній Матвѣевны о его дѣтствѣ, безцеремонно посылалъ ее ко всѣмъ чертямъ и требовалъ обѣдать.

— Что это, голубчикъ, какъ ты нынче ругаешься!

— Какъ не ругаться-то! Вы съ отцомъ меня того и гляди до сумашествія доведете.

— Ахъ, Яковъ Петровичъ! да вѣдь родитель-то твой не для себя одного хлопочеть, тебѣ же, чай, богатство-то послѣ его смерти достанется.

— Уходи, уходи!.. сердился онъ, — и не смѣй больше на глаза показываться, пока не уйду.

Заслышавъ потомъ шаги отца по лѣстницѣ, Яковъ Петровичъ уходилъ въ свою комнату прежде, чѣмъ онъ появлялся въ залѣ.

Наконецъ назначенъ былъ день разбора дѣла въ судебной палатѣ по апелляціонной жалобѣ Модникова, день, въ который должна была окончательно рѣшиться участь лицъ, заинтересованныхъ въ духовномъ завѣщаніи покойнаго Лачужникова, то есть — кому изъ нихъ быть богатымъ: сыну-ли Лачужникова съ его матерью, или Петру Ивановичу. Наканунѣ этого дня, Петръ Ивановичъ, его адвокатъ и Стуловъ до того горячо и долго разговаривали, что Яковъ Петровичъ наконецъ не выдержалъ и, скорыми шагами выйдя изъ своей комнаты, прошелъ черезъ зальце въ переднюю, не кивнувъ головой ни отцу, ни гостямъ.

— Яковъ! Куда ты! бросилъ было ему вслѣдъ Петръ Ивановичъ; но отвѣта не получилъ, да и не имѣлъ, впрочемъ, времени для этого, такъ какъ увлеченъ былъ споромъ съ собесѣдниками.

Они всё трое доспорились наконецъ до того, что стали говорить другъ другу дерзости. Адвокатъ грозилъ отказаться отъ защиты, Стуловъ жаловался на то, что Петръ Ивановичъ его оскорбляетъ, и тоже грозилъ, что разъ навсегда откажется отъ всякихъ съ нимъ сношеній. Адвокатъ былъ всего болѣе недоволенъ тѣмъ, что Петръ Ивановичъ, совсѣмъ, по его мнѣнію, не кстати, хотѣлъ лично принять участіе въ защитѣ дѣла и высказать во время засѣданія въ судебной палатѣ все то, что у него накипѣло на сердцѣ со времени смерти брата. Петръ Ивановичъ оскорбился этимъ недовольствомъ и громко спорилъ, силясь доказать, что онъ знаетъ себѣ цѣну. Лицо его было красно, скудные волосы на вискахъ стояли торчкомъ, и лысая голова казалась отъ этого какъ бы съ рогами; но ни самъ онъ, ни его собесѣдники роговъ этихъ не замѣчали. Всѣ трое были заняты опасеніями относительно исхода предстоящаго дѣла. Стуловъ высказывалъ боязнь относительно показаній Григорія Геннадіевича, который, въ гнѣвъ на нихъ, могъ теперь искать случая повредить имъ, не опасаясь уже никакихъ послѣдствій за неудавшуюся операцію по захвату завѣщанія, а Петръ Ивановичъ доказывалъ, что онъ теперь столько же въ гнѣвъ на нихъ, сколько и на княжескую сторону, такъ какъ къ уголовной отвѣтственности привлечь его адвокатъ той стороны. Онъ спорилъ и о томъ, что если Кожевниковъ будетъ показывать на судѣ то же, что показывалъ при первомъ разборѣ дѣла, то есть, что Валерьянъ Ивановичъ при составленіи духовнаго завѣщанія былъ крайне слабъ, то такое его показаніе дѣлу не повредитъ. Адвокатъ же высказывалъ опасеніе на счетъ того, что у Модникова могутъ быть въ запасѣ нѣкоторыя другія положенія, болѣе твердыя и сильныя, для того чтобы завѣщаніе покойнаго Лачужникова было признано недействительнымъ.

— Какія положенія? горячился Петръ Ивановичъ, въ чемъ ихъ сила и твердость? Вы говорите Богъ знаетъ что, вы только хо-

те какъ можно больше нагнать на меня туману! кричалъ онъ, ширая на адвоката всей грудью.

Адвокатъ пятился къ стѣнѣ, губы его тоже кривило отъ гнѣва, аза дѣзли изъ орбитъ, и онъ шипѣлъ, брызгая слюной.

— Вы опять говорите дерзости, вы забываете, что двѣ минуты тому назадъ дали слово не выходить изъ себя и не оскорблять. Стулову пришлось ихъ мирить.

Проспоривъ далеко за полночь, они разошлись по домамъ, а товъ Петровичъ такъ и не возвратился въ свою комнату: онъ чевалъ гдѣ-то у пріятеля.

Модниковъ въ этотъ вечеръ тоже долго не спалъ. Онъ сидѣлъ своимъ огромнымъ письменнымъ столомъ, перечитывая какія-то маги и дѣлая на ихъ поляхъ замѣтки карандашомъ. Часы проли три, когда онъ оставилъ кабинетъ. Уходя въ сосѣднюю комнату, гдѣ стояла его кровать, онъ вдругъ почему-то остановился въ дверяхъ, видимо вспомнивъ что-то такое, что заставило его веожно задуматься. Но не прошло минуты, какъ онъ уже разрѣилъ потревожившій его вопросъ и даже засмѣялся, готовясь лечь въ постель.

ХІІ.

На слѣдующій день, въ залу засѣданія судебной палаты собраьсь всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ лица, какъ со стороны Петра анновича—наслѣдника по завѣщанію, такъ и со стороны Виктои Александровны и Сережи—наслѣдниковъ по закону. Адвокатъ стороны Петра Ивановича уже занялъ свое мѣсто и разложилъ пюпитръ бумаги, но Модниковъ почему-то замедлилъ. Елена одестовна уже не разъ обращалась къ окружавшимъ ее лицамъ тревожными вопросами о томъ, гдѣ же наконецъ Модниковъ, чему же онъ медлитъ? Но отвѣтовъ на эти вопросы никто дать могъ. Тревожное состояніе духа Елены Модестовны отразилось лицахъ ея спутниковъ;—всѣ перешептывались, пожимали племи и оглядывались на двери, откуда Модниковъ долженъ былъ йти въ залу судебного засѣданія, но онъ не являлся, и узнать

о томъ, по какой причинѣ онъ такъ долго замедлить, былъ отъ него.

Судебный приставъ, маленькій, юркій человекъ, съ маленькими глазами и свѣтлорусой бородкой, бѣгалъ въ своемъ мундирчикѣ скорыми и мелкими шагами изъ одной двери за другую, и на всѣ вопросы, обращенные къ нему лицами, заинтересованными въ дѣлахъ, которыя были назначены въ этотъ день къ разсмотрѣнію, отрывисто бросалъ на ходу: «не знаю, знаю», и скрывался куда-то за двери.

— Но позвольте васъ наконецъ спросить, остановилъ его то, рѣшительно загородивъ ему дорогу:

— Что такое?.. Позвольте, мнѣ не до васъ, сердито отвѣтилъ приставъ и, юркнувъ мимо лица, загородившаго ему дорогу, загалъ куда-то скорыми шагами, придерживая правой рукой шпагу.

— Боже, что же это за новая напасть! томилась Елена дестовна, и сѣдыя булки ея уже начали легонько вздрагивать. Ужели онъ заболѣлъ? Боже сохрани!.. Если онъ въ самомъ дѣлѣ не явится, что тогда будетъ съ нашимъ дѣломъ? Ахъ, какая же невыносимая! Сережа! зашептала она, подозвавъ къ себѣ сына, сына внука: выйди, мой другъ, въ коридоръ, посмотри, не ли онъ?

— Кто, бабушка?

— Ахъ, несносный! Конечно, Модниковъ, адвокатъ. Я не удивилась на тебя, ты спокоенъ и не хочешь понять, въ чемъ опасность...

— Бабушка тише, на насъ смотрять.

— Ахъ, какое намъ дѣло до другихъ, брезгливо возразила она, пойдн-же скорѣй, посмотри, не идетъ-ли онъ...

Сережа нахмурился, выражая явное неудовольствіе на то, что бабушка его беспокоитъ «богъ знаетъ для чего», но она не посмѣла послушаться ея приказаній и вышелъ изъ залы.

Въ коридоръ его встрѣтилъ одинъ изъ секретарей Модникова, быстро шагавшій по коридору, направляясь къ дверямъ залы судебного засѣданія.

— Скажите, пожалуйста, обратился онъ къ Серезѣ, какъ къ первому встрѣчному, — не знаетъ-ли, въ которой залѣ засѣданіе судебной палаты по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Лачужникова?

— Что такое? спросилъ Сереза; я Лачужниковъ.

— Ахъ, очень радъ, поспѣшно отвѣтилъ тотъ, — къ вашей бабушкѣ письмо.

Сереза вернулся въ залу съ письмомъ Модникова въ то время, когда судебный приставъ, уже придавшій своей маленькой фигуркѣ величественную осанку, многозначительно нахмурился и писемливымъ голосомъ объявилъ:

— Судъ идетъ!

Съдья бубли Елены Модестовны въ это время уже попрыгивали порядочно. При возгласѣ пристава, она едва поднялась на ноги и, не повернись къ ней Сереза съ письмомъ отъ Модникова, пришлось бы искать для ея успокоенія воды.

— Боже, что еще за сюрпризъ! прошептала она, нервно разрывая конвертъ.

Модниковъ прислалъ коротенькую записку, всего въ двѣ—три строки, извѣщая, что «разсмотрѣніе дѣла отложено по весьма уважительнымъ причинамъ» — и только.

Дѣло отложено! Дѣло отложено! шопотомъ пронеслось между всѣми заинтересованными въ дѣлѣ лицами, и всѣ они потянулись вонъ изъ залы, высказывая другъ другу удивленіе на счетъ того, какъ же такъ случилось, что дѣло, назначенное къ разсмотрѣнію, вдругъ оказалось отложеннымъ, — что за уважительная такая причина нашлась для этого, и почему, наконецъ, не было своевременно вывѣшено у дверей залы объявленія, что въ числѣ дѣлъ, назначенныхъ въ этотъ день къ разсмотрѣнію, дѣло о завѣщаніи Лачужникова разсматриваться не будетъ.

Прямо изъ суда Елена Модестовна поѣхала къ Модникову, и когда вошла въ его кабинетъ, встревоженная и задыхающаяся, онъ поспѣшилъ ее успокоить.

— Все, все хорошо. Все къ нашему благополучію, и ради Бога не волнуйтесь, сказалъ онъ, собственноручно придвигая ей кресло.

— Но какая же причина? Скажите, я ужасно встревожена, едва проговорила она.

— Тревожиться нѣтъ никакого основанія; напротивъ, ну быть довольнымъ, что дѣло отложено. Я самъ устроилъ это именно этого желалъ и радъ, что достигъ, чего хотѣлъ.

— Къ чему же еще медлить и даже намѣренно затягивать дѣло!..

Модниковъ снисходительно улынулся и, придвинувъ свое кресло поближе къ креслу, на которое въ изнеможеніи опустилась Елена Модестовна, покровительственно сказалъ ей:

— Если я утверждаю, что дѣло будетъ выиграно, то оно и будетъ выиграно, и въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вопросъ только во времени. Вамъ остается быть спокойной и не волноваться...

— Но какая же надобность вдругъ представилась для того, чтобы нарочно отложить дѣло?..

Онъ понизилъ голосъ и продолжалъ:

— Сегодня утромъ неожиданно заболѣлъ одинъ изъ членовъ суда, человѣкъ просвѣщенный, съ глубокимъ юридическимъ образованиемъ и, главное, хорошо мнѣ извѣстный по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ... Наконецъ, мой хорошій знакомый. Онъ долгие годы былъ присутствовать въ засѣданіи при разборѣ вашего дѣла. Вдругъ я получаю извѣстіе, что на мѣсто его назначенъ другой, котораго, признаюсь, я очень не долюбляю. Этотъ другой — человѣкъ тяжелый, сухой формалистъ и крайне странный въ своихъ воззрѣніяхъ. Ну, понимаете, человѣкъ устарѣлый, рутинеръ, сидитъ на буквѣ — не сдвинешь ни въ ту, ни въ другую сторону. Со мною, признаюсь, онъ никогда не ладитъ и старается во всемъ дѣлѣ ставить мнѣ преграды. Хорошо, что я во время своего извѣщенія объ этой неожиданности и успѣлъ сдѣлать, что нужно для того, чтобы отложить разсмотрѣніе вашего дѣла.

— На долго-ли же? спросила княгиня.

Модниковъ озабоченно нахмурился.

— Гм... гм... этого навѣрное опредѣлить пока нельзя

всякомъ случаѣ, я васъ въ свое время навѣщу чрезъ моего секретаря.

Княгиня уѣхала отъ него хотя и не въ такомъ волненіи, въ какомъ вошла къ нему въ кабинетъ, но все же немало озабоченная думами о будущемъ.

— Ну что, татап, какъ, почему дѣло отложено? спросила Викторія Александровна, встрѣчая мать въ передней своей квартиры.

Елена Модестовна не нашла однако-же возможнымъ посвящать дочь въ тайны разговоровъ съ Модниковымъ, и сказала ей, что дѣло отложено по причинѣ внезапной болѣзни самого Модникова.

— Но когда же, татап, кончатся всѣ эти наши несносныя мученія? спросила Викторія Александровна плаксивымъ голосомъ.

Въ отвѣтъ на это, Елена Модестовна глубоко, глубоко вздохнула и, поднявъ свои темные глаза къ потолку, сказала тихимъ, умиленнымъ тономъ:

— Претерпѣвый до конца—спасется!

Въ самомъ дѣлѣ, ничего другаго, кромѣ терпѣнія, не могла теперь рекомендовать Елена Модестовна; она могла только прибавить, что терпѣнія нужно просить у Бога какъ можно больше, такъ какъ отъ рѣшенія судебной палаты зависѣла окончательно участь дѣла. Рѣши только судебная палата дѣло въ ихъ пользу—и никакая кассация въ сенатѣ не въ силахъ будетъ защитить интересы противной стороны.

Подождемъ — увидимъ.

XLII.

Опять тревожный шопотъ въ залѣ судебной палаты, испуганные взгляды и подавленные вздохи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Елена Модестовна ежеминутно что-то нюхаетъ; Петръ Ивановичъ тяжело дышетъ и сопить на всю залу; Стуловъ—красенъ и глазъ не сводитъ съ адвоката Модникова, готовый, казалось, истереть его въ порошокъ и разсѣять по вѣтру, еслибъ только это было можно. Григорій Геннадіевичъ, напротивъ, спокоенъ, медленно поглаживаетъ свою бороду и, судя по выраженію его задумчиваго взгляда, опять едва-ли не мечтаетъ о томъ, что имѣніе княгини

недурно бы заполучить. Викторія Александровна и Сережа то и дѣло перешептываются о чемъ-то, выражая и объясняя свои недоразумѣнія по интересующему ихъ дѣлу.

Уже третій часъ продолжается засѣданіе судебной палаты. На лицахъ судей замѣтно утомленіе. Золотомъ шитые воротники ихъ мундировъ, наглухо застегнутыхъ съ верхнихъ пуговиць до нижнихъ, ваютъ чѣмъ то тяжелымъ, давящимъ ихъ плечи. Сидя на своихъ возвышенныхъ мѣстахъ, предъ огромнымъ столомъ, позади стоящаго на немъ зеркала, судьи ваютъ издали безжизненными фигурами, застывшими въ своихъ мундирахъ; но стоитъ повнимательнѣе всмотрѣться въ ихъ истомленные лица, чтобы убѣдиться въ томъ, что они не уподобляются древнему дьяву, который, «въ приказахъ посѣдѣлый, споквойно зреть на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно». Нѣтъ, они, не смотря на явное утомленіе трехчасовымъ засѣданіемъ, не безъ участія и даже не безъ нѣкотораго безпокойства, вслушиваются въ отвѣты, доказательства и опроверженія свидѣтелей и заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Давно уже разобраны вновь и, такъ сказать, по косточкамъ всѣ обстоятельства дѣла, вновь допрошены свидѣтели, выслушаны доказательства той и другой стороны, и уже около часа говорить въ защиту своихъ довѣрителей адвокатъ Модниковъ.

Опершись ладонями о край пюпитра, на которомъ лежатъ его дѣловые бумаги, онъ произноситъ каждое слово твердо и громко. Взглядъ его темныхъ глазъ спокоенъ и ровенъ, и только густыя брови, сдвигаясь по временамъ близко одна къ другой, придаютъ выраженію его лица нѣчто мрачное и недовольное. Онъ недоволенъ однакожъ не личнымъ составомъ судей, предъ которыми высказываетъ теперь доводы въ защиту своихъ довѣрителей, а тѣмъ, что адвокатъ противной стороны нѣсколько разъ пробовалъ, хотя и безуспѣшно, сбить его съ того положенія, на которомъ онъ основывалъ успѣхъ своего дѣла, и поставить вопросъ, такъ сказать, ребромъ, то есть: дѣйствительно-ли самимъ Лачужниковымъ подписано завѣщаніе и дѣйствительны-ли три свидѣтельскія на немъ подписи?

Отклонивъ вопросъ отъ такой крутой постановки, Модниковъ продолжалъ:

— Въ заключеніе всѣхъ высказанныхъ мною доводовъ, я считаю нужнымъ замѣтить, что, кромѣ противорѣчивыхъ показаній купца Кожевникова (Григорій Геннадіевичъ при этихъ словахъ покосился на Модникова и по его задумчивому лицу скользнула улыбка), показаній, долженствующихъ имѣть въ высшей степени важное значеніе при рѣшеніи этого дѣла, кромѣ этихъ, говорю я, противорѣчивыхъ показаній, въ дѣлѣ есть обстоятельства, которыя не могутъ не вызвать сомнѣній насчетъ того, что за темными отношеніями существовали между братомъ покойнаго завѣщателя, купцомъ Кожевниковымъ и управляющимъ домомъ покойнаго—Ступовымъ. Изъ этихъ трехъ лицъ, двое оказались свидѣтелями, подписавшими завѣщаніе, а третій—наслѣдникомъ по этому завѣщанію. Между тѣмъ, эти лица взаимно связаны какими-то неразъясненными уголовнымъ слѣдствіемъ отношеніями. И, замѣтите, въ то время, когда княгиня Желѣзновская, мать жены покойнаго завѣщателя, извѣщенная объ опасномъ положеніи больнаго зятя, является къ нему въ квартиру—дверь его кабинета оказывается запертой изнутри и на вопросъ ея, какъ извѣстно вамъ, гг. судьи, куда отвѣчалъ, что тамъ «умираетъ баринъ». Но кто же тамъ присутствуетъ при послѣднихъ минутахъ умирающаго? Жена, сынъ покойнаго или другіе родные? Нѣтъ! Ихъ не хотѣлъ, будто бы, умирающій допустить къ своей постели. И это когда же, въ послѣднія минуты своей жизни! Но пусть этотъ знаменательный фактъ останется невыясненнымъ, пусть вопросъ о томъ, возможно ли въ послѣднія минуты жизни такое черствое отношеніе умирающаго къ своей семьѣ,—которую онъ, какъ выяснилось изъ показаній, любилъ и съ которою жилъ всегда въ добромъ согласіи,—пусть этотъ вопросъ останется неразрѣшеннымъ. Но кого же онъ предпочелъ видѣть въ послѣднія минуты своей жизни, кто находился въ это время въ его кабинетѣ и даже заперъ его на ключъ? Родной братъ покойнаго? Нѣтъ, и этого брата не было. Былъ священникъ и два лица, совершенно постороннихъ умирающему. Священникъ, какъ вамъ извѣстно, показалъ, что разговора съ покойнымъ о его дѣ-

лахъ онъ не имѣлъ; причинъ, вслѣдствіе которыхъ не было въ кабинетѣ ни сына, ни жены, ни родственниковъ—онъ не знаетъ что, исполнивъ свою обязанность, какъ пастырь, онъ подписалъ вѣщаніе лишь потому, что завѣщатель слабымъ, едва слышнымъ голосомъ просилъ его объ этомъ. Замѣтите: слабымъ, едва слышимымъ голосомъ. Точно такъ же видно изъ показаній и другихъ лицъ, не исключая фельдшера, что кризисъ въ болѣзни покойнаго произошелъ внезапно, что завѣщаніе было составлено наскоро, вѣщающаго, уже послѣ того, какъ завѣщатель, причастившись св. таинству, едва могъ говорить и даже не только говорить, но едва могъ лавать слабые знаки для выраженія своихъ желаній. Какую же роль можетъ имѣть завѣщаніе, составленное въ такомъ состояніи? Какъ же тотъ здравый умъ и та твердая память, которые признаются необходимыми въ завѣщателѣ, для того чтобы завѣщаніе его могло быть признано дѣйствительнымъ и законнымъ? Вамъ извѣстно, судьи, что показаніе княгини Желѣзновской и слуги покойнаго завѣщателя относительно того, что дверь въ кабинетъ была заперта на замокъ въ то время, когда тамъ «умиралъ завѣщатель»,—показаніе это не опровергнуто никѣмъ. Напротивъ, Кожевниковъ подтверждаетъ и даже дополняетъ, что именно въ это время, когда дверь была заперта на ключъ, тамъ составлялось завѣщаніе. Но вы только не дайте отвѣта на вопросъ, кто именно заперъ дверь. Въ такихъ невыясненныхъ обстоятельствахъ, не слѣдуетъ-ли предположить, что управляющій домомъ покойнаго, Стуловъ, и купецъ Кожевниковъ, воспользовавшись безвыходнымъ положеніемъ умирающаго, оказали давленіе на его образъ мыслей, желая, изъ личныхъ-то личныхъ и невыясненныхъ уголовнымъ слѣдствіемъ состоятельствъ, сдѣлать наслѣдникомъ огромнаго имущества умирающаго—его роднаго брата. Этотъ родной братъ, какъ я уже говорилъ, имѣлъ честь объяснить вамъ, гг. судьи, находился не только въ далекихъ отношеніяхъ къ умершему, но даже былъ почти во вражде съ нимъ, по причинѣ болѣе чѣмъ неважнаго, даже, можно сказать, ничтожнаго общественнаго своего положенія. Но допустимъ, что умирающій желалъ назначить послѣ себя наслѣдникомъ именно этого роднаго своего брата, находя, по уважительнымъ, быть можетъ,

стоятельствамъ, что онъ охранить интересы его семьи. Въ такомъ случаѣ необходимо нужно, чтобы завѣщаніе писано было не второпяхъ, наскоро, какъ нибудь, а сознательно, точно и ясно, и чтобы оно не было окружено такою сомнительною неточностью, какъ въ своемъ изложеніи, такъ и въ обстоятельствахъ, опутывающихъ его съ первой же минуты его составленія чуть не въ продолженіе двадцати дней, пока оно не вынырнуло откуда-то совершенно неожиданно. Еслибы въ самомъ дѣлѣ покойный Лачужниковъ сознательно завѣщалъ все свое имущество въ распоряженіе брата, неужели бы онъ, хотя общими чертами, не обусловилъ обязательствъ этого брата къ его семьѣ? Неужели эту семью свою онъ сознательно могъ отдать въ его руки, зная, что братъ его, какъ и всѣ мы, смертенъ, и что у него есть свой сынъ—наслѣдникъ по закону его имущества? Неужели покойный завѣщатель, еслибы только онъ находился при составленіи завѣщанія въ здоровомъ умѣ и полной памяти, не подумалъ объ участи своей семьи и не пожелалъ насколько возможно яснѣе и тверже поставить ея отношенія къ ихъ дядѣ, къ его сыну, хотя бы наконецъ, изъ болзни той роковой случайности, которая ежеминутно грозитъ каждому изъ насъ смертію. Нѣтъ, гг. судьи, такого завѣщанія нельзя признать составленнымъ въ здоровомъ умѣ.

Модниковъ перевелъ духъ, выпилъ воды, отеръ платкомъ лобъ и, сильно понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Но я не могу остановить вашего вниманія, гг. судьи, на однихъ только этихъ моихъ доводахъ. При всей ихъ неотразимости, я смѣю указать на тѣ темныя отношенія между братомъ покойнаго, купцомъ Кожевниковымъ и управляющимъ Стуловымъ, о которыхъ я выше упомянулъ. Эти темныя отношенія не выяснены уголовнымъ слѣдствіемъ и самое слѣдствіе прекращено прокурорскимъ надзоромъ по непризнанію въ дѣлѣ уголовного характера. Но однако-жь, и при отсутствіи этого характера, темныя, невыясненные слѣдствіемъ факты остаются все-таки фактами, бросающими рѣзкую тѣнь на происхожденіе духовнаго завѣщанія покойнаго Лачужникова и на взаимныя отношенія означенныхъ лицъ другъ къ другу.

Модниковъ разсказалъ со всѣми подробностями всю исторію ловушки, устроенной Григорію Геннадіевичу Стуловымъ, и «оставилъ вниманіе суда» на вопросѣ о томъ, что еслибы между этими лицами не существовало темныхъ отношеній, то возможно-ли предположить, чтобы они, при захватѣ однимъ изъ нихъ завѣщанія, не пригласили для его изобличенія полицію, дабы, отдавъ его въ руки правосудія, подвергнуть должному по закону наказанію.

— Нѣтъ, продолжалъ Модниковъ, они обдѣлываютъ дѣло тайно, устраиваютъ своему собрату ловушку, приглашая какъ-то своихъ свидѣтелей, дѣлаютъ даже потайныя двери въ квартирѣ и засимъ мирно расходятся, обмѣнявшись векселями, — одни говорятъ, въ тридцать пять тысячъ, другіе — въ десять, третьи — въ пять. Что же это за векселя и что за таинственныя отношенія существуютъ между этими лицами?! Вотъ, г. судья, заключилъ Модниковъ, вотъ всѣ данныя настоящаго дѣла. Предъ вами сомнительное завѣщаніе умершаго Лачужникова и законные его наследники — жена и сынъ! Кто болѣе имѣетъ права на наследство послѣ покойнаго — законные ли его наследники — жена и сынъ, или наследникъ по сомнительному завѣщанію — братъ покойнаго — этотъ вопросъ предстоитъ разрѣшить вашей мудрой опытности.

Когда судъ удалился для совѣщанія по рѣшенію дѣла, князь Павелъ Модестовичъ, стоявшій вдали отъ своихъ, за ихъ спинами, не выдержалъ спокойной роли наблюдателя и, подойдя къ Еленѣ Модестовнѣ, прошепталъ ей на ухо:

— Pardon! Я не сержусь. Скажу болѣе, я признаю себя побѣжденнымъ. Модниковъ — геній! А вы! Вы — тоже геній! Геній именно потому, что съумѣли выбрать такого защитника.

Елена Модестовна съ изумленіемъ на него взглянула. Слабая, едва замѣтная улыбка появилась было на ея встревоженномъ лицѣ, полною трепетнаго ожиданія и боязни за предстоящій исходъ дѣла; но улыбка эта тотчасъ же исчезла и только костлявую руку протянула княгиня брату въ знакъ примиренія. Взявъ эту руку, Павелъ Модестовичъ чувствовалъ, какъ она горяча и дрожитъ, и сжалъ ее въ своей рукѣ, какъ бы желая сказать этимъ пожатіемъ: «мужайтесь и надѣйтесь».

Судъ наконецъ вынесъ резолюцію, по которой прежнее рѣшеніе было отиѣнено и наследниками послѣ покойнаго Лачужникова признаны наследники по закону—то есть, родной сынъ его, Сергѣй Валерьяновичъ, и его мать Викторія Александровна.

— Поздравляю, поздравляю! радостно зашептала князь Палъ Модестовичъ, протягивая руку Викторіи Александровнѣ и режѣ; но только Сережѣ удалось отвѣтить ему пожатіемъ руки, Викторія Александровна уже винулась въ это время въ объѣмъ матери.

На сторонѣ Петра Ивановича не было, разумѣется, ничего полаго. Стуловъ, конечно, хмурился и злился, и въ то же время жмѣлъ подойти къ Петру Ивановичу и заявить, что еще не все ало, и можно дѣло перенести въ сенатъ. Онъ не смѣлъ по- и къ нему, потому что Петръ Ивановичъ смотрѣлъ звѣрежь, и ему въ это время кто нибудь хоть одно слово, онъ навѣр- абылъ бы, что находится въ залѣ суда, и разразился бы об- ями противъ судей и даже самого закона. Постоявъ еще у—другую въ залѣ, злобно косясь на стѣны и потолки, Петръ ичъ вдругъ круто повернулъ къ дверямъ, надвинулъ низко свою шапку и зашагалъ по пустыннымъ коридорамъ къ

а онъ, направляясь на Выборгскую, вышелъ на Литейный вечерняя заря ярко горѣла на западѣ, тонкія облака, по окрашенныя багрянымъ свѣтомъ этой зари, тихо плыли ной синевѣ, медленно тая и разсѣваясь въ ней. Петръ Ива- становился.

осподи! прошептала онъ,—насколько дивны дѣла твои и мы въ своей житейской мерзости, далеки отъ пониманія ія!

зчатлѣнія, только что полученныя въ судѣ, не могли о загдохнуть въ его душѣ, и, охваченный ими вновь, о зашагалъ впередъ.

гъ, шутъ васъ побери, заволновался онъ,—нѣтъ! Отъ акъ легко не отдѣлаетесь. Я вѣдь не о своихъ личныхъ хлопочу. Я хлопочу объ интересахъ бѣдныхъ, немум-

щихъ и обиженныхъ. Я въ сенатъ подамъ, да! Въ какой департаментъ.

XLIII.

Петръ Ивановичъ дѣйствительно перенесъ дѣло въ новый департаментъ сената.

Пока длился срокъ, опредѣленный закономъ для подачи пока наступила очередь для ея разсмотрѣнія въ сенатѣ. Ивановичъ утѣшалъ себя надеждою, что «истина восторжествуетъ», что сенатъ не допуститъ неправильнаго рѣшенія и заставитъ разсмотрѣть дѣло вновь. Но очереди для разсмотрѣнія дѣла въ сенатѣ пришлось ждать долго, долго. И судебныя рѣшенія поступаютъ въ сенатъ ежегодно по тысячамъ, изъ которыхъ добрая половина остается неразрешенными въ теченіе года, а на слѣдующій годъ доставляются новые жалобы и даютъ своею громадою на громады неразрешенныхъ дѣлъ. Въ двери сената между тѣмъ ломаются отовсюду ходатаи, покровители, желая добиться разсмотрѣнія своего близкаго имъ дѣла не въ очередь. Идетъ неустанная борьба со стороны невидимая борьба истины съ ложью, конечно, одерживаетъ верхъ тотъ, кто ловче и кто называетъ честь и совѣсть предрассудками, способенъ лишь слабыя души. Результатомъ такой борьбы является то, что жалобы, поступившія въ департаментъ въ текущемъ году попадаютъ на разсмотрѣніе прежде тѣхъ, которыя осуждены на разсмотрѣніе отъ прошедшаго года, а жалобы прошлаго года иногда по нѣскольку лѣтъ.—И нѣтъ никакихъ силъ для истиннаго искателя истины схватить, такъ сказать, быка за рога и отереть «сѣятеля лжи». Сѣятель этотъ отовсюду лѣзетъ въ сенатскія щели. И если, по волѣ неисповѣдимаго промысла, вѣковъ опредѣлены каждому смертному свои муки, его земнаго странствованія, то муки тѣхъ смертныхъ обречены на «хождение по судамъ» и притомъ лише-

обходимыхъ для этого денежныхъ средствъ и ловкости — мужи ихъ ужасны не менѣе другихъ.

Петръ Ивановичъ этихъ мужъ еще не испыталъ. Онъ даже и не предчувствовалъ, какая гроза готова разразиться надъ его головой и жить, въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ, надеждою на отміну рѣшенія палаты сенатомъ, который, какъ онъ надѣялся, передастъ его дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другую судебную палату—и «возстановитъ правду».

Пока онъ утѣшался такими надеждами, Модниковъ, само собою разумѣется, не дремалъ. Рѣшеніе судебной палаты, какъ окончательное по закону, могло быть приведено въ исполненіе немедленно, не смотря ни на какія жалобы въ сенатъ — и Модниковъ, конечно, успѣшилъ достигнуть этого въ наискорѣйшемъ времени. Но когда рѣшеніе приведено было въ исполненіе, то есть, когда домъ поступилъ во владѣніе наследниковъ, и они хотѣли было поскорѣе заложить его и поѣхать за границу «отдохнуть», Модниковъ испугалъ ихъ, указавъ на опасность того положенія, въ которомъ они находились, будто-бы, по причинѣ подачи Петромъ Ивановичемъ жалобы на палатское рѣшеніе въ Сенатъ. Онъ объявилъ, что сенатъ навѣрное отмінитъ рѣшеніе судебной палаты, и дѣло будетъ подлежать новому разсмотрѣнію.

— Но въ такомъ случаѣ, взволнованно заговорила Елена Модестовна, сохранившая роль главы и руководительницы дѣлами дочери и внука, — въ такомъ случаѣ нужно поскорѣе домъ заложить или, наконецъ, продать его и успѣть все это окончить прежде, чѣмъ состоится въ сенатѣ отміна судебного рѣшенія.

— Въ залогъ такого дома, отвѣчалъ Модниковъ, никакое кредитное учрежденіе не приметъ...

— О нѣтъ, успѣшила возразить ему Елена Модестовна, у меня есть связи... я надѣюсь, что въ обществѣ поземельнаго кредита...

— Ахъ, позвольте, не прерывайте меня, возразилъ въ свою очередь Модниковъ, я привыкъ излагать свои мысли съ надлежащей подробностью, и вы, пожалуйста, имѣйте нѣкоторое терпѣніе дослушать меня до конца. Итакъ, продолжалъ онъ, заложить домъ

открыто и безъ всякихъ заднихъ ходовъ невозможно. Точно такъ и каждый покупатель, будь онъ частный человекъ или офиціальнй, отъ такой покупки откажется, зная, что домъ, по отбѣ палатскаго рѣшенія, могутъ у него впоследствии отобрать, какъ чужую собственность...

Модниковъ говорилъ спокойно, не торопясь, и легкая, едва замѣтная улыбка скользила по его темному лицу. Это была улыбка самодовольствія, сознанія своего превосходства надъ другими. И сказывая медленно и спокойно такія разсужденія, которыя не могли пугать и не волновать его слушателей, онъ смотрѣлъ на нихъ такъ, какъ бы говорилъ своимъ взглядомъ: «вотъ вы не знаете лазейки, при помощи которой можно обдѣлать это дѣло, а я знаю и за свои знанія беру съ васъ деньги».

— Но что же намъ дѣлать? раздраженно возразила Елена Модестовна, выведенная изъ терпѣнія его спокойной рѣчью, — неужели для того нужно было столько усилій потратить, чтобы, имѣя права ни продать, ни заложить этого дома, сидѣть въ немъ и ждать новаго процесса?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, — улыбнулся Модниковъ, — вы успокоитесь, я найду вамъ выходъ изъ труднаго положенія.

— Но въ чемъ же? Гдѣ этотъ выходъ?

— А вотъ въ чемъ: домъ нужно продать съ аукціона. Купившій его на аукціонѣ признается по закону неоспоримымъ владѣльцемъ, и какое бы потомъ ни состоялось рѣшеніе по спору изъ-за владѣнія этимъ домомъ — купившему его на аукціонѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Ибо онъ купилъ домъ не у лица, а публичнаго торга.

Елена Модестовна просіяла. Видя такое сіяніе на ея старомомъ лицѣ, утѣшились и Сережа съ Викторіей Александровной.

XLIV.

Время шло день за днемъ, недѣля за недѣлей, и цѣлая погода кануло въ вѣчность. Стуловъ, уволенный отъ управленія домомъ Лачужникова, оставался нѣкоторое время безъ занятій;

будучи извѣстенъ многимъ изъ знакомыхъ покойнаго Валерьяна Ивановича, какъ человѣкъ честный и дѣятельный, получилъ должность на какой-то фабрикѣ за городомъ. По временамъ, воспользовавшись свободными днями, всего чаще въ праздники, онъ посѣщалъ Петра Ивановича и разспрашивалъ о положеніи его дѣла.

— Да что! Дѣло въ сенатѣ, угрюмо отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, — не двигается пока ни туда, ни сюда.

— Когда же оно будетъ слушаться?

— Гм... Не знаю. Я справлялся, говорятъ, что надо ждать очереди... Что же я на это могу возразить! Разумѣется, нужно соблюдать очередь.

— А по моему, Петръ Ивановичъ, лучше бы подмазать.

Петръ Ивановичъ, конечно, заволновался и замахалъ руками.

— Подмазать! восвѣлихнулъ онъ, — нѣтъ, голубчикъ, ни за что! Жилъ по правдѣ и умру съ правдой! Пусть даже буду побѣжденъ, но не безчестенъ! Знаете, голубчикъ, иная побѣда хуже позора. Нѣтъ, не согласенъ! По моему, какъ тѣ, которые берутъ, такъ и тѣ, которые даютъ—одинаково достойны осужденія.

Стуловъ покашлялъ, почесалъ затылокъ; но противъ такихъ доводовъ Петра Ивановича ничего не возразилъ, зная, что возраженія повели бы только къ лишнимъ и бесполезнымъ спорамъ. Уходя, онъ однакоже замѣтилъ:

— Я не имѣю, конечно, никакого права, Петръ Ивановичъ, вмѣшиваться въ ваши дѣла, тѣмъ болѣе потому, что живу вдали отъ города и не всегда въ состояніи вамъ помочь, еслибы даже хотѣлъ настоять на какомъ-либо моемъ совѣтѣ; но все-таки предупреждаю васъ, слѣдите за дѣйствіями Модникова: онъ очень хитеръ и можетъ жестоко вамъ навредить.

— Н—н—о! со вздохомъ отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, живъ Богъ — жива душа моя! Вѣрую въ торжество правосудія и знать не хочу никакихъ Модниковыхъ.

«Правосудіе» дѣйствительно восторжествовало. Кассационный департаментъ сената отмѣнилъ рѣшеніе палаты и передалъ дѣло для разсмотрѣнія въ другую палату. Но истина идетъ своей дорогой, а ложь своей, и которая вѣрнѣе и скорѣе приводитъ къ цѣ-

ли—про то знают ловкіе люди, въ родѣ Модникова и Елены Модестовны. Въ то время, когда сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе судебной палаты, домъ покойнаго Валерьяна Ивановича Лачужникова былъ уже проданъ съ аукціона, за долги будто бы Сергѣя Валерьяновича и его матери, и ни его, ни «папал», ни Елены Модестовны въ Петербургъ въ это время уже не было. Благодаря просвѣщенному содѣйствію Модникова, они получили отъ продажи до трехъ сотъ тысячъ и уѣхали за границу «отдохнуть».

Модниковъ тоже подумывалъ о томъ, чтобы куда нибудь съѣздить на отдыхъ и поразвлечься гдѣ нибудь на минеральныхъ водахъ Эмса или Баденъ-Бадена. Отъ устройства дѣлъ семьи Лачужникова ему, за всѣми расходами, досталась солидная сумма; но какъ она была велика и сколько пошло на расходы по дѣлу — зналъ только онъ одинъ.

Елена Модестовна уѣхала вмѣстѣ съ дочерью и внукомъ. Долговъ, бывшихъ на запроданномъ Григорію Геннадіевичу имѣніи, она не уплатила и оставила Кожевникова, такъ сказать, «съ носомъ», давъ ему случай расквяться, что, заключая условіе, онъ не назначилъ никакой неустойки за его неисполненіе. — «Обошла меня, скорбѣлъ онъ про себя, — и по условію обидѣла, и по магазину восьми сотъ не уплатила—теперича ищи вѣтра въ полѣ. Вернутся, положимъ, изъ-за границы скоро, годъ другой проживуть, не больше, да мнѣ-то какая отъ этого польза: съ пустыми карманами пріѣдутъ».

Nadin'у Елена Модестовна все-таки за границу съ собой не взяла и нашла нужнымъ пристроить ее замужъ за сановитаго старичка, памятуя, что «вѣкъ пережить—не поле перейти» и что, авось, Богъ дастъ, старичекъ долго не проживеть: можно будетъ пристроиться въ богатой племянницѣ и подчинить ее своему вліянію.

Когда Петръ Ивановичъ узналъ, въ какомъ комическомъ положеніи оказалось его дѣло, благодаря «торжеству правосудія», онъ вдругъ какъ-то присмирѣлъ.

— Что, родитель, какъ ваше мнѣніе на счетъ дѣятельности человека, сего «царя природы», именуемаго «вѣнцомъ творенія»,—

шутливо спросил Яковъ Петровичъ, узнавъ о положеніи дѣла
ца.

Петръ Ивановичъ ничего ему не отвѣтилъ, только покачалъ
головой. Но скорбь его, видимо, была слишкомъ велика
того, чтобы сынъ могъ ее разсѣять шутливыми своими за-
шпегъ.

— Извините меня, продолжалъ Яковъ Петровичъ, но я такъ
люблю, родитель, что сей «царь природы», въ большинствѣ слу-
чаевъ внушаетъ къ себѣ довѣріе только у насъ въ препаровочной,
лежитъ тихо и мирно на анатомическомъ столѣ.

Петръ Ивановичъ и на это ничего не отвѣтилъ. Удалившись въ
мнату, онъ затворилъ за собою дверь и, присѣвъ къ пись-
столу, грустно склонилъ голову.

Д. Стахѣевъ.

К о н е ц ъ .

ПРОВИНЦИАЛИЗМЪ ВЪ ПОЛИТИКЪ.

Русская общественность отличается отъ общественности лю бой изъ западно-европейскихъ странъ весьма характернымъ при знакомъ: крайнею незрѣлостью. Въ этомъ—наше великое горе и источникъ нашихъ горькихъ страданій. Ничто у насъ не устновлено, все является вопросомъ, во всемъ неясность, вездѣ путаница. Мы не можемъ согласиться въ самыхъ простыхъ и ясныхъ вещахъ; нѣтъ ни общихъ принциповъ, ни общихъ стремленій, ни общаго пониманія. Только этимъ хаотическимъ состоянiемъ понятій можно объяснить то, что нерѣдко самыя серьезныя вещи у насъ разсматриваются, какъ смѣшныя, а къ самымъ смѣшнымъ люди относятся съ благоговѣнiемъ; только полнымъ отсутствiемъ сколько нибудь дѣйствительнаго политическаго воспитанія въ нашемъ обществѣ можно объяснить себѣ ожесточенные споры о вещахъ, совсѣмъ не стоящихъ спора, и крайнее раздраженiе противъ лицъ, не раздѣляющихъ всѣхъ симпатій и антипатій какого нибудь незначительнаго кружка или узкой партіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы говорили о положеніи нашихъ ближайшихъ соплеменниковъ въ Австріи, такъ-называемыхъ русиновъ, т. е. галицкихъ русскихъ, по поводу известнаго львовскаго процесса. Мы осуждали идею этого безразсуднаго процесса, вызваннаго племенной ненавистью поляковъ къ русскому населенію Галиціи; мы находили, что онъ былъ крупнымъ политическимъ промахомъ со стороны польской «интеллигенціи». Вмѣстѣ съ этимъ, мы не могли не выразить своего сочувствія людямъ, которые были преслѣдуемы за то, что они чувствуютъ свою кровную связь съ нами; за то, что

они желаютъ состоять съ нами въ литературномъ и религиозномъ общеніи; за то, наконецъ, что, тѣснимые со всѣхъ сторонъ и особенно поляками, они видятъ свою защиту и спасеніе своего народа въ насъ, своихъ ближайшихъ соплеменникахъ, въ нашемъ національномъ и государственномъ могуществѣ. Все это имъ было виѣнено, вопреки закону и справедливости, въ государственное преступленіе; все это было выставлено австрійскою обвинительною властью, какъ измѣна имперіи Габсбурговъ. Мы находили, что крайне несправедливо обвинять людей за ихъ естественныя чувства, за такія чувства, которыя никакъ не меньше проявляются у самихъ ихъ обвинителей, за сочувствіе своему племени, или хотя бы даже за тяготѣніе къ нему. Мы указывали также на незаконность преслѣдованія нѣкоторыхъ изъ нашихъ соплеменниковъ за пропаганду православнаго обряда среди галицкихъ униатовъ, при существующей въ Австріи свободѣ вѣроисповѣданія, и находили чудовищнымъ виѣненіе журналистамъ и писателямъ въ вину того, что они старались приближать свой письменный языкъ къ литературнымъ оборотамъ языка общерусскаго. Съ какой стороны мы ни смотрѣли на обвинительный актъ, онъ намъ казался несправедливымъ, произвольнымъ, пристрастнымъ и даже нелѣпымъ; сколько ни старались мы отыскать въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ какую-либо вину, мы находили, что они были посажены въ тюрьму и привлечены къ суду безъ всякаго законнаго основанія. Такъ смотрѣла на дѣло, повидимому, и вся русская печать и все русское общество, такъ смотрѣли многіе въ Европѣ и въ самой Австріи. Всякая другая точка зрѣнія казалась намъ, въ данномъ случаѣ, для разсудительныхъ людей невозможною.

Мы однако ошибались. Нѣсколько теплыхъ словъ, сказанныхъ нами въ защиту нашихъ гонимыхъ соплеменниковъ въ Галиціи, очень не понравились въ Кіевѣ. Тамъ тоже слѣдили съ большимъ интересомъ за ходомъ процесса, затѣяннаго австрійскимъ правительствомъ или, лучше, польскими іезуитами противъ главныхъ представителей русской народности въ Галиціи, но интересъ этотъ былъ нѣсколько инаго рода. Сколько мы можемъ судить изъ адресованныхъ къ намъ писемъ и отчасти даже изъ двухъ статей кіевской газеты «Заря», тамъ съ большимъ удовольствіемъ узнали бы объ осужденіи гг. Добрян-

скаго, Наумовича, Маркова, Площанскаго и др., чѣмъ объ ихъ оправданіи. Какъ такъ? Возможно ли, чтобы въ Кіевѣ, въ столицѣ Малороссіи, находились люди, не только не сочувствующіе горю заключенныхъ и выдержавшихъ продолжительную пытку пристрастнѣйшаго политическаго процесса, своихъ ближайшихъ соплеменниковъ въ Австріи, но и до нѣкоторой степени довольные при видѣ постигшаго ихъ несчастія и даже, пожалуй, встрѣтившіе ихъ оправданіе не безъ чувства нѣкотораго внутренняго раздраженія?! Вѣдь эти Наумовичи, Марковы, Площанскіе, Ничай и ихъ товарищи по заключенію, вѣдь это — кровные малороссы, вѣдь это передовые борцы за правду и свободу національнаго развитія того самаго народа, который живетъ въ Малороссіи и составляетъ, въ этнографическомъ смыслѣ, съ населеніемъ нашей Украины одно нераздѣльное цѣлое? Совершенно такъ! Но эти Марковы, Площанскіе, Наумовичи и Ничай—не совсѣмъ того прихода, которому сочувствуютъ наши кіевскіе политики и авторы статей въ «Зарѣ» *) Людей, подвергшихся во Львовѣ тяжелому политическому процессу, въ тѣхъ кіевскихъ кружкахъ, объ которыхъ у насъ идетъ рѣчь, называютъ москвофилами, тогда какъ симпатіи этихъ кіевскихъ кружковъ цѣлкомъ обращены къ тѣмъ представителямъ галицко-русской «интеллигенціи», которые принадлежатъ къ такъ-называемой украинской филъской партіи. Москвофилъ въ глазахъ ихъ—уже не галичанинъ или такой галичанинъ, который не имѣетъ никакого права на сочувствіе. Человѣкъ, который, живя въ Галиціи, чувствуетъ влеченіе не къ Украинѣ только, а и къ Великороссіи, ко всему русскому народу, къ цѣлой Россіи; человѣкъ, который въ своихъ статьяхъ и сочиненіяхъ старается употреблять обороты общерусскаго литературнаго языка, который думаетъ, что весьма сильнымъ оплотомъ русской національности въ Галиціи можетъ служить укорененіе въ ней сознанія о своей принадлежности къ великому народу, населяющему восточную Европу; наконецъ, человѣкъ, который состоитъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ политическими людьми,

---

*) Статьи эти носятъ такое заглавіе: «Вниманію «Наблюдателя» и В. И. Модестова». (№№ 196 и 210).

журналистами и литераторами въ Россіи,—такой человѣкъ, по
 нѣвнѣ нашихъ кievскихъ антагонистовъ, представляетъ собой
 вѣчто крайне антипатичное, представляетъ собой, такъ сказать,
 судъ, наполненный всякою мерзостью. Отъ такого человѣка,
 къ бы высоко ни стоялъ онъ, на самомъ дѣлѣ, по своему ум-
 зенному и нравственному развитію, какъ бы онъ горячо ни
 билъ свой народъ, какъ бы мужественно ни отстаивалъ
 права и независимость, терпя политическое гоненіе, судеб-
 преслѣдованіе и пытку тюремнаго заключенія,—приверже-
 украинофильской партіи не ждетъ ничего хорошаго. Онъ
 лускаетъ въ немъ, въ москвофилѣ, ни любви къ на-
 ни искреннихъ политическихъ убѣжденій, ни честнаго
 вія. Говоря это, мы не шутимъ и не смѣемся надъ чита-
 ; мы сообщаемъ ему лишь то, что часто слышали, что
 ь читали. Да вотъ какъ отзывается о галицкихъ мо-
 и л а хъ одинъ изъ нашихъ кievскихъ корреспондентовъ,
 цій настоящими галичанами только представителей и
 сенцевъ украинофильской партіи:.. «Москвофилы, это—тѣ,
 выслали орду униатскихъ священниковъ для обращенія
 ихъ униатовъ въ православіе, это—люди, которые вы-
 зъ себя тѣхъ педагоговъ, которые попадаютъ у насъ
 Руси, это люди, которые могутъ поставить дѣятелей
 ента, Кавказа, Закаспійской Области и всякой дру-
 ндціи русскаго государства; это люди ,... которые уже
 нѣсколько человѣкъ, слѣдившихъ въ Австріи вообще,
 и въ частности, за русскими нигилистами; это—люди,
 слѣдуетъ идеаль принадлежности къ великому госу-
 которомъ, еслибы они тѣмъ или другимъ путемъ
 соединились, они бы явились поставщиками тѣхъ
 и чиновниковъ, которые на все готовы; это—люди,
 тѣ нѣтъ никакихъ соціальныхъ и полп-
 ь убѣжденій, кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ
 го строя и нынѣшняго положенія нашего отече-
 зимаешь, что эти жествія слова относительно той
 ихъ русскихъ, которая относится съ любовью къ
 стъ сближенія съ нашимъ народомъ и государ-
 ены автору письма духомъ партіи и что ихъ, во

всякомъ случаѣ, не диктовало безпристрастіе. Трудно а priori допустить, чтобы люди, составляющіе притомъ же мѣстной русской образованности, ученые, профессора, редакторы газетъ, выдающіеся члены духовенства обладали хорошими или несимпатичными свойствами, что только корыстные и жадные до жирныхъ мѣстъ и большихъ чинов могутъ чувствовать и сознавать потребность возможно-близкой связи съ великимъ народомъ, съ которымъ ихъ родину развѣстала исторія, и что настоящіе, честные и искренніе патріоты Галиціи не смѣютъ и думать о ближайшей связи съ своимъ народомъ и государствомъ, исключая его малороссійской окраины. Для тѣхъ же, кто знаетъ лично, какъ пишущій эти строки не одного изъ представителей этой «москвофильской» думщины въ Галиціи, кто видѣлъ ихъ и у себя въ Россіи, и на ихъ родинѣ, во всей обстановкѣ ихъ жизни и дѣятельности; кто видѣлъ ихъ горе, нужду, страданія, подчасъ безысходныя, слѣдилъ за ихъ энергическою, неустанною борьбою съ врагами ихъ національности,—для тѣхъ вся пристрастность и предвзятость зова объ этихъ людяхъ въ письмѣ нашего уважаемаго корреспондента бросается въ глаза съ очевидною ясностью.

Какъ бы то ни было, а статья наша «Австрійскіе Русины и львовскій процессъ» (августъ, 1882 г.) статья, въ которой мы подняли голосъ въ защиту своихъ галиційскихъ соотечественниковъ во имя справедливости и гуманности, произвела неблагоприятное впечатлѣніе въ Кіевѣ или, лучше, въ украинско-польскихъ кружкахъ этого города. И къ автору статьи, и къ самому журналу были обращены упреки въ пристрастіи, въ галицизмѣ, въ москвофильствѣ, въ шовинизмѣ (!), въ подвѣсившии вопросы, которые не входятъ «въ компетенцію русской печати» и, само собою разумѣется, въ недостаточномъ знаніи истиннаго дѣла. Упреки эти шли, правда, отъ людей, не особенно относящихся вообще къ нашей публицистической дѣятельности, исповѣдующихъ принципы широкаго либерализма и даже отъ лицъ, связанныхъ съ нами узами старой и новой дружбы. Но это-то обстоятельство и не позволяетъ намъ считать обращенные къ намъ упреки безъ вниманія. Въ нихъ много горечи, но много и искренности, и они возбуждены не столько противъ насъ, а довѣріемъ къ намъ и уваженіемъ къ намъ.

ромной дѣятельности. Къ тому же, какъ ни странны они въ иномъ случаѣ, но они поднимаютъ, въ сущности, вопросы жные, заслуживающіе внимательнаго разсмотрѣнія, такіе вопросы, въ которыхъ между образованными людьми должно быть можно меньше разногласія, и недоумѣнія въ которыхъ не-во сопровождаются прискорбными для національной жизни гдствіями.

Намъ ставятъ въ вину, что мы выразили сочувствіе къ тѣмъ, гонимымъ за то, что они любятъ наше отечество и въ немъ оплоть своего національнаго существованія враждебныхъ народностей. Намъ ставятъ въ вину, слѣдова- , чувства самыя естественныя, самыя невольныя! Про- и наши хотѣли бы, чтобы этихъ людей, которые насъ , на насъ надѣются, отъ насъ однихъ ждутъ поддержки й борьбѣ за существованіе, чтобы этихъ людей мы не- и, чтобы отъ нихъ мы отворачивались! На насъ недо- за то, что мы этимъ преданнымъ намъ людямъ, не таемъ въ Галиціи тѣхъ, которые насъ не любятъ, отъ насъ отрещиваются, которые готовы, пожалуй, ся противъ насъ съ нашими общими врагами, нѣм- ляками. До чего же мы дожили, коль скоро въ средѣ ихъ стали возможны такія неестественныя обвиненія юотивоестественныя желанія? Неужели гнетущія наше е развитие обстоятельства уже начинаютъ разлагать зненный смыслъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, й мѣрѣ, на его окраинахъ? Неужели Россія уже считается на этихъ окраинахъ общимъ нашимъ , любовь къ которому должна быть выше всякихъ чьихъ привязанностей, должна стоять внѣ всякихъ ече- какъ бы онѣ ни назывались—москвофильскими, украй- славянофильскими, либеральными, консервативными, ии и даже бюрократическими? Неужто и въ са- чалось уже наше національное и государственное

гъ мудренаго, если уже и началось при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ теперь движется наше поли- эствованіе, существованіе безъ вѣры, безъ на- дности. Печальные симптомы множатся, въ настрое-

ни общества обнаруживаются явления, до сихъ поръ небывавшія. Все говоритъ о томъ, что равнодушіе къ нашему обществу, къ благу, къ національной чести, къ государственному достоинству сдѣлало въ послѣднее время огромные успѣхи. До насъ дошли слухи, которые могли бы быть названы ужасающими, если бы такъ не привыкли къ ужасающимъ слухамъ и даже явленіямъ.

Но мы были бы, по всей вѣроятности, несправедливы, еслибы стали объяснять возраженія и упреки, сдѣланные изъ Кіева по вопросу о галицкихъ русскихъ, недостаткомъ патриотизма въ нашихъ противникахъ. Для нашихъ антагонистовъ благо Россіи, слѣдуетъ думать, не менѣе дорого, чѣмъ и для насъ самихъ; они только иначе понимаютъ его условія и смотрятъ на отношенія Россіи къ Галиціи не съ общей государственной точки зрѣнія, а съ своей мѣстной, провинціальной и притомъ партійной точки зрѣнія. По ихъ мнѣнію, мы, великороссы, можемъ обвинить галицкихъ русскихъ или, какъ они ихъ называютъ, русиновъ въ покое; они думаютъ, что имѣть дѣло съ ними надлежитъ лишь имъ, малороссамъ, украинцамъ. Они убѣждены, что наше вмѣшательство, въ которомъ такъ или иначе звучитъ стремленіе нашей государственности, не можетъ послужить галичанамъ пользы, что оно вызываетъ среди нихъ только раздоры и отягчаетъ ихъ положеніе возбужденіемъ національныхъ страстей среди поляковъ и подозрительности въ австрійскомъ правительствѣ. Они думаютъ, что для галичанъ лучше и полезнѣе ограничиться связями съ Малороссіей, применить къ ея литературному и народному движенію, не думая о политическомъ единеніи съ русскимъ государствомъ, и что взаимныхъ успѣховъ приднепровской и прикарпатской Русии достаточно для того, чтобъ отстоять въ Галиціи малорусскую народность въ борьбѣ ея съ польскими притязаніями и доставить этой народности благо спокойнаго и довольнаго, экономическаго и общественнаго существованія. Разсуждая такимъ образомъ, они, — какъ это вообще бываетъ съ приверженцами узко-народныхъ или провинціальныхъ воззрѣній, — считаютъ всякое разногласіе съ ними за кровную обиду, за какое-то святотатство, за неуваженіе самыхъ священныхъ правъ челоуѣчества. Отсюда ихъ ненависть къ такъ называемымъ москвофиламъ въ Галиціи и недовольство нами, которое

отвѣчаютъ взаимностью на обращенныя къ намъ симпатіи ненавистой украинофиламъ партіи.

Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, что наши кіевскіе антагонисты, стоя не на государственной, а на мѣстной и узко-народной точкѣ зрѣнія, предпочитаютъ независимое развитіе малороссійской народности, и дома и въ Галиціи, тяжелой опекой русскаго государства, безъ нужды подавляющей ихъ мѣстныя и дорогія для нихъ особенности. Значить, еслибы это государство шло по пути правильнаго развитія, еслибы его внутренняя политика была основана на духѣ свободы, на уваженіи къ мѣстнымъ особенностямъ, еслибы она давала просторъ развитію здоровыхъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ стремленій, тогда, по всей вѣроятности, и отношеніе къ ней значительной части представителей малороссійской народности было бы другое; тогда кіевскіе украинофилы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые отлично понимаютъ невозможность полнаго политическаго отдѣленія Малороссіи отъ русскаго государства, пока существуетъ это послѣднее, быть можетъ, даже содѣйствовали бы политическому воссоединенію Галиціи съ Россіей, а не смотрѣли на такую перспективу съ ужасомъ; тогда москвофильская партія въ Галиціи не возбуждала бы въ нихъ столь глубокой антипатіи, и они не могли бы ни оспаривать законности ея существованія, ни считать ее враждебною наиболѣе жизненнымъ интересамъ своей народности.

Если это такъ, то мы понимаемъ, почему и въ нашей Украинѣ, и въ той, которая подвластна Австріи, есть люди, отвергающіе для Галиціи пользу всякаго сближенія съ «Москвою», т. е. съ русскимъ государствомъ, преслѣдующіе приверженцевъ этого сближенія своей ненавистью и считающіе себя въ правѣ обращаться къ намъ, какъ къ представителямъ либеральнаго принципа, съ упреками за поддержку ненавистныхъ имъ стремленій въ средѣ одной изъ партій въ русской Галиціи. Мы даже готовы видѣть въ исходной точкѣ нашихъ украинофиловъ, въ желаніи отстоять елико возможно основы своей народности, оправданіе ихъ нерасположенія къ русской государственной идеѣ и къ нашимъ объединительнымъ стремленіямъ. Но мы все-таки находимъ, что они, защитники украинофильской тенденціи, находятся на ложной дорогѣ и сильно ошибаются, если думаютъ, что они

могутъ достигнуть вообще обезпеченія благоденствія малороссійской народности безъ крѣпкой связи ея съ цѣлою Россіей, безъ солидарности съ ея государственными интересами, безъ ея народной и государственной помощи.

Мы допускаемъ, что настоящее состояніе нашего государства весьма далеко отъ того, чтобы оно могло дѣйствовать привлекательно на сосѣднія и родственныя намъ славянскія народности. Мы понимаемъ, что господство грубыхъ, ретроградныхъ и бюрократическо-полицейскихъ идеаловъ въ состояніи не только оттолкнуть отъ насъ всякаго, кто думалъ прежде искать въ союзъ и сближеніи съ Россіей опоры для своего національнаго существованія, но и привести къ разложенію тѣ элементы, изъ которыхъ до сихъ поръ состояло само русское государство. Но такое положеніе Россіи слишкомъ ненормально, чтобы оно могло считаться законнымъ и быть продолжительнымъ. Выходъ изъ такого неестественнаго состоянія необходимъ и придетъ самъ собою. Какъ ни мрачнымъ представляется многимъ изъ насъ наше ближайшее будущее, но все-таки въ глубинѣ души мы вѣримъ и надѣемся, что настоящій государственный кризисъ минуетъ и настанутъ времена лучшія. Во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о государствѣ или народѣ, то нельзя судить о ходѣ его развитія по одному моменту и притомъ моменту, наступившему для всѣхъ неожиданно. Если же это такъ, т. е., если наше государство непременно вступить на путь болѣе правильнаго развитія, то неизбежно въ такомъ случаѣ, что отношеніе его къ мѣстнымъ правамъ и обязанностямъ будетъ другое. Россія страдаетъ отъ чрезмѣрной централизаціи и бюрократическаго управленія; слѣдовательно, при малѣйшей перемѣнѣ къ лучшему, однимъ изъ первыхъ шаговъ ея будетъ предоставленіе большаго простора мѣстной жизни и усиденіе самоуправленія. Возможно широкая автономія отдѣльныхъ частей, народное самоуправленіе—это принципы, безъ которыхъ въ настоящее время невозможно здоровое развитіе государства, невозможно благосостояніе и довольство населенія. Кромѣ небольшой горсти заклѣтыхъ бюрократовъ и потерявшихъ не только стыдъ, но и разумъ публицистовъ, все русское общество, можно сказать даже—весь русскій народъ требуетъ развитія автономическаго начала, требуетъ об-

легченія отъ бюрократической опеки и расширенія, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго самоуправленія. Малороссія находится въ томъ же положеніи, какъ и Великороссія: и тутъ, и тамъ одинаково чувствуется тяжесть существующаго строя и одинаково желаніе лучшаго. Придетъ время, и русское государство перестанетъ быть пугаломъ для тѣхъ, кто знакомъ со сколько нибудь сносными условіями политическаго существованія, и въ немъ будетъ данъ просторъ всякому честному, какъ индивидуальному, такъ и общественному стремленію. Какъ же тогда должны будутъ вести себя люди, считавшіе врагами своей народности какъ тѣхъ, кто, принадлежа къ этой самой народности, относился къ Россіи съ любовью и упованіемъ, такъ и тѣхъ, кто, какъ мы напр., платили преданнымъ нашей странѣ галицкимъ русскимъ взаимною любовью, утѣшеніемъ и сочувствіемъ? Или приверженцы узко-народной теоріи среди нашихъ малороссовъ и тогда будутъ заставлятъ своихъ галицкихъ соплеменниковъ дичиться Россіи, предоставляя имъ лучше погибнуть въ непосильной борьбѣ съ поляками, чѣмъ вступить въ дѣятельную связь съ Россіей, гдѣ малороссійская народность также обезпечена въ свободномъ развитіи, какъ и великороссійская? Или они, наконецъ, смотрятъ на будущность Россіи съ ничѣмъ непобѣдимымъ недоувѣріемъ?

Говоря откровенно, въ такъ-называемыхъ украинофилахъ, изъ которыхъ немалое количество намъ знакомы лично и близко, мы всегда находили большое отсутствіе политической сообразительности. Мы никогда въ нихъ не замѣчали ни твердо опредѣленныхъ стремленій, ни яснаго сознанія средствъ, какими они рассчитываютъ достигнуть осуществленія своихъ (также мало опредѣленныхъ) цѣлей. На вопросъ: чего они хотятъ?—только самые необдуманые изъ нихъ высказываются въ томъ смыслѣ, что они не желаютъ имѣть съ нами, т. е. съ русскимъ государствомъ, ничего общаго; всѣ же, разсуждающіе по обыкновеннымъ правиламъ человѣческой логики, сознаются, что Малороссія не можетъ жить вполнѣ самостоятельно отъ остальной Россіи политической жизнью, что для этого нѣтъ ни малѣйшихъ условій ни этнографическихъ, ни географическихъ, ни историческихъ, ни религіозныхъ, ни, тѣмъ болѣе, политическихъ. Если же это такъ, то само собой слѣдуетъ, что одинъ и тотъ же интересъ какъ велико-

русской, такъ и малорусской «интеллигенци» — хлопотать всѣми силами о томъ, чтобы наше общее (и притомъ совершенно одинаков^{ое} общее) государство стремилось къ прогрессу въ жизни политической, экономической, литературной, научной, художественной и т. д. Между тѣмъ, вся забота украинофиловъ, какъ политической партіи, направлена не къ тому, чтобы дѣйствовать съ нами вмѣстѣ соединенными усилиями на пользу общихъ потребностей отечества, а къ тому, чтобы какъ можно больше обособить южно-русскую народность (допуская, что есть такая народность) отъ великорусской, отдѣлить ее отъ насъ и языкомъ, и литературой, и нравами, и обычаями. Такое стремленіе партіи, противное требованіямъ истинной культуры, которая ведетъ къ сближенію, а не къ раздѣленію отдѣльныхъ народовъ и тѣмъ болѣе частей одного и того же народа, стремленіе, не встрѣчающее, вдобавокъ, никакой поддержки въ массѣ малороссійскаго населенія, ясное дѣло, должно было встрѣтить противо-дѣйствіе не только въ государственной власти, но и еще болѣе въ самомъ русскомъ обществѣ. И дѣйствительно, русское общество не только великорусскихъ мѣстностей, но и самой Малороссіи, звать не хочетъ объ украинофильствѣ, какъ политической партіи, и никогда не допуститъ, чтобы эта партія пріобрѣла какое-нибудь значеніе. Да и какъ допустить развитіе партіи, старающейся искусственно раздуть вражду или, по крайней мѣрѣ, раздвоеніе между двумя видами одной и той же народности, у которыхъ все общее — и языкъ, и вѣра, и происхожденіе, и земля, и исторія? Почему же тогда не появиться у насъ како й-нибудь новгородской партіи, которая также бы потянула въ особую сторону отъ условій общерусской жизни; какой ни будь казанской партіи, которая тоже захотѣла бы развить русско-татарско-черемисскія особенности въ нашей національной жизни, не говоря уже о партіяхъ сибирской, кавказской, туркестантской и т. п., изъ которыхъ каждая захочетъ настаивать на возможно большей эманципации своихъ мѣстностей отъ солидарности съ общою жизнью русскаго государства? Если же не только русская государственная власть, въ какихъ бы рукахъ она ни находилась, но и русское общество неизбежно обнаружитъ рѣшительное противо-дѣйствіе всякому искусственному раздвоенію націи, то какими средствами украи-

офицiальная партiя осуществить свою программу? Быть можетъ, въ союзѣ съ поляками? Быть можетъ, въ союзѣ съ австрiйскими и прусскими кнѣзьями? Есть мечтатели, которые не отступаютъ предъ такой комбинацiей, но имъ Богъ простить: не вѣдаютъ что творять.

Вопросъ, о которомъ мы теперь бесѣдуемъ съ читателями, обычно щекотливъ и настолько запутанъ, что, высказавши ли другую мысль, нужно постоянно оговариваться, чтобы вызвать недоразумѣнiя. Мы только-что говорили о близкомъ, въ бытъ, наступленiи времени, когда каждая русская мѣстность получитъ возможность развить свои матеріальныя и нравственныя силы, и когда будетъ данъ весь необходимый просторъ для общественнымъ силамъ и стремленiямъ; а теперь мы хотимъ не хотимъ о томъ, чтобъ украинофильская партiя пропaганду, не встрѣчая противодѣйствiя со стороны общества. Но въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчiя. Мѣстность имѣетъ, по нашему мнѣнiю, право жить своею жизнью, развивать свои силы и условiя своего бытiя, матеріальнаго и нравственнаго. Имѣетъ это Малороссiя. Ни одинъ образованный человекъ не ставитъ, что малороссъ такъ же, какъ и великороссъ, можетъ на какомъ угодно языкѣ, пѣть свои или чужiя работы, свою музыку, свое нарѣчiе, народный бытъ, и, коли угодно, литературу, если допустить, что такая литература существуетъ и способна къ развитiю, на примѣръ, допустить, чтобы мѣстный говоръ занялъ роль языка государственнаго, чтобы въ школахъ, въ университетѣ, въ государствѣ или обществѣ, въ которыхъ задало бы отличить малорусскiе элементы отъ великорусскихъ доступный, всѣмъ понятный, языкъ общенародный, обработанный и научно, и литературно, и уступилъ свою роль одному изъ мѣстныхъ нарѣчiевъ и исключительно простолюдинами, не ни для научнаго, ни для литературнаго, ни для государственнаго употребленiя, уступилъ единственно въ угоду партiи, именующей себя украинофильскою, и въ угоду своимъ интересамъ государственнымъ и общественнымъ въ нашей журнальной литературѣ не рѣдкость

встрѣтить голоса, относящіеся съ сочувствіемъ къ такому политическому и противоположному стремленію. Это или голоса людей, никогда не думавшихъ серьезно о политическихъ вопросахъ и въ данномъ случаѣ лишенныхъ всякой компетентности, или голоса лицъ, хотя, быть можетъ, и равныхъ политически, но способныхъ все принести въ жертву принятой теоріи. Однако ни одно государство въ мірѣ, древнее и новое, не уступало правъ исторически сложившагося государственнаго, тѣмъ болѣе, общенароднаго языка въ пользу какаго-либо мѣстнаго нарѣчія того же самаго языка. Мы могли бы въ данномъ случаѣ сослаться на древній Римъ, на нынѣшнюю Италію, Германію, Францію, Англію, на всякое другое, существующее на землѣ, государство, — еслибы вообще нужно было доказывать, что школьное обученіе должно вестись не на мѣстномъ нарѣчій, а на языкѣ государства и литературы, служащей представительницей все го народа, а не части его *). Только совершенно особая, исторически сложившаяся и обладающая своей независимой литературой національность, входящая въ составъ другаго государства, имѣетъ право требовать, чтобы ея языкъ не былъ вытѣсненъ изъ школьнаго, административнаго и судебного употребленія, а нивкагъ не разновидность одной и той же національности. Необходимо при этомъ замѣтить, что русскій литературный языкъ, языкъ школы и государственныхъ отправленій, какъ это не разъ указывалось и галицкими писателями, не есть великорусское нарѣчіе, а общерусскій языкъ, въ образованіи котораго малорусскій народъ и малорусскіе писатели участвовали едва ли менѣе, чѣмъ великорусскій народъ и его писатели. Одна кievская духовная академія, считающаяся три столѣтія существованія и служившая въ XVII-омъ вѣкѣ и до половины прошлаго столѣтія единственнымъ источникомъ высшаго образованія въ Россіи, можетъ быть самымъ рочательствомъ въ истинѣ только что высказаннаго положенія. Съ другой стороны, если допустить въ школу мѣстное нарѣчіе южной и югозападной Россіи, то отчего не допустить

*) Прекрасныя мысли высказаны на этотъ счетъ въ педагогической программѣ «Народной Школы» за сентябрь текущаго года.

въ сѣверозападномъ краѣ, для такого же употребленія, нарѣчіе бѣлорусское? Отчего не заставить преподавателей, положимъ, въ витебскихъ народныхъ школахъ или въ гимназіи здѣлать двѣкаты сообразно особенностямъ мѣстнаго нарѣчія? Это, азучь, былъ бы абсурдъ. Конечно, абсурдъ; но такой же абсурдъ—и употребленіе въ преподаваніи словъ съ малороссійскимъ отгѣнкомъ и произношеніемъ, напр. въ южныхъ губерхъ. Огъ неизбеженъ, коль скоро разъ будетъ признано, роль государственнаго языка можетъ быть уступлена мѣст-простонародному нарѣчію, многимъ, къ тому же, въ тойности незнакому. Но вопросъ объ языкѣ стѣдитъ бонимательнаго и особаго разсужденія, а потому мы, не оставаясь на немъ, пойдѣмъ далѣе.

и сказы, что въ стремленіяхъ украинфильской партіи о явное отсутствіе политическаго смысла, что у нея нечно ясны ни самыя стремленія, ни средства, какими она я достигнуть своихъ цѣлей. Но этого никакъ нельзя о тѣхъ галичанахъ, къ которымъ какъ наши украинки и галицкіе, относятся съ такою непріязненностью и они называютъ москвофилами. Какія бы вины или на этихъ галицкихъ москвофиловъ ихъ противниковъ и въ Кіевѣ, сколько бы они ихъ ни обвиняли въности къ абсолютизму, въ пренебреженіи къ своему своекорыстныхъ стремленіяхъ,—не подлежитъ сомнѣготъ кружокъ образованныхъ людей, состоящій изъ читателей, адвокатовъ, журналистовъ и наиболѣе про-членовъ духовенства, и смотрящій на Россію, какъвно вѣрный якорь спасенія для Галицкой Руси, об-мнѣннымъ политическимъ смысломъ и проницатель-я въ Россіи, въ единеніи съ русскимъ народомъ, государствѣ единственную силу, которая можетъ ржество малорусской народности въ борьбѣ сътязаніями какъ въ самой Россіи, такъ и въ Га-интересахъ спасенія своей національности, при-илу такъ, какъ она есть, со всѣми ея достоин-статками, съ ея устройствомъ, какъ настоящимъ,мъ. Ихъ упрекаютъ въ готовности служить абсо-рократическому режиму нынѣшней Россіи, но они

этимъ не смущаются, превосходно понимая, что интересы сохранения національнаго бытія выше всякихъ разсужденій о формѣ правленія, которая можетъ мѣняться, быть сегодня такою, завтра другою, тогда какъ нація съ своими жизненными потребностями остается и, прежде всего, требуетъ самосохраненія. Гдѣ разбирать формы правленія людямъ, которымъ враждебная ихъ родности сила наступила на горло и готова примириться съ ними не иначе, какъ на условіи ихъ отреченія отъ всѣхъ преданій отъ вѣры, отъ исторіи? — «Возьмите насъ къ себѣ, обратитесь хоть въ крѣпостные у себя дома, но только вырвите насъ изъ польскихъ когтей» — говорили намъ, 17 лѣтъ тому назадъ во Львовѣ со слезами на глазахъ нѣкоторые тамошніе русскіе люди честные и уважаемые въ своемъ обществѣ. И этихъ то людей, такъ глубоко чувствующихъ страданія своей родины такъ-называемые крайнофилы думаютъ смутить тѣмъ, что они не увлекаются австрійскимъ конституціонализмомъ, не приносящимъ ихъ народу ничего, кромѣ новаго притѣсненія и униженія. Что имъ въ конституціи, при которой они отданы болѣе, чѣмъ когда нибудь, на жертву польской шляхты съ іезуитами? Какой толкъ имъ въ этой конституціи, которая только усилила власть надъ ними исконныхъ враговъ ихъ національности, и при которой ихъ трехмилліонный народъ едва могъ провести въ рейхсратъ трехъ представителей, не доставивши себѣ въ то же время сколько-нибудь почетнаго мѣста и въ львовскомъ сеймѣ, гдѣ поляки господствуютъ, какъ полные хозяева? Правда, конституція своей буквой обезпечиваетъ свободу печати и свободу совѣсти величайшія и настоятельнѣйшія потребности современнаго человѣчества; но заключеніе въ тюрьму наиболѣе выдающихся членовъ русско-галицкаго общества и львовскій процессъ, въ которомъ ставилось подсудимымъ въ государственное преступленіе ихъ сочувствіе православію и употребленіе оборотовъ общерусскаго литературнаго языка, показали, что для нихъ, для галицкихъ русскихъ, австрійская конституція ровно ничего не обезпечиваетъ.

Читатель видитъ, почему мы отдаемъ предпочтеніе той партіи въ Галиціи, которая, на языкѣ ея противниковъ, называется москвофильскою, а не той, которая называется и тамъ, и у насъ крайнофильскою, и къ которой обращены

всѣ симпатіи какъ нашихъ кіевскихъ корреспондентовъ, такъ и газеты «Заря», стоящей, повидимому, близко къ украинофильскому лагерю. И корреспондентъ, изъ письма котораго мы раньше сдѣлали выписку, и означенная газета упрекають насъ, за такое отношеніе къ дѣлу, между прочимъ, въ солидарности съ московскими славянофилами и съ такъ-называемыми «охранителями». По ихъ мнѣнію, рассуждать такъ, какъ мы рассуждаемъ, съ государственной и патриотической точки зрѣнія, могутъ только славянофилы, ретрограды и консерваторы. Авторъ статьи въ газетѣ «Заря» доводитъ свою неосмотрительность въ утверженіяхъ и выраженіяхъ даже до того, что считаетъ возможнымъ заявить, будто мы въ своей статьѣ «Австрійскіе русскіе львовскій процессъ» заимствовали «данныя и выводы свои изъ багажа нашихъ охранителей-централистовъ», между тѣмъ, въ всякій, кто читалъ нашу статью, знаетъ, что приведенныя въ данныя двухъ родовъ: одни состоятъ изъ нашихъ личныхъ сужденій надъ положеніемъ Галиціи и взаимнымъ отношеніемъ ея среди тамошняго русскаго населенія, равно какъ и изъ заяв- іи, устныхъ и письменныхъ, самихъ представителей тамошней той народности; а другія принадлежатъ обвинительному и ходу судебного процесса. Никакихъ другихъ данныхъ, болѣе «заимствованныхъ изъ стараго багажа», въ статьѣ какъ нѣтъ и выводовъ, заимствованныхъ изъ того же багажа. Нашимъ кіевскимъ антагонистамъ просто непонятно, въ образѣ люди, истинно либеральные, могутъ не раз- стремленій украинофильской, или, какъ они себя теперь называютъ, «народной» партіи, и рѣшительно не одобрять айне-пристрастнаго отношенія къ разнымъ направле- ть галицкой русской «интеллигенціи». Для такъ называе- святоюрцевъ» и «москвофиловъ» у нихъ нѣтъ ничего, лодности, пренебреженія и даже презрѣнія, такъ какъ і стояли и стоятъ за общность одного литературнаго я всего русскаго племени и смотрятъ на Россію съ ть и надеждою; хороши для нихъ въ Галиціи только одни ки», которые по недалновидности своей, а не по родинѣ, отрешиваются, какъ отъ пугала, и отъ Рос- ь общаго литературнаго языка. Стоя на такой узкой, льной и совсѣмъ не государственной точкѣ зрѣнія,

наши кievскіе возражатели хотѣли бы, чтобъ и мы смотрѣли в дѣло такимъ же пристрастнымъ, неосновательнымъ и поверхностнымъ взглядомъ. Имъ, конечно, не трудно найти себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ представителяхъ петербургской и московской либеральной печати; они и указываютъ въ «Зарѣ» на одного виднаго петербургскаго литератора, какъ на лицо, имъ сочувствующее. Ну что же? Такихъ отдѣльныхъ лицъ они могутъ набрать себѣ въ союзники, пожалуй, еще съ полдесятка; но никогда они не будутъ имѣть на своей сторонѣ русскаго образованнаго общества и—что всего должно быть для нихъ досаднѣе—своего собственнаго народа. Автору этихъ строкъ, жившему многіе годы въ Кіевѣ, хорошо извѣстно, что малороссійскій народъ совсѣмъ не расположенъ учиться грамотѣ по книжкамъ малороссійскаго или, какъ самъ онъ выражается, мужицкаго нарѣчія. Знаніемъ грамоты онъ называетъ умѣнье читать и понимать то, что читаютъ въ церкви, умѣнье читать и понимать царскіе указы, знаніе языка, на которомъ говорятъ вообще не мужики, а люди письменныя, образованные. Да и галицкихъ простолюдиновъ, составляющихъ одинъ народъ съ нашимъ украинскимъ, трудно соблазнить союзомъ съ предводителями украинофильскаго движенія въ Кіевѣ. Ненавистные этимъ проповѣдникамъ какой-то малороссійской культуры, или, по недавнему выраженію г. Кулиша, гайдамацкой философіи, москвофилы въ Галиціи хорошо понимаютъ, что какой-нибудь подольскій губернаторъ, представитель русскаго правительства близъ австрійской границы, имѣетъ въ глазахъ населенія восточной Галиціи во сто разъ болѣе значенія, чѣмъ самый первый бумиръ украинофильской партіи въ Кіевѣ, который, какъ таковой, не представляетъ для народа рѣшительно никакой величины и не имѣетъ для него никакого обаянія. Въ подольскомъ губернаторѣ русско-галицкій народъ видитъ до нѣкоторой степени олицетвореніе могущества родственнаго ему народа, силы великаго государства; а что онъ видитъ въ какомъ нибудь кievскомъ народникѣ, который изъ силъ вонъ выбивается, чтобъ заставить малороссійскаго мужика читать книжицы, написанныя такимъ украинскимъ языкомъ, котораго толкомъ не понимаютъ и письменнѣйшіе изъ малороссовъ?

Вообще говоря, мы не знаемъ на свѣтѣ ни одной полити-

ческой партіи, которая была бы болѣе искусственна и безпочвенна, чѣмъ партія украинофильская. По нашему мнѣнію, она не имѣетъ никакой будущности и не въ состояніи выдержать, — въ своемъ стремленіи обособить малороссійскій народъ, прогнупоставить его цѣлому русскому организму, какъ нѣчто отлѣльное, какъ нѣчто самостоятельное по культурѣ, — ни малѣйшаго столкновенія съ жизнью. Если суждено Галиціи вступить въ тѣсную связь съ закордонною Русью, то это будетъ въ силу стремленій украинофильской партіи, а въ силу приженія, какое обнаруживаетъ на нее русское государство, единственная сила, которая можетъ прикрыть и защитить оторванную отъ насъ и изнывающую подъ игомъ чужеземной власти въ русскаго племени. Сознаніе существованія этой спасительной силы составляетъ для русскаго населенія восточной Галиціи наибольшій залогъ его національной будущности. Оттого польская шляхта, іезуитство и австрійская государственная власть употребляли и употребляютъ всѣ усилія, чтобы вынуть головы у галицкихъ мужиковъ сознаніе кровнаго родства великимъ сосѣднимъ народомъ, и оттого-то вся эта чуждая русскому имени армія такъ равнодушно, а иногда и отвратно, относится къ проискамъ украинофиловъ, понимая, что съ этой стороны не можетъ быть никакого серьезнаго удара на русинскій народъ. Ослабѣи наша государственная власть — это немедленно отразится отягченіемъ участи нашихъ братьевъ, среди окружающихъ ихъ недруговъ, помысливъ ихъ энергіи въ борьбѣ за свое народное достоинство, малѣйшими приемами и польскаго панства и іезуитства къ общему порабощенію, къ ихъ національному обезличенію. То же самое, какъ во Львовѣ отражались перипетіи послѣдней войны съ турками: всякая наша побѣда заставляла гордо головы русское населеніе и чувствовалась имъ, какъ ударъ на него самого надъ поляками; всякая наша неудача настроеніе этого населенія и придавала торжествующее его недругамъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ Галицкой Руси существуетъ тяготѣніе къ Россіи (восточной Галиціи), котораго не парализовать никакимъ украинофильскимъ усиленіемъ.

защитники войны, мы самые рѣшительные ея про-

тивники. Но отъ нашихъ чувствъ и желаній очень мало зависить или, лучше, и вовсе не зависить предотвратить ее, когда она, по ходу вещей, сдѣлается необходимою. Если такая война когда нибудь возникнетъ (а въ наше время всего можно ожидать) между Россіей и Австріей, тогда галиційскій вопросъ выступитъ на сцену въ самой грозной реальности. Побѣдить Россія, Австрія должна будетъ проститься съ Галиціей и русскую границу на нашемъ юго-западѣ обозначать Карпаты. Побѣдить Австрія, русская народность въ Галиціи будетъ пришиблена окончательно, да вдобавокъ къ тому, судьбу ея принуждены будутъ раздѣлять также Подолія и Волинь, которыхъ побѣдители уже заранѣе грозятъ не оставить въ нашемъ владѣніи. Само собою разумѣется, что это былъ бы ударъ, нанесенный въ сердце всей Россіи, которая не только перестала бы считаться великою державой, но и была бы недалеко отъ того, чтобы быть вычеркнутою изъ числа державъ европейскихкихъ. Итакъ, вотъ что значитъ Галиція для русскаго государства и русское государство для Галиціи! Обладаніе ею обезпечиваетъ будущее нашего государства и торжество въ ней русской народности на многія столѣтія; рѣшительное же закрѣпленіе ея, въ исходѣ войны съ Австріей, можетъ быть лишь соединено съ умаленіемъ границъ русскаго государства, съ конечнымъ сокрушеніемъ въ Европѣ русскаго могущества и съ поглощеніемъ беззащитной русской народности въ Червонной Руси польскою. И въ виду такой-то дилеммы, гдѣ рѣчь идетъ о судьбахъ русскаго государства, всего русскаго племени, приверженцы украинофильской теоріи говорятъ, что намъ нѣтъ никакихъ поводовъ заниматься галиційскимъ вопросомъ, а все, что касается прикарпатской Руси, должно быть дано на руки имъ, господамъ украинофиламъ! Видано - ли на свѣтѣ что-либо болѣе наивное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе притязательное въ политической партіи?

На этомъ мы пока останавливаемся, хотя и сознаемъ, что вопросъ о притязаніяхъ украинофильства требуетъ болѣе подробнаго и обстоятельнаго обсужденія. Но это—вопросъ очень щекотливый и не совсѣмъ удобный для оживленной полемики при данныхъ политическихъ условіяхъ. Мы и не затронули бы его, еслибы сочли себя въ правѣ оставить безъ всякаго от-

эта вызовъ, сдѣланный намъ изъ Кіева. Вызванные на эту бесѣду, мы сказали то, что составляетъ наше глубокое убѣжденіе и въ чемъ, мы увѣрены, съ нами не разойдутся и лучшіе представители русской образованности въ сѣверной, средней и южной Россіи. Любя свободу мнѣній, мы не перестанемъ относиться съ уваженіемъ къ почтеннымъ людямъ, философствующимъ о политикѣ съ своей провинціальной точки зрѣнія, но мы глубоко сожалѣли бы, еслибъ такая точка зрѣнія получила какое-нибудь распространеніе въ нашей печати, особенно способной запутываться въ вопросахъ, гдѣ ясное пониманіе и твердое рѣшеніе представляются всего необходимѣе.

В. Модестовъ.

Очерки Вѣны:

При самомъ прїѣздѣ въ Вѣну по сѣверной желѣзной дорогѣ «Ostbahn»,—по пути, ведущему въ нее изъ Петербурга черезъ Варшаву,—нетрудно предположить, что этотъ городъ долженъ отличаться великолѣпіемъ и изяществомъ своихъ построекъ: дебаркадеръ этой дороги—такое громадное и пышное зданіе, передъ которымъ даже лучшій изъ петербургскихъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ—Николаевскій—кажется простой, весьма скромной постройкой. Затѣмъ путь отъ сѣвернаго вѣнскаго бангофа по городу убѣждаетъ заѣзжаго, что жители Вѣны пользуются, начиная съ окраинъ столицы, однимъ изъ главныхъ удобствъ городского благоустройства—превосходною мостовой. Экипажъ легко, безъ толчковъ и даже безъ малѣйшей тряски, катится по улицамъ, гладко и плотно вымощеннымъ небольшими четырехугольными каменными плитами сѣро-бѣловатаго цвѣта, что, сверхъ удобствъ для ѣзды, придаетъ еще чрезвычайно опрятный и красивый видъ всѣмъ городскимъ улицамъ. Такой способъ мощенія представляетъ большое удобство и для пѣшеходовъ: во всей Вѣнѣ нѣтъ помину о булыжной мостовой, и пѣшеходы, пробираясь черезъ улицы и площади, а также проходя мимо домовыхъ воротъ, идутъ непрерывно по ровному каменному помосту. Чистота, въ которой постоянно содержатся тамъ не только главныя уллицы, но и самыя тѣсныя, отдаленныя отъ центра города переулки—просто поразительна, такъ что нѣтъ ни грязи, ни сорняки, а о тѣхъ зловоніяхъ и запахахъ, на какіе сплошь и рядомъ приходится наткаться въ Петербургѣ—не можетъ быть и рѣчи.

При первомъ общемъ взглядѣ на Вѣну, она несомнѣнно покажется бѣднѣе Петербурга. Надъ нею не блестятъ золотыя куполы церквей и не высятся такія золотыя иглы колоколенъ и башенъ, какія поднимаются надъ петропавловскою крѣпостью и главнымъ адмиралтействомъ. Тамъ скромная позолота чуть-чуть видѣется только на верхушкахъ двухъ колоннъ, поставленныхъ издавна передъ церковью св. Карла Борромейскаго, да изъ новѣйшихъ построекъ употреблена позолота,—впрочемъ весьма умѣренно и съ большимъ вкусомъ,—при наружной отдѣлкѣ зда-

нія, предназначеннаго для засѣданій имперскаго парламента. Золото на улицахъ Вѣны выставляется на показъ очень рѣдко: тамъ почти вовсе нѣтъ такихъ испещренныхъ золотыми буквами вывѣсокъ, какими обвѣшаны стѣны петербургскихъ домовъ; нѣтъ также огромныхъ золоченыхъ ботфортовъ, ни перчатокъ, ни кренделей съ золотыми коронами. Тѣмъ не менѣе, при скудости въ Вѣнѣ такихъ блестящихъ, — какъ червонныхъ, такъ и сусальныхъ уличныхъ украшеній, — она, какъ надобно полагать, имѣетъ въ наличности золота болѣе, нежели наша столица, такъ какъ, не смотря на разглашаемую плохоту австрійскихъ финансовъ, въ Вѣнѣ не только мѣстные бумажные гульдены, но и наши русскія бумажки, безъ всякаго затрудненія и безъ взиманія какого либо дополнительнаго лажа, обращаются по курсу въ настоящее золото.

Вѣна, — какъ почти всѣ древніе западно-европейскіе города, — раздѣляется на старый и новый городъ, или, какъ тамъ говорятъ, на внутренній и внѣшній. Такое раздѣленіе ей приличествуетъ не менѣе, какъ и тѣмъ европейскимъ столицамъ, извѣстія о которыхъ восходятъ еще ко временамъ римлянъ. Въ настоящее время, по своей древности, Вѣна занимаетъ первое мѣсто послѣ Рима и Парижа, существовавшаго еще во время цесаря Августа подъ названіемъ «Lutetia». Первыми обитателями Вѣны были винды или виндоны — отрасль кельтскаго племени — и по ихъ родовому имени римляне стали называть нынѣшнюю Вѣну — Виндобоною. При императорѣ Маркѣ Авреліи, умершемъ въ 147 году въ окрестностяхъ Вѣны, въ ней находилась на постаѣ когорта Фавіана, и поѣтому преемное названіе Виндобоны было замѣнено названіемъ «Фавіана». Въ продолженіе четырехъ столѣтій римляне владѣли Виндобоною, или Фавіаною, пока авары не отняли ее у нихъ. Отъ этихъ послѣднихъ она перешла къ германцамъ и въ 976 году была сдѣлана главнымъ городомъ восточнаго, или австрійскаго маркграфства. Первые, появившіеся въ Вѣнѣ, маркграфы были изъ фамиліи Бабенберговъ, отъ которыхъ Вѣна, какъ родовое наслѣдство, досталась Габсбургамъ. Съ самаго учрежденія маркграфства, Фавіана сдѣлалась нѣмецкимъ городомъ; въ ней стали во множествѣ селиться прибывавшіе изъ разныхъ городовъ Германіи нѣмецкіе купцы и нѣмецкіе ремесленники, и въ это время названіе «Фавіана» обратилось сперва въ названіе «Віана», потомъ Uiena и, наконецъ, въ нѣмецкое названіе «Wien». Слѣды былаго господства римлянъ въ Вѣнѣ встрѣчаются и нынѣ. Такъ, между прочимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь строится новый императорскій дворецъ и которое прежде было занято дворцовымъ садомъ, имѣющимъ подземное сообщеніе съ дворцомъ — находятъ въ землѣ относящіяся ко временамъ римлянъ стрѣлы съ бронзовыми остріями, разную до-

машинною утварь изъ такъ называемой «terra digillata»; нашлись тамъ также нынѣшнимъ лѣтомъ бронзовую пряжку и такую я пуговицу, отдѣланную эмалью, и слезницу римской поры, а такъ римскія монеты, чеканенныя во второмъ и третьемъ вѣкѣ. Падается здѣсь также не мало нѣмецкихъ монетъ и жетоновъ XVII и XVIII столѣтій, игральныя марки, кавалерскіе кресты и медали, жалованныя за отличіе. Находки эти дополняются бомбами разнаго калибра, отчасти разрядившимися, а отчасти оставшимися съ своей смертоносной начинкой. Однѣ изъ этихъ бомбъ относятся, вѣроятно, ко времени осады Вѣны въ 1683 году турками, которые громили городъ съ валенбергскихъ, прилегающихъ къ нему высотъ, а другія къ 1849 году, когда съ тѣхъ же высотъ князь Виндишгрецъ металъ бомбы въ непокорную передъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ столицу. Въ Вѣнѣ, еще въ XIV столѣтій, одна изъ площадей называлась старымъ «forum'омъ» а другая новымъ. Кромѣ того, до сихъ поръ еще на одномъ домѣ сохраняется надпись, указывающая, что на этомъ мѣстѣ во II вѣкѣ въ III вѣкѣ была римская преторія.

При Бабенбергахъ; а потомъ и при Габсбургахъ, Вѣна жила обычною для германскихъ городовъ средневѣковою жизнью. Трудлюбивые и промышленные тамошніе горожане, угнетаемые феодальными порядками, добивались разными путями самостоятельнаго городского общественнаго управленія, а владѣтельные особы и ихъ присные, въ свою очередь, разнообразили скромныя городской быть пышными праздниками, рыцарскими турнирами и другими потѣхами и увеселеніями. Нужно, однако, отдать справедливость Габсбургамъ въ томъ отношеніи, что они насаждали въ Вѣнѣ искусства и поэзію, приглашая къ себѣ художниковъ и «миннезингеровъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтитъ, что въ концѣ концовъ, Габсбурги, сознавъ ту пользу, какую могутъ приносить государству города, управляемые выборными представителями отъ городскихъ общинъ, даровали жителямъ Вѣны разныя права и преимущества, способствовавшія правильному и разностороннему развитію городской жизни. Приходилось, однако Вѣнѣ испытывать при Габсбургахъ и тяжкія времена: такъ, она много претерпѣла въ 1477 году отъ семейной вражды братьевъ маркграфовъ Фридриха, Альберта и Сигизмунда, и особенно въ 1485 г., по взятіи ея королемъ венгерскимъ Матвѣемъ Корвиномъ который хозяйничалъ тамъ въ продолженіе десяти лѣтъ, тогда какъ противникъ его, императоръ Фридрихъ IV, жилъ то въ Нейштадтѣ, то въ Грацѣ. Другіе враги Австріи тоже наносили не мало бѣдъ ей столицѣ: въ 1529 году осаждалъ ее, хотя и безуспѣшно, султанъ Солиманъ; при Фердинандѣ III, подъ стѣнами ея появились, въ 1648 году, шведы, а въ 1683 году происходила прославленная въ исторіи осада Вѣны великимъ визиремъ Ка

ра-Мустафою. Но особенно тяжки были для Вѣны нашествія французовъ, подъ предводительствомъ Наполеона, которому, какъ побѣдителю, Вѣна сдавалась дважды: въ 1805 и 1809 гг. Бурная юра 1848 года отозвалась и въ Вѣнѣ, которая объявила Габсбурговъ низложенными, такъ что нынѣшній императоръ Францъ-Иосифъ долженъ былъ вступить въ Вѣну, уже полуразрушенную австрийскими пушками. Но слѣды опустошеній, нанесенныхъ тогда городу, нынѣ совершенно исчезли, и Вѣна является теперь роскошно - изящнымъ и весело - оживленнымъ городомъ, съ 300,000 населенія, численность котораго еще въ 1875 году доходила только до 1,019,770. Въ настоящее время, въ Вѣнѣ считается 89 площадей, 1599 улицъ и 21,764 дома. Возрастаніе числа послѣднихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ еще въ 1875 году всѣхъ домовъ въ Вѣнѣ считалось только 1,726.

Первое впечатлѣніе, какое получаетъ заѣзжій въ Вѣну русскій, — при обращеніи отъ внѣшней обстановки города къ его обитателямъ, — заключается въ потерѣ познаній по нѣмецкому языку. Русскій, болѣе или менѣе хорошо владѣющій этимъ языкомъ, оказывается на первыхъ порахъ несостоятельнымъ по лингвистической части. Встрѣчные люди, къ которымъ онъ относится съ какимъ либо вопросомъ на томъ нѣмецкомъ нарѣчій, на какомъ говорятъ у насъ въ Петербургѣ, съ трудомъ понимаютъ его, а онъ, въ свою очередь, понимаетъ ихъ еще менѣе, слыша какіе-то гортанные отрывистые звуки. Впрочемъ, затрудненія подобнаго рода испытываютъ въ Вѣнѣ не одни только русскіе и иностранцы вообще, но и заѣзжіе въ Вѣну коренные нѣмцы изъ северной Германіи. Одинъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Вѣну, пруссакъ жаловался мнѣ, что онъ съ вѣнцами не можетъ говорить по-нѣмецки какъ слѣдуетъ, и вынужденъ бываетъ — какъ повторять свои вопросы, такъ равно и просить о повтореніи даваемыхъ на нихъ отвѣтовъ. У вѣнцевъ въ ходу ихъ собственное нарѣчіе, къ которому постепенно принаравливаются и обжившіеся въ Вѣнѣ чехи, поляки и другіе представители славянскаго племени. Да и вообще во всей Австріи говорятъ по-нѣмецки далеко не такъ, какъ говорятъ, напримѣръ, въ Берлинѣ или даже въ Бреславлѣ.

Затруднительность словесныхъ объясненій вѣнцы устраняютъ двойственною имъ чрезвычайной любезностью. Каждый встрѣчный очень охотно станетъ толковать со спрашивающимъ его иностранцемъ до тѣхъ поръ, пока не удовольствуется его своими объясненіями. Спросить когонибудь о чемънибудь на улицѣ — значитъ назваться на самую обязательную и милую услужливость. Вообще уличная вѣжливость и добродушная общительность доходитъ тамъ до высшей степени. Если ктонибудь — на гу-

лянь-ли, въ ресторанъ-ли, въ общественномъ-ли саду, и
нѣ-ли конножелезной дороги садится рядомъ—все равно.
мою или мужчиной—непремѣнно въ знакъ привѣтствія
ниметь шляпу и, уходя, сдѣлаетъ на прощанье то же сам
бы онъ съ своимъ сосѣдомъ или сосѣдкою не промол
одного слова. Конечно, такой обычай усваиваетъ и заѣз
Въну человѣкъ. Люди воинскаго званія соблюдаютъ та
обычай въ отношеніи публики. На каждомъ шагу тамъ
видѣть вниманіе одной личности къ другой. Такъ, напр
при входѣ когонибудь въ желѣзнодорожный вагонъ, ка
каждая старается усадить удобнѣе своего сосѣда. Хо
рядъ нѣсколькихъ человѣкъ, нахально сталкивающихся
съ тротуара,—въ Вѣнѣ поступокъ немислимый. На самы
голюдныхъ сборищахъ тамъ не бываетъ ни давки, ни
скиванья впередъ локтями и плечами. Каждый остается
мѣстѣ, которое онъ успѣлъ занять по времени своего
Такая уличная сдержанность поражаетъ насъ, петербур
привыкшихъ къ давкамъ, оттаптыванію ногъ, толчкамъ
ску и наваламъ. При чрезвычайной разноплеменности
го населенія, любопытно было бы знать: представители
именно племени завели такіе любезные порядки? Думает
что вѣжливость перешла къ вѣнцамъ отъ испанцевъ,
ныхъ изысканностью своего обращенія. Это могло пр
въ ту еще пору, когда Габсбурги владычествовали въ
и дворъ ихъ въ Вѣнѣ принималъ обычай этой страны,
чай двора перенимались населеніемъ столицы; но какъ
ни было, нельзя не признать, что вѣжливость и вниманіе
ности cadaго составляютъ отличительныя черты вѣнской
жизни.

Не можетъ также не броситься въ глаза заѣзшему чел
видимая достаточность средствъ вѣнскаго населенія, судя
одеждѣ, въ которой жители являются на улицахъ. Мы
римъ уже здѣсь объ изящныхъ женскихъ и мужскихъ на
но вообще, даже въ глухихъ мѣстностяхъ Вѣны, не при
встрѣчать не только оборванцевъ, но и людей плохо, или
говорятъ у насъ,—неприлично одѣтыхъ. Такъ, наприм
каждаго вѣнскаго извозчика, изъ-подъ его болѣе или менѣ
леватаго скюртука или пальто, виднѣются чистые воротн
манжеты, а на рукахъ надѣты замшевыя бѣлыя, не зал
ныя перчатки. Во всей Вѣнѣ не встрѣтится ни одинъ из
съ заплатою на платьѣ, да притомъ еще нашитой,—какъ
въ Петербургѣ,—по понужденію со стороны полиціи. Хо
на улицахъ или стояніе у воротъ въ одной рубашкѣ, ка
водится въ Петербургѣ, тамъ вовсе не въ обычай, и
уличный рабочій, даже каменщикъ, мостящій улицу.

прилично и чисто. Хорошо это или худо—это особый вопросъ, но во всякомъ случаѣ такая уличная обстановка свидѣтельствуетъ объ особомъ складѣ тамошней жизни. Уличной благовидности Вѣны немало способствуетъ и безусловное отсутствіе какъ нищихъ, такъ и пьяныхъ. Въ общественныхъ собраніяхъ не допускается никакихъ скандаловъ, такъ какъ сама публика, безъ содѣйствія полиціи, съумѣетъ вѣжливо-настойчивымъ образомъ сдерживать каждаго нахала, и потому нашимъ столичнымъ савра-самъ нельзя совѣтовать отпраиваться въ Вѣну для пріятнаго, по ихъ понятіямъ, препровожденія времени. Вообще на уличной жизни Вѣны лежитъ такой особый отпечатокъ, о которомъ не можетъ составить себѣ понятія не побывавшій тамъ житель Петербурга, а тѣмъ паче житель Москвы.

Улицы Вѣны оживляются, сверхъ гуляющихъ и проходящихъ, сильнымъ движеніемъ экипажей, но рысачниковъ тамъ не водится. Не существуетъ также и извозничьихъ пролетокъ, которыя замѣняются двухъ—или четырехмѣстными колясками, содержащими въ чрезвычайной чистотѣ и исправности. Цѣна за поѣздку въ этихъ экипажахъ, сообразно съ разстояніями, весьма умеренна. Кромѣ того, городъ прорѣзанъ во всѣхъ направленіяхъ къ его окраинамъ рельсами конно-железныхъ дорогъ, изъ которыхъ главная и центральная идетъ въ видѣ круга, опоясывающаго внутренней городъ. Вагоны чрезвычайно удобны и щелеваты, а поѣзды въ нихъ, соразмѣрно разстоянію, значительно дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ.

Вѣна, какъ старинный городъ, была окружена нѣкогда каменными стѣнами, земляными валами и глубокими рвами, но съ эти укрѣпленія стали постепенно входить въ городскую черту, а затѣмъ, какъ бесполезныя, подвергаться уничтоженію, и въ настоящему времени слѣды ихъ совершенно сгладились, а мѣста ихъ заняли или улицы, или площади. Старый городъ, въ которомъ дома большею частью перестроены на новый образецъ, остался однако при первоначальной распланировкѣ, и самая главная его улица, Ротентурмъ-штрассе, настолько узка, что по ней едва могутъ разъѣхаться два встрѣтившіеся экипажа. На пресѣченіи этой улицы съ Кертнеръ-штрассе находится нынче главная городская площадь съ знаменитымъ на ней соборомъ во имя св. Стефана. Упомянутая площадь, не смотря на то, что въ разное время съ нея было снесено много старинныхъ домовъ, занимаетъ весьма небольшое пространство, тѣмъ же несоразмѣрное съ громаднымъ храмомъ, который на ней обвѣшивается. На площади св. Стефана до 1783 года находилось надбище, упраздненное въ этомъ году, по повелѣнію императора Иосифа II, который, первый изъ всѣхъ европейскихъ государей,

признавъ вредъ, могущій происходить отъ устройства въ
внутри городовъ.

Соборъ св. Стефана принадлежитъ къ числу самыхъ
чательныхъ зданій не только въ Вѣнѣ, но и во всей
какъ по своей древности, такъ и по своей постройкѣ. По
ка его была начата еще въ 1244 году, но вслѣдствіе
пристроекъ можетъ считаться вполнѣ оконченною то
1839 году. Время, пожары и бури нерѣдко разрушали
мыя пристройки и производимыя поправки, хотя, соб
главная часть храма была окончена еще въ 1395 году.
но много было хлопотъ съ башнею или колокольнею, кот
настоящее время достигаетъ до 432 метровъ и 6 верши
соты. Такъ какъ постройка храма тянулась очень долго
немъ сохранились черты двухъ господствовавшихъ въ
архитектурныхъ вкусовъ, а также и ихъ переходное в
потому соборъ св. Стефана является смѣсью готическо
тектуры съ романской, не говоря уже о разныхъ допо
со стороны разновремененно строившихъ и исправлявш
водчихъ. На видящаго первый разъ это зданіе, оно прои
сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ гро
и даже какъ будто приземистымъ храмомъ поднимает
точно уносится въ небо его легкая, причудливой по
башня. Крыша храма составлена изъ разноцвѣтной изр
мозаики, изображающей разные узоры, и, между прочи
сунки громадныхъ австро-императорскихъ орловъ. На
стѣны храма и башни украшены великолѣпно, тесани
камня работою, въ видѣ узоровъ и иглъ, то острыхъ, то
ленныхъ, причемъ нижняя часть вѣнскихъ стѣнъ цер
крыта каменными плитами, гласящими о лицахъ, и
ныхъ около этихъ стѣнъ. Плиты, вдѣланныя въ стѣны, с
частью растрескались и вывѣтрились, и это понятно, та
инныя изъ нихъ находятся на своихъ мѣстахъ болѣе пя
лѣтій. Между этими надгробными памятниками встр
плита, гласящая объ увѣнчанномъ придворномъ поэтѣ,
Цельтесѣ, умершемъ въ 1508 году. Наше практическо
сдѣлано изъ башни св. Стефана,—съ вершины которой
вается прелестный видъ не только на весь городъ, но
отдаленныя отъ него мѣстности,—весьма полезное употре
на этой башнѣ находится постоянно сторожъ, который, а
пожаръ, даетъ знать городскимъ пожарнымъ командамъ
ствожъ электрическаго телеграфа. На башнѣ св. Стеф
ситъ и набатный колоколь, помѣщенный тамъ еще въ
ду. Вдобавокъ къ этому, на самомъ концѣ башенно
поставленъ въ 1864 году вызолоченный двухглавый оре
торый своими поворотами показываетъ направленіе въ

Внутренность собора величественна. Въ немъ находится много художественныхъ произведеній, какъ живописи, такъ и скульптуры, относящихся, между прочимъ, къ началу XVI столѣтiя. Соборная сокровищница наполнена разными драгоценностями и древними святынями, которыя въ извѣстные праздники выставляются на главномъ алтарѣ, дабы имъ могли поклоняться вѣрующіе. Подъ однимъ изъ алтарей находится усыпальница герцоговъ австрійскихъ, гдѣ ихъ хоронили въ промежутокъ времени между 1356 и 1576 годами. Въ настоящее время, въ эту усыпальницу ставятъ въ серебряныхъ урнахъ внутренности бальзамируемыхъ покойниковъ изъ императорской фамиліи.

Осматривая внутри храмъ св. Стефана, нельзя не обратить вниманія на громадный, изъ красноватаго мрамора, саркофагъ императора Фридриха III. Онъ былъ начатъ въ 1467 и оконченъ въ 1513 году вѣнскимъ ваятелемъ Дихтеромъ, и можно сказать, что великолѣпный этотъ памятникъ представляетъ своего рода чудо, по игривой фантази, по изумительно-тонкой отдѣлкѣ фигуръ и изображеній. Къ замѣчательнымъ художественнымъ произведеніямъ, находящимся въ соборѣ св. Стефана, слѣдуетъ отнести и надгробный памятникъ принца Евгенія Савойскаго, бюстъ папы Павла II, нѣсколько рѣзныхъ произведеній изъ дерева, украшенія на проповѣднической кафедрѣ, нѣсколько картинъ и фресокъ, и превосходную въ окнахъ новѣйшую живопись на стеклѣ, отчасти французской, преимущественно же мѣстной, вѣнской работы.

Замѣчательною принадлежностью собора св. Стефана считаются катакомбы, находящіяся подъ нимъ и далеко переходящія за черту не только его постройки, но и всей площади; входъ въ нихъ доступенъ только обществу, состоящему не мене какъ изъ 8 человекъ, и притомъ съ платою 8 гульденовъ. Нельзя однако не сказать, что такое затрудненіе—какъ одновременный подборъ посѣтителей и высокая плата—установлены, безъ всякаго сомнѣнія, съ тою цѣлю, чтобы придать важность посѣщенію катакомбъ, которыя въ сущности не представляютъ ничего замѣчательнаго, кромѣ темныхъ подваловъ и мрачныхъ подземныхъ ходовъ, гдѣ лежатъ пожелтѣлые отъ времени обобы и кости, и стоятъ старыя, то открытыя, то закрытыя гробы.

Изъ подземныхъ достопримѣчательностей Вѣны несравненно большаго вниманія заслуживаетъ находящаяся подъ церковью отцовъ-капуциновъ усыпальница членовъ габсбургско-лотарингскаго дома.

Надобно замѣтить, что эти особы не предавались и не предаются землѣ, въ прямомъ смыслѣ слова, — какъ обыкновенныя смертныя,—но тѣла ихъ, послѣ набальзамированія, полагаются въ металлическіе гробы, которые потомъ ставятся въ

болѣе или менѣе великолѣпныя мраморныя или бронзовыя гробницы, а ключи отъ этихъ гробницъ хранятся въ такъ называемой «шаткемеръ», или сокровищницѣ императорскаго дома, въ особомъ изящно-отдѣланномъ ларцѣ. Усыпальницу для Габсбурговъ подъ церковью оо. капуциновъ устроилъ, въ началѣ XVII столѣтїя, императоръ Фердинандъ II. Онъ первый улегся тамъ, а за нимъ послѣдовалъ длинный рядъ его преемниковъ, которые и лежатъ съ своими супругами за желѣзными рѣшетками вдоль стѣнъ довольно длиннаго и темнаго коридора. Коридоръ этотъ весьма слабо освѣщается восковымъ свѣчю, которую несетъ въ рукахъ капуцинъ, показывающій усыпальницу и дающій посѣтителемъ надлежащїя объясненїя. При мракѣ, наполняющемъ эту часть усыпальницы, нельзя разсмотрѣть въ цѣлости находящїяся тамъ гробницы, но по освѣщаемымъ ихъ частямъ можно замѣтить, что онѣ большею частїю принадлежатъ къ числу образцовыхъ художественныхъ произведенїй такого рода. Къ коридору примыкаетъ большая и довольно свѣтлая съ круглымъ сводомъ зала, посреди которой находится громаднѣйшїй мраморный саркофагъ императрицы Марїи Терезїи и ея мужа, императора Франца I. Въ этой же комнатѣ, у окна, стоятъ простыя гробницы всѣхъ ея дочерей, нѣтъ только здѣсь гробница обезглавленной королевы французской Марїи-Антуанеты. Въ слѣдующей залѣ, по правую руку отъ входа, стоитъ тоже большая гробница императора австрїйскаго Фердинанда I, а около стѣны помѣщены простыя бронзовыя, почернѣвшїя гробницы его дочери Марїи-Луїзы, супруги Наполеона I, и ихъ сына, герцога Рейхштадтскаго, первоначально провозглашеннаго королемъ римскимъ. Въ сосѣдней комнатѣ поставлена не отличающаяся изяществомъ гробница разстрѣленнаго въ Мексикѣ императора Максимилиана. Въ ея изголовьѣ и на крышкѣ лежитъ множество увядшихъ вѣнковъ изъ цвѣтовъ и зелени, а также и серебряный вѣнокъ, съ разноцвѣтными при нихъ широкими лентами, на которыхъ вышиты разныя, болѣе или менѣе трогательныя надписи на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и испанскомъ. Отверстїе въ гробницѣ, откуда черезъ стекло можно было видѣть лицо умершаго, задѣлано нынѣ черною бархатной подушкой. Въ особой четвертой, самой просторной залѣ наставлено много бронзовыхъ и мѣдныхъ гробовъ и гробиковъ съ тѣлами эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь. Всего въ капуцинской усыпальницѣ находится теперь 109 гробницъ; изъ нихъ въ одной только положена покойница, не принадлежавшая къ габсбургско-лотарингскому дому, а именно—графиня Фуксъ, самая задушевная прїятельница императрицы Марїи-Терезїи, которая не захотѣла разстаться съ нею и послѣ смерти.

Доступъ въ эту усыпальницу нисколько не затруднителенъ,

и показывающій ее монахъ довольствуется незначительною платою, которая предлагается ему въ видѣ добродѣтельнаго даянiя на пользу обители.

Посѣтивъ Габсбурговъ въ ихъ послѣднемъ, вѣчномъ и тихомъ убѣжищѣ, не мѣшаетъ посмотреть и на ихъ надземное царственное жилище—на ихъ вѣнскій дворецъ, или такъ называемый Гофъ-Бургъ, представляющій старинную, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже и древнюю, своеобразную постройку.

Первоначальные владѣтели Вѣны, Бабенберги, построили себѣ дворецъ сперва на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится зданiе военнаго министерства, о чемъ упоминаетъ сдѣланная на этомъ зданiи надпись. Но еще въ началѣ XIII столѣтiя, одинъ изъ представителей этой династiи, герцогъ и маркграфъ Леопольдъ VII, выстроилъ для себя новый дворецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ часть императорскаго гофъ-бургскаго дворца. Отъ прежняго зданiя уцѣлѣла теперь часть башни и дворцовой капеллы, построенной еще въ 1449 году и нынѣ совершенно заслоненной позднѣйшими пристройками. Главная же часть нынѣшняго Гофъ-Бурга была построена въ 1552 году. На ней красуется извѣстный девизъ императора Фридриха III, состоящiй изъ всѣхъ гласныхъ буквъ латинскаго алфавита, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ: А, Е, I, О, U, которые означаютъ: «*Austriae est imperege orbi universo*», т. е. Австрiи достойтъ управлять всею вселенной. Девизъ,—надобно сказать—не слишкомъ скромный, но соответствовавшiй тогдашнимъ понятiямъ о санѣ римскаго императора, который преемственно, хотя и по избранiю, носили владѣтели Австрiи изъ Габсбургскаго дома въ продолженiе болѣе двухъ вѣковъ.

Гофъ-Бургъ, сохранившiйся въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ устроенъ въ исходѣ прошлаго столѣтiя, далеко уступаетъ Зимнему дворцу въ Петербургѣ и по своей внѣшности и по своему внутреннему устройству; въ немъ нѣтъ высокихъ и обширныхъ залъ, за исключенiемъ лишь одной, помѣщающейся въ позднѣйшей пристройкѣ, но и эта зала не отличается особо пышностью. Въ ней бываютъ придворные балы, а также происходятъ открытiе и закрытiе рейхсрата съ произнесенiемъ тронныхъ рѣчей. Самымъ дорого-стоющимъ предметомъ убранства въ этой залѣ можно считать громадныя серебряныя, въ полтора человѣческаго роста, два канделябра, стоящiе по бокамъ входныхъ дверей; оказывается однако, что эти канделябры не имѣютъ вовсе той цѣнности, какую имъ можно дать по ихъ виду, такъ какъ они—деревянныя, съ наведеннымъ на нихъ листовымъ серебромъ. Настоящiе же серебряныя, точно такiе же канделябры были, въ трудную для Австрiи пору, отправлены на монетный дворъ и тамъ обратились въ ходячую монету. Такое

распоряженіе имѣеть поучительный смыслъ, такъ какъ онъ казываетъ, что представительность можетъ обходиться и лежащаго мертвымъ капитала. Подобная же подиѣна грома, убранства, въ видѣ хоровъ, — отлитыхъ когда-то изъ настоя сребра, — деревянными, съ серебряною только облицовкою ла сдѣлана и въ берлинскомъ дворцѣ при королѣ Фридрихѣ Великомъ, и нынѣ императоръ Вильгельмъ вполне довольствуется такою замѣною. Парадные комнаты императорскаго дворца нынѣ поражаютъ чрезвычайнымъ однообразіемъ: за исключеніемъ одной изъ нихъ, отдѣланной въ золотисто-желтый цвѣтъ, всѣ, какъ и мебель, обиты малиновымъ штофомъ. Картины очень не много, да и тѣ не отличаются особымъ достоинствомъ за исключеніемъ развѣ мозаичныхъ, вывезенныхъ изъ Италіи представляющихъ превосходные образцы искусства. Познакомившись не слишкомъ слѣпить глаза. Развѣшанныя по стѣнамъ картины не представляютъ ничего особеннаго, а вытканныя на нихъ картины изображаютъ побѣды австрійцевъ надъ турками. Вообще можно сказать, что главный вѣнсскій дворецъ не отличается посѣтителемъ своимъ великолѣпіемъ и роскошью, и свѣтъ имѣеть видъ помѣщенія богатаго частнаго человѣка, не имѣющаго хотя и мнимыхъ преемниковъ римскихъ кесарей. Находящаяся въ другой дворцовой пристройкѣ большая зала предоставляется для баловъ, даваемыхъ по временамъ императору австрійскимъ дворянствомъ, и для выставокъ, устраиваемыхъ разными благотворительными обществами.

Къ особымъ дворцовымъ постройкамъ принадлежитъ также обширная придворная бібліотека, но она, по полученіи изъ дворцовой канцеляріи дозволенія, доступна для занятій и частныхъ лицъ; въ ней сохраняется до 500,000 томовъ и до 300,000 разныхъ картинъ и гравюръ. Основана она въ началѣ XVI вѣка.

Въ настоящее время, императоръ Францъ-Іосифъ, болѣе любитель построекъ, строитъ въ виду Гофъ-Бурга, на счетъ своихъ средствъ, новый дворецъ, который будетъ принадлежать ему на правѣ частной собственности. Говорятъ, что при изысканіи архитектуры и обстановки, новый дворецъ будетъ въ сущности только комфортабельно-устроеннымъ домомъ, той великолѣпной отдѣлки и безъ того роскошнаго убранства, какихъ можно было бы ожидать въ царственномъ жилищѣ. Чести Франца-Іосифа должно сказать, что онъ весьма значительную сумму изъ своихъ собственныхъ, нынѣ ограниченная конституціею денежныхъ средствъ, употребилъ на постройки нынѣ двухъ громадныхъ и великолѣпныхъ, стоящихъ одиѣнъ другъ отъ друга зданій, предназначенныхъ для музеевъ. Зданія эти несовсѣмъ еще отдѣланы, но на одномъ изъ нихъ уже видна такая нѣмецкая надпись: «Природѣ и ея изслѣдователямъ»

Францъ-Иосифъ». Здѣсь будутъ помѣщены коллекціи, относящіяся къ естественнымъ наукамъ. На другомъ зданіи видна надпись о посвященіи его Францомъ-Иосифомъ искусствамъ и древностямъ: здѣсь будутъ разставлены соотвѣтствующія коллекціи, находящіяся нынѣ въ разныхъ зданіяхъ и считающіяся дворцовой собственностью. На площади, между этими величественными зданіями, будетъ поставленъ памятникъ Маріи-Терезіи, а около музеевъ устраиваютъ скверы съ великолѣпными фонтанами. Когда всѣ предполагаемыя постройки будутъ совершенно окончены, то мѣстность эта станетъ одною изъ красивѣйшихъ площадей во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ этой площади оканчиваются нынѣ постройкою три замѣчательныя зданія: рейхсратъ, городская ратуша и университетъ. И какимъ изящнымъ вкусомъ отличаются всѣ эти новыя сооруженія. Зданіе рейхсрата построено въ древнемъ греческомъ стилѣ съ портикомъ, а на его фронтонѣ будетъ помѣщено изваянное изъ мрамора изображеніе Франца-Иосифа, дающаго конституцію подвластнымъ ему народамъ. По обѣимъ сторонамъ портика идетъ атріумъ, состоящій изъ 24 колоннъ коринтскаго ордена, вытесанныхъ изъ монолитовъ, имѣющихъ въ вышину 30 футовъ. На крышѣ, по угламъ зданія, будутъ поставлены «квадриги»,—древнія римскія колесницы, съ запряженной въ каждую изъ нихъ четвернею скачущихъ во весь опоръ коней. Колесницы эти будутъ служить эмблемою министерствъ, причемъ, безъ всякаго сомнѣнія, прыть коней должна означать ретивость министерскихъ чиновъ, и подданные австрійскаго императора могутъ утѣшаться тѣмъ, что бронзовые кони, пущенные однажды вскачь, не могутъ уже ни остановиться, ни попятиться назадъ. Въ этомъ же зданіи будутъ помѣщены: бюро, или канцелярія рейхсрата, а также клубъ и залы, назначенныя для частныхъ собесѣдованій членовъ этого представительнаго собранія, и приемныя президентовъ обѣихъ палатъ.

Зданіе ратуши находится по близости со зданіемъ рейхсрата. Оно построено въ видѣ средневѣковыхъ итальянскихъ палаццо съ высокою, надъ серединою его, башнею, и отличается великолѣпною лѣстницею и громадными залами для торжественныхъ случаевъ. Кромѣ того, здѣсь находятся прекрасныя залы для общихъ собраній членовъ городского управленія и для засѣданій городского совѣта. Въ подвальномъ этажѣ устроенъ обширный винный погребъ, такъ что спустившіеся туда депутаты могутъ, безъ особыхъ затрудненій и промедленій, утолить свою жажду. Такою удобство, при воздержности и разумности городскихъ представителей Вѣны, едва-ли можетъ возбудить какое-либо опасеніе

насчетъ учиненія ими, въ подшитіи, какихъ-либо скандаловъ и безчинствъ.

Вѣнскій университетъ, основанный въ 1365 году герцогомъ Рудольфомъ IV, принадлежитъ къ древнѣйшимъ въ Европѣ учрежденіямъ этого рода и, по времени его открытія, считается вторымъ германскимъ университетомъ, уступая первое мѣсто Гейдельбергскому.

Новое зданіе для университета построено въ строгомъ стилѣ итальянскаго возрожденія. Оно очень обширно и, кромѣ аудиторій, заключаетъ въ себѣ особыя залы для государственныхъ экзаменовъ и для диспутовъ на ученые степени, галлерей для музеевъ и коллекцій, «аулу» для торжественныхъ собраній и особыя залы для совѣщаній, подъ предсѣдательствомъ какъ ректора, такъ и декановъ. Огромное помѣщеніе назначено для университетской библіотеки, съ обширною читальною залою, имѣющею 400 мѣстъ. И надъ портикомъ этого зданія будетъ поставлена также квадрига, конечно, какъ аллегорія, намекающая на то, что науки помчатся впередъ съ необычайною быстротою.

Но и помимо этихъ новѣйшихъ зданій, представляющихъ превосходные образцы современнаго строительнаго искусства, Вѣна богата роскошными постройками, не только государственнымъ и общественнымъ, но и принадлежащими частнымъ лицамъ. Правда, въ столицѣ австрійской монархіи не встрѣчается такихъ громадныхъ по протяженію зданій, какія существуютъ въ Петербургѣ, какъ, напримѣръ, главный штабъ, главное адмиралтейство, сенатъ, университетъ и другія. Тамъ почти нѣтъ шестнадцатиэтажныхъ домовъ, да и пятиэтажные дома довольно рѣдки, но меньшіе размѣры высокихъ построекъ, сравнительно съ петербургскими, и придаютъ Вѣнѣ болѣе красивый видъ. Глазъ не утомляется чрезмѣрнымъ протяженіемъ постройки въ одну линію, безъ всякихъ переломовъ и изгибовъ, но безпрестанно встрѣчаетъ разнообразіе и въ очертаніяхъ, и въ отдѣлкѣ, и въ краскахъ, и въ стиляхъ. Кромѣ того, умѣренное протяженіе построекъ вдоль одной и той же улицы, а также и умѣренная ихъ высота даетъ возможность обозрѣть въ общей цѣлости и наружный фасадъ зданія, и находящіяся на немъ архитектурныя украшенія, начиная снизу и доходя до крышъ, которыя обыкновенно заставлены изящными рѣшетками и балюстрадами, съ поставленными на нихъ статуями и вазами. Новые дома частныхъ лицъ построены въ Вѣнѣ до того изящно, что представляются какими-то дворцами. Только самыя лучшіе дома новой постройки, находящіяся въ разбросъ по Петербургу, даютъ понятіе о той роскоши, какими отличаются всѣ новыя постройки въ Вѣнѣ. Напримѣръ, на Рингъ-штрассе. Красотѣ этой улицы не мало содѣйствуетъ еще и то, что она, при своей ширинѣ, не тянется

утомительно, какъ Невскій проспектъ, только по прямой линіи, и, кромѣ того, она безпрестанно пересѣкается направляющимися въ нее боковыми улицами, широкими перекрестками, площадями, фонтанами, статуями и сиверами. Немало придаетъ благообразія лучшимъ вѣнскимъ домамъ и то, что они не обвѣшаны, какъ въ Петербургѣ, огромными, подходящими подъ крыши, вывѣсками, и изящная отдѣлка этихъ домовъ представляется во всей полнотѣ.

Надобно замѣтить, что въ Вѣнѣ живутъ никакъ не просторнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Между тѣмъ оказывается, что, за исключеніемъ разныхъ казенныхъ и общественныхъ зданій, самый большой изъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, вмѣщаетъ въ себя только 1256 челов., и затѣмъ находится лишь по одному такому дому, въ которомъ живутъ по 815, 809 и 605 обитателей. Въ Петербургѣ же есть частные дома, изъ которыхъ въ одномъ живутъ 1567 человекъ, и 9 такихъ, населеніе которыхъ доходитъ отъ 1050 до 1246 человекъ, а затѣмъ можно насчитать до двухъ десятковъ такихъ домовъ, тоже не казенныхъ и не общественныхъ, въ которыхъ число жильцовъ превышаетъ, болѣе или менѣе, 600 душъ.

Замѣчу встать, что въ Вѣнѣ ни на одномъ зданіи, въ которомъ помѣщается какое-либо высшее государственное учрежденіе, нѣтъ соотвѣтствующей тому надписи. Объяснить это, кажется, можно тѣмъ, что при надписи такого рода правительство было бы поставлено, въ отношеніи языковъ, въ щекотливое положеніе, такъ какъ въ данномъ случаѣ, при однихъ только нѣмецкихъ надписяхъ, мадьяры могли бы потребовать, чтобы надпись сдѣлана была и по-венгерски; а за мадьярами, пожалуй, и поляки, и чехи, и русины вздумали бы предъявить подобныя же притязанія. Поэтому, вѣроятно, для избѣжанія такихъ требованій, зданія, занятые въ Вѣнѣ общими государственными учрежденіями, остаются безъ всякихъ надписей. Зато немало — но только на латинскомъ языкѣ — встрѣчается надписей на казенныхъ зданіяхъ, и притомъ надписей довольно пространныхъ и краснорѣчивыхъ. Есть даже надписи и въ поучительно-государственномъ смыслѣ. Такъ, наприимѣръ, надъ главной гауптвахтой, построенной передъ Гофъ-Бургомъ, блеститъ слѣдующая, изображенная золотыми буквами, надпись: «*Justitia est regnum fundamentum*» т. е. правосудіе есть основа царствъ, чѣмъ, конечно, доказывается необходимость устройства этой кутузки, передъ дворцомъ нѣмецкаго кесаря, въ видѣ римской преторіи.

Пріятнымъ для глазъ отдохновеніемъ служить въ Вѣнѣ изобиліе зелени, хотя и надобно сказать, что бульвары на Рингъ-штрассе не отличаются роскошною растительностью. Въ Вѣнѣ на улицахъ преимущественно сажаютъ бѣлыя акаціи, дости-

гающія значительной высоты. Садовъ, скверовъ и парковъ много, но только не въ старинномъ городѣ, который представляетъ плотную массу каменныхъ зданій, прерываемую площадями, украшенными изящными фонтанами. Самая зеленая мѣстность въ этой части Вѣны — площадь, или, какъ сказать, широкая, но не длинная улица, называемая Грабенъ. Въ русскомъ переводѣ названіе это не очень заманчиво, такъ оно напоминаетъ о нѣкогда существовавшемъ здѣсь кладбищенѣ, обратившемся давнымъ-давно въ мѣсто любимой вѣнскими жителями городской, особенно вечерней прогулки. Съ перваго взгляда Грабенъ напоминаетъ нашу Большую Морскую, но стоитъ немного приглядѣться и сходство это исчезаетъ. Роскошныя дѣлки и богатые выставки магазиновъ, находящихся на Грабенѣ, замѣна многихъ, существующихъ на Большой Морской, новыхъ домовъ — шеголеватыми постройками, болѣе широкіе и совершенно ровные тротуары и вся мостовая изъ небольшихъ каменныхъ четверугольныхъ плитъ, отсутствіе булыжныхъ подвальныхъ сходовъ заставляютъ отдать Грабену предпочтеніе передъ одной изъ самыхъ шеголеватыхъ улицъ нашей столицы. Благодаря къ этому, Грабенъ украшенъ двумя старинными фонтанами, между которыми возвышается поражающій своею своеобразіемъ и изяществомъ памятникъ во имя св. цы — Dreifaltigkeit Säule. Этотъ, въ высшей степени красивый памятникъ былъ воздвигнутъ императоромъ Леопольдомъ I въ память опустошавшей Вѣну и прекратившейся въ 1794 году моровой язвы. Онъ представляетъ высокій столбъ изъ лаго мрамора, составленный въ видѣ облаковъ, среди которыхъ будто парятъ изваянные изъ такого же мрамора херувимы, ангелы и архангелы. На вершинѣ столба изображенъ, средолотаго сіянія, Св. Духъ въ видѣ голубя, а подъ нимъ возсѣлъ Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ. Въ верхней части подножія, восторгомъ утверждёнъ столбъ, представленъ изъ мрамора и преклоненный и молящійся императоръ, а въ нижней — Божья дѣва, а подлѣ нея ангелъ, который направляетъ пылающій огонь на лежащую на землѣ язву, изображенную въ видѣ страшнаго бразной старухи. Это произведеніе нѣмецкаго рѣзца и фонтаниста придають Грабену видъ прекрасной театральной декорации.

Вообще Вѣна богата уличными памятниками. Въ ней видѣются конныя изваянія императоровъ Юсіафа II, австрійскаго полководцевъ: эрцгерцога Карла, принца Евгенія Савойскаго, князя Шварценберга, и статуя громаднхъ размѣровъ, изображающая во весь ростъ императора Фердинанда I. Накладывается предполагать къ скорой постановкѣ памятникъ сидящаго на тронѣ императрицы Маріи Терезіи, съ разставленными по сторонамъ пьедестала этого памятника военными и гражданскими

ими ея царствованія, будетъ отличаться, судя по рисункамъ, чрезвычайнымъ великолѣпьемъ. Кромѣ этихъ памятниковъ, Вѣна украшена еще памятниками въ честь Шиллера, Бетховена, Шурера и своего извѣстнаго бургомистра Зеленки. Къ памятникамъ особаго рода слѣдуетъ отнести и построенныя въ Вѣнѣ вѣнскія церкви. Одна изъ нихъ сооружена императоромъ Карломъ VI, во имя св. Карла Борромейскаго. 22-го октября 1713 года, императоръ далъ обѣтъ, что онъ, по прекращеніи свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, построить храмъ во имя своего патрона, и знаменитый вѣнскій зодчій, Фишеръ фонъ-Эрлахъ, роженецъ Праги, осуществилъ этотъ обѣтъ самымъ блестящимъ образомъ. Рѣдко можно встрѣтить что-нибудь подобное этому, не слишкомъ обширному, но величественному храму. Закладка его происходила въ 1716 году, а въ 1737 году постройка была кончена. Замѣчательна чрезвычайная дешевизна этого сооружения даже для той поры, такъ какъ вся она обошлась только въ 204,045 флориновъ 22½ крейцера, хотя, по всей вѣроятности, ни одна изъ европейскихъ столицъ не отказалась бы имѣть въ своей чертѣ подобное зданіе съ уплатою за него хотя бы свыше милліона. Другая церковь, — такъ называемая «Votivische» — построена въ недавнее время, въ память спасенія жизни императора Франца-Иосифа при покушеніи на него венскаго Либени въ 1853 году. О постройкѣ этой церкви, во имя Спасителя, старался въ особенности братъ императора, эрцгерцогъ Максимилианъ, впоследствии злосчастный императоръ мексиканскій. На этотъ предметъ собрано было въ короткое время частныхъ пожертвованій 1.300,000 флориновъ, не считая разныхъ цѣнныхъ приношеній для внутренняго украшенія храма. На постройку его было представлено 75 конкурсныхъ программъ, а выборъ изъ нихъ одной наилучшей былъ предоставленъ королю баварскому Людвигу, извѣстному любителю и знатоку изящныхъ искусствъ, — надобно отдать полную справедливость вкусу этого судьи. 4-го апрѣля 1856 года, была заложена эта церковь, оконченная постройкою только въ 1879 году, и теперь на Максимилиановской площади высится большой храмъ, архитектурною красотою котораго нельзя достаточно налюбоваться. Не говоря уже объ изящномъ очертаніи въ готическомъ вкусѣ, вся внѣшняя отделка — верхъ совершенства: онъ какъ будто весь покрытъ изящнымъ кружевомъ, высѣченнымъ изъ камня. Внѣшней, потрясающей красотѣ этого храма вполне соответствуетъ и внутренняя его отделка.

Вообще католическія церкви въ Вѣнѣ, какъ старинныя, такъ новыя, отличаются изяществомъ постройки, но зато церкви другихъ исповѣданій не представляютъ ничего замѣчательнаго ни въ архитектурномъ, ни въ историческомъ отношеніяхъ, хотя

и была пора, когда въ Вѣнѣ начинало господствовать замѣтно церковно-протестантское направленіе. Въ это время, среднее сословіе въ Вѣнѣ отличается замѣтною снотью: католическія церкви не только по воскресеньямъ и ники бывають наполнены молящимися, но немало быв тамъ и въ будни. У вѣнскихъ католиковъ суц нашъ православный обычай ставить въ церквахъ снот ихъ ставятъ не передъ самымъ образомъ, а нѣсколькороизъ, на особо стоящихъ огромныхъ подсвѣчникахъ. этотъ начинается въ Варшавѣ, дѣлается замѣтнѣе въ наконецъ въ Прагѣ, около гробницы Яна-Непомука, свѣчей нисколько не менѣе, чѣмъ у насъ передъ особо иконами и мощами. Въ Вѣнѣ, съ самаго ранняго утра, мусердныхъ католиковъ, преимущественно католическѣ томъ молодыхъ, изъ отправляющихся, какъ видно, вща, заходятъ въ церковь, чтобъ помолиться. Осевѣнскихъ католиковъ, въ отличіе отъ другихъ ихъ снот певъ, заключается въ томъ, что они сперва крестятъ потомъ лобъ и потомъ ротъ, давая тѣмъ разумѣть, что разумъ и слово исходятъ изъ одного божественнаго и. Но молитвенному ихъ настроенію не чуждо суевѣрусерднѣе молятся они передъ деревяннымъ, грубо и дливо вытесаннымъ изображеніемъ распятаго Христа, на ся у одной изъ стѣнъ собора св. Стефана—съ привородию изъ настоящихъ человѣческихъ волосъ, и они между прочимъ, что волосы эти отпадаютъ по време что! потомъ, взаимнѣ ихъ, чудодѣйственной силою ютъ новые...

Изъ иновѣрческихъ—по отношенію къ католическѣ мовъ, лучше всѣхъ устроена православно-греческая цер пня св. Троицы. Юсифъ II, первый изъ австрійскихъ г дозволить въ своей столицѣ свободное отправленіе б нія по православно-восточному обряду, и устроенная немъ, въ домѣ графа Штокгаммера, греческая церковн лась въ первоначальномъ невзрачномъ видѣ до 1858 тѣхъ поръ, когда одинъ изъ богатѣйшихъ вѣнскихъ б баронъ Сина, родомъ грекъ, приобрѣтя этотъ домъ, часть его фасада въ церковь, устроивъ надъ нею башн поломъ и крестомъ. Внутренность церкви отдѣлана ве на счетъ щедрыхъ пожертвованій православнаго банк же касается православной русской церкви, то она въ замѣтна, такъ какъ пріютилась въ наемномъ дом безъ всякихъ «внѣшнихъ оказательствъ», какъ у насъ ничья моельни. Постоянныхъ русскихъ прихожанъ он етъ, потому что изъ русскихъ, кромѣ нѣсколькихъ

въ, принадлежащихъ къ нашему посольству, и представителей ихъ торговыхъ русскихъ фирмъ, никто не живетъ осѣдло въ нѣ. Богомольцы въ этой церкви бываютъ обыкновенно православные славяне, но и тѣхъ оказывается очень немного, будто бы въ страха преслѣдованія за приверженности къ православію...

Для насъ русскихъ, въ религиозно-политическомъ отношеніи, вѣтъ, конечно, важное значеніе упраздненная нынѣ въ предѣлахъ Россіи уніатская церковь, къ которой принадлежать почти въ галиціи русины. Въ Вѣнѣ уніаты имѣютъ небольшой, но ень благолѣпно устроенный храмъ, при уніатской духовной семинаріи. Судя по тому, что приходится видѣть и слышать въ этомъ храмѣ, должно предполагать, что австро-католическое начальство нисколько не стѣсняетъ свободы богослуженія по восточному обряду и далеко отъ мысли приблизить его къ латинству. Сливаясь по догматамъ съ римскою церковью, уніаты сохраняютъ въ Вѣнѣ греческую, или, вѣрнѣе сказать, восточно-русскую богослужебную обрядность, съ небольшими лишь степенными отклоненіями, даже меньшими, нежели тѣ, которыя допущены уже у насъ въ настоящее время. Православный русский, войдя въ вѣнскую уніатскую церковь, не замѣчаетъ ничего, напоминая бы ему о католичествѣ. Въ ней находится прекрасный иконостасъ, безъ боковыхъ католическихъ престоловъ, въ ней нѣтъ органа и богослуженіе отправляется только пѣніемъ, безъ инструментальной музыки. Поютъ тамъ стариннымъ кievскимъ напѣвомъ, хотя русины и утверждаютъ, что это ихъ собственный мѣстный напѣвъ. Богослуженіе совершаютъ по книгамъ старинной московской печати, такъ что въ вѣнской церкви встрѣчается въ этомъ случаѣ болѣе чуждое нашей церковной старины, нежели въ Москвѣ и въ другихъ мѣстностяхъ православной Россіи. Употребляя эти книги, уніаты не признаютъ тѣмъ самымъ переизмененныхъ въ нихъ справщиками, и въ этомъ случаѣ приближаются къ старообрядцамъ, а не къ намъ, никоніанамъ. Такъ, въ херсонской, виѣсто: «всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе», они поютъ по старинному: «всякую нынѣ житейскую отложимъ печаль»; къ словамъ: «и на жертву хваленіе», прибавляютъ: «и пѣніе». Въ символѣ вѣры, между словами «рожденна, сотворенна», они сохраняютъ выпущенную московскими справщиками букву «а», каковой выпускъ, какъ извѣстно, послужилъ первымъ поводомъ къ старообрядческому расколу. Во время обѣдни и только однажды—и то весьма умѣренно—употребляютъ въ ю католическій колокольчикъ. Въ облаченіи уніатскихъ священниковъ и дьяконовъ нѣтъ никакихъ отступленій отъ православнаго устава, хотя въ службы они носятъ не греческія, но католическія сутаны, а, при ношеніи ими жалован-

ныхъ скуфей, камлавокъ и орденовъ, уніатское духовенство Австріи подходитъ ближе къ первообразу древнихъ пастырей и нѣкоторыхъ священнослужителей. Правда, они брѣютъ бороду и носятъ волосы, но и наше православное духовенство заимствуетъ то же самое. Затѣмъ, при уніатскомъ богослуженіи православнаго-русскаго уха представляется какъ-то страннымъ молитвенное возношеніе «о вселенскомъ архіереѣ, папѣ ПІИ», о «благовѣрномъ» императорѣ Францѣ-Іосифѣ и о «православномъ воинствѣ», но такое величаніе католическаго государя и его католическаго воинства должно считаться совершенно правильнымъ при догматическомъ единеніи уніатства. Въ настоящее время уніаты просятъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ дозволено было именоваться «православными» и, конечно, для такой ихъ просьбы не должно быть со стороны австрійскаго правительства никакого препятствія.

Разнятся отъ насъ австрійскіе уніаты и произношеніемъ церковно-славянскихъ словъ. Такъ, они поютъ и читаютъ «присно диво», «во вики виковъ» и т. д. Разговорное русское нарѣчіе для нихъ непонятно. Когда послѣ объѣзда пришлось разговаривать съ бывшими въ церкви семью—молодыми людьми лѣтъ двадцати и старше — то оказалось, что они не только не могутъ говорить, но даже и понимать русски, такъ что легче было обратиться къ нимъ съ французскимъ на нѣмецкомъ языкѣ; держась же на этотъ разъ на родной русской политикѣ, я, по соображеніямъ, по отношению къ каждому, не попытался заговорить по-польски съ этими людьми, одѣтыми въ черныя католическія сутаны съ шелковыми малиновыми кушаками, завязанными въ дугу на концахъ съ бахромою такого же цвѣта.

Коснувшись галицкихъ русскихъ, или русиновъ, было бы кстати, слѣдуя примѣру многихъ нашихъ путешественниковъ и корреспондентовъ, или «дописниковъ», потолковать и съ ними, передавая измышленныя бесѣды съ разными лицами, но это не препятствуетъ русскому путешественнику рассказывать о томъ, что онъ бесѣдовалъ о боевыхъ силахъ Австріи съ какимъ-нибудь австрійскимъ генераломъ; о народномъ духѣ — съ вожакомъ-нибудь парламентской партіи; о внутренней и внешней политикѣ вѣнскаго кабинета — съ министромъ; о печати — съ редакторомъ и т. д., такъ что относительно всего этого можно написать цѣлыя страницы и придать рѣчамъ собесѣдниковъ такой смыслъ, какой пожелаетъ придать «сочинитель», высказывающій свои собственные мнѣнія и чувства чужихъ рѣчей, то въ видѣ своихъ отвѣтовъ и возраженій, то въ видѣ, пожалуй, настроеній отчетъ о подобныхъ бесѣдахъ въ видѣ, чтобъ всѣ толковавшіе австрійяки оказались

простаками, не понимающими сути дѣла, тогда какъ россиянинъ вразумлялъ ихъ и чуть-чуть не проболтнулъ того слова, которое мы со временемъ должны будемъ сказать развращенному и гнилому западу. Но едва ли приличенъ и добросовѣстенъ такой способъ разсказа, наводящій всегда на сомнѣнiе и заставляющій читателей подозрѣвать сочинительство, а не искренность со стороны русскаго путешественника.

Кромѣ общаго знакомства съ Вѣною и ея уличною, кипучею, но рано стихающею городскою жизнью, заѣзжему русскому любопытно познакомиться и съ разными ея достопримѣчательностями. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ, можно поставить тѣ учрежденiя, которыя доставляютъ возможность пользоваться умственными богатствами человѣчества, а такихъ учрежденiй найдется въ Вѣнѣ не мало. Въ ней, сверхъ придворной библіотеки, о которой мы уже упоминали, существуютъ такъ называемыя «административныя библіотеки», состоящiя при министерствахъ: 1) внутреннихъ дѣлъ, 2) духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенiя, и 3) финансовъ. Всѣ эти библіотеки доступны и частнымъ лицамъ. Кромѣ того, въ Вѣнѣ находятся спеціальныя библіотеки при обществахъ: географическомъ, музыкальномъ, ремесленномъ, юридическо-политическомъ, медицинскомъ и научно-военномъ. Есть еще и слѣдующiя библіотеки: такъ называемая «Fideicommiss», составляющая частную, наследственную собственность царствующаго государя, какъ старшаго члена императорскаго дома. Она замѣчательна, между прочимъ, по громадному числу манускриптовъ, гравюръ и портретовъ; коллекцiя этихъ послѣднихъ доходитъ до 18,000 нумеровъ. Значительная библіотека, чрезвычайно богатая сочиненiями по части политики, находится при рейхсратѣ, есть также библіотека и при городскомъ общественномъ управленiи, въ которой собраны всѣ сочиненiя и рисунки, относящiеся къ Вѣнѣ, при восточномъ музеѣ, при музеѣ искусствъ и промышленности, и при высшемъ техническомъ училищѣ. Объ университетской библіотекѣ мы уже упоминали, а теперь замѣтимъ, что она начала составляться еще въ 1423 году, и нынѣ въ шкафахъ ея находится 200,000 томовъ; а изъ библіотекъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, заслуживаетъ вниманiя, по своей обширности и по собранiю рѣдкихъ изданiй, библіотека князей Лихтенштейновъ.

Вѣна богата также разными научными и художественными коллекцiями, но было бы очень долго разсказывать о нихъ. Замѣтимъ только, что самое обширное и лучшее собранiе картинъ и другихъ художественныхъ произведенiй находится въ императорскомъ замкѣ Бельведерѣ и называется «Ambraser-Sammlung», по имени находящагося въ Тиролѣ замка «Амбрасъ», гдѣ было положено начало этому драгоценному собранiю и откуда состав-

явшіе его предметы были перевезены въ Вѣну, послѣ того, какъ въ 1806 году Тироль отошелъ отъ Австріи къ Баваріи. Оно въ особенности обильно картинами старинной фламандской школы. Всѣ предметы, составляющіе эту замѣчательную въ своемъ родѣ коллекцію картинъ, статуй и древностей, будутъ перемѣщены въ отстраиваемый теперь музей на площади Маріи-Терезіи.

Не смотря, однако, на разныя подспорья для наукъ, Вѣна никогда не отличалась особенною ученостію, хотя въ ней, со временъ Маріи-Терезіи, находится академія наукъ, помѣщеніе которой князь Виндишгрецъ, послѣ сдачи Вѣны, обратилъ въ казарму. Среди знаменитостей Вѣны, и теперь нѣтъ такихъ лицъ, къ которымъ можно было бы отправиться на поклонъ, какъ къ высшему олицетворенію познаній, по той или другой наукѣ. Правда, Вѣна славится медицинскими знаменитостями, но извѣстность такого рода бываетъ всегда болѣе чѣмъ сомнительна. да и вообще какъ-то лучше быть подальше отъ нихъ. Сама же Вѣна до сихъ поръ не произвела еще ни «быстрыхъ разумовъ Платоновъ», ни таковыхъ же «Невтоновъ», и славится всего болѣе своими общественными развлечениями. Замѣчательно, впрочемъ, что, примѣнительно къ числу общаго населенія Вѣны, число находящихся въ ней театровъ не можетъ считаться достаточнымъ, но зато они всѣ чрезвычайно вѣстительны и, сравнительно съ петербургскими, мѣста въ нихъ гораздо дешевле, хотя по своимъ достоинствамъ тамошнія, какъ оперная, такъ и драматическая, труппы не ниже нашихъ. Притомъ, четыре главныхъ театра бываютъ закрыты въ продолженіе каждаго года: гофбургскій театръ съ 1-го іюля по 31-е августа, императорско-королевская опера лѣтомъ, на шесть недѣль, Лозештадскій въ теченіе всего лѣта и Фюрстъ - театръ, получившій названіе не отъ какого нибудь владѣтельнаго князя, а просто отъ фамиліи своего директора, — какъ театръ лѣтній, находящійся въ Пратерѣ, — съ октября до Пасхи. Но не взирая на все это, никакихъ жалобъ на недостатокъ театровъ въ Вѣнѣ не слышится, и это объясняется тѣмъ, что въ трехъ изъ числа всѣхъ вѣнскихъ театровъ, въ зимнюю пору, даются въ день по два представленія: одно вечернее и другое, такъ называемое послѣобѣденное, при пониженной платѣ за мѣста. Послѣдніе спектакли начинаются въ три часа по-полудни, въ пору, самую удобную, такъ какъ большая часть жителей Вѣны встаетъ съпозаранку и обѣдаетъ между 12 и 2 часами. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сравнительной, противъ петербургской, дешевизнѣ театральнаго мѣста, мы скажемъ, что въ оперномъ театрѣ ложа въ бель-этажѣ стоитъ только 25 флориновъ, т. е., по тамошней стоимости гульдена, съ переводомъ на нашу сере-

брюную валюту, только 15 руб. а кресло, въ первомъ ряду— 5 флор., или, по тому же расчету, лишь 3 рубля. Такая цѣна мѣстамъ въ оперѣ никогда не измѣняется, хотя на вѣнской оперной сценѣ и поютъ очень часто первостатейныя европейскія знаменитости. Въ гофбургскомъ театрѣ, гдѣ ставятся новѣйшія и классическія драмы и комедіи, и гдѣ всѣ пьесы обставляются лучшими сюжетами, кресло въ 1-мъ ряду стоитъ только 3 флорина, т. е., по серебряной нашей валютѣ, 1 р. 80 к., и, конечно, не вина тамошней театральной дирекціи, если мы, являясь въ Вѣну съ нашими бумажными деньгами, платимъ за такое мѣсто 2 р. 67 к., что все же выходитъ подешевле петербургскаго. Театральныхъ абонементовъ въ Вѣнѣ не заведено, но тотъ, кто пожелаетъ имѣть мѣсто, соображаясь съ объявляемымъ за недѣлю репертуаромъ, тотъ къ обыкновенной стоимости билета приплачиваетъ, смотря по мѣсту, 10, 20, 30 или 50 крестинъ. О барышничествѣ въ Вѣнѣ театральными билетами не слышно. Замѣчательна особенность относительно представленій въ городскомъ театрѣ, устроенномъ собственно для классическихъ произведеній. Въ этомъ театрѣ во воскресенья и въ праздничные дни ставятся въ послѣобѣденное время, по крайне-дешевымъ цѣнамъ, такъ называемые «volkstümliche» спектакли, примѣненные къ уровню низшаго образованія. Вдобавокъ къ этому, существуетъ въ Вѣнѣ и самостоятельный народный театръ, въ которомъ лучшая и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣстительная ложа обходится на наши бумажки 3 р., а кресло въ партерѣ можно имѣть за 30 и даже за 25 коп. на наши деньги. Въ этомъ театрѣ даются представленія съ конца сентября до Пасхи. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на особенность такъ называемаго «театра на Вѣнѣ» (рѣкъ), или, какъ обыкновенно его называютъ, «вѣнскаго» театра. На этомъ театрѣ даются «мѣстные» сценическія произведенія: небольшія комедіи, оперетки, шутки и сцены изъ народнаго быта; кромѣ того, въ немъ для такихъ «послѣобѣденныхъ» представленій цѣна мѣстъ чрезвычайно понижается. Такъ, ложа въ бельэтажѣ вмѣсто 15 флор. стоитъ 6 флор., кресло вмѣсто 2 флор. 1 флор. и т. д.

Какъ кажется, жители Вѣны предпочитаютъ музыку театральнымъ представленіямъ, и Вѣна недаромъ слыветъ самымъ «музыкальнымъ» городомъ въ Европѣ. Лѣтомъ, на примѣръ, въ Пратерѣ играетъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ до 14-ти большихъ или менѣе полныхъ оркестровъ, не говоря уже о небольшихъ кучкахъ музыкантовъ, играющихъ въ разныхъ кофейняхъ и пивныхъ. Въ Пратерѣ, въ какомъ нибудь скромномъ биргаллѣ, кучарки, горничныя, лакеи, солдаты и мастеровые очень часто танцуютъ подъ звуки оркестра, составленнаго изъ духо-

60
выхъ и струнныхъ инструментовъ, въ числѣ 15—20 ч.
Въ зимнюю пору, бываетъ въ Вѣнѣ каждый день по нѣ-
большимъ концертовъ, устраиваемыхъ разными общи-
филярмоническимъ, любителей музыки, консерваторіею,
ствомъ пѣвцовъ и пѣвицъ, академіею, съ добавленіемъ
говъ, даваемыхъ разными, какъ мѣстными, такъ и прѣ-
артистами, и концертовъ съ благотворительною цѣлю,
нѣе изобилуетъ Вѣна и вокальными удовольствіями.
сказать, что въ настоящее время находится въ Вѣнѣ
шихъ хоровъ пѣвцовъ и пѣвицъ, распѣвающихъ въ
увеселительныхъ мѣстахъ исключительно однѣ только
пѣсни: нѣмецкія, венгерскія, чешскія, польскія и «ру-
Здѣсь по неволѣ приходится употребить послѣднее названіе,
что галицкіе «русскіе» не вѣдаютъ вовсе даже такихъ
употребительныхъ «русскихъ» пѣсенъ, какъ напримѣръ
по матушкѣ по Волгѣ», «Дубинушка», «Среди доли-
ныя» и т. д.

Къ музыкальной роскоши Вѣны слѣдуетъ причис-
австрійскую военную музыку, которая играетъ лѣтомъ
дахъ, паркахъ и скверахъ. Кромѣ того, въ теченіе все-
хоръ военной музыки, ежедневно, при смѣнѣ главнаго де-
караула, располагается передъ гауптвактою на площади
въ Гофъ-Бургъ, и играетъ здѣсь, окруженный толпою, въ
женіе часа, марши, поцури изъ оперъ, увертюры, валь-
ковьяки и разныя пьесы на народныя мотивы всѣхъ на-
ностей, составляющихъ австрійскую монархію. Безъ
сомнѣнія, такое общенародное и ежедневное слушаніе
ной военной музыки развиваетъ въ жителяхъ Вѣны му-
зыкальный вкусъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ слушающихъ
венно бываетъ множество дѣтей и подростковъ обо-
Австрійскую военную музыку еще издали легко отличи-
нашей по барабанному бою, который, при проходѣ войскъ,
шится довольно глухо, точно удары въ литавры, такъ
обще въ австрійскихъ войскахъ барабановъ немного, да и
ся они въ видѣ небольшихъ котелковъ. Въ похвалу во-
зыкальному уху австрійцевъ должно сказать, что въ сос-
австрійской полковой музыки нѣтъ, какъ у насъ, горнисто-
кое и визжащее наигрываніе которыхъ, сопровождаемое бе-
ною стукотнею въ барабаны, быть можетъ, и отзывается
щцею воинственности, но едва ли можетъ кому нравиться въ
музыкальнаго упражненія. При австрійскихъ войскахъ,
зывается «турецкій» барабанъ, необходимый для оркес-
тащить на себѣ, какъ у насъ, изнемогающій подъ его тѣ-
барабанщикъ, но его везутъ сзади музыкантовъ на
запряженной влперомъ или пони.

Заговоривъ о военной музыкѣ, встаетъ сказать нѣсколько словъ и о «православномъ» австрійскомъ воинствѣ, къ составу котораго она принадлежитъ. Не будучи въ состояніи судить о выправкѣ, подтягиваніи, равненіи и ружейныхъ приемахъ, я могу однако сказать, что австрійскія войска производятъ особое впечатлѣніе лежащимъ на нихъ отпечаткомъ гражданственности, и этимъ пріятно отличаются отъ прусскаго, какъ бы задирающаго воинства. На австрійскихъ военно-служащихъ, за исключеніемъ полковъ уланскихъ и гусарскихъ, одѣтыхъ пестро, обмундированіе самое скромное, безъ кантовъ, лацкановъ, обшлаговъ, выпушекъ, и даже безъ блестящихъ металлическихъ пуговицъ. Они носятъ простые короткіе пиджаки, высокіе съ большими козырьками шапки, и не щеголяютъ вовсе видомъ воинственныхъ дружинъ. Нижнее платье имѣетъ у нихъ покрой штиблетъ, и потому австрійскіе воины кажутся жидконогими и какъ будто готовыми на утекъ, но было бы ошибочно утверждать это, такъ какъ они, не смотря на претерпѣнные ими пораженія, всегда стойко умирали подъ знаменами своего кесаря.

Кстати замѣчу, что, насколько можно заключить изъ разговоровъ, конечно, не задушевныхъ, нынѣшняго кесаря въ Австріи любятъ. Любятъ же за строгое соблюденіе имъ конституціи. Депутатамъ, являющимся къ нему съ просьбами и представленіями, онъ пріятливо и откровенно объясняетъ, что тако-го-то и тако-го-то ходатайства онъ удовлетворитъ лично не можетъ и передать представленное ему дѣло на разсмотрѣніе министровъ.

Нужно также замѣтить, что австрійская рать состоитъ преимущественно изъ представителей славянства, и потому тѣ изъ нашихъ задорныхъ славянофиловъ, которые собираются разгромить Австрію, готовятъ въ сущности племенную, братоубійственную войну, такъ какъ побѣдный нашъ путь былъ бы, прежде всего, увлажненъ родственною намъ славянскою кровью. Находившіеся нынѣшнимъ лѣтомъ въ Вѣнѣ пѣхотные полки состоятъ сплошь изъ молодого, не крупнаго ростомъ народа, съ добродушными лицами, преимущественно славянскаго облика. Между солдатами попадаетъ не мало съ очками на носу: вѣроятно, студіозусы, отбывающіе свою воинскую повинность. Ходятъ австрійскіе солдаты ровно и какъ-то весело. Ружья у нихъ небольшія, въ видѣ карабиновъ, къ которымъ, въ указанныхъ уставомъ случаяхъ, примыкается штыкъ. Носятъ они свои ружья не постоянно въ рукахъ, какъ наши солдаты, но, даже стоя на часахъ, закидываютъ ихъ на ремнѣ за спину или держатъ тоже на ремнѣ на правомъ или лѣвомъ плечѣ, какъ удобнѣе, и потому руки у нихъ остаются свободными. Особенно красивы, по простотѣ своего обмундированія, тирольскіе стрѣлки: они ходятъ

въ коротенькихъ свѣтло-сѣрыхъ сюртукахъ съ костяными пуговицами и невысокихъ войлочныхъ шляпахъ, съ лѣвой стороны которыхъ прикрѣпленъ опускающійся внизъ пукъ длинныхъ черныхъ и зеленоватыхъ пѣтушиныхъ перьевъ. Вдобавокъ къ этому украшенію, они, въ праздничные дни, затыкаютъ за леву, охватывающую тулью шляпы, листья папоротника и дубовыя вѣтки.

Возвращаясь отъ воинской части въ мирную и даже увеселительную область вѣнской жизни и останавливаясь на тамошнихъ, весьма разнообразныхъ общественныхъ развлеченіяхъ, слѣдуетъ прежде всего заглянуть въ Пратеръ,—такую мѣстность для пригородныхъ прогулокъ, какой у насъ въ Петербургѣ вовсе не существуетъ. Нѣкогда Пратеръ былъ паркомъ, назначеннымъ исключительно для придворной охоты, но въ 1766 году императоръ Іосифъ II приказалъ открыть его для публики. Въ немъ оставались однако стада оленей, дружелюбно встрѣчавшія многочисленныхъ посѣтителей, но бурныя народныя сборища происходившія въ Пратерѣ въ 1848 году, до того напугали этихъ мирныхъ обитателей привѣнской дубравы, что они всѣ разбѣжались и затѣмъ неизвѣстно куда скрылись. Устройство въ Пратерѣ, въ 1873 году, всемірной выставки содѣйствовало не только его громкой извѣстности, но и его благоустройству. Съ этого собственно времени Пратеръ обратился въ мѣсто любимой прогулки какъ избранной вѣнской публики, такъ равно и столичнаго престолярды. Теперь въ немъ установилась своего рода постепенность, начиная съ самыхъ демократическихъ, но крайне приличныхъ, до самыхъ аристократическихъ собраний, которыя, впрочемъ, лѣтомъ не бываютъ такъ блестящи, какъ весной, до разѣзда изъ Вѣны представительницъ и представителей высшего круга. Въ длинныхъ аллеяхъ Пратера построено теперь множество самыхъ разнородныхъ увеселительныхъ убѣжищъ: тамъ есть и народныя «биргалле», и винныя погребки, и шкварные рестораны, съ громадными зеркальными окнами и съ превосходною отдѣлкою снаружи и внутри. Въ одной изъ частей Пратера, отведенной собственно для императорскаго сада, какой-то нашъ соотечественникъ, князь Голицынъ, устроилъ красивую виллу. Въ Пратерѣ, мѣстами, насыпаны холмы, наставлены искусственныя скалы, а также устроены гроты и водопады. Въ немъ находится очень хорошій акваріумъ, великолѣпная изменная ротонда, съ вершины которой открывается прекрасный видъ на всю Вѣну, египетскій дворецъ, 13 лавокъ, столько же каруселей, и столько же тировъ, циркъ велосипедистовъ, конскій циркъ съ 4,000 мѣсть, гипподромъ для скачекъ, нѣсколько театровъ для взрослыхъ и для дѣтей, концертныя залы, панорамы и выставки разныхъ рѣдкостей и диковинокъ. Короче, петер-

ургскій житель не имѣетъ понятія о разнообразіи и—что также очень важно—о дешевизнѣ развлеченій, которыми можно пользоваться въ Пратерѣ, входящемъ въ городскую черту Вѣны. •

На пути въ Пратеръ, у такъ называемой «Звѣзды», желѣзная орога, идущая изъ города къ этому гульбищу, прекращается и направляется къ берегу Дуная. Сюда стоитъ съѣздить, чтобы видѣть Дунай и убѣдиться, что онъ подъ Вѣною никакъ не можетъ называться ни «тихимъ», ни «синимъ». Здѣсь теченіе го чрезвычайно быстро, и, не смотря на то, что въ немъ должны отражаться ярко-голубое небо, онъ кажется мутно-желтымъ, какъ что, по своей некрасивости въ этомъ отношеніи, никакъ не можетъ сравниться съ Невою, когда она, при ясной погодѣ, бываетъ чуднаго васильковаго цвѣта. За Невою, конечно, остается первенство и по отдѣлкѣ ея береговъ гранитомъ; прочемъ въ этой роскоши Дунай, не прорѣзывающій Вѣну, не имѣлъ пока никакой надобности, но зато произведенныя надъ нимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, работы могутъ считаться важнѣе всякой каменной облицовки его берега. Давно уже въ Вѣнѣ признана была необходимость исправить теченіе Дуная, который подъ этимъ городомъ, по сторонѣ своего лѣваго берега, раздѣлялся на множество рукавовъ. Русло ихъ безпрестанно измѣнялось, а неожиданные приливы воды нерѣдко затопляли прилегающія къ Дунаю окрестности города. Для устраненія такихъ неудобствъ, предполагено было обратить вѣнскую часть Дуная какъ бы въ водяную улицу и къ осуществленію этого предположенія,—впрочемъ на чертежахъ,—приступили еще въ 1850 году. Но всѣ представленные насчетъ этого проекты оказывались неудобопримѣнимыми до представленія проекта Абернети и Сексауера, для исполненія котораго требовалось 24.600,000 флориновъ. Этотъ громадный расходъ приняли на себя въ равныхъ доляхъ правительство, земство и городъ, а въ исполнители этого проекта были приглашены лица, участвовавшія въ устройствѣ Суэзскаго канала. Работы, не смотря на всѣ предстоявшія затрудненія, пошли такъ быстро, что въ 1875 году передѣланный водный путь былъ открытъ. Въ настоящее время, Дунай подъ Вѣною, при обыкновенномъ уровнѣ воды, имѣетъ 316 метровъ ширины, а для отвода водъ, нарушающихъ этотъ уровень, сдѣланъ при посредствѣ плотинъ особый протокъ, шириною въ 442 метра, къ которому и примыкаетъ пространство, называемое «областью наводненія» (Inundationsgebiet):—на немъ и можетъ разливаться нагоняемая съ истока рѣки вода, уже не причиняя городу никакой опасности и никакого безпокойства. Одновременно съ исправленіемъ теченія Дуная, надъ нимъ было устроено три желѣзнодорожныхъ великолѣпныхъ моста, постройка которыхъ обошлась въ общей сложности въ 10¹/₂ милл. гуль-

деновъ. Независимо отъ этого, берегъ Дуная украсился такимъ прекраснымъ сооруженіемъ, какова не существуетъ въ одной изъ европейскихъ столицъ—общественными, ил-родскими купальнями. Роскошная отдѣлка этихъ купаль-размѣры бассейновъ, не говоря уже о существующихъ порядкѣ и чистотѣ, дѣлаютъ эту постройку одною изъ досто-мѣчательностей Вѣны. Каждая сторона этихъ купальн-строенныхъ изъ песчаника, имѣетъ протяженіе не короче гостиннаго двора, выходящей на Невскій проспектъ. стѣны этого зданія обстроены галлереями, обращенными веранды и отдѣланными въ помпейскомъ вкусѣ, а третья выходящая на Дунай,—представляетъ открытую галлерейку, которой можно любоваться рѣкою и висащими надъ нею скалами. Всѣ вообще бассейны купальнъ отличаются удобствъ, а бассейны 1-го класса—и затѣйливостью убранства, такъ въ нихъ сходы къ водѣ представляютъ искусственные бассейны, обставленные кругомъ растеніями и цвѣтами. Эти роскошны купальни были выстроены на счетъ города, и за купанье въ бассейнахъ 1-го класса платятъ на наши нынѣшніе деньги около 25 копѣекъ. Кромѣ этихъ купальнъ, есть еще и другія, между прочимъ, въ самомъ городѣ, на дунайскомъ каналѣ, и относительно простыя купальни далеко превосходятъ по своему устройству всѣ подобнаго рода лучшія петербургскія заведенія, не отличающіяся у насъ даже необходимою чистотою.

Разумѣется, что о такомъ обширномъ, многолюдномъ и богатомъ городѣ, какъ Вѣна, можно написать еще многое, особенно если вѣдаться въ историческія изслѣдованія и статисти-статистическими свѣдѣніями. Но ни то, ни другое не входитъ въ составъ нашей задачи, такъ какъ мы желали представить только общій очеркъ современной столицы Австріи, и могли тѣмъ болѣе сократить его, что и въ слѣдующихъ заграничныхъ путешествіяхъ намъ придется дѣлать замѣчанія, сопоставленія и сравненія, относящіяся, между прочимъ, и къ Вѣнѣ.

Е. Карновичъ.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ.

(БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

VII.

Золя-драматургъ.

Еще въ 1856 году, когда Золя учился въ экскомъ коллежѣ, у него была уже мысль написать пьесу. Его комедія въ стихахъ, подъ заглавіемъ *Enfoncé le pion*, вышла ребячески-наивна. Да и что же могъ написать ученикъ третьяго класса!

Затѣмъ въ Парижѣ, въ лицей, онъ много разъ пытался сочинить пьесу. Онъ написалъ комедію въ стихахъ въ одномъ дѣйствіи—*Perrette*, сюжетъ которой заимствовалъ изъ басни Лафонтена—*La laitière et le pot au lait*, и вывелъ даже въ ней самого баснописца, какъ дѣйствующее лицо. Затѣмъ онъ, все еще лиценстомъ, написалъ опять комедію въ стихахъ: «*Il faut hurler avec les loups...*» Но и это былъ чисто дѣтскій опытъ.

Когда онъ поступилъ на службу въ Гашетту, мысль поработать для театра снова всплыла въ немъ. Мы уже говорили о трехъ его неудачныхъ пьесахъ: *La laide*, *Les Mystères de Marseille* и *La Madeleine*. Ни одна изъ этихъ попытокъ не вошла даже въ сборникъ пьесъ Золя, состоящій изъ двухъ комедій и одной драмы.

Золя въ первый разъ увидалъ свою пьесу на подмосткахъ парижскаго театра 11-го іюля 1873 года. Директоръ театра *Renaissance*, Гостейнъ, рискнулъ поставить драму Золя *Thérèse Raquin*, хотя и находилъ ее слишкомъ смѣлою; но ему надо было поправить свои дѣла. Первое представленіе было блестяще, театръ полонъ, вся пресса—на лицо... Впечатлѣніе четырехъ дѣйствій, происходящихъ въ одной и той же грустной комнатѣ—было очень сильно и остро. Но въ нихъ не было

никакой приманки для бульварной публики первых представлений. В коридорах говорили, что пьеса никуда не годится, но все-таки большая часть публики было захвачена этой простой, но могучей драмой.

— Я заболѣю, говорилъ въ этотъ вечеръ Сарсэ; Золя заставитъ меня лечь въ постель.

И большая часть публики была подъ такимъ же сильнымъ впечатлѣніемъ. Пьеса имѣла положительный успѣхъ, но его заглушила пресса. Всѣ журналы напали на Золя; это было дѣломъ, театры посѣщались мало, публика не спасла «Терезу Ракенъ»: послѣ девяти представлений она была снята со сцены.

Черезъ годъ, въ 1874-мъ, появилась *Les héritiers Babourdin*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Золя написалъ ее для Палерояльскаго театра. Но директоръ не принялъ. Тогда онъ обратился въ *Gymnase*. И тутъ отказали. Золя принужденъ былъ отдать пьесу въ одинъ изъ третьестепенныхъ театровъ — въ *Cluny*. Директоръ сдѣлалъ все, что могъ, и обставилъ пьесу довольно прилично. И все-таки пьеса не имѣла никакого успѣха. Публика отнеслась къ ней совершенно равнодушно, а критика набросилась на Золя еще съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ по поводу «Терезы Ракенъ». «Наслѣдниковъ Рабурдена» нашли скучными и безнравственными, а автора — безталаннымъ драматургомъ.

Но Золя не унывалъ и вскорѣ рѣшился опять выступить съ комедіей. Первое представленіе его *Bouton de rose* было настоящимъ событіемъ.

Эта пьеса была написана по просьбѣ директора Палерояльскаго театра — Пюнкетта. Но когда онъ прочелъ ее, то прямо сказалъ Золя, что не можетъ принять его комедіи. Золя настаивалъ, добился распредѣленія ролей, первой репетиціи; но пьеса не пошла. Онъ увезъ ее съ собою на дачу. Возвратясь въ Парижъ, послѣ громаднаго успѣха *Assommoir*'а, онъ былъ положительно осажденъ директорами Палерояля. Они уговаривали Золя дать имъ опять «*Bouton de rose*». Золя долго колебался, но все-таки уступилъ. Дирекція рассчитывала на имя автора и ожидала громаднаго успѣха. А пьеса провалилась со страшными свистками.

— Вы должны убѣдиться, что ваше первое мнѣніе о моей пьесѣ было справедливо, — только и могъ сказать Золя сконфуженнымъ директорамъ.

Съ этихъ поръ онъ не писалъ больше пьесъ, а только содѣйствовалъ передѣлкѣ двухъ своихъ романовъ въ драмы. Но онъ все еще не отказался отъ мысли создать свой жанръ, провести свои идеи на сцену.

Онъ хочетъ перенести въ театръ приемы, завѣщанные роману Стенда-лемъ, Бальзакомъ и Флоберомъ. Но Золя такъ занятъ, такъ отдался юка своимъ «Ругонамъ-Макваръ», что онъ не можетъ серьезно посвя-тить себя осуществленію этихъ идей. Но если теперь онъ дастъ что ни-будь для театра—это будетъ событіе; отъ него надо ждать своего рода Негрпани, только Эрнани натуралистическаго.

Золя-критикъ.

VIII.

Рядомъ съ романами и пьесами, Золя всегда занимался критикой. На это были двѣ причины. Во-первыхъ, онъ постоянно чувствовалъ тотъ критическій зудъ, о которомъ говоритъ Сентъ-Бёвъ. Во-вторыхъ, изъ всѣхъ срочныхъ работъ—только критика и была ему по вкусу. Ни по-литикой, ни репортерствомъ заниматься онъ не могъ.

Бъ этимъ двумъ причинамъ уже позже прибавилось еще третья: не-обходимость защищаться. Когда на него посыпались со всѣхъ сторонъ нападки, насмѣшки, когда его провозгласили главою новой школы—Золя увидѣлъ, что необходимо выступить защитникомъ идей, не откры-тыхъ имъ самимъ, а только принятыхъ отъ учителей его. Если прослѣдить всю критическую дѣятельность Золя,—то увидишь, какъ онъ оставаяся постоянно вѣрнымъ себѣ. И теперь онъ проповѣдуетъ то же, что скромно писалъ въ одномъ провинціальномъ журналѣ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще служилъ у Гашетта. Съ тѣхъ поръ онъ работалъ во многихъ журналахъ, вездѣ неуклонно проповѣдуя одно: правду, природу, наблюденіе и опытъ. Онъ еще въ предисловіи къ «Терезѣ Ракенъ» употребилъ слово натурализмъ. Его подхватили, осмѣяли. Но это слово стало знаменемъ новой школы, основанной, бла-годаря шуму и гаму, поднятому ея противниками. Золя постоянно от-рекается отъ имени главы школы, но защищаетъ ее безъ устали.

Кромѣ французскихъ журналовъ, онъ былъ постояннымъ сотрудни-комъ «Вѣстника Европы». Ему хотѣлось писать длинныя статьи по поводу литературы, а печатать ихъ во французскихъ журналахъ оказалось негдѣ. Тогда его другъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, предложилъ ему сотрудни-чество въ русскомъ журналѣ. Золя согласился.

Онъ въ «Вѣстникѣ Европы» сталъ пропагандировать тѣ же идеи, что и въ Парижѣ. Иногда, для разнообразія, онъ давалъ повѣсти, со-

ціальные этюды, простыя хроники. Больше всего шуму наделала статья—«Современные романисты». Золя и не подозревалъ, какую бурю вызоветъ она. Онъ просто записалъ свои воспоминанія, далъ нѣскольکو портретовъ, сдѣлалъ родъ обзорѣнія. На Золя напали, обвинили его въ томъ, что онъ клевететь на французовъ въ иностранномъ журналѣ, прикрываясь маской чужаго языка. Это побудило его собрать все напечатанное имъ въ «Вѣстникѣ Европы» и издать тремя отдѣльными книжками. Въ первой, подъ заглавіемъ «Экспериментальный романъ», собраны статьи: письмо къ молодежи, натурализмъ въ театрѣ, денежный вопросъ въ литературѣ, республика и литература.

Во вторую книгу—«Писатели-натуралисты»—вошли портреты Балзака, Стендаля, Густава Флобера, Эдмона и Жюль Гонкуръ, Альфонс Доде, и пресловутая статья «Современные романисты», вызвавшая скандалъ.

Третья книга, названная «Литературные документы», даетъ портреты Шатобриана, Виктора Гюго, Мюссе, Теофиля Готье, Жоржъ-Зандъ, Дюма сына и Сентъ-Бева; кромѣ того, сюда вошли статьи: «Современная критика» и «Нравственность въ литературѣ». Золя собралъ также въ отдѣльныя книги статьи, напечатанныя имъ въ *Bien public* и *Voltaire*.

Теперь онъ уже бросилъ критическую работу въ журналахъ. Романъ и драма поглотили его всего. Онъ слишкомъ подробно выложилъ свои идеи; больше сказать нечего: пришлось бы повторяться. Мы вспомнимъ ихъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Первая формула, данная Золя, такова: «Произведеніе искусства есть уголокъ природы, пропущенный сквозь темперамента автора». Это только образный и ясный переводъ опредѣленія, заимствованнаго Дидро у Бэкона: *Non additus natura e*. И Золя остается постоянно вѣрнымъ ему.

Не отрицая субъективности, онъ всегда прилагаетъ къ произведенію автора такую мѣрку: какъ относится онъ къ природѣ. Отсюда и слово—«натурализмъ». Онъ уже проявился съ XVIII-го вѣка и долженъ имѣть вліяніе и на знанія и на науки, прилагая вездѣ методъ наблюденія и опыта. Золя прилагалъ свою критическую теорію и къ искусству, и къ театру, и даже къ политикѣ. Вездѣ его методъ имѣлъ значеніе.

Самъ онъ смотритъ на свой экспериментальный и натуралистическій романъ, какъ на одно изъ проявленій научной дѣятельности своего вѣка. Онъ говоритъ, что мы должны теперь изучать человѣка съ физиологической точки зрѣнія, какъ писатели прошлыхъ вѣковъ изучали его съ

метафизической. И не только въ романѣ, но также въ театрѣ, въ живописи и даже въ политической области.

Такова основная идея критики Эмиля Золя. Онъ перемаралъ уже много бумаги, написалъ кучу статей. Если онъ напишетъ столько же, то не скажетъ ничего новаго.

IX.

ПРИЕМЫ РАБОТЫ.

У каждаго писателя своя манера, свои приемы работы, вырабатанные его личными свойствами.

Эдмондо Амичисъ, въ своей книгѣ: «Воспоминанія о Парижѣ и Лондонѣ», рассказываетъ о методѣ работы Золя, словами самого романиста. Мы и приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ:

— «Вотъ какъ я сочиняю романъ. То есть, я не сочиняю его, онъ слагается самъ. Я не умѣю выдумывать фактовъ;—я положительно лишенъ этого рода воображенія. Когда я сяду за столъ, чтобы выдумать интригу, какуюнибудь канву для романа, я цѣлыхъ три дня могу ломать голову, совѣмъ спутаюсь и ничего не выдумаю. Вотъ отчего я рѣшилъ никогда не заботиться о сюжетѣ. Я начинаю романъ, не зная: ни какія событія встрѣтятся въ немъ, ни дѣйствующихъ лицъ, которыя могутъ войти въ него, ни начала, ни конца. Мнѣ только извѣстно главное дѣйствующее лицо, Ругонъ или Маккаръ, женщина или мужчина—одинъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ. Я занимаюсь только имъ; вдумываюсь въ его темпераментъ, семью, въ первыя впечатлѣнія; наблюдаю среду, изъ которой рѣшилъ взять его. Вся моя задача и состоитъ въ томъ, чтобы изучить людей, съ которыми моему герою придется имѣть дѣло, мѣста, гдѣ онъ будетъ жить, воздухъ, которымъ надо ему дышать, его занятія, привычки, до самыхъ мельчайшихъ подробностей».

Мы видѣли уже выше, какъ Золя изучаетъ среду своихъ дѣйствующихъ лицъ. Для Нана онъ посѣщалъ первыя представленія, осматривалъ всѣ уголки театра; былъ въ уборной актрисы, въ отелѣ кокетки. И вездѣ съ карандашемъ и съ книжкой, чтобы не пропустить ничего.

— «Послѣ двухъ или трехъ мѣсяцевъ такого изученія, продолжаетъ Золя, я уже хозяинъ въ этой средѣ; я ее вижу, чувствую, живу въ ней воображеніемъ, и увѣренъ, что могу передать въ романѣ ея цвѣтъ и запахъ. Кромѣ того, проживъ извѣстное время въ томъ или другомъ

слоё общества, узнаёшь людей, принадлежащих къ нему, слышишь о разныхъ происшествіяхъ, видишь обыденную жизнь, научаешься говорить ихъ языкомъ, запоминаешь множество типовъ, сценъ, отрывковъ разговора, приключеній, событій. Все это образуетъ ужъ цѣлый романъ, несвязный и безформенный. Тогда предстоитъ самое трудное для меня: собрать на одну ниточку всё эти воспоминанія и разбросанныя впечатлѣнія. Почти всегда, для меня это большая работа. Я берусь за нее флегматично и, вмѣсто воображенія, обращаюсь къ логикѣ. Я разсуждаю самъ съ собою, и записываю все это, точь въ точь, какъ оно приходитъ мнѣ на умъ. Посторонній человѣкъ и не напелъ бы ничего. Такой - те дѣлаетъ то-то. Что обыкновенно проистекаетъ изъ этого? Вотъ что. Способенъ ли онъ заинтересовать такое - то дѣйствующее лицо? Конечно. Совершенно логично, что это лицо будетъ дѣйствовать такъ-то. Тогда можетъ войти еще третье лицо. Я гдѣ нибудь встрѣчалъ его. Я кому непосредственныхъ слѣдствій самаго ничтожнаго событія, нищу того, что вытекаетъ логически, естественно, независимо отъ характера или положенія моихъ дѣйствующихъ лицъ. Я поступаю, какъ полицейскій комиссаръ, который по мельчайшимъ признакамъ ищетъ преступника. Но мнѣ встрѣчается не мало трудностей. Иногда остается лишь связать двѣ нитки, вывести самое простое слѣдствіе, и ничего не выходитъ; я устаю, волнуясь безъ всякой пользы. Тогда я перестаю думать; я знаю, что это потерянное время. Проходить два, три, четыре дня. Въ одно прекрасное утро, когда я думаю совсѣмъ о другомъ, вдругъ нити связываются, все найдено. Трудностей какъ и не бывало. Тогда на весь романъ проливается лучъ свѣта. Мнѣ все ясно. Все готово. Остается самая пріятная часть работы. Я принимаюсь за нее спокойно, методично, по часамъ. Я пишу каждый день понемногу; — по три страницы; ни одной строчки больше. И только утромъ. У меня почти не встрѣчается помарокъ, потому что все раньше обдуманно. Написанныя страницы я отеладываю въ сторону и перечитываю ихъ только въ печати. Я почти безошибочно могу разсчитать, когда окончу романъ».

Далѣе Амичисъ разсказываетъ, что Золя показывалъ ему чернову *Assommoir*'а. «На первыхъ листьяхъ была обрисовка дѣйствующихъ лицъ: ихъ внѣшность, темпераментъ, характеръ. Я увидалъ планъ характера Жервезы, Купо, матери Купо, Лориальё, Бошъ, Гуже, Мадамъ Лера. Они всё были тутъ. Точно протоколъ, написанный законичнымъ и непринужденнымъ языкомъ. Время отъ времени встрѣчались такіа разсужденія: — родился тамъ-то; воспитывался такимъ-то образомъ, будетъ поступать

ажъ-то. Въ одномъ мѣстѣ стояло: «И что же иное могла сдѣлать по-обная каналья»? Въ обрисовкѣ Лантье, я обратилъ вниманіе на цѣлый ядъ ругательныхъ прилагательныхъ, шедшихъ по степенямъ: грубый, гувственный, животный, эгоистъ, негодай. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояло: воспользоваться такимъ-то (однимъ знакомымъ автора). Все это написано въ порядкѣ, крупнымъ и яснымъ почеркомъ. Далѣе, я увидалъ рисунки мѣстностей, сдѣланные перомъ, точно чертежи инженера. Ихъ была цѣлая куча. Весь Assommoir въ рисункахъ:—улицы кваргала, гдѣ происходитъ романъ, съ обозначеніемъ угловъ и лавокъ; путь Жервезы, убѣгавшей отъ кредиторовъ; странствованія пьяницъ изъ кабачка въ кабачекъ, изъ трактира въ трактиръ; больница и бойня, между которыми ходила въ этотъ ужасный вечеръ бѣдная прачка, терзаемая голодомъ. Домъ Мареско былъ нарисованъ во всѣхъ подробностяхъ: послѣдній этажъ, чердаки, окна, вертепъ могильщиковъ, уголъ отца Брю; всѣ эти мрачные коридоры, гдѣ чувствовалось «дыханіе смерти»; эти стѣны, звучавшія, какъ пустые желудки; двери, откуда слышалась постоянная музыка палочныхъ ударовъ и криковъ голодныхъ ребятишекъ. Былъ и планъ заведенія Жервезы, каждая комната отдѣльно, съ указаніемъ кроватей и столовъ, и съ поправками во многихъ мѣстахъ. Видно, что Золя цѣлыми часами забавлялся этимъ, забывая, можетъ быть, самый романъ, погруженный въ свою выдумку, какъ въ личное воспоминаніе. На остальныхъ листочкахъ были другія замѣтки. Мнѣ бросились въ глаза двѣ: «двадцать страницъ на описаніе того-то», «двѣнадцать страницъ на описаніе такой-то сцены, раздѣлить на три части». Понятно, что у него въ головѣ уже было это описаніе, совсѣмъ готовое, хотъ и не написанное; оно уже звучало въ его ушахъ, какъ мотивъ безъ словъ. Такая манера работать съ циркулемъ въ рукѣ даже въ дѣлѣ воображенія, вовсе не рѣдкость. Золя хорошій механикъ. Мы видимъ, какъ симметрично слѣдуютъ одно за другимъ его описанія, раздѣленные иногда менѣе значительными вставками, какъ бы для того, чтобы дать вздохнуть читателю, и раздробленные почти на равныя части. Напримѣръ, описаніе цвѣтовъ въ паркѣ, въ «Проступекъ аббата Мурэ», описаніе грозы въ «Страницѣ любви» и смерти Купо въ «Assommoir'ѣ». Золя необходимо, для того чтобы работать спокойно и свободно отъ мелочей, начертать себѣ опредѣленные границы, знать точно, на чемъ отдохнуть, и какой объемъ и форму получить его работа въ печати. Когда матеріалу слишкомъ много—онъ скомкаетъ его, чтобы заставить войти въ эти границы; когда мало—онъ растягиваетъ его. Онъ ужасно

любить пропорциональность. Это иногда ведетъ къ излишнимъ подробностямъ, но чаще дѣлаетъ произведеніе глубже и полнѣе, такъ какъ составляетъ мысль дольше остановиться на известномъ предметѣ. Критъ этихъ замѣтокъ, были выписки изъ «Соціальной реформы во Франціи» Лепла, изъ «Естественной наследственности» доктора Люва, и изъ другихъ сочиненій, которыми онъ пользовался, когда писалъ свой романъ. Между прочимъ, была выписка изъ *Le sublime*, который, послѣ выхода въ свѣтъ *Assommoir'a*, былъ заново изданъ и перечитанъ».

Поль Алексіи, съ своей стороны, даетъ нѣкоторыя подробности о приемахъ работы Золя, пропущенныя Амичисомъ.

Прежде всего, Золя дѣлаетъ набросокъ. Онъ беретъ своего Рутена или Маквара, зная, въ какой средѣ помѣститъ онъ его. Ему уже известна основная идея, или философская мысль романа. Тогда онъ, съ перомъ въ рукахъ, садится и начинаетъ разсуждать самъ съ собой. Все, что приходитъ ему въ голову—онъ набрасываетъ на бумагу и кладетъ это въ отдѣльную обертку. Во второй оберткѣ складываются документы, относящіеся собственно къ дѣйствующимъ лицамъ:—ихъ положеніе, возрастъ, здоровье, внѣшній видъ, темпераментъ, характеръ, привычки, связи и т. д. Однимъ словомъ, всѣ жизненные факты. Въ третьей оберткѣ все описаніе той среды, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Въ четвертой—выписки изъ специальныхъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ его роману, замѣтки, доставленныя ему друзьями, множество писемъ, составляющихъ ему матеріалъ.

Когда все это готово,—Золя изготовляетъ «планъ».

Онъ дѣлитъ весь матеріалъ на известное число главъ. Онъ съ математической точностью вычисляетъ, сколько разъ и черезъ какіе промежутки времени должно явиться то или другое лицо, тотъ или другой фактъ. Онъ беретъ обложку съ замѣтками о дѣйствующихъ лицахъ и распредѣляетъ: гдѣ нужно дать описаніе внѣшности такого-то лица, гдѣ выдающуюся черту его характера, гдѣ переибы, происшедшія въ немъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ фактовъ. Такимъ образомъ, онъ разрабатываетъ весь матеріалъ. Все должно занять свое мѣсто: описаніе квартала, дома, мѣстъ, выдающихся сценъ.

Когда планъ установленъ въ общихъ чертахъ—Золя принимается за романъ. Но передъ каждой новой главой онъ дѣлаетъ новый планъ. Иногда какая нибудь подробность оказывается лишнею, онъ переноситъ ее въ другое мѣсто, въ одну изъ слѣдующихъ главъ; иногда ему, уже

во время писанія, является что нибудь новое, подходящее, и онъ вставляетъ это.

Можно судить, насколько сложна и вмѣстѣ съ тѣмъ логична работа Золя. Его романы сравниваютъ съ музыкой Вагнера. На профана они должны производить одуряющее впечатлѣніе вагнеровскихъ оперъ. Съ перваго взгляда кажется, что въ нихъ нѣтъ ни творчества, ни правилъ. А если въ нихъ вникнуть, то увидишь, насколько работа Золя математична, строго научна, и сколько терпѣливаго и тяжелаго труда вложено въ нее.

Х.

Успѣхъ.

Успѣхъ не сразу дался Золя. Онъ много лѣтъ тихо тѣлѣ и вдругъ, сразу, прорвался яркимъ пламенемъ.

Первые романы написаны среди постоянныхъ заботъ о заработкѣ и семьѣ. Онъ жилъ тогда въ маленькомъ павильонѣ, въ улицѣ La Condamine. Павильонъ былъ неудобенъ, входъ некрасивъ, но при квартирѣ былъ садикъ, и Золя довольствовался этимъ. Онъ самъ ухаживалъ за нимъ, садилъ цвѣты, поливалъ ихъ. У него тогда было еще меньше знакомыхъ, чѣмъ теперь—онъ почти никуда не выходилъ,—этотъ садикъ замѣнялъ ему и кафе, и клубъ, и даже дачу, на которую тогда не доставало средствъ. Онъ постоянно возился около цвѣтовъ, поливалъ салать, или строилъ конуру для собаки, домикъ для кроликовъ и куръ. По вечерамъ, въ этомъ же саду Золя читалъ своимъ друзьямъ написанныя главы подъ глухой шумъ Парижа, точно подъ храпъ заснувшего великана. Эта квартира стоила тысячу франковъ въ годъ. Въ эту эпоху, Золя сошелся съ Флоберомъ и подружился съ Эдмономъ Гонкурромъ, огорченнымъ тогда смертью брата.

Наконецъ, въ 1874 году, дѣла Золя пошли настолько хорошо, что онъ нанялъ большую квартиру въ улицѣ Сенъ-Жоржъ. При квартирѣ опять былъ садъ. Тутъ уже жизнь всей семьи незамѣтно улучшается. Прежде не было прислуги; нанимали женщину, которая приходила на нѣсколько часовъ помогать женѣ и матери Золя. На новой квартирѣ уже наняли мужскую прислугу. Позже понадобилось двое слугъ—мужчина и женщина. Когда прошло лѣто, Золя увидалъ, что садъ отнимаетъ у него слишкомъ много времени, и нанялъ садовника. Кромѣ того, каждое лѣто онъ сталъ проводить съ семействомъ на морѣ, на югъ Франціи. Сдѣ-

лавшись театральнымъ критикомъ, онъ долженъ былъ посѣщать представленія, гдѣ по неволѣ видалъ большую публику.

Вмѣстѣ съ деньгами, у Золя явилась страсть украшать квартиру постоянно ходить по антикваріямъ и подыскиваетъ старинную Бальзакъ сказалъ гдѣ-то, что разбогатѣвшій человекъ меблируетъ квартиру такъ, какъ онъ мечталъ объ этомъ прежде, когда бы никомъ. Это подтвердилось на Золя. Онъ теперь—натуралистъ обстановкѣ квартиры чувствуется романтикъ прежнихъ лѣтъ. Онъ бы защищаясь, говорить, что новая мебель стояла бы слишкомъ. Но это только отговорка. Кровать въ стилѣ Генриха II, итальянскій голландская мебель, Обюссоны и разные антики стоятъ не Флоберъ восхищалея послѣдней квартирой Золя. «Я всегда мечталъ на такой кровати»—разъ сказалъ онъ.

Флоберъ былъ однимъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей Золя. Гонкуръ и Додэ составили вмѣстѣ съ Золя «квартетъ современнаго романа». Кромѣ того, у Золя собирались по четвергамъ люди разныхъ поколѣній и убѣжденій. Ближайшіе знакомые Золя: Тургеневъ, Гюго, Мопассанъ—фаворитъ Флобера, издатель Шарпантье, Франсуа Катулль Мендесъ, Мариусъ Ру; неразлучные друзья Юисмансъ, Эллисъ, и наконецъ, изрѣдка—Тэнъ, Ренанъ, Максимъ Дюканъ, Сандъ и Рауль Дюваль.

Флоберъ бывалъ всегда душой этого кружка. Золя очень часто минаетъ его. Онъ очень любилъ его рассказы, длившіеся иногда вечеръ, его споры, которые были, какъ говорить Золя, только тическими битвами между людьми съ одинаковыми убѣжденіями.

Особенно много такихъ споровъ бывало на интимныхъ устраиваемыхъ разъ въ мѣсяцъ «квартетомъ современнаго романа» прозвалъ эти обѣды—«обѣдами освищенныхъ авторовъ». Всѣ они валились въ театрѣ. Позже, къ этимъ обѣдамъ присоединился и невь, увѣряющій, что и онъ былъ освищенъ въ Россіи.

Вечера Золя много способствовали единенію молодыхъ литераторовъ ближайшихъ послѣдователей Золя: Анри Сеара, Юисманса, Элли де-Мопассана и Поля Алекси. Всѣ они относятся къ Золя, какъ къ своему другу, съ полнымъ довѣріемъ и симпатіей.

Враждебный имъ лагерь прозвалъ ихъ «прихвостнями Золя». Они выливаютъ цѣлые потоки грязи, обвиняютъ въ лакействѣ слѣпомъ поклоненіи своему учителю.

Теперь Золя проводитъ восемь мѣсяцевъ въ году въ Меданѣ.

маленькая деревушка, съ двумястами жителей, на лѣвомъ берегу Сены. Мѣстность чрезвычайно живописная:—вкругомъ яблони, орѣшникъ и дубы. (орога идетъ все время въ тѣни. Тишина полная; только поѣзды желѣзной ороги, время отъ времени, нарушаютъ ее. Кромѣ крестьянъ—не встрѣтишь ни души. Золя совершенно случайно отыскалъ Меданъ. Онъ обыкновенно лѣтомъ уѣзжалъ съ семьей на югъ Франціи. Но когда въ Парижѣ была выставка въ 1878 г.) ему не захотѣлось уѣзжать далеко. Онъ рѣшилъ нанять дачу гдѣ нибудь поближе къ Парижу. И онъ поѣхалъ искать. По дорогѣ къ одной деревнѣ, которую ему рекомендовали, Золя наткнулся на расивый домикъ, весь въ зелени. На воротахъ была надпись: «продается». Какъ ни уговаривалъ онъ отдать домъ въ наймы—хозяинъ не согласился, Золя рѣшился купить его за девять тысячъ франковъ и такимъ образомъ совершенно случайно сталъ собственникомъ. Позже онъ выстроилъ еще домъ по своему вкусу.

Золя встаетъ въ Меданѣ въ восемь часовъ, и послѣ легкаго завтрака идетъ гулять съ двумя собаками. Въ девять онъ уже сидитъ за работой. Его кабинетъ—громадная комната, похожая на мастерскую какого нибудь историческаго живописца:—пять съ половиною метровъ въ вышину, десять въ ширину и десять въ длину. Въ глубинѣ—ниша съ широчайшимъ диваномъ. По срединѣ, громадный столъ. За нимъ и работаетъ Золя. Онъ пишетъ, не вставая, до часу. «Nulla dies sine linea»—надписано золотыми буквами надъ каминомъ. Это девизъ Золя.

Въ часъ—завтракъ. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ Золя—жадность; онъ очень любитъ ѣсть. Послѣ завтрака, онъ отдыхаетъ. Въ три часа приносятъ газеты и письма; онъ прочитываетъ и то и другое. Но въ послѣдніе годы осаждаютъ письмами; онъ часто не въ силахъ отвѣчать на всѣ. Въ четыре часа, если хорошая погода, онъ ѣдетъ съ женой кататься въ лодкѣ, названной «Нана». Они переѣзжаютъ на островъ, читаютъ, гуляютъ, отдыхаютъ на травѣ. Часто возвращаются домой только къ обѣду, къ половинѣ осьмага. Въ десять часовъ—ложатся спать. Золя, какъ примѣрный буржуа, изо дня въ день ведетъ самую правильную жизнь. Онъ читаетъ въ постели до часу ночи. И вдругъ, когда среди окружающей тишины прогудитъ ночной поѣздъ, Золя подымается съ подушки, прислушивается и начинаетъ мечтать объ одномъ изъ своихъ будущихъ романовъ изъ желѣзнодорожнаго міра.

XI.

Человѣкъ.

Сентъ-Бёвъ сказалъ, что когда онъ хотѣлъ изучить писателя, онъ спрашивалъ: «Какъ онъ смотритъ на религію? Какъ относится къ народу? Къ женщинамъ? Къ деньгамъ? Богатъ онъ или бѣденъ? Какой его образъ жизни? Какъ онъ проводитъ день?»

Относительно Золя мы уже рѣшили часть этихъ вопросовъ; остается немного. Ему сорокъ два года, онъ довольно большого роста, плотный съ маленькими руками и ногами. Золя—брюнетъ съ матовымъ цвѣтомъ лица. Онъ очень близорукъ, но работаетъ безъ очковъ. Волосы у него коротко подстрижены, темношапановаго цвѣта, чуть чуть порѣбѣши на затылкѣ. Изъ-подъ высокаго и крутаго лба ласково смотрятъ замѣчательные глаза. Самая характерная черта въ лицѣ Золя—носъ, развѣванный на концѣ, какъ у Бальзака. Толстыя щеки и короткій подбородокъ съ подстриженной бородой. Въ общемъ, Золя производитъ впечатлѣніе здороваго сильнаго человѣка.

Это внѣшняя сторона Золя. Нравственная намъ тоже извѣстна. Онъ родился отъ итальянца и французенки; выросъ на югѣ, на свѣжемъ воздухѣ, въ полной свободѣ; осьмнадцать лѣтъ пріѣхалъ въ Парижъ много бѣдствовалъ, много работалъ и достигъ наконецъ полного благо состоянія. Въ этомъ вся его характеристика. Происхожденіе его объясняетъ многія черты его характера. Самая метода работы: систематичность, здравый смыслъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстность—становится понятною, если вспомнишь, что у него течетъ итальянская кровь.

Дѣтство и юность, проведенныя на югѣ, на свѣжемъ воздухѣ, въ полной свободѣ, тоже не прошли безслѣдно для Золя. Онъ тутъ научился любить и понимать природу; онъ сжился съ нею и привязался къ ней. И эта любовь отразилась въ его произведеніяхъ. Кромѣ того, полная свобода, даваемая ему матерью, заставила Золя рано вникать въ жизнь. Домъ онъ былъ всегда и совѣтникомъ и помощникомъ. Оттого у него такъ рано сложился правильный взглядъ на жизнь, рано выработался характеръ, который помогъ ему стать такимъ энергичнымъ и аккуратнымъ работникомъ.

Первые годы бѣдствій Золя въ Парижѣ окончательно выработали его характеръ. Онъ ни на минуту не склонялъ головы передъ нуждой и

удачами. Онъ гордо боролся съ ними, бился, какъ рыба объ ледъ,—и уѣдиль. Работа для хлѣба, для содержанія семьи—заставила его стать ринальнымъ дѣятелемъ. Пришлось заниматься и библиографіей, и критикой, и хрониками, даже давать отчеты о засѣданіяхъ палаты. Это все учило его къ перу, какъ къ оружію. Теперь, когда защищать себя уже нѣтъ надобности, Золя съ меньшей энергіей ратуетъ за свои идеи. И при всемъ этомъ, Золя утверждаетъ, что у него нѣтъ силы воли. Дѣйствительно, въ жизни нѣтъ человѣка мягче и уступчивѣе. А литературная настойчивость, по его объясненію, вытекла прямо изъ нужды, потому къ ней примѣшалось соревнованіе. И всегда онъ отличался желаніемъ быть первымъ; въ спорѣ онъ почти никогда не сдается провиннику. Соревнованіе стоитъ у него на первомъ планѣ. Оно и заставляетъ его работать, работать безъ конца. Золя только и живетъ, только оживляется, когда пишетъ. Всѣ остальные стороны жизни для него чужды не существуютъ. Напримѣръ, онъ почти не знаетъ женскаго общества. Золя—примѣрный мужъ и семьянинъ. «Мнѣ и некогда обратить вниманіе на кого нибудь, кромѣ моей жены,»—обыкновенно шутить онъ. Золя очень строгъ къ женской красотѣ, ума женщины онъ и собою не признаетъ.

Золя вообще не любитъ общества. Онъ очень застѣнчивъ и несообщителенъ. Кромѣ того, у него нѣтъ той свѣтскости, которая заставляетъ, вступая одно, говорить другое. Если кто не симпатиченъ ему, онъ и скажетъ это; не станетъ разговаривать или оборветъ на первой же разѣ. Это порождаетъ враговъ. Оттого Золя и предпочитаетъ сидѣть въ углахъ дома, у своего камина, среди друзей, и говорить все, что взбретъ на умъ. Тутъ только онъ таковъ, какъ есть:—искренній, симпатичный, довѣрчивый, всѣмъ интересующійся. Его только и можно узнать въ какомъ интимномъ кружкѣ; онъ не можетъ притворяться въ обществѣ, не можетъ быть любезнымъ, какъ большая часть свѣтскихъ людей, но зато и не умѣетъ быть самимъ собою. Онъ всегда сознаетъ это самъ и постоянно бѣжитъ общества. Лѣтомъ, уѣзжая купаться въ морѣ, онъ гнѣсвивается самый глухой уголокъ и ни за что не поѣдетъ ни въ Трувилль, ни въ Дьепъ. И чѣмъ въ большую славу входитъ онъ, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ эту потребность прятаться отъ людей. А про Золя еще говорятъ, что онъ гордъ. Такой гордости, какъ ее понимаютъ люди, гордости, въ смыслѣ тщеславія—у него нѣтъ и слѣда. Зато въ немъ много гордости другаго рода:—гордости въ смыслѣ вѣры въ свое дѣло, въ свои идеи и силу этихъ идей (идей, но не произведеній). Золя недоволенъ ни

однимъ изъ своихъ оконченныхъ романовъ. Пока онъ пишетъ, онъ своимъ произведеніемъ; разъ романъ готовъ и напечатанъ, Золя боится перечитать его, онъ для него какъ бы не существуетъ; онъ точно не можетъ найти много недостатковъ и сейчасъ же отдается весь новому роману. Во все время работы, Золя надѣется найти въ новомъ романѣ удовлетвореніе, и до сихъ поръ ни разу не находилъ его.

— Мнѣ все кажется, что я еще новичекъ, говоритъ Золя. — Я мои двадцать томовъ и трушу за каждый новый романъ.

Такого человѣка нельзя назвать гордымъ. Къ тому же, у Золя развито критическое чутье, чтобы не быть строгимъ къ себѣ. Даже теперь, когда успѣхъ его такъ очевиденъ и обезпеченъ, онъ постоянно сомнѣвается въ своихъ силахъ.

Въ настоящее время, Золя не зачѣмъ работаетъ для заработка его расходятся въ такомъ громадномъ количествѣ, что онъ не можетъ безбѣдно просуществовать со своей женой. Дѣтей у нихъ нѣтъ. Но привычка работать сдѣлалась второй натурой Золя. Онъ не можетъ провести ни одного утра безъ писанія. Для большаго удобства работы и живетъ въ Меданѣ восемь мѣсяцевъ въ году. Онъ перевезъ свои замѣтки, записки, планы, и устроилъ здѣсь свою литературную резиденцію, хотя и парижская его жизнь немногимъ отличается отъ меданской. Тѣ же друзья, что посѣщаютъ его въ деревнѣ, приходятъ и въ его квартиру въ Rue de Boulogne. Часы завтрака и сна — не измѣняются. Только иногда вечеромъ Золя отправляется въ театръ или къ знакомымъ. Вотъ и вся разница.

Вообще же Золя остается все тѣмъ-же, чѣмъ былъ и прежде. Онъ не можетъ найти человѣка, на котораго бы такъ мало повліяли слава, успѣхи, какъ на него. Тѣ, кто его знали въ бѣдности и неизвѣстности, не могутъ сказать, что онъ нисколько не измѣнился. Успѣхъ его, какъ романъ, отразился только на матеріальномъ благосостояніи семьи. Ни характеръ, ни настроеніе, ни вкусы Золя — неизмѣнились подъ этимъ успѣхомъ. Золя часто даже будто не сознаетъ своего успѣха. Онъ точно не знаетъ его. Онъ, по натурѣ, пессимистъ и поэтому ему всегда кажется, что онъ работаетъ плохо, не такъ, какъ надо, что онъ самый несчастный человѣкъ въ мірѣ. Такое настроеніе только побуждаетъ его работать дальше, но не даетъ ни одной минуты полного удовлетворенія.

И въ концѣ концовъ—что-же? Золя молодъ, богатъ, славенъ, счастливъ. Ему кругомъ завидуютъ, не зная, доволенъ-ли онъ своею жизнью. Деньги, посыпавшіяся ему со всѣхъ сторонъ, послѣ ст

ить нужды, — не даютъ ему счастья. Онъ здоровъ—но считаетъ себя лѣннимъ. Его книги читаетъ весь грамотный міръ, а онъ боится рас-
 ыть ихъ. Онъ достигъ полного развитія своего таланта, а все еще
 итаетъ себя начинающимъ. Слава его гремитъ, а онъ, садясь писать,
 ждое утро испытываетъ сознание своего полного безсилія. Онъ слиш-
 ымъ нервенъ и впечатлителенъ, чтобы когда нибудь быть покойнымъ.
 ромъ всего этого, литература сдѣлала его маньякомъ; она его idée fixe.
 ля сталъ «спеціалистомъ». Вся его жизнь, всѣ способности, качества
 недостатки, — все служить одной цѣли, одной спеціальности—литера-
 урѣ. Такъ предаться чему нибудь одному, значить сзузить жизнь въ
 звѣстныя рамки и не видѣть ничего внѣ ихъ. Искусство и наука
 огутъ интересовать людей одновременно настолько, насколько они слу-
 ать ихъ же цѣли. На Золя и отразилось это.

Еще одинъ важный недостатокъ Золя—его недоувѣрчивость къ людямъ.
 му пришлось очень много биться и выбиваться одному, безъ помощи
 одей. Понятно, что такая недоувѣрчивость въ немъ естественна. Онъ,
 е смотря на все желаніе совершенствоваться, не доувѣряетъ даже дру-
 ескимъ замѣчаніямъ, никогда не признаетъ себя неправымъ. Въ этомъ
 тношеніи онъ деспотъ, не смотря на всю мягкость своей природы.

ХІІ.

Бритива и публика.

Враги Золя давно обвиняютъ его въ страсти къ рекламѣ. Правда-ли
 го? Весь шумъ, поднятый по поводу сочиненій Золя, былъ раздуть
 теми-же врагами. Они, обливая его грязью, заставили всѣхъ знать
 оля, интересоваться имъ. Самъ меданскій отшельникъ изумляется
 орой этой массѣ статей, посвященныхъ ему.

— И чего имъ отъ меня надо? удивляется онъ.

Теперь онъ оставилъ всякаго рода полемику, рѣшилъ ни на что не
 твѣчать. Пятнадцатилѣтняя борьба закалила его такъ, что никакая
 лобная клевета не производитъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ,
 прочтя ее, спокойно продолжаетъ свою работу. Прежде бывало не
 такъ. Каждая пристрастная критическая статья приносила ему мученія.
 Онъ начиналъ ненавидѣть людей, сомнѣваться въ своемъ дѣлѣ; не могъ
 работать, связать двухъ фразъ. Теперь нѣтъ ничего подобнаго. Онъ
 спокойно собираетъ въ Меданѣ коллекцію всего писаннаго о немъ. Бри-

тики, похвалы, клеветы, оскорбленія, шутки, каламбуры, пошлости все разобрано и подшито. Иногда ему хочется подшутить надъ критикомъ обвиняющими его въ слишкомъ грубыхъ выраженіяхъ, и издать нѣсколько статей, какъ образчики полной безцеремонности критики. Такихъ ругательныхъ статей вышелъ бы толстый томъ, который проектировалъ бы озаглавить «Leurs Injures».

Настоящей-же, серьезной оцѣнки произведеній Золя—во Французской печати очень мало. Такъ называемая научная критика не занимается совершенно ходомъ литературы. Она игнорируетъ Золя или ждетъ его послѣдняго слова. Обыкновенная критика, съ людьми опытными и образованными во главѣ—слишкомъ заѣдена «школой». Она много занималась Золя. «открыла» его, защищала, потомъ игнорировала, потомъ опять признала, когда о немъ стали кричать за границей. Когда-же и во Франціи заговорили о немъ—она затоптала его. Но все время эти критики вѣсятъ себя профессорами. Они смотрѣли съ воспитательной точки зрѣнія романы Золя и ни на минуту не могли отнестись къ нимъ шире и глубже. Догматическая критика республиканскихъ журналовъ можетъ и идти въ счетъ. Люди, занимающіеся ею, пользуются обыкновенно своимъ новымъ произведеніемъ, чтобы высказать по поводу его свои мысли и задобрить избирателей. Вначалѣ они хвалили Золя, но съ появленіемъ «Assommoir'a» всѣ, въ одинъ голосъ, обвинили его въ томъ, что онъ «оклеветалъ народъ». Избирательная уловка, шитая бѣлыми нитками!

Рядомъ съ такими критиками нужно поставить и такъ называемую «католическо-романтическую» прессу. Она постоянно обливала Золя грязью, обливала съ немного большимъ талантомъ, чѣмъ бульварные журналы. Здѣсь люди, безо всякой эрудиціи, безъ направленія, безъ таланта, считали и считаютъ до сихъ поръ своею обязанностью потѣшать читателей постоянными остротами и пошлостями на счетъ Золя. Они навязываютъ ему свои свойства. Обвиняютъ его въ томъ, что онъ пишетъ для денегъ и бьетъ на развращенность нравовъ. Конечно, не здѣсь искать добросовѣстной оцѣнки сочиненій Золя.

Поль Алексіе говоритъ, что онъ прочелъ все написанное о Золя во Франціи. И его поразили не пристрастность, не озлобленность критики, а черезчуръ легкое отношеніе. Люди, писавшіе о немъ, не потрудились вынести въ задачи Золя. Они только пробѣжали его, схватили «слова» и считаютъ себя въ правѣ произносить приговоръ надъ нимъ. Никто не потрудился, прочитавъ внимательно всѣ произведенія Золя, прости-

дѣлать шагъ за шагомъ развитіе его идеи, отмѣтить его послѣдствительность, изслѣдовать, куда онъ стремится, кто его «интеллектуальные» предки. Никто не разбиралъ его въ связи съ переживаемой эпохой, а сколько чернилъ уже потрачено на отзывы о сочиненіяхъ Золя.

За границей къ нему отнеслись гораздо серьезнѣе и глубже. Въ Италіи ему посвящено около пятнадцати брошюръ и книгъ. Журналы постоянно занимаются имъ. Кромѣ того, бывшій министръ народнаго просвѣщенія де-Санетисъ прочелъ въ Неаполѣ нѣсколько публичныхъ лекцій о значеніи Золя. Во Франціи не было ничего подобнаго. Испанія высказываетъ также живой интересъ къ автору «Ругоновъ-Макваръ». Въ Англіи онъ извѣстенъ меньше, — здѣсь изъ пуританизма не признаютъ его, хотя «Assommoir» (въ англійскомъ переводѣ — «Drink») и выдержалъ пятьсотъ представленій въ Лондонѣ, да столько же въ провинціи. Въ Филадельфіи распродано сто тысячъ экземпляровъ перевода «Нана». Въ Германіи о Золя писали и пишутъ очень много. И все это гораздо глубже и обдуманнѣе, и безпристрастнѣе, чѣмъ во Франціи.

Но недоброжелатели Золя, желая придавить его, оказывали ему громадную услугу. Набрасываясь съ озлобленіемъ на каждый новый романъ, они заставляли публику интересоваться имъ. Предубѣжденные читатели начали мало-по-малу вникать въ его произведенія, они удивлялись, что не находятъ въ нихъ тѣхъ «ужасовъ», о какихъ имъ говорила критика, перестали вѣрить послѣдней и сами признали талантъ Золя. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если взглянуть на ту массу писемъ, какую получаетъ Золя каждый день со всѣхъ концовъ свѣта. Читая эти русскія, англійскія, шведскія, американскія, нѣмецкія, испанскія и итальянскія изліянія — Золя долженъ чувствовать себя космополитомъ.

Но, конечно, бѣольшая часть писемъ получается изъ Франціи. Молодые люди, мечтающіе въ провинціи о литературномъ трудѣ, робко исповѣдываются Золя. Дамы пишутъ ему о своихъ чувствахъ, не подозревая, что онъ всѣ письма показываетъ женѣ. Священники, знающіе людей, привыкшіе на исповѣди читать въ сердцахъ ихъ, открываютъ свои сердца Золя. Профессора университетовъ даютъ ему свои совѣты. Есть и ругательныя и сумашедшія письма. Но всѣ они имѣютъ то значеніе для Золя, что читающее общество идетъ само по себѣ. Онъ убѣдился, что публика интересуется имъ, что она чувствуетъ несправедливость и пристрастность французской критики. Время должно сдѣлать остальное.

Два стихотворенія.

I.

Въ лачужкѣ, убогой и тѣсной,
Какъ роза, поросши крапивой,
Томяся въ нуждѣ безъизвѣстной,
Росла ты, мой ангелъ предестный,
И выросла всѣмъ-то на диво.

Какъ утро, ланиты пылають,
Звенять словно музыка рѣчи,
И бѣлые зубы сверкають,
И русыя кудри сползають
Змѣями на свѣжныя плечи.

И каждаго, только захочешь,
Плѣнять эти бойкіе глазки;
И вотъ ты задорно хохочешь—
Я понялъ; о чемъ ты хлопочешь:
На золото цѣнишь ты ласки!

Влечетъ тебя шумная зала,
Гдѣ звуки волною струятся,
Гдѣ плещетъ вино изъ бокала,
И въ вихрѣ веселаго бала
Нарядныя пары кружатся.

Не родомъ, умомъ и уборомъ,
Въ стремленъѣ къ блестящему свѣту,

Но чудно-заманчивымъ взоромъ,
 Надеждою, лаской, поворомъ—
 Ты купишь дорогу къ паркету...

II.

Не то, чтобъ смерть меня пугала,
 Не то, чтобъ жизнь красна была:
 Она мнѣ счастья не давала,
 И много горя принесла.

Но такъ, порой, надъ книгой чудной
 Сидишь—сидишь, и день, и ночь,
 И разгадать ее такъ трудно,
 И такъ обидно бросить прочь!

Загадки поддавался игу,
 Ты ждешь: вотъ брызнетъ лучъ впотьмахъ...
 А смерть придетъ, и вырветъ книгу
 На недочитанныхъ строкахъ!..

Ф. Андреевъ.

Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи.

IV.

Во время крестьянской войны, въ Германіи было разрушено болѣе тысячи замковъ и монастырей, и только немногіе изъ нихъ были возобновлены. Война нанесла феодализму ударъ, котораго онъ уже не могъ оправиться. Дворянство было разбито и въ то же время государи, слѣдуя примѣру, поданному крестьянами, начали отбирать монастырскія имущества, причемъ многіе монастырскіе крѣпостные сдѣлались подданными свѣтскихъ правителей. Крестьянская война выставила широкую программу преобразованій всего общественнаго строя, но осуществленіе этой программы сдѣлалось возможнымъ только черезъ три столѣтія. Война остановила всякое развитіе въ странѣ. «Спокойствіе послѣ войны, говоритъ Циммерманъ, можно бы называть могильною тишиною. Побѣдители все еще находились въ страхѣ, что, какъ привидѣнія въ полночь, вдругъ покинута изъ могилъ тѣни умершихъ. Веселье покинуло тирольскія, штирійскія и швабскія долины: не слышно было болѣе скрипки, ни танцевъ, ни пѣнія. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, а матеріальный ущербъ, нанесенный народу, не сглаживался, еще менѣе могъ исчезнуть политическій и религіозный вредъ. Германія лишилась съ этихъ поръ единства въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и стала все болѣе и болѣе разединяться и политически. Могущество князей начало превышать могущество императора. Въмѣсто того, чтобы стремиться къ единству государство и народъ все болѣе и болѣе удалялись отъ него. Обезсиленіе народа повело къ ослабленію внѣшней силы имперіи. Сраженія, казни, изгнанія, голодъ и нищета уничтожили сотни тысячъ людей. Какъ неизбѣжныя послѣдствія реакціи объединеніе и его вѣрный спутникъ—рабство—стали быстро распространяться въ Германіи. Просвѣщеніе, промышленность, ремесла, даже успѣхи земледѣлія были замедлены на пѣлое столѣтіе».

лѣтіе. Пораженіе протестантскихъ князей и тридцатилѣтняя война представляются также естественными слѣдствіями неуспѣха великаго народнаго возстанія 1525 года».

Послѣ крестьянской войны и секуляризаціи монастырскихъ имѣній, произволь и грабежъ дворянства и духовенства были ограничены, и во многихъ мѣстахъ господа должны были сдѣлать значительныя уступки крестьянамъ. Такъ напр., крестьянамъ кемптенскаго аббатства удалось въ 1526 г., при содѣйствіи швабскаго союза, заключить съ своимъ духовнымъ господиномъ договоръ, обезпечившій за ними нѣкоторыя льготы, которыхъ они такъ долго добивались и отказъ въ которыхъ былъ причиною возстанія. Продолжительный миръ оживилъ и обогатилъ страну, особенно среднюю Германію, и даже крестьянинъ сдѣлался зажиточнѣе прежняго. Деревень было даже нѣсколько болѣе, чѣмъ теперь; деревня попрежнему обносилаь рвомъ и тыномъ или каменною стѣною съ воротами, которыя запирались на ночь. Кладбище обыкновенно защищалось отдѣльною стѣною и служило для жителей цитаделью. Деревня и пашня день и ночь охранялись сторожами. Дома, построенныя большею частію изъ дерева, были неуклюжи и расположены тѣсными неправильными улицами, но они не были бѣдны утварью и пожитками. Были сады плодовыхъ деревьевъ; во дворѣ, заваленномъ навозомъ, бродили куры; на сжатой пашнѣ кормились большія стада гусей, а въ конюшнѣ было значительно болѣе лошадей, чѣмъ теперь. Многочисленныя стада овецъ и рогатаго скота паслись на тучныхъ лугахъ или сосѣднихъ высотахъ, шерсть стояла въ цѣнѣ, шерстяная промышленность во многихъ мѣстахъ процвѣтала и нѣмецкія сукна составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза. На южныхъ горныхъ склонахъ въ Тюрингенѣ и Франконіи всюду были виноградники и дѣлалось сносное вино. Вообще, хозяйственный видъ страны около 1618 г. былъ гораздо отраднѣе, чѣмъ въ два послѣдующія столѣтія. Крѣпостныя много платили барину и много работали на него, но не мало было и свободныхъ крестьянъ. Многія духовныя имѣнія были распроданы, многіе домены и дворянскія земли были розданы въ аренду крестьянамъ, и хотя сельская жизнь далеко не была такой идилліей, какой ее старается представить Фрейтагъ въ своихъ «Картинахъ нѣмецкаго прошлаго», но все таки, впоследствии, крестьянинъ долго еще могъ вспоминать объ этомъ времени съ сожалѣніемъ. Со времени реформаціи, по крайней мѣрѣ, въ деревняхъ съ церквями, были школы, иногда и для дѣвочекъ. Крестьянинъ еще сильно отличался отъ горожанина и жилъ по старинѣ, носилъ свое старинное платьѣ, соблюдалъ праѣдовскіе обычаи, пѣлъ старинныя пѣсни. У его жены и дочерей были большіе запасы перинъ, подушекъ, бѣлья, платья,

цѣпей, монетъ и другихъ украшеній, а въ копилкѣхъ висѣло много колбасъ и окороковъ. Водились у мужика и деньги, торыя онъ держалъ въ сундукахъ, или, положивъ въ горшокъ, капывалъ въ землю. Онъ не бѣдствовалъ, не голодалъ и значительной степени сохранялъ еще привычки свободного ловѣга.

Такъ жилъ крестьянинъ до 1618 г., когда до него началъ доходить слухъ объ ужасахъ войны, опустошавшей Богемію. Скоро съ него начали требовать новый налогъ на содержаніе только что заведеннаго постоянного войска, солдаты. Налоги усилились, все вздорожало. Въ 1623 г. начались усиленныя вербовки солдатъ, партіи которыхъ громили и грабили крестьянъ. Затѣмъ начали проходить иностранныя войска. Одичалые на войнѣ солдаты занимали деревню, завладѣвали крестьянскими домами, ложились на хозяйскія постели, требовали содержанія, вина, денегъ, били, мучили, разбивали все, что попадалось подъ руку. Уходилъ одинъ отрядъ, прибывалъ другой и дѣлалъ то же. И такъ продолжалось годъ за годомъ. У крестьянина вымучивали послѣднія деньги, жестокими пытками заставляли его указывать мѣсто, въ которомъ спрятаны его цѣнности; птица, скотъ, припасы съѣдались или уводились солдатами; дѣвицъ, женщинъ, дѣтей насиловали или уводили съ собой. За каждымъ отрядомъ слѣдовалъ длинный хвостъ мародеровъ, забиравшій то, что упало отъ солдатъ. Когда же городъ или деревня лежали въ самомъ округѣ военныхъ дѣйствій, ихъ судьба была еще ужаснѣе. Вотъ, напр., какъ описываетъ лѣтописецъ взятіе Кемптена въ 1636 г.: «Когда непріатели ворвались, всѣ мужчины и женщины, захваченные ими на улицахъ, были умерщвлены, всѣ дома и церкви въ городѣ и предмѣстьѣ ограблены до-чиста. Жителей пытали, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, разбивали всѣ сундуки, комоды, шкапулки, распарывали перины и подушки, рѣзали мужчинъ, женщинъ, дѣтей, разстрѣливали, кололи, убивали топорами, вѣшали, насиловали. Множество дѣвицъ и женщинъ было опозорено, безчестили даже беременныхъ; у одной беременной отрѣзали груди; нѣкоторыхъ женщинъ заставляли убивать своихъ мужей ударами топора. Не щадили ни пола, ни возраста; умертвили старика-проповѣдника 70-ти лѣтъ, изнасиловали до смерти дѣвочку 12 лѣтъ и даже одну старуху, имѣвшую подъ 100 лѣтъ, и одну бюргершу, только что оправившуюся послѣ родовъ. Убивъ одного цирюльника, изнасиловали его дочь потомъ выкололи ей глаза и, вмѣстѣ съ трупомъ отца, выбросили ее черезъ окно на улицу. Одного бюргера повѣсили за ноги, нѣкоторымъ женщинамъ рубили руки; одну женщину, отрубивъ ей руки, бросили въ котель съ кипяткомъ, потомъ отсѣкли ей голову» и т. д. Все населеніе было объято ужасомъ, видѣли гроз-

быя знаменія, слышали какіе-то голоса, говорили о рожденіи собенныхъ уродовъ, о появленіи пророковъ и привидній. Разбивались всѣ общественныя узы, жены бѣжали отъ мужей, дѣти отцовъ, каждый думалъ только о себѣ, всюду появились разбойники, вооруженныя шайки крестьянъ грабили чужія деревни. Народъ бѣжалъ въ лѣса, въ города, за границу. Голодъ доходилъ до того, что убивали и ѣли людей, ѣли трупы и падали. За голодомъ слѣдовала чума. Страна была опустошена ужасно. Множество деревень вовсе исчезло съ лица земли, города были выжжены и разрушены. Въ Вюртембергѣ въ 1641 г. изъ 400,000 жителей осталось всего 48,000, во Франкенталѣ изъ 18,000—только 324, въ Гиршбергѣ изъ 900—всего 60. Въ графствѣ Геннебергъ убыло 70% семействъ, 66% домовъ, 85% лошадей и погибли всѣ овцы. Въ 14 округахъ графства было:

	Въ 1634 г.	Въ 1649 г.	
Семействъ	13,095	3,969	
Домовъ	11,850	4,053	
Въ 19 деревняхъ Геннеберга было:			
	Въ 1636 г.	Въ 1649 г.	Въ 1849 г.
Семействъ	1773	316	1916
Домовъ	1717	627	1558
Въ 17 деревняхъ скота . .	1402	244	1994
> 13 > лошадей	485	73	107
> 12 > овецъ	4616	—	4596
> 4 > козъ	158	26	286

Въ одной баварской деревнѣ, изъ 140 лошадей осталось 3, изъ 400 головъ рогатаго скота—только 4. Овцы, свиньи, птицы были истреблены до чиста, не уцѣлѣло ни одного плуга, ни одной телѣги. Вообще же населеніе въ разныхъ частяхъ страны уменьшилось до $\frac{1}{3}$, даже до $\frac{1}{4}$ прежняго числа, а скоть—еще болѣе, и нѣкоторыя породы его во многихъ мѣстахъ совершенно исчезли. Дома, амбары, сараи, овины, мельницы были сожжены или лежали въ развалинахъ, сады вырублены, земледѣльческія орудія истреблены, пашни запущены и заросли сорными травами, даже лѣсомъ.

Нѣкоторыя мѣстности Германіи до сихъ поръ еще не могли оправиться отъ опустошеній, и можно себѣ представить, въ какомъ положеніи была страна въ первое время по водвореніи въ ней мира. Всѣ общественныя порядки были расшатаны, всюду царилъ произволъ и насиліе, государи съ своими чиновниками и солдатами и дворяне могли теперь дѣлать, что хотѣли, съ разореннымъ, обнищавшимъ, забытымъ народомъ. Вся страна была разбита на множество отдѣльныхъ владѣній и въ XVІІІ в. въ Германіи было 300 независимыхъ государствъ, 1,500 полувисимыхъ и 40,000 рыцарскихъ имѣній, владѣльцы которыхъ,

кроме других привилегий, были облечены вотчинною судебною властью. Старинное самоуправление окончательно пало, государи стали содержать постоянныя войска и, опираясь на нихъ, сдѣлались совершенно независимыми отъ земскаго представительства. Неограниченный деспотизмъ сдѣлался идеаломъ, къ осуществленію котораго стремились послѣдній нѣмецкій ландграфъ, и вся система управленія сводилась къ одному произволу. Вся нѣмецкіе государи стремились сдѣлаться неограниченными султанами и поддерживали другъ друга въ этомъ стремленіи. Въ 1671 г., напр., курфирсты баварскій, бранденбургскій и вельскій съ нѣкоторыми другими князьями заключили между собою союзъ, рѣшивъ, что они имѣютъ право произвольно облагать налогами своихъ подданныхъ, безъ согласія земскихъ собраний, а для поддержки этого рѣшенія, союзники согласились содержать 15,000 пѣхоты и 5,000 кавалеріи. Во всей странѣ водворилась система чудовишнаго деспотизма. «По этой системѣ, говоритъ Бидерманъ,—въ государствѣ есть только господа и подданные. только абсолютно повелѣвающая, неограниченная воля и безправная масса слѣпо повинующихся, терпѣливыхъ рабовъ,—съ одной стороны незначительное меньшинство, состоящее изъ государи и его приближенныхъ, для разнузданныхъ наслажденій котораго служатъ всѣ естественныя богатства страны и всѣ съ огромными усиліями добытые плоды народнаго труда; съ другой стороны—масса народа, обязанная, для удовлетворенія прихотей этого меньшинства, работать, платить, отбывать повинности и терпѣть нужду». Господамъ и повелителямъ страны такой порядокъ казался вполне естественнымъ и справедливымъ, и когда одинъ изъ графовъ, Шаумбургъ-Липпе, ошибкою убилъ на охотѣ человѣка, то пасторъ постарался успокоить его совѣсть тѣмъ соображеніемъ, что онъ сдѣлалъ это непреднамеренно. «да и къ тому же онъ господинъ надъ жизнью своихъ подданныхъ». Этотъ деспотизмъ доходилъ до того, что подданными торговали, какъ скотомъ, и въ то время, какъ множество обдѣланныхъ крестьянъ Швейцаріи нанималось для войны въ иностранныя войска, нѣмецкіе государи продавали за границю тысячи своихъ крестьянъ, предварительно обративъ ихъ въ солдатъ *). Въ XVII и XVIII в. было продано за границу изъ Германіи всего 625,000 солдатъ. Въ 1687—Венеція купила въ Гессенъ-Касселѣ для войны съ турками 1,000 человѣкъ; затѣмъ, то же правительство продало въ 1702 г. морскимъ державамъ 9,000 ч., въ 1706 г. продано для войны въ Италиі 11,500 ч., по-

*) Папа, императоръ, французскій король, Голландія, Англія, всѣ вербовали солдатъ въ Швейцарію въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ.

омъ Англіи—12,000 ч. Съ воцаренія Георга II, Англія начала ежегодно платять за солдатъ гессенскому ландграфу по 4.800,000 марокъ. Въ войну за австрійское наслѣдство, гессенцы дрались съ гессенцами, такъ какъ ландграфъ продалъ 6,000 своихъ подданныхъ англійскому королю, союзнику Маріи Терези, и 6,000 другихъ—его противнику, Карлу VII. Въ семилѣтнюю войну, англійское вспомогательное войско Фридриха II тоже состояло изъ роданныхъ нѣмцевъ, въ числѣ которыхъ было 12,000 гессенцевъ. Купленными же нѣмцами воевала и Голландія съ туземцами своей капской колоніи. Эта работоторговля развилась съ собенною силою во время войны Англіи съ американскими олоніями, когда въ продолженіе восьми лѣтъ, 1775—1783, было родано:

Изъ Брауншвейга	5,723 ч.	или 3% населенія.
> Гессенъ-Касселя	16,992	> 4 > >
> Гессенъ-Гайнау	2,422	> 3 > >
> Ансбахъ	1,644	> 1 > >
> Вальдека	1,225	> 1 > >
> Ангальтъ-Цербста	1,160	> 5 > >

За нихъ государи выручили:

Герцогъ Брауншвейгскій	3.453,920	марокъ.
Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій	24.463,140	>
Гринцъ Гайнау	3.463,780	>
Князь Вальдекскій	1.328,880	>
Бариграфъ Ансбахскій	2.126,740	>
Князь Ангальтъ-Цербстскій	965,360	>

Всего . . . . . 35.802,260 марокъ.

Чудовищная роскошь дворовъ заставляла государей разорять подданныхъ налогами, а грабежи и насилія чиновниковъ доводили ихъ до окончательнаго обнищанія. Всякая власть, начиная съ короля и кончая лѣснымъ сторожемъ, была олицетвореніемъ произвола и жила, главнымъ образомъ, на счетъ крестьянъ. Призычка къ произволу отъ высшихъ переходила къ низшимъ, и слова ганноверскаго герцога Іоганна: «и императоръ въ своей землѣ» скоро сдѣлались девизомъ cadaго помѣщика, cadaго чиновника, cadaго писца. Крестьянинъ сдѣлался добычею всевозможныхъ хищниковъ, особенно дворянства. Государи, чтобы примирить дворянъ съ потерей того значенія, какое они имѣли прежде на земскихъ сеймахъ, смотрѣли сквозь пальцы на ихъ насилія надъ крестьянами и утверждали ихъ вотчинныя права. Даже одинъ изъ лучшихъ государей, великій курфирстъ бранденбургскій, чтобы избавить помѣщиковъ отъ всякихъ жалобъ со стороны крестьянъ, въ 1653 году постановилъ, что если крестьянинъ, принесшій жалобу на своего барина, «недостаточно

ясно докажетъ ее», то подвергается тюремному заключенію «дабы и другіе воздерживались отъ подобныхъ своевольныхъ жалобъ».

Благодаря содѣйствію государей, помѣщики не только расширили свою власть надъ крѣпостными, но и усиленно начали порабощать свободныхъ крестьянъ. Только по мѣстамъ крестіанамъ удавалось сохранять свою свободу, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ графствахъ по Рейну, гдѣ крѣпостное право пало въ средніе вѣка и земледѣлецъ былъ или собственникомъ, наслѣдственнымъ фермеромъ. Были еще свободные крестьяне по берегамъ Везера и Эльбы, въ Тиролѣ, Верхней Австріи, Верхней Баваріи и Тюрингенѣ. Но и эти свободные земледѣльцы жили большею частью не лучше крѣпостныхъ, обираемые угнетаемые чиновниками, подавленные непосильнымъ бременемъ податей и повинностей. Нерѣдко ихъ положеніе было до того плохо, что они даже завидовали крѣпостнымъ, и когда ок. 1700 г. Фридрихъ I прусскій хотѣлъ освободить крѣпостныхъ Помераніи, то они были очень недовольны этимъ, такъ какъ имъ пришлось бы платить болѣе прежняго. Въ XVIII в. крестьяне составляли 70% всего населенія Германіи и изъ этого числа свободныхъ было только $\frac{1}{5}$, остальные же $\frac{4}{5}$ находились въ крѣпостной зависимости, достигшей своего крайняго развѣтія съ половины XVII до половины XVIII в.

По окончаніи тридцатилѣтней войны, помѣщики и государи начали употреблять всѣ усилія, чтобы обуздать крестьянъ, чѣмъ и называлась, отъ рукъ отбившихся во время военной анархіи. Крестьянинъ привыкъ дѣйствовать болѣе ружьемъ, чѣмъ плугомъ, отбился отъ барщины и усвоилъ себѣ привычки отставныхъ солдатъ, селившихся по деревнямъ. Крестьянскіе парни наряжались, какъ рыцари, носили ружья и длинные топоры, причинявшіе не мало страха и вреда помѣщикамъ и ихъ управляющимъ. Крестьянамъ начали строго запрещать носить оружіе и наконецъ помѣщики добились того, что народъ былъ обезоруженъ. Не мало заботъ доставляли землевладѣльцамъ и отставные солдаты, селившіеся по деревнямъ. Они были гораздо бойчѣе крестьянъ и нелегко мирились съ тяжелыми повинностями. Поэтому ихъ оставляли въ селахъ и предоставляли имъ личную свободу, если только они состояли прежде на дѣйствительной службѣ подъ знаменами; если же они служили только въ обозѣ, то ихъ обращали въ крѣпостныхъ. Во время войны, множество крестьянъ разбѣжалось, перемѣнило мѣсто жительства, поселилось въ чужихъ имѣніяхъ, и помѣщики выхлопотали себѣ право отыскивать бѣглецовъ и возвращать ихъ себѣ силою. Дворяне съ своими дворовыми начали рыскать по странѣ и ловить мужиковъ, причѣмъ не всегда захватывали однихъ только своихъ

Въ ГЕРМАНИИ И НѢМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРИИ, а часто совершенно постороннихъ кре-
стьянскія охоты на мужиковъ встрѣчали со сто-
лькимъ сопротивленіемъ и были такимъ вопію-
щимъ, что даже въ странахъ, гдѣ крѣпостная зави-
симость была очень тяжка, государи въ XVII в. не разъ напоми-
ли дворянамъ, что крестьяне люди свободные, а не рабы, но
и слова оставались въ теоріи, которая была скоро позабыта.

Въ теоріи, которая была скоро позабыта. Крестьянъ всякой самостоятель-
ности и заботы лишились даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и

иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и

иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и

иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и
иногда даже вольнонаемныхъ слугъ и

Законы, каравшіе крестьянъ за ихъ преступленія, были ужасны. За убійство своего барина или за поджогъ его усадьбы, мужи сожигали живымъ; за побѣгъ его сѣкли плетью и раскаленнымъ желѣзомъ выжигали на лбу висѣлицу. Въ епископствѣ Мюнстеръ, за прелюбодѣяніе и другія преступленія противъ вѣрности, наказывали испанскимъ плащомъ, т. е. сажали въ шкафъ, наполненный острыми колыями, впивавшимися въ тѣло. По бранденбургскому закону, «кто срубить дубъ, того слѣдуетъ привести къ испорченному дереву и отрубить на нѣ его голову, которая пусть и лежитъ тутъ, пока то мѣсто не заростетъ снова. Кто испортитъ плодовое дерево, то, вынувъ ему кишки изъ брюха и прибавивъ ихъ къ дереву, оставитъ его тутъ, пока дерево не поправится». Этотъ законъ дѣйствовалъ не въ одномъ Бранденбургѣ, а въ большей части Германіи. За поджогъ лѣса, виновнаго зашивали въ коровью шкуру, клавъ въ трехъ шагахъ отъ самаго жаркаго мѣста въ пожарищѣ; онъ погибалъ мучительною смертію. Все было пущено въ ходъ чтобы подавить личность крестьянина, забить его, и правительства въ этомъ отношеніи усердно помогали помѣщикамъ. Даже напр., введенный въ Помераніи въ 1764 г. уставъ о крестьянахъ, значительно улучшившій ихъ положеніе, былъ все-таки очень суровъ и по нему можно судить, каково жилось мужикамъ прежде. «Хотя померанскіе крестьяне и не крѣпостные рабы говорятъ этотъ уставъ, но также не подлежатъ сомнѣнію, что ихъ пашни, луга, сады и дома составляютъ собственность помѣстья, а они сами принадлежатъ къ помѣстью въ качествѣ людей, обязанныхъ и приписанныхъ къ землѣ. Они обязаны платить помѣщику оброкъ и исполнять во всякомъ мѣстѣ всѣ необходимыя въ имѣніи работы. Они и дѣти ихъ не могутъ безъ вѣдома и дозволенія помѣщика уходить изъ имѣнія». Самовольно ушедшій наказывается помѣщикомъ тѣлесно, тюрьмою работою въ кандалахъ. Всѣ помогавшіе побѣгу или знавшіе, и не донесшіе о немъ, тоже наказываются тѣлесно и платятъ помѣщику за убытки. Если крестьянинъ почему нибудь оставляетъ свой дворъ или помѣщикъ прогоняетъ его, «то это еще не дѣлаетъ его свободнымъ и онъ не можетъ ни поселиться на другомъ участкѣ, ни идти въ работники, но обязанъ служить своему господину за опредѣленную имъ плату и выѣздъ съ своими дѣтьми остается принадлежащимъ имѣнію». Если помѣщикъ прогоняетъ его несправедливо, онъ можетъ жаловаться начальству. Заниматься какимъ нибудь ремесломъ и обучать ему дѣтей своихъ крестьянинъ можетъ не иначе, какъ съ дозволенія барина. Самовольные браки, безъ помѣщичьяго дозволенія, «запрещаются подъ страхомъ тяжкаго наказанія».

Если ужъ этотъ сравнительно гуманнѣйшій уставъ, составлен-

ный подъ вліяніемъ либеральныхъ идей второй половины XVIII в. предоставлялъ помѣщику такой широкой произволъ, то можно себя представить, каково было жить мужику подъ владычествомъ суровыхъ законовъ, составленныхъ исключительно въ интересахъ дворянства. Но и по этимъ законамъ нельзя еще судить объ ужасномъ положеніи нѣмецкихъ крѣпостныхъ, такъ какъ помѣщики не обращали вниманія на законы и хозяйничали у себя какъ хотѣли. «Теорія, говоритъ Зугенгеймъ, почти вездѣ была уже довольно дурна, но на практикѣ дѣло было еще гораздо хуже, чѣмъ по дѣйствовавшимъ тогда законамъ, и помѣщики обращались съ крестьянами, какъ со скотомъ; не лучше поступали съ ними и государственные чиновники». «Къ крѣпостному, — по выраженію Бидермана, — относились, какъ къ скоту, можетъ быть даже безпощаднѣе». Крѣпостные платежи и повинности были до того разнообразны, что Лангъ въ своей исторіи налоговъ въ Германіи насчиталъ ихъ 750 родовъ! Помѣщикъ бралъ себѣ десятину съ хлѣба, табаку, винограда, плодовъ, овощей, даже десятую часть каждаго убитаго крестьянникомъ животнаго. Онъ бралъ особыя дани гусями, масломъ, яйцами, утками, кашунами, имбиремъ, перцемъ, пряжею и т. д. При уплатѣ оброка, крестьянинъ платилъ еще особую дань по этому случаю (Staubs — или Massgeld), платилъ съ каждаго воза, отправляемаго имъ на базаръ, платилъ налогъ съ соли, платилъ на содержаніе дворни, на караулъ въ замкѣ, на содержаніе вотчинной администраціи и т. д. Были особые налоги по случаю вступленія въ бракъ, при наступленіи извѣстныхъ праздниковъ, при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, при производствѣ слѣдствій. Все наслѣдство умершаго крестьянина принадлежало барину, но, въ большинствѣ случаевъ, онъ уступалъ его семейству покойнаго, а себѣ бралъ лучшее животное изъ его скота или другую вещь; имущество же холостяка все забиралось помѣщикомъ. Въ Вестфаліи половина наслѣдства шла барину. Кромѣ всѣхъ этихъ платежей, крестьянинъ отбывалъ самую разнообразную барщину, которая въ средніе вѣка составляла 3 дня въ недѣлю, а послѣ войны помѣщики подняли ее до 5, 6, даже до 7 дней, что нерѣдко вызывало крестьянскіе бунты. До войны барщина опредѣлялась обычаемъ, но потомъ помѣщики отбросили въ сторону всѣ прежнія правила и замѣнили опредѣленное количество работы неопредѣленнымъ, зависѣвшимъ единственно отъ ихъ произвола. Отрываемые отъ своихъ работъ и домовъ, часто на нѣсколько дней, крестьяне съ своимъ скотомъ не только работали на барина, но и кормились все это время на свой счетъ. Барщина была до того убійственна, что въ XVIII в. вызывала иногда негодованіе даже среди дворянъ, и одинъ изъ нихъ писалъ въ 1793 г.: «Что должно сказать, если крестья-

нина заставляють везти на дальнее разстояніе чужой прошлогодній хлѣбъ въ то время, какъ его собственная жатва настоятельно требуетъ его присутствія; если онъ долженъ участвовать въ постройкѣ роскошнаго зданія, между тѣмъ какъ его собственная хижина разваливается; если онъ, для отвозки какаго нибудь пустаго поздравительнаго письма, посылается въ дорогу въ то время, какъ его зоветъ къ себѣ умирающая мать; если онъ долженъ ходить за нѣскольکو миль для взноса незначительнаго налога; если онъ послѣ цѣлаго дня работы на барщинѣ долженъ еще ночью караулить господскій дворъ; если онъ долженъ сдѣлать миль 8, чтобы доставить магазинный хлѣбъ по назначенію; если онъ долженъ оставаться на барщинѣ въ то время, какъ горитъ его домъ». Последнее дѣйствительно случилось въ одномъ помѣстьѣ въ 1790 г.: въ то время, какъ крестьяне работали на барщинѣ, загорѣлась ихъ деревня, но на пожаръ ихъ не отпустили.

Многіе государи сами подавали помѣщикамъ примѣръ угнетенія поданныхъ непомѣрною, чисто египетскою барщиною. Карлъ - Евгений вюртембергскій, напр., заставлялъ крестьянъ вырывать озера на горахъ для своихъ потѣхъ; тысячи крестьянъ по его волѣ сгонялись, чтобы ловить каждаго бѣжавшаго солдата. Не менѣе барщины разоряла крестьянъ «благородная страсть» государей и дворянъ,—охота. Дичь, страшно размножавшаяся подъ покровительствомъ законовъ, пожирала и вытаптывала крестьянскіе посѣвы, истребляла скоть и домашнюю птицу, охотничьи компаніи стравляли и вытаптывали пашни, а разоряемые крестьяне отрывались отъ работы, чтобы служить загонщиками при господской потѣхѣ. Крестьянину запрещалось держать ружье, за браконьерство его убивали на мѣстѣ; но дичь такъ вредила ему, что, не смотря ни на какія строгости, онъ продолжалъ втайнѣ воевать съ нею. Онъ рылъ волчьи нмы, за которыя законъ строго каралъ его. Онъ пробовалъ обносить свои поля изгородью, но ее немедленно сламывали. Крестьянинъ не смѣлъ даже держать большихъ собакъ, опасныхъ для дичи. Если же онъ самъ стрѣлялъ по звѣрю, то въ Саксоніи въ первый разъ его наказывали розгами и ссылали на 6 лѣтъ въ каторгу, а за вторичное преступленіе слѣдовала пожизненная каторга. За простой выстрѣлъ, за одно устройство силковъ или западни, даже если дичи не было причинено никакого вреда, слѣдовали тяжкіе штрафы, а за убійство звѣря налагались громадныя пени и каторга. Въ Помераніи взыскивалось въ XVIII в. за оленя 200 талеровъ, за козулю, кабана, серну—100 талеровъ, за вепренка—50, за зайца—20, за оазана, глухаря, куропатку—10. Всѣ эти штрафы, при несостоятельности виновнаго, замѣнялись заключеніемъ въ рабочемъ домѣ отъ 4 недѣль до 6 мѣсяцевъ.

стрѣляли гусей и голубей, выбивали окна въ избахъ, угоняли лошадей, избивали сторожей, грабили крестьянъ на базарахъ. И всѣ эти люди, которые такъ грабили и угнетали мужика. его же и презирали, считая грубымъ животнымъ, скотомъ, неспособнымъ ни къ какому развитію, и насмѣшки надъ «мужичьё» были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ въ старинной немецкой литературѣ. Вотъ что говорится, напр., въ книжкѣ порокахъ крестьянскаго сословія, вышедшей въ Вартбургѣ въ 1684 г. «Крестьяне, конечно, люди, но они необтесанные и грубые другихъ. Стоитъ только взглянуть на ихъ привычки и тѣлодвиженія, чтобы отличить мужика отъ порядочнаго человѣка. Ихъ отвратительные нравы извѣстны каждому. Мужикъ одинаково говоритъ со всякимъ, кто бы ни стоялъ передъ нимъ. Онъ рѣдко снимаетъ свою шляпу и, если дѣлаетъ это, то крайне неуклюже. Онъ ѣстъ безъ вилочекъ и прямо съ пятерней лѣзетъ въ блюдо». Мужики,—говоритъ авторъ,—всѣ воры и мошенники; они лѣнивы и непочтительны къ господамъ и пасторамъ. «Мужикъ похожъ на треску, которая становится тѣмъ мягче, чѣмъ больше ее бить; такъ и милые мужички становятся тѣмъ покладистѣе, чѣмъ болѣе наваливаютъ на нихъ работы. Кто жилъ между ними долгіе годы, тотъ знаетъ, что это за птицы. Добрымъ словомъ ничего не подѣлаешь съ мужикомъ, и его можно прогнать только дубиной. У мужиковъ нѣтъ совѣсти. Достаточно извѣстно также, что мужики нелегко выдаютъ другъ друга и никогда не выступаютъ свидѣтелями противъ своего брата. Обыкновенно вся община стоятъ заодно, до такой степени, что кто самъ не видывалъ этого, тотъ не повѣритъ».

При подобныхъ понятіяхъ о мужикѣ, крѣпостное право находило въ обществѣ хорошую почву для своего процвѣтанія. Познакомившись съ общими для всей Германіи чертами, мы остановимся теперь на двухъ провинціяхъ, въ которыхъ крѣпостное право отличалось кое-какими особенностями.

Въ Баваріи положеніе крестьянъ было не изъ худшихъ, но, по словамъ историка Вельша, въ концѣ XVIII в. крестьянинъ до такой степени былъ въ рукахъ помѣщика, что находился въ худшемъ положеніи, «чѣмъ римскій рабъ, которому господинъ давалъ, по крайней мѣрѣ, одежду и пищу». Если только пересчитать платежи и повинности, которыми законъ облагалъ земледѣльца, то получится картина, по истинѣ ужасающая. «Во главѣ ихъ стояла крѣпостная зависимость, личная и имущественная. столь же похожая на римскую, какъ одно яйцо на другое. Господа присвоили себѣ не только самыя унижительныя личныя услуги крестьянъ и дѣтей ихъ, но даже и право первой ночи. Дворяне и духовные брали десятины, и не только одну десятину, но часто даже половину урожая. Вдобавокъ къ этому, подѣ-

редѣленныхъ
тсся о собо
женъ был
вбомъ, де
сы на бар
т. д. При
твннн, такъ
тъ, лаудем
конецъ ш
равляюще
увеличен
вляюще
мы рек
старал
изобр
прихо
двор
е ху
оосх
ство
е въ
ежал
тату
ай
ин
ръ
д
де. Ранѣе,
полною
0,000 гульден
вства, предоста
внннн, гово
мени, счита
орнн, вмѣст
и годъ, тѣмъ
и продават

еще конную и пѣшую барщину, часто въ не-
размѣрахъ, и рѣдко имѣлъ возможность забо-
твенномъ хозяйствѣ. При всемъ томъ, онъ еще
ежегодно возноситъ въ помѣщичій амбаръ оброкъ
ежнюю дань въ господскую кассу и разные при-
тую кухню, телятъ, ветчину, гусей, утокъ, куръ
переходъ изъ однихъ рукъ въ другія какъ цѣлаго
и крестьянскихъ участковъ, платился особый на-
дѣла, доставлявшая часто помѣщику до 10% дохода.
длинный рядъ платежей, пошлинъ и оброковъ
и полицейскихъ. Пусть меня не обвиняютъ въ
и полицейскихъ. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ,
омендуемъ издавшее въ Линцѣ въ 1783 г. «Настав-
чиновника молодымъ», которое покажетъ, что
женіе еще далеко мягче дѣйствительности». Въ Ба-
дилось на 7,000 участковъ крестьянъ-собственниковъ
и духовныхъ имѣній, и 6,000 коронныхъ.
е было положеніе крестьянъ въ Мекленбургѣ, гдѣ
диди отъ побѣжденныхъ славянъ. Какъ и всюду,
ихъ повинности были опредѣлены извѣстною мѣрою
на нихъ особенно тяжкимъ бременемъ. Они могли
землю, очень многіе изъ нихъ были собственниками,
и, при вдвое большемъ, чѣмъ нынѣ,
и въ воздѣланъ болѣе хлѣба, чѣмъ теперь. Повсюду до
производилъ слѣды исчезнувшихъ селъ и городовъ.
охраняются такъ опустошила этотъ край, что черезъ
снннн война такъ разоренное крестьянство было обра-
ослѣ нея, население едва составляло 1/3 прежняго числа
иство, населеніе
безземеленное, разоренное, которыми мѣстные государи,
ное рабство рыцарями, предоставляли полный про-
даваясь въ деньгахъ, предоставляли полный про-
ранѣе, по конституціи 1523 г., аристократія по-
значеніе въ государствѣ, а послѣ войны
владычицею въ странѣ. Въ 1621 г. гер-
вовъ совершенно отдалъ крестьянъ въ
предоставивъ ему право изгонять ихъ съ земли
надѣлы къ помѣщичьему хозяйству. «Съ
внннн, крестьяне въ Мекленбургѣ
говоришь людьми и низведены до положенія вещей,
считаться вмѣстѣ съ имѣніемъ, къ которому они принадлежали,
вмѣстѣ съ имѣніемъ и продаваемы. По закону, ихъ судьба
закладываемы и продаваемы. По закону, ихъ судьба
лучше положенія рабовъ-негровъ, что запре-
лучше положенія рабовъ-негровъ, что запре-
ихъ въ одиночку, но на практикѣ это дѣла-

лось довольно часто и было явленіемъ совершенно обыкновеннымъ: крѣпостными торговали, какъ лошадьми и коровами. Главною поддержкою безграничной власти помѣщиковъ была предоставленная имъ «расправа палкою и кнутомъ», и судебная власть вмѣстѣ съ правомъ изгнанія. Помѣщики вѣдали и гражданскія, и уголовныя дѣла крестьянъ, могли вовсе лишать ихъ надѣловъ и превращать въ поденщиковъ, могли переводить съ лучшихъ участковъ на худшіе и требовать тѣхъ же повинностей, какія они отбывали до времени своего перевода. Въ XVIII в. эти изгнанія были особенно часты и изъ 12,545 крестьянъ обственниковъ, считавшихся въ Мекленбургѣ во время тридцатилѣтней войны, до этого столѣтія уцѣлѣло только 213. Уже въ половинѣ XVIII в. крестьяне принуждены были выселяться въ Россію, и правительство установило этотъ потокъ эмиграціи въ виду «опустѣнія и безъ того бѣдной людими страны и разоренія всѣхъ помѣстій». Народъ велъ самую плачевную жизнь, и «крестьяне, по выраженію мѣстнаго историка, жили, какъ свиньи, въ грязныхъ ямахъ и часто продавались, какъ свиньи». Знаменитый Штейнъ писалъ въ 1802 г.: «Я проѣхалъ вдоль всего Мекленбурга. Наружный видъ страны такъ же сильно не понравился мнѣ, какъ и туманный сѣверный климатъ; всюду обширныя пашни, луга и паръ, крайне мало людей, крѣпостное иго, лежащее на всемъ рабочемъ классѣ, рѣдкость хорошо построенныхъ домовъ, общее однообразіе, отсутствіе жизни и дѣятельности. Жилище Мекленбургскаго дворянина казалось мнѣ берлогою хищнаго звѣря, который все опустошаетъ и окружаетъ себя могильною тишиною».

V.

Гуманныя идеи XVIII в. неизбежно должны были прийти въ столкновеніе съ безобразіями крѣпостнаго права. Въ обществѣ и въ печати все чаще и чаще раздавались голоса за освобожденіе крестьянъ, росло сочувствіе къ народу, и его положеніе въ разныхъ государствахъ начало постепенно улучшаться.

До половины XVIII в. особенно печально было положеніе крестьянъ въ Пруссіи. Фридрихъ Вильгельмъ I, указомъ своимъ 1738 г., энергически вооружился противъ той жестокости, съ какою помѣщики и чиновники «варварскимъ образомъ, безбожно тиранятъ подданныхъ палками и кнутами». За эти истязанія король грозилъ шестинедѣльнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, а въ случаѣ повторенія—висѣлицей. Онъ хотѣлъ даже вовсе отмѣнить крѣпостное право въ коронныхъ имѣніяхъ, но у него не хватило на это энергіи. Только въ восточной Пруссіи, въ ко-

Морой чума 1709—1710 г. погубила 235,000, т. е. почти $\frac{1}{3}$ жителей ей, коронные крѣпостные были сдѣланы полными собственниками своихъ надѣловъ, но остались прикрѣпленными къ землѣ. Заставляя палками крестьянъ разводить картофель, удерживая ихъ подъ властью хищнаго чиновничества и вынуждая платить тяжелые налоги, король довелъ ихъ до того, что они требовали свободъ крѣпостную зависимость и воспротивились Освободительнымъ планамъ короля. Не достигло своей цѣли и то распоряженіе короля, которымъ онъ запрещалъ дворянамъ отнимать у крестьянъ ихъ надѣлы. Прусское дворянство и чиновничество были до того самовластны, что даже Фридриху В. не удалось вполне обуздать ихъ насилія надъ крестьянами. Въ 1742 г. онъ писалъ, что «чиновники распоряжаются личною и имуществомъ крестьянъ такъ деспотически, словно крестьяне—полные крѣпостные чиновниковъ». Король строго запрещалъ подобныя насилія, но они продолжались по прежнему, и черезъ семь лѣтъ Фридрихъ снова писалъ, что «весьма многіе подданные страдаютъ отъ безконечныхъ притѣвленій чиновниковъ, доводятся ими до полного разоренія и бѣгутъ изъ страны». Также безплодны были усилія Фридриха ограничить произволъ дворянства. Когда въ 1763 г. онъ рѣшился отмѣнить крѣпостное право въ Помераніи, гдѣ крестьяне наиболее страдали и, не смотря на варварскія наказанія, массами убѣгали отъ господъ, то мѣстный ландтагъ единогласно воспротивился этому, заявивъ, что крѣпостнаго права даже и не существуетъ въ Помераніи, а есть только «благодѣтельный союзъ» между помѣщикомъ и крестьяниномъ, выгодный для обоихъ. Фридрихъ, чувствовавшій нѣкоторую слабость къ дворянству, не рѣшился на борьбу съ нимъ и уступилъ. Зато онъ постарался облегчить положеніе коронныхъ крестьянъ и далъ имъ наследственные права на ихъ надѣлы, но выполненіе этой реформы затянулось надолго, благодаря чиновничьему произволу. Съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ король въ Силезіи. Когда онъ занялъ эту провинцію, деревни ея состояли изъ бѣдныхъ, крытыхъ соломой хижинъ, земледѣліе еле существовало, лошади были слабосильны, коровы тощи, помѣщики въ большинствѣ случаевъ тираны. Три жестокия войны велъ Фридрихъ въ Силезіи, ее разоряли пруссаки, австрійцы, русскіе, но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ семилѣтней войны, въ ней возникло 250 новыхъ деревень и построено 2,000 новыхъ домовъ, изъ которыхъ многіе были каменные съ черепичными крышами. Всѣ черныя печи король сломалъ и заставилъ крестьянъ сдѣлать новыя, онъ выписалъ лошадей изъ Пруссіи, добывателей торфа—изъ Вестфалии, шелководовъ изъ Франціи, развелъ новую породу овецъ, насадилъ тутовныя деревья и дубовыя лѣса. Кре-

стьянскіе надѣлы были увеличены, земледѣльцы сдѣланы собственниками, и король далъ имъ возможность жаловаться на злоупотребленія чиновниковъ. Память о королѣ до сихъ поръ сохраняется между мѣстнымъ крестьянствомъ. Не менѣе сдѣлалъ Фридрихъ для крестьянъ въ земляхъ, отнятыхъ у Польши: «Я — писалъ онъ Вольтеру въ 1773 г. — уничтожилъ въ (западной) Пруссіи рабство, отмѣнилъ варварскіе законы». Крестьяне сдѣлались наследственными арендаторами, но долго не могли оправиться отъ разорительнаго ига пановъ. Национальная и религіозная ненависть поляковъ къ нѣмцамъ одинаково вредила и польскимъ и нѣмецкимъ земледѣльцамъ. Католическіе фанатики, возбуждаемые ксендзами, разрушали и сожигали лютеранскія церкви, преслѣдовали и разгоняли пасторовъ, грабили лютеранъ. Шляхтичъ Росковскій въ 1768 г. ѣздилъ съ шайкою изъ села въ село, производилъ грабежи и поджоги; одинъ сапогъ у него былъ красный и означалъ огонь, другой — черный и значилъ смерть; въ Ястровѣ онъ отрубилъ пастору руки, ноги и голову, и велѣлъ бросить ихъ въ болото. Съ присоединеніемъ края къ Пруссіи, эти безпорядки прекратились, но страна была опустошена, крестьяне жили въ мазанкахъ безъ печей, освѣщали жилище лучиной, хлѣбъ пекли только богатые, въ рѣдной деревнѣ была пекарная печь, народъ питался ржанною размазней и селедками, не зналъ ни пѣсенъ, ни музыки, ни танцевъ. Страна была мало населена и ея опустошали волки, истребляя скотъ и людей. Поправить дѣла здѣшняго крестьянства Фридрихъ былъ не въ состояніи и успѣлъ только распространить разведеніе картофеля. Вообще же, въ Пруссіи онъ издержалъ на помощь крестьянамъ 24.000,000 талеровъ, построилъ 800 деревень и 44,000 крестьянскихъ дворовъ, и изъ однихъ только Вюртемберга и Пфальца привлекъ болѣе 42,000 колонистовъ.

Въ Австріи, Марія Терезія старалась выбирать по возможности порядочныхъ людей на мѣста окружныхъ начальниковъ, обязанныхъ защищать крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола. Судебная власть помѣщиковъ была ограничена тѣмъ, что ихъ приговоры подлежали утвержденію окружныхъ начальниковъ. Марія же Терезія положила начало выкупу крестьянами ихъ надѣловъ и ограничила барщину (Roboten), размѣръ которой до этого времени вполне зависѣлъ отъ произвола помѣщика и нерѣдко доходилъ до 6 дней въ недѣлю. Императрица опредѣлила максимумъ барщины въ 3 дня и постановила правила выкупа. Эти мѣры были съ восторгомъ встрѣчены крестьянами, особенно въ Чехіи, которая еще не могла оправиться отъ ужасовъ 30-лѣтней войны, когда лишилась 1.000,000 жителей изъ 3.000,000. Но крестьяне ждали полной воли, отказывались

Ботать и въ 1775 г. во многихъ мѣстахъ пришлось усмирять войсками. Только въ коронныхъ имѣніяхъ барщина была отменена вовсе. Преемникъ императрицы, Іосифъ II, вовсе отмѣнилъ строгія средневѣковыя формы крѣпостнаго права, ограничилъ помѣщичій произволъ и облегчилъ крестьянскія повинности, но противодѣйствіе дворянства помѣшало полному освобожденію. То же самое было и въ другихъ государствахъ Германіи. Въ Баденѣ крестьяне были освобождены, но не вполне, точно такъ же, какъ въ Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ, Пфальцъ-аваріи.

Французская революція имѣла огромное вліяніе на нѣмецкихъ крестьянъ. Они начали интересоваться политикой, сельскій читальщикъ читалъ и толковалъ имъ газеты. Въ Пфальцѣ и Курфюркентиніи крестьяне волновались, отказывались отъ барщины, бѣжали себя свободными; въ курфюршество майнцкомъ крестьяне плясали вокругъ «дерева свободы». Въ Швейцаріи крестьяне возставали противъ городскихъ олигарховъ и аббатовъ - помѣщиковъ. Въ послѣдніе годы XVIII и въ первые XIX в., во всей Швейцаріи крѣпостное право было отмѣнено: крестьянскія повинности отданы на выкупъ. Что же касается Германіи, то погромы, произведенные въ ней Наполеономъ, дѣлали крестьянскую реформу неизбежною, и какъ въ крѣпко держалось дворянство за свои феодальныя привилегіи, сила обстоятельство заставила наконецъ разстаться съ ними.

Въ Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ III еще въ 1799 г. освободилъ коронныхъ крестьянъ, которые, посредствомъ выкупа своихъ надѣловъ, превратились въ собственниковъ. Послѣ погрома Пруссіи въ 1806 г., начались реформы Штейна и другихъ либеральныхъ министровъ, и указомъ 9-го октября 1807 г. было объявлено: «Съ обнародованіемъ этого указа прекращаются крѣпостныя отношенія крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей, владѣющихъ своими участками, какъ собственники или наследственные фермеры. Со дня св. Мартына (т. е. 11-го ноября) 1810 г. всѣ остающіяся формы крѣпостной зависимости прекратятся во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ, и съ того времени не будетъ никого, кромѣ свободныхъ людей, подобно тому, какъ ужъ это теперь существуетъ въ нашихъ коронныхъ земляхъ. Однако, эти свободные люди должны исполнять тѣ обязанности, которыя простираются отъ владѣнія землей и контрактовъ, заключенныхъ ими въ качествѣ свободныхъ людей. Затѣмъ, по закону 1811 г., крестьяне, владѣвшіе наследственными участками, дѣлались собственниками ихъ, по уплатѣ владѣльцу помѣстья, установленнаго указомъ, выкупа. Съ другой стороны, прекращаются всѣ права крестьянъ требовать отъ владѣльца помѣстья передѣлки ихъ жилищъ и т. д. Для полюбовнаго соглашенія между земле-

владѣльцами и крестьянами, данъ былъ двухгодичный срокъ, по истеченіи котораго, въ случаѣ неокончанія дѣла, выкупъ совершался при содѣйствіи правительства. Но помѣщикъ все-таки оставался верховнымъ собственникомъ земли, только онъ имѣлъ права увеличивать повинностей наследственнаго арендатора. Было постановлено, что помѣщики будутъ вполнѣ вознаграждены за свое право собственности и право на службы и повинности, когда крестьяне, пользующіеся землей, отдадутъ треть ея и откажутся отъ всякаго права требовать отъ помѣщика вспоможенія, поправки жилищъ и платежа повинностей, въ случаѣ ихъ несостоятельности. Помѣщикъ получалъ треть общей марки. Совершенное уничтоженіе обоюдныхъ правъ крестьянъ и помѣщиковъ не введено сразу, а дозволены нѣкоторые исключенія; такъ помѣщикъ сохранялъ право пасти свой скотъ на двухъ третяхъ пажитей и пара въ воздѣланной маркѣ, а крестьянинъ продолжалъ пользоваться правомъ собирать для собственнаго употребленія валежникъ въ помѣщичьемъ лѣсу; за это послѣднее право и за свой домъ съ угодьями, крестьянинъ продолжалъ исполнять работы на помѣщика въ различные времена (при жатвѣ, косьбѣ и т. д.), когда лишнія руки необходимы помѣщику. Эта барщина однако ограничена десятью днями конной работы и десятью днями ручной для коннаго работника, и десятью же днями мужской работы и женской для пѣшаго работника. Помѣщичья реакція надолго задержала полное осуществленіе крестьянской реформы и во многомъ изуродовала ее. Самымъ рѣшительнымъ шагомъ назадъ была декларация 29-го мая 1816 г., которая ограничила дѣйствіе «указа объ установленіи правильныхъ отношеній между владѣльцами помѣстій и крестьянами», одними фермами сравнительно большей величины, хотя не былъ отмѣненъ указъ о лучшемъ воздѣланіи земли, по которому уничтожалось всякое различіе между крестьянской и дворянской землями, а также установленъ принципъ свободнаго перехода земли. По обоюдному дѣйствію этихъ двухъ принциповъ, «мелкій людъ», который былъ взятъ подъ исключительное покровительство послѣднимъ указомъ, т. е. большинство мелкихъ пользователейъ земли, очутились въ очень невыгодномъ положеніи, такъ какъ въ наследственныхъ участкахъ они прямо лишались своего владѣнія. Только въ 1850 г. реформа 1811 г. была завершена двумя законами. Первымъ изъ этихъ законовъ уничтожалась помѣщичья власть на землѣ (*dominium directum*), безъ всякаго вознагражденія, такъ что со дня обнародованія этого закона, всѣ пользователи земли въ Пруссіи, не смотря на величину ихъ участковъ, становились собственниками, обязанными однако въ отношеніи помѣщиковъ обычными службами и повинностями, которыя по этому же

кону были переведены на опредѣленную денежную ренту, зсчитанную по средней оцѣнкѣ службъ и повинностей въ тѣнѣ нѣсколькихъ предъидущихъ лѣтъ. Послѣдующими статьями ого законодательства былъ постановленъ обязательный выпѣ этихъ рентъ или немедленная уплата капитала, равняюгося восемнадцатилѣтней цѣнности рентъ, или уплата 4½, или 5 проц. въ продолженіе 56 лѣтъ и одного мѣсяца, или года и одного мѣсяца, на капиталъ, равняющійся 20-ти-лѣтней цѣнности ренты. Законъ объ учрежденіи рентныхъ банковъ давалъ необходимыя средства для осуществленія этого выкупа. Въ помощю этихъ рентныхъ банковъ, государство становилось посредникомъ между крестьянами, которые платили ренты и землевладельцами, которые ихъ получали. Банкъ, основанный въ окрестностяхъ Вюртемберга, выдавалъ четырехпроцентными свидетельствами капитальную сумму, равняющуюся двадцатилѣтней цѣнности рентъ. Крестьяне, вмѣстѣ съ обыкновенными податями, платили сборщикамъ каждый мѣсяцъ двѣнадцатую часть ренты, зсчитанной по 5 или 4 проц. съ капитальной суммы, согласно тому, въ какой срокъ они обязывались очистить свою землю отъ лежащаго на нихъ долга: въ 41 годъ и одинъ мѣсяцъ, или въ 56 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ.

Во многихъ другихъ государствахъ Германіи, дворянство произошло освобожденію крестьянъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Пруссіи, но владычество французовъ, какъ оно ни было кратковременно, нанесло сильный ударъ аристократіи. Немедленно по освобожденіи страны, крѣпостное право было восстановлено въ Ганноверѣ и Гессенѣ; о томъ же хлопотала аристократія въ Вюртембергѣ и Баденѣ, но правительства этихъ государствъ получили въ себѣ достаточно силъ, чтобы снова приступить къ освобожденію крестьянъ при введеніи конституцій въ 1818 — 1820 гг. Неопредѣленныя повинности были обращены въ опредѣленныя и послѣднія дозволено было выкупать. Во время преній объ этой реформѣ въ баденской палатѣ депутатовъ, въ 1819 г., дворяне пытались было доказать, что въ сущности въ Баденѣ вовсе нѣтъ крѣпостныхъ, на что депутатъ профессоръ Дутлингеръ, заявилъ: «Милостивые государи, я самъ крѣпостной и въ этой палатѣ есть еще другіе члены, которые ходятъ въ томъ же положеніи». Въ Вюртембергѣ крѣпостное право было отмѣнено въ 1818 г. и крестьяне превратились въ самостоятельныхъ арендаторовъ, но, какъ почти вездѣ въ Германіи, эта реформа была далеко не закончена, феодальныя отношенія продолжали существовать попрежнему, и въ 1833 г. министръ наблюдалъ писалъ: «Даже съ людей, которые сняли крѣпостныя уже послѣ 1818 г., и слѣдовательно не могли быть крѣпостными, требовались крѣпостныя повинности, и часто очень

тяжелыя, брался даже налогъ съ наслѣдства. Нѣкоторые помѣщики превратили этотъ налогъ въ постоянный и брали его ежегодно. Въ Ганноверѣ вплоть до июльской революціи существовали даже остатки права первой ночи, и женихъ выкупал свою невѣсту за 40—50 талеровъ, а по смерти крѣпостнаго помѣщика бралъ себѣ половину его движимости, даже всю ее. Лично свободные крестьяне, и тѣ платили крѣпостные оброкъ и отбывали барщину до 6-ти дней въ недѣлю. Платежи крестьянина нерѣдко въ нѣсколько разъ превосходили его дохода. Народъ не могъ кормиться однимъ земледѣіемъ и жить въ нещетѣ, когда въ 1830 г. послѣ парижской революціи правительство увидѣло, что единственное средство для предупрежденія возстанія состоитъ въ освобожденіи крестьянъ. Въ 1832 г. крѣпостное право было окончательно отмѣнено и повинности отданы на выкупъ. Въ Саксоніи революція 1830 г. возбудила народныя возстанія, которые правительство спѣшило усмирить общаніемъ реформъ. Въ 1832 г. крестьяне были освобождены и ихъ депутаты допущены въ парламентъ. Въ Курессендѣ это произошло послѣ крестьянскихъ митей 1830 г. Въ то же время было окончено освобожденіе крѣпостныхъ въ Гессенѣ, Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ.

Всѣ эти реформы были только полумѣрами, вслѣдствіе дворянской оппозиціи; крестьяне не только не получали земли, а и облагались непосильными выкупными платежами, и даже личное освобожденіе ихъ затягивалось, откладывалось, искажалось пока выведенный изъ терпѣнія народъ не заявилъ настоячіи своихъ требованій въ движеніяхъ 1848 г. Благодаря революціи всѣ крѣпостныя повинности были отмѣнены, выкупъ облегченъ, судебная и полицейская власть помѣщика сильно сокращена. Но въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ аристократія удалось исказить и эту реформу, превративъ обезземеленныхъ крестьянъ въ своихъ полузависимыхъ фермеровъ.

Наиболѣе обдѣленными при этомъ оказались мекленбургскіе крестьяне. Мѣстное дворянство, которое, по выраженію Зугега гейма, «столько столѣтій занималось лошадиной культурой, принуждено было подумать наконецъ и о человѣческой». Въ 1820 г. мекленбургское рыцарство рѣшилось освободить крестьянъ, но не всѣхъ, а только четвертую часть ихъ, которые и получили свободу переходить съ мѣста на мѣсто и голодать. На коронныхъ земляхъ, составляющихъ $\frac{1}{3}$ всей территоріи, крестьянъ предполагалось сдѣлать наслѣдственными арендаторами, но изъ 6,000 ихъ, до 1856 г., получили наслѣдственныя фермы всего 1064 ч.; остальные же, по прежнему, снимаютъ землю на короткіе сроки, платя за нее оброкъ и отбывая разнообразную барщину. Нерѣдко помѣщикъ отнимаетъ у фермера лучшую часть

его земли или поднимаетъ плату за нее, а въ случаѣ несогласія, прогоняетъ его. Чѣмъ болѣе крестьянинъ улучшаетъ верму, тѣмъ сильнѣе увеличиваетъ помѣщикъ оброки. «Естественно, по словамъ одного наблюдателя, что даже въ цвѣтущее время мекленбургской хлѣбной торговли мужикъ не шевелилъ ни рукой, ни ногой для улучшенія своего хозяйства, а если и добывалъ деньги, то или закапывалъ ихъ въ землю, или доверялъ хитрымъ горожанамъ, считая необходимымъ скрывать свое сокровище отъ начальства:—въ такой зависимости находился онъ». «Наши крестьяне, говоритъ другой наблюдатель, одвѣются бѣдно, такъ какъ живутъ постоянно въ страхѣ, что арендная плата будетъ повышена». Освобожденіе крестьянъ въ Мекленбургѣ было произведено такъ, что выгодами отъ него воспользовались одни помѣщики. Весь народъ обезземеленъ. Въ Мекленбургѣ-Шверинѣ въ 1871 г. было 557,897 ж., и 4,834 кв. миль земли, изъ которыхъ $\frac{1}{5}$ принадлежала великому герцогу, $\frac{2}{5}$ дворянству, $\frac{1}{5}$ монастырямъ и $\frac{1}{5}$ городамъ, крестьянамъ же ничего. Народъ распределялся по этимъ имѣніямъ такъ:

Коронныя земли	201,821	жителей.
Дворянскія	133,835	»
Монастырскія	8,826	»
Городскія	213,407	»

Въ Мекленбургѣ-Стрелицѣ, при 97,000 ж., изъ 997 миль земли 527 принадлежатъ государю, 353 дворянамъ и 117 городамъ. Давно уже мекленбургскій крестьянинъ превратился въ подлаго пролетарія и, не смотря на свое личное освобожденіе, не смѣетъ никуда уйти безъ дозволенія помѣщика, который, въ противномъ случаѣ, имѣетъ право требовать его черезъ судъ и вмѣстѣ съ его семействомъ посадить, какъ бродягу, въ рабочій домъ. Въ качествѣ поденщика, онъ получаетъ ничтожную плату 5—6 зильбергрошей, а жена его 3—4. До сихъ поръ еще существуютъ и крѣпостные оброки и барщина, только помѣщики освободились отъ прежней своей обязанности помогать крестьянамъ въ случаѣ нужды. Вдобавокъ ко всему, за помѣщиками осталась судебная власть какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, и несчастный мужикъ, вполне преданный произволу барина, подвергается всѣмъ ужасамъ тѣлесныхъ истязаній. «Безъ малѣйшей законной гарантіи своей рабочей платѣ, писалъ Раабе въ 1848 г., эти низведенные на степень рабочаго скота люди совершенно отданы въ руки господъ. Злоупотребленія помѣщиковъ своимъ произволомъ и угнетеніе ими людей, предки которыхъ жили на той же землѣ въ качествѣ достаточныхъ и довольныхъ крестьянъ, не сдерживаются ничѣмъ, кромѣ боязни рѣдкаго правительственнаго вмѣшательства, да открытаго бунта

доведенныхъ до отчаянія батраковъ». Аграрныя преступленія въ Мекленбургѣ очень часты и отличаются особенною свирепостью, какъ напр., убійство помѣщика Габерланда въ Марддорфѣ въ 1839 г. и многіе бунты 1848 г. Замѣчательно, что марддорфскіе убійцы повѣрили своимъ зачинщикамъ, будто бы убить барина имъ приказало начальство. Тѣлесныя наказанія, впрочемъ, не такъ страшны мужику, какъ изгнаніе, которое нѣмецкое дворянство привыкло называть игривымъ словечкомъ *Zegel*. Чтобы избѣжать изгнанія, мужикъ дѣлаетъ все, что требуетъ баринъ, и дозволяетъ истязать себя, сколько угодно рыцарской душѣ помѣщика, иначе подъ старость ему придется умирать съ голоду подъ заборомъ. Революція 1848 г. мало измѣнила эти порядки, и Мекленбургъ по прежнему остался союзомъ помѣстій, прилегающихъ одно къ другому. Въ 1851 г. была восстановлена прежняя конституція, по которой вся законодательная и исполнительная власть принадлежитъ 624 владѣльцамъ рыцарскихъ имѣній. Были восстановлены и право изгнанія и тѣлесныя наказанія, отмѣненные въ 1848 г. Въ коронныхъ имѣніяхъ подати составляли въ 1857 г. 45%, а въ дворянскихъ 60% населенія. Пролетаріатъ растетъ съ каждымъ годомъ и, ради уменьшенія его, помѣщики предлагали даже ограничить число дѣтородженій посредствомъ инфибуляціи мужчинъ! Крестьяне живутъ, какъ животныя, въ грязныхъ лачугахъ, нищія, полуголодные. Въ 1795 г. 1 незаконное рожденіе приходилось на 17 законныхъ, а въ 1850 г. уже 1 на 5! Населеніе сильно эмигрируетъ и убываетъ. Въ 1867 г., жителей въ Мекленбургъ-Шверинѣ было 560,628, и до 1871 г. изъ нихъ убыло 2,731.

VI.

Какъ порабощеніе народа, такъ и освобожденіе его изъ крѣпостной зависимости сопровождались постепеннымъ разрушеніемъ общины, права и имущества которой захватывались государями и помѣщиками. Послѣ революціи 1789 г., духъ новѣйшаго индивидуализма и господство буржуазіи нанесли ей окончательный ударъ. Общинныя земли расхищались, захватывались, распродавались. Новѣйшее законодательство, подъ вліяніемъ землевладѣльцевъ, сдѣлало все, чтобы добить общину и замѣнить ее частнымъ землевладѣніемъ. Отъ общины уцѣлѣли въ Германіи однѣ развалины, и только въ горахъ Швейцаріи ей удалось сохраниться вплоть до настоящаго времени, хотя и здѣсь, въ продолженіе своей вѣковой борьбы съ частной собственностью, она потерпѣла много потерь въ видѣ распроданныхъ и подѣленныхъ имуществъ. Хотя частная собственность успѣла прочно утвердиться въ Швейцаріи, но общинная собственность не исчезла вовсе и общинныя имуще-

тва, Allmende, играютъ очень важную роль въ общественной жизни. Альменда состоитъ изъ воздѣланной земли, пастбища и ѣса. Общинный доменъ, управляемый на основаніи точно опредѣленныхъ правилъ, доставляетъ тѣмъ, кто имъ пользуется, средства удовлетворить первымъ потребностямъ жизни: торфъ или рова для топлива, лѣсъ для постройки или починки хижины и для выдѣлки мебели, утвари, пахотныхъ орудій, т. е. помѣщеніе и домашнее обзаведеніе; затѣмъ пастбище лѣтомъ для барановъ и коровъ, которые даютъ молоко, масло, мясо, шерсть, т. е. животную пищу и одежду, — наконецъ, уголокъ земли, пригодной для обработки и доставляющій хлѣбъ, картофель и овощи. Во многихъ деревняхъ доля воздѣланной земли отлично удобряется и поле довольно достаточно для доставленія растительной пищи. Въ Станцѣ каждый пользующійся землею имѣетъ право на 1,400 клафтеровъ, составляющихъ 45 аровъ, или болѣе англійскаго акра. Въ кантонѣ Сень-Галленъ, деревня Бухсъ даетъ каждому изъ своихъ земледѣльцевъ - дольщикавъ 1,500 клафтеровъ, или около полуэктара превосходной земли, лѣсъ для топлива на цѣлый годъ, альпійское пастбище для многочисленнаго скота, и, кромѣ того, деревня извлекаетъ изъ своихъ общинныхъ земель доходъ, достаточный для содержанія школьнаго учителя, пастора, и для покрытія другихъ общественныхъ издержекъ безъ особаго налога. Въ Вартау, также въ горной части Сень-Галлена, каждый пользующійся получаетъ 2,500 клафтеровъ, или 80 аровъ. Право на пользованіе альмендою имѣютъ только потомки владѣльцевъ древней марки, а остальные обитатели деревни, Weisassen, послѣ продолжительной и упорной борьбы за свою равноправность, успѣли добиться только нѣкоторыхъ правъ на пользованіе общиннымъ достояніемъ; имъ дается меньше земли, чѣмъ наследственнымъ общинникамъ, дозволяется пасти на Альпахъ ограниченное число скота, они получаютъ дрова, но имъ не дается строеваго лѣса и т. д. Способы пользованія альмендою чрезвычайно разнообразны. Въ Бернѣ все еще дѣлятъ лѣсъ между совладѣльцами. Въ промышленномъ городѣ Сень-Галленъ, каждый изъ нихъ получаетъ ежегодно полсажени дровъ и одинъ участокъ пригодной къ воздѣлыванію земли. Городъ Солеръ распределяетъ между своими дольщиками въ общинномъ имуществѣ очень порядочный запасъ дровянаго лѣса, буковаго и сосноваго, различной величины, отъ пяти сажень до полсажени кубической — смотря по разряду имѣющихъ право на пользованіе. Во многихъ мѣстностяхъ, общинныя имущества сдаются внаймы, и прибыль съ нихъ идетъ на покрытіе общественныхъ издержекъ. Иногда бываетъ излишекъ, который дѣлится въ видѣ денегъ; но почти всѣ общины, имѣющія пахотныя земли, дѣлятъ ихъ по жребію между участниками. Вообще же способы пользованія можно подвести

подъ три типа, представляемые кантонами Ури, Валлисомъ и Гларусомъ.

Ури до сихъ поръ составляетъ одну марку, которая раздѣляется ущельемъ Шеллененъ на двѣ половины, верхнюю и нижнюю. Въ нижней маркѣ большая часть равнины сдѣлалась частною собственностью; лѣса, Альпы и нѣкоторыя альменды близъ деревень одни только остались въ первобытномъ общинномъ пользованіи. На возвышенной Урзеренской долинѣ, длиною свыше 15 километр. и шириною двумя килом. болѣе, прекрасныя пастбища, орошаемая Рейссою и укутанная туманами ледниковъ, принадлежатъ корпорации урзеренскихъ совладѣльцевъ. По исконному принципу, каждый дольщикъ имѣетъ право пользоваться альмендою по своимъ потребностямъ. Въ древности, когда установился этотъ принципъ, частной собственности не было, а потому въ немъ не было ничего несправедливаго, но въ настоящее время, когда потребности каждаго опредѣляются размѣрами его хозяйства, это отжившее правило приноситъ пользу только богатымъ. Кто не имѣетъ скота, напр., тотъ не извлекаетъ ничего изъ альпійскихъ пастбищъ. Для владѣльца 20 или 30 коровъ, которыхъ можно туда послать, это значительный доходъ. Дольщику, имѣющему большую хижину въ деревнѣ, другую въ горахъ, сѣнные сараи и обширныя стойла,—нужно много лѣса, чтобъ ихъ содержать и отапливать. Онъ имѣетъ право на шесть большихъ деревьевъ для своего огня и на столько же деревьевъ для построекъ, которыя эксперты признаютъ необходимыми. Дольщикъ же, который самъ живетъ у другаго, получаетъ только два дерева. Равенство опредѣляется только въ жеребьевомъ распредѣленіи воздѣлываемыхъ земель. По правилу, на общественное пастбище можно посылать только тотъ скотъ, который продержали зиму въ стойлахъ; изъ этого слѣдуетъ, что тотъ, кто не имѣетъ своихъ луговъ для сбора сѣна, не можетъ кормить скотъ зимою и, такимъ образомъ, весною ему некого и посылать на Альпы. Чтобы положить хотя нѣкоторые предѣлы привилегіи людей болѣе богатыхъ стадами, было постановлено, что никто не вправе посылать на Альпы болѣе тридцати коровъ или другаго скота соотвѣтствующей цѣнности; но это постановленіе ни къ чему не повело. Давно уже въ Ури идетъ взаимная борьба между бѣдными и богатыми. Но богатые составляютъ большинство: изъ 2700 семействъ 1,665 имѣютъ скотъ, и только 1,036 семействъ не имѣютъ его. Слѣдовательно, недовольные составляютъ меньшинство, и ни путемъ подачи голоса, ни употребленіемъ силы, къ которой, впрочемъ, не было и мысли прибѣгать, они не могли бы добиться перемѣны первоначальнаго порядка, который ведетъ начало съ той эпохи, когда еще не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Чтобъ заставить замолчать наиболѣе оживленные возраженія,

каждому пользующемуся было дано 15 или 20 аровъ огородной или для посадки картофеля, а чтобъ печь картофель и согрѣться, лѣсъ у нихъ имѣется. Общинные лѣса въ Ури обширны, чаты и стоятъ, по крайней мѣрѣ, 4.000,000 франковъ. Вотъ, пр., какъ пользуются ими въ деревнѣ Шаддорфъ. Первый разрядъ дольщиковъ составляютъ буржуа, которые имѣютъ круглый лѣсъ «огонь и свѣтъ», Feuer und Licht, топятъ печь и владѣютъ собственностью. Они могутъ срубить шесть большихъ елей; ихъ до 120 человекъ. Ко второму разряду относятся тѣ, которые имѣли огонь и свѣтъ, т. е. печь, но не имѣли собственности; ихъ право простирается на 4 ели; изъ этой категоріи было 30 лицъ. Третій разрядъ—пидивидуумы, живущіе одни, и не имѣющіе собственности; ихъ было 9; они могли имѣть 3 ели. Наконецъ, къ четвертому разряду относятся такіе дольщики, которые имѣли огонь и свѣтъ, но не имѣли своего дома; ихъ права ограничуются двумя елями; такихъ было 25. Общее число пользующихся было, такимъ образомъ, 194. Изъ нихъ 52 получили, сверхъ того, лѣсъ для новыхъ построекъ или для починокъ; 176 лишнихъ древесныхъ стволовъ было распределено на такое отребленіе. При такомъ обиліи лѣса, швейцарскіе крестьяне съ большаго труда могутъ строить свои прекрасныя хижины, горыма восторгаются иностранцы. Кромѣ Альповъ и лѣсовъ, округа Ури владѣетъ 400 гекторовъ распаханныхъ земель, которыя, будучи раздѣлены поровну, даютъ около 4 аровъ садовъ семейство: тутъ разводятся овощи, плоды, ленъ или конопля. Главная для бѣлыя въ хозяйствѣ.

Въ Гларусѣ древніе способы раздѣла уже сильно измѣнились. Прибыль съ наибольшей части общинныхъ имуществъ, вмѣсто того, чтобы распределяться прямо между житателями, служитъ для покрытія издержекъ на общинныя тересы. Здѣсь нѣтъ болѣе и слѣда древней марки, которая нимада всю страну. То, что остается отъ коллективнаго мена, сдѣлалось собственностью общинъ, которыя получили весь полное развитіе. Эти общины не владѣютъ уже большимъ количествомъ Альповъ; вѣкогда, вслѣдствіе какого-то крупнаго счастья, разорившаго край, эти владѣнія почти все проданы. Нынѣшніе Альпы сдаются внаймы съ публичнаго торга на вѣстное число лѣтъ и, — что совершенно противно древнимъ принципамъ,—иностранцы, наравнѣ съ мѣстными гражданами, могутъ взять ихъ съ торговъ. Вырученныя за наемъ деньги идутъ въ общинную кассу. Нѣкоторыя общины обращаютъ въ публичную продажу рубку своихъ лѣсовъ. Другія—распредѣляютъ между дольщиками за известное вознагражденіе. Сухіе листья и подстилки также распределяются; бросаютъ жребій на участки, куда каждый въ назначенный день идетъ собирать эти

листья сколько можетъ. Здѣшнія общины очень берегутъ свои земли и заботятся о достаточности надѣловъ. Если число обитателей увеличилось или если нѣкоторыя доли проданы постройкамъ на фабрикахъ или частнымъ лицамъ, то община прикупаетъ землю, чтобы доля каждой семьи оставалась такою же. Вдова, дѣти безъ родителей, живущія вмѣстѣ, даже совершеннолѣтніе сынъ или дочь могутъ требовать себѣ часть, если только имѣли «огонь и свѣтъ» въ общинѣ въ продолженіи года. Эти доли измѣняются отъ 10 до 30 аровъ, смотря по пространству общинныхъ поземельныхъ имуществъ. Каждый получаетъ свою долю въ теченіе десяти, двадцати или тридцати лѣтъ; въ концѣ этого періода участки вновь образуются, измѣняются и подвергаются жеребьевому раздѣлу. Каждый распоряжается своимъ участкомъ, какъ хочетъ, воздѣлываетъ на немъ то, что для него удобно. Онъ можетъ даже отдать участокъ вънаймы или предоставить общинѣ, которая платитъ такому владельцу ренту. Такіе участки, расположенные по близости отъ жилищъ, содержатся превосходно. Это настоящіе сады; они охотно снимаются вънаемъ по 3 франка за аръ. На общія пастбища каждый дольщикъ можетъ посылать скотъ, который онъ содержитъ зимой. Здѣсь существуетъ также много частныхъ корпорацій, имѣющихъ земли. Десять, двадцать, тридцать земледѣльцевъ составляли ассоціаціи, владеющія пастбищами и распашиваемыми землями. Прибыль съ нераздѣльной собственности распределяется между компаньонами соразмѣрно числу частей, каковымъ каждый изъ нихъ владеетъ. Въ деревнѣ Швенди община можетъ распределить на каждую семью всего по нѣсколькимъ аровамъ годной для воздѣлыванія земли; но, благодаря этимъ корпораціямъ - собственникамъ, каждый дольщикъ эксплуатируетъ, среднимъ числомъ, 12 аровъ земли, а нѣкоторые имѣютъ вдвое болѣе. Тотъ же духъ ассоціаціи побудилъ обитателей Швенди учредить кооперативное общество потребителей, и такія общества существуютъ теперь въ большей части промышленныхъ общинъ. Изъ 40,000 жителей Гларуса 10,000 работаютъ на фабрикахъ, но, благодаря общиннымъ лугамъ, и эти рабочіе дольщики получаютъ здѣсь, по праву и безъ вознагражденія, то, что мюльгаузенскія общества постройки домовъ для рабочихъ доставляютъ своимъ наемщикамъ за деньги: пользованіе огородомъ. Разница, сверхъ того, заключается еще и въ томъ, что въ Мюльгаузенѣ это — крошечный садикъ въ нѣсколько квадратныхъ метровъ, а въ Гларусѣ — цѣлое поле для разведенія картофеля, бобовъ и плодовъ. Почти каждая семья дольщикова можетъ содержать корову или, по крайней мѣрѣ, козъ, — имѣетъ свой домъ, не платитъ налоговъ или платитъ мало. Расходы на общую пользу покрываются доходомъ съ собственности, назва-

ной для этой цѣли. Церковь, школа, благотворительное оро имѣютъ свои Альпы, лѣса, земли, продуктовъ съ которыхъ достаточно для содержанія.

Въ Валлисѣ почти всѣ общины владѣютъ довольно обширными имуществами, состоящими въ лѣсахъ, Альпахъ, виноградникахъ и земляхъ для посѣва зерновыхъ хлѣбовъ. Здѣсь, какъ въ Ури, пользованіе Альпами составляетъ, такъ сказать, погѣдствіе частной собственности, въ томъ смыслѣ, что число оловъ скота, какое каждый можетъ послать на общее пастбище, зависитъ отъ того количества скота, какое онъ можетъ содержать зимой; но лѣсъ раздѣляется на доли, распределяемые по ребію между дольщиками. Общинные виноградники эксплуатируются сообща. Каждый дольщикъ посвящаетъ имъ одинаковое число рабочихъ дней до тѣхъ поръ, пока вино не будетъ сложено въ погребъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ существуютъ также пахотныя земли, воздѣлываемыя тѣмъ же способомъ. Часть доходовъ съ общинныхъ капиталовъ употребляется на покупку сыра. Вино и хлѣбъ братски добываются трудами всѣхъ и каждаго, составляютъ основу банкетовъ, на которыхъ присутствуютъ съ дольщики, *gemeinderinket*. Они вполне похожи на общіе обѣды въ Спартѣ и на Критѣ или на «агапы» первыхъ христіанъ, состоявшіе изъ плодовъ, винограда и пшеницы. Эти общія трапезы, на которыхъ господствуетъ искренность, одушевляемая еще братероднымъ валлисскимъ виномъ, поддерживаютъ истинно-братскія отношенія между обитателями. Независимо отъ общинъ, коллективными землями владѣютъ также ассоціаціи стрѣлковъ—*сарабинеровъ*; на этихъ земляхъ разводятся пшеница и виноградъ, какъ какъ хлѣбъ и вино, по мнѣнію стрѣлковъ, отвѣчаютъ первымъ потребностямъ человѣка. Каждый изъ членовъ ассоціаціи жертвуетъ на общую пользу свои рабочіе дни, а продуктъ потребляется на общихъ обѣдахъ, которые имѣютъ мѣсто въ томъ, каждое воскресенье, послѣ состязанія въ стрѣльбѣ.

Точной статистики общинной собственности въ Швейцаріи нѣтъ, но приблизительно, своими размѣрами, она почти равняется частной собственности и, по всей вѣроятности, въ будущемъ она снова, какъ въ древности, распространится на всю страну. Должно настать время, когда и германскіе крестьяне воспользуются урокомъ своихъ швейцарскихъ соплеменниковъ и вынуждены будутъ возвратиться къ общиннымъ порядкамъ, разрушеннымъ феодализацией земли. Современное аграрное устройство Германіи, въ концѣ концовъ, приводитъ только къ развѣтвію поземельныхъ отношеній Мекленбурга и Ирландіи. Начиная съ Австріи, съ ея польскими, венгерскими, богемскими и австрійскими магнатами, и кончая какимъ нибудь княжествомъ Шаумбургъ-Липпе, съ его 32,000 жителей, во всѣхъ герман-

скихъ государствахъ мы видимъ преобладаніе крупныхъ землевладѣльцевъ, на которыхъ работаютъ безземельные фермеры и батраки, ограниченное число крестьянъ, успѣвшихъ обогатиться правдою или неправдою, и массу болѣе и болѣе бѣднѣющихъ мелкихъ собственниковъ. «Въ Пруссіи, говоритъ Лавелэ, крупные землевладѣльцы, «Rittergutsbesitzer», имѣютъ непреодолимое вліяніе на массу народа, которому они доставляютъ работу. Поэтому не удивительно, что феодальная партія до сихъ поръ такъ могущественна. Пруссія представляетъ замѣчательный контрастъ: по распространенію первоначальнаго образованія, по мощному блеску своихъ университетовъ, по высокому развитію научныхъ изслѣдованій, она превосходитъ всѣ другіе народы Европы; но по своему земледѣльческому быту она не вышла еще изъ періода феодализма, послѣднія привилегіи котораго въ ней только недавно уничтожены». Число дворянскихъ имѣній (Rittergüter) простиралось въ 1836 г. до 12,013; они занимали 25.046,936 моргеновъ. Въ 1858 г. ихъ считали 12,827, занимавшихъ 27.550,000 моргеновъ пространства; следовательно, такъ называемыя «Rittergüter» увеличились въ теченіе 20 лѣтъ на 2.503,063 моргена, или болѣе чѣмъ на 600,000 гектаровъ. Среднее пространство этихъ имѣній увеличилось отъ 2,083 до 2,148 моргеновъ. Самое небольшое изъ нихъ имѣло 1 моргенъ, самое обширное 72,094 моргена. Отсюда видно, что свободное распоряженіе поземельною собственностью не только не причинило вреда крупному землевладѣнію, но было ему даже благопріятно. Правда, одно особаго рода обстоятельство содѣйствовало умноженію крупныхъ поземельныхъ владѣній. Даже послѣ реформъ Штейна, недворянскія земли остались обремененными многими сервитутами или обязанностями по отношенію къ дворянскимъ имѣніямъ; такъ, дворяне имѣли право пользоваться ихъ выгонами и т. д. Поселяне, чтобы освободиться отъ такихъ сервитутовъ, должны были выплачивать значительныя суммы. Была даже наряжена специальная коммиссія (Auseinandersetzungs commission) для руководства въ дѣлѣ освобожденія земель отъ сервитутовъ. Достаточно привести одну цифру, чтобы дать понятіе о важности ея трудовъ: 1.500,000 владѣльцевъ и 14 милліон. гектаровъ были освобождены отъ сервитутовъ, при ея посредничествѣ. Но чтобы выкупиться отъ этихъ феодальныхъ тягостей, поселянину пришлось занимать деньги. До 1840 г. земледѣльческія произведенія были необыкновенно дешевы, такъ какъ пути сообщенія находились въ неудовлетворительномъ состояніи и вывозъ за границу былъ ничтоженъ. Много мелкихъ собственниковъ, не будучи въ состояніи выполнить принятыхъ на себя обязательствъ, принуждены были продать свои земли. Предложеніе превысило спросъ и земли со-

вершено упали въ цѣнѣ. Кризисъ былъ жестокой и продолжительный. Богатые землевладѣльцы покупали земли поселянъ за деньги, вырученныя отъ выкупа сервитутовъ. Поэтому многие собственники предпочитали заключить полюбовную сдѣлку иступить часть своей земли, чтобы освободить остальную. Такимъ образомъ Rittergüter умножились, вопреки естественному ходу дѣлъ, по которому собственность раздробляется по мѣрѣ увеличенія народонаселенія. Владѣльцы рыцарскихъ имѣній обещены властью мирового суда, они засѣдаютъ въ провинціальныхъ и окружныхъ сеймахъ и въ палатѣ господъ, а въ восточной Пруссіи носятъ даже военный мундиръ. На Рейнѣ и въ Вестфаліи судейскія привилегіи ихъ были отмѣнены французами, но снова восстановлены пруссаками; въ восточныхъ провинціяхъ онѣ были отмѣнены въ 1849 г., но возобновлены въ 1856 г. съ нѣкоторыми исключеніями. Дворянинъ-помѣщикъ облеченъ здѣсь полицейскою властью и, кромѣ того, имѣетъ рѣшающій голосъ на провинціальныхъ и окружныхъ сеймахъ. На послѣднихъ участвуютъ:

9,483	владѣльца дворянскихъ имѣній,
532	другихъ помѣщиковъ,
1,329	горожанъ,
2,207	представителей сельскихъ общинъ,
<u>13,551.</u>	

Въ верхней палатѣ помѣщики имѣютъ 56 наслѣдственныхъ и 11 выборныхъ мѣстъ. Земскіе совѣтники, Landrathe, играющіе очень важную роль въ провинціальной администраціи, избираются тоже изъ помѣщиковъ. Въ то время, какъ рыцарскія имѣнія увеличивались, крестьянскія хозяйства уменьшались. Въ 1816 г. считалось во всей странѣ, кромѣ рейнскихъ провинцій и округа Стральзунда, не вошедшихъ въ число изслѣдованныхъ мѣстностей, 354,607 крестьянскихъ одноплужныхъ хозяйствъ (spannfähige Nahrungen), занимавшихъ 34.425,731 морг. Въ 1859 г. такихъ хозяйствъ было 344,737 съ 33.498,433 морг.; т. е. число хозяйствъ уменьшилось; на 9870, а пространство ихъ на 927,298 морг., или на 230,000 гектаровъ; но такъ какъ Rittergüter увеличились болѣе чѣмъ на 600,000 гектаровъ, то можно утверждать, что крупная собственность болѣе выиграла, чѣмъ проиграла. Средняя величина одноплужнаго хозяйства осталась совершенно тою же, какъ и 70 лѣтъ назадъ—97 моргеновъ, или приблизительно 23 гектара, что въ точности соответствуетъ пространству, обрабатываемому однимъ плугомъ. Мелкихъ хозяйствъ безъ плуга считалось въ 1859 г. 604,501, но они имѣли только 4.833,826 моргеновъ, или 1.300,000 гектаровъ, т. е. $\frac{1}{20}$ часть поверхности страны. Число такихъ мелкихъ землевладѣль-

цевъ увеличивается въ рейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи: вездѣ, гдѣ развивается промышленность, рабочій ищетъ приобрести клочекъ земли, чтобы устроить себѣ постоянное мѣсто жительства.

Въ 1861 г. на прусской территоріи, имѣвшей тогда 28 мил. гектаровъ, считалось 2.141,730 поземельныхъ владѣній, но только 1.200,000 собственниковъ, или 1 собственникъ на 12 жителей и на 28 гектаровъ пространства, между тѣмъ какъ во Франціи 1 собственникъ—на 5 жителей и на 7 гектаровъ. Во всѣхъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи крупныя поземельныя владѣнія занимаютъ болѣе половины территоріи, а владѣнія отъ 7 до 75 гектаровъ составляютъ почти все остальное, такъ что мелкимъ собственникамъ принадлежитъ только 5% всей земли, а крупнымъ 59%. Подобныя же отношенія видимъ и въ большинствѣ другихъ нѣмецкихъ государствъ.

Среди крестьянъ-собственниковъ есть очень богатые мужики: настоящіе ландлорды, какъ называетъ ихъ одинъ изъ английскихъ консуловъ. Въ магдебургскомъ округѣ, напр., есть цѣлыя деревни, состоящія изъ подобныхъ богачей, обыкновенно отдающихъ свои земли въ аренду мелкими участками. Сами они живутъ въ совершенной праздности, получая доходъ иногда до 6,000 талеровъ. Въ герфордскомъ округѣ, подробный мужикъ вѣрѣдко даетъ въ приданое за дочерью до 20,000 р., но самъ уходитъ въ деревянныхъ башмакахъ и живетъ въ глубокомъ невѣжествѣ. Но такіе зажиточные крестьяне составляютъ незначительное меньшинство и отличаются всѣми непривлекательными чертами деревенской буржуазіи. Кромѣ этихъ крестьянъ-лордовъ, есть довольно значительное число среднихъ собственниковъ имѣющихъ отъ 20 до 200 акровъ земли. Въ Пруссіи ихъ считается 400,000, а вмѣстѣ съ семействами—1.500,000. Тѣ изъ нихъ, которые воздѣлываютъ не менѣе 50 акровъ, живутъ довольно порядочно, и вообще весь этотъ классъ отличается сравнительнымъ довольствомъ. Гораздо хуже положеніе болѣе многочисленной массы мелкихъ собственниковъ, составляющихъ въ Пруссіи 1.600,000, а вмѣстѣ съ семействами до 5.000,000 ч. Число ихъ до 60-хъ годовъ постепенно увеличивалось и крестьяне не упускаютъ случая купить себѣ клочекъ земли, входя при этомъ въ неоплатные долги евреямъ и другимъ растовщикамъ. Огромное большинство этихъ собственниковъ владѣтъ ничтожными участками менѣе 3½ акровъ. Въ лигничномъ округѣ, въ Силезіи, изъ 4,824 собственниковъ имѣютъ:

Больше	600	моргеновъ	13
Отъ	300	до 600	17
>	30	до 300	314
>	5	до 30	1.451
Менѣе	5	—	3,209.

Въ Лузации, изъ 33,614 владѣльцевъ 308 имѣютъ болѣе 600 ореновъ; 172 отъ 300 до 600; 6,114 отъ 30 до 300; 11,199 отъ 5 до 30, и 15,821 менѣе 5 м. Въ данцигскомъ округѣ не мало имѣній въ $\frac{1}{10}$, даже въ $\frac{1}{100}$ моргена! То же самое малоземелье видимъ и въ другихъ частяхъ Германіи. Въ Саксоніи 45% обшвенниковъ имѣютъ всего не болѣе 3 акровъ и 36% отъ 3. 0 10 акровъ. Большинство арендаторовъ тоже снимаетъ только аленьіе участки. Арендаторъ обыкновенно спитъ и видитъ, какъ бы ему купить клочекъ земли, но это ведетъ только къ трашному развитію спекуляціи: цѣны на землю сильно растутъ, а покупщики попадаютъ въ кабалу къ землевладцу. «Ростовщикъ,—говоритъ о Пруссіи англійскій консулъ,—вмѣшивається почти во всѣ дѣла крестьянина - собственника. Если крестьянину нужно продать корову, то еврей всегда готовъ купить ее и можетъ долго ждать случая продажи. Еврей служитъ неабѣжнымъ посредникомъ во всѣхъ оборотахъ мужика и безжалостно пользуется своимъ вліяніемъ».

Мелкіе собственники и фермеры по всей Германіи живутъ вообще плохо, какъ это можно видѣть по отчетамъ представителей Англій. Въ Силезіи $\frac{1}{5}$ крестьянъ имѣютъ отъ 30 до 5 и менѣе моргеновъ, у многихъ изъ нихъ всей земли только $\frac{1}{2}$ акра, между тѣмъ, чтобы прокормиться съ семействомъ и уплатить налоги, мужику нужно не менѣе 20 акровъ. Всѣ они бѣдны, равно какъ и крестьяне Лузации, изъ числа собственниковъ которой у 6,910 есть только хижины и ни клочка земли. Въ нецларскомъ округѣ «огромное большинство крестьянъ-собственниковъ съ трудомъ добываютъ себѣ на пропитаніе и на уплату налоговъ, и весьма многіе изъ нихъ борются съ нищетою и долгами. Деревни живутъ болѣею частью изолированно одна отъ другой, различаясь даже костюмами. Евреи здѣсь держатъ въ рукахъ все населеніе». Въ округахъ: кельнскомъ и боннскомъ «крестьянинъ не можетъ быть названъ ни богатымъ, ни даже зажиточнымъ, но совершенные бѣдняки рѣдки». Вообще, огромное большинство этихъ собственниковъ перебивается со дня на день, безъ постороннихъ заработковъ существовать не можетъ, и щедринскій «мальчикъ въ штанахъ» принадлежитъ только къ немногочисленному, сравнительно, классу крестьянъ, имѣющихъ по 20 и болѣе моргеновъ земли. По мѣстамъ встрѣчаются цѣлыя деревни богатыхъ мужиковъ, какъ напр., община Фиргеймъ въ Гессенѣ. Крестьянскіе дома здѣсь все каменные, большіе, чистые, и при каждомъ изъ нихъ садъ. Крестьянинъ ѣстъ 5 разъ въ день, пьетъ кофе съ сахаромъ, ѣстъ ветчину, а по воскресеньямъ—свѣжую говядину; онъ каждый день пьетъ водку, а по вечерамъ—пиво въ трактирѣ. Недвижимая и движимая собственность общины стоитъ 1.142,000 флоринновъ.

Такихъ цвѣтущихъ общинъ очень немного, и масса
 ваго крестьянства можетъ только мечтать о подобномъ.
 Малоземелье подавляетъ и отупляетъ его тѣмъ болѣе,
 крошечные участки, вдобавокъ ко всему, разбиты ед-
 дѣльные клочки и разбросаны въ разныхъ частяхъ по-
 хуже этихъ жалкихъ собственниковъ живутъ сельскіе
 Въ бременскомъ округѣ рабочій, при готовой пищѣ и
 получаетъ 40—50 р. въ годъ; поденщикъ 25—60 и
 квартиры и пищи; женщина 20—40 р. въ годъ, и 13—
 день безъ харчей. Въ Шлезвигъ-Голштейнѣ поденщики
 чаютъ плату большею частію натурою и сильно бѣд-
 Въ Пруссіи, гдѣ число сельскихъ рабочихъ постоян-
 таетъ и составляетъ болѣе 2.000,000 ч., имъ тоже платятъ
 шею частью, натурою и годовой доходъ рабочей семьи
 вышаетъ 125 талеровъ. Женщины работаютъ наравнѣ
 чинами, дѣти растутъ безъ призора и страшно мрутъ. По-
 предпочитаютъ неженатыхъ рабочихъ семейнымъ, и б-
 пролетариатъ болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ семейнаго жи-
 Гессенѣ, въ той самой общинѣ Фирнгеймъ, о которой
 ворили, батракъ получаетъ отъ 2 до 2 р. 25 к., а съ семе-
 отъ 3½ до 5½ р. въ недѣлю. Въ Баваріи, гдѣ сельскіе
 чіе составляютъ 27% всего населенія, или 1.300,000
 получаютъ въ годъ: мужчины 90, женщины 70 р., а
 35—25 коп. на своихъ харчахъ. Въ Саксоніи, гдѣ ква-
 пища сельскаго рабочаго обходятся: мужчинѣ отъ 70 до
 леровъ, а женщинѣ отъ 60 до 100 т. въ годъ, первый по-
 въ годъ отъ 24 до 75 талеровъ, а женщина 15—40 въ
 день же 32—35 коп. мужикъ и 17—25—баба.

Вообще, малоземелье и безземелье крестьянской м-
 Германіи приводитъ къ тѣмъ же неизбѣжнымъ плачевнымъ
 слѣдствіямъ. Народъ прозябаетъ, а не живетъ. Нѣмецкій
 нинѣ по возможности старается не дѣлить между наслѣ-
 своей земли, и въ большинствѣ случаевъ сдаетъ ее од-
 своихъ наслѣдниковъ, а остальные остаются вовсе безъ
 Спасаясь отъ нищеты, народъ эмигрируетъ. Изъ Гессенъ
 выселилось:

Въ 1822—25 г.	2062 г.	Въ 1843—46 г.	12,045
» 1825—28	» 1,367	» 1846—49	» 23,000
» 1828—31	» 2,438	» 1849—52	» 24,560
» 1831—34	» 8,319	» 1852—55	» 34,130
» 1834—37	» 3,511	» 1855—58	» 11,830
» 1837—40	» 2,874	» 1858—61	» 14,740
» 1840—43	» 4,156	» 1863—67	» 10,450

бургъ - Шверинѣ, благодаря эмиграціи, изъ 560,628 жителей въ 1867 г., въ 1871 г. убыло 2,731 ч. Въ Мекленбургъ-Стрелицѣ жителей было въ 1867 г. 98,770, а въ 1871 г.—96,982 ч. Въ Саксенъ - Альтенбургѣ сельское населеніе въ послѣднія 25 лѣтъ сильно убываетъ. Въ Вальдекѣ жителей было въ 1867 г. 57,495, а въ 1871 г.—56,224; въ Липпе-Детмольдѣ въ 1867 г. 111,909 ч., а въ 1871 г. 111,153; въ Шварцбургъ-Зондергаузенѣ въ 1867 г. 68,109 ч., а въ 1871 г.—67,191; въ Ольденбургѣ въ 1867 г. 315,995, въ 1871 г. 314,777; въ Баденѣ съ 1846 о 1855 г. населеніе убывало по 14,000 въ годъ; то же было и въ Вюртембергѣ, отсюда и нынѣ ежегодно выселяется до 6,000

Что же касается тѣхъ провинцій, въ которыхъ населеніе не убываетъ, то въ нихъ понижается процентъ его прироста. обще, большинство германскаго народа бѣдствуетъ и нѣмецкіе крестьяне, особенно подгородные, замѣтно начинаютъ увлечься идеями социализма. Послѣ войны съ Франціей, положеніе эда начало особенно быстро ухудшаться, о чемъ свидѣтельствуетъ одно уже усиленіе эмиграціи. Черезъ одинъ только мѣсяць эмигрировало въ первые 9 мѣсяцевъ 1880 г. 63,000, въ первые 9 мѣсяцевъ 1881 г.—103,000 ч.

С. Шашковъ.

К О Н Ц Ъ .

КЪ ОДНОМУ КОНЦУ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

Часть вторая.

I.

Великій врачъ—время—дѣлало свое незамѣтное дѣло. нѣсколько мѣсяцевъ, и новые побѣги любви къ жизни свои корни въ зажившемъ сердцѣ Бѣлоконовой. Не безшли для нея эти мѣсяцы свободы и уединенія: она много читала и размышляла. Вся прошедшая жизнь съ ея являющихся причинами проносилась передъ ней, освѣщенная новымъ анализомъ и критическимъ разборомъ своей собственной и ея побуждений. Этотъ свѣтъ указывалъ ей путь, кото- должна идти, чтобы избѣжать повторенія прежнихъ ошибокъ и недоразумѣній. Прежде всего—удалить изъ своей жизни единичную привязанность къ чему и кому бы то ни было источникъ вреда и страданій, неосуществимыхъ иллюзий и чарованій. Потомъ,—избѣгать семейной жизни и брака. могла, не умѣла быть женою; опытъ прошлаго доказалъ наглядно и краснорѣчиво. И прежде, въ дѣвичество, и въ времена своего замужства, Бѣлоконова любила витать въ идеальной сферѣ мысли и воображенія. Эта склонность и была источникомъ ея несчастія, она не давала ей входить въ действительную прозу жизни, единственное условіе счастья для очага. Марья Аркадьевна, вмѣсто того, чтобы идти на работу и шитье для мужа и дѣтямъ, садилась за рояль и въ звуки прочувствованныхъ звукахъ изливала скорби своей души или переводила стихи, отвлекавшіе ее отъ грустнаго настоящего. въ результатѣ получался ненужный балластъ артистическаго развитія, когда нужны были только практичес-

это ясно теперь.

Но что же дѣлать? Чѣмъ же наполнить пустоту и прозябаніе жизни? Завяться наукой, слушать курсы, поступить въ воспитательный домъ, выйти акушеркой? Конечно, это необходимо для существованія; наследство бабушки не можетъ же продолжаться зѣчно... Но врядъ-ли все это можетъ придать значеніе жизни, красить ее и измѣнить ея основныя черты:—страданіе и разочарованіе. Человѣкъ, по ея мнѣнію, былъ выпущенъ на свѣтъ для того, чтобы стоять надъ глубокой бездною, черезъ которую перекинутъ тоненькая жердь, ведущая на всѣ четыре стороны,—но на одной сторонѣ разбойники, на другой дикіе звѣри, на третьей напеченіе, на четвертой пламя пожара. Куда-жъ идти? Не лучше ли мурить глаза и прямо въ бездну. Мудрость житейская—выбирать шеее изъ золь. Конечно, самое меньшее—не жить. Но и живя, но уподобить жизнь сну, прозябанію, пустотѣ. Зачѣмъ же тогда ться съ мѣста, искать, волноваться, къ чему-то стремиться? ть, пока есть возможность, ѣсть, спать, одѣваться, пользоваться іальнымъ комфортомъ, а тамъ — выйти на улицу и... и... чуть.

ковы были разсужденія Бѣлоконовой, оправдывавшей свою и сибаритство вкривь и вкось понятыми истинами философ-системъ. Она не сознавала и не видѣла, что процессъ жизни ль ее въ себя сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, и что отсутствіе свобода и матеріальное благосостояніе, — блага, чувствив для нея, какъ и для всякаго другаго.

омъ у нея было дѣло, долгъ, — скучный, но необходимый. а ни сторонилась отъ жизни, но жизнь ее задѣла и впрягла рмо.

нтъ Ральфъ въ маѣ расхворался такъ сильно, что при- былъ слечь въ клинику. Не смотря на свою выносливость в характера, онъ впалъ отъ этой болѣзни въ самое по- состояніе духа. Его земляки и знакомые разъѣхались; ался одинъ на жертву нуждѣ и самыхъ мрачныхъ пред- его нельзя было оставить и бросить на произволь судьбы, ржки и посильной помощи. Бѣлоконова не переѣхала на ее приглашала докторъ К., и осталась въ городѣ. Она Ральфа каждое воскресеніе въ клиникѣ. Докторъ, его сказалъ, что онъ заболѣлъ вслѣдствіе дурныхъ гигиениче- вѣй, что у него развился катарръ желудка и малокровіе, бы поправиться, необходимо имѣть лучшую пищу, сухую

комнату съ хорошей вентиляціей и прочія условія, присущія богатому и недоступныя бѣдняку.

Она заставляла его почти всегда на скамейкѣ больничнаго сада, гдѣ онъ, блѣдный и худой, грѣлся на солнцѣ въ ожиданіи ея прихода. Ея посѣщенія были для него сущимъ праздникомъ, и изможденное лицо его озарялось молодой улыбкой, при видѣ ея стройной фигуры, появлявшейся каждое воскресенье у входной аллеи сада. Она приносила ему винограду, апельсиновъ, грушъ; онъ принималъ все съ дѣтскою поспѣшностью, забывая благодарить, не говоря ни одной условной фразы, какія говорятся въ подобныхъ случаяхъ. Тихо и внятно смотрѣлъ онъ на нее съ терпѣливымъ видомъ больного, любовался фруктами, ѣлъ ихъ, откладывая до другаго дня,—и эта дѣтская, незатѣйливая радость была для нея лучше всякой громкой благодарности и вычурныхъ фразъ. Бесѣда къ была тиха и однообразна: онъ говорилъ ей о своихъ заботахъ и препятствіяхъ на пути къ задуманной цѣли, о потерянномъ времени и трудѣ. Потомъ рѣчь переходила на университетъ, на лекціи, на книги, которыя онъ успѣлъ прочесть; кругозоръ его былъ узокъ; онъ былъ совсѣмъ не развитъ умственно; неопытность его во всѣхъ вопросахъ жизни такъ и бросалась въ глаза, но эта-то неопытность и первобытность произвела освѣжающее впечатлѣніе на Марью Аркадьевну. Она видѣла въ немъ неиспорченную душу ребенка, мужественно пустившагося въ тяжелый путь жизни безъ всякаго предохранительнаго балласта, въ видѣ опыта, разочарованій, недоверія къ собственнымъ силамъ. «Онъ не желалъ ничего дурнаго», какъ бы говорила вся его личность:—«онъ желалъ только честно пробыть въ жизни своимъ трудомъ, и неужели люди или судьба не помогутъ ему въ этомъ?»

Марья Аркадьевна приносила ему книги, переписывала его переводы, и деньги, получаемыя за эту работу, отдавала ему. Онъ откладывалъ ихъ на хлѣбъ и платье съ серьезнымъ видомъ бѣдняка. Никогда не здороваясь, не прощаясь, онъ не подавалъ ей руки; его взглядъ и улыбка, которыми онъ встрѣчалъ и провожалъ ее, были такъ не похожи на взглядъ и улыбку мужчины, что она стала видѣть въ немъ не существо, облеченное плотью и кровью, а нѣчто идейное, отвлеченное, олицетворяющее для нея дѣло, ремесло, долгъ.

Въ началѣ сентября онъ вышелъ изъ клиники съ остаткомъ хроническаго катарра, безъ крова и теплой одежды, прямо на улицу. Надобно было выкупить заложенное платье, заплатить за право слушанія лекцій, найти себѣ кровъ. У него было только

зять ему рублей сто на первое время. Онъ принялъ, какъ онъ принималъ отъ нея все, съ наивностью дикаря, съ непосредствен- нымъ истиннымъ самохраненіемъ. Между тѣмъ она рѣшилась со- атить расходы. Номеръ, занимаемый ею, оказался для нея слиш- къ дорогъ, и она поручила Ральфу отыскать болѣе дешевое мѣщеніе, куда и переехала въ сентябрѣ.

Дни этихъ поисковъ оставили хорошее воспоминаніе въ яти Бѣлоконовой. Ральфъ съ такой заботливостью и усер- ь исполнялъ возложенное на него порученіе, такъ радо- ь, что могъ угодить ей чѣмъ нибудь, что сердце ея нѣсколько ьлось въ нему. Онъ сталъ для нея болѣе живымъ и одушев- ьмъ существомъ, чѣмъ былъ до того. Недалеко отъ универ- и бульваровъ стояла старая, большая гостинница, на по- ь пустая, по случаю лѣтняго времени, въ которой новые ь могли выбирать себѣ помѣщеніе по вкусу и средствамъ. ь, землякъ Ральфа, богатый молдаванскій купецъ, разсы- ьредѣлъ ними, обѣщая всевозможныя удобства и завѣряя, ь и теплѣе его номеровъ нѣтъ во всей Москвѣ. Порядоч- ь и изящное платье Бѣлоконовой сулило ему хорошую ь и онъ на всѣ прихоти и перемѣны отвѣчалъ полнымъ ь.

Обстановка гостинницы была довольно грязная, мебель ьхъ была поломана, полы давно не крашены, въ коридо- ьхъ всевозможные запахи, но цѣна была настолько низка, ь Аркадьевна не задумалась переселиться. Выбранный ею ь тоялъ изъ двухъ комнатъ, которыя, благодаря перене- ь другихъ номеровъ наилучшей мебели, обставился до- ьбортабельно, а имѣющаяся въ первой комнатѣ печь ь грывать роль камина въ холодные зимніе вечера. Хо- ьль не скупиться на дрова и указывалъ выгоды этой ьлюговъ, разогрѣванья кушаньевъ и прочихъ удобствъ. ьнялъ комнату этажемъ выше, цѣною за 12 р. въ ь сравненіи съ каморкой, которую онъ занималъ до ь, настоящее помѣщеніе казалось ему просто роскош- ьдовался, какъ дитя, что у него было мягкое кресло, ьать и большое зеркало, которое онъ разыскалъ въ ьхъ и собственноручно поставилъ на высокомъ комо- ьмъ тщательно разложилъ свои тетради и книги, и ь Бѣлоконову полюбоваться всѣмъ этимъ, то казался

торья ему одолжила.

Въ тотъ же день онъ записался снова въ университетъ плативъ за первое полугодіе, а вечеромъ, придя пить чай къ Локоновой, говорилъ о томъ, что цѣлые дни будетъ заниматься чтобы наверстать потерянное время, будетъ непременно искать ковъ, выхлопочеть опять стипендію и прищеть себѣ дома обѣды гдѣ нибудь въ частномъ домѣ, потому что докторъ жительно запретилъ ему питаться кухмистерскими обѣдами.

Какое-то облако задумчивости или унынія набѣгало порою его блѣдныя и строгія черты, и онъ смотрѣлъ въ пространство загадочнымъ взглядомъ, но Марья Аркадьевна приписывала остатку болѣзни и не видѣла въ этомъ ничего особеннаго. У него онъ просилъ ее заняться съ нимъ нѣмецкимъ языкомъ, котораго ему плохо давался, и они условились посвящать на это часъ два въ вечеръ.

II.

Семейство доктора К. возвратилось въ городъ съ дачи. Марья Аркадьевна возобновила свои обѣды у нихъ. Члены семьи пріѣхали съ дачи пополнѣвшіе и загорѣвшіе, съ нескончаемъ воспоминаніями и разговорами о лѣтней жизни. Каждый говорилъ о своемъ: толстуха Лидка рассказывала анекдоты о дѣтяхъ, которые, увидавъ въ первый разъ траву, бросились и начали ѣсть цѣлыми горстями; мать—о честности крестьянъ, отпуская ей хорошую провизію, молодежь—о разныхъ встрѣчахъ, случившихся съ ними. При этомъ обѣ гимназистки переглядывались между собою и секретничали болѣе обыкновеннаго; студентъ выучивъ новые романсы и рисовалъ на всѣхъ клочкахъ профиль жены головки; докторъ, похудѣвшій отъ мотіона и режима, принявъ на себя въ деревнѣ, казался еще сильнѣе и подбиралъ для себя прежняго, наслаждаясь по прежнему и комфортомъ домашняго очага, и своими учеными трудами, и предстоящими развлечениями зимняго сезона. Въ домѣ доктора все какъ-то еще болѣе ожилъ и повеселѣло, повѣяло новой атмосферой, какую неизбѣжно приносить съ собою молодежь, въ пору роста и цвѣта, съ ея потребностью любви, первыми пробами силъ, первыми любовными романами, вызывающими улыбку на уста взрослыхъ своей дѣтской серьезностью и трагизмомъ. При другихъ условіяхъ живая атмосфера эта ослабляется или нуждою, или строгостью семейнаго вѣра, или горькими приступами дѣйствительности; здѣсь же.

омъ первыхъ поэтическихъ волнѣній, разговоровъ, встрѣчъ и трепетъ... Вскорѣ Марья Аркадьевна была посвящена во всѣ тайны ихъ юныхъ душъ; то одинъ, то другой шептался съ нею въ у, рассказывая, заливаясь безпричиннымъ смѣхомъ радости существованія, съ краскою на лицѣ, со внезапными переходами отъ юности въ дѣтскому веселью и наоборотъ. Съ задумчивой готовью служила Бѣлоконова складочнымъ мѣстомъ всѣхъ этихъ цѣлыхъ изліяній, требовавшихъ себѣ свидѣтеля и собесѣдника. Чужое — созерцать чужую жизнь было для нея уже не ново: переносило ее въ прошлое, въ дни ея молодости и томленія; тогда эти томленія и жажда разрѣшились дѣйствительностью ощущений и жизни; — теперь они не должны болѣе разрѣшиться: дѣйствительность разрушила чары, грубо оборвала

почему, когда гимназистки или студентъ забѣгали по ней въ номеръ, сообщая все, что случилось съ ними, наполняя ея пустынную чашу смѣхомъ и яркостью ощущений, съ эгоизмомъ молодости предоставляя ей единственную свидѣтельница и слушательницу ихъ счастья, — она въ тяжелую задумчивость и дѣлала сравненія и со-

Ей было 33 года; она отжила, она должна уступить другому поколѣнію, другой смѣнѣ... А жила ли она? Угаръ медоваго мѣсяца, — тридцать дней — и только... разочарованіе, муки, обманъ...

Она погружалась въ бездны философскихъ разсужденій — уже счастье. Какъ она можетъ рассчитывать житейское счастье, когда существуетъ только одно отсутствіе страданій, — альфа и омега, начало и конецъ — доктора положительно счастлива: она моетъ рубашку, шьетъ мужу рубашку — и счастлива... Да! вѣдь счастье, которое такъ любить и такъ горячо цѣлуетъ. Женщины, прошлой жизни съ мужемъ проносятся мимо: мучительныя раны исчезли, обиды ступенями — наверхъ впервые удовлетворенная жажда любви, восторгъ... «Ахъ, зачѣмъ эти люди проходятъ мимо счастья, — восторгъ, правомъ на жизнь! Я была счастлива; я упивалась тишиною и одиночествомъ... Я хочу уйти отъ жизни и между тѣмъ жить, суще-

какое дѣло приняться.

Бѣлоконова вспыхнула: ея лѣнь, сибаритство, труду такъ и кинулись ей въ глаза, и пробудили въ укоры совѣсти.

— Я такъ мало знаю, пробормотала она: — мнѣ чала перевоспитаться...

Онъ взглянулъ на нее своимъ хладнокровнымъ внивавшимъ во всѣ тайники души, и отвернулся, какъ ная негодность субъекта не стоила болѣе его вниманія.

— Я думаю, начала она, пришпоренная этимъ слушать курсъ акушерства...

— Гдѣ? въ воспитательномъ?

— Да.

— Теперь сентябрь; надобно было въ маѣ подбыть уже принятой въ августѣ. Курсъ начинается числахъ августа.

Бѣлоконова поникла головой.

— Уроки музыки могу давать; таперомъ могу рахъ.

— Что же; и отлично, одобрила мать доктора. лей въ вечеръ и независимость притомъ. Если похорошія деньги можно зарабатывать.

Бѣлоконова ушла къ себѣ, чрезвычайно возбуж разговоромъ. Ее била лихорадка дѣятельности и себя. Она не могла заснуть, составляя проекты самванія, исправленія въ себѣ коренныхъ недостатковъ тельности, сибаритства. Лежа въ постели, она чувбъ силу воли, которая, казалось, и горы могла бмѣста.

Утромъ она помѣстила объявленіе въ газетахъ: музыки даетъ уроки и играетъ на вечерахъ за умѣ. Потомъ взяла на прокатъ рояль, чтобъ практиковала бѣгло и съ чувствомъ, но гаммы, разбиранье нея камнемъ преткновенія, и она съ трудомъ выдерченный себѣ на это занятіе часъ, сокращая его пото дня. Большею частью, она увлекалась фантазія сочиненія, и любимые звуки уносили ее далеко мнрѣ вдохновенія и заоблачныхъ мечтаній.

Когда Ральфъ услышалъ ее въ первый разъ, онъ

наивное впечатлѣніе, которое онъ самъ не сознавалъ, звуки замерли и рояль закрылся, онъ продолжалъ сидѣть въ-то забытій. Бѣлоконова напомнила было ему о нѣмецкѣ, но онъ отговорился нерасположеніемъ и, противъ нея, ушелъ гулять.

ругіе дни она не играла, и тогда они занимались нѣмецкомъ или разговаривали подѣ шумокъ самовара, сообщая другъ другу ежедневныя мелочи и приключенія. Темною бесѣды служилою большею частью, наблюденія надѣ сосѣдями и кое-какія вѣнкія съ ними. Гостинница съ сентября начала наполняться представлять обильную пищу наблюденіямъ. Случай сближалъ бокъ самыя разнородныя элементы: кокотку низшаго разѣ патриархальною матерью семейства, трудящагося бѣдняка янышъ жуиromъ; близость же бульваровъ и университета дала контингентъ студентовъ, актеровъ, музыкантовъ, содерѣ и кандидатокъ къ нимъ, въ видѣ швей, переписчицъ, мокъ и тому подобнаго безшабашнаго пролетаріата, готоваго изѣереженія лишнаго рубля помѣститься хоть у чорта на кулич. Сохраняя шикарную обстановку въ бель-этажѣ, гостинница ошненно теряла ее по мѣрѣ восхожденія на верхъ: коридоры овились уже темнѣе, вся обстановка и прислуга—грязнѣе и дѣе;—на самомъ же верху, въ грязныхъ и низкихъ номерахъ, досъ населеніе совсѣмъ безшабашнаго сорта. Народъ большею сью безъ мѣсть, жившій по двое и по трое въ одномъ номерѣ, жившій по коридорамъ по домашнему, въ халатахъ и блузахъ, дававшій свойствомъ знакомиться съ перваго шага и одолжаться другъ у друга бездѣлицами. въ родѣ шепотки чаю, папиросы или вивенника. Днем населеніе, какъ птицы изъ гнѣзда, все разлеталось на промыселъ, но вечеромъ неизмѣнно возвращалось, и злеко за полночь происходили кутежи, пьяныя пѣсни, ссоры и любовныя приключенія; по коридорамъ изъ номера въ номеръ сносили длинныя, затасканныя шлейфы, сопровождаемые личностями въ измятыхъ пиджакахъ и съ такими же фізіономіями.

Женщины, занимающіяся одинаковымъ ремесломъ, всѣ знали другъ друга, были на ты, и безпрестанно забѣгали одна къ другой сообщать о своихъ дѣлахъ, ссорились и мирились, и пили, пили, пили безъ конца...

Ральфъ, богѣ Бѣлоконовою знакомый съ этой средой, съ грустью и продажностью этихъ женщинъ, высказывалъ къ нимъ

тому, что онъ ей говорилъ о нихъ. Гадомъ съ нею рошенькая молодая женщина, такая веселая и привѣтливая почти постоянно стояла въ дверяхъ своего номера и величавые разговоры съ проходящими мимо сосѣдями. Всѣхъ по имени, всѣми интересовалась и спрашивала, и с новой познакомилась, почти насильно затаскивая ее къ комнатѣ у нея все дышало такой порядочностью и пальцы съ начатою работою мирно стояли у окна; на лампада теплилась передъ образомъ; цвѣты на окнахъ, лампы на стѣнахъ свидѣтельствовали о невинныхъ и изящныхъ хозяйки; сама она въ скромномъ и простомъ туалетѣ посреди своей комнатѣ, какъ птичка, напѣвая пѣсню, прибирая и своихъ комодахъ и шифоньерахъ. Нельзя себѣ представить задушевной откровенности, которую она позволила себѣ съ Марьей Аркадьевной. Мужъ у нея ревнивецъ; сколько разъ они ссорились и расходились, — характеръ его невозможный; у нея же такой характеръ, что она привѣтлива и добра; ну, всѣ и льнуть къ ней; что же за бѣда посмѣяться и пошутить съ молодежью: — насчетъ вѣрности какой-нибудь — «это низость, которой она никогда не позволитъ».

— Онъ ей не мужъ, возражалъ Ральфъ сурово: — покровитель, который ее содержитъ; — а насчетъ ея вѣрности надобно у жильцовъ спросить.

— Не похоже, не похоже, твердила Бѣлоконова. Ральфъ смѣялся.

— Русская женщина за рубль готова продать себя кому угодно.

— Какъ вы ихъ презираете!.. Скажите однако, неужели вы не встречались ни одной порядочной между ними?

— Я такими женщинами брезгаю, мрачно отбѣзывала Ральфъ. Онъ съ меня немного возьмутъ.

Оставаясь одна, Бѣлоконова наблюдала, прислушивалась.

Разъ вечеромъ она испугалась; за стѣной у сосѣдки пошелъ гулъ голосовъ, топотъ ногъ, шумъ опрокинутой мебели, крики боли и рыданія, какъ будто кого-то душили или давили. Возня все усиливалась: дверь трещала и дрожала, какъ будто ее ломали и слышались задушаемые крики: «помогите»...

вещей: прислуга пила чай, звонки звенѣли, самовары приносились и уносились... Вдругъ дверь номера слетѣла съ петель и оттуда выбѣжалъ молодой человекъ въ разорванномъ пальто, а Бѣлоконова увидѣла на постели женщину, которую давилъ обѣими руками за горло какой-то разсвирѣпѣвшій атлетъ, а она визжала и рвалась юдою его руками, какъ подъ ножомъ.

На эту картину наконецъ набѣжала прислуга: дверь подняли, адѣли на петли, бойца оттащили силой; прибѣжалъ управляющій угрозами, съ грубою бранью: «Что вы дебоширите? Хозяинъ васъ игонить. Не умѣете жить въ порядочномъ мѣстѣ!» И снова раздался звонкій голосъ сосѣдки, но уже безъ тѣни слезъ и жалобъ, запротивъ задерный, вызывающій: она требовала полицію, русась, какъ извощикъ, и кричала: караулъ! Потомъ все кончилось оргіей, въ которой смѣшались и обидчики, и обиженные, и грители... Горничная отвѣтила на разспросы Бѣлоконовой, что рый хрычъ приревновалъ къ офицеру». Стало быть, Ральфъ правъ.

Что же это за жизнь, за невѣдомая доселѣ среда? Она прислушивается... Въмѣсто недавнихъ рыданій—звонъ бокаловъ и бутылокъ, пѣсенъ... Это сосѣдка поетъ. Какой богатый, вибрирующій тѣло, голосъ! Такъ и видишь ее съ бокаломъ или стаканомъ въ, съ безшабашнымъ смѣхомъ на устахъ, такую смѣлую, ную, пылкую... Вотъ эта умѣетъ пользоваться жизнью, прожигать ее до конца.

другой стороны, у сосѣда актера шла тоже пирушка: хороши, возгласы, ласковыя изліянія, комическія перевиранья и непремѣнно женщины,—легкія, уступчивыя, спѣшившія гаться...

сю ночь ее, отжившую, полную философскаго разочарованія, слѣдовала и окружала разнузданная атмосфера страстей и эній во всѣхъ родахъ и видахъ, и она металась, выбитая и натискомъ всѣхъ этихъ жизней, существующихъ безъ безъ анализа, безъ угрызений совѣсти, безъ прошедшаго го, — съ одной животной яркостью ощущеній... А на утдилъ Ральфъ, какъ бы замурованный въ своемъ аскетизмѣ всего естественнаго и живаго, бѣжавшій отъ женскаго новенія, какъ отъ огня. Ее онъ терпѣлъ, съ ней онъ в дѣлать время, потому что она не казалась ему женщиною что онъ не ожидалъ отъ нея никакихъ женскихъ

вспышекъ... Она угадывала это, изучая его характеръ, образъ мыслей и обращеніе. Онъ становился все суровѣе и суровѣе, и улыбка рѣже стала появляться на его губахъ. Приходя, онъ раскрывалъ нѣмецкую книгу и начиналъ читать. Рядомъ съ нимъ, слѣдя за его чтеніемъ, она смотрѣла на него, на его губы, старательно выговаривавшія слова, на холодъ и неподвижность ея лба, рѣсницъ и бровей, и чувствовала, что такая же неподвижность и холодъ оковываютъ ея члены и нагоняютъ на лицо черщины скуки, унынія и отчужденія... Иногда онъ сидѣлъ, опустивши глаза, и о чемъ-то думалъ, не смотря на нее. О чемъ думалъ онъ?

Прощаясь, онъ забиралъ свои книги подъ мышку и уходилъ, никогда не подавая ей руки.

III.

Разъ онъ пришелъ молчаливый и пасмурный, и сообщилъ ей, что онъ недоволенъ своимъ номеромъ и что ему предлагаютъ кватирку со столомъ за урокъ.

— Чтожъ, это отлично для васъ, сказала Бѣлоконова, чувствуя однако, что съ его отсутствіемъ какъ будто распадалось послѣднее звено цѣпи, связывавшей ее съ міромъ живыхъ: — вы поправитесь, поздоровѣете...

— Да, я думаю съѣхать отсюда, говорилъ онъ, смотря въ окно. Молчаніе затянулось. Бѣлоконова впала въ размышленія. «Были все время чужими, чужими, и разстанемся...» вертѣлось у нея въ головѣ: — «сама судьба устраиваетъ все къ лучшему... Бѣжалъ отъ жизни, бѣжать отъ ея страстей и невзгодъ».

— А мнѣ будетъ скучно безъ васъ, сказала она просто, зная подняманіемъ опущенныхъ петель въ своемъ вязаніи.

— Я буду къ вамъ заходить по прежнему; будемъ учиться, читать вмѣстѣ.

— Другіе учителя и учительницы найдутся. Я рада за васъ, вы будете жить, Ральфъ, вмѣсто того, чтобъ прозябать. Молоды вы, вамъ надобно жить...

— А вамъ? вдругъ вырвалось у него.

— Станный вопросъ! Какъ будто вы не знаете, что я могу болѣе жить.

— Почему нѣтъ?

Она посмотрѣла на него, какъ бы стараясь понять, что же было такого въ его вопросѣ, что заставило ее испугаться чело-

каких иллюзий...

Онъ молчалъ, отвернувшись отъ нея и смотря въ темноту ночи.

— Когда же вы думаете переѣхать отсюда?

— Срокъ мѣсяца еще не кончился. Не знаю самъ когда...

— Итъ, вы не упускайте, пожалуйста, торопливо перебила Бѣлоконова.— Развѣ можно такой случай терять?

И она начала приводить ему много доводовъ на эту тему. Онъ началъ и не противорѣчилъ.

Съ этихъ поръ какое-то темное облако прошло между ними, вно предвидѣнное Бѣлоконовою отчужденіе уже заранѣе начало сбываться. Она какъ бы отрѣшила себя отъ единственнаго, еяго существа, дѣлившаго съ ней одиночество, и, приучаясь къ отсутствію, старалась отдѣлать его жизнь отъ своей, отъясъ по вечерамъ и манкируя его уроками. Онъ становился все мрачнѣе, недовольтнѣе собою и жизнью...

Объявленіе въ газетахъ возымѣло, наконецъ, свое дѣйствіе: и черезъ двѣ Бѣлоконову позвали играть въ купеческій домъ ининный вечеръ. Погода была ужасная; снѣгъ въ перемежку съ дождемъ безотрадно лилъ цѣлый день, надобно было нанимать карета, тащиться на край города. Марья Аркадьевна цѣлый вечеръ изучивала кадрили и вальсы, и со страхомъ и трепетомъ, шнсь въ лучшее свое платье, собралась ѣхать. Ральфъ зашелъ къ ней въ то время, какъ она застегивала перчатки и напялила шляпу, и отъ волненія и ожиданія совсѣмъ была непохожа на себя. Глаза и щеки ея горѣли, и онъ мысленно сравнилъ ея жизнь физіономію съ той неподвижно-мертвенной маскою, которую годъ тому назадъ, онъ вынулъ изъ петли. И ему стало ясно, что та была ближе и доступнѣе ему, чѣмъ эта, на взволнованная, совсѣмъ какъ бы забывшая о его суще-

— Долго тамъ останетесь? мрачно спросилъ онъ.

— Я знаю; какъ могу я это знать! Я ужасно боюсь за себя, первый разъ буду играть для незнакомыхъ и собьюсь...

— Танцы не моя специальность. въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же?

— Нетерпѣливо отвернулась и стала надѣвать шубку.

— всю ночь теперь, сказала она, совсѣмъ готовая и пошла въ комнату.

— Онъ подошелъ рукой до ея перчатки, и они вмѣстѣ въ коридоръ. Сиротливо побрелъ онъ къ себѣ наверхъ,

она же спустилась внизъ, взяла извожника и поѣхала. Дождь снѣгъ лѣпилъ ей въ лицо сквозь вуаль, заливая полы ея шубы. Ѣхали долго, наконецъ, гдѣ-то на Таганкѣ остановились. Марья Аркадьевна позвонила, ей отперли, впустили. — Тапёрша, тапёрша пронеслось по залѣ; и дамы и дѣвицы, ходившія попарно, отступили, устали на нее. Хозяинъ дома, имянинникъ, съелъ на-веселѣ, принялъ ее и повелъ къ роюлю.

— Пятьсотъ рублей заплаченъ, хвастливо говорилъ онъ за плетающимся языкомъ, указывая на инструментъ: — у насъ я какъ нибудъ; вы, мадамъ, будьте увѣрены, — вотъ попробуйте отстройте, не бойтесь.

Подошла хозяйка дома, сухая и прямая особа, словно противившая аршинъ.

— Мы, мадамъ, съ вами переговоримъ сначала, а потомъ ужъ и за дѣло. О платѣ вы не безпокойтесь, мы за платой не стоимъ. Только вамъ придется поработать. Надобно сыграть пять кадрили до ужина и пять послѣ ужина, не считая легкихъ танцевъ. За все десять рублей. Мы всегда такъ; это какъ калачъ кушать. — Бѣлоконова не знала, что отвѣчать: надобно ли торговаться, просить прибавки; она рѣшительно не знала приемовъ и жаргонъ употребляемаго въ этихъ случаяхъ.

— Чай, ужинъ, вина всякія не въ счетъ... докончила хозяйка. — У насъ на счетъ этого просто... Коли что и переложите у насъ можете ночевать остаться. Покоевъ много.

Марья Аркадьевна вдругъ захотѣлось выбѣжать изъ этой залы прямо на улицу, на дождь и снѣгъ; но упорство пересилить себя перевоспитать инстинкты барства, — удержало ее на мѣстѣ. Она начала мысленно себя осмѣивать и издѣваться надъ собой. Всюду ни залы, ни людей не видѣла она болѣе, погрузившись въ себя въ дальнемъ углу комнаты.

Первая кадрили прошла благополучно, но при второй и третьей, разгулявшіеся кавалеры и самъ хозяинъ начали просить играть повеселѣе, побойчѣе, чтобы въ пятой фигурѣ «барыня» выходила а въ шестой «стрѣлочекъ».

Но напрасно Марья Аркадьевна напрягала всю быстроту своихъ рукъ, — у нея не выходило то, что нужно было гостямъ.

— Михаилъ Борисовичъ! крикнулъ одинъ гость на всю залу, обращаясь къ хозяину: — откуда ты такую тапёршу выудилъ? (на ни уха, ни рыла не смыслить; я подѣ ея игру не умѣю, сама твоя, — смѣни, сдѣлай милость).

— Загуляли! объяснила хозяйка, часто подхихивая къ Марья

нибудь.

Передъ ужиномъ пьяная компанія не выдержала: на сцену появились гармонія и гитара, и совершенно заглушили звуки рояля. Начались задорные переборы трепака.

— Вотъ такъ важно, знай нашихъ! кричали восхищенные гости.—А то, что эта дребедень!

Выступило нѣсколько паръ, и полъ затрещалъ отъ лихаго топота.

— Вы, мадамъ, извините, бормоталъ хозяинъ, подходя къ ней и чуть не наваливаясь на нее ослабѣвшимъ корпусомъ: — я имянинникъ и люблю по-русски. Охъ, намедни, тапёрша была!.. Такъ камаринскую откалывала, ей Богу!

— Русскую! По улицѣ мостовой! неистовствовала компанія.

— Что это за невѣжество! Каждый разъ на это сведуть, протестовали благовоспитанныя дочки и маменьки долгополыхъ купчиковъ.

Но купчики не только не унимались, но ловили себѣ въ пары этихъ самыхъ госпожъ.

— Нѣтъ, я съ тапёршей, объявилъ одинъ.— Позвольте васъ, мадама, просить на русскій танецъ.

Бѣлоконова такъ близко увидѣла около себя помутившіеся глаза, дрожація пьяныя руки и лицо, дышащее полнымъ, такъ знакомымъ ей безуміемъ, что ее охватилъ приступъ прежняго страха, прежней захватывающей тоски.

Она быстро встала изъ-за рояля, пятясь къ стѣнѣ. Его пьяное дыханіе касалось ея волосъ.

— На всю залу отпляшемъ, лихо, ура! кричалъ онъ, спотыкаясь на табуретъ и удерживаясь руками за ея платье.—Проклятая, какъ дерется! бормоталъ онъ несвязно:—вишь ногу подставила... За это и въ кварталъ можно... Дратся! Нѣтъ, погоди...

Но она выдернула платье, сттолкнула пьяницу, который растянулся у рояля и побѣжала прочь, какъ будто за ней гнались... Дикіе крики оргіи преслѣдовали ее до самаго выхода въ коридоръ. Тамъ стояла тѣсная толпа прислуги, заглядывавшая въ залу на расходившихся хозяевъ. Торопливо, украдкой, сунувъ другривенный лакею. Бѣлоконова спросила свои калоши и платье.

Черезъ пять минутъ она была уже на улицѣ, на извожикѣ; снѣгъ снова хлесталъ ея разгорѣвшіяся щеки, по которымъ градомъ катились слезы.

Она лежала цѣлый день и не ходила обѣдать. Ральфъ долженъ былъ прийти въ четыре часа послѣ

— Что съ вами? спросилъ онъ, остановившись передъ Аркадьевой, которая лежала на кушеткѣ возлѣ топики, вся закутанная въ пледъ.

— Не здоровится, отвѣтила она, сумрачно прикрываясь забываясь въ уголокъ кушетки.

— Простудились, должно быть. Ну что, какъ вы?

— Ничего, отвѣтила Бѣлоконова, рѣшившись съ перваго своего дебюта на поприщѣ труда.

Какъ могла она рассказать, что было съ нею въ это и жалкое путешествіе, съ котораго она воротилась безъ работанной платы, продрогшая и измокшая, съ попорченной и потраченными деньгами.

— Спина болитъ, плечи и руки болятъ, говоритъ.

— Вы бы полѣчилились; напились бы теплаго чаю.

— Пройдетъ и такъ...

Ральфъ смотрѣлъ на нее украдкой, и вдругъ воцарилось неловкое молчаніе. Онъ видѣлъ, что она не въ силахъ, боясь мѣшать ей своимъ присутствіемъ, хотѣлъ уйти, но она, — чувствуя себя нравственно изможденнымъ и отчаяннымъ, — не въ состояніи была его удерживать, такъ какъ онъ своимъ уныніемъ и тоской... Дрова въ печкѣ мѣшались; маятникъ монотонно стучалъ, въ комнатѣ слышался сумракъ осенняго дня и лампа на столѣ еще не была зажжена.

— Соскучились? спросила она, видя, какъ онъ нерѣшительно ходилъ отъ окна къ двери, отъ двери къ окну.

— Я вамъ мѣшаю... Вы хотите спать, отвѣтила она, вставившись передъ ея кушеткой.

Она ничего не сказала, только на глазахъ ея блуждали слезы, которыя она старалась скрыть, отвернувшись украдкой. Вдругъ она вся вздрогнула и замерла. Ральфъ подошелъ къ кушеткѣ рядомъ съ нею и, обнявъ ее, положилъ голову на грудь.

— Вотъ гдѣ хорошо было бы заснуть... вырвется какимъ-то блаженнымъ вздохомъ.

Книги посыпались на полъ къ ея ногамъ. Она не могла дѣла, не въ силахъ пошевелиться ни однимъ членомъ. Это было необъяснимое чувство неожиданности и истомы захватившей ее.

безсознательно ее ждало и вдруг, дождавшись, забилося так больно, больно... Точно какъ тогда, впервые, съ Бѣлоконовымъ... Но тогда это была радость и торжество удовлетвореннаго самолюбія, теперь тихое чувство умиленія и растроганности...

— Вамъ жаль меня? чуть слышно спросила она, слегка коснувшись рукою его волосъ.

Руки Ральфа тѣснѣе обвили ее станъ.

— Нѣтъ, выговорилъ онъ, какъ бы замирая отъ душившаго его волненія:—это не жалость... это что-то другое, чего я объяснить не могу...

Она отвернулась, забравъ воздуху въ грудь, которой вдругъ стало тѣсно и трудно дышать.

— Я весь вашъ, давно... Съ перваго взгляда, говоритъ онъ, не отпуская ее отъ себя, и концы его пальцевъ сдѣлались холодны, какъ ледь.

— Постойте, вымолвила она.—Уйдите... Я не могу... Я какъ во снѣ, я ничею не понимаю. Дайте сообразить... Что съ вами сдѣлалось? Что такое случилось? Говорите.

— Мнѣ васъ надо, заговорилъ онъ такъ энергически-отчетливо, какъ никогда не говорилъ.—Я въ васъ нуждаюсь, я не могу безъ васъ жить. Я давно это чувствую... давно борюсь съ собой, но я зналъ, что рано или поздно должно кончиться тѣмъ, что я выскажусь вамъ весь... Развѣ вы не замѣчали, какъ давно, какъ часто я былъ близокъ къ этой минутѣ?

— Нѣтъ, отвѣтила она:—я замѣчала, я видѣла противное...

— Помните, мы говорили о женщинахъ, о любви? Я сказалъ, что я брезгаю всѣми женщинами...

— Помню, помню, шептала Марья Аркадьевна.

— Я брезгалъ ими съ тѣхъ поръ, какъ сталъ думать о васъ. Я думалъ, что вы поймете мои слова... Я не умѣю красно выражаться, льстить, говорить фразы,—но говорю, что чувствую. Вы мнѣ необходимы. Я отдаюсь вамъ весь... Зачѣмъ же вы молчите?.. Отвѣчайте мнѣ что нибудь.

Онъ приподнялъ къ ней свое блѣдное, очень блѣдное лицо, безъ малѣйшей тѣни улыбки. Что-то властное было въ энергическомъ взглядѣ его глазъ, какъ будто натискъ болѣе сильной воли парализовалъ ее сознание и волю. Она наклонилась невольно, и губы ихъ встрѣтились и замерли въ долгомъ поцѣлуѣ. Онъ упалъ безсильной головой на ее плечо... Все было сказано, все объясни-

торопливо вскочила съ кушетки и приподняла его за плечи.
— Ральфъ, уйдите, уйдите, я васъ прошу... Если вы меня хоть немножко, уйдите, оставьте меня одну...

Онъ приподнялся, но сіяніе не сходило съ его лица. Она давала ему книги, провожала до двери. У двери онъ вдругъ новился и властно, безъ малѣйшаго колебанія, притянулъ себя и медленно, крѣпко поцѣловалъ... Она осталась одна въ комнатѣ, шатаясь и закрывъ лицо руками... Сердце ея стучало, она сбросила съ себя пледъ и начала ходить, по комнатѣ, быстро, скоро, поспѣшно, не чувствуя ни усталости, ни болѣзни;—кровь горячо переливалась по ея жиламъ, а мозгъ боталъ, работалъ непрерывно...

Первою сознательною мыслью Марьи Аркадьевны было: что сулила ей подобная любовь? Опять трату безполезности, опять тревоги и волненія страстей, и въ концѣ концовъ минувшее охлажденіе, разладъ, разочарованіе... Она знала, она была чувствительна до боли къ малѣйшимъ оттѣнкамъ, не могла выносить прозы супружескихъ отношеній и съ ними охлажденія; сердце ея было молодо и требовало, какъ прежде, по прежнему полно энтузіазма, неосуществимыхъ высшихъ задачъ и идеаловъ любви, настроено было на о мечтательный ладъ... Уже пережить, испытанъ ужасъ всего, ужели опять начинать сначала тѣ же муки и страданія?

Они не сходились съ Ральфомъ ни въ чемъ: онъ былъ въѣкъ мало развитый, съ холоднымъ темпераментомъ, съ инстинктивными наклонностями семьянина и филистера. Ему нужна была жена, въ послѣдствіи нужна будетъ жена. Она не могла быть женой. Ему 21 годъ, ей 33; онъ мальчишка; она старая женщина, мудреная, странная, съ задатками сумасшедшей наклонностями къ самоубійству... Нельзя, нельзя, невозможно. Надо бѣжать. И живо нарисовался въ ея воображеніи планъ бѣга. Вечеръ такъ длиненъ; она свободна, онъ не придетъ, онъ мѣшаетъ въ ея сборахъ. Деньги и паспортъ при ней, собереть вещи, взять извозчика и уѣхать на станцію желѣзнодорожныхъ роги, въ первый городъ, гдѣ и поселиться безвѣстной, невозмутимой.

На утро онъ придетъ, онъ постучится къ ней. сіяющій дождь, полный надеждъ и предвкушеній счастья—и найдетъ

это обманъ, фальшь, издѣвательство...
надо было поступать съ самаго на
всемъ видѣ овата, она сдѣлала все, чтобы
расила его жизнь, дала ему общество, у
минуту, когда усилія ея увѣнчались успѣ
признаніи, — она хочетъ бѣжать отъ этого
ва прогнать судьбы... Но она должна
несчастье, что она вредно, негодно
считаться и исчезнуть тогда, посл
же сдѣлала знаетъ, что стоитъ за этимъ п
руки, борются другія, какъ поступили бы онѣ
и и колѣнъ, а она одна не умѣ
судьбы, какъ поступили бы онѣ
жизнь, думала она снова: — обставит
эгоизма, способнаго перейти въ ж
старческую ворчливость... Да; эго
ублненная жизнь, доведенная ею до
вательностью и неуступчивостью. И
подумать объ искупленіи... Остатокъ
а счастье другому, пострадать отъ
анность, долгъ...
кадьевна поймала себя на этихъ мы
азсмѣялась.
слова, высокія чувства! Да когда же
передъ самой собой... Я не могу
!>
ой у сосѣдки послышался раскатъ мол
ислушалась по привычкѣ.
долго? слышался мужской голосъ.
десяти; вотъ я за тобой и послала.
елестъ моя!
шались безконечныя поцѣлуи.
ампанскаго привезъ?
; запри дверь.
оди, сейчасъ...

Бѣлоконовой. Сосѣдка давала инструкціи своей сообщни-
ной:

— Смотри же, Афимьюшка, не говори старому,
безъ него гость былъ... Вотъ тебѣ на чай.

— Покорнѣйше благодарю. Будьте покойны. Бѣ де-
постучу.

Дверь снова хлопнула; ключъ два раза повернулся.
Марья Аркадьевна зажала уши, закрыла глаза, хо-
оградиться отъ жизни, но она вторгалась къ ней свои-
ками, шумными волнами своихъ страстей... Увы! всѣ у-
всѣ умѣли распорядиться собой, безъ оглядокъ на прош-
унылаго предвидѣнія будущаго...

Всю ночь ее осаждали жгучія грезы... воображеніе
лось: возможность потерять предметъ придава ему цѣн-
ную, и къ утру Ральфъ былъ любимъ и въ груди ощу-
требность счастья, потребность удовлетворенія.

У.

Ральфъ, въ простотѣ своей первобытной природы,
ренъ, что Бѣлоконова давно намѣтила и избрала его д-
Онъ не благодарилъ ее ни за участіе, ни за вниманіе,
нежную помощь, потому что зналъ, что цѣлою жизнью
сти и любви заплатить ей за ея жертвы. Онъ давно
ей всей душою и ждалъ перваго шага, перваго приз-
стороны. Начинать самому казалось не деликатнымъ и
она должна была взять его, какъ свою собственность,
ранний призъ. Онъ всегда мечталъ о союзѣ съ женщи-
пошиба, какъ Марья Аркадьевна, съ женщиной развит-
ванной, выше его во всѣхъ отношеніяхъ, изъ общест-
онъ могъ бы почерпать для себя запасъ неистощимыхъ
наслажденій, не влекущихъ въ сторону отъ его цѣли-
тивъ, направляющихъ къ ней путемъ развитія и добра-
совмѣстной жизни съ нею рисовались ему, какъ оазисы
нѣ его сѣрой и одинокой жизни. Его не тянуло ни к
ни къ молодости, ни къ страстности; патриархальные
его расы громко говорили въ немъ. Онъ желалъ создать
семью, положеніе въ свѣтѣ, уваженіе людей и общество
могъ ему дать союзъ съ Бѣлоконовой. Онъ зналъ, что
живъ и они не могутъ обвѣнчаться формальнымъ пор-

міръ студентовъ и медиковъ гражданскій бракъ былъ въ такомъ уваженіи, какъ и бракъ законный; да и кто же станетъ справлясь, повѣнчаны они или нѣтъ, когда они будутъ жить, какъ стоящая чета супруговъ? Но время тянулось, а обращеніе Марьи задевны не двигалось на желанную точку, не переходило загнутой границы, которой онъ такъ жаждалъ. Ему было неловко, по себѣ, онъ былъ какъ бы въ неоплатномъ долгу. Она блажьествовала ему, не требуя ничего взаменъ. Это его удивляло, сердило, приводило въ недоумѣніе. Онъ говорилъ ей о возможности разлуки, о желаніи своемъ перемѣнить мѣсто, въ надеждѣ подзудить ее на какое нибудь рѣшеніе,—и отъ неудачной попытки мѣлъ еще несчастіе. Положеніе его становилось все напряженнее и напряженнѣе; наконецъ, давъ волю инстинкту, онъ рѣшилъ до въ минуту. Бѣлоконова должна была принадлежать ему. Вернувшись къ себѣ, онъ повалился спать, какъ убитый, спокойнымъ, убокимъ сномъ счастливаго человѣка. Ральфъ по природѣ былъ теріалистъ, имѣлъ здравый смыслъ и умъ, не зараженный созмами и казуистикой философскаго мышленія; его не преслѣзали никакіе отвлеченные призраки и идеалы; онъ боялся только болѣзни, голода, лишеній,—всего, что такъ рано узналъ и давало ему опытъ старика. Онъ зналъ жизнь только съ этой эроны, слѣдовательно,—въ достаткѣ, здоровѣ, сытости и покоѣ дѣлалъ идеалы положительнаго счастья, не оставлявшіе ничего лѣе желать. Бѣдности онъ натерпѣлся довольно...

Въ обычный часъ обѣда Бѣлоконова была у доктора. Ее спросили, отчего она не приходила вчера. Гимназистки сказали, что ѣ собирались къ ней вечеромъ, да подруга задержала.

— Вы что-то блѣдны, замѣтила мать доктора:—вѣрно вамъ здоровится.

— Нѣтъ, я совершенно здорова; вчера я простудилась, возвращаясь съ имениннаго вечера. Меня пригласили играть въ пнъ домъ.

— Такъ вы нашли себѣ работу! Рассказывайте, это интересно.

Марья Аркадьевна рассказала въ общихъ словахъ, умолчавъ о авномъ, о постыдномъ побѣгѣ своемъ безъ копѣйки денегъ.

— Вотъ вы и на дорогѣ, добродушно замѣтила мать доктора. Рада за васъ: стоитъ только начать, мало ли еще будетъ чаевъ...

— Здравствуйте, сказала толстухка Лида, входя съ своей вочкой на рукахъ.

— Вотъ вы вчера не были, замѣтили, подсаживаясь къ гостѣ,

— Что же такое? полюбопытствовала Бѣлоконова.

— Дайте я расскажу, заторопилась Лида. — Сидимъ всё въ залѣ, праздникъ былъ, сестры не ходили въ садъ, вдругъ почтальонъ приноситъ письмо на имя брата Ѳеда, по городской почтѣ, почеркъ женскій, конвертъ атласный, сованный... Ѳеда не было, а насъ такое любопытство взяло? Женька сказала: «я знаю, это отъ нея. Ѳеда мнѣ все равно кажетъ». Вертели, вертели; Маня нашла отверстіе, взяла, клеила. И мы прочли...

— Я не читала, протестовала мать доктора.

— Самое простое письмо. Зоветь его въ театр. И тогда успѣли мы его заклеить, какъ вдругъ звонокъ—и Ѳеда засталъ насъ съ поличнымъ. Елибъ вы знали, какъ онъ попался на насъ! Сестры въ слезы. Я прошу не говорить. Но Ѳеда, знаете, сгоряча, какъ только Костя пришелъ, нажаловался ему на насъ. Что только было! Никто почтальонъ обѣдалъ. Такая сцена была... Костя бранился. «Вы, женщины, хотите поссорить меня съ братомъ? Кто же станетъ жить въ такомъ домѣ, гдѣ письма распечатываютъ?» И все на меня ты должна примѣръ показывать. Замужняя женщина, хозяйка, чему ты научишь своихъ дѣтей...» Я всё горько плакала, просила, просила прощенья! Ѳедѣ даже стало на меня жалко.

Костя такъ и не простилъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Что же, онъ правъ! замѣтила мать. — Мы не можемъ себѣ распечатывать письма чужихъ людей,—почему же вы не соблюдаете тѣхъ же правилъ вѣжливости и уваженія.

— Будетъ, мамочка, зажала ей ротъ поцѣлуемъ одна другую назистокъ.

— Это такъ, грѣхъ попуталъ; замѣтила Лида; — а вы, Костины письма и глядѣть боюсь, не только ихъ распечатывать.

Марья Аркадьевна вспыхнула. Во время своего замужества распечатывала и читала всё письма мужа, и считала это своимъ правомъ жены.

— Это вѣдь дѣлается какъ-то само собой, — сказала она. — Сначала мужъ ничего не скрываетъ отъ жены; между ними никакихъ тайнъ, ну и войдетъ въ привычку...

— Ахъ, вскричала Лида, смѣясь: — мнѣ мужъ передалъ, бой пропасть условій предписалъ,—и даже реестръ виситъ на стене.

спальнѣ,—я вамъ покажу когда нибудь... Костя вѣдь не то, другіе мужья: у него на все система.

— Ты же не хочешь этимъ сказать, что его условія тебя иснаютъ, Лида; — сказала мать, ревнивая ко всему, что могло набросить тѣнь на любимого сына.

— И не думаю стѣсняться. Есть мнѣ когда думать о правдѣ; все это нужно мужчинамъ, а намъ, — мнѣ, по крайней мѣрѣ,—столько заботъ, мелочей, возни, хоть бы съ этими крошечками, что я по цѣлымъ днямъ не вспоминаю, что я такое,—модали, хороша ли, хочется ли мнѣ нравиться, одѣваться, быть въ обществѣ,—право! День проходитъ, и я никогда не застаю себя этими вопросами. Мужъ и дѣти — для меня весь міръ. И съ выхъ дней замужства я это почувствовала и чувствую до сих поръ. Посмотрите, мамочка, у Любы кривой мизинчикъ на лѣвой кѣ,—ну, точь въ точь, какъ у отца;—и вѣдь я больше люблю ручку, чѣмъ прямую правую! заключила она, цѣлуя мелкими цѣлуями мизинчикъ, о которомъ шла рѣчь.

Съ завистью смотрѣла на нее Бѣлоконова. Бываютъ же такіе стиливыя организаціи, которыя отдаются такъ всецѣло и вполнѣ! Костя ее любитъ и удовлетворяется ею одной.

— А что, еслибъ... спросила она: робѣя за свою смѣлость:—ибъ мужъ вамъ измѣнилъ?

Мать кинула на нее строгій взглядъ.

— Костя не могъ бы этого сдѣлать никогда.

— Нѣтъ, постойте, прервала Лида...—Что бы я сдѣлала тогда? И она приложила палецъ къ губамъ.

— Костя бы мнѣ измѣнилъ,—полюбилъ бы другую... Нѣтъ, выходитъ! Когда онъ не можетъ... буквально... Самъ говорю это сколько разъ... Развѣ съ ума бы сошелъ, какъ тѣ нестыны, которыхъ онъ лѣчитъ. Ну, тогда бы я простила, какъ вному, и пошла бы на всѣ жертвы. Невѣрность, антипатія ко мнѣ, къ его Лидѣ... Да это бы просто болѣзнь была... Благо- я Бога, мой Костя вполнѣ здоровый и нормальный человекъ. Въ эту минуту слышался знакомый звонокъ, и семья устремилась на встрѣчу. Костя вошелъ вмѣстѣ съ братомъ; оба были веселы и въ большой дружбѣ; гимназистки, чувствуя за собою рашнюю вину, особенно ухаживали за братьями, и, послѣ ссоры, ошенія семьи стали какъ-то еще теплѣе и задушевнѣе.

Докторъ вошелъ въ залу, обнявшись съ братомъ.

— Посмотрите-ка, какую покупку мы сдѣлали, сказалъ онъ,

обращаясь къ своимъ: — ему давно хотѣлось порть-с-
какъ у меня; ну, показывай, Федя!

Федя съ довольною физиономіей вынулъ изъ кармана Блеснула серебро послышались восклицанія восторга; реходила изъ рукъ въ руки.

— А тутъ еще отдѣленіе, объяснялъ студентъ:— Этого у Кости нѣтъ.

— За тебя истратился, шепнулъ Костя женѣ. — Очичка вчера.

Но лицо у него было доброе, и Лида, улыбаясь, похлопала себѣ его руку и обвила ее вокругъ шеи. Онъ потрепалъ ей свѣжія щеки.

Марья Аркадьевна смотрѣла на нихъ и невольно въ себѣ картину этого семейнаго счастья. Чтѣ если ей и одинокой и пресыщенной несчастіемъ, предстоитъ у и миръ взаимнаго согласія и любви?.. Она часто за сердце ея то билось слишкомъ скоро, то замирало со хотѣлось остаться, остановиться на этомъ ожиданіи и дѣйствительность, не переступить страшнаго порога не

VI.

— Что же это, какъ у насъ все вкусно сегодня докторъ за обѣдомъ. — Мамочка, вы насъ не часто балуете обѣдами. По случаю чего этотъ Лукулловъ пиръ?

— Ты давно говорилъ о рыбѣ. Ничего особеннаго не найди. Я и Лида слѣдили, какъ готовила кухарка.

— Превосходно. Я только дома и ѣмъ такія блюда, найдешь ни въ одномъ ресторанѣ.

— Представь себѣ, Костя, начала Лида: — когда я вѣду стерлядь, то Гуля подумалъ, что это игрушка, чтобъ ему отнесли ее въ дѣтскую; тогда мама сказала: «тихоня, не трогай!» И онъ чуть дотрогивался пальчикомъ съ благоговѣніемъ: «Котикъ, котикъ!» Нѣтъ, ты не можешь представить, какъ онъ былъ смѣшенъ.

Ну, чему вы тамъ? спросилъ докторъ, когда вѣду стерляди съ другого конца.

Жени говорить, отозвалась Маня, помирая со страху у стерляди, какъ двѣ капли воды, похожи на гусиный носикъ и геометріи.

Въ эту минуту пробка отъ пива, шипя, выскочила

ее будущаго.

— Домой пора, сказала она, внезапно охваченная лихорадочной дрожью и кутаясь въ шаль, спустившуюся съ нея въ время игры.

— Что вамъ дѣлать дома? За переводъ засядете для больнаго... Какой онъ худой, невзрачный, вашъ Ральфъ.

Она торопилась въ гостинную проститься. Докторъ поднесъ кувшетку и привѣтливо протянулъ ей руку.

— Вы особенно хорошо играли сегодня, сказалъ онъ, ваясь въ нее.—Что это, какая у васъ холодная рука! Вы нованы?

— Такъ, просто лихорадка, отвѣтила она, отвертываясь отъ его пытливаго взгляда.

Лида, прильнувъ къ плечу мужа и раскрывъ румяныя щеки, тихо дремала блаженною дремотою счастья.

— Нѣтъ, вы похудѣли за послѣднее время. Смотрите, и вы видите, что я вашъ врачъ душевный и тѣлесный, и всегда вамъ служить. Очень прошу васъ объ этомъ помнить.

— Благодарю васъ, съ чувствомъ сказала Бѣлоконова, строенная и тронутая до слезъ.

Докторъ сложилъ голову жены съ своего плеча и пошелъ проводить гостью въ переднюю.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, возвращаясь и садясь къ матери,—что Бѣлоконова скучаетъ по семейномъ очагѣ: каждый день видитъ передъ глазами такую семейную обстановку, это наводитъ на нее грустныя мысли.

— Ахъ, другъ мой, возразила мать: вѣдь была она замужемъ сама ли не умѣла, мужъ ли былъ виноватъ,—несчастны бы не можетъ она грустить объ этомъ.

— Какого бы ей надо было мужа? раздумывалъ Костя вслѣдствіе для нервныхъ экзальтированныхъ натуръ нужны совсѣмъ другія условія счастья... Вы говорите, что я хорошій мужъ, но для такой женщины совсѣмъ не годился. Она не сумѣла бы въ то положеніе, которое я требовалъ бы отъ всякой женщины въ роли жены. Вонъ у нея сколько талантовъ: играетъ, пишетъ стихи...

— А главнаго таланта и нѣтъ: умѣнья быть женой.

— Съ этимъ талантомъ родятся; его не приобрести никакими усиліями ума и воли.

— Нѣтъ, отчего же? Ты знаешь, какой у тебя былъ отецъ. Несчастный, безпокойный характеръ, нужда, дѣти... Мучилъ меня, рвался куда-то, тяготился жизнью, какъ никто. И не одинъ день или мѣсяць, цѣлые годы продолжалось такъ. Я была не рыба, не деревяшка, нервы тоже и у меня были. Иногда приходилось очень солоно. Но я была всегда съ яснымъ лицомъ, всегда на сторожѣ его покоя, на сторожѣ всего, что могло бы украсить, облегчить его жизнь, говорила она, волнуясь при воспоминаніяхъ прошлаго:—и не одно терпѣніе и выносливость нужны были, а кое-что потоньше, надъ чѣмъ надо было пораскинуть умомъ.

— Зато, какъ рано состарились и посѣдѣли, сказалъ онъ, поднося ея руку къ губамъ.—А вотъ Лидка, улыбнулся онъ женѣ:—ей нечего себя ломать и насиловать: она родилась женою.

— Съ такимъ мужемъ легко, завистливо возразила мать.

— Нѣтъ, я серьезно говорю: она была бы счастлива со всякимъ, представьте вы ее женой офицера, артиста, крестьянина, бросьте вы ее въ бѣдность, нужду, лишенія,—только бы ей быть женой, родить дѣтей, копошиться въ дѣтской;—это ея призваніе и норма.

— Еслибъ вы жили въ бѣдности...

— Я была бы еще счастливѣе, воскликнула Лида:— я бы сама мужу стряпала, мыла бы ему бѣлье, шила бы на ребятишекъ; мнѣ иногда такъ хочется, такъ хочется... я съ завистью смотрю, какъ уносятъ его бѣлье въ прачешную; право, я иногда изъ наслажденія стираю дѣтскія рубашечки и пеленки и Кюстины носовые платки... Мнѣ это нравится, и бѣдность мнѣ не была бы тяжела; я была бы такая же толстая и веселая, какъ теперь... вѣдь мнѣ, право, ничего не нужно, кромѣ этого.

— Ну, я не знаю, я бы не могъ, вдругъ вмѣшался Ѳедя, все время прислушивавшійся къ разговору въ нѣмомъ недоумѣніи:— женщина должна быть изящна, должна понимать меня во всемъ; это все равно, что кухарку имѣть! Я не говорю про тебя, Лида, ты на себя влещешь; но вообще, развѣ я могу говорить съ кухаркой, дѣлиться съ ней мыслями, пустить ее въ мою гостиную?

— Знаешь, Ѳедя, возражалъ ему братъ:—вѣдь и пресловутыя твои ученые женщины, синіе-то чулки,—онѣ вѣдь тоже ничего не знаютъ: верхушки, блестящія фразы и только... Для пополненія этого пробѣла существуютъ для насъ книги и общество мужчинъ, товарищей—одинаковаго съ нами развитія и образованія...

— А почему ты думаешь, прервала его Жена, подступая къ

имъ яркимъ румянцемъ и блескомъ глазъ:—что женеть равняться образованіемъ съ женщиной? Это уже насъ есть курсы по разнымъ отраслямъ знанія, есть курсы и, какъ только кончу гимназію, я непременно

идешь какого нибудь медицинскаго студента и сочтемъ бракомъ.

нѣтъ, не такъ! горячилась Женни.—Если я и выйду постарюсь не имѣть дѣтей.

Бѣгалась, а докторъ притянулъ къ себѣ Женю и обнялъ ее. Ясно, не завирайся, пожалуйста.

олько одного, продолжала расходившаяся Женя:—одинъ ему не помѣшаетъ... Да вѣдь, со временемъ же, все имѣть много дѣтей или же будутъ отдавать ихъ какое-нибудь мѣсто.

ка! откуда у тебя эти идеи?

мы такъ думаемъ. Пора освободить женщину отъ роли няньки.

И, постой! вскричала Костя, доставая свою записную книжку, запишу твои мудрыя изреченія, выставлю годъ, мѣсяцъ и опишусь приподнесу ихъ тебѣ, когда ты будешь сидѣть съ кучею и кормить одного, мыть другаго и штопать другому...
ивный Костя! перебила она, вырывая у него книжку. Я за ней, и шумная возня по дому прервала этотъ

VII.

шумѣла мятель, обдавая стекла оконъ колючими лучами снѣга, но въ комнатѣ у Бѣлоконовой было тепло. Лампа была зажжена на столѣ, освѣщая лицо Ральфа, сидящаго надъ книгой. Онъ весь вздрогнулъ, когда послышался шумъ въ дверь и бросился отворять.

Вы долго! Сказали, что придете въ пять часовъ, а вы пришли въ шесть скоро! встрѣтилъ онъ ее.

Чѣмъ не пили чай? оживленно заговорила Бѣлоконова:—Я заказала самоваръ; я ужасно озябла и хочу чаю. Она вышла въ коридоръ, а Ральфъ остался въ комнатѣ. Она долго стояла у двери, а Ральфъ стоялъ у стола. Онъ долго стоялъ у стола, а Ральфъ стоялъ у стола. Онъ долго стоялъ у стола, а Ральфъ стоялъ у стола.

а вошла, онъ лежалъ, уткнувшись въ уголъ кресла.

ствергнувшись отъ
Ральфъ.

— Что съ вами?

Онъ повернулся.

— Скажите же мнѣ, какой день, проше

Она тихо прове

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

дите мнѣ вашу ру

— Я слушаю

цветы и поборно

— Слушайте: э

дѣлая и серьезная

и не можемъ этого

нѣтъ не отъ чего бы

нѣтъ и горе и радо

нѣтъ остынетъ пер

нѣтъ; при первыхъ

нѣтъ губить нашу

— Какія странн

растановкой:—какъ

не другъ къ другу.

нѣтъ можетъ быть

— Оно неизбежно

вносить охлажденія.

нѣтъ другъ другу по

— Какой же срокъ

— Чѣмъ скорее, тѣмъ

нѣтъ, — и благо то

нѣтъ запада тлѣнія

— Вы все кумаесте

нѣтъ, когда надо

— Куда же мнѣ

— Я хочу, я жел

стойчиво перебилъ Раль

охлаждаются къ любовни

существо мнѣ

горе, доверять ей

хочу, вдуматься

— Да, Ральфъ,

многочисленна она:—в

...сь отъ свѣта лампы и тихо Бѣлоконова.
Что съ вами? подошла къ нему ея талью рукой.
вернувшись къ ней и охватилъ Я не видалъ васъ сегодня.
Скажите же мнѣ что нибудь... Я не видалъ васъ сегодня.
день, прошептала онъ, наклоняя голову къ ея рукамъ.
тихо провела рукою по его волосамъ переговорить съ вами.
Да, Ральфъ, мнѣ надобно о многомъ садитесь сюда, возлѣ меня.
ила она:—выслушайте меня, прерывайте меня и слушайте.
мнѣ вашу руку... не прерывайте меня и слушайте.
Я слушаю каждое слово, отвѣтилъ онъ, выпрямляясь на
тъ и покорно опустивъ голову.
Слушайте: это неизбежно... Я знаю... заговорила она
я и серьезная, судорожно стискивая его руку въ своей:—
можемъ этого предотвратить. Я не дѣвочка и знаю жизнь
не отъ чего быть застигнутой врасплохъ. Мы должны пере
и горе и радость сближенія—я знаю это. Но слушайте,—
остынетъ первый пылъ страсти, —будемъ чужими. Разста
; при первыхъ признакахъ охлажденія, разстанемся; не бу
губить нашу жизнь...
— Какія странныя слова вы говорите... прервалъ Ральфъ ст
ановкой:—какъ будто нашъ союзъ какое-то животное влече
угъ къ другу. Я отдаю вамъ весь навѣкъ... какой же
можетъ быть вопросъ объ охлажденіи?
Оно неизбежно. Вы не знаете, а я это знаю... Я не могу
тъ охлажденія. Разстанемся, разстанемся, Ральфъ; — объ
другъ другу полную свободу... по вашему, для счастья?
Какой же срокъ существуетъ, счастье,—такой скоротечный
Измѣньте срокъ, тѣмъ лучше... Счастье его увяданія, не почув
—и бл...го тому, кто не дожидается его увяданія, не почув
запаха тлѣнія опавшихъ листьевъ, сгнившихъ корней..
Вы все думаете, все занимаетесь отвлеченными теоріями..
... когда надо жить?..
Куда же мнѣ дѣвать опытъ? Я знаю мужчину, знаю себя
— Я хочу, я желаю не разставаться съ вами никогда,—на
нѣ перебитъ Ральфъ.—Что вы говорите объ охлажденіи
ждаются къ любовницѣ; къ женѣ—никогда. Мнѣ нужна жена
ество мнѣ близкое, съ которой бы я могъ дѣлать и радость и
, довѣрять ей вполне, идти въ жизни рука съ рукой. Я не
временнаго, животного порыва, —не хочу, не хочу!
— Мы не пара, продолжала она.— Я пожилая женщина, вамъ

...и и вротки, какъ ангель, — произнесла она.
...у васъ хорошій характеръ; съ вами воз
...нужна... сближеніе, но — женщина, какъ
...нужны! сказала онъ отчетливо и упорно, и
...руки гальи. — Я отдаюсь вамъ навѣкъ...
...молчанія, въ которую распались, наступила минут
...въ груди... которую слышалось бѣненіе ихъ сер
...коридорный съ чайнымъ

VIII.

...было невр...
...какъ самъ то
...ости любви
...матери, др
...силъ и р
...сательнос
...по на
...дате
...у ул
...ра
...ль
...н

...ычно его новое положеніе, и онъ
...го не ожидалъ. Впервые онъ узналъ
...Марья Аркадьевна соединяла въ себ
...жбу сестры и страстную нѣжность л
...цвѣль: все для него было ново, волн

...жности почти не измѣнилась: по пре
...доктору и видѣлась съ Ральфомъ т
...инали; она приготавлила ему ужинъ в
...печкѣ: чашку бульона, яйца въ сл
...Ральфъ приходилъ веселый, молодой,

...говорила онъ, трепля
...Маріуда,
...онъ сталъ называть ее
...называть Марью, или просто: «
...прежде,
...звали Марью, или просто: «
...давай Ёсть... фамилии Ральфомъ, хот
...звала его по номъ: Манъ, какъ его
...въ уменьшительн особенно правилось е

...онъ ложился на диванъ, къ ней на к
...вздѣйствіи.
...говорила онъ, вздыхая полной
...хорошо! говорилъ онъ, сегодня приходитъ това
...губамъ: — сегодня приходитъ това
...дрошу отъ холода, безъ чая и с

Уто...
...баажени...
...прижимая
...ибу одинъ

на дворѣ слякоть и снѣгъ, а я ему говорю: «какъ мнѣ хорошо сегодня». Меня даже всё спрашиваютъ: отчего я вдругъ такъ поправился и повеселѣлъ...

— Значить, я напрасно боялась, выговорила Бѣлоконова, замирая отъ радости:—тебѣ лучше стало теперь, чѣмъ прежде... тогда?

— Еще бы! Мнѣ такъ ловко теперь съ тобой... я думаю вслухъ. Говорю, что вздумается. Вотъ такъ лучше всего...

И отдыхая на ея колѣняхъ, онъ предавался мечтамъ.

— Мы должны жить вмѣстѣ. Найми небольшую квартиру и возьми меня въ жильцы. Я буду приходить къ тебѣ прямо съ лекцій. У меня будутъ уроки; я буду отдавать тебѣ свои деньги, потомъ кончу курсъ, возьму мѣсто и ты будешь женой доктора Ральфа. Покуда пробьемся какъ нибудь. Ты можешь тоже слушать курсъ акушерства въ воспитательномъ домѣ, получишь дипломъ, будешь акушеркой; мы можемъ жить безбѣдно, у насъ будетъ небольшая кружокъ знакомства, полезная дѣятельность, семья, дѣти;— и я буду любить тебя всегда... А ты, Мариула?..

— Какъ ты можешь спрашивать? говорила она.— Понимаешь ли, что ты сдѣлалъ со мной?.. Я существо несчастное, искалѣченное жизнью, испившее до дна всю чашу поруганнаго чувства, извѣрившееся въ правду, — я начинаю вѣрить въ тебя, вѣрить въ счастье? Знаешь ли, что съ тѣхъ поръ, какъ ты ко мнѣ приналь тогда, головой къ моей груди,—у меня словно выросли крылья; я иду по улицамъ и не вижу ни домовъ, ни зданій, ни людей; я въ какомъ-то пареніи, въ головокруженіи счастья, и думаю: «Не я, не я—онъ самъ меня нашелъ, самъ меня полюбил!»

— Я тоже страдалъ, Мариула, — и судьба вознаградила меня тобой... Ты для меня все,—мать, любовница, жена, другъ... Все!

И онъ рассказывалъ ей свою жизнь, короткую, но богатую лишеніями и страданіями всякаго рода; повѣдалъ ей всё свои тайные помыслы, вкусы, мечты.

Разъ онъ просилъ ее рассказать все о себѣ, свое замужство, любовь и катастрофу, и она невольно поддалась воспоминаніямъ и исповѣдалась передъ нимъ. Она кончила блѣдная, съ нервной дрожью во всемъ тѣлѣ, со слезами и рыданіями. Рой призраковъ обступилъ ее, и она старалась спастись отъ нихъ въ его объятіяхъ. Ральфъ слушалъ ее въ большомъ волненіи... Неужели эта страстная, требовательная, искаженная ревностью женщина,—его кроткая, преданная Мариула?

— Я должна искупить, должна;—говорила она, плача на ея

н:—даю слово, что не погублю болѣе другой жизни. Ревно-никогда не буду, упрекать въ холодности—тоже. Буду же-хорошей, буду кухаркой, нянькой, сидѣлкой. Постараюсь ать тебя счастливымъ. Замѣчу признаки охлажденія,—не по-у вида... Какъ бы ни было тяжело у меня на сердцѣ, какъ я ни страдала, всегда буду встрѣчать тебя съ яснымъ лицомъ, рграть отъ тебя всѣ заботы и невзгоды, украшать твою жизнь. ъко твое счастье можетъ снять бремя преступленія съ моей и. Судьба свела меня съ тобой для святаго дѣла искупленія... Ральфъ сжималъ ее въ объятіяхъ, и она начинала вѣрить въ стье.

IX.

Двѣ недѣли пронеслись въ какомъ-то чаду. Марья Аркадьевна то стала манкировать обѣдами у доктора, отговариваясь уроками, недосугомъ, и ѣдила обѣдать съ Ральфомъ въ какой нибудь сторанѣ. Ей хотѣлось вознаградить его за долгіе годы лишениі суровой бѣдности всѣмъ, что можетъ дать роскошь большаго рода и его общественныя удовольствія. По вечерамъ они ѣдили театръ, въ оперу. Сидя около него въ креслахъ, при яркомъ вѣщеніи газа, въ обстановкѣ роскоши и довольства, она на-аждалась за него новыми, неиспытанными впечатлѣніями. Онъ алъ въ какомъ-то чаду, какомъ-то волшебномъ туманѣ, какъ ть ремесленникъ въ сказкѣ, который на часъ превратился въ лифа. Музыка и пѣніе его опьяняли: онъ готовъ былъ упасть... а смотрѣла на его юношеское лицо съ загаромъ юга, съ не-есскимъ характеромъ выраженія, и гордилась имъ: въ немъ была ькая-то дикая грація, что-то естественное и первобытное. Всѣ ружающіе мужчины, съ ихъ заученными манерами, усталымъ глядомъ и поношенными лицами, казались ей физическими и равственными уродами въ сравненіи съ нимъ. И онъ былъ ея обственностью, онъ принадлежалъ ей. Въ этой огромной залѣ, въ оторой было столько красивыхъ женщинъ, для него существовала ьлько одна женщина, — она. И въ благодарность за эти ощу-енія, она не задумывалась ни надъ какими жертвами нрав-венными и материальными: деньги таяли въ ея рукахъ, время ходило на заботы о немъ, на его радости и удовольствія, на то, тобы дать ему вкусить благъ жизни полной и щедрой рукой...

Онъ бралъ все просто и не задумываясь, высказывая свои ужды и желанія, какъ любимый ребенокъ, привыкшій во всемъ рибѣгать къ любящей матери. Желанія его были исполняемы;

кошелекъ Марьи Аркадьевны быстро опустошался, и она старалась наверстать потерю, экономизируя болѣе обыкновеннаго свои личные расходы; но это была капля въ морѣ... она чувствовала, что разорялась. Онъ не замѣчалъ ничего, будто черпалъ милліоны. Къ нему приходили товарищи, осаждая его просьбами о помощи. И онъ прибѣгалъ къ Бѣлоконовой второпяхъ, просилъ одолжить для добраго дѣла.

— Ты будешь меня бранить, говорилъ онъ:—но это невозможно, невозможно; для кредита надо,—я объясню тебѣ... она не бранила, улыбалась ему и не отказывала въ просьбѣ, но ужасное жало сомнѣнія начинало закрадываться въ ея грудь. «Почему онъ, такой холодный и безстрастный, рѣшился переступить на шагъ сближенія съ нею?»

И она задумывалась, задумывалась такъ глубоко, что не замѣчала дѣла ничего вокругъ себя... Въ тѣ минуты, Ральфъ, чуткій и малѣйшимъ перемѣнамъ въ расположеніи ея духа, ловилъ ея взгляды, замѣчалъ грустно-задумчивую позу и спрашивалъ, заглядывая ей въ глаза:—«Куда улетѣла моя Мариула»?.. Она раздумывала о немъ, о его характерѣ, неясномъ для нея, полномъ неожиданностей и противорѣчій. Почему онъ такъ мало думалъ о ней, о ея собственныхъ удобствахъ и потребностяхъ? И въ самой дальней глубинѣ своихъ мыслей, она находила его эгоистомъ, неслучайнымъ, неблагодарнымъ въ дѣлѣ любви...

Но вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на незримыя обвиненія, онъ говорилъ:

-- Не думай, Мариула, чтобы я считалъ за должное то, что ты дѣлаешь для меня. Я чувствую все, чувствую до куска сахара до шепотки чаю, которые беру у тебя... Меня душитъ, мнѣ въ духу не хватаетъ... при сознаніи всего, чѣмъ я тебѣ обязанъ. это-то укрѣпляетъ меня въ рѣшимости посвятить тебѣ всю мою жизнь. Пострадай за меня... дай мнѣ пробиться, чтобы мы могли въ жизни идти рука съ рукой.

И онъ сталъ рассказывать, какъ измѣнились къ нему и окружающіе, съ тѣхъ поръ, какъ съ него спала гнетущая обремененность бѣдняка. Профессора, товарищи, слуги вдругъ увидѣли въ немъ человека; онъ сталъ находчивѣе, смѣлѣе, умнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ не думаетъ о дырахъ на сапогахъ, о прорванномъ локтѣ своего скюртука; ему открылся доступъ въ такіе дома, къ которымъ прежде входъ былъ для него невыносимъ.

— Положись на меня и вѣрь мнѣ безусловно.—Я иду къ цѣли въ общей цѣли нашего благосостоянія, и ты должна мнѣ помочь

Ральфъ говорилъ совершенно искренно. Онъ не былъ затѣмъ тонкостями цивилизаціи, ложною деликатностью чувства. мерческіе инстинкты его расы говорили въ немъ. Онъ желалъ бытисья и пользовался для этого каждою ступенью; въ Бѣловои онъ видѣлъ жену, свое второе я, неотъемлемое отъ его четовъ и интересовъ, и бралъ на свой страхъ временную рату капиталовъ, чтобы создать на этомъ съ лихвою будущее іе ихъ домашняго очага. Но онъ забылъ одно: іскуія праздности, роскоши, отвычку отъ труда, который для воинаго челоѣка тягостнѣе, чѣмъ для всякаго другаго. Онъ неѣтно сошелъ съ тѣсной и тяжелой тропинки труда, и вступилъ большую дорогу лѣни, сладкаго *far niente*, удовольствій жиаъ съ невѣрнымъ разсчетомъ, что всякая дорога ведетъ въ Римъ.

X.

— Отчего ты не ходишь на лекціи? съ нѣжнымъ упрекомъ ырила въ одно утро Бѣлоконова, занятая приготовленіемъ ему трака.

— Самъ не знаю, наивно отвѣчалъ Ральфъ, набивая ротъ суйами и прихлебывая кофе изъ стакана. — У меня совсѣмъ нѣтъ мени. Ложусь поздно, встану, только соберусь въ университетъ, ремѣнно что нибудь задержитъ. Или товарищи придутъ, гоные, просятъ дать имъ чаю... Не прогнать же ихъ. Потому тебѣ хочется пойти. А вечеромъ я, право, не могу заниматься. я тянетъ куда нибудь изъ номера, изъ этихъ противныхъ идоровъ, изъ этихъ сырыхъ, темныхъ стѣнъ. Вотъ вчера, наприѣ, я былъ въ одномъ купеческомъ домѣ изъ нашихъ: тоищъ мой женился на дочери хозяина дома; я былъ на полоѣ у молодыхъ, мать приходила, радушные такіе, пріѣтливые ... Заставляли меня рассказывать обо всѣхъ дивовинкахъ, орые я видѣлъ въ театрѣ и въ оперѣ... Вѣдь мы сегодня опять емъ въ «Пророкъ»? Да, да, Маріула? У тебя есть билеты?

— Ральфъ, послушай... Сядь около меня и поговоримъ.

Бѣлоконова сидѣла на кушеткѣ и жестомъ приглашала его на чное мѣсто возлѣ себя. Такъ много можно сказать, лаская, южа руку на любимую годову.

— Я отлично слышу отсюда, сказалъ Ральфъ, сидя у окна закуривая папиросу послѣ стакана кофе.

Она встала и подошла къ нему, обвинивъ около своей талии его бодную руку.

— Послушай, Ральфъ, намъ надобно перемѣнить жизнь.

Онъ принялъ руку, отстранилъ ее немного отъ себя.

— Я тебя сожгу, не стой такъ близко...

Она отошла, сѣла на кушетку и задумалась такъ глубоко, что потеряла сознание его присутствія, сознание времени и пространства. Блѣдная и неподвижная, она глядѣла во что-то не связанное, неуловимое, роковыми шагами приближавшееся къ ней.

— Мариула, обливнись ея Ральфъ.

Она молчала.

— Я знаю все, что ты хочешь сказать. Ну да, я увлекся. самъ не ожидалъ, что способенъ такъ увлекаться, наслаждаться жизнью. Я самъ говорю себѣ сто разъ на дню, что пора перестать праздновать. Вотъ погоди... привыкну... вѣдь все прѣдается, все прѣдетъ свою прелесть отъ употребленія. Праздники кончатся, наступятъ и будни...

Марья Аркадьевна какъ будто пробудилась отъ сна.

— Они уже кончились, выговорила она:—будни наступили.

Да, будни его любви; начало охлажденія къ ней... Быстро! Двѣ недѣли... пятнадцать дней! Бѣжать, рубить сѣкаторомъ гордиевъ узелъ. Но она связана долгомъ, клятвою искупить свою вину, все выносить безропотно, покорно, съ яснымъ и безмятежнымъ лицомъ... вывести его на дорогу, дать ему счастье. Но какъ бы пришлось пасть подъ непосильнымъ бременемъ... Но гдѣ же счастье? Гдѣ оно?

— Мы будемъ сегодня въ театрѣ, сказала она, вставая:—завтра, Ральфъ, ты долженъ быть на лекціяхъ, долженъ быть въ университетѣ. Иначе я сочту, что я виною твоей небрежности твоей отвычки отъ труда. Этой мысли я не могу перевести готова на разлуку, чтобъ отстранить вредное влияние мое на тебя.

—Какая ты! съ плохо скрытой досадой перебилъ Ральфъ.—Все думаешь, все философствуешь... А жизнь, между тѣмъ, такъ проста. Не будетъ сладкаго,—буду ѣсть и черствый хлѣбъ.

— Не будетъ женщины, обойдешься и безъ женщины, сказала Бѣлоконова.

— Безъ женщины, но не безъ жены. Жена и семья—это насущный хлѣбъ для человѣка. Послушай, Мариула, не спорь со мною. Я знаю все, что ты можешь сказать. Я тебя не обманывалъ, не обманываю и теперь. Не знаю, что я для тебя, но для меня жена въ полномъ и святомъ смыслѣ этого слова. Полюбилъ я самъ себя не говорю льстивыхъ фразъ, не ухаживаю за собой, не стараюсь себя понравиться, но я себя люблю, кормлю, достаю

ю удовольствіе, не могу представить жизни внѣ себя. Ты одно мною, ты—мое второе я.

Болѣзненно сжалось сердце Бѣлоконовой, — но она принудила бя улыбнуться, степенно обняла его и проговорила:

— Ты разсѣялъ мои сомнѣнія... Я твоя жена и довольна ть ею.

Вечеромъ она одѣвалась, чтобы ѣхать въ театръ, и ждала альфа, который всегда заходилъ за нею. За дверями, въ коридрѣ она услышала его голосъ и еще другой женскій, говорившій утливо, какъ бы заграждая ему дорогу:

— Я васъ не пущу, вы очень часто сюда ходите...

— Почему же мнѣ не ходить? отвѣчалъ Ральфъ своимъ навнымъ дѣтскимъ тономъ. Марья Аркадьевна какъ бы видѣла его ицо съ скромно опущенными глазами.

— Что вамъ здѣсь дѣлать? кокетливо продолжалъ голосъ. — ась нигдѣ не видать, хоть бы когда нибудь зашли къ сосѣдкѣ.

— Благодарю васъ; постараюсь воспользоваться вашимъ припашеніемъ.

И Ральфъ спасся въ номеръ къ Бѣлоконовой.

— Кто это? спросила она.

— Ахъ, это сосѣдка. Нѣтъ, Маріула, нехорошо жить здѣсь въ номерахъ. Всѣ спрашиваютъ, всѣ любопытствуютъ. Я такъ ривыеъ считать тебя женой, что мнѣ ужасно неловко при ихъ вусмысленныхъ намекахъ. Я имѣю отвращеніе къ такимъ отношеніямъ, въ которыхъ они насъ подозрѣваютъ. Переѣдемъ на квартиру, Маріула;—у меня есть паспортъ моего брата: фамилія и имя у насъ одни, а онъ женатый. Мы запишемся подь именемъ мужа и жены Ральфъ, и будемъ имѣть семейный домъ. Вѣдь лучше будетъ?

— Да, да! мой Германъ... Уѣдемъ отсюда и заживемъ новой жизнью, совсѣмъ другою... Будемъ оба трудиться, заниматься дѣломъ. Только ты возьми съ собой этотъ рояль. Ты такъ хорошо играешь. Я безъ музыки не могу жить.

Онъ открылъ крышку рояля и насильно усадилъ ее на табуретъ. Цѣлое море страстныхъ звуковъ полилось изъ подъ ея артистическихъ пальцевъ. Опять она была унесена волнами поэзіи въ праздничную атмосферу любви, упоенія, забвенія дрягъ и будничныхъ заботъ. Она чувствовала себя молодою и страшною, какъ въ тѣ дни, когда впервые узнала любовь. Но какъ тогда, такъ и теперь—жажда ощущеній всегда оставалась неудовлетворенною,—всегда желанія превышали исполненіе, всегда мечтанія

...высказали действительность... Никогда ей не суждено было испытать осадок пресыщения, оскомину страсти... Вот и онъ былъ утѣ, — но какъ далека, какъ холоденъ, какъ равнодушенъ!

Она стала собираться. Ральфъ былъ особенно веселъ, напѣвалъ арію изъ «Пророка» и торопилъ ее одѣваться.

— Постой!.. успѣемъ! медлила Бѣлоконова. — Ты хорошъ, хорошъ, шептала она ему, охватывая его шею руками: — знаешь ли ты, какъ тебя можно любить...

— Ну, ну, ну!.. Задушила совѣмъ, весело говорилъ Ральфъ, влюбляясь изъ ея объятій. — Гдѣ твой гребень? Надобно опять причесываться.

И онъ сталъ передъ зеркаломъ, поправляя спутанные волосы. Бѣлоконова стояла рядомъ и дѣлала сравненія. Въ своемъ изящномъ туалетѣ, съ стройной и гибкой фигурой, она не казалась жиливой женщиной; блескъ глазъ и нѣжная прозрачная кожа привали ей особенную молоджавость при вечернемъ освѣщеніи, но онъ былъ молодъ, слишкомъ молодъ для нея, — и она боялась нѣжнаго, боялась за него и за себя. Не скрыться-ли, не познать-ли, пока есть время, пока еще не успѣли затянуться нестерпимыми узлами ихъ двѣ судьбы?..

О чемъ думалъ Ральфъ дорогою, сидя на извозчикѣ, — неизвѣстно; мысль Бѣлоконовой не оставалась праздною: она думала о погнѣ, объ освобожденіи...

XI.

Зала Большаго Театра была полна. Бель-этажъ сіялъ роскошными туалетами дамъ, фраками и мундирами мужчинъ. У оркестра, въ первыхъ рядахъ креселъ, красовались тузы столицы, генералы, и въ нарядныхъ національных костюмахъ татары, персы и армяне. Верхнія ложи и раекъ кишели, какъ мушкетеры; сотни головъ лѣзли, нагибались, перевѣшивались одна черезъ другую; афиши пестрили своими бѣлыми пятнами темные фоны плаща, одежды и биноклей. Ральфъ помѣстился неподвижно возле своей подруги, охваченный, какъ всегда, опьяненіемъ этой залы, звуковъ, газоваго свѣта и декораций. Онъ не видалъ и не слышалъ сосѣдей, ни ихъ разговоры. Звуки оркестра и пѣніе ихъ, — ихъ чародѣевъ, выходившихъ на сцену, овладѣли его душою и ослѣпили ее, какъ нектаромъ, какъ амброзіей боговъ. Онъ не обращалъ Бѣлоконовой своихъ впечатлѣній, онъ весь былъ пропитанъ ими, и когда падалъ занавѣсъ, — остывалъ и впадалъ въ какое-то оцѣпеніе. Марья Аркадьевна оглядѣла сосѣдей. Воаръ

...сидѣ
...гѣлая,
...она обра
...завывалс
...закусил
...новннъ
...задержал
...Выз
...предлож
...— А
...благосара
...Ральфъ
...— Му
...— Мой
...Бѣлокон
...... гакъ
...... мужа, и
...... лѣтъ.
...... блн
...Она по
...... объ
...... въ уборну
...Вдругъ п
...— Вы чт
...... онъ с
...... въ театр
...... третьемъ
...... по ук
...... ожив
...— Приход
...Въ эту ми
...... града.
...— А! стар
...... васъ вид
...... вы попр
...— Вашъ
...... обра
...... Ральфъ.
...Марья
...... съ ИС
...... ОНЪ

и сидѣла молоденькая дама въ свѣтломъ туалетѣ, румяная и
красивая, какъ персикъ, съ доброй улыбкой и ямочками на щекахъ.
Она обратилась къ Бѣлоконовой съ вопросомъ, и разговоръ легко
вязался. Она изъ Малороссіи; ей 19 лѣтъ; она три года уже
замужемъ и пріѣхала въ Москву съ мужемъ веселиться. Опъ чи-
стенькій изъ банка, не могъ поѣхать съ ней: званый обѣдъ его
держалъ. Она забыла взять бинокль и ничего не видитъ.

Бѣлоконова обратилась къ Ральфу за биноклемъ и радушно
предложила его сосѣдкѣ.

— А вашъ мужъ на меня разсердится, наивно замѣтила она,
агодаря.

Ральфъ услышалъ и улыбнулся.

— Мужья не имѣютъ права сердиться, сказалъ онъ.

— Мой постоянно сердится, да я вниманія не обращаю...

Бѣлоконова была счастлива: она готова была разцѣловать со-
седку, такъ безапелляціонно, такъ серьезно принявшую Ральфа за
мужа, и ей не приходила болѣе мысль о смѣшномъ неравенствѣ
лѣтъ. Только мнѣнія другихъ даютъ настоящую цѣну намъ и
шлмъ близкимъ.

Она попросила Ральфа принести имъ изъ буфета винограду и
ушла, общая сосѣдкѣ выходить съ ней въ антрактахъ въ фойе
въ уборную.

Вдругъ передъ нею очутился докторъ К.

— Вы что же это третій день къ намъ глазъ не кажете, по-
притъ онъ ее, садясь возлѣ на свободное мѣсто. — А мы здѣсь
сидимъ въ театрѣ: и Лида, и матушка, и сестры. Вотъ наша ложа,
третьемъ ярусѣ съ правой стороны. Марья Аркадьевна подняла
голову по указанному направленію и замѣтила въ ложѣ все се-
йство, оживленное, веселое, раскланивающееся съ нею.

— Приходите къ намъ; они о васъ соскучились.

Въ эту минуту Ральфъ пробирался къ дамамъ съ коробкой
нограда.

— А! старый знакомый, привѣтствовалъ его докторъ. — Очень
хорошо васъ видѣть въ цвѣтущемъ здоровьѣ. Скажите, пожалуйста,
какъ вы поправились! Давно, давно я васъ не видалъ.

— Вашъ мужъ любезенъ, какъ рѣдкіе изъ мужей, вставила
сосѣдка, обращаясь къ Бѣлоконовой и принимая отъ Ральфа вино-
градъ.

Марья Аркадьевна вспыхнула и опустила глаза, боясь встрѣ-
титься съ испытующимъ взглядомъ доктора.

Онъ поглаживалъ бороду, благодушно улыбаясь.

— Мужья обязаны быть любезными, замѣтилъ онъ.

Бѣлоконова смотрѣла на него смущеннымъ взглядомъ, какъ бы прося прощенья и благодаря.

— Пѣвцы великолѣпны сегодня... Вотъ и музыканты пришли. До свиданья, я передамъ своимъ, что вы зайдете.

Своей твердой и ровной походкой, онъ вышелъ изъ прохода и исчезъ въ толпѣ.

Въ слѣдующемъ антрактѣ Марья Аркадьевна пробралась въ ложу къ семьѣ. Лида сіяла свѣжестью и миловидностью въ голубомъ атласномъ платьѣ, отдѣланномъ лебяжьимъ пухомъ, вся круглая, улыбающаяся, но уже немного раскисшая, по выраженію Бости, и съ посоловѣлыми отъ усталости глазами.

— Это мое визитное платье, объяснила она Бѣлоконовой. Оно мнѣ немножко узко, и я затянулась сегодня съ утра. Дѣвочки похвастались тоже передъ нею своими новыми платьями и успѣли сообщить, что онъ здѣсь въ крайней ложѣ и наводитъ на нихъ бинокль. Въ коридоръ онъ выбѣгали безпрестанно и возвращались съ разсказами и лакомствами, которыми угощали оставшихся. Ѳеда не было: онъ былъ на репетиціи домашняго спектакля въ домѣ своей Дульциней.

— Совсѣмъ закружился мальчикъ, говорила мать, качая головой.

— Вотъ какъ вы давно у насъ не были, замѣтилъ докторъ: что не знаете такой крупной новости, какъ этотъ спектакль.

— Нельзя было, отвѣтила Марья Аркадьевна. Она была озабочена и блѣдна, и смотрѣла на доктора съ видимымъ желаніемъ сообщить ему что-то.

— Пройдемтесь по коридору, здѣсь очень жарко, сказали онъ ей. И они вышли.

Какъ начался разговоръ, они не могли уловить, но докторъ узналъ все.

— Я говорилъ вамъ, помните, что много еще неизвѣданныхъ вамъ можетъ дать жизнь. А вы отчаявались. Въдѣ счастливы вы теперь?

— Дѣло не въ счастіѣ, серьезно отозвалась Бѣлоконова. — Должна искупить свою вину, должна сдѣлаться хорошей матерью и женой. На эту ставку я кладу свою жизнь.

— Вы его не любите... Это состраданіе, жалость?

— Не знаю.. но это судьба. Я должна жить съ нимъ, должна довести долгъ искупленія до конца. Я перевоспитаю себя, я воспитаю себя, но буду, буду хорошей женой. Не отговаривайте меня...

Докторъ
—
Где?
Имъ д
—
И жаж
—
Учиться
—
органиче
И востуб
еть. я в
— Сп
этой дур
Бѣлок
— Во
щество,
— Въ
ишь муж
Она по
— Уч
и долгъ,
самый круп
жизни
иши, съ е
Она под
— Благо
детовъ неп
нѣ неуязвим
жите жизнь
Они молча
— Ваши
ла Бѣлок
рства, знак
— Поче
— Я не
ишь. Въ
семей.

Докторъ расхохотался.

— Развѣ супружество такой тяжелой подвижъ, крестовый по-
ходъ? Посмотрите на Лиду, она цвѣтетъ и хорошеетъ съ важ-
нымъ днемъ.

— Лида—божество и идеаль, передъ которымъ я преклоняюсь
жажду у нея учиться и ей подражать.

— Другъ мой, это талантъ, которому, увы, нельзя на-
ниться...

— Но подражать можно. Исправляютъ же горбъ, заиканье,
органическіе недостатки... До сихъ поръ я была дурною женою,
погубила цѣлую жизнь человѣка,—этого въ другой разъ не бу-
детъ, я искуплю свою вину.

— Скажите, пожалуйста, развѣ у этого молодого человѣка
какой дурной характеръ, что вы такъ опасаетесь за будущее?

Бѣлоконова разсмѣялась невольно.

— Вопросъ не въ немъ, а во мнѣ. Какъ мужъ—онъ совер-
шенство, и долженъ быть счастливъ.

— Въ супружествѣ счастье или несчастье — обоюдное. Чтобъ
ашъ мужъ былъ счастливъ, вы сами не должны быть несчастны.

Она понизила головой.

— Учитесь быть счастливой,—вотъ ваша первая обязанность
долгъ,—а все остальное придетъ само собой. Въ васъ одинъ и
амый крупный недостатокъ: вы не любите жизни, самого про-
цесса жизни, съ ея радостями прозябанья, съ ея мелкими волне-
ніями, съ ея невзгодами и печалами...

Она подняла на него глаза; онъ продолжалъ:

— Благо тому, кто любитъ жизнь! Она награждаетъ своихъ
детей непонятными наслажденіями, цѣлитъ ихъ раны, дѣлаетъ
ихъ неуязвимыми. Вся мудрость заключается въ этихъ словахъ:
верте жизнь, какъ она есть, и любите ее.

Они молчали долго, ходя взадъ и впередъ среди толпы.

— Ваши слова для меня откровеніе, новый свѣтъ... прогово-
рила Бѣлоконова. Неужели я должна буду лишиться вашего об-
щества, знакомства съ вами, съ вашею семьей?

— Почему же?

— Я не могу обвиняться съ Ральфомъ, куда мой мужъ
живъ. Въ такомъ положеніи я не могу вести знакомства съ вашей
семьей.

— Я не имѣю предразсудковъ, и мой домъ всегда для васъ
открытъ.

— Положеніе невѣнчанной жены всегда фальшиво. Какъ по-

смотреть на меня ваша жена, мать и сестры? Для меня потеря вашего дома большое несчастье, но я должна покориться всему.

— Можно и этому горю помочь, сказалъ докторъ, поглаживая бороду. Вы потеряли изъ виду вашего мужа и онъ васъ такъ любитъ. Кто вамъ мѣшаетъ распространить слухъ, что вы овдовѣли? Только одинъ буду знать вашъ секретъ и, конечно, не выдамъ васъ. Тогда ваше новое супружество устранивается само собой. И волы съены, и овцы цѣлы! докончилъ онъ, улыбаясь.

Бѣлоконова посмотрѣла на него съ такой горячей признательностью, что хладнокровный докторъ почувствовалъ себя разгнаннымъ.

— Вы живете все тамъ же, въ номерахъ? спросилъ онъ.

— Черезъ недѣлю нанимаемъ квартиру подъ именемъ мужа жены Ральфа; у него есть паспортъ женатаго брата и по этому паспорту мы будемъ жить.

— Ну, вотъ видите, какъ все отлично устранивается. Помогите какъ мы это обдѣлаемъ, никто игопочки не подпуститъ...

Оркестръ давно игралъ и къ нимъ приближались обѣ дѣвочки запыхавшіяся отъ нетерпѣнія.

— Мы давно васъ ищемъ... Костя, сейчасъ Артò и Бауль.

Бѣлоконова сошла въ кресла и нашла Ральфа, слушающаго неумолкаемую болтовню сосѣдки. Она увидѣла, что онъ не смотрѣлъ на нее и навѣрное не зналъ, хороша или дурна та, которая съ нимъ говорила.

«Онъ говорилъ правду: предести женской красоты для нея не существуютъ думала Бѣлоконова:—мнѣ не придется его ревновать. Мы будемъ счастливы, будемъ счастливы». Въ тотъ же вечеръ она сообщила матери и женѣ доктора о своемъ вымышленномъ вдовствѣ.

XII.

Ральфъ и Бѣлоконова помѣстились совершенно супружескимъ образомъ на чистой небольшой квартиркѣ одного изъ людныхъ переулковъ Москвы. Квартира представляла всѣ удобства въ видѣ кухни, чулана, погреба и всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Имѣла даже садикъ въ общемъ пользованіи съ хозяевами, былъ близко отъ университета, однимъ словомъ, не оставляла ничего желать. Но не веселы были первые дни переселенія. Ральфъ, думавшій, что совсѣмъ уже избавился отъ своей болѣзни, сейчасъ почувствовалъ ея приступы въ очень чувствительныхъ размѣрахъ.

иать онъ ничего не могъ ѣсть; колики желудка, сопровождаемыя острой лихорадкой, изнурили его совершенно.

Докторъ К., посѣтившій больного, предписалъ ему строгую діету и полный покой нравственный и физическій. Ничего такъ не являя Ральфъ, какъ болѣзни. Онъ приписалъ ее нерегулярной жизни, которую велъ за послѣднее время, позднему часу сна, непривычнымъ выѣздамъ и волненіямъ, и роскошному, непривычному для его желудка, столу. Онъ строго выкинулъ все лишнее изъ своего бюджета и преувеличивалъ предписанія доктора, сталъ почти не жить, не ѣсть и ничего не чувствовать. Кроткій и смирный, лежалъ онъ цѣлый день на кушеткѣ, окруженный всѣми попеченіями жены. Она сама ходила за провизіей, сама варила ему бульонъ, подавала ему обѣдать, растирала его, переносила компрессы, вскакивала при малѣйшемъ его движеніи и была всегда при немъ, готовая на всѣ услуги, какія онъ могъ бы требовать.

Она старалась поступать во всемъ совершенно противоположно своему первому замужству, своему первому обращенію съ мужемъ. Глушить умъ, память и воображеніе, и полюбить жизнь той обочью, о которой ей говорилъ докторъ, полюбить ея мелочи, ея разубавленіе, ея ежедневныя заботы, погрязнуть и втянуться въ нихъ головою—сдѣлалось ея задачей. Результатомъ этого должно было быть излеченіе Ральфа. Онъ былъ для нея не живымъ существомъ, а предметомъ опыта, эксперимента жизни, оселкомъ ея супружескихъ способностей и супружескаго самоотреченія. Она не упускала изъ виду ни одной мелочи, ни одной подробности для его комфорта и благосостоянія. Она никогда болѣе не цѣловала и не обнимала его, не старалась къ нему порывисто, какъ прежде, стараясь угодить его вкусамъ, стать въ уровень съ его пониманіемъ супружества.

Ральфъ смотрѣлъ на нее со страннымъ, безсознательнымъ удивленіемъ. Отчего вдругъ ему такъ стало скучно вдвоемъ съ этой женщиной, общество которой доставляло ему прежде столько наслажденія? «Она меня разлюбила, она только жалѣетъ меня теперь!» одумалось ему. И онъ подозревалъ ее къ себѣ.

— Ты меня жалѣешь, Маріула? спросилъ онъ, безсознательно желая отъ нея того страстнаго порыва, который самъ столько же разъ отталкивалъ и осуждалъ.

Это было въ сумерки. Золотистый закатъ зимняго дня обливалъ гекла пурпуромъ, оставляя рѣзкія тѣни въ углахъ комнаты. Онъ сидѣлъ на кушеткѣ въ горностаевой мантильѣ жены, блѣдный и печальный, на бѣлой подушкѣ, съ тѣмъ поэтическимъ оттѣнкомъ

прелести, которую накладывает на молодого лица болѣзнь. И эта прелесть, которой она любовалась, и его близость, и тепло, и тишина комнаты — все влекло ее къ нему горячей лаской, но она удержалась и проговорила монотонно и добродушно:

— И жалѣю и люблю, Ральфъ.

— Мнѣ скучно, Мариула, сказалъ онъ, взявъ ея руки въ свои.

— Это отъ болѣзни; поправишься и не будешь скучать. Завтра я тебѣ сдѣлаю куриную котлетку, докторъ разрѣшилъ, — ты покушаешь и подкрѣпишься. Не хочешь ли чашку чаю?.. У меня стоитъ на плитѣ.

— Давай, пожалуй... Ахъ, какъ нехорошо, что я боленъ! Какъ бы мы наслаждались съ тобой, Мариула.

Ея глаза блеснули, но она тотчасъ же опустила ихъ.

— Ты мнѣ кажешься совсѣмъ ребенкомъ теперь, проговорила она, глядя его волосы:— и мнѣ хочется баюкать и укачивать тебя...

Когда Ральфъ настолько поправился, что могъ сидѣть и ходить по комнатѣ, Блочнова сдѣлала ему сюрпризъ: она подарила ему кресло особеннаго устройства для выздоравливающихъ. Это былъ цѣлый домъ. Оно раздвигалось, какъ кровать, качалось, какъ люлька, опять складывалось, имѣло приспособленія для чтенія, письма, кушанья и куренья. Самъ больной легко могъ повертывать его во всѣ стороны. Первый разъ Ральфъ поблагодарилъ жену за этотъ подарокъ и съ чувствомъ поцѣловалъ ея руку. Кресло сдѣлалось для него необходимою: онъ наслаждался его удобствами со всей врожденной нѣгой восточнаго человѣка. Ему было хорошо въ этой комнатѣ, такой покойной и тихой, послѣ шума и гама номерной жизни: просыпался, онъ сознавалъ съ удовольствіемъ, что ему не надобно бѣжать ни за чаемъ, ни за сахаромъ, что не предстоитъ скучнаго визита прачки или коридорнаго, которые всѣ прсятъ денегъ за свои труды, что все ему готово, прибрано, все дѣлается само собой, и онъ—хозяинъ, центръ всѣхъ заботъ и ухаживаній. Онъ не скучалъ медленнымъ выздоровленіемъ, и на правахъ больного отдыхалъ, отрѣшаясь отъ всѣхъ заботъ умственныхъ и физическихъ.

День Марьи Аркадьевны былъ наполненъ съ утра. Она не держала кухарки, и топила печку и ставила самоваръ съ помощью дворника, который носилъ ей воду, кололъ дрова и ходилъ на рынокъ за провизіей. Какихъ мытарствъ не пришлось ей перенести въ этихъ экскурсіяхъ! Мясники обманывали всласть неопытную барыню; парная говядина оказывалась лезалою; куры;

скаемыя ими подъ влѣтвою, что онѣ только что зарѣзаны, съ цвѣтомъ выдавали свое давнее происхожденіе; кости и жиръ изывались тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было во время покупки; одиъ словомъ, всѣ ловкіе фокусы мясныхъ торговцевъ градомъ сылись на Бѣлоконову и наполняли ее горечью и негодованіемъ.

Все утро она возилась съ кастрюлями, разжигала плиту, мыла мясо, чистила овощи, проливала, обжигалась и пачкалась. Когдѣ Ральфъ входилъ въ это время въ кухню, она была въ отчаяніи: все окружающее было такъ некрасиво, представляло такой оскверненіе; она—въ кухонномъ передникѣ съ мокрыми, покраснѣвшими краями,—казалась себѣ самой такъ непростительно-безобразной, что могла бы въ эту минуту провалиться сквозь землю.

— Уйди, уйди, Ральфъ, умоляла она:—ничего еще не готово, я только начала варить бульонъ.

— Ну, ну! смѣялся Ральфъ:—какъ будто мнѣ не все равно! Въ свободные часы, на досугѣ, у нихъ часто были пренія по какому предмету.

— Ты все еще не привыкла ко мнѣ, говорилъ онъ:—зачѣмъ стѣсняться? Я же тебя не стѣсняюся, потому что ты для меня все равно, что я самъ.

Марья Аркадьевна возражала, говоря, что и передъ самимъ собой человѣкъ долженъ сохранять благообразіе и приличіе, и зачала, что она чувствуетъ себя умнѣе, находчивѣе и развязнѣе, когда она хорошо одѣта, причесана и затянута въ корсетъ.

XIII.

Ральфу оставалось два года университета, и онъ вздыхалъ отъ одолжительности срока и отъ ужаса приниматься опять тянуть струнку, отъ которой было отсталъ. Болѣзнь и привольная жизнь женою пошатнули въ немъ спасительную привычку труда. Въ мѣсяцъ, принадки его болѣзни ослабѣли, и онъ вышелъ первый разъ на лекціи. Она помнила день его перваго выхода. Онъ долго занимался накануне, зубрилъ забытыя записки лекцій и вышелъ поутру, закутавшись, какъ старикъ, и взявъ денегъ извозчика. Но черезъ часъ послышался его звонокъ.

— «Ну, объявилъ онъ, садясь и тяжело переводя дыханіе:—мнѣ сдѣлалось дурно въ аудиторіи, и я не могъ дослушать лекціи. взялъ извозчика и поѣхалъ къ доктору К. Онъ меня выслушалъ и прописалъ вотъ это... У меня малокровіе. Я долженъ ѣсть каждый день жареную говядину или дичь, самый вѣрнѣйшій бульонъ,

яйца въ смятку и молоко. Лѣчи теперь мужа, если хочешь видѣть въ немъ работника. «Тогда-то начались мученія Марьи Аркадьевны. Она не могла держать кухарки и занималась кухней сама. Говорили, что она не хотѣла ужариваться, какъ она ни старалась объ этомъ. Самые лучшіе на видѣ куски, въ сыромъ видѣ, выходили изъ нее не годными, когда ихъ выкладывали на блюдо къ столу. Бифштексъ былъ жесткій, какъ подошва. Ральфъ, садясь за столъ, критиковалъ каждый кусокъ, давился имъ и отбрасывалъ повину. Тогда она поспѣшно выходила на улицу и шла въ какую-нибудь ресторацію съ задняго хода, прямо въ кухню. Тамъ она спрашивала порцію ростбифа или бифштекса и просила заварить при себѣ. Ей не было дѣла, что повара смотрѣли съ удивленіемъ на ея барскую одежду, на ея странное, потерянное лицо: она тутъ и настойчиво ждала и складывала въ кастрюлю горячее мясо, за которое платила цѣну цѣлаго дня. Она бѣжала къ Ральфу, захватившись, ставила передъ нимъ блюдо и умоляла его ѣсть. Тогда онъ бралъ вилку и ѣлъ; онъ не спрашивалъ ее, откуда и какъ добыто это мясо, что переживала эта женщина, такъ болѣла за свои неудачи и хлопотавшая ихъ поправить: онъ ѣлъ, какъ мужъ, не благодаря и не интересуясь дразгами, которыя должна переживать жена.

Она ложилась на кушетку и смотрѣла на него. Онъ ѣлъ, онъ былъ далеко отъ нея, далеко отъ ея души и отъ ея ощущений. Цѣлый день на ногахъ для него, — и сегодня, и завтра, и вся жизнь. Ея тѣло болѣло отъ усталости; въ мозгу вертѣлись ея чатлѣнія дни, счетъ хозяйственныхъ припасовъ: мясо — 80 к., и сятокъ яицъ; чаю не забыть купить, попросить хозяйку пойти съ собой выбрать говядину... Ахъ, еслибъ можно было швырнуть эти четыре фунта назадъ въ лицо мяснику! А вчерашняя курица — 60 к. Мало берете, говорятъ; нельзя выбрать хорошаго куска. Ростбифъ въ 20 ф! Куда же на двоихъ? Какъ же быть, какъ быть?..

Она лежала; Ральфъ доканчивалъ обѣдъ и уходилъ въ свое кресло курить.

— Маріула, одолжи мнѣ спичекъ. Принеси мнѣ, пожалуйста, книгу съ этажерки. Я озябъ, покрой меня, — слышались его призывы.

И она давала ему спички, книгу, покрывала его пледомъ; и уходила въ кухню ѣсть остатки, мыть посуду и приготовлялась къ дальнѣйшей стряпнѣ, къ новымъ мытарствамъ и неудачамъ. Рояль и книги стояли забытыми, и если иногда Бѣлокозова

...наслаждения: она играла холодно, безучастно, предаваясь
 вдругъ соображеніямъ о какой нибудь забытой покупкѣ, о какой
 нибудь хозяйственной мелочи, становившейся между нотами пьесы,
 между строками книги...

Ральфъ не анализировалъ переменъ, случившейся съ Марьей
 Аркадьевной, но онъ глухо ее ощущалъ. Онъ сошелся съ женщи-
 ной выше его развитіемъ и образованіемъ, и это предъшало его,
 рисовало ему картину ихъ совместной жизни, разговоръ, изъ
 которыхъ онъ могъ бы научиться, живаго обмѣна мыслей, чувствъ
 и впечатлѣній.

Дѣйствительность сложилась иначе: жена поглотила женщину,
 хозяйка замѣнила артистку, музыкантшу, поэта. Вся проникнувшись
 взятою на себя задачей—быть хорошо хозяйкою и женой,—Бѣ-
 локонова отдалась этому дѣлу съ головой. Оно разрослось для нея
 въ громадныхъ размѣрахъ и не оставило уже только помѣхой, нару-
 шеніемъ слагающихся привычекъ. Когда Ральфа посѣщали его
 земляки и товарищи, она чувствовала себя не въ духѣ, не въ
 своей тарелкѣ: чай долженъ быть не въ свое время; лишнюю
 булку, лишнюю щепотку чаю надобно было удѣлять другимъ. И
 Ральфъ, всегда находившій Бѣлоконову взявшею, гордившеюся
 талантами и образованностью, удивлялся, когда она выходила къ
 гостямъ не въ духѣ, не умѣла связать двухъ словъ и только раз-
 пивала, подавала и принимала, безпрестанно смотря на часы и
 нарушителей ея вечера.

Радости ея были: удавшійся бифштексъ, аппетитъ Ральфа, по-
 вала ея кулинарныя способности; печали—наоборотъ.

Разъ онъ засталъ ее плачущею у окна въ кухнѣ. Это было
 Ральфа неудачнаго обѣда, отъ котораго онъ отказался. Марья Ар-
 кадьевна чувствовала себя нездоровой за это время и не могла
 ти за кушаньемъ въ ресторанъ, какъ она дѣлала это прежде:
 рты ея обрѣзались, осунулись, и кака-то истома и слабость во
 емъ существѣ дѣлали ее постарѣвшею, некрасивою, лишенною
 явной граціи.

— Я пошлю дворника, сказала она, стараясь улыбнуться, но
 въ ненатурально, что становилось больно за ея улыбку.

— Зачѣмъ? холодно сказалъ онъ:—развѣ я не могу поголо-
 вать одинъ день.

— Въдѣ всѣ дни было хорошо, только сегодня, какъ нарочно...

— Ну, сказалъ Ральфъ тѣмъ же холоднымъ тономъ, — неудачи-то были, и даже слишкомъ часто.

— Какъ?

— Извини; это тебя огорчаетъ, я не стану.

— Какъ? Ты былъ голодный? А ходила-то я, приносила бифштексъ, ростбифъ... сколько разъ...

— Помню, помню; ты портила одно, приносила другое — изъ ресторана, гдѣ вдвое дороже и нездоровѣе.

Она замолчала, уязвленная до глубины души.

Какъ бы поступила Лидка? О, Лидка бы съумѣла! Она обругала бы мужа, выставила бы всё свои достоинства, заставила бы его просить прощенія, потомъ размѣялась бы своимъ прелестнымъ смѣхомъ и повисла бы у него на шеѣ счастливая, добрая, открытая! А она? У нея не выйдетъ этого... Не пара, не пара! Но искуай, — ставь свою жизнь... Ни слова, ни упрека, ни босяго взгляда, — жертвуй собой, глотай всё обиды, угождай, терпи, лѣзь изъ кожи... Надо такъ, необходимо такъ.

XIV.

Прежде, въ первое время сближенія, Ральфъ и Бѣлоконова часто и много говорили о будущемъ. Ихъ общая карьера казалась имъ такъ легка, такъ удободостижима. Марья Аркадьевна запишется на курсы акушерства, получить дипломъ; кромѣ того, у нея могутъ быть уроки музыки. Ральфу оставалось два года университета, но онъ не будетъ сидѣть, сложа руки; онъ достанетъ уроки, выхлопочетъ стипендію; ихъ общее существованіе казалось имъ вполне обезпеченнымъ. Безъ страха думали они о возможномъ прибавленіи семейства; къ тому далекому, какъ имъ казалось, времени, они надѣялись уже вполне устроиться, правильно зарабатывать хлѣбъ и не нуждаться. Въ воображеніи Марьи Аркадьевны ребенокъ вносилъ новый циклъ экспериментовъ и саморавленія. Въ первомъ замужствѣ она была плохую матерью и жаждала примѣнить къ дѣлу взятый ею на себя трудъ собственнаго совершенствованія и перевоспитанія: ребенокъ будетъ предметомъ ея материнскихъ заботъ и попеченій; ей представлялось, какъ она не будетъ спать ночей, кормя его, баюкая, слѣдя за каждымъ его шагомъ, какъ настоящая мать, какъ Лидка, жена доктора, которая составляла для нея идеаль. Это время казалось ей такъ далеко: въ счастіѣ, въ первомъ упоеніи страсти, время идетъ медленно, разнообразя жизнь наплывомъ новыхъ ощущеній, отми-

Но вотъ они поселились, какъ супруги, на квартирѣ; ихъ жизнь вошла въ колею, въ рамку, и вдругъ случился феноменъ: время понеслось съ невыразимой быстротой; дни слѣдовали одинъ за другимъ, однообразно, какъ колесо машины, пущенной въ ходъ; пролетали недѣли, мѣсяцы, не внося переменъ, не давая опомниться, сосредоточиться ни на какой посторонней мысли, кромѣ ежедневнаго дѣла, неизбежнаго и необходимаго. Ральфъ былъ боленъ; Марья Аркадьевна ухаживала за нимъ, варила и стирала, вся поглощенная этимъ дѣломъ, не дававшимъ ей удѣлить ни минуты постороннимъ мыслямъ и занятіямъ. Поступить на курсы въ воспитательный домъ можно было только на будущій годъ; уроки музыки не находились, и она отчасти была даже рада этому—такъ мало у нея было свободного времени. И вдругъ, совершенно нежданно и непрошено, извѣстные признаки недомоганія возвѣстили ей о возможности событія, казавшагося еще недавно такимъ далекимъ, туманнымъ. Они не были готовы; онъ лѣчился, она ухаживала за нимъ; возможное прибавленіе семейства нарушало весь строй жизни, вносило въ него бездну осложнений, бездну непредвидѣнныхъ случайностей. И она скрывала отъ мужа свои опасенія, старалась забыться, не обращать вниманія, не думать, закруживаясь все болѣе и болѣе въ колесѣ хозяйственныхъ хлопотъ, отвертываясь отъ зеркала, которое выказывало ей слишкомъ рельефно роковую истину.

А Ральфъ слѣдилъ за ея внезапною старостью, блѣдностью и худобою лица, несвободою движеній, и, какъ часто бываетъ съ супругами, охлаждался все сильнѣе и сильнѣе, пронизывая критическимъ взоромъ всю особу жены, начиная съ ея походки до выраженія лица, до пятень на лбу, до ея ѣды втихомолку и внезапнаго сна днемъ, и стоновъ по ночамъ и нервныхъ слезъ и обидчивости...

Отъ природы Ральфъ былъ неглупъ и имѣлъ способности: у него была отличная память, и онъ, благодаря зубренію, могъ идти наравнѣ съ курсомъ, но въ своемъ стремленіи учиться, онъ всегда видѣлъ только возможность выбиться, стать на ноги, имѣть ремесло; сущность же медицинской науки не имѣла для него ничего пріятельнаго. Плохо подготовленный научно, онъ иногда терялся въ дебряхъ непреодолимыхъ трудностей, которыя можно было побѣждать только усидчивымъ трудомъ и терпѣніемъ. И онъ имѣлъ ихъ въ избыткѣ, когда былъ бѣденъ и нуждался, когда его

подстегивала перспектива отдыха, почетного положе­ния, независи­мого куска хлѣба. И вдругъ судьба дала ему все это на половинѣ дороги; положеніе его сразу измѣнилось: изъ бѣдняка студента, въ дырявыхъ сапогахъ, онъ сталъ мужемъ порядочной женщины; у него былъ кровъ, пища, жена, общество товарищей, которые его навѣщали, и онъ не зналъ, чего желать болѣе, къ чему стремиться. Прежде онъ думалъ: вытяну, хотя бы пришлось умереть, теперь онъ говорилъ себѣ: прежде исправлю свое здоровье и тогда примусь за работу. И это было вполне логично и неоспоримо: здоровье былъ первый призъ, который надо было выиграть, и онъ рѣшилъ выиграть его на лонѣ супружескаго благополучія. Лѣчиться, беречь себя—сдѣ­лалось его маніей. По цѣлымъ часамъ онъ лежалъ, избѣгая всякаго труда, предаваясь нѣгѣ бездѣлья и сибаритства. Около него хлопотала жена; онъ былъ центромъ заботъ и ухаживаній, ка­кимъ-то священнымъ алтаремъ, на который приносились жертвы ея неусыпныхъ трудовъ и попеченій. Его малѣйшія желанія пре­дупреждались и угадывались, обѣды сталъ удаваться, вино достав­лялось изъ лучшихъ погребовъ, Марья Аркадьевна неустанно ва­рила, стряпала и мыла на мужа, изучая до тонкости его вкусъ и привычки, угождая ему, баюкая его и, незамѣтно для себя са­мой, развивая въ немъ инстинкты лѣни, чревоугодія и сластолю­бія. Иногда его начинала мучить совѣсть за свое бездѣлье: онъ ложился съ твердымъ намѣреніемъ идти завтра въ университетъ, заняться лекціями, побывать у товарищей.

Но утро начиналось такимъ вкуснымъ кофе, кресло было та­кое мягкое,—а на улицѣ шель снѣгъ и трещалъ морозъ,—недо­читанный вчера романъ манилъ къ себѣ, и онъ говорилъ женѣ:

— Мариула, я не пойду... до завтра! А? Какъ ты думаешь?

Она глядѣла на него грустными глазами, но ни одно слово упрека или настойчиваго приказанія не срывалось съ ея губъ, и ему наливался второй стаканъ кофе, и онъ съ наслажденіемъ рас­тягивался въ креслѣ, принимаясь запоемъ за чтеніе романовъ или газетныхъ статей. Но осадокъ глупо проведеннаго дня давалъ себѣ чувствовать: къ вечеру онъ становился угрюмымъ, недовольнымъ и собой и женой, придирался къ бездѣлицамъ, былъ несправед­ливъ. Марья Аркадьевна задумывалась по временамъ такъ глубоко, что работа выпадала изъ ея рукъ и глаза застилало туманомъ; и онъ уже не спрашивалъ ее, куда она улетѣла мыслью, не пре­силъ воротиться на землю къ нему. Она вставала, украдкой смот­рѣлась въ зеркало и вздрагивала отъ непріятнаго чувства къ себѣ самой: она худѣла, глаза ея окружались синевой... И чтобъ про-

просовъ и призраковъ.

На столѣ являлся самоваръ; но церемонія чая, бывшая прежде приправой бесѣды, становилась теперь главнымъ занятіемъ, центромъ разговоровъ и односложныхъ замѣчаній со стороны мужа и жены. Вечеръ оканчивался тихо и мирно по наружности; въ известный часъ все спокойно укладывалось спать въ маленькомъ домикѣ и только трепетный вопросъ жены нарушалъ иногда ночное безмолвіе,—жены, спрашивавшей всей тревогой безпокойнаго сердца:

— Ты счастливъ, Ральфъ? Ты любишь меня по прежнему?

Долго медлилъ отвѣтъ. Наконецъ раздавался голосъ мужа:

— Я просилъ тебя, Мариула, не дѣлать мнѣ никогда такихъ вопросовъ. Я не любовникъ твой и не знаю, что тебѣ на нихъ отвѣчать.

Какъ къ женщинѣ, онъ охладѣлъ къ ней давно, двѣ недѣли спустя послѣ сближенія. Но она была ему необходима, какъ жена, какъ подушка, какъ носильное платье. Не смотря на нее, не волнуясь, не интересуясь ею, онъ не могъ пробыть безъ нея ни одной минуты. И она созерцала его душу, переживала это охлажденіе, слѣдила за нимъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ,—и сдерживалась, сдерживалась. Вся жизнь ея была постоянное сдерживанье словъ, взглядовъ, движеній, обращеніе себя въ автомата, въ покорную, безропотную, безмятежную жену. Это была кара, искупленіе,—результатомъ которыхъ должно было быть счастье Ральфа; но чѣмъ дальше тянулись дни, тѣмъ она становилась мрачнѣе и мрачнѣе: дѣло ея рукъ давало результаты.

XV.

Мало по малу, что-то странное начало дѣлаться съ Ральфомъ. Не страдая ничѣмъ особенно, онъ впалъ въ полнѣйшую апатію. Ему лѣнь было вставать, одѣваться, шевелить членами. Угодливость жены, комфортъ и покой вязали его по рукамъ и ногамъ: онъ утопалъ, какъ муха въ сладкомъ питъѣ, не зная, какъ вырваться изъ него, пресыщенный матеріальными благами, исцѣленный и больной.

Приближалось время экзаменовъ; товарищи стали навѣщать его чаще, говорили о лекціяхъ, о переходѣ на слѣдующій курсъ. Соревнники опередили его и знаніями и трудомъ. Онъ встрях-

нулся, досталъ книгъ, лекцій, окружилъ себя ими. Но отвѣча отъ труда давала себя чувствовать. На первомъ же экзаменѣ онъ провалился и не пошелъ болѣе, — легъ, отвернувшись къ стѣнѣ, не отвѣчая на утѣшенія жены, не внимая ея заботамъ и вопросамъ. Она пробовала читать ему профессорскія лекціи, звать товарищей заниматься вмѣстѣ съ нимъ; онъ молчалъ, блѣдный и холодный, и думалъ, думалъ о многомъ, отвернувшись къ стѣнѣ...

Разъ къ доктору К. позвонили. Это было въ началѣ шестидесяти мѣсяцевъ спустя послѣ переселенія на квартиру Бьлоковой и Ральфа, какъ мужа и жены. Докторъ самъ отворилъ дверь. Вошла Бьлоконова. Онъ не видалъ ее два мѣсяца. Она сильно измѣнилась. Легкость и грація стана исчезла; положеніе ея рѣзко обозначилось; унесло и молоджавость и подвижность движеній, которыя такъ ее украшали. Передъ нимъ была пожилая женщина, готовящая быть матерью. Онъ думалъ, что она пришла въѣтоваться съ нимъ о своемъ положеніи и заботливо разспрашивалъ о здоровьѣ, о близости ожидаемаго срока, рекомендовалъ азулукъ, предложилъ даже денегъ взаймы. Но не то было предметъ ея прихода. Она заговорила о Ральфѣ. Она высказала доктору его недугъ, апатію, отвращеніе отъ дѣла и умоляла подѣйствовать на него, спасти его своимъ вліяніемъ. Нѣсколько разъ глаза ея застигало слезами.

— Вы все можете, говорила она. Вы — человекъ нормальный, въ васъ самихъ столько равновѣсія, и душевнаго и физическаго, что одно ваше присутствіе можетъ дѣйствовать благотворно. Докторъ, я изнемогаю! Все готово рушиться: земля уходитъ изъ подъ ногъ...

И припавъ головой къ столу, она судорожно разрыдалась сдержанными, глухими рыданіями. Докторъ поспѣшилъ обѣщать, что онъ непременно придетъ и посмотреть, что можно сдѣлать, просилъ успокоиться, звалъ къ своимъ, хотѣлъ даже идти къ женой. Но Марья Аркадьевна отказалась изъ отрѣзъ и умоляла доктора сейчасъ же поѣхать на квартиру къ Ральфу. Онъ отложилъ нужное дѣло и поѣхалъ съ ней. Дорогой она безсвязно рассказывала свою жизнь за эти шесть мѣсяцевъ, свои труды, надежды и муки...

— Онъ боленъ, просто боленъ, порывисто говорила она: — физическое нездоровье, которое можно вылѣчить медицинскими средствами... Это не можетъ быть другое... не должно быть.

У Марьи Аркадьевны былъ другой ключъ отъ квартиры, чтобы не беспокоить мужа звонкомъ. Они вошли. Комнаты были чисто

рибраны, нигдѣ не было ни пылинки; одно окно было уже выставлено и свѣжій весенній вѣтеръ врывался въ комнату, играя исеинными занавѣсками. Дверь въ комнату Ральфа была полуотворена, онъ лежалъ въ своемъ креслѣ, кутаясь въ горностаевую мантилью жены, застывъ въ какомъ-то покоѣ и неподвижности.

— Я покуда сварю кофе, прошептала Бѣлоконова доктору, — вы войдите и поговорите съ нимъ.

И она впустила къ нему доктора и затворила за нимъ обѣ половинки двери. Но она не отошла отъ двери и, наклонившись къ заочной щели, затаивъ дыханіе, жадно прислушивалась, стараясь не проронить ни слова, ни движенія.

— Что это съ вами, другъ мой? заговорилъ докторъ, подходя къ Ральфу и ставя свою шляпу и палку у кресла.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ до корня волосъ. Онъ плотнѣе укутался въ мантилью, сжался смущенно въ креслѣ, и проговорилъ:

— Не знаю самъ... кажется, боленъ.

Докторъ пощупалъ пульсъ, осмотрѣлъ языкъ, внимательно выслушалъ грудь, спину, сердце, постукивалъ, спрашивалъ.

— Вы совершенно здоровы, объявилъ онъ, отклонясь: — всѣ управленія въ порядкѣ; подкожный жиръ достаточно развитъ, кагарръ желудка исчезъ; — я могу васъ поздравить съ полнымъ издоровленіемъ. Неужели вы считаете себя больнымъ? И вы лежите, не выходите на воздухъ, не дѣлаете движенія?

Ральфъ былъ всегда неразговорчивъ, скупъ на слова. И теперь нъ, молча, смотрѣлъ на доктора серьезнымъ, мрачнымъ взглядомъ, какъ бы углубленнымъ во что-то внутреннее, незримое.

— Да что же съ вами? Объясните наконецъ, что вы чувствуете? Идѣтъ, какъ доктору...

— Я за меръ... проговорилъ Ральфъ съ разстановкой. — Во мнѣ погасла всякая жизнь.

— Но что же за причина такого ненормальнаго состоянія? Пожалуйста яснѣе, подробнѣе... Рассказывайте шагъ за шагомъ, какъ и когда это началось? Симптомы, предвѣстники какіе?..

Ральфъ началъ наивно, не спѣша:

— Сначала мы переѣхали сюда. Я былъ боленъ. Жена начала за мной ухаживать. Она подарила мнѣ это кресло... Я легъ въ него. Все падало мнѣ прямо въ ротъ. Я извѣжился, облѣнился... Сказали, что у меня малокровіе; мнѣ надобно было поправиться.

— Но малокровіе еще не болѣзнь. Половина людей на свѣтѣ малокровныхъ, однакожь они живутъ, учатся, служатъ...

— Я легъ, продолжалъ Ральфъ, не слушая:— и лежалъ... Жена хлопотала около меня, баловала и нѣжила, жила за меня, можно сказать. Съ первымъ мужемъ она жила несогласно, катастрофа случилась... Такъ она желала загладить прежнее, угождать мужу во всемъ, никогда не имѣть ни ссоръ, ни непріятностей. По моему, жены не должны такъ. Все ведется женщиной... работа и трудъ мужа въ ея рукахъ: она должна этого требовать и вымогать, какъ свое право и долгъ. Мы всѣ такіе: и отецъ и братья. Братъ работаетъ, какъ волъ, на жену, которая требуетъ его труда для семьи и своихъ надобностей. Отецъ весь ушелъ въ семью, жена не даетъ ему пролежать, отдохнуть ни одного дня. Что же за бѣда, что они погрызутся иногда, но они живутъ хорошо, близко, нравственно - близко другъ другу, все равно, что одинъ человѣкъ. Мужъ и жена, это понятіе олицетворяетъ единство, безцеремонность, открытость, естественность... Мариула не можетъ быть женою: она вся дѣланная... Она отъ меня далеко, я для нея чужой, не близкій. Она не понимаетъ, что мнѣ нужно... потому что не любитъ меня... Я для нея идея, предметъ. Но все равно, я виноватъ, я знаю... я глупо и подло поступаю, потому что живу на чужой счетъ...

Докторъ слушалъ внимательно и не прерывалъ.

— Я этого не думалъ сначала. Я думалъ работать, трудиться вмѣстѣ... Но она свалила меня въ это кресло, убила силы, прижала къ этой стѣнѣ, гдѣ я лежу... какъ животное, готовое на убой.

Онъ говорилъ со страннымъ убѣжденіемъ, рѣзко, отчетливо, краснорѣчиво.

При послѣднихъ словахъ Ральфа, Бѣлоконова схватилась за кресло, чтобъ не упасть. Ноги у нея подкосились, въ глазахъ потемнѣло, будто отъ тяжелаго удара обухомъ по темени. Она встала, шатаясь, прошла въ кухню, цѣпляясь за столы и подоконники, потому что ноги не держали ея. Ударъ, оглушившій ее сначала, расходился по всему существу, проникалъ въ мозгъ, въ сознание... Съ минуту она смотрѣла на стѣны, на потолокъ, широко раскрывъ ротъ, какъ бы не находя воздуху, сдавленная, какъ въ тискахъ. Исходу требовалось, исходу душѣ... Мысль ея металась, какъ въ мукахъ рожденія, силась порвать пути, сбросить оковы, тѣсвившія ее со всѣхъ сторонъ, найти исходъ. И вдругъ что-то вырвалось, родилось, показалось. Свѣтъ блеснулъ, оковы упали: и сомнѣнія, и разладъ, и отчаяніе, и муки — все улеглось подъ

Кофе былъ сваренъ и поданъ..

— Вашъ мужъ здоровъ, говорилъ докторъ, выводя Ральфа съ собой въ столовую.—Давайте намъ кофе и поѣдемте ко мнѣ, вы засидѣлись, оба хандрите; мы васъ развеселимъ и настроимъ на истинный путь. Ну, что же за бѣда, что не выдержалъ экзамена; въ сентябрѣ можно переэкзаменовку, а лѣтомъ заняться хорошенько,—лѣнь-то по боку. Погодите, я васъ не оставлю такъ; я приставлю къ вамъ брата, сестренокъ можно поднять на ноги, они за васъ примутся и вы будете молодцомъ.

— Да, да, сказала Марья Аркадьевна: еще не поздно, это можетъ случиться; все къ лучшему, все хорошо.

Она задумывалась, голоса мужа и доктора звучали какъ будто издалека, не смущали, не волновали, не тревожили...

Каждому свой чередъ, думала она: — теперь они будутъ жить и страдать и волноваться,—но безъ меня, безъ меня! Я не буду болѣе отвѣтчикомъ, не буду носить съ собой ярма сознанія и вреда... Довольно! послѣдній опытъ сдѣланъ, итоги подведены. Всему конецъ, абсолютный, вѣчный! Предвѣщеніе вѣчнаго мира и покоя... Ральфъ, прощай! Прощай любовь, личное счастье, погоня за благомъ, за пользой, за истиной и свѣтомъ, развитіемъ и наукой,—не нужно васъ болѣе; ничего, ничего не нужно!»

«Сѣмя должно умереть, чтобъ дать произрости цвѣтку нетлѣнному, неувядаемому забвенію,—жизни и ея золь».

«Живущій страдаетъ уже оттого, что живетъ: освободимъ его отъ этого ига и цѣпей, возвратимъ его къ невинности, невмѣняемости, къ премудрому: ничто».

Кругомъ ея говорили, двигались; она отвѣчала и смотрѣла, какъ автоматъ, задумываясь, отрѣшаясь отъ всего близкаго, земнаго. Докторъ торопилъ Ральфа одѣваться, чтобъ вмѣстѣ ѣхать въ клинику, обѣщая ему интересную лекцію. Молодой человѣкъ спѣшилъ, звалъ жену, искалъ галстухъ, перчатки, суетился и поабылъ на прощанье взглянуть на нее, подать ей руку. Она смотрѣла въ окно, какъ они уѣзжали, и начала собираться тоже. взяла листъ бумаги, перо, потомъ задумалась и бросила и то, и другое. Зачѣмъ оставлять записку, послѣднее слово? Не все ли равно ей и всѣмъ? Вѣдь это конецъ, настоящій конецъ, и что бы

ни случилось послѣ, до нея ничто не коснется, не будетъ уже ни тревожить, ни смущать.

Она долго думала, опустивъ голову на руки. Вся жизнь пронеслась передъ ней въ долгомъ, прощальномъ видѣніи...

Потомъ она встала. Послѣднія приготовленія были обдуманы, взвѣшены, предназначены.

На дворѣ ей встрѣтился дворникъ, несшій вязанку дровъ въ ихъ квартиру.

— Вы уходите, барыня? окликнулъ онъ ее. — А я дрова несу, плиту разжигать.

— Мы не обѣдаемъ дома сегодня. Вотъ ключъ отъ квартиры. Я возвращусь, быть можетъ, поздно. Отопри барину. Если кто придетъ, скажи, что никого нѣтъ дома.

И Бѣлоконова исчезла безслѣдно. Впоследствии, когда начались розыски, узнали, что она сѣла на извозчика и велѣла везти себя на станцію желѣзной дороги. Далѣе слѣды ея терялись.

На этотъ разъ, вѣроятно, не случилось волею нея другаго Ральфа, другаго спасителя и освободителя, и невозбранно пришла она къ концу, — единственному концу всѣхъ золъ и бѣдствій бытія...

К о н е ц ъ .

Е. Ближневъ.

Утѣшеніе страждущему.

Напрасно не ропщи въ смятеніи на Бога,
Ты взысканъ слишкомъ Имъ,—завиденъ твой удѣлъ!
Тебѣ указана широкая дорога,
Ты мыслью свѣтлою то таинство прозрѣлъ,
Что недоступно всѣмъ имъ—пасынкамъ природы,
Которымъ кажешься ты царственнымъ орломъ,
Чья жизнь—сплетеніе лишенья и невзгоды,
Разгула адскаго съ томительнымъ трудомъ.
Кругомъ тебя весь день волнуется, какъ море,
Толпа нарядная, болтлива и шумна;
Но чужды для тебя и радости, и горе
Лвующихъ людей; ихъ рѣчь—тебѣ больна;
И въ каменныхъ стѣнахъ властительной столицы,
Убраншей рубище въ роскошные цвѣты,
Ты чувствуешь себя колодникомъ темницы,
И роковую мысль въ мозгу делѣешь ты!

Но развѣ тѣсенъ міръ? Покинь пріютъ порока,
Гдѣ оскверняются земля и небеса...
Смотри, какъ стелется на югѣ степь широко,
На сѣверѣ шумятъ дремучіе лѣса!
Здѣсь горы высятся вершиной снѣговою,
Прорѣзавъ облаковъ плывущихъ караванъ;
А дальше—бѣлою, рокочущей волною
О берегъ плещется могучій океанъ!
Здѣсь праздною нѣтъ толпы; здѣсь горькою борьбою
Глухая жизнь полна; но лжи тлетворной нѣтъ.

Ты мыслью все постигъ,—внеси сюда съ собою
Всепобѣждающей великой мысли свѣтъ!
Проникни въ глубь лѣсовъ, спустися въ подземелье,
И фавеломъ своимъ трущобу освѣти,
И въ дымной хижинѣ, и въ смрадной, темной кельѣ—
Про небо свѣтлое толпѣ ты возвѣсти!

Пусть тучи надъ землею свинцовыя повисли,
И животворный лучъ не блещетъ съ высоты:
Грядущее вѣковъ—побѣда вольной мысли
И царство Истины, Добра и Красоты!
Апостолъ этихъ дней и вѣстникъ воли Бога,
Ты мыслью таинство грядущаго прозрѣлъ,
Тебѣ-ль еще роптать? Ты взысканъ небомъ много,
Ты ближе всѣхъ къ нему—завиденъ твой удѣлъ.

А. Круглевъ.

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

Опыт нравственной статистики столичнаго населенія.

Х.

Убийства случайныя и непреднамеренныя.

Мы указали въ предшествовавшемъ очеркѣ на тотъ любопытный фактъ, что число убійствъ въ Петербургѣ за обозрѣмый періодъ значительно увеличилось, сравнительно съ тѣмъ временемъ, какъ это свидѣтельствуютъ цифры. Мы судимся объяснить этотъ фактъ и его причины, какъ съ одной стороны, было бы рискованно принять его за мѣрило виновности всего населенія. Здѣсь возможны только одни случайныя предположенія, тѣмъ болѣе, что цифры убійствъ у насъ, если разсматривать ихъ по годамъ, подвержены весьма сильнымъ колебаніямъ, вопреки теоріи Кетле, который утверждаетъ, что «убійства ежегодно совершаются почти въ одномъ и томъ же числѣ» и даже «орудія, которыми они совершаются, избраны, греблены бывають въ однихъ и тѣхъ же пропорціяхъ»... Ибо, какъ Кетле вывелъ такое заключеніе изъ изученія уголовной статистики цѣлой многомилліонной страны. Для Петербурга, по крайней мѣрѣ, этотъ законъ не можетъ быть примѣнимъ, такъ какъ число убійствъ въ немъ, въ теченіе изучаемаго десятилѣтія, было весьма далеко отъ постоянства, то увеличиваясь въ томъ или иномъ году наполовину и даже болѣе. Всего нагляднѣе можно видѣть это изъ прилагаемой сводки числа убійствъ по годамъ. Было совершено убійствъ въ Петербургѣ:

Въ 1868 году	5.
» 1869 »	11.

» 1870	»	16.
» 1871	»	14.
» 1872	»	13.
» 1873	»	18.
» 1874	»	18.
» 1875	»	8.
» 1876	»	13.
» 1877	»	16.

 13.

Въ дополненіе и поясненіе этихъ цифръ, можемъ указать еще на территориальное распредѣленіе убійствъ по частямъ города. Оказывается опять таки, въ подтвержденіе дурной славы Спасской части, что она болѣе другихъ погрѣшаетъ этого рода преступленіями. Въ теченіе 9-ти лѣтъ, въ ней было совершено 17 убійствъ; затѣмъ, совершено было убійствъ за тотъ же періодъ: въ Литейной и Рождественской частяхъ по 13, въ Московской—11, въ Васильевской—10; въ остальныхъ менѣе 10-ти въ каждой, менѣе же всего въ Александро-Невской, именно 5.

Безъ сомнѣнія, существуетъ какая-то необъяснимая, странная логика, тающаяся въ ненормальныхъ условіяхъ современной социальной жизни, которая управляетъ этими цифрами убійствъ: то возвышая ихъ, то понижая съ такой, повидимому, прихотливостью; но для анализа тутъ нѣтъ никакой опорной точки. Почему, напр., въ 1873 и 1874 гг. число убійствъ было въ Петербургѣ совершенно одинаковое и выразило собою максимумъ этого рода преступленій за все десятилѣтіе, и почему, вслѣдствіе затѣмъ, въ 1875 г. число это упало вдругъ до minimumъ? Объяснить мы не имѣемъ возможности, оставаясь на строгой почвѣ точнаго изученія давнихъ явленій. Быть можетъ, впрочемъ, нѣкоторый свѣтъ на эту темную и самую печальную аномалію общественнаго союза прольетъ ближайшее знакомство съ самой, такъ сказать, натурой убійствъ, съ ихъ непосредственными поводами и причинами, чѣмъ мы и намѣрены здѣсь заняться.

Анализируя убійства, какъ одно изъ проявленій нарушенія въ своемъ нормальномъ равновѣсіи человѣческой воли, Кетт

амѣтилъ, что они «менѣ всего могутъ подлежать предусмотрительности», такъ какъ совершаются обыкновенно «непреднамеренно и при обстоятельствахъ, повидимому, самыхъ случайныхъ». Дѣйствительно, изученіе убійствъ, совершавшихся въ Петербургѣ за обозрѣваемый періодъ, привело насъ къ убѣжденію, что значительная, если не большая часть ихъ были совершены безъ преднамереннаго умысла, безъ заранѣ составленнаго плана, а какъ-то вдругъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, роковымъ образомъ подѣйствовавшихъ на возбужденіе спящаго звѣря въ человѣкѣ. Еслибы нужно было найти слово, опредѣляющее характеръ господствующей у насъ формы этого рода преступленій, то мы сказали бы, что у насъ преобладаютъ и н с т и н к т и в н ы я убійства совершенно патріархальнаго свойства. Тутъ дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, внезапно просыпается въ человѣкѣ примитивный хищникъ-звѣрь и овладѣваетъ, почти безъ борьбы, слабою волей, не тронутой нравственною культурою. Статистика подтверждаетъ это тѣмъ, что большинство убійць оказываются людьми темными, крайне неразвитыми въ умственномъ отношеніи и вдобавокъ испорченными городской жизнью. По сословію, большинство убійць—крестьяне, выходцы изъ деревни; менѣ же всѣхъ классовъ выдѣляетъ изъ своей среды высшій интеллигентный классъ, особенно убійць, руководимыхъ корыстной цѣлью. Вообще, культурность и образованіе, съ ихъ гуманизирующимъ, смягчающимъ нравы вліяніемъ, краснорѣчиво оправдываются статистикою убійствъ, въ которыхъ, поэтому, изобличаются преимущественно натуры грубыя, съ разнузданной волей, крайне невѣжественныя и, конечно, испорченныя нравственно. Въ большинствѣ случаевъ, это—тупоголовые дикари, развращенные городомъ. Существуетъ, какъ извѣстно, мнѣніе, что убійство вообще есть продуктъ особаго психологическаго расстройства, если не хроническаго, то временнаго, преходящаго, и что, во всякомъ случаѣ, въ самый моментъ убійства, совершающій его субъектъ находится въ пароксизмѣ извѣстнаго умственнаго затемнѣнія. Теорія эта очень спорная, и хотя ее подтверждаютъ многіе факты уголовной хроники, но еще болѣе имѣется фактовъ, по крайней мѣрѣ, въ нашей судебной хроникѣ, свидѣтельствующихъ, что убійства часто являются результатомъ совер-

ни тому, которое свойственно какому нибудь дикому животу. Психическое разстройство мыслимо только въ субъектахъ болѣе или менѣе культурныхъ. Дикари, сколько извѣстно, съ ума не сходятъ. Есть другое, на этотъ счетъ, мнѣніе, что въ каждомъ человѣкѣ таится доля кровожаднаго звѣрства, свойственнаго хищнымъ животнымъ, которая можетъ быть совершенно заглушена въ индивидуумахъ цивилизованныхъ, нравственно воспитанныхъ и поставленныхъ въ счастливыя жизненныя условія, и—наоборотъ—можетъ приобрѣтать роль господствующаго стимула въ натурахъ грубыхъ и примитивныхъ, именуемыхъ на языкѣ поэтовъ «дѣтьми природы». Такое «дитя природы», очень повладистое обыкновенно въ вопросахъ совѣсти, эгоистичное и склонное къ насиліямъ, легко дѣлается звѣремъ, безтрепетно поднимающимъ руку на жизнь ближняго, при всякомъ такомъ положеніи, гдѣ инстинктъ самосохраненія въ немъ не находитъ себѣ полного и законнаго удовлетворенія. Конечно, первымъ побудительнымъ толчкомъ здѣсь являются голодъ, нужда, какъ и у всякаго звѣря, который очень добръ и ласковъ въ состояніи сытости, и отваживается на кровопійство только изъ-за побужденій аппетита. Такимъ образомъ, и среди убійцъ мы встрѣтимъ въ огромномъ большинствѣ представителей самой низшей, некультурной среды, притомъ—людей, вырванныхъ изъ своей родной сферы, брошенныхъ на городскую улицу, испорченныхъ ея разратомъ, угнетенныхъ нуждою и голодомъ. Это, въ большинствѣ, уличные пролетаріи, темные жильцы грязныхъ трущобъ, рецидивисты, искусившіеся въ разнаго рода хищничествахъ и преступленіяхъ.

Впрочемъ, основываясь на нашемъ матеріалѣ, мы можемъ утвердительно сказать, что такъ называемыхъ закоренѣлыхъ, профессиональныхъ убійцъ—разбойниковъ классическаго типа, въ Петербургѣ не водится. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ни одного такого примѣра. Очень рѣдко встрѣчаются даже рецидивисты по убійству, что, конечно, слѣдуетъ объяснить отчасти бдительностью полицейско-прокурорскаго надзора, карающей и пресѣкающей руки котораго не избѣгаетъ почти ни одинъ убійца въ настоящее время.

Исходя изъ вышесказаннаго, слѣдуетъ, при изученіи убійствъ,

ихъ прежде... Различіе это признается также
енными отъ предьямъ. Умышленнымъ умысломъ. Ключемъ и для насъ въ груп-
истами; оно послужитъ въ свою очередь, существенно
нашего матеріала.
еднаѣренныя убійства, въ свою очередь, существенно
тся по ихъ, если можно такъ выразиться, температурѣ.
ь этой категоріи убійствъ совершаются хладнокровно
всечету, хотя бы и по внезапно созрѣвшему рѣшенію;
влиются результатомъ страстнаго порыва и затемненія
а, подъ сильнымъ вліаніемъ какого нибудь аффекта. По-
о рода убійства происходятъ при различныхъ враждеб-
толкновеніяхъ, во время ссоръ и дракъ, столь нерѣдкихъ
нашими простолюдными, особенно, когда они бываютъ
мѣлькомъ. Опьяненіе, возбуждающее буйныя и свирѣпыя
ности, играетъ здѣсь большую роль. По крайней мѣрѣ,
ельнѣйшая часть этихъ случайныхъ убійствъ совершается
резвомъ состояніи, «подъ пьяную руку», какъ говорится.
ь какъ въ простонародномъ быту самое «веселое» время—
е, годовые праздники, которые вслѣдствіе этого явля-
и самымъ буйнымъ, драчливымъ временемъ, то и самыя
ва разсматриваемой категоріи совершаются преимуще-
но въ праздничные дни. Можно съ достовѣрностью сказать,
почти третья часть убійствъ и покушеній на убійство, со-
аемыхъ въ Петербургѣ, выпадеетъ на такіе праздники,
Пасха, Рождество Хр., и пр. Форма этихъ праздничныхъ
ствъ крайне несложная и всегда почти одна и та же. Зна-
е между собою люди, часто пріятели, за минуту еще друже-
о опоражнившіе стаканчики, затѣваютъ спяна и изъ-
устяка, конечно, горячую между собою ссору; ссора пере-
на несчастіе, кому нибудь изъ соратниковъ попадаетъ
руку смертоносное орудіе: ножъ, стамеска, молотокъ, то-
ь, кочерга, простое полѣно, и—уголовное преступленіе го-
о, часто со смертельнымъ исходомъ для изувѣченнаго и со-
шенно неожиданно для самого убійцы. Случаевъ такихъ
часть и они всѣмъ извѣстны. Нѣсколько разнообразятся они
ѣ такими только грандіозными, по размѣру, бойнями, ка-

кая произошла въ 1875 году въ одной густо-населенной квартирѣ «съ углами» и, какъ слѣдуетъ тому быть, въ праздникъ—въ день зимняго Никола, столь чтимаго на святой Руси. Мы останавливаемся на этомъ случаѣ, такъ какъ онъ лучше другихъ характеризуетъ разительную, страшную припадочность убійствъ данной группы.

Въ описываемой квартирѣ, содержимой семейнымъ крестьяниномъ, мирно проживало по угламъ нѣсколько человекъ—людей трудящихся, рабочихъ и мелкихъ промышленниковъ, въ томъ числѣ нѣкоторые съ женами и дѣтьми. Въ день происшествія, вечеромъ, двое изъ жильцовъ, Бѣляевъ и Игнатъевъ, пришли домой вмѣстѣ, оба выпившіе, но безъ всякихъ признаковъ вражды между собою. Кутили они вмѣстѣ и, по показаніямъ свидѣтелей, никогда не ссорились, а «жили между собой союзно». Приди домой, Бѣляевъ сталъ ко всѣмъ привязываться, браниться и шумѣть. Нравъ у него ужъ такой былъ: «когда трезвъ, какъ показали о немъ свидѣтели, то очень смирный, хорошій человекъ, но когда выпьетъ, то сильно буйнѣтъ». На этотъ разъ одна изъ сосѣдокъ—жена крестьянина Гаврилова—стала его унимать и просить, чтобы онъ далъ покой другимъ жильцамъ, въ числѣ которыхъ, нужно замѣтить, тоже были сильно выпившіе по случаю праздника. Просьба Гавриловой оказалась, почему-то, обидной женѣ Бѣляева и она затѣяла съ нею ссору, а потомъ драку. Игнатъевъ, видно, человекъ миролюбивый, бросился ихъ разнимать; на Игнатъева кинулся Бѣляевъ... Началась свалка, къ которой присоединилось еще нѣсколько заинтересованныхъ лицъ, свалка тѣмъ болѣе ужасная и нелѣпая, что происходила въ темнотѣ, такъ какъ бойцы вначалѣ ея потушили нечаянно огонь. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ этомъ турнирѣ показали, что они чувствовали, что ихъ «били многіе, но кто и за что—они не знаютъ»... Наконецъ, кто-то догадался выскочить на улицу и закричать «грауль»! Когда явилась полиція и освѣтила мѣсто побоища, то нашла нѣсколько раненыхъ и одного наповалъ убитаго. Убитымъ оказался Игнатъевъ, котораго въ свалкѣ зарѣзалъ ножомъ его другъ и собутыльникъ Бѣляевъ—зарѣзалъ, какъ говорится, здорово живешь, «въ безпамятствѣ отъ сильнаго пьянства», какъ онъ самъ показалъ на судѣ... Безпамятство и бессмыслен-

ность отличаютъ всё подобнаго рода смертоубійства, нерѣдко иллюстрирующія наше «народное» веселье.

Такою-же дикой страстностью и горячечной температурой характеризуются и многія убійства, завершающія собою семейныя драмы и, вообще, раздоры между представителями двухъ половъ, когда матримоніальный союзъ между ними заострится ненавистью. Въ убійствахъ этой категоріи тоже изобличаются больше всего лица низшаго класса, преимущественно мужчны, тогда какъ жертвами оказываются всего чаще женщины, въ обращеніи съ которыми русскіе простые люди, въ качествѣ супруговъ, далеко не отличаются рыцарствомъ, какъ извѣстно. Убійства здѣсь и являются чаще всего результатомъ жестокаго, безчеловѣчнаго отношенія мужей къ женамъ, но есть немало и такихъ, которыя совершаются, какъ говорится, «въ сердцахъ», въ порывѣ слѣпаго гнѣва и самодурства, или, наконецъ, такихъ, которыя носятъ романическій оттѣнокъ несчастливой или обманутой любви, ревности и т. под. Говоря объ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство этой категоріи, мы разумѣемъ драматическія развязки половыхъ отношеній, какъ брачныхъ, такъ и вѣнчаныхъ, формальное различіе между которыми въ данномъ случаѣ, разумѣется, несущественно.

Поразительны бывають примѣры убійства и покушенія на убійство «въ сердцахъ», по внезапному наитію и изъ за пустяковъ, — почти исключительно женъ мужьями и несравненно рѣже обратнo. Примѣровъ такихъ немало, но вотъ наиболее рѣзкіе. Какъ и слѣдуетъ быть, чаще всего совершаются они въ нетрезвомъ видѣ. Въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, крестьянинъ-мастеровой, сидя на подоконникѣ у открытаго окна и разговаривая со своей «душенькой», заспорилъ съ нею, а спустя минуту, схватилъ ее въ охапку и выбросилъ изъ окна на дворъ. Дѣло происходило въ четвертомъ этажѣ и — несчастная расплылась до смерти. Въ одной изъ трущобъ «Вяземской лавры», нѣкій блудный сынъ статскаго совѣтника интимно сблизился съ нищенкой, женой бомбардира, который часто ругалъ ее и выгонялъ вонъ за пьянство и распутство. Сынъ статскаго совѣтника, молодой человекъ, восемь лѣтъ находился въ любовной связи съ этой трущобной Мессалиной, имѣвшей, нужно замѣтить, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, слѣдовательно, почти стару-

хой. Въ одинъ прекрасный вечеръ, они сошлись на ночлегъ, оба въ нетрезвомъ видѣ, и миролюбиво улеглись спать вмѣстѣ въ темной каморкѣ. Раннимъ утромъ, героиню этого клоачнаго романа нашли мертвой «съ петлею изъ обрывка тряпки на шеѣ», а героя—преспокойно спавшимъ на нарахъ. Онъ съ перваго же слова повинился въ убійствѣ, но заявилъ, что о причинѣ послѣдняго «скажетъ только на судѣ»... Какая тутъ могла быть тайна—осталось въ неизвѣстности. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ подобныхъ случаяхъ, вслѣдствіе свирѣпаго пьянства, при соотвѣтственныхъ условіяхъ, находить на извѣстныхъ субъектовъ какая-то кровавая галлюцинація, подъ наптіемъ которой, надо полагать, точно также одинъ мѣщанинъ-торговецъ, придя домой выпивши, ни съ того ни съ сего принялся тузить и истязать свою жену, и до тѣхъ поръ тиранствовалъ, пока не вышибъ изъ нея духъ здоровенными кулаками.) Изъ того же класса, и уже въ совершенно трезвомъ умѣ и твердой памяти, мужъ, человѣкъ сравнительно достаточный, при учитываніи жены въ домашнихъ издержкахъ, заподозриваетъ ее въ растратѣ четырехъ копѣекъ. Изъ-за этого начинается между ними ссора, кончающаяся тѣмъ, что мужъ «въ сердцахъ» схватываетъ бутылъ отъ водки и изо всей силы разбиваетъ ее объ голову жены... Несчастная падаетъ замертво, обливаясь кровью, и, если остается въ живыхъ, отдѣлавшись только увѣчьемъ, то ужъ это по счастливой случайности... Вотъ другой извергъ мучительно умерщвляетъ подругу своей жизни и мать своихъ дѣтей, вслѣдствіе «отсутствія средствъ къ существованію», какъ показали свидѣтели. Самъ-же онъ оправдывался «сильнымъ пьянствомъ» и происшедшимъ оттого «безпамятствомъ». Это былъ фельдшеръ по профессіи, но безъ мѣста, «суровый брюнетъ» лѣтъ 28-ми, подверженный какому-то необъяснимому хроническому бѣшенству и звѣрству. Онъ билъ свою жертву «въ теченіе недѣли: хваталъ за косы и съ размаха ударялъ головою объ полъ и объ стѣну, билъ кулаками, каблуками сапоговъ, душилъ за горло», пока, наконецъ, она не отдала Богу душу. Совершенно въ однородномъ убійствѣ жены, путемъ свирѣпаго тиранства, обвинялся также одинъ молодой штабсъ-капитанъ, человѣкъ, повидимому, образованный, несчастная жена котораго была хорошо воспитанная женщина изъ порядочнаго семейства. Убилъ

онъ ее изъ-за странной мести: когда онъ, вслѣдствіе запоя, заболѣлъ бѣлой горячкой, то жена свезла его въ госпиталь, чѣмъ обнаружила его порокъ... Этого-то онъ и не могъ простить женѣ и сталъ ее мучить, приговаривая: «Ты меня дозволила свезти въ госпиталь, теперь я тебя свезу: я имѣю право, я твой мужъ!» Въ результатъ, свирѣпый штабсъ-капитанъ превзошелъ даже свою угрозу, ибо «свезъ» жену, минуя госпиталь, прямо на кладбище. Послѣднія два убійства могутъ назваться уже систематическими, происшедшими отъ закоренѣлой лютой жестокости мужей съ женами.

Не смотря на холодъ сѣвера и преобладаніе лимфатичности въ темпераментѣ петербуржцевъ, у насъ довольно нерѣдки, такъ называемыя, романческія убійства и кровавыя семейныя драмы изъ-за мести и ревности, вслѣдствіе неудовлетвореннаго полового чувства, а также ради желанія отдѣлаться отъ опытылѣвшей брачной половины. Такія убійства и драмы совершаются уже больше въ культурной средѣ и съ тѣмъ отличіемъ, что въ то время, какъ простолюдины въ данномъ положеніи расправляются всего чаще ножомъ или отравой, убійцы культурные прибѣгаютъ почти исключительно къ огнестрѣльному оружію, всего предпочтительнѣе—къ револьверу. Изъ всѣхъ случаевъ этой категоріи убійствъ, за разсматриваемый періодъ, намъ извѣстны только два, гдѣ герои изъ культурной среды прибѣгали къ рѣжущимъ орудіямъ—охотничій ножъ, бритва. У простолюдиновъ же, обыкновенно, въ такихъ трагическихъ случаяхъ является въ рукахъ убійцы либо сапожный, либо кухонный ножъ. Необходимо также упомянуть, что жертвами покушеній здѣсь бывають нерѣдко не сами предметы страсти, но тѣ лица, которымъ оказано предпочтеніе передъ покусителями; а вотъ, однажды, нѣкій архитекторъ, огорченный измѣной бѣжавшей отъ него жены, разрядилъ шестиствольный револьверъ на ней и на тещѣ, по счастью, не причинивъ имъ смерти. Нужно полагать, что отчаянный архитекторъ вымещалъ на тещѣ причину разстройства своего семейнаго счастья, и—случай такой мести нерѣдки.

Къ чести прекраснаго пола, его представительницы несравненно рѣже мужчинъ покушаются на убійства, если же покушаются, то почти исключительно изъ-за романческихъ побуж-

деній, всего чаще за любовный обманъ, за измѣну и вслѣдствіе ревности. Замѣчательно, однако, что героинями такихъ драмъ бываютъ по преимуществу любовницы, а не законныя, обманутыя и покинутыя, жены. Вотъ одна интеллигентная женщина— писательница—покушается зарѣзать бритвой свою соперницу въ правахъ на привязанность легкомысленнаго актера. Вотъ другая, изъ рядовъ вѣтряныхъ сильфидъ Лѣтняго сада, завязавъ легкую, временнообязанную интрижку съ веселымъ бонвиваномъ, кончаетъ тѣмъ, что изъ ревности и страха быть брошенной имъ, всаживаетъ ему пулю въ лобъ. Вотъ, наконецъ, третья—жертва дѣвическаго легковѣрія и неопытности—спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего паденія и уже ставъ любимой женой другаго, вымещаетъ свой позоръ кровавымъ расчетомъ съ соблазнителемъ...

Изъ убійствъ, совершаемыхъ ради грабежа,—самыхъ многочисленныхъ, сравнительно,—точно также очень многія дѣлаются непреднамеренно, безъ заравѣе обдуманнаго умысла, а по случайному стеченію обстоятельствъ, обусловливающихъ искушеніе легкостью и удобствомъ достиженія преступной цѣли. Въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, мысль объ убійствѣ приходитъ неожиданно, схватываетъ убійцу, такъ сказать, врасплохъ, падая на душу какимъ-то неотразимо-страстнымъ кровавымъ наитіемъ. Вслѣдствіе этого, очень часто у преступника хватается духу лишь на то, чтобы покончить съ жертвой, а куда ее потомъ дѣвать, какъ скрыть слѣды преступленія и воспользоваться его плодами,—на это у него, не оказывается ни энергій, ни сообразительности. Вообще, большинство убійствъ носятъ у насъ характеръ какой-то поразительной, не то ребяческой, не то идиотической «простоты», отличаются крайней бѣдностью замысла, отсутствіемъ демоническаго элемента, въ классическомъ вкусѣ, и неумѣемъ скрыть за собою кровавый слѣдъ. Эта черта давно подмѣчена и нашими криминалистами.

«Характеръ простоты,—говоритъ по этому поводу одинъ изъ нихъ,—господствуетъ въ преступленіяхъ, гдѣ льется кровь, совершается грабежъ, гдѣ обдумываютъ преступные планы и приводятъ ихъ въ исполненіе нѣсколько личностей. Все это творится чуть не среди бѣла дня, чуть не посреди народа; люди почти незнакомые другъ съ другомъ идутъ на убійство такъ

легко, такъ же мало задумываясь, какъ будто идутъ они на такое дѣло, исходъ котораго не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на чью бы то ни было участь. Не ищите въ ихъ поступкахъ гонимаго маскированія, дьявольской махинаціи, хитрыхъ расчетовъ... Каждая случайность можетъ выдать головой соучастниковъ, но имъ какъ будто до этого нѣтъ дѣла, какъ будто не предъ ними лежитъ перспектива каторжной жизни... Въ исторіи этихъ преступленій каждая преграда можетъ спасти человѣческую жизнь, каждый вышній толчекъ можетъ сгубить человѣческую жизнь... Эти странные преступники являются какъ бы послушными исполнителями заранее составленнаго и произнесеннаго приговора, безучастными къ самому факту исполненія, настолько, что кровь человѣческая не оставляетъ въ ихъ воспоминаніяхъ никакого слѣда. Этой странной, поражающей простотой исчерпывается почти весь драматизмъ нашихъ самыхъ страшныхъ, самыхъ потрясающихъ преступленій; но въ этой простотѣ гораздо болѣе дѣйствительнаго драматизма (?) чѣмъ въ тѣхъ «таинственныхъ» преступленіяхъ, гдѣ интрига идетъ подземными ходами, гдѣ она созрѣваетъ и приводится въ исполненіе, окруженная всѣми атрибутами, дѣйствующими на воображеніе».

Таковы, въ большинствѣ случаевъ, наши криминальныя дѣянія, но указанныя черты особенно разительно бросаются въ глаза въ непреднамеренныхъ убійствахъ съ цѣлью грабежа. Насколько внезапно зарождается иногда въ головѣ преступника мысль объ убійствѣ, подъ вліяніемъ корыстолюбиваго соблазна, въ какой степени легко и быстро мысль здѣсь переходитъ въ дѣло, которое исполняется, притомъ, совершенно очертя голову, — примѣровъ имѣется множество въ нашемъ матеріалѣ. Мы остановимся на наиболѣе рельефныхъ изъ нихъ.

Какъ-то разъ, лѣтней ночью, въ 1867 году, трое пріятелей-крестьянъ, связанныхъ между собою товариществомъ по бродяжничеству и воровскому промыслу, пробирались тайкомъ на дачу Мятлева по Петергофскому шоссе, съ цѣлью совокупными силами ее обокрасть. Дойдя до стоговъ сѣна вблизи дачи, двое изъ нихъ, по уговору, остановились, усѣвшись на сѣнѣ, а третій отправился на рекогносцировку для осмотра мѣста дѣйствія. Конечно, для этого потребовалось немного времени, но когда

ушедшій возвратился, то ему представилась такая картина: одинъ товарищъ, весь въ крови, лежалъ мертвымъ, а другой преспокойно снималъ съ него часы и другія вещи... Оказалось — «своя своихъ не познаша» и, главное, внезапно, безъ всякаго предварительнаго умысла. Убийца, просто, моментально собрался грошовыми часами товарища и воспользовался удобнымъ случаемъ присвоить ихъ посредствомъ безжалостнаго смѣртоубійства. Вся операція, отъ начала замысла до ея послѣдняго акта, была исполнена въ нѣсколько минутъ. Другой аналогичный примѣръ. Двое братьевъ-крестьянъ, молодыхъ парней, съ деньжонками въ карманѣ, «гуляли» на масляницѣ и, между прочимъ, катались «на чухнѣ». Дорогой, въ глухомъ переулкѣ, имъ внезапно въспадаетъ на умъ шальная мысль присвоить сани и лошаденку чухонца. Какъ на грѣхъ, въ сани имъ подвертывается подъ руку желѣзный молотокъ, принадлежавшій запасливому чухонцу, и — спустя мгновенье, послѣдній лежалъ среди улицы, безъ дыханія, съ раздробленной головой, а веселыя ребята мчались, какъ ни въ чемъ не бывало, теперь уже въ собственномъ экипажѣ. Такъ, съ санями, въ тотъ же день, ихъ и накрыли на гульбѣ въ одномъ публичномъ домѣ... Неизвѣстно — не успѣли-ли они, или не сдумали сбыть ограбленную собственность своей жертвы и, такимъ образомъ, воспользоваться плодомъ преступленія, или же, просто, имъ хотѣлось покататься не на чужой, а на своей лошадекѣ? Въ этихъ ужасныхъ преступленіяхъ возможны самые неправдоподобные по легкомыслію и наивности, рѣшенія и намѣренія.

Весьма нерѣдко въ этого рода убійствахъ имѣютъ мѣсто какое-то звѣриное коварство и темное, холодное предательство. Подгулявшій мастеровой встрѣчается ночью въ публичномъ домѣ съ двумя незнакомыми молодцами, которые мгновенно дружатся съ нимъ, начинаютъ вмѣстѣ пить и «гулять»; потомъ, предлагая ему отправиться вмѣстѣ въ другое, болѣе веселое мѣсто. Мастеровой спяна совершенно ввѣряется своимъ новымъ друзьямъ, не подозревая, что у нихъ, безъ уговора, мгновенно созрѣлъ уже планъ убить его и ограбить. Повели они его чрезъ пустынный Семеновскій плацъ, на срединѣ котораго одинъ изъ пріятелей схватилъ несчастнаго за горло, а другой накинулъ ему на шею кушакъ и затянулъ мертвой петлей. Работа была

блана скоро и чисто, хотя вся добыча состояла изъ нѣсколькихъ рублей, да на болѣе значительную—убійцы и не рассчитывали. Гораздо болѣе цѣннымъ приобрѣтеніемъ соблазнился кто-то одинъ отставной губернской секретарь, совершившій эдакого столь же коварное и еще болѣе безчеловѣчное убійство. Это была личность довольно странная и болѣзненная. Онъ страдалъ запоемъ, которымъ испортилъ себѣ карьеру, и незадолго до убійства ушелъ было въ монастырь, «чтобы тамъ облегчить свое положеніе и найти нравственный покой», но ошибся въ выборѣ, вслѣдствіе чего возвратился въ міръ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, открылъ на Васильевскомъ островѣ табачную лавченку, которая давала ничтожный доходъ. Въ лавченку ходилъ эдинадцатилѣтній мальчикъ—воспитанникъ жившей неподалеку одинокой вдовы потомственного почетнаго гражданина, которая, какъ видно, не очень старалась о его воспитаніи. Однажды мальчикъ, явись въ лавку, пожелалъ купить у ея хозяина винный имъ прежде револьверъ. Губернскій секретарь отвѣтилъ, что эту вещь онъ не продаетъ и что она стоитъ 50 рублей. Маленькій покупатель возразилъ, что онъ можетъ заплатить и больше, въ доказательство чего, съ дѣтскимъ бахвальствомъ, показалъ пачку денегъ. Какъ потомъ оказалось, ихъ у него было до 450 руб., которые онъ тайкомъ утащилъ у своей воспитательницы. При видѣ денегъ, у нуждавшагося въ нихъ губернскаго секретаря мгновенно загорается желаніе овладѣть ими, но какъ это сдѣлать?—Конечно, лучше всего обманомъ и редательствомъ, потому что много-ли нужно хитрости, чтобы провести ребенка? Главное, какъ-бы не выпустить его изъ рукъ и не дать воспользоваться легкой добычей другому... Губернскій секретарь принимаетъ на себя роль ментора и пріятеля маленькаго вора: ѣдетъ съ нимъ въ гостинный дворъ, гдѣ приобрѣтается желанный револьверъ, потомъ ведетъ его въ пассажъ, въ музей Гаснера, оттуда въ одну, другую кондитерскую, наконецъ, въ кабакъ и уже поздно вечеромъ привозитъ обратно въ свою лавку, не успѣвъ, какъ предполагалъ, вытащить въ тѣснотѣ вожелѣнную пачку изъ кармана у мальчика. Теперь у него созрѣлъ другой, болѣе рѣшительный планъ. Подъ какимъ-то предлогомъ онъ заманилъ свою жертву въ сарай, гдѣ отребовалъ отдать ему деньги. Мальчикъ отказалъ; тогда гу-

бернскій секретарь схватилъ его, зажалъ ему горло и вмѣстѣ съ нимъ упалъ, а «что было дальше—подсудимый рѣшительно ничего не помнитъ»... Было-же тутъ что-то ужасное, судя потому, что на другой день полиція нашла въ сараѣ, въ ящикѣ трупъ мальчика, изрубленный въ куски, какъ говядина.

Вообще, въ большинствѣ убійствъ разсматриваемой группы побудительнымъ поводомъ для убійцы является довѣрчивость и безопасность жертвы, ничѣмъ не оградившей себя отъ возможности покушенія на ея жизнь и не питавшей ни малѣйшаго подозрѣнія къ злоумышленнику. Въ этомъ именно и заключается возбуждающій жалость, односторонній драматизмъ подобныхъ преступленій. Во многихъ случаяхъ жертвы платятъ жизнью, благодаря своему гостепріимству, за свой хлѣбъ-соль за пріютъ, оказанный убійцѣ, который всего чаще—«землякъ» пріятель или даже родичъ пострадавшаго. Въ теченіе обозрѣваемаго періода было убито, напр., нѣсколько дворниковъ, сидѣльцевъ въ кабакахъ и портерныхъ—ихъ земляками, закадычными друзьями или родичами, скитавшимися безъ мѣста и, поэтому, ночевавшими у убитыхъ, оказавшихъ имъ радушное гостепріимство. Всѣ эти преступленія были поразительно сходны между собою, по ихъ побужденіямъ и формѣ. Въ числѣ ихъ виновниковъ была и одна женщина—кухарка безъ мѣста, нашедшая пріютъ у своей пріятельницы, такой же кухарки, одиноко жившей въ квартирѣ своихъ «господъ», отлучившихся на тотъ разъ изъ столицы. Три ночи провела гостя у гостепріимной пріятельницы и, вдругъ, на третью ночь, проснувшись, она почувствовала внезапно неодолимое желаніе убить послѣднюю и воспользоваться ея грошовымъ имуществомъ, что и привело къ исполненію безъ дальнихъ околичностей. Мы здѣсь говоримъ о группѣ убійствъ непреднамеренныхъ, но, какъ увидимъ ниже, самыя сложныя, долго и обдуманно подготовляемыя убійства точно такъ же предпринимаются, имѣя въ основѣ, главнымъ образомъ, довѣрчивость и безопасность жертвы, простирающаяся иногда до невыразимаго, почти дѣтскаго простосердечія, которое невольно васъ трогаетъ... Тронуло оно какъ-то и одного убійцу, не настолько, однако-жъ, чтобы онъ отказался отъ своего душегубнаго намѣренія. Это былъ финляндскій уроженецъ, подмастерье въ магазинѣ золотыхъ дѣлъ,—молодой, распутный

...и себя ограбить, ночью, оставив один лишь
...и торговли, мальчикъ. Этого-то мальчика, к
...дательной... Преступникъ, войдя въ
...было устранить и задумался. Потомъ взялъ е
...дѣлъ молотокъ и читавшему спокойно газету
...къ мальчику, головой и... опять «здум
...молотокъ надъ его потомъ, стало жаль мальчика
...ознавался онъ такимъ образомъ, нѣсколько р
...опустилась...» Такихъ образомъ, нѣсколько р
...ка у убійцы, но, наконецъ,—первый ударъ с
...ль послѣдовалъ другой, и уже такъ, что молот
...згу мальчика... Убійца и послѣ этого испыт
...и, чтобъ не видѣть лица жертвы, накрылъ ей
...а и бесплодна нравственная борьба, испытан
...нымъ убійцей, но, къ ужасу за человѣка, даж
...бы мы не встрѣчаемъ въ поведеніи большинс
...до преступленія, ни въ моментъ его, ни послѣ. I
...судя по-человѣчески, что простосердечная довѣр
...твы, ея дружелюбное, гостепріимное отношеніе
...жны бы оказывать сдерживающее на него дѣйстви
...противно на его совѣсть и падать самымъ тяжелъ
...коромъ. Ничуть не бывало! Напротивъ, герои п
...и поражаютъ условенно платя зломъ за сдѣлан
...ю и полнымъ отсутствіемъ внутренней борьбы ме
...ю и корыстью, между чувствомъ жалости и кровож
...Страшно заглянуть въ эти души, не колеблемыя пр
...ой борьбою въ рѣшимости на кровавое дѣло: стра
...чуть потому, что тутъ нѣтъ и признаковъ человѣчности
...тъ одна лишь ужасная пустота, мрачная, глухая и безчувств
...Удержать занесенную надъ жертвой смертоносную р
...тъ здѣсь одно только темное, трусливое чувство страха
...аніе неудачи задуманнаго плана, чѣмъ и объясняется
...о нападающее на убійцу, въ рѣшительный моментъ, коле
...и — отсюда спасеніе жизни подвергающихся покушен
...этимъ же объясняются и тѣ несчастные случаи, гдѣ уб
...о является печальнымъ и неожиданнымъ сюрпризомъ для

мого убійцы, который, подъ вліяніемъ безотчетнаго страха и второпяхъ, не соблюлъ извѣстной мѣры — лишній разъ удрилъ или слишкомъ тѣсно затянулъ петлю и т. п. Самый разительнымъ примѣромъ такого невольнаго пересола было вѣстное, надѣлавшее въ свое время большаго шума, убійство австрійскаго военнаго агента, князя Аренберга. Убійцы имѣли намѣреніе только «оглушить» князя, по ихъ выраженію, въ время грабежа. Оглушить его—они, дѣйствительно, оглушили во время борьбы, но, потомъ, когда онъ впалъ въ обморокъ, они, въ предупрежденіе, чтобы онъ не очнулся и не закричалъ въ моментъ грабежа, завязали ему ротъ платкомъ и спутали поясами руки и ноги. Когда, уже послѣ понижки, имъ объявили, что они задушили князя до смерти, то они выразили крѣпкое сожалѣніе передъ этой прискорбною нечаянностью, во все не входившей въ ихъ расчеты. Нужно замѣтить, что въ моментъ самаго преступленія одинъ изъ убійць, въ торопливости и страхѣ, чуть было не задушилъ, «по нечаянности», своего товарища... Точно такимъ же образомъ, однажды, три молодцовъ, ворвавшись среди бѣлаго дня въ жилище одного вдовоза, съ цѣлью грабежа, сговорились «поддержать за горло» жену его на это время, чтобъ она не помѣшала имъ своимъ крикомъ, безъ намѣренія ее убить... Однако-жь, предосторожность эта была исполнена такъ рѣшительно, что несчастная послѣ того, какъ одинъ изъ грабителей «поддержалъ ее за горло», и не пикнула больше.

Слѣдуетъ замѣтить,—на что указываютъ психіатры и криминалисты, изучившіе процессъ убійства,—что во многихъ случаяхъ у убійцы, колеблющагося и нерѣшительнаго до минуты нападенія, мгновенно просыпается свирѣпость и звѣрская энергія послѣ перваго удара, послѣ того, какъ онъ увидитъ кровь. Кровь жертвы имѣетъ въ себѣ, въ данномъ случаѣ, что-то опьяняющее, какъ будто ея теплыя брызги ослѣпляютъ и глаза и совѣсть убійцы. Есть тутъ какая-то невидимая, неуловимая внутренняя грань, родъ душевной сдержки, сорвавшись съ которой, человѣкъ окончательно разнуздывается и уже безъ оглядки, съ слѣпой страстностью стремится, по инерціи, до крайняго предѣла совершаемаго зла, утонуть въ крови. Вслѣдствіе этого, нерѣдко вы встрѣтите въ лицѣ безжалостнаго

столбыхъ, кровожадныхъ убійцъ — людей очень смиренныхъ, откихъ, незлобивыхъ и нерѣшительныхъ въ обыкновенномъ ническомъ состояніи. Составилось мнѣніе, что убійцами мотъ быть только люди энергическіе, твердаго и рѣшительго характера. Это — далеко не общее правило. Напротивъ: въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, къ убійству приводятъ именно абохарактерность, малодушіе и нравственная дряблость чевѣка, поставленнаго въ роковыя условія, которымъ онъ безъ оръбья покоряется. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о ольшинствѣ «подручныхъ» соучастниковъ убійствъ, обагрятыхъ свои руки въ крови, подъ вліяніемъ чужой воли, изъ оражанія, а нерѣдко—просто—по приказанію кововода. Но есть лучай, гдѣ слабость характера является благодарной почвой для амостоятельно-предпринимаемаго преступленія, потому только, го слабый, нравственно дрянной чловѣкъ не въ силахъ расутать оцѣпившую его сѣть роковыхъ обстоятельствъ и, вслѣдгвіе именно слабости, выбираетъ самый короткій для этого уть, хотя бы онъ былъ и кровавый.

Изучая механической процессъ убійствъ, мы встрѣчаемся аще всего съ вышеуказаннымъ ожесточеніемъ, мгновенно овлаѣвающимъ убійцей въ моментъ самаго преступленія. Очень ѣдко убійца ограничивается однимъ, хотя бы и навѣрняка, мертльнымъ ударомъ, наносимымъ жертвѣ; еще болѣе рѣдки лучай, чтобы, послѣ нанесенія перваго удара, страшная картина его смертоноснаго результата — жалкій безпомощный и традающій видъ жертвы, возбуждающей жалость, останавливалъ убійцу и побуждалъ бросить начатое ужасное дѣло. Безъ омѣннн, въ эту минуту имъ овлаѣваетъ ужасъ, западающій съ большей или меньшей степени въ душу самаго холоднаго, акоренѣлаго злодѣя; но этотъ-то ужасъ, по странному противомѣчю чловѣческаго психозиса, и дѣйствуетъ тутъ болѣе всего возбуждающимъ образомъ. Овлаѣваетъ слѣпое желаніе проанать его, покончить съ нимъ скорѣе, потому что уже нѣтъ возврата, потому что уже страшное дѣло начато... И вотъ, въ пароксизмѣ этого мрачнаго душевнаго состоянія, убійца начинаетъ сыпать удары на бездыханную жертву, хотя бы и соннавая, что она уже не встанетъ и не помѣшаетъ грабежу. Нанесеніе лишнихъ ударовъ, безъ нужды для цѣли убійства, со-

ставляетъ самое обычное явленіе въ этого рода
яхъ. На трупы иныхъ жертвъ страшно бываетъ въ
того они изувѣчены и покрыты жесточайшими ранами.

Для полноты характеристики собственно не
ныхъ, случайныхъ убійствъ съ цѣлью грабежа, у
на слѣдующія ихъ особенности. Въ большинствѣ
всего, бросается въ глаза поразительное ничтож
въ смыслѣ матеріальномъ. Дорогой цѣной жизни
ской покупается здѣсь очень часто совершенно
быча, и—что всего ужаснѣе—убійца заранѣе знает
мость ей грошъ. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ,
дѣли, что убійства совершаются изъ-за какихъ н
ненькихъ серебряныхъ часиковъ, изъ-за нѣскольк
часяихъ грошей загуляваго мастераго. Затѣмъ
вѣстны случаи, гдѣ убійцы руководились соблазномъ
убитой жертвы новую чуйку, пиджакъ, и ничего
харка, о которой мы упоминали выше, убила сво
ницу, между прочимъ, изъ желанія смѣнить свою
ную рубаху—на исправную и чистую. Едва покончи
вой, она идетъ къ комоду, беретъ подмѣченную ра
вившую ее рубаху, и тотчасъ-же надѣваетъ ее. У
хватываетъ и остальные рубахи жертвы, вмѣстѣ
шими ей подъ руку салфетками, и всю эту добычу
за нѣсколько рублей... Невольно ужасаешься это
дешевизнѣ жизни человѣческой съ точки зрѣнія о
убійцъ, рѣшающихся покушаться на нее изъ-за с
и ничтожной корысти! Но насколько-же, значить,
столюдинъ, говоря вообще, не избалованъ на этот
сколько низки его потребности и самое представл
ности, о деньгахъ!.. Нужна долгая школа непрох
ности и страшной нищеты, чтобы въ соблазнѣ м
рѣшенія нѣсколькихъ рублей—находить достаточно
для покушенія на смертоубійство... Впрочемъ, вотъ
ставной мелкій чиновникъ,—человѣкъ, повидимому
и нѣсколько образованный,—точно также, въ одну
задушилъ своего пріятеля и сосѣда по комнатамъ
гарни», изъ-за поношенной, дрянной емотовой п

ительно ради веселой эротической экскурсиі въ домъ терпимости, тотчасъ-же имъ и совершенной послѣ убійства.

Нужно замѣтить, что подобная увеселительная цѣль составляетъ господствующій побудительный мотивъ въ большинствѣ незапныхъ, непредназначенныхъ убійствъ съ корыстной цѣлью. Истомленный голодомъ и нуждою убійца, но, конечно, субъектъ развратный и познавшій цѣну лакомой городской «гульбы», ради вкушенія послѣдней, ради минутнаго, грубаго чувственнаго наслажденія, безъ оглядки, безъ размысленія о послѣдствіяхъ, рѣшается на тяжкое преступленіе. Что будетъ послѣ, кроется или нѣтъ слѣдъ его злодѣянія, — ему, въ данную минуту, нѣтъ заботы; въ мозгу у него засѣла одна цѣль, одно желаніе—приобрѣсть, во что бы ни стало, въ свое распоряженіе нѣсколько рублей, достаточныхъ для того, чтобы «погулять», соть денекъ, хоть часокъ, на свободѣ и въ свое полное удовольствіе. Полиція, сказать мимоходомъ, давно подмѣтила прѣобладаніе этого чудовищнаго, по легкомыслію, мотива въ большинствѣ заурядныхъ убійствъ и грабежей въ столицѣ. Поэтому, при обнаруженіи убійствъ такого рода, она прежде всего бросается искать ихъ виновниковъ въ разныхъ кабакахъ, трактирахъ и публичныхъ домахъ, пользующихся извѣстной популярностью въ средѣ подонковъ столичнаго населенія. Поиски эти всегда почти кончаются полнымъ успѣхомъ. Расчетъ полиціи, въ этихъ случаяхъ, большею частью безошибочный: убійца данной категоріи, который тоже отлично знаетъ, гдѣ именно станутъ его искать и въ какой степени посѣщаемыя имъ мѣста опасны для него, — тѣмъ не менѣе никакъ не можетъ устоять предъ искушеніемъ воспользоваться безотлагательно плодами своего преступленія для дешевой пьяной «гульбы», ради которой онъ и омочилъ свои руки въ крови...

Вл. Михневичъ.

Сцены изъ жизни Гарибальди.

XIV.

Прошло около пяти мѣсяцевъ. Пій IX бѣжалъ съ Бурбономъ въ залъ конституціоннаго собранія, собралось сорокъ народотовъ. Между этими депутатами, одѣтыми въ черное платье, вилась красная рубашка Гарибальди. Съ трибуны говорилъ Армеллини: «Священная лига умножается и объединяется, нуть и уничтожить угнетателей народа. Вы находитесь, грядущіе гробницы двухъ великихъ эпохъ. Съ одной стороны стоятъ Италия цезарей, съ другой, развалины Италии па васъ лежитъ обязанность воздвигнуть новое зданіе на этихъ Италия и народъ!»

Раздались оглушительные аплодисменты.

Когда стали собирать голоса депутатовъ, принцъ Бани и закричалъ: да здравствуетъ республика! Пришла очередь Онь всталъ и воскликнулъ: «въ чему терять время въ пимальностяхъ; медлить лишнюю минуту — есть преступленствуетъ республика!»

Было 5-е февраля 1849 года. Въ этотъ день, нѣкто отсрочить окончательное провозглашеніе республики. Однако же на засѣданіи, 8 февраля, республика была провозглашена не смотря на то, что былъ боленъ лихорадкой, отпраиваніе подать свой голось, и говорилъ своимъ друзьямъ:

— Три года тому назадъ, въ этотъ самый часъ, я вѣтлемъ въ Сальто. Да будетъ счастлива наша республика!

Въ то же время, французскіе клерикалы заставили свое послать въ Римъ 40 т. войска подъ начальствомъ генералъ кораблей подъ командой Фрегуара, чтобы водворить папу. Съ этихъ поръ Гарибальди начинаетъ дѣйствовать. Съ са

сторонъ Италіи подъ его знамя.

Узнавъ о высадкѣ непріятеля, онъ говорилъ съ презрѣніемъ тѣмъ, кто ему указывалъ, что у него только 500 ружей и 1264 солдата:

— Что жъ дѣлать? Будемъ воевать на ножахъ и камнями.

Мадзини, этотъ великій знатокъ людей, говаривалъ: «Гарибальди имѣетъ способность побѣждать всѣ препятствія. Онъ говоритъ и дѣйствуетъ съ такими чистыми намѣреніями, что весьма немногіе могутъ подражать ему».

Нѣкоторые рѣшительно не знали, какъ себя держать съ генераломъ въ родѣ Гарибальди. Дандоло, бывший его солдатомъ, пишетъ: «по своей патріархальной простотѣ, онъ похожъ на главу какого нибудь индійскаго племени. Онъ и его генеральный штабъ одѣты въ ярко-красныя рубашки, въ шляпахъ разныхъ формъ, безъ всякихъ военнымъ значковъ. Они ходятъ, бѣгаютъ въ полномъ беспорядкѣ то туда, то сюда, дѣятельные, озабоченные, предприимчивые, неутомимые».

Не смотря на весь этотъ видимый беспорядокъ, въ лагерѣ господствовали строжайшая чистота нравовъ и порядокъ. Партія умѣренныхъ его боялась; молодежь и крестьяне обожали его и со всѣхъ сторонъ стекались къ нему въ Римъ, чтобы сражаться подъ его начальствомъ. Между этими юношами былъ нѣкто Лучіано Монора, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей пяти дней въ Миланѣ.

Вечеромъ, 29-го апрѣля, Римъ былъ объятъ ужасомъ и смятеніемъ. Приготовлялись къ защитѣ и строили баррикады. Всѣ были въ страшномъ волненіи. Послышался лошадиный топотъ, и собравшійся народъ, позабывъ свой страхъ, при видѣ скакавшаго на лошади Гарибальди, привѣтствовалъ его восторженнымъ Viva Garibaldi!

Онъ явился въ Римъ, какъ разъ во-время, для защиты вѣчнаго города. День спустя, французы съ 7,000 чел. начали наступленіе. Отброшенные милиціонной гвардіей съ большимъ урономъ, отъ Porta Savergeri, они явились къ воротамъ Санъ-Панкраціо, гдѣ находился Гарибальди съ 300 храбрецовъ, наблюдая за защитой.

Съ этой горстью людей онъ удерживалъ натискъ непріятельскихъ итальянцевъ; видѣлъ въ этой гигантской борьбѣ, какъ палъ подлѣ него вѣрный старшій Монтальди, въ цвѣтущемъ возрастѣ, также пріѣхавшій изъ Америки. Видѣлъ, какъ палъ и другой товарищъ, убитый въ одну секунду съ лошадейю, на которой сидѣлъ. Пушечное ядро, упавши непод-

леку отъ Гарибальди, обдало его порохомъ; поясъ, къ которому цѣплена его шпага, былъ разорванъ мушкетомъ; двѣ другія раны низали его бѣлый плащъ. Большая часть изъ 300 солдатъ ранены въ грудь.

Руки уставали наносить удары. Тогда Гарибальди велѣлъ своимъ отступить и стоять въ резервъ; затѣмъ, собравъ бывшій корпусъ, повелъ его на непріятеля съ такой стремительности, что, смѣшавшись, бросились къ сосѣднимъ домамъ, и Гарибальди продолжалъ преслѣдовать ихъ съ ожесточеніемъ. Наконецъ, нуждены были отступить отъ Рима на далекое разстояніе. Въ памятный бой до 6 часовъ вечера. Французовъ было убито около 600. Эта побѣда не уступала американскимъ сраженію. Гарибальди подошелъ къ раненымъ и, поцѣловавъ ихъ изъ нихъ, съ признательностью сказалъ:

— Утѣштесь друзья! Вы пострадали въ Римѣ, сражаясь за честь Италіи!

XV.

— Итальянцы противъ итальянцевъ!... Пролить братскую кровь? Когда же, наконецъ, мы избавимся отъ проклятій, тяготившихъ Италію?

Такъ разсуждалъ самъ съ собою Гарибальди, направляясь шагами къ виллѣ Боргезе.

Спустя нѣсколько дней послѣ вышеописаннаго нами сраженія съ французами, Гарибальди долженъ былъ идти съ своими войсками противъ неаполитанцевъ, которые, съ королемъ во главѣ, стремились въ римскую область и хотѣли, въ свою очередь, возстановить папскую ранию. Этотъ походъ былъ большой жертвой для чувствительнаго сердца нашего героя. Но всѣ другія чувства нужно было подавить изъ любви къ родинѣ и свободѣ. Онъ выразилъ солдатамъ свои чувства, воскликнулъ: «Къ братоубійству призываетъ насъ король неаполитанскій!»

8-го мая 1849 года, онъ напалъ на неаполитанцевъ въ селѣ Риано; республиканская доблесть одержала побѣду. Пало много храбрыхъ волонтеровъ. 19-го мая, онъ напалъ на неаполитанцевъ при Веллетри. Здѣсь, во время боя, нѣкоторые изъ его солдатъ бѣжали въ бѣгство; онъ сталъ посреди дороги, чтобы ударить ихъ опрокинуть натискомъ. Въ это время, непріятельскія

какали черезъ него, ранивъ его въ колѣно и плечо. Но онъ тотъ же всталъ и показался передъ солдатами въ своемъ бѣломъ плащѣ, оодушевилъ ихъ, и, вмѣстѣ съ ломбардскимъ батальономъ берсальеровъ, тбросилъ непріятеля до самыхъ стѣнъ города. Между тѣмъ, неаполитанскій король со своими батальонами успѣлъ убѣжать. Многие говорятъ, что нетерпѣливость Гарибальди, ускориившаго сраженіе, помѣшала республиканцамъ окружить непріятеля и тѣмъ самымъ отрѣзать ему путь съ отступленію. Другіе же объясняютъ, что генераль Росселли, около котораго группировались военныя власти Рима, не помогъ Гарибальди, — какъ это долженъ былъ сдѣлать, — преслѣдовать бурбонцевъ. Такъ или иначе, но Гарибальди двинулся въ неаполитанское королевство, объявляя ювсюду жителямъ, что онъ явился «поднять знамя объединеннаго отечества». Между тѣмъ поднимался ураганъ со стороны европейскіихъ правительствъ противъ республики. Австріяцы шли на Болонью, испанцы выжигались въ Фьюмичино, французы угрожали нападеніемъ на Римъ. Гарибальди былъ опять немедленно призванъ въ Римъ для защиты города. Онъ едва успѣлъ туда во-время.

Наступила ночь 2-го іюня. Защитники города, которые наблюдали ночью на своихъ постахъ, на виллѣ Памфичи, увидѣвъ направляющееся въ эту сторону знамя, тотчасъ окликнули:

— Кто идетъ?

— Римская республика! было отвѣтомъ.

Знамя двинулось впередъ; за нимъ слѣдовали батальоны: то были шесть тысячъ французскихъ солдатъ, которые, посредствомъ измѣны, овладѣли этимъ постомъ. Крикъ ужаса вырвался изъ устъ всѣхъ гарибальдійцевъ. Самъ Гарибальди находился вмѣстѣ съ докторомъ Рипари, осматривавшимъ его старыя раны. Узнавъ о случившемся, онъ бросился со своими стрелгавъ къ воротамъ Санъ-Панераціо. Французы заняли, кромѣ виллы Памфичи, виллу Валентины и Четырехъ Вѣтровъ. Со всѣхъ сторонъ собрались волонтеры; начался ужасный, гигантскій бой. Гарибальди штыкомъ кололъ безпощадно французовъ.

— Впередъ! впередъ! кричалъ онъ. Отбивайте врага! Въ этихъ стѣнахъ происходитъ защита Рима, поддержите честь итальянскаго оружія!

Генераль Медичи расположился со своими войсками на другой сторонѣ Рима, и занялъ казино *Vascello*, вокругъ котораго кипѣлъ жаркій бой. Въ теченіе 17-ти-часовой стычки, французы потеряли четверо болѣе солдатъ, чѣмъ итальянцы.

Отчаянная битва возобновлялась ежедневно. Гарибальдійцы находились

въ томъ самомъ Римѣ, гдѣ когда-то раненый на смерть гладиаторъ свою скорбь и приготовлялся съ достоинствомъ кончить свое существованіе. 40 т. человѣкъ съ 36 осадными орудіями городъ, и этотъ послѣдній находилъ еще возможность сражаться изъ силъ, безъ надежды на спасеніе.

12-го іюня генераль Удино предложилъ городу сдаться сдается», гордо отвѣчалъ триумвирать. И опять, сильнѣе возобновилась битва. Гарибальди писалъ правительству объ эніи: «Ярость нашихъ была страшно возбуждена: не имѣя пасовъ, храбрецы вооружались камнями и пускали ихъ въ вырывали у него штыки изъ ружей и пускали ихъ въ дѣла

День и ночь бомбардировался городъ, священный не только цевъ, но и для всего образованнаго міра; городъ, гдѣ сочайшія сокровища искусства двухъ эпохъ: классической и А между тѣмъ, ужаснымъ дождемъ бомбъ и гранатъ, разрымятники древности и убивались беззащитныя женщины и дѣ

Медичи держался на своей позиціи въ Vascello 22 сточенно сражаясь. «Объ одномъ этомъ дѣлѣ Медичи можно цѣлый томъ», писалъ Гарибальди. Каждый бастионъ сопр послѣдней степени. Даже дѣти записывались въ число зсгорая желаніемъ запечатлѣть свою кровью потерю респубардскій батальонъ показалъ чудеса храбрости. Одинъ изъ живописецъ Джироламо Индуно, былъ отнесенъ въ госпиталь нами, нанесенными штыкомъ. Бертони спасъ его, вылѣч 4-го іюня этого года, онъ оплакивалъ своего Гарибальди в жественной похоронной церемоніи, совершавшейся въ Милан

Вечеромъ 29-го іюня, въ день св. Петра, Римъ иллюмин и въ прежніе годы. Античный стоицизмъ!

Но вдругъ поднялась страшная буря. Удары грома разры городомъ съ ужасной силой, свѣтъ молніи смѣшался съ о Французы, воспользовавшись ураганомъ, попытались нанес камъ города послѣдній ударъ. Гарибальди, его сподвижникискій батальонъ удерживали позицію на виллѣ Spada. Бвали стѣны. Но на это не обращали вниманія защитники пуль и пороху, они убивали и ранили штыками, саблями Негдѣ было ступить: все пространство было усыяно мертвыными. Въ эту ночь Гарибальди былъ ужасенъ! Его сабля, мовому удару, поражала враговъ. Онъ казался Леонидомъ, з

ногахъ, спокойный, ясный, неуязвимый, какъ судьба» (писалъ о немъ Веки). Въ его погамъ упалъ молодой Морозини; немного поодаль его, вѣрный мавръ, Андрей Англяръ, палъ съ раздробленною бомбой головою. Лучіано Монора, видя эту рѣзню, отчаявшись спасти Римъ, закричалъ: «Неужели для меня пуля не отлита?» Въ эту самую минуту, желанная пуля поразила его въ грудь.

Въ то время, какъ онъ падалъ сраженный, въ римскомъ собраніи было рѣшено не сдаваться, но прекратить защиту города, ставшую невозможной. Протестовали Мадзини и Гарибальди.

XVI.

Анита, избѣжавъ опасности, благополучно добралась, черезъ непріятельскіе кордоны, до своего Джузеппе. Черезъ два мѣсяца, она вновь готовилась стать матерью.

— Вѣрь мнѣ, Анита, говорилъ ей Гарибальди; мы здѣсь находимся не въ обширныхъ стенахъ твоей Америки. Осада продлится довольно долго... Я боюсь за тебя, моя дорогая!.. ты скоро должна родить: побереги себя, ради нашего ребенка!

— Ты не хочешь, чтобы я была подлѣ тебя, съ горемъ отвѣчала Анита:—Ищешь предлоговъ отдалить меня! О, я хорошо понимаю, ты сомнѣваешься въ моемъ мужествѣ! Но развѣ раньше я не переносила всевозможныхъ лишеній? Солдатская жизнь, жизнь на лошади—развѣ не страсть моя? Что значать для меня трудъ и лишенія, когда я ихъ буду раздѣлять съ тобой?

Французы готовились войти въ Римъ, когда Гарибальди, собравши всѣхъ своихъ солдатъ на площади св. Петра, обратился къ нимъ съ этими словами, полными спартанской простоты и величія:

— Солдаты! Вотъ что хочу я предложить тѣмъ, кто послѣдуетъ за мной: голодъ, холодъ, зной. Ни жалованья, ни казармъ, ни боевыхъ снарядовъ: но непрерывныя стычки и утомительныя передвиженія. Кто любитъ славу и отечество, слѣдуй за мной?

— Идемъ! Идемъ! закричали тысячи голосовъ.

Почти 4 тысячи человекъ послѣдовали за нимъ. Бромъ Аниты, съ нимъ поѣхали также Чичеровакіо и священникъ Уго Басси. Гарибальди былъ совершенно безъ гроша денегъ. Для продовольствія солдатъ онъ

аясь медленно, такъ какъ вода была по поясъ. Одинъ другъ къ ему кабриолетъ: въ немъ-то и вѣхала теперь Анита.

Какой то крестьянинъ остановился на дорогѣ и смотрѣлъ на это странное шествіе.

— Ради Бога, обратился къ нему Гарибальди, спасите эту женщину. не прошу ничего для себя, но умоляю за нее. Жажда ее измучила. Дайте ей хоть нѣсколько капель воды и позвольте отдохнуть немного.

— Я не хозяинъ этого домика, отвѣчалъ крестьянинъ, но сейчасъ иду и позову Равалью.

Съ фермы вышла женщина и, подошедши къ Анитѣ, содрогнулась въ жалости и состраданія.

— Бѣдняжка! вскричала она.—Пуститься въ дорогу въ подобномъ положеніи. Но вѣдь это значить идти на вѣрную гибель. Какое счастье, о у насъ случился докторъ, призванный для хозяйки! Сейчасъ же поведу его сюда!

Въ самомъ дѣлѣ, на фермѣ находился докторъ Наннини, изъ Сантъ-Амберто, призванный для больной жены фермера. Онъ тотчасъ же приѣхалъ сюда и, посмотрѣвши на Аниту, сказалъ:

— Она умираетъ!

Подойдя къ Гарибальди, онъ проговорилъ вполголоса:

— Неужели это вы? лицо... борода... вы? Гар...

— Молчите, изъ сожалѣнія къ ней! прошепталъ Гарибальди. Вы знаете, что враги меня преслѣдуютъ, и всѣ тѣ, кто окажетъ мнѣ помощь, будутъ наказаны. Не разоблачайте меня!

Подошелъ фермеръ Джузеппе Равалья и, вмѣстѣ съ другими, приготовлялся перенести Аниту въ верхнюю комнату, гдѣ была приготовлена постель. На тревожные вопросы Гарибальди, докторъ отвѣчалъ, что альпѣйшая опасная лихорадка подтачиваетъ жизнь Аниты.

Съ величайшей предосторожностью, поднялъ изгнанникъ умирающую а ея тюфякѣ, Равалья поддерживалъ ея ноги. Начали медленно входить а лѣстницу. Но едва они поднялись на нѣсколько ступеней, какъ Анита удорожно заметалась.

— Джузеппе! вскричала она:—дѣти!..

Еще нѣсколько конвульсивныхъ движеній, и, какъ сраженная, Анита вытянулась на своемъ соломенномъ ложѣ. Она скончалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, она не умерла! кричалъ Гарибальди. Понесемъ ее вверхъ. Это просто обманъ... она столько выстрадала, моя бѣдная Анита! Она придетъ въ себя: она сильна... Говорю вамъ, она не умерла!

Это невозможно... наше существование так тѣсно связано со смертью повлекла бы за собою и мою. Посмотри на меня, крой глаза... говори же... вздохни...

Отчаяніе Гарибальди доходило до безумія. Онъ рыдалъ поцѣлуями жалкую одежду своей Аниты! Къ нему подошелъ Леджеро и тихо сказалъ:

— Заклинаю тебя именемъ Италіи, дѣтьми твоими, пора! насъ могутъ схватить австрійцы.

Онъ приподнялся съ колѣнъ. Задышавшись, упавшимъ попросилъ стаканъ воды. Напившись, онъ поднялъ взоръ въ послѣдній разъ взглянулъ на свою Аниту, и, подавляя давленія, направился къ выходу. Въ дверяхъ онъ остановился, единственное кольцо, подаренное ему когда-то Анитой, перому фермеру Равалья.

— Нѣтъ, сказалъ честный крестьянинъ,—храните это оно для васъ священо.

Смерть Аниты составляло такое важное событіе въ то время, что мы считаемъ нужнымъ привести относящійся къ этому событію сказъ самого Гарибальди, написанный имъ еще до 1859 года, когда начинается освобожденіе Италіи.

«Извѣстія о первыхъ реформахъ, сдѣланныхъ въ Италіи въ 1848 году, возбуждали въ сердцахъ изгнанниковъ чувства глубокой скорби, побуждали ихъ переплыть океанъ, чтобы поддержать святое дѣло. Анна съ малютками отправилась въ путь предвѣстницы, и пріѣхала въ Геную въ началу возрожденія, когда общала нашему несчастному народу единство, желанное въ то время въ всѣхъ вѣкахъ».

«Въ то время, когда я оставался въ Ломбардіи, Анна отправилась съ дѣтьми на жительство въ Ниццу, гдѣ ревностно переносила мое отсутствіе. Когда же она узнала о томъ, что въ Генуѣ, немедленно пріѣхала ко мнѣ и потомъ сопровождала меня въ Флоренцію. Во второй разъ она пріѣзжала ко мнѣ въ Римъ, гдѣ слѣдуетъ ей третья печальнѣйшая поѣздка въ Римъ, куда она отправилась, сохраняя инкогнито, перешедши черезъ французскіе ряды, съ необходимостью ухода за моею раной».

«Я рѣшился искать счастья внѣ Рима, послѣ того, какъ австрійское войско принуждено было уступить. Анна за

гь за мною и раздѣлить опасности труднаго предпріятія. Напрасно я говаривалъ, напрасно указывалъ ей на то, что въ беременномъ со-
ояніи она не сможетъ перенести трудностей долгаго перехода. Я стра-
хъ отъ ея близости и искалъ тысячи разныхъ предлоговъ удалить
ея. Но она отвѣчала на мои мольбы: «Неужели ты во мнѣ сомнѣ-
ешься? Развѣ я не дала тебѣ доказательствъ моего безстрашія? Сраженія
или для меня развлеченіемъ, а лишенія вознаграждались твоей бли-
зостью».

«Я началъ мое отступленіе, послѣ многихъ перипетій, въ Санъ-Марино.
она опасно заболѣла. Я настаивалъ, чтобы она здѣсь осталась, но
злупо. Опасная болѣзнь увеличивалась, но не уменьшалась рѣши-
мость ея не оставлять меня и слѣдовать за мною всюду.

«Отъ Санъ-Марино сильно убавился мой батальонъ, и только съ не-
ограниченными вѣрными друзьями подвигался я впередъ, преодолая настойчиво
ѣ возможные препятствія и опасности отступленія. Мы промучи-
сь цѣлую ночь, снаряжая лодки, долженствовавшія перевезти мой
малочисленный отрядъ въ Венецію. Анна, сидя на камнѣ, печально
отрѣла на наши утомительныя усилія.

«Во время переѣзда моремъ, Анна жестоко страдала и высадилась съ
пряженіемъ силъ на берегъ Мезолы.

«Напрасно бѣдняжка ласкала себя надеждой, что на землю сойдеть
она здоровѣе. На землѣ для нея была уже готова могила!

«А между тѣмъ, о, возлюбленная моя Анита, несвобожденная земля
крывааетъ все еще твои драгоценныя останки! Но близокъ часъ воз-
вращенія! Италія скоро будетъ свободна, а съ нею вмѣстѣ и твой гробъ;
какъ отдать его твоимъ дѣтямъ, несравненная мать!

«Равенцы! Вы сохраняете съ гордостью прахъ Данте, этого колосса
итальянской поэзіи. Умоляю васъ! соберите кости этой мученицы за иску-
шеніе народа, раздѣлявшей вмѣстѣ со мною всѣ ужасы войны за
итальянское освобожденіе, и сохраните ихъ! Вы сдѣлаете святое, благо-
дѣтельное дѣло! Всѣ итальянцы, знавшіе ее, всѣ любящіе свое отечество
вмѣстѣ съ ея сиротами будутъ благословлять васъ.

«Ея дѣти и я будемъ молить Всевышняго о ниспосланіи благословенія
на васъ. Вы заслужите не только благодарность Италіи, но также и
самаго Свѣта, бывшаго для нея и дѣтей ея колыбелью.

«Пусть легка будетъ надъ тобою равенская земля, достойная дочь
мериванскаго народа!»

Нѣсколько дней спустя послѣ смерти Аниты, чело- и сильный на видъ, но съ лицомъ чрезвычайно блѣдн уходилъ изъ Моденскаго герцогства. Дорога, по кото- была совершенно пустынна, но спустя нѣсколько вре- лась толпа солдатъ, горланившихъ и изрыгавшихъ ства. Австрійцы были направлены повсюду, гдѣ толь балды. Человѣкъ, о которомъ мы упоминали выше, лекомъ разстояніи харчевню, вошелъ въ нее, что подозрѣніе солдатъ. Едва онъ расположился у стол нѣсколько крѣпостей.—Я открытъ! сказалъ про се- приготовился къ защитѣ.

Полуцыяныя солдаты сѣли у сосѣднаго стола и, носимое имъ дрожащимъ отъ страха хозяиномъ, кри-

— Ну, Г а р и б а л ь д и! ты попадешься въ на найдемъ...

Гарибальди всталъ и потихоньку проскользнулъ в- Спустя немного, онъ былъ уже далеко отъ своихъ пробираясь полями впередъ.

Не правда, (какъ нѣкоторые утверждали), что одѣвался монахомъ. Уважаемый священникъ Доне дававшій ему убѣжище въ своемъ домѣ, опровергаетъ нымъ образомъ эту выдумку. Гарибальди и капитанъ всюду, одѣтые въ свое обыкновенное платье. Смѣл- равшіе грозившую имъ опасность, помогали имъ въ б ихъ самоотверженію, Гарибальди могъ наконецъ Порто Венере и добраться до Бьявари.

Народъ радостно толпился вокругъ своего ге- Боссиля, именемъ сардинскаго короля, арестовалъ с карабинеровъ препроводилъ въ Геную. Это былъ зв- пьемонтскаго правительства за страданія и жертвы, изъ любви къ Италіи. Но этотъ недостойный поступокъ парламентъ; въ засѣданіи 10-го сентября, депутаты, упрековъ, обращенныхъ къ министру Пирелли, сдѣл- которомъ значилось, что «арестъ генерала Гарибальди- ніемъ изъ Пьемонта были нарушеніемъ правъ, об- туціей, и оскорбленіемъ чувства итальянской чести

Но и послѣ этого, его не выпустили изъ заключенія. Многіе отправились въ тюрьму посѣтить его, и никто не слышалъ отъ него ни за жалобы или негодованія противъ своихъ гонителей. Онъ словно не бѣчалъ, что находится въ плѣну, и со всѣми говорилъ о будущности лии.

— Не теряйте надежды, говорилъ онъ, приготовляйтесь къ борьбѣ національную независимость. Война эта близка и неизбежна.

Министерство, не смотря на парламентское постановленіе, хотѣло довадить его подальше; но, передъ отъѣздомъ, Гарибальди попросилъ позволенія повидаться съ матерью и дѣтьми. Полицейскій служивый сопровождалъ героя, защитника Рима, къ уважаемой старушкѣ, вдовѣ Розѣ. Доброй женщиной было тогда уже 74 года. Она плакала Гарибальди о потерѣ Аниты и обѣщала присматривать за его дѣтьми, бремями ея любви и попеченію.

— Если намъ съ тобой не суждено будетъ увидѣться на землѣ, говорила она, прощаясь съ нимъ, — и я, по возвращеніи твоёмъ въ родной домъ, буду покоиться на кладбищѣ, то вспоминай иногда обо мнѣ, которая такъ много тебя любила.

Гарибальди былъ привезенъ на кораблѣ въ Тунисъ. Но тунисскій султанъ, опасаясь затрудненій, не позволилъ ему жить въ городѣ. Изгнанникъ перешелъ изъ Мадалены въ Гибралтаръ, изъ Гибралтара въ Тангеръ, наконецъ, въ одинъ прекрасный день высадился въ Нью-Йоркѣ.

Здѣсь, въ одной наименѣе населенной части города, находилась свѣчная фабрика и табачный магазинъ. Гарибальди работалъ на фабрикѣ, генераль Авеццана сортировалъ сигары въ табачномъ магазинѣ. Одинъ морской офицеръ, старый пріятель Гарибальди, проѣздомъ черезъ Нью-Йоркъ отправился на фабрику повидаться съ нимъ, и засталъ его засученными рукавами, обмакивавшего свѣчную свѣтильню въ кипящее сало. Увидѣвши друга, Гарибальди вскричалъ:

— О, мой милѣйшій, благодарю, что ты навѣстилъ меня! Охотно нялъ бы я тебя, еслибъ не былъ запачканъ. По правдѣ сказать, я задыхаюсь отъ этого ремесла. Мнѣ нуженъ воздухъ, движеніе, просторъ, море. Идѣюсь, мы скоро увидимся на морѣ!

И въ самомъ дѣлѣ, немного спустя, онъ оставилъ свѣчную фабрику и принялъ команду на коммерческихъ судахъ, совершавшихъ плаваніе въ Лиму и Китай. Въ 1854 году, увѣренный, что можетъ безопасно, не подвергаясь преслѣдованіямъ правительственныхъ властей, увидѣть свое отечество, онъ возвратился въ родную Ниццу. Но, увы!

на берегу не встрѣтила его сѣдая старушка-мать; она марта 1852 года, въ день именинъ Гарибальди, бла смертномъ одрѣ своего возлюбленнаго Джузеппе. Съ тѣх марта было всегда для Гарибальди и днемъ приѣма по днемъ печали, и тысячи телеграммъ и поздравительныхъ ярыя онъ обыкновенно получалъ въ этотъ день своихъ им усиливали горечь воспоминанія.

Въ родномъ домикѣ онъ нашелъ своихъ братьевъ и дѣ бальди было четверо братьевъ. Анджело, его старшій бра въ торговья предпріятія, нажилъ состояніе и умеръ сард судомъ въ Америкѣ. Микеле, меньшій послѣ Дж. Гари морскимъ капитаномъ: онъ умеръ 22-го іюля 1866 г. Фе изъ братьевъ, занимался торговлей; онъ умеръ на рукахъ въ ноябрѣ 1855 года. У синьоры Розы была еще дѣв послѣдняя по какому-то случаю обожглась и умерла. Е оставилъ герою маленькое наслѣдство и, благодаря этому о Гарибальди могъ купить часть острова Капреры, на котор ніе многихъ лѣтъ, смотрѣлъ, какъ на желанное мирное треволненій жизни.

Въ этому періоду жизни Гарибальди примѣшивается знак ной женщиной. Въ Лондонѣ онъ познакомился съ одной о знатной вдовой, обладавшей большимъ состояніемъ. Онъ вла и предложилъ ей сдѣлаться его женой. Она съ радостью предложеніе и послѣдовала за нимъ въ Италію. Въ теченіи они были женихомъ и невѣстой, но было нѣчто такое, ч ихъ опасаться связать себя на всю жизнь неразрывнымъ вращалась въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ и с законы и этикеты; онъ же старательно избѣгалъ церемонны собраній и предпочиталъ имъ простыя народныя развлеченіи пріѣхалъ, въ 1856 году, въ Лондонъ для заключенія брака изъ дому своей невѣсты, въ ужасѣ.

— Слишкомъ пышно, тщеславно, говорилъ онъ. Лакеи глазахъ и ходить слѣдомъ за мной, Приходится три часа домъ; не знаешь, въ которомъ часу доберешься до постели... ной жизни убилъ бы меня.

Свадьба разстроилась. Гарибальди, между прочимъ, с аристократическія связи не помѣшали ему посвятить себя вс

онъ уже предчувствовалъ, что часъ народнаго отмщенія приближится.

XVIII.

Гарибальди, обладавшій величайшимъ практическимъ смысломъ, хоть, чтобы первое движеніе Италіи привело уже къ полезному результату. Поэтому онъ писалъ синьорѣ Джесси Уайтъ Маріо, 3-го февраля 56 года, слѣдующія слова, дающія ключъ къ разгадкѣ его дальнѣйшаго образа дѣйствій:

«Въ Пьемонтѣ находится 40-тысячное войско и честолюбивый копь: это—элементы инициативы и успѣха, въ которые вѣруеть въ стоящее время большая часть итальянцевъ».

Одушевленный этими чувствами, онъ вступилъ охотно въ члены итальянскаго національнаго общества, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Георгія Паллавичино. Программа общества была слѣдующая: «ставить впереди всего, не смотря на предрасположеніе къ той или другой политической формѣ, великій принципъ независимости единства Италіи; быть заодно съ Викторомъ Эммануиломъ, пока онъ будетъ съ Италіей, насколько позволяютъ границы благоразумія».

Буря поднималась противъ Австріи. Наступилъ 1859 годъ. Викторъ Эммануилъ призвалъ къ себѣ Гарибальди въ январѣ. Послѣ разговора королемъ, выйдя съ веселымъ лицомъ изъ кабинета, герой сказалъ Бертони:

— На этотъ разъ что-нибудь да будетъ. Скажи друзьямъ, чтобы и были наготовѣ. Нужно соединиться всѣмъ намъ, если мы желаемъ дѣлать Италію объединенной. Разсчитываю на васъ и прочихъ друзей.

— А французы? спросилъ его Бертони, пожимая ему руку и намекая на осаду Рима.

— Чѣмъ больше будетъ насъ, тѣмъ меньше мы будемъ нуждаться въ нихъ, отвѣтилъ Гарибальди.

Затѣмъ, озабоченный мыслью объ освобожденіи Италіи, онъ сталъ звывать передъ Бертони свои планы, свои надежды.

— Ты увидишь, заключилъ онъ:—цѣлые батальоны гражданъ двинутся съ неудержимымъ стремленіемъ противъ австрійцевъ; увидишь Италію, освобожденную нашими руками. Но мы должны быть все равно и хорошо вооружены, если не желаемъ чужой помощи.

Наполеонъ III и Ламармора были противъ сформированія волонтерскихъ корпусовъ, по мотивамъ, легко понятнымъ. Но Кавуръ имѣлъ

уполномочивался сформировать волонтерскій отрядъ, под альпійскихъ стрѣлковъ. Онъ тотчасъ же призвалъ въ себя друзей: Козенца, Медичи, Ардино, Нино Биеціо, Савви. Докладъ было поручено завѣдывать походными лазаретами.

Энтузіазмъ, произведенный именемъ Гарибальди, былъ Толпы бѣжали зачисляться подъ его знамя; дворяне и профессора, архитекторы, инженеры, адвокаты, живописцы—все лица, занимающія выгодныя мѣста и почетное положеніе въ обществѣ, чтобы получить оружіе. Бѣдные крестьяне отдавали свою жизнь на защиту. Безбородые юноши умоляли принять ихъ въ ряды волонтеровъ, Гарибальди велѣлъ внести имена ихъ въ списки волонтеровъ, Римъ онъ видѣлъ дѣтей, исполнявшихъ трудныя работы. бавляетъ:

«Много нужно было имѣть снисходительности во время станованія новобранцевъ, потому что мольбы и жалобы были такъ горьки, трогательны, убѣдительно, что станов за нихъ. Каждый изъ нихъ говорилъ: «Увидите, я нат увидите».—И это было справедливо.—Многіе изъ отвергну лѣзни все-таки послѣдовали за войскомъ, и я видѣлъ дившими Альпы и сражавшимися между горными ледниками время, лѣча больныхъ и раненыхъ, я изумлялся терпѣнію они переносили жесточайшія мученія».

XIX.

23-го мая, лагерь альпійскихъ стрѣлковъ былъ въ бол ній. Звонили къ сбору. Импровизированные солдаты спѣшили свое оружіе...

— Скорѣе! скорѣе! въ походъ! говорили офицеры.

— Куда же мы идемъ?

— Это тайна! Гарибальди знаетъ куда, и довольно.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ были готовы; двинулись достойно забились сердца волонтеровъ: «Наконецъ, идемъ сра ва Богу, жизнь въ казармѣ кончилась!» говорили они ти гому.

— Тише! скомандовали вдругъ офицеры. Въ походъ в ваютъ.

грялъ и поддерживалъ энтузіазмъ въ другихъ. 24-го они наконецъ приблизились къ озеру Лаго-Маджоре. «Тамъ ломбардская земля!» говорили юноши, а другіе прибавляли: «тамъ нашъ домъ, тамъ наши бѣдныя, вздыхающія по насъ, матери». Здѣсь были приготовлены баркасы, на которыхъ волонтеровъ перевезли на другой берегъ. Въ Сесто-Календе находился первый аванпостъ австрійцевъ. Эти послѣдніе, при видѣ красныхъ рубашекъ гарибальдійцевъ, побросали въ страхѣ оружіе и молили о пощадѣ. Граница была открыта. Движеніе Гарибальди было такъ внезапно и смѣло, что австрійцы были совершенно сбиты съ толку. Между тѣмъ онъ издалъ манифестъ, въ которомъ призывалъ ломбардцевъ къ возстанію. «Къ оружію! взывалъ онъ:—рабство должно прекратиться! кто можетъ владѣть оружіемъ и не возьмется за него въ настоящую минуту, тотъ измѣнникъ».

Въ свою очередь и свирѣпый австрійскій фельдмаршалъ Гулай, внѣ себя отъ гнѣва, также издавалъ прокламаціи; но эти прокламаціи были замѣчательны лишь по своей нелѣпой жестокости. «Даю честное слово (объявлялъ онъ), что всѣ тѣ мѣста, гдѣ жители пристанутъ къ революціи, будутъ преданы огню и мечу». Онъ призвалъ кровожаднаго, жестокаго генерала Урбана и послалъ его противъ Гарибальди.

— Клянусь вамъ, сказалъ Урбанъ Гулаю, что я схвачу и черезъ нѣсколько дней повѣшу Гарибальди и всѣхъ его разбойниковъ.

Не теряя времени, Урбанъ двинулся къ Варезе, оставляя на своемъ пути слѣды разрушенія и грабежа. Но Гарибальди, съ помощью храбрыхъ гражданъ города Варезе, сдѣлалъ всѣ приготовленія, чтобы достойно принять австрійцевъ. Капитанъ де-Кристофорисъ разбилъ австрійскій авангардъ и быстро отступилъ. Другіе альпійскіе стрѣлки поджидали неприятеля за баррикадой, устроенной на дорогѣ изъ Варезе въ Комо. Они допустили австрійцевъ приблизиться къ баррикадѣ и встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Между тѣмъ Гарибальди, съ остальными, наиболѣе испытанными стрѣлками, вышелъ осторожно изъ города, взялъ немного въ сторону и, нападши на австрійцевъ съ фланга, привелъ ихъ въ смятеніе и обратилъ въ бѣгство. Неприятель оставилъ на полѣ сраженія много оружія, раненыхъ и мертвыхъ. Изъ волонтеровъ убито было трое; въ томъ числѣ Эрнесто Кайроли. Это сраженіе происходило 25-го мая.

Урбанъ бѣжалъ къ Комо, внѣ себя отъ бѣшенства. Р а з б о й н и к ъ

побѣдилъ его! Оказывалось, что данную Гуалаю клятву не жать. Едва Гарибальди услышалъ, куда онъ отступаетъ, шилъ двинуться къ Комо. Однимъ изъ лучшихъ стратегическихъ было Санъ-Фермо, мѣсто возвышенное, холмистое и вавшее надъ дорогами, ведущими въ Комо. Гарибальди отида. Австрійцы поджидали его. Едва гарибальдійскіе развѣдчики въ Кавалласкъ, какъ ихъ встрѣтили ружейные выстрѣлы. Отрядмый капитаномъ де-Кристофорисомъ, атаковалъ непріятеля другіе два отряда бросились на австрійцевъ съ обѣихъ стор

Перестрѣлка усиливалась все болѣе и болѣе... Де-Криствоспламененнымъ взоромъ, съ обнаженной шпагой въ руке своихъ двинулся впередъ.—Да здравствуетъ Гарибальди! впокликнулъ онъ. Шедшіе за нимъ офицеры и солдаты вторилитрясаи воздухъ громкимъ ура. Градъ картечи обдалъ эту брецовъ, пали нѣкоторые офицеры и солдаты.

— Впередъ храбрецы, впередъ! слушайте! впередъ!

Санъ-Фермо было взято, но эта побѣда куплена дорогой храбрые де-Кристофорисъ, Педотти, Картельери и другіе хррибальдійцевъ было три тысячи, австрійцевъ 8 тысячъ; ноіе, разбитые на голову, растерянные, обратились въ бѣгетвное сраженіе при Санъ-Фермо происходило 27-го мая.

Раненые были на попеченіи доктора Бертони въ Кавалляжка Картельери настойчиво спрашивалъ: гдѣ Гарибальди? отвѣчалъ ему Бертони. Тогда раненый поцѣловалъ свою шкомъ: «да здравствуетъ Гарибальди!» и испустилъ духъ.

Гарибальди пытался ночью сдѣлать неожиданное нападенизонъ въ Лавено на Лаго-Маджоре, но, не успѣвши въ этотпавилася въ Варезе. Перваго іюня вдругъ является къ непрекрасной наружности дѣвушка, которая пробралась чртельскіе ряды, обманувши бдительность австрійцевъ. Дѣвушка молодая маркиза Раймонди.

— Идите въ Комо, умоляла она;—придите къ намъ на стрійцы угрожаютъ городу. Избавьте насъ отъ мщенія этровъ.

Гарибальди чрезвычайно понравилась смѣлость этой дѣвшительность, выражавшаяся въ ея дѣйствіяхъ. Быть можетсленно сравнивалъ ее съ своей героиней Анитой, когда тдава его въ сраженіяхъ и была участницей его побѣдъ.

— Скажите жителямъ Комо, отвѣтилъ онъ, — чтобы они стояли твердо и отстаивали городъ до завтра. Вы увидите меня въ Комо съ моими трѣлками.

И дѣйствительно, день спустя, послѣ перехода, который стратеги называютъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ, онъ угрожалъ неприятелю по всей линіи, парализовалъ его движенія и вошелъ почти на его глазахъ въ Комо. Отсюда быстро двинулся онъ въ Лекко; изъ Лекко явился въ Бергамо совершенно неожиданно, и, нашедши на телеграфной станціи австрійскаго чиновника, заставилъ его дать знать о высылкѣ въ Верону 1500 австрійцевъ, какъ бы отъ лица австрійскаго начальства. Комендантъ Вероны попался въ эту ловушку, а Гарибальди сталъ поджидать солдатъ на станціи; но австрійцы, предупрежденные у самаго Бергамо о грозившей имъ опасности, повернули быстро назадъ. Однако много вагоновъ съ солдатами попали въ плѣнъ гарибальдійцамъ. Въ то же время капитанъ Нарчизо Брончетти, менѣе чѣмъ съ сотней человекъ, атаковалъ въ Серіате неприятельскій отрядъ въ тысячу солдатъ, разсѣялъ его и взялъ многихъ въ плѣнъ. Гарибальди назвалъ его «храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ».

Австрійцы думали, что опасность угрожаетъ Трентину и отправили туда наскоро многочисленную войска; но Гарибальди, наоборотъ, двинулся къ Брешии, гдѣ граждане поджидали его, готовые къ возстанію. Онъ явился туда 11-го іюня. Три дня спустя, онъ получилъ увѣдомленіе, что король желаетъ, чтобы онъ перевелъ свою дивизію къ Лонато и самъ подкрѣпилъ ее кавалерійскимъ отрядомъ.

Урбанъ сконцентрировалъ большую часть своихъ силъ на возвышенностяхъ Кастенедоло, и оттуда громилъ гарибальдійцевъ, стоявшихъ фронтонъ противъ въ 10 разъ сильнѣйшаго неприятеля. Напрасно общестные волонтеры осыпали неприятеля картечью и пытались взбираться на холмы. Брончетти палеъ смертельно раненый; Тюрру пуля пронзила лѣвую руку; лейтенантъ Фрадениго былъ убитъ пулей въ горло. Но не взирая ни на что, и раненые, и оставшіеся невредимыми ричали безъ усталы: «Впередъ! впередъ! именемъ Гарибальди!»

Генералъ велѣлъ возстановить въ Беттолетто разрушенный австрійскими мостъ; сюда, наконецъ, пришли обѣщанныя ему подкрѣпленія, благодаря королю Виктору Эммануилу, подстрекавшему Чіальдини помочь волонтерамъ. Не смотря на численное превосходство австрійцевъ, волонтеры удержали свои позиціи.

Въ Ломбардіи прошелъ слухъ, что австрійцы хотять спуститься че-

резь Трентинь и Вальтелину, чтобы тревожить союзников. Гарибальди, послѣ того какъ побывалъ въ Салѣ, гдѣ взорвалъ на воздухъ австрійскій военный пароходъ на Гар, сосредоточилъ свои силы въ Валькомонико: 5-го іюля онъ стрійцевъ, пытавшихся пройти въ Борміо. Онъ мечталъ новыхъ триумфовъ, о близкой возможности разбить цѣпи, сгнѣхъ братьевъ - итальянцевъ, когда его внезапно поразила несчастномъ Виллафранкскомъ мирѣ. Венеціи измѣнили.

XX.

Государь! сказалъ Гарибальди Виктору Эммануилу послѣ скаго мира:—я и всѣ офицеры моего корпуса подаемъ въ

То, что ему отвѣтилъ король, осталось тайной. В былъ успокоенъ и обнадеженъ словами короля, такъ ихъ прокламаціяхъ, какія онъ издавалъ, онъ, казалось, надежды и вѣры въ будущее. Между тѣмъ начались конферрихъ, и Гарибальди снова овладѣло нетерпѣніе.

— Прошу безсрочнаго отпуска! писалъ онъ въ министрему въ отпускѣ отказали; потомъ, послѣ настойчивыхъ тупускъ былъ данъ. Появилось извѣстіе, что Гарибальди, неизвѣстнымъ пьемонтскому правительству, оставляетъ сфимъ корпусъ и отправляется въ Тосканскую область. Отсхалъ въ Романью и помогъ Фанти въ приготовленіи аИталіи.

Въ это время, новыя горькія разочарованія постигли Читатель припомнитъ появленіе молодой красавицы въ Вгерѣ, призывавшей Гарибальди въ Комо, для защиты горэта произвела на героя глубокое впечатлѣніе и онъ думалней новую подругу жизни и утѣшеніе. Онъ женился наслишкомъ поздно узналъ онъ, что она была недостойна ный до глубины души ея обманомъ, онъ, въ самый день проводилъ Маркизъ Раймонди ея дочь и уѣхалъ на Баллотти и своимъ другомъ Бассо.

Негодую на индифферентность итальянцевъ, покорно осовершившимся фактамъ, онъ сложилъ съ себя званіе преціонального общества и основалъ Общество во оружціи, чтобы противопоставить дипломатическимъ тонкостямъ

наго народа. Между тѣмъ прежняя палата депутатовъ была распущена, и онъ, по выбору нѣсколькихъ избирательныхъ округовъ, получилъ мѣсто въ парламентѣ.

Миръ въ Виллафранкѣ отрывалъ отъ него любимый, родной его городъ Ниццу! Гарибальди, съ краснорѣчіемъ пораженнаго въ самое сердце человѣка, говорилъ въ парламентѣ противъ недостойнаго мира и требовалъ отъ имени палаты преданія суду министерства... Это требованіе было принято...

Отъ него отнималась земля, въ которой покоились кости его матери; онъ становился какъ бы чужеземцемъ въ Италіи, въ городѣ, гдѣ родился на свѣтъ Божій, и все-таки онъ, по прежнему великодушный, всепрощающій, приготавливалъ униженной предъ чужеземцами Италіи единство и славу—приготавливалъ экспедицію въ Марсалу.

XXI.

Задумчиво поникнувъ головой, размышлялъ Гарибальди. Предъ нимъ, молчаливо и почтительно, стояли докторъ Бертони, одинъ морякъ и нѣсколько молодыхъ людей. Слышно было, что онъ бормоталъ: «А Кавуръ? А Наполеонъ?» Но вдругъ онъ подошелъ къ моряку и спросилъ:

— Ты мнѣ ручаешься въ томъ, что возстаніе въ Сициліи усиливается?

— Положительно ручаюсь, генераль, отвѣчалъ морякъ.—Я только что оттуда. Розалино-Пило и Коррао, которыхъ я высадилъ на островѣ, направляются на Палермо, бросая сѣмена возмущенія на своемъ пути. Но они падутъ безплодными жертвами, если вы не придете къ нимъ на помощь съ вашимъ именемъ и оружіемъ.

— Хорошо! сказалъ Гарибальди, и обратился къ остальнымъ:— Идете ли вы?

— Непремѣнно! всѣ идемъ, и съ нашими друзьями.

— Съ меня достаточно тысячи человѣкъ; я не желаю болѣе... Теперь полно пустословить.

Такимъ образомъ на Villa Vecchia, въ Кварто, близъ Генуи, гдѣ находился Гарибальди въ апрѣлѣ 1860 года, была рѣшена «экспедиція тысячи». И было уже пора помочь страждущимъ братьямъ. Жители Палермо возстали съ 4-го апрѣля, но рѣзня, происшедшая въ монастырѣ делла-Ганчіа, гдѣ инсургенты нашли убѣжище, и послѣдовавшія за этимъ междоусобіемъ смертныя казни принудили гражданъ умѣрять свою лю-

бовь къ свободѣ. 18-го числа того же мѣсяца, въ Карини са бурбонскими солдатами-грабителями ужасныя, возмутительства. Либералы должны были бѣжать въ горы, гдѣ и претельно поддерживать возстаніе.

4-го мая, вечеромъ, нѣсколько человѣкъ сѣли на стоявшій въ Генуэзской гавани. Онъ назывался Жю этого корабля находились два парохода, Пиемонтъ децъ, принадлежавшіе Рубаттино. Этотъ послѣдній сказалъ: «Берите также и мои пароходы, но распустите захватили ихъ безъ моего вѣдома, чтобы мнѣ не имѣть потомъ хлопотъ съ правительствомъ». Однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ, которые 4-го апрѣля, вечеромъ, овладѣли пароходами Биксіо, который вынулъ изъ кармана полковничью фуражку на голову и вскричалъ съ своей обычной смѣлостью:

— Съ этой минуты команду ю я. Слушаться моихъ приказаній.

Въ одинъ мигъ всѣ вскочили на оба парохода; сталъ огонь и приготовляться къ отплытію. Приготовленія длились всю ночь и на разсвѣтъ, 5-го мая, оба парохода направились въ море, гдѣ должны были принять войска.

Гарибальди стоялъ на берегу, одѣтый въ красную рубашку и плащъ (puncho) со шпагой сбоку. Онъ былъ спокоенъ, и предпріятіе было для него исполненіемъ долга. Позади его шли молодые люди, секретно извѣщенные о предполагавшейся побѣдѣ; были американскіе легіонеры, защитники Рима и Венеціи, швейцарскіе стрѣлки и юноши, не бывавшіе никогда въ сраженіяхъ, рѣшшіе желаніемъ отдать свою цвѣтущую молодость на защиту братьевъ. Здѣсь были уроженцы почти всѣхъ городовъ Италіи.

Въ минуту отбѣзда оказалось, что не хватаетъ рубашекъ на деньги, собранныя національной подпиской для освобожденія отечества.

— Нужды нѣтъ! воскликнулъ Гарибальди. Все равно.

И два парохода, пуская клубы дыма, направились въ море. Въ Таламоне волонтеры овладѣли оружіемъ и боевыми припасами. Здѣсь тысяча раздѣлялись на семь частей, команда надъ которыми поручались Биксіо, Орсини, Стокко, Ла-Мазъ, Анфосси, Беккетто Кайроли; Мосто поручались генуэзскіе карабинеры, въ дѣлѣ главнѣйшимъ штабомъ, Тюрръ былъ сдѣланъ полковникомъ, Ачерби поручена была интендантская часть, а

оставленъ во главѣ санитаровъ. Отсюда Гарибальди послалъ письмо королю Виктору Эммануилу:

«Государь! Крикъ страданія, который изъ Сициліи дошелъ до ушей оныхъ, глубоко трогаетъ мое сердце и сердце нѣсколькихъ сотенъ моихъ товарищей по оружію. Хорошо знаю, что пускаюсь въ рискованное предпріятіе, но возлагаю надежду на Бога, на мужество и преданность оныхъ товарищей». Письмо заключалось заявленіемъ, что лозунгомъ войны будетъ: «Италія и Викторъ Эммануилъ».

Въ то же самое время онъ писалъ Бертони, чтобы тотъ затѣялъ революцію въ центральной Италіи и старался расшевелить національныя чувства итальянцевъ, чтобы создать отечество.

Суда плыли по морю. Пароходъ Пиемонтъ, на которомъ находился Гарибальди, плылъ двумя узлами въ часъ скорѣе Ломбардца: очью 10 мая пароходы потеряли другъ друга изъ виду. Гарибальди, чтобы избѣжать недоразумѣній, думалъ подождать прихода Ломбардца, но приказалъ однако потушить огни, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія крейсировавшихъ непріятельскихъ кораблей. Биксіо, отдавшій тѣ же вымы приказанія на своемъ пароходѣ, увидѣвши черную массу, неподвижно стоящую на водѣ, подумалъ, что это непріятельское судно и то оно хочетъ захватить его пароходъ. Онъ крикомъ разбудилъ волонтеровъ, отдалъ приказанія и командовалъ въ ружью. Какъ вдругъ о него донесся въ ночной темнотѣ голосъ:

— Капитанъ Биксіо!

— Гарибальди! воскликнулъ пораженный Биксіо.

Чуть было тысяча волонтеровъ не сразились между собой.

На разсвѣтѣ 11-го мая, глазамъ нашихъ аргонавтовъ свободы представились веселые, зеленѣющіе берега Сициліи. Была пятница. Гарибальди рѣшилъ высадиться въ Марсальскомъ портѣ. Два бурбонскихъ фрегата, Капри подъ командой Актона, и Танкредъ съ командиромъ Юраччоло во главѣ, стали его преслѣдовать. Но генераль, нисколько не смущаясь, приказалъ высаживаться. Размѣстивъ своихъ волонтеровъ по лодкамъ, которыя находились въ гавани, онъ велѣлъ плыть къ берегу. Съ минуты на минуту они ждали, что бурбонцы своими бомбами пустятъ ко дну ихъ лодки; къ счастью, англичане съ кораблей Intrepid и Argus, стоявшихъ на рейдѣ, уведомили бурбонцевъ, чтобы они не стрѣляли до тѣхъ поръ, пока ихъ офицеры находятся на берегу и могутъ быть задѣты выстрѣлами, и, кромѣ того, не разрушали англійскихъ домовъ, находящихся надъ портомъ. Это замедленіе было

спасительно. Когда же съ королевскихъ судовъ открыли отъ дѣйскіе храбрецы всѣ уже были на берегу.

Въ тысячѣ былъ одинъ сициліанецъ, Пентасулья, ко инспекторомъ телеграфовъ въ Пьемонтѣ. Онъ умѣлъ разбирческіе знаки. Выскочивши однимъ изъ первыхъ изъ лодки, онъ тремя друзьями бросился на телеграфъ. Чиновники вскопсо своихъ мѣсть:

— Ни съ мѣста! крикнулъ Пентасулья.

Подбѣжавъ къ аппарату, онъ увидѣлъ, что послѣднія сѣфируемыя отсюда въ Трапани, были: корабли въ от

Телеграфная станція въ Трапани, видя остановку, спра

— Что же вы молчите? Что новаго? Гдѣ корабли?

— Какіе корабли? спросилъ по телеграфу Пентасулья.

— Корабли, на которыхъ находятся вооруженнычають изъ Трапани): изъ Палермо требуютъ безотлагвѣстій.

— Съ кораблей (телеграфироваль тогда Пентасульнѣсколько тысячъ войска и много пушекъ.

Телеграфистъ въ Трапани подскочилъ на мѣстѣ отъленно онъ послалъ увѣдомить о происшедшемъ комендантаготова была уже двинуться колонна солдатъ, съ тѣмъна измученныхъ усталостью гарибальдійцевъ, но при эсолдаты остановились и заперлись въ казарму.

Въ то время, какъ бомбы падали вокругъ Марсалы, нбеннаго вреда, четыре отряда бурбонскихъ солдатъ бѣжлову, испуганные единственно извѣстіемъ о высадкѣ. Гатѣмъ образоваль временное правительство и обратился нсъ однимъ изъ своихъ краткихъ энергическихъ манифестовъ.

«Сицилійцы! Я привелъ къ вамъ отрядъ храброгошихъ на кривъ Сициліи. Мы теперъ съ вами—не трекромъ освобожденія нашей земли.—Всѣ во едино, и дѣло млегко и скоро. Кто не возьмется за оружіе, тотъ трусоотечеству».

XXII.

11-го была высадка, 12-го волонтеры были въ Салеми, въ Калатафими. Многіе сицилійцы присоединились съ энту

и храбрецамъ. На дорогѣ одинъ францисканскій монахъ бросился къ жоводцу, ѣхавшему верхомъ на лошади.

— Привѣтствую тебя, Гарибальди! воскликнулъ онъ.—Твой приходъ оцнляетъ желанія пророковъ. Ты настоящій Мессія свободы! Позвольте и мнѣ слѣдовать за вами. Съ крестомъ въ одной рукѣ и со святой въ другой, я буду поднимать массы народа священнымъ именемъ отечества.

Гарибальди на одну минуту поколебался, но потомъ, протянувъ руку наху, сказалъ:

— Уго Басси, значитъ, не умеръ. Въ тебѣ я нахожу его духъ. Слѣй за мной.

Монахъ этотъ назывался Джованни Панталео. Его безкорыстное уженіе дѣлу освобожденія отечества, выразилось впоследствии во много благотворительныхъ и полезныхъ для волонтеровъ дѣлахъ *).

Генералъ Ланди командовалъ 3,500 человекъ бурбонскаго войска и 4-хъ пушкахъ. Онъ расположился на возвышенности, называемой Платъ Римлянъ, въ Калатафими. Гарибальдійцы, въ числѣ 1,200, хотѣли ить этотъ пунктъ, чтобы направиться на Палермо. Генуэзскіе каранеры, со своими колонновожатыми, выстроились въ боевую линію и не агаются съ мѣста; бурбонцы сошли имъ на встрѣчу съ возвышенности, но они продолжаютъ спокойно стоять на готовѣ; бурбонцы открыли онъ, гарибальдійцы не начинаютъ. Когда же бурбонцы подошли поближе, монтеры стремительно бросились на нихъ и опрокинули. Но непріягельскія шки мѣшали тысячѣ двинуться впередъ. Между тѣмъ подошли другіе, свѣе борцы, и наши герои повторяютъ приступъ; но также и второй приступъ мѣл задержанъ картечью. Скьяфино, который несъ трехцвѣтное знамя, мѣл пораженный пулей. Около знамени завязалась частная стычка. бурбонцы уже овладѣли было имъ, но одинъ изъ волонтеровъ вырвалъ флагъ ихъ изъ рукъ. Гарибальди скомандовалъ на третій приступъ. Королевія войска заколебались, но ихъ свистящія картечью пушки пролжали власть на мѣстѣ волонтеровъ. Повторился четвертый приступъ, предводимый самимъ Гарибальди съ неустержимымъ порывомъ.

---

*) Панталео остался вѣрнымъ Гарибальди и въ бѣдственное время. Онъ иногда ничего не требовалъ для себя и всѣмъ жертвовалъ для другихъ. Онъ слѣдовалъ за своимъ генераломъ въ Дижонъ; женился тамъ, имѣлъ двухъ лютокъ, которымъ, умирая, не оставилъ въ наслѣдство ничего другаго, кромѣ естнаго имени.

вомъ, и королевскіе солдаты, совершенно сбитые съ поля въ бѣгство. Сраженіе длилось съ 10 часовъ утра 15-го мая.

Балатафими былъ взятъ, оставалось Палермо. Но тамъ ружьемъ 24,000 человекъ, артиллерія, форты, «знамени Боско. Какъ съ этимъ справиться?

Гарибальди составилъ быстро планъ сраженія, внушеннаго имъ Розалино Пило, занимавшемъ тогда распоряженіемъ развести громадныя костры на холмахъ Палермо, и тревожить часовыхъ на передовыхъ постахъ. Онъ послалъ Мазу съ его малютками (picciotti: такъ называютъ сицилійцы, приставшіе къ трехцвѣтному знамени) на востокъ, чтобы тревожить Джибильроссы, гдѣ ихъ можно было увидѣть двигающимся впередъ съ сильнымъ барабаннымъ боемъ. Такъ онъ дѣлалъ хотеть атаковать Монреале. Генералъ Боско направился туда съ тремя тысячами солдатъ; но, видя малютку, развернувшихся на холмахъ, и подвергаясь атакѣ Розалино, послалъ призывъ 8 тысячъ человекъ изъ Палермо.

Между тѣмъ Гарибальди приказалъ малюткамъ Партинико. Боско вообразилъ, что они убѣгаютъ, и сталъ преслѣдовать. Военная хитрость удалась. Въ то время, какъ бурбонскіе солдаты думали, что Гарибальди находится у него съ правой стороны, послѣдній, 23-го мая, съ главными своими силами, былъ на лѣвой. Онъ перешелъ туда темной, бурной ночью, извилистыми горными дорогами. Но Боско опять посылаетъ за подкрѣпленіями въ Палермо, чтобы раздавить Гарибальди численностью войскъ. Что же дѣлаетъ Гарибальди? Онъ приказываетъ полковнику Орсини произвести отступленіе въ Корлеоне и разбросать по дорогѣ нужныя вещи, какъ-то: старые сапоги, сумки, платье, чтобы солдаты вообразили, что они распространяютъ панику среди волонтеровъ. Онъ опять попалъ въ разставленныя ему сѣти и отправился по нимъ, думая наступить и нанести пораженіе Гарибальди.

Этотъ же послѣдній, черезъ лѣса, горы и долины, не замедливъ, послалъ Боско, проходить въ Маринео, даетъ нѣсколько миль своимъ и отправляется въ Мизильмери. Здѣсь онъ прибываетъ къ своимъ братьямъ, — дѣло для него непростое, здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ о жизни или смерти. Военный совѣтъ происходилъ подъ вѣтвистымъ старымъ дубомъ.

бальди говорилъ коротко и ясно. «Предъ нами два пути: или мы должны идти на Палермо, или же отступить внутрь острова. Какой изъ ихъ двухъ путей предпочитаете вы?»

— Броситься на Палермо! отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Хорошо! въ такомъ случаѣ готовьтесь къ завтрашнему утру.

У Гарибальди было 4,500 человекъ, въ большинствѣ новички въ военномъ дѣлѣ съ оружіемъ. Гарибальди приказалъ двинуться къ Палермо въ ночь, атаковать на пути первые непріятельскіе посты штыками и идти въ Палермо неожиданно.

На разсвѣтъ 27-го, гарибальдійцы подошли къ предместьямъ города, и малютки испугались здѣсь нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ бросились въ безпорядочное бѣгство, оглашая воздухъ криками. Наконецъ братъ Панталео старался ихъ удержать: самъ Биксіо былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Непріятель былъ такимъ образомъ извѣщенъ: внезапное нападеніе Гарибальди не удалось!

Сиртори приказываетъ ударить въ штыки и бросается впередъ, немножко слѣдуя за нимъ; онъ нагоняетъ авангардъ Тюкери и доблестнаго Ланца, который былъ первымъ смѣльчакомъ во время этого знаменитаго припадка, и переходитъ Адмиралтейскій мостъ. Пуля попадаетъ Биксіо въ плечо, онъ одной рукой вынимаетъ ее изъ тѣла, а другой продолжаетъ сражаться.

Сраженіе дѣлается генеральнымъ. Гарибальди шлетъ новые отряды въ подкрѣпленіе и всѣ они вмѣстѣ берутъ баррикады, врываются въ ворота и проходятъ черезъ городъ. Между тѣмъ Винченцо Фукса, главный Гарибальди въ Порто-Реале, вошелъ также въ городъ съ своими сицилійцами... и Палермо было взято! Зазвонили колокола, двери домовъ открываются и освобожденные граждане братски обнимаются съ храбрецами.

XXIII.

Бурбонскіе офицеры, которые улепетывали отъ Гарибальди и краснѣли рубашекъ, старались выказывать къ нашему вождю большаго презрѣнія. Но Ланца, главный вождь королевскихъ войскъ, имѣлъ необходимость въ перемиріи для погребенія павшихъ въ бою и для безпечнаго помѣщенія раненыхъ. Но кого послать къ Гарибальди? Офицеры отказывались идти. Ланца придумалъ послать туда взятаго въ плѣнъ гарибальдійца и для этого призвалъ его къ себѣ:

— Желаетъ ли ты пойти къ Гарибальди, сказалъ Ланца, и попро-

силь у него перемирія на нѣсколько часовъ? Общественно вернуться?

— Принимаю ваше предложеніе, отвѣчалъ плѣнникъ, возвращаясь.

— Чѣмъ ручаешься ты, настаивавъ Ланца,—что вѣрно?

— Честнымъ словомъ итальянца, жертвовавшего жизнью.

Онъ отправился къ Гарибальди и, передавши генералу вѣсть о бѣгѣ бурбонцевъ, явился обратно въ неприятельскій лагерь. «Сынъ мой, сказалъ, прощаясь съ нимъ, Гарибальди;—ты высоко честь Италіи твоей доблестью!» Генералъ Ланца и офицеры чрезвычайно удивились возвращенію гарибальдійца. Онъ радъ, услышавъ, что Гарибальди соглашался на перемиріе.

Первое перемиріе длилось только 24 часа.

— Они хотятъ, говорилъ Гарибальди жителямъ города, заключить съ ними унижительныя условія, послѣ которыхъ вы будете прежне рабство ваше; я отвергаю это отъ васъ.

— Да здравствуетъ Гарибальди! отвѣчали палермитяне, чѣмъ возвращеніе Бурбона!

Тотчасъ же стали готовиться къ оборонѣ города и окрестностей. Между тѣмъ генералъ Боско вторгнулся со своими войсками въ Термини. Генералъ Сиртори (въ то время еще полковникъ) увидѣвъ бѣжавшую въ смятеніи толпу народа, бѣжали и а лю т к и Ла-Мазы, съ ужасомъ крича: «Солдаты! королевскіе солдаты!» Сиртори вынулъ свою шпагу и бѣжалъ на встрѣчу, стараясь остановить ихъ. «Что вы дѣлаете?—Не стыдно-ли вамъ быть такими трусами? Не поворачивайтесь къ нему лицомъ и сразитесь съ нимъ!» Видя ихъ своимъ примѣромъ, онъ повелъ ихъ противъ неприятеля. Былъ спасительный моментъ, таеъ какъ Сиртори помѣгъ имъ захватить лучшія позиціи, въ тотъ моментъ, когда имъ доставлено было оружіе для 48-часоваго перемирія.

Перемиріе продлилось затѣмъ до трехъ дней и навелъ на заключеніе договора. И здѣсь, по словамъ Сиртори, Гарибальди проявилъ дипломатическое искусство и тактъ, что сумѣлъ бытъ самымъ тонкимъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ былъ самымъ храбрымъ генераломъ:

— Я удивлялся вашей храбрости! Когда ваши солдаты бѣжали, я, вздыхая, думалъ про себя: «Итальянцы»

и, вмѣсто того, чтобы вести междоусобную войну, могли бы лучше обща сразиться за отечество съ чужеземцемъ. Солдатъ, сегодня воюющихъ съ нами, завтра можно было бы повести въ другія болѣ славныя жженія.

— Но, генераль,—перебилъ его Боско,—преданность нашему закону королю не позволяетъ мнѣ войти въ ваши идеи...

— Слишкомъ сильно! Слишкомъ сильно! возражалъ Гарибальди;—но кже, ради этой преданности, вамъ не слѣдуетъ оставаться болѣ въ лагерѣ. Здѣсь вы болѣ вредите мирнымъ гражданамъ, чѣмъ намъ. Пренеся же, напротивъ, военныя дѣйствія на открытое поле, вы найдете предъ собою только вооруженныхъ людей. Вы сами хорошо знаете наше положеніе. Мы должны расширить кругъ дѣйствій, въ противномъ случаѣ, дѣло наше бесполезно: и если революція въ Сициліи распространится на континентъ, тогда вы сами явились бы предъ глазами согражданами, какъ отвратительные братоубійцы. Военныя выры не соблазняютъ насъ. Я приношу сюда не войну, а свободу и равенство...»

Такимъ образомъ, то расточая хвалы, то высказывая стратегическія соображенія, то затрогивая чувство любви къ отечеству, Гарибальди старался привлечь къ себѣ сердце генераловъ Боско и Колонны, явившихся для переговоровъ. Если къ вышеизложеннымъ увѣщаніямъ прибавить благородство и о движеній, чарующую прелесть голоса, то легко понять впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на нихъ. Слова Гарибальди сдѣлались извѣстными обоимъ лагеряхъ. И если они не покорили совершенно генераловъ, произвели глубокое впечатлѣніе на бурбонскихъ солдатъ, и вскорѣ многіе изъ нихъ стали переходить въ гарибальдійскій лагерь.

5-го іюля бурбонцы очистили Палермо. Побѣда была полная. Гарибальди въ то время переживалъ лучшія минуты своей жизни. «Все ему выбалось (писала одна дама)—побѣда, солнце и палермитянскія звѣзды». Женщины видѣли въ немъ идеалъ красоты и мужества. Даже монахини влюблялись въ него и посылали генералу, провозглашенному сицийскимъ диктаторомъ, разныя варенья и сласти. Обитательницы одного монастыря писали: «Привѣтъ тебѣ, Джузеппе, герою и воину, побѣдному св. Георгію, прекрасному и кроткому, какъ серафимъ. Да благословить тебя св. Розалія во всѣ дни твоей жизни!»

Въ другомъ монастырѣ, куда пригласили Гарибальди, монахини стояли передъ нимъ какъ бы въ экстазѣ. «Какъ онъ похожъ на нашего спасителя!» сказала одна. Другая бросилась цѣловать его руку, а ког-

да онъ отдернулъ ее, одна изъ юныхъ монахинь горла его въ щеку. И всѣ онѣ, одна за другой, стали цѣловать, исключая и настоятельницы, старой и дурной.

Народъ желалъ, чтобы въ церкви курили ему омы дѣлаютъ епископы относительно государей. Галлюба всѣхъ устахъ, во всѣхъ сердцахъ.

Немалой заботой было для Гарибальди держать въ п Какъ командующіе, такъ и подчиненные находились въ денномъ, нервномъ состояніи. Приведемъ здѣсь одинъ изъ запечатлѣвшійся въ памяти. Капитанъ Децца (нынѣ казармѣ Санъ-Филиппо въ Палермо отдалъ приказаніе по ру 2-й роты. Одинъ рядовой возразилъ: «я не слушаюсь»

— Молчать! вскричалъ Децца.

— Это бесполезно, мы туда не пойдёмъ, возразилъ приблизился къ нему и, взявши его за плечо, спросилъ: что значить солдатскій долгъ? Тотъ отстраняется, опуская направляя штыкъ противъ капитана, кричитъ: «Долой лѣвой рукой отстраняетъ штыкъ, тотъ беретъ за винж ситься на Деццу, но этотъ послѣдній вынимаетъ пистолетъ него. Солдатъ упалъ. Поручикъ Стараллино вскричалъ: «Н трогать людей моей роты!» Взбѣшенные солдаты хотѣли смерть товарища. Солдаты Деццы, въ свою очередь, с капитана; уже готовилась яростная стычка, когда Децц подножіе колонны и вскричалъ:

— Прекратите разсужденія! Стрѣляйте въ меня и д Фактъ этотъ надѣлалъ шуму. Биссіо защитилъ Дец бы поступилъ точно также». Исторія осталась безъ посл

XXIV.

Гарибальди въ своей «Тысячѣ» вспоминаетъ сраженіе (20 іюля 1860 года), одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ онъ когда либо принималъ участіе. Боско хотѣлъ ему от Барселону; Гарибальди хотѣлъ помѣшать Боско пройти королевскія войска занимали превосходныя позиціи, съ битъ непріятеля, будучи сами въ безопасности; гарибальди жены лѣсомъ, мѣшавшимъ имъ видѣть и стрѣлать Гарибальди руководилъ сраженіемъ съ крыши деревенск

которой онъ могъ наблюдать за движеніями солдатъ. Двое храбрецовъ, Маленкини и Мильявакка, удержали со своими солдатами первый непріятельскій натискъ. Генералъ послалъ имъ на помощь Козенца и Медичи; спустя немного, онъ и самъ вмѣшался въ самый разгаръ стычки. Двѣ бурбонскія пушки, стоявшія на дорогѣ, опустошали ряды гарибальдійцевъ. Гарибальди воскликнулъ:

— Двадцать человѣкъ за мной, возьмемъ эти пушки. Пушки загремѣли картечью. Но едва зарядъ былъ выпаленъ, какъ Гарибальди и его 20 храбрецовъ стремительно бросаются на пушки и на мѣстѣ убиваютъ артиллеристовъ. Въ минуту побѣды выступаетъ изъ засады эскадронъ королевскихъ кавалеристовъ: гарибальдійцы отступаютъ; остаются только Гарибальди и Миссори. Бурбонскій офицеръ бросается стремглавъ на Гарибальди; этотъ послѣдній вонзаетъ ему саблю въ горло. Сержантъ и пятеро или шестеро солдатъ окружаютъ его; но въ эту минуту Миссори, съ револьверомъ въ рукахъ, кладетъ двохъ на мѣстѣ и, сражаясь вмѣстѣ съ генераломъ, обращаетъ другихъ въ бѣгство.

Вблизи, на морѣ, стоялъ на якорѣ фрегатъ Тювери. Гарибальди отправился на корабль и сталъ палить въ бурбонскую кавалерію, защищаемую фортомъ; потомъ онъ сходитъ на берегъ и бросается съ правой стороны на непріятеля, въ то время, какъ Медичи бьетъ его съ лѣвой, и прогоняетъ разстроеннаго непріятеля въ Милаццо. Мильявакка, миланскій уроженецъ, преслѣдуя бурбонцевъ, палъ, пораженный пушечной картечью съ фортовъ, въ минуту побѣды. Но участь цитадели была рѣшена, и 24-го іюня бурбонцы со стыдомъ оставили ее.

Боско былъ осрамленъ. «Обѣщаю вамъ, государь, голову Гарибальди!» писалъ онъ своему королю Франциску II. Мессинцамъ же онъ сказалъ: «Обѣщаю вамъ вѣхатъ въ Мессину верхомъ на лошади Медичи, который командовалъ подъ Милаццо. Гарибальди зналъ объ этихъ выходахъ захотѣлъ наказать его. Въ Милаццо, когда Боско принужденъ былъ сдаться, Гарибальди оставилъ всѣмъ бурбонскимъ офицерамъ ихъ лошадей, но потребовалъ лошадь Боско и отдалъ ее Медичи.

8-го августа, вечеромъ, множество лодокъ, толкаясь одна о другую, выжили на водахъ, отдѣляющихъ Сицилію отъ Неаполитанскаго королевства. Гарибальди, стоя на берегу, разговаривалъ со своими, наплывавшими вѣрными сподвижниками.

— Вамъ предстоитъ честь предшествовать мнѣ. Предпріятіе очень мѣло, но я вполне полагаюсь на васъ. Я испыталъ уже васъ... До скорого свиданья!

Пробило 10 часовъ вечера. Въ каждую лодку сошли ва, и гребцы двинулись. Была звѣздная, тихая ночь. Не стна была цѣль экспедиціи. «Что мы должны сдѣлать нѣкоторые».

— Высадиться на неаполитанскую землю и овладѣть фортомъ Альта Фьюмана, чтобы обезпечить нашему вои высадку.

Во время отъѣзда всѣ молчали. Наконецъ подѣжа Унтеръ-офицеръ Эржисто Бецци, трентинецъ родомъ, и выскочили и первыми ступили на Калабрійскую землю слѣдовали за ними Миссори, Росси, Страдивари и другіе.

Но проектированное предпріятіе не удалось: бурбонцы этой попыткѣ и отразили ее. Тогда 200 храбрецовъ отст промонте, чтобы оттуда начать распространеніе народна Калабріи.

XXV.

«Вамъ извѣстно, что я не одобрялъ вашей экспедиціи было бы лучше воздержаться отъ дальнѣйшихъ покушеній политанскаго королевства». Такъ писалъ Викторъ Эммануэли ди, который готовился перешагнуть проливъ. Гарибальди «Призванный народомъ, я попусту потерялъ бы время, не своихъ обязанностей и поставилъ бы въ опасность святое Позвольте, государь, на этотъ разъ васъ послушаться»... уже отправились впередъ, а 18-го августа, вечеромъ, он свои главные силы на неаполитанскую землю, на парох линъ и Туринъ.

Здѣсь начинается быстрое, изумительное шествіе. 20- направился въ Реджо; 21-го Биксіо вошелъ въ городъ; съ ружьями, пушками и лошадьми сдѣлся на капитул высадился въ Баньяръ, и здѣсь былъ убитъ храбрый Ла цузскій демократъ, прибывшій сражаться въ гарибальдійски то же время Гарибальди отправляется на встрѣчу бурбонско лендецу и опоясываетъ королевскія войска словно желѣзно запрещаетъ своимъ начинать огонь, предоставивши бурбонц дѣйствія. Потомъ онъ посылаетъ спросить ихъ, не ж едаться и тѣмъ избѣжать истребленія. Солдаты, глубоко т кодушіемъ вождя, бросаютъ ружья и отказываются сраж

Такииъ образомъ, девять тысячъ солдатъ въ Санъ-Джованни и 11 тысячъ человекъ, составлявшихъ дивизію Гіо въ Соверіи, склонились предъ героемъ. Съ этого времени ему достаточно было полвиться, чтобы побѣдить. Бурбонцы братались съ волонтерами и кричали: «да здравствуетъ Гарибальди!»

— Плодъ созрѣлъ, говорилъ Гарибальди: да здравствуетъ Италія!

Продолжая свое триумфальное шествіе, презирая всѣ опасности, Гарибальди съ 10 только товарищами въѣхалъ 7-го сентября въ Неаполь, гдѣ находился еще 14-тысячный гарнизонъ бурбонцевъ! Передать эту зиазмъ, восторгъ народа, описать чествованіе нашего вождя невозможно. Произошла такая сцена, которая болѣе не повторится уже никогда. Народъ не могъ достаточно насмотрѣться на него, послушаться его рѣчей: подъ окнами палатцо д'Ангри, онъ вызывалъ его съ выраженіемъ неистовой радости.

— Имѣете полное право (говорилъ Гарибальди толпѣ, которая слушала его, боясь проронить слово) радоваться въ настоящее время, такъ какъ оковы ваши разбиты. Съ этого дня начинается новая эра свободы!

И восторженные крики народа снова раздавались, какъ раскаты грома.

Вечеромъ, сильно уставшій Гарибальди не могъ уже болѣе выходить къ народу. Тогда появился на балконѣ братъ Панталео и сказалъ:

— Тише! успокойтесь! Отецъ спитъ.

— Отецъ спитъ! тихо повторили крестьяне, и въ минуту шумъ прекратился, и даже въ сосѣднихъ улицахъ горожане проходили тихо и безмолвно, чтобы не нарушить сна отца, освободителя.

Среди блестящихъ побѣдъ, 21-го сентября, произошло одно несчастное сраженіе въ Каяццо, въ которомъ погибли бесполезно многіе изъ гарибальдійцевъ. Но болѣе важное сраженіе было при Вольтурно, гдѣ они одержали блистательную побѣду.

Генералы короля Франциска I говорили ему: «Ко дню именинъ вашего величества, 4-го числа, мы будемъ сопровождать васъ съ триумфомъ въ Неаполь».

Гарибальди занялся сконцентрированіемъ своихъ силъ и позаботился о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ. Планъ бурбонцевъ состоялъ въ томъ, чтобы своевременно занять своими многочисленными войсками всѣ позиціи, занимаемыя гарибальдійцами. Они надѣялись побѣдить, разсѣять волонтеровъ и явиться побѣдителями въ Неаполь, такъ какъ у нихъ было 38 т. солдатъ,— вдвое больше, чѣмъ у Гарибальди. Но этотъ по-

слѣдній предвидѣлъ главныя затрудненія и такъ хороши свои силы, что совершенно уничтожилъ планъ бурбонцевъ.

Было 1-е октября. Гарибальди помѣстилъ своихъ Мильбица въ Санта-Маріи и въ Санъ-Таммаро; Корте б Медичи въ Сантъ-Анджело; Сакки въ Санъ-Ленчо; Орестъ Кастель-Мароне; Биксио въ Моддалони; въ Казертѣ нахо своимъ резервомъ. Всего на всего было 18 т. человѣкъ. произошла въ Санъ-Таммаро: Гарибальди отправилъ ту и двинулся къ Сантъ-Анджело. На дорогѣ подъ нимъ онъ всталъ и, вынувъ шпагу, сталъ сражаться лицомъ пріятелями, какъ простой солдатъ. Непріатели пытались занявъ холмы при Сантъ-Анджело, но онъ послалъ батал окружить самихъ бурбонцевъ и взять ихъ въ плѣнъ. М изумительную стойкость; подъ его начальствомъ была гр волонтеровъ. Не смотря на то, съ 2-хъ часовъ по полу женія стала склоняться къ худшему для освободителей.

Но вотъ Гарибальди горной дорогой явился въ Сан Сиртори привелъ резервы. Съ ихъ появленіемъ, условія лонтеры воодушевились, побѣда оставалась за ними. Тя ла потеря храбраго Бронцетти, который имѣлъ поручені тель-Мароне. Лишь съ 227 доблестными солдатами онъ де корпуса генерала Перроне, давъ этимъ возможность Б побѣду. Убитыхъ въ сраженіи 1-го октября было 506,

На слѣдующій день, въ Казертѣ и на ея возвышенн лась побѣда. Успѣхъ волонтеровъ раздѣлялъ по л у б а т сальеровъ итальянскаго регулярнаго войска, и этого б для умѣренной печати, чтобы заявлять, будто побѣда одержана регулярными войсками.

XXVI.

Будучи въ то время на верху славы, Гарибальди и вистниковъ, клеветавшихъ и интриговавшихъ противъ де-Вилламарина, посланный королемъ Викторомъ Эммануило писалъ ему 24-го іюля, и подтверждалъ 30-го: «Очень же освобожденіе Неаполя не было дѣломъ Гарибальди; такъ произойдетъ, революціонная система займетъ мѣсто, кот за собой до сихъ поръ конституціонная монархическая

необходимо, чтобы въ Неаполѣ произошло національное движеніе, прежде тѣмъ Гарибальди придетъ сюда». И для этой цѣли, рассказываетъ Маріо, были набраны Вилламариной 200 крестьянъ, которымъ выдавалось каждому по піастру въ день. Но въ тотъ самый день, когда они должны были занять Сантъ-Эльмо, вмѣстѣ съ нѣкоторыми бурбонскими офицерами, изъ двухъ сотъ оплаченныхъ піастрами крестьянъ явилось только семеро! Тогда рѣшили послать экспедицію отъ туринскаго правительства, для того чтобы, — говорилъ генералъ Фанти, — «Европа знала, что судьба Италіи не зависитъ отъ усмотрѣнія и произвола перваго пришедшаго авантюриста!» А министръ Фарини прибавлялъ, что «Пьемонтъ выступалъ противъ враго».

Между тѣмъ Гарибальди мечталъ и вздыхалъ о Римѣ. «Тамъ, говорилъ онъ, язва, разъѣдающая сердце Италіи, и мы должны одолѣть ее». Мадзини подбивалъ его на экспедицію въ Далмацію; но это предпріятіе не прельщало его. Въ Казертѣ, окруженный Биесіо и прочими близкими друзьями, онъ говорилъ:

— Еслибъ вся Европа возстала противъ меня, я все-таки пошелъ бы на Римъ; но тамъ (онъ жестомъ указалъ на римскія границы) находятся братья Италіи (французы)!

Важный вопросъ состоялъ въ присоединеніи Неаполя къ королевству. Должно ли это присоединеніе состояться сейчасъ? Гарибальди хотѣлъ подождать, чтобы прежде идти на Римъ; но приверженцамъ Кавура хотѣлось, чтобы присоединеніе состоялось безъ проволочекъ.

Войска итальянской регулярной арміи стояли наготовѣ, чтобы войти въ Неаполитанскую область; синьоръ Трипоти, командиръ гарибальдиевъ на границѣ, спросилъ Бертони, главнаго секретаря диктатора, какъ ему быть, когда придутъ войска. Бертони отвѣчалъ: «Надо спротивить инструкцій у Гарибальди». Диктаторъ телеграфировалъ 25-го сентября:

«Если пьемонтцы вступаютъ на занятую нами территорію, примите въ по-братски».

Между тѣмъ партія умѣренныхъ печатала и распространяла ложные слухи, будто Бертони и Трипоти хотѣли встрѣтить пьемонтцевъ върублими. «Это—писалъ Бертони—изъ всѣхъ обвиненій, направленныхъ противъ меня, наиболѣе гнусное».

XXVII.

На дорогѣ, ведущей въ Теано, подъ сѣнью пожелтѣвших тополей стояла группа всадниковъ. Всѣ они были одѣты рубашки, простыя, но прославленные. Посреди ихъ находилс. Было раннее утро 25-го октября. Проходили офицеры регул и прикладывали руки къ фуражкѣ: кто смотрѣлъ на не нѣмъ и признательностью, кто съ сильнымъ любопытств слышались звуки королевскаго савойскаго марша. И вот галопируя впереди на конѣ, окруженный блестящей свитой золотомъ и украшенныхъ орденами мундирахъ, предшеств бинерами, Викторъ Эммануилъ въ генеральской формѣ. — принять отъ уроженца Ниццы королевство, имъ освобожден

Гарибальди приподнял свою круглую шапочку, королю руку.

— А, привѣтствую васъ, мой дорогой Гарибальди: какъ

— Хорошо, ваше величество, а вы? спросилъ Гарибальди

— Прекрасно! отвѣчалъ король.

Тогда Гарибальди, обратясь къ присутствующимъ, всѣмъ здравствуетъ король Италіи!

Всѣ повторили за нимъ и двинулись въ путь. Оба штаба слѣдовали также, переглядываясь между собою, но на двѣ линіи офицеровъ. На пути толпились крестьяне героя и во время шествія кричали, обращаясь къ нему:

— Да здравствуетъ К а л л и б а р д о!

Всегда скромный, но еще болѣе въ данномъ случаѣ стѣснялся и, указывая на короля, говорилъ:

— Вотъ Викторъ Эммануилъ, король Италіи. Да здравствуетъ король!

Но крестьяне съ удвоенной силой рукоплескали дикому король пустилъ коня галопомъ. Подѣхавши къ Теано, Гарибальди простились и разѣхались, сопровождаемые каждый

Немного спустя, Гарибальди находился въ конюшнѣ и, въ мягкой скамейкѣ, завтракалъ: на опрокинутомъ предъ нимъ лежалъ кусокъ хлѣба, сыръ и стояла бутылка воды. Онъ съ нѣмымъ аппетитомъ, но, попробовавъ выпить воды, онъ вдругъ нуль:

— Вода испорченная! Въ этомъ колодецѣ, должно быть, разлагалось какое нибудь животное.

И этотъ человекъ, у котораго не было въ тотъ моментъ глотка свѣжей воды, нѣсколько минутъ назадъ, передалъ цѣлое королевство Виктору Эммануилу!

Отдавъ приказаніе своимъ собратьямъ въ Кальви, позаботясь о ихъ продовольствіи, вечеромъ Гарибальди легъ на солому въ бѣдной хижинѣ: вмѣсто подушки, подъ головой у него было сѣдло, одѣяломъ ему служилъ знаменитый бѣлый плащъ (puncho).

Нѣсколько дней спустя, въ дождливую пору, король и Гарибальди выходили на Неаполитанской станціи. На этотъ разъ король послалъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ совершить въѣздъ въ Неаполь. Народъ принималъ ихъ съ энтузіазмомъ, и крикамъ не было конца. Приѣхали въ королевскій дворецъ: король отправился въ тронную залу и тамъ принималъ привѣтствія разныхъ сановниковъ. Въ одномъ углу залы стоялъ Гарибальди со своими приближенными. Ни одинъ изъ всѣхъ тѣхъ льстецовъ, которые, нѣсколько дней тому назадъ, всюду бѣгали за нимъ и пресмызались, казалось, теперь не замѣчалъ его присутствія.

Но Гарибальди, повидимому, также не замѣчалъ ихъ. Онъ вынулъ изъ кармана очки и читалъ письмо. Когда чтеніе было окончено, онъ подошелъ къ трону и сказалъ:

— Король Викторъ! я ухожу. Мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего.

— Можете идти, отвѣчалъ король; но не забудьте, что сегодня я еду васъ къ обѣду.

Гарибальди однако ушелъ изъ дворца и не ступилъ болѣе туда ногой. Онъ поселился въ гостинницѣ.

Когда дела-Роква рѣшилъ бомбардировать Капуя, генераль сильно печалился. «При бомбардировкѣ города, вскричалъ онъ, наносится бытокъ не только непріятельскимъ солдатамъ, но и семьямъ гражданъ, я не желалъ бы бросить ни одной бомбы въ итальянскій городъ»....

Снимемъ завѣсу съ событій, слѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ, какъ Гарибальди подалъ въ отставку. Въ видѣ награды, король послалъ ему пь ордена Аннунціаты. Генераль взялъ цѣпь въ руки, рассмотрѣлъ ее, къ нѣчто курьезное, и, возвращая обратно, сказалъ:

— Отнесите королю обратно его подарокъ и поблагодарите его. не ношу золотыхъ бездѣлушекъ.

Его послѣдователи не всѣ понимали подобное достоинство.

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Гарибальди сдалъ команду надъ

волонтерами генералу Сиртори и уѣзжаетъ. Многіе товарищи, сдѣлавшіеся генералами, старались отклонить его отъ ренія, всячески убѣждая и уговаривая.

— Оставайтесь! говорили ему:—уѣзжая, вы отдаляете совершеннаго вами. Ни одинъ человѣкъ никогда не былъ какъ вы въ этотъ моментъ.... не отклоняйте этой славы дважды не приводить въ Капитолій.

Гарибальди слушалъ ихъ, улыбаясь.

— Гарибальди всегда будетъ Гарибальди, — отвѣтилъ онъ послѣ этого никто уже не подходилъ снова уговаривать его.

Въ два часа по полуночи, 7-го ноября, три коляски подъ дверями гостиницы «Британія», гдѣ жилъ Гарибальди. Сидѣли Менотти, Канціо, Бассо, Маріо, Миссори, Нулло, Тренти. Другіе друзья ожидали его на берегу. Здѣсь не было предосторожностей отъ двора, ни отъ войска.

Онъ простился со всѣми, поцѣловавъ каждаго въ лобъ.

— Прощайте, братья! сказалъ онъ. Если Италия будетъ въ васъ, будьте всегда готовы прійти къ ней на помощь. Я не забуду того, что вы совершили.

Всѣ были глубоко тронуты. Онъ взошелъ на пароходъ «Тонъ», самъ сталъ у руля, велѣлъ сняться съ якоря и своимъ лодическимъ голосомъ скомандовалъ:

— На Капреру!

XXVIII.

Между Корсикой и Сардиніей есть островъ Капрера. Онъ окруженъ скаль, скатившихся съ высокой горы и нагроможденными в беспорядкѣ одна на другую. Имя острова произошло отъ слова дикихъ возъ, бродившихъ тамъ на полной свободѣ. Гарибальди, сложившій такъ великодушно высшую власть, изъвлекъ ни малѣйшей личной пользы, пріѣхалъ искать отдышку для будущихъ подвиговъ. Гарибальди описываетъ живя на этомъ любимомъ островѣ въ своемъ романѣ «Клелія».

Въ итальянскомъ архипелагѣ, который начинается съ Корсики и оканчивается на западѣ Корсикой, находится почти пустынный островъ состоящій изъ гранита. Его ручьи сладкой воды вытекаютъ изъ скаль, но лѣтомъ они не бываютъ обильны. На островѣ мало растительности, хотя на немъ нѣтъ высокихъ деревьевъ.

и почти постоянные вѣтры дѣлаютъ воздухъ очень здоровымъ. Деревья, растущія на утесахъ, почти всѣ наполняютъ воздухъ ароматомъ. Немногія животныя, пасущіяся по скаламъ, имѣютъ коренастый, здоровый видъ, хотя не особенно крупны. Обитатели этого острова живутъ не пышно, но съ достаточнымъ довольствомъ, питаются рыбной ловлей и охотой, занимаясь немного земледѣіемъ. Все остальное присылается друзьями съ континента. Ограниченное количество обитателей дѣлаетъ излишнимъ необходимость полиціи или какого-нибудь начальства. Богу здѣсь поклоняется каждый душевнымъ культомъ, безъ обрядности, въ величественномъ храмѣ природы, которому вмѣсто купола служитъ небо, а вмѣсто свѣтильниковъ—звѣзды.

Долгое время островъ былъ необитаемъ. Полтора столѣтія тому назадъ, одинъ выходецъ съ Корсики поселился тамъ съ женой и дѣтьми. Они, подобно Робинзону, были первыми обитателями на островѣ, и жили тамъ забытые всѣми.

Около 1830 года, сардинское правительство пустило въ продажу этотъ островъ, и онъ былъ купленъ однимъ англійскимъ мизантропомъ, Ричардомъ Коллинзомъ, который и поселился на немъ съ женой. У этого англичанина, на оставленныя въ наслѣдство братомъ деньги, Гарибальди пріобрѣлъ часть острова.

Такимъ образомъ, герой превращался въ земледѣльца. Мало-по-малу, часть острова, на которой онъ поселился, каменистая и песчаная, благодаря его трудамъ, покрылась зеленью, кустарниками, и сдѣлалась разсадникомъ оливковыхъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Онъ побуждалъ природу такъ же, какъ въ сраженіяхъ непріятеля. Онъ подчищалъ деревья, сѣялъ пшеицу, сыпалъ на поля удобреніе тѣми самыми руками, которыми раздавалъ короны. Онъ постоянно переписывался съ извѣстнѣйшими агрономами. И какъ пріятно было видѣть побѣдоноснаго воина, посвятившаго себя воздѣлыванію растений и деревьевъ, загорѣлаго, съ заступомъ на лѣчѣ, веселаго, довольнаго, послѣ удавшейся работы. Одинъ другъ подарилъ ему новый заступъ, взявъ отъ него старый, который въ настоящее время представленъ въ Капитолійскій музей.

Послѣ физическихъ трудовъ, онъ занимался, писалъ, иногда риваль.

Въ концѣ 1861 года прошелъ слухъ, что Наполеонъ III стремится сдѣлаться хозяиномъ Корсики. Гарибальди, сердце котораго обливалось кровью при воспоминаніи объ отторгнутой Ниццѣ, вздрогнулъ отъ предожженія новой уступки, и чтобы возбудить тревогу въ народѣ, нари-

соваль слѣдующую карриатуру. Лисица въ наполеоновскіи головѣ стоитъ передъ полупогасшимъ огнемъ, на которомъ каштаны. Животное горитъ нетерпѣніемъ схватить одну каштану. Италия со шпагою въ рукѣ становится между лисицей и огнемъ, поддерживая огонь, подкладывая дрова и восклицая; «Ты обманщица, но каштана, клянусь, не возьмешь!» На фонѣ виденъ капрерскій домикъ. Въ видѣ заглавія, надъ карриатурою писано: «Отдаленныя причины занятія Рима». Одинъ изъ его согласія привезъ эту карриатуру въ Миланъ.

Карриатура появилась въ 142 № «Каменнаго человѣка» и увидѣла въ ней оскорбленіе царственнаго друга и севестроубы.

Гарибальди выѣхалъ въ 1861 году съ Капреры въ Туринъ, присутствования въ палатѣ депутатовъ. Шла рѣчь о причисленіи бальдійскаго отряда къ регулярнымъ войскамъ. Онъ хотѣлъ свой проектъ всеобщаго вооруженія для окончательнаго освобожденія Италии. Въ засѣданіи 18-го апрѣля Гарибальди облегчилъ наполенную горечи: онъ упрекалъ графа Кавура въ задержаніи въ моментъ ея важнѣйшихъ успѣховъ и въ возбужденіи усобной войны.

Эти слова произвели такую бурю, что засѣданіе было прервано. Пробовали, на другой день, примирить его съ Кавуромъ, но безуспѣшно: «Пусть онъ вооружитъ народъ, и я тогда забуду притѣвленія и обезкураженный болѣе прежняго, онъ удалитъ Капреру».

Но будучи не въ состояніи успокоиться, пока оставались итальянцы, онъ въ одинъ прекрасный день отпирался на Кавура. Ему хотѣлось спросить страну, хотѣлось узнать, бьется-ли сердце заодно съ его сердцемъ, и готовы-ли они вмѣстѣ стать противъ чужеземной тираніи и папскаго ига.

5-го марта 1862 года, онъ предсѣдательствовалъ въ Палатѣ браніи освободительнаго общества, имѣвшаго задачей соединеніе либеральныхъ силъ страны—соединеніе, которое еще и по настоящее время составляетъ желаніе демократіи. Въ этомъ засѣданіи было принято постановленіе: «представители народа должны быть всеобщей подачей голосовъ».

21-го марта, вечеромъ, онъ пріѣхалъ въ Миланъ, встрѣченный селеніемъ съ неописаннымъ энтузіазмомъ. Здѣсь онъ высказалъ общую воинскую повинность.

— Въ тотъ день, говорилъ онъ, въ который каждый итальянецъ будетъ умѣть владѣть ружьемъ, мы не будемъ нуждаться въ войнѣ, чтобы требовать обратно то, что принадлежитъ намъ!

Народъ въ то время распѣвалъ пѣсенку въ неаполитанскомъ родѣ:

Lo Garibaldi è nostro popolare

E porta il cuor sul palmo della mano...

(Гарибальди нашъ крестьянинъ,

И носить сердце на ладони)...

Въ Монцѣ, въ Лоди, въ Пармѣ, Гарибальди агитировалъ въ пользу обязательнаго обученія стрѣльбѣ въ цѣль, и всѣ, находясь подъ обаяніемъ его присутствія, клялись быть вмѣстѣ съ нимъ во всякое время для защиты отечества.

XXIX.

Гарибальди надѣялся имѣть вѣрнаго, могущественнаго союзника противъ австрійцевъ—въ венгерцахъ. Два года ранѣе, въ Неаполѣ, онъ говорилъ съ Кошутомъ, героемъ венгерской революціи, и обмѣнивался съ нимъ мыслями и надеждами. Спустя нѣкоторое время, онъ обратился къ венгерцамъ, подстрекая ихъ къ возстанію противъ Австріи:

«Италія призываетъ васъ раздѣлить съ нею новыя сраженія во имя братства народовъ». Но венгерцы остались глухи къ этому воззванію, и только немногіе изъ нихъ явились къ Гарибальди, предлагая ему свою шпагу и жизнь. Затѣмъ генераль отправился еще на Капреру и оттуда писалъ и возбуждалъ итальянцевъ противъ свѣтской власти папы.

Оттуда онъ явился въ Палермо, гдѣ его радостно встрѣтилъ народъ, обожавшій своего избавителя. Но онъ всюду и постоянно былъ преслѣдуемъ одною мыслью.

— Это просто срамъ, кричалъ онъ, — что у 25-ти-милліоннаго итальянскаго народа есть еще братья въ неволѣ. Да, это срамъ для насъ, которые до сихъ поръ оставались въ бездѣйствіи. Но мы... мы свободимъ Римъ и Венецію. И хотя я уже старикъ, надѣюсь еще содѣйствовать освобожденію другихъ угнетенныхъ народовъ.

— И мы съ вами! грянулъ народъ.—Съ вами въ Римъ, въ Венецію, хоть на край свѣта!

Но ряды его солдатъ все-таки не увеличивались. Италія волновалась, поднимала голову, но давала мало волонтеровъ для великаго дѣла. Гарибальди не находилъ у итальянцевъ той гражданской доблести, какою обладалъ самъ. Много было демонстрацій и рукоплесканій, но не

многіе оказывались готовыми на самоотверженіе, каковым нена его героическая душа.

Когда онъ проѣзжалъ по Сициліи, крестьяне бросались на колѣни:—«Встаньте, кричалъ онъ,—мы всё равны и такой же простой человекъ, какъ и вы».

Въ Фивуццѣ онъ собралъ легионъ волонтеровъ. Ихъ тысячи. Удальцы кричали пароль, сдѣлавшійся историческимъ Римали смерти. Императрица Евгенія, узнавъ объвилась въ совѣтъ министровъ Бонапарта и, сообщивъ объ сказала:

— Хорошо же! они получаютъ смерть, но не получаютъ

Въ Туринѣ министры, послушные наполеоновскимъ король Викторъ Эммануилъ объявили Гарибальди внѣ законъ отдала строгіе приказы.

— Итальянскія войска насъ преслѣдуютъ! говорили Г приближенные. Онъ ничего не отвѣчалъ, но сдѣлался блѣд лотно, и слезы наполнили его глаза. Базалось, онъ на старѣлъ. Итальянскіе солдаты противъ него, противъ чел лавшаго ничего другаго, кромѣ славы и чести Италіи!

XXX.

Два батальона итальянскихъ солдатъ перерѣзывали га путь въ Батанію. Съ одной и съ другой стороны дѣлали нія къ бою. Произойдетъ ли стычка между братьями?

— Вложите оружіе въ ножны! скомандовалъ Гарибальдъ.

Затѣмъ, одинъ, безъ всякаго оружія, онъ отправился и обратился къ нимъ съ привѣтливими словами, внушени бовью къ отечеству. Потомъ вернулся къ своимъ и повел танію, гдѣ ихъ приняли съ неописаннымъ восторгомъ. Ес ство не желало, чтобы Гарибальди шелъ въ Римъ, почему вали, когда онъ ходилъ къ солдатамъ? Потому... потому нія изъ Турина были болѣе вѣроломны. Случилось, одн 37 достойнѣйшихъ офицеровъ арміи, сражавшихся во женіяхъ, подали въ отставку, заявляя, что они не желают доусобную войну.

24-го августа, два коммерческихъ судна «Dispassi tucsi» перевезли волонтеровъ изъ Сициліи въ Калабрию.

рія Аделаида и другія военныя суда находились тутъ же во время этого перехода. Почему тогда не арестовали гарибальдийцевъ и ихъ вождя? Они могли сдѣлать это, не проливши ни одной капли крови.

Въ Санадзаро Гарибальди услышалъ, что Чіальдини занялъ Реджо; тогда онъ двинулся со своими къ Аспромонте. Число волонтеровъ убавилось до 1,200 человекъ. Нѣкоторые гарибальдийцы захватили въ плѣнъ матерыхъ солдатъ регулярнаго войска и привели ихъ къ Гарибальди.

— Подойдите, дѣтки мои, сказалъ Гарибальди плѣнникамъ:—я не врагъ вашъ. Мы всё родились на одной и той же землѣ, подъ однимъ солнцемъ. Между нами должны существовать одни и тѣ же чувства любви и дружбы. Враги Италіи—Австрія, папа и Наполеонъ: противъ нихъ должны вы сражаться, противъ нихъ должны направить ваше оружіе, а не противъ меня, мои храбрецы! Обратясь затѣмъ къ своимъ адъютантамъ, сказалъ:—Накормите хорошенько этихъ юношей и дайте немного денегъ на дорогу. Идите (обратился онъ къ плѣнникамъ), идите или оставайтесь: вы свободны!

— Да здравствуетъ Италія! вскричали волонтеры.

Генералы регулярной арміи далеко не отличались подобнымъ великодушіемъ; они двинули впередъ берсальеровъ для нападенія на Гарибальди. Чтобы избѣжать столкновенія съ войсками, онъ велъ своихъ волонтеровъ крутыми дорогами, заваленными камнями; приходилось переходить въ бродъ рѣки, оставаться голодными, мучиться жаждой. Многіе, болѣе слабые, падали на дорогѣ. У самого Гарибальди изнасились сапоги, и изъ ногъ сочилась кровь. Нѣкоторымъ, шедшимъ рядомъ съ нимъ, онъ говорилъ съ улыбкой:

— Любезные юноши, такъ надобно служить отечеству!

Всѣ сильно проголодались. На поляхъ, гдѣ они проходили, былъ пожелтый картофель. Гарибальди собственными руками выгребъ изъ земли тѣсколько картофелинъ, нанизалъ ихъ на штыкъ и елъ ихъ на вострѣ, разведенномъ изъ сухихъ листьевъ. Остальные подражали ему, и картофель замѣнилъ имъ хлѣбъ.

Берсальеры тѣснили ихъ на близкомъ разстояніи. Гарибальди вытронилъ своихъ солдатъ, но не велѣлъ стрѣлять. Берсальеры подвигались верхомъ; позади ихъ шла пѣхота. Гарибальди сталъ впереди своихъ, одѣтый въ свой длинный сѣрый плащъ, подбитый красной подкладкой. Время отъ времени онъ обращался къ своимъ, повторяя приказъ: «не стрѣляйте!» И его офицеры, въ свою очередь, повторяли: «не стрѣляйте!»

Но ружейные выстрѣлы берсальеровъ становились все Около Гарибальди жужжали пули, падавшія въ кустарники и въ деревья. Многіе волонтеры не могли удержаться и стали на выстрѣлы; въ числѣ ихъ былъ и Менотти. Немедленно забили въ барабанъ, чтобы прекратить огонь; гарибальдійцы послышавъ барабанъ, продолжали стрѣлять. Гарибальди торжественно, стоялъ все время на хомѣ, на виду у всѣхъ. Противъ него лились непрерывно выстрѣлы. Двѣ пули поразили его одно лѣвое бедро и въ лодыжку правой ноги. Но герой не упалъ, жалъ стоять на ногахъ. Затѣмъ онъ снялъ шляпу и привѣтствовалъ нившихъ его крикомъ:

— Да здравствуетъ Италия!... не стрѣляйте!

Огонь прекратился. Подвели къ Гарибальди его сына Манни наго въ ногу. Оба они были положены рядомъ подъ деревомъ жили друзья, подавленные горемъ. Непобѣдимый Гарибальди бѣжденъ и раненъ за то, что не хотѣлъ сражаться. Доктора раны. Рана въ лодыжку была признана опасной.

— Можетъ быть, необходима ампутація? спросилъ Гарибальди. — В такомъ случаѣ рѣжьте безъ разсужденій.

Это была ужасная минута для тѣхъ, кто тамъ присутствовалъ.

— Нѣтъ, отвѣтили медики:—нѣтъ надобности рѣзать.

Между тѣмъ солдаты и гарибальдійцы смѣшались между собою, которые нѣсколько минутъ назадъ обмѣнивались выстрѣлами, теперь братались, разговаривали, шутили, находили въ своихъ товарищахъ варшвей, братьевъ! Происходилъ обмѣнъ поклоновъ, поцѣлуевъ.

— Вы оказали неповиновеніе законамъ правительства, солдаты.

— Мы повиновались любви къ Италиі! возражали гарибальдійцы. Чего хотѣли мы? Ничего другаго, кромѣ Рима и либеральной конституціи. Когда не думали, чтобы намъ пришлось умереть отъ руки врага.

Подковникъ Паллавичино, имѣвшій несчастіе открыть ротъ за Гарибальди и не имѣвшій храбрости сломить свою шпату, чтобы начать стычку, явился къ Гарибальди съ печальнымъ выраженіемъ лица. Быть можетъ, при видѣ раненаго героя, онъ раяла его за необдуманное дѣйствіе. Онъ представился съ опухшею головой.

— Я получилъ рѣшительныя приказанія изъ Турина и Гарибальди, какъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было.

— Я никогда не хотѣлъ сражаться съ итальянскими войсками, отвѣчалъ Гарibaldi. Прошу отпустить на волю моихъ волонтеровъ. Мнѣ же и моимъ офицерамъ, списокъ которыхъ я представлю, прошу дать позволеніе сѣсть на англійскій пароходъ.

— Я потребую изъ министерства инструкцій, отвѣчалъ полковникъ. Стало темнѣть. Офицеры Гарibaldi наломали вѣтвей, смастерили кое-какъ носилки и положили на нихъ генерала. Съ разбитымъ сердцемъ подняли они эти носилки, и печальное шествіе тронулось съ мѣста.

Въ Спильѣ было объявлено генералу, что правительство не оставляетъ его на свободѣ и что онъ долженъ сѣсть на фрегатъ «Герцогъ Генуэзскій». Перенесеніе его на корабль было очень затруднительно; рана мучила его, онъ лежалъ безъ движенія. На палубѣ стоявшаго вблизи судна, находились генералъ Чіальдини и адмиралъ Альбани; оба они въ военной формѣ, съ орденами (бездѣлшкками, какъ называлъ, отклоняя ихъ отъ себя, Гарibaldi), присутствовали при перенесеніи героя на корабль. Они стояли, не снимая шляпъ съ головы, смотря прямо въ лицо великаго побѣжденнаго, и не поклонились ему.

Но на берегу стояла многочисленная толпа народа, нѣмая отъ горя, со слезами на глазахъ; всѣ махали платками въ знакъ привѣтствія. Народъ отдавалъ справедливую дань жертвѣ ненужной трагедіи.

XXXI.

— Мое сердце полно Италіей; мысль о ней не покидаетъ меня! Думая о ней, я забываю о боли въ моей раздробленной ногѣ. Ахъ! отечество! Такъ кричалъ, такъ плакалъ Гарibaldi, лежа на постели въ Вариньяно, куда его привезли 2-го сентября. Кто видѣлъ его въ эти дни, тотъ сохранилъ навѣки несказанную скорбь. Въ уютной комнатѣ, съ оборванной грязной мебелью, стояла кровать. Онъ почти сидѣлъ на ней, обложенный подушками, въ своей красной рубашкѣ. Сильная блѣдность покрывала его исхудалое лицо, носившее прежнее вроткое выраженіе, какое живописцы придаютъ лицу Христа, страдающаго за человѣчество. Раненая нога покоилась забинтованная, на приборѣ, особо устроенномъ; пуля, которую тогда не могли еще извлечь, причиняла ему жесточайшія мученія. Въ первое время, его тюремщики скупались на лѣченіе и медки не могли скупить необходимыхъ лѣварствъ!

Наконецъ плѣннику было позволено призвать къ себѣ дорогихъ его сердцу. Менотти, выздоравливавшій отъ ранъ, Терезита со своимъ пер-

венцомъ и мужемъ Канціо, Ричіотти и немногіе другіе жили его своей заботливостью. Едва узнали о положеніи ге у которыхъ сердце было не такъ испорчено, какъ у властей чтили въ Гарибальди защитника ихъ правъ, какъ послали е ствованіе, адресуя его: «Члену общества рабочихъ, ранено Гарибальди»!

Принимая ихъ, Гарибальди сказалъ:—«Благодарю васъ. Деньги эти я пошлю туда, гдѣ страдаютъ, чтобы облегчить бѣдныхъ братьевъ по оружію». И недолго думая, онъ послалъ ден гарибальдійцамъ. Послѣ рабочихъ пришли другіе граждане. И какъ всё сторонились отъ братоубійцъ, жертвъ со всѣхъ ст лись слова утѣшенія и признательности. Гверацци ему говор

— Утѣшься герой! вмѣстѣ съ тобою ранено и отечество на одной и той же кровати и на ней же обмѣнивается болями окончательнаго искупленія.

У человѣка не столь великаго и менѣе добраго, чѣмъ Гари была бы полна горечью и проклятіями. Вмѣсто того герой, г къ угнетеннымъ, забывалъ о своихъ собственныхъ мученіяхъ въ особенности выражали ему свою симпатію, и онъ, отвѣчая вѣтствія, подстрекалъ ихъ принять на себя починъ собранія наго конгресса, чтобы уничтожить необходимость кровавыхъ вой англійскій народъ—новую эру общаго спокойствія и облагодѣт стоящія поколѣнія этимъ благомъ!» (28 сентября 1862 года

Въ то время, какъ Гарибальди писалъ о всеобщемъ мирѣ туринскіе министры совѣщались о томъ, что съ нимъ сдѣлать Депретисъ, Селла, Персано говорили два мѣсяца раньше въ счастномъ донесеніи, что Гарибальди служитъ европейской возбуждаетъ междоусобную войну (!); они хотѣли теперь суду. Но объ этомъ невозможно было даже думать. Вся с чала: «мы всѣ преступники, если Гарибальди преступникъ! дали освобожденія Рима!» Между тѣмъ король подписалъ 5-го октября 1862 г., въ силу которой снималась отвѣст Гарибальди и его товарищей предъ закономъ. Это распростра солдатъ, оставившихъ полки и присоединившихся къ генера.

Гарибальди, хотя и перевезенный изъ Вариньяно въ Пи не выздоравливалъ. Наконецъ докторъ Нелатонъ пріѣхалъ рижа и указалъ, гдѣ находится пуля; 23-го ноября проф

нети счастливо извлекъ ее оттуда. Странная вещь! извлеченная пуля имѣла сходство съ головой орла.

Рана стала затягиваться. Но она была и оставалась до конца самой глубокою раной изъ всѣхъ, какія получалъ Гарибальди. Друзья замѣтили это, когда клали въ гробъ священное для нихъ тѣло. Къ тому же, это была рана не только въ ногу, но и въ сердце великаго патриота...

К О Н Е Ц Ъ.

* * *

Безплодно жить... Ужасное сознанье!
И все кругомъ такъ ясно говорить:
— «Жизнь—цѣпь нужды, болѣзней и страданья,
Рядъ огорченій и обидъ»...

Къ чему-же жить? Ужель для идеала?
Но «заросла къ нему народная тропа»
Высокимъ терніемъ, гдѣ змѣй невидныхъ жало
Разить героя и раба...

Къ чему-же жить?.. Ахъ, жить для жизни надо:—
Пускай дано намъ ясно сознавать,
Что жизнь—бѣда;—есть въ жизни и отрада:
Безплодно жить,—безплоднѣй умирать!.

А. Днѣпровскій.

Два стихотворенія.

I.

Мужицкій каравай.

Вспахано поле, засѣяно...
Трудъ былъ упоренъ, великъ;
Дѣла ужь много подѣяно;
Много томился мужикъ.

Вѣрилъ онъ въ силу могучую,—
Зѣрна она оживить...
Вѣрилъ онъ въ тучку летучую,—
Землю она напоить...

Вѣрилъ и въ поле угрюмое,—
Золотомъ будетъ сверкать...
Будетъ онъ съ пѣснею-думою
Въ полѣ съ семьей страдовать...

Вѣрилъ... Нанять отрадное!..
Вѣруй,—а хлѣбъ отдавай!
— И разѣваются жадные
Рты на его каравай.

II.

Съ пашни.

Нива спить въ туманномъ полусвѣтѣ.
Соловьи поють въ ночной тиши...
Хорошо, неправда-ли, въ каретѣ
Мчатся здѣсь, въ задумчивой глуши?

Ночь глядитъ такъ ласково, привѣтно!
Такъ прекрасенъ звѣздный небосклонъ!
Изъ кареты горе незамѣтно,
Бѣдняка не слышенъ грубый стонъ...

Мчишься ты, въ красавицу влюбленный...
Обвила ей станъ твоя рука...
Мудрено-ль забыть тулупъ дубленый,
Грязный лапоть, слезы мужика?!

Что народъ—предъ женскою любовью?!
Предъ огнемъ очей—лучины чадъ?!...
— И надъ пашней, надъ мужицкой бровью,
Поцѣлуи сладкіе звучать.

С. Ивановъ.

БРАТЯ РАМУЛТЫ.

Современная повѣсть І. Крашевскаго.

XVII.

Привыкшій къ тяжелымъ передергиваніямъ жи
съ стоическимъ мужествомъ выдержалъ послѣднее
далеко не такъ перенесла его Лелія, какъ существо

На другой день послѣ размолвки Ганны съ Силь
вращения кольца Юношѣ, Лелія хотѣла казаться ра
къ вечеру не выдержала, и въ изнеможеніи со сле
постель. Теперь она лишилась послѣдней дружбы и,
которому еще такъ недавно улыбалась судьба,
нея никого. Безжалостная судьба порвала единств
свѣя отношенія съ столь любимымъ семействомъ
непоправимо, безвозвратно. Жертва, на которую
ради брата, теперь была уже бесполезной и даже б
ную тѣнь на всю ея жизнь. Теперь,—какъ говори
была опозорена, обезчещена вмѣстѣ съ своимъ брат
Сильвана прибавилось энергіи, тѣмъ болѣе у тѣхъ,
вали объясненія его поступковъ. Одинъ только Гер
на ихъ сторонѣ, хотя роль его казалась слишкомъ
ной, изъ чего можно было заключить, что онъ б
всѣхъ недоразумѣній между Ганной и Сильваномъ
щую минуту, она не могла понять Ганны. Глубока
чалъ повергла въ отчаяніе по обыкновенію веселую
чивую Лелію, позволявшую себѣ увлекаться несбыт
дами и строить на шаткой почвѣ воздушные замки

Сильванъ засталъ ее съ заплаканными глазами
номъ состояніи. Онъ пришелъ къ ней за совѣтомъ
ея пасмурнаго настроенія, счелъ лучшимъ оставити

удобнаго времени, не желая подливать желчи въ безъ того уже набольшее сердце.

Въ этотъ именно день, одинъ изъ пріятелей Сильвана, которыхъ у него была масса, выразилъ ему свое подозрѣніе относительно его грустнаго настроенія, которое обращало на него всеобщее вниманіе, и предостеречь его о предстоящей грозѣ. Сильванъ, со времени своего поселенія въ городѣ, пріобрѣлъ кружокъ преданныхъ друзей, средства къ жизни и труду; привыкъ уже къ этому мирному уголку, гдѣ, какъ говорилъ онъ, слышалъ звуки родной рѣчи... Предстоявшая гроза, тѣмъ болѣе, если она готовилась не то же друзьями, не могла бы быть предотвращена ни просьбами, ни ласками, ни вліяніемъ, еслибы не своевременное предупрежденіе истиннаго друга, что дало ему время обдумать свое положеніе, и это спасло его. Онъ хотѣлъ было довѣриться сестрѣ и вмѣстѣ съ нею обдумать свое положеніе, чтобы въ - время предупредить грозившій ударъ. Однако, видя ее разстроенною, онъ заглянулъ въ себѣ желчь, давно накипѣвшую на сердцѣ.

— Не понимаю, право, сказала Лелія брату, видя его равнодушнымъ къ постигшей его непріятности:—Ты, видно, не любишь ее, потому что ты совершенно спокоенъ.

Сильванъ горько улыбнулся.

— Я любилъ Ганну, но любилъ ее тою простушкою, какою она пріѣхала сюда изъ деревни; я любилъ давнишнюю, идеальную Ганну, которая теперь, въ сравнительно короткое время, по сласти своего характера, поддавалась вѣянію воздуха, который она немѣтно вдыхала. Но могу-ли я обвинять ее? Могу-ли выразить ту боль, которая таится въ моемъ сердцѣ. Эта метаморфоза прекраснѣйшаго существа въ пошлую, слабую, изувѣченную дѣвушку—я меня больше, чѣмъ потеря сердца, потому, что она составитъ утрату вѣры въ самую любовь. Я буду носить вѣчный муръ по ней, но долженъ сказать тебѣ, милая Леля, что если она должна была измѣниться когда нибудь, то лучше видѣть измѣнившешюся теперь, чѣмъ послѣ... Я думаю, дорогая Леля, здѣшній воздухъ будетъ вреденъ теперь для нашего здоровья, залъ Сильванъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Слава нашему пателю, мы еще настолько счастливы и богаты, что о насущнѣмъ кускѣ хлѣба намъ нѣтъ надобности особенно заботиться... Больше одною тяжестью на душѣ. Соберемъ свои пожитки и, съ бжею помощью, переселимся туда, гдѣ воздухъ не зараженъ дной атмосферой...

— Чтобы опять натолкнуться на таких же людей прибавила Лелія...

Въ этотъ вечеръ Сильванъ не сказалъ больше сительно Ганны и, успокоивъ сестру, поздно вечеромъ домой.

Ночь была лунная, тихая. Это былъ часъ, возвращалась изъ театра. Сильвану нужно было театра. Въ это именно время, когда Сильванъ п театральныхъ воротъ, изъ боковой калитки вышли суфлера; за ними слѣдовалъ Шершень съ тетрад Віола играла въ первый разъ послѣ своего выздоров встрѣтила ее градомъ восторженныхъ аплодисментовъ тивно почувствовала присутствіе Сильвана вблизи себя замѣтила его. Не смотря на радушно-восторженный она возвращалась домой измученная и грустная. ціальныхъ артистовъ собиралась вскорѣ уѣхать из вала свои предпослѣднія представленія.

Увидѣвъ Сильвана, и не обращая вниманія на п шуюся на улицѣ по выходѣ изъ театра, Віола под и, хватая его за руку, воскликнула:

— А, это вы!.. Какъ я рада, что вижу васъ тила васъ въ креслахъ и не знала, что случилось

— Я былъ все время очень занятъ—возразилъ

— Пойдите ко мнѣ, прошу васъ, хоть на минутъ Віола.

Въ это время, съ другой стороны появился Гер его, Віола выпустила руку Сильвана и замолкла. шеніе ея слышалъ Германъ и, привѣтствуя ее, ска

— Ужь если приглашаете Сильвана, то вст пожалуйста, и меня...

— Не имѣю счастья знать васъ такъ близко...

— Повѣрьте, m-Ne Віола, что не я виноват много разъ напрашивался на знакомство, но все безу димому, моя фізіономія мало общается удовольіи можетъ, я пользуюсь такой репутаціей, что две тры всегда заперта для меня... Кажется, что б бы засвидѣтельствовать, что я, не смотря на всѣ всѣмъ злой человѣкъ.

— Я новыхъ знакомствъ не... люблю, возраз

— Но мнѣ кажется, что я старый знакомы кромѣ сегодняшняго вечера, не пропускалъ ни одного

которомъ вы фигурировали на сценѣ, я искренній почитатель вашего таланта.

— Къ чему комплименты; я не стою ихъ, возразила Віола.

— Я такъ боготворю васъ, что не осмѣлился бы говорить вамъ комплименты, но настаиваю лишь на томъ, чтобы вы пригласили меня вмѣстѣ съ братомъ, хоть на четверть часа; я буду такъ скромнъ, такъ тихъ, что вы сами удивитесь.

Віола молчала.

— Если вы не пригласите меня, продолжалъ онъ,—то лишены будете удовольствія видѣть у себя Сильвана.

— О, въ такомъ случаѣ прошу покорно обонхъ, размѣялась Віола.

Сильванъ слушалъ веселую болтовню Германа съ какимъ-то собственнымъ удовольствіемъ, точно ихъ разговоръ предвѣщалъ ему какую-то неожиданность. Шершень ворчалъ что-то подъ-носъ, а тарушка, хотя и молчала, но была очень недовольна.

Они подходили уже къ квартирѣ. Германъ оглянулся назадъ, въ слѣдовавшему за ними Шершеню, и шопотомъ сказалъ:

— Великій артистъ! Благодаритель! Ты, что игрывалъ монарвъ на варшавской сценѣ!.. сдѣлай для меня величайшее одолѣніе, и я готовъ буду преклониться предъ твоимъ талантомъ... я самъ слышалъ, какъ Віола пригласила меня... вотъ тебѣ выги... Сходи, пожалуйста, купи фруктовъ, конфектъ и всего, о тебѣ понравится, и принеси къ Віолѣ... умоляю!..

— Но, графъ!..

— Безъ всякаго «но», возразилъ Германъ послѣшно убѣгая Віолой. Поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ, Сильванъ иронически шпнулъ брату:

— Что же? и сюда я ввожу тебя для того, чтобы ты потомъ толкалъ меня отсюда?

Германъ покраснѣлъ и, пристально взглянувъ на брата, сказалъ:

— Ты самъ себя, братецъ, выталкиваешь отовсюду, потому что ты изъ того сорта людей, по плечамъ которыхъ можно взибѣться, какъ по лѣстницѣ.

Они взошли уже въ третій этажъ; старушка копошилась, отъбивая свѣчу; между тѣмъ луна фантастически освѣщала убожьище артистки. Віола въ молчаніи стояла посреди комнаты; ожиданіи свѣта, разговоръ былъ прерванъ на минуту и только кое дыханіе нарушало безмолвіе комнаты.

Лишившись помощи благовѣрнаго супруга, побѣжавшаго, по

просьбѣ Германа, за покупками, старушка ворочала свѣчи, и едва могла справиться съ этой работой.

— Садитесь, господа, проговорила Віола, когда зажгла свѣчу и внесла въ комнату:—прошу извиниться чѣмъ и угостить васъ.

— Взглядожь и улыбкой угостите насъ, и вольны.

Віола серьезно взглянула на Германа.

— Вы совершенно похожи на ваше второе имя, пользуясь случаемъ, я могу возвратить вамъ по

— Вы насъ обоихъ находите безразсудными?

— О, нѣтъ;—но такъ какъ вы молоды и боитесь даже надъ тѣмъ, что больно другимъ.

— Мнѣ кажется, вступился Сильванъ,—что вы катъ не съумѣль-бы иначе, какъ только смѣясь...

— И смѣяться не иначе, какъ со слезами, Германъ.

Віола съѣла; Германъ сталъ передъ нею и пожелалъ Вошелъ Шершень, въ сопровожденіи мальчика, съ двумя новыми покупками. Артистка вскочила, сдѣлавъ недоумительно покраснѣвъ до ушей.

— Это что такое!? воскликнула она.

— Это Сильванъ распорядился, и очень умно развилъ Германъ.

Артистка съ укоромъ взглянула на обвиняемаго, ражалъ, но Шершень едва не выдалъ Германа, да отойти въ сторону.

— Графъ, сказалъ онъ тихо, точно подъ секретъ, такъ много нанесли этой дряни, а денегъ только пополовины.

— Я ничего не знаю, возразилъ Германъ и от

Столъ, заставленный фруктами и разными другими, которыми находилось и вино,—захваченное суфлеромъ себя, чѣмъ для гостей,—соблазнилъ бы голодныхъ хотѣла даже прикоснуться къ лакомствамъ. Ей не приходило въ голову дѣлать чужое угощеніе въ своей квартирѣ.—Не придать, среди своей убогой обстановки, такую роскошь, знала еще, кто былъ настоящій виновникъ, и, обидевъ ванау, сказала:

— Вы сдѣлали мнѣ этимъ большую неприят

то обыкновенію кусочкомъ хлѣба съ сыромъ... Такая роскошь не для меня... кушайте сами, господа...

— Вамъ это непріятно? переспросилъ Германъ серьезно.

— Очень непріятно, повторила Віола.

— Въ такомъ случаѣ Сильванъ виноватъ передъ вами, и тобы исправить его ошибку, я помогу этому горю.

Съ этими словами Германъ собралъ все принесенное въ ска-ертъ и выбросилъ за окно; затѣмъ спокойно возвратился на свое мѣсто, и чтобы Сильванъ не предупредилъ его, онъ заговорилъ пер-ый, обращаясь любезно къ хозяйкѣ:

— Вы дома очаровательнѣе, чѣмъ на сценѣ. Я боялся, чтобы е найти въ васъ и здѣсь артистки.

— О нѣтъ; я здѣсь не больше, какъ бѣдная, убогая си-ота, питающаяся съ дѣтства кускомъ чернаго хлѣба, зарабаты-емаго кривляньемъ на сценѣ, возразила Віола:—Для меня ужъ ишкомъ достаточно какъ жизни, такъ и сцены!

— Это ужъ черезъ-чуръ трагически, разсмѣялся Германъ:— я предпочитаю комедію... она больше похожа на человѣ-ство.

— А кому судьба насильно навязываетъ трагедію? отозвался льванъ.

— Судьба даетъ намъ только матеріалъ, который мы, по сво-у усмотрѣнію, можемъ передѣлывать въ фарсъ.

Віола разсмѣялась; Германъ былъ счастливъ своей остротой и, обыкновенію, пустился въ веселую болтовню, въ которой гре-ли стихи излюбленнаго имъ Гейне и звенѣли шутовскіе бубенчики, ѣ у шапки клоуна. Сильванъ, прерываемый неизсякаемымъ окомъ словъ Германа, едва могъ включить въ разговоръ нѣ-лько холодныхъ фразъ. Герману хотѣлось вызвать его на ожив-ную бесѣду—но напрасно... Веселая болтовня Германа хотя и очень забавляла Сильвана, но зато развлекла Віолу... Раз-оръ могъ бы продолжаться еще нѣкоторое время, еслибы ршенъ не вошелъ въ комнату и не прекратилъ ихъ бесѣды; на-вшись къ уху Сильвана, точно желая ему сказать что нибудъ секрету, суфлеръ сказалъ:

— Шли-бы вы, господа, и графы, и не графы, домой, ѣ; вѣдь теперь ночь, барышня измучена, мосци добро-о. Что скажутъ люди, если мы будемъ поздно сидѣть, не ая ужъ того, что вылетѣло за окно... Идите-ка, господа, ле, спать!..

Сильванъ дернулъ за рукавъ брата.

— Идемъ, сказалъ онъ; но Германъ, каза оставивъ развеселившуюся хозяйку. Наконецъ онъ и сказалъ:

— Не могу уйти отсюда, не выразивъ вамъ знательности и не испросивъ затѣмъ вашего позволенія иногда къ стопамъ вашимъ чувство моего глубокаго уваженія.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Извините меня, я никого не возразила съ ужасомъ Виола.

— Да, барышня никогда и никого не отвергала, твердо сказалъ Шершень.

— А моего брата, напримѣръ?.. Прошу тебѣ позволенія зайти иногда съ братомъ и... повеселить васъ. Этого трагедію, вамъ нисколько не мѣшаетъ имѣть у себя въ минуту отдохновенія, такого комика, какъ я.

Виола поклонилась, оставляя Германа безъ отговорокъ.

Молодые люди ушли.—Шершень, провожая ихъ, вспомнилъ анекдотъ о собакѣ, провожавшей чужака въ дворъ.

Выйдя на улицу, Германъ, въ знакъ благодарности обнимать Сильвана.

— Отчего ты такъ адски скученъ? спросилъ Шершень.

— Еслибы ты спросилъ меня, отчего я такъ скученъ, я бы тебѣ сказалъ дѣло.

— Твой вопросъ, пожалуй, нелегко разрѣшить, потому что твоя скука и моя веселость возникаютъ изъ одного и того же источника... я смѣюсь надъ свѣтомъ, а ты грустишь надъ нимъ... *cela revient au même*, свѣтъ груститъ, а ты смѣешься.

— Пожалуй, и того хуже—золь! прибавилъ Шершень.

— Это почти одно и то же; но мнѣ все-таки гораздо свободнѣе и легче переносу жизнь, чѣмъ тебѣ.

— Потому что ты ходишь въ золотомъ ярмолкѣ, а я въ бѣломъ.

— Однако, по моему мнѣнію, я стою ближе къ свѣту, чѣмъ ты. Ты считаешь свѣтъ серьезно, а я только черезчуръ трагически... свѣтъ—это не болѣе, чѣмъ свѣтъ, а ты считаешь его серьезно... еслибы ты послушалъ мой разговоръ съ Любичемъ, ты бы не далъ мнѣ честь назваться моимъ отчимомъ!.. елибы ты слышалъ наши препирательства о нравственности, ты бы не далъ мнѣ честь назваться моимъ отчимомъ!.. елибы ты слышалъ нашу интимную жизнь которыхъ я знаю, какъ своихъ, ты бы не далъ мнѣ честь назваться моимъ отчимомъ!.. то... то ты положительно умираешь бы со смѣхомъ, а я бы серьезно... эти юмористическіе фарсы... я не могу притворяться серьезно... Слабость сердца, слабость духа, слабость

рактера, все слабости и слабости безконечныя, а силы?—ни на юту... Извини меня, братъ, прибавилъ онъ:—нѣтъ и у тебя этой силы,—у тебя, какъ человѣка, и какъ человѣка-исполина; ты страдаешь отъ пустаго укола булавки, и, какъ пронизанная муха, грепещешь.

— Я! воскликнулъ Сильванъ.

— Да, ты.—Я вѣдь знаю тебя.

— Полно! такъ-ли?

— Даже знаю и то, что дѣлается съ тобой.

— Какъ такъ! удивился Сильванъ:—ты намекаешь объ угрожающей мнѣ опасности? Ты тоже знаешь о ней? впрочемъ объ этомъ уже всѣ знаютъ.

— А ты развѣ знаешь, какая опасность угрожаетъ тебѣ? въ свою очередь удивился Германъ:—Какимъ образомъ ты узналъ? объясни мнѣ, пожалуйста. Я шелъ къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы предостеречь о планѣ нашей конгрегациі... Ты знаешь о немъ?..

— Мнѣ все ужь извѣстно и, какъ мнѣ кажется, планъ тотъ созрѣлъ, потому что... вступленіе уже сдѣлано...

— Что же ты думаешь?

— Ничего пока не думаю, пожимая руку брата, возразилъ Сильванъ;—одно лишь знаю, что люблю тебя не какъ брата по рови, а какъ брата по духу, за то именно, что тебя возмущаетъ всякое зло, потому что ты благородень. Послушай Германъ: шути, смѣйся, глумись, но не позволяй себѣ испортиться.

— Но знаешь ли, что мнѣ трудно поручиться за себя, вздохнувъ, сказалъ Германъ:—у меня бывають иногда адскія минуты... угатырскіе порывы... но, въ концѣ концовъ, я не знаю: кто я, что я... Меня опьяняетъ вино, взглядъ женщины, избытокъ редствъ, фантазія, и я рѣдко бываю трезвымъ, а если и бываю тогда, то я грущу въ то время, скучаю и ненавижу самого себя.

— Дитя! разсмѣялся Сильванъ.

— Однако, будемъ говорить серьезно:—Что ты думаешь предпринять?

— Что-жъ предпринять? Меня ничто больше не удержитъ здѣсь; если подтвердится слухъ о моемъ изгнаніи;—а что въ подтвердится, это вѣрно. Я не стану дожидаться, пока меня выдять убраться, а самъ потихоньку уберусь... все равно, куда и ни было...

— А твои надежды?..

— Немного ихъ было у меня, но и тѣ потеряны...

Такъ они дошли до калитки Сильвановой квартиры, гдѣ и

распрошались. Германъ, засунувъ руки въ карманъ, направился домой. По дорогѣ, размышляя о суетѣ, увидѣлъ освѣщенные окна ресторана, въ которомъ сидѣли ихъ пріятелей, знакомыхъ и незнакомыхъ. Германъ на подоконникѣ, такъ чтобы чрезъ занавѣску можно было трѣть внутренность комнаты. Тамъ былъ пиръ «оркестръ» кругъ стола сидѣли, съ раскраснѣвшимися лицами, именно въ это время Доленга поднималъ бокаль.

— Господа, ораторствовалъ онъ:—еще одно слово и пить и любить...

Тотъ, произнесенный человѣкомъ, который, далъ брата за тридцать улыбокъ, тридцать объѣдовъ, былъ встрѣченъ шумными аплодисментами и криками. Герману сдѣлалось противно смотря на ироническая улыбка проскользнула по его губамъ. Онъ живъ рукъ за спину, онъ продолжалъ смотрѣть... бесѣдниковъ взглянулъ на окно и, замѣтивъ Германъ, Доленга бросился къ окну. Германъ отшатнулся и ждалъ.

Окно открылось. Германъ снялъ шляпу и равн...

— Извините, господа; я хотѣлъ пожелать вамъ...

Это понравилось кутившимъ. Такъ какъ въ ресторанъ послано пригласительное письмо на этотъ «пиръ» онъ былъ желаннымъ гостемъ. Болѣе всѣхъ тащи Любичъ. Германъ, въ подобныхъ случаяхъ, никогда не, быстро перешагнувъ черезъ окно, занялъ мѣсто у окна, лицо котораго лоснилось, какъ янтарь... струился съ него... Онъ съ чувствомъ началъ говорить графа.

— Откуда ты, графъ, появился здѣсь? спросилъ Доленга.

— Шелъ, конечно, по улицѣ, и инстинктомъ чувствую что вы здѣсь.

— О, честная, добрая душа! воскликнулъ Доленга, нять бокалы, тамъ веселье, любовь и всѣ благородныя чувства.

— Вы правы, сказалъ Германъ:—бокаль, бокаль, вѣня... всѣхъ пощечинъ, которыми щедро награждаетъ судьба; всѣхъ глупостей, которыя мы творимъ; всѣхъ которыми пропитаны и которыми служимъ, яко бы мы были цѣлей...

Сильный шумъ пирующихъ прервалъ слова Гер...

— Что съ нимъ! воскликнулъ оскорбленный Папжица... Слова его пахнуть революціей... это...

— Чудакъ и больше ничего, перебилъ Любичъ: — любитель парадоксовъ... вся сила у него въ языкѣ, и поэтому онъ нисколько не опасенъ!..

XVIII.

Германъ, казалось, воскресъ къ новой жизни, и скука, которой онъ всегда хворалъ, исчезла безслѣдно; онъ чувствовалъ теперь потребность полезной дѣятельности. Одна незначительная искра упала и раздула въ немъ пламя. Но откуда появилась эта искра — угадать трудно; достаточно того, что онъ преобразился и былъ неузнаваемъ; въ немъ остался только тотъ сарказмъ, какой былъ раньше, если только не увеличился больше.

Въ то время, какъ Сильванъ, не смотря на энергическій характеръ, съ каждымъ днемъ все болѣе удалялся отъ свѣта и людей, думалъ и передумывалъ о суетѣ мірской, рѣшая порвать всякую связь съ нею, — Германъ, наоборотъ, бросался въ борьбу съ этимъ же свѣтомъ, и съ юношескимъ пламенемъ искалъ сильныхъ ощущеній. Никто не могъ объяснить его поступковъ: чего именно хотѣлось ему, къ чему и куда стремился онъ. Теперь онъ былъ полновластнымъ господиномъ времени и послушнымъ орудіемъ впечатлѣній, не думая считаться съ наступавшимъ днемъ.

За ужиномъ, на который нечаянно попалъ онъ черезъ окно, сидѣли очень долго, и онъ терпѣливо сидѣлъ съ ними до конца, стараясь возможно больше напоить другихъ, тогда какъ самъ едва касался губами бокала, и, подъ шумокъ, извлекалъ изъ нихъ побольше нужныхъ для него свѣдѣній. Онъ, какъ искусный плутъ, очищающій чужіе карманы, выворачивалъ на изнанку ихъ мозги, итобы выжать изъ черепа сокровенныя мысли; онъ былъ вполне доуленъ своей продѣлкой, которая развязывала языкъ пирующихъ и выказывала много любопытныхъ вещей; изъ этого боя онъ вышелъ цѣлъ и невредимъ, съ свободной головой и ясными мыслями.

Одною изъ лучшихъ добычъ этого вечера, было для Германа то, что Доленга «нализался», въ буквальномъ смыслѣ слова. Съ нимъ рѣдко случалось это; но разъ случилось, онъ легко шелъ въ разставленную ему ловушку, и не выходилъ уже изъ нея. Такъ произошло и теперь... Шампанское возбудило въ немъ необыкновенную веселость и любовь къ людямъ. Онъ полюбилъ Германа, восхищался имъ и лѣзъ въ объятія; взявъ его подъ руку,

онъ началъ рассказывать всё, извѣстныя только

— Люб... безный гр... графъ, говорилъ онъ въ комъ: — ты не имѣешь понятія, какъ я люблю т... Любичъ... чтобы чортъ побралъ его!.. Это фоганъ!.. былъ жениться на твоей матери... О, тогда ты уви у насъ было бы весело... Это иезуитъ... это фоганъ знаешь, графъ, съ жаромъ продолжалъ Доленга, въ темный уголъ: — ты ничего не знаешь, графъ... начинаеть съ дочерью одного нѣмца... общалъ да ней и... и, кажется, ужъ есть доказательство его лѣтняя... да. двухлѣтняя... Скандаль можетъ выйти и а онъ каждый день ходить къ ней.

— Вы сдѣлали бы для меня величайшую услугу дали мнѣ ея адресъ.

— Нѣтъ ничего легче... Gretchen Frisch, доч Мостовая, № 15... Но, Бога ради, не выдавай меня.

— Никогда и никому не измѣнялъ, возразилъ ливая ему шампанскаго изъ находившейся вблизи поцѣловались. Доленга часто прикладывался къ боу ровье, пока, наконецъ, уснулъ въ креслѣ.

Заручившись такимъ важнымъ фактомъ, отно ныхъ похождения Любича съ фрейленъ Гретхенъ, Г въ рукахъ оружіе, которымъ могъ избавиться отъ покровительства Любича; теперь дѣло было только какъ-нибудь убѣдить графиню, что она была обман

На слѣдующій день, послѣ тщательнаго взвѣ Германъ, никому не сказавъ ни слова, отправилс Мостовую улицу и отыскалъ помянутый номеръ дом маленькій, невзрачный; первый этажъ находился и имѣлъ три окна на улицу; здѣсь-то и помѣш Фришъ. Внизу онъ узналъ, что Готлибъ Фришъ б вдовецъ, жилъ только съ дочерью, и что она была нялся наверхъ. Дверь открыла ему служанка, и н Гретхенъ, пошла узнать, приметъ ли она гостя. служанка возвратилась и просила войти въ комнату нѣмецкомъ вкусѣ, украшенную множествомъ бездѣл ленныхъ на комодѣ, этажеркахъ и столикахъ; хор цы маскировали бѣдность обстановки и придавали лый видъ. Черезъ минуту вошла хозяйка съ в кой на устахъ, одѣтая съ претензіей на щегольс высокаго роста и довольно привлекательной наружи

незнакомаго человѣка, она быстро сдвинула брови. Повидимому, она не надѣялась увидѣть незнакомаго ей человѣка.

Германъ извинился, что обезпокоилъ ее, и просилъ удѣлить ему нѣсколько минутъ для переговоровъ по очень важному дѣлу. Гретхенъ хотя и согласилась, но сдѣлала недовольную физиономію; однако, не смотря на это, она пристально смотрѣла на молодаго человѣка, смѣривъ его съ головы до ногъ.

Послѣ краткаго, но высокопарнаго вступленія, Германъ выразилъ ей сочувствіе въ ея грустной исторіи съ Любичемъ, и, какъ человѣкъ сантиментально-деликатный, узнавъ объ этой исторіи, счелъ священнѣйшею обязанностію предупредить ее о могущихъ выйти недоразумѣніяхъ, и пришелъ дать ей добрый совѣтъ.

Гретхенъ, трактовавшая его сначала сурово, расплакалась и просила его содѣйствія. Она вдругъ оживилась и, признавшись въ своихъ сношеніяхъ съ Любичемъ, побѣжала въ другую комнату и вынесла оттуда очень миленькаго ребенка. Вся въ слезахъ, она благодарила Германа за теплое участіе къ ея судьбѣ, обѣщая ему искреннюю свою признательность до конца жизни.

Входя въ ея положеніе, Германъ посовѣтовалъ ей, какъ взяться за дѣло и когда прийти съ ребенкомъ къ графинѣ, съ которою былъ въ хорошихъ отношеніяхъ (онъ не сказалъ своей фамиліи). Посовѣтовавъ ей не соглашаться ни на какія уступки, а требовать непременно брака съ Любичемъ, онъ обѣщалъ ей, въ случаѣ удачи, оказать матеріальную помощь. Не находя выраженій благодарности своему благодѣтелю, Гретхенъ подарила его сладкой улыбкой и прощательнымъ взглядомъ. При уходѣ Германа, она съ такимъ чувствомъ пожала ему руку, что онъ готовъ былъ обратно вернуться къ ней въ комнату.

— Поступайте только разсудительно, энергично, и я ручаюсь за успѣхъ, говорилъ онъ на прощанье:—а главное, побольше огласки; это поможетъ!

Потирая руки отъ удовольствія, Германъ выбѣжалъ на улицу, и, закуривъ сигару, началъ строить воздушные замки. Онъ чувствовалъ себя способнымъ къ дѣлу. Передъ нимъ еще были Сильванъ, Лелія и Юноша, которыхъ онъ задумалъ непременно «округить», — это казалось ему очень забавнымъ; — затѣмъ Ганна, которая, насколько была любезна и привлекательна, настолько же пугала его, и въ концѣ концовъ—Виола, въ которую, какъ говорится, онъ врѣзался по уши.

Не смотря на запрещеніе Виолы бывать у нея безъ Сильвана, Ю впущенный уже разъ, онъ рѣшился и теперь воспользоваться

случаемъ и зайти къ ней. Онъ направился прямо Виолы. — Конечно, его тамъ не ожидали. — У дверей шень. Увидѣвъ его, Германъ построилъ самую левиннуу

— А! здравствуйте, г-нъ Шершень.

— Никайшее мое почтеніе, графъ.

— Что Сильванъ здѣсь?

— О, нѣтъ... въ такую пору!

— Какъ! Да вѣдь онъ обѣщалъ быть здѣсь не Германъ посмотрѣлъ на часы.

— Обѣщалъ быть?!.. удивился Шершень, качая бы не вѣря ему: — Обѣщалъ быть, мосци добродѣю?

— Да, непременно будетъ и очень скоро, я убѣжд Еслибы мнѣ можно было подождать здѣсь минуточку

— Здѣсь!.. спросилъ Шершень.

— Да; спросите у барышни, — ручаюсь, что она ливѣ васъ, господинъ артистъ, и позволить...

Виола стояла у дверей и слушала ихъ разговоръ; казалось бояться порядочнаго человѣка. Она полу и отозвалась къ Герману:

— Вы хотите у меня подождать Сильвана? Э развѣ онъ обѣщалъ быть?..

— Непременно! — совралъ Германъ, пожирая ея гдая прелесть Виолы, казалось, увеличивалась ея слаб шитностью. Въ ней проглядывала та болѣзненная кра рую, для контраста, влюбляется здоровье. Черные въ т тахъ глаза блестѣли чуднымъ блескомъ огня; лицо б прозрачно; маленькія губки обрисовывались острыми цвѣтомъ, въ которыхъ было столько прелести и загадо что трудно представить... Черные, нѣсколько растрепе обрамлявшіе ея темно-мраморное лицо, придавали волшебный колорить.

Виола вошла въ комнату, за нею проскользнула Германъ, а Шершень, ворча себѣ подъ носъ и по ми, остановился у дверей на стражѣ. Жена его, въ чаяхъ, любила вертѣться въ комнатѣ безъ вся причины.

— Я назначилъ здѣсь rendez vous Сильвану, манъ, — чтобы узнать о вашемъ драгоцѣннѣйшемъ очень благодаренъ вамъ, что вы были такъ любезны и меня ждать на лѣстницѣ... А мнѣ, признаться, оч видѣть васъ.

— Чтобы скомпрометировать меня; чтобы потом похвастаться перед друзьями, что вы бываете у актрисы? Чтобы, наконец, ваши приятели говорили о наших интимных отношеніях?.. Не правда ли? говорила быстро Виола.

— Это доказываетъ, что вы меня не знаете, возразилъ Германъ:—Я никогда и ничего не дѣлаю для людей, ничѣмъ не хвастаю передъ ними и живу только для себя.

— И этимъ вы, конечно, гордитесь?

— Нѣтъ; но я не скрываю своихъ поступковъ... Съ перваго появленія вашего на сценѣ, вы побѣдили меня и, къ чему скрывать, я влюбился до безумія.

Виола презрительно пожала плечами.

— Вы! вы? такой графчикъ и влюбился въ такую цыганку, какъ я! ха, ха, ха! Фантазія!..

Послѣ маленькой паузы она прибавила, вертя въ рукѣ кончикъ носоваго платка.

— Правда, что насъ, артистокъ, дѣнать на чистую монету... насъ считаютъ нищими, жаждущими широкой жизни; правда, что многія изъ насъ, за минуту развлеченія, жертвуютъ собою; но, графъ, я исключеніе между ними; я такъ дика и наивна, что лучше соглашусь на мучительную нужду, чѣмъ на униженіе себя... Къ чему напрасныя слова?.. Воспитанная нуждою, освоившаяся съ нашею жизнью, я, не колеблясь, говорю, что думаю... Это, быть можетъ, неблагородно съ моей стороны, но къ чему мнѣ обманывать васъ?

Простота, съ которою она говорила эти слова, не торопясь, не краснѣя, чрезвычайно растрогала Германа.

— О, вы приводите меня въ восторгъ своею откровенностью, вскричалъ Германъ:—вы вызываете во мнѣ чувства... я не стану хвалиться, что я существо исключительное, но скажу лишь то, что я никогда не лгу, развѣ, при случаѣ, съ тѣми, кто хочетъ оболгать меня... Говорю искренно, я люблю васъ!.. Это не вѣтряность съ моей стороны... я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые, если полюбятъ разъ, то полюбятъ навѣки...

— А я, наоборотъ, принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, которыя смѣются, когда говорятъ имъ о любви, и я имѣю теперь гу-же охоту...

— Это устарѣлая и злая метода—возразилъ Германъ.—Я докажу этъ:—есть любовь, которая выдерживаетъ испытаніе черезъ огонь и воду, а между тѣмъ охлаждается отъ одного привоснове-

нія въ ней снѣжинки. Въ испытаніи играетъ роль и бовь; но къ чему испытанія? Сердце само должно ч

— Ничего не чувствую! разсмѣялась она.

— Я не отчаяваюсь, все можетъ измѣниться.

— Сомнѣваюсь... Графы, какъ напр. вы, влюбл
кихъ цыганокъ, какъ я, на двѣ, много на три недѣли
замѣнять новыя...

— Напрасно вы причисляете себя къ числу
нокъ...

— Увы! Еслибы я и не причисляла себя къ
люди причислятъ меня.

Германъ сѣлъ на диванѣ.

— Теперь я очень радъ, что Сильванъ не тор
приходемъ... Я очень скученъ для васъ?

— Могу терпѣть.

— Долго?

Виола не отвѣчала. Германъ вздохнулъ.

— Я, по всей вѣроятности, кажусь вамъ ужас
лопаемъ; но, клянусь, я добрый человѣкъ, на мое
вполнѣ положиться.

Виола грустно улыбнулась, взглянувъ на него.

— Боже мой, Боже! сказала она съ грустью:—
невыносимы, мнѣ вотъ такъ и хочется распл
скажите по правдѣ, хватило ли бы у васъ духу
любой изъ вашихъ великосвѣтскихъ барышень?

— Еслибы я чувствовалъ къ нимъ то, что чувст
безъ сомнѣнія, сказалъ бы.

— Но сказавши это, вы чувствовали бы себя
съ нею.

— Я чувствую себя равно связаннымъ и въ от

Виола пожала плечами и отвернулась въ сторону
шелъ въ комнату, по обыкновенію ворча про себя,
на графа и на Виолу, пожалъ плечами и опять вып
гзялся за шляпу.

— Видно, не дождусь я Сильвана... Поговоримъ с
Виола... Умоляю васъ, позвольте мнѣ приходите къ
со словомъ утѣшенія... Къ сердцу, быть можетъ,
къмъ либо, я не имѣю права обращать свои
почему бы мнѣ не быть вашимъ добрымъ братомъ,
телемъ?

— Потому что въ эту дружбу, къ несчастью, и

вѣрить! Вамъ ничего не сдѣлается, а на меня обрушатся всѣ невзгоды... Неужели вы хотите, чтобы я за эти минуты утѣшенія платилась незаслуженнымъ стыдомъ и сплетнями людей?..

— Да, это правда! Но еслибы вы, хотя немного, сочувствовали мнѣ, поняли бы меня, повѣрили... быть можетъ, тогда и удостоился бы я чести... посѣщать васъ.

Наступило минутное молчаніе; у бѣдной дѣвушки, почему-то, наvertsывались слезы; она подняла свои черные глаза на Германа:

— Только не говорите никогда о сочувствіи и состраданіи, о любви, сказала она тихо:—Это больно!..

— Согласенъ.—Но я имѣю теперь ваше разрѣшеніе...

— Да, иногда... очень рѣдко... вмѣстѣ съ братомъ,—такъ лучше будетъ. Хоть я не боюсь васъ, но злые языки...

Графъ подпрыгнулъ отъ радости и, схвативъ руку Віолы, страстно прижалъ ее къ своимъ губамъ и быстро удалился.

Шершень, бывший свидѣтелемъ этой сцены черезъ замочную скважину, заперевъ дверь за Германомъ, вошелъ въ комнату.

— Ей Богу, барышня, такъ не хорошо. Одинъ былъ сносный человѣкъ, Сильванъ; теперь братъ, потомъ свать и, наконецъ, ихъ наберется здѣсь цѣлая дюжина... это, право, скверно... Вы ужъ простите мнѣ, что я суюсь не въ свое дѣло, но это не хорошо, барышня...

Віола расплакалась; старушка подступила къ мужу и начала бранить его.

— Глупая старушенка, пошла прочь! окрысился на нее суфлеръ:—Я чувствую святую обязанность предупредить зло... Этотъ графчикъ, какъ говорить нашъ безсмертный...

Уходъ Віолы прервалъ нескончаемый потокъ его рѣчи. Супруги начали перебраниваться...

Германъ, которому наконецъ удалось сблизиться съ Віолой, вышелъ отъ нея, полный счастья и блаженства... Все ему теперь удавалось, какъ онъ того желалъ... Онъ прыгалъ отъ радости и жаждалъ болѣе дѣятельности. Отъ Віолы онъ направился къ Сильвану, котораго, къ величайшему своему удивленію, засталъ собирающимся въ дорогу... Поблѣднѣвшая Матуская сидѣла на диванѣ... Собранныя книги и бумаги перевязывались веревками и упаковывались въ сундуки; мальчикъ-слуга вертѣлся тутъ-же и помогалъ собирать пожитки.

— Что это значитъ? воскликнулъ Германъ, входя.

— Еще, пока, ничего; но хочу быть наготовѣ, чтобы, при

первомъ неблагопріятномъ случаѣ, ретироваться отсюда, спокойно Сильванъ.

— Вамъ бы слѣдовало охладить нѣсколько Сильванъ Германъ, обращался къ Леліи.—Онъ черезчуръ ужь и въ черномъ свѣтѣ.

— Что-жъ дѣлать, когда свѣтъ въ сущности таковъ!

— Для какой нибудь мелкой сволочи, которая намъ угрожаетъ!.. О, нѣтъ, нѣтъ!.. Съ того времени, какъ началась Ганна, Сильванъ...

Лелія вскинула на него свои глаза и тихо замѣтила:

— И вы, конечно, были главною причиною этого!

— Я?!. Сомнѣваюсь; но ручаюсь лишь за то, что боюсь ея...

— И только!

— Вы думаете, что я увлекся ею, разсмѣялся! Правда, я заинтересованъ, но далеко не влюбленъ... Я съ нею отъ скуки. Это такой идеалъ, который, поставивъ десталь, нужно окуривать фиміамомъ и поклоняться ему, искать въ другомъ мѣстѣ.

— Хотя Ганна глубоко оскорбила меня своимъ откризила Лелія, вставая съ дивана: — но я должна сказать, что вы слишкомъ несправедливы къ ней.—Нѣтъ словъ, слѣсива, но въ груди ея бьется доброе сердце и присутствуетъ здравый смыслъ... Застѣнчивость дѣвухи няетъ ее отъ глазъ людей.

— Быть можетъ, сказалъ Германъ, влянаясь: — боюсь ея...

Это признаніе развлекло Лелію: большой камень ея души.

— Признаюсь, тамъ на васъ очень рассчитываютъ жала Лелія.—Конечно, не Ганна, но услужливые прихвощенные попечители. Какъ только замѣтятъ, что вы съ арены, сейчасъ начнется травля другъ друга.

— Могу сказать лишь то, сказалъ Германъ, пожимаями:—что никогда не женюсь ради богатства, связей въ томъ моя порука. По любви, пожалуй, можно и сотворить—это дѣло другаго рода; по крайней мѣрѣ, будучи что за эту глупость держишь въ рукахъ ту драгоценную рюю многіе ищутъ, но не находятъ... Что же касается продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія—конечно, боится, вы тоже;—позвольте же мнѣ, въ такомъ случаѣ

вать счастья и похлопотать за васъ... У меня бываетъ иногда много смѣлости, а иногда и счастья... чѣмъ чортъ не шутить...

Сильванъ быстро повернулся къ нему и началъ смѣяться шумно, дѣланнымъ смѣхомъ, хватаясь за бока.

— Ты хочешь быть моимъ адвокатомъ? ха, ха, ха!

— Знаешь ли?—Иногда сумашедшимъ везетъ!—Какъ знать—быть можетъ, мнѣ удастся заштопать прорѣхи.

— Я, братъ, штопанныхъ вещей не ношу—заключилъ Сильванъ.

— Прошу тебя, братъ,—не торопись.

Германъ отвелъ Лелю въ сторону и, пошептавшись съ ней, выбѣжалъ изъ комнаты.

XIX.

На слѣдующій день, когда графиня собиралась садиться за туалетъ, отнимавшій у нея значительное время, а тѣмъ болѣе теперь, когда нужно было употребить все искусство въ подведеніи бровей, рѣсницъ и т. п., чтобы понравиться Любичу, mademoiselle Злоцинская, повидимому предупрежденная Германомъ, доложила о приходѣ какой-то молодой дамы, которая непременно желала лично видѣть графиню и говорить съ нею.

— Быть можетъ, это нищая какая нибудь... простонала графиня:—Пожалуйста, освободи меня отъ нея и дай ей, сколько тебѣ заблагоразсудится.

— Нѣтъ, она вовсе не похожа на нищую, возразила Злоцинская.

— Ну, ужь не говори, пожалуйста; хотя бы въ шелкахъ она была, не повѣрю,—вѣрно за подачкою пришла... Отъ этихъ насадокъ никогда не отдѣлаешься...

— Нѣтъ, графиня, она очень ясно сказала, что нужно видѣть васъ по особенно важному дѣлу, касающемуся, насколько я поняла, господина Любича.

Графиня поблѣднѣла.

— Неужели кто нибудь изъ его бѣдныхъ родственниковъ...

— Нѣтъ; кажется, нѣмка.

— Въ такомъ случаѣ, проси. — Но кто-бы это могъ быть, спрашивается?..

— Не знаю, возразила Злоцинская.

Графиня посмотрѣлась въ зеркало, и, погудривъ лицо, вышла въ залу... Здѣсь уже стояла фрейленъ Фришъ, съ прелестной малюткой на рукахъ, прилично одѣтая и покраснѣвшая отъ

стыда и волненія. По счастью, она говорила по-французски, и могла, слѣдовательно, быть понятой графиней. цузски она разговаривала для того, чтобы показать снѣ и свою принадлежность къ цивилизованному классу.

— Имѣю честь видѣть графиню Рамултъ обратившейся въ входящей графинѣ.

— Точно...

— Вы видите предъ собою жертву невѣрности мнѣ. Сначала она сквозь слезы, показывая ей свое дитя: — Я была нута обѣщаніемъ соединиться брачными узами, что мнѣ писанными, писанными ко мнѣ графомъ Любичемъ. (Слово дала ему этотъ титулъ)...

Съ графиней сдѣлалось дурно, и она съ крикомъ съ диванъ подумавъ сначала, что это дѣло ея сына... нанесенъ въ самое сердце...

— Этотъ гнусный человѣкъ, продолжала Фришъ слезъ и вдохновляясь: — отецъ этой малютки... Я графъ Любичъ думаю жениться, но я, во имя правды, встану противъ этого поступка.

Графиня, закрывъ лицо руками, больше уже не могла. Теперь она поняла, въ чемъ дѣло. Опасенія за послѣднее поражали графиню... Любичъ клялся ей, что принеся жертву цѣломудренныя чувства... и вдругъ такой падежъ одну секунду любовь превратилась въ ненависть и мнѣ встала, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Могу увѣрить васъ, что этотъ человѣкъ больше не можетъ порогъ моего дома... Я не намѣрена входить съ вами бы то ни было объясненія... и прошу оставить меня.

Но отъ Гретхенъ нелегко было отдѣлаться.

— Прекрасно! сказала она: — Но если я буду съ вами, какъ этимъ плутомъ... клянусь, еслибы даже скрыться отъ меня...

— Но я и не думаю скрывать... я не знаю что на!.. Оставьте меня въ покоѣ!.. кричала графиня, себя: — воды, воды, обратилась она къ Злоцинской, коловольчикъ.

На звонокъ сбѣжалась прислуга: камердинеръ въ чаткахъ и во фракѣ, лакей, буфетчикъ, горничная и гардеробщица. Графиня была въ обморокѣ. Камердинеръ, увидя, думая, что она была причиной обморока графини, не сказавъ, вѣжливо пригласилъ ее удалиться. Раздраже

ступала позиціи. Съ графиней сдѣлался истерическій смѣхъ... гасъ послали за докторомъ, и кто-то изъ лакеевъ доможилъ гучившемуся Герману. Онъ въ ту же минуту прибѣжалъ къ эри и, взглянувъ на Фришъ, показалъ видъ, какъ будто совершенно не знаетъ ея. Однако, черезъ посредство Злоцинской, онъ жокилъ ея и попросилъ удалиться.

Съ уходомъ Фришъ, графиня почувствовала себя легче; вода сахаромъ и лавровишневья капли успокоили ея, хотя она еще кала. Всѣ разошлись, одинъ лишь Германъ остался при ма-и. Графиня робко и почти со стыдомъ взяла руку сына.

— Сынъ мой, произвела она, когда всѣ удалились, — нужно дупредить скандалъ. Бога ради, прошу тебя!.. Я обманута!.. бичъ безчестный человекъ!.. Поди и скажи ему это!..

— Мамочка, милая, я... я не могу сдѣлать этого... Нужно ть самимъ написать къ нему и... ручаюсь, что если онъ осмѣ-ся послѣ этого переступить порогъ нашего дома, я сброшу съ лѣстницы.

Долгими слезами и небольшою болѣзнью окончился весенній анъ графини Рамултъ. Всегда набожная, графиня сдѣлалась этого времени настоящей ханжей.

Германъ, предвидя, что онъ понадобится въ этотъ день графинѣ, отлучался изъ дому. Разразившаяся буря, по счастью, во время дупрежденная, смутила Любича. Получивъ письмо графини, остолбенѣлъ отъ удивленія и злобы... Сначала онъ думалъ, ему удастся замаять это дѣло, и потомъ объясниться съ Грехенъ; но пришедшій въ это время ея отецъ объявилъ ему, дочь подастъ на него жалобу и что онъ самъ готовъ ѣхать королю и просить о возстановленіи правъ и чести дочери. Очутившись въ такомъ критическомъ положеніи, Любичъ по-жалъ къ своимъ друзьямъ и просилъ спасти его.

Дѣло это нельзя было оставить безъ вниманія, такъ какъ идалъ касался яраго защитника общественныхъ интересовъ и свилъ въ неловкое положеніе весь лагерь. Нужно было употре-гь всѣ средства, чтобы замаять его... Собрался общій совѣтъ, котормъ произошла разногласица: совѣтовали жениться на ишъ и затѣмъ развестись... Любичъ не соглашался связывать себя нею, такъ какъ надѣялся въ будущемъ обезпечить свое сущ-зование если не графиней, то, во всякомъ случаѣ, какой ни-дъ богатой особой. Поэтому, одинъ изъ присутствовавшихъ са-вниковъ взялъ на себя роль парламентаря, по переговорамъ съ ишъ. Грехенъ не хотѣла и слушать ни о какомъ компро-

миссъ... Отецъ ея былъ кавалеромъ двухъ большихъ маленькихъ орденовъ, совѣтникомъ, почтмейстеромъ и въ томъ же родѣ. Гретхенъ требовала брака.

Два дня велись переговоры, пока наконецъ удаментаму помирить ихъ посредствомъ 2000 талеровъ, шество уплатило отъ себя, хотя хорошо знало, что получить ихъ обратно. Расквитавшись формальнымъ Гретхенъ, Любичъ думалъ возвратиться à ses premières въ графинѣ, но засталъ уже дверь герметически запредъ собою. На стражѣ стоялъ сынъ.

Любичъ смутно догадывался, съ какой стороны пона его несчастье, и постановилъ, во чтобы то ни стало главнаго дѣятеля катастрофы,—но усилія его были напрасны:—Фришъ не выдала своего благодѣтеля.

Два-три дня Германъ не показывался въ свѣтъ... очень радъ, что удалось предупредить стыдъ и несчастье. Ему везло теперь, какъ капиталисту, играющему на биржѣ за каждымъ выигрышемъ желаетъ большаго.

Родство съ Сильваномъ и Леліей, съ которыми Юноша малъ порвать своихъ отношеній дружбы, уполномочена пригласить ихъ на обѣдъ, конечно, не въ домъ а въ ресторанъ. Онъ предупредилъ ихъ, съ просьбою не оидти и затѣмъ пошелъ приглашать Юношу.

— Прошу сдѣлать мнѣ честь отобѣдать со мною моихъ друзей, сказала Германъ, приглашая Юношу. Юноша хочетъ быть великолѣпнымъ: будутъ чешскіе фазаны, прѣдъ Юношу... съ настоящими перигорскими трюфелями, прекрасные проч.

Скучный до сего времени, Юноша развеселился, началъ о фазанахъ съ трюфелями, приготовленныхъ на

— Точно ли съ вертела фазаны? облизнулся онъ.

— Конечно, конечно! иначе и быть не можетъ.

— Сердечно благодарю за предупрежденіе, что имело меня впереди; а то я, пожалуй, соблазнился бы другими.

Пожавъ другъ другу руки, они условились относительно приглашеній. Былъ приглашенъ и Доленга, который успѣлъ заплатить Герману 200 талеровъ, какъ лучший другъ. Лелія, повидимому, не знала, что будетъ приглашена, но согласилась пріѣхать въ извѣстный часъ. При появленіи Германской и Сильвана, не ожидавшее видѣть ихъ общество смутилось, но Германъ былъ увѣренъ, что эта небо

разойдется отъ первой рюмки вина и прекрасной закуски. Лелія заняла мѣсто хозяйки, Юноша сѣлъ возлѣ нея; противъ него занялъ мѣсто Сильванъ, а рядомъ съ нимъ — братъ; Доленга сѣлъ рядомъ съ Юношей.

Обѣдъ начался очень вяло, и только послѣ нѣсколькихъ глотковъ хереса, бесѣда начала оживляться. Поданъ былъ прекрасный шамбертенъ и на выборъ: шато-лафитъ и душистый шато-д'и-вемъ. Юноша за вторымъ блюдомъ началъ заговаривать съ Леліей и глубоко вздыхать... За жаркимъ, начали ужь говорить громко... Впрочемъ Сильванъ былъ не въ духѣ, но Германъ, взявъ это подъ свое покровительство, старался разсѣять... Они говорили вдвоемъ, не вмѣшиваясь въ посторонніе разговоры. Доленга, съ ловкостью опытнаго говоруна, связалъ вновь разорванную сѣть, въ которую опять попался чувствительный Юноша. За шампанскимъ онъ уже умолялъ Лелію не отталкивать его бѣднаго сердца.

Какъ продолжалась веселая бесѣда — никто не слушалъ; — достаточно того, что послѣ черного кофе и сладкихъ ликеровъ, всѣ были въ самомъ пріятномъ расположеніи духа; Юноша сидѣлъ даже отчужденно отъ другихъ, любезничая съ Леліей и приглашая ее вечеромъ къ себѣ, доказывая, что старостина соскучилась безъ нея, Ганна положительно чахнетъ...

— Я не могу куда идти безъ брата, возразила Лелія.

— Да развѣ Сильванъ не желаетъ удостоить насъ своимъ обществомъ?..

— Спросите сами...

Послушный Юноша пошелъ приглашать на чай Германа, Доленгу и Сильвана.

Сильванъ поклонился.

Юноша удерживалъ позицію до тѣхъ поръ, пока сидѣла Лелія... потомъ, всѣмъ обществомъ, ее проводили домой, гдѣ, при разставаньи, обѣщались опять сойтись къ восьми часамъ вечера у старостины. Развеселившійся Юноша, посвистывая, пошелъ домой, обы предупредить свое семейство насчетъ гостей.

Старостина почти ничего не знала о происшедшихъ перемѣнахъ, продолженіе этого времени: не все сообщали ей; многое совершенно старались скрыть отъ нея; къ тому же, она была небопытна. Мысли ея заняты были судьбой Ганны; а что касается аденія Сильвана и приближенія Германа — этимъ она была очень довольна. Окружавшія ее личности незамѣтно дѣйствовали, чтобы рессорить ее съ Леліей и Сильваномъ и расположить въ свою пользу, и, конечно, они достигли цѣли. Старушка молилась и была

совершенно спокойна, а если ее могло что беспокоит непостоянство Юноши. Конечно, она согласна была и его связаннымъ съ Леліей, чѣмъ съ какою нибудь женщиной... Что онъ женится, въ этомъ не было ни нія, такъ какъ она уже знала его.

Въ послѣобѣденное время, она читала обыкновенно литвы. И вотъ, въ это-то самое время, вошелъ къ тихій и кроткій, какъ ягненокъ, и розовый, какъ пшеница, предугадывала, что онъ пришелъ не понапрасну... дѣду «золотаго мѣшечка». Юноша потиралъ руки, это хорошаго расположенія.

— Ну, что слышно хорошаго, спросила старушка книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась.

— Ничего особеннаго, дорогая мама... я хотѣлъ сказать, что по необходимости долженъ былъ пригласить лицъ на чай, и не знаю, будете ли, мама, радостямъ...

— Ну, кого же да кого пригласилъ?..

— Во-первыхъ, Лелію ..

— Эхъ! опять Лелію... Я думала, что она уѣхала.

— Но, мамочка, нѣтъ никакого повода разрывать новую дружбу... а съ Леліей, конечно, я долженъ былъ и Сильвана...

— Ну, часъ-отъ-часу не легче! сказала съ неудовольствіемъ старушка:—И къ чему всѣ эти приглашенія... Ганна шенно разочаровалась въ немъ, а ты опять насильно сюда!..

— Что-жъ, если онъ иногда зайдетъ къ намъ? Къ чему намъ наживать враговъ...

Старушка вздохнула.

— Мнѣ кажется, что и Ганнѣ непріятно будетъ нѣ... Ну, кто же дальше?..

— Доленга, Германъ и еще, быть можетъ, двѣ-три.

— А! Германъ; ну, это, по крайней мѣрѣ, человекъ его, и для Ганны онъ желанный гость...

Юноша поцѣловалъ руку старушки.

— Но къ чему этотъ Сильванъ!.. прибавила старуха:—Знаешь, вѣдь, что толкуютъ про него... всѣ люди говорятъ, что онъ съ превратными возрѣніями нами...

Юноша не возражалъ.

— Но трудно было, мамочка, обойти его, приглашая Лелію.

— Гм... Лелія добрая, честная женщина... да и ты, я вижу, мѣшь къ ней слабость... опять сходишься съ нею...

— Вы раньше любили ее...

— Я и теперъ люблю... только... только, вотъ этотъ, братъ я... Сильванъ... и... Но оставимъ ихъ въ покоѣ, если ужъ приглашены...

Юндша взглянулъ на старушку и больше не продолжалъ разговора. При послѣднихъ словахъ старушки, вошла Ганна. Бабушка предупредила ее относительно гостей.

— Кто-же будетъ? спросила она, обращаясь къ отцу.

— Лелія, Сильванъ, Доленга, Германъ, отвѣтилъ отецъ скороговоркой.

Ганна зарумянилась, какъ зарево.

— Какъ! Сильванъ и Германъ...

— Да, да! возразилъ отецъ.

Дѣвушка пожала плечами. Старушка посмотрѣла на нее и не могла понять, относилось ли это пожатіе плечъ къ неудовольствію ли радости, и видѣла лишь ея озабоченность.

Въ назначенный часъ, въ передней послышался голосъ смѣшгагося Доленги: онъ первымъ явился къ старостинѣ. Старостина юбила его и считала лучшимъ изъ гостей. Сказавъ нѣсколько словъ, старушка шепнула ему.

— Представьте себѣ!.. опять пригласилъ Лелію и Сильвана...

Доленга сдѣлалъ гримасу и сказалъ:

— Видите ли—нельзя было не пригласить... Я и самъ не долюбиваю этого педанта - пуританина, но все-таки, сказать правду, нѣ не совсѣмъ злой человекъ и не-такъ красенъ, какъ стараются оказать это... Миѣ кажется, его можно было бы обратить на уть истины... Что касается Леліи... прибавилъ онъ тише:—Александръ буквально влюбленъ въ нее. Трудно удержать его, да и опасно. Лучше ужъ, если онъ вздумаетъ жениться, такъ пусть женится на ней, чѣмъ на какойнибудь неизвѣстной женщинѣ.

— А лучше было бы, чтобъ ни на комъ, возразила старушка, овернувшись въ креслѣ и быстро хватаясь за чулокъ:—Зачѣмъ то ему!..

Доленга не возражалъ.

Германъ явился вмѣстѣ съ Леліей и Сильваномъ. Привѣтствіешло нѣсколько натянуто. Старостина заговорила съ Леліей холодно, попросивъ ихъ садиться, позвонила. Вошедшему на зовъ слугѣ она приказала просить Ганну. Та не заставила себя ждать, но по-

казалась нѣсколько иной, чѣмъ была раньше съ сестрицей; Сильвану она поклонилась издали и заговорила въ глазахъ ея видѣлось какое-то безпокойство и раздумье.

Германъ принесъ съ собою все свое веселое расположение, чтобы при случаѣ развеселить общество, хотя это было не такъ легко; но, какъ извѣстно, бываетъ достаточно одно случайное настроеніе превратить въ веселый смѣхъ. И вотъ, всего, шло о сближеніи Сильвана съ Ганной, и Германъ, съ того, что первый подошелъ къ ней.

— Я привелъ къ вамъ моего брата, сказалъ онъ, и вы увидите, что онъ будетъ принятъ вами... Вы, милая, по капризу женскаго сердца, отняли у него надежду, имѣлъ право возлагать на васъ... но это, мнѣ кажется, не воспрепятствуетъ хорошимъ отношеніямъ и взаимности...

Крѣпко зарумянившаяся Ганна взглянула на Германъ и сказала:

— Очень благодарна вамъ, сказала она почти тихо, я желала мира съ другомъ моего дѣтства... Я не могу, и онъ виноватъ въ этомъ недоразумѣніи.

— Еслибы вамъ вздумалось выгнать изъ дома всѣхъ обожателей Віолы, то, конечно, я первый переступилъ его порога... Сильванъ имѣлъ къ ней право, а вотъ я, даю вамъ слово, буквально увѣрю...

Ганна быстро вскинула на него свои глаза.

— Вы, вы! удивилась она.

— Да, я, къ несчастью, вздохнулъ онъ, тыча съ собою въ грудь:—приношу повинную! Хотя въ вашемъ присутствіи не говорить о такихъ волшебницахъ, такъ какъ вы сестрица очаровательнѣйшихъ фей, но Віола плѣнила меня своимъ тономъ, смѣлостью, талантомъ, даже своею бѣдностью...

— Какой вы энтузіастъ, разсмѣялась Ганна.

— Вы сами раздѣлили-бы мой энтузіазмъ, еслибы вы были поблизи...

— Вы думаете?

— Я убѣжденъ въ этомъ... Итакъ, перемѣните вы тонъ и скажите мнѣ, какъ вы чувствуете себя надъ невинно-потерпѣвшимъ...

Съ этими словами Германъ отошелъ; Ганна подошла къ Сильвану и вмѣшалась въ общій разговоръ о злобѣ дня. Сильванъ и Ганна остались въ общій разговоръ о злобѣ дня. Сильванъ и Ганна остались въ общій разговоръ о злобѣ дня. Сильванъ и Ганна остались въ общій разговоръ о злобѣ дня. Сильванъ и Ганна остались въ общій разговоръ о злобѣ дня.

мыми вопросами, на которые онъ отвѣчалъ очень вѣжливо и койно.

Все общество, какъ бы случайно расположилось такъ, что Генга подѣлалъ къ старушкѣ, Юноша къ Лелин, а Германъ по-тъ атаку противъ Ганны, чтобы незамѣтнымъ образомъ отлучить и Сильвана отъ общаго разговора и дать имъ на свободѣ попорить между собою. Онъ душевно желалъ, чтобы недоразумѣніе, ишедшее между ними, разъяснилось въ благопріятномъ смыслѣ; Сильванъ нѣсколько оттягивалъ и Германъ долженъ былъ лавовать, пока наконецъ ему удалось отдать Ганну въ полное поряженіе Сильвана.

Между разговоромъ, который былъ начатъ втроемъ, онъ выскользнулъ очень ловко; Ганна, казалось, только и ждала этого, и тотъ же заговорила съ Сильваномъ:

— Вы, надѣюсь, простили меня?..

— О! совершенно, съ поклономъ отвѣчалъ Сильванъ.

— Больше не сердитесь?..

— Могу ли я сердиться на васъ?..

— Въ такомъ случаѣ очень рада, и прошу позабыть все прошедшее между нами...

— Не будемъ даже говорить о томъ, произнесъ Сильванъ, стараясь удержать холодный тонъ. — Напротивъ, я долженъ быть благодаренъ вамъ за урокъ, за то, что я, по своей молодости, осмѣлся смотрѣть на свое будущее, не соразмѣривъ разстоянія, которое отдѣляло меня отъ васъ; я могъ ошибаться, и, конечно, заблудился... Вы мнѣ напомнили это разстояніе и тѣмъ возвратили меня на настоящую дорогу, за что всегда буду благодаренъ вамъ.

Ганна зарумянилась, и не въ силахъ была сразу возразить ему.

— Германъ, который такъ любитъ васъ и преданъ вамъ всемъ сердцемъ, убѣдилъ меня въ моей несправедливости... ревность моя была неосновательна, сказала она потомъ.

Сильванъ молчалъ.

— Итакъ мы теперь, по старому, друзья?..

— Да, m-me Ганна, отвѣтилъ Сильванъ, вздыхая: — я готовъ всю жизнь быть искреннимъ вашимъ другомъ, хотя далекимъ и печальнымъ... Мы достаточно могли убѣдиться, какъ раздѣляетъ насъ несправивая судьба... Въ этомъ жизненномъ концертѣ, который разыгрываетъ окружающее васъ общество, я былъ и буду одной ноткой дисгармоніи... Посмотрите сами, какіе ужасные ляды пронизываютъ меня насквозь... Не смѣю требовать, чтобы жертвовали для меня вашими связями и обществомъ, и по-

тому схожу съ дороги... сегодня же я пришел ститься съ вами.

— Какъ, проститься?! Вы хотите мстить мнѣ?

— Фи! что за мысль! Я исполняю только то, что долженъ сдѣлать это. Еслибы вы были сиротою родною... тогда бы я могъ добиваться счастья бытъ никомъ въ жизни, но въ такомъ положеніи и отношеніяхъ вы находитесь теперь, я былъ бы преступникомъ, когда бы осмѣлился на безразсудный поступокъ во взаимности... Вѣрьте мнѣ, что чувство мое остается взаимнымъ, но о взаимности я пересталъ и мечтать.

Ганна смутно взглянула на него.

— Не понимаю, сказала она,—не виновата я, а вы ласка въ томъ обществѣ, къ которому принадлежу... Я к вамъ привязана къ вамъ, и вы, по какой-то несправедливости, хотите вдругъ расторгнуть нашу связь и уйти къ другу.

— Я не разрываю ничего... Вы дали мнѣ поводъ слишкомъ самонадѣянъ... что вы не вѣрите въ то, что случилось вчера, можетъ повториться и завтра, я обожаю, боготворю васъ, но вы оттолкнули меня въ сторону... послѣ этого трудно подняться на ноги...

— Еще разъ говорю, что не понимаю васъ. — Не виновата,—простите меня...

— Нѣтъ, не вы виноваты, но я... Всѣ были противъ меня; гнѣвъ вашъ справедливъ и разуменъ неизбежно... Повторяю — это моя вина... съ спокойною обсудилъ мое положеніе и разсмотрѣлъ подробности...

— Вы не можете разстаться съ тѣмъ, что вы продолжали онъ,—а я не могу быть принятъ въ общество...

— Но гдѣ же вы видите это общественное разделение свѣтъ, о которомъ вы такъ мрачно отзываетесь? Мы живемъ къ одному и тому же обществу...

— Но къ двумъ различнымъ лагерямъ—прибавилъ онъ. На мнѣ тяготѣетъ мое увлеченіе демократическими идеями, вѣрованіе въ новыя доктрины, тогда какъ въ жизни люди, вѣрующіе въ старые порядки и въ патриархальную жизнь...

— И потому только, что люди борются за теорію...

разстаться съ вами навсегда... Это, дѣйствительно, достойно смѣха, ш-г Сильванъ!

— Позвольте объяснить мнѣ, спокойно возразилъ Сильванъ. — Вспомните, что въ старое время религія ставила непреодолимыя преграды къ браку людей различныхъ вѣрованій и рѣдки случаи, чтобы подобныя браки рѣшались счастливо. Всѣ возставали противъ религіозной терпимости. Была, однако, въ этомъ одна очень умная черта—это предвидѣніе будущаго: разница вѣры порождала въ супружествѣ разницу въ принципахъ, убѣжденіяхъ и проч. Въ наше время, общественныя доктрины расходятся такъ же, какъ нѣкогда религіозныя взгляды, и такимъ образомъ раздѣляютъ людей: одно изъ двухъ должно было случиться: или я долженъ былъ идти за вами, или вы слѣдовать за мной...

— Вспомните, что мы всегда шли съ вами вмѣстѣ, — возразила Ганна: — Я не совершу никакого отступничества, если соглашусь съ вашими принципами... Они когда-то были общи для всѣхъ насъ... Польская шляхта была нѣкогда демократичѣе всего европейскаго дворянства, и тому, чѣмъ она сдѣлалась въ данное время, мы обязаны введеніемъ иностранныхъ реформъ... Мы по-французски, по-нѣмецки обращены въ новую религію, которая никогда не была нашею.

Сильванъ стоялъ, какъ онѣмѣвшій.

— Другъ моего дѣтства, продолжала Ганна: — долгая разлука наша не позволяетъ вамъ читать въ моемъ сердцѣ... Но я требую, чтобы въ минуту желанія вашего совершенно оставить меня — вы не считали меня безумною... Вспомните, какъ молились мы въ одномъ и томъ же храмѣ, возносясь къ Богу нашими душами, равно любящими Христа и его ученіе; могутъ ли теперь эти души имѣть двѣ разныя вѣры и два различныхъ убѣжденія?.. Неужели вы въ состояніи отречься отъ Христа ради свѣтскаго общества и отъ евангелія ради іезуитизма?..

— Нѣтъ, я и теперь все тотъ же, чѣмъ былъ до этого времени, возразилъ Сильванъ, проникнутый ея словами, — и очень радъ, что вижу въ васъ ту же польку, но не фанатичную страстную сектантку.

— Можно ли осуждать меня въ этомъ?

— Не мудрено. — Вы окружены тою сѣтью пропаганды, которая, желая реставрировать католицизмъ, разрушаетъ его какъ словомъ, такъ и дѣломъ... Я думаю, что вы позволили себѣ увлечься ихъ краснорѣчіемъ.

— О, нѣтъ!.. Я молчала только потому, что борьба съ ни-

ми дѣлалась ненавистна мнѣ; но въ душѣ я оставалю своей вѣрѣ... потому-то мы и не можемъ прийти двумъ различнымъ лагерямъ, а напротивъ, должны идти путемъ, рука объ руку... Однако, сказала она, оживившись съ этой минуты окончатся навсегда наши недоразумѣнія ступить общее довѣріе другъ къ другу... Прощайте же объясниться съ отцомъ и бабушкой...

Сильванъ остолбенѣлъ...

— Вы позволяете!.. воскликнулъ онъ.

— Приказываю.

— А если мнѣ откажутъ?

— Вотъ моя рука. Идемъ вмѣстѣ къ нимъ; они обойтись безъ моего согласія и распорядиться мною производу; я одна имѣю право сказать въ лицо всемъ твоя.

Воспламенившійся Сильванъ прижалъ къ губамъ еманъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ издали; стмѣтивъ поцѣлуй Сильвана, позвала къ себѣ Ганну; и видимо боялась за нее.

Въ другомъ концѣ залы, почти одновременно съ Ганны, плѣшивый Юноша убѣждалъ Лелію взять обрат

— Окончательно говорю вамъ, что тогда только стояться нашъ бракъ, когда будетъ дано согласіе на вана съ Ганной... иначе—никогда.

— Но я-же не могу заставить Ганну...

— Вы не препятствуйте только... этого достаточно

Юноша растерялся. Въ эту минуту она указала ешихъ въ сторонѣ Сильвана и Ганну, которая протя свою руку. Изъ этого можно было заключить, что произошло примиреніе... Юноша взглянулъ на старушку.

— А бабушка? шепнулъ онъ.

— Бабушка слабая, добрая старушка; на нее можв вать... конечно, сначала поколеблется, а потомъ и рѣ шу пользу.

— Посмотрите, любезный графъ:—нынѣшній вече щаетъ генеральное сраженіе... Старостина, повидимом ствуетъ это и неспокойно озирается вокругъ, шепталъ, чимъ, Доленга.

— Тсс!.. Мы не должны ничего видѣть... Вы за рушку, а я буду бодрствовать надъ общимъ порядкомъ этою цѣлью мы и собрались, чтобы сдѣлать ихъ с

Какъ долго продолжится ихъ счастье—за это не ручаюсь... Пусть ихъ, хоть минутку, потѣшатся своимъ счастьемъ,—не будемъ мѣшать имъ.

XX.

Доленга, кovyряя въ зубахъ. возвращался съ обѣда отъ одного извѣстнаго въ Варшавѣ финансоваго туза, который, требуя его услугъ, раньше чѣмъ послать по дѣлу, накормилъ его обѣдомъ... Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи, сытъ и съ туго набитымъ кошелькомъ; онъ шелъ потихоньку, содѣйствуя пищеваренію желудка; по дорогѣ онъ встрѣтился съ Папръжяцей, спѣшившимъ на обѣдъ; какъ человекъ голодный, тотъ былъ раздраженъ... Впрочемъ, не пустой желудокъ раздражалъ его, а роковое извѣстіе, облетѣвшее въ этотъ день весь городъ. Онъ накинулся на Доленгу, такъ что послѣдній, опасаясь, не доходить ли дѣло до драки, отшатнулся въ сторону...

— Знаешь, знаешь, что случилось?.. говорилъ скороговоркой Папръжяца, задыхаясь:—но это правда?.. ты былъ тамъ?.. Правда?.. Говори же, говори!..

— Что?.. Я ничего не знаю...

— Ты, ты не знаешь?!

— Но что?

— А эти безчестные интриганы, эта красная клика! Эти развратники!.. прошу покорно!.. ну?.. Неужели еще не догадываешься?.. Неужели до сихъ поръ ты ничего не знаешь?.. Да гдѣ весь городъ уже говорить о томъ... Вѣдь эта отвратительная бабенка, Лелія, сьумѣла таки высватать Ганну своему брату, этому радикалу, революціонеру... И удивительно!.. какъ это дѣлалось все осторожно, тихо!.. Какъ отца-то околпачили... старушку, эту божественную старушку, и ту сьумѣли обойти. Удивительно, удивительно, уму непостижимо!.. Вотъ-те и тихони!.. Правда, правда, — мы еще не доросли до нихъ!.. Ха, ха ха!.. А Герману-то, Герману! какъ ловко они подставили актрису и перетасили его на свою сторону... Фу ты, чортъ возьми!.. вотъ такъ грязь!.. Да, наконецъ, и нашего честнѣйшаго Любича какъ ловко спустили, и когда же!.. послѣ обрученія!..

— Да, дѣйствительно, ловко обдѣлали дѣло, сказалъ, плюнувъ, Доленга:—но—à la guerre comme à la guerre. Ничего не подѣлаешь...

— Ужасно, ужасно! Такое состояніе, какъ у Ганны, и такое же второе, какъ у графини,—все это досталось въ ихъ руки и цѣ-

ликомъ поидеть на нужды ихъ партіи... Теперь и Люб стоитъ, безъ гроша за душой!.. Мы рассчитывали, что его съ графиней, можемъ сдѣлать его полезнымъ для насъ.

— Однако, правду сказать, этотъ романъ съ нѣ

— Пожалуйста, не дѣлай изъ этого глупыхъ выводовъ. Видишь желчно Папржица.—Кто въ молодости не былъ подобнымъ грѣшкѣмъ?..

— Конечно...

— А Германъ... о, я больше всѣхъ взбѣшенъ на жица поднялъ кулакъ:—Всѣ думали, что онъ шельма по памъ и... вдругъ... за наше радушіе, заплатилъ изъ это измѣна!..

Доленга молчалъ.

— Или, напримѣръ, этотъ дуралей Юноша, прода жица:—позволилъ себя опутать сѣтями этой бабы, поворобей въ западню!.. Не понимаю!.. Все это пло триги!.. Нѣтъ, надо подальше убраться отъ нихъ...

— Вы думаете?..

— Впрочемъ, мы сами виноваты въ этомъ... виноватности, всѣ церемоніи!.. Стоитъ-ли съ такими... прямо бы указать на нихъ: берите, молъ, живайте за границу... Мало ли у насъ своихъ заговор

Папржица выходилъ изъ себя и бѣсновался... Доленга рилъ сигару.

— Вчера еще никто не могъ предвидѣть... Случайность съ Любичемъ, мы думали: c'est un fait isolé, несчастью, нѣтъ!.. Все это дѣлалось на нашихъ глазахъ, были ослѣплены... Да и ты тоже былъ съ ними за

— Я! какъ такъ? удивился Доленга.

— Понятно, что заодно, хотя, быть можетъ, и сами или зналъ, да молчалъ...

Онъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Прощу покорно! вотъ такъ удружилъ! Да мы надобность!.. У васъ глаза быстрѣе моихъ и то ничего а мнѣ ужъ и давно...

— Всѣ мы равно виноваты.

Шедшій по улицѣ Любичъ, замѣтивъ Доленгу съ подошелъ къ нимъ. Послѣ катастрофы, постигшей его уже оправиться, хотя еще былъ грустенъ и полонъ смотрѣлъ теперь на этотъ свѣтъ, среди втораго по

шеніе, съ надменностью и высокоомѣріемъ. Онъ подошелъ къ разговаривающимъ съ вытянувшимся лицомъ педанта.

— Вы, вѣроятно, говорите о нынѣшней злобѣ дня — произнесъ онъ:—но иначе и быть не могло. Мы, съ нашимъ сентиментальничаньемъ, всегдабудемъ проигрывать; для нихъ же всѣ средства были хороши... Я чувствовалъ это со дня моего пораженія... начали съ меня... и потомъ выиграли дѣлую битву, безъ урона въ своемъ лагерѣ. О! этотъ Германъ, такой человекъ!.. Ручаюсь, что это дѣло его рукъ... Мы не имѣемъ понятія объ ихъ организаціи, и тамъ, гдѣ нужно смотрѣть въ оба, смотримъ сквозь пальцы, пренебрегаемъ средствами и, конечно, поэтому опускаемся на дно. Это очевидно.

— Фагсеуг! воскликнулъ Доленга, смѣясь:—потому только, что тебя спасли отъ старой бабы, что одна молоденькая дѣвушка идетъ за ницаго, что старый вдовецъ женится на выцвѣтшей вдовушкѣ, такъ ужъ и свѣтъ долженъ обрушиться! Allons donc...

— Однако это вступленіе... мы не съумѣли выиграть даже такого маленькаго сраженія, а что же будетъ въ генеральныхъ битвахъ!—говорилъ Любичъ. Въ нашемъ лагерѣ ни солидарности, ни преданности дѣлу не видно... одно одеревенѣніе...

— Говорите, господа, что вамъ угодно, а мнѣ пора по дѣлу, сказалъ Доленга и двинулся въ путь, тихонько смѣясь надъ ними... Хорошо, что длинные усы скрывали язвительный его смѣхъ...

Не только Любичъ и Папржица, но и весь лагерь переполошился, узнавъ о случившемся.—Всѣ мѣры были приняты къ предотвращенію катастрофы: подсылали къ старостинѣ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ, но старушка, хотя съ робостью, держала сторону Ганны, защищала и зятя, доказывая, что поступокъ его возвратитъ блудную овцу на путь истины, что Ганна едѣлаетъ изъ своего мужа ревностнѣйшаго консерватора и что, наконецъ, все въ рудѣ Божіей... Поэтому, о разрывѣ, чрезъ посредство старостины, и думать было нечего, и ее признали всѣ слишкомъ безхарактерной, слабой женщиной.

Германъ, послѣ удачныхъ опытовъ своей дѣятельности, вдругъ какъ-то исчезъ съ великосвѣтскаго горизонта. Куда уѣхалъ—неизвестно, хотя и поговаривали о странномъ совпаденіи его отъѣзда одновременно съ перекочевавшей труппой актеровъ. Сильвану онъ сказалъ, что по дѣламъ матери вынужденъ на нѣкоторое время уѣхать въ Краковъ...

Двѣ свадьбы: Сильвана съ Ганной и Юноши съ Леліей состоялись очень тихо, безъ шума и огласки. Обѣ пары, по нынѣшне-

му великосвѣтскому обычаю, уѣхали отъ глазъ любителей, чтобы наединѣ предаться своему счастью и довий мѣсяцъ въ блаженномъ упоеніи любви... Стала въ имѣніе; графиня Рамултъ заперлась въ своихъ кромѣ духовныхъ лицъ, никого не принимала.

Германъ отсутствовалъ въ продолженіе четырехъ аккуратно, каждую недѣлю, писалъ къ матери и писалъ письма, черезъ посредство Злоцинской. Наконецъ вратился обратно... мать была очень рада его и ни на шагъ не хотѣла отпустить его отъ себя. Къ же дня, съ графиней приключилось нѣчто такое, ч должна была прибѣгнуть къ спиртамъ и лавровишн съ сахарной водою, а Германъ, стоя на колѣняхъ и успокоивалъ ее: повидимому, сыноекъ чѣмъ-то насол обь этомъ даже Злоцинская не знала, а Германъ... была его тайна.

Прошло около десяти дней, пока графиня сово коилась и пришла въ себя. Злоцинская, умѣвшая бывать изъ нея самыя сокровенныя тайны, на этотъ не смотря на всѣ свои ухищренія, не могла ниче даже догадаться. Впрочемъ смутныя вѣсти начали роду, что графъ Рамултъ женится. Конечно, никто е на комъ женится онъ; но, вѣроятно,—говорили,— онъ скрывается въ этомъ, то не можетъ быть ни

Въ сущности же Германъ приготовлялся къ свадьб даное для своей невесты... Можно понять, какое закл изъ этого любопытные. «Повидимому, говорили мно Германа нищая, не имѣющая рубашки на плечахъ; же онъ дѣлаетъ для нея приданое»,—и, пожимая все-таки оставались въ невѣдѣніи и недоумѣніи. Л это карою божьею надъ домомъ Рамултовъ, отвери Любича. Кто говорилъ, что Германъ женится на то эконома, а кто—просто на крестьянкѣ; нѣкот дальше и говорили, что онъ женится на еврейкѣ. Откуда они почерпали эти свѣдѣнія—одинъ Ал Случалось иногда, что кто нибудь, встрѣтившись забрасывалъ его вопросами.

— Женишься, графъ?

— Женюсь, отвѣчалъ онъ.

— На комъ?

— Это для васъ безразлично—женюсь для себя

Доленги въ это время не было въ городѣ и онъ только-что прѣхалъ въ то время, когда всѣ говорили и терялись въ предположеніяхъ и догадкахъ. — Онъ, собственной персоной, отправился къ Герману. Еще въ передней онъ объявилъ о своемъ присутствіи всегдашнимъ смѣхомъ.

— А! здравствуй, какъ поживаешь! Семь лѣтъ, семь зим!.. Что съ тобой? Весь городъ говоритъ о тебѣ: кто говоритъ, что ты женишься на княжнѣ, кто—на крестьянкѣ, а кто—на еврейкѣ.

— А тебѣ какъ кажется?

— Гм!.. Мнѣ кажется, что ты этой глупости не можешь совершить, отвѣчалъ Доленга, бросаясь въ мягкое кресло:—Къ чему тебѣ братъ на шею лишнюю обузу? Или ты хочешь, когда жена состарится, побольше волочиться за молоденькими.

— Все-таки я предпочитаю жениться теперь, чѣмъ, женившись на молодой, на старости лѣтъ носить рога, разсмѣялся Германъ.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, сознайся:— женишься?

— Женюсь.

— На комъ?

— На дѣвушкѣ, и очень хорошенькой...

— Богатой?

— Насколько мнѣ извѣстно, имѣеть 6 рубахъ и 4 кофты... Башмаковъ не считалъ, но думаю однако, что капиталъ этотъ не превышаетъ двухъ паръ.

— Но на комъ, на комъ?

— Имѣй терпѣніе—увидишь...

— Напримѣръ?..

Доленга приложилъ руки къ уху Германа, въ видѣ рупора, и цепенуль ему словцо, сопровождая его бурей смѣха.

— Что? Правда?

— Да.

Германъ озабоченно опустилъ голову.

— Недолго будетъ это тайной, сказалъ Германъ;—я на-дняхъ ъѣду за ней и привезу сюда.

Доленга далъ торжественное обѣщаніе сохранить пока тайну. Германъ, сдѣлавъ приданое невѣстѣ, уѣхалъ, и чрезъ двѣ недѣли въ городѣ уже говорили, что онъ прѣхалъ съ женой.

Домъ графини, стоявшій для всѣхъ закрытымъ, вдругъ опять аскрылъ свои гостепріимныя двери; разсланы были приглашенныя билеты на балъ. Удивленіе было общее. — Всѣ впрочемъ же знали, что молодые давно прѣхали, но сидѣли, запершись, прислуга не могла ничего отвѣтить на разспросы любопытныхъ о

качествахъ своей молодой барыни, кромѣ того, что она оч

Можно представить себѣ, какое любопытство подкомыхъ графа Рамулта, и всѣ, по большей части, жена его непремѣнно еврейка, такъ какъ Германтъ показывать ее.

Графиня Рамуль въ этотъ день смотрѣла коридоръ былъ иллюминированъ, лѣстницы заставлены цвѣтами, рами. Салоны были особенно ярко освѣщены множес. Вся прислуга была въ парадныхъ графскихъ ливреяеры, швейцаръ и церемоніймейстеръ находились на стахъ. Все было устроено такъ, какъ только могли диціи графскаго дома или необыкновенная роскошь.

Всѣ салоны наполнились гостями. Разодѣтая въ свѣтлящейся діадемой на головѣ, графиня лично принимала торыхъ изъ гостей.

Было уже около 9-ти часовъ, когда боковая дверь въ нее вошелъ Германтъ подъ руку съ своей молодой супругой была одѣта въ бѣлое муслиновое платье съ голубыми

Между гостями произошло то недоумѣніе и удивленіе, обыкновенно бываетъ при видѣ прекрасной женщины. на общее удивленіе и переполохъ, дочь нищаго актера знана графиней Рамуль.

Что болѣе всего удивляло общество — это ея звѣзскаго языка, на которомъ она не переставала щебетать бы изучивъ его съ дѣтства.

Какъ барыни, такъ и мужчины, всѣ были отъ нея Она говорила откровенно, просто, съ дѣтской наивнрая только и могла быть между людьми, воспитанн и испытаніемъ. Ничто въ ней не напоминало актерское свидѣтельство, что это — дочь бѣдности и нрой улыбнулась счастливая звѣзда, ярко отразив блѣдномъ лицѣ.

Одна только дочь президента, Иза, питавшая надежду привлечь къ себѣ сердце Германа, доказывала имѣть *des manières bien commues*. Доленга же, вшепталъ всѣмъ по секрету, что она была княже. Иначе, какъ бы она могла обращаться такъ свободно тѣ, для котораго Богъ не создалъ ее?!

К о н е ц ъ .

Потокъ.

Живой потокъ съ вершинъ нагорныхъ ручей
Стремится къ низу и волной
Отважной, гордой и кипучей—
Гранить упрямый и могучій,
Ломая, гонить предъ собой.

* * *

А тамъ, внизу.... дремотою томяся,
Чуть дышетъ море, и въ нему
Потокъ спускается, влудбяся,
По горнымъ выступамъ стремяся,
Не уступая ничему.

* * *

И хочетъ онъ, шума въ немолчномъ спорѣ,
Развѣять сонъ волны морской,
Но самъ, увы! стихаетъ вскорѣ
И льется въ дремлющее море
Едва журчащею струей....

* * *

Такъ человекъ отвагою кичится
Въ гордынѣ юношескихъ дней,
Сна этой жизни не боится,
И въ ней, томящейся, стремится,
Не преклоняясь передъ ней.

* * *

И мнится, онъ—примѣромъ убѣжденья
И рѣчью пламенно-живой—
Всю жизнь разбудить во мгновенье....
Но.... тонуть гордыя стремленья
Въ волнахъ апатіи родной.

М. Лачиновъ

ОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

рошлое и настоящее отпускной нашей хлѣбной торговли.—Мнимое и вительное значеніе быстраго роста заграничной торговли русскимъ хлѣб.—Америка, Австро-Венгрія и Россія на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ.—ля проявленія кризиса во вѣншей нашей хлѣбной торговлѣ.—Хлѣбный съ съ точки зрѣнія земледѣльской нашей производительности.—Данотносительно урожая въ хлѣбороднѣйшихъ мѣстностяхъ Россіи за поія 40 лѣтъ.—Лѣсонстребленіе и лѣсоразведеніе.—Послѣдствія вывоза изъ а продовольственнаго хлѣба.—Смертность въ Россіи и въ другихъ евроихъ городахъ.—Эпидеміи и условія борьбы съ ними.—Нравы печати.—ресу «Голоса».—«Дѣло», напрашивающееся на союзъ съ «Московскими Вѣдомостями».

ъ послѣднее двадцатипятилѣтіе, вѣншняя наша хлѣбная торі систематически и довольно быстро возвышалась. Въ понѣ 50-хъ годовъ мы вывозили за границу не болѣе 3.918.000 эртей хлѣба. За пятилѣтіе, съ 1875 по 1880 годъ, средній одный вывозъ хлѣба за границу составляетъ болѣе 33.200,000 эртей. Въ отдѣльные же годы, количество отпускаемаго за ицу хлѣба достигало 48.000,000 четвертей.

ъ теченіе 20-ти лѣтъ, возростаніе хлѣбнаго вывоза слу) предметомъ необузданнаго ликованія. Мы не только приали сами себя опасными конкуррентами для Америки въ хлѣбгорговлѣ, но и угрожали,—разумѣется только на словахъ,—эснить американскій хлѣбъ съ европейскихъ рынковъ. Правда, послѣднія пять лѣтъ, охладѣла нѣсколько прыть самохвальуспѣхами хлѣбной торговли. Голодовки, развивавшіяся орціонально увеличенію количества вывозимаго за границу а, заставили критически отнестись къ возростанію отпускнашей хлѣбной торговли,—и оказалось нѣчто ужасное: оваь, что увеличеніе отпуска хлѣба за границу происходитъ не отъ тка этого продукта въ странѣ, а производится прямо за счетъ овольственнаго хлѣба. Съ недоувѣріемъ и недоброю подозрностью встрѣчено было это по истинѣ необычайное открытіе. ду тѣмъ данныя оффиціальной статистики не оставляли ни

малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вывозится имъ необходимый на продовольствіе населенія. За выходящаго за границу и истребляемаго винокурени въ народномъ продовольствіи оказывается недочетъ мѣръ, въ $\frac{1}{4}$ часть четверти на душу, т. е. отъ чего, въ общей сложности, составляетъ ежегодную потребность въ народномъ продовольствіи не менѣе 23.000,000 чихимъ образомъ, отпускная наша хлѣбная торговля въ случаѣ, не имѣетъ права стоять на цифрѣ четвертей и, тѣмъ болѣе, подниматься до цифры четвертей: при строгомъ соотвѣтствіи отпуска хлѣбомъ продовольствіемъ, количество вывозимаго за границу не должно превышать 10.000,000 четвертей, дѣйствительно, и держался нашъ отпускъ хлѣба съ 1865 по 1869 годъ. Затѣмъ началось быстрое возвышеніе хлѣбнаго вывоза, — возвышеніе это, за счетъ продовольственнаго хлѣба, — а вмѣстѣ съ голодовки охватывали большій и большій районъ, тифозныя и всякія другія эпидеміи поглощали изъ большее и большее количество жертвъ.

Вывозъ за границу хлѣба, необходимаго на питание населенія, въ буквальномъ смыслѣ слѣдуетъ о полнѣйшей неустроенности нашей въ отношеніи. Деньги нужны, потребности растутъ, таетъ, пропорціонально этому, народная промышленность. Подъ руками имѣется единство народнаго труда — хлѣбъ, которому до сихъ поръ доступны заграничныя рынки. Крайняя нужда ставляла обрывать народное продовольствіе до пени. Крестьянинъ не можетъ не сбывать своего хлѣба, потому что иначе ему нечѣмъ будетъ платить, повинностей и всевозможныхъ налоговъ, общей сложности, очень велики, — въ нѣсколько разъ уменьшаютъ доходность крестьянскаго хозяйства, такъ что хлѣбъ урѣзывается своего продовольствія, крестьянинъ еще почти цѣликомъ прибавляетъ и личный свой хлѣбъ, чтобы покрыть платежи. И все-таки, въ концѣ концовъ въ состояніи справиться съ платежами, — недоимки растутъ. Точно также и купецъ не можетъ не сбывать хлѣба за границу, потому что иначе ему нечѣмъ расплатиться по заграничной торговлѣ.

Естественно, что при такомъ чисто-хищническомъ отношеніи къ отпускной хлѣбной торговлѣ, количество хлѣба, выходящаго за границу, находится въ зависимости отъ степени урожая въ Россіи, а отъ запроса на

за границу. Какъ извѣстно, 70-е годы ознаменовались цѣлымъ рядомъ голодоловъ (напримѣръ, 1873 и 1877 годы и нѣкоторые другіе); между тѣмъ, въ каждый изъ годовъ этого десятилѣтія, — не исключая и самыхъ голодныхъ, — количество хлѣба, вывозимаго за границу, отъ двухъ до четырехъ и болѣе разъ превышало то количество хлѣба, которое сбывалось за границу въ 60-хъ годахъ. Для оцѣнки этого сбыта русскаго хлѣба можетъ служить слѣдующій фактъ. Два года тому назадъ, оффиціально было заявлено, что въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, население распродало все свое продовольствіе и очутилось въ крайне бѣдственномъ положеніи. То же самое и въ томъ же году повторилось въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Саратовской и Тамбовской губерній (преимущественно въ Царицынскомъ и Козловскомъ уѣздахъ, гдѣ наиболѣе удобенъ сбытъ хлѣба, вслѣдствіе желѣзнодорожной сѣти).

Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что цѣны на хлѣбъ внутри Россіи не имѣютъ ничего общаго со степенью урожая. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году, сравнительно неурожайномъ, хлѣбъ въ Россіи несравненно дешевле, чѣмъ въ два предшествовавшіе урожайные года, и особенно въ 1881 году, когда такъ много кричали о «необыкновенномъ урожаѣ», и, въ то же время, население стонало отъ бѣшеной дороговизны хлѣба. Цѣну на русскій хлѣбъ устанавливаетъ не внутреннее потребленіе, а заграничный спросъ, заграничный рынокъ. Больше спросъ — выше цѣна; меньше спросъ — дешевле хлѣбъ. А уродился или не уродился въ данномъ году хлѣбъ въ Россіи, во сколькихъ губерніяхъ оказывается недочетъ въ хлѣбѣ и какъ великъ этотъ недочетъ, — это, обыкновенно, вовсе не принимается въ расчетъ и не играетъ почти никакой роли при установкѣ цѣны на хлѣбъ.

Въ нынѣшнемъ году, неурожай поразилъ губерніи: Воронежскую, Харьковскую, Херсонскую, Таврическую и отчасти Екагеринославскую и Тамбовскую (въ Лебединскомъ уѣздѣ полный неурожай). О размѣрахъ неурожая можно составить приблизительное понятіе по тому, что, — какъ видно изъ лѣтнихъ зообщеній министерства государственныхъ имуществъ о состояніи посѣвовъ и травъ, — въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской губерніи, жара такъ выжгла растительность, что въ іюнѣ мѣсяцѣ скотъ приходилось держать на подножномъ корму (за отсутствіемъ сѣна, кормили соломой). О качествѣ хлѣба, которымъ въ нынѣшнемъ году питается населеніе Воронежской губерніи, мѣстная газета «Донъ», между прочимъ, говоритъ: «Намъ пришлось видѣть испеченный хлѣбъ, которымъ питается большинство крестьянъ въ настоящее время. Это — не хлѣбъ, а что-то въ родѣ клейкой грязи, куда вошли: песокъ, земля, лебеда и южь. Нужно удивляться, какъ можетъ выносить человѣческій

желудокъ такое пропитаніе! И это—въ уѣздѣ, ко-
шемся своимъ плодородіемъ лучшихъ

Поставьте рядомъ съ этимъ слѣдующій фактъ. густа и начала сентября, русское купечество, в-
ничную торговлю хлѣбомъ, отказывается отъ вы-
здатковъ по сдѣлкамъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ и
вслѣдствіе прекращенія спроса на дорогой русскій
границею и вытѣсненія его оттуда дешевымъ
хлѣбомъ. Австро-Венгрія считаетъ возможнымъ
нынѣшнемъ году, на европейскій рынокъ 14.000,
разнаго хлѣба, кромѣ кукурузы, какъ дѣйствителъ
отъ продовольствія. Въ Соединенныхъ Штатахъ (С)
рикки одной только пшеницы, свободной для экспор-
та 47.000,000 четвертей, т. е. почти столько, сколько
ли поставить всего вообще хлѣба на заграничные
наиболѣе счастливые годы для нашей отпускной тор-
риканскій же хлѣбъ почти вдвое дешевле русскаго
ти въ одной цѣнѣ съ американскимъ хлѣбомъ стоить
герскій хлѣбъ. Значитъ, конкурировать намъ съ Ав-
стро-Венгріей въ отпускной хлѣбной торговлѣ—не

Короче говоря, если еще не наступилъ оконча-
нись для вывоза русскаго хлѣба за границу, то
случаѣ, дѣло близко къ такой развязкѣ. Не только
которой мы почти 20-ть лѣтъ угрожали закрытіемъ
европейскихъ хлѣбныхъ рынковъ, но и Австро-Вен-
рию мы даже и не принимали въ расчетъ въ во-
ной торговлѣ, безъ шума и крику, пришли и, са-
обилія дешеваго хлѣба, закрываютъ намъ доступъ
скій рынокъ. Американецъ, во время уборки хлѣба
рабочему 4—5 рублей, во время молотбы—4 руб-
и кормитъ рабочаго, какъ члена своей семьи,
себѣ. И все-таки оказывается, въ концѣ концовъ
канскій хлѣбъ вдвое дешевле русскаго, потому
такъ-называемый, «средній урожай» почти въ по-
и и же «дурной жатвы неурожайнаго года въ Аме-
канецъ если пускаетъ хлѣбъ въ отпускъ, то непр-
токъ отъ сытаго довольствія не только населенія, но
нихъ животныхъ. Къ моменту окончанія жатвы, въ
вѣстно, какъ великъ урожай хлѣба, сколько хлѣба
для продовольствія страны и какое количество е-
вывозу. Немыслимое, невозможное дѣло, чтобы
былъ вывезенъ хоть 1 пудъ хлѣба, необходимаго
ствіе; чтобы установленіе цѣнъ на хлѣбъ внутри страны
отъ какихъ-то стороннихъ обстоятельствъ, вѣвъ
браннаго хлѣба. Цѣну своему отпускному хлѣбу уста-

американецъ, а не заграничный рынокъ; американецъ является на этотъ рынокъ полнымъ хозяиномъ своего товара, съ готовою цѣною, и отступленія отъ этой цѣны могутъ быть самыя незначительныя. Напротивъ, онъ подчиняетъ своимъ цѣнамъ цѣны на хлѣбъ въ другихъ странахъ. Упрощенные, удешевленные способы нагрузки и выгрузки хлѣба, быстрота передвиженій и доставки хлѣбныхъ грузовъ, точность въ соблюденіи сроковъ доставки хлѣба—все это дѣлаетъ американца недоступнымъ для конкуренціи съ нимъ на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ. Въ Австро-Венгріи урожай хлѣба не настолько обиленъ, какъ въ Америкѣ, содержаніе и положеніе рабочихъ хуже американскаго; но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь никогда не стануть вывозить хлѣбъ, необходимый для продовольствія страны, и здѣсь хлѣбъ дешевле русскаго.

Итакъ, мы имѣемъ въ нынѣшнемъ году, съ одной стороны, первыя проявленія кризиса въ отпускной нашей хлѣбной торговлѣ, съ другой—недостачу хлѣба на продовольствіе, вслѣдствіе неурожая, по крайней мѣрѣ, въ шести губерніяхъ. По свидѣтельству же саратовскихъ газетъ, «очень плохъ урожай и въ южныхъ поволжскихъ губерніяхъ. Крестьяне дождають уже остатки собраннаго хлѣба. Если не припасти хлѣба къ веснѣ заготовкою его теперь,—можно ожидать къ веснѣ самой лихой голодовки». И, тѣмъ не менѣе, купцы отказываются отъ задатковъ по сдѣлкамъ на хлѣбъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ на заграничныхъ рынкахъ. Какой, по видимому, абсурдъ! А внутреннее потребленіе?... Но въ томъ и бѣда, что внутреннее потребленіе не идетъ въ расчетъ; въ теченіе 25-ти лѣтъ, и особенно къ послѣднія 15 лѣтъ, становился обычаемъ сбывать хлѣбъ безъ всякихъ разсужденій о продовольствіи; крестьянство, распродавъ хлѣбъ, питается мякиною и лебедею, болѣе и болѣе приобретающими у насъ право уроготовъ хлѣба,—традиціонно питается тѣмъ хлѣбомъ, который описываетъ газета «Донъ». Распродавая свой хлѣбъ изъ нужды отъ 45 до 50—60 коп. за пудъ (нерѣдко продается даже хлѣбъ на корню), крестьяне, само собою разумѣется, не въ состояніи быть покупателями хлѣба, съ платою отъ 1 руб. до 2-хъ даже до 3-хъ рублей за пудъ. До послѣдней цѣны хлѣбъ, какъ извѣстно, доходилъ въ 1880 году въ юговосточной части Россіи. Имѣющіеся въ странѣ хлѣбныя запасы могутъ дойти до крестьянъ развѣ только путемъ благотворительности. Самогоятельно покупать хлѣбъ крестьянство могло бы, съ нѣкоторою натяжкою, еслибы хлѣбъ стоялъ въ той же цѣнѣ, по какой онъ скупается у крестьянъ. Но русскій купецъ не можетъ продавать скупленный имъ хлѣбъ дешево. Онъ скупалъ его не на открытомъ рынкѣ, не путемъ печатныхъ публикацій о

мы къ успѣхамъ отпуска хлѣба за границу. Сначала мы умышленно игнорировали даже самый вопросъ: какой именно вывозится хлѣбъ—отъ избытка или отъ недостатка въ продовольствіи? Затѣмъ, когда на основаніи данныхъ официальной статистики было доказано, что мы, подъ видомъ хлѣба, вывозимъ за границу питательные соки населенія, — началось самое безчестное и безсовѣстное заподозриваніе тѣхъ, которые доказывали необходимость вмѣшательства правительственной власти для урегулированія отпускной хлѣбной торговли, чтобы не вывозился хлѣбъ, необходимый для продовольствія, какъ не вывозится онъ ни въ одной культурной странѣ;—началась неосмысленная травля всевозможными «измами» тѣхъ, которые указывали на необходимость поднятія земледѣльческой нашей культуры и другихъ отраслей народной промышленности, чтобы имѣть право на заграничные рынки. Такъ продолжалось дѣло въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ. Между тѣмъ, положеніе наше на заграничномъ рынкѣ не улучшалось, а ухудшалось. Сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ, поднявшійся въ половинѣ 70-хъ годовъ до 34 милліоновъ рублей, быстро упалъ до 25 милліоновъ руб. Сбытъ скота, достигшій было, во второй половинѣ 70-хъ годовъ до 20.000,000 руб., быстро спустился, подъ вліяніемъ скотскихъ падежей и эпизоотій, до 14.000,000 рублей, а въ будущемъ ожидается еще большее пониженіе. Потребности же растутъ: деньги нужны; русскія бумажки падаютъ и падаютъ въ цѣнѣ на заграничномъ рынкѣ. Надо жить, надо торговать, надо добывать деньги, которые одинаково необходимы и казнѣ, и частнымъ лицамъ. Значительно поубавилась спѣсь и прыть въ прославленіи «успѣховъ внѣшней нашей хлѣбной торговли», но не убавилось рвеніе, съ которымъ продолжали тащить русскій хлѣбъ за границу, забывая о недостаткѣ его внутри Россіи. Тѣмъ не менѣе, ненормальность такого порядка вещей явно сознавалась уже не только въ официальномъ, но и въ коммерческомъ мірѣ. Предпринято было нѣсколько командировокъ за границу, чтобы узнать, что за штука такая хлѣбная торговля и въ чемъ секретъ ея успѣха; въ Америку былъ командированъ г. Р. Орбинскій, для ознакомленія съ хлѣбною торговлею.

Два года тому назадъ, появился въ свѣтъ прекрасный трудъ г. Орбинскаго—«О хлѣбной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки», изданный по распоряженію министра финансовъ. Это—строго объективное изслѣдованіе производства хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ и причинъ успѣха американской вывозной хлѣбной торговли. Но, съ другой стороны, научно-объективный приемъ изслѣдованія явился самою безпощадною критикою въ отношеніи нашей земледѣльческой культуры,

а также торговых порядковъ и передвиженія г. Р. Орбинскаго. Практикѣ къ крайне одностороннему примѣненію средственно заинтересованныя въ ускореніи хлѣбной торговли—на улучшеніе способовъ экспорта, удешевленія перевозки, нагрузки и прочіе, имъ подобныя, палліативная, существенная, основная сторона хлѣбной торговли—объ улучшеніи земледѣльческой культуры, о поощреніи производительности—прошелъ, можно сказать, совершенно незамѣченнымъ;—даже и не слышно о какихъ-либо мѣраx въ направленіи. Между тѣмъ, въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ мѣняется систематическое паденіе хлѣбной произв. въ Россіи.

Возьмемъ, для примѣра, Вятскую, Самарскую, Воронежскую и Херсонскую губерніи, и Область Войска Донскаго. Съ начала нынѣшняго столѣтія до начала 30-хъ годовъ средній урожай въ этихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ колебался между 10-ю и 8-ю четвертями хлѣба съ десятины. Въ концѣ 40-хъ годовъ, урожай упалъ до 5¹/₂ четвертей. Правильно понижаясь, онъ дошелъ къ началу 50-хъ годовъ до 3,4 четвертей съ десятины—и выше не поднимается. Такъ вотъ въ какомъ плачевномъ положеніи находится въ настоящее время такъ называемая «житница» продолжающая еще считаться «житницею» по воле по преданію, но отнюдь не по размѣрамъ нынѣшней производительности. Да и откуда, въ самомъ дѣлѣ, взять урожай?—Мы тщательнее выпажали землю на той же вершкѣ), какъ научили насъ царапать землю нашими хищническими высосали изъ нея жизненные соки. Въ мѣсто взаимнѣ этого, соответствующихъ удобреній,—мы посылаемъ пахарю вмѣсто хлѣба міриады жуковъ и прочихъ паразитовъ. Вывернуть же нераспаханную черноту наружу—у насъ нѣтъ соответствующихъ мѣръ.

«Хлѣбъ родитъ не земля, а небо»—говоритъ народная мудрость. И эта адская иронія оказывается живымъ, положительнымъ фактомъ въ нашемъ хозяйственномъ обиходѣ. Задаемъ себѣ вопросъ: что такое хлѣбъ, и трава, или—еще хурма, арбузы, дыни, рѣченки, по которымъ куры ходятъ въ бродъ и разлившись, сносятъ цѣлыя скирды хлѣба и стогны сена, шагаютъ деревенскія постройки и забываютъ песчаные плодородные поля и дуга. При такихъ условіяхъ одна тысяча десятинъ лучшей пахатной земли, въ годъ, — опять бѣда — засуха. Выгораетъ хлѣбъ, трава; а тутъ еще «красный пѣтухъ» истребляетъ

ревни, вмѣстѣ съ послѣдними крохами хлѣба и сѣна. Въ концѣ концовъ, «небо» родитъ намъ хлѣбъ при самыхъ благоприятнѣйшихъ климатическихъ условіяхъ, когда и тепла, и влаги оказывается только-только въ пропорцію. Тогда мы собираемъ жатву самъ—3, самъ 4,—жатву, которую другія страны, не причисляющія себя «къ сельско-хозяйственнымъ по преимуществу», считаютъ плохую,—и кричимъ на весь свѣтъ о «необычайномъ урожаѣ». Между тѣмъ, нѣтъ и помина о томъ, чтобы создать водохранилища для избытка весеннихъ и осеннихъ водъ и предохраниться отъ затопленія полей, луговъ, деревень и городовъ; нѣтъ и помина о дренажѣ полей и луговъ, чтобы уносить съ нихъ избытокъ влаги, о введеніи обязательной и повсемѣстной ирригаціи, чтобы спасти посѣвы и травы отъ засухи.

Вотъ и выходитъ, что «Богъ-то, какъ Богъ, да и самъ не будь плохъ». Въ нынѣшнемъ году выдалось блистательное лѣто,—и почти во всей южной полосѣ Россіи—и е у р о ж а й. Но подумайте, какой колоссальный урожай могла бы дать Россія въ такое лѣто, при условіи искусственнаго орошенія!?. Замѣчательно, что на Кавказѣ и въ Сибири до сихъ поръ еще уцѣлѣли слѣды искусственнаго орошенія. Послѣднимъ оросителемъ на Кавказѣ, въ Мильской или Карадахской степи (плодороднѣйшей мѣстности на земномъ шарѣ, дававшей въ годъ по 3 жатвы, съ урожаемъ до самъ—150,—нынѣ непроходимой пустыни) былъ Тамерланъ. Подчища Ермака застали еще въ Сибири искусственное орошеніе. Но даже и эти почтенные, внушительные памятники древности не натолкнули насъ на мысль о повсемѣстномъ введеніи въ Россіи искусственнаго орошенія. Мы видимъ, осязательно чувствуемъ, какъ обманчивы упованія на «небо» въ дѣлѣ урожая,—и въ то же время не хотимъ, какъ говорится, «палецъ о палецъ ударить», чтобы заставить землю родить намъ хлѣбъ въ требуемомъ количествѣ. Грамотность туго, крайне медленно подвигается впередъ. Печатное слово не имѣетъ доступа въ рабочую среду и полезныя, практическія указанія не могутъ находить примѣненія къ земледѣльческой промышленности. Устное слово также затруднено,—и популярныя бесѣды и чтенія для сельскаго населенія, передвижныя публичныя лекціи примѣнительно къ земледѣльческой промышленности, получившія, въ послѣднія 10-ть лѣтъ, такое огромное развитіе во всемъ образованномъ мірѣ,—не могутъ зайти у насъ приложенія. Уровень спеціального сельскаго образованія даже въ землевладѣльческой средѣ, не говоря ужъ о земледѣльческой, самый ничтожный. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, земство рѣшительно высказалось за необходимость для сельскаго населенія, кромѣ грамотности, спеціального сельско-

хозяйственного, ремесленного и технического образования, вятское и херсонское губернска земства этомъ, что, безъ проведенія въ народную среду знаний, въ будущемъ нельзя ожидать ничего, земледѣльческой промышленности, всевозможныхъ затрудненій,—и, къ несчастію, пророчестволось. Земства обратились къ министерству государственныхъ имуществъ за покровительствомъ и помощью въ ній въ народную среду прикладныхъ знаний; но горическій отказъ. Десять лѣтъ тому назадъ, выдѣленная коммиссія для изслѣдованія сельскохозяйственной мысленности Россіи высказалась въ пользу прикладныхъ, въ томъ же духѣ, какъ и земства. И какой Учрежденныя на средства земства сельскохозяйственные и технические учебныя заведенія закрыты другимъ. Наконецъ, когда отъ этихъ полезныхъ заведеній не осталось почти и слѣда, министерство государственныхъ имуществъ выступило съ проектомъ низшихъ прикладныхъ школъ. Это было четыре года тому назадъ, когда матеріальныя средства земства истощились. Запасы, которые предполагалось затратить на прикладное народное образованіе, безвозвратно потрачены на обмененіе и продовольствіе, безъ всякаго ущерба для государства и населенія. На дняхъ газеты сообщили, что проектъ сельскохозяйственныхъ школъ находится въ настоящее время на разсмотрѣніи совѣта министра государственныхъ имуществъ, и затѣмъ, будетъ представленъ на утвержденіе высшаго совѣта. Но подобное же сообщеніе намъ приходило ровно полтора года тому назадъ, съ добрымъ успѣхомъ: народнаго просвѣщенія, финансовыя и государственныя имуществы одобрили проектъ сельскохозяйственныхъ школъ, и къ утвержденію его не предвидится препятствій, да когда-то будетъ...

Наконецъ, въ связи съ указанными выше условиями на пониженіе урожая, находится и хищническое истребленіе. Цѣлые уѣзды, даже цѣлыя губернія средней полосы Россіи, а также Кавказа, Сибири, Урала и западнаго края положительно обезлѣсены. Это повсюду повсемѣстное почти обмелѣніе въ Россіи судоходныхъ рекъ, исключая даже и самыхъ большихъ изъ нихъ, какъ Днѣпръ, западная Двина и другія. Въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, десятками считаютъ рѣки, по которымъ въ настоящее время, къ тому назадъ, привольно производилось судоходство, навигація и которыя теперь судоходны только во время разлива, а лѣтомъ совершенно пересыхаютъ. Въ д...

ству относятся у насъ самымъ варварскимъ образомъ. Въ сѣверо и юго-западной полосахъ Россіи, сплошь и рядомъ, можно встрѣтить фабрики и заводы, построенные на богатѣйшихъ залежахъ торфа и отапливающіеся дровами. На Уралѣ и въ Сибири есть заводы, стоящіе на великолѣпнѣйшемъ каменномъ углѣ или антрацитѣ и пользующіеся для топки дровами. Большаго издѣательства надъ лѣсомъ, болѣе невѣжественнаго отношенія къ нему—трудно себѣ и представить. Прогорѣвшіе землевладѣльцы, евреи, арендующіе имѣнія, кулаки-мировды, превращающіеся въ землевладѣльцевъ—всѣ эти хищники земли, съ какою-то лихорадочною торопливостію, занимаются лѣсоистребленіемъ. Между тѣмъ лѣсъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ и не долженъ представлять безусловную частную собственность, въ виду того именно, что за истребленіемъ лѣса слѣдуетъ измѣненіе климатическихъ условій (въ отдѣльномъ краѣ или даже и въ цѣломъ государствѣ) въ самомъ неблагопріятномъ для земледѣлія отношеніи. Объ урегулированіи частнаго пользованія лѣсами говорятъ и пишутъ со времени освобожденія крестьянъ, когда помѣщики весьма дѣятельно принялись за освобожденіе Россіи отъ лѣсовъ. Но урегулированіе это не подвинулось впередъ ни на іоту. Министерство государственныхъ имуществъ, время отъ времени, отваливаетъ огромные куши, по 200,000 рублей и болѣе, на разведеніе лѣсовъ посредствомъ саженцовъ и засѣванія древесныхъ сѣмянъ. Но когда еще выростутъ эти новые лѣсочки, если только Богъ, дѣйствительно, судилъ имъ вырасти!... Къ тому времени, чего добраго, отъ нынѣшнихъ лѣсовъ не останется и слѣда. Несравненно проще было бы ограничить частное пользованіе лѣсомъ; тогда и «куши», такъ щедро отваливаемые теперь на лѣсоразведеніе, остались-бы въ карманѣ. А заниматься лѣсоразведеніемъ, рядомъ съ необузданнымъ лѣсоистребленіемъ,—это не только смѣшно, но и обидно, конфузно и крайне рискованно для земледѣлія. Вонъ Волга матушка, обнаженная отъ лѣсовъ, которые одѣвали ее споконъ вѣка, обижается на людское варварство и, на протяженіи почти половины своего теченія, отказывается служить судоходству. Стоить еще немного поусердствовать въ лѣсоразведеніи параллельно съ лѣсоистребленіемъ—и развѣ только въ былинахъ да пѣсняхъ народныхъ сохранится добрая память о благодатномъ когда-то широкомъ раздолѣѣ Волги—царицы русскихъ рѣкъ!..

Вотъ та почва, на которой возросъ и созрѣлъ такъ называемый «кризисъ отпускной нашей хлѣбной торговли» точнѣе же—кризисъ нашей земледѣльческой промышленности. Это—динь изъ самыхъ острыхъ, опасныхъ и злокачественныхъ кризисовъ, которые могутъ выпасть на долю государственнаго бюджета. Для того, чтобы остановить дальнѣйшее развитіе

этого кризиса и дать дѣлу направленіе къ лучшей, самой дружной, согласной и энергической работѣ и общества. Эта работа должна быть согрѣта самымъ и горячимъ гражданскимъ чувствомъ и удовлетворенію общегосударственныхъ польвъ и въ какомъ случаѣ не къ личной выгодѣ привилегированныхъ классовъ. Поэтому работа должна вестись самымъ гласно, открыто, подъ руководствомъ правительственнымъ контролемъ свободной печати. При этомъ упрочится лѣсоиспользованіе, и русла обмелѣвшихъ рѣкъ будутъ расчищены; невозможно будетъ вывозить хлѣбъ, необходимое довольствіе населенія; явится народный кредитъ; не одна только земледѣльческая и сельскохозяйственная, но и вся вообще народная промышленность Россіи получитъ возможность предстать на международной выставкѣ въ изобиліи и разнообразіи произведеній, какъ полноправный конкурентъ культурныхъ народовъ. Поэтому, стремиться къ этому—долгъ каждого, во имя общественнаго и государственнаго благосостоянія и государственнаго самосохраненія. Но въ этотъ моментъ осуществленія этихъ желаній и стремленій, какъ кажется, до дна испить чрезвычайно горькую чашу приходится покорно смириться передъ буйствомъ эпидеміи, постепенно усиливаясь, приобрѣли наконецъ у насъ такое значеніе чего-то въ родѣ стихійной силы.

Ровно 18-ть лѣтъ, какъ цѣна на хлѣбъ внутри Россіи начала систематически возвышаться и увеличилась, почти въ 5 разъ противъ прежней цѣны (въ нѣкоторые годы, въ неурожайные годы, она поднимается до 10 лѣ противъ цѣны, бывшихъ 18 лѣтъ тому назадъ). Въ 1878 г., какъ на югѣ появился и диотеритъ, принявшій эпидемическій характеръ. Замѣчательно, что развѣившаяся эпидемія шла, такъ сказать, по пятамъ за возвышеніемъ цѣны на хлѣбъ внутри Россіи и отпускомъ продовольственнаго хлѣба. Прежде всего, диотеритъ охватилъ южную часть Россіи, т. е. тотъ районъ, ближайшій къ портамъ, который наиболее былъ охваченъ лихолѣтомъ продовольственнаго хлѣба. Диотеритъ обошелъ и центральную Россію и, съ прошлаго года, безпрепятственно кашиваетъ подрастающее поколѣніе въ Петербургѣ. Кавказъ также не былъ пощаженъ диотеритомъ. Сибирь и бичъ подрастающаго поколѣнія не коснулся пока только сѣвера и востока въ Европейской Россіи. Въ Сибири уже нѣсколько проявленій диотерита, но, пока, онъ

нѣтъ здѣсь размѣровъ такой безпощадной эпидеміи, какъ въ Европейской Россіи.

Кoeffиціентъ болѣзненности и смертности признается всегда однимъ изъ самыхъ точныхъ показателей степени благосостоянія и культурности населенія данной страны *). Въ коэффиціентѣ смертности, какъ въ фокусѣ, отражается вліяніе моральныхъ и экономическихъ условій на жизнь даннаго народа. Это—одно изъ основныхъ положеній экономической науки. Нормальнымъ признается коэффиціентъ смертности 16‰ (16 человѣкъ на 1,000 душъ). По размѣрамъ смертности, европейскія государства располагаются, въ восходящемъ порядкѣ, слѣдующимъ образомъ:

Норвегія	17,1 ⁰ / ₁₀₀
Швеція	18,2 »
Данія	19,5 »
Греція	22,3 »
Англія	22,3 »
Бельгія	23,7 »
Швейцарія	23,8 »
Голландія	25,6 »
Франція	26,3 »
Пруссія	27,3 »
Германія	27,8 »
Австрія	31,1 »

Самую сильною смертностью въ западной Европѣ признается, смертность отъ 31,5‰ до 36,5‰. Если смертность достигаетъ 36,5 человѣкъ на 1,000 человѣкъ, — ее считаютъ народнымъ бѣдствіемъ. Въ Лондонѣ (съ населеніемъ болѣе 3¹/₂ милліон. жителей) и Парижѣ (болѣе 2 милліон. жителей), — этихъ величайшихъ въ мірѣ городахъ, гдѣ чрезвычайно скучено населеніе, — коэффиціентъ смертности колеблется между 21‰ и 23‰. Лишь только смертность достигаетъ 23 человѣкъ на тысячу, — всѣ власти — и административныя и медицинскія — принимаютъ самымъ дѣятельнымъ и энергическимъ образомъ разѣискивать причину зла. Печать громко бьетъ въ набатъ, предупреждая населеніе, что общественное здоровье и жизнь находятся въ опасности. Населеніе, само собою разумѣется, приходитъ на помощь властямъ, — и зло усиленно разѣискивается и уничтожается. Такъ это и должно быть. Здоровье и жизнь — высшее, рѣшительно ничѣмъ незамѣнимое благо для человѣка и, въ то же время, величайшій капиталъ—капиталъ

*) Кoeffиціентомъ смертности называется количество умирающихъ на 1,000 человѣкъ. Для обозначенія этого коэффиціента употребляется такой знакъ: ‰

всѣмъ капиталамъ—въ государственной экономіи. . .
 внять и соблюсти этотъ драгоценнѣйшій государс
 тель — одинъ изъ самыхъ зловредныхъ видовъ в
 чительности.

По даннымъ официальной статистики, отно
 чалу 70-хъ годовъ, коэффициентъ смертности въ Рос
 38‰, т. е. значительно больше самой сильной
 западной Европѣ. Въ половинѣ 40-хъ годовъ,
 Россіи составляла 32,5 на 1,000 человѣкъ.
 послѣдніа 40 лѣтъ, смертность въ Россіи во
 изъ 1,000 человѣкъ. Между тѣмъ, за тотъ же
 времени, во всѣхъ приведенныхъ выше европей
 ствахъ замѣчается обратное явленіе—системати
 нѣ коэффициента смертности, послѣдовательное пр
 къ нормальному коэффициенту (16‰). Это и знач
 здѣсь моральныя и экономическія условія жите
 увеличивается благосостояніе населенія. Но, ка
 сама по себѣ смертность 38-ми изъ 1,000 чел
 леко еще не выражаетъ собою смертности в
 ственно. Отсюда нужно исключить Финляндію, съ
 смертности 21,4‰ и Прибалтійскій край, гдѣ
 24,9‰ до 35,5‰. Для характеристики же размѣр
 въ Россіи собственно, заимствуемъ изъ официаль
 относящихся къ началу 70-хъ годовъ, слѣдующія

Орловская губернія	46
Нижегородская	46
Смоленская	46
Пермская	45
Вятская	45
Московская	44
Самарская	44
Астраханская	44
Олонецкая	43
Владимірская	43
Тульская	43
Оренбургская	43
Симбирская	43
С.-Петербургская	42
Псковская	41

Не желая забивать статью цифрами, замѣтимъ
 Европейской Россіи найдется не болѣе 23-хъ
 которыхъ смертность не превышала, въ указанныхъ
 симманнаго коэффициента смертности западной Евр
 Мы считали необходимымъ сдѣлать эти разъяснен
 хотя приблизительное понятіе о томъ, насколько

тъ Европы въ охраненіи общественнаго здоровья и жизни. Мы являемся, что съ 70-хъ годовъ вдругъ напали на Россію всевозможныя эпидеміи, какъ на подростящее, такъ и на взросле населеніе». Но въ томъ-то и дѣло, что эпидеміи «напали» все не «вдругъ». Какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, почва для эпидемій подготовлялась постепенно, въ теченіе 40 лѣтъ. Но мы игнорировали эти данныя, — не было даже тѣни заботы о томъ, чтобы парализовать безпримѣрно выскій у насъ процентъ смертности, который притомъ прогрессивно возрасталъ. Все это неминуемо должно было привести насъ къ эпидеміямъ, которыя охватили почти всю Россію — отъ края до края. Самое понятіе «эпидеміи» исключаетъ возможность учета смертности населенія за послѣднее десятилѣтіе: опредѣленіе процента смертности принимается въ расчетъ только при обыкновенныхъ условіяхъ; во время же эпидемій играетъ столько, сколько придется, — можетъ вымереть и половно все населеніе данной мѣстности. Дѣйствительно, наго-востокъ Россіи и на Кавказѣ есть цѣлыя сельскіе приходы, цѣлыя уѣздныя города и мѣстечки, въ которыхъ почти поголовно вымерло все подростящее поколѣніе. Вообще же въ Россіи, за послѣднія десять лѣтъ (особенно же за послѣднее десятилѣтіе), замѣчается значительное паденіе прироста населенія, процентъ котораго выражается въ доляхъ единицы; а есть такія мѣстности (напримѣръ, въ Вятской, Московской и нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ), гдѣ смертность превышаетъ рождаемость, т. е. происходитъ явное, неоспоримое вымирание населенія. Все это — факты, констатированные земскою статистикою за послѣдніе годы и заявленные въ земскихъ собраніяхъ.

Тамъ, въ деревенской глуши, гдѣ традиціонно распродается населеніемъ продовольственный хлѣбъ, эпидеміи свили себѣ скорбное, уютное гнѣздышко на почвѣ непереводащагося недоѣданія. А разъ только развелась зараза, — она уже безъ разбора поражаетъ и сытые и голодающіе классы. Мы это ясно видимъ въ примѣрахъ Петербурга и Москвы, гдѣ зараза съ успѣхомъ проникаетъ и на чердаки и въ подвалы, гдѣ ютится нужда и грязь, и въ роскошныя бельэтажи, гдѣ привольно разжился достатокъ. Скорбное и самое горькое чувство вызываютъ всевозможныя разглагольствованія объ «искорененіи» эпидемій. Врачи доказываютъ, что если полоскать тѣмъ-то, принимать внутрь другое и смазывать горло третьимъ, — можно избѣжать губельнаго вліянія дѣтскихъ бичей — дифтерита и скарлатины. Думы хлопчуть объ «усиленіи санитарнаго надзора» и «примѣненіи новыхъ, усовершенствованныхъ дезинфицирующихъ веществъ». Да, нужно и «полоскать», и «принимать внутрь», и «смазывать»; необходимы также и «са-

нитарный надзор», и «дезинфекція». Но не те горькій, родной нашъ опытъ воочію убѣждаетъ насъ этимъ, ни въ какомъ случаѣ, нельзя удовлетворитъ мѣры, представляють ничтожный палліативъ, которъ себѣ не имѣеть ровно никакого значенія въ борьбѣ мѣрами. Вести борьбу съ эпидеміями—это значитъ корень зла,—уничтожать тѣ обстоятельства и условия, въ вліяніемъ которыхъ народилась и развилась зараза; же эпидемію однимъ лѣченіемъ—это абсурдъ. Тактъ за время практики земскихъ учрежденій, на «исключеній издержано, въ общей сложности, около 100 тысячъ рублей,—и, въ результатъ, получается большее и болѣе эпидемій и послѣдовательное увеличеніе смертности. Поэтому, что, «полоская», «смазывая», «дезинфекция» мы можемъ блистательнѣйшимъ образомъ повторить опытъ тѣхъ сельскихъ приходоу, городовъ и уездовъ, въ которыхъ почти поголовно вымерло подростяущее поколеніе, и даже навѣрное повторимъ этотъ ужасный опытъ. Будетъ, по прежнему, ограничиваться палліативными издержавъ притомъ на нихъ огромныя суммы денегъ: двухъ: или необходимо призвать, что мы не въ силахъ вести борьбу съ эпидеміями и только обманываемъ себя палліативными мѣрами; или необходимо предпринять настоящую борьбу, чтобы въ корнѣ уничтожить заразу. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо, прежде всего, къ поднятію экономическаго положенія населенія, къ улучшенію всѣхъ вообще условій внутренней жизни, т. е. необходимо создать достаточное, сытое народное продовольственное довольство населенія. Тогда у эпидемій не будетъ почва, на которой онѣ процвѣтають теперь; тогда будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на уничтоженіе заразы, такъ что въ результатъ получится искорененіе ея.

Такимъ именно путемъ ведется борьба съ болѣзнями и смертностью во всемъ образованномъ мірѣ, у различныхъ народовъ, гдѣ смотрятъ на размѣръ болѣзней, коэффициентъ смертности, какъ на реальный итогъ условій внутренней народной жизни, гдѣ процветаетъ правильно, послѣдовательно и неуклонно приближающагося къ нормѣ (16 чел. на 1,000 душъ), тогда какъ у насъ размѣры смертности все увеличиваются въ ужасающей прогрессіи. Но у насъ нѣтъ органовъ управленія, способныхъ къ сложной и высоко-культурной общественной систематическое приведеніе къ нормѣ размѣровъ болѣзней и смертности. Въдѣ не нынѣшнему же земству

дѣлѣ, или городскимъ думаемъ,—этимъ безправнымъ и безгласнымъ, quasi-общественнымъ органамъ управленія,—можетъ быть поручено это дѣло. Не далѣе, какъ на-дняхъ, мы были свидѣтелями слѣдующихъ дикихъ разсужденій въ стѣнахъ петербургской думы: «Нѣтъ особенной (!?) надобности принимать чрезвычайныя (?) мѣры противъ дифтерита, потому что, съ наступленіемъ холодовъ, заболѣваемость должна значительно (?) уменьшиться и, вообще, дифтеритъ въ Петербургѣ вовсе не имѣетъ такого эпидемическаго характера (!?), какъ это полагаютъ (!)». Это говорилъ одинъ изъ лже-общественныхъ представителей, говорилъ гласно, въ засѣданіи столичной думы. Такое воззрѣніе на эпидемію подѣ-стать развѣ только кабрамъ, готтентотамъ, папуасамъ и прочимъ паріямъ челоувѣчества; но выслушивать его въ такой моментъ, когда трудно найти знакомую семью, не пораженную тифомъ, дифтеритомъ или скарлатиною, когда каждый день, каждый часъ приходится дрожать за судьбу дѣтей тѣмъ, у кого они есть,—это ужасно... Насъ глубоко возмущаютъ такія разглагольствованія въ засѣданіяхъ столичной думы, но насколько не удивляютъ. Еслибы земское и городское представительство имѣло на Руси нѣкоторое подобіе общественнаго управленія (не по наружному, разумѣется, декоруму, а по самой сущности дѣла),—ни въ какомъ случаѣ невозможно было бы развитие отпускной нашей хлѣбной торговли за счетъ продовольственнаго хлѣба; ни въ какомъ случаѣ невозможно было бы то чудовищное развитіе болѣзненности и смертности, то распространеніе самыхъ злокачественныхъ эпидемій, которое переживаемъ мы теперь; невозможны были бы, наконецъ, и тѣ недостойныя во всѣхъ отношеніяхъ, безсознательныя разглагольствованія по поводу эпидемій, которыя раздаются теперь въ стѣнахъ столичной думы. Земское и городское управленіе, не счумѣвшее оградить насущное народное пропитаніе отъ хищническихъ посягательствъ на него, не счумѣвшее обезопасить самое драгоцѣнное общественное и государственное достояніе—здоровье и жизнь,—ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права на названіе органовъ общественнаго управленія. Какіе бы ни создавало земство «мосты и гати», какія бы грандіозныя, «монументальныя» скотобойни ни воздвигались «усиліями» городскихъ думъ,—эти органы управленія, не смотря на ихъ доблести по части «мостовъ», «гатей» и «скотобоенъ», все-таки останутся отрицательною величиною, съ точки зрѣнія задачъ, обязанностей, правъ и организациі общественнаго управленія, какъ понимается оно въ политической наукѣ.

Къ величайшему несчастію, нынѣшнее положеніе печати райне не благоприятствуетъ выясненію народныхъ нуждъ и нынѣшняго состоянія quasi-общественныхъ органовъ управленія.

Мѣшаютъ этому обстоятельства, лежащія в меньшей мѣрѣ препятствуютъ этому и дѣлаютъ та низменность литературныхъ приѣмовъ съ каждымъ днемъ даетъ чувствовать себя такое крупное и характерное проявленіе о что его невозможно пройти молчаніемъ.

Два мѣсяца тому назадъ, въ октябрьскія дни, намъ приходилась уже касаться этого времени успѣли накопиться новые факты, но отъвѣняющіе высказанныя нами положенія ношенія между собою различныхъ органовъ царящей въ печати, о невозможности сближенія между собою нѣсколькимъ органамъ во имѣя боты, общественнаго долга. Личные интересы заслоняютъ собою общественное дѣло. Если ступить съ какимъ-нибудь свѣжимъ вопросомъ нѣе выдающимся изъ ряда обыкновенныхъ, умышленно-непонятымъ даже тѣми, которыми де своими единомышленниками въ литературѣ чего добраго—близки къ тому, что честности гая вѣрность принципамъ прогрессивнаго провозглашены однимъ изъ самыхъ тонкихъ шага нынѣ мошенничества: до того мы извѣе вообще...

Съ точки зрѣнія литературныхъ нравовъ характеренъ процессъ редактора-издателя «Вѣстника «Порядка», г. Стасюлевича, съ «Новымъ Времени» мическіе приемы «Новаго Времени»—ужасно стоитъ говорить, такъ какъ газета, по силѣности, имѣла возможность познакомить съ публику. Эти приемы постоянно переходятъ въ литературныхъ приличій; въ нихъ такъ безцеремонно человеческой личности, что иногда касаются семейной жизни. Все это заслуживаетъ самаго порицанія. Но заслуживаетъ также не менѣе то, что человѣкъ литературной профессіи и редакторъ-издатель двухъ періодическихъ органовъ («тащить» въ судъ другое періодическое издание вашъ литературный противникъ, но если въ ходку противъ васъ заслуживающею вниманіемъ притомъ вашей общественной дѣятельности, но должны защищаться тѣмъ же оружіемъ, словомъ, а не бѣгать по судамъ, не грозить емками», и другими столь же мало убѣдительно. Вы не хотите спускаться до той литературной

которой погрязаетъ вашъ противникъ,—прекрасно: отвѣчайте спокойно, съ достоинствомъ,—и тѣмъ скорѣе пойметъ васъ публика и оцѣнитъ вашу правоту; тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе уроните вы вашего литературнаго противника. Но не принимайте авторитетъ, силу и значеніе печатнаго слова бѣготней по судамъ изъ-за какихъ-нибудь двухъ-трехъ стихковъ, хотя бы и циничнаго свойства. Эта бѣготня, это литературное сутяжничество деморализуютъ общество. Если ужъ періодическія изданія тащатъ другъ друга въ застѣнокъ—такъ русскому-то обывателю и Богъ велѣлъ лѣзть въ судъ изъ-за каждой печатной строчки, которая, по крайнему обывательскому разумѣнію, задѣваетъ его честь и амбицію,

Мы могли бы понять г. Стасюлевича, какъ частнаго чело-вѣка, обращающагося къ суду за огражденіемъ себя отъ оскорбленій печати, и не прочь были бы сочувствовать ему въ этомъ случаѣ. Но мы не можемъ сочувствовать г. Стасюлевичу, какъ редактору-издателю, притягивающему къ суду другое періодическое изданіе,—мы отказываемся даже понять, во имя чего собственно шельъ г. Стасюлевичъ въ судъ. Если онъ не вѣритъ въ авторитетъ и силу самостоятельной защиты путемъ печати; если онъ считаетъ свою репутацію недостаточно огражденною отъ какихъ бы то ни было неблаговидныхъ нареканій многолѣтнею журнальною практикою, въ качествѣ редактора-издателя; если онъ рѣшеніе формальнаго суда ставитъ выше того нравственнаго убѣжденія, которое выноситъ общество, присутствуя при литературномъ препирательствѣ, изъ всего этого слѣдуетъ только то, что почтенному редактору-издателю «Вѣстника Европы», въ концѣ концовъ, можетъ предстать незавидная перспектива—не выходить изъ суда, въ погонѣ за «возстановленіемъ своей литературной репутаціи», поколебленной тѣмъ или другимъ стихкомъ, какою либо двусмысленною фразою и т. д. Но не родился еще тотъ судъ, который въ состояніи былъ бы рѣшеніемъ своимъ оградить литературное имя редактора-издателя больше, чѣмъ ограждаетъ его самое изданіе!!..

Повторяемъ, недостойны тѣ—якобы—полемицескіе приемы, противъ которыхъ возбуждено было преслѣдованіе судомъ, но заслуживаетъ порицанія и самый фактъ судебного преслѣдованія этихъ «приемовъ», особенно по тѣмъ подробностямъ, которыми сопровождался этотъ скандальный, можно сказать, литературный процессъ. До судебного разбирательства дѣла, въ редакціи «Новаго Времени» былъ произведенъ обыскъ, съ дѣлю «выемки» вещественныхъ доказательствъ. «Дѣяніе» е симпатичнѣйшее въ самой крайней степени,—и въ ка-ихъ бы то ни было литературныхъ процессахъ нужно держать

кѣ и сумятицѣ понятій по самымъ элементарнымъ вещамъ. Но нельзя же малодушествовать, тѣмъ болѣе невозможно отступать отъ основныхъ принциповъ прогрессивнаго направленія въ чемъ бы то ни было. Иначе мы просто сгинемъ, пропадемъ; насъ разложитъ, поглотитъ деморализація общества,—и въ этой гибели мы будемъ сами же виноваты, потому что недостаточно ревниво охраняли чистоту своихъ принциповъ.

Въ защиту этихъ именно дорогихъ принциповъ, намъ пришлось коснуться въ октябрьской книгѣ «Наблюдателя» вопроса о томъ, что продѣлывается у насъ подъ видомъ, якобы, либеральнаго направленія. Разбирая этотъ вопросъ, пришлось, по необходимости, высказать нѣсколько горькихъ истинъ «Голосу», какъ мнимому представителю либеральнаго направленія, прегрѣшающему изо дня въ день противъ основныхъ и элементарнѣйшихъ принциповъ прогресса. «Въ литературныхъ кружкахъ произвела впечатлѣніе»—какъ выражается Церковно-Общественный Вѣстникъ—наша статья. Да, на нее отозвалось нѣсколько столичныхъ и провинціальнахъ газетъ; но это «впечатлѣніе» ограничилось передачей высказанныхъ нами мнѣній, тогда какъ общественная важность затронутаго нами вопроса требовала не голословнаго согласія или несогласія съ высказанными нами взглядами, а строгаго разбора ихъ, доказательнаго отвѣта на вопросъ, поставленный ребромъ: можно или нельзя считать «Голосъ» органомъ либеральнаго направленія? Почему можно или нельзя? Жестоко заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что ставить такимъ образомъ вопросъ «н е п о л и ч и о»: съ такимъ трусливымъ политиканствомъ можно дойти до полнаго опошленія либеральнаго направленія, въ чемъ «Голосъ» подвизается весьма дѣятельно и успѣшно.

Какъ справедливо замѣчено было «Недѣлю»,—въ оцѣнкѣ подвиговъ «Голоса» нами руководило желаніе разобратъя, оглядѣться въ самомъ либеральномъ лагерѣ. Но—недно это желаніе: необходимо не только оглядѣться, а провести, такъ сказать, демаркаціонную линію между дѣйствительными и живыми приверженцами прогрессивнаго направленія; необходимо сплотиться, объединиться всѣмъ тѣмъ, кому дорого истинно-прогрессивное направленіе безъ примѣси кулацкаго імана,—и не оставлять болѣе незамѣченнымъ, безнаказаннымъ и одного грѣха противъ этого направленія изъ-за того только, что прегрѣшающіе самозванно становятся въ ряды либераловъ, «обы, подъ прикрытіемъ захваченнаго знамени, творить величайшія злодѣянія противъ истинно-прогрессивной партіи, какъ и даетъ «Голосъ»,—этотъ ложный, самозванный «фельдмаршалъ» либерализма, утвержденный въ этомъ санѣ «Московскими эдомостями».

«Относительно «Голоса» нельзя забывать, — повно-Общественный Вѣстникъ», — что эта газета время своего существованія, столько каръ, какъ когда принципиально ставится и разбирается волею и волюнтаризмомъ даннаго литературнаго органа, — «кары» на свой счетъ. «Кары» свидѣлствуютъ о чемъ хотите, о добротѣ и вѣрности журнала или газеты по своему направленію. Какое же изданіе не выносило у насъ? И развѣ отъ этого поднималось значеніе и вліяніе караемаго изданія? Даже «Московскія Вѣдомости» становившаемы по третьему предостереженію можно указать нѣсколько журналовъ и газетъ по агрессивнаго направленія, которые существуютъ, подвергаясь особымъ невзгодамъ, не смотря на крики г. Каткова: *delenda Carthago!* Важенъ не самъ фактъ, а то, за что караютъ: за серьезное-ли мнѣніе, за цѣлѣсообразность мыслей, или просто за безтактность и рабскую покорность? Чемъ же выразилась послѣдствительность и твердость «Голоса»? Мы привели уже много фактовъ за это время накопились и другіе.

«Съ наступленіемъ осени—говорить «Голосъ» — земское движение оживляется: открываются засѣданія сначала уездныхъ, потомъ губернскихъ; сводятся итоги работы исполнительныхъ органовъ земства—земскихъ управлений, обсуждаются и разрѣшаются разнообразныя вопросы, и все это представляетъ близкое соотношеніе съ предметами, вѣренными по своему назначенію учрежденій. Оживленіе дѣятельности въ провинціи ведетъ за собою и нѣкоторое оживленіе печати, которое можетъ служить полнымъ и точнымъ отраженіемъ того, что происходитъ въ земствѣ, тѣмъ не менѣе, урывками, до нея доходятъ свѣдѣнія изъ провинціи, и, вѣрная своему общественному долгу, мѣръ возможности отзывается на запросы земской жизни.

Поставьте передъ всѣми положеніями «Голоса» нѣе, и тогда вы будете вѣрны дѣйствительности того, что дѣлается въ земствѣ, и насколько земское движение отражается въ печати. Да она и не можетъ не ражаться, когда, по самымъ крупнѣйшимъ земскимъ цѣлямъ страницы точекъ замѣняютъ тѣмъ, что на глазахъ земскихъ собраній. А «Голосъ» смотритъ на это и умиляется, какъ, дескать, «оживлена» и просвѣтлена земская дѣятельность!... Еще болѣе курьезны слѣдствія «Голоса» относительно дороговизны:

«Изъ многихъ, отовсюду доходящихъ до насъ жалобъ наиболѣе вниманія, какъ намъ кажется, заслуживаютъ»

бы, идущія изъ среды провинціального чиновничества. (№ 293 «Гол.»).

Безспорно, не весело живется и провинціальному чиновничеству; но куда хуже живется рабочему люду, нерѣдко обездоленному тѣмъ самымъ «чиновничествомъ», о которомъ вздыхаетъ «Голось». Чиновникъ заботится только о собственномъ пропитаніи, а рабочему люду приходится кормить въ буквальномъ смыслѣ и себя, и «чиновничество». Велико-ли, мало-ли жалованье чиновника—оно его собственность; между тѣмъ, весь земельный доходъ земледѣльца и почти весь личный его заработокъ—все уходитъ на уплату податей и повинностей, т. е., между прочимъ, на прокормъ чиновничества, оплакиваемого «Голосомъ». Значить, нѣ отовсюду доходятъ жалобы до «Голоса», или «Голось» умышленно невѣрно читаетъ и комментируетъ эти жалобы!....

«Вопросъ о мѣрахъ противъ дифтерита—торжественно заявляетъ «Голось»—вступаетъ въ новую фазу, переходитъ отъ словъ къ дѣлу, принимаетъ наконецъ желательное, реальное разрѣшеніе. Давно пора!» (№ 302 „Гол.“).

Но въ чемъ же дѣло? Что случилось?—Петербургская дума ассигновала 50,000 рублей «на организацію предупредительныхъ врачебныхъ осмотровъ и подаваніе врачебной помощи на дому и во временной дѣтской больницѣ»—и только. И вотъ эту-то палліативную мѣру противъ дифтерита, принимаемую quasi—общественнымъ управленіемъ, «Голось» называетъ желательнымъ, реальнымъ разрѣшеніемъ дифтеритнаго вопроса! Насколько далеко этотъ палліативъ отъ разрѣшенія дифтеритнаго вопроса,—въ этомъ читатели могли убѣдиться изъ приведенныхъ выше данныхъ относительно размѣровъ смертности у насъ и способовъ борьбы съ эпидеміями. Въ прошломъ мы имѣемъ примѣры, что на одну губернію, пораженную дифтеритомъ, разомъ ассигновывалось нѣсколько сотъ тысячъ рублей. И все же дѣло оканчивалось тѣмъ, что деньги издерживались, а дѣти вымирали! Но какое дѣло «Голосу» до этихъ данныхъ? Какое дѣло ему, что 50,000 руб. общественныхъ денегъ бросаются даромъ, нисколько не гарантируя населенія отъ дальнѣйшаго развитія эпидемій, дальнѣйшаго увеличенія размѣровъ болѣзненности и смертности!?... Даже и въ такомъ ясномъ, опредѣлительномъ вазусѣ, какъ процессъ казначея, растратившаго около 330,000 рублей, принадлежащихъ московскому Воспитательному Дому, «Голось» не обошелся безъ фальши. Вотъ, на примѣръ, въ какихъ «глубоко-прочувствованныхъ» выраженіяхъ явилъ онъ о результатѣ преній по дѣлу Мельницкаго:

„Рѣчь Плевако (представителя иска)—блестящая, особенно та часть ея, дѣвъ онъ говорилъ о значеніи вѣвшей религіозности. Рѣчь защитника Кури-

лова (представителя подсудимаго) заняла весь остальной вечер, но не была окончена. Глубокопрочувствованная, она произвела сильное впечатление: блестящимъ отпоромъ треклятому камню, логикою, правдивостью объясненія дѣйствій подсудимаго, свидѣтельскихъ показаній она покачала обвиненіе („Гол.“).

Изумительно! И на что могла потребоваться такая чувствительность, все это глупое «покачиваніе», если въ слѣдующемъ же номерѣ, волей-неволей сообщить о лишеніи Мельницкаго всѣхъ правъ, сославъ его на житье въ Томскую губернію? Объявить крайней мѣрѣ, рѣшенія суда, и тогда бы ужь по крайней мѣрѣ, расквалили обвиненіе, со всею «глубокопрочувствованностью»!... И нашли же надъ чѣмъ рвать ся—надъ самымъ наглѣйшимъ присвоеніемъ сотенъ тысячъ рублей, которые представляли насущный для выброшенныхъ на улицу дѣтей, даже своими родителями,—самыхъ несчастныхъ дѣлевныхъ судьбою дѣтей!... Цоложимъ, защитникъ «расчувствовался»,—такъ онъ, вѣдь, деньги полуобкопчившею защитою подлѣйшаго вѣщественства; а вы-то чего скорбите?!... Ахъ, циви-

Фактовъ, подобныхъ приведеннымъ, тьма-тебуква, буквально кишитъ такого рода неосмысленности до конца, изо дня въ день. Но чтобы покончить то, какъ марааетъ «Голось» либеральное знамя, о заключеніи, на восхваленіи «Голосомъ» гражданскихъ подвиговъ генерала - отъ - желѣзнодорожника лякова. «Голось» такъ неумѣренно и неосторожно фирамбы въ честь доблестнаго желѣзнодорожника, по поводу устроеннаго имъ общежитія дѣтей петербургскаго университета, что возмутилъ, на скромную, но честную провинціальную газету «Донъ» звалъ съ ея стороны очень жесткій отвѣтъ. Но рѣчь самому «Дону»:

„Да послужить въ назиданіе исторія филантропическихъ подвиговъ лякова,—которую „Голось“ поспѣшилъ сообщить своимъ читателямъ, учительная исторія, будущій изслѣдователь которой повѣривъ много стояло г. Полякову стать благодѣтелемъ и концессионеромъ.“

«Между прочимъ, одинъ эпизодъ этой исторіи касается и насъ. Мы не можемъ судить, насколько вообще правильны благотворительныхъ подвиговъ г. Полякова въ другихъ житейскихъ сферахъ, но ссылаемъ ему въ «Голось» подвигъ устройства въ Воронежѣ малолѣтнихъ и постройки дома для гимназистовъ — вѣскольکو преувеличенъ, конечно, подъ влияніемъ

статья „Голоса“ не видно, о какой воронежской гимназій идетъ рѣчь: мужской или женской; но, во всякомъ случаѣ, нужно догадываться, что рѣчь идетъ о женской гимназій, такъ какъ мужская гимназій обстроилась раньше всякихъ коидессій, раньше не только г. Полякова, но и раньше гг. Дервизовъ... Если брать въ расчетъ, какъ крупное благодѣяніе, участіе Полякова въ постройкѣ дома для женской гимназій въ Воронежѣ, то мы должны были бы упомянуть и о цѣлой серіи, блаженной памяти, откушниковъ, которые не только вкладывали свою лепту въ поддержаніе приютовъ и т. п. филантропическихъ учреждений, но и поддерживали театры, библіотеки и другія общественныя учрежденія... Постройка зданія воронежской женской гимназій и приюта для малолѣтнихъ о п и р а е т с я, главнымъ образомъ, на мѣстную общественную филантропію“.

Эта отвѣдь маленькой провинціальной газетки самой большой петербургской «газетниѣ»—весьма знаменательна. Нельзя не сказать, что, какъ ни скромно воспитательное воздѣйствіе «Дона» на мѣстное общество, но оно несравненно выше вліянія, производимаго «Голосомъ» на всю образованную русскую публику...

«Одесскій Листокъ», останавливаясь на нашей статьѣ о печати вообще и о «Голосѣ» въ частности, съ нѣкоторымъ удивленіемъ указываетъ на то, что эту статью воспользовался «Новороссійскій Телеграфъ». Еслибы органы печати, мнящіе себя либеральными, болѣе строго относились къ охранѣ основныхъ принциповъ прогрессивнаго направленія,—«Новороссійскій Телеграфъ» никогда не сталъ бы пользоваться статьями, направленными къ огражденію либеральнаго лагеря отъ дерзкаго обращенія его въ нѣчто подобное мусорной ямѣ, отъ засоренія его всякимъ негоднымъ литературнымъ хламомъ, причислившимся къ либеральному лагерю, вслѣдствіе прискорбнаго недоразумѣнія и предосудительнаго недосмотра со стороны либеральной печати. Съ другой стороны, не было бы надобности въ постыдной «политичности» и еще болѣе постыдной трусости—не говорить правду только потому, что ею можетъ воспользоваться противная сторона. «Новороссійскій Телеграфъ», какъ видно, сбился съ толку «Одесскій Листокъ» относительно истинной цѣли нашей статьи о печати, въ октябрьской книгѣ журнала. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ предполагать слѣдующій неудачный анекдотъ, болѣе чѣмъ не встать, пересказываемый «Листкомъ».

„Разсказываютъ,—говоритъ газета,—что картину какого-то художника (охвалилъ однажды сапожникъ. Художникъ до того озлился этою похвалою, озлился на похвалу?) что разорвалъ картину. Мы боямся, что послѣ похвалы „Нов. Телегр.“, „Наблюдатель“ изорветъ статью о „Голосѣ“.

Тотъ не «художникъ», который останавливается надъ вопросомъ, что можетъ сказать о его работѣ какойнибудь «сапож-

никъ». Главная задача его состоитъ въ томъ, чтобы картина была вѣрна дѣйствительности. Вотъ это-то, къ несчастію, упустилъ изъ виду «Листокъ» въ отношеніи нашей работы. Теперь онъ долженъ убѣдиться, что мы не только не рвемъ своей «картины», но,—наперекоръ неразумному и вредному «политиканству», наперекоръ позорной боязни правды,—мы принимаемъ «картину» новыми штрихами изъ дѣйствительности. Разумѣется, есть «сапожники» въ печати,—и, къ несчастію, ихъ немало. Это-то обстоятельство и побуждаетъ насъ, главнымъ образомъ, продолжать и продолжать начатый нами разборъ различныхъ направлений и партій въ печати. И повѣрьте, чѣмъ болѣе вниманія будетъ оказано въ самой печати къ работѣ такого рода, чѣмъ серьезнѣе и безпристрастнѣе отнесется она къ ней,—отрѣшившись, разумѣется, отъ всякой ложной «политичности»,—тѣмъ меньше будетъ «сапожниковъ» въ нашей прессѣ. А это—самый жизненный вопросъ для русской печати!..

Какъ школьникъ, уличенный въ крайне неблаговидной прѣдвѣдѣ, «Голосъ», по поводу нашей статьи о печати, весьма респектиивно и въ крайне минорномъ тонѣ, пропенеталъ что-то такое о «личныхъ счетахъ», о «конкуренціи на попрощѣ цѣпскихъ» и т. д. «Не «Голосу» это бы говорить»,—замѣчаютъ респектиивно «Новости», въ отвѣтъ на его минорный лепетъ:—«Этотъ-то чуждъ «личныхъ счетовъ», это онъ-то, ради служенія общественному дѣлу, забываетъ о своихъ личныхъ пристрастіяхъ и антипатіяхъ, основанныхъ на чувствѣ первенства и конкуренціи?—Забавно даже говорить о безпристрастіи «Голоса»! Слышите?—за вами не признаютъ даже права говорить о «безпристрастіи», и это совершенно справедливо. Въ «Новостяхъ» было помѣщено нѣсколько фельетоновъ К. Д. Кавелина. Фельетоны эти служили отвѣтомъ на рядъ статей въ «Новостяхъ» же, въ которыхъ былъ разрабатанъ вопросъ о мѣстномъ и центральномъ управленіи. Статьи эти, затѣмъ, появились въ свѣтъ особою книгою:—«Основы формъ мѣстнаго и центральнаго управленія». «Голосъ» не сдѣлалъ самостоятельнаго того, что сдѣлали «Новости», промолчалъ и объ ихъ статьяхъ, но не рискнулъ игнорировать фельетонъ К. Д. Кавелина. Умалчивая о полемикѣ г. Кавелина съ «Новостями», «Голосъ» прибѣгаетъ къ такой уловкѣ. Онъ, обвиняя К. Д. Кавелина, ставитъ: «К. Д. Кавелинъ говоритъ», и затѣмъ приводитъ его слова и полемизируетъ съ нимъ. Выходитъ что курьезное: гдѣ говоритъ К. Д. Кавелинъ? по какому именно поводу говоритъ онъ?—Это секретъ для читателей «Голоса». Въ невѣдѣніи, они, пожалуй, будутъ даже предполагать, что К. Д. Кавелинъ обратился со статьею въ редакцію «Голоса», но г. Билбасовъ не соизволилъ напечатать вѣ-

статьи. Такое предположеніе было бы величайшею несправедливостью, просто обидою въ отношеніи К. Д. Кавелина, который имѣетъ много причинъ никогда не печатать своего имени на страницахъ «Голоса».

Еще болѣе неблаговидный поступокъ допустилъ «Голосъ» въ отношеніи статьи д-ра А. С. Виреніуса («О переходѣ въ вѣдніе думы больницъ попечительнаго совѣта»), помѣщенной въ іюльской книгѣ «Наблюдателя». Въ одномъ изъ іюльскихъ же литературныхъ обзорѣній «Голоса», статья г. Виреніуса была отмѣчена, какъ незаслуживающая вниманія, даже какъ лишняя, въ смыслѣ особой статьи, потому что, по мнѣнію хитроумнаго критика «Голоса», вопросъ, затронутый г. Виреніусомъ,—одинъ изъ такихъ, о которыхъ обыкновенно говорится во внутреннихъ обзорѣніяхъ журналовъ (вотъ что значитъ быть умнымъ человѣкомъ)! И вдругъ, въ октябрѣ, эта же статья д-ра Виреніуса понадобилась «Голосу», чтобы пустить въ насъ обширѣйшимъ фельетономъ, именно по вопросу о переходѣ больницъ въ вѣдніе думы. Какой-то Д. М. А. (въ «Голосѣ» вѣдъ обязательно, чтобы всѣ пишущіе были безъ фамилій), спрятавшись подъ забраломъ, продѣлываетъ самыя невѣроятныя передѣрки надъ статью Виреніуса, и нагло лжетъ на него, что онъ будто бы служитъ въ вѣдомствѣ попечительнаго совѣта и потому-де защищаетъ его больницы; тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, г. Виреніусъ и не служитъ въ этомъ вѣдомствѣ, и не защищаетъ его больницы. При этомъ безымянный авторъ самъ не объявляетъ, однако, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится, напр., къ городской санитарной комиссіи?.. А любопытно бы знать. Вдобавокъ, замаскированный рыцарь думы не обмолвится буквально ни единымъ словомъ, когда и гдѣ напечатана эта статья, такъ что злополучные читатели «Голоса» лишены даже удовольствія провѣрить литературные подлоги на страницахъ этой газеты. Да хранить насъ судьба и небо отъ полемики съ «Голосомъ»! У насъ, наконецъ, не можетъ быть и темы для полемики съ нимъ. Но для характеристики литературныхъ нравовъ напомнимъ сущность статьи д-ра Виреніуса.

Самыми мрачными красками описываетъ г. Виреніусъ нынѣшнее положеніе столичныхъ больницъ въ вѣдніи попечительнаго совѣта. Но, отказываясь признать существующія городскія думы дѣйствительными органами «общественнаго управленія», г. Виреніусъ протестуетъ противъ передачи больницъ въ вѣдніе думы. Каждый грамотный человѣкъ, кого судьба не обдѣлила даромъ пониманія того, что онъ читаетъ, обязательно долженъ читать статью г. Виреніуса такимъ образомъ: положеніе городскихъ больницъ ужасно; оставлять ихъ въ вѣдніи попечительнаго совѣта — невозможно; но, чтобы пе-

редать больничное дѣло,—какъ удовлетвореніе одной изъ щеголивѣйшихъ общественныхъ потребностей,—въ дѣйствительно надежныя руки, необходимы не нынѣшнія думы, а истинныя органы общественнаго управленія. «Голось», путемъ подтасовокъ и передѣжекъ, пытается повернуть эту основную мысль статьи такъ, чтобы вышло, будто бы мы предпочитаемъ чиновно-бюрократическое управленіе управленію общественному,—въ чемъ, какъ извѣстно читателямъ, никогда не былъ и не будетъ повиненъ нашъ журналъ, какъ не былъ и не будетъ онъ повиненъ въ отождествленіи общественнаго управленія съ кулацкимъ управленіемъ трактирщиковъ и кабатчиковъ, которое такъ ревностно поддерживается и прославляется «Голосомъ». Усиливаясь навязать статью д-ра Виреніуса такую тенденцію, которой она вовсе не имѣетъ, «Голось» весьма рѣзко уклонился въ другую крайность—цѣлкомъ объединилъ существующее городское управленіе съ «общественнымъ управленіемъ». Удивительно, какъ не остановили ред. «Голоса» отъ этого слишкомъ смѣлаго и крайне неблагоприятнаго шага—ни крахъ скопинскаго городского банка, ни возмутительный поступокъ московской думы съ кандидатурою барона Корфа, ни легкомысленное отношеніе петербургской думы къ вопросу о поквартирномъ налогѣ и разгулу эпидемій. Между тѣмъ, каждый изъ этихъ фактовъ говоритъ такъ ясно, до осязательности, что, имѣя разумъ и стыдъ людей, ни въ какомъ случаѣ, невозможно отождествлять существующаго городского управленія съ управленіемъ общественнымъ.

Что же, однако, это такое—недомысліе или безцеремонная передѣжка? И то, и другое. Недомысліе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о принципахъ общественнаго управленія, которые «Голось» очень смутно понимаетъ и потому такъ грубо смѣшиваетъ съ разными видами и формами кулачества. Передѣжка тамъ, гдѣ производится завѣдомый, умысленный литературный подлогъ «съ сокритіемъ слѣдовъ преступленія» (времени и мѣста напечатанія статей К. Д. Кавелина и А. С. Виреніуса). И вы, забываясь о такъ называемой «политичности» въ печати, думаете, что это можно терпѣть, что объ этомъ можно молчать!.. Нѣтъ, пусть молчатъ объ этомъ кто угодно, но такое молчаніе мы считаемъ унижительнымъ и оскорбительнымъ для себя—и молчать не будемъ. Подъ влияніемъ этого именно молчанія и развилась та тлетворная мгла, въ которой болѣе и болѣе угасаетъ «искорка свѣта божьяго» въ печати. Пусть тѣ, которыхъ влекутъ на общественный судъ за грѣхи противъ основъ прогрессивнаго направленія, жалуются и хнычатъ, что нами, будто бы, руководятъ какіе-то личные счеты: читатели должны убѣдиться во-очію, что мы стоимъ неизмѣримо выше личныхъ

счетовъ и ратуемъ во имя важнѣйшей изъ сторонъ общественной жизни—улучшенія литературныхъ нравовъ. Пусть тѣ, которые, опасаясь мнѣній «сапожниковъ», упрекаютъ насъ въ «неполитичности», пусть они спокойно умоютъ руки въ дѣлѣ борьбы изъ-за улучшенія нынѣшнихъ литературныхъ нравовъ,—мы все таки не оставимъ начатаго дѣла.

Чѣмъ ближе къ сердцу то общественное дѣло, о которомъ говорите вы, чѣмъ дороже оно вамъ,—тѣмъ страстнѣе, запальчивѣе будетъ ваша рѣчь.—Это право войны въ сферѣ моральной человѣческой жизни, гдѣ также требуются побѣды и пораженія, гдѣ также есть своего рода завоеванія... Каждый, выходящій на арену общественной дѣятельности, долженъ быть готовъ къ самому строгому и безпощадному общественному суду. Единственная граница для этого суда—не касаться частной, семейной жизни, частныхъ, личныхъ дѣлъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ общественной дѣятельности. Но во всемъ остальномъ, что касается этой послѣдней, не должно быть ни одного такого уголка, въ которомъ человѣкъ могъ бы укрываться отъ общественнаго суда. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для характеристики той страстности, съ которою ведется борьба на почвѣ общихъ интересовъ. Два великихъ ума, два бессмертныхъ, ученыхъ мужа, Либихъ и Жераръ, въ спорѣ по поводу химическихъ теорій, называли другъ друга «в о р а м и». Колоссъ въ сферѣ политической дѣятельности, всемирная извѣстность, нынѣшній англійскій премьеръ—Гладстонъ, недавно выдержалъ ужасный шиваль въ политической борьбѣ партій. Страстность и запальчивость, съ которою нападали на Гладстона политическіе его противники, доходила до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что его обзывали «жуликомъ» и прочими эпитетами изъ категоріи «кряпчихъ словъ». Эти примѣры можно бы продолжать по произволу,—ихъ буквально не оберешься.

Простите, читатель, за эти разъясненія азбуки правъ въ борьбѣ партій на почвѣ общаго интереса, на почвѣ принципиальной. Намъ по необходимости пришлось сдѣлать эти разъясненія, въ виду довольно неожиданнаго и комическаго союза «Дѣла» съ «Московскими Вѣдомостями», по поводу нашей статьи о печати въ октябрьской книгѣ «Наблюдателя». «Московскія Вѣдомости» берутъ подъ свою защиту «Голосъ». Старцы страстнаго бульвара «вѣдаютъ, что творять». Но «вѣдаетъ» ли «Дѣло», что творитъ оно, захлебываясь слѣдующею тирадою «Московскихъ Вѣдомостей»:

«Голосъ» выданъ головою суду общественнаго мнѣнія: обвиненія самыя тяжкія, позорныя сыплются на его сѣдую голову, раскрывается его долговѣтняя дѣятельность во всей наготѣ, онъ объявляется позоромъ русской мы-

сли, систематическимъ ея развратителемъ; онъ «маклакъ въ литературу» «онъ истый паразитъ». Выбрасывается на улицу вся грязь, накопившаяся въ продолженіе 19 лѣтъ, на застрѣльщикѣ русскаго либерализма (нѣтъ: не «застрѣльщикъ», но не «либерализма»)... Выбрасывается она съ грубыми признаніемъ, безъ всякой пощады (да «безъ пощадъ», но, разумеется, и безъ признанія!)... И кѣмъ? Дѣтьми «Голоса» по духу и плоти, «птэнцами» его («бѣда!» (ложь,—ни въ какомъ случаѣ не «дѣтьми»; о „плоти и духѣ“ тутъ и рѣчи быть не можетъ!))... Какъ эти несчастные не поймутъ, что, оплевывая „Голосъ“ они оплеваютъ самихъ себя?.. (ни въ какомъ случаѣ!)... Эти и рѣк а щ и к и (!) А. А. Краевскаго теперь громогласно заявляютъ, что они „отрясли уже прахъ редакціи „Голоса“ (кто бы могъ думать, что г. Катковъ смотритъ на своихъ газетныхъ и журнальныхъ работниковъ, какъ на „рѣк а щ и к о в ъ“!? это—слишкомъ дерзко даже и для Каткова!!); они предлагаютъ въ с в о е м ъ п р и т о н ѣ (слѣдуетъ замѣтить, что въ „Наблюдатель“, кромѣ лицъ, честно работавшихъ въ „Голосѣ“, участвуетъ еще больше такихъ писателей, которые никогда ни одной строчки не напечатали въ этой газетѣ)—«принять мѣры, чтобъ окончательно выгнать изъ либеральнаго лагеря незванно ворвавшійся туда духъ билбасовщины, духъ вранья, клеветковщины, подхалимства и низменныхъ личныхъ расчетовъ“.

Видите, куда зашло дѣло! (в и д и т е, что это именно и переполошило Каткова!)... Вы видите и то, что выпиваемая этими господами грязь мараетъ и ихъ, угрязныхъ, уже запятнанныхъ (нигдѣ и ничѣмъ)!... Кѣмъ, спрашивается, орудовалось то, въ чемъ г. Модестовъ и комп. видятъ теперь „ложь“, клеветковщину“ „подхалимство“, какъ не ими же самими? (разумеется, не ими). Противъ чего же не разъ раздавались голоса изъ противоположнаго лагеря, какъ не противъ того, что теперь называется собственнымъ именемъ самихъ экс-сотрудниковъ „Голоса“? (Никогда не раздавался вашъ голосъ: Катковъ, за чистоту принциповъ прогрессивнаго направленія,—никогда не служилъ вы этому дѣлу!). Но тогда они молчали, тогда они дерзали, какъ утѣтвенная невинность, уличать другихъ во „лжи“ и т. п. (и, дѣйствительно, не безъ успѣха „улучали“ васъ, что въ безчестной игрѣ въ „хватай-лиа“, вы дошли до упоминанія!).

Вы видите, что когда мы прямо поставили вопросъ о «грязяхъ, чтобы окончательно выгнать изъ либеральнаго лагеря незванно ворвавшійся туда духъ билбасовщины, духъ вранья, клеветковщины, подхалимства и низменныхъ личныхъ расчетовъ». — Катковъ простираетъ свои дряблыя старческія руки надъ «свѣдой головою» редактора «Голоса»: ему непременно нужно сохранить «Голосъ» во всеоружіи выѣшнихъ его атрибутовъ, позорящихъ либеральное направленіе, потому что «Голосъ» въ такомъ видѣ скорѣе союзникъ, чѣмъ противникъ «Московскихъ Вѣдомостей». Можете вздохнуть, г. Катковъ, о свѣдой головѣ «Голоса» сколько угодно,—это дѣло вашего вкуса; но не позорьте людей, которые нисколько не повинны во всемъ томъ, въ чемъ мы обвинили «Голосъ». Вы, какъ старшій газетчикъ, очень хорошо знаете,

какъ «орудуется» дѣло въ нашихъ газетахъ:—каждый сотрудникъ отвѣтственъ только за то, что онъ пишетъ, взваливать же на него отвѣтственность и за все то, что печатается въ органѣ, гдѣ онъ работаетъ,—это—грубая передѣржка, завѣдомая несправедливость. Докажите, г. Катковъ, что В. И. Модестовъ или кто-либо изъ другихъ бывшихъ сотрудниковъ «Голоса», названныхъ въ октябрьской книгѣ «Наблюдателя», принималъ участіе въ прославленіи биржеваго ажіотажа, въ восхваленіи желѣзнодорожнаго мошенничества, въ возвеличеніи гг. Поляковыхъ и К°, въ угрозахъ веревками и уличными расправами, въ разнообразномъ прислужничествѣ сильнымъ міра и т. д. Нѣтъ, вы этого не можете доказать, никогда не докажете! Каждый изъ названныхъ нами бывшихъ сотрудниковъ «Голоса» оставался въ этой газетѣ до тѣхъ поръ, пока могъ быть независимымъ и честнымъ журнальнымъ работникомъ въ своей сферѣ; но лишь только духъ билбасовщины врывался и въ его область,—онъ уходилъ, и—что еще важнѣе—уходилъ съ тѣмъ, чтобы уже болѣе никогда не возвращаться въ эту газету! Такъ неужели же вы, г. Катковъ, не понимаете, что это безусловно говорить въ пользу бывшихъ сотрудниковъ «Голоса», и не видите, что та грязь, которою вы желали швырнуть въ нихъ, цѣликомъ остается въ вашихъ же рукахъ!? Для большей назидательности, приведемъ примѣръ, особенно доступный разумѣнію г. Каткова. Всѣмъ извѣстно, какой затхлый и одуряющій литературный «притонъ» представляетъ собою нынѣ «Русскій Вѣстникъ». Между тѣмъ, безвременно русской печати загнояло туда даже такихъ корифеевъ нашей литературы, какъ Тургеневъ и Толстой, а въ первые годы изданія, когда отъ него не разило еще вышшимъ специальнымъ букетомъ, въ немъ участвовалъ столь ненавистный теперь для Каткова—г. Щедринъ. И кому же придется въ голову взваливать на нихъ отвѣтственность за общее направленіе катковскаго журнала?!.. «Русскій Вѣстникъ» остался съ позорнымъ именемъ; а названные сотрудники его ушли и сохранили доброе имя. Согласитесь, что этотъ примѣръ, совершенно аналогиченъ съ дѣятельностью бывшихъ сотрудниковъ «Голоса», противъ которыхъ ополчаются «Моск. Вѣдомости» въ безсильной и смѣшной злобѣ. Дико и дерзко было бы сказать, что Тургеневъ, Толстой и Щедринъ—«дѣти» «Русскаго Вѣстника»; также дико и дерзко говорить, что люди независимые, работавшіе въ «Голосѣ» и порвавшіе съ нимъ всякія сношенія—«дѣти» его. Никто не отнимаетъ у Щедрина права громить катковщину потому, что онъ работалъ когда-то въ катковскомъ журналѣ. Точно также никто не смѣетъ посягать на право бывшихъ сотрудниковъ «Голоса» разоблачать ку-

ладкій либерализмъ этой газеты, дерзко выдаваемый за прогрессивное направленіе.

При всемъ несочувствіи нашемъ къ «Голосу», мы искренно сожалѣемъ, что злой рокъ такъ безошадно бросилъ его подъ защиту «Московскихъ Вѣдомостей». Не говоря ужъ о нечестныхъ приѣмахъ этой защиты, надо помнить, что защита г. Каткова никого не доводила и не можетъ довести до добра. Еще болѣе сожалѣемъ мы, что не понимаетъ этого журналъ «Дѣло». Онъ цитируетъ «Московскія Вѣдомости» (сдѣлавъ при этомъ легкій реверансъ «своейственной имъ энергіи»), какъ непререкаемую догму, и, — совершенно игнорируя, что было сказано нами въ октябрьской книгѣ по адресу «Московскихъ Вѣдомостей», какъ былъ поставленъ вопросъ о печати вообще, — останавливается только на «сильныхъ выраженіяхъ» нашей статьи, т. е. буквально на отдѣльныхъ словахъ.

Это весьма прискорбно. Мыслимая-ли вещь, чтобы «Дѣло», при прежнемъ его редакторѣ (т. е. Благосвѣтловѣ), могло очутиться въ компаніи нынѣшняго, всѣми брошеннаго «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей»? А теперь — «иные времена, иные люди, иные пѣсни», — скажемъ мы словами «Дѣла». Журналъ этотъ, устами «Московскихъ Вѣдомостей», задѣтыхъ за живое «Наблюдателемъ», пытается изрыгать хулу на бывшихъ сотрудниковъ «Голоса». А спросите-ка, г. Шелгуновъ, гдѣ участвовалъ или — точнѣе — гдѣ не участвовалъ прежде вашъ нынѣшній арендаторъ г. Станюковичъ?.. Да, явились «иные люди» — журналъ «Дѣло», при «наслѣдникахъ Благосвѣтлова», усердно работаетъ въ пользу «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей». По неволѣ скажешь: «есть вещи, другъ Горацио, которыя и не снились древнимъ мудрецамъ!» «Голосъ», «Московскія Вѣдомости» и между ними — «Дѣло», благоговѣнно внимающее рѣчамъ г. Каткова!!... Это-ли еще не самобытная тройка!?

Баллады Шиллера въ объясненіяхъ Д. В. Цвѣтаева.

Шиллеръ давно признанъ за поэта не только одного германскаго народа, но и всего человѣчества. Въ немъ, какъ въ міровомъ поэтѣ, полно выразился одинъ изъ моментовъ исторіи человѣчества. Эта исторія интересуетъ насъ постепеннымъ подъемомъ человѣческаго духа, его стремленіемъ выяснять высшіе интересы человѣческой жизни, какъ противовѣсъ животной чувственности, которой поддается масса и которая въ отдѣльныхъ личностяхъ часто подавляетъ лучшую сторону человѣческой природы, возвышающуюся надъ общею животною жизнью. Постепенное сознаніе силы и способности къ безконечному развитію человѣческаго духа, созданіе совершеннѣйшихъ идеаловъ жизни, вотъ что представляетъ намъ исторія человѣчества. Она начинается съ того момента, когда человекъ назвалъ себя подобіемъ Божіимъ, слѣдовательно созналъ свое превосходство надъ остальнымъ животнымъ міромъ и сталъ искать удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ. Много народовъ поочередно входятъ въ эту историческую сферу и одинъ за другимъ вносятъ свои наблюденія, выводы, нравственные понятія, все, надъ чѣмъ работала его душа и что приводило его къ сознанію истины, правды, добра и прекраснаго. Понятія о всемъ этомъ вырабатывались вѣками и въ борьбѣ; борцы сходили со сцены, погибали, но работа ихъ оставалась, продолжала развиваться усиліями другихъ, очищая, расширяя и возвышая понятія, которыя наконецъ находили себѣ полное и ясное опредѣленіе въ идеальномъ образѣ, созданномъ гениальнымъ поэтомъ. Эти идеалы поэта создаются не случайно, а вырабатываются изъ запаса впечатлѣній, наблюденій, понятій, ученій, накопившихся отъ предшествующей общей жизни; въ фантазіи поэта они объединяются, находятъ для своего выраженія живой образъ, который и является передъ массою, какъ что-то близкое, родное, давно ожидаемое, обѣтованное. Пѣсня своею красотою, она даетъ направленіе нравственной жизни, и служитъ ступеню къ дальнѣйшему духовному совершенствованію. Хотя она и создается въ средѣ извѣстной національности, но возвышается надъ

нею настолько, что и рабъ, и эллинъ, и иудей признають его своимъ, потому что въ немъ выражается человѣкъ въ моментъ высшаго своего развитія, независимо отъ національныхъ чертъ.

Къ такимъ поэтамъ относится и Шиллеръ. Его обыкновенно ставили во главѣ нѣмецкаго романтизма. Но еслибы онъ былъ исключительнымъ романтикомъ, то его поэзія должна бы была потерять свое значеніе въ наше время. Въкъ романтизма уже пережить образованнымъ міромъ; онъ принадлежитъ прошедшему. Современные Шиллеру поэты — романтики уже мало читаются и на своей родинѣ, хотя въ свое время они увлекли читателей и даже переводились обильно на другіе языки. Теперь же находятъ ихъ односторонними, устарѣлыми и даже скучными. А между тѣмъ произведенія Шиллера все еще читаются съ интересомъ; въ его идеалахъ все еще находятъ что-то привлекающее и просвѣтляющее. Значитъ, въ нихъ выразились не одни романтическія стремленія, а нѣчто большее, что даетъ имъ жизненность и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Если романтизмъ выражалъ стремленіе дать чувству сердца первенствующее значеніе въ жизни, если на свободѣ чувства онъ хотѣлъ основать счастье человѣка, если онъ былъ протестомъ противъ насилія надъ чувствомъ, то стремленія Шиллера, выразившіяся въ его поэзіи, не подойдутъ всецѣло подъ это опредѣленіе. Онъ многосторонне относился къ жизни со своими требованіями; онъ стоялъ вообще за нравственную свободу человѣка, изъ которой только и могутъ развиваться всѣ человѣческія достоинства. Въ идеалѣ онъ вознесъ человѣка на высокій пьедесталъ, съ полною вѣрою въ его духовныя силы, полагая, что только въ нихъ должно искать крѣпкихъ основъ величія и счастья человѣка. Истина, правда, добро и красота соединяются у него въ человѣческомъ духѣ и возносятъ человѣка. И пока онъ не въ нихъ будетъ искать счастья, а во вѣншемъ положеніи, онъ никогда не найдетъ свободы, и всегда будетъ рабомъ, а не гражданиномъ. Въ его поэзіи представляется намъ человѣкъ, такъ сказать, независимо отъ времени и мѣста, человѣкъ, прожившій много вѣковъ и отразившій въ своемъ духѣ все лучшее, что развивалось въ человѣчествѣ. Это человѣкъ, образъ котораго созданъ въ творческой фантазіи подъ впечатлѣніемъ всей мировой исторіи, философіи, религіи,—человѣкъ, ищущій совершенства въ дальнѣйшемъ развитіи. Полнота и красота этого идеала и привлекаютъ къ себѣ, не допуская никакой мысли о фальши; нѣтъ, чувствуется, что въ немъ выражена правда, что въ основаніи человѣческая природа въ самомъ дѣлѣ такова, и въ своемъ развитіи наконецъ найдетъ въ себѣ силы побороть то зло, которое повергаетъ человѣка въ нравственное рабство. Поэзія Шиллера миритъ съ жизнью, потому что вызываетъ

вѣру въ высшіе идеалы, какъ въ жизненную силу. Вотъ отчего имя Шиллера произносится съ большимъ уваженіемъ во всѣхъ образованныхъ обществахъ какой бы ни было національности, не смотря даже на разные недостатки поэта, на которые указываютъ новѣйшіе критики: у гениальныхъ дѣятелей недостатки не затмѣваютъ достоинствъ. Поэзія Шиллера воспитала въ Германіи не одно поколѣніе; даже у насъ она имѣла воспитательное значеніе въ развитіи нѣкоторыхъ кружковъ, изъ которыхъ выходили лучшіе дѣятели, потрудившіеся на пользу русскаго просвѣщенія. Благодаря Жуковскому, нѣсколько лучшихъ произведеній Шиллера усвоены русскою литературою въ прекрасной формѣ. Скажемъ даже болѣе. Въ настоящее время, наше молодое поколѣніе, уже не охотно читающее Жуковскаго, знакомо съ нимъ по переводамъ шиллеровскихъ піесъ. Хотя въ нихъ и ощутителенъ духъ шиллеровской поэзіи, но нельзя сказать, что идеалы Шиллера вполне въ нихъ выразились. Но нужно указать, что это поколѣніе, научившееся въ школахъ такъ же мало читать по-нѣмецки, какъ и поколѣніе предшествующее, имѣло возможность ознакомиться вполне съ поэзіей Шиллера,—возможность, какой не имѣли его отцы. Я говорю объ изданіи всѣхъ сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Съ 1857 года сдѣлано пять изданій въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ. Судя по этому, можно было бы полагать, что Шиллеръ—одинъ изъ любимыхъ европейскихъ поэтовъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, и можно было бы радоваться такому явленію, заключая, что и идеалы поэта усваиваются въ русскомъ обществѣ и оказываютъ на него благотворное вліяніе. Но, къ сожалѣнію, присматриваясь ко всѣмъ явленіямъ нашей современной жизни, мы не можемъ сказать, чтобы большинство нашихъ дѣятелей вступило въ жизнь съ этими идеалами. Нѣтъ, въ ихъ дѣятельности не видятся идеалы Шиллера, съ ними они совсѣмъ незнакомы, или отреклись отъ нихъ, найдя, что такіе идеалы неудобны на томъ низкомъ нравственномъ уровнѣ, на которомъ любить стоять эгоизмъ; а иные, можетъ быть, даже подсмѣиваются, находя непрактичнымъ дѣломъ возиться съ какими-то идеалами, когда нужно пользоваться удобнымъ случаемъ ублаготворить себя. Или, можетъ быть, люди съ высшими идеальными стремленіями устранились отъ дѣятельности, выжидая, когда окажется несостоятельною воображаемая практичность? Мы глубоко убѣждены, что практичность, рождающаяся съ идеалами, непременно окажется рано или поздно вредною для общественныхъ интересовъ; она служитъ только личностямъ, къ ихъ выгодамъ, потому что она всегда близорука, и даль ничего не видитъ и не можетъ видѣть, а общество живетъ настоящею жизнію только тогда, когда имѣетъ вѣру въ

будущее, соединяя съ нимъ всѣ свои лучшія чаянія, на которыя эта практичность смотритъ всегда насмѣшливо, не понимая, что безъ нихъ мертва и тупѣетъ общественная жизнь.

Чѣмъ же вооружиться противъ такой насмѣшливой практичности, если не признать за идеалами поэтовъ воспитательной силы, способной создать настоящихъ общественныхъ дѣятелей, которые со словомъ «практичность» будутъ соединять со всѣмъ другое понятіе, т. е. не будутъ считать непрактичнымъ безкорыстнаго служенія общественнымъ интересамъ? Будемъ же помогать молодому поколѣнію—лучше понимать такихъ мировыхъ поэтовъ, какъ Шиллеръ, и проникаться ихъ идеалами. Въ этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе кстати г. Цвѣтаевъ задумалъ заняться изученіемъ поэтическихъ произведеній Шиллера, воспользовавшись всѣмъ, что можетъ дать богатая нѣмецкая критическая литература по этому предмету. Свѣдѣнія о Шиллерѣ, говоритъ онъ, у насъ найдутъ далѣе непосредственнаго знакомства съ переводными его произведеніями и самыхъ общихъ о нихъ положеній, тогда какъ на западѣ усиливается серьезная работа надъ Шиллеромъ. Г. Цвѣтаевъ предлагаетъ пока русской публикѣ первые свои опыты выясненія балладъ Шиллера и то не всѣхъ, а только одной ихъ группы. Эти опыты онъ называетъ началомъ своихъ работъ надъ произведеніями Шиллера. И мы не можемъ не отозваться съ полнымъ сочувствіемъ къ предпринятому имъ труду. Для начала имъ взяты баллады, потому что въ нихъ, какъ онъ говоритъ, при сравнительно небольшомъ объемѣ, какъ въ фокусѣ, отразились существенныя свойства поэзіи Шиллера, какою она была въ пору высшаго ея разцвѣта: его мировоззрѣніе, способы изложенія и т. п. Черезъ нихъ, автору казалось удобнѣе приступить къ тщательному изученію всего поэта. Къ этому же присоединилось и то соображеніе, что, благодаря въ особенности Жуковскому, баллады Шиллера пользуются у насъ болѣею извѣстностью передъ всѣми его произведеніями; часть ихъ всегда читалась въ нашихъ школахъ. Выборъ г. Цвѣтаева оправдывается и взглядомъ на баллады германскаго поэта самихъ нѣмецкихъ критиковъ; они говорятъ, что въ цѣлой нѣмецкой литературѣ во всѣ ея вѣка, едва ли можно указать на что нибудь такое, что заслуживало бы изученія, одинаковаго съ этими стихотвореніями Шиллера. Мы совершенно согласны съ г. Цвѣтаевымъ, что при изученіи истинно-поэтическихъ произведеній, въ особенности же поэтовъ, намъ несовременныхъ, должна быть на виду сторона эстетическая передъ всѣми другими. Но изъ этого не слѣдуетъ, что изученіе должно быть направлено только на эту сторону. «Поэтическое произведеніе, справедливо замѣчаетъ Цвѣтаевъ, богато и идеей, и содержаніемъ, и историческимъ

художественными, логическими, психологическими и чисто-филологическими элементами;—все это и важно выяснить; но прежде всего и больше всего—проходящую въ немъ, во всѣхъ его элементахъ, стихий красоты. Только этимъ путемъ, во всемъ объемъ обрисуются и свѣтлый образъ поэта, и его благородная и все облагораживающая поэзія; только этимъ путемъ поймемъ, что даетъ произведенію неослабно - чарующую и образовательную силу». И этотъ путь выбралъ г. Цвѣтаевъ для изученія Шиллера. Въ изданной имъ книжкѣ онъ подробно разбираетъ четыре баллады: Кубокъ, Перчатка, Поликратовъ перстень, Ивиковы журавли,—всѣ въ переводѣ Жуковского, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ у Жуковского измѣнены или выражены неточно мысли оригинала. По взгляду г. Цвѣтаева, эти баллады составляютъ одну группу, которую онъ характеризуетъ такимъ образомъ: во всѣхъ ихъ дѣйствіе совершается вверху и внизу—вверху всегда нѣчто пріятное для глазъ, внизу—страшное, вызывающее на борьбу; во всѣхъ центръ тяжести поставленъ въ изображеніи событія, дѣйствія, проявленій высшей силы. Употребляя одни и тѣ же приемы при изученіи каждаго изъ этихъ произведеній, авторъ остается вѣрнымъ избранному имъ пути, стремясь сдѣлать имъ строгую эстетическую оцѣнку: идея произведенія, источникъ, откуда могъ быть заимствованъ рассказъ, художественное его построеніе, идеализація,—все подробно разсматривается и разъясняется авторомъ, и все ведетъ къ понятію объ истинномъ художественномъ произведеніи и его требованіяхъ. Такіе разборы дѣйствительно могутъ развивать эстетическій вкусъ и научить сознательно относиться къ произведеніямъ искусства. Не касаясь всѣхъ подробностей труда г. Цвѣтаева, мы позволимъ себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе, и то только потому, что не знаемъ всего плана автора, взявшаго на себя трудъ изучить геніальнаго германскаго поэта во всѣхъ его произведеніяхъ. Можетъ быть, въ дальнѣйшихъ своихъ разборахъ авторъ и коснется того, чего теперь, намъ кажется, не достааетъ,—именно того историческаго элемента, котораго самъ авторъ не отрицаетъ въ каждомъ поэтическомъ произведеніи. Безспорно, что Шиллеръ имѣетъ огромное значеніе въ исторіи человечества своими новыми идеалами, своими новыми образцами поэзіи, своими особенными взглядами на искусство. И читая или оцѣнивая его произведенія, которые старѣе насъ почти цѣлымъ столѣтіемъ, хотѣлось бы видѣть, что именно новаго внесъ онъ въ понятіе объ искусствѣ, о красотѣ, чѣмъ его идеалы полнѣе и выше идеаловъ прежняго времени. Много и другихъ историческихъ вопросовъ является невольно, потому что дѣятельность человѣка оцѣнивается вполнѣ только въ связи съ тѣмъ моментомъ, когда онъ явился, и въ связи съ тѣмъ содер-

жаниемъ, какое могла дать современная ему жизнь, развившаяся исторически. Хотѣлось бы и на произведенія поэта смотрѣть, какъ на явленія вполне законныя и необходимыя, какъ на историческій фактъ, изъ подъ вліянія котораго мы еще не успѣли выйти. Но, можетъ быть, все это мы найдемъ въ дальнѣйшемъ трудѣ г. Цвѣтаева, который, во всякомъ случаѣ, долженъ быть названъ почтеннымъ трудомъ, и желательно, чтобы онъ былъ доведенъ до конца, въ виду воспитательнаго значенія поэзіи Шиллера: мы такъ нуждаемся въ хорошихъ воспитательныхъ средствахъ.

В. Стоюнинъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Результатъ выборовъ въ прусскій ландтагъ.—Группировка партій и отсутствіе большинства.—Несостоятельность прусской избирательной системы.—Тронная рѣчь.—Монсолеминскіе беспорядки во Франціи.—Ихъ причины и отзвѣвы французской печати.—Покушеніе на жизнь сербскаго короля.

Первичные выборы, т. е. выборы избирателей, возбудили было среди либеральныхъ партій Пруссіи радужныя надежды на успѣшный для нихъ исходъ избирательной кампаніи; но надежды эти быстро разсѣялись, какъ только опредѣлились результаты окончательныхъ выборовъ, т. е. выбора депутатовъ въ прусскій ландтагъ. Непрактичность прусской системы, съ одной стороны, и отсутствіе солидарности среди либераловъ, съ другой, сдѣлали свое дѣло и поставили либерализмъ еще въ худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ онъ находился въ минувшій законодательный періодъ. Побѣда осталась за консерваторами, клерикалами (центромъ) и поляками. Для уясненія настоящаго положенія, не бесполезно будетъ указать на прежній составъ прусской палаты депутатовъ. Въ ней всего на всего насчитывалось 433 депутата; значить, абсолютное большинство требовало 217 человекъ. Національ-либералы располагали 87 голосами, сецессіонисты—20, прогрессисты—37, дикіе—5, поляки—19, консерваторы—100, свободные консерваторы—48, клерикалы—117; следовательно, либеральныхъ голосовъ, причисляя къ нимъ и дикіихъ, которые стояли внѣ всякихъ партій, но обыкновенно вотируютъ съ либералами,—было 149, консервативныхъ-же—284. Нынѣ наличный составъ палаты остался, разумѣется, тотъ же, но взаимныя численныя отношенія партій измѣнились довольно чувствительно и, какъ мы ужъ

сказали, не въ пользу либераловъ. Октябрьскіе выборы текущаго года дали слѣдующіе результаты: національ-либераловъ оказалось на лицо 66, сецессионистовъ—21, прогрессистовъ—38; дивихъ, по прежнему,—5, поляковъ—18, консерваторовъ—101, свободныхъ консерваторовъ—51, клерикаловъ—133. Всѣ консервативныя партіи, за исключеніемъ поляковъ, потерявшихъ одинъ голосъ, увеличились въ количествѣ, а клерикалы такъ и весьма значительно—на 16 голосовъ; съ либеральной же стороны прибавилось по одному голосу только къ сецессионистамъ и прогрессистамъ; зато число національ-либераловъ уменьшилось почти на цѣлую четверть. Всего на всего, консерваторы приобрѣли 19 голосовъ, утраченныхъ либералами, и теперь на солидную массу въ 303 консерватора приходится всего 130 либераловъ. Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что консерваторы будутъ располагать абсолютнымъ большинствомъ, даже въ случаѣ измѣны наименѣе надежныхъ элементовъ—свободныхъ консерваторовъ и поляковъ, разумѣется, по тѣмъ вопросамъ, по которымъ можетъ состояться коалиція между просто консерваторами и клерикальнымъ центромъ.

Итакъ, либералы потерпѣли полное фіаско. Всѣ мечты о слияніи либеральныхъ партій, объ образованіи солиднаго умѣренно-либеральнаго центра,—для чего, впрочемъ, требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ приобретене 60 новыхъ мѣстъ,—все это рушилось, и либералы стоятъ теперь еще болѣе разрозненными, чѣмъ когда-либо. Положимъ, пока еще невозможно предвидѣть комбинацій, какія могутъ образоваться между консервативными группами, но, во всякомъ случаѣ, иллюзія на счетъ возможной солидарности между либералами разныхъ оттѣнковъ сказалась во всей своей несостоятельности. Сказалась наглядно въ глазахъ общественнаго мнѣнія и несостоятельность главнѣйшей либеральной группы,—національ-либераловъ, неустойчивость которыхъ можно, по всей справедливости, считать одной изъ главнѣйшихъ причинъ, скомпрометировавшихъ дѣло либерализма въ Германіи. Въ постоянной погонѣ за милостями имперскаго канцлера, они мало-по-малу утратили ясное сознаніе своей прямой задачи—охраны вольностей народа—и превратились въ какихъ-то quasi-либеральныхъ доктринеровъ, которыми ловко умѣлъ пользоваться князь Бисмаркъ для своихъ далеко не либеральныхъ цѣлей. Неудивительно послѣ этого, если національ-либералы лишились почти всякаго довѣрія въ народѣ и изъ партій, еще недавно весьма многочисленной и обладавшей чуть не половиной всѣхъ голосовъ въ законодательномъ собраніи, превратились въ группу, которая составляетъ нынѣ

едва шестую часть наличнаго состава ландтага. Начавшееся нѣсколь-
лѣтъ тому назадъ разложенеіе этой партіи завершилось на послѣднихъ
выборахъ полнымъ крушеніемъ: потеря за разъ 21-го мѣста
парламентѣ нанесла жестокий ударъ національ-либераламъ, отъ кото-
раго они едва-ли когда-либо оправятся. Непопулярность этой партіи
была, между прочимъ, причиною неудачи всѣхъ попытокъ къ слиянію ли-
беральныхъ группъ. Попытки эти исходили отъ національ-либераловъ,
именно потому-то онѣ и не возбудили довѣрія. Примкнуть къ послѣднимъ,
значило стать не подъ знамя съ опредѣленнымъ девизомъ, а подъ фла-
геръ, и съ такимъ флагеромъ въ рукахъ идти окольными путями къ
невѣдомой цѣли. Какъ бы тамъ ни было, но поражение, нанесенное ли-
бераламъ, можетъ повести къ весьма печальнымъ результатамъ. Пораже-
ніе это тѣмъ чувствительнѣе, что оно на цѣлые три года водворяетъ
царство реакціи. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, выборы депутатовъ про-
изводятся черезъ каждые три года. Либераламъ остается только утѣша-
себя, что это злосчастное трехлѣтіе—не вѣчность, и когда нибудь
пройдетъ. «Не зачѣмъ намъ, говоритъ прогрессивистская «Volks-Zeitung»
принимать слишкомъ близко къ сердцу исходъ настоящихъ выборовъ.
Народъ научился уже цѣнить по достоинству имперскую политику пра-
вительства, съумѣетъ онъ со временемъ понять и его домашнюю пол-
тику; если три драгоценныхъ года и пропали для насъ, то мы все же
сомнѣваемся, что недалеко то время, когда и на нашей улицѣ будетъ
праздникъ». Утѣшеніе довольно плохое, въ виду складывающихся нынѣ
обстоятельствъ; а главное, что этими обстоятельствами руководить такъ
опытный и энергическій человѣкъ, какъ князь Бисмаркъ.

Если либералы въ чемъ и видятъ для себя утѣшеніе, то раз-
только въ томъ, что правительство, не зирая на очевидное торжество
любезныхъ ему консерваторовъ, едва-ли можетъ рассчитывать въ но-
вой палатѣ на болѣе устойчивое и надежное для себя большинство, чѣмъ
то, которое было въ прошедшей. Въ сущности, для самого Бисмарка
положеніе не особенно измѣнилось къ лучшему, какъ-бы ни былъ
ему пріятна неудача, постигшая либераловъ. Наиболѣе многочисленная
группой, за благосклонностью которой особенно придется ухаживать, ли-
беральному остался центръ, усилившій сверхъ того ряды свои на 16 чел.
а извѣстно, что центръ вовсе не безусловно консервативная группа: для
него на первомъ планѣ—не государственные или народные интересы,
чисто церковные. Поэтому легко можетъ случиться, что по многимъ
весьма существеннымъ вопросамъ Бисмаркъ и не съумѣетъ организо-

ь надлежащее большинство, если клерикалы откажутся идти за нимъ и придется ему на выручку національ-либералы, какъ это случилось, р., въ прошлую законодательную сессию, когда только при содѣйствіи послѣднихъ удалось ему провести законъ о пріобрѣтеніи государствомъ желѣзныхъ дорогъ. Насколько, однако, рѣдки были подобнаго рода счастливыя случайности, показываетъ вся минувшая сессія, въ которую имперскому канцлеру пришлось терпѣть неудачу за неудачей. Въ итогъ, въ новомъ прусскомъ ландтагѣ не будетъ никакого вѣнутаго большинства, ни консервативнаго, ни тѣмъ менѣе—либеральнаго, и правительству по прежнему придется руководствоваться поговоркой «отъ случая къ случаю», какъ прозвали ее нѣмцы, эквилибрируя между партіями и гоняясь за большинствомъ, то клерикально-консервативнымъ, то либерально-клерикальнымъ (сочетаніе, мыслимое одной только Германіи), то консервативно-либеральнымъ, а то и вовсе гонясь безъ всякаго большинства. Послѣднее уже не разъ практиковалось Бисмаркомъ. Впрочемъ ему и не привыкать стать къ этой политической эквилибристикѣ; да къ тому-же, при тѣхъ разнородныхъ цѣляхъ, которыя имѣются имъ въ виду, ему нѣтъ и надобности въ однородномъ, опредѣленномъ большинствѣ. Бисмаркъ уже давно привыкъ пользоваться двоякимъ большинствомъ: для своихъ торгово-экономическихъ цѣлей ему необходимо одно; для борьбы-же съ церковью и съ неурядицами требованіями крайнихъ правыхъ, а также съ происками ртикуляристовъ — другое. Такъ было за все послѣднее время управленія князя Бисмарка; но горе въ томъ, что на этотъ разъ обстоятельства складываются для него не особенно выгодно. Для цѣлей проціонизма и своихъ экономическихъ экспериментовъ, онъ еще, пожалуй, можетъ рассчитывать на прежнюю коалицію изъ консерваторовъ, клерикаловъ, поляковъ, а порой и свободныхъ консерваторовъ, если только своевременной уступкой по церковнымъ вопросамъ сумѣетъ зачиститься поддержкой центра; но составить второе большинство, пріобрѣсти, изъ коалиціи національ-либераловъ, свободныхъ консерваторовъ 5-ти дикихъ не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что группы эти, вмѣстѣ вѣтывая (всего 122 голоса), еще далеко не составляютъ большинства. Равнымъ образомъ, не составляютъ большинства и чисто консервативныя партіи—просто консерваторы и свободные консерваторы, такъ какъ вмѣстѣ они дадутъ лишь 152 голоса, т. е. немногимъ больше трети всего наличнаго числа голосовъ въ ландтагѣ.

Вотъ причина, почему результатъ выборовъ не возбудилъ большой

радости и среди приверженцев правительства. Тонъ офиціозной прессы далеко не ликующей; въ немъ скорѣе проглядываетъ какая-то нерешительность и плохо скрываемое чувство недовольства своимъ положеніемъ. Поэтому-то правительственныя газеты и принялись теперь усиленно взывать къ чувству вѣрнопопданничества и патриотизма консерваторовъ, настаивая на необходимости солидарности между ними; а въ то же время любезничаютъ и съ національ-либералами, надѣясь и ихъ привлечь въ коалиціонную коалицію. Словомъ, та задача, которая до выборовъ такъ удачно преслѣдовалась Беннигсеномъ и К^о, имѣется теперь въ рукахъ сторонниками Бисмарка. Разница только въ томъ, что Беннигсенъ хотѣлъ объ организаціи большой центральной группы умѣренно-либеральной пошиба, тогда какъ вторые желаютъ придать ей болѣе пеструю консервативно-либерально-правительственную окраску. При тѣхъ и другихъ условіяхъ, которыя переживаетъ нынѣ Германія, такое возможное сочетаніе, пожалуй, и можетъ состояться; а тогда, конечно, образуется искомое правительствомъ большинство, съ помощью котораго нетрудно будетъ осилить всякую оппозицію, какъ влерикальскую, такъ и либеральную, если къ тому-же, относительно болѣе строптивыхъ политиковъ, стить въ ходъ тѣ-же крутыя мѣры, какія теперь въ ходу противъ централь-демократовъ и радикаловъ вообще. Все будетъ зависеть отъ готовности національ-либераловъ уступить мѣсто князю Бисмарку. Если національ-либералы измѣнятъ или только часть ихъ пойдетъ на сдѣлку, тогда правительству, по неволѣ, придется лавировать между различными партіями, обходясь безъ всякаго большинства. Недаромъ Norddeutsche Allgemeine Zeitung набрела на забавную мысль, что, въ сущности, правительству нѣтъ никакой надобности въ большинствѣ, ибо послѣднее только напрасно связываетъ ему руки; не имѣя-же большинства въ парламентѣ, оно сдѣлается настоящимъ правительствомъ, высоко стоящимъ надъ всякими политическими партіями и управляющимъ ими. Положимъ, одна похвальба, потому что иначе зачѣмъ-же было правительству принимать такое горячее участіе на выборахъ? но она наглядно рисуетъ настроеніе въ извѣстныхъ сферахъ администраціи, какъ рисуютъ настроеніе разныя, болѣе или менѣе, курьезныя выходки офиціозныхъ газетъ и журналовъ. Такъ, въ одной изъ послѣднихъ, озаглавленной: «Надежда на осуществленіе парламентаризма», проповѣдуется то воззрѣніе, что никакого парламентаризма для нѣмцевъ не нужно, что такая нелѣпая форма пригодна только для какихъ нибудь дикихъ островитянъ, въ родѣ англичанъ, а что для европейскаго континента вообще она не годится, тѣмъ болѣе, для самаго континента.

этого континента — для Германіи; что нѣмцамъ, наконецъ, незачѣмъ прибѣгать къ заимствованіямъ у чужихъ народовъ, что имъ слѣдуетъ читаться своимъ собственнымъ старо-тевтонскимъ духомъ и т. д. Пробѣгая эту брошюру, доказывающую, насколько богатъ еще благоглупостями этотъ пресловутый тевтонскій духъ, невольно можно подумать, что появилась она не въ одномъ изъ центровъ старинной европейской цивилизаціи, не въ Лейпцигѣ, какъ показано на оберткѣ брошюры, а прямо вышла изъ типографіи Страстнаго бульвара. Проповѣдь о вредѣ парламентаризма—явленіе не новое; ею уже давно занимаются прусскіе оффиціозы и ультра-консервативные органы нѣмецкой печати. Сама по себѣ, она никакой серьезной опасности не представляетъ; если-же и обращаетъ на себя вниманіе и вселяетъ нѣкоторое тревожное чувство въ обществѣ, то только какъ знаменіе времени, какъ симптомъ наступающей или воцарившейся реакціи. Въ обыкновенное время, возрѣнія, подобныя тѣмъ, какія высказаны въ упомянутой брошюрѣ, если и появляются въ серьезной печати, то не иначе, какъ въ нѣсколько прикрытой формѣ; но когда они показываются на божій свѣтъ безъ всякаго покрову, такъ сказать, наголо, когда безъ зазрѣнія совѣсти пирается ногами здравый смыслъ и грубо подтасовываются историческіе факты,—тогда, значитъ, реакція въ полномъ ходу.

Но, спрашивается, дѣйствительно-ли духъ реакціи охватилъ нѣмецкій народъ? дѣйствительно-ли парламентаризмъ такъ несвойственъ ему, какъ въ томъ пытаются увѣрить оффиціозы? Судя по всѣмъ признакамъ, по многочисленнымъ корреспонденціямъ и газетнымъ статьямъ, ничего подобнаго среди большинства нѣмецкаго народа не замѣчается. Положимъ, нѣмцы, вслѣдствіе сложившихся историческихъ условій, непрактичны, малоопытны въ дѣлѣ политики, но и они, какъ и всякій европейскій народъ, не любятъ жить подъ опекой у начальства и желаютъ, по собственному разумѣнію, распорядиться у себя дома. Если и есть реакція, то она идетъ только сверху и нисколько не соответствуетъ общественному настроенію. Это значительно умаляетъ ея значеніе, потому что реакція, исходящая изъ высшихъ правительственныхъ или близкихъ имъ сферъ далеко не такъ страшна, какъ та, которая коренится въ народѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность ея появленія наглядно рисуетъ всю аномалію существующихъ въ Германіи или, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи политическихъ условій. Дѣло въ томъ, что избранные въ Пруссіи депутаты еще далеко не являются представителями народной воли, и жестоко ошибется тотъ, кто по прусскому народному

представительству станеть судить о дѣйствительномъ настроеніи въ народѣ, какъ нельзя было бы судить по вышколенному въ наполеоновскомъ духѣ quasi-парламенту второй имперіи о французскомъ народѣ. И въ самомъ дѣлѣ, пруссаки, наславъ консерваторовъ въ свою палату, какъ бы показали тѣмъ сочувствіе правительству и довѣріе къ его политикѣ; а на повѣрку оказывается, что никакого такого довѣрія или сочувствія къ правительству въ народѣ не замѣчается, а что, напротивъ того, недовольство среди него по прежнему продолжаетъ идти прогрессивно. Если пріятныя правительству лица и попали въ ландтагъ, то вовсе не по доброй волѣ избирателей, а по причинамъ, прямо отъ нихъ независимымъ,—благодаря несовершенству представительной техники въ Пруссіи и крайне несообразной избирательной системѣ, давно уже забракованной въ Европѣ. Вотъ эта система, главнымъ образомъ, и является причиной отсутствія солидарности между депутатами и ихъ избирателями.

Какъ мы уже упоминали раньше, въ Пруссіи господствуетъ система двойныхъ выборовъ: сначала народъ или, вѣрнѣе, лица, имѣющія право участвовать на выборахъ, избираютъ определенное число избирателей, а ужъ эти послѣдніе изъ среды своей выбираютъ депутатовъ въ палату. Такая неудобная система существуетъ, очевидно, лишь затѣмъ, чтобы тормозить отправленія народнаго представительства; а вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ возможность властямъ вмѣшиваться въ выборы и направлять ихъ, какъ того желаетъ правительство. Даже самъ Бисмаркъ неодобрительно отзывается о прусской избирательной системѣ и недавно еще выразился о ней, какъ о самой «неудачной» изъ всѣхъ употребляемыхъ нынѣ въ Европѣ; но ему она какъ нельзя болѣе на руку, и онъ разумѣется, не станеть хлопотать о замѣнѣ ея другой, болѣе цѣлесообразной. Другая несообразность прусской системы та, что подача голосовъ на выборахъ производится не тайно, а совершенно открыто. Въ прочихъ государствахъ да и въ самой Германіи, выборы депутатовъ въ рейхстагъ производятся по запискамъ, билетикамъ; на нихъ избиратель смѣло можетъ вписать любое имя, не боясь за это отвѣтственности, и затѣмъ бросаетъ ихъ въ урну; въ Пруссіи-же избиратель громко называетъ имя назначаемого имъ депутата, и это—въ присутствіи всей избирательной комиссіи и властей, отъ которыхъ болѣе или менѣе находится въ зависимости. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ не у всякаго хватить мужества отстоять излюбленнаго имъ депутата. Въ данномъ учаѣ, особенно тяжело было положеніе ли-

бераловъ. Въ большихъ городахъ, гдѣ непосредственное вліяніе властей не такъ чувствительно, у многихъ либераловъ еще хватало смѣлости на то, чтобы назвать лицо, непріятное правительству; но въ городахъ мелкихъ, а тѣмъ болѣе въ сельскихъ общинахъ, стоящихъ въ полной зависимости не только отъ мѣстнаго начальства, но и отъ помѣщика, подъ часъ даже и отъ пастора, положеніе либераловъ было просто невозможное. Этимъ и объясняется, почему многіе изъ либеральныхъ избирателей предпочли вовсе не являться на выборы, чѣмъ подавать голосъ по принужденію. Что это было именно такъ, лучше всего доказываетъ тотъ фактъ, что округа, выбравшіе въ рейхстагъ (тайной подачей голосовъ) либераловъ, въ прусскій ландтагъ послали консерваторовъ. Если ко всему этому присовокупить чиновничью дрессировку и дисциплину въ Пруссіи и то давленіе, нравственное и иное, какое усердная администрація производила на выборы, то всякому ясно станетъ, можетъ ли нынѣшняя прусская палата служить выразительницей общественнаго настроенія въ странѣ.

Чтобы дать почувствовать побѣду, хотя-бы и кажущуюся, одержанную консерваторами и якобы приверженцами правительства, открытіе прусскаго ландтага на этотъ разъ обставлено было особенною торжественностью. Открытъ онъ былъ 14 (2) ноября лично самимъ престарѣлымъ королемъ, прочитавшимъ при этомъ и такъ называемую тронную рѣчь. Вотъ наиболѣе существенныя мѣста этой рѣчи: «Подъемъ торговли и промышленности, вызванный имперскимъ законодательствомъ, въ связи съ хорошимъ урожаемъ почти по всей странѣ, позволяетъ надѣяться на возрастающее преуспѣяніе благосостоянія во всѣхъ классахъ населенія. Несоразмѣрность между нуждами и средствами государства, побуждавшее мое правительство уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ предлагать введеніе новыхъ налоговъ въ имперіи, продолжаетъ существовать, благодаря тому, что отклонялись всѣ формулированныя по данному предмету предложенія. Несоразмѣрность эта такъ велика, что уничтожить ее можетъ только созданіе ресурсовъ указанной категоріи... «Освобожденіе бѣднѣйшихъ классовъ населенія отъ тягостей классной подати должно, по глубокому моему убѣжденію, совершиться безъ замедленія. Мое желаніе,—положить конецъ конфискаціямъ имущества для пополненія недоимокъ изъ-за названной подати, такъ какъ суровая мѣра эта только усугубляетъ бѣдственное положеніе недоимщиковъ. Въ силу этого, вамъ будетъ предъявленъ законопроектъ касательно отѣны четырехъ низшихъ разрядовъ классной подати; въ законопроектѣ этомъ,

вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ указаны и средства для пополненія недоочекъ, который произойдетъ отъ такой отсѣны... «Возстановленіе дипломатическихъ сношеній съ римской куріей—я съ радостью объ этомъ заявляю—повліяло благоприятно на закрѣпленіе дружественныхъ отношеній съ верховнымъ главою католической церкви, и я надѣюсь, что примиренія, который и впредь будетъ являть мое правительство, послѣдствіи благотворно подѣйствуетъ на установленіе нашихъ церковно-политическихъ порядковъ. Тѣмъ временемъ, мое правительство, на основаніи существующихъ узаконеній и въ силу данныхъ ему полномочій, будетъ продолжать относиться къ нуждамъ въ сферѣ церковной жизни католическихъ подданныхъ съ полнымъ вниманіемъ, насколько это совместимо съ общими интересами государства и народа.—Особенное удовольствіе доставляетъ мнѣ возможность сообщить вамъ, что отношенія германской имперіи со всѣми иностранными правительствами всецѣло въ меня увѣренность въ полномъ сохраненіи мира»...

Рѣчь эта, хотя и привѣтствована была, какъ это принято, троекратнымъ провозглашеніемъ «hoch» маститому королю-императору, въ сущности, благоприятнаго впечатлѣнія не произвела и никого не удовлетворила, ни консерваторовъ, ни клерикаловъ, ни тѣмъ болѣе либераловъ. Если что и вызвало искреннее удовольствіе, такъ это только категорическое утвержденіе императора, что миръ для нѣмцевъ находится въ полной сохранности. И дѣйствительно, въ ней не особенно много внутренней связи, словно составители ея не знали, за что хватиться; въ замѣшательствѣ, ставили одно положеніе за другимъ, не заботясь объ ихъ взаимномъ соотношеніи или не умѣя сгладить противорѣчія. Тронная рѣчь начинается съ того, что возвѣщаетъ о подъемѣ промышленности и приписываетъ этотъ подъемъ хорошему урожаю новѣйшимъ финансовымъ и таможеннымъ узаконеніямъ. О значеніи послѣднихъ лучше не распространяться,—они ближе всего знакомы нѣмцамъ купцамъ и промышленникамъ, дѣла которыхъ нельзя сказать, чтобъ находились въ цвѣтущемъ состояніи; да наконецъ, бисмарковская финансово-таможенная система еще слишкомъ юна, чтобы успѣть, и слѣдуетъ, облагодѣтельствовать государство. Что-же касается урожаевъ, то, судя по новѣйшимъ даннымъ, онъ оказался хорошимъ далеко не повсемѣстно въ Пруссіи; къ тому-же, въ странахъ не исключительно земледѣльческихъ, одинъ урожайный или неурожайный годъ еще не можетъ глубоко и продолжительно вліять на торгово-промышленную дѣятельность. Но если и допустить, что все сказанное въ

вѣрно, что имѣется и урожай, и благотѣльное вліяніе новыхъ законовъ, и торгово-промышленный подъемъ, свидѣтельствующій о возрастаніи благосостояніи всѣхъ классовъ населенія, то какъ объяснить жалобы въ той же тронной рѣчи на несоотвѣтствіе между потребностями и средствами государства и требованіе новыхъ и весьма солидныхъ налоговъ? Одно изъ двухъ: если страна благоденствуетъ,—то тогда зачѣмъ же отягчать народъ напрасными налогами? если же ресурсы страны не покрываютъ расходовъ на государственныя нужды, то значитъ, она вовсе не благоденствуетъ, или же народное хозяйство ведется плохо. Судя по началу рѣчи, слѣдовало ожидать совѣмъ иного вывода, а между тѣмъ вся ея наиболѣе существенная часть только и занята, что заботами о налогахъ и сѣтованіями на упорство прошлаго законодательнаго собранія. Единственный свѣтлый пунктъ по этой части, это—предложеніе уничтожить четыре низшихъ разряда классной подати, подати, дѣйствительно, несообразной; но и эта благотѣльная реформа теряетъ всякое значеніе, благодаря предательскому добавленію, что «будутъ указаны средства для пополненія недочета». Говоря проще, четыре разряда классной подати не отмѣняются, а только замѣняются какою либо иной податной формой. Едва-ли бѣдному люду отъ этого будетъ легче. Настолько-же мало состоятельна и та часть рѣчи, которая коснулась крайне тяжелаго для Германіи церковно-политическаго вопроса. Въ ней нѣтъ ни единаго прямого общанія или разъясненія, а выражается лишь надежда, что прусскіе чиновники будутъ вести себя благоприлично съ католиками, да высказывается удовольствіе по поводу дружескихъ сношеній съ верховнымъ главой католической церкви, хотя сношенія эти и ни на шагъ не подвинули переговоровъ по церковному вопросу между берлинскимъ дворомъ и римской еуріей.

Тронная рѣчь можетъ служить до нѣкоторой степени выразительницей той сумятицы понятій, которая царитъ въ высшихъ берлинскихъ сферахъ и которая, конечно, не замедлитъ отразиться и на новомъ прусскомъ ландтагѣ, а потому трудно ожидать отъ него какихъ либо путныхъ результатовъ; по всей вѣроятности, онъ явится лишь дополненнымъ изданіемъ своего предшественника, какъ извѣстно, весьма мало едѣлавшаго для государства. «Какой либо пользы отъ новой палаты ждать нечего, говорить, напр., *Volks-Zeitung*. Ни одинъ изъ крупныхъ вопросовъ не будетъ доведенъ ею до конца; дажѣ культурная борьба, которой, кажется, давно уже пора исчезнуть съ лица земли, и та застынетъ на точкѣ замерзанія. Печатью бесплодія отмѣченъ былъ

истекшій законодательный періодъ, та-же печать ляжетъ и на наступающій».

Почти одновременно съ открытіемъ прусскаго ландтага, начали законодательныя сессіи и въ другихъ государствахъ, въ Англии, Франціи, Австріи, Италіи, такъ что теперь парламентская жизнь по всей Европѣ въ полномъ разгарѣ. Во многихъ государствахъ она обѣщаетъ быть въ высшей степени интересной: во Франціи настоятельна, чѣмъ когда либо, выступаютъ на очередь крупныя конституціонныя вопросы снова грозящіе министерскимъ кризисомъ. Въ Англии ждетъ окончательнаго рѣшенія ирландскій вопросъ, а также важный законопроектъ о измѣненіи парламентской процедуры (bill of cloture), стремящійся тому, чтобы положить предѣлъ безконечнымъ преніямъ такъ называемой обструкціи (obstruction), которой пользовались ирландцы, а теперь консерваторы, съ цѣлью не давать хода неприятнымъ для нихъ законамъ. Новый билль, предложенный Гладстономъ, предоставляетъ право спикеру палаты прекращать пренія, если того потребуетъ простое большинство депутатовъ. Судя по всѣмъ даннымъ, успѣхъ этого билля вполне очевиденъ, не взирая на жестокую оппозицію со стороны консерваторовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, нынѣшняя парламентская сессія въ Англии, быть можетъ, принесетъ рѣшеніе и египетскому вопросу, все еще смущающему покой Европы. Въ Австріи, отъ усмотрѣнія австро-венгерскихъ законодательныхъ собраній ждутъ своей участи боснияки и герцеговинцы, которыми, по всей видимости, суждено отойти въ подданство двуцарственной имперіи. Но обо всѣхъ этихъ вопросахъ говорить пока преждевременно. Законодательныя сессіи только что открылись или еще открываются, потому рѣчь о нихъ приходится отложить до слѣдующаго раза. Остановившись тѣмъ временемъ на одномъ прискорбномъ явленіи, смыслъ котораго до сихъ поръ еще не выясненъ, но которое уже успѣло двинуть въ походъ охранителей всѣхъ европейскихъ государствъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ беспорядкахъ въ Монсеаинѣ (Montceau les mines),—мѣстечкѣ южной Франціи въ департаментѣ Сены и Луары, Шампанскаго округа,—отразившихся затѣмъ и въ другихъ близъ лежащихъ мѣстностяхъ: въ Лионѣ, Монпелье, Маконѣ, Крезе, С. Этьеннѣ. Безсмысленныя эти, при которыхъ пускались въ ходъ разныя насилія, поджогныя письма, динамитныя бомбы и т. п. приемы, тѣмъ прискорбнѣе, что явились въ странѣ, пользующейся полной свободой печати и свободой Общественнаго мнѣнія во Франціи возмущено и никакъ не можетъ понять, зачѣмъ это понадобился людямъ динамитъ и нитроглицеринъ.

когда никто имъ не мѣшалъ говорить и проповѣдывать о чемъ угодно и устраивать какія угодно сходки.

Положимъ, монсолеминскіе беспорядки — явленіе не одиночное въ ряду другихъ явленій, если не такого же, то подходящаго рода, и не въ одной только Франціи, но и въ другихъ странахъ,—явленій, свидѣтельствующихъ о многихъ ненормальныхъ условіяхъ современной социально-экономической жизни. Такъ, этимъ лѣтомъ, какой-то рабочій изъ Реймса является въ Парижъ, съ намѣреніемъ, какъ онъ потомъ признался, убить одного изъ видныхъ французскихъ государственныхъ дѣятелей, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Гамбетту. Онъ начинаетъ выжидать удобнаго случая; но, очевидно, ждать ему надоѣло и онъ стрѣляетъ въ перваго встрѣчнаго человѣка; жертвой такой дивной случайности оказался мирно проходившій докторъ, у котораго была ленточка почетнаго легіона въ петличкѣ. На слѣдствіи, рабочій показалъ, что доктора лично ему жаль, но вообще отправить на тотъ свѣтъ буржуа, да еще украшеннаго орденомъ, онъ считаетъ дѣломъ не бесполезнымъ: хоть однимъ буржуа станетъ меньше во Франціи—и то хорошо. Фактъ довольно знаменательный. Почти одновременно съ этимъ, въ небольшомъ французскомъ городкѣ, Роаниѣ (Roanne), во время стачки, молодой рабочій ни съ того, ни съ сего стрѣляетъ въ одного изъ главнѣйшихъ городскихъ патроновъ. Безспорно, все это люди экзальтированные, если не зовсе помѣшанные; но совершенныя ими преступленія наглядно рисуютъ, до чего наболѣла во французскомъ рабочемъ ненависть ко всему, что носитъ обликъ буржуа. Какъ ни дики, сами по себѣ, эти факты, но имъ можно найти хоть какое нибудь объясненіе. Монсолеминскіе-же беспорядки, по формѣ своей, до того несообразны, что трудно отнести ихъ съ какой либо опредѣленной категоріи.

Беспорядки эти стали проявляться еще мѣсяца 2—3 тому назадъ. Начались они какой-то нелѣпой выходкой, которую приписывали вначалѣ просто глупымъ шалунамъ,—разрушеніемъ ночью крестовъ на кладбищѣ. Таинственная эта исторія сильно взволновала мѣстное населеніе, особенно администрацію монсолеминскихъ каменноу гольныхъ копей, которая отличалась необыкновенно клерикальнымъ направленіемъ. Пригласили искать виновниковъ кощунства, — но такихъ не оказалось. А между тѣмъ, исторія съ крестами стала повторяться все чаще и чаще. Въ иную злополучную ночь мирные буржуа въ ужасѣ вскакивали съ постелей отъ страшныхъ взрывовъ, раздававшихся въ окрестностяхъ,—это зрывали каменные кресты, въ изобиліи наставленные по разнымъ мѣ-

стамъ не въ мѣру религиознымъ начальствомъ копей. вмѣстѣ съ храмами разрушались часовни и кой-какія другія церковныя постройки. Населеніемъ овладѣла паника, а мѣстные клерикалы и приверженцы старинныхъ порядковъ принялись усердно раздувать дѣйствіе «тайныхъ агентовъ соціальной революціи». Въ Парижъ и за границу массами высыпались тревожныя телеграммы и корреспонденціи, въ которыхъ передавалось о какихъ-то таинственныхъ «черныхъ бандахъ», разгуливающихъ по всему каменноугольному бассейну, о покушеніяхъ на частную собственность, о поруганіи святыни, о зажигательныхъ рѣчахъ и прокламаціяхъ, проповѣдующихъ бунтъ и уничтоженіе собственности, о помѣтанныхъ письмахъ и т. п. Французское правительство сочло нужнымъ назначить слѣдствіе, а на помощь ему и для успокоенія мѣстныхъ гражданъ—командировать войско на мѣсто безпорядковъ. Однако мѣры подлили только масла въ огонь. Въ послѣдніе дни сентября, немедленно по расквартированіи войскъ, снова принялись, только въ болѣе радикальныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, за разрушеніе крестовъ, и не только въ одномъ Монсолеминѣ, но и по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ. Пытались взорвать даже одинъ кирпичный заводъ, какъ сообщалось въ телеграммахъ, но на дѣлѣ взрывъ этотъ ограничился только тѣмъ, что разбиты были стекла и сорвана съ петель одна дверь, подъ которую подложены были два динамитныхъ патрона. Но вотъ получается вѣсть объ ужасномъ бытіи въ Лионѣ: въ ночь на 22-е октября, въ одномъ изъ тамошнихъ ресторановъ взорвано было нѣсколько столиковъ, подложенными подъ нихъ динамитными зарядами; отъ треска взрыва посыпались стекла изъ оконъ и пострадала кой-какая трактирная утварь. Къ несчастью, осколкомъ отъ одного изъ столиковъ ранено было 3—4 человѣка. Вслѣдъ за этимъ, стали появляться новыя вѣсти о взрывахъ, но уже не динамитными патронами, а маленькими бомбами, начиненными взрывчатымъ веществомъ. Въ томъ же Лионѣ разорвалась бомба передъ домою мѣстнаго военнаго штаба и разбита въ немъ, какъ и въ сосѣднихъ домахъ, нѣсколько стеколъ, но ни одна изъ нихъ, ни самому зданію не причинила ни малѣйшаго вреда. Въ Монтелье брошено было, разъ ночью, пять такихъ бомбъ въ садъ префектуры; изъ нихъ двѣ взорвались, не причинивъ однако никакого вреда, остальные же три были найдены на другой день цѣлыми. Газеты перешли къ сообщенію и о слѣдующемъ случаѣ. Утромъ, въ одну изъ лионскихъ церквей, во время литургіи, входитъ, не снимая шляпы, старикъ лѣтъ 60-ти, и преклоняется въ алтарь и со словами: «долой съ этой дурацкой комедіи»

схватывает чашу и кидает ее объ полъ. Старика, разумѣется, тутъ же схватываютъ и уводятъ въ полицію.

Набатъ, поднятый администраціей копей и клерикальною кликой, заставилъ правительство взяться энергически за усмиреніе беспорядковъ, но, въ сожалѣнію, безтолково. Понаѣхалъ судъ, появились жандармы. изъ Парижа выписаны были сыщики, — и начались аресты по всему Шалонскому бассейну. Арестовывали зря, и уличенныхъ и неповинныхъ, и даже просто дѣтей. Тюрьмы быстро переполнились. Прокурорская власть горячо, слишкомъ даже горячо принялась за свое дѣло, — благо выпалъ случай насолить республикѣ. Очевидно, во французскомъ судебномъ персоналѣ еще далеко не вымеръ духъ наполеоновскаго режима, что и по-нуждаетъ теперь многихъ республиканцевъ хлопотать объ отмѣнѣ установленія о несмѣняемости судей. Прибывшій прокуроръ, первымъ дѣломъ, потребовалъ замѣны бывшаго предсѣдателя мѣстнаго окружнаго суда, Готье, какъ слишкомъ мягкосердечнаго, другимъ, Массономъ, человѣкомъ рѣши-гельнымъ и опытнымъ въ дѣлѣ застращиванія присяжныхъ и свидѣ-тей. Явно, прокуроръ готовился разгромить весь округъ и заставить сотъ нѣсколькихъ, для пущаго эффекта, приговорить къ смертной казни. Съ этой цѣлью, въ своемъ обвинительномъ актѣ, онъ не поцеремонился раздуть нелѣпыя выходы съ крестами и динамитными патронами въ обширный заговоръ противъ собственности и религіи, сѣти котораго раскинуты будто бы по всей республикѣ. «Но, увы! — говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ, — продефилировавшая на судъ, цѣлая масса свидѣ-телей не подтвердила такого ужаснаго представленія прокурора объ обвиненныхъ; очень многіе, напротивъ, рассказывали на судѣ о пристраст-ныхъ допросахъ слѣдователей, о застращиваніяхъ, объ обѣщаніи сво-оды, подъ условіемъ оговора. Кромѣ того, явная пристрастность прези-ента суда, Массона, во время судебного слѣдствія, его упреки подсу-имымъ за организацію столь ненавистныхъ для дирекціи копей — *chambres* *judiciales* (синдикальныя палаты рабочихъ), за участіе на конферен-іяхъ по этому вопросу, наконецъ, за помощь, оказанную рудокопамъ, гачечникамъ другихъ бассейновъ, — все это произвело на присяжныхъ публику далеко не благопріятное впечатлѣніе»... Въ концѣ концовъ, рѣшлось отлустить на свободу почти всѣхъ тѣхъ, которыхъ нахватили горяча, и хотя аресты производятся и доселѣ, такъ какъ не пре-ращаются и продѣлки «черной банды», но арестовываютъ уже гораздо «торожище»; вмѣстѣ съ тѣмъ нашли нужнымъ и самое дѣло о безпо-идкахъ передать на разсмотрѣніе другому составу суда.

Между прочимъ, сдѣланныя на судѣ разоблаченія разъяснили не поводы къ беспорядкамъ, то причины броженія умовъ и всеобщаго недовольства среди мѣстнаго населенія рудокоповъ. Оказалось, что толицескіе патеры свили себѣ гнѣздо среди самой администраціи Монтлеминскихъ копей. Благодаря имъ, главный директоръ компаніи, Шаго (Chagot), являлъ такую необыкновенную ревность къ церкви, что нималъ за личное себѣ оскорбленіе малѣйшую манифестацію рабочихъ противъ доктринъ и практики католической церкви. Когда его спросили, считаетъ ли онъ за одну изъ такихъ манифестацій присутствіе, на похоронахъ рабочихъ на гражданскихъ похоронахъ, то онъ, не запинаясь, отвѣтилъ утвердительно. И дѣйствительно, одинъ изъ патеровъ, его пріятель, не поконфузился похвастаться на слѣдствіи, что, по его настоянію, Шаго разсчиталъ съ дюжину рабочихъ, за ихъ участіе на гражданскихъ похоронахъ. «Въ Монсо, замѣчаетъ République Française, директоръ копей обращается съ рудокопами, какъ Людовикъ XIV поступалъ съ генотами. Великій король гналъ въ изгнаніе своихъ подданныхъ, хотѣвшихъ отречься отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, а Шаго заставляетъ умирать съ голоду рабочихъ, не отличающимся ревностью къ католической церкви... Долгъ государства, — справедливо продолжаетъ зета, — охранять свободу всѣхъ гражданъ. Энергически подавляя и ривальные беспорядки въ Монсо, оно обязано также энергически подавить и беспорядокъ нравственный, и оградить свободу совѣсти отъ покушеній разныхъ деспотиковъ».

Не смотря, однако, на невыносимый гнетъ духовенства и притѣсненія со стороны начальства копей, сами рабочіе, какъ обижилось на слѣдствіи, почти не принимали участія въ беспорядкахъ, крестовъ не ломали, бомбъ не кидали и трактирную мебель не развалили. По всей вѣроятности, это дѣло рукъ незначительной фракціи такъ называемыхъ анархистовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ классомъ французскихъ рабочихъ, но которые, воспользовавшись глухимъ брѣхомъ среди рудокоповъ, думали найти въ Монсолеминскомъ округѣ удобную почву для своихъ дѣйствій. Отсюда понятно, что недоумѣніе, охватившее французское общество послѣ первыхъ вѣстей о беспорядкахъ, быстро прошло, и теперь, когда съ открытіемъ парламентской сессіи оно занялось дѣйствительными, серьезными вопросами, о монсолеминской исторіи почти что позабыли. Всѣ эти крики реакціонной печати о потрясеніи основъ, о революціи и т. п. оказались самой обыкновенной уловкой приверженцевъ допотопныхъ порядковъ, которые изъ-за личнаго

выгодъ любить намутить воду, чтобъ удобнѣе было въ ней рыбу ловить. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать въ странѣ свободной и благоустроенной кучка какихъ-то нелѣпыхъ людей, не вѣдающихъ, что и къ чему творять? Они могутъ быть страшны только тамъ, гдѣ общество бездѣйствуетъ, потому что обречено на молчаніе, гдѣ вмѣсто свѣта и законности царить тьма крошечная да полицейскій произволъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоять только прислушаться къ толкамъ всѣхъ республиканскихъ газетъ, чтобъ убѣдиться, насколько мысль о какой-бы то ни было реакціи далека отъ французскаго общества. Для примѣра, приведемъ отзывы нѣкоторыхъ изъ газетъ, и не крайняго направленія, а такихъ умѣренныхъ, какъ *Siècle*, *République Française*, *Temps*, *Parlement*. *Siècle*, напр., требуетъ, чтобы правительство дѣйствовало рѣшительно для огражденія собственности и чтобы оно поставило крамольниковъ въ невозможность совершать преступленія, если только дѣйствительно существуетъ крамольная организація; для этого въ его распоряженіи находится судебная полиція и жандармы. «Во Франціи, добавляетъ газета, слово и печать пользуются большою свободой. Свобода эта на собраніяхъ анархистовъ и революціонеровъ-коллективистовъ, случалось, доходила до распущенности; но насколько допустимы мнѣнія, какъ бы дики или даже безобразны они ни были, настолько-же недопустимы подстрекательства къ преступленіямъ. Мы того мнѣнія, что нелѣпости, высказываемыя клубными ораторами, слѣдуетъ представлять суду общественнаго мнѣнія; но если эти ораторы приступаютъ къ дѣйствіямъ, то съ ними необходимо поступать, какъ съ обыкновенными преступниками; однако, для этого вполне достаточно руководствоваться одними существующими узаконеніями и незачѣмъ прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ». «Тайныя общества, говоритъ въ свою очередь *Parlement*, какъ извѣстно, давно уже существуютъ въ департаментѣены и Лоары,—но противъ нихъ имѣется 291 статья уголовного кодекса. Присяжными шалонскаго суда получены были угрожающія подетныя письма,—но, насколько извѣстно, 305 ст. уголовного кодекса не отмѣнена, а слѣдовательно, зачѣмъ и прибѣгать къ новымъ узаконеніямъ? Статья 23 законовъ о печати прямо примѣнима къ тѣмъ общественнымъ собраніямъ, на которыхъ высказывались подстрекательства къ преступленіямъ, а ст. 24—къ тѣмъ газетамъ, которыя зывали къ бійству, грабежу и поджогамъ. Того-же мнѣнія держится и *République Française*. Она противъ всякихъ исключительныхъ мѣръ, противъ всего, что хотя нѣсколько напоминало-бы то внѣзаконное положеніе, которое въ

Германіи извѣстно подѣ страннымъ наименованіемъ «малаго осаднаго или суды безъ присяжныхъ, временно введенные въ Ирландіи». Слѣдуетъ требовать только одного, «чтобы правительство управляло, администрація дѣлала свое дѣло, полиція надзирала, а юстиція возстановляла нарушенное право; этого за-глаза достаточно, чтобы предупреждать материальные безпорядки». Того-же мнѣнія и Temps. Словомъ, вся республиканская печать въ одинъ голосъ протестуетъ противъ какого-бы то ни было ограниченія существующихъ свободныхъ учреждений изъ-за монселемскихъ безпорядковъ, или введенія исключительныхъ мѣропріятій. Свобода, говоритъ она, есть лучшая и притомъ единственная гарантія общества отъ всякихъ безпорядковъ, подпольныхъ революцій и преступныхъ дѣйствій анархистовъ. Если же въ данномъ случаѣ власть оказалась безсильной предупредить безпорядки, то не по винѣ существующихъ узаконеній и свободныхъ учреждений, а только благодаря второму разстройству въ рядахъ тѣхъ, на которыхъ возложена отвѣтственность за поддержаніе порядка.

Въ заключеніе, остается занести еще одинъ, довольно загадочный фактъ—покушеніе на жизнь сербскаго короля Милана. Нѣкоторыя иностранныя газеты извѣстнаго пошиба сейчасъ-же поторопились считать эту темную исторію къ разряду политическихъ, но, кажется, къ такого рода заключенію пришли онѣ слишкомъ поспѣшно. По сообщеніямъ, въ нѣкоторыхъ телеграммахъ, полученныхъ непосредственно по поводу событія, передавалось, что нѣсколько сообщниковъ покусительницы, Елены Марковичъ, выстрѣлившей изъ револьвера въ короля при выходѣ его изъ церкви, бѣжали за границу, но въ Землинѣ были перехвачены австрійскою полиціей и переданы въ руки сербскаго правительства;—однако изъ этого ничего не подтвердилось. Что телеграммы эти составлены были явно-тенденціознымъ намѣреніемъ,—видно изъ помѣщенной въ нихъ забавной инсинуаціи, будто револьверъ, изъ котораго сдѣланъ былъ выстрѣлъ, носилъ на себѣ клеймо одного изъ русскихъ заводовъ. Объясненія этой курьезной выходки, не мѣшаетъ замѣтить, что въ послѣднее время у многихъ иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ политиковъ сдѣлалось страстью сваливать вину за всѣ свои домашнія бѣды на русскихъ нигилистовъ и всюду видѣть ихъ козни. Монселемскіе безпорядки прямо приписываютъ нашимъ эмигрантамъ изъ нигилистовъ, хотя и мудрено взять въ толкъ, къ чему имъ понадобилось брать кресты, наставленные администраціей каменноугольныхъ копей Монселемнѣ. Нѣкій Оберданкъ бросаетъ бомбы въ Триестѣ,—бомбы

зываются росейской фабрикаціи. Въ Бѣлградѣ раздается выстрѣлъ въ сербскаго короля—на револьверѣ русское клеймо. Словомъ, нигилисты вошли въ моду. Они расплодился по всей Европѣ, и теперь уже начинаютъ ихъ называть не просто на просто нигилистами, а по мѣсту ихъ нахождения—нигилистами французскими, итальянскими, нѣмецкими, сербскими, болгарскими и пр. Къ прискорбію для любителей пивантно-тенденціозныхъ вѣстей, бѣлградское событіе лишено не только нигилистической, но, какъ кажется, и просто политической окраски. Хотя слѣдствіе производится и нѣсколько лицъ арестовано, преимущественно изъ числа близкихъ родственниковъ преступницы, однако, привлеченіе послѣднихъ къ слѣдствію въ интересахъ дѣла еще не предрѣшаетъ ихъ виновности.

Вотъ, что рассказываютъ о причинахъ,—причинахъ чисто личныхъ.— побудившихъ Елену Марковичъ поднять руку на своего короля. Она—вдова полковника Ефрема Марковича, отличившагося во многихъ сраженіяхъ въ минувшую турецкую войну и занявшаго своимъ отрядомъ Пиротъ. Этотъ Марковичъ былъ въ 1877 году подвергнутъ, по приговору военнаго суда, смертной казни чрезъ растрѣляніе, за участіе въ бунтѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Топольскаго дѣла». Бунтъ этотъ—дѣло темное и до сихъ поръ еще не разъясненное; но еще болѣе темное дѣло—самый судъ и исполненіе приговора надъ участниками бунта. Ходятъ слухи, что виновность полковника Марковича вовсе не была доказана, и казнь надъ нимъ, совершенная слишкомъ поспѣшно, походила скорѣе на юридическое убійство, чѣмъ на исполненіе законнаго судебного приговора. Далѣе, утверждаютъ, что Марковичъ даже вовсе не былъ замѣшанъ въ бунтѣ, что тогдашнее министерство Ристича не находило даже возможнымъ вообще предавать его суду; если-же онъ былъ казненъ, то лишь по личному приказанію князя Милана, который, будто бы, ненавидѣлъ его. По крайней мѣрѣ, подобнаго рода толки ходили въ народѣ и даже находили себѣ мѣсто въ печати.

Какъ бы тамъ ни было, но казнь Ефрема Марковича страшно подействовала на его жену. Она страстно привязана была къ своему мужу и чуть не помѣшалась отъ постигшаго ее ужаснаго удара. Понятна послѣ этого та непримиримая ненависть, которая воспылала въ ней къ тому, кого, справедливо или нѣтъ, она считала виновникомъ смерти своего мужа; но тогда, къ счастью, ея друзьямъ и роднымъ удалось отправить ее за границу и тѣмъ удержать отъ рискованнаго шага. Однако, очевидно, годы не смягчили ея скорби о погибшемъ мужѣ, а напротивъ того,

только укрѣпили въ ней ненависть къ князю, которая, въ концѣ концовъ, превратилась въ чистую мономанію. Подъ вліаніемъ охватившаго ея чувства мести, Елена Марковичъ вернулась въ Бѣлградъ и, воспользовавшись первою удобною минутой, выстрѣлила въ бывшаго князя, а нынѣ короля Сербіи. На судѣ, если только будетъ онъ вестись правильно, стоять внѣ посторонняго давленія, дѣло, конечно, не замедлитъ разьясниться. Но пока общій голосъ, какъ въ Сербіи, такъ и вообще за границей,—тотъ, что преступницей руководила не политическая цѣль, а чувство личной мести; да и сама она на первомъ-же допросѣ показала, что рѣшилась на покушеніе изъ чисто личныхъ побужденій. Это—не столько преступница, сколько глубоко несчастная женщина, страстная любовница, которой къ своему покойному мужу довела до умопомраченія. Елена Марковичъ, какъ вѣрно замѣтила одна вѣнская газета, подлежитъ скорѣе вѣдѣнію врача-психіатра, чѣмъ уголовнаго судьи.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Новая книга о Россіи.

(Victor Tissot, *La Russie et les Russes. Indiscrétions de voyage. Paris, 1883*.)

Болѣе года тому назадъ, г. Викторъ Тиссо, авторъ нѣсколькихъ памфлетовъ о Германіи, начатыхъ «Путешествіемъ въ страны миллиардовъ» издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Русскіе и нѣмцы» (Russes et Allemands). Въ этой книгѣ онъ старался познать своихъ соотечественниковъ съ тѣмъ, что говорить нѣмцы о Россіи въ разныхъ отношеніяхъ. Онъ находилъ, что мнѣнія нашихъ сосѣдей о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, политическомъ положеніи, національномъ характерѣ, о нашемъ настоящемъ и прошедшемъ и будущемъ—пристрастны, и пытался по мѣрѣ силъ противопоставить имъ другую, не такъ мрачную и болѣе насочувственную точку зрѣнія на дѣло. Иное свое отношеніе къ русскому народу и къ судьбамъ нашего отечества онъ основывалъ не только на изученіи нашей исторіи и словесности, но и на личномъ наблюденіи надъ нашею жизнью. Онъ заявляетъ, что онъ самъ недавно путешествовалъ по Россіи и скоро издастъ описаніе своего путешествія, или свои путевыя впечатленія, въ книгѣ подъ заглавіемъ: «La Russie et les Russes. Indiscrétions de voyage».

Г. Тиссо, какъ видитъ читатель, сдержалъ слово. Книга эта вышла и вышла дѣйствительно подъ обѣщаннымъ авторомъ заглавіемъ.

нѣмъ, только нѣсколькими мѣсяцами позже назначеннаго срока Она у насъ теперь передъ глазами. Что сказать о ней?

Мы не можемъ сказать, что разочаровались въ своихъ ожиданiяхъ: никакихъ ожиданiй по отношенiю къ труду г. Тиссо мы и не имѣли. Авторъ «Путешествiя въ страну миллиардовъ» пользуется репутацiей бойкаго и пикантнаго писателя, но его никто не относилъ къ числу серьезныхъ путешественниковъ и не считалъ писателемъ, сочиненiя котораго могли бы быть поучительными для людей, ищущихъ знакомства съ различными странами и народами. Сочиненiй, подобныхъ тѣмъ, какiя пишетъ г. Тиссо, множество во французской литературѣ; но былъ бы очень наивенъ читатель, который придавалъ бы имъ больше значенiя, чѣмъ сколько они его заслуживаютъ. Цѣль писателей въ родѣ г. Тиссо состоитъ не въ томъ, чтобы дать публикѣ вѣрное и точное представленiе объ описываемой странѣ, ея политическомъ и экономическомъ положенiи, ея промышленной и торговой силѣ, научномъ, художественномъ и литературномъ въ ней движенiи, о направленiи умовъ, о характерѣ и нравахъ разныхъ слоевъ населенiя, а лишь доставить чтенiе, интересное по бойкости изображенiй отдѣльныхъ лицъ, попадающихся на пути ландшафтовъ и дорожныхъ событiй, по пикантности анекдотовъ, по романичности приключенiй съ самимъ путешественникомъ и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ такое чтенiе, при которомъ не нужно много беспокоиться ни объ исторической и географической вѣрности, ни о различiи между романомъ и действительностью, ни о томъ, какую роль въ разсказѣ или описанiи играла фантазiя самого автора и сколько вымышленнаго и вздорнаго приобрѣтено имъ отъ его случайныхъ собесѣдниковъ. Г. Тиссо, описывая «Россию и русскихъ» былъ заинтересованъ не тѣмъ, чтобы сообщить своимъ соотечественникамъ надлежащее понятiе о современной Россiи, а тѣмъ, чтобы произвести на своихъ читателей извѣстное впечатлѣнiе, не тѣмъ, чтобы сдѣлать свою книгу полезною, а тѣмъ, чтобы привлечь къ ней возможно больше читателей или, лучше, покупателей. Онъ разсчитываетъ не на ту публику, которая читаетъ «Revue des deux Mondes» и Анатоля Леруа-Больё, публику серьезную, обладающую хорошимъ литературнымъ образованiемъ, а на общественную массу, ищущую легкаго чтенiя, которая во Францiи считается сотнями тысячъ и поглощаетъ цѣлые десятки изданiй посредственныхъ писателей *). Этого не нужно упускать изъ виду при оцѣнкѣ и послѣдняго произведенiя нашего автора.

*) Первая книга, доставившая популярность г. Тиссо, «Voyage au pays des milliards» и вышедшая въ первый разъ въ 1875 г.,—теперь, т. е. черезъ семь лѣтъ по ея появленiи, продается уже въ пятидесятомъ изданiи. Слышано ли у насъ что-либо подобное?

Значительная часть русской публики и даже пишущей братии раздвѣляетъ иностранныхъ писателей о Россіи на двѣ категоріи: на тѣхъ, которые къ нашей странѣ и народу относятся благопріятно, и на тѣхъ, которые къ намъ относятся враждебно. Первые, въ глазахъ этой части нашей публики и пишущей братіи, являются солидными и благонамѣренными публицистами; вторые—легкомысленными и неблагонамѣренными писателями, или просто писателями. Мы не находимъ такую точку зрѣнія вѣрною. Намъ кажется болѣе разумнымъ и правильнымъ оцѣнивать писателей не по направленію, которое признается дурнымъ или хорошимъ лишь по вкусу оцѣнщика, а по степени ума, таланта, знанія, изученія, обнаруживающейся въ томъ или другомъ произведеніи. Направленіе—дѣло вкуса, воспитанія или просто расчета, и не можетъ дать сколько нибудь прочнаго критерія для сужденія о достоинствѣ писателя. Если судить по направленію, то для г. Каткова самый лучший мыслитель и публицистъ будетъ тотъ, который защищаетъ крѣпостное право, если не въ открытомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ замаскированномъ его видѣ, бюрократическій произволъ, гражданское безправіе; для г. Аксакова наиумнѣйшимъ будетъ писатель, выдающій идеалъ человѣческаго общежитія въ отсутствіи формальнаго права, названнаго римлянами «писаннымъ разумъ», всяческихъ политическихъ стремленій, клонящихся къ упорядоченію гражданскаго быта въ народѣ, и не сомнѣвающейся, что такой золотой вѣкъ уже былъ однажды на землѣ, правда, не въ царствованіе Сатурна, какъ думали древніе, а тогда, когда Москва сдѣлалась столицей русскаго царства и москвичи прибрали къ рукамъ русскія области и удѣлы, лишивъ ихъ всякихъ «вольностей» и подавивъ въ нихъ всякую возможность свободнаго внутренняго развитія. Кто не стоитъ въ политической философіи на точкѣ зрѣнія гг. Каткова и Аксакова, считается первымъ изъ нихъ орудіемъ какой-нибудь гнусной интриги, «мошенникомъ пера и разбойникомъ печати», а на взглядъ втораго представляетъ собой образецъ скудоумія и ведомыслія. какъ бы онъ ни былъ силенъ наукой, знаніемъ, пониманіемъ. какъ бы онъ ни былъ убѣдителенъ въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ, какъ бы очевидны ни были его заключенія. Можно ли, послѣ этого, допускать, чтобы критеріемъ при оцѣнѣ не только русскаго, но и иностраннаго писателя о Россіи, было его направленіе?

Г. Тиссо, однако, не боится приложенія къ нему этого критерія со стороны русскихъ рецензентовъ его послѣдней книги. Его направленіе, съ точки зрѣнія охранителей нашей національной самобытности, превосходное. Онъ не любить Германію и чувствуетъ расположеніе къ Россіи, и

въ Россіи онъ любитъ не то, что ему симпатично у себя дома, но то, чѣмъ она отличается отъ европейскихъ формъ жизни, то, что въ ней есть особеннаго, са м о б ы т н а г о, восточнаго, а главное, что не заимствовано отъ ненавистной ему Германіи. Въ своихъ *indiscrétions de voyage* онъ не посвятилъ Петербургу ни одной страницы, а тамъ, гдѣ мимоходомъ касается столицы русской имперіи, онъ говоритъ о ней не иначе, какъ выраженіями, заимствованными у славянофиловъ, 'проникнутыми какимъ-то комическимъ негодованіемъ. «Въ Петербургѣ—говоритъ онъ о реформѣ Петра Великаго—была объявлена война всему тому, что было русскаго: языку, одеждѣ, судопроизводству; даже религія была подчинена нѣмецкой бюрократіи» (стр. 361 въ примѣчаніи). Или въ другомъ мѣствѣ: «по своему образу жизни, своей организаціи, своему общественному устройству, русскіе составляютъ самый молодой народъ въ Европѣ. Дряхлость—только въ столицѣ, въ С.-Петербургѣ, въ городѣ, больше нѣмецкомъ, чѣмъ славянскомъ, который, съ самаго основанія, подвергся соприкосновенію съ чужеземною гражданственностью» (стр. 360). Или вотъ еще: «Москва—настоящая столица имперіи (1), она законная и здоровая дочь бородатыхъ и грозныхъ царей, тогда какъ С.-Петербургъ—столица незаконнорожденная, матерью и кормилицей которой была иностранка: нѣмецкая цивилизація» (стр. 397).

Какъ ни странно звучитъ въ устахъ иностранца эта ненависть къ нашему центру умственной и государственной жизни, къ городу, безпрекословно признаваемому вождемъ новой русской гражданственности во всѣхъ углахъ нашей обширной имперіи, но еще болѣе страннымъ покажется его патетическое или, лучше, декламаторское обращеніе къ нашему мужику, столь глубоко презираемому на Западѣ, особенно же у нашихъ ближайшихъ сосѣдей.

«Ахъ! бѣдный мужикъ, котораго презираютъ и надъ которымъ смѣются! ты вѣдь будущее, такъ какъ ты народъ, а у народа русскаго будетъ свой день!

«До чего тебя не признаютъ, бѣдный мужикъ! Для путешественника, обѣдающаго за табльдотомъ, для того, кто видитъ лишь твое бородатое лицо, твою овчинную шубу, засаленную и разодранную, ты—дуракъ, пьяница, «червая глыба», которая шевелится только подъ пингомъ чиновниковъ или передъ рюмкой жидовской водки.

«Бѣдный мужикъ! Чѣмъ была бы безъ тебя Русь святая? Не ты ли основаніе и твердые устои, на которыхъ покоится чрезмѣрно большая и тяжелая имперія? Не твоя ли мозолистая здоровенная рука свѣтъ хлѣбъ? Не изъ твоихъ ли благородныхъ жилъ истекаетъ кровь, обагривающая поля битвы?

«Тебя упрекаютъ въ лѣности? Но не ты ли сынъ спяща матери, земли, покрытой снѣгомъ въ продолженіе восьми мѣцевъ въ году (!), и вдругъ пробуждающейся, рѣзко переходя отъ бѣлыхъ цвѣтовъ смерти къ розовымъ цвѣтамъ весны жизни? Твоя исторія есть также долгая зима, долгая ночь. Твоя весна придетъ и зацвѣтетъ, ибо твои корни живучи полны надежды. Ты ждешь, устремивши глаза къ звѣздамъ, начинающимъ свѣтитъ надъ твоей головой. И, быть можетъ, далека тотъ часъ, когда, засучивъ рукава..., встряхнувъ наловъ свои густые волосы, ты начнешь свое грозное вторженіе въ исторію, нанося толчки нѣмцу» (стр. 361—2).

Послѣ заявленій неудовольствія на нѣмецкій характеръ новой русской столицы и послѣ этой девламаторской рѣчи, рашенной къ мужику, который начнетъ «свое вторженіе въ исторію» тѣмъ, что засучить рукава и пойдетъ бить нѣмца, можетъ уже быть сомнѣніе въ благонамѣренности французскаго писателя, издавшаго книгу о Россіи. Сомнѣніе можетъ только возникнуть если не въ крѣпости ума, то, всячески, искренности и безкорыстіи любви такого писателя къ Россіи. Эта ненависть къ Петербургу и нѣсколько приторная любовь къ мужику у него слишкомъ тѣсно связывается съ ненавистью къ нѣмцу, и нельзя не видѣть, куда клонится вся эта солидность французскаго писателя въ мнѣніяхъ съ нашею, такъ зываемою, славянофильскою партией. Онъ считаетъ нужнымъ поддерживать весь сумбуръ, распространяемый въ русскомъ ществѣ поборниками лже-народной политики, довольно въ разсчитывая, что только эта часть русскихъ гражданъ, толпа враги нашего дальнѣйшаго движенія по пути европейской гражданственности могутъ легкомысленно подбивать Россію на войну съ Германіей.

Тенденціозность книги г. Тиссо бросается въ глаза, и это, нашему мнѣнію, самый крупный ея недостатокъ, всего менѣе располагающій къ ея чтенію, недостатокъ, передъ которымъ многочисленные ошибки автора въ исторіи, географіи, хронологіи, и пр. уже теряютъ свое значеніе. Намъ очень жалко, что французскій читатель, который такъ интересуется перь знакомствомъ съ нашей государственною и общественною жизнью, узнаетъ эту жизнь въ такомъ ложномъ освѣщеніи. Въ всевозможныхъ обстоятельствахъ, авторъ не только отъ своего лица, но и устами своихъ русскихъ собесѣдниковъ, старается укрѣпить читателя въ мысли, что западная «цивилизациа» не къ лицу, что реформы Петра и Евкатерины упали на неблагодарную почву, что русская нація осталась чуждою этой западной «цивилизации». Ему хочется во что бы то ни стало, что

наша жизнь текла возможно больше по теории московских славянофиловъ и чтобъ мы какъ нельзя больше застраховали себя отъ соприкосновенія съ европейскими идеями: подъ этимъ угломъ зрѣнія онъ сообщаетъ свои наблюденія и философствуетъ о нашемъ настоящемъ и будущемъ.

Въ книгѣ г. Тиссо разсѣяно немало всякаго вздора, подрывающаго ея значеніе. Въ особенности онъ много наклепалъ на наше духовенство, которое почему-то изображаетъ настоящимъ отребьемъ нашего общества. Съ этою цѣлью, у него идутъ въ ходъ выдуманные разговоры самаго недѣльнаго свойства и даже цѣлыя легенды, явно не русскаго происхожденія. Такъ напр., два духовныхъ лица, встрѣченныя имъ на станціи желѣзной дороги, когда онъ проѣзжалъ по Волинской губерніи, безъ церемоніи жалуются ему на монаховъ, по интригамъ которыхъ увезена изъ ихъ села чудотворная икона, и прибавляютъ, что до этого приключенія ихъ житіе было раемъ: они «пили водку по три раза въ день». Его вагонный собесѣдникъ сообщилъ ему, что наши священники до того преданы пьянству, что нерѣдко не могутъ держаться на ногахъ, чтобы совершать богослуженіе, что у нихъ нѣтъ никакого образованія, что они отличаются отъ мужика только костюмомъ, что хотя у насъ есть семинаріи, но попы не посылаютъ туда своихъ дѣтей, такъ какъ духовныя должности у насъ наследственны и не требуютъ для своего приобрѣтенія никакого образованія, и т. п. Цѣлая глава его книги посвящена легендѣ «о попѣ съ завидующими глазами» (*Histoire du pope aux yeux avides*) Заботясь о томъ, чтобы доставить своимъ разсказамъ возможно болѣе пикантный характеръ, авторъ очень любитъ приводить анекдоты, которые онъ собиралъ, повидимому, съ особенною тщательностью. Разныя проявленія широкой натуры или, лучше, дикой воли знатныхъ баръ нашихъ прежняго времени, въ особенности ихъ необузданный развратъ, находятъ въ книгѣ г. Тиссо также замѣтное мѣсто. Считаая русскихъ народомъ мало воздержнымъ или церемоннымъ въ половомъ отношеніи, онъ пренаивно сообщаетъ своимъ соотечественникамъ, будто у насъ знатныя дамы ходятъ купаться въ сопровожденіи мужской прислуги, которая преспокойно исполняетъ при этомъ обязанности, лежащія въ другихъ странахъ на женскомъ персоналѣ, находящемся въ услуженіи. *) И это онъ сообщаетъ не въ видѣ анекдота о какой-

---

*) Вотъ, между прочимъ, его слова въ подлинникѣ: „Les grandes dames qui vont à la rivière sont accompagnées par leurs domestiques mâles qui leur tendent le linge et les essuient, quandelles sortent de l'eau, aussi peu voilées que Venus sortant de l'onde amère.

нибудь эксцентрической личности (чего на Руси не бывает) не въ формѣ дошедшаго до него слуха, а какъ общезвѣстный фактъ, какъ обще-распространенный обычай, въ которомъ, въ бавоу ко всему, онъ лично не видитъ ничего дурнаго.

Въ подобныхъ откровеніяхъ мы не видимъ какойнибудь замѣренности со стороны автора, который совсѣмъ не распоженъ чернить нашъ народъ или наше общество, а видимъ только легкомысліе и излишнюю довѣрчивость ко всякимъ, быть можетъ, иногда и умышленно - лживымъ сообщеніямъ. Примѣръ умышленной передачи путешествующимъ иностранцамъ ложны и нелѣпныхъ свѣдѣній или объясненій о нашихъ дѣлахъ и нравѣхъ нерѣдки; особенно это было въ ходу въ прошломъ столѣтіи. одной книгѣ о Россіи, написанной французскимъ путешественникомъ прошлаго столѣтія, мы находимъ, между прочимъ, рсужденіе о большой религіозности русскаго народа, самымъ ршпительнымъ подтвержденіемъ которой авторъ считаетъ то, чнъ Петербургѣ на каждомъ шагу слышалъ произносимы между простымъ народомъ слова *bona mater*. Не подлежитъ смнѣнію, что такое объясненіе произносимыхъ на улицѣ, особенпьяными чернорабочими, извѣстныхъ словъ было дано путешественнику какимънибудь «шутникомъ» изъ русскихъ. Надо мать, что г. Тиссо, при всемъ томъ, что русскій языкъ совсѣмъ чуждъ его уху, былъ нерѣдко предметомъ подобнмистификаціи, которая началась для него еще въ Галиціи, стороны поляковъ. Во Львовѣ нѣкто Воловскій, редакторъ одной вѣнской газеты, снаряжая французскаго путешественни въ дорогу къ русской границѣ, выстѣ съ разными другими м ставленіями, предостерегалъ его не брать съ собой фулярон рубашки, такъ какъ въ ней много краснаго цвѣта и потому еопасность, что о немъ подумаютъ, какъ о членѣ революціоннаго общества. Тотъ же Воловскій усерднѣйшимъ образомъ совѣтовалъ ему не завертывать сапоговъ въ газетную бума на томъ основаніи, что ни одна газета не можетъ проникать въ Россію безъ цензуры. И г. Тиссо послѣдовалъ во всемъ совѣтсвоего польскаго пріятели: онъ счелъ за лучшее оставить въ Львовѣ и газетную бумагу, и револьверъ, и зонтикъ со стлетомъ внутри, и книги, исключая «Записокъ туриста» Стедаля, и наконецъ свои дорожныя замѣтки. Польскій пріятели да внушилъ французскому путешественнику сомнѣніе въ томъ, чедвали онъ будетъ пропущенъ черезъ русскую границу, говоря чему-то, что онъ «на худомъ счету». И г. Тиссо всему этому врилъ тогда и вѣрилъ бы до сихъ поръ, еслибъ личнымъ опытомъ не удостоверился, что чортъ совсѣмъ не такъ страшенъ какъ его малюютъ.

Надо сказать правду, что тамъ, гдѣ г. Тиссо сообщаетъ

намъ не рассказы пріятелей и дорожныхъ собесѣдниковъ, а свои личныя наблюденія, онъ обнаруживаетъ несомнѣнный талантъ описанія и замѣчательное искусство разсказа. Его пріѣздъ въ Бердичевъ, ви́шній видъ этого раг ехселленсе еврейскаго города, нравы и занятія его обитателей, грязь, смрадь и презрѣніе ко всякому благоустройству, царствующіе въ немъ на улицахъ—все это описано имъ превосходно, какъ и разныя закоулки и трущобы, которыхъ онъ насмотрѣлся до-сыта въ Бѣлокаменной. Многія сцены дорожныхъ приключеній схвачены имъ мастерски и сохранили въ его описаніи самую неподдѣльную жизненность. Обѣдъ на станціи въ Фастовѣ, гдѣ авторъ рисуетъ намъ нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ, являющихся дѣйствительными типами странствующей части нашего общества, равно какъ и обѣдъ въ усадьбѣ гостепріимнаго графа X, гдѣ авторъ имѣлъ въ первый разъ случай наблюдать представителей нашего провинціального бомонда, представляютъ намъ картины, полныя жизни и самой неопровержимой реальности. Описанія Кіева и Москвы у него вышли также удачными, но лишь тамъ, гдѣ авторъ не пускается ни въ историческія, ни въ политическія сужденія. Студентскій типъ въ Кіевѣ или купеческій въ Москвѣ схвачены имъ вѣрно и изображены рельефными чертами. У автора никакъ нельзя отнять замѣчательнаго умѣнья подмѣчать въ предметъ живую и характеристическую сторону. Московское купечество особенно не можетъ пожаловаться на то, что французскій путешественникъ упустилъ какую-нибудь выдающуюся черту его дѣйствительно характернаго быта, увѣковѣченнаго для насъ комедіями Островскаго.

Мы уже слишкомъ долго говоримъ о книгѣ г. Тиссо. Въ общемъ своемъ видѣ, это книга посредственная и, за исключеніемъ весьма немногихъ страницъ, мало интересная для русскаго читателя. Но, въ виду популярности имени автора и обширнаго круга его читателей, намъ нельзя было обойти ее молчаніемъ.

В. М.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова, члена-корреспондента «Общества любителей древней письменности».* С 1881—1882 г. 2 тома in 4°. (545+530)—1075 стр. Ц. 8 р.

Изъ всѣхъ дворянскихъ русскихъ фамилій, фамилія графовъ Шереметевыхъ пользуется у насъ едва-ли не самою болѣе извѣстностью. Она, можно сказать, сдѣлалась у насъ популярною. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ, хотя по имени, графовъ Шереметевыхъ? Про нихъ въ народѣ сложились даже поговорки, которыя, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія другому, разносятъ и поддерживаютъ популярность ихъ имени во всей Россіи. Конечно, причина тому—громадныя богатства этой фамиліи; но причина эта не главная и далеко не единственная. Мужество богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій, основанныхъ въ разное время графами Шереметевыми, сдѣлало имя ихъ очень дорогимъ въ глазахъ бѣдняковъ. Но особенно добрую память о себѣ Шереметевы оставили въ исторіи нашего, печальной памяти, крѣпостнаго права. Оберегая всячески своихъ крестьянъ отъ чиновничества, они въ то же время не обременяли ихъ брѣвниной и поборами, не подавляли въ нихъ человѣческаго достоинства, не стѣсняли ихъ природной самодѣятельности. Въ то время, когда другіе помѣщичьи крестьяне стонали подъ гнетомъ и произвола, пребывали въ крайней бѣдности, продавались, какъ скоть, чуть-ли не съ молотка, огульно и поштучно, мѣнялись на лошадей и охотничьихъ собакъ,—шереметевы, напротивъ, жили гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ даже государственные крестьяне, всегда имѣли возможность выйти изъ крѣпостной зависимости и пользоваться сравнительно большимъ благосостояніемъ, въ чемъ и въ настоящее время легко можно убѣдиться; изъ среды ихъ выходили часто милліонеры и люди, которые потомъ съ честью занимались разными такъ называемыми, свободными профессіями. Все это явилось слишкомъ свѣтлымъ, чтобы исторія могла обойти ихъ молчаніемъ.

Нынѣшній представитель графской отрасли семейства Шереметевыхъ, графъ Сергѣй Дмитриевичъ, также съ честью носитъ это имя. Поддерживая благотворительныя учрежденія, основанныя предками, учреждая новыя, и вообще неуклонно держась старыхъ семейныхъ традицій, онъ въ то же время употребляетъ свой богатства и на другія дѣла, столь же благотворительныя. Сколько намъ извѣстно, графъ С. Д. Шереметевъ—большой любитель и ревностный собиратель письменныхъ памятниковъ.

шей старины, издаетъ эти памятники на свой счетъ, не жалѣя на те денегъ, поддерживаетъ и нравственно и матеріально «общество древней письменности», такъ много сдѣлавшее на пользу изученія древней русской исторіи, заботится о распространеніи образованія среди бывшихъ его крестьянъ и пр.

Въ виду всего этого, довольно любопытно ознакомиться обстоятельно съ происхожденіемъ рода Шереметевыхъ, съ тѣмъ, какую роль онъ игралъ вообще въ нашей исторіи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, является лежащій теперь передъ нами трудъ А. П. Барсукова, въ которомъ исторія рода Шереметевыхъ доведена пока до второй половины XVII в. Но какъ ни интересенъ предметъ самъ по себѣ, мы, признаемся, приступили къ чтенію книги г. Барсукова съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Не есть ли это—думалось намъ—своего рода панегирикъ, полезный, пожалуй, въ воспитательномъ отношеніи для нынѣшнихъ и послѣдующихъ представителей рода, но не имѣющій никакого научнаго значенія? Не поддался ли авторъ свойственному многимъ ученымъ увлеченію и не преувеличилъ ли онъ, хотя-бы то и не намѣренно, историческое значеніе каждаго изъ представителей рода Шереметевыхъ? А вѣдь это очень легко могло случиться, да и случалось съ иными историками, не взирая даже на добрую волю и желаніе ихъ быть вполне безпристрастными; стоило бы только автору строго ограничиться предѣлами избранной имъ темы, говорить только объ однихъ Шереметевыхъ, не касаясь окружающей ихъ среды, не сравнивая и не сопоставляя ихъ такъ или иначе съ другими общественными и государственными дѣятелями той эпохи,—и его изслѣдованіе утратило бы немалую долю своего научнаго значенія: дѣятельность описываемыхъ имъ личностей представилась бы въ невѣрномъ, преувеличенномъ видѣ.

Къ счастью, г. Барсуковъ въ своемъ изслѣдованіи очень удачно обошелъ эти подводные камни. Взятъ онъ за свое дѣло, какъ истый ученый, *sine ira et studio*. Съ присущимъ ему трудолюбіемъ и эрудиціей онъ перерылъ, можно сказать, всѣ сохранившіеся до насъ письменные и другіе памятники, извлекъ изъ нихъ необходимыя для него данныя и подвергъ ихъ строгой критикѣ; причемъ авторъ относится къ своему предмету трезво и вполне безпристрастно, нисколько не увлекаясь подвигами своихъ героевъ, не умаляя ни темныхъ, ни свѣтлыхъ сторонъ ихъ характеровъ и дѣятельности; вообще, видно по всему, что научные интересы у него всегда стояли на первомъ планѣ. Объективнымъ и безпристрастнымъ авторъ остается и тамъ, гдѣ другой, на его мѣстѣ, поступилъ бы совсѣмъ иначе. Такъ, говоря объ Иванѣ Васильевичѣ Большомъ-Шереметевѣ,—личности, дѣйствительно замѣчательной, и не только въ родѣ

Шереметевыхъ, но и вообще въ нашей исторіи, — авторъ приводитъ очень лестный о немъ отзывъ князя Курбскаго по поводу Судьбищенской битвы русскихъ съ татарами, — и этимъ могъ бы, конечно, ограничиться, тѣмъ болѣе, что такой отзывъ, повидимому, подтверждается и фактомъ, — геройскимъ поведеніемъ Шереметева въ названной битвѣ; но г. Барсуковъ, въ интересахъ исторической правды, счелъ нужнымъ опровергнуть мнѣніе того же Курбскаго, будто «остальные воеводы не были тогда такъ исправны и храбры, какъ Шереметевъ», и при этомъ сопоставляетъ совершенно противоположное мнѣніе о томъ же предметѣ другаго современника. «Но лѣтописецъ увѣковѣчилъ память о геройскомъ подвигѣ и другихъ сподвижниковъ Шереметева — Ал. Д. Басманова и Ст. Гр. Сидорова — говоритъ онъ. Послѣ того, какъ Шереметевъ еле-живой вынесенъ былъ съ поля битвы и войско осталось безъ вождя, Басмановъ и Сидоровъ «велѣли бити по набату и въ сурну играти» и съ горстью храбрецовъ до вечера отбивались отъ крымскаго хана, приступавшаго къ нимъ со всѣми людьми и съ пушками, и съ пищальми». Также безпристрастно авторъ относится и къ другимъ дѣятелямъ изъ фамилиі Шереметевыхъ; напр., Петръ Никитичъ Шереметевъ, современникъ Грознаго, Федора Ивановича и самозванцевъ, представленъ имъ далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ, какъ то и было на самомъ дѣлѣ. Это былъ человѣкъ ограниченный, злой, большой интриганъ; интригами онъ и добился довольно высокаго положенія въ тогдашней государственной жизни, но потомъ, за свою политическую близорукость, поплатился мученической смертью.

Относясь къ дѣлу такъ объективно, г. Барсуковъ съумѣлъ въ то же время отвести каждому изъ своихъ героев надлежащее мѣсто въ исторіи; для этого онъ рисуетъ ту или другую эпоху со всѣми главными дѣйствующими въ ней лицами, предоставляя уже самому читателю судить о значеніи той роли, какую при этомъ играли Шереметевы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда о томъ или другомъ Шереметевѣ сохранились въ письменныхъ памятникахъ одни только упоминанія объ участіи ихъ въ известномъ предпріятіи, авторъ приводитъ цѣликомъ мѣста изъ источниковъ, но опять таки не упуская и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ напр., по поводу похода русскихъ въ Ливонію, авторъ говоритъ: «Собралась 60-тысячная рать подъ главнымъ начальствомъ Ивана Федоровича Мстиславскаго и князя Василія Семеновича Серебрянаго-Оболенскаго. Передовымъ полкомъ командовалъ бояринъ Иванъ Петровичъ Яковлевъ съ Иваномъ Васильевичемъ Меньшимъ-Шереметевымъ; правую руку — Петръ Ивановичъ Шуйскій съ Никитою Васильевичемъ Шереметевымъ и т. д.». Отъ такого пріема, конечно, живость изложе-

ніа отчасти страдаетъ; но зато интересъ предмета нисколько не умаляется; а историческая правда положительно выигрываетъ. Жизнь и дѣятельность каждаго Шереметева освѣщена въ разсматриваемомъ нами изслѣдованіи настоящимъ историческимъ свѣтомъ, насколько, конечно, это позволяли находившіеся въ распоряженіи автора источники.

Что касается собственно до предмета изслѣдованія, то онъ довольно богатъ содержаніемъ.

Родъ Шереметевыхъ замѣчателенъ какъ по древности своего происхожденія (XIV в.), такъ и въ особенности по той выдающейся роли, какую онъ игралъ, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, въ нашей исторіи. Можно сказать даже, что, начиная съ XIV в., не было у насъ такого крупнаго историческаго событія, въ которомъ не принималъ бы участія тотъ ли другой изъ его представителей. По мнѣнію г. Барсукова, родоначальникомъ Шереметевыхъ былъ выходецъ изъ Пруссіи Андрей Кобыла, или, какъ русскіе впоследствии прозвали его, — Кобыла; отъ него пошла потомъ фамилія Кошкиныхъ, Юрьевыхъ, Колычевыхъ, Беззубцевыхъ, Шереметевыхъ и др. При великомъ князѣ Симеонѣ Гордомъ, Андрей Кобыла играетъ уже довольно видную роль; а младшій сынъ его, Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка, былъ однимъ изъ правителей государства во время малолѣтства Дмитрія Ивановича Донскаго, принималъ участіе вмѣстѣ съ этимъ княземъ въ походѣ противъ татаръ, среди которыхъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ мудрый государственный человекъ. Дочь его была замужемъ за сыномъ Михаила Александровича Тверскаго; а сынъ его, Иванъ, женился на родной сестрѣ великаго князя литовскаго Витовта. Такимъ образомъ Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка породнился одновременно и съ Рюриковичами, и съ Гедимновичами. Вліяніе Ѳеодора Андреевича на дѣла государственныя всецѣло перешло потомъ къ его сыну Ивану въ княженіе Василія Дмитріевича. Собственно прямымъ прародителемъ нынѣшней фамиліи Шереметевыхъ является двоюродный внукъ Ивана Ѳеодоровича Кошки, Константинъ Александровичъ Беззубецъ, или Беззубцевъ, имя котораго связано съ блестящею побѣдой русскихъ надъ татарами при р. Битюгѣ въ княженіе Василія Темнаго. Младшій сынъ Беззубца, Андрей, впервые получилъ прозвище Шереметя, которое и сдѣлалось потомъ фамиліей цѣлаго рода. Самое слово Шереметь — турецкаго происхожденія и означаетъ «быстрый, проворный». По мнѣнію автора, такъ названъ былъ Андрей Беззубецъ въ честь знаменитаго въ то время турецкаго полководца Шереметя-паши; въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Барсуковъ приводитъ и другіе, очень интересные примѣры такого обычая. Такъ, сородичъ Константина Александровича Беззубцева и его современникъ, Ко-

лычевъ, назвалъ своего старшаго сына Степана Стенструмъ, именемъ современнаго ему, извѣстнаго правителя Швеціи, Стен Стура. Изъ семейства Андрея Константиновича Шеремета, особенно выдѣляется своими замѣчательными способностями, какъ военачальника и государственнаго человѣка, внукъ его, Иванъ Васильевичъ Большой - Шереметевъ. Блестящія побѣды е надъ казанцами, крымцами и ливонцами, а равно постоянное и дѣятельное участіе въ другихъ государственныхъ дѣлахъ въ царствованіе Ивана Грознаго, краснорѣчиво о томъ свидѣлствуютъ. Имя этого Шереметева сдѣлалось очень извѣстнымъ на Востоку и попало даже въ одну изъ турецкихъ летописей.

Почти также замѣчательнъ былъ и одинъ изъ сыновей его Оедоръ Ивановичъ. Человѣкъ несомнѣнно даровитый, онъ честно служилъ родинѣ въ теченіе четырехъ царствованій—Бориса Годунова, перваго Лже-Дмитрія, Василя Шуйскаго и Михаила Оедоровича Романова.

Намъ доподлинно неизвѣстно, кѣмъ изданъ этотъ почтенный историческій трудъ; но полагаемъ, что—на счетъ графа Шереметева: за это говорить необычайная роскошь изданія, обиліе дорого стоящихъ снимковъ съ картинъ изъ современной описанной эпохи и fac-simile девяти грамотъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ графа Шереметева. Если это такъ, если наше предположеніе справедливо, то безпристрастіе, съ какою написана книга, даетъ честь въ такой же степени издателю, какъ и автору. Изданіемъ этого труда графъ Шереметевъ не только воздвигъ очень солидный памятникъ своему роду, но и внесъ довольно цѣнный вкладъ въ русскую историческую науку,—такъ же, какъ изданіемъ полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго она оказала услугу нашей литературѣ.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). *Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко.* Спб. 1882 г.

По мѣрѣ того, какъ на политическую арену все болѣе и болѣе выступаютъ общественные классы, историческое изслѣдованіе демократизируется и все сильнѣе и шире направляется въ глубины народной жизни. Нынѣшняя историческая наука, подчиняясь общему ходу цивилизаціи, не вращается уже около высшей жизни народовъ, и тѣмъ менѣе способна довольствоваться воспроизведеніемъ дворцовыхъ хроникъ. Нуженъ особый, выдающійся талантъ, чтобы удерживать еще въ предѣлахъ своего вопроса о томъ, кто дѣлаетъ исторію: отдѣльныя, избранныя личности или сами народы? Воззрѣнія Карлейля или Ренана на значеніе личности въ судьбахъ человѣчества могутъ сохраняться еще вѣкъ только въ силу особой гениальности, оригинальности и необычайной эрудиціи этихъ писателей, а также въ виду то

далеко не вездѣ еще народныя массы вышли изъ стихійнаго гонянія и перестали играть чисто пассивную роль. Невѣже-о, дурныя, основанныя на привилегіяхъ и интересахъ мень-ства, политическія и экономическія условія продолжаютъ служить препонами для развитія активной жизни на-овъ даже тамъ, гдѣ очень любятъ говорить о народѣ и име-ъ народа. Во всякомъ случаѣ, современная общественная-ль, если и интересуется тѣмъ, что думали и дѣлали Юліи-ари и Карлы Великіе, Людовики и Наполеоны, Петры и-терины, то только затѣмъ, чтобъ знать, насколько эти-сли и дѣла согласовались съ народными и общечеловѣческими-ересами и задачами. Если даже такіе капитальные труды,-ть «Исторія Россіи» Соловьева подвергаются упреку (и при-тъ не вполне заслуженному), будто въ нихъ «народъ отсут-уеть», то едва-ли можно сомнѣваться въ современномъ на-вляненіи исторической науки и въ простираемыхъ къ ней требо-ніяхъ.

Тѣмъ страннѣе встрѣчаться въ настоящее время съ такими-дами, какъ «историческое изслѣдованіе» Д. Θ. Кобеко-есаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, продиктованное желаніемъ до-ать, что «даровитый, образованный, прямодушный другъ-ядка и законности, цесаревичъ невольно привлекаетъ къ-ь въ сочувствіе». Чтобъ оправдать это сочувствіе, рѣзко расхо-еется съ господствующими воззрѣніями на личность Павла-ровича, г. Кобеко «старался, насколько то было возможно,-иснить» тѣ причины, «подъ вліяніемъ которыхъ измѣнился-характеръ и вслѣдствіе которыхъ, по выраженію одного изъ-данныхъ ему людей, князя И. М. Долгорукаго, разсудокъ-былъ потемненъ, сердце наполнено желчи и душа гнѣва». не ошибемся однако, признавъ, что въ самомъ поводѣ-появленію изслѣдованія г. Кобеко немаловажную роль играютъ-самыя современныя требованія отъ исторической науки, ко-ымъ менѣе всего старался служить авторъ. Изученіе «Ека-ининскаго вѣка», этой эпохи виѣшняго блеска и богатырей, красныхъ словъ и плохихъ дѣлъ, заставило уже значительно-лѣднить «величавый образъ» матушки-царицы. Но въ то-мя, какъ у однихъ развѣнчиваніе это происходило путемъ-равленія мысли къ изученію народнаго быта, у г. Кобеко-лась потребность возмѣстить обнаружившіяся прорѣхи и-ныя стороны царствованія Екатерины возвеличеніемъ и оправ-іемъ личности ея наслѣдника. Безпристрастное изученіе-й эпохи способно подтвердить только тотъ выводъ, что самыя-іальныя и благожелательныя личности могутъ причинить-чительный вредъ и даже извратить свою природу, если не-одять должной опоры въ народѣ и правильно сдерживающаго

и направляющаго начала въ общественно-политическихъ уніяхъ. Нашъ авторъ, наоборотъ, пишетъ свою книгу подъ вліяніемъ предположенія, что все, обошлось-бы благополучно, если въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія на русскомъ столѣ воссѣдалъ Павелъ, вмѣсто Екатерины. И на г-нѣ Кобецкой очевидно, отразилось общее сознаніе, что Екатерининскій періодъ представлялъ очень много темныхъ сторонъ; но въ то время какъ одни противопоставляютъ блестящей внѣшности и пышнымъ фразамъ великой царицы печальную дѣйствительность, нашъ авторъ усиливается противоположить ей блѣдную, безхарактерную, капризную, незначительную личность Павла Петровича. Если иные Клефы Макиевичи способны задаваться вопросомъ, какия выгоды произошли-бы для Россіи въ томъ случаѣ, когда Екатерина II не измѣнилась подъ конецъ своего царствованія, не убоилась «революціонной гидры» и осталась-бы вѣрною традиціямъ, которыя господствовали въ ея эпоху, то г. Кобецкой удалось цѣлью доказать, что Павелъ Петровичъ вышелъ-бы отличнымъ государемъ, если-бы не былъ Павломъ Петровичемъ, если-бы разсудокъ его «не былъ потемнѣлъ, сердце не испололось желчи и душа гнѣва».

Реабилитація личности Павла Петровича едва-ли, удалась г. Кобецкой. По крайней мѣрѣ, тѣ сочувственные выводы, которые онъ излагаетъ въ своемъ послѣсловіи и которые введены нами выше, представляются вполне голословными, сколько не связуются съ содержаніемъ книги. Напротивъ, выходы эти являются своего рода сюрпризомъ, такъ какъ авторъ, вводя массу фактовъ, современныхъ описаній и характеристикъ извлеченныхъ имъ изъ опубликованныхъ уже документовъ, не помогаетъ читателю ориентироваться среди этой груды разнаго матеріала. Самое изложеніе его страдаетъ крупными недостатками. Авторъ часто забѣгаетъ впередъ, иногда на несколько лѣтъ, или, наоборотъ, возвращается назадъ, для пополненія пропущенныхъ эпизодовъ. Нерѣдки также значительныя отступленія въ сторону отъ главнаго предмета и увлеченія такими мелочами, которыя могутъ быть объяснены только отсутствіемъ мѣры. Въ книгѣ г. Кобецкой вы найдете, напримеръ, описаніе гатчинскихъ садовъ и видовъ, которыя и теперь любители легко могутъ насладиться или изучить ихъ по описанію; вы встрѣтитесь съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ или другихъ празднествъ, встрѣчъ или обѣдовъ; съ поднесеніемъ дарковъ и брилліантовъ, подаренныхъ или надѣтыхъ по той или другому случаю; авторъ обязательно напомнитъ вамъ такую-то или другую личность, имѣвшую самое отдаленное отношеніе къ жизни и дѣятельности главнаго героя этой книги: взамѣнъ этого, читатель остается въ недоумѣніи по вопро-

самымъ капитальнымъ для задачи автора. Весьма понятно, что все это не только не способно подтвердить выводы автора, но имѣаетъ очень часто даже самостоятельному умозаключенію читателя. Такъ на примѣръ, г. Кобеко, въ первой части своего труда, не разъ указываетъ на необычайную популярность Павла Петровича, на любовь и уваженіе, которыми пользовался будто-бы цесаревичъ въ обществѣ и народѣ. Эта популярность существовала будто-бы въ самые блестящіе, первые годы царствованія Екатерины и служила источникомъ опасенія и недовѣрія со стороны императрицы. Что эти опасенія и недовѣрія должны были имѣть мѣсто, это весьма понятно. Занявъ престолъ въ силу узурпаціи, путемъ насильственнаго переворота, Екатерина естественно должна была со страхомъ глядѣть на того, кто могъ рассчитывать на это мѣсто, если не въ силу права и опредѣлительнаго закона, то въ силу обычая. Не менѣе естественно, что эти опасенія должны были расти къ концу царствованія Екатерины. Точно также должна была бы возрастать и популярность Павла Петровича, по мѣрѣ того, какъ многовѣщательное царствованіе Екатерины стало разблѣяться, а сама она все болѣе и болѣе стала поддаваться прихотямъ многочисленныхъ фаворитовъ и вліянію реакціоннаго духа. Извѣстно, что народная молва всегда склонна приписывать наслѣднику престола тѣмъ большія достоинства и олицетворять въ немъ тѣмъ большія надежды, чѣмъ продолжительнѣе царствованіе живущаго государя и чѣмъ болѣе оно внесло разочарованій и уклонилось отъ признанія и удовлетворенія назрѣвшихъ жизненныхъ потребностей. Популярность наслѣдниковъ престола составляетъ поэтому столь-же обычное явленіе, какъ и большая или меньшая доля неудовлетворенности и разочарованія къ концу всякаго продолжительнаго царствованія. Между тѣмъ, съ Павломъ Петровичемъ случилось какъ разъ противное. Фактическая сила власти Екатерины не только не уменьшилась, но возросла къ концу ея жизни, и она менѣе всего могла опасаться насильственнаго переворота въ пользу Павла Петровича. О популярности же Павла Петровича, о любви къ нему и надеждахъ, обыкновенно возлагаемыхъ на наслѣдника престола, не только не было рѣчи, но самъ нынѣшній панегиристъ его выуженъ былъ воспроизвести, въ концѣ своего труда, рядъ фактовъ, оказывающихъ, что въ обществѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, къ концу царствованія Екатерины, сильно осподствовала и едва не осуществилась идея устраненія Павла Петровича отъ престолонаслѣдія въ пользу старшаго сына его внука Екатерины, Александра Павловича. Самъ г. Кобеко объясняетъ неудачу этого предположенія только настроеніемъ Александра и трудностью найти въ немъ поддержку подобнаго

плана. Съ вѣроятностью можно допустить, что именно полное разоблаченіе личности Павла Петровича къ концу царствованія Екатерины не только содѣйствовало упроченію за нею власти, но и создало мысль объ окончательномъ устраненіи его отъ престола, но что именно это обстоятельство ускорило и облегчило въ послѣдствіи совершеніе тѣхъ событій, которыя привели къ воцаренію Александра Павловича. Между тѣмъ, ни авторъ, ни книга его—не только не даютъ никакихъ указаній для разрѣшенія этого вопроса, но, какъ видно, даже не подозрѣваютъ самой возможности его возникновенія. Очевидно, что или популярность Павла Петровича въ первые годы царствованія Екатерины должна быть доказана болѣе обстоятельно, нежели это дѣлаетъ авторъ, или же фактъ непопулярности его въ концы царствованія Екатерины требовалъ-бы разясненія. Но первое является у г. Кобеко голословнымъ, а второе—неопределеннымъ. Если-же кратковременное, но обильное экцентризмомъ, царствованіе Павла Петровича сопоставить съ жизнью г. Кобеко, особенно съ ея выводомъ, то читателю очевидно пришлось-бы затеряться въ недоразумѣніяхъ. Тутъ то бы, казалось, на вождѣ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, при отсутствіи несносной материнской опеки, развернуться блестящимъ качествамъ того, кто, будучи цесаревичемъ, обладалъ, по мнѣнію г. Кобеко, дарованіями, образованностью, прямотою и былъ другомъ порядка и законности. Но вмѣсто этого, историкъ раскрываетъ факты, доказывающіе, что Павелъ Петровичъ, какъ государь, даже по свидѣтельству его доброжелателей, былъ потонувъ въ расудкѣ, что сердце его исполнилось желчи, а душа—гневомъ. Очевидно, что задатки всего этого таились въ Павлѣ Петровичѣ еще въ то время, когда онъ былъ цесаревичемъ, а кратковременность его царствованія можетъ служить указаніемъ, что задатки эти успѣли превратиться уже въ цѣлое достоинство, развитыя и упроченныя еще до смерти Екатерины. Но такая панегиричность нисколько не содѣйствуетъ такому выводу, хотя его трудъ и обнимаетъ всю жизнь Павла Петровича, какъ цесаревича (по 1796 г.). Понятно, что подобное «историческое изслѣдованіе», не смотря на богатство своей фактической стороны и обширную начитанность автора, мало способно служить даже задачамъ той исторической науки, на уровнѣ которой держится еще диллетантизмъ сочинителей, подобныхъ автору книги «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Она нисколько не подтверждаетъ качествъ и достоинствъ, приписываемыхъ авторомъ Павлу Петровичу. По сравненію съ нимъ, личность Екатерины даже вырастаетъ въ глазахъ читателя и ужъ ни въ какомъ случаѣ не является «сочувствіемъ» къ этому цесаревичу. Безспорно неблагоприятны были вліянія и условія, при которы-

возросъ и возмужалъ Павелъ Петровичъ. Но не лучше, какъ извѣстно, были влiянiя и условiя, подъ которыми слагались личности Екатерины II или Александра I. Екатерина привезена была въ Россiю почти дѣвочкою и, конечно, не нравственные и умственные стороны двора Елизаветы Петровны, не личность супруга, Петра Фёдоровича, могли создать ту среду, которая благоприятно воздѣйствуетъ на личность. Точно также и Александръ выросъ среди тѣхъ условiй, которыя г. Кобеко считаетъ причинами, дурно влiявшими на характеръ Павла Петровича. Эти условiя даже ухудшились къ концу царствованiя Екатерины и могли, конечно, оказаться болѣе пагубными для молодыхъ впечатлительныхъ годовъ Александра, нежели для зрѣлаго чело-вѣка, какимъ былъ уже въ то время отецъ его, Павелъ Петровичъ. Однако, какая громадная разница въ характерахъ, въ стремленiяхъ и дѣйствiяхъ этихъ трехъ личностей: Екатерины, Павла и Александра? Очевидно, разница эта должна быть отнесена всецѣло на природу самого Павла Петровича.

И дѣйствительно, если не повѣрять на слово г-ну Кобеко и попытаться самостоятельно оцѣнить воспроизводимые имъ факты изъ частной и общественной жизни Павла Петровича, то личность его, какъ цесаревича, представится далеко не въ томъ привлекательномъ свѣтѣ, который способенъ возбуждать сочувствiе. Въ этомъ случаѣ, не только нельзя будетъ признать за Павломъ Петровичемъ тѣхъ качествъ и достоинствъ, которыя щедро рукою приписываются ему г. Кобеко, но придется заключить, что личность цесаревича была очень мало отзывчива къ добру и, наоборотъ, какъ губка, всасывала въ себя все дурное, отжившее. Если образованность и познанiя Павла были такъ значительны, какъ увѣряетъ г. Кобеко, то тѣмъ менѣе извинительна эта наклонность къ всасыванiю всего дурнаго, наклонность, которую трудно отрицать, такъ какъ только она и въ состоянiи пояснить тѣ перемѣны, которыя, по признанiю автора, произошли въ характерѣ Павла Петровича. Но какова бы ни была эта образованность, несомнѣнно, что она не сообщила Павлу ни самостоятельности ума, ни сознательнаго пониманiя эпохи, ни яснаго представленiя о потребностяхъ русскаго народа и отношенiяхъ его къ остальной Европѣ. Если Екатерина не безъ задней мысли устраняла Павла Петровича отъ участiя въ государственныхъ дѣлахъ, то, зная влеченiя и зглядъ Павла Петровича, приходится только радоваться, что частiю этому не было мѣста до самаго конца царствованiя Екатерины. Правда, г. Кобеко пытается доказать, что систематическое устраненiе Павла Петровича отъ государственной дѣятельности именно и порождало эти дурныя влеченiя, но это твержденiе очень мало убѣдительно. Радищевъ и Новиковъ

также не имѣли участія въ государственныхъ дѣлахъ, но не мѣшало имъ имѣть гораздо болѣе вѣрныя представленія потребностяхъ русскаго народа, о задачахъ внѣшней и внутренней политики, нежели тѣ, которыя сложились у Павла Петровича. Онъ достаточно близко стоялъ къ государственной власти, чтобы имѣть возможность, даже и не дѣйствуя непосредственно, знать достоинства и ошибки тогдашняго управленія. Но Павелъ Петровичъ не умѣлъ цѣнить хорошихъ сторонъ политики Екатерины и способенъ былъ только усугубить ея недостатки, противорѣчій и отступленія. Если исторія упрекаетъ Екатерину за разладъ между ея прогрессивными убѣжденіями и дѣломъ, и за реакціонныя годы ея царствованія, то Павелъ Петровичъ едва ли дѣлалъ болѣе способенъ идти за вѣкомъ. Вкусы и стремленія его обратились совершенно въ противоположную сторону, будучи диктованы болѣе всего личными побужденіями, нежели сознаниемъ обязанности служить благу своего народа. Отъ Фридриха Великаго онъ позаимствовалъ страсть къ солдатчинѣ и къ неразумной дисциплинѣ, которая основана на подавленіи чести и вѣческаго достоинства и превращеніи личности въ машину. (Слѣдуетъ вспомнить, что въ дворѣ Людовика XVI Павелъ Петровичъ вывезъ всѣ дурныя привычки, понятія и традиціи бурбонизма, и проявлялъ сочувствіе къ тѣмъ именно сторонамъ старой французской монархіи, къ ея аристократизму, роскоши и внѣшнему блеску, — которыя привели къ революціи. Точно также внѣшнія и сдѣланныя уже смѣшными стороны рыцарства привлекли Павла Петровича къ мальтійскому ордену. Прямодушіе и благородствія Павла Петровича весьма преувеличены авторомъ. Вообще, сравнивая Екатерину и Павла, можно сказать, что первая дѣлала въ своихъ ошибкахъ и недостаткахъ является недюжинною личностью; Павелъ же, и въ хорошихъ своихъ сторонахъ, представляетъ личность неглубокую и ограниченную.

Чтобы реабилитировать фигуру Павла Петровича, г-ну Беку пришлось почти всецѣло возстановить въ памяти читателя скандальную дворцовую хронику прошлой половины вѣка и привести множество фактовъ безразличности, подозрительности, насилій, разладицы между словомъ и дѣломъ; но осталась безплодною. Это все равно, еслибъ кто нибудь вздумалъ подъ вліяніемъ разочарованій и реакцій второй половины царствованія Александра I, — оправдать и возвеличить личность Аракчеева, стараясь показать, что изъ этого фаворита и мейнщника вышелъ-бы совсѣмъ прекрасный человѣкъ, еслибъ не испортилъ въ молодости Павелъ I (который, кстати сказать, самъ открылъ, на пагубу Россіи, эту мрачную личность) и еслибъ Александръ I былъ болѣе твердъ, послѣдователемъ и благожелателемъ для своего народа. Болѣе правильные взгляды

и менѣе предвзятое изученіе фактовъ никакъ не приведуть къ возстановленію репутаціи тѣхъ личностей, которыя ничѣмъ не оправдываютъ снисхожденія и не достойны восхваленій. Это можетъ развѣ вызвать сожалѣніе объ участи странъ, гдѣ судьба народовъ зависитъ отъ тѣхъ случайностей, которыя даже лучшихъ по природѣ людей обращаютъ въ плохихъ и неустойчивыхъ слугъ государства и народа, содѣйствуя приниженію и извращенію личныхъ качествъ. При тѣхъ условіяхъ, когда народныя массы удерживаются въ стихійномъ состояніи, а общественные классы участвуютъ въ управленіи только косвеннымъ и контрбанднымъ путемъ, страна очень рѣдко и въ незначительныхъ дозахъ можетъ пользоваться услугами и трудами своихъ лучшихъ людей и развивать добрыя стороны своего народа. Напротивъ, если тѣ-же случайности поставятъ на вліятельномъ мѣстѣ такихъ уродливо-болѣзненныхъ личностей, каковы были, напримѣръ, Иванъ Грозный, Биронъ или Аракчеевъ, то надолго уничтожаются или задерживаются всѣ плоды самыхъ блестящихъ эпохъ, всѣ усилія добрыхъ годовъ и дѣла такихъ людей, какъ Петръ I, Екатерина II и Александръ I. Вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ бы, можетъ быть, самъ авторъ, еслибъ его изслѣдованія направлялись не къ воспроизведенію дворцовыхъ хроникъ и не къ изысканію въ нихъ причинъ, почему та или другая личность не была иною и вышла мрачною, вмѣсто того, чтобы, по добродѣтельному желанію автора, оказаться свѣтлою. Подобныя задачи нѣсколько напоминаютъ глубокомысленныя догадки о томъ, что произошло бы тогда, «когда бы бабушка да была дѣдушкою». Для судебъ же русскаго народа гораздо важнѣе выяснить тѣ причины, отъ которыхъ и самыя благопріятныя эпохи заражаются разными дурными вліяніями и послѣдствіями. Самое пытлиное изслѣдованіе нашло бы благодарную задачу въ разрѣшеніи вопроса: почему блестящій вѣкъ Екатерины создалъ Павла I-го и его странное царствованіе, а Александровскіе свѣтлые годы и благія начинанія разразились удручивою аракчеевщиною и привели на цѣлыя тридцать лѣтъ къ мертвенному застою?

Сназь о тульскомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ. Н. Лѣскова.
(Сеховая легенда). Спб. 1882 г.

Примѣненіе машинъ къ производству, какъ извѣстно, нивелировало трудъ. Въ простой мастерской, гдѣ примѣнялся ручной трудъ, человѣкъ, чтобы прославиться, долженъ былъ выдѣлиться талантомъ и изобрѣтательностью; при машинномъ же производствѣ, съ раздѣленіемъ труда, человѣкъ превращается въ живой винтикъ при станкѣ, обрабатывающій какую нибудь сотую долю цѣлой вещи. О вредномъ, притупляющемъ вліяніи машинъ, о закрѣпощеніи рабочаго въ фабричномъ дѣлѣ, о ли-

шеніи его возможности самому вести производство—было уже говорено политико-экономами. Всемирный рынок характеризуется борьбою капиталиста-хозяина и наемного бочаго, не имѣющаго средствъ завести сложную систему шиннаго производства. Въ этой неровной борьбѣ, разумѣетъ рабочій ничего до сихъ поръ не выигралъ и его современное положеніе, сравнительно съ тѣмъ, которое онъ занималъ времена мелкаго ремесленнаго производства, — стало несравненно хуже. По крайней мѣрѣ, современный рабочій, не ставъ на себя ужасъ стараго, добраго времени, вспоминаетъ о немъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ легендарнымъ умиленьемъ. Н. Лѣсковъ записалъ одну изъ такихъ легендъ со словъ тульского оружейника, вспоминающаго времена Александра Платовича и Николая, когда простой мастеръ могъ отличиться изобрѣтательностью и быть разцѣлованнымъ за это Государемъ. Машина не даетъ возможности отличиться индивидуальному дарованію, пока сама она не улучшена. Пестонародный гений объ этомъ скорбитъ и утѣшается тѣмъ, что когда-то было иначе. За немѣнѣемъ лучшей дѣятельности, человѣкъ всегда склоненъ мечтать о золотомъ вѣкѣ, который миновалъ за его спиною. Сказъ г. Лѣскова написанъ бойко, занимательно, и вѣрно передаетъ черты нежественнаго народа, смотрящаго на иностранца и его цивилизацію, какъ на нѣкую «гниль». Московскіе старовѣры славянофильства во многомъ напоминаетъ тульского Лѣвшу: «Заплатить не въ примѣръ... Гдѣ англичанину превзойти русскаго? Онъ стальную блоху выкуетъ, а мы ей подковы подкуемъ—потоньше и похитрѣе. А ужъ нашъ псалтырь, да полусонинъ помудренѣе заграничныхъ наукъ, да и потолще ихъ». Гдѣ же съ нами равняться! Неужто-жъ наша сила возьметъ?.. Денегъ не хватитъ... зачѣмъ деньги? не хватаетъ денегъ, царь велитъ еще надѣлать. Случись у нашего царя неустойка,—наборъ сбѣгаетъ, а то всѣ пойдемъ, какъ приважетъ»... и т. д.

Наивный духъ этой пернобытной формулы: «наша сила только рыло въ крови»,—въ рассказѣ г. Лѣскова хорошо переданъ, хотя трудно уловить, какъ самъ авторъ относится къ этой наивности. Содержание рассказа незамысловато. Александръ Платовъ, бывши за границую, восхищался тамошними выставками, особенно стальной блохой, которую ему продали. Но тульскіе мастера превзошли англичанъ: они стальную блоху подковали. Потомъ рассказывается, какъ тульскій Лѣвшу вѣдиль за границую, какъ онъ умно себя тамъ держалъ, хотя и былъ безъ просыпу пята. Цеховая легенда вѣрно передаетъ самоимѣніе народа, который не имѣлъ возможности сравнивать свои порядки и мировоззрѣніе

ніе съ порядками и взглядами другихъ, болѣе образованныхъ націй. «Кружковая» жизнь, хотя бы она обнимала цѣлую массу, всегда создаетъ, рядомъ съ рутинной и застоющей, надменное самоуваженіе швейцара, кичащагося своимъ общественнымъ положеніемъ...

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Чахоточныя бактеріи.—Новый способъ лѣченія чахотки.—Маларійный паразитъ.—Зародыши маляріи въ почвѣ.—Новыя примѣненія электричества: электризація вина, электрической указатель мелей, электрической указатель подземныхъ водныхъ источниковъ. — Утилизація морскихъ волей. — Будущее электричества.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, біологическою наукою сдѣлано въ высшей степени важное пріобрѣтеніе, представляющее по истинѣ громадный теоретическій и практический интересъ: — мы говоримъ объ открытіи нѣмецкимъ врачомъ Кохомъ бугорковыхъ бактерій, обуславливающихъ бугорчатку и являющихся, такимъ образомъ, настоящимъ бугорковымъ ядомъ. Но прежде, чѣмъ начать рѣчь о самомъ открытіи, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое «бугорокъ» и «бугорчатка».

Терминомъ «бугорчатка» въ медицинѣ обозначается одна изъ самыхъ убійственныхыхъ болѣзней, ежегодно уносящая въ преждевременную могилу громадное количество жертвъ. Неспеціалистамъ она извѣстна почти исключительно подъ формою легочной и гортанной бугорчатки, или «чахотки». Благодаря тому, что чаще всего, — хотя далеко не всегда, — она начинается съ легкихъ и обнаруживается здѣсь чрезвычайно рѣзкими, бросающимися въ глаза симптомами, — публика и склонна смотрѣть на нее, какъ на специальное страданіе дыхательныхъ органовъ. Но такой взглядъ совершенно ошибоченъ: бугорчатка — совѣсь не мѣстная, а общая болѣзнь, въ большей или меньшей степени поражающая почти всѣ органы человеческого тѣла, зависящая, какъ полагали до сихъ поръ, отъ особеннаго худосочія организма и характеризующаяся присутствіемъ въ пораженныхъ ею тканяхъ своеобразныхъ тѣлецъ, извѣстныхъ въ наукѣ подъ именемъ бугорковъ. Бугорокъ (*tuberculum*) есть патологическое новообразованіе, по строенію своему очень похожее на дольку нормальной лимфатической железы; онъ состоитъ изъ мелкихъ, круглыхъ клѣ-

токъ, величиною своею не превышающихъ размѣровъ бѣлаго кровяного шарика и расположенныхъ въ тонкой сѣти нѣжной соединительной ткани; среди этихъ влѣтокъ, то тутъ, то тамъ, попадаются и чрезвычайно большія, такъ называемыя «исполинскія влѣтки», или «влѣтки-великаны», которыя однакоже не представляютъ ничего характернаго для бугорка, такъ какъ встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ совершенно нормальныхъ тканяхъ. Отдѣльный бугорокъ, въ развитомъ состояннн, обыкновенно бываетъ не больше булавочной головки или маленькаго просянаго зернышка;—отсюда и присвоенное ему названіе—просовидный, или миліарный (отъ *milium*—зерно). Просуществовавъ нѣкоторое время въ формѣ влѣточного конгломерата, онъ затѣмъ подвергается распаденію: крайне нестойкіе ячеистые элементы его, а также и связывающія ихъ волокна соединительной ткани разрушаются, обращаются въ творожистую кашицу, причѣмъ на мѣстѣ распавшагося новообразованія получается, смотря по положенію этого послѣдняго, или поверхностное изъязвленіе,—какъ это имѣетъ мѣсто, напр., на слизистой оболочкѣ кишки или гортани,—или-же маленькая язвенная полость въ толщѣ ткани (легкаго, почки, селезенки и т. д.). Такъ какъ высыпаніе бугорковъ, замѣщающихъ собою надлежащія ткани, происходитъ обыкновенно въ весьма значительныхъ размѣрахъ,—цѣлыми кучами или гнѣздами,—то отдѣльные изъязвленные пункты мало-по-малу сливаются, и въ результатъ болѣзненнаго процесса оказывается большее или меньшее разрушеніе органовъ, въ концѣ концовъ неизбѣжно приводящее къ смерти.

Подъ вліяніемъ какихъ именно причинъ происходитъ образованіе злокачественныхъ бугорковыхъ узелковъ,—это до самаго послѣдняго времени оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Ссылка специалистовъ на дурныя гігіеническія условія жизни, на вредныя наслѣдственныя вліянія и т. п. не давала въ сущности никакихъ опредѣленныхъ указаній на происхожденіе болѣзни, такъ какъ, съ одной стороны, упомянутые этиологическіе факторы, вообще ослабляющіе организмъ и дѣлающіе его менѣ стойкимъ и болѣе склоннымъ къ заболѣваніямъ, способствуютъ возникновенію, помимо бугорчатки, и большинства другихъ болѣзненныхъ формъ и слѣдовательно къ интересующему насъ теперь страданію не имѣютъ никакого спеціальнаго отношенія;—а съ другой, развитіе бугорчатки нерѣдко происходитъ и при отсутствіи указанныхъ болѣзнетворныхъ моментовъ. Въ виду этихъ фактовъ, все вниманіе ученыхъ сосредоточивалось на изслѣдованнн самихъ бугорковъ; но и это изслѣдованіе мало способствовало разъясненію вопроса: ничего такого, что могло бы

пролить хоть какой нибудь свѣтъ на генезисъ болѣзни, микроскопъ не отрывалъ въ загадочныхъ узелкахъ, состоящихъ, какъ уже замѣчено выше, изъ элементовъ, вовсе не чуждыхъ организму.—Что-же касается до того, можетъ-ли бугорчатка передаваться отъ одного индивидуума къ другому, то на этотъ счетъ наука давала отвѣтъ отрицательный: громадное большинство медицинскихъ авторитетовъ считало бугорчатку совсѣмъ не заразительною. Правда, въ литературу занесено было немало фактовъ, повидимому свидѣтельствовавшихъ о томъ, что бугорчатка можетъ сообщаться отъ пораженного ею субъекта къ здоровымъ, и слѣдовательно обнаруживаетъ заразительный характеръ. Такъ, извѣстенъ былъ случай, въ которомъ собака, обыкновенно съдавшая мокроту своего туберкулезнаго господина, заболѣла и умерла отъ туберкулеза; знали также и тотъ фактъ, что лица, ухаживающія за чахоточными больными, нерѣдко и сами погибаютъ отъ такой-же болѣзни и что прививка свѣжихъ бугорковъ или даже просто мокроты туберкулезныхъ больныхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вызываетъ у животныхъ обильное высыпаніе бугорковъ и затѣмъ смерть. Но все это были единичные факты, которые, въ виду полной безуспѣшности попытокъ получить заражающее вещество въ чистомъ видѣ, не могли поколебать прочно установившагося въ ученомъ мірѣ мнѣнія о незаразительности чахотки, тѣмъ болѣе, что имѣлись научныя основанія истолковать ихъ и инымъ образомъ, не прибѣгая къ теоріи прямого зараженія.—Въ такомъ положеніи находился вопросъ о чахоткѣ, когда докторъ Кохъ обнаруживалъ блестящіе результаты своихъ изслѣдованій о туберкулезныхъ бактеріяхъ.

Изучая подъ микроскопомъ спеціально обработанные и окрашенные препараты изъ свѣжаго бугорка, помянутый ученый открылъ въ нихъ присутствіе особенныхъ тонкихъ палочекъ (*bacillus*), великолѣпнаго сянга цвѣта, величиною не больше половины краснаго кровянаго шарика, имѣвшихъ всѣ свойства бактерій и нерѣдко заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку споръ. Это именно и были б у г о р к о в ы я б а к т е р і и, представляющія чрезвычайно большое сходство съ бактеріями проказы, но отличающіяся отъ нихъ нѣкоторыми особенностями при дѣйствіи извѣстныхъ химическихъ реагентовъ. Онѣ никогда не обнаруживаютъ самостоятельнаго движенія и, въ чистыхъ, не осложненныхъ формахъ бугорчатки, не сопровождаются обыкновенно никакими другими низшими организмами. Помѣщаются онѣ по большей части внутри бугорковыхъ ячеекъ, а гдѣ есть ячейки-великаны, то преиму-

цественно въ этихъ послѣднихъ, но немало встрѣчается ихъ также между клѣтками. Больше всего ихъ попадаетъ тамъ, гдѣ бугорковый процессъ свѣжъ и идетъ быстро впередъ; въ такихъ мѣстахъ онѣ располагаются цѣлыми кучами или пучками. Если же бугорокъ достигъ уже высшей стадіи своего развитія и начинаетъ распадаться, то число бактерий въ немъ видимо уменьшается, причѣмъ онѣ замѣчаются почти исключительно только у периферіи, въ болѣе свѣжихъ и молодыхъ частяхъ новообразованія; въ пунктахъ-же, подвергшихся распаденію ихъ совсѣмъ не оказывается. Такимъ образомъ, мы видимъ, что энергія бугоркового процесса прямо пропорціонна количеству бактерий. У одного это обстоятельство должно было навести на мысль, что между присутствіемъ паразитовъ и самимъ болѣзненнымъ процессомъ имѣетъ причинная связь. Мысль эта, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполне подтвердилась и другими данными изслѣдованій Коха, который находитъ бактерии во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ изслѣдованной имъ бугорчатки, — какъ самородной, такъ и искусственно вызванной самыми разнообразными способами, какъ у человѣка (въ 33 случаяхъ), такъ и у животныхъ (въ 228). Замѣтимъ при этомъ, что присутствіе бактерий было съ несомнѣнностью констатировано во всѣхъ органахъ, обыкновенно поражаемыхъ бугорчаткою: въ легкихъ, въ мозгу, печени, селезенкѣ, почкахъ, въ лимфатическихъ железахъ и т. д., и т. д.

Совмѣстность существованія бугорковъ и специфическихъ палочкообразныхъ бактерий была такимъ образомъ доказана съ полною очевидностію. Но одного этого было еще недостаточно, чтобы считать эти бактерии причиною бугорчатки; — нужно было получить и въ чистомъ видѣ и затѣмъ посмотрѣть, какіе результаты дастъ прививка ихъ здоровымъ животнымъ. Это именно и было сдѣлано Кохомъ причѣмъ блестящій успѣхъ произведенныхъ имъ въ этомъ направленіи многочисленныхъ опытовъ не оставилъ и тѣни сомнѣнія въ паразитическомъ происхожденіи чахоточнаго страданія.

Для искусственнаго размноженія, или культивировки бактерий необходима прозрачная и плотная питающая среда; наилучшею средою въ данномъ случаѣ оказалась сыворотка овечьей или бычачьей крови. Въ теченіе постепеннаго нагрѣванія въ хорошо закупоренномъ сосудѣ, въ которомъ убивались всѣ зародыши низшихъ организмовъ, которые могли бы попасть въ нее изъ атмосфернаго воздуха, и сама она обращалась въ довольно густую студенистую массу, на поверхности которой, съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей, и производился «посѣвъ»

горковых бактерий. Для посѣва обыкновенно брались вырѣзанный ножицами чрезвычайно маленький кусочек бугорковаго образованія изъ легкаго или лимфатической железы только что убитаго животнаго. Въ большинствѣ случаевъ, по прошествіи семи или десяти дней, на поверхности студени начинали образовываться небольшіе островки, представлявшіе собою колоніи размножившихся бактерий. Минимальная частица полученнаго островка переносилась затѣмъ въ другой сосудъ съ тою же самою питательною средою, — оттуда въ третій, изъ третьяго въ четвертый и т. д. Путемъ такихъ послѣдовательныхъ «культуръ», бактерий получались въ совершенно чистомъ видѣ, безъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Прививка культивированныхъ такимъ образомъ бактерий различнымъ животнымъ во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ давала положительный результатъ: инокулированные животныя (морскія свинки, крысы, мыши, голуби, кролики, кошки, собаки) неизмѣнно заболѣвали ясно выраженою бугорчаткою, причемъ микроскопъ отрывалъ въ ихъ органахъ безчисленныя группы туберкуловъ съ цѣлыми колоніями бактерий, въ то время какъ у индивидуумовъ, служившихъ для контроля опытовъ и не подвергавшихся инокуляціи, не оказывалось, — ни при жизни, ни при аутопсіи, — ни малѣйшихъ признаковъ бугорчатки. Итакъ, бугорковыя бактерии являются не простыми только спутниками бугорчатки, но прямою причиною ея, — таково конечный выводъ, къ которому пришелъ Кохъ на основаніи своихъ тщательныхъ наблюденій.

Температура, при которой развиваются чахоточныя бактерии, колеблется въ предѣлахъ 30—41° по Ц.; слѣдовательно, наиболѣе благоприятною для нихъ средою оказывается организмъ теплокровныхъ животныхъ. Заражаютъ онѣ собою этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, черезъ дыхательные органы; — этимъ вполнѣ объясняется какъ то обстоятельство, что самородный туберкулёзъ, въ большинствѣ случаевъ, обнаруживается прежде всего въ легкихъ, такъ и тотъ фактъ, что здоровыя животныя, запертыя въ одну кѣтку вмѣстѣ съ больными, нерѣдко заболѣваютъ и умираютъ отъ чахотки. — По крайней мѣрѣ, въ половинѣ всѣхъ случаевъ мокрота, отдѣляемая чахоточными больными, очень богата бактеріями и не лишается своихъ заразительныхъ свойствъ даже и при высыханіи; прививка такой мокроты всегда очень вѣрно вызываетъ туберкулёзное заболѣваніе. Поэтому тщательная дезинфекція мокроты чахоточныхъ, а также ихъ платья, постелей и т. д., должна быть поставлена въ первомъ ряду всѣхъ профилактическихъ мѣръ. Изъ всего того, что

сказано было выше, ясно видно, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ можетъ приводить спанье въ одной постели съ туберкулёзными больными и какъ опасно оставлять такихъ больныхъ въ общихъ госпитальныхъ палатахъ. — Другимъ важнымъ источникомъ зараженія бугорчаткою является мясо и молоко коровъ, которыя нерѣдко страдаютъ жемчужною болѣзью, — одною изъ формъ туберкулёза, — и у которыхъ бугорки сплошь и рядомъ развиваются также и въ молочныхъ железахъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства, слѣдуетъ настоятельно рекомендовать употреблять молоко въ пищу только послѣ предварительнаго кипяченія.

Какое обширное и плодотворное поле для дальнѣйшихъ изслѣдованій открывается передъ учеными, благодаря въ высокой степени интересному и важному открытію Коха, — объ этомъ едва-ли стоитъ и говорить. Разъ найдена причина туберкулёзной болѣзни, становится возможнымъ, съ полною надеждою на успѣхъ, искать раціональныхъ средствъ для устраненія этой причины. Теперь мы съ увѣренностью можемъ рассчитывать на то, что сдѣланное Дженнеромъ для оспы, а Пастеромъ для сибирской язвы, не сегодня-завтра, въ той или другой формѣ, будетъ сдѣлано также и для туберкулёза, и такимъ образомъ страдающее человечество будетъ избавлено отъ одного изъ самыхъ ужасныхъ бичей, — чахотки... Въ заключеніе замѣтимъ, что тотъ же самый методъ изслѣдованія, которому мы обязаны открытіемъ чахоточныхъ бактерій, имѣетъ, по мнѣнію Коха, всѣ шансы на успѣхъ и въ примѣненіи къ сифилису, сапу, а также, по всей вѣроятности, и къ большей части другихъ заразительныхъ болѣзней. Если мнѣніе это оправдается, — въ чемъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе, — то вся современная медицина преобразится такъ-же радикально, какъ преобразилась астрономія послѣ открытій Галлилея, Беплера, Ньютона, какъ преобразилась биологія подъ вліяніемъ ученія Дарвина. —

Въ ожиданіи того, пока медицинская наука, идя по пути, указанному Кохомъ, откроетъ вѣрное средство для предупрежденія чахотки, мы сообщимъ здѣсь объ одной интересной новости, которая можетъ пролить свѣтлый лучъ надежды въ сердца людей, страдающихъ этою страшною болѣзью.

Какъ извѣстно, чахотка считалась до сихъ норъ неизлѣчимою; медицина была совершенно безсильна бороться съ нею и, стараясь разными палліативами только облегчать субъективные страданія больныхъ, обрекала этихъ послѣднихъ на неизбѣжную гибель. Смерть наступала обыкно-

венно при симптомахъ крайняго истощенія, являвшагося результатомъ полнаго и ничѣмъ непоправимаго упадка питанія организма. Безнадежность положенія обуславливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что врачу приходилось вертѣться въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго, казалось, не было никакого выхода: не поддававшаяся прямому лѣченію болѣзнь подрывала питаніе и истощала силы пациента; на истощенной-же почвѣ болѣзненный процессъ становился еще интенсивнѣе и энергичнѣе, чѣмъ прежде, и дѣйствовалъ еще болѣе ослабляющимъ образомъ, вслѣдствіе чего болѣзнь прогрессировала съ новою силою, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока не наступало окончательное фізіологическое банкротство организма, т. е. смерть. Найти средство противодѣйствовать этому губельному упадку питанія и силъ значило-бы отсрочить роковой конецъ на болѣе или менѣе продолжительное время, а можетъ быть, и совсѣмъ остановить разрушительный болѣзненный процессъ. Поэтому, всѣ врачи и направляютъ при лѣченіи чахотки всѣ свои усилія на то, чтобы хорошею гигиеническою обстановкою (пища, воздухъ и т. д.) поднять силы пациента, установить болѣе выгодное отношеніе между приходомъ и расходомъ въ экономіи больнаго организма; но, къ сожалѣнію, обыкновенный способъ назначенія питательной діеты не приводитъ къ желаннымъ результатамъ. Не смотря ни на какія мѣры, потерянный аппетитъ не восстанавливается, питаніе не улучшается, истощеніе идетъ себѣ да идетъ впередъ. Въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ, французскій врачъ Дебовъ (Debove), состоящій при парижскомъ госпиталѣ Бисетръ, пришелъ къ счастливой мысли объ искусственомъ, насильственномъ способѣ питанія чахоточныхъ больныхъ.

Первые опыты такого питанія оказались настолько удовлетворительными, что Дебовъ сталъ примѣнять свою систему ко всѣмъ чахоточнымъ больнымъ своего отдѣленія въ Бисетръ, а примѣру его не замедлилъ послѣдовать и Дюжарденъ-Бомецъ въ С. Антуанскомъ госпиталѣ. Оба эти экспериментатора, при кормленіи своихъ пациентовъ, пользуются обыкновеннымъ желудочнымъ сифономъ Фоше, представляющимъ собою каучуковую трубку, длиною въ полтора метра и діаметромъ въ одинъ сантиметръ. На высотѣ одной трети ея длины находится широкій круговой выступъ, а на противоположномъ концѣ къ ней придѣлана стеклянная воронка, вмѣстимостью въ одинъ литръ. Смочивши трубку въ теплой водѣ, самъ больной вводитъ ее свободнымъ концомъ въ ротъ и затѣмъ глотательными движеніями проталкиваетъ ее по пищеводу до тѣхъ поръ, пока вышеупомянутый выступъ не подойдетъ къ отверстию рта, что

служить указаніемъ на то, что конецъ сифона проникъ въ желудокъ. Замѣтимъ при этомъ, что введеніе или, вѣрнѣе, глотаніе трубки не требуетъ отъ больного ни малѣйшихъ усилій и совершается имъ съ крайнею легкостью. — Когда трубка введена, то въ воронку наливають тепловатой воды, промываютъ ею желудокъ, выпускаютъ воду и затѣмъ, — чувствуетъ-ли больной аппетитъ, или нѣтъ, — ему вводятъ черезъ ту-же воронку сравнительно весьма большія количества пищевыхъ веществъ, — молока, бобовой муки, яицъ, мяса. Последнее употребляется въ формѣ особеннаго, недавно появившагося препарата, — мяснаго порошка, который готовится слѣдующимъ образомъ: берется свѣжая сырая говядина, мелко изрубливается и кладется подъ прессъ для извлеченія сока, который смѣшивается съ молокомъ и въ такомъ видѣ вливается въ желудокъ больного, выжимки-же тщательно высушиваются, растираются въ ступкѣ и просѣиваются сквозь нѣжное шелковое сито, такъ что получается мельчайшій, похожій на муку, порошокъ, который въ высшей степени легко переносится и усваивается больными. Какъ велики выгоды, являющіяся въ результатѣ этой легкости и полноты усвоенія, — видно, между прочимъ, изъ того, что 600 граммъ порошка, по своей питательности, равны почти двумъ килограммамъ (около 4 фунтовъ) свѣжаго мяса.

Для полученія хорошихъ результатовъ, оказывается существенно необходимымъ постепенно увеличивать и увеличивать количество вводимыхъ пищевыхъ веществъ. Больные Дебова поглощаютъ такую массу пищи, съ которою не легко справился бы желудокъ и здороваго, сильнаго человѣка. Три литра цѣльнаго молока, съ мяснымъ сокомъ и бобовой мукой, дюжина сырыхъ яицъ и 600 граммъ мяснаго порошка, — такова ихъ дневная порція!... При этомъ замѣчательно, что больные очень хорошо выносятъ такой пищевой режимъ, не подвергаясь никакимъ расстройствамъ пищеваренія. Что же касается до результатовъ, то они по истинѣ поразительны: у субъектовъ съ далеко подвинутыми впередъ разрушительнымъ процессомъ въ легкихъ и находившихся, повидимому, въ совершенно безнадежномъ положеніи, аппетитъ усиливался, лихорадка уменьшалась, изнурительный ночной потъ совсѣмъ прекращался, диарея останавливалась, количество отдѣляемой мокроты быстро убывало и, въ довершеніе всего, происходила весьма значительная прибыль въ вѣсѣ. Такъ, одинъ изъ больныхъ Дебова въ два мѣсяца увеличился въ вѣсѣ на 12 килограммовъ (болѣе 25 фунтовъ). На глазахъ изумленныхъ врачей совершилось такимъ образомъ настоя-

шее чудо: благодаря усиленному питанію, люди чуть не въ буквальный смыслъ слова воскресали изъ мертвыхъ.... Что-же дѣлалось въ это время съ ихъ основною болѣзнью, уже успѣвшюю произвести большія или меньшія разрушенія?.. Дальнѣйшее развитіе ея останавливалось, начинался процессъ выздоровленія, какъ объ этомъ недвусмысленно свидѣтельствуетъ слѣдующій знаменательный фактъ. Одинъ изъ больныхъ, значительно уже поправившійся подъ вліяніемъ только что описаннаго лѣченія, пренебрегъ какими-то совѣтами врача относительно образа жизни и за это пренебреженіе поплатился жизнью. При вскрытіи, въ верхушкахъ обоихъ легкихъ оказались громадныя каверны (извѣсныя полости), стѣнки которыхъ, вмѣсто обычныхъ въ такихъ случаяхъ продуктовъ распаденія тканей, были покрыты прекрасными грануляціями, подобными тѣмъ, которыя замѣчаются на поверхности заживающихъ язвъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что грануляціи эти, разъ появившись, съ теченіемъ времени совершенно заполнили-бы собою каверны, которыя въ концѣ концовъ затянулись-бы рубцемъ, и большой такимъ образомъ совсѣмъ выздоровѣлъ-бы, еслибы велъ себя осторожно... Къ сожалѣнію, въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками клиническихъ исторій болѣзни пациентовъ, лѣчившихся по способу Дебова, и не знаемъ, какой конечный результатъ дали опыты этого послѣдняго; но, судя по всему вышесказанному, мы можемъ съ увѣренностью предположить, что многіе изъ этихъ пациентовъ вышли изъ госпиталя, совершенно избавившись отъ своей ужасной болѣзни. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшія изысканія въ направленіи, указанномъ Кохомъ, въ связи съ систематическимъ примѣненіемъ метода Дебова, дадутъ намъ возможность въ самомъ недалекомъ будущемъ сказать: нѣтъ болѣе чахотки!..

Паразитарная теорія болѣзней съ каждымъ днемъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи, приобрѣтая все новые и новые факты для своего подтвержденія. Въ pendant къ тому, что сказано было выше о бугорковыхъ паразитахъ, мы сообщимъ здѣсь о чрезвычайно любопытныхъ результатахъ изслѣдованій доктора Лаверана, касающихся малярии, или перемежающейся (болотной) лихорадки.

Изслѣдованія эти производились названнымъ ученымъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, въ классической странѣ лихорадокъ, — въ Алжирѣ. При микроскопическомъ изученіи внутренности субъектовъ, умершихъ отъ злокачественной малярии, Лаверанъ убѣдился въ томъ, что единственнымъ постояннымъ признакомъ болѣзни оказывается присутствіе въ крови пигментированныхъ тѣлецъ, въ большемъ или меньшемъ

количествѣ находимыхъ во всѣхъ органахъ, особенно же въ печени и селезенкѣ, которымъ они придаютъ очень характерную бурюю окраску. Фактъ этотъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, былъ извѣстенъ сравнительно давно; вопросъ заключался только въ томъ, что такое представляютъ собою эти загадочныя тѣльца. Большинство медицинскихъ авторитетовъ склонялось къ той мысли, что они ничто иное, какъ неразтворимыя зернышки красящаго вещества нормальныхъ элементовъ крови, а именно, красныхъ кровяныхъ шариковъ, разрушающихся подъ влияніемъ болотнаго яда. Своими новѣйшими наблюденіями и изслѣдованіемъ Лаверанъ съ несомнѣнностью доказалъ, что мысль эта была совершенно ошибочна; оказалось, что вышеупомянутыя пигментныя зерна обязаны своимъ происхожденіемъ совсѣмъ не кровянымъ шарикамъ, а паразитнымъ организмамъ, которые, при увеличеніи въ 400—500 разъ, представляются въ слѣдующихъ формахъ, соответствующихъ тремъ различнымъ ступенямъ ихъ развитія. Тѣльца п^о1 (по терминологіи автора) суть продолговатыя образования, полудунной или овальной формъ, съ очень рѣзкими контурами, величиною гораздо меньше кровянаго шарика; они совершенно неподвижны, прозрачны и безцвѣтны, за исключеніемъ средней части, которая, благодаря присутствію пигментныхъ зернышекъ, имѣетъ черноватый цвѣтъ. По мѣрѣ своего роста, они все болѣе и болѣе округляются и постепенно переходятъ въ тѣльца п^о2. Въ этой послѣдней формѣ, они по величинѣ своей равняются кровяному тѣлцу и представляются сферическими, безцвѣтными и подвижными. Зернышка пигмента, — смотря по тому, находится тѣлце въ покоѣ или движеніи, — расположены или правильнымъ кольцомъ, или же разбросаны въ безпорядкѣ и постоянно перемѣняютъ свое мѣсто. Характеристическая особенность тѣлецъ этого рода заключается въ томъ, что они снабжены длинными нитевидными отростками, которые находятся въ постоянномъ и быстромъ движеніи, не прекращающемся и послѣ того, какъ нить оторвется отъ тѣльца и станутъ самостоятельными. Когда произойдетъ отдѣленіе отростковъ, тѣльца снова становятся неподвижными и представляютъ тогда форму п^о3. Въ виду самостоятельнаго и притомъ очень характернаго движенія тѣлецъ и въ особенности ихъ отростковъ, нельзя было ни минуты сомнѣваться въ томъ, что тѣльца эти суть ничто иное, какъ паразиты. Исторія развитія ихъ, по Лаверану, имѣетъ: тѣлце п^о1 представляетъ собой молодую недоразвившуюся кисту, т. е. мѣшечекъ съ зародышами, или спорами низшихъ организмовъ; въ тѣлцѣ или кистѣ п^о2 споры эти проходятъ всѣ стадіи эволюціоннаго процесса.

пробуравливают оболочку кисты, обращаются въ нитевидныя образованія и становятся затѣмъ свободными, зрѣлыми организмами, послѣ чего, выполнившая свою физиологическую функцію, опорожненная киста умираетъ (тѣльце п°3).

Только что описанные паразиты встрѣчаются въ крови почти во всѣхъ случаяхъ малярійнаго страданія и вполне отсутствуютъ въ болѣзняхъ, не имѣющихъ отношенія къ болотному зараженію. Количество ихъ прямо пропорціонально силѣ и серьезности заболѣванія: чѣмъ злокачественнѣе случай перемежающейся лихорадки, тѣмъ и паразитныхъ элементовъ въ крови оказывается больше. Всего многочисленнѣе, — и притомъ въ наиболѣе характерной формѣ (тѣльца п°2), — бываютъ они въ самомъ началѣ лихорадочнаго приступа; — это до такой степени вѣрно, что по микроскопической картинѣ можно бываетъ съ положительностью сказать, въ какой моментъ болѣзни изслѣдуемая кровь взята отъ больного. Если этотъ послѣдній принималъ уже хининъ, то паразитныхъ тѣлецъ въ крови его или не встрѣчается совсѣмъ, или же они попадаютъ только въ нѣкоторыхъ излюбленныхъ ими органахъ (селезенка, печень) и притомъ въ очень ограниченномъ количествѣ. Очевидно, хинныя соли убиваютъ ихъ, въ чемъ можно убѣдиться и непосредственнымъ наблюденіемъ: стоитъ только къ микроскопическому препарату крови прибавить даже минимальное количество очень слабого хиннаго раствора, какъ движеніе тѣлецъ и нитей тотчасъ же прекращается и въ полѣ зрѣнія оказываются исключительно однѣ мертвыя кисты (тѣльца п°3). Есть основанія думать, что хининъ быстро убиваетъ только вполне развитыхъ паразитовъ, на зародыши же ихъ дѣйствуетъ гораздо медленнѣе и слабѣе. Еслибы этотъ, еще не вполне установленный, фактъ оказался вѣрнымъ, то онъ далъ бы намъ возможность объяснить рецидивы маляріи, сплошь и рядомъ являющіеся послѣ прекращенія хиннаго лѣченія.

Основываясь на вышеприведенныхъ данныхъ, можно смѣло предположить, что низшіе организмы, открытые Лавераномъ въ крови у страдающихъ маляріею, и являются тѣмъ самымъ «болотнымъ ядомъ», отъ зараженія которымъ происходитъ названная болѣзнь. Для того, чтобы это предположеніе обратилось въ несомнѣнную истину, недостаетъ только контрольныхъ опытовъ искусственной культивировки и прививки малярійныхъ паразитовъ, — опытовъ, подобныхъ тѣмъ, которые были произведены Кохомъ съ чахоточными бактеріями. Но Лаверанъ не закончилъ еще своихъ изслѣдованій, въ результатѣ которыхъ мы, по всей вѣроят-

ности, будемъ имѣть опытное доказательство вышеупомянутой гипотезы, опирающейся и теперь уже на весьма солидныя основанія.

Прекраснымъ дополненіемъ къ изслѣдованіямъ Лаверана о маляріи-номъ паразитѣ (*Bacillus malariae*) являются работы венгерскаго ученаго, *Rozsahegyi*,—васающіяся другой стороны того же самаго предмета. Этотъ изслѣдователь нашелъ, что почва мѣстностей, въ которыхъ перемежающаяся лихорадка сильно распространена, переполнена зародышами заразительныхъ бактерій. Если взять нѣсколько частицъ такой почвы и съ надлежащими предосторожностями, — о которыхъ мы упоминали выше, говоря о Коховскомъ открытіи, — помѣстить ихъ въ растворъ рыбьяго клея, то обыкновенно не позже, какъ черезъ двое сутокъ, происходитъ обильное размноженіе бактерійныхъ организмовъ. Такъ какъ земля представляетъ собою среду, неблагоприятную для развитія этихъ организмовъ, то послѣдніе встрѣчаются въ ней только въ формѣ споръ, быстро обращающихся въ развитыя палочки по переносѣ въ питательную среду. Чѣмъ среда эта благоприятнѣе, тѣмъ и бактерійныя нити становятся болѣе толстыми и длинными, причемъ число споръ въ нихъ увеличивается; но по мѣрѣ того, какъ питательный матеріалъ уменьшается и дѣлается недостаточнымъ, бактеріи снова принимаютъ зародышевую форму. Вполнѣ развитые организмы оказываются несравненно менѣе стойкими, чѣмъ ихъ споры, которыя обладаютъ во истинѣ изумительною живучестью. Опыты *Rozsahegyi* показали, что споры погибаютъ только въ томъ случаѣ, если онѣ подвергаются дѣйствию температуры въ 90—195° Ц., и притомъ, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе двухъ часовъ; съ другой стороны, оказалось, что онѣ легко переносятъ и весьма значительныя степени холода. Отсюда слѣдуетъ, что времена года, съ температурными различіями, не оказываютъ никакого вліянія на ихъ жизнѣдѣтельность, что послѣдняя стоитъ въ зависимости только отъ степени влажности или сухости почвы и отъ большаго или меньшаго обилія въ ней питательныхъ органическихъ веществъ.—

Низшіе организмы, о болѣзнетворныхъ разновидностяхъ которыхъ мы только что говорили, принимаютъ, какъ извѣстно, весьма дѣятельное участіе и въ процессахъ броженія всякаго рода, — между прочимъ, и въ броженіи вина. За самое послѣднее время, открыто прекрасное средство для ускоренія этого процесса и для улучшенія качества получаемаго напитка. Средство это заключается въ примѣненіи электричества и найдено было совершенно случайно. Въ одной изъ виноградныхъ мѣстностей въ Франціи, молнія ударила въ винный погребъ и прошла черезъ бочку съ

молодымъ виномъ. Оставшееся въ полуразрушенной бочкѣ вино было испробовано и оказалось несравненно лучшаго достоинства, чѣмъ до «несчастнаго случая». Такъ какъ измѣненіе свойствъ вина произошло тотчасъ же вслѣдъ за прохожденіемъ черезъ него молніи, то это обстоятельство и навело на мысль испытать дѣйствіе электрическаго тока на молодой виноградный продуктъ. Успѣхъ опытовъ, пока еще немногочисленныхъ, превзошелъ всѣ ожиданія. Оказалось, что сравнительно слабый токъ небольшой машины Грамма, въ теченіе какого нибудь часа, измѣняетъ вино до неузнаваемости: изъ остраго, терпскаго, кислаго и вообще мало годнаго для употребленія оно дѣлалось мягкимъ, нѣжнымъ, пріятнымъ на вкусъ, приобретаая всѣ свойства состарѣвшагося продукта. Въ силу чего происходитъ такая метаморфоза, это еще не выяснено окончательно, а потому мы здѣсь и не будемъ касаться этого вопроса; замѣтимъ только, что электричеству суждено, повидимому, произвести въ винодѣліи такой же переворотъ, какой оно успѣло уже совершить во многихъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности.—

Пользуясь случаемъ, скажемъ здѣсь еще о двухъ новыхъ и весьма важныхъ примѣненіяхъ электричества.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ нью-іорской гавани производились очень интересные опыты надъ электрическимъ баканомъ, честь устройства котораго принадлежитъ инженеру Бишье. Извѣстно, что въ настоящее время, при входѣ во многіе морскіе порты, установлены, для указанія мелей или подводныхъ камней, баканы съ автоматически-дѣйствующимъ свисткомъ. При помощи очень простаго приспособленія, движеніемъ поднимающихся и опускающихся волнъ, въ особенный резервуаръ бакана, плавающего на поверхности воды, нагнетается воздухъ, который съ силою устремляется въ отверстію свистка и такимъ образомъ заставляетъ этотъ послѣдній издавать рѣзкіе звуки, предупреждающіе моряковъ объ опасности. Какъ ни практичны подобные свистки, но тѣмъ не менѣе они страдаютъ однимъ очень важнымъ недостаткомъ: ночью, когда свѣтящаго бакана совсѣмъ не видно, очень легко ошибиться относительно мѣста, съ котораго раздается свистъ. Въ виду этого неудобства, Бишье пришелъ къ мысли освѣщать звучащій баканъ электрическимъ свѣтомъ, который производился бы такъ же автоматически, какъ и звукъ. Съ этой цѣлью онъ снабдилъ баканъ небольшою динамо-электрическою машинкою Грамма и эдиссоновскою электрическою лампою. Сжатый воздухъ вышеупомянутаго резервуара, производя свистъ, приводитъ въ то же время въ движеніе и машинку, которая моментально развиваетъ токъ, настолько

сильный, что свѣтъ въ лампѣ поддерживается въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Спадеть волна, сдавливающая воздухъ въ резервуарѣ бакана, — и свѣтъ, равно какъ и звукъ, прекращается; съ новымъ подъемомъ волны, баканъ снова свиститъ и свѣтитъ. Въ тихую погоду, когда движеніе воды незначительно, почти совсѣмъ бездѣйствуетъ и баканъ; зато, тѣмъ сильнѣе волненіе и, слѣдовательно, опасность для кораблей больше. Тѣмъ и свистъ его становится энергичнѣе, и свѣтъ интенсивнѣе, продолжительнѣе... При испытаніяхъ, дѣйствіе аппарата Бижье оказалось вполне удовлетворительнымъ, что заставляетъ думать, что аппаратъ этотъ не замедлитъ войти во всеобщее употребленіе.

Другая новость, о которой мы намѣреваемся сказать нѣсколько словъ, заключается въ примѣненіи двухъ электрическихъ приборовъ, — микрофона и телефона, — въ открытію подземныхъ водяныхъ источниковъ. — Вѣроятно, каждый изъ читателей знаетъ, какъ трудно бываетъ благодаря полному отсутствію какихъ бы то ни было надежныхъ признаковъ, указать такое мѣсто на поверхности земли, на которомъ, при рытьѣ или буреніи колодца на небольшой глубинѣ, можно было бы съ увѣренностью рассчитывать найти подземный ключъ воды. Выборъ мѣста для колодца въ большинствѣ случаевъ дѣлается наугадъ, причемъ очень часто на пунетахъ, избранныхъ для работъ, воды или совсѣмъ не встрѣчается, — такъ что затраченный трудъ пропадаетъ совершенно даромъ, — или же находится она слишкомъ глубоко и устройство колодца обходится такимъ образомъ слишкомъ дорого. Средство, дающее возможность безошибочно распознавать мѣста нахождения воды, было узвано недавно однимъ тирольскимъ землевладѣльцемъ. Состоитъ оно въ томъ, что на мѣстахъ, гдѣ подозрѣвается присутствіе водяныхъ жѣлъ, устанавливаются микрофоны, связанные обыкновенными проводочными проводниками съ телефонами. Съ наступленіемъ ночи, когда водворяется тишина, прикладывая телефонъ къ уху, можно бываетъ весьма отчетливо слышать журчаніе воды, если только микрофонъ установленъ на мѣстѣ, соответствующемъ подземному источнику. Насколько этотъ простой способъ гарантируетъ отъ ошибокъ, видно изъ того, что, по словамъ вышеупомянутаго землевладѣльца, не было еще случая, въ которомъ показанія микрофона не оправдались бы на дѣлѣ. Излишне полагать, и распространяться о томъ, какую громадную пользу можетъ принести это открытіе, — въ особенности для степныхъ мѣстностей, страдающихъ недостаткомъ воды.

Безконечно разнообразны въ настоящее время способы употребленія

электричества, безгранично поле примѣненія его въ практической жизни. Геній человѣка овладѣлъ этимъ могучимъ дѣятелемъ чуть не со вчерашняго дня, а между тѣмъ, куда ни обратишь взоръ, всюду видишь электричество, въ той или другой формѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, работающее на пользу человѣчества. Съ быстротою молніи оно разноситъ по земной поверхности наши мысли и рѣчи, приводитъ въ дѣйствіе всевозможные сигнальные аппараты, движетъ желѣзно-дорожные поѣзды, омнибусы, лодки, велосипеды, обѣщаетъ вывести воздухоплаваніе изъ того младенческаго состоянія, въ которомъ оно теперь находится, освѣщаетъ маяки, улицы, площади, общественныя зданія, соперничаетъ съ солнцемъ въ фотографіи и въ дѣлѣ культуры растений, вертитъ жернова мельницъ, является рабочею силою во всевозможныхъ механическихъ станкахъ и машинахъ, воздвѣываетъ землю, взрываетъ мины, служитъ цѣлебнымъ факторомъ у постели больного, плавитъ и очищаетъ металлы, даетъ жизнь гальванопластикѣ, помогаетъ фабрикаціи фарфора и многихъ красящихъ веществъ, улучшаетъ вкусъ алкоголя и винъ, играетъ на музыкальныхъ инструментахъ, рисуетъ и пишетъ перомъ Эдиссона, обнаруживаетъ мѣста подземныхъ источниковъ, замѣняетъ насѣдку при высиживаніи яицъ; при помощи особеннаго мундштука укрощаетъ взбѣсившуюся лошадь, и т. д., и т. д. Для одного только голаго перечисленія всѣхъ существующихъ въ настоящее время примѣненій его, понадобились бы цѣлыя страницы... Какъ рабочая сила, электричество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вытѣсняетъ всѣ другія силы, въ томъ числѣ и могучую силу пара, — стремясь такимъ образомъ къ исключительному господству во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго труда.

Но это господство наступитъ только тогда, когда нынѣшніе, сравнительно очень дорогіе, источники полученія электрическаго тока замѣнятся болѣе дешевыми, когда динамо-электрическія машины, — при помощи которыхъ вырабатывается теперь наибольшее количество электричества для промышленныхъ цѣлей, — будутъ приводиться въ движеніе не паромъ, а даровыми силами природы, — въ родѣ силы вѣтра, паденія воды и т. д. Съ каждымъ днемъ, утилизація этихъ силъ съ указанною цѣлью принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры; для примѣра здѣсь достаточно будетъ указать на готовые осуществиться грандіозные проекты утилизаціи водъ Ніагарскаго водопада и Роны (вблизи Женевы). Но благоприятныя условія для пользованія даровою силою падающихъ водъ встрѣчаются далеко не вездѣ; на вѣтеръ, какъ на силу очень не-

постоянную, рассчитывать много нельзя; другихъ же естественныхъ источниковъ силъ въ распоряженіи человѣка почти совсѣмъ не имѣется. Въ виду этого, уже съ давнихъ поръ вниманіе ученыхъ обращается на море, представляющее собою неисчерпаемый источникъ силы, продающей теперь совсѣмъ непродуцируемою для человѣка; — однако всѣ попытки овладѣть этою силою оказывались до сихъ поръ непрактичными, а потому и были преданы вполнѣ заслуженному забвенію.

За самое послѣднее время, явилась новая, оригинальная идея, имѣющая въ виду поработить вѣчно волнующееся море, заставить его работать на пользу человѣчества. Идея эта, отличающаяся замѣчательною простотою, принадлежитъ французскому инженеру, Виктору Гоше, реализуется въ слѣдующемъ аппаратѣ, модель котораго фигурировала на послѣдней промышленной выставкѣ въ Брюсселѣ. На солидной каменной кладкѣ, выстроенной въ морѣ недалеко отъ берега, помѣщается громадный колоколъ, имѣющій 24 метра въ діаметръ, 7 метровъ высоту и вѣсящій около 60,000 килограммовъ (почти 3750 пудовъ). Сбоку постройки, на поверхности воды, плаваетъ чрезвычайно большій и тяжелый (до 100,000 килограммовъ, или 6250 пудовъ) поплавочный слѣдующій за движеніемъ поднимающихся и опускающихся волнъ. При помощи канатовъ и цѣлой системы блоковъ, расположенныхъ на известной высотѣ надъ колоколомъ, этотъ послѣдній соединяется съ поплавкомъ и можетъ свободно двигаться въ вертикальномъ направленіи. При каждомъ паденіи волны поплавокъ опускается, натягиваетъ канаты и такимъ образомъ заставляетъ колоколъ подниматься вверхъ; при подъемѣ волны поплавокъ поднимается, натянутые канаты расслабляются, а поднятый передъ этимъ колоколъ, въ силу своей тяжести, падаетъ внизъ и сдавливаетъ находящійся подъ нимъ воздухъ, который по особымъ трубамъ и прогоняется въ обширный и чрезвычайно прочный резервуаръ, установленный на берегу. При слѣдующемъ затѣмъ подъемѣ колокола, подъ нимъ образуется пустота, въ которую, черезъ открывающіеся внутрь клапаны, врывается наружный воздухъ, въ количествѣ отъ 800 до 900 кубическихъ метровъ; обратному-же поступленію въ него сжатого воздуха изъ трубъ препятствуютъ захлопывающіеся клапаны. Такимъ образомъ, благодаря движенію волнъ, сжатый воздухъ непрерывно накачивается въ резервуаръ, въ которомъ онъ достигаетъ весьма значительной упругости и можетъ бытъ затѣмъ употребленъ въ качествѣ движущей силы.

Сжатый воздухъ представляетъ собою одну изъ самыхъ могучихъ

силъ, какія мы только знаемъ. Чтобы показать его значеніе, какъ двигателя, достаточно будетъ сказать, что исключительно только ему одному мы и обязаны успѣшнымъ завершеніемъ такого гигантскаго предпріятія, какъ прорытіе 14-верстнаго с.-готтардскаго туннеля. Аппаратъ же Гоше, утилизирующій всё, даже самыя ничтожныя, колебанія морской поверхности, можетъ доставлять намъ эту силу, передъ которою блѣднѣетъ сила пара, въ количествѣ неограниченномъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и такимъ образомъ открываетъ передъ нами безконечныя перспективы. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, читатель, такую картину. Вдоль безконечной линіи морскихъ береговъ безостановочно работаютъ въ различныхъ мѣстахъ сотни, тысячи воздухогустительныхъ аппаратовъ Гоше и накопляютъ въ резервуарахъ могучую силу, которая динамо-электрическими машинами передается по проволокамъ на сотни верстъ внутрь материковъ, на пути своемъ освѣщая дороги, села, города, приводя въ движеніе рабочіе механизмы мастерскихъ, заводовъ, фабрикъ, двигая желѣзнодорожныя поѣзды, обрабатывая плугомъ землю, и т. д., и т. д. Электрическая сила, ставшая почти совершенно даровою, вездѣ и во всемъ замѣняетъ человѣка, трудъ котораго становится почти совершенно излишнимъ... Освобождаются миллионы, десятки миллионъ рабочихъ рукъ,—освобождаются отъ труда, а слѣдовательно и отъ средствъ существованія... Жгучій «экономическій вопросъ» обостряется до послѣдней степени, существенная перестройка экономическихъ отношеній становится неизбежною... Сила обстоятельствъ заставляетъ человѣческія общества покончить съ царящими теперь индивидуализмомъ и конкуренціею и выступить на путь послѣдовательной солидарности, въ которой заключается единственное средство спасенія.

Мечта!... скажетъ, по всей вѣроятности, скептически улыбающійся читатель. Да, мечта,—замѣтимъ мы,—но мечта, имѣющая всё шансы на близкое осуществленіе. Прогрессъ знанія, науки неуклонно ведетъ насъ къ реализаціи этой мечты.

И. Д.

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»).

Рябь и зыбь роднаго прогресса.

Вопросъ о „русской Ирландіи“. — Ревельскіе гверильясы и остзейскіе бароны. — Современный походъ татей. — Воровская эпидемія. — Что дѣлать? — Новая теорія „Московскихъ Вѣдомостей“ о субсидирующемъ государствѣ и субсидируемыхъ гражданахъ. — Два слова „Московскимъ Вѣдомостямъ“ по поводу полемики „Наблюдателя“ съ „Голосомъ“.

I.

Въ семьѣ нашихъ захудалыхъ вопросовъ и вопросцевъ обязательно гостить, уже второй годъ, одинъ вопросъ, такъ сказать прохожій, съ боку пристегнутый, но породистый и характерный. Почти всѣ наши кровные вопросы, какъ извѣстно, очень «жалки» на видъ: они какіе-то слабосильные, безформенные, мягкотѣлые; большинство ихъ какъ будто рождается отъ какихъ-то незаконныхъ сожитій и вымираетъ на подобіе мастеровщинскихъ дѣтей: гуртомъ, быстро, незамѣтно, безъ крика и словно безъ болѣзни. Наши вопросы, точно лѣтнія мошки, неизвѣстно откуда появляются, неизвѣстно чѣмъ питаются и неизвѣстно какъ погибаютъ. Тѣмъ занимательнѣе, конечно, для насъ вопросъ совсѣмъ неаглаго склада и вида. Этотъ вопросъ юрокъ, живучъ, устойчивъ и упрямъ; онъ не безъ фанфаронства похаживаетъ краснымъ пѣтушкомъ среди своихъ собратьевъ и неутомимо напѣваетъ на одинъ и тотъ же манеръ и объ одномъ и томъ же. Это — вопросъ прибалтійскій. Географически онъ принадлежитъ къ песчаному побережью ревальскихъ вилекъ и рижскихъ блондинокъ; этнографически, служить ареною борьбы горсти бароновъ съ нѣсколькими сотнями тысячъ бѣловолосыхъ санюлотовъ неизвѣстнаго племени; политиче-

ки, онъ дѣлаеть визиты вліятельнымъ петербургскимъ гостинымъ, но заглядываетъ, съ официантскаго крыльца, и въ варшавскую усадьбу; экономически, онъ проповѣдуетъ въ средѣ мѣстнаго населенія теорію всеобщаго счастья, путемъ всеобщаго самоотреченія, а въ общественномъ отношеніи этотъ пѣтушковатый вопросъ только и дѣлаеть, что на всякіе лады пугаетъ насъ, нити не заботясь ни о мѣрѣ въ эффектахъ, ни объ указаніяхъ овѣсти.

Эту послѣднюю сторону прибалтійскаго вопроса, по настоящему, лѣдуетъ поставить первую. Кажется, что вообще мы уже достаточно напуганы. И самихъ себя мы столь часто пугаемъ, и другіе столь усердно на всевозможные лады насъ застрашивали, что вынѣшній русскій обыватель почти дошелъ до невмѣняемаго нервнаго разстройства; онъ обходитъ на цыпочкахъ свою собственную тѣнь, почтительнѣйше салютуетъ всѣ попадающіеся ему на пути фонарные столбы и, вскочивъ на вагонную подножку, асыпается въ извиненіяхъ передъ нею. Кажется, что такъ нагроенныхъ или, вѣрнѣе, такъ разстроенныхъ маниаковъ можно было бы хоть нѣсколько щадить и по возможности беречь отъ дополнительныхъ нервныхъ встрясокъ и перепуговъ. Наши прибалтійскіе земляки должны были бы принять во вниманіе хотя бы одно только слѣдующее обстоятельство. Не болѣе вѣдь какъ въ теченіе года мы какъ бы объжали весь космическій поворотный ругъ, и точно дважды пережили съ начала до конца всю нашу исторію въ ничтожный промежутокъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Въ прошломъ году, въ это самое время, всѣмъ казалось, что у насъ ни одинъ краеугольный камень не положенъ на соответственномъ мѣстѣ, что все бытіе наше требуетъ капитальнѣйшаго пересмотра, то мы имѣемъ дѣло съ цѣлою стихіею начинаній, и что находимся наканунѣ своего общаго и генеральнаго мірозданія. Въ нынѣшнемъ же году, только послѣ одного тура земли вокругъ солнца, уже всѣмъ кажется, что всѣ камни давнымъ давно и безъ насъ разложены, что нѣтъ въ бытіи нашемъ ни одной жилетной пуговицы, которая не была бы досконально изслѣдована, что не только нѣтъ у насъ никакихъ «началъ», но что даже всѣ «проложенія» подошли къ наилучшимъ развязкамъ, и что если находимся мы наканунѣ какого либо необыкновеннаго событія, такъ развѣ наканунѣ свѣтопреставленія, но такого свѣтопреставленія, которое унесетъ всѣхъ насъ прямо на небо, за обнаруженные заслуги и отличія. Если принять во вниманіе, что такой, почти уму не постижимый, переворотъ въ мысляхъ случился съ нами всего

только въ годичный періодъ и что мы, тѣмъ не менѣе, и несомнѣнно упали духомъ, и не особенно отошали тѣломъ, то наше прибалтійскіе земляки, хотя бы по человѣчеству, не должны были бы еще съ своей стороны насъ пугать, тревожить и беспокоить.

А земляки, какъ на зло, дурятъ. Они дѣлаютъ именно то, чего дѣлать не слѣдуетъ. Они соорудили у насъ же подъ бокомъ какую-то увеселительную «русскую Ирландію» и даютъ въ ней самыя мелодраматическія, прямо на нервы дѣйствующія, представленія. И безъ того въ конецъ растерянному русскому обывателю просто страшно, даже мелькомъ, взглянуть на тотъ изгибъ географической карты, гдѣ значится Рижскій заливъ и гдѣ лежатъ три приморскія твердыни нѣмецкаго культуртрегерства на русской почвѣ. Наше воображеніе, взволнованное прибалтійскими извѣстіями и событіями, рисуется себѣ мрачныя абруцскія горы и калабрійскія ущелья на подножномъ плато ревелльскихъ килекъ и рижскихъ блондинокъ. Вся страна кишмя-кипитъ итальянскими бандитами, французскими заговорщиками и испанскими гверильясами. Личная неприкосновенность, право собственности, святость домашнего очага, незыблемость гражданской организаціи—все это болѣе не существуетъ, все это пустыя и громкіе звуки, не обладающіе никакимъ прочнымъ внутреннимъ содержаніемъ. Ужасное время не шадитъ ни старческихъ сѣдинъ, ни дѣвственныхъ добродѣтелей. За каждымъ кустомъ спрятанъ съ пушкою эстонскій бандитъ. Изъ-подъ cadaго придорожнаго моста мстительно выглядываетъ бѣлоглазая фізіономія латышскаго гверильяса; въ каждомъ баронскомъ кабачкѣ пьютъ пиво перешептывающіеся заговорщики и въ каждой деревенской кузницѣ оттачиваютъ косы, выпрямляютъ серпы, обостряютъ кочерги и насаживаютъ кухонные ятаганы на высокія дровяки. Зарева пожаровъ чередуются съ картинами замышленныхъ наводненій. Каждая баронская усадьба служитъ блокируемою крѣпостью; нѣтъ болѣе ни суда, ни расправы, ни возстановленія нарушеннаго, ни отнятія награбленнаго; каждый баронъ пишетъ надъ въѣздными воротами своей вотчины новый девизъ «Gott und meine Pistole», опускаетъ подъемныя мосты, баррикадируетъ ворота, наполняетъ рвы водою; запасается по часта провизіи; приводитъ въ порядокъ фамиліные мечи, шлемы, пушкеты, пищали, и, окопавшись такимъ образомъ на чисто осажденный манеръ, ждетъ не дождется того спасительнаго момента, когда расхаживающій на домовой башенкѣ караульный стражъ дастъ изъ своего рога условный сигналъ. Послѣдній приноситъ во всякомъ случаѣ знаменательнѣйшую отраду осажденнымъ, хотя онъ и бу-

детъ имѣть двоякій смыслъ. Стражѣ поручено трубить какъ въ томъ случаѣ, если она замѣтитъ прїѣздъ князя Бисмарка, такъ и въ томъ случаѣ, если, хотя бы и издалека, не доглядитъ отъѣзда ревизирующаго сенатора Манассеина. Выѣстъ съ г. Манассеинымъ исчезнутъ изъ отверженнаго края и всѣ бандиты, конспираторы и гвельфы. Жизнь вновь потечетъ своимъ обычнымъ порядкомъ; зарыгаютъ на солнышкѣ ревелскія вилки, заплескаются въ волнахъ рижскія сирены; вернутся мѣстные «Pössengericht'ы» и «фарсъ-герихты» къ своимъ временно покинутымъ средневѣковымъ греховосткамъ; спокойно вздохнуть бароны, разойдутся табунами ю скотнымъ дворамъ бѣлоглазыя кабальные холопы, и ни одинъ путешествующій пасторъ не будетъ больше бояться никакого шороха ни въ какомъ кустѣ.

Такъ думаютъ и разсуждаютъ наши прибалтійскіе «сродственники». Народъ они тонкій, дальнзоркій, изощренный и опытный; юлитку свою ведутъ умѣло, со строгимъ разсчетомъ всѣхъ шансовъ и съ большимъ пониманіемъ всякаго шахматнаго хода; деркаются дружно, напираютъ міромъ и кричатъ громко во всѣ подзелья бисмарковскаго Reptiliens-fond'a. Тѣмъ удивительнѣе, то наши почтенные земляки, обладая такими драгоценными данными, попадаютъ однако, незамѣтно для себя, въ большой просякъ. Суть въ томъ, что принятый ими, относительно насъ, ианевръ запугиванія и застрачиванія во что бы ни стало— ерезчуръ уже грубъ и черезъ мѣру наивень. Простота и довѣрчивость наша, конечно, стоятъ внѣ всякихъ похвалъ и пользуются вполне заслуженной извѣстностью. Знаменитое историческое восклицаніе «о святой простотѣ» относилось, конечно, не съ чешскимъ старухамъ, подкидывавшимъ дровецъ въ костеръ, а съ намъ, неоднократно припасавшимъ березовые вѣники для своей собственной шкуры. Но изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы наша «нервность» и воспримчивость достигли той ступени воего развитія, на которой люди мѣнялись бы въ лицѣ и дрожали отъ страха при видѣ тѣневаго, прыгающаго на стѣнѣ, зайка. Даже при нынѣшнемъ очень большомъ переполохѣ, мы все-таки кое-что соображаемъ, кое-какія понятія связываемъ и кое-какіе выводы дѣлаемъ.

Мы не можемъ не замѣчать, что наши прибалтійскіе земляки овольню комично прижали себя къ стѣнѣ. Съ ними повторилась та же исторія, которая привела въ безутѣшное отчаяніе анекдотическаго нѣмца-экспериментатора, пытавшагося совѣмъ отучить тѣды своего осла. Оселъ отлично выдержалъ недѣльный искусь,

и, казалось, совсѣмъ примирился съ исключительными условіями своего существованія; но вдругъ онъ захлопалъ ушами, приожесточенно лягаться и околѣлъ въ то самое время, когда должа была начать новую жизнь, для осла безразличную, а для насъ весьма выгодную. Крѣпостное право уничтожено было въ прібалтійскомъ краѣ, какъ извѣстно, только на бумагѣ. Въ дѣйствительности новый порядокъ вещей, давъ мѣстнымъ крестьянамъ полную личную независимость, не предоставилъ, какъ это было сдѣлано въ остальной Россіи, никакого земельного надѣла и сохранилъ юридическое порабощеніе, самое тягостное и безвыходное. Прибалтійскіе бароны могли пользоваться находящеюся въ ихъ владѣніи землею только: или отдавая внаймы крестьянамъ, или продавая ее тоже исключительно крестьянамъ. Но условленіе условий, какъ для земельной аренды, такъ и для земельного выкупа, всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщиковъ, которые, назначая крестьянамъ самыя непомерныя цѣны, немедленно прогоняли своихъ «фермеровъ», въ случаѣ несогласія ихъ съ мѣщичьими требованіями, и затѣмъ уже вполне безконтрольно поряжались покинутыми крестьянскими усадьбами. Благодаря комбинаціи, огромное большинство прибалтійскихъ крестьянъ осталось безъ земли и безъ какого бы то ни было житейскаго пропитанія. Голодныя и холодныя толпы эстовъ и латышей, и наконецъ полное пораженіе въ неравной борьбѣ, помирились съ собою рабочаго скота и довольствовались лишь однимъ несомнѣннымъ правомъ—на тяглый, кабальный трудъ, поставленный въ услуженіе самой беспощадной эксплуатаціи и самаго плантаторскаго варварскаго обращенія. Мѣстные суды, полицейскіе органы, выборныя власти—весь режимъ прибалтійской жизни пріятельски стоялъ на стражѣ незапамятныхъ временъ, на сторонѣ помѣщиковъ и сводился къ всестороннему порабощенію, угнетенію и разоренію жалкихъ беззащитныхъ блѣволоосыхъ аборигеновъ. И вотъ, наконецъ одна изъ сторонъ изможденный осель захлопалъ ушами и проявилъ нечто въ родѣ судорожныхъ ляганій, а съ другой стороны, докторъ Манассеинъ, кровный русскій человекъ, дѣятельный и пристрастный, позволилъ себѣ сдѣлать туристскій визитъ и довольно знательно проѣхаться вдоль и поперекъ фонъ-баронской территории. Наши земляки и заголосили. Пришло время почти феерическаго вращенія прибалтійскаго побережья въ «русскую Ирландію» и прибалтійскихъ паріевъ въ бандитовъ и гверильясовъ. Но тутъ-то земляки и сплеховали; сплеховали необдуманно, несправимо и неумно въ отношеніи къ такой субстанции, которую всего болѣе надѣ

тевтонское племя. Земляки нанесли жестокое поражение самой дешевенькой логикѣ. Они поставили себя лицомъ къ лицу вотъ съ какою заколдованною дилеммою: прибалтійскіе ландъ-лорды въ одно и то же время и ужасаются своей «русской Ирландіи», и желаютъ извести ревизующаго сенатора Манассенна. Но это настроеніе и это пожеланіе діаметрально противорѣчатъ другъ другу. Наши прибалтійскіе земляки не желаютъ постигнуть нижеслѣдующаго, въ сущности, чрезвычайно простаго разсужденія. Дѣло въ томъ, что если прибалтійскій край дѣйствительно способенъ на поминать собою вулканическую Ирландію; если тамъ началось уже не только экономическое, но и социальное движеніе, то коренная ревизія со стороны пріѣзжей, надѣленной широкими полномочіями, власти и для самихъ же бароновъ желательна и необходима. Если же бароны подкапываются подъ ревизію, если они не вилятъ никакой надобности въ общемъ государственномъ вмѣшательствѣ въ свои «домашнія» дѣла и порядки, то значить, что они довольны тѣмъ, что у нихъ есть, и что не можетъ быть рѣчи о какихъ бы то ни было «вулканическихъ» признакахъ. Но дѣло въ томъ, что наши земляки только играютъ словами и не договариваютъ своихъ истинныхъ, явно просвѣчивающихъ пожеланій, а пожеланія эти гянутъ вотъ въ какую сторону: баронамъ хочется покрѣпче забрать своихъ эстскихъ и латышскихъ, выскользающихъ изъ ихъ рукъ, паріевъ, избавиться «тихимъ манеромъ» отъ всякихъ щекотливыхъ открытій и разоблаченій ревизующаго сенатора, и ввести у себя военное положеніе для окончательной расправы съ изнемогающимъ осломъ. Слѣдуетъ признаться, это — одна изъ наиболѣе смѣлыхъ и блестящихъ баронскихъ фантазій.

II.

Насъ хотятъ пугать какою-то «русскою Ирландіею». Но могутъ ли обладать внушительнымъ эффектомъ эти два насильственно щѣпленные слова, когда скоро мы сами заручимся неоспоримымъ правомъ пугать весь земной шаръ чисто «русскою Россіею» и пугать именно съ такой стороны, которая вполне залуживаетъ всеобщей тревоги и всеобщаго бдѣнія. Мы переживаемъ, быть можетъ, одинъ изъ наиболѣе удивительныхъ эпизодовъ нашей исторіи. Мы видѣли на своемъ вѣку много различныхъ нашествій: бывали нашествия монгольскія, татарскія, шведскія, польскія, турецкія, французскія, но мы впервые еще видимъ побѣдоносное нашествіе на страну ночныхъ татей. «Воръ идетъ» у насъ триум-

фальнымъ походомъ, вдоль и поперегъ всего русскаго государства. Если онъ не требуетъ отъ городовъ сдачи ему ключей, такъ потому, что самъ путешествуетъ съ отмычками. Со всѣхъ цовъ неизмѣнно несется одна и та же вѣсть: «насъ обокрали» рѣдомъ углу, утромъ, проснувшіеся обыватели не оплакивая безвременно сократившагося вора, и рѣдкій острогъ не можетъ хвастаться болѣе или менѣе популярною знаменитостью и тѣмъ на годъ дня. Недавно одна газета наскоро подвела итогъ нашихъ общественнымъ кражамъ, всего только за два послѣдніе мѣсяца и получила результатъ, превзошедшій самую смѣлую ожиданію. Оказалось, что у насъ, въ теченіе 60 дней, украдено свыше 26 милліоновъ! Эта цифра заставила бы почтительно нуть шапочку даже и самого Алешу Поповича, наибольшаго леца во всемъ русскомъ богатырскомъ кругу.

Непритворной ужасъ объялъ у насъ всѣхъ, у кого только есть карманы, кошельки, сундуки, шкафы, комоды, вообще каково либо хранилища и вмѣстилища для обывательскихъ запасовъ и сбереженій. «Что дѣлать»? безнадежно поникнувъ головы, восклицаютъ воскресные проповѣдники, видя, что даже и Моисеевой скрижали выкрадена сама шестая заповѣдь. «Что дѣлать»? спрашиваютъ оторопѣвшіе газетчики, вынужденные вратить свои листки и газеты въ хроники воровскихъ приключеній и въ неофициальныя «справки о судимости». «Что дѣлать»? задумываются, глотая воду, прокуроры предъ цѣлыми кнѣзьями и нительныхъ повѣствованій. «Что дѣлать»? суетятся и ужасаются дѣловые, промышленные и торговые люди, переставшіе доверять самымъ капитальнымъ желѣзнымъ шкафамъ съ самыми усовершенствованными замками. «Что дѣлать»? недоумѣваютъ «отцы» въ виду проворовывающихся сыновей. «Что дѣлать»? отвѣчаютъ «дѣти», въ виду проворывающихся «отцовъ». Прежній воръ былъ «чернымъ человѣкомъ». Онъ ходилъ въ дерюжномъ зипунѣ, рваныхъ штанахъ, дырчатыхъ сапожникахъ, росъ подъ борою, довольствовался шубами, самоварами, индѣйками, и наилучшемъ случаѣ доводилъ свое образованіе до практическаго курса городскихъ притоновъ и кабацкихъ ямъ. На нынѣшній воръ «съ головы до пятокъ» лежитъ джентльмена отпечатокъ. нынѣшній воръ занялъ послѣдовательно всѣ ступени общественной лѣстницы. Онъ украшаетъ собою всѣ званія, ранги, профессіи и корпораціи. Онъ весь изъ «бѣлой кости», въ голландскомъ бытъ въ безукоризненномъ костюмѣ, съ газетою въ карманѣ и съ гарюю въ зубахъ. Еслибы люди просвѣчивали, въ рѣдкой гос

ной, рѣдкой канцеляріи, конторѣ, въ рѣдкомъ клубѣ, театрѣ, собраніи нельзя было бы сразу не указать десяти «модныхъ дѣятелей». Воровъ теперь даже и не осуждаютъ, о нихъ только «разсказываютъ»; недавно князь Мещерскій, въ «Гражданинѣ», даже защищалъ и отстаивалъ фешенебельнаго вора Юханцева. Въ родѣ того, какъ спрашиваютъ: «вы курите или нѣтъ?» теперь можно было бы спрашивать «вы уносите или нѣтъ?» Никто нынѣ не поручится за судьбу покинутаго въ сосѣдней комнатѣ серебрянаго портсигара и никто не гарантированъ отъ обмѣна шубы даже въ такой передней, которая вводитъ въ залу для обмѣна мыслей о текущемъ и предположеній о будущемъ. Теперь, по настоящему, даже съ нашихъ губернскихъ гербовъ слѣдовало бы снять всякихъ тамъ медвѣдей, рыбъ, всадниковъ, и повсемѣстно замѣнить ихъ шустрými фигурками Роберта и Бертрама. Мы точно, въ самомъ дѣлѣ, даемъ какое-то показное и выставочное международное представленіе. «Внѣшнихъ, молъ, враговъ теперь не избиваемъ, внутренними дѣлами не занимаемся; но зато, вотъ какъ у насъ чистятся карманы!» Это какая-то вакхическая оргія съ ломами и отмычками, какая-то всеобщественная процессія вокругъ слѣдственныхъ камеръ и остроговъ. Какъ только «громкое имя», достойное пантеона по своей популярности, такъ оно непременно съ тувомъ на спинѣ. Еще нѣсколько твердыхъ и смѣлыхъ шаговъ на этомъ пути, и все наше отечество нравственно преобразуется въ одну очень большую «арестантскую роту». Въ Москвѣ Ивана Великаго унесемъ, въ Кіевѣ—всѣ пещеры обшаримъ, въ Петербургѣ государственный банкъ разграбимъ, и наконецъ скопомъ, міромъ—переберемся въ Сибирь, рѣшивъ именно этимъ путемъ нашъ «переселенческій вопросъ», и очистивъ всю русскую территорію для историческихъ опытовъ какихъ нибудь новыхъ кривичей, вятичей, полянъ и древлянъ.

«Что дѣлать?» спрашиваютъ.

Мы зашли уже черезчуръ далеко, чтобы мыслимо было довольствоваться полумѣтрами, скорбными статейками, прокурорскими іереміадами, разговорными тирадами и увеселительными поѣздками «на собственный счетъ», по ту сторону Урала, попавшихся, но не потерявшихъ ни резона, ни алломба, татей. Исключительный напоръ требуетъ и исключительнаго отпора. Нужно серьезно подумать о такомъ антиворовскомъ общественномъ движеніи, которое могло бы присосѣдиться въ исторіи къ крестовымъ походамъ. Нужно возстать всѣмъ разомъ, поднять руки къверху и въ одинъ, заранѣе назначенный день, купно и громко изречь: «воровство

есть порокъ, а похищеніе чужаго—заслуга!» Нужно постоянно и неутомимо выкликать съ церковныхъ амвоновъ, съ университетскихъ кафедръ, съ конторскихъ табуретовъ, съ канцелярскихъ стульевъ, съ салонныхъ дивановъ, съ театральныхъ подиумовъ, съ вагонныхъ имперіаловъ, съ клубныхъ бильярдныхъ и со всѣхъ домовыхъ балконовъ, подъѣздовъ и крышъ: «не кради, не кради, не кради!!» Нужно вывѣсить по городамъ и селамъ, на всѣхъ видныхъ частныхъ и публичныхъ мѣстахъ, предостерегающіе афлаги: «берегите карманы!» Нужно раздавать и бесплатно распространять въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ популярныя брошюры соответственнаго полемическаго и дидактическаго содержанія. Нужно основать ежедневную большую литературно-политическую газету, подъ заглавіемъ «Бѣда Ворами!» Нужно повсемѣстно установить публичныя воскресныя чтенія на тему шестой заповѣди. Нужно прибѣгнуть къ авторитету архіерейскихъ посланій и къ морализирующему внушенію губернаторскихъ циркуляровъ; нужно назначить при академіи наукъ крупную денежную премію за наилучшую и наиболѣе язвительную, направленную противъ воровства, диссертацию. Нужно, чтобы предсѣдатель каждаго публичнаго собранія открывалъ его не иначе, какъ краткимъ, но громкимъ молитвеннымъ вздохомъ: «Избави насъ отъ вора!» и наконецъ нужно награждать, хотя бы бронзовою медалью, каждаго, ни разу въ теченіе извѣстнаго срока, не проворовавшагося русскаго гражданина. Вотъ что въ краткихъ словахъ необходимо предпринять. И предпринять неотложно, если мы не желаемъ, чтобы противъ насъ ополчились наконецъ, въ защиту морали, всѣ прокуроры, всѣ судебные слѣдователи, всѣ тюремные смотрители и всѣ сыскныя полиціи со всего земнаго шара. Иначе—конфликтъ неизбеженъ. Противъ насъ возстанутъ даже и наши друзья американцы; ибо они сначала стали гражданами, а потомъ уже изворовались, какъ мы...

III.

Наша зарождающаяся гражданственность теперь вѣдь еще только переходитъ подъ заботливую охрану надлежаще-незыблимаго и маститаго авторитета. Каѳедра г. Баткова лишь на дняхъ открыла курсъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ выработкѣ образцовыхъ гражданъ и вопросу о цѣляхъ и мотивахъ гражданского служенія государству. Первое вступительное слово «Московскимъ Вѣдомостей» сильно, красиво, задушевно говорило о тѣхъ гражданахъ, которые получаютъ или желаютъ получать за свои госу-

дарственные заслуги литературныя субсидіи, и вышло блестящимъ. Возставъ противъ цѣлаго круга рутинныхъ, заѣзженныхъ, и давнымъ давно никѣмъ, какъ слѣдуетъ, не провѣрившихся понятій, оно выставило взамѣнъ ихъ рядъ совершенно новыхъ и въ высшей степени соблазнительныхъ осново-положеній. До г. Каткова, между государствомъ и гражданами предполагалась связь чисто отвлеченная, платоническая, самоцѣльная и вполне безкорыстная. Философія государственнаго права послѣдовательно рассматривала всевозможныя задачи государства и освѣщала всевозможныя комбинаціи взаимныхъ отношеній государства къ гражданамъ и гражданъ въ государству, но въ ней, за все время ея развитія отъ Платона и до Гольцендорфа, не существовало ни одной такой «теоріи государствовѣдѣнія», которая рекомендовала бы смотрѣть на государство глазами Рыкова, Макшеева и Буша. Аристотель, напримѣръ, требовалъ отъ государства, чтобы оно вело къ эвдемоніи, къ высшему на землѣ блаженству всѣхъ и каждаго; Тома Аквинатъ желалъ видѣть въ государствѣ земное осуществленіе божественнаго порядка; Локкъ доказывалъ, что государство нужно, какъ гарантія естественныхъ прирожденныхъ правъ человѣка; Монтескьё говорилъ о государствѣ, какъ о единственномъ надежномъ хранилищѣ законовъ; Ж. Ж. Руссо мечталъ дожидаться отъ государства осуществленія всеобщей свободы путемъ добровольнаго *contrat social*. Человѣчество пережило уже всевозможныя ученія о государствѣ, начиная самыми возвышенными, неизбѣжно обоснованными, кончая самыми шаткими и произвольными; но никто и никогда не вѣщалъ ему, что цѣль гражданина—вынюхивать по канцеляріямъ негласныя «подспорья», а цѣль государства — платить гражданамъ гонораръ за ихъ любовь къ отечеству. Прежде, великими и образцовыми гражданами считались именно тѣ, которые превыше всего ставили свою неподкупность и независимость, тѣ, которые отдавали общему гражданскому дѣлу все, не получая взамѣнъ ничего. Дорогой и почетный титулъ «гражданина» требовалъ чистыхъ рукъ, борьбы, лишеній, самоотверженія, самопожертванія и не мирился съ профессіей барышничающаго карьеризма. Платонъ, Катонъ, Гракхъ, Франклинь, Мининъ, Распайль, Мадзини, Кошутъ, Гарибальди не стояли съ талончиками у казначейскихъ рѣшетокъ и, любя свою родину, никогда не помышляли о томъ, чтобы чувства ихъ и стремленія, при всей своей возвышенности, приносили еще кое-что и дѣтишкамъ на молчишко.

Но такъ думали и рассуждали до г. Каткова. Ученіе о государ-

ствѣ, изобрѣтенное «Московскими Вѣдомостями», стремится при-
 рить великое съ полезнымъ и доказать, что истинное гражданст-
 во все не обязано идти подъ ручку съ жеманящею скромностью.
 Слѣдуетъ помнить, что соловьевъ баснями не кормятъ, что нельзя
 толковать все лишь: о Жомини, да Жомини, а о водкѣ ни полслова.
 Патріотизмъ—сила, патріотизмъ—обязанность, патріотизмъ—смы-
 сеніе; но патріотизмъ усугубленный, поддержанный и приласканный
 субсидією; это—образъ гладіатора, раскинувшаго свои кудри на б-
 лой и пышной груди любящей матроны. Я служу столпомъ отечества.
 Я буду служить столпомъ отечества. Но я превращусь въ одну изъ
 осей государства, если не пожалѣютъ мази для меня. Любовь
 отечеству и народная гордость—сама по себѣ, а житейскій расчетъ
 самъ по себѣ. Платоны и Аристотели мыслимы теперь только на в-
 курсныхъ академическихъ картинахъ и въ рождественскихъ книж-
 кахъ для дѣтскаго чтенія. Незачѣмъ затуманивать общественнаго ми-
 возрѣнія отвлеченными принципами. Нужно стоять на почвѣ дѣ-
 ствительности и конкретныхъ фактовъ. Патріотъ-писатель—не поэтъ-
 лирикъ, чтобы ему завтракать простоквашею и довольствоваться
 одною славою. «Патріотъ своего отечества» долженъ и за квартиру пла-
 тить, и дачу нанимать, и приданое выплачивать, и гостей угощать
 и друзьямъ воспособлять. Государство—не частное лицо, съ
 торымъ допускаются нѣкоторыя стѣсненія. У государства—
 негъ много. Я отдаю государству все, что слѣдуетъ съ моего
 даже и по Аристотелю, всю движущую силу моего души. Душа
 такъ пожалуйте же мнѣ за это, покрайней мѣрѣ, квартиру, отопле-
 ніе, освѣщеніе, расходы и какойнибудь, приличествующій моему
 положенію, пай на карманные расходы. Эта финансовая пылинка не
 сколько не отяготитъ государственнаго бюджета, а патріотъ своего
 отечества будетъ польщенъ, вознесенъ и отличенъ. Пора перестать
 пугаться слова «субсидія». Оно принижено и извращено сифофанта-
 ми и лже-либералами. Субсидія—общественная почеть и заслуженная
 награда. Субсидія—гражданскій даръ признательнаго государства.
 Субсидія крѣпитъ духъ, просвѣтляетъ умъ и увеселяетъ жизнь. Суб-
 сидія вполне соотвѣтствуетъ складу человѣческой природы, духу
 времени и особенностямъ нашей жизни. Субсидія должна служить
 цѣлью для гражданъ и средствомъ для государства. Еслибы не было
 субсидій, нужно было бы изобрѣсть субсидію. Да здравствуетъ
 субсидія и многія лѣта субсидіонерамъ!

Вотъ бѣглый очеркъ новой государственной теоріи «Московскихъ
 Вѣдомостей». Мы ровно ничего не имѣли бы противъ этого столь
 наглаго и законченнаго ученія. Оно уже и потому заслуживаетъ соче-

ствія и поддержки, что предлагаетъ средства для оцѣнки, съ ариѳметическою точностью, всѣхъ историческихъ, считавшихся неопѣненными, заслугъ добрыхъ патріотовъ. Всякая Дуня получаетъ по колечку и неугомонно участвуетъ въ субсидіонномъ хороводѣ, подтягивая: «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ». Съ награждаемыми «по третямъ» патріотами и разговоръ попроще. Съ ними можно даже и совсѣмъ не спорить, на томъ самомъ основаніи, на которомъ никто не споритъ ни съ караульными офицерами, ни съ судебными приставами или почтальонами. «Поетъ птица, — потому теплынь зачуяла». Вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно облегчаются и гражданскія функціи, лежащія на патріотахъ этого сорта. Позвонилъ въ большіе колокола, позвонилъ въ малые, далъ «дробь съ краснымъ перезвономъ» и полѣзъ долой съ колокольні «пить чай съ вареньемъ». Далѣе и финансовая сторона дѣла не можетъ встрѣтить серьезныхъ возраженій. Страна наша слишкомъ обильна и богата, чтобы ей тягостно было содержать на свой счетъ муштрующихъ ее сочинителей. Субсидіонныя же суммы можно бы отнести въ смѣту «почты и телеграфовъ», хотя бы потому, что почты и телеграфы ближе другихъ вѣдомствъ стоятъ къ печати.

Словомъ, аргументація московской газеты выдерживаетъ критику и можетъ быть принята въ полномъ ея объемѣ и неприкосновенности. Если и позволительно упрекнуть ее въ чемъ либо, такъ развѣ въ черезъ чуръ замѣтномъ влияніи на субсидіонную теорію «Московскихъ Вѣдомостей», чисто субъективныхъ мотивовъ и тенденцій г. Каткова, вытекающихъ изъ неплатежа имъ казенной аренды и «узуфрукта» казенными объявленіями. Но единственно лишь это примѣчаніе и умѣстно. Въ остальномъ же, да отвернется животворящій кладезъ и да прильнуть къ нему изможденные путники запекшимися отъ изжоги устами.

IV.

Въ заключеніе, да будетъ намъ позволено свести маленькіе личные счеты съ почтеннымъ органомъ г. Каткова. «Московскія Вѣдомости», остановившись на вердиктѣ, вынесенномъ въ октябрьской книжкѣ «Наблюдателя» газетѣ «Голосъ», злорадно ослабились и подпрыгнули къ потолку: газета, признавъ въ «Наблюдателѣ» филиальное отдѣленіе «Голоса», узрѣла въ его приговорѣ проявленіе явнаго самопоруганія и раскола. Сотрудники «Наблюдателя» сами-де работали въ «Голосѣ», сами вели его туда, куда онъ шелъ, а теперь сами себя же и низлагаютъ. «Московскія Вѣдомо-

сти» обязательно разрѣшать принести на ихъ субсидіонное бл усмотрѣніе два нижеслѣдующія возраженія:

Во-первыхъ, нигдѣ и никогда въ газетномъ дѣлѣ сотрудники могутъ нести ответственности за общій ходъ и тѣ или другія ка ственныя особенности изданія, всегда и всюду единолично за пр ляемого рукою редакціоннаго владыки. Этотъ порядокъ особенно д женъ быть извѣстенъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», въ которыхъ Каткову, уже четверть вѣка, какъ принадлежала и принадлеже нераздѣльная власть диктаторствующаго коменданта.

Во-вторыхъ, въ составѣ обязательныхъ сотрудниковъ «Набл теля», кромѣ лицъ, участвовавшихъ въ «Голосѣ» и вынесших этого участія болѣе или менѣе горькое впечатлѣніе, находятся и многіе писатели, въ «Голосѣ» никогда не работавшіе и не им шіе уже рѣшительно никакого отношенія къ вопросу о какомъ бы ни было «расколѣ», съ кѣмъ бы то ни было, и въ чемъ бы то было; а—что еще важнѣе—редакторъ «Наблюдателя», которому, нечно, принадлежитъ руководящая роль въ журналѣ, никогда «Голосѣ» не сотрудничалъ, никакихъ столкновеній, ни принципа ныхъ, ни личныхъ, съ его редакціей не имѣлъ и даже многокра «польщенъ» былъ похвальными отзывами о его литературной д тельности. Ясно, что «Наблюдатель» не есть какая-то колонія, дѣлившаяся изъ своей метрополіи—«Голоса»—и что не личныя сооб женія и обиды побудили его выступить съ полемическимъ обвините нымъ актомъ противъ этой газеты. Тутъ были другія, болѣе вѣс причины, достаточно ясно изложенныя въ октябрьской книгѣ. симъ двумъ соображеніямъ, «Московскія Вѣдомости» смѣло могу спрятать въ карманъ свои выводы о томъ, что «Наблюдатель» в сталъ въ данномъ случаѣ противъ своего же «отчужа дома», на лившаго, будто бы, нашъ журналъ,—говоря новымъ языкомъ г. Ба кова,—«нравственною субсидією» преемственныхъ литературны взглядовъ и убѣжденій. Никакого «преемства» тутъ не было, н и не будетъ, и «Наблюдатель» пойдетъ своею дорогою, не спр лаясь съ компасомъ «Голоса», ни «Московскихъ Вѣдомостей». какова эта дорога, куда ведетъ она — про то знаютъ уже на читатели.

Б у к в а .

Среди газетъ и журналовъ.

I.

Рыцарямъ газетной полемики.

.....
 Чѣмъ холостой, словесной перестрѣлкой
 Морочить свѣтъ и множить пустяки,—
 Порадуйте насъ дѣльной раздѣлкой:
 Благословясь, схватитесь за виски!

Е. Баратынскій.

Живеть въ границахъ мѣръ счастливый,
 Всему свой «чинъ» и мѣра есть;
 Стихаютъ бѣшенства порывы,
 Людей конфузится и лесть.

Лишь ты, о лай газетной своры
 Не знаешь мѣры и границъ,
 И одолѣвши всѣ затворы,
 Несешься дружно изъ столицъ.

Съ брезгливой миною читатель
 Береть газетный листъ порой...
 —Ну, что задумался, пріятель?—
 Иди и мыломъ руки мой!

II.

М. Н. Каткову.

Катьковъ журналы косить-косить
 И каждый день, и каждый мигъ,
 Все новыхъ жертвъ себѣ онъ просить
 И тычетъ пальцами на нихъ.

Но роль его все гаже, гаже
 Въ глазахъ вліятельныхъ людей;—
 Нейдутъ и въ розничной продажѣ
 Тюки его «Вѣдомостей».

Ш.

Нѣкому Аристарху.

(по поводу сюрпризнаго сравненія А. Михайлова съ Маринскимъ).

На все смотря косымъ и лживымъ окомъ,
 Фигуры путая въ картинѣ,—
 Глядишь, Билбасова сравнишь онъ съ Поль-де-Боккомъ,
 А самого себя—съ Мадзини.

IV.

Размышленіе редактора „Моск. Вѣдомостей“ послѣ отказа
 „Кіевлянина“ отъ субсидіи.

Пихнѣ меня въ бѣду повергъ...
 Удралъ онъ штуку: вотъ канальство!
 Сегодня онъ субсидію отвергъ,—
 А завтра я хотѣлъ просить объ ней начальство!!!

Н. Мизантроповъ.

Новому мичману Альнаскаррову.

Гдѣ журналистъ серьезный, честный
 Умно, талантливо вель дѣло,
 Тамъ нынѣ мичманъ легковѣсный,
 Своимъ невѣжествомъ извѣстный,
 Банганъ отплясываетъ смѣло.

Въ задорѣ пошломъ неумѣренъ,
 Не въ силахъ съ логикою ладить,
 Онъ только ржетъ, какъ сивый меренъ...
 Ахъ! Въ Лету видимо намѣренъ
 Онъ дѣло бѣдное спроводить.

Эндимионъ Вампировъ.

Брызги и штрихи.

I.

Полонъ скорби благородной,
Съѣвъ кухмистерскій обѣдъ,
Бъ берегамъ Невы холодной
Шелъ незлбвивый поэтъ.
Въ небѣ мѣсяцъ плылъ курносый,
Бунтовалъ косматый валъ,—
Громко жгучіе вопросы
Стихотворъ сей задавалъ:
«Отчего играетъ въ жизни
Роль такую капиталъ,—
И скотамъ въ моей отчизнѣ
Воздвигаютъ пьедесталъ?
Почему легко намъ можно
Наклеить отличный носъ?
Отчего у насъ безбожно
Поощряется доносъ?
Почему добро въ опалѣ—
И свободно ерундить
Сифофантъ Катковъ, въ запалѣ,
И статейками смердить?
Отчего вездѣ такъ много
Темныхъ, горестныхъ картинъ,—
И суется съ «властью строгой»
Патентованный вретинъ?
Почему застои намъ сладокъ,—
Отъ бѣды лѣкарство—квасъ:—
Служить «правовой порядокъ»
Страшнымъ пугаломъ у насъ?..
Если дѣйствуютъ согласно
Казнокрадъ, кулакъ, злодѣй,
То зачѣмъ разладъ ужасный
Ссорить честныхъ всѣхъ людей?..
...Такъ, входя въ азартъ серьезный,

Размышляя поэтъ нашъ вслухъ;
Вдругъ онъ слышитъ голосъ грозный;—
Речь ему какой-то духъ:
«Намололъ ты много вздора—
И ступай-ка лучше спать,
Охъ! состарѣешься скоро,
Если будешь много знать!..»

II.

Разбѣсились бароны нахальные—
И строчать все доносы скандальные,
И о мнимыхъ обидахъ орутъ.
О! вы, рыцари мрака печальные!
Вѣрьте, ваши права феодальныя
Безъ ревизіи сами умрутъ...

Незлюбивый поэтъ.

СОДЕРЖАНИЕ № 12-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

I. Торжество правосудія. (Окончаніе). Романъ Д. И. Стахѣва.	3
II. Провинциализмъ въ политикѣ. В. И. Модестова.	24
III. Очерки Вяны. Е. П. Карновича.	44
IV. Эмиль Золя. Біографическій очеркъ. (Окончаніе)	71
V. Два стихотворенія. Ф. Андреева.	88
VI. Крестьяне въ Германіи и вѣмецкой Швейцаріи. (Окончаніе) С. С. Шашкова.	90
VII. Къ одному концу. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. (Окончаніе). Е. Ближнева.	124
VIII. Утѣшеніе страждущему. Стихотвореніе А. Круглова	179
IX. Язвы Петербурга. (Убійства случайныя и непредназначенныя). В. О. Михневича.	181
X. Сцены изъ жизни Гарибальди. (Окончаніе)	200
XI. Стихотвореніе А. Днѣпровскаго.	245
XII. Два стихотворенія: 1) Мужичій каравай и 2) Съ пашни. С. Иванова	246
XIII. Братья Рамулты. (Окончаніе). Повѣсть І. Крашевскаго	248
XIV. Потокъ. Стихотвореніе М. Лачинова.	283

Современное обозрѣніе.

XV. Наши внутреннія дѣла.	1
XVI. Баллады Шиллера въ объясненіяхъ Д. В. Пятаева. В. Я. Стоюнина	33
XVII. Политическая хроника.	38
XVIII. Иностранная литература.	56
XIX. Новыя книги	64
XX. Научная хроника. И. Д.	77
XXI. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“):	
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса И. Ф. Василевскаго (Буквы)	94
2) Среди газетъ и журналовъ. Н. Мизантропова.	107
3) Брызги и штрихи. Незлобиваго поэта.	109

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НА 1883 ГОДЪ,

Четырнадцатый годъ изданія.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, для иногородныхъ исключительно въ редакціи журнала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

и Для городскихъ: въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. Цѣна девять руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся по 15-е декабря 1882 г., получаютъ бесплатно книгу:

„ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“

очеркъ изъ русской исторіи М. И. Семеваго, новое дополненное изданіе портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками.

На пересылку книги требуется пять почтовыхъ марокъ (35 коп.).

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1883 Г. НА ЖУРНАЛЪ

III годъ

„ОСКОЛКИ“

годъ

подъ редакціей Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ вступая въ третій годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1883 той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1882.

Журналъ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и каррикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы теубористой печати. Годовое изданіе составитъ 52 номера.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ ВЪ 1883 ГОДУ:

На годъ безъ пересылки 6 р. ||| На 6 мѣс. съ пер. и дост. 4 р.
„ съ пересыл. и дост. 7 р. ||| Отдѣльный номеръ 20 коп.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ просп., домъ № 122.

Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голине.

Открыта подписка на 1883 годъ на иллюстрированный дѣтскій журналъ

РОДНИКЪ.

2-й годъ изданія.

Журналъ «Родникъ» выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажками въ гектѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ «Родникѣ», между прочимъ, участвуютъ слѣдующія лица: В. П. Аверариусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Вемъ, П. В. Быковъ, Е. Н. Водовова. В. И. Водововъ. К. В. Ельницкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, А. А. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Е. П. Свѣшниковъ, Н. И. Позняковъ, Л. X. Симонова, Н. И. Северинъ, М. В. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (А Михайловъ) и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры-задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей приноренъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

Приложеніе къ „Роднику“: педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и бібліографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ, съ приложеніемъ, съ дост. и пер. 6 рублей; безъ приложенія, съ доставкой и пересылкой, 5 руб., на 1/2 года безъ приложенія 3 руб., за границу на годъ съ приложеніемъ 8 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „Родникъ“, Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница Е. Сысоева.

При конторѣ дѣтскаго журнала „Родникъ“ имѣется „Книжная торговля исключительно для иногородныхъ“, которая исполняетъ скоро и аккуратно всякія порученія по покупкѣ и пересылкѣ книгъ, нотъ и учебныхъ принадлежностей. Требованія слѣдуетъ адресовать такъ: Петербургъ, Спасская ул., д. № 1, въ контору дѣтскаго журнала „Родникъ“.

Открыта подписка

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„ЭХО“

въ 1883 г.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, газета «Эхо»

будетъ издаваться въ томъ же (большомъ) форматѣ, по той же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ тою же редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Газета «Эхо» тѣмъ отличается отъ другихъ изданій, что лицу, не получающему никакой газеты, «Эхо» даетъ разнообразный матеріалъ, и кромѣ передовыхъ статей представляетъ о каждомъ событіи не только свое мнѣніе, но взгляды и мнѣнія другихъ, замѣчательныхъ органовъ печати, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, вслѣдствіе чего подписчики «Эхо» могутъ составить себѣ болѣе широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе; лицу же получающему кромѣ «Эхо», другое изданіе, газета наша даетъ возможность узнать, какъ отнеслись другіе органы печати къ статьямъ и мнѣніямъ той газеты, которую оно получаетъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи; 2) Телеграммы; 3) Новѣйшія политическія извѣстія; 4) Русская печать; 5) Иностранная печать; 6) Корреспонденціи изъ-за границы политическаго содержанія; 7) Внутреннія корреспонденціи; 8) Хроника; 9) Эхо (толки и слухи) 10) Очерки петербургской жизни; 11) Очерки русской жизни; 12) Судебная хроника. 13) Центральная и музыкальная хроника; 14) Телефонъ (разныя мелкія извѣстія); 15) Раешникъ «Эхо»; 16) «Эхо юмористики; 17) Фельетонъ: 1) Обзоръ русской журналистики; 2) Воскресные фельетоны; 3) Иностранная хроника и 4) Романы, повѣсти и рассказы, русскіе и переводные съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго; 18) Биржевыя извѣстія и курсы; 19) Приѣхавшіе и выѣхавшіе; 20) Желѣзныя дороги; 21) Театры; 22) Скорбный листокъ; 23) Объявленія.

Контора редакціи отвѣчаетъ за исправную доставку въ томъ только случаѣ, когда подписчикъ выписалъ газету прямо изъ конторы редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской улицѣ, домъ № 9-й, кв. 21-й.

Годовая цѣна за газету (съ 1-го января 1883 по 1-е января 1884 г.) 10 руб. сер., за полгода—6 руб. сер., за три мѣсяца—3 руб. сер., за 1 мѣсяць—1 руб. сер.

Съ 1-го ноября этого года газета выходитъ ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ.

Я III 503061

КАЗАНСКИЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Въ 1883 году „Казанскій Биржевой Листокъ“ будетъ издаваться по слѣдующей дополненной программѣ:

1. Торговый отдѣлъ, состоящій изъ торговыхъ телеграммъ и корреспонденцій о цѣнахъ и сдѣлкахъ на пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна; о состоянїи дѣлъ и цѣнахъ на столичныхъ и другихъ важнѣйшихъ биржахъ, о вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ и другихъ товаровъ на пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна, свѣдѣнїя о цѣнахъ на провозъ (фрахты), о ярмаркахъ, объ урожаѣхъ и уборкѣ хлѣбовъ, о состоянїи воды въ Волгѣ, о перекатахъ и т. п.

2. Официальный отдѣлъ. Правительственные распоряженїя, въ особенности касающіяся торговли и промышленности.

3. Мѣстный отдѣлъ. Городская хроника (явленїя мѣстной общественной жизни, разные случаи и происшествїя, театръ и музыка, отчеты о засѣданїяхъ думы, земскихъ собранїй, мѣстныхъ обществъ и пр.).

4. Отдѣльныя статьи по различнымъ предметамъ, преимущественно изъ гвѣстной общественной жизни.

5. Внутреннїя извѣстїя. Отдѣлъ сообщенїй; корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ, извѣстїя изъ газетъ; телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства“.

6. Иностранное обзорѣние наиболѣе выдающихся событїй. Телеграммы.

7. Библиографїя. Фелъетоны. Разныя разности. Состоянїя счетовъ и отчеты мѣстныхъ банковъ. Объявленїя казенныя и частныя.

Главное Управление по дѣламъ печати разрѣшило редакціи «Казанскаго Биржеваго Листка» издывать газету вмѣсто двухъ—три раза въ недѣлю (что же исполняется съ 27 октября) и расширить программу изданїя отдѣломъ феллетристикъ (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотворенїй и проч.). Съ вгуста мѣсяца 1882 года, въ „Казанскомъ В. Листкѣ“ помѣщаются телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства“ (политическія ежедневно и биржевыя о цѣнахъ и сдѣлкахъ на Петербургской биржѣ—два раза въ недѣлю; политическія телеграммы заключаютъ въ себѣ до 200 и болѣе словъ ежедневно, а биржевыя 80 названїй разныхъ предметовъ торговли). Телеграммы „Сѣвернаго Агенства“ будутъ помѣщаться и въ слѣдующемъ году. Въ Справочномъ отдѣлѣ помѣщаются резолюціи Казанск. Окр. Суда и Судебн. Палаты, дѣла назначаемыя къ слушанїю въ Палатѣ и пр.

Газета выходитъ по средамъ, Пятницамъ и Воскресеньямъ. Дополнительный № будетъ состоять въ 1883 г. изъ телеграммъ „Сѣвернаго Агенства“ и важнѣйшихъ торговыхъ и газетныхъ извѣстїй и выходитъ въ размѣрѣ листа ли полу-листа, смотря по количеству матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 1) за годъ съ пересылкой—семь рублей, 2) за полгода—четыре рубля.

Иногородные адресуютъ такъ: „въ Казань, въ Редакцію Казанскаго Биржеваго Листка“. Въ городѣ можно подписываться еще въ конторахъ Редакціи на Проломной улицѣ: 1) въ зданїи Биржи и 2) въ домѣ Ключникова.

Лица, желающїя получить вмѣстѣ съ „Казанскимъ Биржевымъ Листкомъ“—е изданїе книги Д. А. Соголовокаго „Сельскїй Сборникъ“, добавляють къ одиной суммѣ одинъ рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ. НА

„НОВОРОСИИСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ
(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новоросійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневнo исключеніемъ дней послѣ-правдничныхъ, по той-же программѣ, какъ предыдущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Пржеженской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкою и пересыл.	
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.		На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.	
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »		» 8 »	9 » 60 »	11 » — »	
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »		» 9 »	10 » — »	11 » 50 »	
» 4 »	5 » — »	6 » — »		» 10 »	11 » — »	13 » — »	
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »		» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »	
» 6 »	7 » — »	8 » — »		» 12 »	12 » — »	14 » — »	

За-границу, къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавить пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, писавшіяся поаже 1-го числа, получаютъ всѣ предыдущіе №№. Подписки промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписки денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Въ разсроченной платѣ могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 янв. и 1 юля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 мая, 1 июня и 1 сентября), т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для служавшихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» на кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, чрезъ казначействъ, по условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1883 года.

== БЕСПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ. ==

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться двѣ въ мѣсяць бесплатныя преміи, состоящія изъ статей, преимущественно историческаго содержанія. Преміи эти, объемомъ не менѣе печатнаго большаго формата, будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

5/188

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
НАРОДНАЯ ШКОЛА
Въ 1883 ГОДУ.

(пятьдесятъ пятый годъ).

аль рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по
деніямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства
наго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ зо-
медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономиче-
скомъ Обществѣ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА будетъ издаваться въ 1883-мъ году на прежнихъ
аніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.
программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодатель-
по народному образованію. II) Педагогика и дидактика. III) Исто-
народнаго образованія. IV) Критика и библиографія. V) Новости и
ь. Этотъ отдѣлъ вполне соответствуетъ «современному обозрѣнію» въ
хъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и кор-
нденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ педагогической хро-
) всѣхъ наиболее интересныхъ явленій въ области народнаго образова-
въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагаетъ
временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государ-
въ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою «разныхъ извѣ-
любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и соб-
но крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ тех-
кимъ предметамъ и пр. VI) Приложенія къ журналу, куда входятъ: а)
ическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа
итическихъ событіяхъ за границу; б) чтенія для народа по всѣмъ пред-
тъ знанія и пр.

въ текущемъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѣ» принимали участіе своими
имя: гг. *Акатовъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, В. П. Волковъ, Т. В. Чаевъ, В. Э. Иверсенъ, д-ръ Ивинъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. Корфъ, П. Мочульскій, Я. Т. Михайловскій, П. Новицкій, С. минскій, Ѳ. Ѳ. Резенеръ, И. С. Ремезовъ, Н. Смирновъ, И. О. нко* и друг.

для наступившаго года, въ распоряженіи редакціи имѣется уже много но-
матеріаловъ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА выходитъ въ 1883 году, по прежнему, еже-
чными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго
рта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре рубля пять-
тъ коп. съ пересылкою или доставкою. Подписка принимается: въ С.-Пер-
гбѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Поварской переулокъ,
ѣ 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ
ерситета. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ
ми, подписавшимися въ главной конторѣ.

Келая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпля-
нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по не-
стку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція
агааетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а имен-
вмѣсто 9 р. за оба года, по 6 руб. съ пересылкою. При подпискѣ же
1883 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.о.о.г.л.е

Открыта подписка, на 1883 г., на литературно-политич. журнал.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

(ГОДЪ 2-Й).

Журналъ будетъ выходить въ 1883 г. безъ предварительной цензуры подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Для будущаго года, въ распоряженіи редакціи находятся уже следующие матеріалы: 1) Въ наше смутное время, романъ въ 3-хъ частяхъ П. Лютчева. 2) Кошмаръ. романъ въ 2-хъ ч. Ю. Г. Застаева. 3) Разказы Ф. Д. Нефедова. 4) Разказы В. Л. Максимова. 5) Н. А. Бестужевъ (по его письмамъ) С. В. Максимова. 6) Статьи В. И. Модестова. 7) Заграничные очерки (Дрезденъ, Парижъ и Берлинъ) Е. П. Карновича. 8) Наша литературная критика П. Д. Боборыкина. 9) Петербургскіе нравы, В. О. Мухоморова. 10) Какъ мы освобождали крестьянъ? Историческій очеркъ С. Пашкова. 11) Приспособлять или приспособляться? (Съ естественной исторической точки зрѣнія). Л. К. Попова. 12) Вопросъ о землемольномъ положеніи о крестьянскомъ земельномъ банкѣ, Н. Флеровскаго. По поводу предстоящей кодификаціи гражданскихъ законовъ, Загоровскаго. 14) Лѣсной вопросъ на югѣ Россіи, М. В. Нечаева. 15) Сюлли Прюдомъ, критическій очеркъ М. К. Цибрикова. 16) Инсургентъ (продолж. «Баккалавра») Жюль Валлеса. 17) Кто его любила (замокъ Монтреаль), новый романъ м-съ Брэддонъ. 18) Гдѣ сподручѣе? (повѣсть изъ народнаго быта) В-вой. 19) Уланъ, рассказъ А. Лихидэ. 20) Крестьянскія переселенія, Л. Веселова. 21) Преступныя и порочныя дѣти, Е. Е. Карцева. 22) Быль лодцу не укоръ, повѣсть изъ тюремнаго быта, В. Н. Никитина. 23) Въ тиражъ погашенія (рассказъ изъ военной жпзни) Б-ой. 24) Положеніе рабочаго класса въ Италіи. К. Д. 25) Новый романъ Троллопа и пр. и пр.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, въ 20—25 печатныхъ листовъ.

Годовая цѣна: 12 р., безъ дост.; съ дост. 13 р.; съ перес. 14 р. за гран. 16 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварѣвскій пер. № 5); въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Басникова, д. Коха.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только пересылками, подписавшимся въ Главной Конторѣ. Подписка на текущій годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

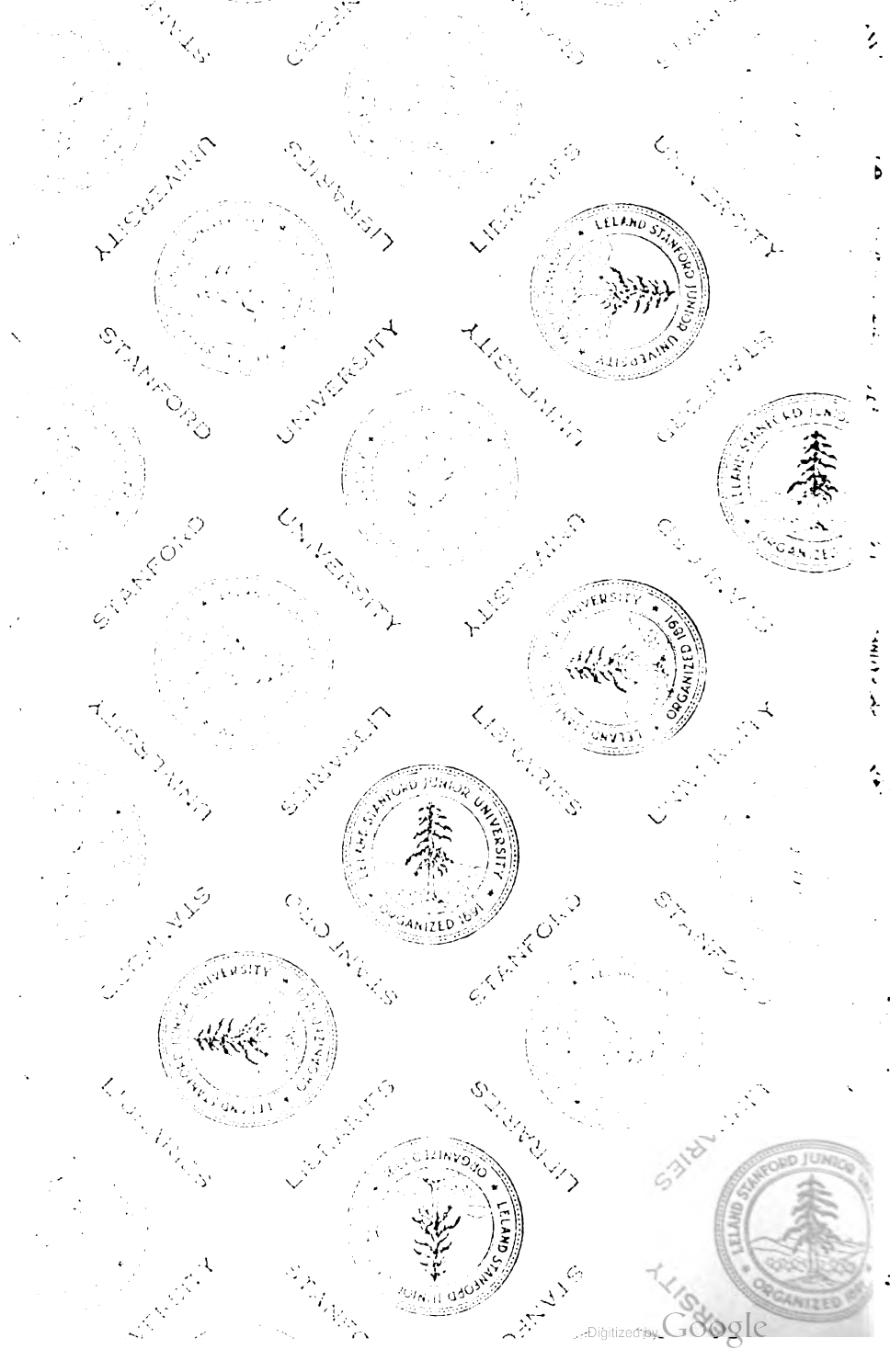
При этой книгѣ прилагаются объявленія о подпискѣ отъ редакцій журналовъ: «СВѢТЪ» и «МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ»

AP
50
N33

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

